Н.А. КРЕНКЕ
ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ

Н.А. КРЕНКЕ

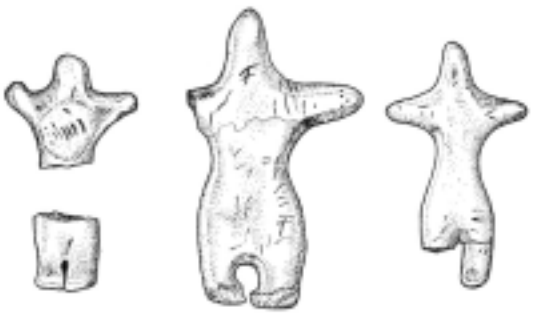
ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА МОСКВЫ-РЕКИ В I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

V ВЕК ДО Н.Э.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

N.A. KRENKE

DYAKOVO HILLFORT:
THE CULTURE OF THE POPULATION OF THE RIVER MOSKVA BASIN IN THE 1ST MILLENNIUM BC – 1ST MILLENNIUM AD

Moscow 2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н.А. Кренке

ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ:
КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА МОСКВЫ-РЕКИ В I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

ИА РАН

Москва 2011

УДК 902/903
ББК 63.4
К79

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Н.А. Макаров

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.А. Беляев
доктор исторических наук А.Е. Леонтьев
кандидат исторических наук И.В. Исланова

Оформление обложки и форзацев *В.Н. Кулебякиной*
Рисунок-реконструкция Дьякова городища на первой странице обложки *Л.Б. Ланцмана*

Кренке Н.А.
К79 **Дьяково городище**: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: ИА РАН, 2011. – 548 с.: ил. – ISBN 978-5-94375-104-2

В монографии представлены результаты раскопок Дьякова городища в Москве, проведенных в 1981–1987 гг. Возраст памятника определяется в интервале VIII–VII вв. до н.э. – VII в. н.э. на основании радиоуглеродного и археологического методов датирования. Анализируется материальная культура и особенности хозяйства населения, проживавшего в железном веке в бассейне Москвы-реки. Привлекаются данные естественно-научных исследований – палеоботанических, остеологических, палеоклиматических.

Для археологов, историков, культурологов.

ISBN 978-5-94375-104-2

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Н.А. Кренке, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Дьяково городище по материалам исследований XIX – первой половины XX века 13

ГЛАВА ВТОРАЯ. Характеристика культурного слоя Дьякова городища. Остатки построек и оборонительных сооружений 25

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Коллекция вещей 41

ЭКСКУРС 1. Типология и хронология умбоновидных подвесок (*Н.А. Кренке, Е.Ю. Тавлинцева*) 79

ЭКСКУРС 2. Стеклянные бусы из верхнего слоя Дьякова городища (*Н.А. Кренке, О.С. Румянцева*) 82

ЭКСКУРС 3. «Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса 89

ЭКСКУРС 4. Бантиковидные нашивки (*Н.А. Кренке, Е.Ю. Тавлинцева*) 94

ЭКСКУРС 5. Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища (*Н.А. Кренке, Е.Ю. Тавлинцева*) 101

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Коллекция керамики 107

ЭКСКУРС 6. Некоторые технологические данные о керамике Дьякова городища и городищ дьякова типа (*О.А. Лопатина*) 127

ГЛАВА ПЯТАЯ. Хронология городища по археологическим и радиоуглеродным данным (*Н.А. Кренке, Л.Д. Сулержицкий*) 135

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Археозоологическая коллекция (*Л.И. Алексеева, В.Н. Калякин, Н.А. Кренке, Е.А. Цепкин*) 149

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Палеоботанические данные (*Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская; Н.А. Кирьянова, Н.А. Кренке*) 171

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Поселенческо-хозяйственный комплекс Дьякова городища. Реконструкция древнего землепользования (*Н.А. Кренке, В.А. Низовцев*) 195

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Погребальный обряд жителей городищ дьякова типа на Москве-реке 209

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Характеристика посткраниальных скелетов
из раскопок Троицкого городища (*М.Б. Медникова*) 215

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Исследование скелетных материалов из погребения
на селище Дунино 4 (*М.В. Добровольская*) 217

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Культура населения Москворечья:
особенности развития в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э 219

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 231

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Изменения климата на территории Москвы
в доисторическое время (*А.Н. Кренке*) 233

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Каталог памятников железного века
в бассейне Москвы-реки 241

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Реконструкция природопользования в железном веке
в ближайшей округе Дьякова городища 253

ЛИТЕРАТУРА 254

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 268

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 269

SUMMARY 270

ИЛЛЮСТРАЦИИ 285

CONTENTS

INTRODUCTION 9

CHAPTER ONE. Dyakovo hillfort in the materials of studies
from the 19th – first half of the 20th century 13

CHAPTER TWO. The occupation layer at Dyakovo hillfort. The remains
of buildings and fortifications 25

CHAPTER THREE. The artifact assemblage 41

SECTION 1. The typology and chronology
of umbonate pendants (*N.A. Krenke, E.Yu. Tavlintseva*) 79

SECTION 2. Glass beads from the upper layer
at Dyakovo hillfort (*N.A. Krenke, O.S. Rumiantseva*) 82

SECTION 3. The "Sarmatian connection" in the Moscow region and the specific
features of the Late Dyakovo cult complex 89

SECTION 4. Butterfly-shaped ornaments (*N.A. Krenke, E.Yu. Tavlintseva*) 94

SECTION 5. Casting molds from the terminal period
at Dyakovo (*N.A. Krenke, E.Yu.Tavlintseva*) 101

CHAPTER FOUR. The pottery assemblage 107

SECTION 6. Technological data on pottery from the Dyakovo
hillfort and hillforts of the Dyakovo type (*O.A. Lopatina*) 127

CHAPTER FIVE. The chronology of the hillfort according
to archaeological and radiocarbon data (*N.A. Krenke, L.D. Sulerzhitsky*) 135

CHAPTER SIX. The archaeozoological collection
(*L.I. Alekseeva, V.N. Kaliakin, N.A. Krenke, E.A. Tsepkin*) 149

CHAPTER SEVEN. Paleobotanical data
(*E.A. Spiridonova, A.S. Aleshinskaya, N.A. Kiryanova, N.A. Krenke*) 171

CHAPTER EIGHT. The settlement and the economy at Dyakovo.
A reconstruction of the ancient land use (*N.A. Krenke, V.A. Nizovtsev*) 195

CHAPTER NINE. The funeral rite at hillforts
of the Dyakovo type on the river Moskva 209

ADDENDUM 1. The postcranial skeletons from the excavations
at Troitskoye hillfort (*M.B. Mednikova*) 215

ADDENDUM 2. The skeletal materials from the burial
at Dunino 4 site (*M.V. Dobrovolskaya*) 217

CHAPTER TEN. The culture of the river Moskva region: specific features
of the evolution in the 1st millennium BC – 1st millennium AD 219

CONCLUSION 231

APPENDIX I. Climatic changes on the territory of Moscow
in prehistoric time (*A.N. Krenke*) 233

APPENDIX II. Catalogue of Iron Age sites
in the river Moskva basin 241

APPENDIX III. Reconstruction of land use in Iron Age near by Dyakovo hillfort 253

BIBLIOGRAPHY 254

ABBREVIATIONS 268

ABOUT THE AUTHORS 269

SUMMARY 270

ILLUSTRATIONS 285

Введение

Дьяково городище, эпонимный памятник, давший название дьяковской археологической культуре, находится в южной части заповедника «Коломенское» в Москве, на мысу коренного правого берега Москвы-реки. С западной стороны мыс ограничен руслом оврага Городишный, по которому протекает ручей. Ранее городище находилось на земле, относившейся к дворцовому селу Дьяково (рис. 1). Местное название урочища «Городок» или «Чертов городок» известно с XVIII в. (*Нефёдова*, 1993. С. 37, 38).

Впервые Дьяково городище получило научную известность благодаря серии публикаций, подготовленных М.Н. Погодиным, в которых увидели свет материалы З.Я. Ходаковского (*Ходаковский*, 1838; 1844). Именно городище Дьяково было выбрано в качестве «образчика городища», его план, составленный Ходаковским, был включен в «Древнюю русскую историю до монгольского ига» (*Погодин*, 1871). Найденный на городище клад бронзовых украшений, приобретенный Д.Я. Самоквасовым в 1872 г. у крестьян из с. Дьяково, и первые научные раскопки, проведенные в конце XIX в. Г.Д. Филимоновым и В.И. Сизовым, закрепили эту известность (*Филимонов*, 1876; *Сизов*, 1897; 1897а). Находки из раскопок В.И. Сизова стали эталоном при разработке А.А. Спицыным систематики древностей железного века на обширной территории Волго-Окского междуречья и сопредельных территорий. Им были введены в научный оборот термины «городища дьякова типа» и «вещи дьяковой культуры» (*Спицын*, 1903; 1905). Оба термина оказались очень устойчивыми и, конкурируя друг с другом, дожили до современности. Начиная с 1920-х годов общеупотребительным стал термин «дьяковская культура» (табл. 1). Научная интуиция А.А. Спицына оказалась на очень высоком уровне. Столетие спустя после публикации его работ не обнаружено другого памятника, который бы лучше отражал историю развития материальной культуры в железном веке в Волго-Окском междуречье, чем Дьяково городище. «Разложенная» по стратиграфическим горизонтам коллекция находок этого памятника дает уникальную возможность скорректировать представления о хронологии других городищ дьякова типа.

Длительное время таблицы находок с Дьякова городища, опубликованные В.И. Сизовым (*Сизов*, 1897а), не имели равных ни по разнообразию предметов, ни по качеству изображения.

Во второй половине 1950–1960-х годов Московской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А.Ф. Дубынина были проведены масштабные раскопки (было вскрыто несколько тысяч квадратных метров культурного слоя) на ряде городищ железного века, расположенных в бассейне Москвы-реки (Троицкое, Щербинское, Кузнечики, Михайловское, Нежданское). Полученные материалы во много раз превосходили коллекции старых раскопок на Дьяковом городище и последние как бы отошли на второй план.

В публикациях 1960–1970-х годов ставилась задача введения в научный оборот результатов новых раскопок и выяснение (уточнение) «основных параметров» уже прочно укоренившегося термина «дьяковская культура» – ее хронологии, периодизации, территориальных рамок, специфики вещевого и керамического комплексов, характера построек и оборонительных сооружений, типа хозяйства. По всем этим направлениям был достигнут существенный прогресс (*Дубынин*, 1970а; 1974; *Краснов*, 1971; *Смирнов К.А.*, 1974; *Розенфельдт И.Г.*, 1974; *Цалкин*, 1962).

Однако специфика исследовавшихся памятников и особенности методики раскопок 1950-х–1960-х годов, отчасти уже устаревшей, оставили широкое поле для дальнейших исследований. Общие хронологические рамки существования городищ и направление изменений вещевого комплекса были установлены. Проблема заключалась в том, что все исследованные в 1950–1960-х годах памятники имели небольшие по толщине (до 1 м) культурные слои, поэтому выделение дробных хроно-стратиграфических комплексов оказалось затруднительным. Раскопки горизонтальными пластами

по нивелиру толщиной по 10 или даже 20 см оказались малоподходящими для выявления остатков наземных построек, маркировавшихся маловыразительными линзами песка, прослоек полов и фрагментами конструкций сгоревших стен. Таким образом оказалось, что «дьяковской археологии» очень не хватает комплексов, обоснованных стратиграфическими данными. Раскопки, о которых шла речь выше, проводились, когда метод радиоуглеродного датирования в нашей стране находился лишь в стадии становления. В 1970-е годы уже стало очевидным, что радиоуглеродное датирование – это надежный инструмент, дающий воспроизводимые результаты, который, безусловно, следует использовать в археологии.

При работе на археологических памятниках железного века в Подмосковье до 1980-х годов не использовались методы палеоботанического анализа, не проводилась промывка слоя для извлечения карбонизированных зерен, не отбирались образцы из культурного слоя для построения спорово-пыльцевых диаграмм. В результате в публикациях 1960–1970-х годов «крен» при описании хозяйства жителей городищ был в сторону животноводства и охоты, так как кости при раскопках находили в изобилии.

Безусловно, в археологии, как и в любой другой науке, сильны субъективные факторы. Большинство ученых «держится» за «доминирующую» на данном этапе парадигму, камуфлируя ее проблемные места. В то же время существуют и «бунтари», которые акцентируют внимание именно на проблемных участках, подготавливают смену научных парадигм (*Кун*, 1975). В «дьяковской археологии» такими «бунтарями» стали П.Н. Третьяков и Е.И. Горюнова. Они выступили с тезисами, в которых подвергалось сомнению, что дьяковская культура плавно эволюционирована в течение полутора тысяч лет, что древности I тыс. до н.э. и первых веков новой эры следует разделить на разные культуры (*Третьяков*, 1966); в пределах ареала дьяковской культуры предлагалось выделить несколько культур (*Горюнова Е.И.*, 1970). Ответить на этот «вызов» можно было только новыми фактическим данными, качественно превосходящими те, что уже имелись к 1970-м годам.

Идея проекта новых раскопок Дьякова городища возникла в 1980 г. Его цель заключалась в том, чтобы получить информацию об эпонимном памятнике, соответствующую современным научным требованиям, и шире – вновь сравнить накопленные материалы по городищам железного века Волго-Окского междуречья с материалами Дьякова городища. Судя по описаниям Г.Д. Филимонова, мощность культурного слоя на городище превышала 3 м, и эта толща имела четкую стратификацию. Раскопки В.И. Сизова (1889, 1890, 1893 гг.), Ю.В. Готье (1921 г.) и К.Я. Виноградова (1935 г.) подтверждали эту информацию, но документация об этих работах была минимальной. Лишь раскопки 1935 г. оставили «документальный след» в виде серии фотографических стеклянных негативов, снятых И.Ф. Барщевским, и чертежа разреза вала (*Кренке*, *Нефёдова*, 1995). Таким образом, можно было надеяться именно на Дьяковом городище получить недостающие стратифицированные комплексы находок, применить метод радиоуглеродного датирования, провести комплексные палеоботанические и археозоологические исследования. Кроме того, предполагалось провести тщательное изучение микрорегиона, в котором располагается городище с целью выяснения системы древнего землепользования. Для этого планировалось провести совместные археолого-палеогеографические работы, включавшие археологические разведки, изучение почв и ландшафтный анализ окрестностей городища.

Почти все задуманное в рамках проекта исследования Дьякова городища было реализовано в 1981–1987 гг. Отдельные сюжеты, связанные с раскопками Дьякова городища 1981–1987 гг., и соотношение этих материалов с данными по другим памятникам «дьякова типа» в Подмосковье были рассмотрены в серии статей. Имевшиеся к 1986 г. материалы были обобщены в неопубликованном диссертационном исследовании (*Кренке*, 1987).

Настоящая книга является итоговой публикацией результатов раскопок 1981–1987 гг.[1]

В формировании исследовательских задач и проведении работ принимал участие большой коллектив ученых. Автор благодарен старшим коллегам-археологам А.К. Амброзу, Л.А. Беляеву, А.Г. Векслеру, М.Д. Гвоздовер, М.И. Гоняному, Ю.А. Краснову, Н.А. Макарову, Р.Л. Розенфельдту, В.В. Седову, К.А. Смирнову, оказавшим существенную помощь своим участием в раскопках, советами, информацией и поддержкой.

При разработке методики раскопок существенное значение имел учебник Ф. Баркера (*Barker*, 1977), знакомство с которым стало возможным благодаря С.З. Чернову. Большое значение имели сведения, сообщенные коллегами Е.Р. Михайловой, Б.С. Короткевичем, Ю.Д. Разуваевым, А.М. Воронцовым.

Незаменимой была помощь моей жены, этнографа О.А. Мурашко, в обсуждении вопросов, касающихся демографических показателей, этнографических параллелей.

Собственно земляные и камеральные работы выполнял коллектив, состоявший из школьников,

[1] Научная обработка материалов выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

учителей, студентов и сотрудников Дирекции охранной зоны «Коломенское». Участие в раскопках принимали археологи С.Н. Алексеев, В.И. Балабина, В.И. Вишневский, Н.В. Лопатин, А.А. Малышев, Е.С. Нефёдова, А.М. Обломский, А.В. Фомин, М.В. Фролов. Среди постоянных участников необходимо отметить И.А. Бойцова, Е.В. Булочникову, Л.Ю. Виноградова, Р.К. Гордина, М.Ю. Даниловцева, О.А. Лопатину (Шарову), И. Сафронову, Е.В. Шорохова, которым автор очень признателен.

Комплексность проекта была обеспечена участием коллег-естественников, знакомство с многими из которых состоялось благодаря Н.В. Кинд. Почти все радиоуглеродные датировки были выполнены под руководством Л.Д. Сулержицкого. Мика Лавенто отобрал образец нагара с горшка для датирования методом AMS. Географический блок исследований был выполнен А.Л. Александровским и В.А. Низовцевым; палеоботанический – В.С. Гуновой, Н.А. Кирьяновой, Е.А. Спиридоновой, А.С. Алёшинской, М.Д. Кочановой, Г.Б. Кедровым. Археозоологические определения проведены Л.И. Алексеевой, Э.А. Вангенгейм, Г.В. Захаренко, В.Н. Калякиным, Е.А. Цепкиным.

В изучении отдельных категорий инвентаря принимали участие О.С. Румянцева (бусы), Е.Ю. Тавлинцева (литейные формы, украшения), О.А. Лопатина (керамика) и И.О. Гавритухин (предметы импорта I тыс. н.э.).

Реставрация предметов из металла была выполнена О.М. Даниловой, А.Г. Атавиным и Е.В. Шороховым. В склейке керамики участвовали А.С. Зверев, Е.В. Шорохов, С. Драчев. Находки нарисованы художницей В.А. Раевой (Макеенковой). Отдельные изделия из кости нарисованы А.Е. Кравцовым, находки из камня – А.В. Трусовым. Электронная база данных по находкам, существенно облегчившая работу с коллекцией, составлена при участии Е.В. Леоновой. Лабораторная подготовка образцов на спорово-пыльцевой анализ проводилась О.И. Александровой. Фотографии находок сделаны Л.Ю. Виноградовым, Л.М. Нескверновой, Л.Е. Туранской, С.А. Орловым. При подготовке издания большую помощь оказал Н.В. Лопатин, подготовивший таблицы керамики. Автор признателен А.Е. Волкову, нашедшему в интернете немецкие аэрофотоснимки Дьякова городища 1941–1942 гг. Большое значение имело содействие Т.В. Скоробогатовой, заведующей отделом археологии Музея Москвы, где хранится коллекция.

Перевод на английский – Т.В. Боричевой.

Таблица 1. **Данные об употреблении терминов, обозначающих древности железного века в Волго-Окском междуречье, сходные с материалами Дьякова городища**

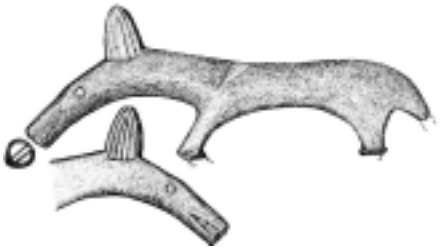
Термин	Год введения в употребление термина	Ссылка
Городища Дьякова типа	1903	*Спицын*, 1903.
Вещи Дьяковой культуры	1905	*Спицын*, 1905. С. 85.
Городища Дьякова типа	1906	*Гендуне*, 1906.
Городища типа Дьякова	1909	*Анучин*, 1909.
Дьякова культура	1924	*Городцов*, 1924.
Культура городищ Дьякова типа	1926	*Ефименко*, 1926.
Памятники Дьяковой культуры (Дьякова культура, Дьяковская культура, Огубская культура, частица Дьяковой культуры)	1926	*Городцов*, 1926.
Дьяковская культура	1928	*Савицкий*, 1928.
Дьяковская культура	1928	*Арциховский*, 1928.
Культура Дьякова типа, Дьяковская культура	1929	*Чаянов*, 2007.
Городища Дьякова типа	1930	*Готье*, 1930.
Городища Дьякова типа	1931	БСЭ. Т. 23.
Городища Дьякова типа	1933	Известия ГАИМК, от редакции, 1933. Вып. 85.
Культура городищ дьякова типа	1937	*Евтюхова*, 1937.
Дьяковская культура	1939	*Смирнов*, *Милонов*, 1939.
Дьяковские городища	1947	*Арциховский*, 1947.
Дьяковская культура	1958	*Моора*, 1958.

*Таблица 1. (*Продолжение)

Термин	Год введения в употребление термина	Ссылка
Городища так называемого Дьякова типа (hillforts so-called Djakovo type)	1963	*Gimbutas*, 1963.
Дьяковская культура + позднедьяковская культура = городища дьякова типа	1966	*Третьяков*, 1966.
Культура городищ дьякова типа	1969	*Розенфельдт И.Г.*,1974.
Дьяковская культура	1969	*Смирнов К.А.*, 1974.
«Дьяковская» культура	1970	*Горюнова Е.И.*, 1970.
Дьяковская культура	1977	*Авдусин*, 1977.

Глава первая

ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА



Чтобы представить каким было городище до внесения искажений в его облик, произошедших в XX в., необходимо проанализировать наиболее ранние планы, снятые еще в конце XVIII – начале XIX в.

Знаменитый клад бронзовых украшений с Дьякова городища, купленный Д.Я. Самоквасовым у местных крестьян, также никогда не был объектом специального анализа. Даже та скупая информация, которой мы располагаем, позволяет сделать предположения о том, где был клад найден, каковы были изначально его размеры. В свете современных представлений можно также попытаться ответить на вопрос о датировке клада.

Коллекция, собранная при раскопках Г.Д. Филимонова в 1875 г., не была опубликована автором. Этот пробел необходимо восполнить. Теперь, после раскопок 1980-х годов, можно лучше понять стратиграфические наблюдения Г.Д. Филимонова (*Филимонов*, 1876).

Архивных данных о работах В.И. Сизова, которые бы дополнили информацию его публикаций, практически не удалось обнаружить. Однако место расположения выкопанной им траншеи все-таки можно установить, в том числе с помощью фотографии, опубликованной Д.Н. Анучиным (1909).

Результаты однодневных раскопок Ю.В. Готье 1921 г. ясно изложены в его отчете и могут быть более детально интерпретированы с позиции сегодняшних знаний о памятнике.

Изучение архива К.Я. Виноградова, хранящегося в ИА РАН, коллекции находок и фотографий в архиве музея «Коломенское» позволило получить довольное точное представление о раскопках 1935 г., отчет о которых так и не был написан автором этих работ.

Рельеф Дьякова городища по данным планов XVIII–XX вв. Самыми ранними из известных мне изображений Дьякова городища на планах являются кроки землемера Казмина, выполненные в 1785 г.[1] Кроки выполнены в туши по карандашному наброску (рис. 2, *1*). На одном из них весьма подробно и точно показана система оврагов. Холм городища показан схематично, выделена округлая площадка и узкий подъем на нее с северо-восточной стороны. На другом кроке (рис. 3) городище изображено подробнее. Указаны размеры округлой площадки – диаметр 20 сажень, т.е. около 40 м. Показан *кольцевой вал* и проход в нем, открывающийся в сторону подъема на площадку. На плане имеется поясняющая надпись – «Городок». Примыкающие к городищу овраги на этом плане изображены с искажением ориентировки, что допустимо для кроков, где были указаны азимуты.

Следующие по времени – два изображения Дьякова городища первой половины XIX в. (рис. 2, *2*; 4). Одно из них (рис. 4), хорошо известное, впервые опубликовано М.П. Погодиным (1871) и затем А.А. Спицыным (1903). М.П. Погодин отмечает, что на плане имеется подпись Ходаковского (*Погодин*, 1871. С. 2). Судя по всему, план представляет собой копию фрагмента карты конца XVIII – начала XIX в. Точная дата посещения Ходаковским Дьякова городища неизвестна. Вероятно, это было в 1821 или в 1822 г., не позднее 13 июля, которым датировал Ходаковский свой текст, описывающий в том числе и Дьяково городище (*Ходаковский*, 1844). Площадка городища на «плане Ходаковского» имеет не округлую, а трапециевидную форму. Точками показан *вал по всему периметру*. Это изображение соответствует тексту описания З.Я. Ходаковского: «...вход с летнего востока и вал кругоподобный, насыпанный из чернозема до самой подошвы, что еще виднее на иловатой почве» (*Ходаковский*, 1838. С. 29).

Городище на военно-топографической карте 1838 г. (рис. 2, *2*) изображено сходным образом. Здесь также подчеркнуто наличие вала по всему периметру площадки. План 1838 г. отличается от всех предыдущих большей точностью в передаче рельефа.

Вопрос, на который необходимо постараться ответить, – был ли действительно на Дьяковом городище круговой вал? На достоверном инструментальном плане конца 1930-х годов (рис. 5, *1*), выполненном

[1] Полевые записки землемера Казмина (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 215 об – 237). Архивный поиск произведен Е.С. Нефёдовой.

в масштабе 1:2000, вал «скобкой» охватывает площадку городища с южной и частично с западной и восточной стороны. С северной стороны на въезде находится «непонятный» холм, который также можно принять за древнее оборонительное укрепление. Ситуация, изображенная на плане 1939 г., с небольшими изменениями сохранилась до настоящего времени. В 1875 г. вал также прослеживался лишь с южной стороны площадки, однако Г.Д. Филимонов отмечал, что ранее вал охватывал площадку кругом и его разрушение произошло как в силу естественных причин, так и вследствие того, что крестьяне брали в материке камень под мостовую (*Филимонов*, 1876. С. 106). О существовании карьера на холме городища и обрушившемся вале пишет также Д.Я. Самоквасов, обследовавший памятник в 1872 г. (1878. С. 231). По-видимому, добыча камня производилась совсем незадолго до раскопок, раз память об этих работах была столь свежа и даже сохранились у крестьян найденные случайно древние вещи.

В современном рельефе северного склона городища сохранились следы этих выработок XIX в. – заплывшие ямы и отвалы (рис. 5, *2*).

Все вышесказанное дает основание предполагать, что с северной стороны площадка городища была также укреплена валом, который был утрачен в третьей четверти XIX в.

Характер отдельно стоящего всхолмления, расположенного в верхней части всхода на городище, может быть определен только после проведения раскопок. С одной стороны, ранние планы не фиксируют этот холм (т.е., возможно, это отвал выработок XIX в.), с другой стороны, отсутствие этого элемента рельефа может объясняться условностью планов. Валы, расположенные на всходах к площадке, известны на дьяковских городищах, например, на Щербинском (рис. 6, *1*).

З.Я. Ходаковскому принадлежит не только честь «опознания» Дьякова городища как памятника древности (о чем он говорит со всей определенностью), но и начало натурных исследований. Им была определена площадь верхней площадки городища – 477 кв. сажен (т.е. около 2000 кв. м), выявлены основные структурные элементы памятника – вал, площадка, всход (*Ходаковский*, 1838. С. 29).

Визит на Дьяково городище И.Е. Забелина был, видимо, очень кратким, но ему посчастливилось попасть туда в интересный момент – когда местные крестьяне проводили на площадке весенний хоровод (*Забелин*, 1873. С. 235).

«Клад Самоквасова». Информация об обстоятельствах находки клада исчерпывается несколькими строчками в публикации Д.Я. Самоквасова: «В обрушившемся вале Дьяконовского городища под Москвою найдена крестьянами целая куча бронзовых вещей, часть которых, доставшаяся на долю одному из нашедших крестьян и купленная мною, представляет собою древние бронзовые украшения; остальные вещи, проданные крестьянами каким-то прохожим евреям, по описанию крестьян, были подобны вещам уцелевшим» (*Самоквасов*, 1878. С. 231). Вещи были показаны на заседании Московского археологического общества и переданы в его собрание (*Самоквасов*, 1907. С. 3). Достоверно известно, что в клад входили шейные гривны и подковообразная фибула с эмалью (*Сизов*, 1897). В настоящее время эти вещи хранятся в Историческом музее (цв. вкл., рис. 20, *1*, *2*).

Исходя из этого описания можно предполагать, что клад залегал где-то на северном склоне площадки и был обнаружен при добыче камня. Важно подчеркнуть, что Д.Я. Самоквасов купил лишь одну «долю» клада. Очевидно, это произошло в 1872 г., когда Д.Я. Самоквасов проводил шурфовку городища. Можно думать, что крестьяне поделили клад на равные доли. То есть клад при обнаружении был в два-три раза больше того, что досталось Д.Я. Самоквасову (я исхожу из предположения, что в тесном карьере скорее всего работала небольшая «бригада»). Вероятно, что в составе утраченной части клада также были гривны и украшения с эмалью. Это тем более вероятно, так как при раскопках 1980-х годов в северной части площадки городища была найдена целая серия обломков подковообразных фибул с эмалью (цв. вкл., рис. 19). По количеству найденных подковообразных фибул (пять) городище Дьяково является уникальным памятником. Эта категория украшений была в большом количестве в распоряжении жителей городища. Использовались ли они как «лом» либо как элемент костюма остается вопросом. Подковообразная фибула из «клада Самоквасова» сопоставима с выделенной Е.Л. Гороховским фазой «С» в эволюции этого вида украшений, датируемой серединой – второй половиной III в. н.э. (*Гороховский*, 1982. Рис. 6).

Подковообразная фибула с эмалью в рязанском могильнике Кораблино происходит из комплекса, датированного III в. н.э. (*Белоцерковская*, 2007. С. 202).

В «кладе Самоквасова» присутствуют две очень характерные бронзовые гривны – 1) тордированная из квадратного в сечении дрота с ромбовидной площадкой с отверстием для крючка; 2) из гладкого круглого в сечении дрота с концами обмотанными проволокой и напускными бусинами, застежка в виде петли и крючка (*Сизов*, 1897а). Эти типы гривен характерны для рязано-окских могильников. И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский даже предполагали, что гривна с напускными бусинами с Дьякова городища является импортом (*Ахмедов*, *Казанский*, 2004. Рис. 10).

Тордированные гривны с ромбической площадкой на конце, по И.Р. Ахмедову, датируются финалом стадии 2В мужских погребений, т.е. примерно рубежом III–IV вв. н.э. (*Ахмедов*, 2007. С. 142).

Гривны с обмоткой, напускными бусинами и петлей-застежкой массово распространены в культуре рязано-окских могильников начиная с рубежа IV–V вв. н.э. (*Ахмедов*, 2007. С. 145, схема 3), но имеют более ранние «западные» прототипы (*Белоцерковская*, 2007. С. 205). Возможно, бытуют и столетием позже (*Воронина и др*., 2005. С. 68). Таким образом, клад с городища Дьяково состоял из вещей хронологически неоднородных, охватывающих интервал длительностью около 150 лет (от середины III до начала V в. н.э.). Возможно, что клад представлял собой запас бронзы, накопленный литейщиком, на это указывает присутствие в нем обломков украшений и бракованных вещей. Найденные на северном краю площадки в 1980-х годах обломки фибул с эмалью, конечно, не связаны с кладом напрямую, но, возможно, фиксируют «сходную деятельность» – складирование металлического «лома» на этой части городища.

Раскопки Д.Я. Самоквасова 1872 г. Информация об этих работах исчерпывается двумя строчками. Известно, что работы на городище проводились в 1872 г.[2] В публикации Д.Я. Самоквасов писал: «При прорытии мною на том же городище пробной ямы, найдены разные черепки красной, белой и черной глины, кости животных, битый камень, кирпич, уголь, зола, несколько железных гвоздей и два маленьких глиняных сосуда» (1878. С. 231). Из данного перечня следует, что в пробной яме были найдены позднесредневековые вещи. Наиболее вероятно, что шурф был заложен в южной части площадки возле вала, где, как выяснилось теперь, стояла постройка с печью второй половины XVII в. Возможно, заплывший шурф через три года не был опознан Г.Д. Филимоновым как археологический раскоп: «Внутренняя круглая площадка (или завалье) представляла везде ровную поверхность, кроме одного места с противоположной входу стороны, у самого вала, где параллельно входу идет ряд неглубоких впадин, вроде засыпанных погребов» (*Филимонов*, 1876. С. 106).

Раскопки Г.Д. Филимонова 1875 г. Текст описания раскопок, опубликованный Г.Д. Филимоновым через год после проведения работ (1876), несмотря на свою краткость, является очень содержательным. Опираясь на этот текст можно достоверно определить, где велись раскопки (рис. 5, *1*) и какова была стратиграфия слоя (табл. 2).

Описанный Г.Д. Филимоновым слой бурой земли вроде торфа действительно залегал прослойками по периферии площадки городища. Палинологическим методом Е.А. Спиридоновой был проанализирован отдельный образец такой прослойки. Оказалось, что в его спектрах присутствует пыльца только культурных злаков, причем в большом количестве и часто в скоплениях. Скорее всего данная прослойка представляет собой истлевшую злаковую солому, которой могли покрывать крышу или использовать в качестве подстилки.

Г.Д. Филимонов вырыл на городище три траншеи. Две из них крестообразно разрезали площадку, третья шла параллельно валу. Раскопщик оставил свои траншеи незасыпанными, в результате их оказалось легко опознать на местности и сто лет спустя. Раскопки 1980-х годов показали, что ширина траншей 1875 г. составляла примерно 1–1,2 м (в нижней части), и они достигли материка. Общая длина траншей составила около 100 м.

Коллекция Г.Д. Филимонова первоначально хранилась в Румянцевском музее, а затем поступила в ГИМ. Она насчитывает 246 номеров (некоторые номера описи даны нескольким предметам сразу, например, 10 зубов лошади идут под номером 153)[3]. Структура коллекции представлена в таблице 3.

Если давать характеристику коллекции в целом, то можно отметить, что она представляет довольно полный спектр находок, характерных для культурного слоя Дьякова городища, и охватывает значительный хронологический диапазон – от раннего железного века до позднего Средневековья.

Наиболее яркой находкой является зооморфная рукоять плети (?) из рога (рис. 8), найденная на глубине 3 аршин, т.е. в нижнем слое городища. Стилистический анализ этой вещи был проведен Х.И. Крис (1981). Ее вывод о датировке (IV–III вв. до н.э.) и стилистической близости данного изделия к савроматской культуре Среднего Дона сохраняет свою силу. По-видимому, рукоять не претерпела каких-то существенных перемещений в культурном слое после ее первичного отложения. Это следует из сходства датировки данной вещи, основанной на стилистическом анализе с датировкой верхней части нижнего слоя городища. Вопрос о месте производства этой вещи, конечно, не может быть решен однозначно. Здесь надо отметить два момента. Во-первых, несмотря на многие тысячи квадратных метров, раскопанных на городищах дьякова типа, зооморфные рукояти являются уникальными находками. Во-вторых,

[2] Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный вчерне им самим между 1910 и 1911 гг. // РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8374.

[3] Автор выражает благодарность И.Р. Ахмедову за оказанную помощь в работе с коллекцией Г.Д. Филимонова.

для искусства жителей москворецких городищ характерен совсем иной «почерк» – изображения, иногда даже зооморфные, наносились на рукояти и другие изделия методом гравировки. Скифский звериный стиль не дал в Москворечье плодотворного ростка, как, скажем, на городищах в долине р. Вятки (*Ашихмина и др*., 2006). Можно проследить черты сходства в передаче морды зверя на рукояти с Дьякова городища и рукояти с Аргыжского городища на р. Вятке (*Ашихмина и др*., 2006. Рис. 67, *5*). Вполне правдоподобно выглядит гипотеза, давно высказанная В.И. Гуляевым (1963), о том, что редкие находки зооморфных костяных рукоятей на дьяковских памятниках можно рассматривать как ананьинское влияние, импорты (?) из Прикамья.

Среди законченных изделий из кости, бывших в употреблении, в коллекции представлены «долотца» (рис. 9, *142, 164*). Серия этих находок происходит из нижнего культурного слоя городища. При раскопках 1980-х годов было найдено более двух десятков. В верхнем культурном слое эти инструменты отсутствуют.

Изделие, вырезанное из метаподия лошади, может быть условно названо «кочедык» (рис. 9, *163*). Оно имеет уплощенную широкую рабочую часть, плавно сужающуюся к концу, заглаженную от производившейся работы. Это либо лощило, либо инструмент для плетения.

Проколок и их обломков в коллекции более десятка (рис. 9, *133, 134*). Они изготовлены из малой берцовой кости свиньи, грифельной кости лошади, метакарпальной кости лося. В некоторых случаях, когда не сохранилось кончика проколки, трудно определить, заготовка это или готовая вещь. Большинство проколок, безусловно, относятся к нижнему слою, в период отложения верхнего слоя городища их заменили железные шилья.

Инструмент с заостренным концом из метакарпальной кости лося, обрезанной примерно наполовину, с отверстием в верхней части (рис. 9, *167*) – вещь, характерная исключительно для верхнего слоя городища, а именно для его верхнего и среднего горизонтов, которые откладывались в первые века н.э. Вероятно, это какой-то специальный инструмент для плетения, распутывания. При раскопках 1980-х годов их было найдено несколько экземпляров на участках с ненарушенной стратиграфией культурного слоя.

В коллекции имеется серия заготовок из рога и кости. Заготовка из рога (рис. 9, *223*), видимо, предназначалась для изготовления короткой рукояти, куда вставлялось железное острие вроде шила. Законченная вещь этого типа хранится вместе с коллекцией Филимонова, но не имеет номера по описи (рис. 9, *б/№*). Несколько заготовок представляют собой фрагменты трубчатых костей с продольными надрезами. Вероятно, таким образом стремились получить продолговатые пластины, которые можно было использовать, например, для изготовления стрел. Подобная технология детально описана на сибирских материалах А.П. Бородовским (1997). Одна из заготовок представляет собой метаподий крупного рогатого скота (рис. 9, *160*) со срезанными гранями. Вероятно, в данном случае также планировалось получение костяных пластин.

Железных изделий в коллекции пять, это ножи. Два из них средневековые, с уступом при переходе от спинки к черенку. Вероятно, они были найдены в районе беседки XVII в., которую затронула южная траншея 1875 г. Три ножа относятся к материалам железного века. Все они с прямой спинкой, переходящей без уступа в черенок (рис. 9, *230, 235*). Серия подобных ножей была найдена в среднем горизонте верхнего слоя Дьякова городища, который датируется первыми веками н.э.

Глиняные изделия представлены грузиками дьякова типа, биконическими пряслицами, шариками, погремушкой и ручкой от льячки (рис. 10). Г.Д. Филимонов описывает в своей статье две найденные антропоморфные статуэтки из глины. К сожалению, они не сохранились к моменту передачи коллекции из Румянцевского музея в ГИМ, в описи их нет. Все эти вещи характерны именно для верхнего слоя Дьякова городища и характеризуют культуру его населения в «римское время».

Из трех бронзовых изделий два относятся к Средневековью (пластинка с гравировкой, может быть, фрагмент браслета и кольцо), а одно (привеска) очень плохой сохранности не может быть определено. В коллекции присутствует также небольшой фрагмент кожаных ножен, вероятно, связанных с комплексом беседки XVII в.

Важно подчеркнуть, что раскопки Д.Я. Самоквасова и Г.Д. Филимонова на Дьяковом городище стали важным рубежом в развитии отечественной археологии. Эти пионерские работы показали ценность городищ лесной зоны как археологических памятников и «провоцировали» их дальнейшее изучение именно методами археологии.

Раскопки В.И. Сизова 1889, 1890, 1893 гг. Документально известно о том, что В.И. Сизов трижды копал Дьяково городище, но Д.Н. Анучин писал, что В.И. Сизов четыре раза выезжал на исследование памятника (1906. С. 7), хотя совокупная длительность работ была небольшой – всего около десяти дней. Трудно предположить, что Д.Н. Анучин ошибался, так как именно он как товарищ председателя Московского археологического общества подписывал деловую переписку, связанную с работами

В.И. Сизова[4]. В публикации В.И. Сизов отмечает, что раскопки велись траншеями «с противоположных сторон городища; траншеи эти встречались посредине». Из описания также следует, что траншеи имели широтное направление с запада на восток (*Сизов*, 1897а. С. 257). В ходе этих работ был прорезан вал, сложенный из глины и насыпанный поверх культурного слоя. Очевидно, что это описание не передает всех деталей хода работ. Главное, оно не вполне сходится с той ситуацией, которую можно было проследить на площадке городища в 1980 г., а также с более ранними планами. На местности видна лишь одна траншея – «претендент» на след работ В.И. Сизова. Эта траншея начинается от западного края площадки и идет к центру городища, почти вплотную достигая траншеи Г.Д. Филимонова. Длина траншеи составляет около 20 м и она чуть шире, чем траншеи Г.Д. Филимонова. Совершенно непонятно, где В.И. Сизов прорезал вал городища. Некоторую дополнительную информацию о раскопках В.И. Сизова дает фотография, опубликованная в статье Д.Н. Анучина (1909). На этой фотографии представлен вид на городище с севера, сделанный в процессе раскопок. Точный год съемки неизвестен, но то, что на фото отражен эпизод раскопок В.И. Сизова, вряд ли может вызывать сомнения (Д.Н. Анучин тесно сотрудничал именно с В.И. Сизовым). На фото мы видим группу рабочих, стоящих в центре площадки городища и две отдельные фигуры у западного края (возможно, археологи). Хорошо различима светлая полоса выброса из траншеи, протянувшаяся по западному склону от бровки площадки почти до дна оврага. То есть данная фотография подтверждает сделанное выше предположение о месте расположения траншеи В.И. Сизова и косвенно указывает на то, что траншея не была засыпана.

В.И. Сизов писал, что у западного края площадки толщина культурного слоя достигала 4 метров, и несколько уменьшалась к ее центру. Отмечалось также, что культурный слой представлял собой пачку прослоек (*Сизов*, 1897а). Материал из раскопок практически полностью был опубликован В.И. Сизовым, и нет необходимости вновь к нему возвращаться.

Раскопки Ю.В. Готье 1921 г. Результаты этих однодневных работ (шесть студентов работали в течение шести часов) подробно описаны в отчете[5], коллекция хранится в ГИМ. Относительно участка исследований профессор Ю.В. Готье писал следующее: «Для раскопки было избрано место на восточной закраине городища у откоса к Москве-реке, где по предварительным наблюдениям, на деле подтвердившимся, не было произведено исследований ни в одну из предыдущих раскопок Дьякова городища... На этом месте была заложена траншея длиною в две сажени и шириною в 2 аршина, перпендикулярно откосу в направлении от осыпи к большой крестообразной траншее». При обследовании городища в 1980 г. следов этих работ обнаружить не удалось. Вероятно, именно этот участок пострадал при прокладке мототрассы в 1967 г.

Прослеженная стратиграфия была описана таким образом: «В совершенном соответствии с данными исследования В.И. Сизова, культурный слой распадается на два яруса: первый, начинающийся тотчас под дерном и имеющий мощность до 1,5 аршина, и второй, отделяемый от первого, прослойкой из песка толщиной до 2 вершок, но не прослоенный и часто прерываемый тонкими слоями культурной земли. Толщина второго культурного слоя, ниже только что упомянутой прослойки, – в среднем 1 аршин. Далее обнаружена уже материковая почва из желтого песка. Однако на месте раскопки первый более молодой и более мощный культурный слой, в свою очередь, разделен очень тонкой не более 0,5 вершка прослойкой из песка и отчасти известковой почвы, нередко прерывающейся на два яруса, которые отличались между собой как по своему характеру, так и по свойству находок. Верхний, наиболее мощный ярус имел мощность около 1 арш., он отличался большой компактностью, в нем было находимо особенно много предметов и почти не было заметно следов угля и золы. Второй ярус, нижний, более древний, толщины до 0,5 аршин отличался, наоборот, обилием угля и золы; предметов в нем было значительно менее, и черепки сосудов, очень сравнительно немногочисленные отличались большей плотностью; следов орнаментации сосудов, в противоположность черепкам верхнего яруса, здесь не было вовсе.

И в этом отношении, равно как и в смысле богатства остатков угля и золы нижний ярус верхнего слоя сближается с нижним культурным слоем, где количество найденных предметов, на площади раскопок надо считать даже значительно большим, так как он дал почти одинаковое их число несмотря на то, что экскурсии вследствие изменившейся погоды и наступившего ненастья не удалось исследовать и вынуть нижний культурный слой на всем протяжении траншеи»[6].

---

[4] Отношение Императорского Московского археологического общества в Московское губернское правление в связи с работами В.И. Сизова на городище Дьяково от 28 мая 1893 г. // ЦГИАМ. Ф. 54. Оп. 180. Д. 10. Л. 31, 32.

[5] Отчет Ю.В. Готье об учебно-показательной раскопке Дьякова городища в Московской губ. в 1921 г. // Архив ИИМК в Санкт-Петербурге. Ф. 2. 1921. Оп. 1. Д. № 88.

[6] Отчет Ю.В. Готье об учебно-показательной раскопке Дьякова городища в Московской губ. в 1921 г. // Архив ИИМК в Санкт-Петербурге. Ф. 2. 1921. Оп. 1. Д. № 88. С. 1–2.

Судя по тому, что толщина культурного слоя указана всего около двух метров, а в качестве материка был обозначен песок, можно предполагать, что раскоп не достиг основания культурных напластований. Возможно, за материк была принята песчаная прослойка, разделяющая верхний и нижний слои городища (см. гл. 2).

Коллекция вещей из раскопок 1921 г. очень невелика – всего несколько находок, перечисленных в отчете: «Один маленький глиняный сосуд в поврежденном виде; бусина; пряслице; обломок горшка со сложным волнообразным орнаментом; обломок железного шлака; предмет неизвестного назначения из глины (ритуального характера?), напоминающий подушку для втыкания иглы или шильев или для наматывания ниток, сходен с табл. XXVI Сизова № 3, 4, 7; шило из кости (одно из них с дужкой); шарик из кости».

На эти вещи в 1921 г. не были составлены соответствующие музейные документы, и они были «подложены» к коллекции из раскопок Г.Д. Филимонова. В качестве находок из раскопа 1921 г. могут быть с наибольшей достоверностью опознаны по описаниям Ю.В. Готье фрагмент древнерусского раннекругового горшка XI–XII (?) в. и позднедьяковские вещи – миниатюрный сосуд, пряслице, орнаментированная глиняная табличка (рис. 10), которая в отчете сравнена с подушкой для втыкания иглы.

В.А. Городцов определил 31 кость из раскопок 1921 г., в том числе в коллекции присутствовал обломок затылочной кости черепа человека.

Работы О.Н. Бадера 1926 г. Из публикации известно, что О.Н. Бадер заложил четыре контрольных шурфа площадью 1 кв. м каждый в разных частях площадки и снял по нивелиру продольный профиль городища (*Бадер*, 1947. С. 145). Очевидно, что метровые шурфы не могли быть глубокими и вскрыли, вероятно, лишь верхний метр культурного слоя. О.Н. Бадер упоминает о находках лощеной керамики в этих шурфах. Возможно, именно эти шурфы показаны на плане городища, составленном в 1935 г. К.Я. Виноградовым, где они обозначены как «колодцы».

Раскопки К.Я. Виноградова 1935 г. Первые работы К.Я. Виноградова на городище Дьяково были проведены в 1927 г. В его отчете указано: «В сентябре 1927 г. осмотрено мною Дьяково городище совместно с заведующим Коломенским музеем (П.Д. Барановским. – *Н.К.*). Заложен шурф 2 × 2 м. Собрана керамика, сданная в Коломенский музей» (Архив ИИМК РАН. 1927. Ф. 2. Оп. 1. Д. 172. С. 29). Автор не успел подготовить ни научного отчета, ни публикации (краткая биография ученого опубликована – *Кренке*, *Нефёдова*, 1995. Прил. 2). Для описания результатов раскопок 1935 г. имеются следующие материалы.

1. Коллекционная опись находок (хранится в музее «Коломенское»), насчитывает 3400 единиц хранения. Для всех находок в описи указано место их нахождения – глубина с точностью до 10 см и номер участка раскопа в соответствии с разбивочной сеткой.

2. Копия плана Дьякова городища с указанием раскопов 1935 г. (рис. 11), имеющаяся в рукописи участника работ Г.А. Красноцветова «Археологические памятники на территории Большой Москвы. 1938–1940 гг.» (Архив Московского областного краеведческого музея в г. Истре).

3. Полевой дневник К.Я. Виноградова (Архив ИА РАН), который включает эскизные рисунки – план городища с указанием положения раскопанных участков, стратиграфические разрезы культурного слоя и вала, а также описание прослоек, выделенных в разрезах.

4. Полевой отчет А. Иванова, аспиранта ГИМ, участвовавшего в раскопках (Архив ИА РАН).

5. Фотографии, отснятые И.Ф. Барщевским на городище во время раскопок, а также снимки, сделанные с находок, нашитых на планшеты, перебеленных чертежей (план городища и разрез вала).

6. Коллекция находок сохранилась не полностью. В настоящее время в музее «Коломенское» хранятся 35 вещей, 472 фрагмента керамики и 600 костей, а также около 100 камней (преимущественно очажных).

К.Я. Виноградов, который руководил раскопками, в то время являлся директором филиала ГИМ в Коломенском. Важно отметить, что в раскопках принимал участие И.Ф. Барщевский (1851–1948 гг.). В то время он был одним из старейших «действующих» русских археологов, привлеченных в археологическое общество еще графом А.С. Уваровым. Земляные работы выполняли крестьяне. На одной из фотографий Барщевского видны крестьянин и две крестьянки с лопатами в руках. В 1982 г. удалось записать беседу с одним из рабочих – участников раскопок, крестьянином с. Дьяково И.И. Квашниным (1906–1989 гг.). По словам последнего, копали они бороздами по 2–5 м длиной и 0,5 м шириной на глубину до 0,5 м.

Методика исследований соответствовала уровню 1930-х годов. Фиксация глубины залегания находок и сооружений производилась инструментально (на фотографии виден нивелир), раскопки площадки поселения велись не узкой траншеей, а площадью, разбитой на равные квадраты размером 2 × 2 м, между которыми оставлялись бровки. Материал собирался не выборочно, а по возможности полностью. При отборе находок ставились не только исследовательские задачи, но и предполагался музейный показ. По-

этому кроме обычных находок (вещи, керамика, кости), отбирались монолиты – образцы насыпи вала (самый крупный – 41 × 18 см), колотые очаговые камни, куски обожженной глины.

По сохранившимся материалам раскопок 1935 г. могут быть сделаны реконструкции стратиграфии культурного слоя, насыпи вала, выявленных сооружений. Судя по схеме площадки городища, составленной в 1935 г. (рис. 11), работы проводились на двух участках: основном раскопе и отдельном шурфе, расположенном в 5 м к западу от него. Сохранившаяся документация относится лишь к основному раскопу. Последний имел сложную форму и состоял из прямоугольной площадки (6 × 8 м) и траншеи шириной 2 м, соединявшей раскоп с разрезом вала. Собственно сам разрез вала являлся продолжением этой траншеи. Культурный слой на площадке не был пройден на всю глубину. Материка, возможно, достиг лишь участок, соединявший раскоп с разрезом вала. Юго-восточный угол раскопа (участок 1) был изучен до глубины 2,5 м (на этом месте была западина от траншеи XIX в.). Остальные участки были доведены до глубины 0,8–1,5 м (установлено по записям в коллекционной описи). Таким образом, в раскопе 1935 г. был изучен преимущественно лишь верхний культурный слой городища, а также мешаный культурный слой отвалов XIX в.

На плане городища (рис. 11) в северной части раскопа 1935 г. показано пятно «землянки» прямоугольной формы, ориентированной С–Ю, и ограничивавшее его бревно. Фотографии И.Ф. Барщевского подтверждают, что действительно в пределах участков № 3–5, 8 на глубине 50–70 см от поверхности были вскрыты остатки постройки (рис. 16, *2, 3*). На фотографиях хорошо видны две светлые прослойки песка или суглинка, а также следы сгоревшего бревна или плахи. Методика раскопок, которые велись «по штыкам» с последующей горизонтальной зачисткой, не позволила раскопщикам 1935 г. проследить рельеф прослоек. Однако об этом можно судить по видимым на фотографиях участкам профилей взаимоперпендикулярных бровок. Светлые прослойки залегали одна над другой, имели неровную поверхность, возвышенную в центре и снижающуюся к краям (остатку стены) постройки. Таким образом, характер стратиграфии указывает не на яму землянки, а на противоположную картину. Прослойки глины и песка, наслаиваясь друг на друга, образовывали небольшое всхолмление. Постройка, вероятно, может быть реконструирована как наземное жилище, которое погибло в пожаре. На это указывают как обугленные остатки стены, так и присутствие в коллекции (в том числе с участков, занятых постройкой) нескольких десятков ошлакованных фрагментов керамики.

Остатки построек, тождественных вышеописанной, были встречены неоднократно при раскопках 1981–1987 гг. Очень типична для Дьякова городища ситуация, когда несколько глинисто-песчаных «полов» перекрывают один другой, свидетельствуя о возобновлении постройки на одном и том же месте. Характерно также наличие обугленных остатков бревна или жерди, лежащей вдоль края постройки. В постройках, изученных в 1981–1987 гг., остатки стен аналогичного вида фиксировались обычно лишь с одной-двух сторон, никогда – с четырех.

Причины интерпретации К.Я. Виноградовым остатков постройки как землянки, по-видимому, кроются во влиянии довлевшего над ним авторитета В.А. Городцова. В 1935 г. о характере построек на городищах дьякова типа можно было судить лишь по работам В.А. Городцова на Огубском и Старшем Каширском городищах. В публикациях материалов раскопок этих памятников землянки представлены в качестве единственного типа жилищ (*Городцов*, 1926; 1933).

Фотографии, снятые И.Ф. Барщевским (рис. 15*, 1, 2*), позволяют достоверно реконструировать стратиграфию культурного слоя в южной околовальной части площадки городища. На них представлены виды южного торца траншеи, разрезавшей вал, и участки профиля ее восточного борта. Общая мощность культурного слоя составила около 3,5 м (чуть более, чем два человеческих роста, – рис. 12). Верхние 1,2 м стратифицированных напластований слагала свита многочисленных тонких горизонтально залегавших прослоек золы, тлена, песка, глины, угольков (верхний горизонт верхнего культурного слоя). Главным «породообразующим» компонентом являлась легкая золистая супесь («дешифровка» фотографии 1935 г. производилась на основании данных о стратиграфии городища, полученных в 1981–1987 гг.). Ниже, примерно на глубине 1,2–2,4 м от поверхности залегал более однородный слой, сложенный плотной супесью/легким суглинком, в котором горизонтальная микрослоистость выражена менее ярко (нижний горизонт верхнего культурного слоя). Прослеживаются, однако, горизонтальные прослойки «полов» – тонкие прослойки белой золы и «пропеченная» темно-бурая земля под ними (рис. 15, *1, 2*). Эти специфические прослойки образовались от сгорания травянистых выстилок внутри построек. В основании описанного слоя, примерно на глубине 2,4–2,6 м от поверхности залегает прослойка песка, местами обожженного, смешанного с пеплом. Эта прослойка была зафиксирована также на западной и северной периферии площадки городища, она разделяет верхний и нижний слои памятника. Залегающий под прослойкой песка нижний культурный

слой, как можно видеть на фотографии (рис. 15, *2*), имеет мощность около 1 м и состоит из двух различающихся по цвету горизонтов. Верхний был обозначен К.Я. Виноградовым как «глинистый слой», нижний – как «глина серая вязкая с включениями углей». «Глинистый слой» – это, вероятно, характерные для нижнего слоя городища прослои коричневого цвета органогенного происхождения. «Глина серая вязкая с включениями углей» – древнейший культурный слой памятника, проработавший и горизонт погребенной почвы. Аналогичный слой серого гумусированного суглинка толщиной 35 см с включениями фрагментов подзолистого горизонта перекрывал материковую поверхность в траншее 1982 г., прорезавшей вал.

О результатах исследования вала городища можно судить по фотографиям (рис. 15, *3–5*) и чертежу профиля восточной стенки (рис. 28). Гребень вала возвышался над погребенной почвой, по наблюдениям К.Я. Виноградова, на 5 м 40 см. Насыпь имела сложное строение, на разной высоте в ней прослеживалось не менее семи углистых прослоек. В нижней части, на уровне около 1 м выше отметки погребенной почвы были зачищены следы оборонительных конструкций (возможно, двух конструкций, залегавших одна над другой), представленные сгоревшими плахами (бревнами?), ориентированными по оси вала, поперек траншеи (рис. 15, *5*). Кроме того, на фотографии хорошо видна вертикальная трещина, образовавшаяся в результате позднейших оползневых процессов (рис. 15, *4*).

Сравнение чертежа разреза вала 1935 г. с профилем разреза вала 1982 г. интересно в методическом плане. Разрез 1982 г. находился всего в 8 м к западу от разреза 1935 г. Профиль 1982 г. отличался преимущественно лишь большей точностью передачи ситуации. Прослойки залегали, на самом деле, не горизонтально, как показано на чертеже 1935 г., а дугообразно, «обтекая» тело первоначальной насыпи. Кроме того, в разрезе 1935 г. не зафиксированы многочисленные столбовые ямы от деревянных оборонительных конструкций. Несмотря на эти отличия, ясно, что принципиальное строение обоих профилей практически тождественно, что с большей надежностью позволяет предполагать их соответствие реальной ситуации.

Коллекция находок 1935 г. включает четыре разновременных комплекса: раннедьяковский, позднедьяковский, древнерусский XI–XIII вв., постсредневековый XVII–XIX вв. Описью упомянута также кремневая пластина (№ 234).

Раннедьяковские находки, соответствующие нижнему слою городища, происходят преимущественно из нижних уровней разреза вала и траншеи, соединявшей этот разрез с раскопом на площадке. В комплексе найденной здесь керамики преобладает текстильная, имеется и грубая гладкостенная. По характеру теста керамика неоднородна. Имеются толстостенные фрагменты с рыхлым, легко крошащимся черепком, с крупными включениями дресвы. Отпечатки текстиля производят такое впечатление, что ткань была снята, когда глина была еще мокрой. Имеются также фрагменты текстильной керамики иной фактуры, хотя найдены они были рядом с первыми. Тесто у них плотное, дресва мелкая, почти песок. Характер фрагментации керамики позволяет предположить, что сосуды конструировались ленточным способом при ширине ленты около 4 см. Днище формовалось отдельно, часто имеет отпечатки текстиля с обеих сторон. При завершении изготовления сосуда выступавшие края днища подрезались. Формы венчиков однообразны. Они или почти вертикальные, слегка отогнутые наружу (рис. 18, *1, 3, 4*), либо слабо вогнутые (рис. 18, *2, 5*). Форма единственного сосуда, полный профиль которого удалось достоверно реконструировать (рис. 18, *5*), происходящего из нижней части разреза вала, является типичной для нижнего слоя городища. На гладкой поверхности этого сосуда сохранились отпечатки пальцев мастера. Преобладающим видом орнаментации на керамике ранней группы является ямочная. Наносились ямки предметом, имевшим в центре выступавший «стержень».

Все вещевые находки, относящиеся к раннедьяковскому комплексу, происходят из разреза вала. На основании стратиграфических данных в эту группу могут быть включены проколка, изготовленная из добавочного метаподия лося (рис. 17, *16*), клык медведя, имеющий следы обработки, служивший повеской или застежкой (рис. 17, *20*), и заготовка стрелы (рис. 17, 18), найденные в нижней части разреза. Безусловно к раннедьяковскому времени относится костяная однокрылая стрела с шипом с одной стороны и скосом – с противоположной (рис. 17, *14*). Первоначально в коллекции были две стрелы этого типа (ныне обе утрачены и известны только по фотографии И.Ф. Барщевского). Стрелы этого типа можно датировать V–III вв. до н.э., а возможно, даже более узким периодом – IV в. до н.э. (*Смирнов К.А.*, 1974а. С. 32; *Крис*, *Чернай*, 1980. С. 76). Со временем отложения нижнего слоя городища связана также бесчерешковая стрела (рис. 17, *11*) с углублениями с обеих сторон для крепления в древке.

Керамика начального этапа позднедьяковского периода (II–I вв. до н.э.) не представлена в коллекции выразительными экземплярами, зато находки этого времени имеются из раскопа на валу. Удлиненные костяные стрелы с треугольным сечением (рис. 17,

12, 13), найденные на глубине 1,4 м в разрезе вала, по аналогиям датируются именно вышеуказанным временем. В раскопе 1982 г. они были встречены в основании верхнего культурного слоя. Проколки, сделанные из малой берцовой кости свиньи (рис. 17, *15, 21*, *23*), найденные вместе со стрелами на глубине 1,4–1,6 м, одинаково характерны как для нижнего слоя городища, так и для основания верхнего слоя. Перечисленные находки указывают на то, что средняя часть насыпи вала датируется временем около рубежа эр. На эту датировку указывают и присутствующие в коллекции фрагменты профилированных гладкостенных сосудов, найденные, судя по описи 1935 г., в центральной части траншеи вала на глубине 2,7 м.

Комплекс керамики из верхнего горизонта культурного слоя раскопа на площадке насчитывает около сотни крупных фрагментов. С горизонтом постройки, ошибочно интерпретированной К.Я. Виноградовым как землянка, связан гладкостенный сосуд с профилированным дугообразно отогнутым венчиком (рис. 19, *1*). Большинство фрагментов от этого сосуда было найдено на участках № 7–12 на глубине 70–80 см, а один происходит из участка 4 с глубины 60 см, что соответствует уровню постройки. Форма данного сосуда и характер орнаментации (вдавления-штампы) типичны для керамики из верхнего и среднего горизонтов верхнего слоя городища. Данный сосуд имеет и другие очень близкие аналогии в составе коллекции.

В коллекции представлены также сосуды другой формы – они имеют высокий (до 4,5 см) прямой или отогнутый под углом «воротничковый» венчик (рис. 19, *3*). Такая форма венчиков наблюдается как у грубых гладкостенных, так и у подлощенных и лощеных сосудов. Различия между ними лишь в том, что у гладкостенных сосудов торец венчика, как правило, орнаментирован насечками и вдавлениями; у подлощенных и лощеных сосудов венчик не орнаментировался.

Подавляющее большинство лощеной и подлощенной посуды всех размерных групп имеет округлые плечики (рис. 19, *4, 5*), лишь у единичных экземпляров наблюдается резкий перегиб плечика и есть сглаженное ребро (рис. 19, *6, 7*). Такие формы изредка встречаются в верхнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища, известны они и на других памятниках бассейна Москвы-реки, например на Щербинском городище (*Розенфельдт И.Г.*, 1974. Рис. 9, *1, 2*).

Особое внимание среди керамической коллекции из раскопок 1935 г. привлекает чернолощеная миска (рис. 19, *2*). Стратиграфическая позиция этой находки не совсем ясна (участок 1, «осыпь с площадки у вала», по описи 1935 г.). Фрагмент имеет хорошее двустороннее лощение, выделяющее его среди остальной посуды. Специфику формы определяет отогнутый под небольшим углом прямой венчик, округлые плечики и, особенно, прочерченная линия, подчеркивающая переход от венчика к плечикам. Эта редкая для городищ дьякова типа форма сосудов была описана И.Г. Розенфельдт по материалам Щербинского городища (1974. С. 175). За пределами Москворечья подобные формы лощеной и груболепной посуды встречены в Верхнем Поочье на городище Мощины (*Массалитина*, 1993. С. 47, рис. 1, *14, 15*), где датируются от конца III до V в. н.э. (у исследователей имеются разночтения относительно верхней и нижней границы данного интервала). Серия аналогичных находок происходит с городищ, расположенных в бассейне Верхней Волги (*Исланова*, 2008. С. 35). Это группа 5 по И.В. Ислановой, которая предлагает называть ее «посудой мощинского круга» и датирует IV–V вв. на основании вещевых находок, сопровождающих подобную керамику. В надежных стратиграфических условиях подобные миски были найдены на Дьяковом городище в раскопе 1987 г. Эти находки позволяют утверждать, что данная форма появилась лишь на самой поздней стадии функционирования памятника, выше «горизонта эмалей», т.е. в IV в. н.э. (см. гл. 4).

Типы орнаментов, представленные в коллекции, характерны для позднедьяковской посуды: ямочный, защипной, оттиски палочки, обмотанной ниткой (рис. 18).

Немногочисленные вещевые находки из раскопа на площадке – глиняные изделия (рис. 17, *1, 2, 4–10*). Литейная формочка, фрагмент льячки являются типичными изделиями, характерными преимущественно именно для верхних слоев городищ среднего течения Москвы-реки и Пахры (*Кренке*, 1989).

Материал древнерусского времени представлен в коллекции несколькими фрагментами керамики (первоначально их, судя по описи, было 11) и двумя пряслицами, из которых одно, сделанное из розового шифера, достоверно средневековое. Керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, скорее всего датируется в пределах первой половины – середины XII в. Серия находок гвоздей, видимо, относится к постройке XVII в., существовавшей на городище. Поливная и мореная керамика вероятно относится к еще более позднему времени – XVIII–XIX вв., отражает регулярные посещения данного места крестьянами с. Дьяково.

Остеологическая коллекция из раскопок 1935 г. была определена Е.Г. Андреевой (1995). Общее число костей – 1010, из них 606 были определены. Эти данные в табличной форме представлены в главе 6. Особенно необходимо отметить, что в коллекции

присутствовала кость осла (*Алексеева Л.И.*, 1995). Эта находка является уникальной и, видимо, указывает на какие-то южные связи жителей Дьякова городища.

Аэрофотоснимки 1941–1942 гг. (рис. 20). Уникальным источником для получения представления о рельефе Дьякова городища и его окрестностей являются данные аэрофотосъемки, проведенной немецкими самолетами-разведчиками летом 1941 и 1942 гг. Наиболее информативным является снимок 1942 г. На нем видно, что на городище в 1942 г. проводились какие-то земляные работы – в северо-западной части площадки на склоне оврага блестит отвал свежей земли. Возможно, это было как-то связано с функционированием зенитной батареи, орудия которой находились чуть южнее городища, а наблюдательный пункт – на самой площадке. Раскоп 1935 г. хорошо засыпан, его следов не видно, зато отлично читаются две траншеи 1875 г., видна форма вала до его частичного разрушения.

Разрушения 1967 г. После строительства рядом с Дьяковым городищем Московского инженерно-физического института началось активное «спортивное освоение» площадки памятника. На ней был сооружен трамплин, а в 1967 г. проложена мототрасса шириной около 3 м, прорезавшая культурный слой на 1,5 м (*Горбаневский*, 1971). Частично был разрушен вал городища. Изменения хорошо видны при сравнении фотографий 1935 г. и современных (рис. 13). Изменения рельефа на площадке (выемка дороги) видны при сопоставлении двух планов: съемки Мосгоргеотреста 1950-х годов (рис. 5) и специальной съемки, выполненной перед началом археологических работ в 1981 г. (рис. 21).

Вывод, сделанный М.В. Горбаневским в результате обследования Дьякова городища в 1968 г., после его частичного разрушения, заключался в том, что необходимы новые научные раскопки (*Горбаневский*, 1971). Начать их удалось лишь в 1981 г.

Таблица 2. **Стратиграфия Дьякова городища по Г.Д. Филимонову и данным раскопок 1980-х годов**

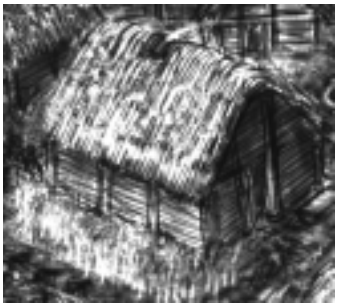
Глубина (см)	Слои по Филимонову	Слои по данным раскопок 1980-х годов
0–70	Чистый чернозем	Темно-серая углистая супесь, переработанная почвенными процессами
70–180	Слои углей с золою	Серая золистая супесь с прослойками песка и суглинка от конструкций жилищ (верхний слой)
180–200	Слои песка	Слой песка с пеплом от сгоревших травянистых растений (стерильный слой)
200–210	Слои углей	Нижний слой: свита прослоек углистой серо-бурой супеси, нитевидных углисто-золистых прослоек от сгоревших полов построек и коричневых органических прослоек истлевшей соломы
210–280	Тонкие слои мелкого угля с золою	
280–350	Бурая земля с остатками из растительного царства – что-то вроде торфа, отваливающегося кусками	

Таблица 3. **Структура коллекции № 54746 из раскопок 1875 г. Дьякова городища**

Категория находок	Количество
Фрагменты керамики	131
Глиняные изделия (грузики дьякова типа, пряслица, погремушка, льячка, шарики)	12
Костяные изделия и заготовки	26
Бронзовые изделия (кольцо, привески)	3
Железные изделия (ножи)	5
Камни необработанные и со следами использования	20
Кости со срезами, необработанные костные остатки и окаменелости	Около 50

Глава вторая

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА. ОСТАТКИ ПОСТРОЕК И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ



Общие данные о раскопках 1981–1987 гг. За семь полевых сезонов было проведено исследование трех участков на Дьяковом городище: северной части площадки, северного склона с площадки, разрезан вал, ограничивающий площадку с юга. Общая площадь составила 290 м². Конкретные данные о площадях раскопов приведены в таблице 4.

Важным показателем является объем изученного стратифицированного слоя (табл. 5). Без этих данных невозможен подсчет концентрации находок и сравнение горизонтов между собой по насыщенности теми или иными видами изделий.

В ближайших окрестностях городища (в радиусе 1 км) с целью изучения характера освоения территории и системы хозяйства были проведены разведка и небольшие раскопки, в результате которых были обнаружены 11 пунктов (помимо самого городища), содержавших материалы железного века (цв. вкл., рис. 1).

Основной раскоп, «центральный», охватил северо-западную часть площадки Дьякова городища между двумя крестообразно расположенными траншеями раскопок 1875 г. Раскопки велись по квадратам со стороной 1 м, пласты снимались по 5–10 см, остатки сооружения расчищались «по слоям». Культурный слой просеивался через сетки с размером ячейки 1 × 1 см. Были выделены также контрольные квадраты, где применялись сетки с меньшими ячейками 0,5 × 0,5 см. Нивелировка производилась от постоянного репера (железный штырь, вкопанный на западном краю площадки, значение которого было принято за –100). В балтийской системе высот по уточненным данным съемки ин-та Спецпроектреставрация значение репера составляло 157,54 м. Уровень репера –100 примерно соответствовал высотной отметке центральной части площадки городища до начала раскопок XIX в. (рис. 22).

Два сезона (1983 и 1984 гг.) потребовалось, чтобы изучить культурный слой на участке центрального раскопа в пределах квадратов 100–163. Поверхность материка, подстилавшая культурный слой, оказалась очень информативной – на ней прекрасно прослеживались столбовые ямки и канавки от нескольких уровней построек (рис. 23, *1*).

Керамический материал отбирался полностью, так же как и остеологический. Кроме того, в нижнем культурном слое оказалось возможным отобрать в коллекцию палеоэнтомологические остатки – надкрылья жуков, захороненных на глубине 2,5–3 м. Производился систематический отбор проб для извлечения из культурного слоя палеоботанических материалов – зерен культурных злаков, пыльцы и фитолитов, определялась порода древесины по углям.

При раскопках городища широко применялся метод радиоуглеродного датирования. Всего получено 80 определений возраста. Большая часть дат была сделана по образцам углей из сгоревших построек. Помимо этого, серия дат была получена по костям животных (кухонным остаткам) и гумусовым вытяжкам из грунта культурного слоя, насыщенного органикой. Одна датировка была получена методом AMS (на ускорителе) по образцу нагара на стенке горшка в лаборатории Хельсинкского университета.

Применялся также и радиотермолюминесцентный метод датирования (РТЛ) образцов керамики, для чего в полевых условиях замерялся радиационный фон на участках отбора образцов. Всего было получено 6 датировок методом РТЛ, показавших хорошее соответствие радиоуглеродным датам, но не уточнявших их (*Власов*, *Куликов*, 1988).

Существенное значение для понимания генезиса отложений и их последующих трансформаций имело почвоведческое изучение культурного слоя, погребенных почв.

Стратиграфия культурного слоя на площадке. В первую очередь следует привести общие данные, характеризующие культурный слой на городищенском мысу. Поверхность погребенной почвы (материка) в южной половине площадки была практически ровной. Ее высотная отметка равнялась примерно 154,84 м в балтийской системе высот (–370 см в условных археологических отметках).

Примерно с центра площадки начинался уклон в сторону оконечности мыса. В юго-восточном углу

раскопа 1981 г. отметка материка равнялась –380; в юго-восточном углу раскопа 1985 г. –370. В северо-восточном углу раскопа 1984 г. отметка материка равнялась –420, а в траншее на северном склоне –475. Таким образом, перепад высоты поверхности погребенной почвы с юга на север составил около 1 м.

Отметка верха культурного слоя в южной завальной части площадки составила –40. Отметки поверхности погребенного дерна, сформировавшего на культурном слое в раскопе 1981 г., равняются –80–100. В раскопе 1983–1984 гг. погребенный дерн прослежен в восточном борту на отметках –90–100. В раскопе 1987 г. эта же поверхность погребенного дерна зафиксирована на отметках –150–160. То есть поверхность культурного слоя (кровля) понижается в пределах площадки с юга на север примерно на 1 м. Таким образом, культурный слой, без учета отвалов из раскопок, имел почти одинаковую толщину на всей площадке – около 3 м. Исключение составляли участки, испорченные поздними ямами (например, в 1941 г. на городище находился наблюдательный пост зенитной батареи, в 1960-е годы стоял трамплин для лыжников).

Вдоль траншей 1875 г. залегали выбросы из них мощностью до 1 м. В результате материк находился на глубине почти 4 м от поверхности гребня выбросов из траншей. Возможно, поэтому В.И. Сизов писал о мощности слоя в две сажени.

Траншея, заложенная на северном склоне площадки, показала, что здесь протекали интенсивные оползневые процессы. Материковая глина и расположенный на ней культурный слой блоками съезжали вниз по склону (рис. 24). Можно утверждать, что северная оконечность городища дошла до настоящего времени в сильно измененном виде, по сравнению с тем, какой она была в древности.

В центральной части площадки сохранность культурного слоя оказалась, наоборот, исключительно хорошей. Борта раскопа «центральный», копавшегося несколько лет, представляют собой серию профилей значительной (до 15 м) протяженности и характеризуют как периферию, так и центральную зону площадки городища. Правильная интерпретация четко различимых в профилях прослоек песка, суглинка, золы стала возможной после нескольких лет раскопок, когда в раскопе были изучены разнообразные типы жилищ, мусорных куч, зольник.

Наиболее полное представление о стратиграфии памятника дают профили северного и восточного бортов раскопа 1983–1984 гг. (цв. вкл., рис. 8; 9; 10, *1*, *2*). Даже при самом первом взгляде на разрез культурного слоя Дьякова городища бросается в глаза его членение на две части (верхнюю и нижнюю), разделенные прослойкой почти стерильного песка. Это представление о стратиграфии Дьякова городища, введенное в научный оборот еще В.И. Сизовым (1897. С. 265), не подлежит пересмотру.

В основании культурного слоя Дьякова городища залегает дерново-подзолистая почва, сформировавшаяся на покровном суглинке. Почвовед А.Л. Александровский описал ее строение по материалам стратиграфического шурфа в раскопе 1981 г. следующим образом: 1) гумусовый горизонт (А1) мощностью 11 см, представлен легким суглинком, рыхлым серого цвета с сизоватым оттенком; 2) подзолистый горизонт (А2) мощностью 7 см, представлен рыхлым легким суглинком сизовато-светло-серого цвета; 3) иллювиальный горизонт (В1) мощностью более 50 см, представлен плотным средним суглинком бурого цвета. Сизый оттенок верхних горизонтов А1 и А2 свидетельствует о процессах оглеения, которые, скорее всего, имели место на постгенетическом этапе почвообразования.

Гумусовый горизонт погребенной почвы содержал артефакты, преимущественно керамику. На некоторых участках погребенная почва перекрыта прослойками мешаного суглинка серо-бурого цвета (с включениями материала подзолистого горизонта) толщиной до 15 см – это так называемые материковые выбросы из канавок, вырытых под стены построек, существовавших на площадке в период накопления нижнего слоя.

Нижний слой имеет среднюю толщину 0,7 м. Местами он частично срыт, и его толщина не превосходит 0,25–0,3 м, а местами его мощность достигает 0,9 м. Этот слой представляет собой чередование горизонтов углистой супеси и коричневых органогенных прослоек (КОП), с различимыми даже невооруженным глазом растительными макроостатками (рис. 25). Данные прослойки имели горизонтальную микрослоистость (толщина микропрослоек измеряется в миллиметрах).

Накопление нижнего слоя целиком обусловлено жизнедеятельностью людей на городище. Слой содержит остатки построек. Постройки типа длинных домов располагались в центральной зоне городища. Две из них, лучшей сохранности, были параллельны друг другу. Эти синхронные постройки перестраивались по четыре раза каждая (вероятно, они горели одновременно).

В культурном слое границы построек прослеживались сравнительно хорошо благодаря сохранившимся обугленным и истлевшим деревянным конструкциям стен. Характерными элементами построек являлись глинобитные полы в некоторых помещениях, очаговые линзы песка и остатки сгоревших выстилок полов, имевших вид пленок белой золы с обугленной и «пропеченной» землей под

ними. Представленные на цветной вклейке (рис. 9, *1*, *2*) разрезы пересекают длинные дома вдоль и поперек. На цветной вклейке (рис. 9, *3*) на переднем плане виден разрез через очаг одного из помещений длинного дома. Собственно очаг представлен линзой песка. Очаговое место, заполненное песком, имело деревянные бортики. Подобные конструкции очагов зафиксированы этнографами, например, у хантов на севере Западной Сибири (*Finsh*, 1879. Abb. 25, 30). Поверхности земляных полов, сменявших друг друга, маркированы прослойками белой золы от сгоревших растительных выстилок, начинавшихся от очага и достигавших стен постройки. Две из них хорошо видны на фотографии (рис. 36).

Специфику нижнего слоя, как уже отмечалось, составляют прослойки коричневой земли, насыщенной органикой. На периферии площадки они составляют основу слоя, ближе к центру, на местах, где стояли постройки, – выклиниваются. Для выяснения происхождения прослоек коричневой органики почвовед Е.А. Ярилова провела микроскопический анализ шлифов, на основании чего ею был сделан вывод о том, что органическая составляющая прослоек является в различной степени преобразованными остатками разнородных растительных тканей. Важное значение для интерпретации прослоек коричневой органики имеют найденные в них многочисленные остатки надкрыльев жуков-бронзовок *Cetonia aurata* (определение В.В. Янушева и Р.Д. Жантиева). По мнению энтомологов, жуки синхронны слою. Для жуков данного вида типично выплаживание в кучах из слежавшейся массы листьев и веток. Наличие таких запасов на городище вполне можно допустить. Они могли использоваться как корм скоту, быть строительным материалом (стены длинных домов были из плетня).

Палинологическим методом Е.А. Спиридоновой был проанализирован отдельный образец такой прослойки. Оказалось, что в его спектрах присутствует пыльца только культурных злаков, причем в большом количестве и часто в скоплениях. На этом основании Е.А. Спиридонова предположила, что прослойка представляет собой истлевшую злаковую солому, которой могли покрывать крышу или использовать в качестве подстилки.

Таким образом, окончательного решения вопроса о происхождении прослоек коричневой органики пока нет. Возможно, в их формировании участвовали как солома, так и листья.

Справедливо наблюдение В.И. Сизова о том, что верхнюю границу нижнего слоя образовывала прослойка чистого песка (*Сизов*, 1897. С. 258). Толщина этого песка местами достигает 60 см. По мере приближения к центру памятника слой песка выклинивается. Важно отметить, что прослойка песка – двойная. Ее разделяет слой серой супеси, идентичный по строению основанию верхнего слоя. Слой «стерильного» песка резко выделяется на фоне всех остальных прослоек в разрезе. Песок «чистый» с примесью пепла голубовато-желтоватого цвета с характерными «карманами» – оплывшими ямами от столбов, впущенных из вышележащих горизонтов (цв. вкл., рис. 8, *3*). Подошва и кровля прослойки песка имеет почти черное обрамление из-за мелкодисперсного угля или сажи. Изучение фитолитов, сохранившихся в пепле в слое песка, проведенное Н.К. Киселевой, позволило установить, что пепел происходил в основном от сожжения различных травянистых и кустарниковых растений. Светлый цвет, отсутствие горизонтальной слоистости, малое количество находок свидетельствуют о быстром накоплении прослойки. То есть на городище людьми были специально принесены многие десятки кубометров песка, который был рассыпан почти по всей площадке, и устроен огромный костер. Возможно, это действо проводилось дважды (две прослойки песка). Видимо, в этой трудоемкой акции был какой-то важный «санитарно-ритуальный» смысл. Может быть, в данном случае в макромасштабе произошло то, что повторялось при возобновлении жилищ – на очажное место подсыпался новый песок, на загрязненный пол настилался новый слой суглинка и песка.

Верхний слой – наиболее мощный, его толщина в непотревоженных участках составляет около 2 м. Верхняя часть этого слоя больше всего подверглась разрушению поздними перекопами. Там, где верхний слой был перекрыт отвалами раскопок XIX в., сохранилась коричневатая прослойка погребенного дерна. Расположенные ниже этой прослойки верхние 30–50 см культурного слоя имеют аморфную структуру без ясно выраженной слоистости. Это не результат позднейших перекопов, а, видимо, следствие почвенных процессов. Такой аморфный характер имеет самая верхняя часть слоя даже в тех местах, где он был перекрыт отвалами XIX в.

Основу верхнего слоя составляла золистая супесь, более легкая в верхней части слоя и относительно плотная – в нижней. В верхнем слое на глубине 50 см от поверхности погребенного дерна и еще на метр ниже прослеживаются многочисленные прослойки, связанные с интенсивной строительной деятельностью. Этот уровень можно выделить в верхний горизонт верхнего слоя (глубина от уровня погребенного дерна – 0,5–1,5 м). Фактически толща верхнего горизонта верхнего слоя представляет собой «слоистый пирог» с толщиной прослоек всего 1–5 см.

На глубине –190–230 на границе раскопов 1982 и 1983/84 гг. были изучены остатки сгоревшей

постройки, погибшей в сильном пожаре. Горизонт этого пожара дал особенно большое количество находок, а также здесь была отобрана значительная серия образцов для радиоуглеродного датирования. Этот уровень является хорошим стратиграфическим маркером и может быть обозначен как средний горизонт верхнего слоя.

Соответственно, нижележащая часть верхнего слоя может быть обозначена, как нижний горизонт верхнего слоя.

По данным раскопок, постройки верхнего слоя, вероятно, столбовой конструкции возводились обычно на одном и том же месте. Они имели прямоугольную, близкую к квадрату форму. Длина стен колебалась в пределах 4–6 м. На месте построек слой накапливался быстрее, чем в пространствах между жилищами. Очень четко это демонстрирует профиль восточной стенки раскопа 1983–1984 гг. (цв. вкл., рис. 7). В разрезе этого борта можно увидеть, как на одном и том же месте не менее девяти раз возобновлялась постройка. Прослеживается кратное чередование прослоек – песчаные линзы на месте очагов, поверх них идут коричневатые прослойки от сгнивших растительных выстилок полов (по данным фитолитного анализа, проведенного А.А. Гольевой, в выстилках присутствовали мох и хвоя), затем прослойки серой супеси (накопившаяся «грязь»), затем опять песчаные либо суглинистые подсыпки и т.д. Разница высотных отметок синхронных слоев построек и межжилищных понижений достигает 30–40 см. То есть в период жизни городища его площадка не была ровной. Постройки находились на образовавшихся всхолмлениях, между которыми были довольно глубокие западины. Затем, после запустения городища, под воздействием естественных процессов произошло заплывание западин за счет перемещения туда грунта с вершин всхолмлений.

На Дьяковом городище есть лишь «намеки» на слой, который можно было бы обозначить как древнерусский. Поселение на площадке городища в XI–XIII вв., вероятно, существовало, о чем можно судить по довольно большому количеству находок (более двух сотен фрагментов керамики, полтора десятка вещей). Большинство этих находок приурочено либо к дерну, погребенному под отвалами XIX в., либо к линзам особенно темной, почти черной супеси, прослеженной в нескольких местах непосредственно под дерном XIX в. (*Кренке,* 2004 б).

Стратиграфия насыпи вала. В 1982 г. вал Дьякова городища был разрезан траншеей 2 × 8 м, располагавшейся примерно в 12 м к востоку от западного склона. Разрез начинался от подошвы вала со стоны площадки. Максимальный перепад между гребнем вала и материковой западиной под его внутренней полой составил 6 м. Верхний метр насыпи являлся позднейшими выбросами из археологической траншеи XIX в. и, возможно, результатом какой-то строительной активности в XVII в.

В профилях бортов разрезов 1935 и 1982 гг. четко прослеживались линии скольжения разнонаправленных оползней. Примерно половина насыпи сместилась вниз внутрь площадки городища. Вызванное оползнем смещение слоев составило около 20 см. Менее значительным был оползень, вызвавший смещение слоев во внешнюю сторону. Не исключено, что причиной оползней были проявления сейсмической активности.

Вал неоднократно подсыпался, а деревянные оборонительные конструкции на его гребне возобновлялись (рис. 28).

Под насыпью вала на отметках около –370–400 прослеживалась понижавшаяся на север погребенная почва (154,54–154,84 м в балтийской системе высот), гумусовый горизонт которой плохо сохранился и сильно трансформировался (изменил цветность, стал светло-бурым, а не серым). В разрезе вала отметки погребенной почвы под насыпью имели значение –370. В эту погребенную почву была врезана частокольная канавка, являющаяся остатком укрепления, предшествовавшего валу. Столбовые ямки в канавке расположены разреженно с интервалом около 5–20 см, т.е., вероятно, они остались от изгороди типа плетня (рис. 29). В тыловой части под валом прослеживается небольшая ложбина глубиной до 60 см и шириной около 3,5 м.

Древнейшая насыпь (насыпь 1а) имела высоту около 80 см и была сооружена из материкового суглинка. С внутренней стороны на скате этой насыпи стояла деревянная стена (стена 1), от которой сохранились столбовые ямы глубиной до 1 м и диаметром около 15 см[1]. По внешней стороне гребня были прослежены остатки деревянной конструкции в виде плах (?), лежавших вдоль оси вала. Возможно, это были «армирующие» насыпь конструкции, либо дополнительная стенка с внешней стороны.

Спустя очень непродолжительное время, на что указывает то обстоятельство, что на поверхность полы насыпи, обращенной в сторону площадки, не отложился культурный слой. Насыпь 1а была досыпана (также материковым суглинком). Эта новая насыпь (насыпь 1б) имела высоту над уровнем почвы до 1,5 м. На ее внутреннем скате несколько ниже гребня зафиксировано несколько рядов столбов диаметром до

[1] В предшествующей публикации (*Кренке*, 1986) эти конструкции интерпретировались как внутривальные, что при более тщательном изучении материала мне показалось неправильным.

20 см, вкопанных на глубину около 1 м. Наблюдения над планиграфией и микростратиграфией позволяют предполагать, что эти столбы были не одновременными, а относились к двум конструкциям (стены 2 и 3), сменившим друг друга (уровень, с которого прослеживались столбовые ямы, различался примерно на 20 см). Стена 2, до того как сгореть, простояла длительное время, за которое пола насыпи вала была перекрыта культурным слоем мощностью до 0,4 м. Стена 3 простояла очень недолго, за это время накопилось лишь около 10 см культурного слоя, и также сгорела (рис. 30). Нельзя полностью исключить того, что изложенная выше интерпретация «переусложнена», т.е. «стена 2» и «стена 3» – это развал единой конструкции.

Структура слоя, перекрывшего насыпь 1б (прослойки коричневого цвета, насыщенные органикой, чередующиеся с золистой супесью), и найденная в нем керамика (по преимуществу текстильная) позволяют отождествить его с нижним слоем городища.

Вскоре после того, как стена 3 сгорела, укрепления были восстановлены. Вал досыпан на 40 см материковым суглинком (насыпь 2), а на гребне сооружена конструкция, от которой сохранились столбовые ямы, а также скопление обугленных бревен и плашек, ориентированных вдоль оси вала. Конструкции этих укреплений, вероятно, были аналогичны предшествующим. Возможно, на гребне насыпи 2 сохранились следы двух или трех разновременных стен, так как столбы идут тремя рядами. Стратиграфически расчленить горизонты, связанные с каждой из этих стен, невозможно, поэтому они условно объединены в горизонт, обозначенный как стена 4. Пожар стены 4 и пожар стены 3, видимо разделял незначительный промежуток времени. На это указывает то, что на внутренней поле насыпи горизонты этих пожаров разделяет лишь около 10 см культурного слоя, накопившегося в промежутке между ними. Это стратиграфическое наблюдение подтверждается сходством радиоуглеродных датировок образцов из стены 3 и стены 4 (см. табл. 41), а также тем, что керамика, найденная в насыпи 2, соответствует керамике нижнего слоя городища.

После пожара стены 4 насыпь была вновь увеличена на 20–30 см. Досыпка была сделана серобурым суглинком (насыпь 3). Со стороны площадки насыпь 3 перекрыта культурным слоем, идентичным нижнему слою на площадке с коричневыми органогенными прослойками. Следовательно, насыпь 3 также соответствует по времени нижнему слою. От деревянных сооружений, которые, вероятно, дополняли насыпь 3, ничего не сохранилось. На внешнем скате этой насыпи прослежен мощный слой золы и пепла. В основании этого слоя были прослежены сгоревшие деревянные конструкции, образовавшие прямой угол (клеть?). Можно предположить, что это остатки стены 5 (рис. 30).

От стены 6, сменившей стену 5, сохранились мощные столбовые ямы, прослеженные в профилях бортов. Эти ямы имели глубину до 1,3 м и верхний диаметр 25 см. За время существования стены 6 поверх насыпи 3 накопился довольно мощный культурный слой, идентичный по структуре нижнему слою площадки городища. Непосредственно у стены толщина этого слоя составила 20 см, а ниже по скату насыпи его мощность возрастала до 40–50 см. Следов пожара стены 6 не прослежено. Возможно, она была разобрана. Горизонт стены 6 перекрыт культурным слоем – тонкими прослойками серой супеси и коричневой органики, которые производили впечатление залегавших in situ. На мой взгляд, это могло произойти лишь в том случае, если в период отложения этих прослоек стена была выдвинута несколько дальше на юг, на внешний скат вала, который был вне переделов раскопа. Эта реконструируемая стена будет иметь номер 7. По-видимому, шлейф пожара стены 7 прослеживается в разрезе. Уровень этого пожара на гребне насыпи равнялся –120. Стена 7, видимо, была последним по времени укреплением, существовавшим в период накопления нижнего слоя. Высота гребня вала от уровня погребенной под ним почвы достигала 2,5 м. Прослойка пожара стены 7 была перекрыта на внутреннем скате насыпи светлым слоем пепла, тождественным стерильному слою, разделявшему нижний и верхний слои на площадке городища.

Историю вала в период жизни Дьякова городища, когда на памятнике откладывался верхний слой, проследить весьма сложно, так как хорошо сохранившиеся конструкции не были обнаружены.

В насыпи вала, сделанной на этапе жизни городища, соответствующем отложению верхнего слоя, выделяются две части общей мощностью до 1,2 м.

Насыпь 4 имела толщину на гребне около 0,6 м. Гребень этой насыпи находился на отметке около –40, т.е. на 3,3 м выше уровня погребенной почвы. Форма насыпи 4 повторяла нижележащие насыпи, «надстраивая» их вверх на 60–80 см. Сложена насыпь 4 из материкового суглинка с примесью культурного слоя. В теле этой насыпи сохранились столбовые ямы. Наиболее глубокая столбовая яма располагалась почти точно на гребне. Можно предполагать, что это остатки стены (стена 8), которая, видимо, не горела, или следы пожара были удалены. Внутренняя пола насыпи 4 перекрыта культурным слоем, включавшим находки и керамику, характерные как для нижнего слоя городища, так и более поздние вещи, типичные для основания верхнего слоя. В том числе бронзовую бляшку с плетенкой по краю (рис. 139, 9), профилированную гладкостенную керамику.

Насыпь 4 была перекрыта насыпью 5, состоящей из чистого материкового суглинка. Насыпь 5 имеет принципиально иную форму по сравнению со всеми нижележащими насыпями. Внутренний склон этой насыпи очень крутой – почти 45º. Завершение плоское (?). Возможно, что макушка вала была выположена уже в древнерусское время. Следов столбовых ям обнаружено не было. Можно предположить, что стена, стоявшая на этой насыпи, имела срубную конструкцию. Насыпь 5 повысила гребень вала на 60 см. Его высота над погребенной почвой – 3,9 м. Аргументом в пользу того, что насыпь 5 была возведена в позднедьяковский период, является то, что внутренняя пола этой насыпи перекрыта культурным слоем этого времени. В этом слое было найдено огромное количество горелых зерен культурных злаков. По характеру этот слой больше всего напоминал средний горизонт верхнего слоя на площадке городища, где также были найдены целые прослои горелых зерен. В основании тела насыпи 5 были обнаружены маловыразительные остатки в виде сгоревших плах (?), ориентированных вдоль оси вала. Вероятно, это внутривальные конструкции.

На плоской поверхности насыпи 5 залегал незначительный по мощности (20 см) культурный слой, содержавший наряду с дьяковской и древнерусскую керамику XI–XII вв. Прослойка этого культурного слоя перекрывала также и культурные слои позднедьяковского времени, наложенные на внутреннюю полу насыпи 5.

Таким образом, укрепления Дьякова городища имеют не менее семи основных строительных периодов. Древнейшее укрепление существовало до насыпки вала. Четыре нижних горизонта насыпи вала соответствуют периоду накопления нижнего слоя на площадке. Возможно, за этот период деревянные стены обновлялись шесть раз. Две подсыпки вала синхронны верхнему слою.

Характеристика построек. В нижнем слое наиболее полно были зафиксированы две стоявшие параллельно друг другу постройки типа длинных домов, обозначенных как постройка «А» (западная) и «Б» (восточная). Они обе неоднократно горели, а затем обновлялись. В постройке «А» выявлено четыре строительных горизонта, притом что планировка постройки практически не менялась. В постройке «Б» также выявлено четыре строительных горизонта. Преемственность в планировке прослежена лишь в южной части сооружения. В верхней части нижнего слоя, в двух метрах к западу от постройки «А» были обнаружены остатки двух очагов, условно объединенные в постройку «В». Остатки еще одной постройки «Г» были зафиксированы на западном краю площадки.

В причинах пожаров построек совсем не обязательно видеть внешние факторы. По-видимому, на городище существовали весьма огнеопасные производства. Например, плавка бронзы и изготовление украшений. Все находки фрагментов льячек в нижнем слое концентрируются в районе постройки «Б».

Постройка «А» отстояла от западного края площадки на 10 м. Постройка была зафиксирована на участке длиной 8 м. Прослежено четыре стратиграфических уровня этой постройки, соответственно «А-1», «А-2», «А-3», «А-4» (рис. 31, 32).

Нижний уровень постройки («А-1») был ориентирован с отклонением около 10 градусов к западу от линии С–Ю (азимут 350º). С постройкой «А-1» связаны две внешние стены, которые были прослежены на уровне материка в виде канавок со столбовыми ямками и продольно лежавшей древесиной (рис. 31). Расстояние между осями канавок – 3,6 м. Пространство постройки разделяли две внутренние перегородки, перпендикулярные внешним стенам, сохранившиеся также в виде канавок. Расстояние между этими перегородками составляло 1,8 м. Таким образом, исследованная часть постройки «А-1» состояла из трех помещений. В центре располагалось вышеописанное узкое помещение типа тамбура или сеней. Северное помещение имело размеры в длину более 2,5 м. Южное – более 3,2 м. В северном помещении располагался очаг, вырезанный в материковом суглинке. Очаг имел овальную форму размером 1,1 × 0,7 м. Бортик возвышался над дном чашевидного углубления на 10 см. Заполнен очаг был речным песком. Очаг располагался не точно по оси постройки, а был смещен на 0,5 м в сторону западной стены. От внутренней перегородки он отстоял на 1 м. Жилая поверхность постройки «А-1» была выше поверхности материка всего на 1–3 см. Сохранилась эта поверхность фрагментарно в виде пятен белой золы от сгоревших растительных выстилок. В том числе участок этой поверхности сохранился возле очага.

Постройка «А-2» имела ориентировку, отличавшуюся на 17 градусов от постройки «А-1» (азимут 7°). В остальном ее конструкции были аналогичны предшествовавшей. Ширина постройки была на 40 см уже – всего 3,2 м. Уровень постройки «А-2» был примерно на 10–15 см выше, чем уровень постройки «А-1».

От внутренних перегородок сохранились нижние сгоревшие жерди, зажатые вертикальными столбами, на основании которых можно судить о ширине тамбура – 1 м. Северное помещение имело длину более 3 м, южное – более 4 м. В этих помещениях были очаги в виде линз песка овальной формы диаметром около 1 м. Оба очага были несколько смещены к восточной стенке дома. Очаговые линзы

песка имели выпуклую форму и возвышались над поверхностью пола на 5–10 см.

Поверхность пола была представлена прослойкой белой золы толщиной около 0,5 см, происходившей от какой-то выстилки из растительных материалов. Определение остатков растительных тканей было проведено Е.Д. Лапшиной (НИИ биологии и биофизики, Томск). В своем заключении она отметила следующее:

«Необгоревшие остатки, сохранившие клеточную структуру, составляют ничтожную часть общей массы. По мере приближения к поверхности выстилки они исчезают. Встречаются более крупные макроостатки до 0,3–0,5 см.

Выстилка имеет устойчивый состав с постоянным набором остатков. Выделено около восьми видов тканей. Характер клеточной сети, форма, консистенция и цвет остатков указывают на то, что они принадлежат небольшому (два-три) числу видов растений. На 80–90% образец состоит из остатков травянистых растений, вероятнее всего злаков. Им принадлежат ткани с длинными, сильно волнистыми по краям клетками, которые чередуются с более мелкими, округлой формы. Хорошо сохранившиеся устьица также имеют характерную для злаков форму и линейное расположение. Зубовидные выросты и щетинки на обугленных остатках могут располагаться на остях, по ребрам стеблей.

На 5–10% зола сложена остатками иного типа. В процентном соотношении сохранность их значительно выше. Они представляют собой мелкие светло-коричневые пластины с хорошо выраженным рисунком в виде “клеточной сети”. Выросты клеток глубоко вдаются в соседние, разветвляясь на два-три отростка. Клетки располагаются правильными рядами. Видовую принадлежность их определить затруднительно, но сколовый характер края остатков говорит об их органо-минеральной или неорганической природе. В составе золы выстилки встречаются прозрачные стекловидные клетки с сильно изрезанным краем. Они сходны с кремнистыми включениями в растительных тканях – “фитолитами” и образуют пластинки или рыхлые скопления округлой формы, легко разрушающиеся при прикосновении».

Фитолиты из образца выстилки пола были определены А.А. Гольевой (ИГАН). По ее заключению, в образце в равном количестве встречены фитолиты ели, трав и мха. Фитолиты злаков отсутствуют[2].

В плане поверхность выстилки пола прослеживалась по всей постройке, вплотную подступала к очагам и внешней восточной стене. В западной части постройки, исследованной в 1982 г. на более низком методическом уровне, выстилка пола зачищена не была.

Остатки постройки «А-3» располагались на 10 см выше постройки «А-2» и, соответственно, на 25–30 см выше поверхности материка. В материке четко прослеживалась канавка от восточной стены постройки. Дно канавки от западной стены, видимо, не достигло поверхности материка. В северной части прослеживался ряд столбовых ямок, вероятно, относившихся к этой стене. Судя по ним, ширина постройки была всего 3 м. Ориентирована постройка «А-3» почти по линии север–юг (азимут 3º). Хорошо сохранилась поверхность сгоревшей растительной выстилки на полу. С востока эту поверхность оконтуривали остатки сгоревшей стены. «Тамбур» находился примерно на том же месте, что и в двух предшествовавших постройках. Сохранились остатки двух его стен, которые, видимо, оказались несколько смещены. Расстояние между двумя лежавшими параллельно жердями было всего 40 см. Остатки северной стенки тамбура, видимо, оказались смещенными на юг. Южная стенка, вероятно, осталась на своем месте, что доказывает лежавшее впритык к ней непотревоженное обугленное днище берестяного туеса. В северном и южном помещениях были прослежены очаговые линзы песка. У очага в северном помещении сохранился с одной стороны деревянный «бортик». Очаговые линзы имели овальную форму чуть более 1 м в диаметре и возвышались примерно на 10 см над поверхностью пола.

Постройка «А-4», зафиксированная на глубине –356–376, имела иную сохранность по сравнению с нижележавшими. Золистый пол отсутствовал. Возможно, условия гибели постройки были иными, выстилка не горела. От постройки сохранились две очаговые линзы с фрагментами деревянных бортиков и часть восточной стены. Ориентация постройки «А-4» (азимут 9º) отличалась от ориентации постройки «А-3» и почти точно соответствовала более ранней постройке «А-2». Планировка, видимо, не претерпела изменений. Остатки «тамбура» не сохранились, но можно предполагать, что он находился примерно на прежнем месте между двумя помещениями, отапливаемыми очагами.

Форма очагов была близка к квадрату со стороной 2 м. Лучше сохранился очаг северного помещения, удалось проследить прямой угол конструкции. Обугленные остатки восточной внешней стены отстояли от очага примерно на 1 м. Если допустить,

[2] Нужно отметить, что ненцы покрывали матами из ольховых прутьев или других подобных материалов пол построек, особенно спальные места. Так обеспечивалась тепло- и гидроизоляция (сведения сообщены автору ненками из поселка Нельмин нос Ненецкого автономного округа Ф.С. Кауц и А.А. Помылевой). Циновки из пучков травы, переплетенной бечевками, хвороста известны у хантов и других народов Сибири (*Лукина*, 1985. С. 267–268).

что очаг находился примерно на оси дома, то можно предполагать, что ширина постройки равнялась 4 м.

Постройка «Б-1» была прослежена на уровне материка. В раскоп вошла ее западная внешняя стена и две внутренние перегородки. На дне канавки от внешней стены четко прослеживались два ряда ямок через интервалы в 30 см от жердей, забитых в материк. Кроме того, в канавке прослеживались остатки продольно лежавшего бревна. Вероятно, стена имела сложную конструкцию «пакета» – внешний плетень, внутренний плетень и какое-то заполнение между ними, может быть, из горизонтально положенных бревен. Постройка была ориентирована почти так же, как и постройка «А-1» (азимут 355º). Расстояние между постройками «А-1» и «Б-1» равнялось 1,4 м. Фрагмент постройки «Б-1», вошедший в раскоп, был разделен на три секции. Центральная секция – «тамбур» – имела ширину 1,5 м. Северное помещение имело длину более 4,5 м, а южное – более 3 м. Северное и южное помещения имели очаги – чашевидные углубления глубиной до 10 см, вырезанные в материковом суглинке, заполненные песком. Очаги имели вид прямоугольников со скругленными углами размерами 1 × 1 и 1,2 × 0,8 м. Пол постройки был прослежен только в южном помещении в виде прослойки золы от сгоревшей выстилки. Уровень пола был всего на несколько сантиметров выше материка.

По продольной оси постройки прослежены ямы от крупных столбов, на которых, видимо, держался конек двускатной крыши.

Постройка «Б-2» прослеживалась на уровне материка лишь в юго-восточной части раскопа. Были прослежены две канавки от внешних стен, ориентированных по азимуту 9º. Расстояние между стенами равнялось 3,4 м. На дне канавок прослежены столбовые ямки от забитых в землю колов плетня (?). Поверхность пола постройки была выявлена на отметках –354–370, т.е. на 5–20 см выше материка. Пол помещения представлял собой прослойку светло-бурого материкового суглинка. В центре комнаты, у очага поверхность пола была выше, в сторону стен шло понижение, перепад высот составлял 20 см. Очаг читался как «окно» размером 1 × 1,1 м в суглинке обмазки пола и имел овальную форму. Очаг был заполнен желтым песком с примесью золы. Сохранились остатки внешней и внутренней (?) стен постройки в виде полос древесного тлена, оконтуривавших вымазанный глиной пол с западной и северной стороны. Остается не вполне ясным, продолжалась ли постройка «Б-2» на север за пределы описанного выше помещения. Если продолжалась, то от северной части постройки удалось проследить лишь фрагменты поверхности золистого пола, не дающие представления о планировке.

Постройка «Б-3» прослеживалась в материке в виде цепочки столбовых ямок, оставшихся от ее западной стены. Ориентирована постройка была по азимуту 2º. Хорошо сохранился пол помещения, обмазанный глиной на отметках –340–365 (10–35 см выше материка). Постройка горела. На поверхности глиняной обмазки пола прослеживалась зола от сгоревшей травянистой выстилки. На линии продольной оси помещения хорошо сохранился очаг с глиняным бортиком овальной формы размером 1,5 × 1 м. В заполнении очага была линза песка.

Постройка «Б-4» выявлена в северо-восточной части раскопа. От нее удалось проследить лишь очаговую линзу песка с деревянным бортиком прямоугольной формы. Верх очага находился на отметке –340. Вероятно, очаг несколько раз перестраивался, линии его стен при этом немного смещались. Если предполагать, что бортики очага были ориентированы параллельно внешним стенам постройки, то азимут постройки был около 20º. В районе очага удалось проследить лишь небольшие фрагменты поверхности пола в виде прослойки золы. Как далеко продолжалась постройка «Б»-4 на юг, осталось неясным.

Остатки постройки «В» были прослежены в раскопе 1982 г. В верхней части нижнего слоя на глубине –317–330 были выявлены два объекта, напоминавших очаговые линзы. Возможно, оба объекта относились к одному сооружению, но точных доказательств тому не было, за исключением того, что они располагались недалеко друг от друга (расстояние между центрами линз около 3 м). Северный объект представлял собой линзу песка размером примерно 1 × 1 м, ограниченную деревянным бортиком с двух сторон. Бортик имел прямой угол. С севера к конструкции очага примыкал пол, маркированный сгоревшей до состояния золы растительной выстилкой.

Южный объект представлял собой линзу песка овальной формы размером 1,6 × 1,2 м. С одной стороны был прослежен деревянный бортик.

Судя по отметкам глубин, оба объекта, условно объединенные в постройку «В», существовали позже, чем постройка «А-4».

Постройка «Г» была обнаружена в 1981 г. возле западной границы раскопа. Сохранился лишь юго-восточный угол сооружения на отметке –350. Остатки стены прослеживались в виде канавки, заполненной серой супесью шириной около 10 см. Четко прослеживалась золистая поверхность пола. На этой же глубине в 5 м к северу от угла (в створе постройки) была зафиксирована линза песка, ограниченная деревянным бортиком, вероятно, очаг. Траншея XIX в. нарушила связь между этими объектами, поэтому можно лишь предполагать, что они относились к одной постройке. Положение остатков

постройки «Г» доказывает, что в древности площадка городища была немного шире сохранившейся в настоящее время, ее западная граница утрачена из-за оползневых процессов.

Рядом с постройкой «Г» было обнаружено скопление колотых камней площадью около 2 кв. м. Такие скопления несколько раз попадались в культурном слое Дьякова городища. Поскольку в конструкцию очагов построек камни не входили, то следует сделать вывод, что эти камни от очагов другого типа. Возможно, это «запас» сырья, необходимого для изготовления дресвы, добавлявшейся в керамическое тесто.

На основании вышеприведенных данных можно сделать следующие выводы о конструкциях построек, существовавших в период накопления нижнего слоя Дьякова городища.

Дома имели вид вытянутых прямоугольников, разделенных на отсеки. Ширина домов составляла 3–3,6 м. Длина превышала 10 м. Внутреннее пространство было разделено перегородками на отапливаемые комнаты и узкие холодные тамбуры шириной всего 1–1,5 м. Вход в дом, вероятно, был через тамбур. Внешние стены состояли из плетня (иногда двойного) и горизонтально положенных бревен, зажатых плетнем и столбами. Возможно, использовались какие-то «уплотнители», вроде кусков дерна и т.п., но конкретных их следов обнаружить не удалось.

Высота стен, судя по диаметру колов плетня (2–5 см), не превышала 2 м. Внутренние перегородки были сделаны из горизонтально положенных жердей, зажатых между столбами. Дома имели двускатную крышу, на что указывают крупные столбовые ямы (диаметр 15–20 см), расположенные примерно по продольной оси построек с интервалом 2,5–3 м. Эти столбы располагались не в центре комнат, а вблизи перегородок. Края крыши, вероятно, опирались на горизонтально положенные жерди, поддерживаемые дополнительными столбами, поставленными вдоль внешних стен на расстоянии 20–40 см от них. Внутренние перегородки также могли служить опорами для слег. Очаги располагались примерно по оси сооружения, внутри комнат они были смещены к одной из перегородок. Форма очагов могла быть как овальной, так и прямоугольной, у них имелся глиняный или деревянный бортик, а внутрь насыпался песок. Аналогичные конструкции очагов были зарисованы этнографами у остяков (рис. 37, *3*). Вероятно, над очагами в крыше имелись отверстия – дымоходы, игравшие роль световых окон.

Постройки верхнего слоя представлены остатками более десятка сооружений, группировавшихся в пределах раскопа на семи участках: «Д»–«Л». От многих сооружений сохранились лишь незначительные фрагменты. Полностью в раскоп вошли постройки «Д» и «Е».

Профиль восточного борта раскопа 1982 г. дает представление о свите слоев постройки «Д». Остатки построек составили пачку слоев на глубине –140–260. В этой пачке можно выделить не менее семи уровней по количеству прослоек песка (подсыпки очагов/полов) и углисто-золистых поверхностей, фиксирующих горизонты сгоревших выстилок на полах. Истинное количество ремонтов построек было еще больше. В разрезе бровки, оставленной при расчистке уровня «Д-4» (рис. 39, *3*), хорошо выделялись дополнительные горизонты полов, не связанных с пожаром сооружения, которые не были выявлены в плане.

Нижние два пола («Д-1», «Д-2») в этой свите были зафиксированы на глубине –255–268. Сохранились лишь фрагменты поверхностей, границы постройки не прослеживались.

На уровне –235–250, обозначенном как «Д-3», был прослежен очаг в виде линзы песка, заключенной в сгоревшую деревянную конструкцию прямоугольной формы (цв. вкл., рис. 11). Песок, видимо, сильно «расползся» за пределы стенок очага. Возможно, подсыпка песка специально была сделана по площади постройки. Вокруг очага и частично поверх него прослеживалась поверхность сгоревшей выстилки, лежавшей на полу. Поверх песчаной линзы прослеживались фрагменты деревянной конструкции и линзы глины, вероятно, связанные с ремонтами (разрушением?) очага. Наиболее четко сохранились остатки западной стены постройки и ее юго-западный угол. Стены состояли из горизонтально положенных тонких бревен. Бревно южной стены заходило на бревно западной стены. Плохая сохранность древесины не позволила выяснить, каков был характер соединения. Вероятно, можно предполагать наличие примитивной срубной конструкции, дополненной вертикальными столбами. Один такой столб примыкал к южной стене в квадрате 83. Восточная стена постройки сохранилась значительно хуже – в виде полос древесного тлена. Северная стена не сохранилась вовсе. Северная граница постройки реконструируется по границе выстилки пола. Общие габариты постройки равнялись примерно 3 × 3 м. Очаг располагался почти точно по центру постройки. О месте входа судить затруднительно.

Остатки постройки, обозначенной как «Д-4», залегали на отметках –195–237. Постройка сгорела, остатки пожара не были в древности убраны, поэтому информация о данном объекте относительно полная. Границы постройки маркированы обугленными плахами от стен. Судя по ориентировке остатков стен,

можно думать, что форма здания была близка к прямоугольной, размером 3,5 × 4 м. В центре находился круглый очаг диаметром около 1 м. Очаг имел обрешетку из дерева, внутри которой был насыпан песок. Поверхность пола была выстлана каким-то покрытием из органического материала, который сгорел в пожаре. Пол постройки имел уклон в северном направлении. Восточная граница постройки была маркирована скоплением обожженных кусков глины с отпечатками ткани и дерева (цв. вкл., рис. 12). Судя по форме кусков обмазки, они происходят от «коробчатой» конструкции с прямыми углами. Вероятно, обмазки входили в конструкцию очага, который был разобран[3]. Они могли служить также «глиняными пробками», которые, согласно реконструкции архитектора А.В. Шишкова, уплотняли и фиксировали тканые покрытия полов в углах постройки (рис. 40).

Пол постройки был буквально завален фрагментами керамики, из которых было собрано около 10 целых форм. Вплотную к очагу стоял вкопанный в землю крупный тарный сосуд. На полу было также обнаружено значительное количество сгоревшего зерна. По углям из постройки «Д-4» получена серия радиоуглеродных датировок, с наибольшей вероятностью указывающих на II в. н.э. Этот горизонт является реперным хронологическим уровнем.

Уровень постройки «Д-5» прослежен на отметках –190–210. Постройка не горела, поэтому характер остатков и планиграфическое распределение находок были иными, чем на нижележащем уровне «Д-4». Поверхность выстилки пола не была прослежена. Контуры постройки определялись по прослойке песка, подсыпанного на пол. Вдоль восточной стены постройки была сделана подмазка из глины, видимо, для гидроизоляции. На основании микростратиграфических наблюдений можно предполагать, что данная подмазка была сделана спустя какое-то время после подсыпки песка («глиняная доска» висела в культурном слое чуть выше прослойки песка, который «нырял» под нее). Положение глиняной подмазки относительно стены остается неясным. Точное место очага не было определено. Вероятно, он находился в квадрате 83/124 возле западной стены постройки. Здесь песок образовывал «купол» и прослеживалась обмазка из суглинка по границе (?) очага. Реконструируемые размеры постройки составляют примерно 4 × 4 м (цв. вкл., рис. 13). О прямоугольности постройки свидетельствует особенность формы глиняной подмазки в юго-восточном углу. Здесь же прослежен ряд столбовых ямок, напоминавших след от плетня, вероятно, связанного с конструкцией постройки. Важно отметить, что в пределах центральной части постройки почти не было встречено развалов горшков, кухонных остатков. Их скопление прослежено вдоль северной и восточной стен. В районе очага лежал рогатый кирпич (в квадрате 116).

Уровни «Д-6» и «Д-7» сохранились существенно хуже, чем нижележащие. Нивелировочные отметки этих уровней –165–190. Слои понижаются с юга на север. Определить контуры постройки оказалось невозможным. Более или менее четко проявились лишь направления двух стен (отмечены на цв. вкл., рис. 14). Наличие двух прослоек песка (одна под другой) свидетельствует о том, что было два горизонта строительства. Южная стена имеет примазку из суглинка.

Комплекс построек «Е» имел не менее девяти уровней, которые четко фиксировались в разрезе восточной стенки раскопа 1983–1984 гг. (цв. вкл., рис. 6). Наилучшую сохранность в плане имели уровни 7 и 8.

Постройка «Е-7» была прослежена на глубине –165–180. Данный уровень был представлен «пакетом» из трех слоев: нижний – прослойка глины (5–12 см); средний – прослойка песка (1–10 см), лежавшего непосредственно на глине; верхний – поверхность пола в виде коричневато-бурой, едва заметной прослойки тлена толщиной менее 1 см. Глина и песок являлись, видимо, конструктивными подсыпками пола. Тот факт, что песок остался чистым и не был перемешан с культурным слоем, свидетельствует в пользу того, что поверхность собственно пола была чем-то выстлана. Постройка не горела, поэтому от выстилки сохранился лишь едва заметный тлен. В центре постройки сохранились остатки очага в виде песчаной линзы округлой формы диаметром около 1 м.

В постройке найдено довольно большое количество мелких находок (потерянные вещи), но почти не было скоплений мусора, битой керамики. Лишь вдоль северной границы залегало несколько небольших скоплений керамики и костей.

Контуры постройки определяются глиняной прослойкой. Размеры постройки 4 × 5 м. Видимо, углы сооружения не были прямыми. Общий план дома – «ромбовидный». Северо-восточный угол разрушен траншеей 1875 г. В центре, возле очага, уровень пола был наиболее высоким, к краям постройки он понижался на 10–15 см.

Вдоль западной границы постройки сохранились обугленная плаха и ряд столбовых ямок. Возможно, эти объекты относились не к данному уровню, а к нижележащему уровню «Е-6».

Вдоль южной стены прослежено две параллельных узких глиняных прослойки-примазки, видимо,

[3] Сходные по форме куски глиняных обмазок очагов, залегавшие in situ, мне довелось исследовать на поселении Благодать в Тульской области, которое датируется III–IV вв. н.э. (*Кренке и др.*, 2010).

показывающих положение внешней стены и внутренней перегородки (?). Если последнее предположение верно, то из этого следует, что у постройки были узкие сени шириной чуть более 1 м. Вход в жилое помещение, видимо, был с юга, через сени.

Постройка «Е-8» была прослежена на глубине –128–186 (рис. 45). Пол постройки был обмазан суглинком, поверх которого насыпан тонкий слой песка толщиной 1–5 см. Чистота речного песка свидетельствует о том, что на его поверхности было покрытие, которое не удалось проследить на большей части постройки. Лишь в юго-восточном углу, где это покрытие сгорело, оно имело вид золистой поверхности. Форма постройки близка к прямоугольной, углы практически прямые – отклонение от 90º составляло не более 2–3º. Рельеф обмазки пола был «куполообразный», в центре отметки были на 20–30 см выше, чем по краям возле стен. Очаг не сохранился, так как самый центр постройки был уничтожен поздней ямой. В южной части постройки над уровнем пола прослежен глиняный бортик, вытянутый параллельно южной стене. Возможно, эта примазка была сделана вдоль внутренней перегородки. Внешняя стена могла располагаться на 1 м южнее. В пользу этого свидетельствует то, что глиняный пол выступал за границу глиняного бортика. Таким образом, можно предполагать, что вход в постройку был с юга, перед основным помещением были сени шириной около 1 м.

Постройка «Е-8» частично горела. Сохранились остатки сгоревшей конструкции северной стены в виде плах и участок сгоревшего пола в южной части постройки. Возле северо-западного угла постройки под остатками стены была найдена нижняя человеческая челюсть. Челюсть не подверглась воздействию огня. По определению С.Г. Ефимовой (НИИ антропологии МГУ), челюсть принадлежала мужчине возрастом около 35 лет.

Комплекс построек «Ж» находился на стыке раскопов 1983–1984 и 1987 гг. Качество фиксации в раскопе 1987 г. было значительно лучше. Всего на участке «Ж» было не менее 7–8 уровней построек. Лучшую сохранность имели уровни 3 и 4, считая снизу. Вероятно, эта постройка синхронизируется с постройками «Д-4» и «Д-5».

Постройка «Ж-3(4)» вошла в раскоп на три четверти, остался неисследованным лишь северо-западный угол. Постройка имела форму почти правильного квадрата размером 5 × 5 м. Границы стен маркировались полосами глиняных подмазок и сгоревшими плахами. Внутри помещения по всей площади был отсыпан песок, по поверхности которого находилась какая-то изолирующая выстилка. Эта выстилка была прослежена лишь в 1987 г. в виде тонкой (менее 1 см толщиной) коричневатой прослойки тлена. Из слоя выстилки был отобран образец для определения фитолитов. По определению А.А. Гольевой, образец содержал большое количество фитолитов мхов, диатомовые водоросли, спикулы губок, а также небольшое количество фитолитов хвойных. Скорее всего хвоя была принесена вместе со мхом.

Вдоль восточной стены постройки с внешней стороны глиняной примазки прослеживался «золистый пол». Это та же самая выстилка, но только сгоревшая. Бровка, заложенная для изучения микростратиграфии, показала, что на самом деле полов было не менее двух, т.е. постройка ремонтировалась. Возле юго-восточного угла постройки на расстоянии 1 м от глиняной примазки были обнаружены ямы от столбов диаметром около 20 см и сгоревшие плахи. Можно предполагать, что здесь находились «сени», аналогичные тем, что были прослежены в постройке «Е». Иначе трудно объяснить наличие поверхности золистого «пола» с внешней стороны стены постройки. В этих сенях было довольно много мусора, в том числе развал горшка. Допустив наличие сеней, следует также предполагать, что вход был через них с юго-восточной стороны. Очаг был смещен к южной стенке постройки. В 1987 г. была четко прослежена конструкция ограждения очага. Это был плетень с колышками через 30–40 см, забитыми на глубину 30 см. Форма очага овальная диаметром около 1,5 м, его внутреннее пространство было заполнено песком и возвышалось на 5–10 см в виде небольшого холмика над полом постройки (цв. вкл., рис. 15). Постройка «Ж-3» важна также тем, что дает представление о конструкциях стен. В северо-восточном углу был прослежен четкий столб, который, видимо, «держал» горизонтально положенные бревна (жерди) стен, остатки которых сохранились.

Внутри постройки были найдены обломки грузика дьякова типа (находка 436-83), оказавшиеся в разных частях сооружения – в квадратах 113 (юго-восточный угол) и 266 (северо-восточный угол). Перепад глубин залегания фрагментов составил 10 см (–216 и –226).

Постройки «З», «И», «К», «Л» вошли в раскоп лишь небольшими частями. Каждый из этих участков имел по нескольку уровней, что прослеживалось по профилям бортов раскопа.

На участке «З» прослеживалось два комплекса построек – нижний, представленный двумя уровнями, относящийся к основанию верхнего слоя, и верхний, представленный, как минимум, уровнями четырех построек, существовавших на позднем этапе формирования верхнего культурного слоя.

Постройки нижнего уровня на участке «З» наслаивались одна на другую. По наличию двух уров-

ней линз песка на глубине –280–330, т.е. в самом основании верхнего слоя, можно предполагать, что было два строительных горизонта. Четко читалась граница, проходившая через квадраты 62, 69 и 76, ориентированная по направлению ЮЗ – СВ. Постройки имели производственное назначение, были найдены во множестве целые льячки и их мелкие фрагменты (рис. 47). На границе залегала масса мелких фрагментов битых льячек, мелкие древесные угольки. К западу от границы прослеживались линзы песка и пятна углисто-золистых поверхностей «полов». По-видимому, большая часть постройки осталась за пределами раскопа, ее контуры и габариты остались невыясненными.

Постройки, прослеженные в верхней части верхнего слоя на участке «З», не имели признаков производственной деятельности. Скорее всего это были обычные жилые сооружения типа построек на участках «Д», «Е» и «Ж». Уровень «З-3» этого комплекса построек прослежен на глубине –210–220 (рис. 48). Вероятно, постройка уходила в северный борт раскопа. Удалось проследить фрагменты сгоревших конструкций двух стен сооружения (восточной и южной), которые были ориентированы перпендикулярно друг другу. В пространстве, ограниченном сгоревшими плахами прослеживались линзы песка и золистые поверхности. С востока к постройке примыкало скопление мусора, содержавшее кости и керамику. К югу от постройки зафиксированы линзы суглинка и песка, скопления керамики. Возможно, здесь было еще какое-то сооружение, от которого мало что сохранилось.

Уровни «З-4, 5, 6» представлены наслаивавшимися друг на друга линзами песка, форма которых приблизительно повторяла друг друга. Глубины залегания этих остатков находились в интервале –160–190. Линзы песка залегали приблизительно над постройкой «З-3» со смещением к югу примерно на один метр. Наиболее четко выдерживалась южная (условно) граница сооружения. На участке южной границы контура песка была отмечена характерная узкая вытянутая линза суглинка – примазка стены? Относительно конструкций этих построек можно лишь сказать, что длина одной из стен была около 5 м. С постройкой связаны скопления горелого зерна и рыбьей чешуи.

Комплекс построек на участке «И» был исследован в 1981 г. Прослойки подсыпок шести уровней полов построек, существовавших на этом участке, прослеживались в южном борте раскопа 1981 г. (рис. 49). Наиболее четко удалось проследить постройку уровня 3 на глубине –200–220. Постройка вошла в раскоп своей северной половиной. Западная и северная стены были обозначены сгоревшими плахами, ориентированными под прямым углом друг к другу. Пространство внутри было занято песчаными прослойками, надстилавшими друг друга. Длину северной стены постройки можно реконструировать – она равнялась приблизительно 5 м.

Уровни 4 и 5 хорошо прослеживались в профиле, но в раскоп заходил лишь незначительный фрагмент этих построек – северо-западный угол. Самый верхний уровень 6 был почти полностью разрушен.

Постройка «К» располагалась между постройками «Е» и «Ж» (рис. 50). Постройка, вероятно, имела прямоугольную форму и размеры около 4 × 5 м. Можно думать, что ее западная стена была не более 4 м, так как с юга постройка «К» была «зажата» постройкой «Е». На участке, где располагалась постройка «К», раскоп был доведен лишь до глубины –220, поэтому в нашем распоряжении имеется информация лишь о верхних уровнях постройки в интервалах глубин –180–220.

На уровне «К-1» на глубине около –220 остатки постройки прослеживались как обширная линза песка, к которой в северо-западном углу примыкала овальная линза суглинка. Последняя не была похожа на очаг.

Уровень «К-2» был представлен линзами песка, которые надстилали нижележавший уровень. Уровень «К-3» сильно пострадал от поздних перекопов. Постройка этого уровня была выдвинута примерно на 1 м к северу по сравнению с нижележащими. Северная стена постройки была четко маркирована прослойкой суглинка, имевшей характерный «бортик» – приподнятый внешний край. Можно предполагать, что данная прослойка являлась примазкой вдоль стены постройки. Непосредственно на глине залегала прослойка песка – подсыпка пола. Возле северо-западного угла были прослежены две столбовые ямы, возможно, связанные с постройкой.

С севера к постройке «К-3» примыкал зольник диаметром около 2 м, в центре которого было темное круглое пятно диаметром около 35 см.

Свита прослоек, обозначенных как комплекс построек «Л», была прослежена лишь в профиле восточного борта траншеи в квадратах 167, 169. Остатки построек залегали на уровне среднего горизонта верхнего слоя на отметке около –240–250. В профиле были отмечены прослойки суглинка, песка, углистый горизонт и горизонт тлена. По-видимому, можно говорить об одном-двух строительных уровнях. При этом надо учитывать, что стратифицированный слой выше отметки –230 не сохранился.

Помимо построек, описанных выше, в среднем горизонте верхнего культурного слоя на отметке –240 был встречен объект, который также имел очаг, но совершенно другого характера, чем описанные выше очаги построек. Очаг представлял собой скопление

пережженных камней и золы. Толщина скопления около 10 см, форма округлая, диаметр – 1,5 м (рис. 51). Подстилающая земля была прокалена, что доказывает горение на месте. Вокруг очага на площади 3 × 4 м были разбросаны пережженные очаговые камни. Учитывая то, что на мысу городища постоянно дует сильный ветер, трудно предположить, что на поселении были открытые очаги. Вероятно, данный очаг также входил в какую-то постройку, которая не имела подсыпок песка и суглинка на полу.

Таким образом, в верхнем культурном слое была прослежена серия однотипных жилых построек. Жилой характер доказывается набором мусорных остатков, включавших рыбью чешую, кости животных, развалы горшков и столовых мисок. Постройки были прямоугольной формы, размерами около 4 × 5 м, столбовой конструкции, со стенами из горизонтально уложенных в заплот досок (бревен?). Материалом для строительства в основном служила липа (табл. 6). У построек был очень тщательно выполнен пол, который представлял собой «пакет» подсыпок песка и суглинка, перекрытых матами. Близко к центру дома имелся очаг в виде короба или обрешетки, внутрь которых был насыпан песок (рис. 46). Есть некоторые основания предполагать, что постройки имели узкие (около 1 м шириной) сени. Именно благодаря тому, что полы построек постоянно обновлялись, на городище приносилось большое количество песка и суглинка, что обеспечило формирование стратифицированных напластований.

Помимо основного типа построек на площадке существовали и иные сооружения. Раскопано частично одно производственное строение, где производилась плавка бронзы; постройка с каменным очагом, не имевшая «гладкого» пола.

Таблица 4. **Данные об археологических исследованиях Дьякова городища и его окрестностей в 1981–1996 гг.**

№ на цв. вкл., рис. 1	Название памятника	Год раскопок	Площадь раскопа, м	Примечание
1	Дьяково городище (площадка)	1981	44	Культурный слой исследован на всю глубину
		1982	52	
		1983–1984	64	
		1985–1986	8	
		1986	30	Исследован лишь верхний культурный слой
		1987	42	
	Дьяково городище (северный склон)	1983, 1984	34	
	Дьяково городище (вал)	1982	16	
	Дьяково городище, всего	1981–1987	290	
11	Селище Коломенское 1	1991	2	
10	Местонахождение на месте Коломенского дворца	1996	Раскопки	
8, 9	Селище Коломенское-3 (К югу от ц. Вознесения)	1986, 1994	20	
7	Местонахождение в Голосовом овраге	1986	8	
2	Селище Дьяково-1 («Выгон»)	1986	88	
3, 4	Селище Дьяково-2 (Дьяково-пойма)	1983, 1985	180	
6	Селище Дьяково-3 (Дьяково южное)	1992, 1993	3	
12	Местонахождение к югу за рвом Дьякова городища	1992	–	
5	Селище Чертов городок	1981, 1982, 1984	46	

Таблица 5. **Объем изученного стратифицированного слоя на площадке Дьякова городища (1981–1987 гг.)**

Слой	Глубина от условного нулевого репера	Исследованный объем (куб. м)	
Верхний слой («А»)	110–160	48,5	Всего для слоя «А» – 233 м³
	160–210	47	
	210–260	65	
	260–310	72,5	
Нижний слой («В»)		109	
Погребенная почва (слой «Г»)		5	

Таблица 6. **Результаты определения пород древесины по углям (определения произведены Г.Б. Кедровым, ст. научным сотрудником кафедры высших растений биофака МГУ)**

Номер образца	Место отбора образца	Номер радиоуглеродного образца	Порода дерева
1	Квадраты 109, 117, глубина –227	–	Липа (*Tilia cordata*)
2	Квадраты 83, 87, глубина –210–220	ГИН-3195	Липа (*Tilia cordata*)
3	Квадрат 137, глубина –195–200	ГИН-4179	Липа (*Tilia cordata*)
4	Квадрат 82, глубина –190–200	ГИН-3196	Липа (*Tilia cordata*)
5	Квадрат 87, глубина –195	ГИН-3194	Липа (*Tilia cordata*)
6	Квадраты 74, 83, 87, глубина –210–220	ГИН-3192	Липа (*Tilia cordata*)
7	Квадрат 86, глубина –200–210	ГИН-3193	Липа (*Tilia cordata*)
8	Квадрат 131, глубина –205	ГИН-3458	Рябина (*Sorbus sp.*)
9	Квадрат 122, глубина –180	ГИН-3463	Сосна (*Pinus sylvishis*)
10	Квадрат 130, глубина –205–210		Кора
11	Разрез вала, кв. А-5, глубина –200	ГИН-3181	Липа (*Tilia cordata*)
12	Разрез вала, кв. А-5, глубина –190–200	ГИН-3181	Липа (*Tilia cordata*)
13	Разрез вала, кв. А-5, глубина –250–270	ГИН-3182	Липа (*Tilia cordata*)
14	Разрез вала, кв. А-5, глубина –356–358	ГИН-3185	Дуб (*Quercus robus*)
15	Квадрат 83, глубина –400–410	ГИН-3189	Ясень (*Fraximus excelsior*)

Глава третья

КОЛЛЕКЦИЯ ВЕЩЕЙ

При раскопках 1981–1987 гг. на Дьяковом городище 2564 объекта было взято как индивидуальные находки, из них 2436 относятся к железному веку. В это число не входят развалы целых сосудов. Коллекция – одна из самых крупных в сравнении с другими памятниками дьякова типа в Подмосковье (табл. 7).

Структура этой вещевой коллекции представлена в таблице 8. Около половины индивидуальных находок – предметы домашнего обихода. На втором месте – украшения и детали одежды. В это число условно включены глиняные бусы (202 экз.), статус которых не вполне ясен. Возможно, их следует относить не к украшениям, а к предметам неутилитарного (культового?) комплекса. Серия глиняных табличек, статуэток и прочих «культовых» объектов довольно велика – более 100 предметов, около 5% от всей коллекции. Значительна серия метательного оружия – стрел и шариков для пращи – их в совокупности почти 400 экземпляров. Предметы, связанные с железоделательным и бронзолитейным производствами, составляют в коллекции более 8%.

Рассмотрим комплексы находок, приуроченных к определенным слоям. Предварительно необходимо отметить, что была сделана попытка оценить достоверность стратиграфических комплексов. Культурный слой городища пронизан ямами от столбов построек, что особенно хорошо было видно при зачистке светлой поверхности стерильной прослойки (цв. вклейка, рис. 8, *3*), т.е. перемещения находок вполне возможны. В качестве критерия было принято распределение массового материала – фрагментов от развалов целых горшков и фрагментов грубой текстильной керамики, характерной исключительно для нижнего слоя городища. Проведенные подсчеты позволяют сделать вывод, что около 3% находок «переотложено по вертикали». Масштабы вертикального перемещения редко превышают 30–40 см. Таким образом, комплексы находок из горизонтов, выделенных стратиграфически, заслуживают большого доверия, вероятность ошибки присутствует, но она очень невелика.

Характеристика находок из слоя погребенной почвы (слой «Г»)

В данном горизонте было найдено всего несколько вещей, которые не могут дать представления о наборе, но важны для определения датировки и функциональной специфики поселения. В слое «Г» найдено 7 обломков глиняных литейных форм (рис. 52). Шесть экземпляров представляют собой фрагменты глиняных литейных форм, предназначавшихся для отливки бронзовых «браслетов» диаметром 12–14 см с круглым сечением размером 5–7 мм. В кавычки слово браслеты взято потому, что диаметр 13–14 см в большей степени соответствует диаметру гривны. Аналогичные литейные формы известны на памятниках I тыс. до н.э. в Литве (*Luchtanas*, 1981. P. 8, 9. Il. 3, 4; *Grigalavičiene*, 1986. Il. 24; 1992. Fig. 12), Латвии (*Дайга*, 1960. С. 79, 81; *Graudonis*, 1989. Tab. XXXV; *Vasks*, 1994. Lpp. 121, 123), Эстонии (*Indreko*, 1939. Lk. 35; *Vassar*, 1939. Lk. 78,79, joon. 43, 44; *Lang*, 2007. Fig. 52), Карелии, Финляндии (*Фосс*, 1952. С. 95, 99, рис. 53; *Манюхин*, 1996. С. 234, рис. 58, *9*), Белоруссии (*Егорейченко*, 2006. Табл. 39), на территории современных Псковской и Тульской областей, на Верхней Волге (*Третьяков*, 1976. С. 208; *Изюмова*, 1967. Рис. 5, *1*; *Смирнов К.А*., 1992. С. 52).

Сохранившийся на Сатинском городище экземпляр формы для отливки двух браслетов позволяет установить приблизительную конструкцию формы с Дьякова городища (*Изюмова*, 1967. Рис. 5, *1, 2*). Судя по всему, она представляла собой глиняное кольцо с плоским основанием – результат формовки на ровной, гладкой подставке. Литниковая часть находилась на внешней боковой стороне, с полостью внутри формы она соединялась одним или двумя литниковыми каналами.

Из шести сохранившихся фрагментов, найденных в погребенной почве, три представляют собой верхние части формочек, два – нижние и один – обломок с полностью сохранившейся частью канала. Ширина основания фрагментов 13–18 мм; толщина стенок 2–9 мм. Судя по обломкам, в сечении формочки были трапециевидными с закругленной верхней

частью, высота достоверно определяется только для одного фрагмента – 20 мм.

Технология изготовления подобных форм реконструирована достаточно детально (*Изюмова*, 1967. С. 132; *Дайга*, 1960. С. 82). Восковую модель браслета, возможно, предварительно покрывали тонким слоем глины, помещали на плоское глиняное кольцо, после чего тщательно со всех сторон обмазывали формовочной массой. Шов в виде тонкой продольной трещины, идущей по внутренней стороне кольца, образовавшийся в результате скрепления краев обмазки, заметен на одном из фрагментов. В результате изучения формовочных масс, проведенного О.А. Лопатиной, было установлено следующее: для изготовления форм в качестве исходного сырья была использована ожелезненная глина, из естественных примесей отмечены мелкие слюдистые скопления и песок. В формовочные массы всех образцов был добавлен навоз, при этом его содержание составляло 20–25%. Качественный состав и размеры естественных примесей, а также сходство концентрации навоза в качестве искусственной добавки позволяют предполагать, что пять образцов относятся к одной форме.

Допустимо, что в подобных формах могли отливать изделия как с сомкнутыми, так и разомкнутыми концами. Фрагментированность находок с Дьякова городища не позволяет установить форму всех отливавшихся изделий. Определенно можно утверждать лишь то, что на памятнике изготавливались браслеты (гривны) с разомкнутыми концами, только в этом случае можно было снять с готового изделия обломок формы с полностью сохранившимся фрагментом канала.

В Москворечье кроме Дьякова городища аналогичные формы известны еще на Щербинском городище, где были найдены фрагметы форм для изготовления как одного, так и сразу нескольких браслетов (*Дубынин*, 1974. Табл. XVII, 5; *Смирнов К.А*., 1974. С. 68, 88, табл. IX, *2*).

Сами бронзовые браслеты сходных форм были найдены на Москве-реке, на городище у дома отдыха «Связист» в черте г. Звенигорода и Селецком (*Нефёдова*, *Янишевский*, 1990); на правом берегу Оки в пределах Московской области – на городищах Мутёнковском (*Сидоров*, 2004. С. 115) и Свиридоново III (работы А.С. Сыроватко, 2010 г.). Браслет с городища «Связист» имел диаметр 8 см, гладкий участок сочетался с участком, покрытым поперечными рубчиками. Незначительные фрагменты литейных форм с Дьякова городища – гладкие, что не исключает возможности того, что на целых изделиях были рубчики.

Кроме фрагментов форм для браслетов в погребенной почве был обнаружен фрагмент створки разъемной (?) глиняной формы для отливки булавки с двуспиральным навершием. На внутренней поверхности сохранилось изображение двух смыкающихся спиралей диаметром 15 мм каждая и небольшое углубление между ними, возможно, от стержня булавки. Негатив изделия мог быть получен путем отпечатка модели в глине. Выпуклая скругленная внешняя поверхность обломка свидетельствует о том, что он представлял собой фрагмент верхней створки формы. Образец обнаруживает большое сходство с формами для отливки браслетов по составу исходного сырья (ожелезненная глина с естественной примесью слюды, пылевидного и мелкого песка) и по характеру искусственной примеси (навоз в концентрации 20–25%).

Аналогии подобным булавкам есть в древностях конца II тыс. до н.э – VII в. до н.э. Восточной Европы и Северного Кавказа (*Смирнова*, 2006. Рис. 5; *Патрушев*, 1984. Рис. 25; *Козенкова*, 1977; 1998. С. 64). Бронзовая булавка, очень похожая на оттиск в форме с Дьякова городища, была найдена на днепро-двинском городище Дроветчино на верхнем Днепре (*Шмидт*, 1992. Табл. 11, *4*). На москворецких городищах биметаллическая булавка с двуспиральным навершием встречена на городище Дютьково возле Звенигорода (*Кренке и др*., 2010). Аналогичное навершие железной булавки найдено на селище Веськово 1 на Плещеевом озере (*Вишневский*, 1990). В обоих случаях контекст находок указывает на ориентировочную датировку первой половиной I тыс. до н.э.

Кроме литейных форм было найдено два бронзовых украшения – плоская подвеска, по форме близкая к треугольной со скругленными углами, и обломок стержня булавки квадратного сечения (рис. 102, № 879, 341).

Аналогичные подвески встречены на днепродвинском городище у д. Анашкино на Жижицком озере (*Короткевич*, 2004. Рис. 34, *5–7*). Автором раскопок они отнесены к третьей четверти I тыс. до н.э. Однако керамика, сопровождавшая эти находки (короткий профилированный венчик, орнаментация гребенчатым штампом), близка к керамике из погребенной почвы Дьякова городища и, вероятно, датируется второй четвертью I тыс. до н.э. (см. гл. 4).

Тип булавки неопределим из-за отсутствия навершия, но надо отметить, что подобные изделия были широко распространены в «скифоидных» городищах лесостепной зоны в Курской области (*Пузикова*, 1981; 1997) и севернее, в Тульской области (*Изюмова*, 1967. Рис. 2).

На наличие связей населения Москворечья с кругом лесостепных культур в VII–VI в. до н.э. ранее акцентировал внимание К.А. Смирнов (*Smirnov*, 1984). Факт контактов подтверждается, в частности, находками ранних двухлопастных стрел в пределах ареала

памятников дьякова типа на Саввино-Сторожевском городище (сборы 2003 г., коллекция ЗИАХМ), Ростиславле, Зарудне, Заборье (*Городцов*, 1933. Рис. 11; *Медведь*, 2007. С. 56; *Сыроватко*, 2009. С. 152).

Три фрагмента костяных изделий (острие, игла и проколка), обнаруженные в слое «Г», отличаются простотой и неспецифичностью форм.

В погребенном дерне была обнаружена одна костяная стрела «каширского типа» (рис. 83, № 876). Подобные находки соответствуют древнейшим напластованиям на городищах дьякова типа и датируются, по предположению К.А. Смирнова, VII–VI вв. до н.э. (1975. С. 31).

В перекопах было найдено два орудия из кремня, которые, вероятно, относятся к периоду жизни, оставившему след в погребенном дерне. Одно из них – обломок острия из черного кремня с двусторонней обработкой небрежной ретушью. Второе изделие – отщеп бурого кремня, несущий негативы предшествовавших скалываний на спинке. С одной стороны у него оформлено лезвие аккуратной плоской ретушью. Оба этих изделия вполне «вписываются» в кремневые комплексы москворецких памятников финала бронзового века – перехода к железному (*Кренке и др*., 2010. Рис. 3). Третье кремневое изделие, найденное в погребенном дерне, – ножевидная пластина, скорее всего более древняя, относится к эпохе мезолита – раннего неолита. Такая находка вполне ожидаема, учитывая присутствие неолитической стоянки на пойме в непосредственной близости от Дьякова городища (рис. 101).

Общая характеристика находок из нижнего слоя

Среди вещей нижнего слоя преобладают изделия из кости, которые составляют набор часто встречающихся типов вещей. Этот набор представлен, в первую очередь, двумя большими группами – инструментами и стрелами. Важно отметить, с одной стороны, отсутствие элементов упряжи, характерных для городищ Прикамья (*Ашихмина и др*., 2006. Рис. 27–31), с другой стороны, явное преобладание изделий из костей лошади и крупного рогатого скота над орудиями, изготовленными из костей диких животных – лося и медведя.

В группу инструментов входили: 1) небольшие проколки и иглы из малой берцовой кости свиньи или грифельной кости лошади, 2) массивные проколки из грифельной кости лошади или боковой метаподиальной кости лося, 3) долотообразный инструмент с устойчивой шириной рабочей части, изготавливавшийся из метаподиев крупных копытных, 4) скобели из ребер, 5) струги из метаподиальных костей, 6) черешковые ножи, 7) четырех-, трехвильчатые орудия неясного назначения. Таким образом, инструменты из кости позволяли выполнять широкий набор трудовых операций – прокалывать, долбить, резать, скрести, плести (?) и т.п. О сложившихся технологических традициях костяной индустрии свидетельствует строгий отбор сырья и то, что орудия имели устойчивые формы.

Охотничье оружие представлено почти исключительно стрелами. Лишь один гарпун был найден на Дьяковом городище в XIX в. (*Сизов*, 1897. Табл. XXII). Комплекс стрел из нижнего слоя имеет ярко выраженную специфику. Более половины всех стрел относятся к типу одношипных со скосом на противолежащей шипу стороне. Меньшим количеством представлены стрелы с подтреугольным пером без шипов, с утолщением при переходе от пера к черешку. Единичны стрелы с пулевидным, фигурным, тупым пером. Вероятно, вышеперечисленные типы стрел имели разное функциональное назначение, этим обусловливалась степень их распространенности в древности и, соответственно, частота нахождения при раскопках. Важно отметить, что сравнение форм стрел, найденных на разных уровнях нижнего слоя, позволяет наметить некоторую эволюцию их форм. Это аргумент в пользу относительной длительности накопления нижнего слоя. Тенденция изменений заключалась в появлении стрел удлиненных пропорций трехгранного сечения. Эти стрелы получают распространение на следующем этапе жизни городища.

В период отложения нижнего слоя у жителей городища, безусловно, были в ходу глиняные грузики дьякова типа. Они несколько отличаются по своим характеристикам от грузиков верхнего слоя. Именно для нижнего слоя характерны двуплощадочные (катушкообразные) грузики и крупные конические типа 1А.

Важную роль в комплексе бытового инвентаря играли предметы из камня. В первую очередь это «утюжки» с выпуклой спинкой и плоской заполированной рабочей частью и камни со сверлиной неясного назначения.

Для нижнего слоя характерно разнообразие предметов мелкой глиняной пластики неутилитарного назначения – это бусы, погремушки, глиняные таблички, зооморфные фигурки и модели предметов (рогатых кирпичей и грузиков?). Данный комплекс находит близкие аналогии на скифоидных городищах лесостепи, в частности, Курского Посеймья (*Пузикова*, 1997. Рис. 26).

Железоделательное и бронзолитейное производства, безусловно, имели существенное развитие на городище. Следы работы железным ножом по кости многочисленны, но самих находок ножей мало, это были еще относительно редкие и весьма ценимые инструменты. Можно предполагать, что существо-

вали две основные формы ножей – серповидные и с горбатой спинкой. Это подтверждает значительная серия их «дешевых заменителей» – костяных ножей.

Численное соотношение железных и костяных предметов является одной из важных диагностических характеристик нижнего слоя. Это соотношение равно 19:1.

Довольно значительная серия обломков льячек и выплески бронзы контрастируют с почти полным отсутствием самих изделий. По-видимому, для этого периода (в отличие от более позднего времени) не были характерны сложносоставные украшения с мелкими подвижными деталями, которые легко терялись.

Умбоновидное украшение из нижнего слоя, имеющее серию почти тождественных аналогий на синхронных москворецких памятниках, свидетельствует о сложении локального стиля.

Уникальная находка днища берестяного туеса указывает на наличие значительного пласта вещей из бересты, о которых мы ничего не знаем. О том, сколь разнообразными и «культуроопределяющими» могли быть формы, орнаменты этих изделий, показывают этнографические данные, в частности, по народам Западной Сибири.

Наконец, нужно отметить, что такие элементы интерьера «приочажного пространства», как рогатые кирпичи, характерны в I тыс. до н.э. для очень обширной территории – Центральнй и Северной Европы, Причерноморья, восточноевропейской лесостепи (*Пузикова*, 1997. Рис. 27). В этом отношении культура жителей Дьякова городища «вписывалась» в стиль эпохи.

Описание находок из нижнего слоя (слой «В»)

В слое «В» обнаружено 338 вещевых находок. Большинство из них сделано из кости – 248, из глины – 52, из камня – 15, из железа – 13, из бронзы – 4, из стекла – 5, из бересты – 1. Для удобства описания категории инвентаря сгруппированы по материалу. Такой подход оправдан тем, что в большинстве случаев изделия из разных материалов имели разные функции.

Изделия из кости

Проколки. Целые и фрагментированные проколки и их заготовки являются наиболее массовой находкой в нижнем слое. Их найдено 150. К категории «проколки» отнесены изделия, имеющие тонкое продолговатое острие. Проколки были довольно универсальным орудием, часто употреблявшимся и изготавливавшимся на городище. Об этом говорит их большое количество, наличие заготовок и обилие сломанных изделий. При классификации проколок учитывалась общая форма, характер обработки головки, размеры, степень заполированности. Общая форма проколок в большинстве случаев определялась формой исходной кости. Определение видовой принадлежности костей, из которых изготавливались проколки, было проведено Э.А. Вангенгейм (ГИН) и Г.В. Захаренко (ПИН).

Тип 1. Проколки сделаны из малой берцовой кости свиньи (МБК). Признаки: расширенная головка (анатомическая особенность кости, которая не устранялась, а использовалась), иногда подрезанная уступчиками. У некоторых головок имеется отверстие в головке (рис. 79), у других его нет (рис. 78). Проколки без отверстий не являются заготовками, так как многие из них сломаны в процессе использования. Вероятно, функции проколок с отверстиями и без них каким-то образом различались. Имеется один случай, когда подражание проколке из МБК было сделано из грифельной кости лошади. Всего найдено 40 экземпляров проколок типа 1, из них с отверстиями – 13, без отверстий – 12, неясные случаи – 15. Средняя длина проколок типа 1 – 8,5 см. Крайние размеры – 6,8 и 12,2 см. Хорошо заполированы лишь три проколки типа 1.

Тип 2. Проколки с выделенной головкой (рис. 80). Кость точно определить нельзя, но, вероятно, это МБК свиньи и грифельная лошади. Имеются заготовки проколок типа 2 из грифельной кости. Признаки: головка обработана сильнее, чем у проколок типа 1. Почти у всех проколок есть отверстия. Тип 2 – промежуточный. Некоторые проколки этого типа приближаются к иглам. Они малы по размерам, головка сильно сужена. Другая группа приближается к типу 1. Размеры проколок типа 2 колеблются в пределах 5,4–9 см, пять проколок имеют хорошую заполировку. Общее количество проколок типа 2 – 25 (из них с отверстиями 22).

Крупные экземпляры типа 2 можно определить как булавки. Это выделение условно. Помимо крупных размеров булавки отличает хорошая заполировка, тщательно отделанная головка с отверстием. В нижнем слое найдено 4 булавки. Кроме того, было найдено 3 заготовки (?) булавки, у которых была выделена и тщательно заполирована головка, но отверстие не просверлено. Можно также допустить, что это законченные вещи без отверстия в головке.

Тип 3. Иглы (рис. 80). Отличительные признаки: отсутствие выступающей головки. Имеются две разновидности: 1) с отверстием для продевания нити; 2) с надрезами для крепления нити, обхватывавшей иглу. Всего в нижнем слое было найдено 19 игл.

Помимо указанных выше к типам 1–3 относятся 45 экземпляров обломков остриев проколок.

Тип 4. Крупные проколки без отверстий (рис. 81). У проколок типа 4 сохранен в естественном виде верхний конец кости, который, вероятно, использовался как упор. Изготавливались из грифельной

кости лошади (разновидность «А») – 15 экземпляров; боковой метаподиальной кости лося, в том числе от молодых особей (разновидность «Б») – 5 экземпляров (рис. 82); как исключение – из метаподиальных костей крупного рогатого скота (разновидность «В») – 1 экземпляр.

Всего в нижнем слое найден 21 экземпляр проколок типа 4.

Стрелы и их заготовки. Всего в нижнем слое и перекрывающем его «стерильном» прослое, перекопах, связанных с нижним слоем, было найдено 70 стрел, их обломков и заготовок. При классификации стрел основное внимание уделялось форме пера, так как именно оно являлось «рабочей» частью, определявшей функциональное назначение. Стрелы, встреченные в нижнем слое, относятся к трем группам: 1) стрелы с удлиненным узким подтреугольным пером. Вероятно, такая форма предназначалась для того, чтобы как можно глубже поражать добычу; 2) утяжеленные стрелы с укороченным подтреугольным пером, имеющие утолщение при переходе от пера к черешку; 3) тупые стрелы, рассчитанные на оглушение добычи.

Тип 1, группа 1 (рис. 83). Одношипная стрела (№ 1081). Соответствует типу 14 по К.А. Смирнову (1974а. С. 31). Подобная стрела была найдена на Дьяковом городище в 1968 г. (*Горбаневский*, 1971).

Тип 2, группа 1 (рис. 83). Однокрылая стрела «каширского типа» (№ 876). Соответствует типу 16 по К.А. Смирнову. Стратиграфические условия залегания – на контакте нижнего слоя и погребенной почвы свидетельствуют в пользу древности находки.

Тип 3, группа 1 (рис. 83). Однокрылые вытянутых пропорций. 19 экземпляров. Кроме того, еще три заготовки и два обломка, вероятно, этого типа. Соответствует типу 17 по К.А. Смирнову (1974а. С. 32). Перо подтреугольное, удлиненное, сечение ромбическое или линзовидное. С одной стороны вырезан шип, на противолежащей стороне имеется характерный скос или уступ. Узкий черешок правильной клиновидной формы. Исследования, проведенные после выхода сводной работы К.А. Смирнова, показали, что данный тип стрел действительно являлся одним из наиболее распространенных и морфологически устойчивых на городищах дьякова типа, расположенных по Верхней Волге, Клязьме, Москве-реке и Оке. Подобные находки обнаружены на городищах Боршева (*Крис*, *Чернай*, 1980. Рис. 2), Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 3), Максимковском селище (*Вишневский*, 2009. Рис. 3), Мутенковском городище (*Сидоров*, 2004. Рис. 9). О.Н. Бадер, обнаруживший подобные стрелы на Пекуновском городище на Верхней Волге, предположил их ориентировочную датировку: «последние века до нашей эры» (1950. С. 117). Х.И. Крис и И.Л. Чернай «сузили» эту датировку до IV в. до н.э. (1980. С. 79), основываясь на стратиграфических комплексах городища Боршева.

Следует отметить, что стрелы типа 3, найденные в самой верхней части нижнего слоя или даже в «стерильной» прослойке, перекрывающей этот слой, отличаются особенно вытянутыми пропорциями и наличием резко выделенной продольной грани. При этом размер крыла заметно уменьшается. Сечение может быть треугольным (находки № 736, 740, 1213). Аналогичный наконечник встречен на городище у с. Городищи на р. Коломенке (*Сыроватко*, 2009. Рис. 93, *4*).

По-видимому, появление таких признаков, как удлиненные пропорции, незначительно выступающий шип, треугольное сечение, характеризует финальную стадию эволюции самого массового типа однокрылых костяных стрел.

Тип 4, группа 1 (рис. 84). Стрела (№ 750) с двумя короткими шипами-уступами, расположенными симметрично, сечение ромбическое. Соответствует типу 19 по К.А. Смирнову (1974а. С. 32). Тип морфологически выраженный, довольно массовый, при этом совстречаемость с вышеописанным типом однокрылых стрел относительно редка. На Дьяковом городище данная стрела была зафиксирована в верхней части нижнего слоя. Вероятно, это не случайно, такое стратиграфическое положение отражает относительно поздний возраст находки в хронологических рамках нижнего слоя. Аналогичная стрела, но более вытянутых пропорций, была найдена на Дьяковом городище В.И. Сизовым в XIX в. (1897а. Табл. XXIII, *3*).

Тип 5, группа 1. Стрелы (№ 339, 770, 976, 1103, 1262) с подтреугольным («ромбическим») пером без шипов, переход к черешку плавный, сечение пера уплощенное, линзовидное, ромбическое. Черешок короткий. Близок к типу 4 по К.А. Смирнову (1974а. С. 30). Восемь экземпляров вместе с заготовками. Стрелы типа 5 встречены во всей толще нижнего слоя, включая его верхнюю часть. Тип является морфологически устойчивым, характерным для большого ареала городищ дьякова типа. Новые находки известны на городище у с. Городищи (*Сыроватко*, 2009. Рис. 93, *5*), Максимковском селище (*Вишневский*, 2009. Рис. 2, *6*), городище Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 3), городище Ростиславль (*Медведь*, 2007. Рис. 2, *л*). На городище Дьяково две аналогичные стрелы были найдены В.И. Сизовым (1897а. Табл. XXIII, *2, 4*).

Тип 6, группа 1. Стрела (№ 1087) с подтреугольно-ромбическим пером (близки к типу 5). Отличие заключается в характерном черешке, раздвоенном в виде «ласточкина хвоста». Соответствуют типу 24 по К.А. Смирнову (1974а. С. 32). Стратиграфическое

положение единственной находки – основание нижнего слоя. Ближайшим аналогом является стрела со Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Табл. 1, *1*). Нет оснований сомневаться в подражательности этой формы костяных стрел железным наконечникам с раздвоенным черешком и датировке IV–III вв. до н.э., предложенной К.А. Смирновым для костяных подражаний. Новые находки железных стрел, служивших прототипами, в ареале распространения городищ дьякова типа представлены на городище Ростиславль (*Медведь*, 2007), селище Беседы 1 на Верхней Волге (*Кунгурцева и др*., 2009).

Тип 7, группа 1. Стрелы (№ 993, 1066) с подтреугольным пером, невыделенным черешком. Изготовлены из тонких пластинок, очень легкие, очевидно, предназначались для охоты на какую-то мелкую дичь. Наличие миниатюрных стрел в раннедьяковских комплексах по материалам городища Ростиславль отмечал А.Н. Медведь (2007. С. 54).

Тип. 8, группа 1. Стрелы (№ 753, 734) с пером в виде вытянутого заостренного круглого в сечении стержня. Черешок уплощен. Два экземпляра. Соответствуют типу 11 по К.А. Смирнову, который называл их коническими и предположительно относил к начальному этапу дьяковской культуры (*Смирнов К.А.*, 1974а. С. 31). Стратиграфическое положение находок в слое Дьякова городища такое предположение не оправдывает. Обе стрелы найдены в верхней части нижнего культурного слоя. Стрелы данного типа «переходят» в верхний культурный слой (см. ниже).

Тип 9, группа 2. Черешковые стрелы с потреугольной формой пера и утолщенной средней частью. Переход к черешку выражен уступом, на конце черешка расширение в виде лопаточки, либо симметричные выступы. Шесть экземпляров и несколько заготовок (№ 101, 408, 735, 793, 830, 1218). Соответствует типу 10 по К.А. Смирнову (1974а. С. 31). Детально описан А.Ф. Дубыниным (1974. С. 219). Размеры стрел предполагают наличие как бы двух калибров – большого и малого. Тип 9 морфологически четко выражен, безусловно, имел функциональную специализацию. Неучтенные сводкой К.А. Смирнова (1974а) новые находки происходят с городищ Боршева (*Крис*, 1974), Ростиславль (*Медведь*, 2007. Рис. 2, *в*), Мутёнки (*Сидоров*, 2004. Рис. 9, *6, 7*; *Смирнов К.А*., 1984), Максимковского селища (*Вишневский*, 2009. Рис. 2, *2*).

Судя по стратиграфическому положению находок, данный тип был в употреблении на всем протяжении формирования нижнего слоя Дьякова городища.

Тип 10, группа 3. Стрелы с плоским наконечником (№ 755, 954), сечение круглое или прямоугольное. Черешок оформлен, как у стрел типа 9, – выделен уступом и имеет лопаточку на конце. Два экземпляра.

Тип 11, группа 1. «Гибрид» между типами 5 и 10. Перо подтреугольно-ромбическое с ромбическим сечением. Длинный черешок, его конец, который вставлялся в древко, сужается уступом, завершается лопаточкой. Перо орнаментировано. Эта уникальная стрела была найдена при раскопках В.И. Сизова. Очевидно, что она относится к нижнему слою.

Тип 12, группа 2 (рис. 85). Втульчатые стрелы с подтреугольным пером и утяжеленной (расширенной) средней частью. Пять экземпляров, включая заготовки (№ 130, 337, 997, 1002, 1247). Соответствуют типу 3 («листовидные, втульчатые»), выделенному К.А. Смирновым (1974а. С. 29). Функционально, вероятно, близки к стрелам типа 9. Новые находки происходят с городища Мутёнки (*Сидоров*, 2004. Рис. 9, *10, 11*).

Тип 13, группа 1. Втульчатые пулевидные, узкой конической формы. Два экземпляра (№ 733, 978). Соответствуют типу 1 отдела втульчатых по К.А. Смирнову (1974а. С. 29). Тождественная стрела была найдена на Кунцевском городище (*Векслер*, 1972). На Дьяковом городище пулевидные стрелы найдены в верхней части нижнего слоя, что противоречит высказанному в литературе мнению об их исключительно ранней (VIII–VII вв. до н.э.) датировке (*Вишневский*, 2009. С. 465).

Тип 14, группа 3. Втульчатая стрела с фигурным трехлопастным пером и плоским концом (№ 2523). Соответствует типу 5 отдела втульчатых по К.А. Смирнову (1974а. С. 29). Из новых находок – подобная стрела происходит с городища Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 3). Ханты в XIX в. употребляли аналогичные по форме стрелы для охоты на белку, куницу, рябчика, глухаря и куропатку (*Сирелиус*, 2001. С. 284, 309).

Тип 15, группа 1. Бесчерешковые стрелы с линзовидным сечением пера, у основания с двух сторон вырезано углубление для закрепления древка. Два экземпляра (№ 1227). Соответствует типу 25 по К.А. Смирнову (1974а. С. 33). Редкий, но морфологически устойчивый тип, характерный для Дьякова городища, где тождественная стрела была найдена в 1935 г. (рис. 21, *23*). Стратиграфическое положение находки № 1227 позволяет предполагать, что стрелы этого типа бытовали на позднем этапе формирования нижнего слоя городища.

Тип 16, группа 1. Бесчерешковая стрела с подтреугольной формой пера линзовидного сечения, углублений для крепления древка нет, имеются два отверстия для привязывания (№ 1127). Вероятно, данная стрела являлась частью специализированного составного оружия вроде поворотного гарпуна. При раскопках XIX в. на Дьяковом городище было встречено изделие близкой конструкции, но отличав-

шееся по форме (*Сизов*, 1897а. Табл. XXII, *9*). Аналогия есть на Щербинском городище (Дубынин, 1974. Табл. 1, *17*).

Костяные ножи и их заготовки (рис. 86). При раскопках 1981–1987 гг. костяные ножи были обнаружены лишь в нижнем слое. Вся коллекция насчитывает 26 ножей и их заготовок. Сохранившиеся целиком экземпляры имели лезвие и выделенный черешок, что, по-видимому, предполагает наличие рукояти. Большинство ножей имеют так называемую горбатую спинку. Лишь один нож имел дуговидную (серповидную) форму спинки (№ 1089-84). Размеры ножей варьируют от совсем миниатюрных (4 см) до довольно крупных, длиной 14 см. Вероятно, форма костяных ножей копировала форму железных. Лишь в редких случаях форма ножа диктовалась формой костяной заготовки (№ 112-81). Лезвие у всех ножей хорошо заполировано от работы. Версия, предложенная К.А. Смирновым, согласно которой ножи использовались для удаления краски с тела (1974а. С. 59), кажется маловероятной. Этому противоречит сильная сработанность кромки лезвий. При этом надо отметить, что на лезвиях нет выщерблин, т.е. работа велась по относительно мягким материалам. Возможно, что ножи использовались для разделки рыбы. Рыбочистки, известные по западносибирским археолого-этнографическим данным XVII–XVIII вв., сделаны из дерева или кости (*Визгалов*, *Пархимович*, 2008. Рис. 152, 153; *Кардаш*, 2009. С. 173, рис. 3.51, *4–8*) и имеют некоторые черты сходства по форме с ножами.

На других городищах дьякова типа костяные ножи также представлены в нижних слоях массовыми сериями, что косвенно подтверждает их утилитарное назначение. Например, на городище Боршева в коллекции из нижнего слоя представлено 45 костяных ножей, аналогичных по форме ножам с городища Дьяково.

Долотообразные орудия (рис. 87). В ходе работ 1981–1987 гг. было найдено 17 долотообразных орудий. Еще 11 было обнаружено при работах XIX – начала XX в. Таким образом, данный инструмент широко употреблялся жителями городища на этапе формирования его нижнего слоя. В верхнем слое долотообразные костяные орудия не найдены. Из этого можно сделать вывод, что все находки из перекопов нужно относить к нижнему слою. Ширина рабочей части и угол заострения у долот варьирует очень мало. Ширина лезвия колеблется в пределах 6–8 мм. Рабочий конец орудий хорошо заполирован в результате работы. Значительное количество орудий, несмотря на их массивность, имеет характерный поперечный слом. Вероятно, это указывает на существенные усилия, которые прилагались при работе. Целых орудий немного, они изготовлены из расщепленных метаподиев коров и лошадей. При этом суставная поверхность являлась рукоятью. Есть орудие (№ 1225-85), которое имеет сужение на конце, противоположном лезвию. Очевидно, оно вставлялось в рукоять. То есть часть «долот» были составными. Обращает на себя внимание тот факт, что на лезвиях «долот» мало выщерблин, а на рукоятях не видно следов ударов. Видимо, ими работали по относительно мягкому материалу и в основном методом нажима. Следует провести экспериментальные исследования, чтобы установить, можно ли костяными долотами обрабатывать липу, которая была основным строительным материалом.

Аналогии костяным долотам имеются на других городищах дьякова типа, например, на Щербинском (*Дубынин*, 1974. Табл. XIX, *14*). Сходные орудия широко бытовали в этот период в лесной зоне. Находки есть на днепро-двинских городищах (*Короткевич*, 2003. Рис. 10). Железное долото, форма лезвия которого очень близка костяным, было найдено на городище Боршева (раскопки 1973 г., № 261).

Орудия с продольными изогнутыми лезвиями (скобели, скребки) (рис. 88). В данную категорию включены орудия, сделанные из ребер крупных домашних животных – коровы и лошади. Всего в коллекции 10 целых предметов и обломков. Семь из них найдены в нижнем слое, остальные – в перекопах. По-видимому, данный инструмент характерен лишь для нижнего слоя. Внутренняя вогнутая грань ребра имеет заточку с одной стороны, а на противолежащей образовалась заполировка от работы. Угол заострения лезвия весьма острый, как у ножа. На внешней выпуклой поверхности ребра имеется также заполировка от работы. Наиболее вероятный способ употребления скобелей – это вторичная обработка шкур после обработки их стругом. В.А. Городцов приводил в пользу такой интерпретации ссылку на Геродота, описывавшего использование бычьих ребер скифами (*Городцов*, 1933. С. 22). Микроскопический анализ лезвия аналогичного «тупика» с Мокрядинского городища на Смоленщине, проведенный С.А. Семеновым, позволил ему сделать вывод, что следы износа указывают на работу с кожей (*Третьяков, Шмидт*, 1963. С. 87, рис. 43). Западносибирские народы использовали для обработки шкур аналогичные по форме инструменты, но уже из железа (*Мартин*, 2004. С. 78, 79; *Мурашко*, *Кренке*, 2001. С. 43, рис. 77; *Сирелиус*, 2001. С. 279). Характер залощенности от износа, особенно наличие залощенности с тыльной выгнутой стороны, как мне кажется, исключает версию об использовании этих предметов в качестве жатвенных орудий.

Единичные струги из ребер найдены на многих городищах дьякова типа с ранним слоем (*Смирнов К.А.*,

1974а. С. 62). Значительна серия (53 экз.) была обнаружена на городище Боршева при раскопках Х.И. Крис (коллекция ГИМ). До недавнего времени наибольшая по численности (120 экз.) коллекция происходила со Старшего Каширского городища (*Городцов*, 1933. С. 22). Новые раскопки Мутёнковского городища, входящего в каширскую группу памятников, дали еще более значительную коллекцию – 200 экземпляров, которая, к сожалению, описана пока лишь суммарно (*Сидоров*, 2004. С. 116).

Орудия с прямыми лезвиями (струги) (рис. 89). На Дьяковом городище костяные орудия с прямыми лезвиями изготавливались из расщепленных метаподиев лошади и крупного рогатого скота. Один предмет (№ 459-81) уникален тем, что изготовлен из правой плюсны северного оленя. Всего найдено 12 стругов из метаподиев. Все они представлены обломками. Вероятно, эти изделия испытывали сильные нагрузки и ломались. Лезвия стругов имеют крутую заточку и гораздо прочнее, чем лезвия скобелей из ребер и ножей. Возможно, они использовались для первичной обработки шкур, отделения мездры.

В.В. Сидоров, по материалам городища Мутёнки (2004. С. 116), отмечал, что помимо изогнутых заточенных ребер существовали орудия с прямыми лезвиями, изготовленные из отростков позвонков.

В коллекции из раскопок городища Боршева есть несколько стругов, изготовленных из отростков позвонков и метаподиев.

Помимо орудий из метаподиев в нижнем слое Дьякова городища найдено изделие из лопатки, край которой обрезан и заточен. Заточка сделана под острым углом, лезвие образует слабо выпуклую дугу (№ 2572-84). Очевидно, этот предмет имел какое-то другое назначение по сравнению со стругами из метаподиев. Аналогичные предметы были найдены на городище Боршева, селище Чертов городок (*Кренке*, 1995. Рис. 6, *11*). То есть это не случайный, а морфологически устойчивый тип орудия, известный и за пределами Москворечья, например, на Смоленщине (*Третьяков*, *Шмидт*, 1963. С. 160, 161).

Не претендуя на окончательный ответ, надо отметить, что в Надымском городке в XVI–XVIII вв. из лопаток северного оленя изготавливали рыбочистки (*Кардаш*, 2009. С. 173)[1].

«Четырехвильчатое орудие» (рис. 91). В нижнем слое было найдено одно такое орудие, второй экземпляр представлен в коллекции из раскопок XIX в. (*Сизов*, 1897. Табл. XXII, *13*). Данный инструмент характерен для слоев раннего времени на памятниках дьякова типа. Находки происходят с селищ Максимковское (*Вишневский*, 2009. Рис. 2, *12*) и Попадьинское (*Горюнова Е.И.*, 1961. Рис. 34); городищ Пекуново (*Бадер*, 1950. Рис. 38, *10*), Синьковское (*Горюнова Е.И.*, 1961. Рис. 17, *11*), Кикинское (*Вишневский*, 1998. Рис. 3, *3*), Старшее Каширское (*Городцов*, 1933. Рис. XII, 6). Заполированность шипов-выступов указывает на то, что об них постоянно что-то терлось в процессе работы. В.А. Городцов предполагал связь этого инструмента с «текстильным мастерством» (1933. С. 31). Е.И. Горюнова и В.И. Вишневский считали, что орудие предназначалось для плетения сетей (*Горюнова Е.И.*, 1961. С. 89; *Вишневский*, 1998. С. 359). В литовской этнографии известно орудие для чесания льна (*mintuvai*), состоявшее из доски, в которой были закреплены деревянные заостренные стержни (экспозиция музея Истории Малой Литвы в г. Клайпеда), по форме и размерам очень напоминающие острия четырехвильчатого инструмента с Дьякова городища.

Просверленная челночная кость лошади (рис. 91, № 176, 752, 1230). Два экземпляра найдено в нижнем слое и один – в стерильной прослойке над ним. Вероятно, все три относятся к нижнему слою. Возможно, эти предметы являлись пуговицами. Аналогичные были найдены на городищах Троицкое (Древнее поселение..., 1970. Табл. 6, *5*), Свинухово (*Никольская*, 1959. Рис. 11, *10*).

Пуговицы. Найдена одна заготовка (№ 1228) почти готовой пуговицы, представлявшая собой продолговатый цилиндр с перехватом посредине (делалась, вероятно, из грифельной кости лошади). Аналогичная по форме вещь была изготовлена из камня (см. ниже). Подобное готовое изделие известно с городища Свинухово на Оке (*Никольская*, 1959. Рис. 11, *9*).

Пряжка. Найден один экземпляр, сохранившийся примерно наполовину. Форма округлая. Имеется выступ, вероятно, стилизованное зооморфное изображение. Аналогии подобным пряжкам известны в широком ареале (*Смирнов К.А.*, 1974а. С. 46). Ближайшая аналогия – находка на Троицком городище (Древнее поселение..., 1970. Табл. 5, *4*).

Бусы. Три экземпляра. Две бусины, видимо, копируют изделия из других материалов. Форма их обычна для этого вида украшений, у них просверлен один продольный канал, поперечное сечение круглое, продольное – вытянутое овальное. Третья «бусина», видимо, отличалась по назначению от первых двух. Ее форма – призматическая, имеются два взаимоперпендикулярных канала, причем один канал не сквозной. Можно думать, что данный предмет прикреплялся к нити, вдетой в одежду, и являлся фиксатором-затяжкой.

Подвески-амулеты. Найдено два экземпляра. Клык кабана с отверстием для ношения и клык медведя, также с отверстием. Относительно послед-

[1] Автор благодарен О.В. Кардашу за консультацию.

ней находки имеется некоторое сомнение в ее связи именно с нижним слоем.

«Затычки», донца (№ 166, 758). В коллекции имеются два предмета, которые с большой долей вероятности можно атрибутировать как затычки емкостей, сделанных из органических материалов (вроде бурдюков). Диаметр обеих затычек около 1,2 см.

«Донце» обнаружено одно (№ 1205), его диаметр около 3 см. Как правило, на городищах дьякова типа встречаются донца несколько более крупного диаметра (5–7 см), имеющие отверстия для крепления. Их интерпретируют как детали колчанов (*Розенфельдт И.Г.*, 1968).

Рукояти (рис. 90). Всего в нижнем слое и связанных (?) с ним перекопах обнаружено 16 рукоятей, заготовок и их обломков. Большинство сделано из длинных трубчатых костей крупных животных. Одна из этих костей была определена как лучевая медведя. Заготовка рукояти сделана из отростка локтевой кости крупного рогатого скота. Часто у рукоятей тыльная сторона не обрабатывалась, а сохранялась естественная форма кости. У нескольких рукоятей для небольших инструментов тыльная сторона гладко срезана. Лишь у одной рукояти имеются «намеки» на фигурное завершение. Тыльная сторона у этого изделия срезана под косым углом, и имеется небольшой выступ, предохранявший руку от соскальзывания. Скорее всего это рукоять от железного ножа. Несомненно, к нижнему слою относятся рукоять с грибовидным завершением и привозное (?) навершие, выполненное в зверином стиле, найденные в XIX в.

Тонкие трубчатые кости со следами пришлифовки (№ 180). В коллекции представлено два экземпляра. Следы залощенности указывают на то, что кости как-то использовались, при этом их естественную форму не пытались изменить. Эти предметы можно рассматривать как определенный вид утвари. Имеются этнографические параллели подобным объектам. Например, у хантов были распространены схожие «костяные крепилки для сухожильных нитей» (*Лукина*, 1985. Рис. 32).

Предметы неизвестного назначения. Найдено несколько обломков законченных вещей, назначение которых неясно. Это фрагмент ребра, на противолежащих сторонах которого было сделано по четыре небольших углубления (№ 772-84). Изделие орнаментировано тремя линиями, имеющими форму шеврона. Другая находка (№ 791-84) сделана из массивной кости (рога?), одна сторона которой покрыта геометрическим орнаментом. В изделии вырезано углубление, которое можно было использовать для крепления. Аналогичные крепежные углубления присутствуют на костяных дисках, которые И.Г. Розенфельдт трактует как днища колчанов (1968. Рис. 1). Очень интересен фрагмент трубчатой кости с гравировкой (№ 1242-85). Изображение на нем напоминает «лесенку».

Плоская кость (подъязычная?) с отверстием для подвешивания (№ 379-81) интересна тем, что служила чем-то вроде подставки при работе сверлом. Это своеобразный мини-верстак. Аналогичный предмет был найден на городище Ростиславль (*Коваль*, 2000. Рис. 2, *14*), т.е. можно говорить об определенном типе инвентаря.

Заготовки и отходы косторезного производства (рис. 92, 93). Набор костяных изделий из нижнего слоя дополняют заготовки неопределенной формы и отходы косторезного производства, найденные в количестве более 50 экземпляров. Среди этих предметов есть такие, которые позволяют понять, какую вещь планировали изготовить (проколку, стрелу и т.п.). Во многих случаях можно видеть лишь технологию расчленения кости и рога. Выводы С.А. Изюмовой, работавшей с коллекцией XIX в. из раскопок Дьякова городища (*Изюмова*, 1949), в целом сохраняют свое значение.

Следов работы топором не прослежено. Наиболее употребительным инструментом, которым обрабатывалась кость, был железный нож. Инструмент этот мог быть достаточно тупым, оставлявшим на кости, если она обрабатывалась в сухом виде, характерные «уступчатые срезы» (рис. 111; *Изюмова*, 1949. Рис. 1, *3*). Концы трубчатых костей вместе с эпифизами отрезались, средняя часть расчленялась на пластины-заготовки, которые уже шли на изготовление орудий. В целом стратегия работы с костью не содержала ничего оригинального. Исследования удаленных сибирских памятников демонстрируют большое сходство (*Бородовский*, 1997). По материалам Дьякова городища явно прослеживается тенденция максимально использовать то, что уже было дано природой.

Изделия из глины

Грузики «дьякова типа» (рис. 94, 95). 24 экземпляра (включая находки из «стерильного» слоя «Б»). 18 сохранились без существенных утрат, что позволяет с надежностью представить их форму. Если классифицировать грузики по вертикальному сечению согласно схеме К.А. Смирнова (1971), то восемь грузиков из нижнего слоя формально (!) близки типу 1 (вертикальное сечение приближается к конусу, слабый перехват на боковой поверхности и слабо выраженный верх). Отличия рассматриваемой группы грузиков из нижнего слоя Дьякова городища от грузиков из верхнего слоя Троицкого городища, легших в основу выделенного К.А. Смирновым типа 1, следующие – размеры почти в два раза крупнее, верх не имеет уплощения. Поэтому данные конические грузики мне кажется целесообразным выделить в особую группу 1А.

Четыре грузика соответствуют типу 5 (цилиндрические боковые поверхности, плоский верх). Четыре грузика соответствуют типу 8а (расширяющаяся относительно боковой поверхности верхняя плоскость, имеющая насечки) – «катушкообразные». Один грузик соответствует типу 8б (четко выраженная маленькая верхняя площадка с насечкой) и один грузик соответствует типу 9 (усеченный конус с перехватом посредине, верхняя площадка четко выражена). Преобладание грузиков типа 1 в комплексе нижнего слоя противоречит мнению К.А. Смирнова о том, что этот тип относительно поздний (1971. С. 86).

Некоторые грузики имеют слабовогнутое основание, причем наличие этого признака не зависит от остальных характеристик формы. Диаметр внутреннего канала колеблется от 2,5 до 6 мм. При этом прослеживается корреляция между размерами грузика и диаметром канала. Средний диаметр канала около 5 мм. Общие размеры грузиков сильно варьируют, что показано в таблице 9. Нельзя исключить того, что миниатюрные экземпляры являются своеобразными «моделями». Изготовление «моделей» или миниатюрных форм – одна из специфических черт культуры жителей городищ дьякова типа. 13 грузиков, т.е. более 50%, орнаментированы. Техника орнаментации – нарезки, тычки-наколы, прочерченные линии.

Около половины предметов имеют сильные следы сработанности у основания канала в виде потертостей, оставленных, вероятно, нитками. Форма потертостей и место их расположения (главным образом, лишь с одной стороны канала) позволяют реконструировать схему приложения усилий (рис. 95), что важно для интерпретации функционального назначения предмета. Лишь один грузик имеет повреждения, которые позволяют допустить, что он висел в положении, когда канал был расположен горизонтально (рис. 70, *254*). Вероятно, «рабочее» положение предмета было вертикальным. Проблема заключалась в том, чтобы не дать грузику соскользнуть вниз с веретена при вращении. Делать веретено сложной формы с утолщением внизу – трудоемко и отчасти рискованно. При насаживании грузика на расширяющееся веретено возникало усилие «на разрыв» этого хрупкого предмета. Другой способ удержать грузик – это сделать петлю из нитки. Нить завязывалась в нижней части веретена, затем надевался грузик, после чего нить привязывалась к верху веретена, образуя петлю. По-видимому, наибольшее воздействие на поверхность грузика возле края канала оказывал узел привязанной нити. Грузик, который находился внутри этой петли, не мог слететь с веретена. Выработанная нить по мере накручивания наматывалась поверх фиксирующей грузик петли. При такой реконструкции находят объяснения насечки по краю диска – за них цеплялась нить, чтобы обеспечить «натяг» и избежать лишнего «болтания» всей конструкции. «Перескакивание» нити из одной насечки в другую никакого значения не имело, лишь бы грузик оставался на веретене, а крепящая его нить оставалась натянутой и не путалась бы с нитью, которую вытягивали из кудели. Вероятно, это приспособление – крепящая петля – было актуально, так как веретено было очень тонким, и иначе было трудно предотвратить соскальзывания грузика-пряслица вниз.

Возможно, что орнаментальные композиции в виде расходящихся лучей на боковых поверхностях и основании грузиков являются знаком этих невидимых нам теперь нитей фиксирующей петли. То есть на глине была запечатлена вся конструкция. Данный вид наиболее распространенного на грузиках орнамента имел отношение к функции предмета, а не являлся солярным знаком и т.п.

На одном грузике нанесены тамгообразные знаки (рис. 70, *781*). Точных аналогов мне неизвестно. Похожие знаки есть на грузиках дьякова типа с городищ Борисоглебское (коллекции С. Пахтунова), Знаменское (раскопки 2005 г.), Сетунское (*Дубынин,* 1969), Отмичи (*Исланова*, 2008. Рис. 87, *3*) и Старшее Каширское (*Смирнов К.А*., 1971. Рис. 6, *2б*). В сарматском мире бытовали тамги с тождественными элементами (*Яценко*, 2001. Рис. 19, *1*), но эти материалы на два-три столетия более поздние, чем нижний слой Дьякова городища.

Вместе с грузиками в нижнем слое был найден предмет, занимающий промежуточное положение между грузиками дьякова типа и битрапециевидными пряслицами. С пряслицами его сближает общая форма, с грузиками – относительно большая длина канала и наличие насечек на боковой поверхности.

Бусины. 29 экземпляров (рис. 97). Разделяются по форме на 5 типов. Наиболее массовым является тип 1 (24 экз.), овально-округлые в сечении. Форма, как правило, не вполне правильная. Преобладающее большинство бусин примерно одного размера – около 1,5 см в диаметре. Самый крупный экземпляр имеет диаметр 2,5 см. Одна бусина (№ 1232-85) орнаментирована наколами.

Тип 2 конической формы в виде колокольчика представлен одним экземпляром (№ 808-84). Имеются многочисленные аналогии (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 58). Из новых находок можно отметить городище у с. Городищи (*Сыроватко*, 2009. Рис. 103), Мутёнковское городище (*Сидоров*, 2004. С. 122).

Тип 3, дисковидные (№ 1220-85), представлен также одним экземпляром.

Тип 4, бусины-разделители в форме плоской «подушечки» с оттянутыми углами – «сосочками», по К.А. Смирнову (1974а. С. 58), с двумя каналами (2 экз.). Орнаментированы наколами. Аналогии имеются на

городищах Топорок (*Гендуне*, 1906. Табл. 2) и Старшее Каширское (*Городцов*, 1933. Рис. 5, *18*).

Тип 5, бусина-разделитель в виде уплощенного конуса с двумя каналами. Орнаментирована наколами. Аналогия происходит с Палецкого городища (*Сыроватко*, 2009. Рис. 111, *3*).

Типы 4 и 5 характерны исключительно для нижнего слоя, в верхнем они отсутствуют.

Кроме того, в коллекции имеются два изделия, также имеющие отверстия для подвешивания, но, возможно, бусами не являющиеся. Одно – в виде пирамидки с усеченным верхом (№ 1080-84). Сохранилось частично, низ утрачен. Второе (№ 1146-84) имеет четыре «отростка». Может быть, это часть какой-то сборной модели.

Орнаментированные предметы. Четыре экземпляра. Три предмета орнаментированы маленькими круглыми ямками (тычки, выполненные травинкой?). Форма одного – продолговатая с загнутым концом (глиняные кольца?). Аналогии имеются в коллекции с городища Топорок из раскопок Ю.Г. Гендуне (*Гендуне*, 1906. Табл. 2), Мамоновом городище (*Качанова*, 1954. Рис. 23, *4*), Знаменском городище (раскопки Ю.Д. Разуваева 2005 г.), Мутёнковском городище (*Сидоров*, 2004. С. 122) и Протопоповском городище (*Сыроватко*, 2009. Рис. 103, *1*). Другой предмет имеет подпрямоугольную форму, это своего рода плоская плитка, у которой имеется канал сквозного отверстия. Наличие этого отверстия отличает данный предмет от орнаментированных плиток-табличек верхнего слоя. Различия наблюдаются также и в характере орнаментации. Третий предмет сильно фрагментирован, ясно лишь, что он типологически близок первым двум. Четвертый предмет (№ 180-82) имеет форму слабоизогнутой «колбаски», овальной в разрезе диаметром 2 см. На одной стороне нанесены косые продолговатые вдавления. Видимо, это фрагмент глиняного кольца (?). Аналогии известны с Мутёнковского городища (*Сидоров*, 2004. Рис. 11).

Зооморфная фигурка (рис. 97). Изображает скорее всего свинью или кабана, была найдена в канавке от стены постройки, углубленной в материк. Фигурка моделирована очень грубо, выделено туловище, четыре конечности, хвост, голова с ушами. Какая-либо детализация отсутствует. Сходные изображения животных найдены на нескольких раннедьяковских памятниках – городищах Топорок (*Гендуне*, 1906. Табл. 2), Старшее Каширское (*Городцов*, 1933. Рис. V, *13*), Протопоповское (*Сыроватко*, 2009. С. 199, 200), Бушарино, Троицкое (Древнее поселение..., 1970. Табл. 27, *7*), селище Дунино 4 (*Кренке и др.*, 2010. Рис. 9, *3*).

«Корытце». Приуроченность именно к нижнему слою не вполне надежна. Аналогичное было найдено на Троицком городище (Древнее поселение..., 1970. Табл. 27, *6*).

Глиняный стержень. Представлен тремя фрагментами, возможно, от одного изделия (№ 718, 719, 721). Диаметр 6–7 мм. Длина фрагментов не более 2 см. Может быть, эти объекты каким-то образом связаны с изготовлением моделей для литья.

Модели рогатых кирпичей (рис. 98). Два экземпляра. Максимальные размеры всего 4–5 см. Аналогии известны на Троицком городище (Древнее поселение..., 1970. Табл. 27, *8*), городище у с. Городищи (*Сыроватко*, 2009. С. 189, 190).

Рогатые кирпичи. Шесть фрагментов. Все «рогатые кирпичи» изготовлены из теста с растительной примесью, отличающегося от теста, из которого изготавливали керамику. «Рога» у кирпичей из нижнего слоя не выражены, по верху шла ложбинка. Один кирпич орнаментирован рядом неглубоких вдавлений (№ 821-84). Орнаментация данного кирпича имеет ряд аналогий (по технике) с кирпичами, найденными на других городищах – Круглице, Настасьино, Мамоново, Ростиславль (*Сыроватко*, 2003). Возможно, орнаментация неглубокими ямками характерна именно для раннедьяковских памятников.

Погремушки. Два экземпляра (рис. 99). Форма усеченно-биконическая, не вполне симметричная, средняя часть расширена.

Льячки. 25 фрагментов (включая мелкие куски). Льячки сделаны из теста, близкого по составу к тесту «рогатых кирпичей». Специальное исследование аналогичных льячек с городища Ростиславль показало, что тесто содержит отходы молотьбы (*Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009. С. 460). Глиняные ручки льячек не имели отверстия для вставления дополнительных деревянных рукоятей. Этот тип изделий Е.Ю. Тавлинцева предлагает обозначать термином «ложковидные тигли без втулки» (*Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009. С. 457). Льячки встречены в квадратах 114, 118, 120, 121–123, 128, 129, 131, 137, 154, 155, 163, т.е. исключительно в районе постройки «Б». На городище Настасьино аналогичные льячки также были найдены в зоне построек (*Сапрыкина*, 2004а).

Предметы из камня

«Камни со сверлинами» (рис. 100, 101). Пять экземпляров (включая один предмет из коллекции 1875 г.). Назначение неизвестно. Два камня твердой породы. Возможно, это какие-то подставки под вертящуюся ось, либо грузила? Первое предположение кажется более вероятным, так как использовать твердый камень для изготовления грузила с отверстием нелогично.

«Зернотерка» (рис. 100). Камень сравнительно крупных размеров (24 × 16 × 6 см) со слегка вогнутой рабочей поверхностью, на которой, вероятно, что-то растирали. Название зернотерка – условно.

Специальное исследование подобных камней с городища Анашкино, проведенное Б.С. Короткевичем, показало, что на них, вероятно, растирали железную руду (2005. С. 200).

«Утюжки» (рис. 101). Десять экземпляров. Продолговатые камни с одной заполированной стороной. Форма некоторых тщательно оформлена – в середине камень имеет горбатую спинку, к концам утоньшается, боковые грани параллельны. Имеются экземпляры худшей выделки, как правило, они большего размера. Характер заполировки, по-видимому, свидетельствует, что камнями работали по мягким материалам. Имеются аналогии и на других ранних памятниках (примерно V–III вв. до н.э.), например, на городище Знаменское (раскопки Ю.Д. Разуваева 2005 г.).

Пуговица (рис. 101). Имеет вид цилиндрика с перетяжкой в средней части.

Изделия из железа

Ножи (рис. 102). Пять экземпляров. Три почти целых и два фрагмента. Два ножа относятся к типу серповидных, они имеют дугообразно изогнутое лезвие, выпуклую изогнутую по дуге спинку. Выделены К.А. Смирновым в тип 1 (1974а. С. 37). По его мнению, это самый древний тип ножей на городищах дьякова типа. Один нож (№ 1271) близок к так называемым ножам с горбатой спинкой (тип 2 по К.А. Смирнову), однако отличается от них тем, что его спинка, хоть и приподнята (лезвие расширено ближе к острию), но не имеет резкого перегиба, она плавно закругляется. Острый кончик лезвия обломан. Точные аналогии на памятниках дьякова типа мне не известны.

Стержни. Пять экземпляров. Один (№ 783), судя по изогнутости, может быть фрагментом язычка пряжки. Другой (№ 950), прямой, круглый в сечении, видимо, являлся шилом. Три стержня имеют прямоугольное сечение, один из них перекручен. Шила подобной формы были встречены на Троицком городище (Древнее поселение…, 1970. Табл. 14, *3, 5*).

Булавка со спиральным навершием (рис. 102). На памятниках дьякова типа и сопредельных территориях лесной зоны имеются многочисленные аналогии, датировка которых тяготеет к последним векам I тыс. до н.э. (*Смирнов К.А*., 1974. С. 45). Имеются достоверные комплексы с подобными находками, относящиеся к началу I тыс. н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2006. Рис. 8). Находка с Дьякова городища залегала фактически на контакте нижнего и верхнего слоев.

Украшение в виде кольца с надетым на него серебряным (?) диском (рис. 102, № 743). Один экземпляр. Аналогии неизвестны. Найдено на контакте нижнего и верхнего слоев.

Изделия из бронзы

Умбоновидная подвеска (рис. 102, № 737). Один экземпляр. Умбон высокий, заканчивается «шишечкой». Отлита по восковой модели, выполненной из тонких жгутов-нитей. Ажурный орнамент представляет собой чередование зон уложенного зигзагообразно жгута и горизонтальных жгутов. По периметру основания умбона идет перевитой жгут, либо его имитация. Место крепления дужки не определено. Украшение найдено на контакте нижнего и верхнего слоев. Почти тождественные аналогии представлены в коллекциях из раскопок раннедьяковских памятников в низовьях Москвы-реки – городище Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 6), городище у с. Городищи на р. Коломенке (*Сыроватко*, 2009. Рис. 102, *4*). Украшение аналогичной формы, но без ажурного орнамента, найдено на Максимковском селище на Клязьме (*Вишневский*, 2009. Рис. 4, *27*). Стилистически близким является украшение, найденное на городище Подмоклово. Это булавка с навершием в виде умбона с примыкающим к нему «полотнищем», покрытым аналогичным зигзагообразным ажурным орнаментом (*Успенская*, 1971. Рис. 1).

Капли, неопределимые фрагменты. Четыре экземпляра.

Изделия из бересты

Дно туеса (рис. 102). Найдено на полу постройки «А-3». Уникальная находка на памятниках дьякова типа. Диаметр дна – 25,5 см. То есть дно происходит от большой емкости объемом около 10 литров (если считать, что высота была примерно равна диаметру). Данная находка подтверждает, что в быту жителей городища помимо керамических емкостей, вероятно, были распространены и изделия из бересты, которые не сохранились.

Изделия из стекла

Бусы (цв. вкл., рис. 17). Пять экземпляров. Одна полихромная глазчатая и четыре – монохромные белого глухого стекла. Кроме того, еще одна глазчатая бусина (№ 98) была найдена в перекопе, вероятно, она происходит из нижнего слоя. Синяя глазчатая бусина (№ 227) обнаружена в самой верхней части нижнего слоя, на границе со стерильной прослойкой. В целом этот тип бус имеет достаточно широкую датировку: VI в. до н.э. – I–II вв. н.э. (*Алексеева Е.М*., 1978. С. 61, 62, рис. 5, табл. 15, *1*, тип 33А). Однако характер изготовления двухцветных слоисто-щитковых глазков, крупный размер, а также большой (8 мм) диаметр канала позволяют датировать аналогичные изделия, найденные на античных памятниках Северного Причерноморья, скорее VI–III вв. до н.э. (*Алексеева Е.М*., 1978. С. 55, 56). Глазчатые синие бусы хорошо известны по материалам городищ лесной зоны Восточной Европы скифского времени (*Мельниковская*, 1967. С. 94; *Пряхин*, *Разуваев*, 1995. С. 65). На поселениях дьякова типа они относительно редки и встречаются в комплексе с находками, ориентиро-

вочно указывающими на середину I тыс. до н.э. Известны глазчатые бусины с городищ Знаменское (раскопки 2005 г.), Старшее Каширское, Мутёнковское, Круглица, Боршева, Щербинское, Кубринское 1 (*Дубынин*, 1974. С. 242; *Крис*, *Чернай*, 1980. С. 80; *Сидоров,* 2004. С. 123; *Станкевич*, *Вишневский*, 1988. С. 91). В погребальном комплексе Чагода 1 аналогичная бусина залегала в сооружении, датированном радиоуглеродным методом в интервале 300–230 гг. до н.э. (*Башенькин*, 1995. С. 12, рис. 4). Исследователи обычно датируют синие глазчатые бусы IV–III вв. до н.э. Аналогий бусам глухого белого стекла (№ 272, 274, 275, 287) найти не удалось.

Описание находок из верхнего слоя

При описании коллекция верхнего слоя была разделена на четыре «блока». В каждый «блок» вошли находки из свиты прослоек толщиной в полметра. Свита прослоек на глубине –260–310 (350) соответствовала нижнему горизонту верхнего слоя. Уровни –210–260 и –160–210 соответствовали среднему горизонту верхнего слоя. Уровень –110–160 обозначен как верхний горизонт верхнего слоя. В раскопе 1987 г. из-за уклона площадки в верхний горизонт вошли находки с глубин –150–200. В южной части раскопа 1984 г. небольшая корректировка была введена для находок из нижнего горизонта верхнего слоя. К нему отнесены находки начиная с глубины –245. Это обусловлено характером залегания прослоек.

Такая группировка, конечно, несколько «огрубляла» материал, но также и давала ряд преимуществ: достаточно большое число находок в группах для сравнительного анализа, уверенность в том, что находки из одной и той же прослойки не могли попасть в три разных условных горизонта.

Характеристика находок из нижнего горизонта верхнего слоя, глубина –260–310 (350)

В данном горизонте верхнего слоя резко сократилось количество изделий из кости и их ассортимент. Соотношение изделий из кости и железа составляет 34:80 или 0,42. Орудия труда из кости представлены исключительно проколками и рукоятями, число которых на единицу объема культурного слоя по сравнению с нижним слоем меньше в три раза. Кроме проколок встречены немногочисленные стрелы, среди которых есть хорошо известный по Троицкому городищу тип стрелы удлиненных пропорций с трехгранным или квадратным сечением пера.

В нижнем горизонте верхнего слоя уже много железных изделий, их количество на единицу объема культурного слоя в девять раз выше, чем в нижнем слое. Наиболее массовыми железными изделиями являлись стержни, которые были, вероятно, функциональным аналогом проколок. Также много фрагментов железных колец-полуфабрикатов. Имеется железный браслет. Среди железных ножей преобладают серповидные, двушипные стрелы имеют длинный черешок и сравнительно небольшие размеры пера, находят аналогии в памятниках типа Андреевского кургана.

Украшения из бронзы представлены бляхой и подвесками умбоновидной формы, а также серией нашивных бляшек с зубчатым краем и бляшкой-скорлупкой. Нашивные бляшки с зубчатым краем пока неизвестны за пределами Москворецкого региона, и их наличие, видимо, свидетельствует о сложении локального стиля украшений.

Глиняные грузики отличаются наличием большого числа массивных экземпляров, имеют всегда четко фиксированную верхнюю поверхность, распространены двуплощадочные формы.

Изделия из кости

Проколки (рис. 106, 107). 27 экземпляров, из которых 11 относятся к типу 1, а 9 – к типу 2.

Стрелы (рис. 105). Пять экзкмпляров, четыре были найдены в стратифицированных участках (№ 160, 167, 269, 233) и еще одна (№ 330) – из перекопа. Стрелы удлиненных пропорций треугольного сечения были выделены К.А. Смирновым в тип 1 (1974а. С. 29). Большая серия происходит с Троицкого городища. Стрела с пирамидальным удлиненным пером и уступом при переходе к черешку соответствует типу 6 по К.А. Смирнову. Серия аналогий имеется также на Троицком городище. Серия аналогичных стрел была найдена в Андреевском кургане (*Гришаков*, 2002. Рис. 1).

Рукояти (рис. 104). Два экземпляра (№ 195-81 и 243-82). Обе небольшого размера, полная форма лишь у одной, представляет собой простой короткий цилиндр, тыльная сторона заглажена. Предназначались, видимо, для небольших инструментов вроде шила или долота.

Заготовки. Два экземпляра, представлены фрагментом метаподия КРС, с намеченной для отчленения средней частью (№ 153, рис. 115). Второй предмет – это ребро с надрезами (№ 463-81). Возможно, вещь предназначалась для наматывания чего-нибудь.

Изделия из глины

Грузики «дьякова типа» (рис. 118, 119). 26 экземпляров. У 15 можно определить форму. Один грузик (№ 1128) относится к типу 1 по К.А. Смирнову. Причем он найден на контакте с нижним слоем. Один грузик (№ 187-82) относится к типу 2 (усеченный конус) по К.А. Смирнову. Два грузика (№ 308, 685) относятся к типу 7 по К.А. Смирнову, один (№ 898) – к типу 5 (цилиндрические боковые поверхности, плоский верх). Ведущей формой (10 грузиков)

являются типы 8б, 9 по К.А. Смирнову (различия между этими типами условны). У них есть небольшая верхняя площадка, иногда без насечек. Один из грузиков орнаментирован пальцевыми защипами (№ 917), что является очень редким случаем для грузиков.

Среди грузиков нижнего горизонта верхнего слоя преобладают массивные формы, сумма метрических параметров которых больше 10 см (табл. 10). Отличительной чертой формы является наличие чуть расширенной верхней площадки (признак представлен у 70% предметов), имеющей часто насечку по краю.

Льячки. 47 экземпляров (включая фрагменты). Среди них около половины почти целых (рис. 112–114). Форма однотипная – ковш, округлый в плане, с прямой ручкой с поперечным сечением в виде высокой трапеции. В глиняном тесте имеются растительные примеси. В пределах раскопа льячки концентрировались в северо-западной части (см. рис. 175). Можно предполагать, что именно там находилась производственная зона.

Погремушки (рис. 154). Три экземпляра (№ 683-84, 152-82, 234-81), представлены двумя вариантами форм – яйцевидной и продолговатой с дополнительным оформлением торцов в виде поддона.

Бусы (рис. 147, 148). 17 экземпляров, 13 конической формы, 2 – овальной, 1 – в виде цилиндра (№ 889-84), 1 – катушкообразная, напоминающая двухплощадочный грузик (№ 157-82).

Рогатые кирпичи (рис. 109). Два экземпляра (№ 174-82, б/№-84). Один из них почти целый, позволяет реконструировать форму. «Рога» у кирпича отсутствуют, по верху идет ложбинка. Фрагмент второго кирпича имеет орнамент из ямок вокруг отверстия. Аналогичная орнаментация несколько раз была встречена на находках с других памятников дьякова типа (*Сыроватко*, 2003).

Изделия из камня

«Утюжки» (рис. 117). Три экземпляра (№ 922-84, 395-81, 162-82). Имеют заполированные от работы поверхности, форма двух изделий продолговатая.

Камни с незавершенным сверлением (рис. 115). Четыре экземпляра (№ 715-84, 226-81, 727-84, 219-82). Представляют собой подставки, на которых либо производилось сверление, либо вращалась какая-то ось.

Изделия из железа

В нижнем горизонте верхнего слоя много железных изделий. Их количество на единицу объема культурного слоя в девять раз больше, чем в нижнем слое. Наиболее распространенными находками являются обломки железных колец-полуфабрикатов и стержней, которые были, вероятно, функциональным аналогом проколок.

Стержни и шилья. 37 экземпляров (рис. 133). Сечение стержней круглое или квадратное. В ряде случаев сохранился заостренный рабочий конец. По-видимому, большинство стержней являются обломками шильев. Один стержень перекручен (№ 1184-85).

Долото (рис. 134). Один экземпляр (№ 726-84). Ширина лезвия – 8 мм. Форма и размеры инструмента очень близки костяным долотам из нижнего слоя.

Обломки колец-полуфабрикатов (*браслетов*?). 20 экземпляров (рис. 129). Диаметр от 5,5 до 12 см. Лишь один целый экземпляр (№ 905-84) напоминает размерами и формой браслет. Его диаметр 5,5 см. Аналогичные железные браслеты известны по материалам днепро-двинской культуры (*Шмидт*, 1992. Табл. 30). Б.С. Короткевич отнес их к периоду, который датируется V–II вв. до н.э. (2004. Рис. 92).

Серии колец-спиралей происходят с нескольких памятников, в том числе найдены клады колец (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 62, 63). По предположению К.А. Смирнова, это заготовки-полуфабрикаты. Аналогичного мнения придерживались специалисты по технологии металлообработки (*Терехова и др*., 1997. С. 26). Клад колец с городища Отмичи был перетянут бронзовым спиральным многовитковым браслетом (*Исланова*, 2008. Рис. 55, 56). Такое сочетание находок позволяет выдвинуть предположение, что функции железных колец-спиралей как-то перекликались с функцией спирального бронзового браслета.

Ножи. Шесть экземпляров (рис. 131). Преобладают формы с дуговидной спинкой (серповидные), их пять экземпляров (№ 155, 282, 362, 957, 1198). Один нож (№ 907-84) имел почти прямую спинку.

Серпы. Два экземпляра (рис. 135). Один (№ 235-82) средних размеров с черешком, поставленным под углом к лезвию. Соответствует типу 2 по К.А. Смирнову (1974а. С. 40) или типам IV и VI по Ю.А. Краснову (1966) и группе I, вариант «В» по Р.С. Минасяну (1978). Другой серп (№ 165-82) очень массивный, симметричной формы, без черешка, вероятно, он может быть определен как косарь.

Стрелы. Три экземпляра (рис. 136). Тип 1, без шипов (№ 361-82). Треугольное вытянутое перо, при переходе к черешку – уступ. Близок к типу 3 по К.А. Смирнову (1974. С. 34). Форма данной стрелы близка к стрелам из «клада» на Троицком городище, который Х.И. Крис считала импортом с территории Среднего Дона и датировала IV–III вв. до н.э. (1970. С. 160). В то же время очень близкая по форме стрела была найдена в погребении 21 Андреевского кургана, которое В.В. Гришаков относит к концу I – началу II в. н.э. (2002. С. 70, рис. 1, *19*). На городище Бабушкино, расположенном в бассейне р. Мологи, аналогичная стрела была найдена в комплексе с текстильной керамикой (*Башенькин*, *Васенина*, 2007. Рис. 6, *1*).

Тип 2, представленный двумя стрелами (№ 273-81, 359-81) и одной из перекопа (№ 14-83), относится

к двушипным с линзовидным сечением. Тип 2 по К.А. Смирнову (1974а. С. 34). Особенность формы – длинный черешок при незначительном размере самого пера. Комплексы тождественных по форме стрел были найдены в «домиках мертвых» Куреваниха XX (*Башенькин*, 1995. Рис. 2), Усть-Белая в Вологодской области, который датируется последними веками I тыс. до н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2004. С. 21, рис. 9), на городище Бабушкино (*Башенькин*, *Васенина*, 2007. Рис. 6, *4*). Важнейшим хронологическим репером являются находки из Андреевского кургана в Мордовии. В нем находки стрел, идентичные находкам с Дьякова городища (*Степанов*, 1980. Табл. 7, *7*), представлены в комплексах, датирующихся временем «несколько ранее I в. н.э.» (*Степанов*, 1980. С. 30). В.В. Гришаков датирует центральную могилу Андреевского кургана более поздним временем – серединой I в. н.э. (1999. С. 36; 2002. С. 70; *Гришаков*, *Зубов*, 2009. С. 91).

Пряжки. Два экземпляра (рис. 137). Одна целая кольцевидная застежка (№ 705-84) и фрагмент язычка (№ 179-82). У кольцевидной застежки концы не сомкнуты и закручены в плоскости перпендикулярно плоскости застежки. Это тип 2 по К.А. Смирнову, который определяет его нижнюю дату I в. до н.э. (*Смирнов*, 1974а. С. 47, 48). Примерно так же датируются находки из «домика мертвых» на Усть-Белой, лишь с той поправкой, что нижнюю границу, возможно, следует опустить до II в. до н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. С. 21, рис. 10).

Спирали-пронизи. 11 экземпляров (рис. 138). Восемь штук имели по нескольку оборотов при относительно небольшом диаметре – около 2 см; три спирали имели диаметр 3–4 см и два-три витка. Характерны именно для данного горизонта культурного слоя Дьякова городища. Подобные находки на других памятниках не отмечены исследователями.

Изделия из бронзы

Спиральное навершие булавки (рис. 102). Один экземпляр (№ 383). Найдено на контакте верхнего и нижнего слоев. Аналогии имеются на городищах Троицком (Древнее поселение…, 1970. Табл. 18, *17*), Отмичи (*Исланова*, 2008. Рис. 64), могильнике Усть-Белая, где они датируются первыми веками н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. Рис. 11, 13). Вещи подобной формы (из железа или бронзы) имели широкое распространение в лесной зоне в Волго-Окском междуречье, встречаются в бассейне Верхнего Днепра и Западной Двины (*Станкевич*, 1960. Рис. 25). Тождественные булавки есть на городище Свинухово на Оке (*Никольская*, 1959. Рис. 2, *2*). Тем не менее наиболее характерен этот тип украшений именно для памятников дьякова типа Волго-Окского междуречья (*Исланова*, 2008. С. 21).

Бляшки-нашивки (рис. 139). Десять экземпляров. Форма шести экземпляров – прямоугольно-продолговатая. Ведущий признак – наличие зубчиков по двум длинным сторонам. По продольной оси – слабо выраженное ребро, таким образом, форма нашивки – «двускатная» (№ 1219-85, 958-84, 972-84, 208-81). Две нашивки плоские, из них одна с зубчиками (№ 407-82), другая – без зубчиков по краям (№ 400-82). Последняя вещь плохой сохранности и не реставрировалась. Тип нашивок с зубчиками специфичен именно для нижнего горизонта верхнего слоя, может служить хронологическим маркером. Аналогии известны именно в Москворецком ареале – городища Троицкое (Древнее поселение..., 1970. Табл. 19, *18*), Круглица, Щербинское, Соколова гора (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 54), Настасьино (*Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002. Рис. 3, 5). При этом надо отметить, что находки с городищ Соколова гора и Круглица идентичны друг другу (*Трубникова*, 1960. рис. 1, 11, коллекция МОКМ), но немного отличаются от нашивок с Дьякова городища тем, что по краям изделия есть участки без зубчиков и торцы украшены зернью. Находки с городищ Настасьино, Щербинское и Дьяково идентичны, соответствуют типу 10 по К.А. Смирнову.

Четыре нашивки входили в комплект одного украшения и были найдены спекшимися друг с другом (№ 313-81). Основу украшения составляют комбинации из волют, внешние края которых украшены двойной зернью. Широкое применение данного приема характерно для вышележащего горизонта, возможно, данное украшение попало на глубину –330 в результате перекопа.

Умбоновидные украшения (рис. 142). Два экземпляра. Одно украшение (№ 399-82) является нашивной бляхой с петелькой в центре, другое (№ 314-81) – подвеской, скорее всего височной.

Центральные части бляхи и подвески имеют аналогичный ажурный декор – литая головка в самом центре, вокруг нее четыре вложенных друг в друга кольца, каждое из которых состоит из нескольких соединенных жгутов. Кольца разделяют узкие промежутки и имеются соединительные вставки. По периметру бляхи идет двойной плетеный жгут, обрамление из небольших полушарных «жемчужин».

Край щитка умбоновидной подвески не сохранился. Дужка ее крепилась непосредственно к щитку с внутренней стороны, начинаясь от его центра. По краю дужки идет перевитой жгут.

Несомненно, что оба схожих украшения, найденные в одном стратиграфическом горизонте, близки по возрасту.

Умбоновидные ажурные бляхи с петелькой в центре составляют довольно большую серию украшений, различающихся по деталям декоративного

оформления. Они встречены на памятниках в бассейне Верхней Волги – городище Березняки (*Третьяков*, 1941. Рис. 31, *4*), селище Беседы (*Кунгурцева и др*., 2009. Рис. 4, *5*), могильниках Пугино (*Башенькин*, 1995а. Рис. 7, *4*), Куреваниха XVIa (*Башенькин*, *Васенина*, 2006а. Рис. 4). Важно отметить, что в могильнике Куреваниха XVIa бляха была найдена совместно с ажурной умбоновидной височной подвеской. А.Н. Башенькин датирует комплекс II–III вв. н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2006а. С. 112). Типологически близкие бляхи происходят из Кошибеевского могильника в бассейне нижнего течения Оки. И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская предлагают датировать их III в. н.э. (*Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1998. С. 41). На москворецких памятниках ажурные круглые бляхи встречены на городищах Кунцево (*Векслер*, 1982а. С. 188), Мамоново (*Качанова*, 195. Рис. 20, *4*), Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 6).

Все вышеперечисленные украшения имеют отличия в деталях оформления от находки с городища Дьяково. Наиболее близким по декору к находке с Дьякова городища является украшение из домика мертвых Усть-Белая 1, который датируется концом I тыс. до н.э. (*Башенькин*, 2004а. Рис. 6, *11, 12, 17*).

Умбоновидная ажурная подвеска относится к финальной стадии раннего этапа развития этого типа украшений (см. экскурс 1).

Бляшки-скорлупки (рис. 139). Один экземпляр (№ 729-84). Аналогичные бляшки в комплексе с нашивками, имеющими зубчатый край, встречены на городище Настасьино (*Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002. Рис. 2, 3).

Спирали и пронизи (рис. 140). Пять экземпляров. Три обломка спиралей из раскованной бронзовой проволоки имели диаметр 1–1,5 см (№ 710-84, 918-84, 699-84). Количество витков у целых изделий неизвестно, сохранились лишь 1,5–3 витка. Скорее всего данные спирали являлись пронизями. Еще одна пронизка (№ 185-81) представляет собой свернутую в трубочку диаметром 0,5 см бронзовую пластину. Пятая вещь (№ 717-84) – это комбинированное украшение, состоящее из двух пронизей – на одной восемь бронзовых колечек (бусин), на другой – 13 аналогичных бусин плохой сохранности слипшихся вместе, на концах обеих находилось по бусине из полупрозрачного белого стекла. Аналогичное украшение найдено в составе клада, обнаруженного на городище Дютьково под Звенигородом (*Кренке и др*., 2010), где оно входило в один комплект с умбоновидными подвесками «классического» типа.

Характеристика находок из среднего горизонта верхнего слоя, глубина –210–260

Среди железных находок ведущее место занимают ножи, шилья, серпы. Сравнительно частой находкой являются фрагменты колец-полуфабрикатов, хотя количество их плавно убывает по сравнению с нижележащим горизонтом. На глубине –260–310 один фрагмент кольца приходится на 4 м^3 , а на глубине –210–260 – на 6м^3. Выходят из употребления ножи с дуговидной спинкой, их сменяют ножи с «горбатой» спинкой и появляются ножи со «спрямленной» спинкой. Двушипные железные наконечники стрел являются единственной формой. Именно для данного горизонта характерны стрелы с узким длинным пером (грани пера сходятся под углом 15º) и короткими шипами. В этот же период пропорции стрелы несколько видоизменяются: увеличивается длина шипов, при этом грани пера сходятся под углом около 20º, т.е. наконечник становится шире, увеличивается расстояние между концами шипов.

Набор предметов из кости остается неизменным – это проколки из малой берцовой кости свиньи и грифельной кости лошади, разнообразные простые и наборные (?) рукояти, заготовки из метаподиев овцы/козы. Соотношение количества изделий из кости с изделиями из железа составляет 0,24. Количество костяных проколок плавно убывает по сравнению с нижележащим горизонтом. На глубине –260–310 одна костяная проколка приходилась на 2,8 м^3, а на глубине –210–260 – на 4,3 м^3.

Уникальной находкой является рабочий стол или «верстак» из рога лося, на котором резали, сверлили и пилили (?). Его рабочая поверхность вся покрыта нарезками, образовавшимися в процессе работы. Этот предмет дает наглядное представление о том, сколь много предметов из дерева и других «мягких» материалов было в быту у жителей городища. Вся эта часть культуры остается нам неизвестной.

Форма и размеры глиняных грузиков существенно меняются. Они становятся меньше: высота втулки 2,5–3,5 см, диаметр диска с насечками 3–4,5 см. Преобладают конические формы со слабым перехватом посредине, двуплощадочные исчезают, появляется новая группа с выпуклой поверхностью нижнего диска.

В наборе изделий из камня не прослеживается изменений. Как и в нижнем слое, встречаются «утюжки» и камни с двусторонними незаконченными «сверлинами», вероятно, являвшиеся подставками под вращавшуюся ось.

Бронзовые украшения составляли набор из прямоугольных двускатных нашивных бляшек, умбоновидных подвесок «классического» варианта и «деградированного» стиля, в верхней части рассматриваемого горизонта. Достоверность такого сочетания украшений в культурном слое Дьякова городища подтверждается составом кладового комплекса собранного на селище Заболотье 3а (*Гоняный*, 2009).

Распространены бляшки-скорлупки, комбинации из пяти соединенных вместе скорлупок. В самой верхней части горизонта появляются шумящие украшения с бубенчиками. Под вопросом остается время распространения нашивок в виде бантиков, состоящих из полукруглых элементов. Возможно, единственная находка из данного горизонта была перемещена.

Вероятно, на этом этапе жизни городища произошло перемещение производственной зоны, где велась работа с цветными металлами. На это указывает существенное уменьшение находок льячек.

К привозным изделиям относятся золотостеклянные и красные бусы глухого стекла, а также, видимо, накладка с изображением человечков, аналогии которой имеются на памятниках правобережья Оки.

Изделия из кости

Проколки (рис. 107). 26 экземпляров, из них 15 целых и 11 обломков. Почти все они относятся к типу 1, сделаны из МБК свиньи. Выделяется одна проколка с отверстием, сделанная из локтевой кости лисы (№ 263-81), она найдена в основании данного стратиграфического горизонта.

Рукояти (рис. 104). Четыре экземпляра (№ 1197-85, 666-84, 588-83). Две сохранились целиком. Отличительная черта – очень небольшая длина. Одна (№ 666) представляет собой упор для ладони. Вероятно, это часть наборной рукояти. Не исключено, что трубочки, вроде находки № 462-81, также являлись составными частями рукоятей. Другая целая рукоять (№ 1197) имеет вид костяного «колпачка» с чуть расширенной тыльной частью, который надевался на железный стержень. Фрагмент рукояти (?) № 588 имел расширенную «гвоздевидную» шляпку. В сечении изделие не более 1 см, т.е. само острие должно было быть очень тонким. Не исключено, что это не рукоять, а затычка.

Заготовки. Пять экземпляров. Четыре представлены фрагментами, вырезанными из метаподиев овцы/козы (№ 659-84, 462-81, 660-84, 110-81). Возможно, это заготовки рукоятей. Пятая заготовка (№ 1532-82) – это также рукоять, но более крупных размеров, сохраняет исходную форму трубчатой кости, которая лишь обрезалась с двух сторон.

Трубчатая кость со следами заполировки (№ 1548-84). Как уже отмечалось выше, имеются этнографические аналоги использования костей для намотки сухожилий и т.п. Возможно, этот предмет из той же серии.

«Верстак» из рога лося (№ 647-83). Имеет хорошо выраженную «рабочую» поверхность, с многочисленными нарезками и лунками от сверления. На оборотной стороне следы работы единичны (рис. 103). Форма рога, видимо, позволяла удобно располагать его на коленях сидящего человека.

Рог коровы с кольцевой потертостью на конце (№ 542). Очевидно, к рогу привязывалась веревка. Возможно, привязывалось живое животное.

Амулет из когтя медведя (№ 450-81) (рис. 105).

Суставная головка с отверстием (№ 1552-87).

Рыбий позвонок с отверстием (№ 561-83).

Изделия из глины

Грузики «дьякова типа». 20 экземпляров (рис. 120). Набор форм грузиков данного стратиграфического горизонта существенно отличается от тех, что были найдены в нижележащем уровне. Лишь два грузика (№ 890, 658) могут быть соотнесены с типом 8б по К.А. Смирнову. Они имеют слегка выступающую верхнюю площадку с насечками. Грузиков типа 5, с цилиндрическими боковыми поверхностями, найдено три (№ 891, 122, 321). Грузиков типа 7 (промежуточная форма между типами 5 и 1) найдено два (№ 317, 253). Ведущим типом являются небольшие по размерам конические грузики типа 1 по К.А. Смирнову. Их найдено девять (№ 125, 427, 437, 527, 545, 579, 904, 1187, 1512). Кроме того, появляются неизвестные ранее грузики с выпуклым основанием, верхняя часть которых идентична типу 1. Эти грузики обозначены как тип 1б. Их найдено четыре (№ 258, 436, 547, 577). Размеры грузиков становятся заметно меньше (табл. 11). Сумма диаметра и высоты у большинства находится в интервале 6–9 см. Диаметр канала стандартен – около 5 мм, причем у совсем маленьких грузиков канал почти такой же, как у более крупных.

Пряслице битрапециевидное (№ 571-83) (рис. 126). Характерные признаки – высота лишь немного уступает диаметру, узкий канал диаметром 7 мм.

Пряслице (?) цилиндрическое (№ 161-81). Диаметр канала 8 мм.

Погремушки. Шесть экземпляров (№ 296-82, 244-81, 129-82, 1189-85, 147-81, 175-81). Зафиксировано три варианта форм: 1) яйцевидная середина, с противолежащих концов имеются выступы с углублениями; 2) форма продолговатая (впечатление, что палец облепляли глиной); 3) яйцевидная без расширений на концах (рис. 154).

Бусы. 13 экземпляров. Из них восемь овальной формы, четыре – конические, одна копирует стеклянную двухчастную пронизку (рис. 149).

Шарики. Четыре экземпляра.

Биконус (№ 142-81), имеет точечную орнаментацию (рис. 153).

Льячки. Десять экземпляров (рис. 113). Три крупных фрагмента и почти целые предметы (№ 14-81, 189-81, 192-81). Форма не отличается от льячек из нижележащего горизонта. Большая часть находок тяготеет к основанию горизонта. На глубинах около –220 встречено лишь 4 мелких фрагмента. Планиграфия

находок показывает, что они были обнаружены в тех же самых местах, что и в нижнем горизонте верхнего слоя, но в существенно меньшем количестве. Видимо, произошло перемещение производственной зоны за пределы раскопанного участка.

Статуэтки (?). Три экземпляра (№ 114-82, 365-82, 1130-84). Все три изделия сильно фрагментированы, они относятся к предметам мелкой глиняной пластики, но к антропоморфным статуэткам их можно отнести лишь предположительно.

Изделия из камня

«Утюжки». Десять экземпляров (№ 174-81, 270-81, 556-83, 428-81, 680-84, 888-84, 525-83, 676-84, 129-81). Наряду с камнями, которые в значительной степени сохранили естественную форму, имеются очень тщательно сделанные изделия, заполированные со всех сторон. Они имеют форму продолговатых брусков, утоньшающихся к концам. Форма их не отличается от аналогичных изделий из нижнего слоя (рис. 117).

Камни с незавершенными сверлинами (*подставки под сверло*?). Два экземпляра (№ 155-82, 506-83).

Грузило (№ 574-83). Данное изделие отличается небольшим диаметром отверстия, смещенного к краю камня.

Изделия из железа

Ножи (рис. 131, 132). Девять экземпляров, форма определяется у четырех. Три ножа с горбатой спинкой (№ 130-81, 440-83, 237-81) и один (№ 239-81) – со «спрямленной».

Серпы (рис. 135). Четыре экземпляра (№ 316-82, 156-81, 502-83, 243-81). У двух серпов черенок слегка отогнут (тип 2 по К.А. Смирнову, тип VI по Ю.А. Краснову и группа 1 вариант «В» по Р.В. Минасяну) у двух серпов черенок продолжает линию спинки (тип 1 по К.А. Смирнову, группа 1 вариант «Б» по Р.В. Минасяну).

Пряжки (рис. 137). Три пряжки, четыре язычка (№ 138-81, 509-83, 678-84, 150-81, 194-81, 1163-85, 136-82). Одна пряжка имела форму сомкнутого овала, концы другой были разомкнуты и закручены в плоскости перпендикулярной кольцу.

Стрелы (рис. 136). Восемь экземпляров (№ 515-83, 551-83, 544-83, 235-81, 538-83, 1162-85, 662-84, 531-83). Все плоские двушипные, у одной раздвоенный черешок. Одна стрела (№ 531-83) похожа на стрелы нижележащего горизонта с относительно длинным черешком и короткими шипами. Характерны стрелы с удлиненным узким пером и короткими шипами (№ 551-83, 544-83). Появляются стрелы с удлиненными шипами (№ 662-84).

Кольца-полуфабрикаты. 11 экземпляров.

Крючок (вязальная спица?) (№ 536-83).

Стержни (рис. 133, 134). 25 экземпляров, пять с квадратным сечением и 20 с круглым.

Пластины узкие. Пять экземпляров (№ 259-81, 537-83, 181-82).

Пластина широкая. (№ 507-83). Не исключено, что это элемент защитного доспеха (рис. 138). Пластины, предположительно от доспехов, найдены на городищах Троицкое и Щербинское (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 37).

Изделия из бронзы

Нашивные бляшки (рис. 139). Три экзепляра (№ 581-83, 404-82, 139-82). Форма двускатная, торцы декорированы витым жгутом («кантиком» по К.А. Смирнову, выделившему данную форму в тип 12). Одиночные бляшки были найдены на четырех городищах – Троицком, Щербинском, Огубском, Боровский курган (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 54). Серия тождественных бляшек происходит из кладового комплекса, найденного на поселении Заболотье 3а на р. Пахре (*Гоняный*, 2009). На городище Луковня 1 найдено 12 подобных бляшек (в том числе скопление восьми экземпляров в одном месте в раскопе 1973 г.). За пределами Подмосковья нашивки этого типа были найдены лишь на городище Варварина гора на р. Шлине (*Буров*, 2003. Рис. 14) и городище Орлов городок на р. Могоче, правом притоке Мологи (раскопки А.Д. Максимова). На кладоискательском сайте «домонголькая металлопластика» выставлены две подобные вещи, найденные на памятнике, расположенном на севере Калужской области.

Умбоновидные подвески (рис. 142). Четыре экземпляра (№ 1199-85, 673-84, 501-83, б/№). Находка с утраченным паспортом близка к подвескам с ажурным полем вокруг умбона, найденным на Троицком городище (Древнее поселение..., 1970. Табл. 18). Подвеска № 1199 относится к самому распространенному в Подмосковье «классическому» варианту (см. экскурс 1). На Троицком городище эти два типа подвесок также были встречены в одном стратиграфическом горизонте. Умбоновидные подвески «деградированного» стиля, плоские, меньших размеров, встречены в верхней части рассматриваемого горизонта.

Бляшки-скорлупки и комбинированные бляшки-скорлупки (рис. 139). Три экземпляра (№ 671-84, 508-83, 559-83). Сочетание бляшек-скорлупок и умбоновидных подвесок классического варианта подтверждается комплексами кладов с городища Дютьково (*Кренке и др*., 2010) и Щербинского (*Дубынин*, 1974. Табл. XXVII). Комбинированное украшение из пяти бляшек имеет серию аналогий. В первую очередь надо отметить комплексы домиков мертвых Усть-Белая I (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. Рис. 6, *8*), Куреваниха XVII (*Башенькин*, 1995. Рис. 3, *14*), они обоснованно датируются авторами II в. до н.э. – I в. н.э.; навершие булавки с Троицкого городища (Древнее поселение..., 1970. Табл. 19, *8*). Перечисленные

аналогии полностью тождественны находке с Дьякова городища.

Бубенчики. Два экземпляра (№ 140-81, 463-83).

Бусина (№ 232-81).

Пластинки, свернутые в кольцо. Три экземпляра (№ 514-83, 553-83). Одна из пластинок имеет зубчатый край.

Пронизь спиралевидная (№ 105-81).

Цепочка из маленьких колечек (№ 572-83).

Круглая бляшка с отверстием в центре (№ 567-83). Аналогичная была найдена на городище Варварина гора (*Буров*, 2003. Рис. 14, *222*).

Нашивная бляшка бантиковидная (№ 672-84). Данная находка принадлежит к варианту «в» бантиковидных бляшек (см. экскурс 4), характеризующих очень важный этап развития стиля украшений, изготавливавшихся населением Москворечья (рис. 142). Данный вариант отличается тем, что «бантик» состоит из десяти рядов полусферических выступов, не считая центрального. Изучение стратиграфического залегания бантиковидных накладок на Дьяковом городище (рис. 178) показало, что большинство из них найдено в более поздних горизонтах культурного слоя. Возможно, данное украшение было переотложено.

Накладка с антропоморфными изображениями (рис. 145, № 563-83). Накладка представляет собой пластину с загнутыми краями. Изображение нанесено пуансоном с внутренней стороны. Местами отверстия пробиты насквозь, местами – нет. Два края накладки повреждены коррозией, однако изображение можно хорошо разобрать: два схематично показанных «человечка» стоят рядом. Голова передана четырьмя точками. Конечности – руки и ноги изображены одинаково согнутыми в суставе. В результате получились «лягушачьи ноги». Пальцы рук и ног показаны так же, как и голова, – четырьмя точками. Помимо данной накладки на городище было найдено еще три фрагмента пластин с аналогичным изображением (№ 1365-87, 19-83, 39-83), но все они происходят из перекопов. Еще один предмет, безусловно составляющий с рассматриваемой накладкой одну серию, был найден на 40 см выше. Это аналогичная по форме накладка с изображением сарматской тамги (№ 100-82). При этом надо учитывать, что эта разница в абсолютных отметках не так существенна из-за перепада слоев. Предметы разделяло не более 20 см культурного слоя по вертикали, расстояние по горизонтали между находками составляло 4 м. Ближайшая аналогия находке с антропоморфным изображением с городища Дьякова была обнаружена в 2008 г. на поселении Солодка в Тульской области[2]. Эта находка имеет принципиальное значение, так как несет на себе помимо «человечков» изображение сарматской тамги и однозначно указывает на этнокультурную принадлежность вещи. Подробнее этот вид украшений рассмотрен в экскурсе 3.

Сюльгама (№ 503-83). Из гладкого круглого в сечении дрота с короткими усами и железным язычком. Найдена на контакте с вышележащим горизонтом. Имеется небольшая серия аналогий на других дьяковских городищах, в первую очередь на Троицком (Древнее поселение…, 1970. Табл. 18, *20*) и Щербинском (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. С. 75). По мнению И.В. Белоцерковской, гладкие сюльгамы стояли в начале типологического ряда и предшествовали обмотанным проволокой (*Белоцерковская*, 1999. С. 160). Сходные сюльгамы найдены в Кошибеевском могильнике. Погребения с такими находками входят в группу 1а по И.Р. Ахмедову и датируются временем не позднее первой половины II в. н.э. (*Ахмедов*, 2007. С. 138).

Поясная привеска (рис. 141, № 528-83). Сходные привески встречены в раннем периоде существования рязано-окских могильников, датируемых III в. (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 9, *6, 14*). Надо отметить, что данная привеска встречена в самой верхней части рассматриваемого горизонта.

Изделия из стекла и пасты

Бусы. Два экземпляра. Одна бусина-кирпичик из красного глухого стекла (№ 442-83) и одна округлая золотостеклянная (№ 358-81).

Характеристика находок с глубины –160–210

Набор находок с глубины –160–210 отличают следующие черты: резко увеличивается концентрация в слое украшений, деталей одежды и прочих предметов из бронзы. Одна подобная находка приходится всего на 0,9 м^3 слоя по сравнению с 3,25 м^3 в предыдущем горизонте. Велико количество железных изделий. Из орудий труда чаще всего встречаются ножи. Распространены ножи с горбатой и прямой спинкой. Сравнительно много железных стержней и двушипных стрел. В гораздо меньшем количестве по сравнению с нижележащими горизонтами встречаются железные кольца-полуфабрикаты. Одна подобная находка приходится на 15 м^3. Застежки и пряжки изготавливались в основном из бронзы. Это или простые пряжки небольшого диаметра в виде кольца с несомкнутыми закрученными концами, или сюльгамы с усами, украшенные волютами. Получают распространение наконечник поясов и поясные подвески, скорее всего привозные, находящие аналогии в памятниках Центральной Европы, Эстонии позднеримского времени, рязано-окских могильниках (*Godłowski*, 1970. Plate VI, *11*; *Гавритухин*,

[2] Автор благодарен А.М. Воронцову и О.Н. Заидову за возможность ознакомится с находкой, а также за информацию об обстоятельствах ее обнаружения.

Воронцов, 2008. С. 47; *Белоцерковская*, 2007. Рис. 9; *Шмидехельм*, 1955. Рис. 27).

Формируются новые типы украшений и новые стилистические приемы их декорирования.

Первый стиль характеризует применение таких элементов, как волюты из жгутиков (провощенных нитей), витых жгутов, плетенок, шариков двойной зерни. Комбинации этих стилистических элементов в первую очередь представлены на височных подвесках и сюльгамах. Подвески-серьги имели щиток треугольной формы, украшенный волютами, к которому прикреплялись шумящие привески в виде бубенчиков или пластинок-трапеций, треугольников. Многие изделия украшаются двойной зернью. Важно подчеркнуть, что ведущим признаком данного стиля украшений являлось то, что он был «шумящим». Подвижные части украшений терялись легче всего, и именно они (бубенчики, привески-трапеции) составляют большую серию находок.

Второй стиль («пупырчатый») – это украшения, состоящие из соединенных вместе мелких полушарных бляшек, изготовленных с помощью пуансона (*Сапрыкина*, 2005а. С. 526). В этом стиле оформлялись нашивные украшения прямоугольной, бантиковидной и более сложной формы. В некоторых украшениях второго стиля применялись декоративные элементы первого – двойная зернь, одинарные или сдвоенные витые шнуры.

Продолжают широко использоваться бляшки-скорлупки, известные и в более ранних горизонтах.

Глиняные грузики почти не отличаются от грузиков предшествующего горизонта. Происходит дальнейшая унификация их формы. Доминируют усеченно-конические грузики с высотой втулки 2–3 см и диаметром диска 3–4,5 см. Наряду с грузиками, но в значительно меньших количествах, в обиходе используются битрапециевидные пряслица.

На глубине –160–210 появляются различные поделки из глины непроизводственного или неясного назначения (статуэтки, таблички, биконусы).

Большое количество находок глиняных шариков, возможно, свидетельствует о распространении пращи.

Среди костяных изделий практически выходят из употребления проколки из малой берцовой кости свиньи (одна на 11 м^3 слоя), но в то же время появляется новый тип инструментов (кочедыки?, свайки?), изготовленных из метаподиальной кости лося.

Важно отметить, что в описываемом горизонте резко увеличивается количество привозных вещей, представленных преимущественно стеклянными бусами и бронзовыми украшениями с эмалью. Одна находка стеклянной бусины на глубине –160–210 приходится на 6,4 м^3 слоя по сравнению с 32 м^3 на глубине –210–260. Можно говорить о наличии «сарматского следа», на что указывает бронзовая накладка с сарматской тамгой.

Уникальной находкой является деревянная ложка. До сих пор аналогичных изделий на памятниках дьякова типа не находили, хотя известны более ранние бронзовые ложки сходной формы с короткими рукоятями (*Энговатова*, 2009. Рис. 6; *Городцов*, 1933. Рис. XV). Вероятно, деревянные ложки бытовали в течение всего периода существования памятников дьякова типа. Найденная деревянная ложка сохранилась лишь благодаря тому, что была обуглена.

Изделия из кости

Проколки. Восемь экземпляров (№ 1181-85, 356-83, 418-83, 320-82, 367-83, 448-83, 468-83, 404-83). Из МБК свиньи – 6, из добавочного метаподия лося – 2.

Кочедыки (свайки?). Шесть экземпляров (№ 1342-86, 345-81, 78-81, 309-82, 466-83). Изготовлены из боковой метаподиальной кости взрослого лося или, как исключение, из грифельной кости лошади (рис. 108). Причем грифельная кость переделана в подражание боковой метаподиальной кости лося (№ 469-83). У данного типа изделий очень характерное острие – его короткий выделенный конец смещен относительно продольной оси предмета. В тыльной части изделия имеется отверстие, участок под суставной головкой часто слегка подрезан. Некоторые из предметов орнаментированы нарезками. Скорее всего данный предмет применялся для плетения/распутывания.

Рукояти. Два экземпляра (№ 95-81, 1312-86). Форма цилиндрическая. Небольшое углубление позволяет предполагать, что рукоять предназначалась для инструмента типа шила.

Суставная головка с отверстием (№ 312-83).

Изделия из глины

Грузики «дьякова типа». 20 экземпляров (рис. 121). Больше всего грузиков типа 1 по К.А. Смирнову (усеченно-конические со слабым перехватом). Представлены также грузики типа 5 с цилиндрической втулкой. Имеются грузики с выпуклой нижней частью (тип 1б). Размеры грузиков становятся немного меньше, чем в нижележащем горизонте. Сумма диаметра и высоты у большинства находится в интервале 5–8 см (максимальное значение – 8,3 см). Диаметр канала стандартен – 5 мм (табл. 12). Характерно наличие совсем миниатюрных изделий, у которых сумма измерений меньше 5 см. Один предмет (№ 1498-87) может быть трактован как модель грузика – у него совсем маленькое отверстие (как у бусины) и нет характерных насечек. Совершенно вышли из обихода грузики с насечками на верхней площадке. Интерес представляет переделанный грузик (№ 487-83). У него сточен верх, в результате получилась форма дисковидного пряслица.

Диски с отверстиями (рис. 126). Шесть экземпляров (№ 314-83, 432-83, 523-83, 1315-86, 1326, 1341-86). Диаметры отверстий – в пределах от 5 до 16 мм, а внешние диаметры дисков – в пределах 3,7–6,5 см. Возможно, что данные изделия являлись дисковидными пряслицами. Важно отметить, что параллельно существуют изделия аналогичной формы из камня.

Пряслица битрапециевидные. Два экземпляра (№ 386-83, 444-83). Диаметр отверстия 12 мм. Появление в быту дисковидных и битрапециевидных пряслиц, предназначенных для веретен диаметром 1 см и более, означает появление очень важной культурной инновации – распространение типа веретен, отличного от тех (диаметр около 5 мм), что использовались жителями городища ранее.

Пряслице биконическое (№ 54-82).

Шарики. 24 экземпляра. Диаметр от 1 до 4 см. Глиняные шарики с Дьякова городища мельче аналогичных предметов, найденных на кельтских оппидумах. Там средний диаметр глиняных шариков равняется 35 мм, а вес 35–40 г (*Pieta*, 2008. P. 271). Вероятно шарики с Дьякова городища – это не боевое оружие, а снаряды для пращи, с помощью которых пастухи направляли движение скота (именно так, например, используется праща в Тибете в настоящее время).

Биконусы. Четыре экземпляра.

Бусы. 18 экземпляров. В том числе 8 – овальной формы, 10 – конической. Одна «бусина» (№ 1477-87) имеет очень крупные размеры – диаметр около 5 см.

Погремушки. Три экземпляра (№ 379-83, 449-83, 451-83). Все три фрагмента относятся к основному типу с расширенным яйцевидным туловом с двумя выступами-поддонами на противолежащих краях.

Таблички орнаментированные. 4 экземпляра (рис. 157, № 76-82, 596-83, 1469-87 1514-87).

Статуэтки. Четыре экземпляра (рис. 156, № 204-81, 377-83, 478-83, 1499-87).

Рогатые кирпичи. Три экземпляра (№ 107-82, 641-83, 413-82). У двух из трех кирпичей хорошо выражены «рога». Один орнаментирован – на боковой поверхности изображен косой крест, концы которого имеют по три отростка. Тождественная орнаментация нанесена на глиняный биконус (№ 1354-86), найденный в перекопе верхнего слоя.

Льячки. Два экземпляра (№ 68-82, 1343-86). Имеют втулку для деревянной рукояти. По мнению Е.Ю. Тавлинцевой, предназначались для низкотемпературного литья оловянных украшений (*Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009).

Изделия из камня

«*Утюжок*» (№ 443-83).

«*Подставка для сверления, вращения*?» (№ 97-82). Плоский камень овальной формы имеет две незавершенные сверлины с двух сторон.

«*Дисковидное пряслице*» (№ 426-83). Диаметр отверстия – 7 мм, внешний диаметр – 3,5 см.

Изделия из дерева

Ложка (№ 474-83). Общая длина 6 см, длина ручки – 3 см (рис. 59).

Изделия из стекла

Золотостеклянные бусы. Семь экземпляров (№ 306-82, 113-82, 120-82, 93-82, 423-83, 494-83, 450-83).

Синего стекла бусина (№ 424-83).

Красного глухого стекла бусина (№ 479-83).

Изделия из железа

Ножи. 11 экземпляров (№ 136-81, 369-83, 403-83, 412-83, 417-83, 431-83, 476-83, 646-83, 650-83, 1172-85, 1178-85). Форма восстанавливается у девяти, из них с почти прямой спинкой – 6, с горбатой спинкой – 3 (рис. 131, 132).

Серпы. Два экземпляра (№ 391-83, 467-83). У обоих серпов черешок продолжает линию спинки. Один серп (№ 467) по размерам приближается к серповидному ножу (рис. 135).

Стрелы. Семь экземпляров (№ 212-81, 80-82, 94-82, 382-82, 492-83, 497-83, 1327-86). Все со сравнительно короткими черешком и пером, с двумя длинными шипами, грани пера сходятся под углом около 20º (рис. 136).

Пряжки. Два экземпляра (№ 1153-85, 83-82). Один язычок от пряжки крупного размера и одна половинка пряжки с несомкнутыми концами, закрученными в плоскости перпендикулярной плоскости пряжки (рис. 137).

Кольца-полуфабрикаты. Три экземпляра.

Браслет (?) пластинчатый (№ 409-83).

Фрагменты пластин. Два экземпляра. Одна из пластин (№ 1170-85) напоминала «хомут» для стяжки. В пластине имелось отверстие, в которое была вставлена заклепка.

Стержни. Шесть экземпляров (№ 310-82, 652-83, 651-83, 329-83, 447-83, 1511-87). По-видимому, это обломки шильев. Одна из находок (329-83) имела орнаментированную костяную рукоять; другая (№ 1511-87) имела деревянную рукоять и бронзовую пластинчатую обойму-стяжку. Сечение самих стержней круглое или квадратное.

Долото (№ 346-81). Конец лезвия чуть расширен, ширина рабочей части – 11 мм.

Изделия из бронзы

Бубенчики. Восемь экземпляров. Делятся по форме на несколько вариантов: цилиндроконические (№ 87-81, 126-81, 131-81, 464-83) – 4; полусферический (№ 407-83) – 1; конические (№ 499-83, 1332-86) – 2; пирамидальный с подчеркнутыми гранями (№ 1482-87) – 1 (рис. 144).

Серьги-подвески и их фрагменты. 15 экземпляров (№ 307-82, 309-83, 361-83, 392-83, 434-83, 483-

83, 108-82, 1169-85, 1340-86, 396-82, 394-82, 94-81, 1171-85, 371-83, 1173-85) (рис. 143).

Умбоновидная подвеска (№ 1173-85) входит в тип 7 по предлагаемой классификации (см. экскурс 1), который завершает линию эволюции данной группы украшений.

Серьги с треугольным щитком, декорированным волютами из свернутой нити, видимо, пришли на смену умбоновидным украшениям. Общим элементом и тех и других является дужка для подвешивания, которая практически не претерпела изменений. Типология серег с треугольным щитком, заполненным волютами, была разработана И.Г. Розенфельдт (1978; 1982. Рис. 9). По ее схеме серьги, найденные в интервале глубин –160–210 на Дьяковом городище, относятся к типу 2 (№ 396-82); типу 5 (№ 394-82, 1390-87); типу 8 (№ 108-82, 1169-85, 1340-86). Наблюдается существенное разнообразие в оформлении привесок и переходников, которые дополняли щитки. Прослежены следующие варианты привесок: 1) коническая сплошная колокольчатая привеска с высоким обмотанным нитью стержнем, завершающимся петлей (№ 434-83 и др.); 2) колокольчатая привеска ажурная (№ 361-83); 3) пластинчатая треугольная привеска, отлитая вместе с петлей, декорированная двойной зернью (№ 1305-85); 4) пластинчатая треугольная привеска, прикрепленная к кольцу-петле переходника механическим способом (1169-85).

Привески часто непосредственно присоединялись к кольцам щитка без переходника. Кроме того, зафиксировано два варианта переходников: 1) из гладких соединенных в цепочку колечек (№ 340-86, 94-81); 2) сложная фигура из перевитой нити, два ромба в центре и петли с концов, декорирована двойной зернью (№ 1169-85).

Важно отметить, что все три типа щитков, судя по положению находок в культурном слое Дьякова городища, бытовали одновременно. Нет оснований думать, что развитие постепенно шло от простых форм к более сложным, и этот процесс занял 250 лет, как предполагала И.Г. Розенфельдт.

За пределами ареала дьяковской культуры серьги типа 2 были найдены в двух погребениях рязано-окских могильников – Заречье и Кораблино (*Белоцерковская*, *Ахмедов*, 2009. Рис. 6), относящихся к фазе 2а, датирующейся второй половиной III в. (*Белоцерковская*, 2007). Переходник, аналогичный выделенному варианту 2, обнаружен в могильнике Большое Давыдовское 2 (*Макаров Н.А. и др*., 2010. Рис. 5, *15*) возле Суздаля, который авторами раскопок отнесен к III–V вв., но судя по набору вещей и радиоуглеродным датам, вполне вероятно, что верхняя дата памятника – IV в. н.э.

Бантиковидные нашивки. Четыре экземпляра (№ 345-83, 368-83, 493-83, 1466-87). Относятся к вариантам «Б» и «В», имеющим соответственно по четыре и пять рядов полусферических выпуклостей на каждой половине бляшки (рис. 142). Являются одним из «культуроопределяющих» типов украшений (подробнее см. экскурс 4).

Прямоугольная нашивная бляшка, сделанная в технике, аналогичной бантиковидным нашивкам (№ 395-83).

Бляшки-скорлупки. Четыре экземпляра (№ 362-83, 382-38, 1323-86, 1493-87). По форме бляшки не отличаются от тех, что были встречены в нижележащих горизонтах, однако размер бляшек с глубины – 160–210 немного крупнее, диаметр 12 мм (рис. 139).

Бляшки круглые плоские с отверстием в центре. Два экземпляра (№ 1322-86, 1484-87). У одной бляшки край украшен насечками. Аналогичная происходит с городища Варварина Гора (*Буров*, 2003. Рис. 14).

Кольца с несомкнутыми или заходящими концами. Пять экземпляров (№ 87-82, 323-83, 374-83, 472-83, 1339-86). Один фрагмент (№ 323) орнаментирован поперечными насечками. Диаметр 1,5–2,0 см.

Колечки (бусины напускные) сплошные и разомкнутые, звенья цепочек. Семь экземпляров (№ 116-82, 351-83, 363-83, 416-83, 454б-83, 485-83, 1321-86). Диаметр – 8–9 мм (рис. 140).

Обойма пластинчатая (№ 496-83). Аналогичная была найдена на деревянной рукояти шила (№ 1511-87).

Пронизь-спираль (№ 500-83).

Наконечник пояса (рис. 141, № 222-81). Тип 5 по И.Г. Розенфельдт. Она учла восемь изделий на городищах дьякова типа (1982. С. 105). После выхода ее публикации была сделана аналогичная находка на городище Варварина Гора (*Буров*, 2003. Рис. 14). Таким образом, теперь их известно десять. По мнению И.О. Гавритухина, данный вид наконечников принадледит «окско-сурской серии», они «не имеют местных прототипов, связаны с кругом северо- и центральноевропейских переработок провинциально-римских образцов» (*Гавритухин*, *Воронцов*, 2008. С. 49).

Привеска поясная (№ 457-83). Имеются сарматские прототипы (см. экскурс 3), значительное количество аналогий происходит из ранних погребений рязано-окских могильников (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 9), датируемых первой половиной III в.

Застежки-сюльгамы (рис. 140). Два экземпляра (№ 215-81, 331-83). Корпус сюльгам и усы на стадии изготовления восковой модели декорированы обмоткой нитью, кроме того, на корпусе имеются дополнительные украшения в виде четырех S-видных завитков (волюты). Наиболее близкая аналогия – в материалах Щербинского городища (*Дубынин*, 1974,

Табл. XI, *16*). На одной из сюльгам (№ 331) волюты дополнены шариками двойной зерни. В рязано-окских могильниках имеются сходные изделия, возможно заимствованные из Москворецкого региона (*Белоцерковская*, 1999. С. 172). И.В. Белоцерковская объединяла эту группу застежек в серию 1В и первоначально датировала ее первой половиной IV в. н.э. на основании анализа комплексов погребального инвентаря (1999. С. 169). В последних работах эта датировка понижена почти на 100 лет (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 7, *9*).

Застежки кольцевидные. Четыре экземпляра (№ 454-83, 357-83, 322-83, 1452-87). Три гладкие, одна крученая, концы несомкнуты и загнуты в плоскости, перпендикулярной плоскости кольца застежки.

Рыболовный крючок (рис. 138, № 224-81).

Накладка с тамгообразным знаком (рис. 145, № 100-82). Аналогии имеются на городище Луковня. Знак очень близок к тамге Аспурга (см. экскурс 3).

Лунницы с эмалью (рис. 145). Пять экземпляров (№ 351-81, 354-83а–г). Четыре экземпляра были найдены на глубине –171 спекшимися в комок, могут рассматриваться как единый комплекс. Цвет эмали красный. Находка № 351-81 происходит с глубины –208, эмаль утрачена. Таким образом, можно предполагать, что находки украшений с эмалью характерны для всего периода формирования горизонта культурного слоя на глубине –160–210. Лунницы относятся к категории «маленьких». По системе описания, предложенной И.К. Фроловым (1980), лунницы с Дьякова городища характеризуются следующими признаками: тело дугообразно-треугольное (№ 353-81, 354б, в) и треугольное (№ 354а, г); центральное эмалевое поле – дугообразно-треугольное (№ 351-81, 354б, в, г) и треугольное (№ 354а); конечные щитки – круглые у всех; отростки – кольцеобразные у всех. Наиболее близкие аналогии с городищ Мощины (тип IIБ2 по Фролову) и Огубское (*Корзухина*, 1978. Табл. 14, *6*). И.К. Фролов отнес этот тип к начальной фазе этапа «В» (середина эволюционного ряда). По А.М. Обломскому (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 118, рис. 138) находки с Дьякова городища относятся к стадии «Б», также занимающей среднее положение в эволюционном ряду[3]. Маленькие лунницы с эмалью на памятниках дьякова типа представлены на городищах Луковня и Боровский курган в Московском регионе, могильниках Усть-Белая (*Башенькин*, 1995а. Рис. 6), Пугино (*Башенькин*, 1995а. Рис. 7) на Вологодчине; одна грабительская находка происходит из Тверской области (источник: интернет-форум «Домонгол»). Датировка эмалей средней стадии по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому – середина – вторая половина III в.н.э. (*Обломский*, *Терпиловский,* 2007. С. 123).

Характеристика находок с глубины –110–160

Количество находок, обнаруженных на глубине –110–160, не так велико, чтобы дать полную характеристику комплекса. Продолжают бытовать некоторые типы украшений, известных по нижележащему горизонту. Это сложносоставные серьги-подвески с колокольчатыми или пластинчатыми привесками, разнообразные бубенчики, нашивные бляшки с мелкими полусферическими выпуклостями. Украшения продолжают декорироваться зернью. Находка привески в виде двух соединенных треугольников со сложным неподвижным переходником свидетельствует о том, что тип подвесок с треугольными привесками эволюционировал.

В начале формирования горизонта культурного слоя на глубине –110–160 выходят из моды бантиковидные нашивные украшения, характерные для нижележащего горизонта. Сам стиль нашивных бляшек, комбинированных из микроскорлупок, продолжал существовать, появляются новые формы прямоугольных бляшек данного стиля декорированных «косоплетками» по торцам.

Появляются неизвестные ранее типы украшений, многие из которых были привозными. Среди них новый вид конических бубенчиков с петлей, которая крепилась непосредственно к верху бубенчика; шляпковидные бубенчики с полями; вытянутые трапециевидные привески с отверстием для подвешивания и S-видными переходниками. Эти предметы указывают на контакты в противоположных направлениях. Бубенчики с полями, видимо, происходят из Прибалтики, а трапециевидные подвески и конические бубенчики с петлей имеют тождественные аналогии в рязано-окских могильниках.

На глубине –110–160 прослеживаются следы производства украшений из олова (льячки со втулкой), но сами украшения отсутствуют (не сохранились).

Для описываемого горизонта очень характерно широкое разнообразие глиняных предметов – статуэток, орнаментированных табличек, шариков, биконусов, погремушек, бус. Концентрация антропоморфных статуэток в слое очень высока – 1 экземпляр на 3 м^3. На глубине –160–210 одна статуэтка приходилась на 22 м^3 слоя, ниже их нет совсем. То же самое можно сказать про орнаментированные таблички. Они встречаются реже статуэток, наивысшая их концентрация приходится на глубину –110–160. Среди глиняных бус появляются изделия с отростками (звездчатые).

[3] Нужно отметить, что в некотором отношении взгляды А.М. Обломского и И.К. Фролова на эволюцию лунниц диаметрально противоположны. Лунница из Щепилово у И.К. Фролова в начале ряда, а у А.М. Обломского в – конце.

Грузики сохраняют известную по двум предшествующим горизонтам форму. Увеличивается количество битрапециевидных пряслиц с широким каналом, что является указанием на распространение в быту нового типа веретен. Характерно также, что встречены грузики дьякова типа с намеренно срезанным верхом. То есть в такую важную сферу культуры, как прядение и ткачество, проникли инновации. Пряслица с широким каналом скорее всего указывают на «южные контакты». Об этом же свидетельствует и каменное пряслице с нарезками.

На глубине –100–160 наивысшей концентрации достигает количество привозных стеклянных бус. Одна бусина приходится на 4 м^3 слоя.

Изделия из кости

Кочедыки. Два экземпляра (№ 165-83, 290-83).

Проколки. Пять экземпляров (№ 236-83, 1218-86, 1294, 40-82, 38-82). Из МБК свиньи – 3, из добавочного метаподия лося – 1.

Суставная головка с отверстием (№ 207-83).

Амулеты из когтей медведя. Два экземпляра (№ 1526-87, 460-81).

Изделия из глины

Грузики дьякова типа. 23 экземпляра (рис. 122). Наибольшее количество составляют грузики типа 1 – их десять экземпляров, один грузик имеет слабовыпуклое дно (тип 1б), небольшой серией представлены грузики с уплощенным верхом, форма которых представляет переходный вариант между типами 1 и 7 по К.А. Смирнову (между конусом и цилиндром). К этой переходной группе примыкает грузик типа 5 (№ 226-83). В нижележащих позднедьяковских слоях не встречался уплощенный тип грузика в виде низкого конуса (типы 12, 13).

Важно отметить наличие трех грузиков с намеренно сточенным верхом. Такая переработка превратила их в дисковидные пряслица с рубчатым краем (№ 1353-86, 172-83, 202-83). Эта переделка вряд ли может быть названа «ремонтом». Можно предположить, что таким образом была реализована попытка «культурной адаптации». То есть на городище жили и работали «инокультурные» (?) пряхи, которые пытались переделать грузики, сделанные раннее, в соответствии с их собственными представлениями о том, каким должно быть пряслице?

Размеры грузиков маленькие, окончательно вышли из обихода предметы крупных и средних размеров (в коллекции нет ни одного, у которого сумма измерений достигала бы 8 см). Сумма диаметра и высоты основной группы находится в интервале 6–7,5 см, диаметр канала – по-прежнему равнялся 5–6 мм (табл. 13).

Битрапециевидные пряслица. Три экземпляра (№ 430-87, 1437-87, 231-83). Грань четко выражена, канал широкий, точный диаметр не устанавливается.

Округлые пряслица (?). Два экземпляра (№ 186-83, 253-83). Форма изделий позволяет допустить, что это крупные бусы.

Шарики. 22 экземпляра.

Биконус. Два экземпляра (№ 1416-87, 58-82).

Погремушки (рис. 154). Четыре экземпляра (№ 78-82, 60-82, 75-81, 229-83). Форма аналогична погремушкам из нижележащих горизонтов. Одна маленькая погремушка (№ 75-81) имеет яйцевидное тулово без дополнительных выступов.

Бусы. 26 экземпляров. Округлые – 17 (одна с двумя каналами), конические – 6, звездчатые – 3 экземпляра.

Орнаментированные таблички (рис. 157, 158). Восемь экземпляров (№ 200-83, 275-83, 62-82, 1292-86, 219-83, 189-83, 455-82, 52-82). Наблюдается сильная вариабельность размеров – от миниатюрных (№ 1292-86), до весьма крупных (№ 289-83). Несмотря на значительную хаотичность наколов можно выделить ведущую композицию, которая встречена на трех предметах. Две группы наколов по торцам таблички соединяет «цепочка» наколов, идущая по пустому полю вдоль продольной оси таблички (№ 62-82, 200-83, 1292-86). Очень интересна табличка № 219-83, наколы на которой идентичны по композиции бронзовым бантиковидным нашивным бляшкам (см. экскурс 4).

Статуэтки антропоморфные (рис. 155, 156). 11 экземпляров (№ 209-83, 158-83, 143-83, 21-82, 185-83, 141-83, 147-83, 201-83, 198-83, 50-81, 213-83). Форма «стандартная»: верхняя часть торса крестообразная, голова вылеплена так же, как и руки, черты лица отсутствуют, выделены ягодицы, ноги часто соединены ступнями вместе. Перед плоский, создающий впечатление, что статуэтка лепилась «лицом вниз» на подставке. На нескольких статуэтках видны следы ногтей и защипов пальцами (№ 1436, 50, 185). Исходя из данных западносибирской этнографии можно допускать, что статуэтки примитивной формы могли «одевать» в одежды, на «лицо» прикреплять оловянные бляшки (*Иванов*, 1970. Рис. 68, 69; *Сирелиус*, 2001. Цв. вклейка; *Мурашко*, *Кренке*, 2001. Рис. 145–149). Это вполне вероятно, так как материалы раскопок Дьякова городища свидетельствуют о том, что его жители практиковали оловянное литье (см. экскурс 3). Из сибирской этнографии также следует, что примитивным идолам придавалось разное значение (покровитель семьи, женщин, мужской дух-защитник, изображения умерших, разнообразные божества), которое мало отражалось на их форме. Интерпретации этнографов основаны прежде всего на информации, полученной от аборигенов в ходе сбора коллекций.

Рогатые кирпичи. Два экземпляра (№ 639-83, б/№-86). Экземпляр из раскопа 1986 г. отличается

крупными размерами, выделенными «рогами» и ложбинкой по верху.

Льячки. Пять экземпляров (№ 295-83, 270-83, 246-83, 301-82, 142-83). Все предметы имеют втулку для дополнительной деревянной рукояти (рис. 127). Как отмечалось выше, скорее всего льячки были предназначены для работы с оловом, так как на них нет следов воздействия высоких температур. Распределение льячек в переделах раскопа, свидетельствует о том, что литье велось в «домашних условиях» в пределах жилых построек.

Изделия из камня

Литейные формы (рис. 128). Восемь экземпляров (№ 32-81, 338-81, 6-82, 9-82, 150-83, 262-83, 1372-87, 1421-87). Шесть каменных и две глиняных. Все они являются створками разъемных литейных форм.

Пряслице (?) *дисковидное* (№ 68-81). На одной стороне имеются нарезки, возможно, являющиеся знаками. Аналогичные изделия были найдены на селище Певкин Бугор на левобережье Оки в Тульской области (*Розенфельдт Р.Л*., 1963. Рис. 1, *7*), Палецком городище (*Сыроватко*, 2009. Рис. 110).

«*Утюжок*» (№ 1408-87). Форма в виде продолговатого бруска прямоугольного сечения, сужается к концу.

Изделия из стекла

Бусы (цв. вкл., рис. 17). 14 экземпляров. Бесцветная (№ 54-81); золотостеклянные – 5 (№ 65-81, 274-83, 276-83, 296-83, 343-83); зеленая прозрачная (№ 328-83); синие 14-гранные – 4 (№ 1420-87, 1446-87, 1451-87, 1460-87); красная округлая (№ 1461-87); синяя округлая (№ 1470-87); бисер четырехчастный прозрачный (№ 1707-87). См. экскурс 2.

Изделия из железа

Пряжка с обоймой (№ 377-82). Кольцо пряжки круглое, сомкнутое, обойма прямоугольной формы с бронзовой заклепкой.

Пряжка круглая (№ 1449-87). Кольцо сомкнутое, сечение «прямоугольное», но грани сглажены.

Вязальная спица (?) Один экземпляр (№ 51-81). Стержень с квадратным сечением, один конец заострен, на другом – крючок.

Стержни. Четыре экземпляра (№ 305-82, 176-83, 379-82, 174-83).

Изделия из бронзы

Бубенчики с полями (рис. 145). Три экземпляра (№ 34-81, 58-81, 57-81). Бубенчики имеют для подвешивания характерные S-видные переходники. Три таких переходника встречены без бубенчиков в перекопах (№ 2-82, 32-83, 74-83). Все эти находки обнаружены близко друг от друга и, возможно, принадлежали к одному украшению. Бубенчики подобной формы являются уникальной находкой в пределах Москворечья. Изготовлены методом штамповки из бронзового листа, на полях бубенчиков имеется разрез. Многочисленные аналогии известны на территории Эстонии, Восточной Латвии (*Аун*, 1980. Рис. 18; Latvijas PSR Arheologija, 1974. Tab. 42, 43; *Urtāns*, 1970; *Wróblewska et all*., 2005/ Tab. 3). Нижняя дата находок из Латвии – VII в. н.э. «Колоколовидные» (по терминологии Е.Р. Михайловой) бубенчики из комплексов культуры псковских длинных курганов похожи, но не идентичны находкам с Дьякова городища.

Бубенчики без полей (рис. 144). Шесть экземпляров. Цилиндроконические с ложновитым стержнем, который завершался петлей – 3 (№ 258-83, 591-83, 1347-86), фрагмент ложновитого стержня (№ 1291-86); ажурный с тремя треугольными прорезями (№ 88-81); маленький конический с петлей для подвешивания – 2 (№ 1423-87, 1300-86). Последний вариант бубенчиков встречен лишь в данном стратиграфическом горизонте. Аналогии представлены в могильниках Большое Давыдовское 2 (*Макаров и др*., 2010. Рис. 5), Никитинском (*Воронина и др*., 2005), Ратьковском (*Вишневский и др.*, 2007. Рис. 3).

Трапециевидные привески (рис. 146). Четыре экземпляра (№ 342-81, 377-81, 1404-87, 1432-87). Две привески имеют высокие пропорции, у них сохранились S-видные переходники (вариант «А»). Еще одна подвеска подобного типа есть среди нестратифицированных находок (№ 794-84). Две другие привески являются комбинированными украшениями, состоящими из трех привесок (более низких пропорций, чем вариант «А»), соединенных вместе переходниками-колечками (вариант «Б»). Оба варианта не представлены в находках из нижележащих слоев Дьякова городища. Аналогии на других дьяковских памятниках, собранные И.Г. Розенфельдт, единичны (*Розенфельдт И.Г*., 1982. Рис. 5). Среди нестратифицированных находок с Дьякова городища имеется серия из пяти тождественных одиночных привесок (№ 59-83, 71-83, 46-83, 63-83, 31-83), которые могли быть элементами украшения варианта «Б».

Очень близкие аналоги привескам варианта «А» имеются в рязано-окских могильниках, например, из погребения 79 могильника Кораблино, погребения 195 могильника Заречье происходит целая серия тождественных привесок с переходниками, украшавших поясок головного венчика (*Ахмедов*, 2007. Рис. 26; *Белоцерковская*, 2007. Рис. 2; *Белоцерковская*, *Ахмедов,* 2009). Относительная датировка этих погребений – период 3 по И.В. Белоцерковской, который датируется V – началом VI в. (*Белоцерковская*, 2007. С. 201). Аналогичным образом датируется Никитинский могильник, где также встречены подобные украшения (*Воронина и др*., 2005). Есть они и в Безводнинском могильнике, где являлись элементом головного убора (*Краснов*, 1980. Рис. 28). Список аналогий можно

существенно расширить, но приведенные выше – наиболее близки находкам с Дьякова городища.

Подвески варианта «Б» встречены на дьяковских городищах Подмоклово, Кунцево, Саввино-Сторожевское. Тождественная подвеска представлена в погребении 195 могильника Заречье (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 8, *40*), которое, как отмечалось выше, датируется V – началом VI в. Аналогичные вещи есть и в других финских могильниках того же культурного круга – Хотимльском, Борковском (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. Рис. 6). Находка тождественной подвески имеется на мощинском городище Акиньшино, расположенном на правом притоке Оки выше Алексина (*Воронцов*, 2010. Рис. 42). А.М. Воронцов определяет, правда, с некоторыми оговорками, верхнюю границу мощинских древностей V в. н.э. (2008. С. 204). То есть ареал подвесок варианта «Б» – бассейн Оки, вероятная датировка – гуннское время или конец V – начало VI в. н.э. Одиночные трапециевидные подвески, сходные по пропорциям и размерам с подвесками, входившими в украшение варианта «Б» есть в Ратьковском могильнике (*Вишневский*, *Новоселова*, 2010. Рис. 6, *12, 13*; 8, *11*), нижняя дата которого определяется VI (V?) в. н.э.

Височные украшения и их фрагменты (рис. 143). Девять экземпляров (№ 380-28, 283-83, 1304-86, 1390-87, 197-83, 1305-85, 1151-85, 173-83, 1152-85). Все эти украшения тяготеют к нижней части горизонта. Количество находок указывает на то, что этот тип украшений местного производства широко использовался. Формы изделий, за небольшими исключениями, о которых ниже, идентичны находкам из нижележащего горизонта. Важно отметить, что в данном горизонте присутствуют украшения, имевшие две привески, с маленьким щитком, декорированным тремя волютами, расположенными «пирамидкой» в два ряда, а также более сложные украшения, у которых было три привески, а треугольный щиток был украшен волютами, расположенными в три ряда. То есть эти различия не являлись хронологическими, простые и более сложные по форме украшения бытовали одновременно. Новые элементы прослеживаются среди привесок. Появляется привеска сложной формы, нижняя часть которой состояла из двух треугольников, основания которых соединялись. Ажурный переходник, состоявший из четырех ромбов с двойной зернью, перестал быть подвижным, а составлял с треугольными привесками единое целое (№ 1152-85). Еще одна подобная вещь была найдена в перекопе (№ 51-83).

Бантиковидная нашивная бляшка (№ 1301-86). Вариант «Б», найдена в самом основании горизонта (глубина –157), является самой верхней находкой из этой серии предметов.

Прямоугольная нашивная бляшка, комбинированная из микроскорлупок (рис. 139, № 204-83). Выпуклые элементы расположены в три ряда по шесть микроскорлупок в ряду. Торцы бляшки декорированы зернью. По-видимому, является развитием аналогичных бляшек из нижележащего горизонта, которые были дополнены украшением торцов.

Пластинчатая обойма с выпуклинами-горошинами (рис. 145, № 298-83). На памятниках дьякова типа схожая находка происходит с Синьковского городища (*Горюнова Е.И.*, 1961. Рис. 17, *1*). Обоймы, близкие по форме к находке с Дьякова городища, являлись элементами накосников, налобных венчиков, поясков, нарукавных украшений, найденных в рязано-окских могильниках в погребениях V в. (*Воронина и др.*, 2005. Рис. 33; *Белоцерковская*, *Ахмедов*, 2009); могильниках мазунинской культуры в Прикамье (*Останина*, 1997. С. 48, рис. 5, *25*), Безводнинском могильнике в Горьковском Поволжье (*Краснов*, 1980. Рис. 22).

Щиток пряжки (рис. 141, № 1425-87). Массивный литой овальной формы с одной заклепкой в центре. Аналогии на памятниках дьякова типа отсутствуют.

Пряжки близкой формы с округлым щитком, но меньших размеров есть в азелинских памятниках, где датируются IV в., например, в Нармонском могильнике (*Старостин*, 2002. Рис. 14, *5, 7*) и могильнике Тюм-Тюм[4].

Пряжки с похожими щитками, но с двумя-тремя заклепками есть в Безводнинском могильнике (*Краснов*, 1980. Рис. 39, *11*), могильнике Кораблино (*Белоцерковская*, *Ахмедов*, 2009. Рис. 6, *23*). Щитки пряжек овальной формы с тремя заклепками характерны для фазы D3 центральноевропейской хронологии, которая датируется второй половиной V в. (*Щукин*, 2005. С. 556, 557). И.П. Засецкая описывает подобные щитки среди древностей гуннского времени конца IV–V в. н.э. (1994. Рис. 18, 11, *17*).

Очень близки находке с Дьякова городища пряжки из склепа 78 Боспорского некрополя. И.П. Засецая датирует их второй половиной V – рубежом V–VI вв. (2003. С. 38, табл. 12, *36, 45*).

Пряжку с овальным щитком и одной заклепкой из Константиновграда И.О. Гавритухин датировал второй половиной V – первой половиной VI в. (2007. С. 32, табл. 22, *12*).

Сходные находки из склепа 495 в Скалистом в Крыму (*Хайретдинова*, 2003. Рис. 1, *9, 10*) определены как обувная гарнитура и датированы первой половиной VI в. По мнению Э.А. Хайретдиновой, они произведены в Херсонесе по византийским образцам (2003. С. 126).

---

[4] Автор благодарен С.В. Ошибкиной за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

В могильнике Дюрсо близ Новороссийска также есть пряжки с аналогичными щитками с одной заклепкой в центре. Ранний пласт погребений, где они найдены, датирован концом V – первой половиной VI в. (*Дмитриев*, 2003. С. 201, табл. 79, *14*).

На Верхнем Дону в могильнике с трупоположениями на Животинном городище были найдены погребения, содержавшие портупейные пряжки, аналогичные находке с Дьякова городища. И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский датируют эти комплексы 450–480 гг. н.э. и считают, что погребения принадлежат «носителям западной воинской цивилизации» (2004. С. 179, рис. 13, *7*), и далее заключают, что именно лесостепной район междуречья Днепра и Дона мог быть источником инноваций для лесной зоны.

Нашивное украшение (?)*, переходник подвески* (?) (рис. 141, № 65-81). Имеет вид узкой пластинки прямоугольного сечения с двумя отверстиями по краям, торцы немного расширены и имеют скругленную форму. Вероятно, использовалось для украшения пояса, точные аналогии мне неизвестны. На нескольких дьяковских памятниках в бассейне Москвы-реки найдены отчасти похожие поясные накладки – прямоугольные с отверстиями по краям, которые И.Г. Розенфельдт объединила в тип IV (1982. С. 115, рис. 28). Узкие прямоугольные пластинки, украшавшие пояса, были широко распространены от рязано-окских могильников до Прикамья (*Голдина*, *Кананин*, 1989. Рис. 67, *19, 20*). Похожие украшения имели и пояса в погребениях Безводнинского могильника (*Краснов*, 1980. Рис. 40, 44).

Круглая бляха (№ 1299-86). В центре имеется заклепка для крепления к ремню, по периметру идут декоративные насечки. Аналогий на памятниках дьякова типа нет.

Напускные колечки-пронизки. Три экземпляра (№ 175-83). Аналогичные представлены в нижележащем горизонте.

Пронизка-спираль (№ 31-82).

Характеристика находок из перекопов

Изделия из бронзы

Подвеска-уточка (рис. 145, № 1463-87). Подвеска объемная, полая, по основанию идет валик, форма в плане овальная, сохранилась фрагментарно. По классификации Л.А. Голубевой (1979), относится к типу 1, варианту 2. По классификации А.Н. Башенькина и М.Г. Васениной – к типу 1. Для москворецких памятников дьякова типа находка № 1463-87 – уникальна, но типична для северной периферии «дьяковских древностей».

Аналогии встречены на памятниках, расположенных на стыке Вологодской и Тверской областей, в том числе «домике мертвых» Кореваниха XX, могильниках Чагода 1, Пугино (*Башенькин*, 1995а. С. 9, 2, *2;* 5, *2*; 7, *7–9*), Кореваниха XVI-а (*Башенькин*, *Васенина*, 2006а. Рис. 4, *32*). Всего в этом микрорегионе было найдено пять подвесок-уточек рассматриваемого типа (*Башенькин*, *Васенина*, 1994. С. 18). Появляются они в интервале II в. до н.э. – I в. н.э. и бытуют в первых веках н.э. Находки «ранних уточек» представлены в Андреевском кургане (*Степанов*, 1980. Рис. 34) – они узкие и без валика по основанию.

Находке с Дьякова городища близки по форме уточки из комплексов, нижняя дата которых определяется наличием украшений с эмалями, т.е. III в. н.э. (Пугино).

Подвески-уточки типа 1 были картографированы Л.А. Голубевой (1979. Рис. 2), их основной ареал – Волго-Вятское междуречье и правобережье Оки и Волги, начиная от устья Прони. Подвески-уточки известны по материалам древнейшей стадии рязано-окских могильников (встречаются редко), где датируются первой половиной III в. н.э. (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 8, *1*). В Желтухинском могильнике на левобережье Волги подвески-птички присутствуют в погребениях VI–VII вв. (*Уткин*, *Черников*, 1994. С. 52. рис. 3). В Прикамье полые подвески уточки встречены на памятниках III–V вв. н.э. азелинской культуры (*Голдина*, *Кананин*, 1989. Рис. 55, *3, 4*; *Ошибкина*, 1979) и мазунинском этапе чегандинской культуры (*Останина*, 1997. Рис. 9, *2*; 75, *6*; *Голдина*, 2004. Табл. 317) и продолжают бытовать позднее в поломских древностях (Финно-угры и балты…, 1987. Табл. LX, *11*). Ясно, что на Дьяково городище рассматриваемая находка могла попасть откуда-то с севера или востока, скорее всего из региона Суды, Кабожи, Чагоды, так как именно там были встречены москворецкие вещи (см. экскурс 4). Важно отметить, что датировка А.К. Амброза и Л.А. Голубевой подвесок-уточек типа 1 VI–VII вв. не может быть принята. Находки из Андреевского кургана, а также раскопки А.Н. Башенькина на Суде и Кабоже и И.В. Белоцерковской в рязано-окских могильниках ясно показывают, что гладкие полые подвески-уточки появились на несколько столетий раньше.

Подковообразные фибулы с эмалью (рис. 145). Три экземпляра (№ 1363-87, 11-83, 1503-87).

Находка № 11-83 имеет прямоугольный центральный щиток, сплошь занятый красной эмалью. Концевые щитки круглые и также сплошь заняты красной эмалью. Сечение дуги треугольное с гранью, подчеркнутой двумя линиями точечного орнамента, выполненного пуансоном. По размерам (D = 6,5 см) входит в группу крупных. По типологии Е.Л. Гороховского относится к балто-днепро-окской серии VI с круглыми концевыми щитками, типу 1 (прямоугольный центральный щиток). Данная фибула может быть

сопоставлена с фазой «С» развития подковообразных фибул с эмалью, выделенной Е.Л. Гороховским, которую он относит ко второй половине III в. н.э. (*Гороховский*, 1982. Рис. 6). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский приводят аргументы в пользу того, что фибулу из Рябовки, схожую с находками № 11, 12 с Дьякова городища, следует относить к первому этапу киевской культуры (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 123), который датируется концом II – III (преимущественно первая половина) в. Дополнительные аргументы в пользу датирования находки из Рябовки первой половиной III в. н.э. приводит К.И. Бакуменко (*Бакуменко и др*., 2006. С. 30, 31). Близкие аналогии находке с Дьякова городища имеются в Литве (*Vaitkevičius*, 2004. Il. 14) и северо-восточной Польше (*Bitner-Wroblewska*, 2007) и также датируются III в. н.э.

В ареале памятников дьякова типа аналогии фибуле № 11-83 происходят из городища Луковня (раскопки 1982 г.), погребения 2 могильника Пугино на р. Суде (*Башенькин*, 1995а. Рис. 7) и городища Графская гора под Кимрами (*Смирнов К.А*., 1976. Рис. 1).

Находка № 1363-87 с Дьякова городища, у которой круглые концевые щитки с красной эмалью и ромбический средний щиток с двумя гнездами, заполненными красной и голубой эмалью, соответствует серии VI типу 2 стадии «D» по системе Е.Л. Гороховского.

Относительно находки № 1507-87 можно лишь сказать, что она относится к серии VI.

Фибула (рис. 145, № 252-83). Двухчленная прогнутая подвязная с расширенной жаловидной ножкой. Происхождение, как считал А.К. Амброз, не выяснено, встречены в могильниках черняховской культуры, дата – IV в. н.э. (1966. С. 69). М.М. Казанский, а вслед за ним и М.Б. Щукин, включали данную находку с Дьякова городища в список фибул черняховских типов, связывая их появление в лесной зоне с военно-политической активностью готов (*Щукин*, 2005. С. 215, рис. 78, *22*; *Kazanski*, 1992. Fig. 1). Серия двучленных прогнутых подвязных фибул происходит с памятников, расположенных в бассейне Верхней Оки, в том числе одна с расширенной ножкой – с городища Щепилово на р. Упе (*Гавритухин*, *Воронцов*, 2008).

Колокольчик-пирамидка с треугольными выступами по углам (рис. 145, № 1377-87). Особенность формы находки № 1377-87 в том, что основание пирамидки выделено уступом, грани завершены не зернью, а треугольными выступами. На памятниках дьякова типа нет тождественных аналогий данному типу подвесок.

Пирамидальные колокольчики с дьяковских памятников отличаются отсутствием уступа в основании, часто сглаженными гранями, углы у них оформлены одинарной или двойной зернью (признаки местного стиля). Такие находки известны с городищ Троицкое, Барвиха, Луковня, Огубское, Попадьинское селище (*Розенфельдт И.Г*., 1982. Рис. 3), Варварина Гора (*Буров*, 2003. Рис. 14), в могильниках Усть-Белая 1, Пугино (*Башенькин*, 1995а. Рис. 6, *10*; 7, *18*). Аналогичные колокольчики-пирамидки с зернью есть и на городище Дьяково среди нестратифицированных находок (№ 392-82; 131-83).

Т.М. Морозовская, собравшая сведения о находках пирамидальных колокольчиков в Северном Причерноморье, пришла к выводу, что наибольшее их количество встречено в памятниках II–III вв. н.э. и они ведут свое происхождение из провинций Римской империи (*Морозовская*, 1985. С. 75–77). Следует отметить, что среди собранных Т.М. Морозовской вещей нет точных аналогий находке с Дьякова городища.

В бассейнах Нижней и Средней Оки и Верхней и Средней Волги колокольчики, идентичные или очень близкие находке № 1377, встречены в целом ряде могильников, в том числе мордовских и марийских (*Розенфельдт И.Г*., 1982. С. 23; Финно-угры и балты…, 1987. Табл. XLV, XLIX). Отметим большую серию пирамидальных колокольчиков из могильников Нижегородской области – Безводнинского могильника (*Краснов*, 1980. Рис. 27, 29–31) и Желтухинского (*Уткин*, *Черников,* 1994. Рис. 6, *16*); находки с городища Попово на р. Унже, а также из могильника Сарского городища (*Леонтьев*, 1996. Рис. 32, *3*; 118, *1*). Колокольчики-пирамидки есть и в инвентаре культуры длинных курганов (*Буров*, 1994). Эти памятники указывают на относительно поздний возраст, возможно, конец V – VII в. н.э. Очевидно, что колокольчики-пирамидки эволюционировали длительное время. Нижняя дата рассматриваемого варианта не очень ясна. Ориентировочно находку с Дьякова городища можно датировать третьей четвертью I тыс. н.э. и предполагать, что она является предметом импорта.

Трапециевидные подвески, орнаментированные двумя рядами точек (рис. 146). Два экземпляра (№ 75-83). Две подвески соединены колечком переходника. По предположению М.М. Казанского, данное изделие относится к вещам дунайского происхождения, попавшим в лесную зону в третьей четверти I тыс. н.э. в связи с процессом славянской колонизации (*Kazanski*, 2000. Fig 6, *28*). И.О. Гавритухин посвятил специальную статью данному типу украшений (находка с Дьякова городища была им учтена) и пришел к выводу об их датировке VII в., но не считал возможным «рассматривать их как “маркер” определенной культурно-этнографической общности» (1997. С. 48).

Сюльгамы (рис. 140). Четыре экземпляра (№ 217-83, 327-83, 1368-87, 1369-87). Предметы с гладким или ложновитым корпусом, дополнительно украшенные волютами или зернью (находки № 217-83, 327-83,

1369-87), находят аналогии среди стратифицированных находок из среднего горизонта верхнего слоя. Значительное количество аналогий этим находкам можно найти в коллекциях других городищ Москворечья – Щербинского, Троицкого и пр. Это очевидно местные изделия. Находка № 1368-87 представляет более редкий тип. Наиболее близкое по деталям декора изделие происходит со Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Табл. XI, *15*). Предмет с Дьякова городища отличается наличием второго кольца. Стилеобразующим элементом декора является заполнение пространства между двумя кольцами зигзагом из витой нити. По классификации застежек-сюльгам, предложенной И.В. Белоцерковской (1999), эта находка относится к серии 1Д. Период бытования этой серии И.В. Белоцерковская первоначально определяла IV – первой половиной V в. н.э. (1999. С. 171). В более поздней работе датировка предметов этой серии ограничена IV в. н.э. (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 7).

Накладки, комбинированные из микроскорлупок (рис. 139). Четыре экземпляра (№ 1376, 21-83, 24-83, 1472-87). Относятся к вещам, характеризующим культуру населения, проживавшего на поселениях дьякова типа бассейна Москвы-реки. Накладки имеют две разновидности. Вариант 1 – украшение состоит из двух рядов по пять микроскорлупок в каждом, их боковые внешние грани украшены шариками двойной зерни. На оборотной стороне у торцов поперечно оси бляшки расположены две сдвоенные петли для нашивания украшения. Вариант 2 (тип V по И.Г. Розенфельдт) – скорлупки сгруппированы в три ряда по шесть в каждом. Торцы дополнены косоплеткой, две петли для нашивания распложены вдоль оси бляшки.

Аналогичные предметы входили в состав рассеянного клада (?) на поселении Заболотье 3а (*Гоняный*, 2009), на основании чего можно предполагать их синхронность и относительно ранний возраст (в пределах I–III вв. н.э.), так как совместно с ними была найдена умбоновидная подвеска «классического» варианта и двускатные нашивные бляшки. Очевидно, что данные бляшки обнаруживают стилистическое единство с нашивками-бантиками и должны были сосуществовать с ними, составляя элементы одного убора. Одна бляшка, аналогичная варианту 1, и десять, аналогичных бляшкам варианта 2 были найдены на городище Луковня (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. Рис. 28). Три фрагмента бляшек варианта 2, были найдены в Калужской (?) области (источник: интернет-сайт «Домонгол»).

Накладки-колодки сдвоенные рубчатые. Два экземпляра (№ 853-84, 23-83). Аналогичные происходят с городищ Луковня (2 экз.) (*Векслер*, 1969) и Троицкого (Древнее поселение…, 1970. Табл. 17, *11*), селища Заболотье 3а (*Гоняный*, 2009) в Подмосковье, городища Орлов городок (1 экз.) на севере Тверской области (*Максимов*, 1981. Рис. 62), грабительских сборов в бассейне р. Угры (источник: сайт «Домонгол»). Близкие по форме накладки-пронизи представлены в древностях Прикамья в поздних этапах пьяноборской культуры (*Голдина*, 2003. Табл. 44, 282, 431).

Подвеска-пронизь шумящая (рис. 143, № 875-84). Корпус полый, круглый в сечении, отлитый по модели, выполненной из нити, скрученной в цилиндр – «спиралевидный», по терминологии В.И. Вишневского (*Вишневский и др*., 2007. С. 96). К корпусу прикреплены снизу два кольца, в которые продеты подвески. Для памятников дьякова типа эти находки не характерны. Пронизь с городища Березняки (*Третьяков*, 1941. Рис. 37, *8*) скорее всего относится не к позднедьяковскому комплексу, а к материалам второй половины I тыс. н.э. Большая серия аналогий происходит из Ратьковского могильника. Схожие пронизи были найдены во многих других могильниках – Никитинском (*Воронина и др*., 2005. Рис. 36), Заречьинском (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 2, *38*; 7, *23*), Большое Молочное (*Леонтьев*, 1996. Рис. 128, *4*), Сарском городище (*Леонтьев*, 1996. Рис. 73, *4*). Судя по находкам в рязано-окских погребениях стадии 3, по И.В. Белоцерковской, украшение может быть датировано временем начиная с V в. н.э. Безусловно, данные вещи бытовали и позже – в VI–VII вв. н.э.

Тисненая бляшка-обоймица (рис. 145, № 870-84). Относится к типу «квадратных» (на самом деле прямоугольная), выделенному Е.Р. Михайловой (2007). Орнамент выпуклый, выполнен тиснением. На пересечении диагоналей, обозначенных двойными линиями, кольцо с точкой в центре, по двум боковым краям линии из точек, верх и низ ограничены двумя параллельными линиями. Края бляшки загибались. Данный экземпляр использовался вторично. Один загнутый край вещи утрачен (отломан?), на поле пробиты два отверстия, в одном из которых сохранилось колечко-переходник, к которому должна была крепиться привеска. На памятниках дьякова типа встречены еще три тождественные бляшки (2 – городище Луковня, 1 – Дьяково городище, раскопки А.Г. Векслера).

Практически точные аналоги (3 экз.) представлены в псковских длинных курганах: Березно 1, курган 6; Городня, курган 3; Володи, курган 1 (*Михайлова*, 2007. Ил. 1). Очень близкая по особенностям декора бляшка происходит из кургана Любахин 1 (*Башенькин*, 1995а. Рис. 8). В памятниках культуры псковских длинных курганов встречены разнообразные стилистически схожие украшения, что дало основание Е.Р. Михайловой выделять их в качестве культуроопределяющих (2009). Это позволяет предполагать, что находка с Дьякова городища происходит из региона

культуры псковских длинных курганов. Е.Р. Михайлова приводит аргументы в пользу определения нижней даты этой культуры концом V в. н.э. (2009). Курган 6 могильника Березно 1 она датирует второй половиной VI – началом VII в., привлекая при этом радиоуглеродные датировки. Эта точка зрения в настоящее время является наиболее обоснованной. Имеются и предположения о более ранних датировках. Так, А.Н. Башенькин относит курган Любахин 1 по набору инвентаря к V в. н.э. (1995а. С. 25). Косвенным подтверждением данной точки зрения являются находки из Литвы. В могильнике Велиона IV–V вв. было найдено головное украшение, элементы которого могут рассматриваться как прототипы тисненых подвесок (Prehistoric Lithuania, 2000. P. 69). М.М. Казанский трактует данную находку как «балтскую» (1999).

Бубенчики в форме бутылочки (рис. 144). Два экземпляра (№ 332, 43-83). Для дьяковских памятников Москвы-реки вещь нехарактерная. Многочисленные аналоги представлены в финно-угорских могильниках и поселениях в бассейнах Верхней Волги и Оки – Ратьковском (*Вишневский*, *Новоселова*, 2010. Рис. 8, *7*; *Вишневский и др*., 2007. Рис. 7, *18, 19*); Безводнинском (*Краснов*, 1980. Рис. 27, 29); Заречье (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 3, *1*); селище Усть-Черная, Сарском и Мало-Давыдовском городищах (*Леонтьев*, 1996. Рис. 73, *14*; 90, *8*; 96, *4–6*). Датировка комплексов, где они встречены, находится в интервале V–VII вв. Вероятно, на Дьяковом городище данные изделия являются привозными и датируются в рамках указанного интервала.

Подвески-серьги (рис. 143). Два экземпляра (№ 57-83, 173-81). Подвески относятся к двум разным «классам»: с маленьким и большим щитком. Обе подвески имеют некоторые стилистические отличия, как между собой, так и от подвесок, найденных в стратифицированном слое.

Находка № 57-83 по типологии И.Г. Розенфельдт относится к типу V варианту 3б (1982. С. 35–37). Это украшение с двумя подвесками имеет маленький щиток, состоящий из двух рядов волют, и два кольца для привесок. Отличие от тождественных щитков подвесок из среднего и верхнего горизонтов верхнего слоя характеризует почерк мастера (?). Шарики зерни крупнее и составляют сплошные ряды с каждой стороны щитка. Типологическую специфику вещи определяют привески – в виде низких треугольников с тремя группами двойной зерни, имеющие «приросший» неподвижный переходник в виде плетенки, обрамленной зернью. Единственная аналогия происходит с Кунцевского городища (*Розенфельдт И.Г*., 1982. Рис. 8, *1*). Можно согласиться с И.Г. Розенфельдт, что данная привеска является позднейшим вариантом в группе привесок с маленьким щитком. Основание для такого заключения – особая форма привески в виде именно низкого треугольника и «приросший» переходник. К данному типу очень близки украшения типа 5 варианта 3в (с подвижным переходником). Они найдены на Саввино-Сторожевском (*Краснов Ю.А.*, *Краснов Н.А.*, 1978) и Ростиславльском (*Коваль*, 2009) городищах.

Находка № 173-81 относится к «классу» привесок с большим щитком. От привесок, встреченных в стратифицированном слое, она отличается бóльшим размером щитка, количеством привесок (их четыре, а не три) и наличием переходника, в основе которого косое плетение. Ближайшая аналогия – находка с Луковни (*Розенфельдт И.Г*., 1982. Рис. 8, *14*). Аналогичные переходники встречены у вышеупомянутых маленьких подвесок типа 5, варант 3в, а также у подвески с большим щитком с городища Орлов городок в Тверской обл. (*Максимов*, 1981. Рис. 62). Имеются грабительские находки подвесок с подобными переходниками из Калужской (?) области.

Выше я высказывал предположение, что подвески с маленькими и большими щитками существовали одновременно и являлись двумя «классами» одной категории украшений. Находки № 57-83 и 173-81, видимо, являются наиболее поздними в своих «классах». Предположительно можно думать, что они характеризуют местное ювелирное производство V (VI?) в. н.э.

Эволюционные линии подвесок с большими и малыми щитками прослеживаются в других культурных контекстах на финно-угорских памятниках Волго-Окского бассейна вплоть до X–XI вв. (*Голубева*, 1973. Рис. 5, *4*; *Горюнова Е.И*., 1961. Рис. 39, 40).

Накладка поясная двурогая одночастная геральдического стиля (рис. 141, № 1384). Сизовато-коричневый цвет вещи отличает ее от бронз местного производства. Аналогии многочисленны. Появление поясов с геральдическими накладками, распространившихся в Восточной Европе, видимо, из Византии, относится к середине VI в. (*Амброз*, 1981. С. 16). По А.И. Айбабину и Э.А. Хайретдиновой, двурогие накладки были распространенным элементом геральдических поясных наборов второй половины VI – VII в. н.э. из Юго-Западного Крыма (*Хайретдинова*, 2003. С. 129; *Айбабин*, 1990. С. 52, 53). Они характеризуют хронологический этап первой половины VII в. по материалам могильника Суук-Су (*Айбабин*, 2003. Табл. 20, *42, 44*). И.П. Засецкая датировала сходные двурогие псевдопряжки из склепа 180 Боспорского некрополя второй половиной VI – началом VII в. н.э.

В.Б. Ковалевская датировала экземпляр с Дьякова городища VII в. (устное сообщение 1988 г.). А.К. Амброз относил изделия данного типа к VII в. (1981. С. 98, рис. 6, *45*). По И.О. Гавритухину, «рогатые» нак-

ладки присутствуют уже в выделенном им хронологическом горизонте 2, интервал которого определяется концом VI – первой третью VII в.; продолжают бытовать в горизонте 4, датируемом второй и третьей третями VII в. (*Гавритухин*, 1999. С. 168; 2001. С. 37, 39).

Таким образом, наблюдается небольшое расхождение в датировках, предложенных исследователями. Суть вопроса сводится к тому, может ли двурогая накладка с Дьякова городища датироваться второй половиной VI в. или она относится к VII в.?

Изделия из железа

Подвески треугольные (рис. 143). Два экземпляра (№ 55-83, 29-83). Подобные подвески впервые встречены на памятниках Дьякова типа. Мне не известны аналогии и на соседних территориях. Судя по тому, что форма близка к форме бронзовых подвесок, можно думать, что это местные изделия.

Сравнение комплексов находок нижнего и верхнего слоев Дьякова городища

Задача заключается в том, чтобы оценить степень преемственности материальной культуры населения, оставившего нижний и верхний слои Дьякова городища, по данным вещевых находок. Резкое различие наблюдается в первую очередь в том, что из нижнего слоя происходит набор изделий из кости. В верхнем слое набора орудий труда из кости нет, сохранились, да и то в значительно меньшем количестве, костяные проколки. Место костяных орудий занимают железные. Важно отметить, что отмеченное различие наблюдается при сопоставлении набора находок из нижнего слоя с набором находок из нижнего горизонта верхнего слоя (глубина –260–310). То есть замена «костяной индустрии» железной происходит очень резко. По-видимому, это свидетельствует о том, что в напластованиях культурного слоя Дьякова городища пропущен или почти не представлен промежуточный этап.

Различия между комплексами находок из нижнего и верхнего слоев проявляется не только в замене кости железом, но и в изменении формы некоторых костяных изделий. Так, меняется форма костяных наконечников стрел. В верхнем слое появляются неизвестный ранее тип удлиненных стрел с трехгранным сечением пера, новый тип костяного орудия – кочедык из метаподиальной кости лося. В то же время такая традиция «костяной индустрии», как выбор для изготовления проколок именно малой берцовой кости свиньи, сохранялась на всем протяжении отложения культурного слоя.

Очень важно сопоставление изделий, которые находились вне зависимости от технического прогресса, связанного с широким освоением железа. Это сопоставление дает двоякие результаты. С одной стороны, между глиняной пластикой верхнего и нижнего слоев имеются явные различия, позволяющие, даже не зная стратиграфического контекста, определить из какого слоя происходит предмет. Для нижнего слоя характерна зооморфная мелкая пластика, бусы-разделители, орнаментированные глиняные продолговато-изогнутые предметы (кольца?). В верхнем слое появляются антропоморфные статуэтки и таблички, между которыми, видимо, существовала какая-то смысловая связь. Многочисленные глиняные шарики, биконусы – это также предметы именно из верхнего слоя. С другой стороны, имеются и черты сходства. Техника орнаментации наколами травинки (?) характерна для обоих слоев. Приверженность глиняным грузикам дьякова типа наблюдается как в нижнем слое, так и в верхнем, причем прослеживается плавная эволюция их форм. Глиняные бусы, погремушки, «рогатые» кирпичи сходных форм типичны для обоих слоев. Орудия, сделанные из камня, также почти не претерпевают изменений. Это «утюжки» и подставки.

Очень мало известно об украшениях из бронзы. В технологии работы с металлом изменений на границе нижнего и верхнего слоев не отмечается. Типы льячек совершенно сходны. В формах умбоновидных украшений прослеживается эволюционная преемственность.

Вывод, который можно сделать по имеющимся данным, может быть сформулирован следующим образом. Между нижним и верхним слоем имеется хронологический разрыв. Сложно ответить на вопрос, относится ли это ко всему памятнику или только к той части, которая была раскопана в 1981–1987 гг. Вещевые комплексы верхнего и нижнего слоев, если рассматривать их целиком, имеют значительные различия. Однако многие из отличительных особенностей верхнего слоя относятся не к начальной фазе его формирования (см. ниже). То есть они не могут служить аргументами при выяснении вопроса о преемственности культуры на рубеже перехода от нижнего слоя к верхнему. Очевидно, что население, оставившее верхний слой, было в культурном отношении очень близко к предшественникам, которые оставили нижний слой, но все же есть основания сомневаться в том, что «верхние» были прямыми потомками «нижних». Трансформации керамического комплекса, рассмотренные в следующей главе, дают материал для таких сомнений.

Сравнение комплексов находок из различных горизонтов верхнего слоя

Сравнительно небольшой набор типов вещей существовал без изменения форм и частоты встречаемости в слое. Это каменные «утюжки», глиняные рогатые кирпичи, овальные и конические бусы, погремушки, железные серпы, стержни, сюльгамы с несомкнутыми

загнутыми концами, бронзовые бляшки-скорлупки. У большинства вещей формы менялись, варьировалась частота их встречаемости в слое. Изменение форм и набора орудий труда происходило постепенно. Так, разные типы ножей и грузиков существовали параллельно. Постепенно одна форма вытесняла другую. В форме железных стрел изменения едва заметны – они касались длины черешка и пропорций размеров пера и шипов. Признак, на который указывал К.А. Смирнов, – характер сечения пера, оказался трудно улавливаемым. Из-за плохой сохранности находок трудно было отделить стрелы с линзовидным сечением от плоских. Более резкие трансформации происходили с украшениями, поясным набором, «культовыми предметами». Здесь можно наметить следующие важные рубежи. Серьезные изменения произошли в период отложения слоя на глубине около –200–220. В это время меняется тип подвесок. На смену умбоновидным приходят «шумящие» серьги с бубенчиками или трапециевидными подвесками. При этом так же, как умбоновидные серьги были двух размеров – малые и большие, так и новый тип серег был двух размеров – с двумя либо тремя привесками. В это же время складывается стиль украшений из микроскорлупок, сгруппированных в Х-образные (бантики) или прямоугольные «блоки». Данный горизонт характеризует появление разнообразных предметов импорта. В первую очередь это стеклянные бусы, бронзовые украшения с выемчатой эмалью, поясные подвески и наконечники, накладки с изображением тамги и «человечков с поднятыми руками». Две последние категории, безусловно, отражают сарматское влияние.

Следующий важный рубеж – самый верхний горизонт верхнего слоя (глубина –110–160). Именно в этот период получают массовое распространение местные предметы неутилитарного характера – глиняная пластика (антропоморфные статуэтки и таблички). Наряду с вещами местного производства появляется много импортов различного происхождения. Это шляпковидные бубенчики прибалтийского происхождения, высокие трапециевидные подвески из ареала рязано-окских могильников, каменные литейные формочки, находящие аналогии в раннеславянских памятниках. Характерно, что даже такую «исконную» вещь, как глиняный грузик дьякова типа, в верхнем горизонте верхнего культурного слоя начинают «теснить» битрапециевидные пряслица, некоторые грузики переделывали, отрезая у них верх. При этом необходимо отметить, что местная ювелирная традиция, сложившаяся на предыдущем этапе, несмотря на приток импортов, продолжила эволюционное развитие.

Таким образом, можно сделать итоговый вывод, что на протяжении отложения верхнего слоя на Дьяковом городище проживало население одной и той же культурной традиции, которое подвергалось существенным воздействиям извне. Эти воздействия были обусловлены как локальными событиями, так и глобальными изменениями моды, форм вещей, этнополитической карты Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э.

Таблица 7. **Наиболее крупные коллекции из раскопок памятников дьякова типа в Подмосковье**

Название городища	Число индивидуальных находок	Число фрагментов керамики	Количество целых сосудов
Щербинское	3000	132 000	50
Настасьино	3000	60 000	200 (включая реконструированные частично)
Дьяково	2436	90 000	60
Луковня	2000	85 000	15
Троицкое	1500	123 000	40
Боршева	1500	20 000	Нет данных
Кузнечики	700	23 000	6
Селецкое	500	10 000	15
Кунцево	350	22 000	Нет данных
Мамоново	270	6000	7
Боровский курган	200	20 000	Нет данных
Знаменское	186	Нет данных	Нет данных
Михайловское	150	4000	Нет данных
Сетунское	35	10 000	Нет данных
Всего	12 641	545 000	Более 193

Таблица 8. **Структура вещевой коллекции из раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг.**

Предметы домашнего обихода, орудия труда	Проколки, иглы	265	Всего: 1138 (44,4%)
	Сосуды миниатюрные	236	
	Грузики дьякова типа	180	
	Заготовки из кости и отходы косторезного производства	99	
	Ножи	92	
	Стержни железные	92	
	Камни (бруски, терочники, утюжки, песты и пр.)	64	
	Рукояти	27	
	Пряслица	21	
	Струги	17	
	Долота	16	
	Кочедыки	10	
	Серпы	10	
	Шила	5	
	Сверла	4	
Украшения, детали одежды	Бляшки, застежки (в том числе фибулы, сюльгамы), пряжки, язычки пряжек, подвески с привесками, пронизки, обоймы, кольца, пуговицы	287	Всего: 550 (21,5%)
	Бусы стеклянные	48	
	Бусы глиняные	204	
	Бусы из кости	4	
	Бусы из бронзы	7	
Предметы, связанные с бронзолитейным производством	Льячки	103	Всего: 159 (6%)
	Литейные формы	22	
	Окислы	21	
	Выплески, капли	13	
Предметы, связанные с железоделательным производством	Заготовки-кольца	36	Всего: 71 (2,7%)
	Окислы	34	
	Крица	1	
Охота, рыбная ловля, военный инвентарь	Ширики и биконусы (снаряды для пращи ?)	198	Всего: 396 (15,4%)
	Стрелы	81	
	Заготовки стрел	14	
	Копье	1	
	Крючки рыболовные	2	
«Культовые», неутилитарные предметы	Статуэтки	41	Всего: 122 (4,8%)
	Таблички глиняные	30	
	Погремушки	37	
	Амулеты из когтей и клыков	11	
	Таблетки глиняные	3	
Всего по категориям			2436
Прочие находки (гвозди, средневековые вещи)			128
Итого			2564

Таблица 9. **Метрические параметры грузиков «дьякова типа» из нижнего слоя (ранжированы по сумме диаметра и высоты) ***

Номер	Тип	Диаметр основания (D1), см	Высота (H), см	Сумма D1+H	Диаметр канала, мм
254-82	1	7	4,5	11,5	6
258-82	1	5,5	4,5	10	5
230-82	5	5,7	4,3	10	6
781-84	1	5,5	4,0	9,5	5
1267-86	5	4,9	4,4	9,3	4
953-84	1	6	3,2	9,2	5
278-82	1	5,3	3,8	9,1	6
246-81	8а	5	3,5	8,5	6
252-82	1	4,9	3	7,9	5
1211-85	8а	4,6	2,8	7,4	5
973-84	8б	4,3	3	7,3	5
375-81	8а	4,2	2,8	7	5
316-81	8а	3,7	3	6,7	5
792-84	1	3,9	2,6	6,5	4
1222-85	1	3,6	2,6	6,2	4
871-84	5	3,6	2	5,6	4
340-82	9	2,8	2,6	5,4	3
341-82	5	2,5	1,9	4,4	2,5

* Сумма диаметра и высоты была выбрана как легко вычисляемый показатель, характеризующий размеры грузика.

Таблица 10. **Метрические параметры грузиков «дьякова типа» из нижнего горизонта верхнего слоя (ранжированы по сумме диаметра и высоты)**

Номер	Тип	Диаметр основания (D1), см	Высота (H), см	Сумма D1+H, см	Диаметр канала, мм
781-84	8	7,5	4,6	12,1	7
929-84	8б	7,3	4,9	12,1	7
187-82	2	7,3	3,8	11,1	6
183-82	9	6,6	4,3	10,9	7
308-81	7	6,6	4,2	10,8	6
936-84	8б	7	3,8	10,8	6
1193-85	8б	6	4,3	10,3	6
917-84	8б	6,2	3,9	10,1	6
309-81	8б	5,7	3,6	9,5	7
901-84	8б	5,3	3,7	9	6
685-84	7	5,2	3,5	8,7	5
317-81	8б	4,5	3,3	7,8	6
898-84	5	5	2,7	7,7	5
1128-84	1	4,7	2,9	7,6	5
365-81	8б	4	3	7	4

Таблица 11. **Размеры грузиков из среднего горизонта верхнего слоя, глубина –210–260 (ранжированы по сумме диаметра и высоты)**

Номер	Тип	Диаметр основания, (D1) см	Высота (H), см	Сумма D1+H, см	Диаметр канала, мм
1187-85	1	6	3,5	9,5	6
890-84	8б	5,2	3,8	9	5
904-84	1	5,4	3,3	8,7	5
547-83	1б	4,8	3,6	8,4	5
317-82	7	4,8	3,5	8,3	5
577-83	1б	4,7	3,2	7,9	5
253-81	7	4,8	2,9	7,7	6
658-84	8б	4,8	2,8	7,6	5
258-81	1б	4,4	3,2	7,6	5
545-83	1	4,2	3,3	7,5	5
891-84	5	4	3,2	7,2	6
125-82	1	4,8	2,2	7	6
436-83	1б	4,4	2,6	7	6
427-83	1	4,4	2,4	6,8	5
1512-87	1	4	2,3	6,3	6
437-83	1	4,1	2,2	6,3	5
122-81	5	3,3	2,6	5,9	3
321-82	5	3,3	2,3	5,6	4
527	1	2,7	1,8	4.5	5

Таблица 12. **Размеры грузиков из среднего горизонта верхнего слоя, глубина –160–210 (ранжированы по сумме диаметра и высоты)**

Номер	Тип	Диаметр основания (D1), см	Высота (H), см	Сумма D1+H, см	Диаметр канала, мм
1175-85	5	5	3,3	8,3	5
455-83	1	5	3,2	8,2	5
400-83	1	4,6	3,3	7,9	–
462-83	5	5	2,6	7,6	5
441-83	1	5	2,5	7,5	6
310-83	1б	4,3	3,1	7,4	5
599-83	1	4,4	2,6	7	–
88-82	1	4,5	2,5	7	5
69-81	1	4,7	2,3	7	5
207-81	1	4,3	2,5	6,8	5
373-83	1	4,4	2,1	6,5	–
40283	1	4,2	2,2	6,4	–
398-83	1	3,9	2,1	6	5
160-83	5	3,2	1,9	5,1	4
83-81	5	2,9	1,9	4,8	3
481-83	5	3,1	1,6	4,7	3
1498-87	?	3,5	1,9	4,4	1

Таблица 13. **Размеры грузиков из верхнего горизонта верхнего слоя, глубина –110–160 (ранжированы по сумме диаметра и высоты)**

Номер	Тип	Диаметр основания (D1), см	Высота (H), см	Сумма D1+H, см	Диаметр канала,мм
70-81	1	5	2,9	7,9	6
1428-87	1	4,8	2,8	7,6	4
1496-87	1/7	4,6	3	7,6	6
1397	1/7	4,7	2,6	7,3	6
1406-87	1	4,5	2,6	7,1	–
240-83	1/7	4,5	2,6	7,1	6
28-81	1	4,4	2,6	7	5
244-83	1	4	2,9	6,9	5
300-83	1	4,4	2,3	6,7	5
226-83	5	4	2,6	6,6	5
31-81	12	4,5	2	6,5	6
302-82	1	4,2	2,2	6,4	5
275-83	1б	3,8	2,5	6,3	5
273-83	1	3,8	2,4	6,2	6
11-82	1	4,1	2	6,1	5
10-82	1	3,8	2	5,8	–
1380-87	13	3,7	1,4	5,1	7

Экскурс 1
Типология и хронология умбоновидных подвесок

Формирование умбоновидных подвесок – украшения, ставшего «культуроопределяющим» для москворецкого варианта дьяковской культуры (*Смирнов К.А.*, 1974а. С. 77; *Дубынин*, 1974. С. 232), начинается приблизительно в середине I тыс. до н.э. Очень вероятным выглядит предположение А.Ф. Дубынина, что прототипами умбоновидных подвесок были так называемые серьги скифского типа (1974. С. 232). Проникновение этого типа украшений в лесную зону происходило по всему широкому фронту прямых и опосредованных контактов скифов с лесными культурами, что подтверждают, в частности, находки из Подмосковья (*Крис*, *Чернай*, 1980. Рис. 3, *8*) и Верхнеднепровского региона (*Шмидт*, 1992. Табл. 15, *8, 9*). Однако лишь в Волго-Окском междуречье и особенно в Москворечье этот импульс получил дальнейшее развитие и привел к формированию целого ряда самобытных форм.

Находок, относящихся к начальному этапу эволюции умбоновидных подвесок, известно немногим более десятка. Можно перечислить следующие памятники: городища Знаменское[1], Дьяково (нижний слой), Настасьино, Боршева, Селецкое, Дунино-4, Городищи, Щербинское, Мутенковское, Ростиславль, селища Дубровицы II, Максимковское 1 (*Вишневский*, 1995. С. 77; *Гоняный*, *Кренке*, 1988. Рис. 2, *15*; *Дубынин*, 1974. С. 271, табл. XVII, *11; Коваль*, 2004. Табл. 30, *212*; *Кренке и др.*, 2010. Рис. 9; *Сапрыкина*, 2005а. Рис. 1, 2; 2006; *Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002. Рис. 3; *Сидоров*, 2004. Рис. 5, *Сыроватко*, 2009. Рис. 102; *Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009. Рис. 4). На четырех из перечисленных памятников (Щербинское, Мутёнковское, Ростиславль, Дубровицы II) найдены литейные формы для подвесок. Стилистически эти украшения составляют особую группу. Они имеют следующие особенности: сильно выступающий щиток, длинная дужка, часто без дополнительных декоративных элементов. Дужка всегда крепится к центру щитка с внутренней стороны.

По всей видимости, прямыми прототипами подвесок ранней серии были украшения, представленные находкой со Щербинского городища (рис. 160, *1*). Эта умбоновидная подвеска имела маленький щиток, образованный закрученными в спираль нитями, и длинную дужку (тип 1). Какие-либо дополнительные декоративные элементы отсутствовали. Этой находке чрезвычайно близка подвеска, найденная на селище Дунино-4 (рис. 160, *2*). В то же время она имеет и некоторые отличия: щиток подвески увеличен, а по его краю пущен кант из перевитой нити. Подвеска из Дунино-4, вероятно, относится к переходному варианту от умбоновидных подвесок типа 1 к подвескам типа 2.

Можно также предположить, что умбоновидные подвески явились результатом синтеза простой формы конусовидных серег скифского типа и более сложного височного украшения, характерного именно для лесной зоны. Находки этих весьма специфических украшений известны на Смоленщине (*Шмидт*, 1992. Табл. 14, *20*) и в Северной Белоруссии (*Шадыро*, 1985. Рис. 45, *1, 2*), литейная форма найдена на селище Дубровицы 2 в Подмосковье (*Гоняный*, *Кренке*, 1988). Украшение представляет собой круг, выполненный в виде спирали из жгута, к которому прикреплены четыре волюты и сложная дужка, состоящая из трех стержней, окантовка из перевитого жгута отсутствует. Переходный вариант от этого украшения к умбоновидной подвеске происходит с городища Дунино. На нем мы видим вместо четырех волют лишь одну, появляется окантовка из перевитого жгута, дужка простая.

В основном ранняя стадия развития москворецких умбоновидных подвесок представлена украшениями двух типов: с цельным щитком (тип 2) и с ажурным щитком (тип 3). По всей видимости, украшения с ажурными и слитными щитками существовали одновременно и имели параллельные линии развития.

Подвески типа 2 продолжали линию развития типа 1. Они представляют собой украшения со щитками средних размеров (диаметр до 3 см, высота умбона до 1,5 см) с декором из нитей, уложенных по спирали. По краю пущен бордюр из витой нити; был также отмечен случай ее имитации с помощью насечек (подвеска с Максимковского селища). Дужка короче, чем у подвесок типа 1, но по-прежнему крепится к центру щитка (рис. 174, *5*). Датировка на основании сопутствовавшей керамики и находок на селищах Дунино-4 и Максимково-1 – около V–III (II) вв. до н.э.

Время появления подвесок типа 3 на сегодняшний день не совсем ясно. В целом, повторяя основные признаки типа 2 (выступающий щиток, укороченная

[1] Благодарю Ю.Д. Разуваева за предоставление материалов неопубликованных раскопок 2005 г.

дужка, подведенная к центру щитка), они отличались ажурной, сложной формой щитка. Он представлял собой несколько отдельных окружностей в виде завернутых в спираль нитей, которые соединялись перемычками. По краю щитка шел бордюр из витой или зигзагообразной нити (рис. 160, *3, 6*), либо шариков зерни (рис. 160, *7*). Внутри этого типа можно выделить несколько разновидностей, которые определяются прежде всего использованием при оформлении щитка мелких декоративных деталей разных типов: зигзагообразной нити, лент или «зерни». Можно высказать осторожное предположение, что между этими вариантами существуют определенные хронологические различия, однако эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке. На основании находки из нижнего слоя Дьякова городища можно утверждать, что конические щитки с зигзагообразным декором бытовали уже в IV–III вв. до н.э. (рис. 160, *3*). По все видимости, другие варианты типа 3 появляются позднее.

Уже на раннем этапе бытования этих украшений начинается поиск оптимальных форм, на основе которых в дальнейшем формируется классический вариант умбоновидных подвесок первых веков нашей эры.

Форма щитка подвесок постепенно уплощается, дужка укорачивается. Она по-прежнему подводится к центру щитка, но при этом плотно прилегает к его тыльной стороне (рис. 174, *8*). Наконец появляются ажурные подвески, дужка которых крепится просто к краю щитка. Такой экземпляр представлен в комплексе могильника Куреваниха XVIa (*Башенькин*, *Васенина*, 2006а. Рис. 4, *17*).

Со временем появляются специфические формы дужки. Дужки с плетенкой по краю и волютой фиксируются у подвесок типа 2 около III–II вв. до н.э. Датировка опирается на находку из третьего слоя Селецкого городища (рис. 160, *5*). Нужно отметить, что украшение умбона дополнительными волютами представлено на литейной форме с селища Дубровицы II.

У подвесок типа 3 на определенном этапе появляется дужка с завернутым «язычком», состоящим из трех нитей. По краю дужки также шла плетенка (рис. 160, *8*). Датировка этого этапа развития формы на основании хронологии Дьякова городища – около I в. до н.э.

Следующая стадия развития умбоновидных подвесок – это формирование классического варианта (рис. 160, *11, 12*). Для украшений классического варианта (тип 4) характерен слабо выступающий вперед, часто уплощенный щиток. Высота умбона 5–6 мм, его диаметр колеблется в пределах 14–38 мм. Щиток представляет собой закрученную в спираль нить толщиной до 1 мм, по периметру украшен зернью и/или плетенкой из двойной перевитой нити. Характерная деталь: поясок зерни всегда шел снаружи. Дужка небольшая, всегда подведена к краю щитка. Дужка изготовлена, как правило, из одного или нескольких обрезков провощенных нитей или восковых лент, часто дополнительно украшена двойной перевитой нитью. У крупных экземпляров край дужки обычно украшался несколькими шариками ложной зерни. Известны также экземпляры с простыми дужками, без дополнительных декоративных элементов.

На основании стратиграфии самой массовой серии подобных умбоновидных подвесок с Троицкого городища А.Ф. Дубынин предполагал, что они датируются в пределах II–III, возможно, IV в. н.э. (1974. С. 233). И.А. Сапрыкина, не приводя аргументации, расширила их датировку до I–V вв. н.э. (2006. С. 37). Датировка на основании стратиграфии Дьякова городища – I–II вв. н.э. (до распространения украшений с эмалями).

Очень похожими на подвески классического варианта являются умбоновидные бляшки с петелькой на оборотной стороне. Они найдены на городище Борисово на правобережье Оки, за Каширой (*Воронцов*, 2000) и Кошибеевском могильнике (*Шитов*, 1988). Однако эти бляшки являются хоть и родственным, но другим типом украшений сравнительно с подвесками.

Наличие в кладе с городища Дютьково подвесок как с орнаментированной, так и с неорнаментированной дужкой, позволяет предположить, что в данном случае имеет место не эволюционное развитие от простых форм к более сложным, а сосуществование нескольких вариантов одного общего типа умбоновидных подвесок.

Практически идентичные экземпляры подвесок типа 4 известны на 15 москворецких памятниках, охватывающих почти весь бассейн Москвы-реки, исключая лишь ее нижнее течение (рис. 160, карта): городища Троицкое (12 экз.); Дютьково (5 экз.), Успенское (2 экз.); Барвихинское (1 экз.); Кунцево (2 экз.); Дьяково (1 экз.); Круглица (3 экз.); Боршева (1 экз.); Селецкое (3 экз.); Кузнечики (2 экз.); Луковня (2 экз.) (*Дубынин*, 1967; Древнее поселение…, 1970; *Краснов*, 1964; *Третьяков*, 1957), селища Жуковка (1 экз.), Жданово 1 (1 экз.) и Заболотье (1 экз.) на р. Пахре (*Гоняный*, 2009). Всего 37 экземпляров.

Вне пределов бассейна Москвы-реки известны лишь единичные находки. Они распространяются как на север, так и на юг. На севере это городище Прислон на Верхней Волге, чуть ниже устья Дубны (*Розенфельдт Р.Л.*, 1970. Рис. 1, *29*). На юге – селище Заречье на р. Угре (*Розенфельдт Р.Л.*, 1970. С. 212), городище Федяшево на верхней Оке (*Никольская*, 1959. Рис. 15, *3*). Имеются сведения о на-

ходках тождественных украшений на севере Калужской области.

Следующий – поздний этап – характеризуется общей деградацией стиля: появлением украшений уменьшенного размера, совершенно плоских, без бордюра из зерни (рис. 160, *13*). Датировка – рубеж II–III вв. н.э. Затем появляются украшения с дополнительными привесками с петлей на конце дужки (тип 6) (рис. 160, *14*). Эти украшения имели затем очень длительную эволюцию вплоть до Средневековья, но уже вне контекста москворецких памятников дьякова типа.

Особое место в эволюционном ряду дьяковских умбоновидных украшений занимают подвески типа 5 – со щитком, состоящим из двух частей, центральной и периферической. По внешнему кольцу у них идет ажурное поле (рис. 160, *10*). Серия находок с Троцкого городища позволяет говорить о датировке подобных находок I–II вв. н.э., т.е. они одновременны подвескам типа 4 и, возможно, представляют собой дальнейшее развитие этого типа. В то же время они могут быть прямым продолжением эволюционного ряда подвесок с ажурным щитком второй половины I тыс. до н.э. (тип 3).

У ажурных подвесок типа 7, развивающихся из типа 5, центральная часть щитка уменьшается, ажурное поле расширяется (рис. 160, *15, 16*). Судя по находкам на городище Дьяково, этот тип синхронен горизонту украшений с эмалями, т.е. датируется III – началом IV в. н.э. В дальнейшем умбон щитка еще больше уменьшается, ажурное поле расширяется, «обрастает» отростками (рис. 160, *17*). Это уже дериваты, характеризующие «упадок» стиля.

Можно выдвинуть предварительную гипотезу, что классический этап, характеризующий «пик» развития стиля москворецких умбоновидных украшений, которые представляют украшение с Дьякова городища (№ 1199-85), и находки с других 14 пунктов в бассейне Москвы-реки, пришелся на I–II вв. н.э. Нужно также учесть доказательство от противного. В рязано-окских могильниках III–IV вв. н.э. отсутствуют находки умбоновидных привесок «классического варианта», а более поздние вещи из Москворецкого региона представлены.

Экскурс 2
Стеклянные бусы верхнего слоя Дьякова городища[1]

Бусы, обнаруженные при раскопках Дьякова городища в 1981–1987 гг., представлены 261 экземпляром, среди которых 48 стеклянных, 202 глиняных, 7 бронзовых и 4 костяных. Общая площадь раскопов, из которых происходят данные находки, без учета разреза вала составляет 274 кв. м.

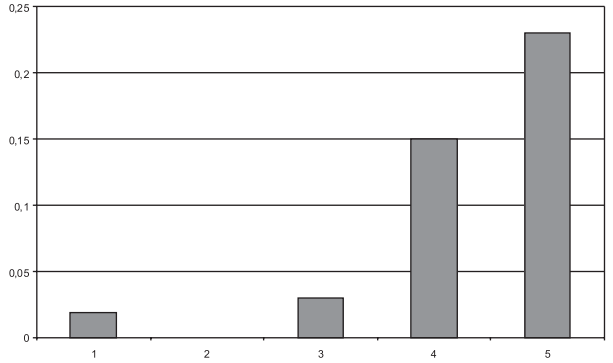
Коллекция бус, происходящих с данного памятника, сопоставима по размеру с коллекциями городищ, раскопанных полностью. На Щербинском городище найдена 41 стеклянная и 31 глиняная (*Дубынин*, 1974. С. 242), а на Троицком – 30 стеклянных и 100 глиняных бусин (*Дубынин*, 1970а. С. 45, 46).

Стратиграфическое распределение изучаемой категории украшений представлено на диаграммах 1 и 2, а также на совмещенном профиле восточных бортов раскопа, на который были спроецированы находки стеклянных изделий (рис. 163; цв. вкл., рис. 18).

Проецирование находок стеклянных бус на профиль борта раскопа наглядно показывает неравномерность их распределения в разных горизонтах культурного слоя: если из нижнего слоя происходят лишь 4 находки, то к верхнему достоверно можно отнести 27 изделий. Большая их часть была обнаружена в среднем и верхнем горизонтах верхнего слоя, в интервале условных нивелировочных отметок от –150 до –214 см, что соответствует глубине 0,1–1,1 м от поверхности городища, существовавшей до начала археологических раскопок 1875 г. Из нижнего горизонта верхнего слоя происходят лишь две бусины белого полупрозрачного стекла (цв. вкл., рис. 17, № 717; рис. 18).

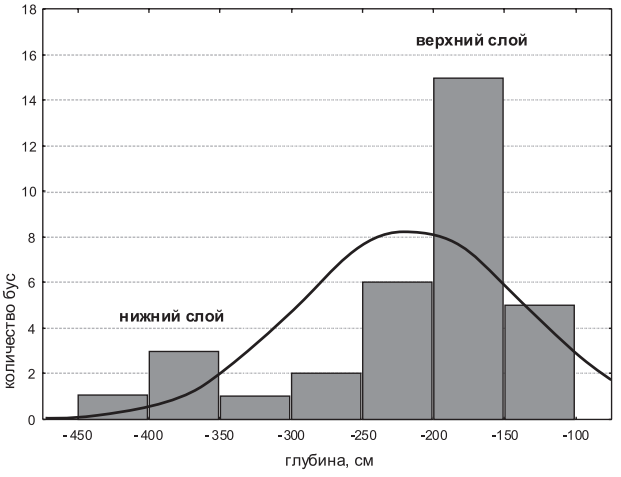
Данный экскурс посвящен коллекции стеклянных бус, происходящих из верхнего культурного слоя городища. Из 27 экземпляров найденных здесь украшений большая часть представлена тремя сериями: золотостеклянными (13 экз.) (цв. вкл., рис. 17, № 65, 450, 1121, 585, 93, 33, 120, 423, 247, 274, 494, 728, 343, 45, 153, 328, 113, 843, 296, 358), красного глухого стекла (3 экз.) (цв. вкл., рис. 17, № 1461, 442, 479) и 14-гранными синего стекла (4 экз.) (цв. вкл., рис. 17, № 1446, 1451, 1420, 1460). Здесь же найдены мозаичная (цв. вкл., рис. 17, № 1410) и единичные монохромные бусы других цветов. Технология изготовления стеклянных изделий определена по системе З.А. Львовой (1979; 1980; 2000).

Диаграмма 1. **Стратиграфическое распределение стеклянных бус Дьякова городища**



1 – нижний слой (–350–400 см); 2 – верхний слой (–260–310 см); 3 – верхний слой (–210–260 см); 4 – верхний слой (–160–210 см); 5 – верхний слой (–110–160 см)

Диаграмма 2. **Концентрация стеклянных бус в слое Дьякова городища (ед./м³)**



Полихромная бусина-миллефиори (цв. вкл., рис. 17, № 1410) имеет округлую форму; ее высота составляет 14 мм, а диаметр – 18 мм[2]. Цветовую гамму бусины сложно определить из-за сильной степени иризации стекла. В ней присутствуют элементы белого, синего и бирюзового глухого стекла; один цвет не определяется. Из-за плохой сохранности точно не реконструируется и технология изготовления основы. Возможно, бусина была выполнена путем однократного обертывания ленты милле-

[1] Экскурс подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00511а.

[2] Высота – максимальный размер бусины вдоль канала.

фиори вокруг инструмента или изготовлена методом сварки различных элементов, выполненных в мозаичной технике (*Львова*, 2000. С. 259, 260).

Золотостеклянные бусы. Практически все золотостеклянные бусы представлены изделиями округлой формы, изготовленными из отрезков тянутых трубочек, среди которых крупные одночастные бусы диаметром 11,5–12 мм (цв. вкл., рис. 17, № 274, 247); более мелкие диаметром 7–8,5 мм (цв. вкл., рис. 17, № 450, 585, 843); двух- и трехчастные бусы и пронизи и их фрагменты диаметром до 8 мм (цв. вкл., рис. 17, № 65, 1121, 33, 423, 494, 728, 343, 45, 153, 358). Среди них встречены как изделия с шейками-закраинами у оснований канала, так и без данного признака, имеющие гладкие боковые грани. У всех бус верхний слой стекла плотно прилегает к основе с золотой прокладкой.

Одна золотостеклянная бусина изготовлена, предположительно, из отрезка тянутой палочки (цв. вкл., рис. 17; рис. 146, 120).

Монохромные стеклянные бусы (цв. вкл., рис. 17, 18; рис. 146) изготовлены из отрезков тянутых палочек и тянутых трубочек.

Из тянутых трубочек изготовлены:

– бусы красного глухого (№ 1461), зеленого прозрачного и белого полупрозрачного (№ 717) стекла округлой формы, высотой 4,5–6 и диаметром до 5–7 мм, без шеек-закраин у оснований канала;

– бусина желто-коричневого прозрачного стекла округлой формы, высотой 6–7 мм и диаметром 8 мм, с шейками-закраинами у оснований канала (№ 54);

– четырехчастная пронизь бесцветного прозрачного стекла высотой до 9 мм и диаметром до 3,5 мм (рис. 146, № 1515).

Из тянутых палочек изготовлены:

– крупная бусина красного глухого стекла округлой формы, высотой 12 мм и диаметром 14 мм (№ 479);

– изделия округлой формы темно-синего прозрачного (№ 1470) и черного непрозрачного стекла (№ 1217), высотой 4–8 мм и диаметром 6–8 мм;

– бусина красного глухого стекла призматической уплощенной формы (№ 442), высотой 16 мм и шириной граней 9,4 × 4,5 мм – «кирпичик», по терминологии И.Г. Розенфельдт (1982. С. 62);

– 14-гранные (призматические) бусы темно-синего прозрачного стекла вытянутой формы (длина изделия вдоль канала больше ширины грани), высотой 5,5–8 мм, шириной граней 5,5–7 мм, с гранями разной четкости, без обработки шлифовкой (№ 1446, 1451, 1420, 1460).

Одна бусина темно-синего стекла представлена фрагментами, не позволяющими определить ее форму и технологию изготовления.

Набор бус Дьякова городища из верхнего слоя типичен для позднедьяковских памятников москворецкой группы. Основу коллекции Троицкого городища также составляют золотостеклянные, красные непрозрачные (в том числе призматические «кирпичики») и синие 14-гранные бусы; почти все они относятся к верхнему слою (*Дубынин*, 1970а. С. 45, 46). Находки двух последних категорий бус связаны с верхним слоем Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. С 242). И.Г. Розенфельдт относила их к наиболее позднему этапу существования дьяковских городищ (1982. С. 62, 63).

Средний горизонт верхнего слоя. В этом горизонте, на глубине 0,5–1 м от поверхности погребенного дерна XIX в., концентрируются золотостеклянные бусы, наиболее многочисленные на памятнике. Бусы залегали в слое разрозненно, по преимуществу вне построек (рис. 163).

Е.М. Алексеева датировала золотостеклянные бусы из античных некрополей, имеющие шейки-закраины у основания канала, первыми веками нашей эры, а изделия с гладкими краями – более широко: эллинистическим и римским временем (1978. С. 29). Среди бус Дьякова городища встречены изделия обоих типов. Учитывая, что все они происходят из одного горизонта, по аналогии с памятниками Северного Причерноморья их можно отнести к первым векам нашей эры.

М. Темпельманн-Мачинская датировала золотостеклянные бусы из Центральной Европы периодами B1–C2 по центральноевропейской хронологии (10/20–300/320 гг.), отмечая пик их популярности на фазе B2–C1a (70/80–210/230 гг.); исследовательница отмечает, что для бус разных форм характерно общее время распространения (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 65).

Золотостеклянные бусы с плотным соединением слоев стекла, аналогичные дьяковским находкам, известны и в более позднее время; на сегодня самые поздние из них зафиксированы преимущественно в южных регионах. По мнению А.В. Мастыковой, данный технологический признак отличает бусы IV–VI вв.: они происходят из погребения II центральнокавказского могильника Брут 2 (конец IV – первая половина V в.) (*Мастыкова*, 2009. С. 441; *Габуев*, *Малашев*, 2009. С. 141), а также ряда комплексов Северного Кавказа, относимых к «шиповскому» горизонту второй трети V – второй трети VI в. (могильники Клин Яр III, погребения 2, 17, 45; Пашковский 1, погребения 4 и 5 1949 г.), из Боспорского некрополя (склеп 24/VI-1904 г., последняя четверть IV – первая половина V в.; *Мастыкова*, 2009. С. 441). В варварских некрополях сербского Подунавья подобные бусы датируются временем от конца IV до первой половины VI в. (*Ivanišević et al*., 2006. P. 100–104, fig. 69, 142–146). Для золотостеклянных изделий более позднего

горизонта, например, бус салтово-маяцкой культуры, плотное сцепление верхнего слоя стекла и основы не характерно, что говорит о разнице в технологии изготовления ранних и более поздних украшений данного типа (*Мастыкова*, 2009. С. 441).

Несмотря на то, что золотостеклянные бусы имеют в целом достаточно широкое время распространения, исследование стеклянных украшений, происходящих из разных географических зон, показывает, что ритмы их поступления в различные регионы, видимо, были разными (*Румянцева*, 2010). В связи с этим для датирования бус конкретного памятника наиболее обоснованно привлечение аналогий с сопредельных территорий.

Датированные аналогии золотостеклянных бус, наиболее близкие дьяковским территориально, происходят из Кошибеевского могильника (*Спицын*, 1901; *Шитов*, 1988). Все типы изделий также отличает плотное соединение внешнего и внутреннего слоев стекла. Наборы, включающие крупные одно- – трехчастные изделия, аналогичные по форме и размерам дьяковским (тип 3АI1), характерны для наиболее ранних горизонтов Кошибеевского могильника рубежа I/II – начала / первой половины IV в. (группы бус К1, К2) (*Ахмедов*, 2007. С. 150; *Румянцева*, 2007. С. 216). То есть их верхняя дата в целом совпадает с той, что была предложена для аналогичных украшений из Центральной Европы. Начиная с конца II – начала III в. крупные золотостеклянные бусы, как правило, сочетаются в погребениях Кошибеево с мелкими золотостеклянными пронизями, доживающими здесь до конца IV – начала V в., существенно переживая свои центральноевропейские аналогии (группа бус К2 – *Румянцева*, 2007. С. 218). Отсутствие аналогичных пронизей в материалах Дьякова городища может быть связано как с хронологическими причинами, так и с тем, что подобные изделия имели мелкие размеры и производились из наиболее хрупкого и наименее химически устойчивого стекла. Они могли не сохраниться в слое городища.

Золотостеклянные бусы известны также по материалам впускных погребений Андреевского кургана (*Гришаков*, 1998. С. 34), нижняя дата которых определяется как вторая половина I в. н.э. (*Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1999. С. 58).

В более поздних горизонтах археологических памятников лесной зоны находки бус с металлической прокладкой являются единичными. Из 4,5 тысячи золотостеклянных изделий, происходящих из могильников Среднего Поочья, лишь 2 бусины встречены в погребении V в. (Кораблино, погребение 16; *Румянцева*, 2005а. С. 274). Изучение химического состава одной из них показало, что она имеет другое происхождение, нежели находки догуннского времени (*Румянцева*, 2007. С. 225–226). Крупные золотостеклянные бусы происходят также из захоронения Мухино 2 в Верхнем Подонье второй четверти – середины V в. (*Мастыкова*, 2009. С. 441). В последнем случае речь идет о «престижном» погребении женщины. Можно предположить, что находки золотостеклянных бус, не характерных для лесной зоны данного периода, связаны с особым социальным статусом ее обладательницы.

Монохромные бусы среднего горизонта представлены пятью изделиями округлой формы: зеленого, желто-коричневого, темно-синего прозрачного стекла диаметром до 10 мм и крупной бусиной красного глухого стекла диаметром 14 мм; бусиной-«кирпичиком» красного глухого стекла призматической уплощенной формы (№ 257, 54, 442, 479).

В Центральной Европе большинство монохромных бус округлой формы имеет широкие датировки: они известны на протяжении всего римского времени и эпохи Великого переселения народов (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 18, 95, Taf. 1, *1–12*). В Восточной Европе основная их часть известна как по материалам Северного Причерноморья, преимущественно первых веков н.э. (*Алексеева Е.М.*, 1978. С. 63–65), так и раннего Средневековья (*Ковалевская*, 2000. С. 6, 7, 89; *Мастыкова*, 2001. С. 63, 64, 71).

Призматические бусы-«кирпичики» красного глухого стекла не получили широкого распространения в Центральной Европе. В Северном Причерноморье они наиболее характерны для II–III вв. н.э. (Тип 104; *Алексеева Е.М.*, 1978. С. 69).

Серия находок бус-«кирпичиков» красного глухого стекла зафиксирована в позднезарубинецких-раннекиевских памятниках Верхнего и Среднего Поднепровья конца II – III в. С поселения Абидня происходит около 50 экземпляров изделий этого типа (*Поболь*, *Ильютик*, 2002. С. 54; *Терпиловский*, *Абашина*, 1992. С. 72, 86). Единичные находки обнаружены на памятниках Картамышево 2, Терновка 2, Казаровичи, Хлепча (*Обломский*, 1987. С. 74, 75, 125; *Терпиловский*, *Абашина*, 1992. С. 72). Бусина данного типа происходит из киевского горизонта второй половины III – первой половины IV в. поселения Мена V в Подесенье (*Терпиловский*, *Абашина*, 1992. С. 140).

Территориально близкие аналогии находкам с Дьякова городища, имеющие достаточно узкие датировки, – это бусы красного глухого стекла из рязано-окских могильников. В материалах Кошибеевского могильника подобные изделия появляются не позже конца II – рубежа II–III вв. н.э. С начала III в. н.э. они повсеместно распространяются в Среднем Поочье. Крупные бусы диаметром от 12 мм (тип КАII1), изготовленные из отрезков тянутой палочки, являются хронологическим индикатором и датируются време-

нем не позднее рубежа IV–V вв. н.э. (*Румянцева*, 2007).

Бусам призматической формы в рязано-окских могильниках известны лишь единичные аналогии. Две из них происходят из Кошибеевского могильника (погребения 70, 80), из наборов бус групп К2 и К3, которые датируются концом II (или рубежом II–III) – концом IV – началом V в. н.э. (*Румянцева*, 2007). Они найдены также в ряде могильников III–IV вв. Окско-Сурско-Цнинского междуречья – Польно-Ялтуновском (погребение 1, содержащее вещевой комплекс ранней стадии рязано-окских могильников; *Алихова*, 1958. Рис. 7, *2, 3*; 8, *5, 6, 13*), Тезиковском (погребение 41, содержавшее ромбовидную подвеску с эмалью; *Гришаков*, 2004. Рис. 1, *11*; *Обломский*, 2002. С. 13) и Селикса-Трофимовском.

Наконец, серия бус-«кирпичиков» происходит из мощинского клада, датированного А.М. Обломским и Е.Л. Гороховским III – началом IV в. н.э. (1986); позднее дата клада была сужена до III в., скорее всего исключая его конец (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 123).

Перечисленные аналогии говорят о том, что бусы-«кирпичики» характерны для конца II – начала III – первой половины IV в. Однако нам известны и единичные находки более позднего времени. Одна из них происходит из погребения 33 могильника Заречье 4, вещевой комплекс которого, в том числе и бусы, датируется V в. н.э. (*Белоцерковская*, 2007; *Румянцева*, 2007). Фрагмент бусины-«кирпичика» встречен также в погребении 65 Старокадомского могильника, вместе с набором, типичным для конца IV – начала VI в., основу которого составлял стеклянный рубленый бисер (*Румянцева*, 2007. С. 220).

И.Г. Розенфельд ссылается на наличие бус в форме «кирпичиков» в Армиевском могильнике (1982. С. 62). Однако при изучении коллекции бус данного памятника точные аналогии уплощенных «кирпичиков» зафиксированы не были.

Крайне важно для датировки Дьякова городища отметить отсутствие здесь более поздних типов бус, которые были массово распространены в рязано-окских могильниках в конце IV – начале V – первой половине VII в. н.э.: изготовленных в технике навивки и однократного обертывания; рубленого бисера, изготовленного из отрезков тянутых трубочек; бисера и одно- – двухчастных пронизей, выполненных из тянутых трубочек, всегда с закраинами у оснований каналов и имеющих выраженные коричневые прожилки на тулове (*Румянцева*, 2007. С. 220).

Датировка слоя на основе сочетания золотостеклянных и красных бус представляется наиболее точной. В материалах Кошибеевского могильника горизонт, содержащий только золотостеклянные бусы, датируется более ранним временем, чем тот, из которого происходят бусы красного стекла. На Дьяковом городище эти серии представляют собой единый горизонт: судя по стратиграфии, они появляются и бытуют одновременно. Наборы, в которых сочетаются крупные золотостеклянные и красные бусы, в Кошибеевском могильнике были выделены в группу К2. Наиболее ранние из них происходят из погребений 24 и 80 из раскопок В.Н. Глазова (*Шитов*, 1988. С. 22, 23, 27, табл. VII, XI, *4–9*), которые содержат инвентарь II – первой половины III в. н.э.; в них преобладают еще вещи андреевско-писеральского круга, время бытования которых в рязано-окских могильниках определяется как конец I – первая половина III в. н.э. (*Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1999. С. 57, 58). Однако в целом сочетание красных и крупных золотостеклянных бус характерно для погребений III – первой половины IV в. н.э. (*Румянцева*, 2007. С. 218–219).

Таким образом, нижнюю дату среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища по аналогии с Кошибеевским могильником можно определить как конец II – рубеж II–III вв. н.э., а верхняя хронологическая граница приходится на время не позднее середины IV в. н.э. Учитывая преобладание золотостеклянных бус над красными, можно предположить, что данный горизонт относится скорее к ранней части указанного хронологического интервала.

В верхнем горизонте верхнего слоя (верхние 50 см культурного слоя) выделяется компактное скопление бус, найденных возле мощного зольного пятна, в северной части раскопа. Они образуют отдельную, наиболее позднюю стратиграфическую группу. Именно здесь встречены все 14-гранные бусы темно-синего, так называемого «кобальтового» стекла. Можно с определенной долей осторожности (так как для достоверных выводов находок мало) предполагать, что эти бусы моложе золотостеклянных, которые уже не встречаются в данном горизонте. Аналогична стратиграфическая позиция 14-гранных синих бус Троицкого городища, также происходящих из верхнего горизонта верхнего слоя (*Дубынин*, 1970а. С. 45). На одном уровне с 14-гранными (№ 1446, 1451, 1420, 1460) были также обнаружены бусина глухого красного стекла (№ 1461), округлая синяя и мозаичная (№ 1410).

Точно датировать 14-гранные бусы темно-синего стекла сложно. В Центральной Европе они характерны для периодов C1–D, т.е. 160/180–480/490 гг. н.э. (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 37, Taf. 2, *126*). В Северном Причерноморье время их бытования определено Е.М. Алексеевой II–IV вв. н.э. (1978. С. 70, 71, табл. 33, *39–42*), однако в ее своде практически нет данных о материалах эпохи Великого переселения народов.

Наиболее полная сводка 14-гранных бус эпох

поздней Античности и раннего Средневековья была сделана А.В. Мастыковой (*Ivanišević et al*., 2006. P. 101, 102; *Мастыкова*, 2009. С. 438–440; *Мастыкова*, *Плохов*, 2010. С. 345–347). Из нее следует, что в раннесредневековый период полиэдрические бусы темно-синего, «кобальтового» стекла были по-прежнему широко распространены в Европе. Они известны, в частности, на Дунае, на Северном Кавказе, в Дагестане, в Абхазии, на Боспоре и т.д. (полную сводку см.: *Ivanišević et al*., 2006. P. 80, 81; *Мастыкова*, *Плохов*, 2010). В некрополях Виминациума и Сингидунума на Среднем Дунае подобные украшения характерны для периодов D2 (380/400–440/450) и D2–D3 (430/440–480/490) по хронологии Я. Тейрала (*Tejral*, 1997; *Ivanišević et al*., 2006. P. 101, 102. Fig. 71–73). В Абхазии они исчезают не ранее середины VI в. (*Воронов*, 2003; *Ivanišević et al*., 2006. P. 80, 81).

Значительная серия находок 14-гранных синих бус V–VII вв. происходит с памятников, расположенных на северо-западе России. Среди них – городище Юрьевская горка (*Исланова*, 1997. С. 50), Ратьковский могильник (*Вишневский и др*., 2007. С. 96), могильник у оз. Съезжее (*Носов*, 1984. С. 14, 15, рис. 4.5), поселение Фролы (*Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. С. 115, рис. 92, 7) и другие памятники (подробно сводку находок и хронологию см.: *Мастыкова*, *Плохов*, 2010. С. 345–347).

Таким образом, 14-гранные бусы темно-синего «кобальтового» стекла имеют широкую дату; они доживают до VI–VII в. н.э., отличаясь от своих более поздних аналогий, в первую очередь, цветом: для полиэдрических бус VIII–X вв. характерна светло-синяя и голубая гамма (*Мастыкова*, *Плохов*, 2010. С. 345).

Четырнадцатигранная бусина вытянутых пропорций, аналогичная дьяковским, происходит из погребения 31 Кошибеевского могильника (*Спицын*, 1901. С. 61, табл. VI, *10*). Более поздние полиэдрические бусы из рязано-окских могильников конца V – VII в. отличаются от дьяковской находки пропорциями: они имеют форму, приближенную к кубу со срезанными углами (*Румянцева*, 2005. С. 133, 138, 139, рис. 4, *II, 4*).

Найденная в верхнем горизонте округлая бусина синего стекла не имеет узкой датировки.

Хронологическим индикатором для верхнего горизонта может служить бусина красного глухого стекла, найденная на одном уровне с 14-гранными. Она изготовлена из отрезка тянутой трубочки и не имеет шеек-закраин у оснований канала. По аналогии с рязано-окскими материалами, эти признаки (тип KAIb2) говорят о датировке не позже конца IV – начала V в. н.э. (*Румянцева*, 2007). Дата подобных изделий из античных некрополей не противоречит этому заключению. В Северном Причерноморье округлые бусы красного глухого стекла получают наибольшее распространение в I–III вв. н.э.; бусы из тянутых трубочек связаны с комплексами только первых веков н.э. (*Алексеева Е.М*., 1978. С. 63).

Исходя из того, что синие и красная стеклянные бусы представляют одно скопление, можно предположить, что их дата также не выходит за рамки рубежа IV–V вв. н.э. Однако для достоверных выводов материала недостаточно.

Визуально близкие аналогии мозаичной бусине, изготовленные путем сварки заготовок-миллефиори, происходят из комплексов II и III вв. н.э. (*Алексеева Е.М*., 1982. С. 43, табл. 49, *55–57*, тип. 497). Однако бусы с подобным декором, но отличные по технологии изготовления, характерны и для эпохи Средневековья (*Алексеева Е.М*., 1982. С. 37).

Химический состав стекла. Для семи образцов бус из коллекции Дьякова городища был проведен эмиссионно-спектральный анализ (аналитик – А.Н. Егорьков; табл. 14)[3]. Шесть из них представлены изделиями, происходящими из верхнего слоя (пять – золотостеклянные бусы, одно – 14-гранная бусина синего стекла) и один – синей глазчатой бусиной, найденной в слое перекопа. Последняя, вероятнее всего, была связана с нижним слоем городища (*Кренке*, *Румянцева*, 2008). Результаты проанализированы согласно системе В.А. Галибина (2001).

Стекло золотостеклянных бус относится к подтипам Na-Ca(Mg) (табл. 14, 1, 2, 5) и Na-Ca (табл. 14, *6, 7*) (*Галибин*, 2001. С. 69). Оно сварено на основе природной соды и, видимо, происходит из центров Восточного Средиземноморья. В качестве обесцвечивателя использована сурьма, что характерно для содовых стекол (*Галибин*, 2001. С. 88, табл. 36, *3*). Раннее мы, вслед за З.А. Львовой, считали, что, учитывая особенности производства данных бус (необходимость наложения верхнего предохранительного слоя жидкого стекла на металлическую прокладку), можно говорить о производстве данных изделий в мастерской, где варилось стекло (*Львова*, 2000. С. 258; *Кренке*, *Румянцева*, 2008. С. 104). Однако в ходе новых исследований, посвященных организации позднеантичного и раннесредневекового стеклоделия, удалось установить, что в эту эпоху его производственный цикл был поделен на «сегменты», а стекловарение и изготовление готовой продукции из полуфабрикатов стекла, разогретых до необходимой температуры, происходили в разных мастерских, нередко разделенных огромными расстояниями (литературу по теме см.: *Foy*, *Nenna*, 2001; *Румянцева*, 2008). Как показало изучение современного кустарного производства бус с ме-

---

[3] Авторы благодарят И.Н. Кузину и Подмосковную экспедицию ИА РАН за предоставленные данные анализов (№ 1–4).

таллической прокладкой на о. Ява, изготовление подобных изделий, включая наложение верхнего слоя стекла, вполне возможно из разогретого полуфабриката и в современных условиях может выполняться на огне паяльной лампы (*Lankton*, 2009. P. 93)[4]. В современном ремесленном производстве в Турции, применяющем традиционные глинобитные печи, в качестве сырья для бус используется исключительно стекольный бой (*Sode*, 1996. P. 68–71). Таким образом, можно предположить, что и дьяковские бусы первых веков нашей эры, происходящие из лесной зоны, могли быть произведены из полуфабрикатов стекла или стекольного боя в одной из «вторичных» стеклообрабатывающих мастерских.

Для золотостеклянной бусины с утраченным верхним слоем был проведен рентгено-флюорисцентный анализ (аналитик – Е.И. Александровская), позволивший определить, что основу металлической прокладки составляло золото (табл. 15). Серебро, незначительные количества которого были зафиксированы в золотостеклянных бусах (табл. 15, *1, 2, 5–7*), также могло входить в состав фольги (*Галибин*, 2001. С. 50).

Четырнадцатигранная бусина синего стекла (табл. 15, *4*) относится к подтипу Na-Ca(Mg) (*Галибин*, 2001. С. 69) и изготовлена, вероятнее всего, на природной соде. Она окрашена кобальтом. Высокое содержание марганца в данном стекле может быть обусловлено характером кобальтового сырья: подобный краситель характерен для стекла восточносредиземноморского производства. Специфический состав микропримесей (сочетание в составе олова и сурьмы при отсутствии свинца, меди и никеля) отличает данный образец от большинства 14-гранных «кобальтовых» бус, происходящих из следующих раннесредневековых памятников: финские некрополи Поочья и Сурско-Цнинского междуречья (*Румянцева*, 2007б. Табл. 1.1–5), могильник Съезжее (Северо-Западная Россия), Юрьевская Горка, Абрагам, Сладковичово (Словакия), некрополи Виминациума и Сингидунума (Сербия), комплекс «Неизвестный» у Кисловодска (*Egorkov*, 2006. P. 106–117; *Егорьков*, 2010. С. 359, табл. 1; с. 363, табл. 4). Как отмечал А.Н. Егорьков, стекло синих полиэдрических бус, происходящих из разных памятников, достаточно разнородно (2010. С. 363). Судя по химическому составу, для его изготовления могли использоваться сырье и технологические добавки разного происхождения. Гипотеза о вторичном использовании стекла, шедшего на изготовление бус, в виде стекольного боя, также могла бы объяснить некоторые особенности его состава. Однако это сюжет для специального исследования.

Стекло синей глазчатой бусины (табл. 15, *3*) относится к подтипу Na(K)-Ca (*Галибин*, 2001. С. 69). По соотношению натрия и калия оно соответствует изделиям, сваренным на основе золы солончаковых растений по восточному рецепту, однако столь низкое содержание магния обычно не характерно для зольных стекол. Стекло окрашено кобальтом, возможно, в сочетании с медью (*Egorkov*, 2006. P. 108–110).

Подводя итог проведенной работе, нужно отметить, что надежное определение хронологической позиции средней части верхнего слоя Дьякова городища на основе стеклянных бус в рамках конца II – первой половины IV в. н.э. имеет принципиальное значение.

Формирование у финских племен нового типа ожерелья, в котором сочетались красные и «золотые» бусы, происходит на фоне интенсивных этнокультурных изменений, в частности, активных миграционных процессов, связанных с расселением рязано-окских и древнемордовских племен в Поочье и Окско-Сурском междуречье (*Вихляев*, 1977. С. 59; *Гришаков*, 2005. С. 59; *Ахмедов*, *Белоцерковская*. 2007). Этот период характеризуется также значительным притоком «западных» инокультурных элементов к финским племенам, что привело к существенному изменению облика их материальной культуры (*Шитов*, 1988; *Ахмедов*, *Белоцерковская*, 2007; *Гришаков*, 2005. С. 59).

Важно подчеркнуть, что импортные стеклянные бусы, прочно вошедшие в обиход жителей городищ дьякова типа не позже рубежа II – III вв. н.э., стали важным компонентом «аборигенной» культуры. Об этом свидетельствует резкое возрастание числа глиняных бус в верхнем слое, по сравнению с более ранним временем, а также находки подражаний из глины. Два из них – это бусы-кирпичики, найденные в перекопанном слое, возраст которого можно лишь приблизительно соотнести с первой половиной I тыс. н.э. Третья глиняная бусина-подражание (№ 558) происходит из основания горизонта с золотостеклянными бусами и имитирует двухчастную стеклянную бусину.

Средний горизонт верхнего культурного слоя Дьякова городища конца II–III в. – первой половины IV в. н.э. синхронизируется с ранним этапом культуры рязано-окских могильников (стадия В Кошибеевского могильника; *Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1999), периодами 1–2а «классических» могильников Средней Оки, по И.В. Белоцерковской (2007). При этом необходимо отметить, что идентичные по составу наборы бус Дьякова городища и Кошибеевского могильника практически не находят аналогий ни в «классических»

[4] На 18 Конгрессе Международной ассоциации истории стекла в Салониках в сентябре 2009 г. Д. Лэнктоном был также показан фильм, в котором продемонстрирован полный цикл производства золотостеклянных бус из полуфабрикатов современными мастерами Восточной Явы.

рязано-окских памятниках Среднего Поочья, ни в могильниках Окско-Сурско-Цнинского междуречья, где находки крупных золотостеклянных бус представлены единичными экземплярами. Эти различия в наборах бус Дьякова городища и Кошибеевского могильника, с одной стороны, и рязано-окских могильников – с другой, не могут быть объяснены лишь хронологическим несоответствием (очевидно, эти памятники сосуществовали в III в. н.э.). Вероятно, они обусловлены механизмами поступления и распространения бус в лесной зоне, особенностями и направлениями культурных контактов финского населения леса и лесостепи. Этот вопрос нуждается в дополнительном специальном изучении.

Таблица 14. **Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных бус Дьякова городища**
(Лаборатория археологической технологии ТТМК РАН, аналитик – А.Н. Егорьков)

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7
Шифр лаборатории	714-36	714-37	714-38	714-39	801-28	801-29	801-30
Номер находки	Д-81/247	Д-81/36	Д-82/98	Д-87/1146	Д-83/274	Д-82/120	Д-82/113
Na_2O	14	13	11	12	16	18	18
Ka_2O	–	–	2,5	–	1,3	1,0	–
Ca_2O	6,8	8,6	10	10	8,7	6,3	6,0
MgO	1,2	1,6	0,8	1,8	1,7	0,4	0,3
Al_2O_3	1,3	1,6	1,0	1,9	3,3	1,4	1,2
Fe_2O	0,7	0,8	1,0	1,0	0,9	0,5	0,6
MnO	0,04	0,05	0,5	1,0	0,2	0,01	0,01
Sb_2O_5	0,6	0,5	–	1,0	1,0	0,5	0,7
PbO	–	–	–	–	–	–	–
CuO	–	–	1,0	–	–	–	–
CoO	–	–	0,1	0,06	–	–	–
TiO_2	0,06	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1
SnO_2	–	–	–	0,2	–	–	–
Ag_2O	0,03	0,02	–	–	0.04	0,03	0,01

Примечание: бусины 1, 2, 5–7 – золотостеклянные (бесцветное прозрачное стекло), 3 – глазчатая (основа темно-синего прозрачного стекла), 4–14-гранная темно-синего прозрачного стекла; SiO_2 основной во всех образцах.

Таблица 15. **Результаты рентгено-флуоресцентного анализа металлической прокладки золотостеклянной бусины**
(Номер находки Д-83/296)

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Fe_2O_3	K_2O	CaO	Al_2O_3	TiO_2	Mn	Cu	Zn	As	Pb	Sr	Au	Sb
	1,2	2,0	4,7	1,5	0,5	400	25	80	5	300	700	15300	6,5

Примечание: Анализ выполнен в Почвенном институте им. В.В Докучаева РАСХ, аналитик Е.И. Александровская). Содержание макроэлементов (1–5) указано в %, микроэлементов (6–13) – в мг/кг.

Экскурс 3
«Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса

В работах специалистов по дьяковской культуре в фокусе внимания были связи населения Волго-Окского междуречья со степью в скифскую эпоху (*Городцов*, 1933; *Крис*, 1981; *Smirnov*, 1984). При этом отмечалось, что наиболее вероятны контакты населения Москворечья в IV–III вв. до н.э. с савроматским населением Среднего Дона (*Крис*, 1981. С. 175). Х.И. Крис была высказана также мысль, что в результате смены культурно-политической ситуации в степной зоне в связи с распространением сарматского доминирования южное направление культурных связей населения лесных городищ переориентировалось на восточное (*Крис*, 1981. С. 180).

Сейчас появились важные новые данные, которые заставляют детально рассмотреть давно известные находки и оценить интенсивность контактов населения, жившего к северу от р. Оки, со степным миром на рубеже эр и в первые века I тыс. н.э.

Во-первых, следует отметить, что новые раскопки позволяют утверждать, что в бассейне Верхнего Дона примерно от устья р. Воронеж до нижнего течения р. Красивая Меча на севере проживало население, находившееся под сильным сарматским влиянием, в быту которого, в частности, использовалась характерная для сарматской культуры сероглиняная гончарная керамика (*Разуваев*, 1998) и специфические формы лепной профилированной посуды. Памятники этого населения А.П. Медведев, справедливо уклоняясь от использования этнически окрашенных терминов, предлагает обозначать термином «верхнедонские могильники и городища позднесарматского времени» (*Медведев*, 2008. С. 114).

Материалы, во многом схожие с вышеупомянутыми верхнедонскими, обнаружены в последние годы в верховьях Сейма (*Медведев*, 2008. С. 80) и далее на север, в бассейне р. Упы и правобережья Оки (*Воронцов*, 2007).

Во-вторых, уникальная находка царского сарматского кургана конца I – начала II в. н.э. под Липецком позволяет задать вопрос о том, являлась ли эта территория периферией сарматского мира или здесь располагались владения сарматской знати? (*Медведев*, 2008. С. 125).

Можно обоснованно предполагать, что северный фронт «сарматского пограничья» проходил по южной части Тульской области, не далее, чем в 200 км к югу от широтного течения р. Оки, а сарматское культурное влияние распространялось и севернее. А.П. Медведев допускает, что городища типа Ново-Клейменово на севере Тульской области были населены выходцами с Верхнего Дона (*Медведев*, 2008. С. 80). С этой гипотезой пока нельзя согласиться, так как наряду со сходством очевидны и различия в керамике, о которых пишет А.М. Воронцов. Керамика с памятников типа Ново-Клейменово орнаментирована по плечику, что отличает ее от верхнедонской и сближает с позднедьяковской (*Воронцов*, 2004. С. 125).

Из находок, сделанных на памятниках лесной полосы, важных для данной темы, в первую очередь привлекают внимание тамгообразные знаки на бронзовых изделиях и керамике. Если ранее тамга на подвеске из мощинского клада выглядела изолированно, то теперь мы имеем серию находок.

Анализ знаков на керамике с памятников верховьев Десны и Оки (городище Синьково, селища Почепское, Мощины) был проведен С.В. Воронятовым (2008). Им выявлено несколько сходных изображений, которые находят аналогии именно в сарматских тамгах и предположительно могут рассматриваться как производные от тамги царицы Динамии, правившей на Боспоре на рубеже эр. Важно отметить, что на этих же памятниках обнаружены другие находки, свидетельствующие о «контактах южного направления» (*Воронятов*, 2008. С. 352). Аналогичный знак был прочерчен на фрагменте керамики с дьяковского городища Кузнечики на р. Моче, притоке р. Пахры (*Розенфельдт И.Г.*, 1970. С. 170, рис. 1, *20*).

На городищах Дьяково и Луковня 1 (на р. Пахре) были обнаружены три одинаковые по форме бронзовые накладки с изображением тамги. Рисунок тамги на всех трех изделиях идентичен. Изображение выполнено пуансоном в виде двойной линии точек-вдавлений, в некоторых случаях металл был непреднамеренно пробит насквозь. Изображение нанесено с внутренней стороны изделий и, следовательно, не предназначалось для того, чтобы быть видным окружающим (рис. 165).

Рисунок тамги очень специфичен и имеет множество аналогий. Это так называемая тамга Аспурга, правившего на Боспоре в 11/14–37 гг. н.э. (*Яценко*, 2001. С. 47, 48). Вероятно также, что тамга рассматриваемого типа была связана не только с самим Аспургом, но и с «аспургианами» – подвластными Аспургу кочевыми племенами, проживавшими в северной периферии

Боспорского царства. Ареал распространения этих тамг – в первую очередь Прикубанье и Приазовье (*Воронятов*, 2009. Рис. 6), но также они встречены в Дагестане на скале у с. Уйташ (*Марковин*, 2006. С. 175, 176) и, что особенно важно, на р. Воронеж в первом Чертовицком могильнике на гагатовом амулете (*Медведев*, 2008. С. 47, рис. 50, *2*).

Датировки комплексов с изображениями тамги Аспурга относятся к I – началу II в. Так, в частности, второй половиной I – началом II в. н.э. датируется курган № 6 первого Чертовицкого могильника, где был найден амулет с тамгой (*Медведев*, 1990. С. 62).

По предположению С.В. Воронятова, основанному на том, что тамги Аспурга часто наносились на внутреннюю сторону сосуда, они имели какую-то специальную сакральную функцию в отправлении возникшего в 23 г. н.э. культа боспорского царя (*Воронятов*, 2009. С. 88). Важно отметить, что наблюдается сходство в способах нанесения тамги на сосуды и накладки с городищ Дьяково и Луковня, где также была важна не демонстрация тамги, а ее «контакт» с владельцем вещи.

Помимо накладки с тамгой на городище Дьяково в том же стратиграфическом горизонте была найдена другая накладка, аналогичная по форме и материалу, с изображением «двух человечков». Изображение нанесено пуансоном с внутренней стороны изделия (рис. 66, 145).

До недавних пор бронзовые накладки, наконечники ремней, пластины с антропоморфными изображениями рассматривались как своеобразный «ярлык» позднедьяковской культуры Подмосковья (*Белоцерковская*, 2000. С. 105; *Кренке*, 1989. С. 85; *Розенфельдт И.Г.*, 1982. С. 124). Однако новые находки заставляют существенно скорректировать это представление. К находкам, происходящим с памятников бассейна Москвы-реки (городища Троицкое – 6 экз.; Кунцево – 1 экз.; Дьяково – 4 экз.; Щербинское – 3 экз.) и Протвы (Огубское городище – 2 экз. – *Городцов*, 1933; *Нестеров*, 1988), прибавились три находки с правобережья Оки. Одна обрезанная пластина, использованная для ремонта украшения, была обнаружена в погребении 72 рязано-окского могильника Кораблино (*Белоцерковская*, 2000. Рис. 2, *11*)[1]. В Тульской области были найдены накладки со схожими изображениями на городище Щепилово на р. Упе (*Воронцов*, 2008. Рис. 1, *9*) и на селище Солодка (*Воронцов*, 2007. Рис. 90)[2]. Две эти находки представляют особый интерес. Пластина с городища Щепилово, аналогичная по форме пластине с Огубского городища, изображает «человечка» в характерной позе: руки согнуты в локтях и подняты кверху, завершаются тремя растопыренными пальцами. Нижние конечности изображены так же, как и верхние, но без пальцев. Уникальным является то, что под «человечком» изображена лошадь, что может служить указанием на кочевническое происхождение вещи. Изображение выполнено двойной линией точек, как и изображение тамги на накладках с Дьяково и Луковни. Находка обнаружена в верхней части нижнего слоя памятника совместно с лунницей круга эмалей (*Воронцов*, 2007). Находка из Солодки происходит из подъемного материала. Это двойная пластина, скрепленная заклепкой, на одной половинке которой изображено два аналогичных «человечка», конечности которых соединяются, а на другой – тамга (*Воронцов*, 2010а). Оба изображения выполнены в одинаковой технике (двойной ряд точек) и, видимо, синхронны.

Таким образом, если находки с Дьякова городища позволяли предполагать существование связи между антропоморфными изображениями и сарматской тамгой, то находка из Солодки рассеивает все сомнения в этом. Тамга на пластине из Солодки близка (но не тождественна) по начертанию к тамге на подвеске мощинского клада, которая находит полную аналогию в знаках середины II – середины III в. н.э. из Приазовья (*Яценко*, 2001. Рис. 13, *3в*).

Надо также отметить, что техника нанесения изображения на пластинах с «человечками» совершенно не характерна для украшений из ареала городищ дьякова типа. В то же время, именно эта техника работы пуансоном применялась при нанесении изображений тамг на металлические сосуды, найденные в сарматских погребениях у станиц Михайловской, Ново-Александровка 1 (*Воронятов*, 2009. С. 93).

Следовательно, можно предположить, что распространение в Москворецком ареале бронзовых накладок и пластин с антропоморфными изображениями, а также накладок с тамгами является результатом проникновения сюда культурных импульсов с юга, из сарматского мира. Главное возражение против высказанного выше предположения – одно, а именно: на территории, заселенной сарматами, не было найдено ни одной пластины или накладки с антропоморфным изображением рассматриваемого типа. Возможно, это противоречие будет снято будущими находками. Однако и сейчас совершенно ясно, что не могли в бассейне Москвы-реки изготавливать не характерные для региона вещи, снабжать их сарматскими тамгами, а затем распространять эти изделия на правобережье Оки. Вектор перемещения был иной: с юга на север.

---

[1] Осмотр пластины показал, что она была обрезана с двух сторон, на ней была изображена не одна фигура, а более.

[2] Автор признателен А.М. Воронцову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Синхронизируются накладки с антропоморфными изображениями с периодом бытования украшений круга выемчатых эмалей (основания: клад Троицкого городища, стратиграфия городищ Дьяково и Щепилово), т.е. это II – начало IV в. н.э. Погребение 72 могильника Кораблино датировано И.В. Белоцерковской периодом 2а или концом III–IV в. н.э. (2007. С. 200). При этом надо отметить, что и находки Троицкого клада, и пластина с городища Щепилово, и особенно пластина из Кораблино были очень сильно повреждены, явно использовались длительное время. Находки с изображением тамги Аспурга «тянут» всю эту группу предметов вниз – к рубежу I–II вв. н.э.

Среди других находок, которые могут указывать на контакты населения Москворечья с сарматами, можно перечислить фибулу «Авцисса» I в. н.э. и трехлопастную железную стрелу с Троицкого городища (Древнее поселение..., 1970. Рис. 16, *13*; табл. 13, *43*), портупейную пряжку с городища Боровский курган, датированную III в. н.э. (*Малашев*, *Яблонский*, 2008. С. 52, рис. 204, *8*). Нужно отметить, что близкие по форме пряжки встречены также на городищах Кунцевском, Бородинском, Щербинском, Огубском (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. Рис. 18). Имеются аналогии среди поясной гарнитуры. В коллекции Палецкого городища на правобережье Оки представлена серия привесок к поясу, которые, по мнению В.Ю. Малашева, имеют сарматские прототипы III в. (*Сыроватко*, 2001. С. 88, рис. 5). Очень близкие наконечники поясов найдены на городище Дьяково (рис. 141, находки № 530-83, 457-83, 1434-87). Они находят аналогии к типу Н-5, входящему в группу IIа, выделенную В.Ю. Малашевым. Эту группу он относит к III в. н.э., «не исключая финал II в. н.э.» (*Малашев*, 2000. С. 207, 208).

То есть в Москворечье имеется серия импортов из сарматского ареала, датированных в рамках I–III вв. н.э., но нет массового бытового материала, гончарной керамики. При этом в формах сосудов чувствуется, хоть и в меньшей степени, чем на памятниках типа Ново-Клейменово, влияние верхнедонских образцов. Сходство проявляется в форме верхней части и пропорциях груболепных сосудов, а также в наличии среди материалов Дьякова городища подлощенной миски с вогнутым венчиком, очень похожей на сарматские.

Отдельно стоит вопрос, на который пока нет точного ответа, о путях проникновения в Москворечье таких категорий массового импорта, как стеклянные, пастовые бусы и бронзовые украшения с эмалью. Относительно первых можно предполагать, что они транспортировались если не сарматами, то через земли, подчиненные им. Украшения с эмалью, синхронные позднесарматской культуре, не были для нее характерны. Массовые находки эмалей в лесостепи приурочены к позднезарубинецкому культурному кругу и раннему этапу киевской культуры (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 122). Таким образом, можно думать, что южные контакты населения Москворечья во II–III вв. н.э. не ограничивались сарматами и связанным с ними населением Верхнего Подонья и правобережья Оки.

Вывод-гипотеза, который я хочу сформулировать в заключение, выглядит следующим образом. Начиная с конца I в. н.э. и до III в. н.э. культура населения Москворечья испытывала влияние культуры верхнедонского населения, находившегося в подчиненном положении у сармат. При этом существовали весьма ощутимые «культурные барьеры», обеспечивавшие сохранение самобытности культуры населения москворецких городищ. Помимо этого «общего фона» происходили отдельные, но весьма существенные «проникновения» элементов сарматской сакральной культуры на территорию бассейна Москвы-реки. Материальными проявлениями этих «проникновений» являются бронзовые накладки с тамгами и антропоморфными изображениями, попавшие на Москву-реку с правобережья Оки и бассейна Дона (?). Эти контакты в сакральной сфере повлияли на формирование «позднедьяковского культового комплекса», который рассматривается далее.

На городищах дьякова типа в бассейне Москвы-реки найдена серия глиняных предметов, которые специалисты традиционно называют культовыми – это антропоморфные статуэтки и глиняные таблички.

Антропоморфные статуэтки найдены на городищах Дьяково – 46 экземпляров, Луковня – около 30[3], Щербинское – 1, Кузнечики – 19, Борисоглебское – 14 (*Смирнов К.А.*, 1974. С. 65), Успенское – 2 (*Лазукин*, 2005. Рис. 4, *4*; *Успенская*, 1957. Рис. 46, *5*), Огубское – 2, Отмичи – 2 экземпляра (*Исланова*, 2008. С. 27). Всего – 116 экземпляров. Все статуэтки относятся к одному уже описанному в литературе типу (*Смирнов К.А.*, 1974. С. 65), что свидетельствует о сложившейся иконографии образа. Верхняя часть туловища крестообразная. Голова почти неотличима по форме от рук. Статуэтки формовали на плоской поверхности, при этом всегда предмет находился в одном и том же положении – «лежа на животе». Ягодицы почти у всех фигурок гипертрофированно подчеркнуты. Ноги укорочены и иногда сомкнуты внизу, ступни либо не выделены, либо едва намечены. Различия заключаются лишь в размерах, наличии или отсутствии точечной орнаментации, в форме и степени проработки головы и ног. Признаков пола у статуэток нет, но исследователи обычно определяли их

[3] Автор благодарен А.Г. Векслеру за возможность ознакомиться с неопубликованной коллекцией его раскопок.

как женские фигурки, что, вероятно, правильно. В доказательство можно привести статуэтку с городища Кузнечики, бедра и живот которой орнаментированы наколами, сгруппированными в треугольники с опущенными вниз вершинами (*Дубынин*, 1970. Рис. 3, *27*). Такую орнаментацию обычно считают признаком женского пола (*Антонова*, 1977).

Другой категорией глиняных предметов являются глиняные орнаментированные таблички. Удалось собрать данные о 94 находках табличек на восьми памятниках: городище Дьяково – 32 экземпляра, Луковня 1 – 30, Кузнечики – 15, Щербинское – 7, Успенское – 3, Огубское – 6 (*Смирнов К.А*., 1974. С. 65), Кунцевское – 1 экземпляр. Они различаются по размерам. Техника нанесения орнаментации на всех табличках одинакова – наколы, выполненные травинкой. В изображениях имеются различия. Наибольшее распространение имеет композиция, где рядами точек заполнены оба края таблички, середина свободная, через нее проходит одинарный ряд точек (рис. 157, находки с Дьякова городища № 200-83, 62-82, 1394-87, 21-35). Таблички с таким рисунком составляют более половины находок, сохранность которых позволяет говорить о композиции. Причем предметы с разных памятников выглядят идентично (*Дубынин*, 1970. Рис. 6, *18*). Аналогичное изображение нанесено на статуэтки с городищ Отмичи (*Исланова*, 2008. Рис. 90, *2*), Луковня (*Векслер*, 1973. Фото 59). Совпадение изображений на табличках и статуэтках позволяет выдвинуть гипотезу о том, что люди, изготовившие их, вкладывали в эти предметы одинаковый смысл.

Важными для нашей темы являются также таблички с изображением в виде соединенных вершинами треугольников (рис. 158, находка № 219-83 на Дьяковом городище, находка с Успенского городища). Это изображение находит очень близкую аналогию в форме бантиковидных нашивных бляшек. То есть глиняная пластика имела семантическую связь с бронзовыми украшениями.

Картографирование статуэток и табличек показывает, что они концентрируются на памятниках среднего течения Москвы-реки, на Пахре и Протве. За пределами этого ограниченного ареала на памятниках I тыс. н.э. известны лишь единичные находки. К северу от указанного региона статуэтка была найдена на городище Отмичи на Верхней Волге. К югу от Подмосковья статуэтки найдены на городище Борисово, расположенном на правобережье Оки (*Воронцов*, 200. Рис. 6, *7*), Шуклинском (*Никольская*, 1958. С. 69) и Лысая Гора (*Никольская*, 1969. Рис. 10, *3*) в Курской области.

К.А. Смирнов, описывая статуэтки, опираясь на данные, известные к моменту написания его работы, вынужден был сделать вывод о том, что «стратиграфическое положение находок не дает оснований для их датировки» (*Смирнов К.А*., 1974а. С. 65). Результаты раскопок Дьякова городища изменили ситуацию. Положение статуэток и табличек в культурном слое Дьякова городища позволяет с надежностью утверждать, что единичные экземпляры залегали на уровне среднего горизонта верхнего слоя, но основная масса находок приурочена к верхнему горизонту верхнего слоя (рис. 166, 167). Планиграфическое распределение фигурок и табличек не позволяет сделать каких-то определенных выводов, однако некоторые различия между категориями намечаются. Таблички распределены по площади раскопа примерно равномерно, не образуя скоплений (рис. 167). В распределении фигурок можно говорить о «сгущении» находок в районе между постройками «Д» и «Е» в квадратах 125–127, 134, 135, 142 (рис. 166).

Можно предполагать, что данные категории глиняных изделий составляли некий «культовый комплекс», в который могли входить и еще какие-то предметы, которые не сохранялись в сухом культурном слое.

Нужно сказать, что традиция изготовления мелкой глиняной пластики, вероятно, культового характера типична для раннедьяковских городищ (*Гендуне*, 1906), а также для синхронных городищ лесостепи (*Пузикова*, 1981; 1997). В связи с этим важно, во-первых, подчеркнуть различия между предметами позднедьяковского культового комплекса и раннедьяковской пластикой. В ранних материалах нет антропоморфных фигурок и табличек. Во-вторых, в нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища мелкой глиняной пластики нет совершенно. То есть нельзя говорить о непрерывно развивавшейся традиции.

В качестве гипотезы можно предположить, что появление на городищах Москворечья привозных бронзовых накладок с антропоморфными изображениями и распространение здесь же, но несколько позже, глиняных табличек и антропоморфных статуэток – связанные явления, отражающие формирование атрибутики местного культа.

А.Ф. Дубынин считал, что статуэтки связаны с культом женского божества, являвшегося одновременно и матерью всего сущего, и богиней плодородия (1966). К.А. Смирнов склонялся к версии, что это изображения «хозяйки огня», приводя в основном аналогии из сибирской этнографии (1975).

Не претендуя на окончательное решение вопроса, можно отметить следующее. Во-первых, распространение антропоморфных фигурок совпадает с развитием хозяйства, в котором земледелие играло существенную роль. Поэтому культ плодородия

очень «ожидаем». Во-вторых, логично предположить, что атрибуты культа покровителей домашнего очага должны встречаться на каждом поселении, где раскопана значительная площадь. Мы же видим совершенно иную картину. Статуэтки и таблички встречены на очень ограниченном количестве памятников. На ряде городищ, где проводились большие раскопочные работы и вскрыты многочисленные постройки, статуэток и табличек нет совсем (Троицкое) или очень мало (Щербинское, Кунцевское). То есть это предметы, которые отражают какие-то различия между поселениями, они связаны с культом, ранг которого был выше домашнего. В этой связи версия А.Ф. Дубынина выглядит предпочтительнее, и нельзя не вспомнить старую гипотезу З.Я. Ходаковского о городищах-святилищах (*Ходаковкий*, 1838). Конечно, эта функция (святилища) не могла быть единственной у городищ дьякова типа.

В заключение еще раз надо подчеркнуть, что культ с такими атрибутами, как глиняные орнаментированные таблички, антропоморфные фигурки, был характерен именно для населения бассейна Москвы-реки, являлся его важной культурной особенностью.

Экскурс 4
Бантиковидные нашивки

Бронзовые накладки в форме бантиков или бантиковидные накладки занимают особое место в ряду классических дьяковских древностей I тыс. н.э. Впервые гипотеза о связи этих находок с материальной культурой Верхневолжья раннего железного века была выдвинута П.Н. Третьяковым и М.Х. Шмидехельм (*Третьяков*, 1941. С. 80; *Шмидехельм*, 1955. С. 102). На тот момент было известно всего 4 экземпляра подобных украшений, которые имели достаточно широкий географический разброс: от Поволжья до Финляндии (Ябара, Кетохака, Медведевское, находка из Горьковской области). Позднее еще несколько бляшек были найдены на дьяковских памятниках бассейна Москвы-реки (городища Троицкое, Щербинское, Боровский курган и Луковня). Подробное их описание было дано в работах К.А. Смирнова (1974. С. 53, 54), А.Ф. Дубынина (1974а. С. 234) и И.Г. Розенфельдт (1982. С. 116, 117, рис. 28, *40–46*).

География находок. На сегодняшний день удалось учесть 44 находки бантиковидных нашивок (Х-образных по терминологии финских коллег) и комбинированных из них украшений[1]. Большинство (27 экз.) сконцентрировано на памятниках в бассейне Москвы-реки (рис. 169). Остальные 17 находок расположены относительно Москворечья в следующих направлениях: 1) север и северо-запад (бассейны Верхней Волги, Сухоны, Мсты, побережье Балтийского моря); 2) восток (бассейны Клязьмы, Оки, Среднее Поволжье – область распространения грунтовых могильников поволжских финнов); 3) юг (Верхнее Подонье). В некоторых случаях (Варварина Гора, Большой Давыдовский 2 могильник) бантиковидные нашивки за пределами Москворечья встречены в сочетании с другими предметами, характерными для круга москворецких памятников дьякова типа (*Буров*, 2003. Рис. 14; *Макаров и др*., 2010. Рис. 5, *15*). Все находки обнаружены на памятниках, которые приблизительно синхронны друг другу (табл. 16).

Описание. Каждая накладка представляла собой фигуру из двух составленных вершинами равносторонних треугольников, по форме напоминавшую бантик. В центре украшения всегда располагалась одна крупная бляшка-скорлупка диаметром 4–9 мм, в среднем 6 мм. По обеим сторонам от нее были расположены симметричные треугольные лопасти, составленные из бляшек-скорлупок меньшего диаметра, как правило, около 2–4 мм. Длина украшения составляла в среднем около 30 мм. Украшения отливались по выплавляемой модели. На тыльной стороне накладок фиксировались скрещенные полосы, которые одновременно скрепляли модель и служили материалом для изготовления петелек (*Сапрыкина*, 2005. С. 526).

Типологическое разнообразие. В целом следует отметить удивительную однотипность бантиковидных накладок, которые не претерпели практически никаких изменений в течение всего периода своего бытования. И.Г. Розенфельдт, составившая в начале 1980-х годов сводку находок бантиковидных накладок (она учла 7 экземпляров, происходящих с пяти дьяковских памятников, тип VI), отметила наличие нескольких вариантов форм по числу полусферических выпуклостей, составляющих лопасти бантиков. А именно ею описаны накладки с тремя (а), четырьмя (б) и пятью (в) рядами полусферических бляшек, составляющими лопасть. По предположению И.Г. Розенфельдт, эти различия имели хронологический смысл, самыми поздними являлись нашивки с пятью рядами выпуклостей (1982. С. 115).

Увеличение числа находок не увеличило разнообразие форм. Можно отметить только находку бляшки с шестью рядами полусферических выпуклостей (вариант «г» ?) в одном из погребений Большого Давыдовского 2 могильника. На сегодняшний день подавляющее большинство бляшек-бантиков относится к вариантам «а» и «б», соответственно 19 и 15 экземпляров. И если на памятниках бассейна Москвы-реки оба варианта представлены одинаково, то за его пределами вариант «а» встречается в два раза чаще, чем вариант «б», в том числе на памятниках, максимально удаленных от Москворечья (Ябара, Кетохака, Абрамовский могильник). Варианты «в» и «г» представлены единичными экземплярами, два и один соответственно. Следует отметить, что у бантиковидных накладок вариантов «в» и «г», диаметр полусферических выпуклостей, составляющих лопасти украшения, был, как правило, меньше. При этом отмечается некоторая тенденция к увеличению общей

---

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность Н.А. Макарову и А.М. Обломскому за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок, а также И.Р. Ахмедову и И.В. Белоцерковской за консультации во время написания этой работы.

длины украшения, но эти колебания не превышали 1 см. Иными словами, увеличение числа рядов полусферических выпуклостей практически не отражалось на размере украшения. Он был, по-видимому, стандартным: 28–39 мм.

Две накладки, происходящие из Финляндии (Кетохака) и Юго-Восточного Прионежья (Усть-Царева) имели ушки для подвешивания дополнительных элементов, т.е. они использовались как основа шумящих украшений или цепедержатели, что может свидетельствовать о попытке адаптации чужого украшения к местным вкусам и моде (*Schauman-Lonnqvist*, 1988. Fig. 44; *Макаров Н.А.*, 1986. С. 24, рис. 2, *2*). Еще три бантиковидные бляшки из Усть-Белой I, Абрамовского могильника и Ксизово 19 демонстрируют не совсем традиционное размещение крепежных элементов (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. Рис. 19, *3*; *Гришаков*, 2003. Рис. 1, *4*).

Таким образом, с одной стороны, нет четких данных, чтобы выстроить варианты в хронологической последовательности, начиная с «а», затем «б», «в» и «г». С другой стороны, имеются факты, свидетельствующие о сосуществовании вариантов. В частности, на это указывает распределение находок в толще культурного слоя Дьякова городища. Следует также отметить, что бляшка варианта «а», относящаяся, по И.Г. Розенфельдт, к наиболее ранней группе находок, входила в инвентарь погребения 140 Абрамовского могильника, наиболее позднего, как будет показано ниже, комплекса с подобными украшениями.

В позднедьяковских древностьях Москворечья можно выделить целую группу украшений, которые стилистически, несомненно, родственны бантиковидным накладкам (табл. 18). В первую очередь это сложные шумящие ложнозерненые украшения, найденные на городищах Борисоглебское, Дьяково и Троицкое (в составе клада). Эти украшения особенно интересны, поскольку все они представляют собой комбинации из нескольких симметрично расположенных «бантиков», дополненных такими элементами, как двойная псевдозернь, плетенка, бляшки-скорлупки, шумящие привески-бубенчики. Схема изготовления одной из таких подвесок, происходящей из клада с Троицкого городища, была описана И.А. Сапрыкиной. Основа украшения была отлита по выплавляемой модели, каркас которой собирался из отдельных мелких восковых шариков псевдозерни диаметром около 1 мм. На тыльной стороне модели фиксировались две восковые полоски, скреплявшие миниатюрные детали – прием общий для целого ряда позднедьяковских украшений, в том числе и бантиковидных накладок (*Сапрыкина*, 2004. С. 131, 132).

Кроме того, имеются «мостики», которые позволяют связать «пупырчатый» стиль бантиковидных нашивок с характерными чертами стиля бронзовых украшений, типичными для позднедьяковских памятников в бассейне Москвы-реки. В своей сводке И.Г. Розенфельдт опубликовала несколько рисунков украшений с пирамидками из полусферических выпуклостей, найденных на памятниках Волго-Окского междуречья (1982. Рис. 8, *7–10*). Большая их часть представляет собой небольшие подвески с ушком, нижняя часть которых оформлена двумя лопастями, составленными из бляшек-скорлупок малого диаметра или шариков ложной зерни. Одна из подвесок происходит с городища Луковня. Фрагмент другой был найден Ю.В. Куртовым на селище Кривое озеро. Еще одно украшение известно по изображению на створке глиняной литейной формы, найденной на городище Боровский курган (раскопки А.Г. Векслера 1960 г., Музей Москвы, ОФ 24666/223). Судя по конструкции литейной формы, подвеска имела ушко в верхней части. Кроме того, на городище Дьяково (находка № 1510-87) была найдена подвеска, в которой в качестве декоративного элемента были использованы «половинки бантиков» – пирамидки, сложенные из шести полусферических выпуклостей.

Следует также упомянуть умбоновидную подвеску позднего типа, найденную на Щербинском городище. Она состоит из круглого ажурного умбоновидного щитка и трех шумящих привесок, края которых заканчиваются треугольными лопастями, составленными из небольших бляшек-скорлупок (*Смирнов К.А.*, 1974. Табл. V, *25*).

Несомненно, стилистически «родственны» бантикам прямоугольные накладки, выполненные в той же технике соединенных в ряды полусферических выпуклостей. Прямоугольные накладки найдены также именно в Москворецком регионе, причем значительными сериями (одна из самых больших – в составе клада из Заболотья – Подольский р-н Московской обл., раскопки М.И. Гоняного, 2008, 2009 гг.).

Таким образом, в Москворецком регионе наблюдается не только концентрация находок, но и наибольшее их типологическое разнообразие. Эти факты, на наш взгляд, позволяют сделать вывод о месте производства бантиковидных нашивок – район Москворечья, включая памятники по р. Пахре. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с особым типом украшений, который, наряду с умбоновидными подвесками, можно считать этноопределяющим для москворецкой группы позднедьяковских памятников.

Заслуживает внимания тот факт, что внутри этого региона бантиковидные накладки распределяются неравномерно. В основном это единичные находки. Только два городища – Дьяково и Луковня – дали значительные серии бантиковидных накладок, 9 и 8 штук. Это вряд ли можно объяснить объемом вскры-

тых площадей. Так, например, городища Троицкое и Луковня были исследованы практически полностью, но в первом случае на памятнике была найдена только одна бантиковидная накладка, а во втором количество находок достигло восьми штук. Гипотетически можно предположить, что на городищах Дьяково и Луковня функционировали мастерские, где производились украшения этого типа, но эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

Датировка нашивок-бантиков. П.Н. Третьяков относил Медведевское городище, где была найдена бантиковидная бляшка, к III–V вв. н.э. (*Третьяков*, 1941. С. 80). Эта же датировка, со ссылкой на работу П.Н. Третьякова, была приведена М.Х. Шмидехельм. На эти же данные позднее, при публикации материалов москворецких памятников, опирались К.А. Смирнов и А.Ф. Дубынин. При этом А.Ф. Дубынин отметил, что бляшка, найденная на Щербинском городище, может быть датирована III–IV вв. н.э. (*Шмидехельм*, 1955. С. 102; *Смирнов К.А.*, 1974а. С. 53, 54; *Дубынин*, 1974. С. 234).

Иной точки зрения придерживалась И.Г. Розенфельдт, которая датировала бантиковидные накладки, равно как и другие украшения, выполненные в этом же стиле (прямоугольные накладки, составленные из мелких полушарных бляшек, некоторые позднедьяковские серьги с привесками (тип VII по И.Г. Розенфельдт), началом – серединой IX в. (1982. С. 117).

Таким образом, на сегодняшний день в археологической литературе, посвященной дьяковской культуре, не существует единого мнения о датировке бантиковидных накладок. Кроме того, нет единства датировок и для комплексов с бантиковидными накладками, встреченными за пределами ареала москворецких памятников (Усть-Белая, Абрамовский могильник и т.д.).

Аргументов для датирования в рамках собственно дьяковских древностей два: клад Троицкого городища, в состав которого входит шумящее украшение, стилистически родственное бантиковидным накладкам, и стратиграфия Дьякова городища (рис. 164). В обоих случаях получается, что изучаемый тип украшений синхронизируется с горизонтом выемчатых эмалей, что указывает на конец II – начало IV в. н.э. Аргументы в пользу этой датировки приведены в работах А.М. Обломского и Е.Л. Гороховского (*Гороховский*, 1982; *Обломский*, 2002). Радиоуглеродные датировки Дьякова городища также не позволяют поднять дату нашивок-бантиков выше III – начала IV в. н.э. Данная датировка примерно на 100 лет древнее, чем датировки кургана 1 могильника Усть-Белая по А.Н. Башенькину. Аргументы для датировки курганов могильника Усть-Белая построены на серии вещей и радиоуглеродных датировок. Однако курган 1, где был найден бантик, не содержал узко датируемых вещей, радиоуглеродные датировки были получены для соседнего кургана. В целом, по А.Н. Башенькину и М.Г. Васениной, существенную роль в определении датировки памятника играла находка в кургане № 4 подвески-лунницы с эмалью (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. С. 22). То есть опять мы приходим к тому же результату – бантики ассоциируются с горизонтом выемчатых эмалей.

Из комплексов, где были встречены нашивки-бантики за пределами ареала дьяковской культуры, лучше всего датированными являются рязано-окские могильники. Датировка погребения 156 могильника Заречье укладывается в первую половину IV в. (устное сообщение И.В. Белоцерковской). Бантик из могильника Кораблино относится к периоду 1 – начало 2а (III в. н.э.) (*Белоцерковская*, 2007. С. 198, рис. 8, *10*). Предложенная И.В. Белоцерковской датировка не вступает в противоречие с датами комплексов коллективных могильников-кремаций Эстонии и Финляндии (последние, естественно, более растянуты во времени). В настоящее время комплекс оградки «Е» в могильнике Ябара, где была найдена бантиковидная накладка, датируется концом II – IV в. н.э. (*Lang*, 2007. P. 193).

Две бантиковидные накладки происходят из Большого Давыдовского 2 могильника, расположенного в Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл., в 20 км от Суздаля. Памятник датируется второй половиной III – началом V в. Бляшки были найдены в двух погребениях (погребения 3, 5, 6), которые, судя по характеру погребального инвентаря (браслет азелинского типа, бронзовая кольцевидная застежка с четырьмя трапециевидными выступами и железной иглой, полая привеска-уточка, пирамидальные колокольчики с цельнолитой петлей (погребения 3–*5, 6*); гривна азелинского типа (погребение 6), можно отнести к раннему периоду существования некрополя (*Макаров и др.*, 2010. С. 47–49, рис. 5, *20; Белоцерковская*, 2007. С. 191, 192).

В Абрамовском могильнике (раскопки М.Ф. Жиганова) бантиковидные накладки (2 штуки) были обнаружены в погребении 140. На основании анализа погребального инвентаря В.В. Гришаков отнес комплекс к V в., предположительно к его первой половине. Среди находок, сделанных в погребении, были бронзовая круглодротовая гривна с утончающимися концами, замком в виде округлой пластины с насечками по краю и крючком, бронзовая круглопроволочная гривна с проволочной обмоткой, напускными бусами на концах и замком в виде крючка и округлой коробки и нагрудная дисковидная бляха с крышкой (*Гришаков*, 2003. С. 23, рис. 1, 2). Согласно последним хронологическим разработкам, предложенным

И.В. Белоцерковской для культуры рязано-окских могильников, круглодротовые гривны с замком в виде округлой пластины бытовали с конца III в. по начало V в. Найденная в погребении нагрудная бляха относится к ранним экземплярам украшений этого типа (с ромбовидной крышкой), серия А по И.В. Белоцерковской; появляются с рубежа IV–V вв. Гривны с замком в виде коробки появляются не ранее конца IV в. (*Белоцерковская*, 2007. С. 192, 193, 196; 2010. С. 88). Таким образом, для погребения 140 нельзя исключать несколько более раннюю дату – рубеж IV–V вв. В любом случае на сегодняшний день это самый поздний комплекс с бантиковидными накладками.

Сопоставление хронологической шкалы Дьякова городища и датировок комплексов с бантиковидными накладками с сопредельных территорий позволяет сделать вывод, что бантиковидные накладки существовали в течение достаточно непродолжительного отрезка времени: III – первая половина IV в. Бляшки из Абрамовского могильника, по-видимому, представляют собой пример длительного бытования артефакта, выходящего за рамки общепринятой датировки.

Назначение бантиковидных бляшек разными исследователями определялось по-разному. Большинство считали их нашивными бляшками, накладками или пронизями, что подтверждалось конструкцией украшения (наличие двух параллельных пар петель крепления). Однако их местоположение в костюме оставалось неясным. И.Г. Розенфельдт атрибутировала их как накладки на пояса (1982. С. 112). В.В. Гришаков допускал использование бантиковидных накладок в качестве деталей головных венчиков (2003. С. 20).

На наш взгляд, назначение нашивок-бантиков можно обсуждать лишь по материалам погребений в могильниках с ингумациями. Таких случаев в нашем распоряжении всего пять: могильники Кораблино (погребение 17а), Заречье (погребение 156), Абрамовский (погребение 140) и Большой Давыдовский 2 (погребения 3, 6).

Две бляшки были найдены в погребениях культуры рязано-окских могильников, но положение украшения в костюме удалось определить только в одном случае: накладка входила в состав головного убора (*Белоцерковская*, 2007. С. 191). В древнемордовском Абрамовском могильнике они также являлись принадлежностью головных уборов (*Гришаков*, 2003. С. 20).

В двух погребениях Большого Давыдовского могильника бантиковидные накладки были найдены в районе кистей рук. Таким образом, вопрос о том, как именно использовали бантиковидные накладки, на данный момент не может быть решен окончательно. Существует вероятность, что у бляшек этого типа вообще не было строго фиксированного местоположения в костюме.

Происхождение. Вопрос о прототипах бантиковидных накладок можно пока решать лишь предположительно. На подмосковных памятниках известны две почти идентичные находки, которые стилистически очень близки бантикам, но относятся, видимо, к более раннему времени (табл. 17). Это нашивные бляшки с городищ Настасьино (*Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002. № 1667) и Дунино. Датировка настасьинской находки определяется исходя из верхней даты памятника в целом – не выше II в. н.э. (*Сапрыкина*, 2010). Находка с Дунино – из подъемного материала. Эти ранние нашивки наиболее схожи со сложными подвесками из Троицкого клада, городищ Дьякова и Борисоглебского, которые относятся к позднеримскому времени и, по-видимому, синхронны бантикам. Несомненное стилистическое сходство в оформлении внешней стороны украшений позволяет предполагать преемственность. Наличие в Подмосковье украшений, которые могли быть прототипами (находки из Настасьино и Дунино), является еще одним важным аргументом в пользу предположения, что стиль украшений из соединенных маленьких полусфер является именно москворецким.

Истоки этого стиля, по-видимому, связаны с древней и широко распространенной традицией украшать одежду различными мелкими нашивными бляшками. Археологические материалы фиксируют существование этой традиции в I в. н.э. на Готланде, в Прибалтике в III–IV вв. н.э., у скифского и сарматского населения (*Горюнова В.М.*, 1987. С. 90). При этом мелкие полусферические бляшки были одним из наиболее распространенных типов.

Похожая традиция известна в культуре рязано-окских могильников. В Кошибеевском могильнике (погребение 33, раскопки В.Н. Глазова) круглые бронзовые нашивные бляшки разного диаметра были использованы для украшения головного убора (*Шитов*, 1988. С. 7, 23, табл. VII, *1*). В могильнике Кораблино, в погребении 39, относящемся ко второй половине III – началу IV в., была найдена шапочка, расшитая мелкими круглыми бронзовыми и свинцово-оловянными бляшками (*Белоцерковская*, 1998. С. 40). Мелкие круглые свинцово-оловянные бляшки диаметром 3–4 мм были использованы для расшивки ворота и рукавов одежды в погребениях могильника Заречье (*Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1996. С. 127).

Достаточно большое количество мелких нашивных украшений в составе некоторых позднедьяковских кладов, найденных на территории Москворечья (Троицкий, Щербинский 1, клад с городища Дютьково), позволяет предположить, что местное населе-

ние также широко использовало их для декорирования одежды. Вероятно, расположение бляшек на одежде не было произвольным, нашитые на ткань, они могли образовывать различные орнаментальные композиции (см., например: *Горюнова В.М.*, 1987. С. 89; *Моора*, 1963. Рис. 5). Накладки, составленные из полусферических бляшек, образующих два соединенных вершинами треугольника, могли повторять один из наиболее популярных орнаментальных мотивов.

Семантика «бантиков». Весьма вероятно, что в композиции «бантика» заключался какой-то скрытый для нас смысл, важный для тех людей, которые их изготавливали и носили. Нужно отметить, что знак в виде соединенных вершинами треугольников неоднократно встречен на различных предметах, найденных на городищах дьякова типа. Особенно близкая параллель – между бронзовыми нашивками-бантиками и изображением на глиняной табличке, найденной на городище Дьяково. В данном случае наблюдается полное совпадение изображения. Велика вероятность того, что данные таблички являлись ритуально-культовыми объектами. Таким образом, выстраивается цепочка семантических связей: бронзовые нашивки-бантики – глиняные таблички с изображением соединенных вершинами треугольников, состоящих из точек – таблички с изображением схематической антропоморфной фигуры – глиняные арнтропоморфные статуэтки – бронзовые пластины с антропоморфными изображениями – бронзовые пластины с сарматскими тамгами.

Стиль нашивок-бантиков как культурный феномен. Если принять предложенные выше датировки, то можно сделать ряд существенных заключений. Изготовление и употребление нашивок бантиков совпадает с периодом «расцвета» культуры населения, оставившего городища дьякова типа по Москве-реке. Именно в это время жители москворецких городищ достигли успехов в развитии хозяйства и вступили в интенсивные контакты с соседями, у них сформировались потребности, которые надо было удовлетворять предметами импорта (бусами, фибулами, украшениями с эмалью и пр.), изменился сам стиль жизни – распространилась лощеная столовая посуда.

Находки бантиков показывают несколько направлений контактов. При этом количество находок образует своеобразную «розу ветров». Помимо территории Москворецкого бассейна, можно выделить еще два региона, где отмечается концентрация украшений этого типа: первый включает в себя Верхневолжье, бассейны Мологи и Мсты (Усть-Белая, Медведевское городище, Варварина гора, Орлов городок), второй – среднее течение Оки, область культуры рязано-окских могильников (могильники Кораблино и Заречье). Помимо этого, как уже отмечалось выше, зафиксированы отдельные находки бантиковидных накладок на территории Финляндии, Эстонии, в бассейне Сухоны, Верхнего Дона и Суздальском Ополье. Таким образом, география распространения украшений этого типа достаточно обширна, и это требует, на наш взгляд, отдельного комментария.

Как уже отмечалось выше, обнаружение нашивок бантиков вне пределов Москворечья в отдельных случаях сопровождалось другими находками типичных «москворецких» вещей. В том числе и утилитарно-бытовых, таких, например, как глиняный грузик «дьякова типа» из Ксизово (*Козмирчук и др.*, 2010. С. 27). То есть можно предположить, что находки «бантиков» и сопутствовавших им вещей фиксируют не просто «дрейф» предметов, но и передвижения людей. Подобное предположение ранее уже высказывалось И.В. Белоцерковской, предполагавшей участие дьяковского населения в формировании культуры рязано-окских могильников в III – начале IV в. н.э. (*Белоцерковская*, *Ахмедов*, 2009. С. 289). Именно в этом контексте, по-видимому, следует рассматривать и находку двух бантиковидных накладок в погребениях Давыдовского могильника под Суздалем.

На этом фоне чрезвычайно интересной кажется гипотеза В.А. Бурова, предложенная им на основании анализа находок с городища Варварина гора, о «выплеске» дьяковского населения с территории Москворечья, который мог произойти в III–IV вв. н.э. По мнению И.В. Исламовой, эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке (*Буров*, 2003. С. 75; *Исланова*, 2007. С. 302). Тем не менее можно предположить, что этот регион мог послужить своего рода промежуточным «плацдармом», через который отдельные экземпляры бантиковидных бляшек попадают на территорию современной Финляндии, Эстонии, и, по-видимому, в бассейн Сухоны.

С «рязано-окской» географической группой, которая могла играть аналогичную роль на восточном и юго-восточном направлениях, по-видимому, следует связывать две находки из древнемордовского Абрамовского могильника, расположенного восточнее, в арзамасском течении Теши, которая является частью Окского бассейна (подробнее об этом см.: *Гришаков*, 2003. С. 26), и находку из Нижегородской области.

Очень важно отметить, что стиль нашивок-бантиков, в отличие от других приемов декорирования украшений, применявшихся в дьяковской культуре, не получил дальнейшего развития. Комплексы украшений могильников поволжских финнов второй половины I тыс. н.э. полны различных реминисценций с ювелирным стилем первой половины I тыс. н.э., бытовавшим в Москворечье (волюты, двойная зернь),

но «реплики на тему бантиков» фактически отсутствуют. Можно лишь указать на серию прямоугольных нашивок, комбинированных из маленьких кружков, из Ратьковского могильника (*Вишневский и др.*, 2007. Рис. 7). Однако здесь мы видим этот стиль в сильно деградированном виде. Пока нет аргументированного объяснения исчезновению нашивок-бантиков и сходных с ними по стилю украшений. Возможно, это указывает на то, что данный стиль был узколокальным, связанным с небольшой (хотя и активной) группой людей, сошедшей с «исторической арены» где-то во второй четверти I тыс. н.э.

Таблица 16. **Места находок бантиковидных нашивок и их датировка**

№	Название памятника	Количество находок бантиковидных нашивок	Датировка по авторам раскопок	Ссылка
Москворечье				
1	Троицкое, городище	1 Вариант «б»	III–IV вв. н.э.	*Дубынин*, 1974. С. 234
2	Саввино-Сторожевское, городище	1 Вариант «а»	–	Кол. ЗИАХМ
3	Кунцево, городище	4 Варианты «а» и «б»	–	Кол. В.А. Зарихина
4	Дьяково, городище	9 Варианты «а», «б», «в»	II–III вв. н.э.	*Кренке*, 1989
5	Боровский курган, городище	2 Вариант «в»	–	Кол. МИМ, раскопки А.Г. Векслера
6	Луковня, городище	8 Варианты «а» и «б»	–	Кол. МИМ, раскопки А.Г. Векслера
7	Щербинское, горородище	1 Вариант «б»	III–IV вв. н.э.	*Дубынин*, 1974. С. 234
8	Московская обл.?	1 Вариант «а»	Кладоискательские находки (форум домонгольской металлопластики)	
Всего в Москворечье		27		
Север и северо-запад Европейской части				
9	Медведевское, городище (оз. Бологое)	1 Вариант «б»	III–V вв. н.э.	*Третьяков*, 1941. С. 80
10	Варварина гора, городище	1 Вариант «а»	III–V вв. н.э.	*Буров*, 2003
11	Усть-Царева, городище	1 Вариант «б»	V в. н.э. и позднее?	*Макаров Н.А.*, 1986. С. 24
12	Усть-Белая, курган 1	1 Вариант «а»	Рубеж IV–V вв. н.э.	*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. С. 23
13	Куреваниха XXVI	1	–	*Башенькин*, *Васенина*, 2007
14	Орлов городок	1 Вариант «а»	IV–V вв. н.э.	*Максимов*, 1981. Рис. 26
Эстония				
15	Ябара, могильник	1 Вариант «а»	III–V вв. н.э.*	*Шмидехельм*, 1955. С. 106, 107, рис. 25
Финляндия				
16	Кетохака (Ketohaka) 2, могильник	1 Вариант «а» Периоды С2, С3	III–IV вв.н.э. *Schauman-Lönnqvist*, 1988. P. 46; *Hirviluoto*, 1991. P. 95	
Ивановская обл.				
17	Бол. Давыдовский 2, могильник, погребения 3–6	2 Вариант «а», «г»	Вторая половина III – начало V в. н.э.	*Макаров и др.*, 2010

* В настоящее время комплекс оградки «Е» в могильнике Ябара датируется концом II – IV в. н.э. (*Lang*, 2007. P. 193).

Таблица 16. Продолжение

№	Название памятника	Количество находок бантиковидных нашивок	Датировка по авторам раскопок	Ссылка
Поочье (Тульская, Калужская, Рязанская, Нижегородская обл.)				
18	Кораблино, могильник, погребение 17а	1 Вариант «б»	III в. н.э.	*Белоцерковская*, 2007а. С. 198
19	Заречье, могильник, погребение 156	1 Вариант «а»	Первая половина IV в. н.э.	*Белоцерковская*, 2007а. С. 198
20	Абрамовский, могильник, погребение 140	2 Вариант «а»	Первая половина V в. н.э.	*Гришаков*, 2003
21	Нижегородская обл.	1		*Шмидехельм*, 1955. С. 102
22	Север Калужской обл.	1 Вариант «б»	Кладоискательские находки (форум домонгольской металлопластики)	
Подонье (Липецкая обл.)				
23	Ксизово 19, поселение	1 Вариант «а»	–	Обломский, доклад на сессии ИА РАН 12.03.2010 г.
Всего		44		

Таблица 17. **Прототипы бантиковидных накладок**

№	Название памятника	Количество находок бантиковидных нашивок	Датировка по авторам раскопок	Ссылка
1	Дунинское, городище	1	–	*Сапрыкина*, 2010
2	Настасьинское, городище	1	II в. до н.э. – II в. н.э.	*Сапрыкина*, 2010. С. 12; *Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002. Рис. 2

Таблица 18. **Украшения, стилистически родственные бантиковидным накладкам**

№	Название памятника	Количество находок бантиковидных нашивок	Датировка по авторам раскопок	Ссылка
1	Троицкое, городище	1	III–IV вв. н.э.	*Дубынин,* 1974. С. 234
2	Дьяково, городище	1	II–III вв. н.э.	*Кренке,* 1989
3	Борисоглебское, городище	1	VI–VII вв. н.э.	*Розенфельдт И.Г.,* 1982

Экскурс 5
Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища

Литейные формы являются одной из ключевых категорий находок, позволяющих обосновать хронологические рамки финального этапа функционирования поселения на Дьяковом городище. Находки формочек особенно важны тем, что не могут быть оброненными при случайных посещениях места, они фиксируют жизнь, производственную активность на памятнике. Всего за все годы раскопок, включая и работы предшественников, на городище было найдено 18 литейных форм, которые можно связать с верхним слоем городища (рис. 77, 128). Все они представляют собой створки разъемных каменных и глиняных литейных форм, использовавшихся для производства различных мелких изделий. Ниже дается их описание (см. также: *Кренке*, *Тавлинцева*, 2002).

В коллекции насчитывается шесть каменных форм. Они представляют собой небольшие бруски подпрямоугольной формы. Размеры в среднем 30–36 × 44–56 мм при толщине 10–17 мм. Лишь одна форма, предназначавшаяся для отливки шести украшений, была примерно в два раза крупнее. Для изготовления литейных форм использовали мягкие породы камня, хорошо поддающиеся обработке: в четырех случаях это был алевролит, а в одном – доломит (определение выполнено на геологическом факультете МГУ инженером Е.Ю. Охапкиной).

Негативы вырезались обычно на двух широких гранях формы, в коллекции отмечен только один случай использования боковой грани. Для получения ушек или петелек использовали стержни, для которых на створках форм (обычно оборотных) вырезали специальные каналы. В некоторых случаях для симметричного совмещения двух створок формы на ребрах боковых граней основной створки делались специальные небольшие риски.

Литниковая часть и каналы вырезались, судя по всему, только на основных створках форм, где располагались негативы изделий. Из двух створок с негативами петель крепления на одной литниковая система отсутствовала вообще, а на другой литник был лишь едва намечен и никак не соединен с негативами.

Как правило, к негативу подводился только один канал: это было обусловлено размерами и формой отливавшихся изделий. Лишь в одном случае при изготовлении ажурной пластины к негативу были подведены сразу два литниковых канала, чтобы обеспечить равномерное заполнение полости металлом.

Глиняные формы, а их в коллекции насчитывается 12, представляют собой небольшие прямоугольные или квадратные керамические бруски. По величине они немного уступают каменным формам, их размеры в среднем 30–38 × 30–39 × 13 мм. Необходимо отметить, что форма этих изделий, фактура поверхности, размещение литниковых систем настолько напоминают каменные аналоги, что на стадии полевой обработки материалов эти формы иногда ошибочно атрибутировали как каменные.

Все формы имеют характерные широкие литниковые чаши, диаметр которых 18–24 мм. Длина литниковых каналов приблизительно одинакова и составляет 5–8 мм. Литниковые каналы, чаши и каналы для вставок прорезались: на них хорошо заметны следы, оставленные кончиком режущего инструмента. На поверхности трех форм заметны еле различимые следы залощенности. Технологическому исследованию были подвергнуты семь образцов. Для изготовления форм использовались разные источники сырья, о чем свидетельствует разный качественный состав естественных примесей в глине. Кроме того, отмечен один случай смешения двух глин – ожелезненной и неожелезненной. В одном образце отмечены нерастворившиеся округлые комочки глины, которые свидетельствуют о высушивании и дроблении исходного сырья. Формовочная масса пяти образцов составлена по рецепту: глина + + раствор органического происхождения. Кроме того, в шести образцах отмечена незначительная примесь неопределенной органики, характер этой примеси (естественный или искусственный) не установлен (*Лопатина*, 2002).

Планиграфические и стратиграфические обстоятельства находок литейных форм следующие. Три каменные и одна глиняная литейные формы были найдены рядом друг с другом на участке площадью 4 м^2 в западной части раскопа на отметках –114–130, т.е. не глубже, чем 20 см от поверхности, существовавшей на городище до раскопок XIX в. По всей вероятности, эти формы составляют синхронную группу, связанную с деятельностью одной мастерской. На удалении 15 м от этого скопления форм в северо-восточном углу раскопа были найдены еще

две каменные формочки (рис. 170). Одна из них, возможно, была переотложена в «последьяковское» время, а другая находилась в зольнике, накопление которого происходило в финальный период функционирования городища. Происхождение этого зольника не вполне ясно, возможно, в это место выносили золу из построек. Таким образом, можно допустить, что литейная формочка была перемещена в зольник вместе с золой и мусором из какого-то другого места на городище.

Из глиняных форм лишь две были найдены в непотревоженном слое. Обе находились примерно в центре раскопа, ближе к его южной стенке. Одна из них была найдена на глубине –110. Эта формочка важна тем, что позволяет строить предположение о стратиграфическом положении всех остальных сходных с нею глиняных форм, найденных в перекопах. Кроме того, она почти идентична по конструкции каменной форме из вышеописанного скопления. Другая стратифицированная глиняная форма была найдена несколько ниже, на отметке –150.

Изображения. Негативы на литейных формах можно отнести к следующим типам.

1. Негативы для петель крепления. Образуют наиболее многочисленную группу. Встречены на 11 формах, в том числе на двух каменных и девяти глиняных. Негативы этого типа вырезались на оборотных створках форм и предназначались для изготовления петель крепления, располагавшихся на тыльной стороне нашивных бляшек, или ушек подвесок. Негативы петель крепления в виде неглубоких углублений полусферической или вытянутой формы располагались в один или два ряда. Через каждый ряд проходил канал, в который при отливке помещался стержень: так в изделиях получали отверстие. В одном случае негативы, располагавшиеся в два ряда, были попарно соединены дополнительными вертикальными каналами. Аналогии представлены на городищах Ростиславль (*Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009. Рис. 5), Огубское (*Никольская*, 1959. Рис. 36, *6*), Троицкое (Древнее поселение..., 1970. Табл. 20, *2*), Боршева (*Крис*, *Чернай*, 1980. Рис. 1, *7*).

2. Круглые выпуклые нашивные бляшки. Представлены тринадцатью экземплярами на трех каменных формах. Диаметр колеблется в пределах 3,5–7 мм. Один из наиболее распространенных типов. На москворецких памятниках встречен еще трижды: на городищах Троицкое (Древнее поселение..., 1970. Табл. 30, *5*), Луковня (*Векслер*, 1970. Табл. VII, *1*) и Боршева (*Крис*, 1976. С. 29). Аналогичные формы известны на целом ряде раннеславянских памятников (*Хавлюк*, 1963. С. 335, 346, рис. 14, *7*; *Винокур*, 1997. С. 73, 81, 86, 87; *Ауліх*, 1972. С. 75, табл. XIV, *5*; *Щеглова*, 2002). Формы этого типа есть среди находок на Огубском городище (*Никольская*, 1959. С. 102, 103, рис. 35, *1*; 36, *6*). Отливки аналогичных бляшек, изготовленных из свинцово-оловянных сплавов, представлены в кладах из Больших Будков (*Горюнова В.М.*, 1987. С. 86, рис. 1, *1*), Новой Одессы, Козиевки (*Корзухина*, 1996. С. 396, табл. 46, *7, 8*; 54, *40*). Оловянные бляшки диаметром 3–4 мм, служившие для расшивки одежды, известны в материалах культуры рязано-окских могильников (*Ахмедов*, *Белоцерковская*, 1996. С. 127; *Белоцерковская*, 1998. С. 40; *Тавлинцева*, 2000).

3. Мелкие нашивные бляшки-розетки. В коллекции с Дьякова городища есть две формы с подобными негативами. В одном случае изображения двух розеток были встречены на одной каменной форме с круглыми выпуклыми бляшками (№ 1372). Диаметр каждого из украшений – 0,5 см. Еще одна глиняная форма с негативом бляшки-розетки была найдена на городище С. Пахтуновым в 1971 г. (б/н-71). Судя по всему, диаметр изделия не превышал 5–6 мм. Литейные формы с изображениями подобных розеток, равно как и их отливки, известны на достаточно обширной территории (*Щеглова*, 2002; *Дайга*, 1960. С. 88, рис. 5, *1–7*; *Горюнова В.М.*, 1987. Рис. 1, 2). В Москворечье глиняные формы для отливки подобных бляшек были найдены на городищах Луковня (*Векслер*, 1982. Табл. XVI, *1*) и Успенское (раскопки Ю.А. Краснова 1961 г.). Следует отметить, что в последнем случае форма была отнесена автором раскопок к комплексу находок древнерусского времени (*Краснов*, 1961. С. 16, 17, табл. XXVIII, 1; XXXIII). Фрагмент формы для отливки розетки более крупного диаметра происходит из верхнего слоя Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. С. 241, табл. XVII, *7*). Похожая глиняная форма была найдена в верхнем слое рязанского могильника Ундрих (*Макаров М.М.*, 1981. Табл. 57, *6*).

4. Формы для отливки ворворок. Тип представлен в коллекции глиняным бруском прямоугольной формы с конусовидным выступом в центре высотой 7 мм (№ 9). Верхняя часть формочки обломана у литниковой чаши, плавно переходящей в литниковый канал, который обрывается на расстоянии 5 мм от конусовидного выступа. Формы аналогичной конструкции известны по материалам таких памятников, как Бернашевка и Осечен (*Винокур*, 1997; *Исланова*, *Мирецкий*, 1997. С. 15, рис. 2, *1*). Подобные подвески усеченно-конической формы с отверстием в верхней части, отлитые из свинцово-оловянных сплавов, встречены в составе кладов из Новой Одессы, Козиевки, Смородино, Нижней Сыроватки (*Корзухина*, 1996. Табл. 46, *11–14*; 54, *15–23*; 60, *8–11*; 61, *4*) и Гапоновского (*Гавритухин*, *Обломский*,

2009. Рис. 2, *26, 27, 32*). В бассейне Москвы-реки створка каменной формы для изготовления ворворки с вырезанным негативом изделия известна на городище Луковня (*Векслер*, 1976. Табл. 2, *3*).

5. Прямоугольные пластины с конусовидными выступами. В коллекции с Дьякова городища встречена единственная форма для отливки двух пластин данного типа. Длина пластинок неизвестна, так как часть литейной формы утрачена, ширина составляет 5 мм, диаметр конусовидных выступов – 3 мм (№ 262). Незаконченное изображение похожего изделия известно на каменной литейной форме со Шербинского городища, найденной в верхнем горизонте памятника (*Смирнов К.А.*, 1974. С. 88, табл. IX, 4; МИГМ ОФ24665/1389). К этому типу близок негатив тонкой миниатюрной продолговатой пластинки шириной 4 мм с мелкими полусферическими выпуклостями, диаметром всего 1,5 мм (№ 32). Изображение из верхнего слоя Дьякова городища, вырезанное наискосок на боковой стороне каменной формы, не закончено, литниковая система отсутствует, что свидетельствует в пользу того, что перед нами либо заготовка, либо своеобразная «проба пера».

6. Ажурная пластина из переплетенных линий (цепедержатель?). Изображение встречено пока только в одном экземпляре (№ 32). Полная длина изделия неизвестна, так как часть формы утрачена. В качестве возможной аналогии нужно отметить заготовку литейной формы, найденную на городище Луковня: разметка одного из негативов напоминает наш экземпляр (*Векслер*, 1976. Табл. 2, *6*). Близка по узору литейная форма с городища Рыуге в Эстонии (*Шмидехельм*, 1959. Табл. V, *7*).

7. Вытянутые прямоугольные бляшки, сужающиеся в верхней части (треугольное или закругленное завершение). По периметру идет «рамка» из рубчиков, поле бляшки разделяют перекрещивающиеся диагонали из таких же рубчиков. Представлены двумя негативами, встреченными на одной форме (№ 32). Аналогичные изображения известны на формах, найденных на селище Подол III (*Фурасьев*, 1996. С. 18, рис. 11, *9, 11*), городище Осечен (*Исланова*, *Мирецкий*, 1997. С. 15, рис. 2, *3*) и в длинном кургане Арнико (*Моора*, 1963. Рис. 1, *1; Седов*, 1974. Табл. 27, *1*).

8. Вытянутые прямоугольные накладки с поперечными линиями по краям. Три экземпляра представлены на одной каменой форме в сочетании с прямоугольными бляшками с сужающимся верхом и ажурной пластиной (№ 32). Во всех трех случаях сохранились лишь верхние края накладок, украшенные пятью или четырьмя поперечными углубленными линиями. Все три изображения отнесены О.А. Щегловой к типу вытянутых прямоугольных накладок с редкими поперечными линиями (2002. С. 144). В бассейне Москвы-реки литейные формы с подобными негативами (рис. 171) найдены на городищах Луковня (*Векслер*, 1976. Табл. 2, *1*) и Щербинское (*Смирнов К.А.*, 1974а. С. 88). В первом случае негативы накладок сохранились целиком. Длина накладок около 3 см. Они немного отличаются от образцов, известных в более южных памятниках. Судя по всему, эти изображения следует выделить в отдельный вариант, к которому кроме негативов с Луковни и, предположительно, с Дьякова и Щербинского городищ (изображения сохранились частично), можно отнести негативы на формах с городищ Кикинское (*Вишневский*, 1998. Рис. 2, *22*), Осечен (*Исланова*, *Мирецкий*, 1997. С. 15, рис. 2, *2*) и Хлепень (*Смирнов К.А.*, 1974. Табл. 19). Картографирование находок показывает, что находки данного варианта концентрируются в Москворечье и на Верхней Волге. Однако известны и удаленные похожие находки на городище Рыуге в восточной Эстонии (*Шмидехельм*, 1959. Табл. V, *6а, 10*).

9. Ложнозерненые бляшки. К этому типу относятся четыре негатива, размещенные в два ряда на одной плоскости каменной формы (№ 338). Характер изображений не вполне ясен. Каждый из негативов представляет собой пять шариков зерни диаметром 1 мм, сгруппированных в виде бантика. Негативы соединены попарно вертикальными каналами. В том случае, если вертикальные каналы были частью негативов, последние могут интерпретироваться как изображения двух бляшек в виде продолговатых колодочек, края которых украшены шариками ложной зерни. Конструкция формы свидетельствует о том, что готовые изделия имели специальные ушки для пришивания: на ребрах боковых граней формы на уровне центральной части негативов справа и слева сделаны по две небольшие риски. Подобные зарубки делались, по-видимому, для точного совмещения негативов на двух створках формы. В бассейне Москвы-реки негативы изделий, украшенных шариками ложной зерни, известны на глиняной и каменных формах с городища Луковня (*Векслер*, 1976. Табл. 2, *6*; XVI, *2*). Похожие негативы (рис. 171) есть на формах из Бернашевки (*Винокур*, 1997. С. 69, 89) и Старой Ладоги (*Давидан*, 1980. С. 60, табл. 1, 2).

10. Нашивные бляшки в виде колодочек с округлыми утолщениями на концах. К этой группе можно отнести изображения на каменной форме, представляющие собой шесть маленьких полусферических углублений диаметром 2,5 мм, расположенных попарно в два ряда. Каждая пара соединена небольшим

вертикальным каналом (№ 1421). Точно такая же формочка была найдена на городище Луковня (МИГМ ОФ 24679/1619). Близкие изображения известны на одной из форм с городища Осечен (*Исланова*, *Мирецкий*, 1997. С. 15, рис. 2, *1*), в Прибалтике (*Моора*, 1963. Рис 2, *3*).

Анализ негативов на формах, найденных на позднедьяковских памятниках Москворечья и сопоставление их с находками с других памятников Восточной Европы позволяет сделать вывод, что разъемные глиняные и каменные формы, происходящие из верхних слоев городищ, были связаны с традицией литья мелких украшений из свинцово-оловянных сплавов (*Горюнова В.М.*, 1987. С. 89; *Шаблавина*, 1999; *Щеглова*, 2002). К сожалению, в материалах позднедьяковских памятников Москворечья неизвестны образцы отливок, изготовленных в таких формах. Однако они есть на других территориях, в том числе в культуре рязано-окских могильников, ближайшего юго-восточного «соседа» дьяковского населения, что позволяет с известной долей осторожности предположить, что изделия из свинцово-оловянных сплавов могли производиться и на позднедьяковских памятниках бассейна Москвы-реки.

Ассортимент изделий, отливавшихся в формах, найденных на Дьяковом городище, был достаточно широк, но в целом это разнообразные мелкие украшения: подвески, нашивные бляшки, накладки и т.п. Археологические материалы свидетельствуют о том, что ряд подобных изделий (круглые выпуклые нашивные бляшки, бляшки-розетки и др.) использовались при изготовлении своего рода металлической аппликации, которой по традиции того времени украшалась одежда. В лесной и лесостепной зонах Восточной Европы подобная традиция использования мелких металлических нашивных украшений существовала давно и была известна у населения целого ряда археологических культур (*Горюнова В.М.*, 1987; 1992. С. 131). Наличие форм для отливки подобных изделий на Дьяковом городище достаточно надежно документирует существование аналогичной традиции у населения бассейна Москвы-реки.

Большая часть негативов на формах с Дьякова городища типична для лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где они встречаются на памятниках второй половины I тыс. н.э. Семь из девяти негативов находят аналогии в других регионах, в том числе значительно удаленных от рассматриваемой территории.

Общие типы украшений, таких как прямоугольные бляшки с зауженным верхом и вытянутые прямоугольные накладки с редкими поперечными линиями по краям пластины, указывают на сходство материалов Дьякова городища и памятников Верхней Волги (Подол III, Осечен, Хлепень, Кикинское городище) второй половины I тыс. н.э., что может указывать на направление культурных контактов. В то же время в коллекции с Дьякова городища широко представлены негативы, отнесенные О.А. Щегловой к группе общих, «сквозных» типов украшений, распространенных не только на северо-западе, но и в южной части Восточной Европы, например, бляшки-розетки и круглые выпуклые нашивные бляшки (*Щеглова*, 2002).

Кроме Дьякова городища находки аналогичных каменных и глиняных литейных форм известны на целом ряде москворецких городищ (Троицкое, Луковня, Щербинское, Успенское, Боршева), а также в Поочье (городища Ростиславль, Огубское и др.). В Москворечье традиция использования составных литейных форм, предназначавшихся для производства разнообразных мелких украшений, носила скорее всего заимствованный характер. В I–IV вв. н.э. литейные формы вышеописанного типа на позднедьяковских памятниках неизвестны. В то же время следует отметить, что в материалах дьяковских городищ известен ряд ювелирных изделий, которые были отлиты в составные формы. Большая их часть представляет собой импортные предметы (*Сапрыкина*, 2006. С. 18–19).

Таким образом, очень вероятно, что серия находок разъемных каменных и глиняных литейных форм фиксирует распространение новой культурной традиции, происходившее в начале третьей четверти I тыс. н.э. В то же время нельзя исключать того, что изготовление свинцово-оловянных украшений существовало на дьяковских городищах и в более ранний период. Необходимо отметить, что наиболее ранние экземпляры льячек со втулкой в рукояти, использовавшихся, как предполагается, для отливки изделий из сплавов с низкой температурой плавления, известны на Дьяковом городище в слоях, относящихся к позднеримскому времени. Этим же временем датируются в рязано-окских могильниках наиболее ранние дошедшие до нас образцы свинцово-оловянного бисера – мелких бляшек, которыми расшивалась одежда (погребение 42 Кошибеевского могильника, раскопки Спицына, III в.) (*Тавлинцева*, 2000. С. 113, 114). Как выглядели формы для отливки свинцово-оловянных украшений III–IV вв. на сегодняшний день не совсем понятно. Литейные формы, найденные в верхнем слое Дьякова городища, вне всякого сомнения, относятся к более позднему периоду. Наличие в верхних слоях позднедьяковских городищ как каменных, так и глиняных литейных форм, в

целом однотипных, предназначавшихся зачастую для отливки одних и тех же украшений, но различающихся по материалу изготовления, предполагает существование на памятнике двух различных ремесленных традиций. И если глиняные литейные формы можно хотя бы приблизительно связать с предшествующей традицией (все известные на сегодняшний день литейные формы, относящиеся к раннедьяковскому времени (селище Дубровицы II, Щербинское, Мутёнковское и Дьяково городища), были изготовлены из глины), то каменные формочки представляют собой безусловно чужеродный элемент, корни которого, по-видимому, следует искать на других территориях и появление которого в бассейне Москвы-реки может быть связано с приходом сюда каких-то новых групп населения. Безусловно, важным для нас в этом контексте представляется тот факт, что в более западных по отношению к Москворечью областях в указанный период (третья четверть I тыс. н.э.) распространены именно каменные формы. Сейчас известно лишь одно исключение: с селища Подол III происходят две формы, с негативами прямоугольных пластин с сужающимся завершением, которые аналогичны найденным на Дьяковом городище. Одна форма была изготовлена из камня, другая – из глины.

Для памятников Москворечья более характерны глиняные формы, каменные встречаются реже, хотя негативы на глиняных и каменных формах часто совпадают. В этой связи чрезвычайно важно, что негативы украшений, указывающие на возможную связь с бассейном Верхневолжья (прямоугольные бляшки с сужающимся верхом и вытянутые прямоугольные накладки с редкими поперечными линиями по краям пластины), встречались на городищах Москвы-реки только на каменных формах. На Дьяковом городище форма с подобными негативами происходит из скопления, состоявшего из трех каменных и одной глиняной форм, найденных рядом друг с другом на участке площадью 4 кв. м. Отметим, что при очевидном сходстве рецептуры формовочной массы (глина + раствор органического происхождения) глиняная форма из этого скопления существенно отличалась от остальных глиняных форм с Дьякова городища способом подготовки исходного сырья. Это единственный случай, когда глиняное сырье высушивалось и дробилось, в то время как во всех остальных случаях оно было использовано во влажном состоянии (*Лопатина*, 2002. С. 112).

Учитывая уже отмечавшееся выше сходство глиняных формочек с каменными, а также то, что в Москворецко-Окском бассейне для изготовления литейных форм гораздо более традиционным было использование глины, можно высказать осторожное предположение, что глиняные формы третьей четверти I тыс. н.э. вторичны по отношению к каменным и представляют собой результат переработки заимствованной технологии на основе местных традиций ювелирного производства.

Таким образом, для памятников Москворецкого бассейна каменные и глиняные разъемные формы, относящиеся к описанному выше типу, могут рассматриваться как своеобразные хронологические маркеры третьей четверти I тыс. н.э. Вопрос заключается в том, следует ли датировать находки формочек V–VI вв. или более поздним временем?

О.А. Щеглова отмечала, что традиция изготовления мелких нашивных украшений из свинцово-оловянных сплавов в VI–VII вв. зафиксирована на раннесредневековых славянских памятниках Румынии, Поднестровья, Побужья. Одним из важнейших путей проникновения этой традиции на север был днепровский и далее на Верхнюю Волгу и Мологу (*Щеглова*, 2002. С. 146).

Привязка литейных формочек с городища Ростиславль к слою пожара, ориентировочно датированного V в. н.э., возможна, но не может быть строго доказана (*Тавлинцева*, *Лопатина*, 2009). На Дьяковом городище формочки найдены в одном контексте с керамикой, очень близкой к керамике слоя пожара Ростиславля.

Стратиграфические наблюдения, сделанные на Дьяковом городище, позволяют с надежностью определить «terminus post quem» для литейных форм. Они залегали явно выше, чем находки круга выемчатых эмалей. Следовательно, формочки моложе IV в. н.э. Надо отметить, что на Дьяковом городище помимо литейных формочек имеется ряд предметов, явно привезенных, имеющих параллели в культуре длинных курганов (бронзовые накладки-вайнаги, бубенчики с полями). Начальная дата этого круга памятников – VI–VII вв. н.э. (*Седов*, 1974. С. 34) – получила подтверждение и в радиоуглеродных датах (*Попов*, 1990; *Попов и др*., 1991). Современные исследователи датируют VI в. комплексы длинных курганов (например, Березно 1, курган 6), дающие параллели с Дьяковым городищем (*Михайлова*, 2009. С. 15).

Для датировки литейных форм с Дьякова городища важно их сравнить с наборами форм, найденными на памятниках Волго-Окского региона и имеющими относительно четкие датировки – это селище Юрьевская горка, Ратьковский могильник, Сарское городище. Из этой группы памятников наиболее близки к дьяковской коллекции формочки из Юрьевской горки. Набор литейных форм с Сарского городища и из Ратьковского могильника

и их конструктивные особенности имеют отличия от форм Дьякова городища. В качестве признака, наиболее бросающегося в глаза, отметим наличие нескольких длинных, доходящих почти до противоположного края формы, веерообразно расходящихся литниковых каналов.

Нижнюю дату Ратьковского могильника В.И. Вишневский по вещевым аналогиям отнес к VI–VII вв. (*Вишневский и др*., 2007. С. 96). Не исключено, что на этом памятнике присутствуют материалы и V в. н.э., судя по находке крестовидной окской фибулы (*Ахмедов*, 2008). Начало Сарского городища А.Е. Леонтьев датирует VII в. н.э. (1996. С. 187). Эти данные дают некоторое основание думать, что комплекс форм с Дьякова городища не заходит в VII–VIII вв.

Глава четвертая

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ

Наиболее детальное описание дьяковской керамики выполнено в работах И.Г. Розенфельдт (1970; 1971; 1974). Ею был выделен набор признаков и создана классификационная схема. Однако иерархическая по структуре классификационная схема И.Г. Розенфельдт не очень удобна для использования. Достаточно сказать, что для описания примерно ста целых форм и крупных фрагментов со Щербинского городища И.Г. Розенфельдт выделила более 60 классификационных единиц (1974). Схема И.Г. Розенфельдт состоит из пяти иерархических уровней: группа, тип, подтип, вариант, вид, но таксономическая значимость признаков, на основании которых создавалась иерархическая классификация, не аргументирована.

И.В. Исланова учла опыт предшествовавших попыток классификации дьяковской керамики и предложила подход, удобный для работы с фрагментированным материалом (2001; 2008). Этот подход заключался в выделении некоторых ведущих стилеобразующих признаков морфологии верхней части горшков. На основании этих признаков И.В. Исланова разделила всю керамику на десять групп или «стилей». Выделенные группы были сведены в пять «наборов» (высший классификационный уровень). При выделении наборов помимо морфологии учитывались данные об орнаментации, и особое внимание уделялось морфологическим признакам, указывающим на сходство с керамикой археологических культур, смежных с дьяковской. Так были выделены «набор среднетушемлинского круга», «набор мощинского круга» и т.д. (*Исланова*, 2008. С. 37, 38).

Описание коллекции с Дьякова городища велось «по признакам», характеризующим способ обработки поверхности, форму, орнаментацию, размеры сосудов.

Керамика из погребенной почвы («слой Г»)

Коллекция керамики из погребенной под культурным слоем почвы (раскопки 1981–1984 гг.) состоит из 265 фрагментов. Целых форм в коллекции нет, есть лишь несколько сравнительно крупных фрагментов (рис. 172, 173).

Размеры. Имеются маленькие сосуды объемом 150–200 миллилитров; средние объемом 1–3 литра; крупные – более 5 литров. О количественном соотношении между этими группами можно судить ориентировочно по диаметрам венчиков (табл. 19).

Форма. Все сосуды из погребенной почвы относятся к горшкам. Максимальное расширение приходится на верхнюю часть тулова. Короткий венчик обычно отогнут наружу, иногда он почти прямой. У некоторых горшков выделены плечики. По И.В. Исланова, данная керамика, имеющая S-видную профилировку венчика, объединена в группу 3 (*Исланова*, 2008). О.А. Лопатина классифицировала формы сходных горшков из группы каширских городищ по методике А.А. Бобринского, когда сосуд рассматривается как совокупность элементарных функциональных частей. По О.А. Лопатиной (2009а), сосуды, аналогичные керамике из погребенной почвы Дьякова городища, объединены в группы 1 и 2 (губа+щека+ +плечо; губа+шея/щека+плечо).

Характер обработки поверхности. Керамика из погребенной почвы делится на гладкостенную и текстильную. На некоторых гладкостенных фрагментах видны бороздчатые следы сглаживания гребенчатым инструментом. Иногда такую керамику ошибочно называют штрихованной, что вносит путаницу в терминологию. Переплетение текстиля обычно мелкоячеистое. Характерны также «стежковые», по классификации И.Л. Черная (1981. С. 72), и ниточно-жгутовые отпечатки. Причем в ряде случаев можно было отчетливо проследить, что параллельно расположенные «жгуты» были организованы в «систему», соединялись переплетающими их по диагонали более тонкими нитями (рис. 173, *б*). Наиболее детально подобные отпечатки были изучены Б.А. Фоломеевым (1998). Встреченные на Дьяковом городище образцы соответствуют отпечаткам, классифицированным Б.А. Фоломеевым как тип 4 (ниточно-жгутовые) и тип 5 (ниточно-шнуровые). Эксперименты, проведенные Байбой Думпе, пока-

зали, что сходные оттиски получаются при прокатке по поверхности сосуда шнура, плетенного из нескольких нитей (*Dumpe*, 2006). К аналогичным выводам пришла и О.А. Лопатина (Лопатина, 2009а).

Соотношение керамики с различными типами обработки поверхности представлено в таблице 20.

Орнаментация. Керамика из погребенной почвы орнаментировалась преимущественно «наклонными тычками» (вдавления наносились предметом типа узкой щепки, поставленной под углом к стенке сосуда) и отпечатками гребенчатого штампа. Круглые ямки, выполненные предметом, поставленным перпендикулярно стенке сосуда, более редки.

Об орнаментальных композициях из-за малочисленности фрагментов судить трудно. Ясно лишь, что орнамент, выполненный техникой наклонных тычков, наносился преимущественно на перегибе плечиков под венчиком. Тычки образовывали один или два ряда. Характер оттисков, выполненных гребенчатым штампом, позволяет допустить, что штамп был округлой формы и прокатывался по поверхности сосуда. В результате в центре оттиска ямки более глубокие, а по краям постепенно сходят на нет. Возможно, для этого использовались роговые «грузики» (предположение О.А. Лопатиной). Отпечатки штампа обычно образовывали несколько параллельных линий, расположенных под острым углом к горизонтальной поверхности. Характерно также подчеркивание штампом перегиба шейки, отпечатки штампа образуют горизонтальную линию. От этой линии под острым либо под прямым углом отходили вниз дополнительные оттиски.

Керамика подобного типа на москворецких памятниках впервые была описана Ю.А. Красновым по материалам раскопа на Саввино-Сторожевском городище и отнесена им к эпохе переходной от поздней бронзы к железу (*Краснов Ю.А.*, *Краснов Н.А.*, 1963. С. 208). Аналогии имеются на Климентовской стоянке, расположенной на Оке (*Фоломеев и др.*, 1988), Зареченской стоянке на р. Шерне (раскопки Е.И. Дикова 1968 г.). Е.И. Диков и В.М. Раушенбах употребляли для описания керамики данного типа термин «преддьяковская». В настоящее время в бассейне Москвы-реки известно более трех десятков памятников с аналогичными находками. Это городища и неукрепленные поселения, где наряду с вышеописанной керамикой встречаются и кремневый инвентарь, каменные топоры (*Кренке и др.*, 2010). На поселении Царицыно 1 по нагару с керамики, орнаментированной наклонными тычками, была получена радиоуглеродная дата 2615±30, калиброванное значение которой – 817–790 гг. до н.э. (*Кренке*, 2008. С. 68). Практически идентичные датировки были получены по древесным углям и костным остаткам из комплексов поселений Царицыно 1, Чертов городок, городищ Селецкое и Дютьково с аналогичной керамикой (табл. 21). Кучность радиоуглеродных датировок свидетельствует в пользу достоверности определяемого по ним возраста археологических объектов. В данном случае есть все основания думать, что керамика попала в погребенную почву Дьякова городища во второй четверти I тыс. до н.э. Может быть, нижнюю дату следует опустить до рубежа IX–VIII вв. до н.э.

Вышеописанный комплекс частично соответствует «набору керамики с гребенчатым орнаментом», по И.В. Ислановой (2008. С. 37). Отличие заключается в том, что для комплекса керамики из погребенной почвы с Дьякова городища характерен не только гребенчатый штамп, но и орнаментация наклонными тычками.

Керамика с гребенчатым орнаментом типична для древнейших слоев городищ, расположенных на правом берегу каширского течения р. Оки (*Лопатина*, 2009). Причем здесь доминирует гладкостенная керамика, гребенчатый орнамент на текстильной керамике не встречается (*Лопатина*, 2009. С. 419).

Для памятников финала бронзового века, таких как стоянки Плещеево III и Веськово 1 на оз. Плещеево, характерна керамика с текстильными отпечатками на поверхности, гребенчатым штампом и круглыми ямками (*Никитин*, 1976; *Вишневский*, 1990).

На памятниках со слоями эпохи поздней бронзы, расположенных к востоку от Москвы-реки, типична керамика с текстильной поверхностью, орнаментированная круглыми ямками и наклонными тычками, гребенчатый штамп редок. Это Тюков городок (*Фоломеев*, 1975), Зареченская стоянка на р. Шерне.

Таким образом, комплекс керамики из погребенной почвы Дьякова городища демонстрирует смешение нескольких традиций: 1) гладкая керамика + + гребенчатый штамп; 2) текстильная керамика + наклонные тычки; 3) текстильная керамика + круглые ямки + гребенчатый штамп. Такое смешение традиций соответствует срединному положению Дьякова городища по отношению к памятникам Оки, Мещеры, бассейну Верхней Волги. Можно предположить, что в бассейне Москвы-реки на рубеже бронзового и железного веков шел процесс культурной интеграции.

Керамика из нижнего слоя («слой В»)

Коллекция керамики из нижнего слоя состоит из 15 тысяч фрагментов. Около 30 сосудов удалось склеить до полного профиля или до такой степени, что профиль графически достоверно реконструируется (рис. 174–188).

Размеры. Объем измеренных сосудов из нижнего слоя колеблется от 220 мл до 27 л (табл. 22).

Ошибка измерений не превышала 10%. Как видно по таблице, значения объемов сосудов располагаются неравномерно в интервале 220 мл – 27 л, а группируются в определенных более узких интервалах: 1) менее 0,5 л; 2) около 1 л; 3) около 2 л; 4) 3–5 л; 5) 8–9 л; 6) 12–16 л; 7) 27 л. Учитывая, что количество измеренных сосудов не так уж мало, а размеры «пустых» интервалов достаточно велики, можно предположить, что вышеперечисленные группы не случайны, а отражают реально существовавшие стандарты.

Привлечение массового фрагментарного материала позволяет сделать приближенную оценку количественного соотношения крупных и маленьких сосудов в составе керамического комплекса нижнего слоя (табл. 23). Возможность такой оценки основана на том, что форма сосудов из нижнего слоя очень проста и наблюдается тенденция увеличения диаметра венчика по мере увеличения объема сосудов. По диаметру венчика можно уверенно отличать выделенные размерные группы, которые не являются смежными, например, первую от третьей или третью от пятой и т.д.

Распределение венчиков по размерам позволяет сделать заключение, что маломерные сосуды первой размерной группы составляли лишь около 5% комплекса; средние сосуды объемом 1–5 л составляли около 55% комплекса, а на долю крупных, объемом 8–16 л, приходились остальные 40%. Горшки объемом более 20 л были очень редки.

Форма. При описании формы наибольшее значение имеют линейные метрические характеристики и соотношения между ними – пропорции сосудов, а также характер изогнутости линии профиля. Метрические характеристики и пропорции сосудов из нижнего слоя приведены в таблицах 24 и 25. Подсчет соотношения высота общая/диаметр максимальный показал, что значение этого показателя колеблется в пределах 0,5–1,4. Наблюдаются некоторые различия в значении этого показателя у сосудов разных размеров. Небольшие сосуды более приземисты (миско-горшки). Крупные сосуды более вытянуты, у них общая высота ($Н_{общ}$) примерно равна максимальному диаметру ($Д_{макс}$). Сосуды из самой верхней части нижнего слоя отличаются наибольшими значениями соотношения общей высоты и максимального диаметра ($Н_{общ}/Д_{макс}$) в соответствующих размерных группах, что показывает направление эволюции формы.

Подсчеты соотношений высоты общей и максимальной ($Н_{общ}/Н_{макс}$); диаметров венчика и максимального ($Д_{венч}/Д_{макс}$) дали маловариабельные результаты, что указывает на высокую степень стандартизации форм. Можно отметить также, что диаметр донцев варьировал значительно меньше, чем высота сосудов, объем, максимальный диаметр. Видимо, донце при формовке лепилось отдельно, и существовал определенный стандарт размера, который мало зависел от остальных размеров сосуда. Для горшков из нижнего слоя характерны донца диаметром 10–16 см. Крупные горшки имели усеченно-коническую форму, их верхний диаметр был значительно больше, чем диаметр дна.

Линия профиля. Сосуды из нижнего слоя относятся к непрофилированным. По классификации О.А. Лопатиной, они относятся к группам 3–5 (*Лопатина*, 2009. Рис. 5), по И.В. Исламовой (2008) – к группе 1. Шейка у них отсутствует (исключение составляют сосуды из верхней части слоя). Максимальное расширение в большинстве случаев приходится на 2,5–6 см ниже обреза венчика. Вероятно, это расстояние соответствует ширине глиняной ленты, употреблявшейся при формовке сосуда. Процесс лепки сосуда можно представить следующим образом: сначала изготавливалась усеченно-коническая емкость (в редких случаях на этом процесс формовки заканчивался). Затем прикреплялась верхняя глиняная лента, образовывавшая венчик. Она обычно слегка загибалась вовнутрь, а потом самый край венчика мог быть отогнут наружу. Эта последняя деталь, возможно, была обусловлена технологией изготовления. Так, у сосуда № 26 под отгибом венчика прослеживались следы веревки, которая видимо, использовалась при формовке горшка. Небольшой отгиб самого края венчика был необходим для того, чтобы веревка не соскальзывала.

В целом форма посуды из нижнего слоя отличается ярко выраженным стилистическим единством. В пропорциях наблюдаются небольшие отличия между горшками маленьких и больших размеров. Исключение составляют некоторые сосуды из самой верхней части нижнего слоя. Они более вытянуты, венчик у них плавно отогнут наружу, имеется шейка. По-видимому, в финальный период отложения нижнего слоя начинает формироваться новый стиль оформления посуды.

На основании общей формы и особенности профилировки венчика можно выделить несколько типов.

Тип 1. Усеченно-конические. Вариант «а», венчик не выделен (№ 35, 40); вариант «б», венчик выделен слабым отгибом (№ 37).

Тип 2. Усеченно-конические с перегибом. Выделено плечо и венчик почти прямой (№ 33, 55).

Тип 3. Округлобокие закрытые. Вариант «а», венчик не выделен (№ 31, 38, 39 и пр.); вариант «б», венчик слегка отогнут наружу (№ 44, 43, 26).

Между типами 2 и 3 имеются переходные формы (№ 28, 54).

Тип 4. Баночные, венчик слегка отогнут наружу (№ 59). Встречен только в верхней части нижнего слоя.

Тип 5. Ведрообразные. Сосуды обладают высокими пропорциями, диаметр максимального расширения превосходит диаметр дна не более чем в два раза. Вариант «а» – венчик короткий, почти прямой, выделен слабо (№ 53); вариант «б» – венчик дугообразно отогнут наружу (№ 62, 63). Вариант «б» встречен только в верхней части нижнего слоя.

Обработка поверхности. По характеру обработки поверхности керамика из нижнего слоя делится на три группы: текстильную, гладкостенную и рогожную. Доля рогожной керамики минимальная (0,3%). Всего было найдено 47 фрагментов с отпечатками рогожи, вероятно, от одного сосуда, разбитого в период отложения верхнего горизонта нижнего слоя. Отпечатки не очень четкие, имеют вид системы «квадратиков», организованных в ряды. Обнаружение единичных фрагментов рогожной керамики на Дьяковом городище хорошо согласуется с имеющимися данными по городищам нижнего течения Москвы-реки. Здесь количество рогожной керамики колеблется в пределах 0,5–1%, и она также залегала в верхней части раннедьяковских слоев (*Сыроватко*, 2009. С. 172). Эти находки могут рассматриваться как результат контактов с населением средней и нижней Оки.

В таблице 26 приведены количественные данные о соотношении текстильной и гладкостенной керамики. Текстильная керамика, безусловно, доминирует (80%). Никаких различий в форме гладкостенной и текстильной керамики не прослеживается. Фактура текстиля, который отпечатался на керамике из нижнего слоя, относится к крупно- и среднеячеистой, по определению И.Л. Черная. В коллекции представлены «рябчатые» и «нитчатые» отпечатки. К первым относятся те, где система параллельных нитей не прослеживается, а ко вторым – отпечатки, где они прослеживаются. Нужно отметить, что это разграничение весьма условно. Например, на некоторых сосудах (№ 35) имеются участки, где хорошо видны параллельные нити, а рядом расположены участки, где четкой системы не прослеживается. Можно предположить, что при обработке поверхности ткань прикладывалась полосами, которые заходили друг на друга, затем поверхность частично заглаживалась. Именно поэтому по отпечатку трудно проследить структуру ткани. Вполне вероятна версия, что отпечатки получались путем прокатки плетенного из шнуров валика (*Dumpe*, 2006. Рис. 9). На примере сосуда № 59 хорошо видны следы работы по заглаживанию поверхности с рябчатыми текстильными отпечатками. Усилия мастера были направлены на улучшение прикрепления стенок и дна. По всему периметру придонной части стенки тулова пальцем были нанесены вдавления. Затем рука мастера двигалась по стенке вверх, оставляя параллельные вертикальные полосы от пальцев (рис. 186).

При внимательном рассмотрении большинства рябчатых отпечатков можно увидеть, что они расположены не хаотично, а элементы (вдавления) образуют систему «сетки» (сосуд № 26). Нитчатые отпечатки на керамике нижнего слоя не такие рельефные, как на горшках из погребенной почвы. На примере сосуда № 62 видны большие участки-полосы с отпечатками параллельных нитей. Полосы пересекаются друг с другом под углом, оставляя впечатление, что по поверхности сосуда прокатывали плетеный валик шириной около 10 см.

Дно лепилось, как лепешка, которую разминали, прикладывая к ткани то одной, то другой стороной. Таким образом текстильные отпечатки оказывались на обеих сторонах дна. На примере донца сосуда № 35 хорошо видно, что на поверхности имеются отпечатки систем нитей, ориентированные под углом друг другу. Так могло получиться при неоднократном прижимании глины и ткани со смещением. При соединении дна со стенками мастер проглаживал стык пальцем. В результате получалось кольцо гладкой поверхности по периметру дна (рис. 188).

Очень интересен сосуд № 42. Его поверхность покрыта рельефными расчесами гребенчатым инструментом поверх текстильных отпечатков. Гребенчатый инструмент, видимо, имел восемь зубьев, расположенных с интервалом 4–5 мм, а сами зубья – ширину 1–2 мм. То есть данный инструмент совсем не похож на гребенчатые штампы, которые использовались при обработке поверхности и орнаментации керамики из погребенной почвы. На фото хорошо видно, что следы «редкого гребня» пересекают и заминают текстильные отпечатки на поверхности сосуда. Расчесы гребнем идут под углом друг к другу (рис. 187).

Орнаментация. Около 30% сосудов из нижнего слоя были орнаментированы. Эта цифра была получена следующим образом: был произведен подсчет орнаментированных и неорнаментированных крупных венчиков. Размер выборки – 250 единиц. Такой подход оправдан по отношению к раннедьяковской керамике, так как в большинстве случаев орнаментировалась лишь самая верхняя часть сосудов. Орнамент наносился на 1–5 см ниже обреза венчика. Торец венчика в подавляющем большинстве случаев не орнаментировался. В целом по нижнему слою не более 2% венчиков орнаментировано по торцу. Орнаментировался торец венчика насечками, поперечными вдавлениями, в том числе ногтевыми. Возможно, в самой верхней части нижнего слоя процент венчиков, орнаментированных по торцу, увеличивается, но материал

слишком малочисленный для надежных выводов.

В период отложения нижнего слоя господствовал ямочный орнамент. Обычно ямки имели круглую форму. Вероятно, использовались прутики или кости круглого сечения, которые при некотором подкручивании образовывали ямку-розетку. Гораздо реже ямки наносились предметами прямоугольного сечения. Редкими, но характерными, являются двудольные оттиски, наносившиеся расщепленным круглым в сечении предметом (может быть, древком стрелы?). Имеются примеры, когда видны следы подкручивания расщепленной палочкой. В результате получались ямки-розетки (сосуд № 61). В единичных случаях встречен прочерченный орнамент, насечки, вдавления пальцем и защипы. Защипной орнамент встречен лишь в самой верхней части нижнего слоя. Количественные соотношения между орнаментами представлены в таблице 27. Гребенчатый орнамент отсутствует. Отмечены следующие орнаментальные композиции (рис. 219).

1. Одинарный непрерывный горизонтальный ряд ямок. Зафиксировано 22 случая. Расстояние между ямками от нескольких миллиметров до 2–2,5 см.

2. Двойные горизонтальные непрерывные ряды ямок. Отмечено лишь два случая.

3. Непрерывный зигзаг. Редкий вид орнамента, выполнялся в различной технике. Отмечен три раза.

4. Комбинации из групп вдавлений. Самая распространенная композиция зафиксирована 38 раз. Выделяются варианты «а»–«з». Наиболее распространенными являлись варианты «а», «б», «в», когда ямки образуют ромбы, треугольники вершинами вниз, сдвоенные ямки, разделенные пустыми интервалами.

5. Два горизонтальных ряда, верхний – цепочка одинарных ямок, нижний – треугольники вершинами вверх. Зафиксирован только один раз.

Горшки из нижнего слоя Дьякова городища имеют многочисленные аналогии на других памятниках дьякова типа, прежде всего в бассейне Москвы-реки, а также на Верхней Волге и на городищах каширского течения Оки.

П.Н. Третьяков именно такие баночные горшки со слабо профилированным венчиком считал типичными для дьяковских городищ второй половины I тыс. до н.э. (1966а. С. 151).

Большие серии горшков, аналогичных горшкам из нижнего слоя Дьякова городища, происходят с городищ нижнего течения Москвы-реки. Это Боршева (*Крис*, *Чернай*, *Данильченко*, 1984. С. 132) и Настасьино (*Энговатова*, 2009. Рис. 7). Датировка слоя Боршевы, откуда происходят горшки, аналогичные горшкам из нижнего слоя Дьякова городища, по набору вещей была определена Х.И. Крис в интервале IV–III вв. до н.э. На городище Городищи, расположенном на р. Коломенке, также были найдены горшки очень близкой «закрытой» формы с плавно загнутой вовнутрь верхней частью (*Сыроватко*, 2009. Рис. 76, 77). Радиоуглеродная датировка (ГИН-9427а 2250±40) «по контексту» для одного из горшков с этого памятника указывает на IV–III вв. до н.э. (*Сыроватко*, 2009. С. 246). Наряду со сходством можно отметить и некоторые отличия. Горшки с городищ Настасьино и Городищи, видимо, отличаются от посуды Дьякова городища несколько более высокими пропорциями. Соотношение групп керамики, выделенных по способу обработки поверхности (текстильная/гладкостенная), в нижнем слое Дьякова городища и на городищах Настасьино и Городищи близки друг другу, но не тождественны. На городищах нижнего течения Москвы-реки доля текстильной керамики несколько меньше (50–60%), чем на Дьяковом городище (80%).

Городища среднего течения Москвы-реки и бассейна р. Пахры содержат керамику, очень близкую по форме и орнаментации к керамике нижнего слоя Дьякова городища. Прежде всего надо отметить коллекции с городищ Щербинское, Кузнечики (*Розенфельдт И.Г.*, 1973; 1974), Борисоглебское (*Розенфельдт Р.Л.*, 1967. Рис. 36) и Боровский курган (*Кренке*, *Лопатина*, 2008). Характерна радиоуглеродная датировка, полученная для слоя городища Боровский курган с керамикой, аналогичной нижнему слою Дьякова городища – 2170±60 лет (Ki-12511), что указывает на интервал 357–119 гг. до н.э. с пиком вероятности, приходящимся на 200 г. до н.э. Аналогичная керамика происходит из слоев Сетунского и Мамонова городищ в Москве (*Розенфельдт Р.Л.*, 1969. Рис. 1, *2; Розенфельдт И.Г.*, 1971. Рис. 9, *2, 8, 10*). Сетунское городище интересно также тем, что оно почти идентично нижнему слою Дьякова городища по соотношению гладкостенной и текстильной керамики. Текстильная керамика на этом памятнике составляет около 70% (*Розенфельдт И.Г.*, 1973. Рис. 45).

На городищах звенигородского течения Москвы-реки также широко представлена текстильная керамика, аналогичная нижнему слою Дьякова городища. Здесь не было больших раскопок, поэтому целые формы горшков отсутствуют. Наиболее показательными являются коллекции городищ Успенское (*Краснов Ю.А.*, *Краснов Н.А.*, 1963. Рис. 8; *Успенская*, 1957. Рис. 45) и Дунино (материалы раскопок Г.Г. и П.Г. Дервизов), где, правда, «примешаны» и более ранние материалы.

Материалы третьей четверти I тыс. до н.э. с памятников верхнего течения Москвы-реки очень незначительны.

Памятники, расположенные к северу от Дьякова городища на относительно небольшом расстоянии (в пределах 100–150 км), а именно городища Кикино

и Синьковское в бассейне р. Дубны, Максимковское селище на Клязьме, дали весьма похожий на Дьяково городище набор форм (*Вишневский*, 1998. Рис. 5, *1*; 2009. Рис. 4, *1–5*). Сходство прослеживается также в том, что доминирующим приемом орнаментации являлись ямки-розетки. Соотношение текстильной и гладкостенной керамики в комплексах этих памятников очень близко к нижнему слою Дьякова городища. Текстильная керамика составляет 80–86% (*Вишневский*, 2009. Табл. 2). Нужно отметить, что В.И. Вишневский ошибочно считал, что по этому показателю верхневолжские городища отличаются от москворецких (2009. С. 470). Ошибка проистекала из-за того, что для сравнения привлекались смешанные комплексы москворецких памятников, где ранний материал был «разбавлен» поздним. В свете данных, имеющихся по Дьякову городищу, можно утверждать, что керамический комплекс этого памятника очень близок к керамике памятников волжского бассейна на севере Московской области.

Если проводить сравнение с собственно верхневолжскими городищами, то можно наблюдать существенные различия между ними и керамикой нижнего слоя Дьякова городища. Боченковидные формы Кубринского городища (*Вишневский*, 1989. Рис. 2, *2*) или высокие широкодонные банки с городища у с. Городище около Калязина (*Третьяков*, 1941. Рис. 17, *1*) и Пекуновского (*Бадер*, 1950. Рис. 49, *1*) не находят аналогий на Дьяковом городище. Очень существенны различия в орнаментации. На керамике верхневолжских городищ распространены «богатые» узоры, полученные комбинацией оттисков гребенчатых штампов и ямок. Не очень понятно, правда, насколько долго сохранялись эти традиции, восходившие к позднему бронзовому веку.

В то же время надо отметить, что керамика городища Отмичи (группы 1 и 2 по И.В. Ислановой) близка к Дьякову городищу.

Сравнение с «каширскими» городищами, расположенными на правобережье р. Оки, показывает, что формы горшков, насколько это можно судить по публикациям коллекций Старшего Каширского и Мутёнковского городищ (*Лопатина*, 2009; *Сидоров*, 2004), весьма близки к керамике нижнего слоя Дьякова городища (группы III, IV, V по О.А. Лопатиной). Существенное отличие заключается в том, что на городищах правобережья Оки гладкостенная керамика преобладает над текстильной.

По материалам городища Ростиславль отмечается, что древнейший этап доминирования гладкостенной керамики сменился периодом резкого возрастания доли текстильной (*Сыроватко*, 2009. С. 127). По материалам Мутёнковского городища можно отметить, что здесь имеются очень близкие аналогии профилированным текстильным горшкам с пальцевым орнаментом из самой верхней части нижнего слоя Дьякова городища (*Сидоров*, 2004. Рис. 4, *8*). Может быть, в это время происходила экспансия «северной традиции» в долину Оки?

Миниатюрные сосуды. В нижнем слое было найдено около двух десятков сосудиков очень маленьких размеров, их объем – менее 50 млг (рис. 189). Некоторые сосуды из перекопов также происходят из нижнего слоя. Тесто большинства миниатюрных сосудов не имеет примеси дресвы. В категорию миниатюрных сосудов, возможно, попали некоторые половинки погремушек. Эти спорные вещи (рис. 189, № 817-84, 1038-84, 220-81) так малы, что, вероятно, при изготовлении их глина формовалась вокруг пальца. «Дно» очень толстое и имеет «поддон» (вогнутую внешнюю поверхность). «Настоящие» миниатюрные сосуды имеют четко выраженный закругленный венчик. Форма их очень проста и подражает формам большемерных сосудов: усеченно-конические, иногда с загнутым внутрь венчиком (№ 288-82), цилиндрические «банкообразные» (№ 1065-84, 811-84). Почти у всех сосудиков имеется выраженная закраина у днища. Орнаментация появляется лишь на сосудах, найденных в верхней части нижнего слоя и на контакте с верхним слоем. Один сосуд имеет зигзагообразные насечки на тулове (№ 324-81), другой – защипы (№ 1004-84), третий – насечки на венчике и на закраине днища (№ 208-82). Все миниатюрные сосуды из нижнего слоя имеют гладкую поверхность, текстильные отпечатки не отмечены.

Керамика из верхнего слоя («слой А»)

В верхнем слое, не считая перекопов, было найдено более 50 тыс. фрагментов керамики. При статистических подсчетах использовалась не вся коллекция. Взят был участок, где слои залегали почти горизонтально и имелась стерильная прослойка, четко разграничивавшая верхний и нижний слои. Сведения о количественном распределении керамики на эталонном участке верхнего слоя представлены в таблицах 28 и 29. При составлении этих таблиц использовались два разных принципа. При составлении таблицы 28 учитывалась кривизна поверхности, на которой начал откладываться верхний слой, и отсчет велся снизу вверх от подошвы верхнего слоя. При составлении таблицы 29 учет велся сверху вниз по отметкам глубин, взятых от условного репера.

Керамика из основания верхнего слоя, глубина –260–310

Размеры. В основании верхнего слоя найдены сосуды средних и крупных размеров, объем которых колебался в пределах 0,7–12 литров (табл. 30).

Форма. Все обнаруженные на глубине –260–310 сосуды относятся к классу горшков, миски и мискообразные формы не найдены. Почти все горшки независимо от их размеров отличались сходством пропорций. Выпадает из серии лишь сравнительно приземистый банкообразный сосуд № 77. Некоторые отличия в форме наблюдаются и у горшка со штрихованной поверхностью (№ 78). У всех сосудов венчик слегка отгибается наружу, максимальное расширение слабо выражено, т.е. сосуды относятся к слабопрофилированным. Для количественной оценки степени профилированности вычислялось соотношение а+б/м, как показано на рис. 191. Где «а» – это расстояние от точки максимального расширения тулова до перпендикуляра, опущенного к поверхности, на которой стоит сосуд, из точки наибольшей вогнутости шейки; «б» – расстояние от крайней точки венчика до того же перпендикуляра; «м» – расстояние между точкой максимального расширения тулова и венчиком. Для сосудов из основания верхнего слоя среднее значение этого показателя равняется 0,18; крайние значения 0,1 и 0,23.

Характер обработки поверхности. На глубине –260–310 встречена гладкостенная, подлощенная, текстильная и штрихованная керамика. Гладкостенная керамика преобладает. Текстильная и подлощенная керамика представлена единичными фрагментами, которые, вероятно, попали из-за перекопов. Это доказывается характером распределения текстильных и подлощенных фрагментов. Они не образуют скоплений, не найдено развалов сосудов. Текстильная керамика из рассматриваемого горизонта тождественна текстильной керамике нижнего слоя. Этого нельзя сказать о штрихованной керамике. Все обнаруженные 52 фрагмента происходят от одного сосуда. Они залегали на одной глубине и концентрировались в одной части раскопа 1982 г. Зафиксированная максимальная дальность разлета фрагментов этого сосуда равнялась 5 м. Характер штриховки сосуда с глубины –270–280 отличается от бороздчатого заглаживания древней дьяковской керамики, которая обрабатывалась гребенчатым штампом. Различия эти в глубине борозд и расстоянии между зубьями инструмента, которым обрабатывалась поверхность сосуда. Профилировка штрихованного сосуда также ничего не имеет общего с раннедьяковской керамикой. По-видимому, данный сосуд синхронен времени отложения слоя на глубине –270–280. Объяснить наличие одного штрихованного сосуда в этом слое можно лишь западными (?) контактами жителей Дьякова городища.

Керамика из горизонта –210–260

Размеры. Колеблются в диапазоне от нескольких сотен миллилитров до восьми и более литров (табл. 31). Учитывая размеры и другие признаки можно выделить «функциональные» типы сосудов. К ним относятся 1) маленькие гладкостенные горшочки объемом в несколько сот миллилитров; 2) мискогоршки с заглаженной или подлощенной поверхностью объемом не более 1 л; 3) подлощенные миски объемом не менее 2 л; 4) крупные тарные сосуды объемом более 8 л; 5) гладкостенные горшки средних размеров объемом 2–7 л.

Форма. По характеру изгиба профиля верхней части сосуды с глубины –240–260 относятся к слабопрофилированным. Выше глубины –240 керамика становится более профилированной. Среднее значение индекса профилированности увеличивается до 0,3 при крайних значениях 0,2 и 0,5. Грубая гладкостенная и лощеная посуда практически не отличаются друг от друга по характеру изгиба профиля верхней части сосудов. В большинстве случаев венчик дугообразной формы отогнут наружу. В редких случаях венчик гладкостенных сосудов прямой и отогнут под углом. У лощеной посуды таких венчиков на глубине –210–240 не встречено.

Относительно пропорций посуды с глубины –210––260 можно заметить, что у лощеной посуды отношение $Н_{общ}/Д_{макс}$ всегда меньше 1, а у гладкостенной посуды, как правило, больше. Исключением из этого правила являются гладкостенные миски и приземистые гладкостенные горшки (№ 80, 95, 105). Гладкостенные миски являлись малораспространенным типом посуды. С появлением лощеных мисок они исчезают. Слабопрофилированный приземистый горшок (№ 95) имеет прототипы в нижележащем горизонте.

Пропорции гладкостенных горшков очень стандартизированы. Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть горшка. Диаметр венчика иногда чуть превосходит максимальное расширение тулова, т.е. форма «раскрытая».

Большую часть подлощенной, предположительно столовой, керамики по пропорциям можно отнести к миско-горшкам, но имеются и настоящие миски.

Характер обработки поверхности. На рассматриваемой глубине найдена гладкостенная, подлощенная и текстильная керамика. Фрагментов текстильной керамики было очень мало – всего 1,5 на 1 $м^3$ слоя. По всей видимости, эта керамика попала сюда из нижнего слоя. В доказательство можно привести те же аргументы, которые были высказаны по поводу находок текстильной керамики из самого нижнего горизонта верхнего слоя. Фрагменты подлощенной керамики появляются в верхнем культурном слое Дьякова городища уже на глубине –270–280, но есть основания полагать, что они попали сюда из вышележащего слоя. Самый нижний развал миски с под-

лощенной поверхностью был найден на глубине –230–240 (№ 87). По-видимому, в период отложения слоя на этой глубине началось производство подлощенной керамики на Дьяковом городище. Можно предполагать, что характер обработки поверхности соответствовал функциональному назначению сосуда. Гладкостенные горшки часто имели следы нагара, на подлощенных нагар не отмечен.

Комплекс керамики из постройки «Д-4» на глубине –200–230

Из данной постройки, погибшей в пожаре, происходят горшки и миски № 119–121, 123–134 (рис. 199–202). Этот комплекс важен тем, что дает представление о наборе посуды, использовавшейся в одном хозяйстве. Набор включал несколько крупных тарных горшков (один подлощенный), несколько средних, вероятно, кухонных горшков, имеющих следы нагара на стенках, серии подлощенных мисок и миско-горшков. В том числе один из подлощенных миско-горшков имел объем около 7 литров.

Важно отметить, что 9 из 16 горшков, которые удалось склеить, имели подлощенную поверхность. Это заставляет скорректировать представление о том, какова была реальная доля подлощенной посуды в керамическом комплексе. Статистика фрагментов из слоя на соответствующей глубине дает совсем иные цифры. Фрагменты подлощенной керамики на глубине –200–230 составляют не более 4% (см. табл. 29).

Профилировка стенок всех сосудов отличается стилистическим единством: дугообразный отгиб венчика, тулово с округлыми плечиками.

Кухонные горшки из комплекса постройки «Д-4» имеют лаконичную орнаментацию: края венчиков декорированы нарезками, а по плечикам идут прерывистые цепочки пальцевых защипов либо отпечатков палочки, обмотанной веревочкой. Тарные горшки орнаментированы лишь нарезками по краю венчика.

Данный комплекс в силу своей сохранности является «реперным» для верхнего слоя Дьякова городища. Аналогии грубым гладкостенным сосудам, представленным в постройке «Д-4», имеются в нижнем горизонте верхнего слоя Троицкого городища (*Розенфельдт И.*, 1971, рис. 21, *20, 21*; 22, *37*). Лощеные сосуды «плавных форм» также характерны для нижнего горизонта верхнего слоя Троицкого городища (*Розенфельдт И.Г.*, 1971. Рис. 28). На Щербинском городище есть лишь единичные аналогии (*Розенфельдт И.Г.*, 1974. Рис. 43, *43*). Аналогичные лощеные миски есть на городище Варварина Гора (*Буров*, 2003. Рис. 26, *13*).

Если говорить о «внешних» параллелях набору керамики из постройки «Д-4» и горизонта –210–260 в целом, то можно отметить ее некоторое общее сходство («троюродное») по характеру отгиба венчика с керамикой типа «среднего слоя Тушемли» на Смоленщине (*Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. Рис. 39–42).

Более отчетливо прослеживается близость с керамикой городищ и селищ севера Тульской области. Это тип VI, выделенный И.В. Белоцерковской по материалам селища Супруты (1981. С. 199), а также керамика группы памятников Ново-Клейменово, выделенной А.М. Воронцовым (2007а. Рис. 3). Параллели в профилировке прослеживаются в более южных памятниках типа Ишутинского городища на Красивой Мече (*Разуваев*, 1998. Рис. 8). Это сходство особенно заметно при сопоставлении форм крупных тарных сосудов.

Сравнение с керамикой рязано-окских могильников также позволяет увидеть некоторые общие черты. Комплекс посуды из могильников отличается от поселенческого усеченным набором форм. В погребениях представлены лишь горшки небольших и средних размеров, столовой и тарной посуды практически нет. Сходство некоторых типов керамики рязано-окских могильников с дьяковской отмечалось исследователями (*Гришаков*, 1993. С. 103, 104; *Румянцева*, 2007. С. 254). Речь идет о небольших и средних горшках с плавно отогнутым наружу венчиком, орнаментированным насечками. По терминологии В.В. Гришакова, это керамика «рязано-окского очага» (1993. Рис. 40). По Румянцевой, это горшки серии 1 (2007. Рис. 3). В.В. Гришаков с сомнениями, а О.С. Румянцева более уверенно предполагают, что это сходство обусловлено влиянием, распространявшимся с запада на восток. На мой взгляд, достаточных доказательств этому предположению нет. Возможно и обратное направление влияния, а также, что более вероятно, сходство обусловлено общими тенденциями в изменении «керамической моды» в I–III вв. н.э. на обширных пространствах в бассейнах верхнего Днепра, верхней Волги и Оки. Источники этих инноваций скорее всего следует искать на юге. Профилированная керамика позднескифских городищ лесостепи могла быть отправной точкой трансформации.

Керамика из горизонта –160–210

Размеры. Реконструированные объемы сосудов представлены в таблице 32. На данной глубине выделяются сосуды тех же размерных групп, что и в нижележащем горизонте. Найденный на глубине –160–170 ребристый горшок с заглаженной поверхностью (№ 139) отличается нестандартностью размеров: по объему он больше маленьких миско-горшков и меньше крупных.

Форма. Для посуды с глубины –160–210 характерны дугообразно отогнутые наружу венчики, плечики выпуклые округлой формы. Этот вид профи-

лировки преобладал и на глубине –210–240. Индекс профилированности у посуды с этих глубин одинаков. Кроме вышеописанной, изредка встречаются и другие виды профилировки, а именно: а) венчик не дугообразный, а прямой, отогнут под углом; б) венчик вогнутый (№ 135); на тулове имеется ребро, венчик отогнут под углом (№ 139). На рассматриваемой глубине найдено всего несколько фрагментов ребристых сосудов. Различия в пропорциях грубой гладкостенной посуды и подлощенной, отмеченные по материалам нижележащего горизонта, прослеживаются и у посуды с глубины –160–210.

Миски с вогнутыми краями имеют близкие аналогии на юге в регионе бассейна верхнего Дона. Здесь на городищах Чертовицкое III, Ишутино в контексте с находками сарматского времени представлены как круговые миски (прототипы), так и лепные подражания (*Медведев*, 1998. Рис. 5; *Разуваев*, 1998. Рис. 5). На верхнедонецких памятниках сарматского времени очень распространены горшки с прямым, отогнутым под углом наружу венчиком (тип 3 по А.П. Медведеву). Вероятно, эти аналогии с керамикой Дьякова городища не случайны. Видимо, именно в период отложения слоя на глубине –160–210 под влиянием с юга происходила трансформация местного керамического комплекса. О контактах с сарматским миром уже говорилось (см. экскурс 3).

Характер обработки поверхности. На глубине –160–210 встречена грубая гладкостенная, лощеная – заглаженная и текстильная керамика. Особое внимание привлекает текстильная керамика. По своей профилировке и орнаментации большая часть этой керамики резко отличается от текстильной керамики нижнего слоя. Текстильная керамика с глубины –160–210 по форме не отличается от гладкостенной керамики, найденной на той же глубине. Для текстильной керамики из горизонта –160–210 характерна тонкостенность, развитая профилировка, 60% венчиков (всего найдено 40 штук) орнаментировано, тогда как в нижнем слое лишь 1–2% венчиков орнаментировано по торцу, и характер этой орнаментации другой. Профилированная текстильная керамика образовывала скопления. То есть эта группа керамики, видимо, синхронна слою, в котором она залегала. На глубине –160–210 было найдено также несколько текстильных фрагментов, происходящих из нижнего слоя, что доказывается их формой.

Очень существенно, что в результате исследования, проведенного И.Л. Чернаем, было установлено, что текстиль, отпечатавшийся на обмазке очага сгоревшей постройки «Д-4» с глубины –210–230, принципиально отличался от текстиля, оттиски которого можно видеть на профилированной текстильной керамике из этого слоя. Ткань, использовавшаяся для прокладки между деревянной опалубкой и глиняной обмазкой очага, была выработана полуткацким способом и состояла из двух систем нитей. Ткань, отпечатавшаяся на керамике, относилась к «неткацкому» текстилю и состояла из одной системы нитей. Вероятно, немногочисленная профилированная текстильная керамика попала в культурный слой Дьякова городища в результате контактов его жителей с соседями, которые еще сохраняли технологию выработки неткацкого текстиля и текстильной керамики. Сами жители Дьякова городища уже в это время вырабатывали неткацкий текстиль и использовали его при устройстве очагов. Для формовки керамики этот текстиль не применялся.

Профилированные текстильные сосуды, подобные по форме керамике из верхнего слоя Дьякова городища, встречены на памятниках, расположенных по р. Оке выше устья Москвы-реки – городищах Протопоповском (*Талицкий*, 1948), Ростиславль (*Сыроватко*, 2009. Рис. 65, 66), селище Сосновка IV (*Сыроватко*, 2009. Рис. 71). Вероятно, именно оттуда могла попасть на Дьяково городище профилированная текстильная керамика.

Керамика из горизонта –110–160

Размеры. На глубине –110–160 представлены те же типы сосудов, что и в нижележащих горизонтах: средние и крупные миски и миско-горшки, гладкостенные горшки средних размеров и большие сосуды для хранения.

Форма. Для лощеных и гладкостенных сосудов рассматриваемого горизонта характерен сравнительно вытянутый, прямой, отогнутый под углом венчик. Подобная профилировка встречалась в нижележащем горизонте, на глубине –110–160 она становится преобладающей. Угол отгиба венчика варьирует. Встречены почти вертикальные и довольно сильно отогнутые венчики. Происходят изменения и в форме тулова. С одной стороны, появляются сосуды высоких пропорций с узким туловом, с другой стороны, есть горшки с почти шарообразным туловом. Этих черт не наблюдалось в керамике предшествовавшего горизонта. Ребристые сосуды являются исключительной редкостью. На глубине –110–160 было найдено 4 фрагмента от трех лощеных сосудов с ребром и один фрагмент от гладкостенного сосуда со сглаженным ребром.

Отличительная особенность форм горизонта –110–160 заключается в появлении сосудов с переходом от венчика к плечику, который подчеркнут линией (№ 222, 224, 225). Эта посуда так называемого «мощинского круга» (по И.В. Исланової) представлена на широком круге памятников в бассейне Оки, Верхней Волги, Верховьев Днепра (*Воронцов*, 2008; *Исланова*, 2008; *Лопатин*, *Лопатина*, 1998; *Массалитина*, 1993;

2008; *Румянцева*, 2007; *Тавлинцева*, 2010). Обобщенная датировка этого стиля – IV–V вв. н.э.

На москворецких городищах дьякова типа подобная керамика очень редка. Можно отметить находки на городищах Боровский курган (*Кренке*, *Лопатина*, 2008. Рис. 14, *181, 187*), Успенском (кол. С.Д. Валяева), Щербинском (*Розенфельдт И.Г.*, 1974. Рис. 42, *4*). В обширной коллекции Троицкого городища под Можайском подобной керамики не было.

Характер обработки поверхности. Для керамического комплекса горизонта –110–160 характерна гладкостенная и подлощенная посуда. Имеются единичные фрагменты настоящей чернолощеной посуды (№ 224). Петрографический анализ лощеной посуды не выявил ее отличий по составу глиняного теста от остальной керамики, поэтому нет достаточных оснований утверждать, что данные экземпляры были привозными (*Кренке*, *Лопатин*, 1997). Профилированная текстильная керамика с орнаментированными по торцу венчиками выше глубины –150 не встречена.

Орнаментация керамики из верхнего слоя

Техника орнаментации. Таблицы 34 и 35 дают представление о технике орнаментации, употреблявшейся в различные периоды отложения верхнего слоя. Можно отметить следующие черты.

В верхнем слое большая часть гладкостенной керамики имела орнаментированный по торцу венчик. В нижних горизонтах верхнего слоя доля гладкостенной керамики с гладким неорнаментированным по торцу венчиком еще довольно велика (около 30–40%), затем она убывает. Торцы венчиков подлощенной (столовой) посуды почти никогда не орнаментируются.

В орнаментации стенок сосудов на протяжении отложения верхнего слоя происходили некоторые изменения. В основании слоя господствовал пальцевый орнамент (защип вертикальный), когда оставался вертикальный след от ногтя. Защипы эти обычно не рельефны, часто это даже не защипы, а пальцевые вдавления. С середины верхнего слоя такая техника орнаментации становится малоупотребительной. Ее вытесняют горизонтальные рельефные защипы. Для основания верхнего слоя характерны ямки неправильных подокруглых очертаний, штампы четких геометрических форм не применялись. В вышележащих горизонтах распространились штампы с правильным треугольным, четырехугольным или более сложным сечением.

Орнаменты, выполненные в технике «палочка, обмотанная веревочкой», появились с самого начала отложения верхнего слоя и бытовали до финала жизни городища.

Место нанесения орнамента. У большинства сосудов верхнего слоя орнаментировалась верхняя часть округлых плечиков. Орнаментация под венчиком встречена лишь у слабопрофилированных сосудов из основания верхнего слоя.

Композиции. Наибольшее распространение имели композиции в виде одинарной сплошной или двойной горизонтальной линии (рис. 219). Часто встречаются группы вдавлений, расположенных в один ряд с интервалами. В постройке «Д-4» было найдено четыре горшка с одинаковыми композициями в виде цепочек защипов, расположенных с интервалами в два ряда, причем интервалы двух рядов смещены относительно друг друга в шахматном порядке.

Среди редких видов композиций чаще других встречены треугольники, расположенные в ряд с интервалом. Встречен вариант, когда треугольники дополняли сплошную линию. Вершины треугольников обращены как вверх, так и вниз. Всего зафиксировано 8 сосудов с такого типа композицией.

Миниатюрные сосуды. Всего в верхнем слое и перекопах верхнего слоя было найдено около двух сотен миниатюрных сосудов, половина из них имеет полный профиль. Это одна из наиболее распространенных категорий находок. Сосудики из верхнего слоя отличаются довольно большим разнообразием форм. Встречаются совсем миниатюрные «мисочки» и «наперстковидные» сосудики диаметром 2–3 см (рис. 220). На одном из сосудов этой серии с одной стороны видны мелкоячеистые отпечатки ткани. При этом характер отпечатков совсем иной, нежели на текстильной керамике (№ 123-83). Вероятно, при формовке сосуда его ненамеренно прижали к одежде. Уникален сосуд с отверстием в днище (№ 723-84).

В основании верхнего слоя встречены миниатюрные сосудики, аналогичные находкам из нижнего слоя – усеченно-конической формы с закраиной у донца (рис. 221, № 311-81). Больше всего они напоминают современные стопарики. В этом горизонте представлены также микромиски (№ 1125-84) и сосудики с округловатым туловом и загнутым внутрь венчиком (рис. 221, № 1138-84, рис. 222, № 564-83). В среднем горизонте верхнего слоя начиная с глубины –250 появляются сосудики со слабопрофилированным венчиком и орнаментами на плечиках (рис. 221, № 887-84, рис. 222, № 518-83, 391-81). С этим же уровнем связана находка сосудика, напоминающего мисочку на высоком поддоне (рис. 221, № 887-84).

На контакте среднего и верхнего горизонтов верхнего слоя наблюдается разнообразие форм миниатюрных сосудов. В частности, представлены формы, которые не были встречены среди больших сосудов. Это биконические с ребром посередине или в верхней части тулова (рис. 222, № 399-83, 30-81, 616-83), цилиндроконические (рис. 224, № 117-82). Характерной формой являются миниатюрные копии

лощеных мисок с округлобоким плечом и раскрытым устьем (рис. 224, № 412-82, рис. 225, № 42-81).

Сравнение керамики из погребенной почвы и нижнего слоя

Сходство. Для обоих комплексов характерна текстильная керамика, а также слабопрофилированные формы горшков с коротким отогнутым наружу венчиком и слабовыраженными плечиками.

Различия. Орнаменты, выполненные наклонными тычками и гребенчатым штампом характерны лишь для керамики из погребенной почвы, в нижнем слое они отсутствуют. Для горшков из погребенной почвы характерны формы с выраженной S-видной профилировкой верхней части, которые в нижнем слое не представлены. Для нижнего слоя типичны приземистые миско-горшки, часто с вогнутым вовнутрь венчиком, которые совершенно отсутствуют в погребенной почве.

Вывод. Два сравниваемых керамических комплекса разделяет хронологическая лакуна. Отчасти можно сказать, что различия между ними «стадиальные». Керамика, встреченная в погребенной почве Дьякова городища, имеет характерные черты (профилировка, орнамент), известные на широкой территории лесной зоны Волго-Окского междуречья, бассейнов Верхнего Днепра и Западной Двины на рубеже бронзового и железного веков. Вероятно, керамика нижнего слоя Дьякова городища «вырастает» из этой традиции (понимаемой в широком смысле), однако нет достаточных данных, чтобы утверждать, что имелась непосредственная преемственность «керамической традиции» населения, оставившего керамику в погребенной почве и в нижнем слое. Если ориентироваться на такие показатели, как орнаментация, форма, процентное соотношение керамики с текстильными отпечатками на поверхности и гладкими, то можно предполагать, что керамика нижнего слоя Дьякова городища являет собой синтез традиций, которые можно условно обозначить как «волжская», «москворецкая» и «окская». Относительно приземистые округлобоко-вогнутые формы типичны как для «волжской» (*Исланова*, 2007. Группа 1), так и для «окской» каширской традиции (*Лопатина*, 2009. Группа III). Судя по такому показателю, как пропорция текстильной/гладкостенной керамики, «волжская» («текстильная») традиция проявляется в материалах нижнего слоя Дьякова городища сильнее, чем «окско-каширская» («гладкая») традиция. Лаконичность орнаментации связывает керамику нижнего слоя Дьякова городища с «москворецкой» традицией керамики рубежа бронзового–железного веков.

Изменения в керамике на протяжении отложения нижнего слоя. Керамика нижнего слоя отличается «стандартностью». В верхней и в нижней части этого слоя преобладают сосуды, у которых форма, пропорции и орнаментация были одинаковыми. В самой верхней части нижнего слоя появляется немногочисленная группа посуды, отличающаяся более стройными пропорциями, наличием орнаментации венчиков и на одном из сосудов (№ 63) пальцевая орнаментация присутствовала на плечиках. На основании этих немногочисленных данных с осторожностью можно предполагать, что в конце периода отложения нижнего слоя происходила эволюция керамики, выразившаяся в изменении профилировки венчиков, пропорций горшков и появлении новой защипной техники орнаментации.

Сравнение керамики из нижнего слоя и из основания верхнего слоя. Наиболее «бросающимся в глаза» различием является способ обработки поверхности. В основании верхнего слоя исчезла текстильная керамика. В наборе форм из основания верхнего слоя отсутствуют приземистые миско-горшки с вогнутым венчиком, характерные для нижнего слоя. Для керамики верхнего слоя с начала его формирования характерны такие виды орнаментации, как защипной, отпечатки «палочки с веревочкой», неизвестные или почти неизвестные в нижнем слое. Наряду с различиями имеются и признаки сходства. Особенно это проявляется при сравнении форм, пропорций горшков верхнего слоя и самой верхней части нижнего слоя.

Значительные различия свидетельствуют скорее всего о хронологической лакуне и отсутствии прямой генетической преемственности между комплексами. При этом произошедшая смена культурной традиции не выходила за рамки «амплитуды различий», наблюдавшихся в керамике бассейнов Верхнего Днепра, междуречья Волги и Оки. Граница между зонами доминирования гладкой и текстильной керамики была здесь достаточно подвижна, и наблюдались ее неоднократные смещения.

Развитие керамики в верхнем слое. На глубине –250–310 представлена только слабопрофилированная посуда с гладкой поверхностью. Преобладают горшки сравнительно вытянутых пропорций, приземистых мискообразных форм почти нет. Обнаруженный на глубине –270–280 горшок со штрихованной поверхностью является уникальным для данного памятника, вероятно, указывает на наличие контактов с западными (?) областями. В то же время нужно отметить, что с культурой штрихованной керамики он вряд ли связан.

Примерно в период отложения слоя на глубине –250–240 произошло два очень важных изменения в керамическом комплексе: появилась профилированная посуда и лощеная (подлощенная) керамика. В это же время происходит трансформация пропорций. Появляются приземистые горшки средних раз-

меров, не похожие на посуду тех же объемов из основания верхнего слоя.

В период отложения слоя на глубине –210–230 сформировался набор столовой и кухонно-тарной посуды устойчивых форм и размеров, о чем наиболее полное представление дает комплекс керамики из сгоревшей постройки «Д-4». Посуда этого типа без видимых изменений бытует до времени отложения слоя на глубине –160–170.

В период отложения слоя примерно на глубине –160–170 керамический комплекс претерпел постепенное, но достаточно существенное изменение. Трансформации проявились в профилировке и пропорциях сосудов. Прямые отогнутые под углом венчики, характерные для горизонта –110–160 изредка встречались в нижележащих горизонтах, но выше уровня –150 они становятся преобладающими. Появляются миски и мисковидные горшки с резко выделенным (линией) перегибом в основании венчика. Это так называемая посуда «мощинского круга». Почти повсеместное распространение этого стиля в Волго-Окском междуречье во второй четверти I тыс. н.э., на мой взгляд, скорее свидетельствует о «новой моде», а не о массовых миграциях. Источники этой новой моды «геометризированных форм» скорее всего находились в регионе бассейна Верхней Оки, где исследователи традиционно выделяют ареал мощинской культуры. Восприятие этой моды жителями Дьякова городища было, видимо, облегчено тем, что здесь имелись похожие прототипы.

Таблица 19. **Распределение горшков по диаметру венчиков из погребенной почвы**

Диаметр	Менее 10 см	10–15 см	16–20 см	Более 20 см
Количество	2	5	7	5

Таблица 20. **Техника орнаментации и способы обработки поверхности у керамики из погребенной почвы**

Поверхность	Техника орнаментации				
	Гребенчатый штамп	Круглые ямки	Наклонные тычки	Без орнамента	Всего
Текстильная	19	5	26	134	184 (70%)
Гладкостенная	10	5	9	30	54 (21%)
Бороздчатое заглаживание	–	–	–	7	7 (2%)
Неопределимая	–	–	1	19	20 (7%)
Всего	29	10	36	190	265 (100%)

Таблица 21. **Радиоуглеродные датировки для памятников с керамикой, орнаментированной наклонными тычками и гребенчатым штампом**

Название памятника	Радиоуглеродная датировка	Калиброванная дата	Индекс лаборатории	Ссылка
Царицыно 1	2615±30	817–790 гг. до н.э.	Hela-1815	*Кренке,* 2008. С. 68
Чертов городок	2590±70	819–770 гг. до н.э.	ГИН-7569	*Кренке,* 1995
Селецкое городище	2570±60	810–540 гг. до н.э.	ГИН-4774	*Кренке,* 1995. С. 176
Городище Дютьково	2534±31	800–740 ВС (28,5%) 650–590 ВС (24,8%)	Hela-2539	
Царицыно 1	2510±60	790–520 гг. до н.э.	ГИН-13702	*Кренке,* 2008. С. 61
Царицыно 1	2500±40	790–520 гг. до н.э.	ГИН-13701	*Кренке,* 2008. С. 61

Таблица 22. **Объемы сосудов из нижнего слоя**

№	Объем (см³)	Диаметр венчика (см)	Поверхность	№	Объем (см³)	Диаметр венчика	Поверхность
51	225	10,5	Гладкая	39	4200	23	Текстильная
27	450	12	Текстильная	49	4700	21	Текстильная
31	700	12	Гладкая	44	5000	21	Текстильная
32	720	13,7	Гладкая	41	5000	23	Текстильная
35	800	15	Текстильная	26	5100	22	Текстильная
61	1100	15,5	Текстильная	45	6500	24,5	Текстильная
59	1200	14,5	Гладкая	62	8100	26	Текстильная
47	1260	17	Текстильная	40	8800	26	Текстильная
52	1700	16	Текстильная	50	8800	28	Текстильная
57	1900	19	Гладкая	63	12 100	24	Текстильная
28	2000	15	Текстильная	54	13 500	28	Текстильная
56	2100	20	Гладкая	53	14 200	28	Гладкая
48	2200	20	Гладкая	37	14 800	34	Текстильная
38	3100	22	Текстильная	33	16 000	28	Текстильная
43	3500	18	Текстильная	29	27 000	39	Текстильная

Таблица 23. **Диаметры венчиков сосудов из нижнего слоя (раскопки 1981–1982 гг.)**

Диаметр	Менее 12 см	12–15 см	16–20 см	21–23 см	24–25 см	26–34 см	Всего
Количество	8	11	31	29	21	65	165

Таблица 24. **Размеры сосудов из нижнего слоя**

№ горшка	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$	№ горшка	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$
51	8	11	10,5	6	6	49	14	22	23	19,5	17
27	9	12,5	12	7,8	5,8	44	12	23,5	21	20,5	15,5
31	10	13	12	9	5.5	41	16	23	21	19,8	14
32	10	14	13,7	8,7	7	26	13	24,5	23	22	18
35	9,5	15	15	9,5	9,5	45	14	25	22	20	15,5
61	12	16,5	15,5	9,5	7	62	13	26	25	22,5	19
59	10,5	13,5	13	12,5	8,5	50	14,5	26	26	30	25
36	10,5	15,5	14,5	11,5	9	40	14,5	28,5	26	26	21
47	10,5	17,5	17,5	11,5	11,5	63	14	28	28	28	28
57	13,5	16	16	12	8	54	14,5	26	24	36,5	29,5
28	13	20	19	14,5	11,5	53	17,5	31	28	30	23
56	11	17	15	14,5	10,5	37	18	29	28	37	32,5
48	10	19,5	20	15,5	15,5	33	16	34	34	33,5	31
38	11,5	20	20	14,5	14,5	29	14	33	28	34	28
43	16	24	22	13,5	11	51	17	41	39	41	36
39	12	19,5	18	16	12,5						

Таблица 25. **Пропорции сосудов из нижнего слоя**

№ горшка	$Н_{общ}/Д_{макс.}$	$Н_{общ}/НД_{макс.}$	$Д_{венч}/Д_{макс.}$	$Д_{макс.}/Д_{дна}$	№ горшка	$Н_{общ}/Д_{макс.}$	$Н_{общ}/НД_{макс.}$	$Д_{венч}/Д_{макс.}$	$Д_{макс.}/Д_{дна}$
51	0,5	1,0	0,9	1,4	39	0,9	1,1	1,0	1,6
27	0,6	1,3	0,9	1,4	49	0,9	1,3	0,9	1,9
31	0,7	1,6	0,9	1,3	44	0,9	1,4	0,9	1,4
32	0,6	1,2	1,0	1,4	41	0,9	1,2	0,9	1,8
35	0,6	1,0	1,0	1,6	26	0,8	1,3	0,9	1,8
61	0,6	1,3	0,9	1,4	45	0,9	1,2	1,0	2,0
59	0,9	1,5	1,0	1,3	62	1,1	1,2	1,0	1,2
36	0,7	1,3	0,9	1,5	50	0,9	1,2	0,9	1,9
47	0,7	1,5	1,0	1,2	40	1,0	1,0	1,0	2,0
57	0,7	1,3	0,9	1,5	63	1,4	1,2	0,9	1,8
28	0,8	1,4	0,9	1,5	54	1,0	1,3	0,9	1,8
56	0,8	1,0	1,0	1,9	53	1,2	1,1	1,1	1,6
48	0,7	1,0	1,0	1,7	37	1.0	1,1	1,0	2.1
38	0,6	1,2	0,9	1,5	33	1,0	1,2	0,8	2,3
43	0,8	1,3	0,9	1,6	29	1,0	1,1	0,9	2,4

Таблица 26. **Соотношение групп керамики из нижнего слоя, выделенных по способу обработки поверхности**

Характер обработки поверхности	Количество	Процент
Гладкостенная	2701	17,7
Текстильная	12 311	80,4
Рогожная	47	0,3
Неопределимая	243	1,6
Всего	15 304	100

Таблица 27. **Соотношение различных приемов орнаментации сосудов из нижнего слоя**

Приемы орнаментации	Количество
Округлые ямки (в том числе ямки-розетки)	268
Насечки	12
Прямоугольные тычки	5
Двудольные оттиски	6
Прочерченный	5
Вдавления пальцем	1
Защипы	2
Всего	299

Таблица 28. **Статистика керамики из верхнего слоя Дьякова городища (раскопы 1981, 1982 гг.)**

Расстояние вверх от подошвы верхнего слоя (см)		Гладкостенная Всего / на 1 м²	Подлощенная Всего / на 1 м²	Штрихованная Всего / на 1 м²	Текстильная Всего / на 1 м²	Неопределимая	Всего / на 1 м²
0–30	Нижний горизонт	1496 (96,5%) / 18	10 (0,6%) / 0,1	–	29 (1,9%) / 0,3	16 (1%)	1551 / 18
30–60		2495 (93,5%) / 31	41 (1,5%) / 0,5	52 (2,0%) / 0,6	37(1,4%) / 0,5	47 (1,6%)	2672 / 33

Таблица 28. Продолжение

Расстояние вверх от подошвы верхнего слоя (см)		Гладкостенная Всего / на 1 м²	Подлощенная Всего / на 1 м²	Штрихованная Всего / на 1 м²	Текстильная Всего / на 1 м²	Неопределимая	Всего / на 1 м²
60–90	Средний горизонт	3252 (93,3%) / 41	118 (3,4%) / 1,5	–	71 (2,0%) / 0,9	45 (1,3%)	3486
90–120		2909 (91%) / 43,4	183 (5,7%) / 2,7	–	77 (2,4%) / 1,1	28 (0,9%)	3197
120–150		3029 (88 %) / 51,3	166 (4,8%) / 2,8	–	29 (0,8%) / 0,5	221 (6,4%)	3445 / 58
150–180	Верхний горизонт	2678(88,2%) / 60	265 (8,7%) / 5,6	–	27 (0,9%) / 0,6	67 (2,2%)	3037 / 64,6
180–210		1238 (93,1%) / 58,9	74 (5,6%) / 3,5	–	–	18 (1,3%)	1330 / 63,3
Всего		17 097 / (91,3%)	857 / (4,6%)	52 / (0,3%)	270 / (1,4%)	442 (2,4%)	18718

Таблица 29. **Статистика керамики из верхнего слоя Дьякова городища (раскопы 1981–1984 гг.)**

Глубина от репера	Гладкостенная	Подлощенная	Текстильная	Неопределимая	Штрихованная	Всего
110–120	1653 (84,2%)	80 (4%)	11 (0,6%)	221 (11,2%)	–	1965
120–130	1513 (72,5%)	55 (2,6%)	12 (0,6%)	508 (24,3%)	–	2088
130–140	1758 (93,2%)	38 (2%)	23 (1,2%)	68 (3,6%)	–	1887
140–150	1789 (92,2)	58 (3%)	30 (1,5%)	64 (3,3%)	–	1941
150–160	1557 (90,9%)	48 (2,8%)	60 (3,5%)	48 (2,8%)	–	1713
160–170	1556 (89,1%)	83 (4,7%)	67 (3,8%)	40 (2,3%)	–	1746
170–180	1609 (82,6%)	61 (3,1%)	87 (4,5%)	190 (9,8%)	–	1947
180–190	2409 (87%)	81 (2,9%)	122 (4,4%)	158 (5,7%)	–	2770
190–200	1890 (86,4%)	171 (7,8%)	35 (1,6%)	93 (4,2%)	–	2189
200–210	2199 (91,4%)	106 (4,4%)	37 (1,5%)	64 (2,7%)	–	2406
210–220	2491 (92,1%)	90 (3,3%)	25 (0,9%)	98 (3,6%)	–	2704
220–230	2652 (95,4%)	62 (2,3%)	6 (0,2%)	61 (2,2%)	–	2781
230–240	2679 (94,3%)	43 (1,5%)	14 (0,5%)	101 (3,6%)	–	2837
240–250	2629 (92,9%)	57 (2%)	25 (0,9%)	120 (4,2%)	–	2831
250–260	2040 (89,7%)	48 (2,1%)	10 (0,4%)	177 (7,8%)	–	2275
260–270	2186 (88,8%)	28 (1,1%)	24 (1%)	225 (9,1%)	–	2463
270–280	1398 (86,3%)	14 (0,9%)	49 (3%)	106 (6,5%)	52 (3,2%)	1619
280–290	451 (77,5%)	–	82 (14.1%)	49 (8,4%)	–	582
290–300	104 (70,8%)	–	30 (20,4%)	13 (8,8%)	–	147
300–310	25 (86,3%)	–	1 (3,4%)	3 (10,3%)	–	29
Всего	34 588 (88,9%)	1123 (2,9%)	750 (1,9%)	2407 (6,2%)	52 (0,1%)	38 920 (100%)

Таблица 30. **Метрические характеристики и пропорции сосудов с глубины –260–310**

№ *	Объем (см^3)	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$	$Н_{общ.}/Д_{макс.}$	$Д_{венч.}/Д_{макс.}$
77	730	11,5	15	15,5	13,5	9,5	0,9	1,03
79	3400	11,5	18	16,5	23	16	1,3	0,9
74	–	–	14,5	14	–	–	–	–
78	5200	13,5	21	20	26	18	1,24	0,95
67	–	–	23	22,5	–	–	–	–
66	12 000	16	29	29,5	34	28	1,17	1,02
72	12 000	15	28	27	34	28	1,21	0,96

* Номера соответствуют номерам на иллюстрациях.

Таблица 31. **Метрические характеристики и пропорции сосудов с глубины –210–260**

№ *	Объем (см^3)	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$	$Н_{общ.}/Д_{макс.}$	$Д_{венч.}/Д_{макс.}$
Столовая посуда								
80	500	12	16,5	16,5	4,7	4,7	0,28	1,0
105	800	12	16	16	7,9	7,9	0,49	1,0
92	270	6,2	9,5	9,8	8,2	4,5	0,86	1,03
97	90	5	6,4	7	6,8	3,3	1,06	1,09
90	250	7	8	8	8,5	4,0	1,06	1,0
130	125	4,3	8,2	–	6	4	0,73	–
125	280	6,3	9,4	9,6	8,5	4,7	9,04	1,02
124	350	8	10,3	9,7	8,5	5	0,82	0,94
131	350	8	12,5	11,5	8,5	5	0,68	0,92
115	960	8	14,5	13	12,3	8	0,84	0,89
106	1300	8,7	15,5	14	12	7,5	0,77	0,9
116	500	9	13	13,6	10,5	6	0,8	1,04
133	1400	10,5	15	14	13,5	7	0,9	0,93
121	800	10,5	13,8	14	10	5,7	0,72	1,01
87	2000	9,5	21	22	15	–	0,71	1,04
129	2500	10,5	21	22	13,5	9	0,64	1,04
134	7000	13	30	30	28	18	0,93	1,0
Кухонно-тарная посуда								
95	650	10	12	11,5	10,5	5,0	0,87	0,96
82	2300	9,7	18	18	15,5	9,5	0,86	1,0
108	2000	–	16,2	16	–	–	–	–
128	1400	9	14,6	14	15,3	9	1,04	0,95
119	3800	11,5	16,5	16	21	12	1,3	1,03
86	6500	13	22	22	29,5	19,5	1,3	1,0
117	5800	12	23	21	26,5	18,5	1,15	0,91
86	5200	–	21,3	22	26	16	1,2	1,03
123	6700	14	24	24	25,5	17	1,04	1,0
127	8200	14	24	19	37	21	1,5	0,79
122	9200	14	28	21	37	25	1,3	0,75
94	13 000	–	29	30	35	30	2,2	1,03

* Номера соответствуют номерам на иллюстрациях.

Таблица 32. **Метрические характеристики и пропорции сосудов с глубины –160–210**

№ *	Объем (см^3)	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$	$Н_{общ.}/Д_{макс.}$	$Д_{венч.}/Д_{макс.}$
Столовая посуда								
135	2500	12	26	24	11.5	10	0,44	0,92
140	4700	13,5	28	28	17	11,5	0,6	1,0
142	5000	12	28	29	16	11,5	0,55	1,03
147	8400	13,5	29	28	21,5	13,5	0,74	0,96
148	8000	14	29	28	23	14,5	0,79	0,96
182	280	7	10	9	10	4,5	1,0	0,9
174	300	6	10	9,5	9	5	0,9	0,95
143	350	6,5	12,5	13	8	5	0,64	1,04
176	280	–	9,3	8	8	4,5	–	0,86
179	1000	10	15.5	17	10	6	0,64	1,09
136	1500	9,5	16,5	17	12,7	8,5	0,76	1,01
184	1100	8,5	15	15	11	7	0,73	1,0
Кухонно-тарная посуда								
157	1100	–	13,3	12	15	8,5	–	0,9
156	5000	12	20	19,5	27	17	1,35	0,97
181	17 000	15,5	31	30	42	30,5	1,35	0,96

* Номера соответствуют номерам на иллюстрациях.

Таблица 33. **Метрические характеристики и пропорции сосудов с глубины –110–160**

№ *	Объем (см^3)	$Д_{дна}$	$Д_{макс.}$	$Д_{венч.}$	$Н_{общ.}$	$НД_{макс.}$	$Н_{общ.}/Д_{макс.}$	$Д_{венч.}/Д_{макс.}$
188	1000	–	16	16	10	6	–	1,0
146	3000	–	22,5	23	14,5	8,5	–	1,02
189	5000	–	29	29	17,5	12,5	–	1,0
191	500	7,5	11,2	10	9,7	5,5	0,86	0,89
198	7500	14,5	21,5	18,5	38	23	1,8	0,86
205	4500	13	21	19	26	15,5	1,2	0,9
222	1000	7,5	14,2	14,2	8,8	8,8	0,62	1
225	2800	9,5	19,2	18	16	10	0,83	0,94

* Номера соответствуют номерам на иллюстрациях.

Таблица 34. **Техника орнаментации стенок у сосудов из верхнего слоя Дьякова городища**

Глубина	Вид орнамента	Количество	Площадь, на которой велся учет (м^2)
–110–160	Прочерченный	4	24
	Палочка с веревочкой	21	
	Защип горизонтальный	50	
	Защип вертикальный	6	
	Ямки, штамп, вдавления	21	
–160–210	Прочерченный	7	35
	Палочка с веревочкой	37	
	Защип горизонтальный	32	

Таблица 34. Продолжение

Глубина	Вид орнамента	Количество	Площадь, на которой велся учет (м^2)
–160–210	Защип вертикальный	19	35
	Ямки+прочерченный	3	
	Ямки, штамп, вдавления	48	
–210–260	Прочерченный	11	59
	Палочка с веревочкой	45	
	Защип горизонтальный	54	
	Защип вертикальный	67	
	Ямки, штамп, вдавления	96	
–260–310	Прочерченный	12	29
	Палочка с веревочкой	9	
	Защип горизонтальный	9	
	Защип вертикальный (вдавления пальцем)	42	
	Ямки, штамп, вдавления	28	

Таблица 35. **Техника орнаментации венчиков у гладкостенных сосудов из верхнего слоя Дьякова городища**

Глубина	Вид орнамента	Количество	Площадь, на которой велся учет (м^2)
–110–160	Гладкий неорнаментированный	10	27
	Кольцевая канавка	10	
	Ногтевые вдавления	4	
	Палочка с веревочкой	1	
	Нарезки	21	
–160–210	Гладкий неорнаментированный	6	35
	Кольцевая канавка	8	
	Палочка с веревочкой	2	
	Ногтевые вдавления	7	
	Вдавления, насечки	26	
–210–260	Гладкий неорнаментированный	41	43
	Кольцевая канавка	1	
	Ногтевые вдавления	51	
	Палочка с веревочкой	15	
	Вдавления, насечки	116	
–260–310	Гладкий неорнаментированный	38	29
	Кольцевая канавка	1	
	Ногтевые вдавления	15	
	Палочка с веревочкой	4	
	Вдавления, насечки	30	
Всего		408	

Экскурс 6
Некоторые технологические данные о керамике Дьякова городища и городищ дьякова типа

Небольшая серия керамики (34 образца) была исследована для выявления технологической информации о традициях отбора исходного сырья и составления формовочной массы, существовавших у населения Дьякова городища. Наблюдения велись по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999), по свежим сколам с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. В ходе наблюдений для сравнения привлекались экспериментальные образцы, хранящиеся в лаборатории «История керамики» ИА РАН.

В области отбора исходного глинистого сырья технологическая информация включала в себя сведения об ожелезненности, качественном составе грубых естественных минеральных примесей, размере и концентрации этих примесей. Именно эта информация дает представление о тех решающих особенностях, на которые обращали внимание гончары при отборе глины, – цвет, пластичность, засоренность естественными минеральными включениями (*Бобринский*, 1978. С. 76), тем самым позволяя реконструировать общие представления гончаров о глинистом сырье. При оценке пластичности основное внимание уделялось учету степени запесоченности глинистого сырья (количество песчаной примеси в глине), поскольку именно этот фактор помимо других больше всего влияет на пластичность. Степень запесоченности оценивалась по предложенной шкале (*Лопатина*, *Каздым*, 2010). Информация об особенностях составления формовочной массы включала в себя учет качественного и количественного состава искусственных примесей.

Отобранные для анализа 34 образца керамики (см. табл. 40) принадлежат разным сосудам и происходят из разных стратиграфических горизонтов Дьякова городища. К находкам нижнего слоя относятся 20 фрагментов сосудов, к находкам верхнего слоя – 12 и пограничного – 2 фрагмента. По особенностям поверхности вся исследованная керамика разделяется на текстильную (7 экз.), гладкостенную (19 экз.), лощеную (1 экз.). Поверхность семи экземпляров не поддается определению, поскольку они представляют собой фрагменты донных частей, где стенки не сохранились. 34 образца керамики включают в себя 15 верхних частей сосудов, 18 донных частей и 1 стенку. Все образцы происходят из раскопок 1984 и 1986 гг. Следует отметить, что поскольку количество исследованных на данный момент фрагментов керамики невелико, полученные наблюдения носят только предварительный характер. В выборку вошли пока не все морфологические группы керамики, и не все стратиграфические горизонты представлены достаточно полно. Тем не менее, полученные наблюдения дают возможность составить общее представление о традициях отбора исходного сырья и составления формовочной массы у населения Дьякова городища на разных этапах его существования. Эти самые общие наблюдения мы сравним с данными городищ Настасьино, Мутёнковское, Старшее Каширское, Боровский курган и поселения на Боровицком холме Московского Кремля, по которым подробная технологическая информация уже получена (*Лопатина*, 2006; 2009).

Вся просмотренная керамика Дьякова городища была изготовлена из ожелезненной красножгущейся глины. Только один образец (№ 22), происходящий из нижнего слоя, – из слабоожелезненной. При обжиге в муфельной печи до 800^0С он окрасился в бледно-розовый цвет.

В качестве естественных примесей отмечены включения бурого железняка в виде единичных оолитовых, обломочных или окатанных частиц. Естественная примесь известняка в глинистом сырье, что было отмечено ранее по данным петрографии (*Кренке*, *Лопатин*, 1997), не зафиксирована (единственный фрагмент с известняковой дресвой описан ниже).

По степени запесоченности глинистого сырья (табл. 36) для керамики нижнего слоя Дьякова городища установлено преимущественное использование слабозапесоченных (высокопластичных) глин (12 образцов из 20). Наблюдений для верхнего слоя пока недостаточно для каких-либо выводов. Принципиальных отличий между особенностями сырья нижнего и верхнего слоев не отмечено. В целом данные по запесоченности согласуются с наблюдениями, полученными ранее по петрографическим шлифам, в частности о том, что «большая часть керамики во все периоды существования городища изготавливалась из настоящих глин или относительно глубоко залегавших горизонтов покровных суглинков» (*Кренке*, *Лопатин*, 1997. С. 63).

В составе формовочных масс рассмотренной керамики встречены следующие компоненты: глина (Г), дресва (Д), шамот (Ш), песок (П) и органика (О).

Дресва, самый массовый компонент формовочных масс керамики Дьякова городища, представлена в основном дробленой гранитно-гнейсовой породой камня. В одном случае (№ 26) наряду с гранитно-гнейсовой добавлена известняковая дресва, частицы которой реагируют на воздействие соляной кислотой. Остроугольность известняковой дресвы выражена слабее, чем гранитно-гнейсовой.

Шамот зафиксирован предположительно в одном сосуде (№ 15) в виде единичных включений запесоченной глины без примесей, форма частиц полуокатанная.

Искусственная *песчаная* примесь отмечена в формовочной массе трех сосудов (№ 9, 21 и 26). Песок представлен окатанными частицами, максимальный размер которых от 0,5 до 1,5–2,0 мм. Преимущественно это зерна кварца, а также единичные песчинки других минералов.

Следы *органической примеси*, которую можно было бы связать со специальным введением в формовочную массу сосуда, отмечены в образцах (№ 13, 16, 19, 23, 24, 31). В изломе образца № 13 зафиксированы многочисленные мелкие пустоты (0,5–0,7 мм), поверхность которых покрыта выраженным слоем мягкого налета бледно-зеленоватого цвета. Отмечены отпечатки семян растений удлиненной формы, а также редкие травянистые отпечатки не более 0,5 мм в длину. Вероятно, такие следы можно связывать с введением в формовочную массу сосуда специального органического раствора. Для остальных образцов также можно предполагать присутствие органического раствора в формовочной массе. В пользу этого свидетельствует наличие в изломах мелких пустот (0,3–0,5 мм), покрытых черным блестящим налетом (№ 16, 19, 23) или имеющих черную окраску поверхностей (№ 31, 24), а также редкие и мелкие отпечатки травянистых растений.

Наряду со случаями специального введения в формовочную массу органической примеси в большинстве образцов отмечены единичные мелкие отпечатки травянистой растительности, а также корневищ растений, которые изначально присутствовали в залежи глины.

Составы формовочных масс представлены двух- и трехкомпонентными рецептами: ГД, ГО, ГДО, ГДП, ГДШ (табл. 37).

Абсолютное преобладание рецепта ГД характерно для обоих стратиграфических горизонтов. Дресва является наиболее массовым компонентом формовочных масс и присутствует в составе почти всех выявленных рецептов, за исключением рецепта ГО. Остальные составы единичны.

Накопленные на сегодняшний день технологические данные о керамике дьяковских городищ позволяют рассмотреть небольшую коллекцию Дьякова городища на фоне этих данных. К настоящему времени собрана информация о традициях отбора исходного сырья, его обработки и составления формовочной массы керамики у населения нескольких городищ бассейна Москвы-реки (Настасьино, Боровский курган и Боровицкий холм) и Средней Оки (Старшее Каширское и Мутёнковское). Были исследованы все развалы и венчики из доступных коллекций этих памятников (для городища Настасьино развалы и донные части сосудов). Полученные данные относятся в основном к материалам раннего периода дьяковской культуры. Так, городище *Настасьино* датируется автором раскопок VII в. до н.э. – первыми веками н.э. (*Энговатова*, 2004). Городище *Боровский курган* относится к числу поселений, существовавших очень длительное время – более тысячи лет; находки позволяют датировать его VI–V вв. до н.э. – третьей четвертью I тыс. н.э. (*Кренке*, *Лопатина*, 2008). В результате технологического анализа удалось сравнить как ранний, так и поздний комплекс керамики этого памятника. Поселение на *Боровицком холме* Московского Кремля существовало скорее всего не позднее второй половины I тыс. до н.э. (*Шеляпина*, 1973; *Лопатина*, 2010). *Старшее Каширское* и *Мутёнковское* городища, по данным В.В. Сидорова, не имеют напластований, относящихся к позднедьяковскому времени. Время их существования ограничивается раннедьяковским периодом (*Сидоров*, 2004. С. 127).

Ниже приводим общий обзор технологических наблюдений, полученных по керамике этих городищ в рамках раннедьяковского периода. Разделение материала на более узкие этапы при сравнении с рассмотренной коллекцией Дьякова городища представляется нецелесообразным.

Отбор сырья. Обобщая полученные данные об особенностях исходного глинистого сырья (ожелезненность, состав естественных примесей, пластичность), использовавшегося для изготовления керамики перечисленных городищ, можно отметить следующее. Керамика всех памятников изготовлена в основном из ожелезненной глины (керамика городища Боровицкий холм – исключительно из ожелезненной). Случаи использования слабоожелезненных глин единичны. Это отмечено на материалах городищ Дьяково, Настасьино, Боровский курган, Старшее Каширское, Мутёнковское.

Естественные минеральные примеси в керамике всех коллекций чаще всего представлены единичными включениями бурого железняка в виде окатанных, оолитовых или угловатых включений, реже – единичными включениями известняка. Железистые и карбонатные примеси обычны в составе глинистых пород, их единичность в исследованной кера-

мике не позволяет конкретизировать информацию об источниках сырья. Специфические же особенности естественных минеральных примесей, которые могли бы указывать на эксплуатацию особых залежей, зафиксированы только на материалах городища Настасьино (*Лопатина*, в печати). Здесь выявлена сравнительно большая серия керамики, изготовленная из глинистого сырья с высоким содержанием оолитового бурого железняка. Включения окислов железа в виде оолитов указывают на образование данного вида отложений в водной среде (Горная энциклопедия, 1987. Ст. Оолиты.). Не исключено, что глинище могло быть приурочено к залежам озерно-болотных железистых руд.

В целом в рассмотренных коллекциях керамики выявлены единичные случаи, где естественные минеральные примеси обладают нехарактерными особенностями. Например, включения частиц известняка очень крупного размера, до 1,5–2,0 см (Настасьино) или, наоборот, мелкие включения известняка (до 0,5 мм), но в высокой концентрации (Боровский курган). Единичность таких образцов, так же как и единичность образцов, изготовленных из слабоожелезненных глин, указывает скорее всего на кратковременное использование каких-то особых мест добычи глины, что связано с привыканием пришлых гончаров к новым источникам сырья.

Данные о запесоченности исходного глинистого сырья в наибольшей степени дифференцируют материал рассмотренных памятников. В керамике рассматриваемых городищ отмечалось использование сырья высокой, средней и низкой пластичности (табл. 38).

Из таблицы видно, что на памятниках среднего течения Москвы-реки (Боровицкий холм, Дьяково городище) наблюдается более частое использование пластичного глинистого сырья, чем на городище Настасьино, расположенном в ее нижнем течении. На памятниках же Окского бассейна, в рамках каширского течения р. Оки, использование низкопластичного сырья существенно преобладает.

Составы формовочных масс, зафиксированные на указанных памятниках, весьма разнообразны. Отмечены двух-, трех- и четырехкомпонентные рецепты, также однокомпонентный состав, в котором кроме глинистого сырья никаких искусственных примесей не обнаружено. Наибольшее разнообразие рецептур встречено в керамике Мутёнковского городища – 11 вариантов; наименьшее – в керамике поселения на Боровицком холме (всего 1 вариант) (см. табл. 39).

При всем разнообразии рецептов отчетливо прослеживается доминирующая традиция добавления дресвы в формовочную массу сосудов. В простом двухкомпонентном рецепте глина+дресва (ГД) она представляет собой абсолютное большинство на всех рассмотренных памятниках. Дресва представлена также почти во всех сложных трех- и четырехкомпонентных рецептах.

В основном дресва готовилась из гранитно-гнейсовых пород камня, однако наряду с этим существовала и традиция использования известняковой дресвы. В керамике ряда городищ отмечены серии образцов, где в качестве дресвы использовался либо только известняк, либо, что чаще, смесь известняка и гранитно-гнейсовых пород. На Настасьинском городище таких образцов отмечено 41, на Мутёновском – 31, на Старшем Каширском – 3, Дьяковом – 1, в керамике поселения на Боровицком холме и Боровского кургана известняковая дресва не встречена.

Несмотря на то что, по данным современной этнографии, известняк (так называемый «дутик») считается вредной примесью (*Милюченков*, 1984. С. 33), в раннедьяковское время такая примесь, очевидно, считалась приемлемой. Дьяковские гончары не только использовали залежи глины, засоренной известняком, но и добавляли известняковую дресву в формовочную массу. Поскольку вредное воздействие известняка, ведущее к растрескиванию посуды, проявляется только при высокотемпературном обжиге (850–950ºС) (*Матвеев*, 1964. С. 58), можно утверждать, что температура обжига дьяковской керамики была гораздо ниже. Вся керамика с известняком, как естественного, так и искусственного происхождения, не имеет следов растрескивания и сколов, которые образуются вокруг включений известняка в результате высокотемпературного обжига.

В составе трех- и четырехкомпонентных смешанных рецептов отмечены, помимо дресвы, как минеральные (шамот и песок), так и органические примеси. Скорее всего, наличие смешанных рецептов, в состав которых входят минеральные примеси, выполняющие одну и ту же технологическую задачу повышения огнестойкости изделий (дресва, шамот, песок), может указывать на смешивание, в связи с притоком нового населения, разных традиций составления формовочных масс (*Бобринский*, 1978. С. 92). Единичность подобных рецептов свидетельствует о том, что инфильтрации были незначительными, возможно, связанными с браками, и не влияли на общую культурную однородность населения памятников.

Сложный рецепт ГДО на основе дресвы и органики единичным не является, напротив, занимает второе место по массовости на всех памятниках, кроме поселения на Боровицком холме. В этом рецепте, как правило, органика представлена либо растворами органического происхождения, либо навозом жвачных животных, реже отходами молотьбы. Происхождение традиции добавления органики в формовочную

массу пока не вполне понятно, однако можно полагать, что она как-то связана с производством сосудов малых размеров. Именно с этой категорией посуды установлена связь рецепта глина+органика (ГО). Наибольшая серия такой керамики происходит с городища Настасьино. По показателям наибольшего диаметра эти сосуды не вполне подходят под определение миниатюрных сосудов, данное И.Г. Розенфельдт, которая в разряд миниатюрных включала сосуды с максимальным диаметром не более 6–8 см (1974. С. 117, 134). В материалах городища Настасьино этот показатель достигает 10–11 см. Абсолютное большинство сосудов этой группы изготовлено по рецепту ГО, причем органика представлена в основном растворами органического происхождения или отходами молотьбы, реже навозом жвачных животных. Возможно, это сосуды специфического назначения, для изготовления которых требовалось соблюдение определенных технологических схем. В пользу этого говорит и компактное расположение обломков таких сосудов преимущественно на нескольких небольших участках раскопанной площади городища Настасьино. Миниатюрные сосуды Мутёнковского и Старшего Каширского городищ пока не исследованы.

Что касается керамики позднедьяковского этапа, пока получена информация только по небольшой выборке из 20 сосудов городища Боровский курган. В области отбора исходного сырья по сравнению с раннедьяковским временем прослежена тенденция увеличения количества керамики, изготовленной из высокопластичной глины; в области же составления формовочной массы – тенденция увеличения количества керамики с шамотом (*Кренке*, *Лопатина*, 2008). Результаты наблюдений по позднедьяковской керамике Дьякова городища не противоречат подмеченной тенденции, хотя существующая выборка явно недостаточна для окончательных выводов. По этой же причине преждевременным будет сравнение традиций изготовления керамики, происходящей из нижнего и верхнего слоев городища.

В целом, можно заключить, что традиции керамического производства раннего этапа Дьякова городища находят аналогии в керамике ряда городищ этого же времени. Ряд особенностей отбора исходного сырья (пластичность глин, состав естественных примесей), а также составления формовочной массы (наиболее массовые рецепты, особенности подготовки дресвы) находят подтверждение в отмеченных ранее наблюдениях по керамике других памятников дьякова типа.

Таблица 36. **Запесоченность исходного глинистого сырья в керамике Дьякова городища** (число экземпляров)

Слой	Глины низкой запесоченности (высокопластичные)	Глины средней запесоченности (средней пластичности)	Сильнозапесоченные глины (низкопластичные)	Итого
Нижний слой	12	3	5	20
Контакт верхнего и нижнего слоев	–	1	1	2
Верхний слой	3	6	3	12

Таблица 37. **Распределение рецептов формовочных масс в керамике Дьякова городища** (число экземпляров)

Слой	ГД	ГО	ГДО	ГДП	ГДШ	Всего
Нижний слой	17	1	2	–	–	20
Контакт верхнего и нижнего слоев	–	–	2	–	–	2
Верхний слой	8	1	–	3	1	12

Г – глина, Д – дресва, О – органика, П – песок, Ш – шамот

Таблица 38. **Распределение керамики дьяковских городищ по особенностям пластичности исходного сырья** (число экземпляров, %)

Название городища	Слабозапесоченная (высокопластичная)	Средней запесоченности (средней пластичности)	Сильнозапесоченная (низкопластичная)	Всего
Боровицкий холм	14 (100%)	–	–	14 (100%)
Дьяково городище, нижний слой	12 (60%)	3 (15%)	5 (25%)	20 (100%)
Боровский курган, ранний период	13 (37%)	10 (29%)	12 (34%)	35 (100%)
Настасьино	109 (28,5%)	106 (27,5%)	167 (44%)	382 (100%)
Старшее Каширское	11 (11%)	28 (28%)	61 (61%)	100 (100%)
Мутёнковское	18 (8%)	61 (25%)	162 (67%)	241 (100%)

Таблица 39. **Рецепты формовочных масс керамики дьяковских городищ** (число экземпляров, %)

Рецепт формовочной массы	Боровицкий холм	Боровский курган	Дьяково, нижний слой	Настасьино	Старшее Каширское	Мутёнковское
Г	–	–	–	–	1 (1%)	–
ГД	14 (100%)	15 (43%)	17 (85%)	245 (64%)	81 (81%)	175 (73%)
ГО	–	1 (3%)	1 (5%)	14 (3%)	1 (1%)	2 (1%)
ГШ	–	–	–	2 (1 %)	–	1 (0,4%)
ГП	–	–	–	–	–	2 (1%)
ГДО	–	14 (40%)	2 (10%)	67 (17 %)	8 (8%)	39 (16%)
ГДП	–	–	–	27 (7 %)	7 (7%)	11 (4%)
ГПО	–	–	–	–	–	1 (0,4%)
ГПШ	–	–	–	–	–	1 (0,4%)
ГДШ	–	2 (5,5%)	–	17 (5 %)	2 (2%)	4 (1,7%)
ГДПО	–	2 (5,5%)	–	3 (0,7 %)	–	1 (0,4%)
ГДШО	–	1 (3%)	–	6 (2 %)	–	4 (1,7%)
ГДПШ	–	–	–	1 (0,3 %)	–	–
Всего	14 (100%)	35 (100%)	20 (100%)	382 (100 %)	100 (100%)	241 (100%)

Г – глина, Д – дресва, О – органика, П – песок , Ш – шамот

Таблица 40. **Технологическая информация о керамике Дьякова городища**

№ п/п	Паспорт	Название образца	Исходное сырье			Искусственные примеси			Рецепт формовочной массы
			Ожелезненность	Естественные примеси	Пластичность	Минеральные		Органические	
				Вид примеси (максимальный размер, мм)		Вид примеси (максимальный размер, мм)	Концентрация		
1	Д-86; кв. 198-201; –330–340 *Нижний слой*	венчик с текстильной поверхностью	+	песок (0,1 мм)	средняя	Дресва (5,0 мм)	1:3-1:4	–	Г+Д
2	Д-86; зачистка; –340 *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью, орнаментирован розеткой	+	песок (0,1 мм)	средняя	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
3	Д-86; кв. 198; гл I и II *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью, орнаментирован розеткой	+	песок (0,1 мм); б/ж окатанный (0,5 мм)	высокая	Дресва (3,0 мм)	1:3–1:4	–	Г+Д
4	Д-86; кв. 198-201; –330–340 *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью	+	песок (0,1 мм); б/ж обломочный (0,7 мм)	высокая	Дресва (3,0 мм)	1:3	–	Г+Д
5	Д-86; кв. 198–201; –330–340 *Нижний слой*	венчик с текстильной поверхностью	+	песок (0,1 мм); б/ж оолитовый (0,7 мм), конц. 1:6–1:5; глинистые комочки	высокая	Дресва (3,0 мм)	1:4	–	Г+Д
6	Д-86; зачистка глины I *Нижний слой*	фрагмент донной части	+	песок (0,3–0,5 мм)	высокая	Дресва (2,0 мм)	1:4–1:3	–	Г+Д
7	Д-86; кв. 198–201; –330–340 *Нижний слой*	венчик с текстильной поверхностью, орнаментирован тычками	+	песок (0,1–0,5 мм)	высокая	Дресва (3,5 мм)	1:3	–	Г+Д
8	Д-86; кв. 202–205; –330–340 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,1–0,5 мм); б/ж оолитовый (0,5 мм), единичн.	средняя	Дресва (1,5 мм)	1:4	–	Г+Д
9	Д-86; кв. 202–205 *Верхний слой*	верхняя часть сильнопрофилированного чернолощеного сосуда	+	песок (0,5 мм)	высокая	Дресва (1,0 мм) Песок (0,5 мм)	1:2–1:3	–	Г+Д+П?
10	Д-86; кв. 198–201; –330–340 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с текстильной поверхностью	+	песок (0,5 мм); б/ж окатанный (0,5 мм), единичн.	низкая	Дресва (3,0 мм)	1:4	–	Г+Д
11	Д-86; кв. 198–201; –330–340 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,1 мм); б/ж окатанный (0,5 мм), единичн.	высокая	Дресва (2,5 мм)	1:4	–	Г+Д
12	Д-86; кв. 198–201; –330–340 *Нижний слой*	венчик сильнопрофилированный с гладкой поверхностью	+	песок (0,3 мм)	высокая	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
13	Д-86; кв. 200 (от низа глины II до –370) *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью, орнаментирован мелкими ямками	+	песок (0,3 мм); б/ж оолитовый (0,2 мм), единичн.	низкая	–	–	органический раствор	Г+О

Г – глина, Д – дресва, О – органика, П – песок, Ш – шамот

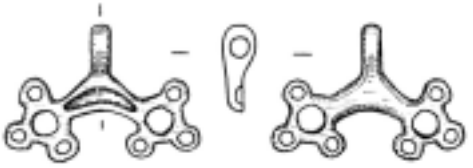
№ п/п	Паспорт	Название образца	Исходное сырье			Искусственные примеси			Рецепт формовочной массы
			Ожелезненность	Естественные примеси	Пластичность	Минеральные		Органические	
				Вид примеси (максимальный размер, мм)		Вид примеси (максимальный размер, мм)	Концентрация		
14	Д-86; кв. 203 слой между глиной I и глиной II *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью	+	песок (0,2 мм)	высокая	Дресва (2,0 мм)	1:4	–	Г+Д
15	Д-84; кв. 140; –245–250 (св.-кор. над сл. 3) *Верхний слой*	венчик с гладкой поверхностью, с орнаментом «веревочка на палочке»	+	песок (0,2 мм); б/ж окатанный (1,5 мм), единичн.	высокая	Дресва (3,0 мм) Шамот?(1,5 мм)	1:4 ед.	–	Г+Д+Ш?
16	Д-84; кв. 140; –245–250 (св.-кор. над сл. 3) *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок (0,3 мм); б/ж окатанный (0,2 мм), единичн.	низкая	–	–	органический раствор	Г+О
17	Д-84; кв. 140; –245–250 (св.-кор. над сл. 3) *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,5–1,0 мм)	средняя	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
18	Д-84; кв. 140; –245–250 (св.-кор. над сл. 3) *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок (0,5 мм)	средняя	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
19	Д-84; кв. 140; –320 (ниж. сл. св. сл. 2) *Контакт верхн. и нижн. слоев*	венчик с гладкой поверхностью, орнаментирован мелкими ямками	+	песок (0,5 мм)	низкая	Дресва (3,0 мм)	1:5	органический раствор	Г+Д+О
20	Д-84; кв. 140; гл. до 365 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,1 мм)	высокая	Дресва (2,5 мм)	1:3	–	Г+Д
21	Д-84; кв. 140; –270–275 *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок искусственно введенный	средняя	Дресва (4,0 мм) Песок (2,0 мм)	1:4 1:5–1:4	–	Г+Д+П
22	Д-84; кв. 140; под II золой до материка *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	–	песок (0,3–1,0 мм)	низкая	Дресва (4,0 мм)	1:4	?	Г+Д
23	Д-84; кв. 140; –350–355 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок (0,7–1,0 мм); б/ж окатанный (0,3 мм), единичн.	низкая	Дресва (5,0 мм)	1:3–1:4	органический раствор	Г+Д+О
24	Д-84; кв. 140; –320 ниж. слой и св. сл. 2 *Контакт верхн. и нижн. слоев*	фрагмент донной части сосуда с текстильной поверхностью	+	песок (0,1–0,3 мм);	средняя	Дресва (3,5 мм)	1:3	органический раствор	Г+Д+О
25	Д-84; кв. 140; верх 286, 291, 270, 288; низ 299, 308, 302, 293 *Верхний слой*	венчик с гладкой поверхностью	+	песок (0,5 мм); б/ж окатанный (0,3 мм)	высокая	Дресва (4,5 мм)	1:4	–	Г+Д

Таблица 40. Продолжение

№ п/п	Паспорт	Название образца	Исходное сырье			Искусственные примеси			Рецепт формовочной массы
			Ожелезненность	Естественные примеси	Пластичность	Минеральные		Органические	
				Вид примеси (максимальный размер, мм)		Вид примеси (максимальный размер, мм)	Концентрация		
26	Д-84; кв. 141; верх 291, 283, 296, 284; низ 308, 290, 297; ск. на св. сл 2 *Верхний слой*	стенка с текстильной поверхностью	+	песок (0,1–0,3 мм) б/ж оолитовый (0,5 мм), единичн.	низкая	Дресва гр-гн (3,0 мм) Дресва изв. (1,0 мм) Песок (1,5 мм)	1:5	–	Г+Д+П
27	Д-84; кв. 141; жилище; –370–373; зола 1 *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,1 мм) б/ж окатанный (0,5 мм), единичн.	высокая	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
28	Д-84; кв. 141; –255–260 *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,5–0,7 мм)	средняя	Дресва (3,5 мм)	1:4	–	Г+Д
29	Д-84; кв. 141, 149; в канавке, гл. в материке *Нижний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,1 мм); б/ж окатанный (2,0 мм), единичн.	высокая	Дресва (2,0 мм)	1:4	–	Г+Д
30	Д-84; кв. 141; –255–260 *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда с гладкой поверхностью	+	песок (0,3 мм); комочки глины (1,0 мм)	средняя	Дресва (3,0 мм)	1:4	–	Г+Д
31	Д-84; кв. 141; пол под II золой *Нижний слой*	венчик с гладкой поверхностью	+	песок (0,5 мм)	низкая	Дресва (2,5 мм)	1:6	органический раствор	Г+Д+О
32	Д-84; кв. 141; –260–265 *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок (0,5–0,7 мм)	средняя	Дресва (3,0 мм)	1:4	–	Г+Д
33	Д-84; кв. 141; –260–265 *Верхний слой*	фрагмент донной части сосуда	+	песок (0,5 мм)	низкая	Дресва (3,0 мм)	1:4	–	Г+Д
34	б/п, 1983 *Нижний слой*	венчик с текстильной поверхностью	+	песок (0,5 мм)	низкая	Дресва (3,0 мм)	1:4–1:5	–	Г+Д

Глава пятая

ХРОНОЛОГИЯ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И РАДИОУГЛЕРОДНЫМ ДАННЫМ



Определение возраста Дьякова городища основано на сопоставлении двух независимых систем датировок. Первая исходит из распределения в культурном слое датирующих археологических находок, вторая базируется на результатах радиоуглеродного датирования образцов древесного угля, костей и других органических материалов.

Применялся также и третий способ датирования – радиотермолюминесцентный (*Власов*, *Куликов*, 1988). Однако, так как уровень точности РТЛ-метода сравнительно низок (среднеквадратичное отклонение составляет 200–300 лет для образцов полутора–двухтысячелетнего возраста), то он может рассматриваться лишь как вспомогательный.

Можно выделить три группы находок, которые можно рассматривать в качестве хроноиндикаторов – это привозные вещи (импорты); характерные местные изделия; керамика. Очень важным является тот факт, что сопоставление коллекции с Дьякова городища и материалов рязано-окских могильников дает целую серию аналогий, что позволяет применить метод перекрестного датирования.

Датировка по импортам

Среди привозных вещей наиболее массовыми являются стеклянные бусы, которых найдено 48.

Синяя глазчатая бусина из нижнего слоя с наибольшим вероятием датируется в пределах V–III вв. до н.э. (*Алексеева Е.М.*, 1978. С. 68). Часто комплексы, где найдены подобные бусы, датируются в более узком интервале – IV–III вв. до н.э.[1] В ареале памятников дьякова типа известно не менее восьми пунктов (см. главу 3) находок бус этого типа помимо находки на Дьяковом городище. Все глазчатые бусы были приурочены к комплексам с раннедьяковскими материалами середины I тыс. до н.э. В погребальном комплексе Чагода 1 аналогичная бусина залегала в сооружении, датированном радиоуглеродным методом в интервале 300–230 гг. до н.э. (*Башенькин*, 1995а. С. 12, рис. 4).

Для хронологии верхнего слоя очень важным показателем является распределение в нем находок золотостеклянных и красных пастовых бус (см. экскурс 2). Бусы этих типов имеют четкую стратиграфическую приуроченность – средний горизонт верхнего слоя в интервалах глубин от –220 до –150. Лишь одна золотостеклянная бусина была найдена на глубине –240. Учитывая единичность находки, нельзя исключить возможность ее перемещения сверху. Найденные на Дьяковом городище золотостеклянные бусины по технологическим признакам (продольная структура, наличие закраин у краев отверстий) не могут быть датированы ранее рубежа эр (*Алексеева Е.М.*, 1978. С. 28) и отличаются от бус второй половины I тыс. н.э. В Северном Причерноморье они встречены в комплексах I–III вв. н.э. В Центральной Европе пик распространения подобных бус приходился, по данным М. Темпельман-Мачинской, на конец I – начало III в. н.э. (*Tempelmann-Mączyńska*, 1985. S. 65). В лесной зоне Восточной Европы золотостеклянные бусы встречены на памятниках рубежа эр – первых веков н.э. в Прибалтике (*Гуревич*, 1960. С. 387; *Michelbertas*, 1972. С. 261–262; *Шмидехельм*, 1955. С. 81, 137), Поднепровье (*Кухаренко*, 1964. С. 40), Белоруссии (*Егорейченко*, 2006. С. 91–92), Мордовии (*Степанов*, 1969. С. 221–227), Прикамье (*Агеев*, 1992; *Генинг*, 1970. С. 54, 55). Массовые находки подобных бус происходят из Кошибеевского могильника в Рязанской области (*Румянцева*, 2007а).

Специфика набора бус из среднего горизонта верхнего культурного слоя Дьякова городища заключается в совместном залегании золотостеклянных и красных пастовых бус при преобладании первых. В рязано-окских могильниках такой набор встречен в погребениях конца II – первой половины IV в. (набор К2 Кошибеевского могильника по О.С. Румянцевой). Преобладание золотостеклянных бус в комплексе с Дьякова городища, видимо, является хронологическим признаком, позволяющим предположить, что слой, где они были найдены, формировался в начале вышеуказанного хронологического интервала.

[1] Автор благодарит Е.М. Алексееву за консультацию относительно датировки бус, найденных на Дьяковом городище.

В верхнем горизонте культурного слоя Дьякова городища был найден комплекс, включавший 14-гранные синие бусы и красную пастовую. Четырнадцатигранные бусы имеют широкие хронологические рамки бытования (см. экскурс 2), начиная с конца II в. н.э. и по VI–VII вв. н.э. Встреченная вместе с ними красная пастовая бусина, по мнению О.С. Румянцевой, не может быть датирована временем позже, чем конец IV – начало V в. н.э.

Значение хронологического маркера имеют найденные на Дьяковом городище бронзовые изделия с эмалью. Пять лунниц были обнаружены в стратифицированном слое в интервале глубин –171–208. Этот прослой был условно обозначен как «горизонт эмалей». Кроме того, серия подковообразных фибул с эмалью была найдена в перекопах, они также являются хроноиндикаторами, подтверждающими активность внешних контактов жителей городища в период бытования восточноевропейских эмалей.

Лунницы относятся к категории «маленьких». Согласно последним разработкам А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (2007. С. 118, рис. 138), находки с Дьякова городища относятся к стадии «Б», занимающей среднее положение в эволюционном ряду эмалей. Датировка эмалей средней стадии – середина – вторая половина III в. н.э. (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 123).

Подковообразная фибула с прямоугольным центральным щитком и круглыми концевыми по типологии Е.Л. Гороховского относится к балто-днепро-окской серии VI с круглыми концевыми щитками, типу 1 (прямоугольный центральный щиток). Данная фибула может быть сопоставлена с фазой «С» развития подковообразных фибул с эмалью, выделенной Е.Л. Гороховским, которую он относит ко второй половине III в. н.э. (*Гороховський*, 1982. Рис. 6). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский приводят аргументы в пользу того, что фибулу из Рябовки, схожую с находками № 11, 12 с Дьякова городища, следует относить к первому этапу киевской культуры (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 123), который датируется концом II–III в. (преимущественно первая половина). Дополнительные аргументы в пользу датирования находки из Рябовки первой половиной III в. н.э. приводит К.И. Бакуменко (*Бакуменко и др.*, 2006. С. 30, 31). Близкие аналогии находке с Дьякова городища имеются в Литве (*Vaitkevičius*, 2004. Il. 14) и северо-восточной Польше (*Bitner-Wroblewska*, 2007). Битнер-Вроблевская датировала фибулу из погребения 81 могильника Нетта периодом B_2/C_1–C_{1a}, т.е. второй половиной II – началом III в. н.э. (*Bitner-Wroblewska*, 2007. P. 47).

Две подковообразные фибулы из раскопок Дьякова городища имеют ромбический средний щиток с двумя гнездами, дополненный дисковидными выступами, и круглые концевые щитки с красной эмалью. Эти находки соответствуют серии VI, типу 2, варианту Б по системе Е.Л. Гороховского, который он относит к фазам С и D, т.е. к рубежу III и IV вв. н.э. (*Гороховський*, 1982. С. 28, рис. 6).

На одном уровне с украшениями с эмалью была найдена накладка с тамгообразным знаком. Знак очень близок к тамге Аспурга (см. экскурс 3).

Датировки комплексов с изображениями тамги Аспурга относятся к I – началу II в. Так, в частности, второй половиной I – началом II в. н.э. датируется курган № 6 первого Чертовицкого могильника, где был найден амулет с тамгой (*Медведев*, 1990. С. 62).

На одном уровне с находками эмалей залегал наконечник пояса (рис. 141, № 222-81), принадлежащий «окско-сурской серии» и связанный с кругом северо- и центральноевропейских переработок провинциально-римских образцов (*Гавритухин*, *Воронцов*, 2008. С. 49). По И.О. Гавритухину, нижняя дата поясных наконечников этого типа относится к концу фазы B_2 – началу C_1 европейской хронологии (*Гавритухин*, *Воронцов*, 2008. С. 50), т.е. концу II – началу III в. н.э. Верхняя дата расплывчата.

Двучленная прогнутая подвязная фибула с расширенной жаловидной ножкой была найдена в заполнении поздней ямы, шедшей до глубины –250. То есть фибула происходит из горизонта выше –250. Происхождение этого типа, как считал А.К. Амброз, не выяснено. Фибулы встречены в могильниках черняховской культуры, датируемых IV в. н.э. (*Амброз*, 1966. С. 69).

Серия привозных предметов относится к V–VII вв. н.э. Большинство их найдено в перекопах.

Среди них щиток пряжки, массивный литой, овальной формы, с одной заклепкой в центре (рис. 141, № 1425). Очень близки находке с Дьякова городища пряжки из склепа 78 Боспорского некрополя. И.П. Засецкая датирует их второй половиной V – рубежом V–VI вв. (2003. С. 38, табл. 12, *36, 45*).

Пряжку с овальным щитком и одной заклепкой из Константиновграда И.О. Гавритухин датировал второй половиной V – первой половиной VI в. (2007. С. 32, табл. 22, *12*).

Сходные находки из склепа 495 в Скалистом в Крыму (*Хайретдинова*, 2003. Рис. 1, *9, 10*) определены как обувная гарнитура и датированы первой половиной VI в. По мнению Э.А. Хайретдиновой, они произведены в Херсонесе по византийским образцам (2003. С. 126).

В могильнике Дюрсо близ Новороссийска также есть пряжки с аналогичными щитками с одной заклепкой в центре. Ранний пласт погребений, где они

найдены, датирован концом V – первой половиной VI в. (*Дмитриев*, 2003. С. 201, табл. 79, *14*,).

На Верхнем Дону, в могильнике с трупоположениями на Животинном городище были найдены погребения, содержавшие портупейные пряжки, аналогичные находке с Дьякова городища. И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский датируют эти комплексы 450–480 гг. н.э. и считают, что погребения принадлежат «носителям западной воинской цивилизации» (*Ахмедов*, *Казанский*, 2004. С. 179, рис. 13, *7*).

Трапециевидная подвеска, орнаментированная двумя рядами точек, по предположению М.М. Казанского, относится к вещам дунайского происхождения, попавшим в лесную зону в третьей четверти I тыс. н.э. в связи с процессом славянской колонизации (*Kazanski*, 2000. Fig. 6, *28*). И.О. Гавритухин посвятил специальную статью данному типу украшений (находка с Дьякова городища была им учтена) и пришел к выводу об их датировке VII в. (1997. С. 48).

Тисненая бляшка-обоймица (рис. 145) может рассматриваться как импорт, возможно, из ареала культуры псковских длинных курганов. Е.Р. Михайлова приводит аргументы в пользу определения нижней даты этой культуры концом V в. н.э. (2009). Вероятная датировка тисненых бляшек – VI – начало VII в. н.э. В Литве в могильнике Велиона найдены прототипы этих украшений, которые датируются IV–V вв. н.э. (Prehistoric Lithuania, 2000. P. 69).

Накладка поясная двурогая одночастная геральдического стиля (рис. 141) имеет многочисленные аналогии. Появление поясов с геральдическими накладками, распространившихся в Восточной Европе, видимо, из Византии, относится к середине VI в. (*Амброз*, 1981. С. 16). По А.И. Айбабину и Э.А. Хайретдиновой, двурогие накладки были распространенным элементом геральдических поясных наборов второй половины VI – VII в. н.э. из Юго-Западного Крыма (*Хайретдинова*, 200. С. 129; Айбабин, 1990. С. 52, 53). Они характеризуют хронологический этап первой половины VII в. по материалам могильника Суук-Су (*Айбабин,* 2003. Табл. 20, *42, 44*). И.П. Засецкая датировала сходные двурогие псевдопряжки из склепа 180 Боспорского некрополя второй половиной VI – началом VII в.н.э.

В.Б. Ковалевская датировала экземпляр с Дьякова городища VII в. (устное сообщение 1988 г.). А.К. Амброз относил изделия данного типа к VII в. (1981. С. 98, рис. 6, *45*). По И.О. Гавритухину, «рогатые» накладки присутствуют уже в выделенном им хронологическом горизонте 2, интервал которого определяется концом VI – первой третью VII в.; продолжают бытовать в горизонте 4, датируемом второй и третьей третями VII в. (*Гавритухин*, 1999. С. 168; 2001. С. 37, 39).

Бубенчики с полями (рис. 145) были найдены в стратифицированном слое, в его самой верхней части. Бубенчики имеют для подвешивания характерные S-видные переходники. Три таких переходника без бубенчиков встречены в перекопах. Все эти находки обнаружены близко друг от друга и, возможно, принадлежали к одному украшению. Многочисленные аналогии известны на территории Эстонии, Восточной Латвии (*Аун*, 1980. Рис. 18; Latvijas PSR Arheologija, 1974. Tab. 42, 43; *Urtāns*, 1970; *Wróblewska et all*., 2005. Tab. 3). Нижняя дата находок из Латвии – VII в. н.э.

Таким образом, по привозным вещам, найденным на Дьяковом городище, можно сделать следующие выводы.

Нижний слой городища датируется V–III вв. до н.э.

Средний горизонт верхнего слоя датируется II–III вв. н.э. Важно подчеркнуть, что датировка «горизонта эмалей» поддерживается серией находок стеклянных и пастовых бусин.

Жизнь на городище продолжалась и в IV–VII вв. н.э., но отложения этого времени по большей части оказались переотложенными или нарушены перекопами.

Датировка по вещам местного изготовления

Слой «Г», погребенная почва. Немногочисленная серия вещей из этого слоя позволяет предполагать, что его формирование происходило во второй четверти I тыс. до н.э. На эту дату указывают литейная форма от булавки с двуспиральным навершием, костяная стрела «каширского типа». Серия литейных форм для браслетов также хорошо согласуется с предполагаемой датой. Косвенным подтверждением являются находки кремневых орудий из перекопов. Они свидетельствуют о том, что на городище была какая-то активность на рубеже бронзового и железного веков, что для лесной зоны Восточной Европы соответствует первой половине I тыс. до н.э.

Нижний слой «В». Для датировки этого слоя очень существенное значение имеют массовые находки наконечников костяных стрел. В наборе стрел следует особо выделить несколько типов. В первую очередь самый распространенный из них – тип 3 (однокрылые вытянутых пропорций со скосом на противолежащей стороне) датировался исследователями IV в. до н.э. (*Крис*, *Чернай*, 1980. С. 79). Возможно, что эта датировка искусственно несколько сужена. Массовые находки этих стрел позволяют синхронизировать нижний слой Дьякова с нижним слоем городища Боршева, где были найдены такие яркие датирующие вещи, как роговой футляр IV в. до н.э., сделанный в скифском зверином стиле, скифская умбоновидная серьга, глазчатая бусина.

На протяжении формирования слоя «В» стрелы типа 3 претерпели эволюцию пропорций (см. главу 3), это указывает на относительно продолжительный временной интервал (несколько поколений?).

Стрелы типа 9 (с утолщением в середине и черешком в виде лопаточки) также очень важны для синхронизации раннедьяковских слоев. Они присутствуют в тех же горизонтах, что и стрелы типа 3.

Пулевидные втульчатые стрелы, подобные находкам из слоя «В», К.А. Смирнов сопоставлял со скифскими стрелами VIII–III вв. до н.э. (1974а. С. 29).

Для датировки набора стрел из нижнего слоя важен аргумент «от противного». В этом слое отсутствуют стрелы вытянутых пропорций трехгранного сечения, характерные для нижнего слоя Троицкого городища возле Можайска.

При раскопках Дьякова городища в XIX в. была найдена рукоять с грибовидным навершием (*Сизов*, 1897. Табл. XXIII). Находки рукоятей с грибовидным навершием в нижнем слое городища Боршева (*Крис*, *Чернай*, 1980. С. 78) и в нижних слоях днепро-двинских городищ (*Шмидт*, 1992. Табл. 3) подтверждают вывод К.А. Смирнова о том, что на дьяковских городищах они встречаются в слоях середины I тыс. до н.э. (1974а. С. 39).

Хронологическим маркером является сам обширный набор инструментов из кости (долота, ножи, скобели, струги). Этот набор соответствует начальному периоду освоения железа.

Таким образом, судя по набору изделий местного производства, наиболее вероятным временем отложения слоя «В» является интервал V–III вв. до н.э.

Для определения начальной даты верхнего слоя по вещам местного производства прежде всего необходимо учесть соотношение изделий из кости и железа. Это соотношение резко различают нижний слой и нижний горизонт верхнего слоя. В нижнем слое, безусловно, доминирует костяная индустрия, в основании верхнего слоя железных изделий уже в два раза больше, чем костяных. Удельная концентрация железных изделий на единицу объема культурного слоя возрастает при переходе от нижнего слоя к верхнему в десять раз. Такие различия, на мой взгляд, указывают на наличие хронологической лакуны между слоями. Временную протяженность этой лакуны можно определить лишь приблизительно. Вероятно, лакуна приходилась на II в. до н.э. Этот вывод может быть сделан исходя из датировки нижнего слоя и датировок среднего горизонта верхнего слоя.

Датирующими предметами являются костяные наконечники стрел удлиненных пропорций с трехгранным сечением. Аналогичные найдены в нижнем слое Троицкого городища и в Андреевском кургане. В датировке грунтовых могил этого памятника существует расхождение между исследователями. П.Д. Степанов датировал их последними веками до н.э. (1980. С. 34) В.В. Гришаков на основе анализа комплексов бус выдвинул предположение, что хронологические различия между грунтовыми и впускными погребениями кургана незначительны. Наиболее ранние комплексы, по его мнению, датируются в пределах I в. н.э. (*Гришаков*, 1999).

Двушипные железные стрелы линзовидного сечения с удлиненным черешком, найденные в основании верхнего слоя Дьякова городища, также имеют параллели в древнейших захоронениях Андреевского кургана. Датировка этих погребений временем «ранее I в. н.э.» (*Степанов*, 1980. С. 30) кажется вполне оправданной, так как основана на стратиграфии курганной насыпи. «Короткая хронология» Андреевского кургана, предложенная В.В. Гришаковым, не выглядит вполне убедительной, так как не объясняет наличие в грунтовых погребениях целой серии ранних вещей, имеющих аналогии в сарматских памятниках III–II вв. до н.э. (*Степанов*, 1980. С. 28).

Немногочисленные бронзовые украшения из нижнего горизонта верхнего слоя, вероятно, могут быть хронологическими маркерами. Это небольшие нашивные прямоугольные бляшки с зубчатым краем и умбоновидные ажурные привески. И те и другие специфичны именно для дьяковских, в первую очередь москворецких памятников. Нашивные бляшки с зубчиками, тождественные находкам с Дьякова городища, есть на городище Настасьино. Эта аналогия важна тем, что городище Настасьино, по-видимому, не функционировало в позднедьяковское время, ориентировочно его верхнюю дату можно ограничить рубежом эр.

Умбоновидная подвеска из основания верхнего слоя относится еще к ранней разновидности этого вида украшений, предшествующей их «классическому» варианту. Наиболее близким по декору к находке с Дьякова городища является украшение из домика мертвых Усть-Белая 1, который датируется концом I тыс. до н.э. (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. Рис. 6, *11, 12, 17*).

В целом очевидно, что надежные хронологические реперы для основания верхнего слоя отсутствуют. Время формирования этого горизонта, с учетом данных о датировке подстилающих и надстилающих горизонтов, может быть ориентировочно определено в интервале I в. до н.э. – I в. н.э.

В нижней части среднего горизонта верхнего культурного слоя (отметки глубины –210–260) были найдены двускатные прямоугольные нашивные бляшки, умбоновидная подвеска «классического» варианта, накладка с антропоморфными изображениями, ком-

бинированное украшение из пяти бляшек-скорлупок. Аналогии украшениям из соединенных бляшек-скорлупок есть в комплексах домиков мертвых Усть-Белая 1 (*Башенькин*, *Васенина*, 2004а. Рис. 6, *8*), Куреваниха XVII (*Башенькин*, 1995. Рис. 3, *14*). Они обоснованно датируются авторами раскопок II в. до н.э. – I в. н.э.

На основании стратиграфии самой массовой серии умбоновидных подвесок классического варианта с Троицкого городища А.Ф. Дубынин предполагал, что они датируются в пределах II–III, возможно, IV в. н.э. (*Дубынин*, 1974. С. 233). Вероятно, эту датировку следует несколько удревнить, так как нет «пересечений» находок умбоновидных подвесок и украшений с выемчатыми эмалями, набором бус синхронных времени эмалей.

Пластины с антропоморфными изображениями связаны с кругом сарматских тамг (см. экскурс 3) и, следовательно, не могут датироваться позднее середины III в. н.э. Вполне приемлема для них датировка I–II вв. н.э.

В самой верхней части рассматриваемого горизонта была встречена поясная привеска, которая по аналогиям в рязано-окских могильниках датируется III в. н.э. (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 9, *6, 14*).

Очевидно, что отложение нижнего метра культурного слоя Дьякова городища заняло достаточно продолжительный отрезок времени, так как наблюдается существенная эволюция вещевого комплекса, форм предметов, в том числе и таких местных изделий, как грузики дьякова типа.

Учитывая это косвенное соображение, а также датировки аналогий, можно предполагать, что формирование культурного слоя на глубине –210–260 происходило преимущественно в I–II вв. н.э.

Верхняя часть среднего горизонта верхнего слоя (глубины –160–210) изобиловала вещевыми находками. В том числе здесь были найдены такие характерные вещи, характеризующие местные стили ювелирных украшений, как шумящие серьги с треугольным щитком, декорированным двойными волютами; бантиковидные и прямоугольные накладки, состоящие из соединенных в блоки микроскорлупок.

Для серег с колокольчатыми или пластинчатыми привесками И.Г. Розенфельдт была разработана типология и предложены сравнительно узкие даты для каждого из типов в пределах хронологического интервала VII – первой половины IX в. (1982. С. 45–52). На мой взгляд, эти даты совершенно неприемлемы и являются результатом системной ошибки в подборе аналогий.

За пределами ареала дьяковской культуры серьги данного вида были найдены в двух погребениях рязано-окских могильников Заречье и Кораблино (*Белоцерковская*, *Ахмедов*, 2009. Рис. 6), относящихся к фазе 2а, датирующейся второй половиной III в. (*Белоцерковская*, 2007). Переходник, аналогичный выделенному варианту 2, обнаружен в могильнике Большое Давыдовское 2 возле Суздаля (*Макаров и др*., 2010. Рис. 5, *15*), который авторами раскопок отнесен к III–V вв., но судя по набору вещей и радиоуглеродным датам, вполне вероятно, что верхняя дата памятника – IV в. н.э. В дьяковских памятниках серьги и ряд других украшений (бантиковидные нашивки, пронизи, колокольчатые и пирамидальные привески), которые И.Г. Розенфельдт датирует преимущественно VIII–IX вв., встречены в одних стратиграфических горизонтах (Дьяково городище, Луковня) или закрытых комплексах кладов (Троицкое городище) с выемчатыми эмалями или предметами круга выемчатых эмалей. Это очень существенно, так как верхняя граница украшений восточноевропейских эмалей не выходит за рубеж IV и V вв. (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 124; *Гороховський*, 1982).

Датирующее значение имеют застежки-сюльгамы, украшенные S-видными завитками (волюты). В рязано-окских могильниках имеются сходные изделия, возможно заимствованные из Москворецкого региона (*Белоцерковская*, 1999. С. 172). И.В. Белоцерковская объединяла эту группу застежек в серию 1В и первоначально датировала ее первой половиной IV в. н.э. на основании анализа комплексов погребального инвентаря (1999. С. 169). В последних работах эта датировка понижена почти на 100 лет (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 7, *9*).

Таким образом, для горизонта –160–210 по вещам местного производства вероятна дата III–IV вв. н.э.

В верхнем горизонте культурного слоя на глубине –110–160 из вещевых находок предположительно местного производства наибольшее значение для определения возраста имеют бронзовые трапециевидные привески и каменные литейные формы. Трапециевидные привески, о которых идет речь, представлены двумя вариантами – высоких пропорций с S-видными переходниками для подвешивания (вариант «А») и более низких пропорций, соединенных по три штуки вместе (вариант «Б»).

Очень близкие аналоги привескам варианта «А» имеются в рязано-окских могильниках. Можно даже предполагать, что найденные на Дьяковом городище привески являются импортами из региона рязано-окских могильников. Датировка погребений могильников Кораблино, Заречье, откуда происходят аналогии, определяется в рамках V – начала VI в. (*Белоцерковская*, 2007. С. 201). Аналогичным образом датируется Никитинский могильник, где также встречены подобные украшения (*Воронина и др*., 2005). Есть

они и в Безводнинском могильнике, где являлись элементом головного убора (*Краснов*, 1980. Рис. 28).

Аналогии подвескам варианта «Б» представлены в погребении 195 могильника Заречье (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 8, *40*), которое датируется V – началом VI в. Аналогичные вещи есть и в других финских могильниках того же культурного круга – Хотимльском, Борковском (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. Рис. 6). Находка тождественной подвески имеется на мощинском городище Акиньшино, расположенном на правом притоке Оки выше Алексина (*Воронцов*, 2010. Рис. 42). А.М. Воронцов определяет, правда, с некоторыми оговорками, верхнюю границу мощинских древностей V в. н.э. (2008. С. 204). То есть ареал подвесок варианта «Б» – бассейн Оки, вероятная датировка – гуннское время или конец V – начало VI в. н.э.

Серия каменных и глиняных разъемных литейных форм из верхнего горизонта верхнего культурного слоя Дьякова городища, предназначенных для литья оловянных украшений, характеризуют появление совершенно новой культурной традиции (см. экскурс 5). Возможно, литейные формы были изготовлены на месте, но могли быть и привезенными. Изображения на формах и сами литейные формы имеют значительную серию аналогий в сопредельных регионах. Датировки аналогий литейным формам указывают на третью четверть I тыс. н.э. Различия между литейными формами с Дьякова городища и формами с мерянских памятников (Сарское городище, Ратьковский могильник) позволяют высказать предположение, что между ними нет хронологического пересечения. То есть находки с Дьякова городища датируются V–VI вв. и не заходят в VII–VIII вв.

Находки из построек и их значение для датировки городища

Наиболее достоверными представляются два комплекса находок из построек «Е-7» и «Е-8». Находки из постройки «Е-7» были «зажаты» между двух глиняных прослоек, поэтому данный комплекс представляется особенно достоверным. В данной постройке были найдены четыре лунницы с эмалью, спекшиеся в комок, золотостеклянные бусы, серьга со щитком, декорированным волютами, фрагмент бантиковидной нашивной бляшки, два железных ножа, стрела, глиняные шарики и льячка (рис. 159).

Находки из постройки «Е-8» залегали на глиняном полу. В комплекс входят фрагменты серег, бантиковидная нашивка, глиняные изделия – грузик, табличка, миниатюрный сосуд, шарики.

Хронологическая разница между двумя комплексами, видимо, невелика, так как вряд ли примитивная постройка могла существовать долее 50 лет. Судя по наличию в комплексе постройки «Е-7» украшений с эмалью, его датировка может быть определена III в. н.э. Соответственно комплекс «Е-8» вряд ли моложе первой половины IV в. н.э.

На основании данных комплексов находок можно с надежностью говорить о синхронности местных дьяковских серег со щитком, бантиковидных нашивок и украшений с эмалью.

Датировка по керамике

Комплекс керамики из древнейшего слоя «Г» синхронизируется с керамикой слоев V–VI Селецкого городища и слоя II/2в Боршевского городища, датированных исследователями по совокупности стратиграфических данных и вещевым находкам VIII–V вв. до н.э. (*Крис*, *Чернай*, *Данильченко*, 1984). Серия радиоуглеродных датировок, полученных для памятников со сходной керамикой (Селища Чертов городок, Царицыно 1, городище Дютьково), с наибольшим вероятием указывает на возраст в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Керамика из слоя «В» по орнаментации, профилировке, характеру текстильных отпечатков синхронизируется с керамикой слоев II–IV Селецкого городища и слоев II/2а–II/2б Боршевского городища, которые по схеме Х.И. Крис и И.Л. Черная датируются IV–III вв. до н.э.

Для датирования по керамике верхнего слоя «А» Дьякова городища необходимо определить время появления в регионе лощеной керамики. И.Г. Розенфельдт считала, что лощеная керамика появляется на дьяковских городищах в IV в. н.э. (1974. С. 177). В качестве аргумента приводилось следующее соображение: «установлению ее даты (лощеной посуды. – *Н.К.*) способствуют находки в курганах верхнего течения Оки и на городищах мощинского типа, время которых определяется вещами с эмалью (IV–V вв. н.э.)» (*Розенфельдт И.Г.*, 1974. С. 177). Приведенное соображение, однако, не может способствовать установлению нижней хронологической границы лощеной керамики. Если предположить, что на мощинских городищах лощеная посуда появляется лишь в IV в. н.э., то становится непонятным, почему в мощинской керамике прослеживаются зарубинецкие традиции. Учитывая, что район Подесенья был охвачен зарубинецким влиянием еще в I в. н.э. (*Амброз*, 1964), трудно представить, чтобы сравнительно близкий район Верхней Оки этих влияний не испытал. Вероятнее выглядит точка зрения В.В. Седова, который считал, что зарубинецко-почепские культурные элементы, в том числе лощеная керамика, проникали в бассейн Верхней Оки во II–III вв. н.э. (*Седов*, 1982. С. 43).

Выявленные относительно недавно на правобережье Оки и в долине р. Упы памятники типа Ново-

Клейменово подтверждают данную точку зрения. На этих памятниках присутствует лощеная керамика, во многом сходная с керамикой среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (*Воронцов*, 2007а. Рис. 4). «Горизонт Ново-Клейменово» предшествует мощинскому, предшествует «горизонту восточноевропейских эмалей», синхронизируется с познесарматскими памятниками. Датировка памятников типа Ново-Клейменово, по А.М. Воронцову, II – первая половина III в. н.э. (*Воронцов*, 2007а. С. 67).

Нужно также учитывать материалы могильников кошибеевского типа и рязано-окских. Лощеная посуда фиксируется здесь уже в III в. н.э. (*Гришаков*, 1993. С. 78). По предположению О.С. Румянцевой, появление лощеных мисок в рязано-окских могильниках связано с влиянием дьяковской культуры (2007. С. 254). Соответственно время появления лощеной посуды на дьяковских городищах следует датировать более ранним временем.

Таким образом, вполне можно предположить, что в ареале дьяковской культуры лощеная керамика входит в употребление не позднее II – начала III в. н.э. Это подтверждает стратиграфия Троицкого городища. Из статистических данных о распределении по глубинам керамики в наиболее сохранившейся зоне V следует, что в период отложения третьего пласта (глубина 0,4–0,6 м) лощеная керамика уже бытовала. По набору находок А.Ф. Дубынин датировал этот пласт II–III вв. н.э. (*Дубынин*, 1970а. С. 58).

Если лощеная керамика появляется на дьяковских городищах во II–III вв. н.э., то этим же временем нужно датировать слой Дьякова городища на глубине –210–240, так как именно на этой глубине появляется лощеная керамика. Не исключена также дата I–II вв. н.э., так как возможно, что распространение лощеной керамики происходило очень быстро.

Датирующим маркером является посуда (горшки и миски) «мощинского круга» с резким перегибом (уступом), подчеркнутым линией, при переходе от тулова к венчику. Данный керамический стиль характерен для самого верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища. Эта посуда может указывать на дату IV–V вв. н.э.

Датирование культурного слоя Дьякова городища по совокупности археологических данных

1. Слой «Г» датируется по керамике и комплексу вещей VIII–VI вв. до н.э.

2. Слой «В» датируется V(IV) – III вв. до н.э. по керамике, предметам импорта, изделиям местного производства.

3. Основание слоя «А» датируется приблизительно концом II – I в. до н.э.

Средняя часть слоя «А» (глубина –210–260) по вещам и керамике преимущественно датируется первыми веками н.э. При датировке горизонта –160–200, суммируя данные о хронологии обнаруженных здесь вещевых находок, можно прийти к выводу, что его накопление происходило примерно в III – первой половине IV в. н.э.

Верхний стратифицированный горизонт верхнего слоя (–110–160) датируется по вещам и керамике в интервале от второй половины IV до V (начало VI) в. н.э.

Находки из разрушенной верхней части культурного слоя, попавшие в перекопы, указывают на то, что на городище была какая-то активность вплоть до VII в. н.э.

Никаких свидетельств функционирования городища в VIII в. н.э. у нас нет.

Радиоуглеродная хронология Дьякова городища

Хорошо стратифицированный культурный слой Дьякова городища содержал разнообразные углеродосодержащие остатки (древесные угли от конструкций построек, обугленные зерна культурных злаков, кости, являвшиеся кухонными остатками, суглинистые прослойки с высокой концентрацией органики). Всего, как отмечалось выше, по образцам, отобранным в 1981–1987 гг., было получено 80 радиоуглеродных определений возраста (табл. 41).

Оценивая в целом распределение радиоуглеродных датировок (рис. 226), можно отметить, что только некоторые из них существенно отклонились от основного «тренда» (чем глубже, тем древнее). В некоторых случаях эти отклонения могут быть логично объяснены. Например, в верхнем слое на глубине –245–250 была прослежена тонкая коричневая органическая прослойка, которая, видимо, является выбросом из перекопа, затронувшего нижний слой. Образцы из этой прослойки (ГИН 2793, 2907) дали возраст, соответствующий именно нижнему слою. На рис. 226 представлено распределение датировок в зависимости от глубины залегания образцов, по которым они получены.

Суммирование вероятностей калиброванных значений всех датировок позволяет определить статистически достоверные границы хронологического интервала, в котором функционировало городище, начиная с отложения нижнего слоя «В» до финала среднего горизонта верхнего слоя «А». Именно такие стратиграфические рубежи определены тем, что в погребенной почве (слой «Г») и в самом верхнем горизонте верхнего слоя «А» отсутствовали образцы, пригодные для радиоуглеродного датирования.

Этот суммарный интервал с вероятностью в 1 сигму (68,2%) определяется как 450 г. до н.э. – 400 г. н.э. (табл. 42).

Радиоуглеродная датировка нижнего слоя «В». Из нижнего слоя было датировано 24 образца. Комплекс из восьми датировок был получен для двух строительных горизонтов постройки «А». Это даты № 3910, 3913 (верхний уровень «А-3»), 3187, 3188, 3189, 3904, 3912, 4020 (нижний уровень «А-2»). Временной интервал между строительными уровнями, судя по стратиграфическим данным, был минимальным, так как полы двух горизонтов разделяло всего несколько сантиметров культурного слоя, в планировке помещений наблюдалась преемственность. Полученные датировки дали очень сильный разброс. Две даты (одна из нижнего, другая из верхнего стратиграфического горизонта) относятся к VIII–VI вв. до н.э. (№ 3912, 3913). Причины такой древности этих двух дат нам неизвестны, однако ясно, что они не соответствуют возрасту нижнего слоя, так как противоречат всему остальному массиву дат. Две датировки из постройки оказались, наоборот, очень молодыми (№ 3189, 4020), их калиброванный возраст укладывается в интервал II–I вв. до н.э. Четыре даты (№ 3187, 3188, 3904, 3910) указывают на интервал IV–II вв. до н.э. Вероятно, именно они наиболее точно соответствуют возрасту сооружения.

Серия дат получена по отдельным объектам, рассредоточенным в нижнем культурном слое. Датирование проводилось по древесному углю, сгоревшим травянистым выстилкам полов, костям и земле (коричневые органические прослойки), содержавшей значительную примесь органики. Последние образцы обозначены в таблице 41 как «почва». Большая часть образцов была отобрана из среднего уровня нижнего слоя. Важно отметить, что два образца были взяты рядом друг с другом из самой верхней части нижнего слоя (ГИН-3906; Hela-942). При этом один из этих образцов представлял собой уголь от сгоревшей конструкции постройки, а другой – нагар на стенке текстильного горшка (сосуд № 62). Эта пара образцов дала очень сходные результаты, указывающие с наибольшей вероятностью на II–I вв. до н.э. Большинство остальных датировок из среднего уровня нижнего слоя указывает на интервал IV–II вв. до н.э. Датировки нижних ярусов сооружений оборонительного вала «захватывают» V в. до н.э. Одна дата резко выпадает из серии (№ 2787). Объяснить наличие этой пятитысячной даты можно лишь двумя причинами: или на городище сжигался ископаемый материал, или была допущена грубая лабораторная ошибка (что маловероятно).

В целом, несмотря на некоторые несовпадения и инверсии, результаты радиоуглеродного датирования образцов из нижнего слоя указывают на то, что его формирование происходило в интервале с V (IV) по II в. до н.э. Использование в качестве образцов различных углеродосодержащих материалов увеличивает надежность данного вывода.

Радиоуглеродное датирование верхнего слоя «А». Образцы, отобранные для датирования, распределялись по разрезу неравномерно. Наибольшее количество было отобрано на глубине –180–220, что обусловливалось наличием пригодных для датирования материалов. Датирование производилось преимущественно по древесному углю от построек, а также по костям, мелкодисперсному углю («сажа»). Одна датировка была получена по скоплению обугленных зерен ячменя.

Серия из семи дат для горизонта –260–310 содержит две удревненные даты (№ 2780 и 3916), давшие возраст 9000 и 2700 лет. Четыре даты (№ 2799, 2788, 3915, 3198) заполнили довольно компактный интервал II–I вв. до н.э. – I в. н.э. Одна дата оказалась существенно более молодой (№ 3908), она соответствует II–III вв. н.э.

Десять дат было получено для постройки «Д-4», обнаруженной на глубине –200–230 (№ 3192, 3195, 3199, 3459, 3464, 3193, 3458, 3468, 3196, 3194).

Если произвести суммирование значений вероятностей этих датировок (табл. 43), то наиболее вероятное значение будет соответствовать временному интервалу с 60 по 240 г. н.э. То есть центр этого интервала приходится на II в. н.э.

Датировка, полученная по зернам ячменя (№ 3677), залегавшим чуть выше (глубина –195), чем постройка «Д-4», указывает на первую половину III в. н.э.

Из верхней части среднего горизонта и основания верхнего горизонта верхнего слоя были получены датировки (№ 2783, 4573, 2795), указывающие на вторую половину III–IV в. н.э.

Таким образом, по результатам радиоуглеродного датирования можно предполагать, что накопление верхнего слоя началось в I в. до н.э.; формирование среднего горизонта верхнего слоя в интервале глубин –190–230 происходило во II и первой половине III в. н.э. Слой на глубине –150–170 откладывался во второй половине III – начале IV в. н.э.

Сопоставление радиоуглеродной и археологической хронологии. Сравнение выводов, полученных на основе анализа вещевых находок и керамики, с результатами радиоуглеродного датирования показывают их хорошую сходимость. Наблюдаются лишь незначительные расхождения. Так, по результатам радиоуглеродного датирования можно заключить, что формирование нижнего слоя завершилось во II в. до н.э. Археологические находки не позво-

ляют этого утверждать, но и отнюдь не опровергают вывод радиоуглеродного датирования.

Соответственно лакуна между нижним и верхним слоями, вероятно, приходится на какую-то часть II и, может быть, I в. до н.э.

Радиоуглеродные датировки, полученные для среднего горизонта верхнего слоя несколько «тянут» его вниз, во II в. н.э., тогда как археологические находки скорее указывают на конец II–III в. н.э.

Очевидно, что это расхождение очень незначительно. Фактически оба метода – радиоуглеродный и археологический – в случае Дьякова городища имеют погрешность не менее 100 лет. Об этом можно судить по разбросу радиоуглеродных дат, полученных по объектам, залегавшим на одной глубине, и по тому, как распределялись в культурном слое находки – фрагменты одного керамического сосуда могли иметь разницу глубин до 30 см, находки украшений с эмалью имели разницу в глубинах около 40 см.

Верхний горизонт верхнего слоя согласно с результатами обоих методов датирования начал формироваться в IV в. н.э. Финал жизни на городище может быть определен лишь ориентировочно по археологическим находкам – VI–VII вв. н.э.

Таблица 41. **Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг. (ранжированы в порядке удревнения)**

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
450±300 *	4570	AD 1238 (1441) 1947	уголь	квадрат 25, глубина –219–236
1220±200 **	*2789*	*AD 643 (779) 1018*	*уголь*	*зачистка материка в восточной половине раскопа*
1370±250	2794	AD 425 (660) 958	кость	квадрат 29, глубина –115–125; квадрат 37, глубина –105–125; квадрат 45, глубина –105–125
1420±60	3457	AD 600 (643) 662	уголь	квадрат 107, глубина –235–245
1520±40	3461	AD 474 (542) 601	уголь	квадраты 130, 131, 138, 139, глубина –138, поверхность под третьей глиной
1690±30	3194	AD 263 (362, 366, 383) 409	уголь	квадрат 87, глубина –195
1690±80	2795	AD 245 (362, 366, 383) 428	кость	квадрат 35, глубина –170–180
1690±40	4178	AD 261 (362, 366, 383) 414	уголь	квадрат 122, глубина –215
1700±50	2783	AD 258 (344, 370, 379) 414	уголь	квадрат 37, глубина –155
1720±40	4573	AD 256 (263, 275, 338) 390	уголь	квадрат 35, глубина –150–160
1790±40	4572	AD 144 (240) 321	уголь	квадрат 153, глубина до –190
1790±70	3197	AD 131 (240) 339	уголь	квадрат 82, глубина –240–250
1790±60	4575	AD 132 (240) 336	уголь	квадрат 137, глубина –200, плаха
1800±60	4571	AD 131 (238) 323	уголь	квадрат 153, глубина –125–130, угли в скоплении керамики
1810±30	3677	AD 134 (236) 243	обуглен. зерна ячменя	квадрат 72, глубина –195
1820±40	3184	AD 131 (223) 243	уголь	вал, квадрат А-5, глубина –285–300
1830±100	3464	AD 74 (182, 188, 215) 336	уголь	квадрат 132, глубина –205–211
1830±50	4574	AD 127 (182, 188, 215) 243	уголь	квадрат 16, глубина –160–165
1830±70	3908	AD 85 (182, 188, 215) 318	уголь	квадраты 139, 147, глубина –270, плаха
1830±40	3192	AD 129 (182, 188, 215) 241	уголь	квадраты 74. 83, 87, глубина –210–220
1840±30	3195	AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238	уголь	квадраты 83, 87, глубина –210–220
1840±40	3193	AD 127 (134, 159, 170, 196, 209) 238	уголь	квадрат 86, глубина –200–210
1850±40	3458	AD 89 (133) 236	уголь	квадрат 131, глубина –200–205

* Курсивом выделены датировки, которые не соответствуют археологическому материалу, стратиграфии.

** Серым фоном выделены образцы из нижнего слоя «В».

Таблица 41. Продолжение

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1860±40	3459	AD 84 (131) 226	уголь	квадрат 133, глубина –211–215
1870±40	3463	AD 81 (129) 218	уголь	квадрат 122, глубина –180–185
1870±40	3911	AD 81 (129) 218	уголь	квадрат 115, глубина –246–255
1900±40	3199	AD 68 (86, 102, 122) 131	уголь	квадрат 75, глубина –200–214
1910±60	3469	AD 34 (82) 130	уголь	квадрат 145(8?), глубина –130, плаха
1920±30	3460	AD 33 (78) 126	уголь	квадрат 130, глубина –215
1920±40	2786	AD 31 (78) 128	уголь	квадрат 11, глубина –180–182, зольное пятно
1930±70	3462	AD 2 (75) 131	уголь	квадраты 105, 106, глубина –225–230
1940±40	3468	AD 24 (69) 123	уголь	квадрат 140, глубина –201
1940±40	3196	AD 24 (69) 123	уголь	квадрат 82, глубина –190–200
1950±40	3471	AD 4 (34, 36, 61) 117	уголь	квадрат 140, глубина –169–190
1970±40	3915	BC 36 (AD 28, 41, 50) AD 76	сажа	квадраты 156, 157, глубина –280–288, сажа на поверхности светлого слоя 1
1970±60	3198	BC 41 (AD 28, 41, 50) AD 116	уголь	квадрат 65, глубина –260–270
1970±50	2785	BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79	уголь	квадраты 5, 6, 7, глубина –228–234
1970±50	2784	BC 38 (AD 28, 41, 50) AD 79	уголь	квадрат 29, глубина –225–234
1970±70	*5114*	*BC 43 (AD 28, 41, 50) AD 123*	*уголь*	*квадрат 198, глубина –370–375*
2030±50	3456	BC 91 (41, 25, 8, 3) AD 47	уголь	квадрат 145, глубина –188
2040±120	3191	BC 199 (43, 6, 4) AD 79	уголь	вал, граница квадратов А-5 и А-6, глубина –55
2050±50	3190	BC 149 (46) AD 16	уголь	вал, квадрат А-6, глубина –170
2070±60	2799	BC 170 (87, 81, 54) AD 1	почва (сажистая земля)	квадрат 7, южная стенка, низ слоя 3
2090±30	*4020*	*BC 168 (94) 49*	*уголь*	*квадрат 125, глубина –390, «зола 2»*
2090±60	*3189*	*BC 197 (94) 3*	*уголь*	*квадрат 83, глубина –400–410*
2090±300	2778	BC 406 (94) AD 240	уголь	восточная половина раскопа, слой 2, глубина –220–250
2110±50	3186	BC 199 (161, 130, 120) 50	уголь	вал, квадрат А-6, стена 4, глубина –190
2120±100 2070±180	2788	BC 354 (167) 1	уголь	северная стенка, восточная половина раскопа, углистая прослойка на контакте верхнего слоя и слоя пепла с песком
2120±35	*Hela-942*	*BC 198(167)64*	*нагар на стенке горшка*	*квадрат 122 (глубина. –300–305); квадрат 123 (глубина –305–330); квадрат 131 (глубина –300–305)*
2140±110	*3906*	*BC 363 (195, 173) 3*	*уголь*	*квадрат 123, глубина –305–309, из профиля восточной стенки*
2150±80	*3187*	*BC 357 (197, 190, 176) 54*	*уголь*	*квадрат 87, материк*
2160±50	*3904*	*BC 352(199, 186, 184) 119*	*уголь*	*квадрат 117, глубина –400, углистый столбик*
2170±60	*3183*	*BC 357 (200) 119*	*уголь*	*вал, квадрат А-4, стена 2, глубина –345*
2170±100	4179	BC 381 (200) 54	уголь	квадрат 137, глубина –195–200
2180±50	3181	BC 357 (342, 324, 202) 169	уголь	вал, средний ярус, стена 4, глубина –190–200
2180±250	2779	BC 499 (342, 324, 202) AD 75	уголь	восточная половина раскопа, слой 2, глубина –250–290
2200±200	3470	BC 408 (349, 318, 228, 221, 207) AD 16	уголь	квадрат 145, глубина –127–133
2230±50	*2800*	*BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202*	*уголь*	*квадрат 6, глубина –367, плашка*
2230±50	*2792*	*BC 385 (357, 286, 258, 243, 234) 202*	*кость*	*квадраты 25–27, глубина –338–354, из коричневой органической прослойки 3а*

Таблица 41. Продолжение

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
2240±180	2907	BC 479 (360, 273, 260) 50	почва	коричневая органическая прослойка, разделявшая горизонты верхнего слоя, глубина около –240
2240±50	*4021*	*BC 388 (360, 273, 260) 50*	*уголь*	*квадрат 146, глубина –395, прослой угля с материка*
2260±100	*3188*	*BC 401 (377, 266, 264) 183*	*уголь*	*восточная половина раскопа 1982 г., сооружение в материке*
2290±130	*2781*	*BC 479 (387) 183*	*уголь*	*квадраты 21–23, глубина –375–385*
2330±100	2793	BC 500 (397) 234	кость	квадрат 30, глубина –245–250 из вымостки
2330±100	*3182*	*BC 500 (397) 234*	*уголь*	*вал, нижний ярус, стена 3, глубина –300*
2370±60	*2796*	*BC 502 (403) 392*	*почва*	*квадрат 7, западная стенка, коричневая органическая прослойка 2*
2380±120	3180	BC 761 (404) 264	уголь	вал, верхний ярус, стена 4, глубина –170–190
2380±30	*3185*	*BC 475 (404) 399*	*уголь*	*вал, квадрат А-5, глубина –356–358, столбики*
2390±70	*3910*	*BC 756 (406) 395*	*уголь*	*квадраты 102, 116, глубина –375, плаха*
2390±100	*2797*	*BC 760 (406) 386*	*почва*	*квадрат 7, западная стенка, коп 3*
2510±60	*3913*	*792 (762, 678, 671, 607, 602) 520*	*уголь*	*квадраты 149, 156, 157, глубина –360, «зола 1», жилище, плаха*
2550±60	*2790*	*BC 799 (786) 550*	*уголь*	*квадраты 21–23, глубина –360–370, серая супесь под коричневой органической прослойкой 3*
2620±200	3466	BC 973 (801) 411	уголь	квадрат 143, глубина –208, зола
2630±110	*3912*	*BC 897 (802) 673*	*уголь*	*квадрпт 133, глубина –390, «зола 2»*
2740±120	3916	BC 1005 (896, 875, 862, 847, 845) 800	уголь	квадраты 119, 126, 134, глубина –263–265, плаха
2790±210	2782	BC 1259 (966, 964, 921) 794	уголь	квадрат 45, глубина –295–297
2870±300	*3905*	*BC 1432 (1013) 791*	*уголь*	*квадраты 112–144, доски из канавы в материке*
3740±400	3465	BC 2856 (2141) 1622	уголь	квадрат 166, глубина –244
5200±500	*2787*	*BC 4536 (3982) 3383*	*уголь*	*квадраты 21–23, глубина –360–370*
9250±80	2780	BC 8602 (8523, 8508, 8476) 8302	уголь	квадрат 45, глубина –280–288

Таблица 42. **Сумма вероятностей 80 калиброванных датировок по образцам с Дьякова городища из раскопок 1981–1987 гг. (программа OxCal v3.9)**

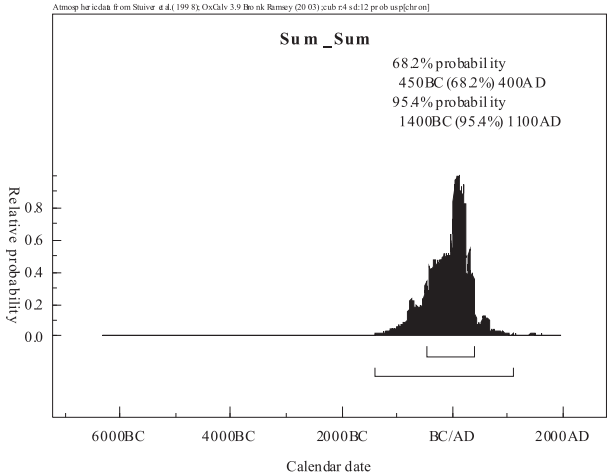
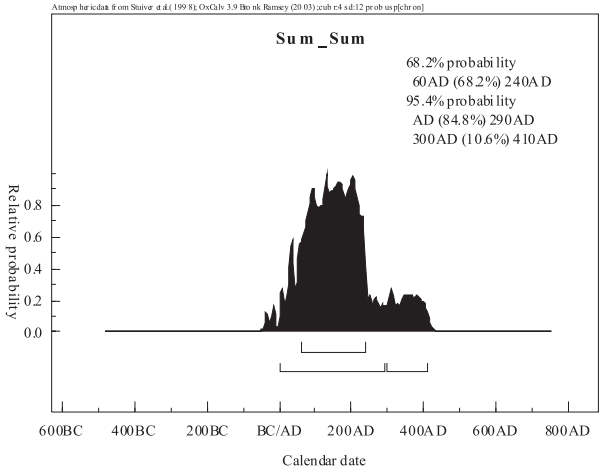
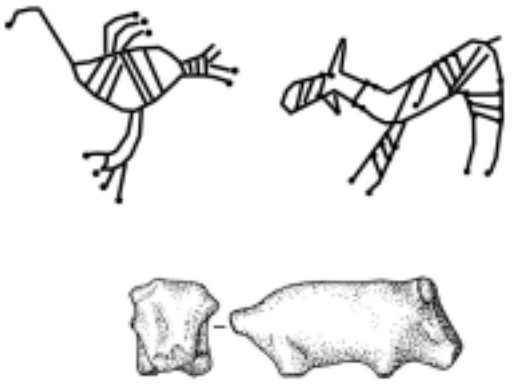


Таблица 43. **Значение суммы вероятностей для десяти датировок из постройки «Д-4» с глубины –210–230**



Глава шестая

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ



Обширная коллекция остеологических остатков млекопитающих и птиц из раскопок Дьякова городища[1] ценна тем, что получена из стратифицированного памятника. Сравнить ее можно с коллекциями Максимковского селища (*Вишневский*, 2009), городищ Селецкое (*Данильченко*, 1984) и Ростиславль (*Антипина*, 2009; *Кузнецова и др*., 2004). Лишь на этих четырех памятниках материал отбирался и анализировался по слоям, имевшим относительно узкие хронологические рамки. В распоряжении В.И. Цалкина были лишь остеологические коллекции, характеризовавшие городища дьякова типа в целом, без разделения на ранние и поздние слои (*Цалкин*, 1962).

Многочисленные остеологические материалы, полученные при раскопках городищ в конце 1950–1970-х годов, не были сохранены после определения их видового состава, что является особенно печальной утратой, так как методы археозоологического анализа быстро совершенствуются и, по образному выражению Д. Грейсона, в середине 1980-х годов для того, чтобы перечислить лишь список важнейших методических работ по данной теме, потребовалось бы больше времени, чем в 1970 г. для того, чтобы прочесть всю основную литературу (*Grayson*, 1984. P. 1).

Таким образом, коллекция из раскопок Дьякова городища может играть роль эталона и представляет особую ценность для будущих исследований.

В данной главе вводятся в научный оборот такие базовые параметры коллекции, как список определенных видов, их количественное соотношение в различных слоях памятника.

Вторая задача, к решению которой мы лишь ищем подходы, это реконструкция природной обстановки, особенностей животноводства и охоты в железном веке на изучаемой территории.

1. Результаты предшествующих исследований фаунистических остатков из раскопок Дьякова городища

Анализ остеологических коллекций, происходящих с памятников железного века в Подмосковье, был начат именно с коллекции Дьякова городища.

Д.Н. Анучин в 1890-х годах предпринял изучение остатков лошадей, происходивших из раскопок Дьякова городища, проводившихся В.И. Сизовым с 1889 по 1893 г.[2] Целью этой работы было получение сравнительного материала для решения спорных вопросов, связанных с историей тарпана (*Анучин*, 1896).

В 1921 г. первый список фауны Дьякова городища, насчитывавший 7 видов (лошадь, крупный рогатый скот, овца, свинья, лось, бобр, лисица), был определен В.А. Городцовым по материалам незначительной коллекции (30 определимых костных остатков), собранной в том же году при однодневных «учебно-показательных» раскопках Ю.В. Готье (*Готье*, 1921).

В 1935 г. при раскопках К.Я. Виноградова была собрана уже более значительная остеологическая коллекция, состоявшая из 1010 остатков[3]. Материалы раскопок 1935 г. не были разделены по слоям и дают усредненную картину для всего периода существования городища, который имел протяженность не менее тысячи лет. Определение этой коллекции было проведено в 1977 г. Е.Г. Андреевой (*Андреева*, 1995). Полученный в результате этой работы список видов насчитывал их уже 11 (прибавились осел, медведь, кабан, барсук, куница) и были определены количественные соотношения между ними по числу костных остатков и минимальному количеству особей. Сравнение этих данных с результатами В.И. Цалкина, полученными по 20 другим дьяковским городищам (*Цалкин*, 1962), показало их принципиальную схожесть.

---

[1] Коллекция остеологических остатков млекпитающих и птиц хранится в отделе археологии Музея Москвы. Остатки рыб определялись Е.А. Цепкиным на кафедре ихтиологии биологического факультета МГУ, где и хранятся отобранные эталоны. Результаты научной обработки этой коллекции опубликованы (*Кренке*, *Цепкин*, 1991).

[2] Несколько костей из раскопок В.И. Сизова, хранящихся в ГИМ, были определены Л.И. Алексеевой, В.Н. Калякиным и Е.А. Цепкиным как принадлежащие лисице, глухарю и сому.

[3] Часть этой коллекции хранится в фонде археологии музея-заповедника «Коломенское».

2. Остеологическая коллекция из раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг.: методика сбора, материал и документация

В 1981–1987 гг. объем изученного стратифицированного культурного слоя (за вычетом участков перекопов) составил около 300 куб. м. В 1981 и 1982 гг. земля перебиралась вручную на носилках, начиная с 1983 г. применялись сетки для просеивания с размером ячейки в 10 мм, что, конечно, не обеспечивало полного сбора костей мелких животных. Находки с каждого метрового квадрата составляли отдельную упаковку, которая затем подвергалась определению. Результаты этих определений заносились на карточку (табл. 44), форма которой была специально разработана для данной цели Г.В. Захаренко[4].

Вся остеологическая коллекция из раскопок 1981–1987 гг. насчитывала более четырех тысяч упаковок, содержавших всего около 75 тыс. костных остатков. Эти остатки являлись по преимуществу кухонными отбросами и были относительно равномерно рассеяны в слое. Был зафиксирован и целый ряд скоплений, часто располагавшихся у стен построек или между жилищами. Жители городища активно использовали кость как поделочный материал для изготовления орудий труда (проколки, острия, кочедыки, скребла, ножи, «долотца» и т.п.) и оружия (стрелы). Причем для изготовления предметов использовались, как правило, определенные кости (например, проколки делались из малой берцовой кости свиньи, бокового метаподия лося и грифельной кости лошади), что, конечно, вносило коррективы в характер отложения и состав костей-отбросов в культурном слое. Наличие погрызов на некоторых костях свидетельствует о том, что в их отложении и переотложении также играли роль животные – собаки и свиньи.

Всего из раскопок 1981–1987 гг. были определены 20 593 кости млекопитающих (определения Л.И. Алексеевой, Г.В. Захаренко при консультации А.К. Агаджаняна по мелким грызунам), 85 костей птиц (определения В.Н. Калякина), 420 костей рыб без учета чешуи, которая встречалась скоплениями (определения Е.А. Цепкина). Общий список насчитывает 31 вид млекопитающих, 13 видов птиц, 12 видов рыб (табл. 45).

В списке определенных видов есть два, на которых необходимо остановиться особо. Это осел (*Equus asinus sp.*) и тарпан (*Equus cf. gmelini*).

Единственная в коллекции с Дьякова городища кость осла (плюсна) была найдена в 1935 г. и определена Е.Г. Андреевой. Дополнительное специальное исследование этой кости с привлечением сравнительных данных было проведено Л.И. Алексеевой и подтвердило правильность первого определения (1995).

Вопрос о тарпане является более спорным. Первоначально в нижнем слое городища было обнаружено 3 пясти и одна первая фаланга, отличающиеся по индексам массивности и уплощенности от остальной массы обломков, принадлежащих домашней форме *Equus caballus L.*, что позволило отнести их к тарпану, или, вернее, к тарпаноподобной лошади *Equus cf. gmelini Ant.* (табл. 46, 47). Затем, при просмотре материала верхнего слоя (преимущественно его нижней части), было выделено еще 9 обломков, которые, возможно, также относятся к тарпаноподобной лошади.

3. Сравнительная характеристика археозоологических комплексов основных культурных слоев памятника

Млекопитающие и птицы. Самую верхнюю часть напластования на городище занимают отвалы раскопок XIX в. Из этих отвалов, заполнения траншей старых раскопок, различных поздних ям, нарушивших во многих местах верхний слой, происходит коллекция остатков «из перекопов» (см. табл. 56).

Верхний слой имеет мощность до 2 м (прослежен на глубине 100–300 см) и состоит из множества прослоек золистой супеси, песка, суглинка различного происхождения. Обильный остеологический материал из этого слоя при анализе был сгруппирован в 5 блоков, в каждый из которых объединены находки из пласта толщиной 40 см (табл. 51–55).

В отдельные «блоки» были выделены материалы из «стерильной» прослойки, разделявшей верхний и нижний слои памятника (табл. 50), из нижнего слоя (табл. 49) и горизонта погребенной почвы (табл. 48).

Фаунистический комплекс из погребенной почвы очень беден – всего около 100 определимых остатков (табл. 59), но свидетельствует о преобладании костей домашних животных, которые составляют 87%. На первом месте среди них – свинья, затем лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Следует отметить, что в коллекции из синхронного близко расположенного памятника – Чертового городка (табл. 59) – последовательность домашних видов иная: свинья, крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот[5]. Веро-

[4] Картотека с определениями фауны Дьякова городища хранится в Музее истории г. Москвы.

[5] В остеологической коллекции с Мамонова городища в Москве, также являющегося памятником начального периода железного века, крупный рогатый скот занимает даже первое место по числу костных остатков, затем идут свинья, лошадь и мелкий рогатый скот (*Цалкин*, 1954).

ятно, численность этих коллекций слишком мала для обоснованных выводов.

В нижнем слое городища было найдено более 5 тыс. определимых остатков (табл. 49), что, вероятно, является репрезентативной выборкой. Кости домашних животных составляют 94,5%. На первом месте свинья, затем лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. Среди диких животных лидируют бобр, лось, медведь, куньи. Общий же список диких насчитывает более 20 видов (включая птиц). Реальное значение диких животных в мясном питании было несколько выше, чем это следует из простого численного соотношения остатков.

Коллекция, отобранная в песчаной прослойке, разделяющей верхний и нижний слои городища (табл. 50), практически идентична по своему составу с коллекцией из нижнего слоя. Лишь список диких видов в ней несколько короче, что согласуется с ее меньшими размерами в целом.

Относительный состав фауны из основания верхнего слоя (табл. 51) также почти тождествен по структуре межвидовых соотношений в коллекции из нижнего слоя. Кости домашних животных составляют более 96%. Порядок ведущих видов домашних животных не нарушается, лишь несколько возрастает доля костей лошади и уменьшается доля костей свиньи, которая, тем не менее, возглавляет список. Вероятно, неслучайно отсутствие северного оленя в списке диких животных, который в верхнем слое не встречен ни разу.

Средний горизонт верхнего слоя (табл. 52, 53) отличается тем, что в нем изменяется соотношение между домашними животными: лошадь выходит на первое место, количество костей свиньи и крупного рогатого скота примерно одинаково. Среди диких животных отмечается значительное увеличение численности костей бобра. Начиная с этого уровня в верхних горизонтах верхнего слоя исчезают кости косули, тарпана, оленей, резко сокращается количество костей кабана.

Верхний горизонт верхнего слоя (табл. 54, 55) по-прежнему характеризуется преобладанием костей домашних животных, которые составляют большинство, но их доля уменьшается до 58%. Этот слой примечателен тем, что вновь изменяются соотношения в группе домашних животных – свиньи опять оказываются на первом месте, затем лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. То есть восстанавливается та последовательность, которая была еще в нижнем слое. Наиболее примечательное явление в списках из этих горизонтов – возрастание доли костей бобра (до 24%). Значительно увеличивается также доля костей таких видов, как медведь (4,2%), куница и куньи (6,4%), лось (2,8%). Динамика изменений соотношения диких и домашних животных представлена на диаграмме 1. Изменения соотношений в группе домашних животных представлены на диаграмме 2.

Рыбы. Имеющиеся материалы не позволяют ответить на вопрос, имелись ли различия по насыщенности остатками рыб между горизонтами культурного слоя городища. Просев культурного слоя через трехмиллиметровую сетку на контрольном участке площадью 2 кв. м показал, что верхний горизонт верхнего культурного слоя весьма насыщен чешуей и костями рыб, которые содержались в каждом 10-сантиметровом пласте без исключения (табл. 61). При этом надо учитывать, что контрольные квадраты не входили в зону скоплений кухонных отбросов, были сравнительно удалены от жилищ, культурный слой в них отличался однородностью. При раскопках были обнаружены около двух десятков скоплений рыбьей чешуи, которые могли образоваться лишь при разделке значительного количества рыбы. Все эти скопления залегали в верхнем слое. Планиграфическая позиция большинства скоплений была одинакова – они располагались возле стен построек, между близко стоявшими постройками. В центральной зоне жилищ, возле очагов, скоплений чешуи зафиксировано не было. Из общего количества костей 185 экземпляров были определены до вида, 30 (мелкие позвонки) – до семейства (карповые). Остальная часть костного материала была представлена обломками ребер, лученосцев и жаберных дуг, которые отнесены в группу рыб вообще. Ниже приведены результаты определения по каждому виду в отдельности.

Стерлядь. Материал: *supracleithrum*, колючий луч грудного плавника и спинная жучка (всего 3 экз.). Основной стерляжьей рекой Подмосковья в прошлом являлась Ока (*Кириков*, 1966).

Таймень. Материал: два позвонка, принадлежавшие особи длиной 117 см. Современный ареал в Верхневолжском бассейне ограничен притоками Камы (*Зиновьев*, 1986).

Щука. Материал: фрагменты чешуи и 98 экземпляров различных костей. В современной фауне Москвы-реки щука является весьма обычной, хоть и не очень многочисленной рыбой. До создания Можайского гидроузла численность ее была значительно выше. В 1930-е годы в среднем течении реки щука составляла 25% всего улова в местном колхозном промысле (*Модестов*, 1939).

Плотва. Материал: фрагменты чешуи и 4 экземпляра костей. В настоящее время в Москве-реке плотва принадлежит к числу наиболее широко распространенных рыб.

Язь. Материал: фрагменты чешуи и 5 экземпляров костей. В XIX столетии только в черте города

вылавливалось до 4800–6400 кг язя ежегодно (*Сабанеев*, 1911).

Голавль. Материал: фрагменты чешуи и 10 экземпляров костей. В 1930-е годы голавл составлял примерно 15% всего рыбного промысла в среднем течении Москвы-реки (*Модестов*, 1939).

Жерех. Материал: 1 экземпляр глоточной кости. Жерех был малочисленным в Москве-реке в XIX в. (*Сабанеев*, 1911).

Лещ. Материал: фрагменты чешуи и 20 экземпляров костей. На протяжении XX в. численность леща в среднем течении Москвы-реки сильно колебалась.

Карась. Материал: несколько фрагментов чешуи, принадлежавшей, по-видимому, золотому карасю. В Москве-реке карась редок. Будучи типично лимнофильной рыбой, он лишь случайно попадает в реку из озер и стариц во время весеннего половодья.

Сом. Материал: 14 экземпляров различных костей. Уже в XIX в. сом был редкой рыбой и постоянно встречался лишь в низовьях Москвы-реки.

Судак. Материал: 27 экземпяров различных костей. В XIX в. судак попадался как в среднем, так и в нижнем течении Москвы-реки.

Окунь. Материал: фрагмент чешуи и позвонок. Окунь относится к числу весьма обычных рыб Москвы-реки.

Разнообразие видового состава рыб в коллекции указывает на существование разных способов лова. Состав фауны нижнего слоя городища с учетом биотопического распределения обнаруженных здесь видов рыб свидетельствует, что основным орудием лова была сеть. Это подтверждают и находки крупных каменных грузил. Наиболее показательным для характеристики раннедьяковского рыболовства является отсутствие в нижнем слое остатков такого крупного (1,5–2 м) хищника, как сом, которого можно было поймать лишь на большие и крепкие крючки.

Верхний слой выделяется разнообразием видового состава рыб (12 видов), различных по своей экологии. Это крупные хищники (сом, таймень, щука, судак, жерех), населяющие различные биотопы – от заросших заводей до наиболее глубоких открытых участков водоемов; типично донные рыбы (лещ, стерлядь) и рыбы, плавающие в толще воды на различной глубине. Приведенные данные в совокупности с находками разнообразного рыболовного инвентаря указывают на существование в позднедьяковское время, по крайней мере, двух принципиально разных типов орудий лова: сетных (сети и, возможно, невода) и крючковых. Наличие в комплексе рыб самых мелких размеров (12–25 см) дает основание предполагать применение третьего типа орудий – ловушек типа верш, сплетенных из прутьев.

Весьма примечательно, что в уловах жителей городища преобладала щука (более 50%). Это свидетельствует о том, что промысел был ориентирован на вылов максимально большего количества тех рыб, для добычи которых не требовались сложные приемы и снасти. Щука, как известно, еще со времен мезолита являлась наиболее легко доступным объектом речного и озерного промысла, особенно весной, когда большими стаями она выходила на самые мелководные участки занятой вешними водами поймы для икрометания, теряя при этом всякую осторожность.

Обращает на себя внимание отсутствие в коллекции с Дьякова городища самой многочисленной промысловой рыбы Москвы-реки – подуста, который в первой четверти XX в. составлял в среднем течении реки половину всех уловов рыб (*Модестов*, 1939). Ловить пугливого, стремительно плавающего подуста можно было лишь специальными мелкоячеистыми сетями, сплетенными из очень тонких, но прочных ниток, которыми, видимо, не располагали жители городища. Примечательно также отсутствие крупных представителей семейства осетровых: белуги, русского осетра и севрюги. Осетровые, судя по данным письменных источников (*Кириков*, 1966; *Рулье*, 1845), заходили в Москву-реку вплоть до первой половины XVIII в. Для добычи этих крупных проходных рыб размером от 1,5 до 3 м требовались особо прочные большие сети.

В результате анализа костных остатков и чешуи рыб были получены данные о сезоне лова. В коллекции с Дьякова городища имеются кости рыб, выловленных ранней весной, летом и осенью.

Наличие в коллекции таких рыб, как судак, стерлядь и особенно таймень, указывает на существование чистых, незаиленных галечников и песчаных участков дна.

4. Повидовые анатомические наборы млекопитающих и различия между горизонтами культурного слоя по удельной насыщенности остеологическими остатками

При оценке роли домашних и диких животных в рационе мясного питания простое сравнение численности костных остатков не вполне корректно. Это объясняется тем, что крупную охотничью добычу (медведя и лося), по-видимому, часто разделывали вне городища и приносили на поселение лишь наиболее ценные части туш. Об этом свидетельствует анатомический набор обнаруженных остатков. В качестве примера приведем данные по нижнему слою (табл. 57). Позвонки, крупные кости конечностей (берцовые, плечевые, бедренные) медведя и лося в коллекции крайне малочисленны, тогда как процент

фаланг аномально высок при сравнении с домашними животными. Например, в нижнем слое памятника (раскопки 1981, 1984, 1986 гг.) среди определенных костей лося фаланги составляют 32%; у медведя – 42%, тогда как у коровы и лошади соответственно 11% и 9%. В верхнем слое городища этот показатель следующий: лось – 54%; медведь – 47%; корова – 14%; лошадь – 9%. То есть, по-видимому, обычно на поселение приносили мясо, снятое с костей, и шкуру с лапами/нижними частями конечностей. Нижние кости конечностей (фаланги, метаподии) могли особенно цениться. Например, именно из них предпочитали изготавливать некоторые орудия (проколки-кочедыки из боковой метаподиальной кости лося) и амулеты (когти медведя).

Таким образом, чтобы по количеству обнаруженных на городище костных остатков оценивать роль в питании таких видов, как медведь и лось, необходимо вводить для них поправочный коэффициент, который будет равен приблизительно 4 с учетом вышеприведенных соотношений по фалангам. При введении такого коэффициента общая картина не изменяется принципиально, но удельный вес «реконструированного количества костей» диких животных существенно возрастает, достигая в верхнем горизонте верхнего слоя максимальных значений 49–51%.

Набор костей бобра сходен с набором домашних, а не диких животных и, безусловно, свидетельствует о том, что их разделка происходила именно на городище. Обломки черепов, плечевых, бедренных, берцовых костей бобров особенно многочисленны. Специальное трассологическое исследование костей бобра из коллекции 1981 г., проведенное Г.В. Захаренко, показало, что на них имеются следы соскабливания мяса ножом. Эти данные в сочетании с анатомическим набором остатков указывают на то, что мясо бобра шло в пищу.

Рассмотрим теперь различия по насыщенности костными остатками между горизонтами культурного слоя городища. Результаты подсчета удельной концентрации костей на единицу объема изученного культурного слоя представлены в таблице 58. Они показывают, что различия между нижним слоем и основанием верхнего слоя – очень незначительные. Однако в верхней части верхнего слоя картина совершенно иная. Совокупное количество костей домашних животных на единицу объема слоя уменьшается в два раза. Это изменение нельзя объяснить худшими условиями для сохранности, так как концентрация костей диких животных наоборот возрастает. В первую очередь это касается бобра. Встречаемость его костей достигает очень высокого значения – 10 на 1 куб. м, что лишь в 2,5 раза уступает всем домашним животным в совокупности! Увеличивается также насыщенность слоя костями крупной дичи – лося и медведя[6]. Трудно объяснить это явление изменением поведения людей по отношению к костным отходам (например, предположение, что кости диких животных бросали на поселении, а кости домашних выкидывали в другое место или утилизовали, не выглядит вероятным). Более приемлемой кажется гипотеза, что прослеженные изменения в межвидовых соотношениях и концентрации костей отражают изменения в хозяйстве и диете.

5. Особенности изменений в хозяйстве

Всего, как уже отмечалось, с Дьякова городища было определено около 21 тыс. костей (с учетом коллекции 1935 г.). С других городищ «дьякова типа» было определено около 66 тыс. костей (*Антипина*, 2009; *Вишневский*, 2009; *Данильченко*, 1984; *Дубынин*, 1974; *Кузнецова и др*., 2004; *Цалкин*, 1962).

Общее соотношение между остатками домашних и диких животных в коллекции с Дьякова городища составило 87% и 13% соответственно, что близко к данным, полученным В.И. Цалкиным.

Очевидно, что скотоводство составляло одну из основ хозяйства жителей городища на всем протяжении его существования. Важно отметить, что количественное соотношение между остатками основных видов домашних животных не оставалось неизменным, а плавно изменялось. Причем, эти изменения образуют законченный цикл – нижний слой и самый верхний горизонт верхнего слоя почти тождественны. Здесь ведущее место за остатками свиньи, затем следуют лошади, крупный рогатый и мелкий рогатый скот. Такое соотношение типично для памятников восточной части Волго-Окского междуречья (*Краснов*, 1971). Изменения, которые происходили за время накопления верхнего слоя, заключались в уменьшении доли костей свиньи. Этот процесс достигает своего максимума в средней части верхнего слоя, когда порядок видов домашних животных становится следующим: лошадь, КРС, свинья, МРС (диаграмма 2). Памятники железного века с подобными наборами остеологичеких остатков разбросаны на обширной территории – Верхнее Подесенье, Верхнее Поволжье, Прикамье (*Краснов*, 1971. Рис. 72). Интересно отметить, что на городище Ростиславль, расположенном на правом берегу Оки, в слое 1-Б, примерно синхронном среднему горизонту верхнего слоя Дьякова городища, также наблюдается умень-

[6] Косвенным подтверждением повышения роли диких животных в хозяйстве населения городища является факт появления в среднем горизонте верхнего слоя нового типа проколок-кочедыков, сделанных из бокового метаподия лося.

шение доли костей свиньи и увеличение процента костей лошади (*Антипина*, 2009. Табл. 4).

Учитывая массовость определенного материала, можно допустить, что в первых веках новой эры, в период отложения средней части верхнего слоя, роль свиньи в диете «дьяковцев» действительно снизилась. При этом надо учитывать, что все сказанное выше касалось лишь численности костей в кухонных отбросах, а не реального соотношения в численности популяций домашних животных и вклада того или иного вида в состав диеты. Вес лошади существенно больше (примерно в 5 раз), чем свиньи, поэтому конина всегда занимала первое место в «мясном балансе» жителей Дьякова городища.

Можно говорить и о другом изменении в структуре диеты в первые века новой эры – а именно о падении роли мясных продуктов, предоставлявшихся животноводством в целом.

Верхний слой, в котором наблюдается уменьшение концентрации костей домашних животных (табл. 58), дал многочисленные свидетельства интенсификации земледелия в округе городища (палинологические данные, подтвержденные массовыми находками зерен культурных злаков в культурном слое).

Таким образом, весьма вероятным выглядит предположение, что в первые века новой эры, в период отложения средней части верхнего культурного слоя, у жителей городища изменилась структура диеты в пользу растительной пищи. Уменьшение продукции скотоводства, видимо, частично компенсировалось интенсификацией мясной охоты и рыболовства.

Послойный анализ костных остатков рыб позволяет говорить о том, что интенсивность рыболовства нарастала от раннего этапа существования городища к позднему. Наличие в позднедьяковских уловах разнообразных видов рыб указывает на существование различных приемов ловли. При этом преобладание в уловах щуки указывает на то, что стратегия рыболовства была нацелена на получение максимума добычи, для которой не требовались сложные приемы и снасти.

За время существования Дьякова городища дикие животные в какой-то степени использовались все время, но интенсивность их добычи изменялась весьма существенно, в гораздо большей степени, чем использование домашних животных (диаграмма 1). Доля костей диких животных в кухонных отбросах, с учетом корректировок, менялась от 4,5% в начальный период жизни поселения до 51% на заключительном этапе. Такая динамика в использовании домашних и диких животных в немалой степени объяснялась резкой интенсификацией пушного промысла, в первую очередь, наиболее ценного пушного вида – бобра. По-видимому, все остальные промышлявшиеся виды, включая лося и медведя, являлись хотя и весьма желанной, но, все же, в какой-то степени попутной и более второстепенной добычей, интенсивность использования которой возросла параллельно усилению пушного (бобрового) промысла.

Резкое усиление промысла можно объяснить появлением спроса на пушнину, когда последняя получает меновую ценность, а, следовательно, сам промысел приобретает как бы уже коммерческую окраску. Интересно отметить, что именно в период отложения слоя на глубине 140–200 см происходил массовый приток привозных вещей на городище (диаграмма 3). Вполне возможно, что в первые века новой эры население бассейна Москвы-реки начинает интенсивно втягиваться в сеть европейских торговых связей и становится поставщиком пушнины.

Данные по бобру, полученные на Дьяковом городище, согласуются с результатами исследований соседних регионов. Так, М. Звелебиль, анализируя прибалтийские остеологические коллекции железного века и Средневековья, пришел к выводу, что в период с 400 по 800 г. н.э. по сравнению с предшествовавшим временем роль пушной охоты возрастает (*Zvelebil*, 1985).

Сделанное выше предположение, безусловно, требует самой тщательной проверки, так как возможны и иные интерпретации изменений процента костей бобра в коллекции. Уникальные результаты были получены при исследовании Максимковского селища на Клязьме. Коллекция с этого памятника, синхронного нижнему слою Дьякова городища, составила 800 определимых костей (определения А.К. Каспаровой), из них костей бобра – 326 (41%), что аномально много. Вероятно, среди поселений дьякова типа имелись функциональные различия. Возможно, уже в железном веке были какие-то специализированные поселения, ориентированные на промысел бобров. То есть временные тренды в изменении состава остеологических коллекций могут существенно корректироваться функциональными особенностями конкретного памятника.

Важно отметить, что зоологами было установлено, что бобр легко переносит соседство с человеком, но очень уязвим для «перепромысла». Жесткое регулирование охоты позволяет поддерживать численность популяции бобров (*Скалон*, 1951).

Современные наблюдения показали, что бобр готов селиться на берегах Москвы-реки даже в черте города Москвы, устраивая свои норы на ее берегах. В 2006 г., во время археологической разведки была зафиксирована колония бобров, проживавшая на правом берегу Москвы-реки в Крылатском, примерно в 1,5 км выше по течению от Кунцевского городища

дьякова типа (цв. вкл., рис. 21). Вероятно, нечто подобное могло происходить и в древности. Есть основания предполагать, что колонии бобров могли находиться в ближней «ресурсной зоне» городищ. Медведи и лоси вряд ли жили в непосредственной близости от городища. Судя по спорово-пыльцевым данным (см. главу 7) ландшафт вокруг поселения был открытым.

Изменения в межвидовом составе костных остатков и их удельной концентрации на единицу объема культурного слоя, произошедшие на позднем этапе жизни поселения, видимо, говорят о существенной перестройке всего хозяйственного уклада. Не исключено, что при этом снизилась и численность населения, проживавшего на городище. Вопрос о том, могли ли столь существенные сдвиги в структуре хозяйствования быть обусловлены лишь появлением спроса на пушнину, остается открытым.

Коллекция с Дьякова городища, безусловно, предоставляет возможности более глубокого изучения характера охоты в железном веке и состояния опромышлявшихся популяций. Для этого необходимо дальнейшее изучение половозрастной структуры видов, представленных в коллекции, что, возможно, поможет ответить на вопрос, наблюдалась ли переэксплуатация охотничьих ресурсов.

Приведем лишь одно наблюдение, которое оказалось возможным сделать относительно способов охоты. Судя по половому составу добытых жителями городища глухарей (13 остатков самцов и 4 – самок), можно предположить, что либо уже существовала охота на глухариных токах, либо достаточно обычным было использование при охоте на глухарей и других куриных собаки типа лайки[7]. Кстати, и бобры в то время скорее всего добывались с помощью специально натасканных для этого собак, используемых именно на бобровых «ловах», о чем по письменным источникам известно для более позднего времени (*Кириков*, 1979).

6. Значение археозоологических остатков для реконструкции природной обстановки

Рассмотрим те виды, представленные в коллекции, которые имеют важное диагностическое значение для реконструкции природной обстановки в Подмосковье в железном веке и определения ее отличий от современной.

Косуля. Всего 1 кость в нижнем слое. Очень редка и по другим городищам дьяковской культуры: 8/29 269 (в знаменателе – общее количество определенных костей) в Троицком и 2/2363 на городище Старшее Каширское, т.е. 10/43 126 по всем 20 дьяковским городищам (*Цалкин*, 1962). Северную границу восстановленного ареала этого вида В.Г. Гептнер проводил от южной части Ладожского озера до Рыбинского водохранилища, далее по Волге и Нижней Каме и затем резко на север, к верховьям Печоры. В настоящее время косули распространены в более западных районах Европейской России: Ленинградской, Новгородской, Псковской, на западе Тверской, Смоленской областях, и далее на юг до низовий Дона.

Благородный олень. Имеются 2 кости в верхнем слое. Остатки этого вида найдены в материалах лишь двух из 20 дьяковских городищ. Всего найдено 9 обломков рогов, которые, кстати, широко использовались для различных поделок, что ставит под сомнение их местное происхождение (*Цалкин*,1962). По В.Г. Гептнеру Московская область полностью расположена за северной границей восстановленного ареала этого вида.

Кабан. После лося – единственный вид копытных, кости которого встречены во всех слоях. Но и в случае с этим видом частота встреч существенно сокращается от нижнего слоя к верхнему. Всего 17 костей на 3615 остатков диких животных, т.е. все-таки чаще, чем он был встречен на других трех дьяковских городищах – Троицком, Мамоновском и в Круглице (45/32 354; Москва и ближнее Подмосковье – Можайский и Раменский районы; см.: *Цалкин*, 1962). Еще совсем недавно кабан был распространен западнее Московской области (*Гептнер и др.*, 1961), причем северную границу восстановленного ареала В.Г. Гептнер проводил западнее и южнее Москвы и Ближнего Подмосковья. В самые последние десятилетия, однако, численность кабана в Европейской России резко возросла, а северная граница его ареала продвинулась значительно далее предполагавшейся в прошлом: до юга Карелии и Архангельской области, а на восток – до Костромской и Нижегородской областей.

Лось. Единственный вид копытных, который был постоянной и заметной добычей охотников Дьякова городища. В настоящее время совершенно обычен и распространен от лесотундры до Нижнего Дона и Предкавказья (в историческое время его ареал простирался до Закавказья (*Верещагин*, 1947). Доля костей этого вида среди костей диких животных по нижнему слою и нижним горизонтам верхнего – 150/855 (или с коррекцией – 538/1492), а по верхним – 191/1847 (с коррекцией – 736/2939).

Медведь. Наряду с лосем и бобром являлся одним из основных видов, добывавшихся населением Дьякова городища. В настоящее время на юг

[7] В коллекции костных остатков с городища имеются единичные кости собак. Охота с собакой эффективна именно на глухарей-самцов, так как они, в отличие от самок, облаенные собакой не улетают, а «замирают» на дереве.

распространен в центральной части Европейской России до Оки, а в Московской области сейчас, по-видимому, истреблен совершенно (он был чрезвычайно редок здесь уже 30–40 лет назад). Доля медведя среди использовавшихся диких животных по результатам исследования костного материала с Дьякова городища была наиболее постоянной.

Соня-полчок. Из млекопитающих, нахождение костей которых в культурном слое носит случайный характер, интерес представляет обнаружение остатков сони-полчка, вида, характерного для широколиственных лесов и в настоящее время распространенного на север до Оки.

Весьма ограниченные данные по птицам не нарушают складывающейся общей картины, а вполне с ней согласуются, также указывая на большое экологическое разнообразие территории и значительно меньшую измененность исходного состава фауны. В целом комплекс выявленных на Дьяковом городище птиц не «выбивается» из видового состава современной орнитофауны Московской области. Набор видов птиц свидетельствует о том, что та конкретная и достаточно ограниченная территория, на которой он встречался, характеризовалась высокой лесистостью, наличием участков сосновых боров (возможно, и дубрав), ельников, смешанных хвойно-лиственных лесов, верховых болот, сильно заросших водоемов. В то же время, по-видимому, имелись уже и участки леса, измененные человеком (вырубки, гари), о чем свидетельствует в первую очередь достаточно заметная доля тетерева.

Несомненно, что в целом, однако, территория, входившая в охотничий ареал жителей городища, была еще мало изменена человеческой деятельностью, а фактор беспокойства проявлялся в незначительной степени: здесь обычны были глухарь, белая куропатка, журавль, т.е. те виды, которые в настоящее время либо крайне редки и весьма спорадично распространены в Подмосковье (глухарь, журавль), либо вообще уже не встречаются (белая куропатка). В настоящее время ближайшим к Москве районом, где, вероятно, еще сохранилась белая куропатка, является Оршинский мох в Тверской области, но и здесь она теперь крайне редка.

Данные по ихтиофауне (наличие стерляди, тайменя в Москве-реке) свидетельствуют об исключительно благоприятном и еще не нарушенном кислородном режиме речных водоемов.

Наиболее существенной особенностью (и отличием от современной) тогдашней териофауны является, безусловно, наличие богатой фауны копытных (северного оленя, в настоящее время утратившего сплошной ареал на Европейском континенте и почти повсеместно истребленного, и, что особенно интересно, такого неморального набора видов, как косуля, благородный олень, кабан, *E.cf. gmelini*) и такого типичного обитателя широколиственных лесов, как соня-полчок. Само наличие этого набора свидетельствует о том, что в регионе в железном веке были широко распространены, если не господствовали, широколиственные леса, в том числе – осветленные с наличием открытых разнотравных участков (полян, лужаек), т.е. внутренне более сложно структурированных по сравнению с современными. Сохранение указанного комплекса видов вплоть до раннего железного века включительно (показательно, что уже в это время все указанные его представители крайне редки и все они, кроме кабана, полностью исчезают и в верхних слоях не встречаются, да и кабан становится более редким) свидетельствует об обстановке, при которой совершенно естественными элементами могли быть также тур и зубр, истребленные (либо ставшие еще более редкими по сравнению с указанными видами) в более ранние времена. Таковая возможность не отрицается одними авторами (*Громова*, 1935), более скептически рассматривается другими (*Гептнер и др.*, 1961; *Цалкин*, 1970), но остается пока что невыясненной, хотя и весьма вероятной. Но и выявленный набор видов копытных, типичных для неморальных лесов, в своей совокупности является очень мощным средообразующим фактором. Жизнедеятельность даже такого количества видов копытных (при наличии же в составе комплекса тура и зубра, несомненно, в еще большей степени, поскольку эти два вида и тарпан являются типичными стадными и преимущественно травоядными животными) неизбежно обусловливала и иную (по сравнению с современной) структуру широколиственных лесов и значительную интенсификацию общей напряженности биопродукционных процессов в местных экосистемах. То есть в указанном комплексе виды экосистемы европейских широколиственных лесов имели в своей структуре мощный системообразующий фактор, к настоящему времени полностью утраченный. В силу этого мы лишены самой возможности целенаправленного и всестороннего изучения его роли.

По речному врезу (по всей гидросети) обстановка изменилась в не меньшем масштабе. Бобр, являвшийся в железном веке совершенно обычным и достаточно массовым видом на громадных территориях Восточной Европы (*Цалкин*, 1962), который в более позднее время был почти полностью истреблен, в условиях пойменных экосистем имел наибольшее по сравнению со всеми другими видами биоценотическое и средообразующее значение. Его жизнедеятельность постоянно поддерживала более высокий уровень грунтовых вод фактически в мас-

штабах всего его ареала, т.е. являлась также системообразующим фактором, возможно, даже более мощным, чем деятельность всех видов копытных (но, разумеется, ее не заменяющей).

Естественно, что уничтожение указанных видов или сокращение их численности до столь ничтожного уровня, что их жизнедеятельность в функционировании природных экосистем утрачивала сколько-нибудь заметную роль, неизбежно ведет к кардинальным изменениям этих экосистем. Смена исходных широколиственных осветленных лесов смешанными и хвойными отчасти была обусловлена именно антропогенным изменением фауны.

Более западные районы Восточной Европы, до сих пор остающиеся зоной преимущественного распространения широколиственных лесов, характеризуются также и более полной степенью сохранения неморального териофаунистического комплекса и значительно более поздним (или недавним) сохранением таких видов, как тарпан (до XVIII–XIX вв.), тур (последний убит в 1627 г.) и зубр (в лесостепной полосе доживает до начала XVIII в., в Беловежской Пуще – до начала XX в., как и в горных лесах западной части Большого Кавказа).

Антропогенные изменения естественной териофауны широколиственных лесов были весьма существенны еще до железного века, о чем непосредственно свидетельствуют материалы раскопок Дьякова городища. Наиболее характерный комплекс для неморальных лесов уже в раннем железном веке был представлен видами крайне редкими и, вероятно, не всеми для него типичными. Не исключено, что причиной этого явилась охотничья деятельность оседавшего здесь населения в более ранние периоды, еще предшествовавшие появлению здесь домашних животных.

Диаграмма 1. **Соотношение количества костей домашних и диких животных в культурных слоях Дьякова городища** (1 – материк; 2 – нижний слой; 3 – стерильный слой; 4 – верхний слой 260–300 см; 5 – верхний слой 220–260 см; 6 – верхний слой 180–220 см; 7 – верхний слой 140–180 см; 8 – верхний слой 100–140 см).

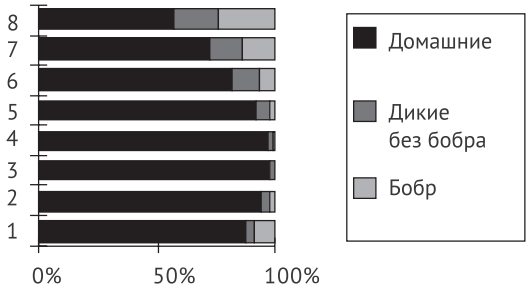


Диаграмма 2. **Соотношение основных видов домашних животных в культурных слоях Дьякова городища по числу костных остатков** (1 – материк; 2 – нижний слой; 3 – «стерильный» слой; 4 – верхний слой 260–300 см; 5 – верхний слой 220–260 см; 6 – верхний слой 180–220 см; 7 – верхний слой 140–180 см; 8 – верхний слой 100–140 см).

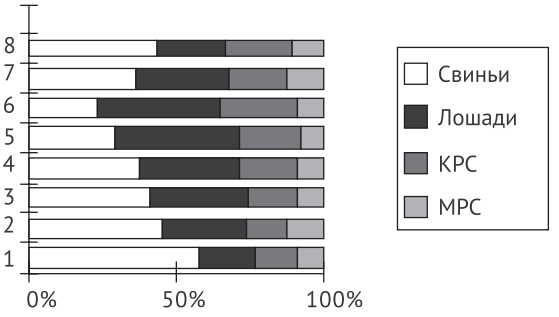


Диаграмма 3. **Изменение концентрации стеклянных и пастовых бус на 1 м^3 культурного слоя Дьякова городища** (по данным раскопок 1981–1984 гг.)

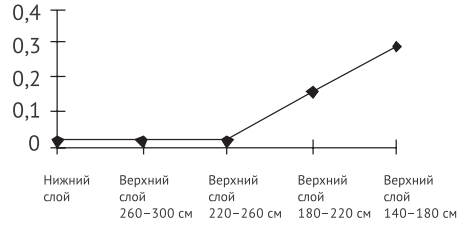


Таблица 44. **Образец карточки определений остеологических остатков с Дьякова городища**

Год раскопок Д-82 (1982) № квадрата 93 глубина (см) 140–150	11 остатков, из них 8 неопределимых	Верхний слой (в. сл.)
Домашние Свинья – обл. позвонка, обл. угла нижней челюсти, обл. ребра		Дикие нет

Таблица 45. **Состав фауны из раскопок 1935, 1981–1987 гг. Дьякова городища в Москве**
(определения Л.И. Алексеевой, Е.Г. Андреевой, Г.В. Захаренко, А.К. Агаджаняна, В.Н. Калякина, Е.А. Цепкина)

Виды животных	Нижний слой IX (VIII) в. до н.э. – III в. до н.э.	Верхний слой II в. до н.э. – VII в.н.э.
Домашние животные		
Свинья (*Sus scrofa*)	+	+
Лошадь (*Equus caballus*)	+	+
Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)	+	+
Мелкий рогатый скот (*Ovis aries, Carpa hircus?*)	+	+
Домашний осел (*Equus Asinus sp.*)	_	+
Собака (*Canis ex gr. familiaris*)	_	+
Дикие животные		
Бобр (*Castor fiber*)	+	+
Заяц (*Lepus sp.*)	+	+
Белка (*Sciurus vurgaris*)	+	+
Соня-полчок (*Glis glis*)	–	+
Водяная полевка (*Arvicola terrestris*)	–	+
Полёвка-экономка (*Microtus oeconomus*)	–	+
Полевка (*Microtus sp.*)	+	+
Рыжая европейская полёвка (*Clethrionomys glareolus*)	+	–
Желтогорлая мышь (*Arodemus flavicollis*)	+	–
Полевая мышь (*Arodemus sp.*)	–	+
Ёж (*Erinaccus europaeus*)	+	+
Медведь (*Ursus arctos*)	+	+
Лисица (*Vulpes vulpes*)	+	+
Волк (*Canis lupus*)	–	+
Рысь (*Lunx lunx*)	+	+
Выдра (*Lutra lutra*)	+	+
Хорек (*Mustela cf. putorius*)	+	+
Барсук (*Meles meles*)	+	+
Куница (*Martes Martes*)	+	+
Куньи (*Mustelidae gen.?*)	+	+
Тарпан (*Equus cf. gmelini*)	+	+
Дикий кабан (*Sus cf.scrofa*)	+	+

Виды животных	Нижний слой IX (VIII) в. до н.э. – III в. до н.э.	Верхний слой II в. до н.э. – VII в.н.э.
Лось (*Alces alces*)	+	+
Северный олень (*Rangifer tarandus*)	+	–
Оленьи (*Cervidae gen.?*)	+	+
Птицы		
Кряква	–	+
Хохлатая чернеть	–	+
Белая куропатка	–	+
Тетерев	–	+
Глухарь	+	+
Рябчик	+	+
Перепел	–	+
Серый журавль	–	+
Лысуха	–	+
Серебристая чайка	+	+
Сизая чайка	+	–
Обыкновенная неясыть	–	+
Ворона	+	–
Рыбы		
Щука (*Exos lucius*)	+	+
Судак (*Lucioperca lucioperca*)	+	+
Лещ (*Abramis brama*)	+	+
Сом (*Silurus glanis*)	–	+
Голавль (*Leuciscus cephalus*)	+	+
Язь (*Leuciscus idus*)	–	+
Плотва (*Rutilus rutilus*)	+	+
Стерлядь (*Acipenser ruthenus*)	–	+
Таймень (*Hucho hucho taimen*)	–	+
Жерех (*Aspius aspius*)	–	+
Окунь (*Perca fluviatus*)	–	+
Карась (*Carassius sp.*)	–	+

Таблица 46. **Измерения пястных костей лошадей**

Промеры в мм, индексы в %	E. gmelini	Equus cf. gmelini			E. caballus домашняя лошадь	E. przewalskii
	Сев. Крым ЗИН № 521	Дьяковское городище квадрат 27 глубина 290–305	Дьяковское городище квадрат 116 глубина 360–385	Дьяковское городище квадрат 75 глубина 350	Дьяковское городище	Зоомузей МГУ № S-115391
Длина кости	206,5	192	181	196	190–216	218
Ширина тела кости в середине	33	32	30	31,1	28–31,5	30
Индекс массивности	16,0	16,0	16,1	15,8	13,9–14,8	13,7

Таблица 47. **Измерения первых фаланг конечностей лошадей**

Промеры в мм, индексы в %	E. gmelini Сев. Крым ЗИН № 521	E. cf. gmelini Дьяковское городище квадрат 180 глубина 440–450	E. caballus Дьяковское городище	E. przewalskii Зоомузей МГУ № S-115391
Длина кости	67,5	66	66–75,5	74
Ширина кости в середине	34	32	29–31	30
Поперечник тела кости в середине	22	21,5	21–23,2	22,5
Индекс массивности (2:1)	50	48,4	42,3–45.5	40
Индекс уплощенности (3:2)	64,7	67,1	70,4–74,1	75

Таблица 48. **Состав фаунистических остатков из раскопок Дьякова городища 1982–1984 гг. Погребенная почва (материк)**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	18	17,0
Свинья	54	50,9
Крупный рогатый скот	13	12,3
Мелкий рогатый скот	8	7,6
Бобр	10	9,5
Лисица	1	0,9
Лось	1	0,9
Заяц	1	0,9
Количество определимых остатков	106	100
Количество неопределимых остатков	259	
Всего остатков	365	

Таблица 49. **Состав фаунистических остатков млекопитающих и птиц из раскопок Дьякова городища 1981, 1982, 1984, 1986 гг. Нижний слой**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	1458	27,1
Свинья	2296	42,6
Крупный рогатый скот	715	13,3
Мелкий рогатый скот	613	11,4
Тарпан (*Equus cf. gmelini*)	4	0,07
Бобр	112	2,1
Медведь	39	0,7
Лисица	29	0,5
Хорёк	5	0,1
Куница+куньи	35	0,6
Выдра	4	0,07
Барсук	1	0,02
Ёж	3	0,06
Белка	1	0,02
Заяц	2	0,04
Полёвка	2	0,04
Водяная полёвка	1	0,02
Прочие мелкие грызуны	1	0,02
Кабан	6	0,1
Лось	49	0,9
Косуля (?)	1	0,02
Оленьи	2	0,04
Северный олень	3	0,06
Глухарь	4	0,07
Рябчик	2	0,04
Сизая чайка	1	0,02
Серебристая чайка	1	0,02
Ворона	1	0,02
Количество определимых остатков	5391	100
Количество неопределимых остатков	11 773	
Всего остатков	17 163	

Таблица 50. **Состав фаунистических остатков из раскопок Дьякова городища 1982, 1984 гг. Горизонт (прослойка пепла с песком), разделяющий верхний и нижний слои**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	452	33,11
Свинья	545	39,9
Крупный рогатый скот	219	16
Мелкий рогатый скот	118	8,6
Бобр	7	0,5
Медведь	3	0,2
Лисица	2	0,14
Лось	12	0,9
Куница+куньи	4	0,3
Кабан	1	0,07
Оленьи	1	0,07
Ёж	2	0,14
Желтогорлая мышь	1	0,07
Количество определимых остатков	1367	100
Количество неопределимых остатков	5639	
Всего остатков	7006	

Таблица 51. **Состав фаунистических остатков млекопитающих и птиц из раскопок Дьякова городища 1981, 1982, 1984 гг. Основание верхнего слоя, глубина 260–300 (340) см**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	976	33,6
Свинья	1046	36
Крупный рогатый скот	528	18,3
Мелкий рогатый скот	243	8,4
Собака	1	0,03
Бобр	34	1,2
Медведь	8	0,3
Волк	1	0,03
Лисица	24	0,8
Куница+куньи	15	0,5
Выдра	1	0,03
Тарпан (*Equus cf. gmelini*)	2	0,06
Лось	18	0,6
Кабан	3	0,09
Оленьи	2	0,06
Полевка	1	0,03
Заяц	3	0,09
Глухарь	5	0,15
Количество определимых остатков	2911	100
Количество неопределимых остатков	9304	
Всего остатков	12 215	

Таблица 52. **Состав фаунистических остатков (млекопитающие и птицы) из раскопок Дьякова городища 1981, 1982, 1983–1984 гг. Верхний слой, глубина 220–260 см**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание вида в %
Лошадь	1130	39,8
Свинья	760	26,7
Крупный рогатый скот	566	20
Мелкий рогатый скот	185	6,52
Собака	1	0,04
Бобр	46	1,6
Медведь	18	0,6
Волк	1	0,04
Лисица	42	1,5
Куница + куньи	28	1
Выдра	1	0,04
Барсук	1	0,04
Тарпан (*Equus cf. gmelin*i)	4	0,1
Лось	21	0,7
Оленьи	5	0,2
Кабан	2	0,07
Ёж	2	0,07
Заяц	5	0,2
Водяная полёвка	10	0,3
Прочие мелкие грызуны	7	0,2
Глухарь	5	0,2
Рябчик	1	0,04
Белая куропатка	1	0,04
Количество определимых остатков	2842	100
Количество неопределимых остатков	7748	
Всего остатков	10 590	

Таблица 53. **Состав фаунистических остатков (млекопитающие и птицы) из раскопок Дьякова городища 1981, 1982, 1983 гг. Верхний слой, глубина 180–220 см**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	444	34,1
Свинья	250	19,2
Крупный рогатый скот	289	22,2
Мелкий рогатый скот	89	6,8
Бобр	88	6,8
Медведь	23	1,8
Волк	1	0,08
Лисица	12	0,9
Хорёк	2	0,16
Куница+куньи	28	2,2
Кабан	1	0,08
Тарпан *(Equus cf. gmelini)*	3	0,24
Лось	49	3,8
Благородный олень?	2	0,16
Ёж	1	0,08
Белка	1	0,08
Глухарь	4	0,3
Рябчик	8	0,62
Тетерев	1	0,08
Белая куропатка	2	0,16
Кряква	1	0,08
Серебряная чайка	1	0,08
Количество определимых остатков	1300	100
Количество неопределимых остатков	2651	
Всего остатков	3951	

Таблица 54. **Состав фаунистических остатков (млекопитающие и птицы) из раскопок Дьякова городища 1981–1983, 1986 гг. Верхний слой, глубина 140–180 см**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	211	23,3
Свинья	235	26
Крупный рогатый скот	130	14,3
Мелкий рогатый скот	81	8,9
Собака	2	0,2
Бобр	130	14,3
Медведь	31	3,4
Волк	1	0,1
Лисица	9	1
Хорёк	1	0,1
Куница+куньи	27	3
Выдра	1	0,1
Барсук	2	0,2
Кошачьи (?)	1	0,1
Лось	31	3,4
Кабан	1	0,1
Полёвка	1	0,1
Amphibia (лягушка?)	1	0,1
Глухарь	5	0,5
Тетерев	6	0,7
Лысуха	1	0,1
Количество определимых остатков	908	100
Количество неопределимых остатков	1386	
Всего остатков	2294	

Таблица 55. **Состав фаунистических остатков (млекопитающие и птицы) из раскопок Дьякова городища 1981–1983, 1986, 1987 гг. Верхний слой, глубина 100–140 см**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	163	14
Свинья	293	25
Крупный рогатый скот	148	12,6
Мелкий рогатый скот	72	6,1
Бобр	278	23.8
Медведь	49	4,2
Рысь	1	0,1
Лисица	23	2
Куница + куньи	75	6,4
Хорёк	2	0,2
Барсук	3	0,2
Лось	33	2,8
Заяц	4	0,3
Ёж	2	0,2
Водяная полёвка	8	0,7
Прочие мелкие грызуны	7	0,6
Глухарь	3	0,2
Рябчик	1	0,1
Тетерев	1	0,1
Белая куропатка	1	0,1
Перепел	1	0,1
Хохлатая чернеть	1	0,1
Кряква	1	0,1
Количество определимых остатков	1170	100
Количество неопределимых остатков	3116	
Всего остатков	4286	

Таблица 56. **Состав фаунистических остатков (млекопитающие и птицы) из раскопок Дьякова городища 1981, 1983, 1984, 1986, 1987 гг. (участки перекопов)**

Виды животных	Количество остатков	Относительное содержание видов в %
Лошадь	1050	22,5
Свинья	1305	28
Крупный рогатый скот	772	16,5
Мелкий рогатый скот	396	8,5
Собака	3	0,1
Бобр	666	14,2
Медведь	104	2,2
Волк	2	0,04
Лисица	47	1
Выдра	7	0,16
Хорёк	4	0,1
Куница+куньи	126	2,7
Барсук	5	0,1
Кабан	3	0,04
Лось	127	2,7
Заяц	9	0,2
Ёж	2	0,04
Белка	1	0,02
Водяная полёвка	14	0,3
Прочие мелкие грызуны	10	0,2
Глухарь	11	0,2
Тетерев	5	0,1
Рябчик	1	0,02
Белая куропатка	1	0,02
Серый журавль	1	0,02
Лысуха	2	0,04
Количество определимых остатков	4674	100
Количество неопределимых остатков	11 059	
Всего остатков	15 733	

Таблица 57. **Анатомический набор остатков из нижнего слоя Дьякова городища (раскопки 1981 и 1984 гг.)**

Название костей	Лошадь	Свинья	КРС	МРС	Бобр	Лось	Медведь	Куньи
Обломки черепа	39	106	24	18	4	–	–	3
Верхние челюсти	8	93	5	14	–	–	–	3
Нижние челюсти	21	115	26	30	4	–	–	10
Отдельные зубы	200	440	119	134	8	1	1	–
Ключица	–	–	–	–	7	–	–	–
Лопатка	26	40	14	15	8	2	1	-
Плечевая	19	67	14	9	7	1	1	3
Лучевая	37	33	17	14	5	–	3	2
Локтевая	14	35	10	7	5	–	2	1
Пясть	28	89	14	16	1	2	–	-
Запястные	25	24	8	15	1	2	3	-
Бедренная	14	6	4	7	7	–	1	2
Б. берцовая	37	57	19	16	10	1	1	2
М. берцовая	-	22	2	–	2	–	–	1
Плюсна	47	86	18	14	1	-	4	2
Предплюсновые	29	51	15	11	1	1	–	–
Фаланги	83	146	53	51	-	12	13	–
Ребра	77	90	37	56	9	8	1	–
Позвонки	27	61	24	13	3	1	–	–
Боковые метаподии (= грифельные кости)	38	60	–	–	–	1	–	–
Таз	8	19	4	4	3	–	–	2
Прочие (грудина, крестец, сезамовидная, рога)	7	11	9	2	–	–	–	–

Таблица 58. **Изменение количества костей животных в 1 м^3 культурного слоя Дьякова городища (раскопки 1981–1987 гг.)**

Виды животных	Нижний слой	Верхний слой				
		260–300 см	220–260 см	180–220 см	140–180 см	100–140 см
Домашний скот (лошадь+ +свинья+ КРС+МРС)	60	71	56	26	23	25
Бобр	1	1	1	2	4	10
Лось	0,6	0,5	0,4	1,2	1,1	1,2
Медведь	0,5	0,2	0,4	0,5	1,1	1,8

Таблица 59. **Видовой состав фауны из раскопок 1982 г. селища «Чертов городок» в Коломенском (определения Л.И. Алексеевой, А.К. Агаджаняна, В.Н. Калякина)**

Виды животных	Количество остатков, в скобках – доля в %	Число особей
Лошадь (*Equus caballus*)	13 (9,8%)	1
Свинья (*Sus scrofa*)	40 (30,1%)	3
Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)	46 (34,6%)	1
Мелкий рогатый скот (*Ovis aries, Carpa hircus*)	10 (7,5%)	1
Собака (*Canis familiaris*)	4 (3%)	1
Лось (*Alces alces*)	4 (3%)	1
Бурый медведь (*Ursus arctos*)	3 (2,2%)	1
Речной бобр (*Castor fiber*)	8 (6%)	2
Водяная полёвка (*Arvicola terrestris*)	3 (2,2%)	2
Серый журавль	1 (0,8%)	1
Утка широконоска	1 (0,8%)	1
Рыбы (*Pisces*)	1	1
Количество определимых остатков	133 (без рыб) – 100%	–
Количество неопределимых остатков	390	–
Всего остатков	524	–

Таблица 60. **Относительный состав териофауны из раскопок Дьякова городища 1935 г. (преимущественно верхний слой)***

Виды животных	Количество остатков и относительное содержание видов в %	Количество особей
Лошадь	233 (38,5%)	11
Свинья	94 (15,5%)	23
Крупный рогатый скот	113 (18,6%)	8
Мелкий рогатый скот	26 (4,3%)	7
Осел	1 (0,2%)	1
Бобр	83 (13,7%)	12
Медведь	5 (0,8%)	2
Куница	1 (0,2%)	1
Барсук	1 (0,2%)	1
Кабан	2 (0,3%)	1
Лось	47 (7,7%)	5
Количество определимых остатков	606 (100%)	
Количество неопределимых остатков	404	
Всего остатков	1010	

* Определение Е.Г. Андреевой.

Таблица 61. **Распределение костей рыб в контрольных квадратах 241 и 242 раскопа 1987 г. на Дьяковом городище**

Слой, см	Виды рыб	Реконструированный вес особей, кг	Всего, кг
140–150 *	Щука, окунь, судак, карповые	0,3+ 0,1 +2,0 +0,3 +0,1+0,1	2,9
150–160	Щука, плотва	0,5+0,2	0,7
160–170	Щука, окунь, карповые	0,3+0,1+0,1	0,5
170–180	Голавль, щука, карповые	0,3+0,3+0,3+0,5+0,3	1,7
180–190	Лещ, голавль, щука, таймень, карповые	0,9+1,0+1,0+10,0+0,5+0,5+0,3+ +0,1	14,3
190–200	Лещ, щука	0,5+0,6+0,2	1,3
200–210	Карповые	0,3+0,5	0,8
210–220	Щука, голавль, карповые	0,5+0,5+0,5	1,5

* Уровень 140–150 соответствует поверхности, существовавшей до раскопок XIX в.

Таблица 62. **Восстановленные размеры рыб из раскопок Дьякова городища**

Вид рыбы	Длина тела, см		Количество рыб (экз.)
	Колебания	Средняя	
Стерлядь	75–92	–	2
Таймень	117	–	2
Щука	23–120	83,5	67
Плотва	19–31	24,0	4
Язь	27–42	36,0	5
Голавль	12–43	33,5	10
Жерех	49	–	1
Лещ	20–50	40,7	17
Сом	97–205	157,7	8
Судак	30–75	62,8	18
Окунь	16	–	1

Глава седьмая

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Программа палеоботанических исследований Дьякова городища заключалась в отборе по разрезам образцов для спорово-пыльцевого анализа; организации флотации контрольных объемов культурного слоя для извлечения карбонизированных зерен. Параллельно проводилось геоботаническое описание современного состояния территории.

Палинологические данные. В начале 1990-х годов была частично решена задача выяснения основных закономерностей формирования природного комплекса в железном веке на отдельных участках Волго-Окского междуречья. Изучалась последовательность палеоэкологических событий по естественным разрезам, а также по разрезам культурных слоев археологических памятников.

На памятниках железного века получение палеогеографических данных требовало постоянного учета взаимовлияния природы и человека. Изучая антропогенное воздействие на природную среду, необходимо было фиксировать различные аспекты хозяйственной деятельности человека: вырубка леса, строительство, скотоводство, земледелие. В I тыс. до н.э. в наиболее освоенных частях долины Москвы-реки постепенно начинал складываться исторический ландшафт, связанный с хозяйственной деятельностью человека.

При систематическом палинологическом изучении Дьякова городища (*Гунова*, *Кренке*, 1985) впервые были получены материалы, которые в дальнейшем можно было использовать для установления последовательных смен доминантов в растительном покрове и для создания палеоботанической периодизации эпохи железного века в Подмосковье.

Палинологическое изучение Дьякова городища в 1980-е годы проводилось по трем разрезам, расположенным в центральной части площадки городища, а также на северной и западной периферии памятника. Результаты этих первых исследований были опубликованы (*Гунова и др*., 1996).

По сравнению с другими памятниками разрезы на Дьяковом городище отличаются наибольшей полнотой, культурный слой этого памятника откладывался более тысячи лет, охватывает почти весь период железного века. Детальные палинологические исследования, проведенные на городище, позволили рассматривать его как основной стратотипический разрез памятников железного века Москворецкого региона.

Первые палеоботанические реконструкции базировались на сравнении состава субфоссильных пыльцевых спектров, отражающих характер современной растительности, с ископаемыми спектрами, что способствовало более объективной интерпретации результатов палинологического анализа.

Современную растительность холма Дьякова городища, его понижений и склонов коренного берега р. Москвы и прилегающих к ним участков поймы образуют злаковые луга в сочетании с рудеральными видами (геоботаническое описание выполнено В.И. Турманиной). Среди них преобладают луговая и овечья овсяницы, мятлик обыкновенный, тимофеевка. В состав рудеральной растительности входят самые обычные сорняки, связанные с деятельностью человека и встречающиеся повсеместно около жилья, на пустырях, сорных местах, у дорог и т.д. Это крапива двудомная (*Urtica dioica L*), марь белая (*Chenopodium album*), лебеда (*Artiplex*), полыни (*Artemisia vulgaris, A. absinthium*), сурепка (семейство Brassicaceae). Вдоль утоптанных троп, дорог произрастают лапчатка гусиная (*Potentilla anserina*), подорожники (*Plantago major, P. lanceolata*), птичий горец (*Polygonum aviculare*) и др. Луговое разнотравье играет незначительную роль в травостое. В основном это виды из семейств *Fabaceae* (люцерна хмелевая, лядвинец, клевер), *Apiaceae* (тмин, бедренец), *Asteraceae* (пижма, золотая розга), *Boraginaceae* (черно корень), *Scrophulariaceae* (вероника), *Caryophyllaceae* (гвоздика), *Equisestaceaea* (полевой и луговой хвощ), из рода *Galium* (настоящий и мягкий подмареники) и др. Увлажненные места поймы заняты осоками (семейство *Cyperaceae*).

Древесная растительность представлена зарослями ольхи (*Alnus*), ивы (*Salix*), березы (*Betula*) по оврагам и изредка на пойме, встречаются также клен, вяз, липа, дуб, сосна и ель.

Поверхностные пробы на спорово-пыльцевой анализ были отобраны на холме, его склонах и на пойме. Во всех образцах преобладает пыльца травянистых растений (50–56%). Доминирует среди них пыльца злаков (25–35%) и пыльца из семейств *Polygonaceae*, *Asteraceae*, *Chenopodiaceae*, *Fabaceae*, родов *Urtica*, *Artemisia*, многие виды которых относятся к сорной растительности антропогенного происхождения. Заметно присутствие пыльцы осок, особенно в пойменных пробах.

Пыльца древесных пород в общем составе не превышает 25%. Более высокое процентное содержание отмечается в пробах со склонов Дьяковского холма и коренного берега. Преобладает пыльца березы (до 40%) и сосны (25–30%) – пород, обладающих большой пыльцевой продуцирующей способностью и наибольшей летучестью пыльцевых зерен. Пыльца ели составляет не более 5–8%, содержание пыльцы широколиственных пород не превышает 10–12%, среди которых чаще встречается пыльца дуба (2–4%) и липы (6–8%), единично отмечены зерна клена. Количество ольхи колеблется от 15 до 20%.

На долю спор в современных спорово-пыльцевых спектрах приходится около 20%. Это в основном споры семейства *Polypodiaceae* и отряда *Bryales*.

Состав описанных спорово-пыльцевых спектров в целом соответствует составу растительного покрова, который существует в настоящее время вокруг Дьякова городища.

Вышеописанные палиноспектры поверхностных проб отражают в значительной степени локальные условия, сложившиеся вблизи городища.

Из культурного слоя Дьякова городища в 1981–1984 гг. были отобраны три колонки образцов, на основании анализа которых были построены две спорово-пыльцевые диаграммы (рис. 227, 228). Общая мощность культурного слоя на всех исследованных участках составляла около 3 м, и он подразделялся на верхний (около 2 м) и нижний (около 0,8 м) слои, разделенные на периферии площадки городища «стерильной» прослойкой песка с пеплом. Образцы отбирались как из гумусового горизонта погребенной под культурным слоем дерново-подзолистой почвы, так и из самого культурного слоя с интервалом около 15–20 см.

Обе диаграммы довольно схожи по своему содержанию: четко различаются по составу спорово-пыльцевые спектры верхнего и нижнего культурных слоев; состав спектров каждого слоя однотипен; тенденции в развитии отдельных элементов спектров внутри каждого слоя сохраняются, хотя количественные соотношения иногда не совпадают.

Спорово-пыльцевые спектры нижнего культурного слоя типично лесные. В общем составе господствует пыльца древесных пород (около 50%). Преобладает пыльца хвойных деревьев (сосна, ель), заметно участие пыльцы березы и широколиственных пород (дуб, липа). Сравнение пыльцевых диаграмм, полученных нами, с полными голоценовыми диаграммами центра Русской равнины (*Хотинский*, 1977) позволяет отметить их идентичность на отрезке, располагающемся между двумя верхними максимумами ели, что соответствует началу субатлантического периода (фаза SA-1). В это время в окрестностях Дьякова городища, как и на всей Русской равнине, были распространены темнохвойные леса с участием мелколиственных (береза) и широколиственных пород (дуб, липа). В долине реки произрастали ива, ольха. Присутствие человека улавливается по довольно высокому процентному содержанию пыльцы травянистых растений (до 40%), что несвойственно фоновым диаграммам. Среди трав доминирует пыльца рудеральных растений. Довольно разнообразно представлена пыльца нарушенных местообитаний типа пастбищ. Это, прежде всего, пыльца *Galium, Plantago, Potentilla*, семейства *Polygonaceae*, совместное нахождение которых может свидетельствовать о развитии скотоводства. Судя по единичным находкам пыльцевых зерен культурных злаков, земледелие существовало, но еще в слаборазвитой форме.

Участки, свободные от леса, необходимые для пастбищ и земледелия, располагались в основном вблизи поселения и скорее всего не оказывали влияния на естественный фон растительности.

Верхний культурный слой формировался, по радиоуглеродным и археологическим датировкам, в основном во вторую половину субатлантического периода. В центре Русской равнины в это время получили широкое распространение хвойные леса с преобладанием ели и сосны в древостое.

В спектрах верхнего культурного слоя, как видно из диаграмм, доминирует пыльца травянистых растений, так же как и в современных спорово-пыльцевых спектрах. Содержание пыльцы трав колеблется от 40 до 70%. Среди них наибольший процент принадлежит пыльце сорных рудеральных растений из семейств *Polygonaceae*, *Asteraceae*, *Cichoriaceae*, *Chenopodiaceae*, *Poaceae* и др. Количество пыльцы древесных пород составляет около 40%.

В целом в верхнем культурном слое происходит сокращение участия пыльцы растений нарушенных субстратов, увеличение содержания пыльцы культурных злаков и одновременное снижение количества пыльцы древесных пород в спорово-пыльцевых спектрах. Скорее всего это связано с развитием более устойчивого земледелия в среднем течении Москвы-реки в первой половине I тыс. н.э. и преобладанием открытых пространств в окрестностях поселений.

Таким образом, исследования 1980-х годов показали, что данные палинологического анализа не только можно использовать для восстановления растительного покрова территории, где существовал памятник, но и реконструировать изменения природной среды, которые происходили вблизи поселения. Исследовательская работа, проведенная на Дьяковом городище, показала возможность применения палинологического анализа для послойного изучения близкого к нам временного отрезка, каким является железный век.

Принимая во внимание значимость памятника для периодизации железного века, а также для понимания изменчивости хозяйственного уклада на разных этапах существования городища, необходимо было детализировать отдельные отрезки времени, которые при первом изучении памятника не получили полного отражения. Кроме этого, сложность строения трех изученных разрезов иногда затрудняла сопоставление выделенных интервалов. Изучение памятника по разным разрезам часто не позволяло понять особенности хозяйственных преобразований, которые периодически происходили на самом городище и в его округе.

Нельзя также не отметить, что за последние 20 лет изученность памятников железного века заметно увеличилась, кроме того, более совершенной стала техническая обработка образцов на палинологический анализ, усовершенствована и статистическая обработка результатов анализа. Теперь она осуществляется по специальной компьютерной программе FLORA, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Кочанова и др*., 2005).

Все эти обстоятельства обусловили необходимость проведения палинологического изучения Дьякова городища на новом уровне по единому разрезу с использованием новых методических приемов. В 2007 г. из северной стенки законсервированного раскопа 2004 г. в южной завальной части площадки городища был произведен отбор 84 образцов в интервале глубин 0,65–3,50 м (цв. вкл., рис. 20). То есть частота отбора составила примерно 3–5 см. Верхние 65 см культурного слоя не изучались, так как они являлись отвалом предшествующих раскопок. Анализ и подсчет микрофоссилий проводился при 400-кратном увеличении. Статистическая обработка результатов анализа осуществлялась по компьютерной программе FLORA.

Сохранность микрофоссилий даже в одном образце часто была различна. По-видимому, сложность строения культурных слоев была обусловлена особенностями формирования всей толщи изученных отложений. Постепенное накопление «мусорных» слоев в разрезе чередовалось с единовременно созданными конструктивными песчано-глинистыми прослойками полов жилищ и другими подсыпками грунта.

Для детального изучения многослойной толщи отложений близкие по составу палинологические спектры объединялись в спорово-пыльцевые комплексы. С целью лучшего сопоставления полученных материалов с другими памятниками в работе дана подробная характеристика всех комплексов.

Почти все выделенные спорово-пыльцевые комплексы содержат сложную информацию. Они включают в себя не только спектры постепенно накапливавшихся отложений, дающих представление об особенностях природной среды, в которой жили люди в различные периоды существования городища, но и спектры из песчаных подсыпок и органогенных прослоек (коричневая органическая прослойка – КОП). Палинологическим методом был проанализирован отдельный образец такой прослойки. Оказалось, что в его спектрах присутствует пыльца только культурных злаков, причем в большом количестве и часто в скоплениях. Скорее всего данная прослойка представляет собой истлевшую злаковую солому, которой могли покрывать крышу или использовать в качестве подстилки.

Особенности формирования палинологических спектров будут рассмотрены ниже при описании спорово-пыльцевых комплексов.

По результатам анализа в изученном разрезе было выделено 26 спорово-пыльцевых комплексов (рис. 229, табл. 63).

I спорово-пыльцевой комплекс (спк) (господство древесных пород; береза, сосна с участием ели и широколиственных пород) описан по образцам 1–3 (с интервала глубин 3,20–3,50 м) из слоя серого и серо-бурого суглинка с примесью КОП (коричневая органическая прослойка).

Можно обратить внимание на то, что среди древесных пород высока роль ели, и только в образце 2 господствует береза. Исходя из особенностей состава спектров, характер растительного покрова совпадает с данными, которые приводит В.С. Гунова (*Гунова*, *Кренке*, 1985) для нижнего культурного слоя городища (образцы 1, 2).

Основным отличием является нарушение естественной картины развития природной среды из-за присутствия кусочков КОП в пробах самого раннего этапа нижнего слоя (образцы 1, 2). Наличие в них большого количества пыльцы культурных злаков влияет на общий состав спектров, увеличивая долю травянистых растений и сокращая роль древесных пород.

II спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель, широколиственные породы / господство злаков) описан по образцам 4–11 (глубина 2,85–3,20 м) из слоев

серо-бурой супеси. Начиная с образца 6 в отложениях присутствуют угольки и зола, а в образце 10 – КОП.

Для данного комплекса характерно довольно высокое содержание пыльцы древесных пород, роль которых вверх по разрезу постепенно уменьшается, а количество пыльцы травянистых растений увеличивается (образцы 7, 6).

Среди древесных пород чаще доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (35–50%), много ели (*Picea*) (до 31%) и широколиственных пород (13–27%). Широколиственные породы представлены преимущественно липой (*Tilia*), также отмечена пыльца дуба (*Quercus*) и единично вяза (*Ulmus*). Содержание пыльцы березы (*Betula*) колеблется от 5 до 20%, составляя в среднем около 11–12%. В спектрах данного комплекса отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (3–6%) (только в образце 8 ее содержание достигает 11%) и единично клена (*Acer*), лещины (*Corylus*) и ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) (40–78%). Постоянно присутствует пыльца культурных злаков. Пыльца разнотравья составляет около 20–30% и представлена преимущественно семействами крестоцветных (*Brassicaceae*) (3–17%), астровых (*Asteraceae*) (3–8%). Помимо этого в составе разнотравья присутствует пыльца семейств гречишных (*Polygonaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), а также кипрей (*Onagraceae*), гераниевые (*Geraniaceae*), василек (*Centaurea*) и подорожник (*Plantago*). В спектрах всех образцов встречается пыльца полыни (*Artemisia*), иногда насчитывающая до 18% и маревые (*Chenopodiaceae*). Везде отмечены осоки (*Cyperaceae*) (4–9%) (образец 9 – 24%).

Споровые представлены в основном папоротниками семейства *Polypodiaceae* (40–60%) и зелеными мхами (*Bryales*) (25–60%), реже сфагновыми мхами (*Sphagnum*) и единично хвощами (*Equesetum*).

Судя по видовому составу палинологических спектров, описанный выше комплекс характеризует достаточно стабильные условия внешней среды на протяжении довольно длительного времени. Нижняя пачка отложений (обрацы 4, 3) образовалась в период, когда в ландшафте господствовали лесные сообщества. По-видимому, постоянное присутствие в спектрах папоротников может свидетельствовать о хорошо развитых лесных бореальных сообществах. Они были представлены сосновыми и еловыми лесами, в состав которых входили разнообразные широколиственные породы. В виде небольшой примеси присутствовали береза и ольха. Постепенно роль лесных массивов в ландшафте сократилась за счет увеличения открытых пространств, образованных лугами, местами, возможно, заболоченных. На это указывает появление в спектрах сфагновых мхов и осок.

Исходя из данных палинологического анализа, можно предположить, что на городище существовала некоторая стабильность природной среды, выразившаяся не только в восстановлении коренных хвойных лесов, но и в изменении структуры хозяйственного освоения территории. Человек стал более рационально использовать ландшафт, обустраивая пастбища и сенокосные угодья наряду с пашнями. Этот этап нашел отражение и в работе В.С. Гуновой (*Гунова и др*., 1996) – разрез 1, образец 3 и разрез 2, образцы 1–4.

III спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы с участием сосны / высокая роль злаков и разнотравья) описан по образцам 12, 13 (глубина 2,75–2,85 м) из прослоев КОП и желтого песка очага. В образцах очень много истлевшей древесины и других органических остатков. Пыльца злаков часто встречается в скоплениях.

В общем составе господствуют травянистые растения, содержание пыльцы которых составляет около 82%, на долю пыльцы древесных пород приходится 11–12%, а на споры только 6–7%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы широколиственных пород (30–43%), представленных преимущественно липой (*Tilia*) (21–33%), а также дубом (*Quercus*) (7–10%) и единично вязом (*Ulmus*). Довольно высоко содержание пыльцы сосны (*Pinus*) (около 27%), на березу (*Betula*) приходится 13%, на ель (*Picea*) – от 7 до 13%. Помимо этого в небольших количествах встречена пыльца лещины (*Corylus*), ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*).

Среди травянистых растений по-прежнему преобладают злаки (*Poaceae*) (46–60%), среди которых присутствуют культурные виды. На разнотравье приходится от 20 до 42%. Состав разнотравья мало меняется по сравнению с предыдущим комплексом, основную роль в нем играют крестоцветные (*Brassicaceae*) (7–8%), цикориевые (*Cichoriaceae*) (2–13%), астровые (*Asteraceae*) (4–6%). Кроме этого встречается пыльца семейства гречишных (*Polygonaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), щавеля (*Rumex*), а также кипрей (*Onagraceae*), гераниевые (*Geraniaceae*), клевер (*Trifolium*), бодяк (*Cirsium*), василистник (*Thalictrum*) и подорожник (*Plantago*). Во всех образцах встречена пыльца полыни (*Artemisia*), маревых (*Chenopodiaceae*). Содержание пыльцы осок (*Cyperaceae*) составляет от 7 до 9%.

Состав споровых обеднен и представлен только зелеными мхами (*Bryales*) (53–61%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (около 40%).

Сохранность пыльцы в целом хорошая, что дает некоторое основание считать этот прослой песка около очага образованным in situ.

Начиная с этого комплекса, в спектрах более отчетливо проявляется антропогенная деятельность. В составе пыльцы и спор образца из песка очага, а также в следующих комплексах IV (образцы 14, 16) и V, полученных из золотисто-углистого слоя песка и серо-бурой супеси, наблюдаются изменения в составе палинологических спектров, где появляется больше пыльцы сорняков семейства гречишных (*Polygonaceae*).

IV спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна, широколиственные породы / господство злаков) описан по образцам 14 и 16 (глубина 2,66–2,75 м) из слоев песка очага и золисто-углистой супеси с прослойками песка (основание пола).

В общем составе отмечается тенденция к увеличению содержания пыльцы древесных пород до 25%, содержание пыльцы травянистых растений немного снижается – 65%, на споры приходится 10%.

В группе древесных пород резко меняются доминанты, содержание пыльцы ели (*Picea*) по сравнению с предыдущим комплексом возрастает почти втрое и составляет 37%. По-прежнему высоко содержание пыльцы сосны (*Pinus*) (28%), роль березы (*Betula*) и широколиственных пород несколько сокращается – 9% и 18% соответственно. Также в небольших количествах встречена пыльца лещины (*Corylus*) и ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений господствуют злаки (*Poaceae*) – 73%, на пыльцу разнотравья приходится всего 13%. Состав разнотравья существенно обеднен по сравнению с предыдущим комплексом, оно представлено только пыльцой семейств крестоцветных (*Brassicaceae*) (7%), цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*) в небольших количествах. Содержание осок составляет 7%, встречены полыни (*Artemisia*) (6%) и маревые.

Состав споровых близок предыдущему комплексу.

По составу спектров этот комплекс близок ко II спк. Отличием является чуть более низкий процент участия ели в этих образцах и более богатый состав споровых.

V спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы, береза, ель / высокая роль злаков) описан по образцам 17, 18 (глубина 2,54–2,60 м) из слоев песка основания пола и подсыпки пола. Образец 18, отобранный из песчаной подсыпки пола, не содержит пыльцы и спор.

Соотношения групп в общем составе близки предыдущему комплексу и составляют 23–29% древесных пород, 66–71% травянистых растений, около 6% спор.

Среди древесных пород чаще всего встречается пыльца широколиственных пород (35%), содержание ели сокращается до 16%. Пыльца березы (*Betula*) составляет 19%, а сосны (*Pinus*) 6%. Широколиственные породы представлены преимущественно липой (*Tilia*), встречается пыльца дуба (*Quercus*) и вяза (*Ulmus*). В спектрах данного комплекса в довольно значимых количествах отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (18%). Единично встречается пыльца ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений роль злаков несколько уменьшается, но остается все-таки довольно значимой – 56%. Состав разнотравья по-прежнему скуден: крестоцветные, астровые, цикориевые и гречишные, но в целом его роль немного возрастает до 27%.

Споровых очень мало и они представлены только зелеными мхами и папоротниками семейства *Polypodiaceae*.

Этот комплекс можно сопоставить с образцом 12 (III спк), хотя в данном случае наблюдаются некоторые расхождения в составе спектров. Так, в образце 17 в общем составе выше роль древесных пород и состав их разнообразнее за счет появления пыльцы вяза (*Ulmus*) и значительного участия пыльцы березы.

Дальнейший этап существования городища связан с более влажными климатическими условиями, которые хорошо прослеживаются в следующем комплексе.

VI спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель, с участием березы и широколиственных пород / господство злаков) описан по образцам 19–21 (глубина 2,42–2,53 м) из слоев серо-бурой супеси с включениями коричневого и древесного тлена, в низах (образец 19) с песком подсыпки пола.

Общий состав образцов комплекса отличается высоким содержанием спор (20–29%), преобладанием пыльцы травянистых растений (51–70%), на долю пыльцы древесных пород приходится 11–21%.

Среди древесных пород доминирующее положение занимает пыльца сосны (*Pinus*) (38–53%), стабильно высокое содержание пыльцы ели (*Picea*) – 25–26%, довольно много пыльцы березы (*Betula*) (13–19%). Роль широколиственных пород сокращается и среди них становится больше дуба (*Quercus*).

Травянистые растения представлены преимущественно злаками (*Poaceae*) 59–76%, довольно много пыльцы осок (*Cyperaceae*) – 11–30%, разнотравье составляет от 10 до 20%, только в образце 20 – 5%. Разнотравье по составу близко предыдущим комплексам. Единично или в небольших количествах отмечена пыльца полыни (*Artemisia*) и маревых (*Chenopodiaceae*).

Споровых много, преобладают споры папоротников семейства *Polypodiaceae* (47–77%), много спор зеленых мхов (*Bryales*) – 20–49%. К верхам комплекса

появляются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (до 13%), единично плауны *Lycopodium clavatum*.

Поскольку образцы отбирались в супеси с коричневым древесным тленом, то и здесь возможны некоторые отклонения от зонального типа. Несмотря на это, повышенная влажность отчетливо проявляется в спорово-пыльцевых спектрах. Это выражается в высокой роли сообществ с участием осок и влажного разнотравья (таволга, василистник, герань, представители семейства гвоздичных). В это время усилились процессы заболачивания. Вероятно, что эти явления наиболее ярко проявлялись в пределах поймы. По-видимому, описанный комплекс отражает существование высоких весенних половодий и паводков.

Лес был чаще образован коренными группировками с сосной, елью и редко березой. Он произрастал в окрестностях городища только отдельными массивами, что хорошо видно по общему составу спектров.

Дальнейшие события на городище, запечатленные в исследованном разрезе, по-видимому, происходили после некоторого перерыва. Изученный отрезок времени представлен всего одним образцом 22 (глубина 2,40–2,42) из слоя серо-бурой супеси и коричневого тлена, по которому выделяется *VII спорово-пыльцевой комплекс (береза с незначительным участием ели и сосны и широколиственных пород / господство злаков)*.

Для общего состава данного комплекса характерно преобладание пыльцы травянистых растений (71%) и высокое содержание спор (20%). Пыльца древесных пород составляет 9%.

В группе древесных пород отмечается явное преобладание пыльцы березы (*Betula*) – 65% (самое высокое в разрезе), при незначительной роли широколиственных пород (липы – *Tilia*), сосны (*Pinus*) и ели (*Picea*) (около 10%).

Среди травянистых растений по-прежнему господствует пыльца злаков (*Poaceae*) (73%), много пыльцы осок (*Cyperaceae*) (15%). Пыльца разнотравья составляет всего 10% и отличается очень бедным составом.

Из споровых чаще всего встречаются папоротники семейства *Polypodiaceae* (77%).

Данный комплекс свидетельствует о резком изменении природной обстановки вокруг городища. Возможно, оно было связано с хозяйственной деятельностью человека, а именно – с освоением новых земель на водоразделе.

VIII спорово-пыльцевой комплекс (*неоднократная смена доминантов – ели, сосны, широколиственных пород / господство злаков / большое участие спор*) описан по образцам 23–26 (глубина 2,38–2,42 м) из слоев серо-бурой и темно-серо-бурой супеси с включениями коричневого тлена.

В общем составе господствуют травы (66–79%), содержание пыльцы древесных пород невысоко и составляет от 4 до 12%, спор больше – 12–25%.

Для данного комплекса характерна неоднократная смена доминанатов среди древесных пород. В спектрах образца 23 при очень низком общем содержании пыльцы древесных, доминирует пыльца ели (*Picea*) и сосны (*Pinus*) (40 и 30% соответственно). Спектры образцов 26 и 24 характеризует почти равное соотношение сосны (*Pinus*) и широколиственных пород (примерно по 21–27%). Отмечается наличие в спектрах пыльцы ясеня (*Fraxinus*). В образце 25 доминируют широколиственные породы, представленные исключительно липой (*Tilia*) (39%).

В группе травянистых растений однообразия спектров тоже не наблюдается, хотя во всех образцах преобладает пыльца злаков (*Poaceae*). В образцах 26 и 25 отмечается более низкое содержание злаков (*Poaceae*) (50%) и более богатое разнотравье с возросшей ролью сорной растительности (*Fagopirum,* Polygonaceae, Brassicaceae*, Cirsium*).

Споровые занимают относительно высокую роль в общем составе (до 25%) и характеризуются доминированием спор папоротников семейства *Polypodiaceae.* В спектрах также много зеленых мхов (*Bryales*) и в небольших количествах и единично встречаются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), хвощей (*Equesetum*) и плаунов *Lycopodium clavatum*.

Судя по данным палинологического анализа, в данном комплексе отражены два этапа. На первом этапе климатические условия были более благоприятны для существования людей на городище, однако начиная с уровня образца 25 явно прослеживается некоторое нарушение прежнего равновесного состояния экосистемы. Все это скорее всего привело к изменению привычного уклада жизни людей на городище. В разрезе нашло отражение самое начало этих изменений. Усилились процессы заболачивания (в спектрах увеличилась роль споровых растений и влаголюбивого разнотравья). Заметно возросло количество пыльцы сорной растительности, а содержание пыльцы злаков сильно сократилось. Все это может указывать на заброшенность части посевных площадей и их сокращение. Земледельческое освоение территории начало приходить в упадок.

Наиболее вероятно, что именно этот комплекс отражает начало конца первого этапа освоения Дьяковского городища, которое происходило в V–III вв. до н.э. В разрезе, изученном В.С. Гуновой (разрез 1), по образцам 7 и 8 скорее всего прослеживается уже конец этого процесса, когда состояние природного комплекса приближалось к естественному зональному типу.

Возможно, после перерыва жизнь людей на Дьяковом городище возобновилась. В разрезах, изучен-

ных В.С. Гуновой (разрез 1, образец 9; разрез 2, образец 6), нашло отражение начало формирования верхнего культурного слоя, когда люди уже освоились на городище, и соотношение между природными процессами и земледельческим освоением округи стабилизировалось (*Гунова и др*., 1996). В нашем случае в разрезе оказался представлен более ранний этап антропогенного преобразования ландшафта вокруг городища. Это было время сведения коренных лесов и обустройства пахотных земель и пастбищ. Данный процесс нашел отражение в составе спорово-пыльцевых спектров комплекса IX.

IX спорово-пыльцевой комплекс (береза / господство злаков и разнотравья) описан по образцам 27, 28 (глубина 2,27–2,30 м) из слоев серо-бурой супеси с прослойками тлена. От выше- и нижележащих комплексов отделен перерывами.

В общем составе больше всего пыльцы травянистых растений (66–85%), пыльца древесных пород составляет 10–18%, на долю спор приходится от 5 до 16%.

Среди древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (45–60%), содержание пыльцы ели (*Picea*) составляет 14–19%, широколиственных пород 10–15%. Помимо этого встречена пыльца ольхи (*Alnus*) (9–17%) и сосны (*Pinus*) (4–9%).

В группе травянистых растений высока роль злаков (*Poaceae*) (55–63%), где встречаются культурные виды. Разнотравье довольно богатое по систематическому составу и на него приходится 28–38%. Оно представлено пыльцой семейств астровых (*Asteraceae*) (4–6%), цикориевых (*Cichoriaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*) (6–8%), гречишных (*Polygonaceae*) (около 4% гречиха (*Fagopirum*) и горец (*Polygonum*)), а также кипрейных (*Onagraceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), льна (*Linum*), армерии (*Armeria*), подорожника (*Plantago*), василистника (*Thalictrum*). В верхах комплекса отмечена пыльца сорняка бодяк (*Cirsium*) (12%). Помимо этого в спектрах присутствует пыльца водных растений: рдеста (*Potamogeton*), ежеголовки (*Sparganium*) и водокраса (*Hydrocharis*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) и папоротниками семейства Polypodiaceae, причем если в верхах комплекса наблюдается абсолютное господство папоротников (91%), то в образце 28 становится больше зеленых мхов (60%). Единично встречены споры хвощей (*Equesetum*).

Не исключено, что этот достаточно тонкий прослой супеси являлся подсыпкой при создании более ровной и сухой поверхности для построек.

Далее в разрезе вновь прослеживается перерыв. Спорово-пыльцевые спектры комплекса X фиксируют наиболее оптимальные для изученной территории климатические условия.

X спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы, береза / господство злаков) описан по образцам 29–32 (глубина 2,18–2,27 м) из слоев серобурой супеси и пола постройки (бурого суглинка, песка и углисто-золистого прослоя).

В общем составе абсолютно доминируют травы – 70–88%, содержание спор довольно низкое – 4–10%, на долю древесных пород приходится от 7 (образец 19) до 20% (образец 31).

Среди пыльцы древесных пород больше всего липы (*Tilia*) – от 42 до 52%. Довольно высокое содержание березы (*Betula*) (22–42%). На долю сосны (*Pinus*) приходится 5–10%, ели (*Picea*) около 5% (только в образце 16 – 9%). Довольно часто встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (5–10%).

В группе травянистых растений стабильно преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) (65–69%), встречаются культурные формы. Пыльца разнотравья присутствует постоянно и составляет 21–25%. В нижней части интервала состав разнотравья мало отличается от предыдущего этапа. Меньше пыльцы водных растений ежеголовки (*Sparganium*) и водокраса (*Hydrocharis*) (около 1%). В верхних частях комплекса (образцы 31 и 32) разнотравье представлено пыльцой семейств цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), небольшим количеством гречишных (*Polygonaceae*) и единичной пыльцой лютиковых (*Ranunculaceae*) и гераниевых (*Geraniaceae*). Помимо этого по всему комплексу отмечена пыльца осок (*Cyperaceae*) (5–6%), маревых (*Chenopodiaceae*) (около 4%) и полыни (*Artemisia*) (2%) (только в образце 32 содержание полыни составляет 7%).

Споровые представлены зелеными мхами (*Bryales*) – 10–25% (исключение составляет образец 29 где их содержание доходит до 60%), папоротниками семейства *Polypodiaceae* (27–54%), сфагновыми мхами (*Sphagnum*) (13–37%) и единичными плаунами (*Lycopodium clavatum*).

Для этого времени, как показывают данные палинологического анализа, была характерна структурная сложность ландшафта, окружающего городище. С одной стороны – существование лесных участков с господством широколиственных пород, отражающих теплые климатические условия, с другой стороны – широкое развитие пахотных земель, пастбищ и сенокосов, связанных с антропогенной трансформацией природного комплекса. Сопоставляя полученные данные с имеющимися в настоящее время кривыми изменения климата по изотопам кислорода (*Rasmussen et al*., 2007), данный интервал наиболее вероятно можно отнести к первой половине

II в. до н.э., который характеризуется теплыми климатическими условиями.

XI спорово-пыльцевой комплекс (сосна / высокая роль злаков) выделяется по образцам 33–38 (глубина 2,04–2,18 м) из слоев, сформировавшихся как in situ, так и образованных в результате хозяйственной деятельности человека. Этот комплекс фиксирует начало обустройства людей на поселении. Отдельные прослои опесчаненной подсыпки пола (образцы 33, 34, 37) содержали только угольки, мелкую органику и частички истлевшей древесины, пыльца и споры в них не обнаружены. В образце 38 из углисто-золистого слоя пола пыльцы и спор очень мало и они имеют очень разную сохранность. Встречаются угольки и мелкая органика. Для стратиграфических целей данный образец не пригоден.

По характеру формирования отложений только слой темно-бурой супеси, из которого были отобраны образцы 35 и 36, можно рассматривать как природно-антропогенный, где в значительной степени представлены спектры in situ.

Ниже приводится палинологическая характеристика всего комплекса, где более подробно рассматриваются образцы 35 и 36.

В общем составе можно отметить достаточно высокое содержание пыльцы древесных пород – 34%, на долю травянистых растений приходится 48–57%, споры составляют 10–18%.

В группе древесных пород господствует сосна (*Pinus*) (60–65%), второе место по количеству пыльцы занимает береза (*Betula*) (10–15%). В низах комплекса больше ели (*Picea*) (17%), но в образце 36 ее содержание сокращается до 5%. Роль широколиственных пород наоборот возрастает снизу вверх и с 6% увеличивается до 12%, при этом в верхах комплекса помимо липы наблюдается пыльца дуба (*Quercus*) и вяза (*Ulmus*). Также в верхах комплекса отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (6%). Единично встречается пыльца лещины (*Corylus*).

Среди трав по-прежнему больше всего пыльцы злаков (*Poaceae*) (52–61%). Разнотравье количественно и по систематическому составу довольно бедное. К верхам комплекса по сравнению с низами (10%) его роль несколько возрастает (25%) и помимо пыльцы семейств цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*) и лютиковых (*Ranunculaceae*) в небольшом количестве и единично отмечена пыльца подорожника (*Plantago*) и гвоздичных (*Caryophyllaceae*). Также снизу вверх увеличивается содержание осок (*Cyperaceae*) (с 6 до 14%). Отмечена пыльца полыни (*Artemisia*), которой довольно много в верхах (17%), но к низам комплекса только 4%. Встречена пыльца маревых (*Chenopodiaceae*) (около 6%).

Споровые растения представлены папоротниками семейства *Polypodiaceae* (36–50%), зелеными мхами (*Bryales*) (14–57%), а также сфагновыми мхами (*Sphagnum*) (5–25%) и плаунами (*Lycopodium clavatum*) (3–14%).

Палинологические спектры образцов 35 и 36 отражают значительно более прохладные и влажные климатические условия по сравнению с комплексом X. В это время участки леса, образованные в основном сосной с небольшой примесью ели и широколиственных пород, уменьшились. Изменения коснулись и открытых территорий. По-видимому, происходило сокращение пахотных угодий, что отчетливо видно по составу спектров, где увеличивается количество пыльцы полыней, осок и сорного разнотравья.

Образцы на палинологический анализ по всему разрезу были отобраны достаточно часто. Благодаря этому, в пределах некоторых интервалов разреза, где мало следов антропогенной деятельности, удается проследить изменения природных условий с достаточно большой детальностью. Так, начиная с образца 39 и кончая образцом 54 по данным палинологического анализа отмечаются неоднократные изменения природной среды, которые последовательно фиксируются в комплексах XII–XVIII.

XII спорово-пыльцевой комплекс (*сосна с участием березы и ели / господство злаков*) описан по образцу 39 (глубина 2,02–2,04 м) из слоя опесчаненной бурой супеси.

В общем составе в спектрах комплекса преобладают травянистые растения, их содержание составляет 70%. Пыльца древесных пород составляет 20%, споры – 10%.

В группе древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (47%). Часто встречается пыльца березы (*Betula*) (25%) и ели (*Picea*) (19%). Широколиственные породы представлены только липой (*Tilia*) (6%). Единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений доминирует пыльца злаков (*Poaceae*) (58%), среди которой встречаются культурные формы. Присутствует пыльца осок (*Cyperaceae*). Много пыльцы полыней (*Artemisia*), маревых (*Chenopodiaceae*) и цикориевых (*Cichoriaceae*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) (58%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (42%).

Присутствие в спектрах пыльцы полыней, маревых и цикориевых может быть связано со снижением интенсивности сельскохозяйственной деятельности населения и возможно с уменьшением посевных площадей. Это первый интервал в разрезе, где отмечается высокий процент участия пыльцы семейства цикориевых, что совсем не наблюдалось в образцах из нижнего культурного горизонта.

XIII спорово-пыльцевой комплекс (*сосна, липа, ель, при участии березы / высокая роль злаков*) выделяется по образцам 40–43 (глубина 1,94–2,02 м) из слоя опесчаненной бурой супеси и характеризует более длительный интервал.

Важно отметить, что для этого комплекса характерно повышенное, по сравнению с другими комплексами, содержание пыльцы древесных пород и увеличение роли пыльцы древесных пород происходит снизу вверх по разрезу. Так, в образце 41 отмечается примерно равное соотношение основных групп спектра (древесных пород – 34%, травянистых растений – 36%, и спор – 30%). В образцах 42 и 43 содержание пыльцы древесных пород достигает 31–41%, пыльца травянистых растений составляет 48–60%, споры – 8–11%.

Среди древесных пород чаще всего встречается пыльца сосны (*Pinus*) (29–45%), широколиственных пород (25–32%) и ели (*Picea*) (19–23%). Широколиственные породы представлены в основном липой (*Tilia*), максимальное количество которой отмечается в образце 40. Единично встречается пыльца дуба (*Quercus*) и клена (*Acer*). В спектрах данного комплекса также отмечена пыльца березы (*Betula*) (5–13%) и ольхи (*Alnus*) (3–6%).

В группе травянистых растений господствует пыльца злаков (*Poaceae*) (46–70%). Заметно участие разнотравья, в составе которого преобладает пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (до 38%). Кроме этого в небольших количествах присутствует пыльца семейств гречишных (*Polygonaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), астровых (*Asteraceae*), а также крапива (*Urtica*) и подорожник (*Plantago*).

Споровые представлены папоротниками семейства *Polypodiaceae* (34–46%) и зелеными мхами (*Bryales*) (36–65%). В образце 41 появляются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (18%).

В это время происходит расширение лесных массивов. Леса эти были достаточно сложно организованы. По-прежнему велика была роль сосны и ели, где иногда субдоминантом выступала липа.

Дальнейшее увеличение роли растений из семейства цикориевых в спектрах комплекса свидетельствует о продолжении сокращения пахотных угодий.

XIV спорово-пыльцевой комплекс (*сосна с участием липы, ели и березы / высокая роль разнотравья*) описан по образцам 44, 45 (глубина 1,87–1,94 м) из слоя серо-бурой супеси с угольками.

В общем составе данного комплекса отмечается некоторое снижение до 22–39% количества пыльцы древесных пород. Преобладает по-прежнему пыльца травянистых растений, составляя 47–65%, на долю спор приходится 12–25%.

Среди древесных пород господствует пыльца сосны (*Pinus*) (38%), а содержание пыльцы липы (*Tilia*) и ели (*Picea*) сокращается до 20% и 17% соответственно. Пыльца дуба (*Quercus*) не встречена. Пыльца березы (*Betula*) составляет 13–17%.

Резко меняется соотношение компонентов в группе травянистых растений. Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) уменьшается до 30–43%, в то время как количество пыльцы разнотравья увеличивается до 52–63%. В его составе по-прежнему чаще всего встречается пыльца семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*), в том числе бодяка (*Cirsium*). Как и в предыдущем комплексе в небольших количествах отмечена пыльца семейств гречишных (*Polygonaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*). Помимо этого здесь встречена пыльца семейства ирисовых (*Iridaceae*) и василистника (*Thalictrum*).

В группе споровых преобладают папоротники семейства *Polypodiaceae* (46–86%), также присутствуют зеленые (*Bryales*) (6–36%) и сфагновые мхи (*Sphagnum*) (6–15%), гроздовник (*Botryhium*) (3%), плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) (2%).

Формирование этого комплекса связано с похолоданием климата, причем наблюдается локальное заболачивание территории, на что указывает высокая роль споровых растений, появление среди них сфагнового мха, а среди травянистых растений – ирисовых и василистника. Климатические изменения привели к значительной перестройке растительного покрова вокруг городища. В лесных массивах происходит сокращение роли широколиственных пород, доминантом становится сосна с примесью ели.

Происходит дальнейшее сокращение пахотных угодий. Нарушенность структуры сельскохозяйственных площадей, в первую очередь, определяется увеличением количества пыльцы семейств цикориевых, гречишных, сорняка рода *Cirsium* (бодяк). Вместе с тем в палинологических спектрах постоянно присутствует пыльца культурных злаков. Следовательно, некоторые участки по-прежнему были заняты пашнями.

Вероятно, что наиболее неблагоприятные условия для продуктивного хозяйственного использования территории создались в пределах поймы, где заболоченность стала максимальной.

Некоторая активизация хозяйственной деятельности на городище отмечается только на следующем этапе, который нашел отражение в следующем комплексе.

XV спорово-пыльцевой комплекс (*широколиственные породы, береза с участием сосны и ели / господство разнотравья*) охарактеризован по образцам 46–49 (глубина 1,77–1,87 м) из слоя серо-бурой супеси с угольками.

В общем составе происходит дальнейшее увеличение количества пыльцы травянистых растений (71–79%). Пыльца древесных пород составляет 14–20%, споры – 4–11%.

Существенно меняется состав древесных пород. В данном комплексе преобладает пыльца широколиственных пород (липы –*Tilia*) (22–39%) и березы (*Betula*) (27–33%) которой особенно много в образце 49 (37%). Содержание пыльцы сосны (*Pinus*) снижается по сравнению с предыдущим комплексом до 16–20%. На долю пыльцы ели (*Picea*) приходится от 8 до 18%. Отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (2–9%). В образцах 48 и 49 единично встречается пыльца ивы (*Salix*).

Среди травянистых растений по-прежнему преобладает пыльца разнотравья (62–68%), состав которого отличается большим разнообразием. Чаще всего по-прежнему присутствует пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (24–38%), однако стало больше астровых (*Asteraceae*) (7–12%) и крестоцветных (*Brassicaceae*) (9–19%). Кроме этого встречается пыльца семейства ирисовых (*Iridaceae*), гречишных (*Polygonaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae)*, яснотковых (*Lamiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), а также крапивы (*Urtica*), подорожника (*Plantago*) и василистника (*Thalictrum*). Характерной чертой этого комплекса является наличие в образцах 46 и 47 пыльцы водных растений – кувшинки (*Nymphaea*) и кубышки (*Nyphar*). Количество пыльцы злаков (*Poaceae*) составляет 25–29%, среди которых есть культурные формы.

В группе споровых встречаются зеленые (*Bryales*) (13–39%) и сфагновые (*Sphagnum*) (12–38%) мхи, папоротники семейства *Polypodiaceae* (21–65%), хвощи (*Equisetum*) (1–18%), гроздовник (*Botryhium*)(3–4%).

Полученные палинологические данные свидетельствуют о теплых и влажных условиях, когда широколиственные породы (липа) доминировали среди древесных пород. Как уже отмечалось выше, вероятно, что на данном этапе произошли некоторые изменения хозяйственной деятельности человека на городище. Из-за высокой влажности и заболоченности отдельных территорий пригодных для земледелия участков стало меньше. В то же время по-прежнему преобладали луга, что улучшило естественную кормовую базу и могло способствовать развитию скотоводства.

Площадей под лесом стало меньше, чем на предыдущем этапе, но его состав может указывать на потепление климата. Велика была роль липы. Возможно, в наиболее благоприятных условиях она могла образовывать чистые насаждения. К концу данного этапа доминирующей породой становится береза, образуя вторичные леса, что указывает на дальнейшее активное сведение коренных хвойных лесов в окрестностях городища.

К этой последовательной группе комплексов следует отнести и комплекс XVI, где вновь увеличивается роль пыльцы древесных пород, а значение сорняков семейства цикориевых является максимальным за все время существования городища.

XVI спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель, широколиственные породы, береза / господство разнотравья) выделяется по образцам 50–54 (глубина 1,66–1,77 м) из слоя серо-бурой супеси.

Для общего состава данного комплекса характерно повышение содержания пыльцы древесных пород, особенно в образцах 51 и 52 (32–38%). Пыльца травянистых растений по-прежнему преобладает, составляя от 47 до 85%. На долю спор приходится 4–15%.

В составе древесных пород условно можно выделить два подкомплекса. В образцах 50 и 51 доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (32%) и березы (*Betula*) (26–30%), реже встречается пыльца липы (*Tilia*) (16–26%) и ели (*Picea*) (13–17%). В образцах 52 и 53 помимо большого количества пыльцы сосны (*Pinus*) (24%), также много пыльцы липы (*Tilia*) (24–29%) и ели (*Picea*) (24–33%), а содержание пыльцы березы (*Betula*) снижается до 10%. В образце 54 доминирует только пыльца сосны (*Pinus*) (48%).

В группе травянистых растений во всех образцах комплекса преобладает пыльца разнотравья, которой особенного много в образце 52 (75%). По составу разнотравья данный комплекс близок предыдущему, где чаще всего встречается пыльца семейств цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*) и крестоцветных (*Brassicaceae*). Наибольшим разнообразием отличается образец 53, где помимо перечисленных в предыдущем комплексе семейств присутствует пыльца семейства кипрейных (*Onagraceae*), розоцветных (*Rosaceae*), василек (*Centaurea*). Пыльца злаков (*Poaceae*) насчитывает от 18 до 39%. Встречаются культурные формы.

Среди споровых преобладают папоротники семейства *Polypodiaceae* (44–76%). Кроме этого встречаются споры зеленых (*Bryales*) (6–33%) и сфагновых (*Sphagnum*) (11–27%) мхов, а в образцах 50, 51 – хвощи (*Equisetum*) (3%) и ужовник (*Ophioglossum*) (7%).

Данные, полученные по этому комплексу, вновь свидетельствуют о снижении интенсивности хозяйственной деятельности населения на городище, что в значительной степени привело к восстановлению естественного ландшафта в его окрестностях. Это проявилось как в увеличении лесных массивов с доминирующей ролью коренных хвойных пород, так и в сокращении пахотных угодий.

Только в конце данного интервала на поселении отмечается более активное хозяйственное освоение территории, на что косвенно указывает сокращение облесенности близлежащей местности и увеличение роли культурных злаков.

Следуя анализу последовательно изменяющихся палинологических спектров, на уровне 55-го образца отмечается песчаная подсыпка, которая не содержала пыльцу и споры.

Выше по разрезу на значительном отрезке времени (XVII–XXII комплексы) заметно уменьшается роль сорняков семейства цикориевых, что отчасти может свидетельствовать о постоянстве пахотных площадей.

XVII спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель с участием широколиственных пород / господство разнотравья) описан после перерыва по образцам 56–58 (глубина 1,52–1,60 м) из слоя серо-бурой супеси.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (65–82%), количество пыльцы древесных пород снижается до 11–21%, споры составляют от 7 до14%.

Среди древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (24–48%) и ели (*Picea*) (17–38%). Реже встречается пыльца липы (*Tilia*) (10–15%).

В группе травянистых растений по-прежнему господствует пыльца разнотравья (49–57%), которое отличается большим разнообразием. Здесь помимо наиболее часто встречающейся пыльцы семейств астровых (*Asteraceae*) и крестоцветных (*Brassicaceae*), отмечена пыльца семейства гречишных (*Polygonaceae*), кипрейных (*Onagraceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), розоцветных (*Rosaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), ирисовых (*Iridaceae*), а также рогоза (*Typha*). В образце 56 встречена пыльца кубышки (*Nyphar*). Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) несколько возрастает по сравнению с предыдущим комплексом и составляет от 35 до 39%.

Соотношение компонентов в группе споровых растений меняется от образца к образцу. В целом чаще всего встречаются споры папоротников семейства *Polypodiaceae* (33–60%), зеленые (*Bryales*) (17–26%) и сфагновые (*Sphagnum*) (15–40%) мхи. В образце 56 помимо этого отмечены споры гроздовника (*Botryhium*) (5%) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (5%).

Данный комплекс постепенно сменяется следующим комплексом.

XVIII спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна с незначительным участием широколиственных пород / господство злаков) охарактеризован по образцам 59–61 (глубина 1,46–1,52 м). Данные образцы были отобраны из слоев серо-бурой супеси (образец 61), бурой супеси (образец 60) и бурого суглинка (образец 59).

Общий состав всех образцов отличается очень высоким содержанием пыльцы травянистых растений (74–84%), на долю пыльцы древесных пород приходится всего 12–18%.

Некоторым отличием от предыдущего комплекса является увеличение роли ели среди древесных пород, которая в образцах 59 и 60 составляет 39–40%. Количество пыльцы сосны (*Pinus*) в этих образцах не превышает 37%. В образце 61 отмечается более высокий процент содержания пыльцы сосны (*Pinus*) (40%), а пыльца ели (*Picea*) составляет 27%. Помимо этого во всех образцах в небольшом количестве встречается пыльца березы (*Betula*) (4–14%) и липы (*Tilia*) (4–29%).

В группе травянистых пород господствует пыльца злаков (*Poaceae*) (49–59%). Содержание пыльцы разнотравья снижается до 38–44%, беднее становится его состав. Очень мало по сравнению с другими комплексами пыльцы семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*). Чаще всего встречается пыльца семейства крестоцветных (*Brassicaceae*) (до 27%).

В составе споровых доминируют папоротники семейства *Polypodiaceae* (42–70%). Часто встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (25–42%).

Следуя данным, полученным по последним двум комплексам, можно предположить, что сельскохозяйственное использование земель в районе городища стало более рациональным. Это фиксируется меньшей ролью вторичных березняков, восстановлением сначала сосняков, а позже – ельников. Состав травянистых растений также изменился. Роль сорняков из семейства цикориевых стала очень незначительна. Это указывает на то, что сокращения пахотных угодий не происходило, и только позже, по-видимому, произошло расширение пахотных угодий, что подтверждается не только господством пыльцы культурных злаков в спектрах XVIII комплекса, но и уменьшением общей облесенности вокруг городища.

XIX спорово-пыльцевой комплекс выделяется условно, лишь для того, чтобы в будущем можно было проводить стратиграфические сопоставления с учетом этого интервала. Образцы 62–64, по которым выделен этот комплекс, были отобраны из песчаной подсыпки пола и не содержат пыльцу и споры.

XX спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна с незначительным участием широколиственных пород / господство злаков) охарактеризован по образцам 65–67 (глубина 1,18–1,25 м) из углистой серой супеси. По своим особенностям он близок к комплексу XVIII.

Общий состав всех образцов отличается очень высоким содержанием пыльцы травянистых растений

(78–88%), на долю пыльцы древесных пород приходится всего 9–17%.

Среди древесных пород в образцах 66 и 67 преобладает пыльца ели (*Picea*) (37–64%), а в образце 65 пыльца сосны (*Pinus*), составляя 38%. Помимо этого во всех образцах, кроме образца 67, в небольшом количестве встречается пыльца березы (*Betula*) (3–16%) и липы (*Tilia*) (9–11%).

В группе травянистых растений господствует пыльца злаков (*Poaceae*) (62–64%). Присутствуют культурные формы. Содержание пыльцы разнотравья снижается до 27–32%, чуть беднее становится его состав. По-прежнему мало пыльцы семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) и астровых (*Asteraceae*). Пыльца семейства крестоцветных (*Brassicaceae*) составляет до 14%.

В составе споровых доминируют папоротники семейства *Polypodiaceae* (25–50%) и споры зеленых мхов (*Bryales*) (25–50%), в образцах 66 и 67 появляются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Исходя из полученных палинологических спектров, представляется, что комплекс XX формировался по времени близко к комплексу XVIII. Здесь увеличение роли ели в древостое, которое началось в конце XVIII комплекса (образцы 59–61), стало еще больше.

После заметного перерыва начал образовываться XXI палинологический комплекс. Он характеризует более теплые природные условия, которые, по-видимому, способствовали расширению пахотных угодий в районе городища.

XXI спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы при участии сосны, ели / смена злаков на разнотравье) выделяется по образцам 68–71 (глубина 1,08–1,15 м) из слоев углистой серой супеси (образец 68) и серо-бурой супеси (образцы 69–71), где на уровне образца 71 отмечен тлен.

В общем составе по-прежнему доминирует пыльца травянистых растений (78–87%). Пыльцы древесных пород очень мало (7–9%), а содержание спор чуть выше (13%).

Состав древесных пород существенно отличается от предыдущего комплекса. Здесь преобладает пыльца широколиственных пород, которые представлены не только липой (*Tilia*) (17–38%), но и дубом (*Quercus*) (6–12%), характеризуя один из самых теплых отрезков времени, которые фиксируются спорово-пыльцевыми данными на городище. Содержание пыльцы ели (*Picea*) сокращается до 13–22%. Количество пыльцы сосны (*Pinus*) составляет 12–27%. Участие пыльцы березы (*Betula*) увеличивается к верхам интервала, составляя в целом от 6 до 29%.

В группе травянистых растений на протяжении данного комплекса происходят изменения. В двух нижних образцах еще продолжают доминировать злаки (*Poaceae*), а в образцах 70 и 71 их содержание заметно снижается до 30–39% и основное место занимает пыльца разнотравья, достигая 65%. В его составе вновь становится больше пыльцы семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) (9–16%) и астровых (*Asteraceae*) (12–25%). По-прежнему часто встречается пыльца семейства крестоцветных (*Brassicaceae*) (13–16%). Возможно, такие изменения связаны с сухостью климата и недостатком влаги на некоторых участках пашни.

Среди споровых присутствуют папоротники семейства *Polypodiaceae* (18–54%), зеленые (*Bryales*) (16–54%) и сфагновые (*Sphagnum*) (9–21%) мхи, хвощи (*Equisetum*) (4–13%), плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) (6–18%).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что здесь в спектрах отражены наиболее теплые климатические условия железного века, причем образец 70, по-видимому, наиболее близок к его оптимуму. Следуя общепринятым кривым изменения климата (*Климанов и др*., 1995) этот интервал наиболее вероятно характеризует II в. н.э. Судя по составу палинологических спектров, ландшафт около городища существенно отличался от зонального типа, поскольку роль леса была незначительна. Участки леса были образованы широколиственными породами: липой и дубом. В их состав также входили сосна и ель, которые постепенно замещались березой. Такие изменения в составе леса, по-видимому, были обусловлены не вырубкой хвойных пород, а очень теплым климатом. Возможно, с климатическим фактором связано и уменьшение количества пыльцы злаков, что было обусловлено сокращением пахотных угодий или неурожаем из-за засухи.

После перерыва в разрезе прослеживается комплекс XXII.

XXII спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием широколиственных пород / разнотравье, злаки) описан по образцам 72 и 73 (глубина 1,02–1,08 м), отобранным из слоя серой супеси.

В общем составе, как и в предыдущем комплексе, доминирует пыльца травянистых растений (80–82%). Пыльца древесных пород составляет всего 12%, споры – 7–8%.

В составе древесных пород господствует пыльца березы (*Betula*), составляя 50–58%. При этом содержание пыльцы широколиственных пород снижается до 13–16%. В их составе чаще всего встречается пыльца липы (*Tilia*) (13–16%), изредка дуба (*Quercus*) (3%) и появляется пыльца ясеня (*Fraxinus*) (7%). На долю пыльцы сосны (*Pinus*) и ольхи (*Alnus*) приходится по 10%, ели (*Picea*) – 3–10%.

Среди травянистых растений чаще всего встречается пыльца разнотравья (47–52%) и злаков (*Po-*

aceae) (37–43%). В составе разнотравья, как и прежде, больше всего пыльцы семейства астровых (*Asteraceae*) (9–20%) и крестоцветных (*Brassicaceae*). В небольшом количестве присутствует пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и единично – эфедры (*Ephedra*).

В группе споровых отмечены папоротники семейства *Polypodiaceae* (21–29%), зеленые (*Bryales*) (14–42%) и сфагновые (*Sphagnum*) (32–33%) мхи, плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) (5–24%).

Состав спектров этого комплекса носит экологически смешанный характер. С одной стороны, попрежнему отмечается очень низкое участие пыльцы древесных пород, но появляется пыльца ясеня. Эта порода чаще присутствует в лесных сообществах более южных районов. Также для южных районов с сухим климатом закономерно присутствие эфедры и маревых.

В то же время в спектрах присутствует пыльца влаголюбивых растений, таких как таволга, а также споры сфагновых мхов, которые в образце 72 доминируют. По-видимому, их наличие связано с локальными (пойменными) условиями.

Наиболее вероятно, что данный комплекс отражает более засушливые условия по сравнению с предыдущим комплексом.

XXIII спорово-пыльцевой комплекс (ничтожное участие древесных пород / злаки, разнотравье) описан по образцу 74 (глубина 1,00–1,02 м) из слоя серой супеси с коричневым тленом.

В общем составе безраздельно господствует пыльца травянистых растений (89%). Пыльца древесных пород составляет всего 6% и 5% – споры.

Среди древесных пород практически единично встречена пыльца сосны (*Pinus*), березы (*Betula*), ели *Picea*, липы (*Tilia*) и ясеня (*Fraxinus*).

В группе травянистых растений отмечается увеличение содержания пыльцы злаков (*Poaceae*) (47%), в том числе и культурных форм. Процент участия разнотравья еще остается высоким (39%). В его составе чаще всего встречается пыльца семейств крестоцветных (*Brassicaceae*) (16%), цикориевых (*Cichoriaceae*) (10%) и астровых (*Asteraceae*) (6%), а также увеличивается роль пыльцы семейств маревых (*Chenopodiaceae*) и таволги (*Filipendula*).

В составе споровых отмечены зеленые (*Bryales*) (20%) и сфагновые (*Sphagnum*) (40%) мхи, плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) (10%) и папоротники семейства *Polypodiaceae* (30%).

По существу этот интервал по особенностям общего состава спектров мало отличается от предыдущего комплекса. Однако он наиболее отчетливо показывает, что тенденция уменьшения роли элементов леса вблизи городища практически пришла к финалу. Вероятно, что вмешательство человека привело к нарушению процессов саморегулирования долго существующей здесь природно-антропогенной экосистемы. Активная вырубка лесов, распашка, пастьба привели природную экосистему к критическому состоянию. Произошли не только количественные, но и качественные преобразования в ландшафте, окружающем городище.

По-видимому, это был конец формирования верхнего культурного слоя.

Выше по разрезу после перерыва вновь стали накапливаться отложения со следами деятельности человека, но по сравнению с предыдущими этапами состав палинологических спектров этих отложений резко изменился.

XXIV спорово-пыльцевой комплекс (сосна, с участием ели / господство злаков, в том числе культурных) охарактеризован по образцам 75–79 (глубина 0,88–1,00) из слоев подсыпки пола.

В общем составе заметно увеличение до 25–43% количества пыльцы древесных пород. Также возрастает и количество спор (9–19%), а содержание пыльцы травянистых растений снижается до 60–48%, хотя она продолжает преобладать в этом комплексе.

В группе древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (60–64%), часто встречается пыльца ели (*Picea*) (до 27%), в небольшом количестве присутствует пыльца липы, дуба, лещины.

Среди травянистых растений в целом по комплексу господствует пыльца злаков (*Poaceae*) (47–62%). Встречаются культурные формы. Количество пыльцы разнотравья разных семейств меняется по разрезу. В образцах 75–77 преобладают злаки, а выше по разрезу наряду со злаками становится много разнотравья. В целом это достигается за счет очень высокого процента участия пыльцы семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (до 33%). Также надо отметить присутствие пыльцы осок (*Cyperaceae*), маревых (*Chenopodiaceae*), полыней (*Artemisia*). Отмечается очень небольшое участие пыльцы семейств гречишных (*Polygonaceae*) и крестоцветных (*Brassicaceae*).

Споровые представлены зелеными (*Bryales*) (22–60%) и сфагновыми (*Sphagnum*) (3–30%) мхами и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (10–75%).

Если считать, что данные отложения формировались тут же, то они могли накапливаться только после большого перерыва. Это видно по резкому увеличению количества пыльцы древесных пород и иному составу самих пород. Кроме этого, доминирование пыльцы семейства цикориевых, которое чаще всего отмечается на нарушенных почвах, заброшенных полях, указывает на то, что интенсив-

ность земледелия стала заметно ниже. Об этом же свидетельствует и возрождение лесных массивов.

Так, состав леса на исследованной территории стал близок к зональному типу – смешанным хвойно-широколиственным группировкам.

Выше в разрезе залегает слой темно-серой супеси, в образцах из которой содержится мало пыльцы и спор, но много истлевшей древесины, сгоревших органических остатков и золы.

По образцам 80–83 (глубина 0,65–0,88 м), отобранным из этого слоя, выделяется *XXV спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород / господство разнотравья)*.

В общем составе данного комплекса чуть меньше пыльцы древесных пород (18–31%). Здесь по-прежнему доминирует пыльца травянистых растений (63–75%) . Количество спор снижается до 5–7%.

Среди древесных пород, как и в предыдущем комплексе, преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (38–57%), а на второе место выходит пыльца широколиственных пород, достигая 24%. Они представлены в основном пыльцой липы (*Tilia*) (18–21%). Изредка встречается пыльца дуба (*Quercus*) (2–3%). Содержание пыльцы ели (*Picea*) снижается до 12%. От 8 до 15% приходится на пыльцу березы (*Betula*).

В группе травянистых растений отмечается уменьшение до 29–49% количества пыльцы злаков (*Poaceae*) и на первое место вновь выходит пыльца разнотравья (38–55%), в составе которого преобладает пыльца семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (30–37%). Часто встречается пыльца семейства астровых (*Asteraceae*) (до 13%).

Споровые представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (33–63%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (29–67%).

Здесь в толще с большим количеством разнообразной органики, связанной с антропогенной деятельностью, скорее всего присутствуют переотложенные микрофоссилии и часть пыльцы in situ.

XXVI спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы с участием сосны / злаки, в том числе культурные, разнотравье) описан по образцу 84 (глубина 0,60 м) из слоя темно-серой супеси и сильно отличается от предыдущего комплекса, особенно разнообразием состава травянистых растений.

В общем составе отмечается незначительное снижение содержания пыльцы древесных пород (до 12%). Господствует по-прежнему пыльца травянистых растений, составляя 81%, 6% приходится на споры.

В составе древесных пород происходит смена доминанта. В данном комплексе чаще всего встречается пыльца широколиственных пород (43%), в составе которых присутствует пыльца липы (*Tilia*) (33%), дуба (*Quercus*) (10%) и лещины (*Corylus*) (7%). Количество пыльцы сосны уменьшается до 27%. 13% приходится на пыльцу березы (*Betula*) и 7% – на пыльцу ели (*Picea*).

Среди травянистых растений пыльца злаков (*Poaceae*) и разнотравья встречается примерно в равном количестве (46 и 43% соответственно). В группе разнотравья отмечается уменьшение количества пыльцы семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (до 13%). В целом же его состав более разнообразный, чем в предыдущем комплексе. Здесь встречается пыльца семейств гречишных (*Polygonaceae*), кипрейных (*Onagraceae*), зонтичных (*Apiaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), астровых (*Asteraceae*), а также щавеля (*Rumex*), подорожника (*Plantago*) и василистника (*Thalictrum*).

В составе споровых присутствуют зеленые (*Bryales*) (53%) и сфагновые (*Sphagnum*) (7%) мхи, папоротники семейства *Polypodiaceae* (40%).

В целом описанный комплекс характеризует открытые ландшафты, образованные в основном различными лугами. Пыльца культурных видов встречается в спектре, но часто она сильно минерализована, что может указывать на ее вторичное залегание. Участков, занятых лесными сообществами, снова стало очень мало. Наиболее вероятно, что перелески произрастали только локально в зависимости от рельефа местности. Сорной растительности, связанной с хозяйственной деятельностью человека, стало значительно меньше, в том числе заметно сократилась роль семейства цикориевых.

Проделанная большая исследовательская работа по изучению культурных слоев на Дьяковом городище показала сложность формирования всех напластований разреза.

Эта сложность проявилась в первую очередь в постоянной смене отложений разного типа, имеющих естественное, естественно-антропогенное или антропогенное происхождение (однородная супесь, насыпной песок, остатки построек с хорошо сохранившимся полом, различные органические прослойки, в том числе КОП и т.д.). Эта смена отложений иногда могла фиксировать перерывы в формировании культурных слоев или частично искажать инситную часть палинологического спектра. Разная степень детальности изученности настоящего разреза затрудняла его сопоставление с разрезами, исследованными ранее В.С. Гуновой.

Однако, несмотря на изложенные трудности, удалось выделить синхронные уровни по изученным в разное время разрезам, которые приводятся в тексте и в таблице 63.

Имея данные спорово-пыльцевого анализа по железному веку ряда разрезов, удалось уточнить особен-

ности палинологической характеристики наиболее теплых отрезков железного века, этапов похолоданий, а также особенности хозяйственной деятельности на городище в различные периоды его существования, определить характер растительного покрова в его динамике.

При формировании спорово-пыльцевых спектров на памятнике большое влияние оказывала не только зональная, но и локальная растительность, часто связанная с деятельностью человека.

Несмотря на предполагаемую однородность природной среды лесного пояса центра и северо-запада Европейской России, в том числе и в железном веке, при постоянном господстве бореального флористического комплекса, на спорово-пыльцевых диаграммах отчетливо выделяются интервалы с преобладанием ели (комплексы I, IV, XVIII, XX), сосны (комплексы II, V, XI, XIV, XVI, XVII, XXIV, XXV), березы (комплексы VII, IX, XXII), широколиственных пород (комплексы VIII, X, XV, XXI). Среди них чаще, особенно в верхнем культурном слое, преобладает липа. Ее участие значительно, а потому возникает предположение – не специально ли сохраняли эту породу для использования в различных хозяйственных целях.

Разное количество спор в общем составе палинологических спектров свидетельствует о различном влагообеспечении территории вблизи городища в разные периоды железного века. Так, высокое участие споровых растений в общем составе спектров, а иногда даже присутствие других влаголюбивых растений связано с повышенной обводненностью изученной территории. Местами могло происходить и заболачивание пониженных участков (комплексы IV, V, VIII, XIII). Наиболее сухие условия среды фиксируются очень малым участием споровых растений даже в пределах бореальной зоны (комплекс XX). В целом, по мнению В.А. Климанова (*Климанов и др*., 1995) изменение годовых температур происходило в пределах 2–3°.

По данным палинологических исследований всех известных близкорасположенных разрезов характер ландшафтной среды в окрестностях Дьякова городища в железном веке менялся много раз. Вместе с тем остается бесспорным факт наибольшей облесенности территории в окрестностях городища в самом начале его существования и очень сильной деградации леса в период накопления нижнего и особенно верхнего культурных слоев. Интересно сравнение этих данных с материалами XIX в. Пыльцевой спектр из погребенного дерна, сохранившегося под отвалами 1875 г. (разрез 2, образец 18) обнаруживает принципиальное сходство со спектром из верхней части культурного слоя. В обоих случаях пыльца древесной растительности составляет около 30%. По картам XIX в. можно подсчитать, что в округе Дьякова городища радиусом 1 км лесом было занято 15% площади, а в радиусе 3 км – 10%. Важно подчеркнуть, что все пыльцевые диаграммы показывают, что максимум сведения леса приходился на средний и верхний горизонты верхнего культурного слоя. При этом, однако, в период отложения этих горизонтов наблюдались эпизоды расширения лесных площадей. То есть палинологические данные свидетельствую о том, что хозяйственная активность в округе городища была подвержена флуктуациям, говорить о равномерном росте воздействия человека на природную среду не приходится.

Характер растительного покрова на исследуемой территории менялся от преобладания сосновых и еловых лесов с примесью липы, дуба и реже ясеня и вяза до небольших массивов лесов тех же пород или только отдельных участков, образованных липой или березой. Сообщества открытых местообитаний также трансформировались на протяжении всей истории Дьякова городища. На более ранних этапах преобладали территории с доминированием луговой растительности, наиболее близкой к исходным естественным сообществам. Им на смену пришли лугово-рудеральные группировки. Роль последних была особенно велика на протяжении последних этапов существования городища.

Кроме того, нельзя не отметить, что ведущим фактором в увеличении разнообразия состава растительных биоценозов на протяжении всего периода жизни людей на городище являлось сельское хозяйство. Это выражается в появлении на изучаемой территории культурных видов злаков, сорняков, в изменении состава растительности открытых местообитаний. Не последнюю роль в этом процессе сыграло преобразование человеком естественного почвенного покрова в результате вырубки лесов, пахоты, выпаса животных.

Как уже говорилось выше, Дьяково городище дважды изучалось палинологическим методом в 1980-е годы и в 2007 г. Такое внимание к памятнику не случайно, так как он играет ключевую роль для понимания историко-культурных процессов Волго-Окского междуречья на протяжении почти всего железного века.

Материалы 1980-х годов позволили только наметить общие черты изменений природной среды и хозяйственного освоения. В 2007 г. разрез заново изучался с большой детальностью, и на тех же глубинах было отобрано уже 84 образца. Это значительно повысило детальность изучения памятника и выявило некоторые интервалы, которые были пропущены при первом отборе.

По материалам археологических исследований (*Кренке*, *Сулержицкий*, 1988) на Дьяковом городище выделяются два культурных горизонта. Нижний слой датирован V–II вв. до н.э., а верхний – II–I вв. до н.э. – VII в. н.э. Такому временно́му делению отвечают и два разных флористических комплекса, выделенных по данным палинологического анализа.

Сопоставление полученных материалов по всем разрезам на Дьяковом городище с имеющимися данными по другим одновозрастным памятникам позволяет считать, что интенсивность осадконакопления на городище была различна в разных частях городища, что проявилось в изменчивой мощности культурных слоев и иногда в выпадении части ритмов на спорово-пыльцевых диаграммах, полученных по различным участкам раскопа. Это достаточно наглядно видно на диаграммах по перерывам в разрезах.

Палинологические материалы свидетельствуют о том, что при формировании нижнего культурного слоя растительный покров в основном подвергался антропогенному воздействию только в округе городища и эти изменения имели чисто локальное значение, не отражаясь на составе зонального типа растительности, связанного с широким развитием сосново-еловых лесов с участием широколиственных пород.

На начальном этапе проживания людей на Дьяковом городище (палинологическая зона 1) их влияние на окружающую среду в основном проявилось в сведении лесов, обустройстве пахотных земель и пастбищ. Однако уже тогда на данной территории существовали березовые леса, что отчетливо фиксируется материалами 1980-х годов.

Затем наблюдается некоторая стабилизация или ослабление активного хозяйственного освоения новых территорий вокруг Дьякова городища (палинологические зоны 2–6), что отразилось на значительном уменьшении роли березняков и восстановлении коренных елово-сосновых лесов.

В средней части нижнего культурного слоя (палинологическая зона 7) по данным палинологического анализа вновь прослеживается сведение еловых лесов, что нашло отражение не только среди пыльцы древесных пород, но и в общем составе спектра. Кроме того, отмечается увеличение роли березы, а среди трав – злаков. Возможно, это связано с изменением самого хозяйственного уклада населения Дьякова городища, которое заключалось в освоении новых пахотных угодий на водоразделе и заброшенности полей в пойме, что и привело к появлению ольшаников. Не исключено, что эта мера была вынужденной из-за изменения природных условий (например, мощные и длительные паводки, подъем уровня грунтовых вод).

Затем вновь (палинологическая зона 8) человек, по-видимому, меньше стал нарушать природную среду, и опять происходит увеличение площадей, занятых сосновыми и еловыми лесами с высокой ролью широколиственных пород, уменьшается заболоченность территории, что облегчает ее освоение. Скорее всего более рациональное использование природных ресурсов в это время не приводило к серьезным изменениям зонального типа растительности.

На финальном этапе формирования нижнего культурного слоя произошло полное восстановление естественной растительности в округе Дьякова городища. Этот процесс нашел отражение не только в значительном увеличении роли древесных пород в общем составе спектра, но и в большей заболоченности поймы и уменьшении роли рудеральных сорняков. Все эти изменения могли быть связаны также с уменьшением самого населения Дьякова городища. Эта толща наиболее отчетливо выделена по образцам 19–22.

С большим перерывом во времени происходило формирование верхнего культурного слоя на городище. Этот культурный слой по составу палинологических спектров резко отличается от нижнего слоя, так как ни по одному из прослоев не фиксируется восстановление естественного зонального типа растительности.

Менее нарушенным оказался самый нижний уровень верхнего культурного слоя, где в составе спектров еще преобладает пыльца древесных пород, среди которых доминирует сосна, а ель составляет около 20% (палинологическая зона 10). Вместе с тем даже на этом уровне выявляется большее влияние человека на окружающую среду, чем это отмечалось в конце формирования нижнего слоя. Эти отклонения проявились и в последующее время, в частности, в большей роли вторичных березовых лесов (палинологические зоны 12–15). В то же время, говоря о хозяйственном укладе населения на начальном этапе накопления верхнего слоя, надо сказать, что он мало отличается от уклада, существовавшего в период формирования нижнего слоя. В первую очередь это касалось частичного хозяйственного использования незаболоченной поймы, что по данным палинологического анализа проявилось в почти полном отсутствии ольхи и осок в спектрах, а также малой роли луговой растительности вблизи городища.

Выше (палинологические зоны 17–19), скорее всего, произошли какие-то катастрофические события на городище, которые привели к временному запустению поселения. Это в первую очередь сказалось на заболачивании поймы и ее зарастании осочниками и ольхой. О деградации пашен свидетельствует распространение в спектрах рудеральных сорняков – *Artemisia, Galium, Polygonaceae*. Описанный уровень прослеживается по первому разрезу, тогда как по второму разрезу состав спектров более осреднен-

ный, а по разрезу 2007 г. на этом уровне фиксируется подсыпка песка (палинологичесекая зона 19). Однако период деградации в жизни людей на городище был скорее всего непродолжительным, так как это не вызвало существенных изменений растительного покрова в ближайшей округе поселения. Зарастание пахотных угодий, восстановление первичных хвойных лесов частично наблюдается по палинологической зоне 20.

Начиная с палинолозны 21 структура природного комплекса мало менялась, но в отличие от раннего этапа основные изменения в хозяйственном укладе населения городища коснулись перераспределения земельного фонда. Судя по палинологическим данным, в это время уменьшился пахотный клин, что подтверждается господством пыльцы семейств цикориевых и крестоцветных. Возросло значение разнотравных лугов, которые могли использоваться в качестве пастбищ или сенокосных угодий.

Самый верхний уровень (палинологические зоны 22 и 23) характеризуется возросшей ролью злаков, тогда как роль лугового разнотравья и различных сорняков уменьшилась. Общий состав и соотношение пыльцы отдельных древесных пород мало изменились по сравнению с предыдущим периодом. Увеличение содержания злаков, в том числе и культурных видов, свидетельствует об изменениях в хозяйственном укладе местного населения, возросшей роли земледелия. Отсутствие пашенных сорняков можно связать только с более совершенным типом хозяйствования. Сохранение невысокого участия древесных пород в общем составе, отсутствие в спектрах ели и малая роль сосны (до 20%) указывают на высокую экологическую нагрузку, созданную человеком на данную территорию. Это было время заключительного этапа существования Дьякова городища в середине — третьей четверти I тыс. н.э.

Таким образом, в результате проведенных палинологических исследований выявилась сложная картина взаимоотношения человека с окружающей средой, что в первую очередь было связано с разной интенсивностью хозяйственной деятельности и ее типами. Скорее всего в нижнем культурном слое прослеживаются два цикла освоения территории, окружающей Дьяково городище. Вначале осуществлялось сведение коренных хвойных пород и обустройство пахотных земель и пастбищ. Следующий этап отражает некоторое равновесное состояние между площадями, занятыми естественным растительным покровом и культурным клином. И, наконец, завершение каждого цикла было связано с заболачиванием поймы, изменением состава пойменных лугов и уменьшением площадей пахотных угодий. Возможно, это было связано с неблагоприятным гидрологическим режимом реки.

Что касается верхнего культурного слоя, то в нем также намечаются подобного типа циклы и этапы, но выражены они были иначе. Это различие проявилось в более значительном уничтожении коренных хвойных лесов и в более успешной борьбе с заболачиванием поймы, во всяком случае на первых этапах отложения верхнего слоя. Последний цикл освоения Дьякова городища характеризовался существенным изменением хозяйственного уклада населения, когда в большей степени стали использоваться территории коренного берега. Не исключено, что это было вызвано высокими паводками, обусловленными повышенной влажностью климата в V–VI вв. (*Климанов и др*., 1995). Это дает повод предполагать, что цикличность освоения окрестностей Дьякова городища определялась не только историческими причинами, но и существенными изменениями природной обстановки, особенно на пойме, где в значительно большей степени сказывались экстремальные колебания климата.

Результаты карпологического анализа. Небольшие зерновые материалы были получены при раскопках Дьякова городища еще в XIX в. В.И. Сизов писал о находке «запаса каких-то зерен, частью обугленных, а частью перегнивших», не поддававшихся определению из-за плохой сохранности (*Сизов*, 1897. С. 265).

С целью получения более достоверной информации о занятиях земледелием жителей Дьякова городища в 1982–1987 гг. впервые на памятниках этой культуры был применен метод получения зерновых материалов путем отмывки водой (флотации) и отсева через одно- и трехмиллиметровую сетку. Объем отбиравшихся образцов приблизительно равнялся 1 л.

Всего на исследование в лабораторию естественно-научных методов Института археологии РАН поступило 567 отмывок из верхнего и нижнего культурных слоев. Зерна были обнаружены в 346 отмывках в количестве более 2 тыс. целых экземпляров (рис. 230, табл. 64).

В последующие годы на ряде других памятников дьякова типа были проведены аналогичные работы по серийному отбору образцов, которые характеризуют все периоды их существования.

Так, на селище Веськово I на Плещеевом озере, датируемом первой половиной I тыс. до н.э. (преддьяковский памятник) был отобран 21 образец (*Вишневский*, 1994; *Кирянова*, 2005), давший находки зерна.

На раннедьяковском городище Настасьино, синхронном нижнему слою Дьякова городища, было исследовано 237 образцов, в 110 из которых зафиксированы остатки культурных растений (*Антипина*, *Лебедева*, 2005. С. 74). При этом каждый образец имел объем около 10 л.

На многослойном городище Ростиславль, где имеются напластования как раннедьяковского (слой 2),

так и позднедьяковского (слой 1) времени, было отобрано более 30 образцов (*Лебедева*, 2005; 2009). Все они содержали зерновые материалы.

На селище Царицыно 1 в пределах ямы с материалом первых веков I тыс. н.э. было отобрано 74 образца, в 39 из которых были обнаружены зерна (*Лебедева*, 2008).

На городище Кикино в Сергиево-Посадском р-не Московской обл. в слое середины I тыс. н.э. было отобрано 288 образцов, 130 из которых содержали зерно (*Вишневский и др*., 2001).

На городище Варварина гора на р. Шлине в Новгородской обл., очень схожем по археологическим находкам с позднедьяковскими памятниками Москворечья, в объектах, датируемых III–V вв. н.э., было сделано 20 отмывок, все они содержали зерна (*Кирьянова*, 2003).

Кроме того, единичные находки были зафиксированы еще на ряде памятников в бассейнах Москвы-реки и Верхней Волги (городища Боршева, Щербинское, Копок).

Таким образом, в настоящее время имеется представительный материал для сравнения.

Рассмотрим подробнее находки с Дьякова городища. Отбор производился в раскопе 1983–1984 гг. по нескольку десятков образцов из каждых 10 см пласта, зерна встречены более чем в 50% отмывок. Наиболее высокий процент встречаемости зерна (более 70%) в среднем и нижнем горизонте верхнего слоя. Довольно часто встречаются зерна и остатки колосков в отмывках из нижнего слоя. По средним данным, в отмывках верхнего горизонта верхнего культурного слоя зерно встречалось реже, чем в других слоях. Это связано, вероятно, со значительной нарушенностью верхнего слоя городища.

Кроме отмывок, исследовано 19 отсевок культурного слоя и 8 скоплений зерна (табл. 65), отдельные отпечатки зерен и обломков колосьев различимы на стенках глиняных «рогатых кирпичей» и днищах горшков.

Почти все найденные зерна карбонизированы. Исключение составляет часть семян льна, которые сохранили свой цвет. Значительное число зерен деформировано, из-за чего не удается все найденные материалы отнести к определенному роду сельскохозяйственных культур, но большинство зерен все же поддается определению. Обломки зерен, по которым можно определить только род культуры, учитывались лишь при подсчетах ее встречаемости в слоях[1].

Нижний культурный слой представлен 120 отмывками, в 70 из которых обнаружены зерна. Первое место по встречаемости в образцах, содержащих зерно, занимает просо (*Panicm miliaceum L*.), второе – пшеница, представленная зерном пленчатых и голозерных видов культуры. В этом слое среди золы от сгоревшей органики найдены основания колосков («вилочки») и обломок колоскового стержня пленчатой пшеницы. На третьем месте стоит ячмень (*Hordeum vulgare L*.). Половину всех найденных зерен ячменя составляет пленчатый ячмень. На обломках керамики из этого слоя сохранились отпечатки зерен ячменя, пшеницы и проса.

В верхнем культурном слое из 447 отмывок, отсевок и скоплений зерно найдено в 229. В этом слое соотношение культур несколько иное, чем в нижнем. Если рассматривать целиком найденные в слое материалы, то на первом месте по встречаемости стоит ячмень, в подавляющем большинстве (94,5% всех зерен) пленчатый. На втором месте находится просо, пшеница занимает третье место. В этом слое в незначительном числе находок появляются семена льна (*Linum usitatissimum L*.). На «рогатых кирпичах» из этого слоя заметны отпечатки щуплых зерен, большая часть из них напоминает ячмень, меньшее число отпечатков могло принадлежать пшенице.

Интересно соотношение встречаемости культур в различных горизонтах верхнего слоя. В нижнем горизонте верхнего культурного слоя на первом месте по встречаемости стоит просо, на втором месте – пшеница, на третьем находится ячмень. Культуры располагаются в том же порядке, что и в слое предыдущего периода. В верхней части горизонта (с глубины –260 см) появляются семена льна.

В среднем горизонте верхнего слоя наиболее часто встречаются зерна ячменя, значительно опережая просо и пшеницу, занимающих второе и третье место. Редки в слое семена льна. В одной отмывке с глубины –225 см найдено зерно гороха, напоминающее горох посевной.

В верхнем горизонте верхнего культурного слоя чаще всего встречаются зерна ячменя. На втором месте стоит пшеница, третье занимает лен, а четвертое – просо. Если средние показатели встречаемости пшеницы, льна и проса отличаются не очень сильно, то ячмень попадается в два раза чаще пшеницы.

В общем, во всех горизонтах верхнего культурного слоя содержался одинаковый набор яровых земледельческих культур: ячмень, пшеница, просо. Таким образом, в верхнем и нижнем слоях Дьякова городища набор земледельческих культур был в основном одинаков. Различия наблюдаются только в соотношении частоты встречаемости зерен этих культур в каждом из слоев. Существенная трансфор-

[1] Под встречаемостью культур понимается отношение количества отмывок с зерном данной культуры к общему количеству отмывок, содержащих зерновые находки.

мация пропорций частоты встречаемости культур приходится на средний горизонт верхнего слоя, начиная с которого ячмень занимает доминирующее положение, а просо постепенно отходит с первого места на четвертое.

Не менее важно проследить соотношение видов пшеницы в различных горизонтах. Часть зерен пшеницы имеет плавные очертания, округлое брюшко, прямую бороздку. Другие зерна более вытянуты, с несколько вогнутой поверхностью брюшка. Первые зерна напоминают голозерные пшеницы – мягкую (*Triticum aestivum*), карликовую (*Triticum compactum*) и смесь их популяций (*Tr. aestivo/compactum*); вторые – пленчатые пшеницы: спельту (*Triticum spelta*), полбу-двузернянку (*Triticum dicoccum*). Кроме того, в ряде отмывок встречены только остатки чешуй. В некоторых отмывках вместе с этими пленками находились зерна пшеницы с вогнутым брюшком, что дает дополнительные основания отнести такие зерна к пленчатым пшеницам.

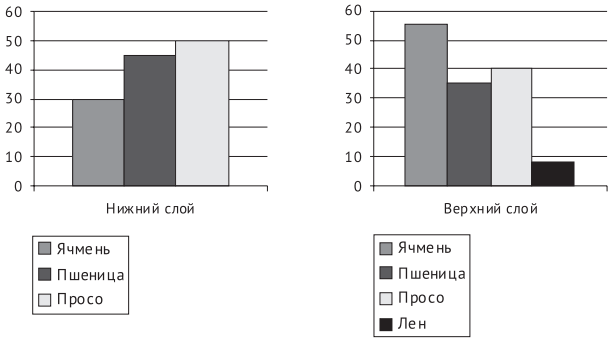
В распространении этих видов пшениц по слоям наблюдается определенная динамика. В нижнем слое чаще встречены пшеницы пленчатые. В верхнем слое голозерные пшеницы встречаются в отмывках почти втрое чаще пленчатых. В трех горизонтах верхнего слоя совершенно четко прослеживается уменьшение встречаемости пленчатых пшениц и значительное увеличение голозерных видов.

Для объяснения прослеженной динамики соотношения земледельческих культур необходимо остановиться вкратце на биологических особенностях каждой из них. Просо является культурой, которая требует чистых от сорняков земель, оно хорошо использует плодородие, накопленное в залежи. Пшеницы также чувствительны к чистоте и плодородию посевных участков. Из них полба менее требовательна к климату и плодородию почвы. Она может расти на истощенных почвах и мириться с плохой обработкой, но из-за пленчатости она менее урожайна, возникают трудности с ее уборкой и хранением. Карликовая пшеница по своим признакам близка к пшенице мягкой.

Ячмень также чувствителен к засоренности почв, но несколько меньше пшеницы. По требовательности к почве и климату он близок к пшенице, но его посевы могут заходить значительно севернее (*Прянишников*, *Якушкин*, 1936. С. 44).

Учитывая сказанное, можно говорить, что в нижнем слое и основании верхнего встречаются зерна культур, которые хорошо развиваются на малоокультуренных почвах. За период, в течение которого накопился верхний культурный слой, на первое место выходят культуры, которые более терпимо относятся к условиям, складывающимся на более окультуренных почвах. На этом основании можно считать, что шел процесс появления большого количества земель длительного использования, повлиявший на состав культур. Всего вероятнее, залежи сменялись перелогами различного срока использования.

Диаграмма 4. Частота встречаемости (в %) отмывок, содержавших различные виды культурных злаков в верхнем и нижнем слоях Дьякова городища (100% – общее количество отмывок с зерном в каждом слое).



Оценивая в целом состав сельскохозяйственных культур, выявленных в культурном слое Дьякова городища, можно отметить, что он характерен для многих других синхронных и хронологически близких памятников, расположенных в той же почвенно-климатической зоне или несколько южнее.

Результаты археоботанических работ на селище Веськово I показали, что уже на рубеже бронзового и железного веков земледелие получило достаточное развитие в регионе, возделывались именно те три основные культуры, которые мы затем встречаем в нижнем слое Дьякова городища.

Две основные тенденции (уменьшение роли проса в I тыс. н.э. и увеличение встречаемости голозерных пшениц), выявленные по материалам Дьякова городища, подтвердились и по другим памятникам (*Кирьянова*, 2005. С. 229). Так же не случайно отсутствие ржи в культурном слое Дьякова городища. Рожь появляется на памятниках Волго-Окского междуречья лишь во второй половине I тыс. н.э. Косвенным образом отсутствие ржи подтверждает вывод о том, что функционирование Дьякова городища прекратилось в начале третьей четверти I тысячелетия н.э., до широкого распространения этой культуры.

Существенная трансформация природного ландшафта, возникновение обширных обезлесенных участков подтвердились и на основании изучения других памятников. В частности, было установлено, что сведение леса под поля происходило не только в долине Москвы-реки, но и продвинулось в долины ее малых притоков, таких как речки Городня, Язвенка (селище Царицыно 1), предвосхищая тем самым формирование средневекового агроландшафта.

Таблица 63. **Корреляция разрезов на Дьяковом городище по данным палинологического анализа**

Культурный слой	Возраст по данным археологии	Состав	Разрез 2007 г.	Разрез 1983–1984 гг.
Верхний культурный слой	с IV в. и выше (?)	широколиственные породы с участием сосны / злаки, в том числе культурные, разнотравье	XXVI	
		сосна с участием широколиственных пород / господство разнотравья	XXV	
		сосна, с участием ели / господство злаков, в том числе культурных	XXIV	
	II в. до н.э. – III в. н.э.	ничтожное участие древесных пород / злаки, разнотравье	XXIII	
		береза с участием широколиственных пород / разнотравье, злаки	XXII	Образцы 13–17
		широколиственные породы при участии сосны, ели, березы / смена злаков на разнотравье	XXI	
		ель, сосна с незначительным участием широколиственных пород / господство злаков	XX	
		пыльца отсутствует	XIX	
		ель, сосна с незначительным участием широколиственных пород / господство злаков	XVIII	
		сосна, ель с участием широколиственных пород / господство разнотравья	XVII	
		сосна, ель, широколиственные породы, береза / господство разнотравья	XVI	
		широколиственные породы, береза с участием сосны и ели / господство разнотравья	XV	
		сосна с участием липы, ели и березы / высокая роль разнотравья	XIV	Образец 12
		сосна, липа, ель, при участии березы / высокая роль злаков	XIII	
		сосна с участием березы и ели / господство злаков	XII	
		сосна / высокая роль злаков	XI	
		широколиственные породы, береза / господство злаков	X	
Нижний культурный слой	V–III вв. до н.э.	береза / господство злаков и разнотравья	IX	
		неоднократная смена доминантов (ели, сосны, березы, широколиственных пород) / господство злаков / большое участие спор	VIII	Образцы 7, 8
		береза с незначительным участием ели и сосны и широколиственных пород / господство злаков	VII	
		сосна, ель, с участием березы и широколиственных пород / высокая роль злаков	VI	
		широколиственные породы, береза, ель / высокая роль злаков	V	
		ель, сосна, широколиственные породы / господство злаков	IV	
		широколиственные породы с участием сосны / высокая роль злаков и разнотравья	III	
Материк		сосна, ель, широколиственные породы / господство злаков	II	Образцы 3, 4
		господство древесных пород / береза, сосна с участием ели и широколиственных пород	I	Образцы 1, 2

Примечание. Цветом выделены более теплые интервалы.

Таблица 64. **Находки остатков культурных растений и желудей в отмывках и отсевках культурного слоя Дьякова городища (раскопки 1983, 1984, 1987 гг.)**

Слой	Просо	Пшеница	Ячмень	Лен	Горох	Желуди	Обломки зерен	Число отмывок / отсевок с зерном	Всего отмывок
Верхний горизонт верхнего слоя	7/8 + комки	11/15	21/149	8/10+комки	1/1	–	43	30/7	74
Средний горизонт верхнего слоя	50/158+комки	50/279	110/1013	14/23	1/1	/3	743	163/9	223
Нижний горизонт верхнего слоя	65/242	45/63	39/160	4/6	–	–	78	106/–	150
Нижний слой	36/217	33/37	22/26	–	–	–	42	70/3	120

Примечание. В числителе – число отмывок, в знаменателе – число зерен.

Таблица 65. **Состав культур в скоплениях зерен из раскопок на Дьяковом городище (1982–1984, 1987 гг.)**

№ скопления	Место находки	Просо	Пшеница	Ячмень	Обломки зерен
1	Разрез вала	–	–	217	–
2	Верхний слой, верхний горизонт (заполнение сосуда № 222, квадрат 240, глубина –200)	комки	+	+	+ (лен)
3	Верхний слой, средний горизонт	1	7	702	Колосковые чешуйки
4	То же (квадрат 242, глубина –185–190)	–	–	242	–
5	То же (квадрат 72, глубина –195, постройка «З»-5, 6)	–	–	5080	–
6	То же (квадрат 72 , глубина –195)	–	–	808	–
7	То же (квадрат 145, глубина –195)	комки	–	–	–
8	То же (квадрат 125, глубина –200, постройка Д-4)	1	1	519	–
9	То же (квадрат 117, глубина –224, постройка Д-4)	10	–	602	500

Глава восьмая

ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА И РЕСУРСНАЯ ЗОНА ВОКРУГ (РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ)

Задачи и методика исследования округи. Неукрепленные дьяковские поселения (селища), расположенные в непосредственной близости от городищ, находили неоднократно (Мамоново городище и селище Андреевское; Михайловское городище и селище; Мозжинские городище и селища и др.), но никогда до 1980-х годов не предпринималось попыток сплошного обследования ближней округи городищ. Не проводились и раскопки на известных прилегающих к городищам селищах. В связи с этим при раскопках Дьякова городища 1981–1987 гг. была поставлена задача максимально полного выявления памятников железного века в его ближней округе и раскопок этих объектов для определения их функциональной специфики. В результате проведенных разведочных работ было зафиксировано 11 пунктов находок керамики железного века, большинство из которых находилось в радиусе менее 500 м от городища. При этом очевидно, что выявлены были далеко не все пункты с находками железного века, так как территория к моменту обследования была уже сильно урбанизирована.

Прослеженная ситуация принципиально отличалась от лучше изученных городских комплексов средневекового времени, включающих городище и окружающие его селища. Обнаруженные вокруг Дьякова городища пункты с находками, условно классифицированные, исходя из их размеров, как местонахождения или селища, принципиально отличались от средневековых «посадов». Отличия эти прежде всего в размерах. Маленькие и микроскопические по площади пункты находок керамики железного века, как правило, имели естественные границы, выраженные в рельефе. Очевидно, что эти пункты (по крайней мере, большинство из них) нельзя воспринимать как самостоятельные поселения. Гораздо более вероятным выглядит предположение, что все они вместе с городищем совокупно составляли некую единую поселенческо-хозяйственную систему. В таком случае актуальной задачей является описание (моделирование) этой системы. В качестве одного из подходов к решению проблемы был избран ландшафтный метод, суть которого заключалась в предварительном детальном ландшафтном описании территории, определении потенциальных возможностей хозяйственного использования различных элементов ландшафта и формулирование гипотетической пространственной модели древнего землепользования. Частичное тестирование этой модели возможно путем ее совмещения с археологической картой и этнографическими данными.

Описание археологических памятников в окрестностях Дьякова городища

Селище Дьяково-пойма (Дьяково 2). Состоит из двух объектов, разделенных заболоченной ложбиной и валоподобным всхолмлением, вероятно, оползневого происхождения (рис. 231). Западный участок расположен почти вплотную к подошве восточного склона городища и отделен от него небольшой ложбинкой. С юга западный участок примыкает к конусу выноса из молодого оврага, образовавшегося на месте рва Дьякова городища. Восточный участок находится на плоской поверхности оползневой ступени, довольно круто обрывающейся в сторону реки. На обоих участках культурный слой залегает примерно на одинаковых высотных отметках – 130,5–132 м, т.е. на высоте 16–18 м над уровнем современного уреза реки. Из этого следует, что даже при экстремальных паводках (подъем уровня воды в Москве-реке во время наводнения 1908 г. был 9 м) эти участки не заливались. У местного населения урочище называлось «полдни», так как здесь происходила дневная дойка скота. Сохранилась фотография 1935 г., сделанная И.Ф. Барщевским, где сельское стадо находится на полднях как раз на месте селища Дьяково-пойма (*Кренке*, 1992).

Культурный слой железного века на обоих участках памятника подвергся очень существенной трансформации из-за человеческой деятельности в более позднее время. Так, в XI–XII вв. здесь существовало малодворное поселение, от которого сохранились жилищные ямы. В XIX в. на восточном участке было совершено грунтовое погребение (датировка определяется по нательному кресту). С хозяйственным использованием участка в качестве полдней связан ряд находок – несколько десятков фрагментов кера-

мики, пятак 1870 г., костяной медальон воспитанницы Московского воспитательного дома[1]. Более 20 лет (1960-е–1980-е годы) на территории селища тренировались и соревновались мотоциклисты.

Раскопки проводились в 1983 и 1985 гг. В раскопе (площадь 77 м^2) на западном участке культурный слой имел толщину 20–40 см, он полностью переработан в древнерусское время и позднее. Коллекция керамики железного века состояла из 345 фрагментов, в том числе 154 текстильных, 185 гладкостенных и 6 заглаженных. Среди текстильной керамики есть фрагменты, орнаментированные гребенчатым штампом, т.е. датирующиеся VII–VI вв. до н.э., представлены образцы, тождественные керамике нижнего слоя Дьякова городища. Гладкостенная керамика соответствует времени отложения верхнего слоя Дьякова городища, т.е. первой половине I тыс. н.э. Двушипная железная стрела с узким пером находит аналогии в нижней части верхнего слоя городища, а бронзовая привеска-бубенчик являлась частью шумящего височного украшения, характерного для среднего и верхнего горизонтов верхнего слоя Дьякова городища. Таким образом, хронологический диапазон, который охватывают находки с западного участка селища, очень велик. Нельзя полностью исключить, что часть находок могла попасть сюда в результате перемещения с площадки городища.

На восточном участке было раскопано 103 м^2. Коллекция керамики насчитывала 974 фрагмента, в том числе 809 текстильных и 165 гладкостенных. Большинство текстильных венчиков имеет развитую профилировку и насечки по краю. Такая керамика на Дьяковом городище представлена очень небольшим числом фрагментов, и, вероятно, датируется последними веками до н.э. В раскопе текстильная керамика концентрировалась в двух скоплениях, причем одно из них было связано с ямой глубиной 30 см. Яма и вышеописанные скопления керамики тяготели к восточной бровке оползневой ступени. Состав керамического комплекса позволяет предполагать, что «пик активности» здесь приходился на сравнительно узкий промежуток времени в последние века до н.э.

Среди немногочисленных фрагментов гладкостенной керамики есть несколько очевидно позднедьяковских, в том числе один, орнаментированный в технике «палочка с веревочкой». К поздней группе находок относится и двушипная железная стрела.

В 10 метрах к западу, у подошвы валоподобной возвышенности состав находок был иным. Здесь преобладала текстильная керамика, характерная для нижнего слоя городища, т.е. датируемая V–III вв. до н.э.

Учитывая значительную насыщенность культурного слоя находками железного века, сохранившимися, несмотря на все позднейшие нарушения, можно предполагать, что на обоих участках активность была весьма интенсивной. Следов построек не было обнаружено, тем не менее, их существование весьма вероятно. Использование крутых земляных откосов оползневых форм рельефа в качестве «задних» стенок построек было зафиксировано на типологически сходном памятнике – селище Дунино 4 (*Кренке и др*., 2010). Возможна также версия, что место использовалось в качестве «полдней» и в железном веке.

Селище Дьяково-южное (Дьяково 3). Селище Дьяково-южное было впервые обнаружено в 1992 г., а в 1995 г. был заложен шурф площадью 1,5 м^2.

Селище располагается на кромке высокого берега в 40 м к югу от дороги, проходящей по размытому и превратившемуся в овраг рву, который опоясывает с юга площадку Дьякова-городища (рис. 232). Протяженность обнажения культурного слоя на мысу – около 4 м. Абсолютная высотная отметка селища 155–155,5 м (превышение над урезом воды в Москве-реке – 40 м).

При осмотре поверхности селища проявления культурного слоя – единичные, и фрагменты стенок лепных гладкостенных сосудов удалось обнаружить в 8 м к юго-востоку от шурфа на бровке склона, на северо-западном склоне мыса, в обнажениях в 40 м к западу от мыса, прямо напротив вала Дьякова городища. Таким образом, зона распространения находок простирается почти на 50 м по бровке берега. Культурный слой перекрыт навалом земли и строительного мусора толщиной около 0,5 м, отложившегося при строительстве автобазы. Имеются также следы каких-то современных ям.

Шурф размером 1,8 × 0,8 м был заложен вдоль обнажения культурного слоя на краю обрыва, образовавшегося из-за слива бетона из растворного узла.

В шурфе была прослежена следующая стратиграфия:

0–5 см – дерн;

5–25 см – светло-бурый суглинок (современный навал); нижняя граница очень резкая, горизонтальная;

25–45 см – мешаный серо-бурый суглинок (пахотный горизонт); нижняя граница размыта, переход постепенный;

45–65 см – темно-серая супесь (древний культурный слой); переход к нижележащему горизонту резкий.

65–67 см – фрагменты подзолистого горизонта A2.

67 см и ниже – бурый суглинок – почвенный горизонт A2B.

[1] Как было выяснено в результате исследования, проведенного А.О. Ладыченко, медальон принадлежал Марии, по крестному отцу – Ивановой. Она поступила в Воспитательный дом на второй день после рождения 25 марта 1823 г. (данные Главной книги Воспитательного дома – ЦГИАМ. Ф. 108).

В культурном слое на глубине 45–65 см от поверхности было встречено множество колотых очажных камней, фрагменты глиняных обмазок с отпечатками поверхности расколотого дерева, травы и даже человеческой ладони. В слое было найдено несколько костей, из которых две были определены Л.И. Алексеевой как обломок тела позвонка и фаланга крупного рогатого скота.

Фрагментов керамики было найдено всего 25, которые распределялись по типам следующим образом:

1. Поливная (желтая) XIX–XX вв. – 1 (пахотный горизонт).

2. Белоглиняная гладкая XVII в. – 1 (пахотный горизонт).

3. Древнерусская XI–XIII вв. – 3 (в том числе 1 венчик, 2 стенки – пахотный горизонт, культурный слой на глубине 50–65 см).

4. Гладкостенная лепная – 17 (в том числе 3 венчика, 1 донце – культурный слой, глубина 50–65 см).

5. Заглаженная лепная – 3 (в том числе 1 венчик – пахотный горизонт, культурный слой на глубине 50–65 см).

Набор лепной керамики может быть сопоставлен с керамикой среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища. Особенно характерны дугообразно отогнутый венчик с вдавлениями по торцу и стенка с пальцевыми защипами.

Таким образом, на селище преобладает материал позднедьяковского времени, который можно датировать первыми веками н.э. Наличие очажных камней и обмазок указывает на то, что на селище, по всей вероятности, существовали жилые постройки, сходные с обнаруженными на площадке городища. Возможно, этапу заселения предшествовала распашка.

Местонахождение Городишный овраг. Расположено на мысу, образованном при впадении в Городишный овраг ложбины, развившейся при размыве рва городища. Высота над уровнем моря 149–150 м. Размер площадки не более 20 м^2. Расстояние до Дьякова городища около 40 м. Следов культурного слоя не найдено. Фрагменты лепной гладкостенной керамики обнаружены на поверхности среди мусора от современных пикников.

Селище Выгон (Дьяково 1). Расположено на мысу коренного берега на высоте 150–151 м (36 м над урезом реки). Местное название «2-й выгон», здесь проводились гуляния (рис. 233, 234). Поселение обнаружено и исследовано в 1986 г. Рельеф мыса сильно изменен в XIX–XX вв. Здесь была проложена мощеная булыжником дорога, производились выемки грунта. Культурный слой был зафиксирован на участке площадью 200 м^2, ограниченном крутыми склонами. В раскопе площадью 88 м^2 было прослежено, что мощность культурного слоя нарастала в сторону оконечности мыса и достигала 0,6 м. Культурный слой был слабогумусированный, напоминающий делювиальный намыв, лишь в восточной части раскопа в основании слоя прослеживалась прослойка более интенсивно гумусированной супеси. В этой прослойке концентрация керамики была выше, чем в остальном слое. Материком являлась подзолистая почва, сформировавшаяся на светло-буром покровном суглинке. Следов сооружений в материке обнаружено не было. Находки, сделанные на селище Выгон, относятся к трем хронологическим этапам – железному веку, древнерусскому времени (XII–XIII вв.), позднему средневековью–современности. Керамика железного века представлена 923 фрагментами. В том числе 214 текстильных и 709 гладкостенных. Текстильные фрагменты относятся к раннедьяковскому этапу, в том числе к его финальной части (III–II вв. до н.э.), что доказывается наличием текстильных венчиков, орнаментированных поперечными нарезками и стенок с пальцевыми защипами (рис. 248). Большая часть материала относится к началу позднедьяковского этапа (I в. до н.э. – I в. н.э.). В восточной части раскопа на материке был найден развал большого гладкостенного сосуда этого времени. Аналогии ему имеются в основании верхнего культурного слоя Дьякова городища. К этому же времени относятся глиняный грузик и железный серп. Показательно отсутствие среди находок глиняных обмазок. Возможная интерпретация памятника – сезонное поселение, связанное с земледельческой активностью.

Селище Чертов городок. Как археологический памятник Чертов городок был открыт О.Н. Бадером в 1926 г. (*Бадер*, 1947). Им был зафиксирован культурный слой, сползавший по западному склону возвышенности и хорошо видный в обрезе берега со стороны реки. Находки были представлены несколькими черепками дьякова типа и крупной плитой каменной зернотерки. О.Н. Бадер высказал предположение, что памятник является остатком приречного поселения или даже маленького городища. В 1982 и 1984 гг. на Чертовом городке были проведены раскопки (рис. 235–237). Общая площадь раскопов составила 46 м^2. Раскопы были заложены на двух противоположных склонах возвышенности. В 1986 г. памятник уничтожен карьером. Чертов городок располагался на оползневой ступени (определение геолога Н.Г. Верейского). Судя по карте 1939 г., размеры останца равнялись 30 × 60 м, восточная его сторона была подмыта рекой, западный склон был относительно пологим и образовывал почти ровную площадку размером 12 × 12 м на абсолютных отметках 129–130 м (15–16 м над уровнем реки). На обращенной к реке северной стороне имелся ровный уступ с культурным слоем на отметках 122–124 м.

К моменту начала раскопок рельеф холма был сильно поврежден при устройстве стрельбища и трассы горнолыжного спуска. Культурный слой частично был срезан, а частично перекрыт бульдозерным отвалом. В раскопе 1 на южном склоне толщина интенсивно-черного культурного слоя равнялась 20–30 см. По всей вероятности, этот слой находился в переотложенном состоянии, так как не содержал развалов горшков, в материке не было зафиксировано ям. Находки из культурного слоя не оставляют сомнения в том, что памятник являлся стационарным поселением. На это указывают многочисленные очажные камни, кусочки глиняных обмазок, значительные остеологическая (525 фрагментов) и керамическая (442 фрагмента) коллекции. Материал из раскопа 1 относится исключительно к начальному этапу железного века. Очень показательна орнаментация керамики. Преобладали оттиски гребенчатого штампа, имелись также вдавления наклонной палочки (тычки) и различные варианты ямок. На поверхности большинства фрагментов видны оттиски текстиля, встречаются также расчесы гребенчатым штампом.

Вещевой материал из раскопа 1 представлен двумя находками – это костяное орудие, изготовленное из лопаточной кости и имеющее острый режущий край с выкрошенными от износа участками и костяной фрагмент со следами работы (отход производства).

По костям из раскопа получена радиоуглеродная датировка 2590±70 лет (ГИН-7569), что при калибровке указывает на интервал 819–770 гг. до н.э.

Видовой состав остеологической коллекции представлен в таблице 66.

Материалы нижнего и верхнего слоев Дьякова городища показывают, что костей лошади, как правило, в два раза больше, чем костей крупного рогатого скота. В коллекции Чертова городка соотношение иное, количество костей коровы находится на первом месте. Возможно, преобладание костей крупного рогатого скота характерно для поселений начального этапа железного века на Москве-реке. Можно отметить, что в коллекциях из древнейшего слоя Селецкого городища и Мамонова городища также количество костей коров находится на первом месте (*Данильченко*, 1984; *Цалкин*, 1962).

В раскопе 2 (площадь 16 м^2) на уступе склона, обращенного к реке, была прослежена яма глубиной до 80 см и прослойка культурного слоя толщиной 10–30 см. Керамический материал (643 фрагмента) представлял собой разновременную смесь, в которой преобладает позднедьяковская гладкостенная керамика (82%). Отсутствие лощеной керамики, возможно, указывает на верхний хронологический рубеж (I–II вв. н.э.). В коллекци представлена также текстильная керамика начального этапа железного века с гребенчатым штампом и более поздняя текстильная керамика, аналогичная керамике из нижнего слоя Дьякова городища. По углям, собранным в оползневых трещинах, получена радиоуглеродная датировка 2310±60 (ГИН 3970). Вещевые находки из раскопа 2 представлены глиняными бусами, фрагментами железных колец, литым бронзовым перстнем, звеном цепочки, фрагментом грузика дьякова типа. Набор этих вещей находит аналогии в основании верхнего слоя Дьякова городища.

Местонахождение на правом берегу Голосова оврага. На уступе правого берега Голосова оврага на высоте 140–141 м, на расстоянии 600 м вверх по течению от устья ручья, над уникальным природным объектом, Девичьим камнем, почитаемым в настоящее время как культовое место, было заложено 4 шурфа площадью 2 м^2 каждый (рис. 238). Толщина культурного слоя в шурфах колебалась от 0,4 до 1,4 м. Вероятно, в значительной степени этот слой был смыт сверху. Слой был довольно насыщен керамикой, преимущественно позднесредневековой. В шурфах было найдено 250 фрагментов белоглиняной керамики и других типов посуды, датирующихся XVI–XIX вв., 50 фрагментов красноглиняных горшков XIV–XV вв., 4 лепных фрагмента керамики раннего железного века. Один из них был гладкостенным, три другие – текстильными. Текстильные фрагменты, судя по характеру оттисков, вероятно, относятся к V–III вв. до н.э. Примечательно, что два фрагмента из шурфов 3 и 4, удаленных друг от друга на 13 м, склеились между собой. Этот факт может свидетельствовать в пользу предположения, что текстильный горшок разбился где-то поблизости, и что текстильная керамика не была смыта сверху.

Местонахождения на левом берегу Голосова оврага. Селище к югу от ц. Вознесения в Коломенском. В прибровочной части склона (отметка 140 м) на высоте 15 м над руслом ручья на расстоянии 300 м от его устья был найден гладкостенный фрагмент предположительно лепной керамики (шурф № 6, 1994 г.). Напластования агрогенно-делювиального происхождения в этом шурфе имеют мощность 1,1 м. В основании толщи залегали находки XVI в. Ниже по течению, на удалении 140 м от устья, в шурфах 3 и 5 в средней части пологого склона (отметки 138 и 133 м), 10–15 м над руслом ручья были найдены единичные гладкостенные и текстильный фрагменты. Почвы в шурфах смыто-намытые, турбированы склоновыми процессами. Общая мощность отложений, содержавших находки, – 70 см. Переотложенная керамика железного века залегала на глубине 40 см, ниже были встречены находки XIX в.

На мысу в приустьевой части Голосова оврага концентрация находок железного века существенно

выше, этот участок был обозначен как селище и располагается в 100 м к югу от церкви Вознесения, на высоте 20–25 м над уровнем реки (отметки 135–140 м). Рельеф участка сильно изменен при строительстве усадебного комплекса. Границы поселения железного века установить не оказалось возможным. В 1986 г. заложено 4 шурфа общей площадью 16 м^2 (рис. 239). Толщина культурного слоя в шурфах – до 70 см. В верхней части напластований прослежены различные прослойки выбросов чистого грунта, строительный мусор. В нижней части, в предматериковом горизонте сохранился однородный слой темно-серого цвета. Керамика железного века обнаружена в шурфах 2 и 3. Из этих шурфов происходит 11 фрагментов текстильной и 18 фрагментов лепной гладкостенной керамики, а также более многочисленный средневековый материал XII–XVII вв. Среди текстильной керамики имеется венчик непрофилированного сосуда с ямочным орнаментом, типичный для V–III вв. до н.э. В наборе гладкостенной керамики имеется венчик с дугообразно отогнутой шейкой, типичный для первых веков н.э.

Местонахождения на территории Коломенского Дворца. При проведении надзора за работами по прокладке дорожек в 1996 г. на территории Государева дворища были обнаружены находки железного века. Фрагмент текстильной керамики (рис. 254) найден во вторичном залегании в заполнении фундаментного рва начала XVIII в. деревянного дворца XVII в., в 75 м к югу от Казанской церкви. Это небольшая часть (3,5 × 4,5 см) непрофилированного венчика текстильного сосуда с ямочным орнаментом. Тесто имеет примесь крупных зерен дресвы размером до 6–7 мм; толщина стенок также 7 мм. Поверхность черепка почти черная, что обусловлено условиями обжига (недостаток кислорода) и прокопченностью в ходе использования; на внутренней поверхности сохранились незначительные следы нагара. Внешняя поверхность черепка покрыта отпечатками толстых крученых нитей текстиля, диаметр которых достигает 3 мм. Ямочный орнамент нанесен с помощью палочки или кости диаметром 9 мм с плоским концом. Венчик сосуда не имеет орнаментации по торцу, а лишь слегка приплюснут пальцами. На Дьяковом городище такая керамика найдена в нижнем слое и датируется V–III вв. до н.э.

Кроме описанного венчика, в траншее 1 найден предмет, который также, вероятно, относится к железному веку. Это глиняный «шарик» (рис. 239). Форма его не вполне сферическая, он слегка вытянут (размеры 2,5 × 3,5 см), поверхность бугристая, незаглаженная, цвет обожженной глины светло-бурый. Шарики обычно встречаются в верхней части культурного слоя Дьякова городища, т.е. в напластованиях I тыс. н.э. Шарик, вероятно, являлся снарядом для пращи.

Фрагменты лепного гладкостенного сосуда найдены чуть южнее, в 110 м к юго-юго-западу от Казанской церкви. Это венчик, дугообразно отогнутый наружу (рис. 239). Торец венчика, а также плечики сосуда орнаментированы защипами. В качестве примеси в тесте использован преимущественно шамот, дресвы почти нет. Цвет черепка светло-серый, толщина 5–6 мм. Это был крупный горшок для хранения запасов (следов нагара и закопченности на черепке нет), с диаметром венчика около 26 см, максимальным (в плечиках) диаметром 28 см и высотой 29 (30) см. Сосуды подобной формы характерны для среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, датируются первыми столетиями новой эры.

Местонахождение в юго-восточной части с. Коломенского. В южной части села Коломенского на участке № 133 у подошвы склона первой террасы на отметках 121–123 м в тыловой части поймы на высоте около 7–9 м над урезом воды в реке, в 120 м от кромки берега в подъемных материалах была обнаружена лепная текстильная и гладкостенная керамика (рис. 240). Один из гладкостенных фрагментов был орнаментирован оттиском палочки, обмотанной веревочкой, что, видимо, указывает на его позднедьяковский возраст. Зона распространения лепной керамики равнялась примерно 20 × 20 м. На данном участке было заложено два шурфа площадью 0,5 м^2 каждый. Мощность культурного слоя в шурфе № 1, располагавшемся ближе к реке, была 0,6 м. На всю глубину слой был перемешан, в нижнем пласте встречались объекты XIX в. На контакте с материком был найден фрагмент венчика лепного гладкостенного непрофилированного горшка железного века. В шурфе 2, расположенном выше по склону, толщина слоя также составляла 0,6 м. В этом шурфе на разных глубинах было найдено 3 фрагмента гладкостенной лепной керамики. Слой на всю глубину был насыщен позднесредневековой и более поздней керамикой. Полученные данные, по-видимому, указывают на то, что в данном локальном участке существовало поселение или место хозяйственной активности на протяжении длительного периода железного века (в раннем и позднедьяковский периоды). Тщательные сборы на соседних участках не дали подобных находок.

Ландшафтно-экологическая характеристика окрестностей Дьякова городища и предполагаемая схема природопользования в железном веке

Район сел Дьяково – Коломенское расположен на стыке четырех ландшафтов двух физико-географических провинций, резко контрастных по своим природным свойствам: 1) Москворецко-Окской моренно-эрозионной равнины, в прошлом под широколиственными

и широколиственно-еловыми лесами (правобережье р. Москвы) и 2) Мещерской зандровой низменной равнины под сосновыми лесами (левобережье р. Москвы) (*Анненская и др*., 1987). Поэтому ландшафты исследуемой территории отличаются сложностью устройства и большим разнообразием составляющих их природных территориальных комплексов (ПТК). Например, на междуречьях распространены такие различные как по происхождению, так и по дальнейшей истории развития и хозяйственному освоению ПТК, как урочища моренных, моренно-водно-ледниковых и озерно-водно-ледниковых равнин, древнеозерных котловин и долинных зандров (*Низовцев*, 1989).

Исключительно большим набором разнообразных ПТК отличается и долина р. Москвы на изучаемом отрезке. Разнообразие природных условий и соответственно природных ресурсов способствовало раннему заселению (с мезолита) и интенсивному хозяйственному освоению данной территории. Естественно, первичных (коренных) ПТК к настоящему времени не сохранилось совсем, все они в той или иной степени трансформированы и представляют антропогенные модификации или даже антропогенно-производственные комплексы.

Большая сложность и пестрота ландшафтной структуры данного района во многом определяются особенностями его геологического строения. На относительно небольшой площади представлен практически полный набор четвертичных отложений Подмосковья: покровные лессовидные суглинки, морена, водно-ледниковые пески и галечники, аллювиальные суглинки, супеси, пески и т.д., т.е. породы, отличающиеся не только литологическим составом, но и резко различные по эдафическим свойствам, что решающим образом сказалось на формировании крайне неоднородного почвенно-растительного покрова. К тому же близко от дневной поверхности (от 5 до 15 м) залегают неравномерно чередующиеся в пространстве коренные породы: меловые (аптский и неокомский ярусы) пески и песчаники, юрские (волжский и оксфордский ярусы) пески и глины.

Реконструкция природных условий и видов природопользования проведена на период около 2 тысяч лет назад, т.е. время, когда уже произошла существенная смена климата, который приобрел основные черты современного (*Хотинский*, 1977). При восстановлении природных свойств коренных ПТК и в первую очередь коренного растительного покрова акцент делался на анализе таких важнейших природных факторов, как рельеф и местоположение, трофность (плодородие) субстрата, характер увлажнения и степень увлажненности.

Верхний ярус рельефа междуречий занимают моренные равнины с абсолютными отметками свыше 170 м. С поверхности они сложены покровными суглинками преимущественно среднего механического состава, которые с глубины 1–2 м подстилаются моренными суглинками, каменистыми, московского возраста. Подобное строение почвообразующей толщи предопределило повышенную трофность субстрата (относительно богатый тип местообитаний среди всех междуречных равнин), что в сочетании с повышенным и соответственно несколько более теплым положением благоприятствовало произрастанию здесь широколиственно (липовых) – еловых лесов со значительным участием неморальных элементов в наземном покрове на дерново-среднеподзолистых почвах. Выровненный характер рельефа с преобладанием плоских и слабовыпуклых поверхностей не способствовал процессам поверхностного стока, поэтому дренированность их очень слабая, а сроки снеготаяния поздние и растянутые во времени. В почвах повсюду распространены процессы оглеения, чему благоприятствует также большая влагоудерживающая способность покровных суглинков, текстурная дифференциация почвенного профиля (наличие слабопроницаемого иллювиального горизонта с утяжеленным механическим составом) и двучленность материнской породы. Преобладающие гигротопы влажные и влажноватые; к тому же надморенная верховодка держится близко к поверхности (1–2 м) весной и ранним летом, а в дождливые годы – весь сезон. Поэтому почвы здесь «холодные», с поздними сроками готовности к полевым работам и малопригодны к пашенному земледелию с выращиванием яровых культур в условиях с напряженным вегетационным периодом, как в наших климатических условиях.

Следовательно, можно предположить, что эти местообитания могли использоваться (и то выборочно и далеко не всегда) только для подсечно-огневого земледелия с выпасом скота, а также для ведения лесного хозяйства и охоты (цв. вкл., рис. 23). Естественно, для выпаса скота были предпочтительнее участки (фации и парцеллы) с преобладанием широколиственных пород в древостое, с густым подлеском и широкотравьем, а не, к примеру, участки ельников-зеленомошников или влажноразнотравных. Исходя из средних сроков возврата к подсекам в 60 лет, можно считать, что коренные леса здесь со временем были заменены устойчивыми формациями мелколиственных лесов (естественное сукцессионное восстановление коренных широколиственно-еловых лесов составляет не менее 200 лет).

Моренно-водно-ледниковые равнины образовались в позднеледниковое время в результате переработки моренного рельефа ледниковыми водами и как бы окаймляют моренные равнины на абсолютных отметках 162–170 м. По эдафическим свойствам они

мало отличаются от вышеописанных моренных равнин. Незначительные различия, с точки зрения хозяйственного использования, в почвообразующей толще (на контакте с мореной встречается маломощный, как правило, не более 0,5 м, прослой водно-ледниковых сильноопесчаненных суглинков, супесей или песков) практически не приводят в улучшению водно-воздушного режима господствующих здесь дерново-подзолистых почв. Эти земли также и даже в большей степени могли использоваться под подсечно-огневое земледелие.

Следующим фоновым ПТК междуречных равнин являются крупные ложбины стока ледниковых вод, от которых сохранились отдельные фрагменты двух высотных уровней, соответствующих двум этапам таяния московского ледника. Это высокий долинный зандр (IV надпойменная терраса) с абсолютными отметками 155–165 м и низкий долинный зандр (III надпойменная терраса) с высотами 140–145 м. Они имеют сходное геологическое строение: с поверхности сложены покровными (водно-ледниковыми) суглинками со значительным варьированием по мощности (0,5–1,5 м), подстилаемыми водно-ледниковыми песками, иногда с гравийно-галечниковыми прослоями. Мощность водно-ледниковых песков также колеблется в широких пределах: от 0,5 до 4,0 м. Практически повсеместно они, в свою очередь, подстилаются мореной, местами сильно перемытой. Такая неоднородность почвообразующей толщи сказалась на пестроте почвенно-растительного покрова, которая проявилась на самом низком (элементарном) фациальном уровне. В целом преобладающие на водно-ледниковых равнинах дерново-слабоподзолистые почвы имеют относительно невысокую трофность, что имело следствием незначительное участие неморальных элементов в растительном покрове.

Отличаются долинные зандры и их отдельные участки, в первую очередь, по степени дренированности, связанной с положением по отношению к бровкам долины реки и малых эрозионных форм. При этом различия по степени увлажненности отдельных местообитаний достигают существенных величин. Например, плоские поверхности высоких долинных зандров, удаленных от эрозионной сети, слабо дренированы, имеют поздние сроки снеготаяния и выраженные признаки оглеения в почвах. Эти местообитания также характеризуются холодными, небогатыми почвами, и, несмотря на то, что почвы летом хорошо «обсыхают», для пашенного земледелия они малопригодны. В то же время это одни из лучших земель (в силу легкого механического состава почв и соответственно меньших затрат при ручной обработке) на данной территории для подсечно-огневого земледелия.

Низкие долинные зандры, а также приречные участки высоких долинных зандров значительно лучше дренированы: имеют легкие уклоны (2–3 градуса), короткие линии добегания поверхностных вод (близко глубокий базис эрозии), на многих участках рассечены короткими береговыми оврагами и, реже, балками. Таким образом, почвы данных местообитаний имеют хороший для земледелия водно-воздушный режим, ранние (средние?) сроки весенней спелости и, несмотря на относительно высокую трофность, являются оптимальными в сочетании с размерами для пашенного земледелия. Однако производительные возможности населения железного века, вероятно, не позволяли их использовать в качестве постоянных пахотных полей. К тому же быстрое истощение почв препятствовало их использованию более трех-четырех лет подряд. Изучение ландшафтной структуры этих участков, их размеров и конфигурации позволяет считать, что их эксплуатировали преимущественно в качестве краткосрочных перелогов с побочным использованием под выпас скота. Достаточно уверенно определяются и границы этих массивов. Их естественными межами служили эрозионные формы (короткие береговые овраги) и бровки перегибов элементов рельефа. При этом, на наш взгляд, контуры данных угодий были очень устойчивыми во времени и наследовались в более поздние времена. Положение оврагов в качестве границ между угодьями способствовало в свою очередь и их дальнейшему интенсивному росту. Эти овраги однотипны, имеют зрелый профиль и практически все выработали свои приводосборные понижения.

Однако в долинных зандрах, на участках, примыкающих к бровкам долин и оврагов и являющихся либо присетьевыми склонами, либо межсетьевыми гребнями, возникли постоянные пахотные угодья. Этому благоприятствовало оптимальное сочетание природных факторов для пахотного земледелия того времени. Наличие в верхней части (свыше 0,5–1,0 м) почвообразующей толщи покровных и делювиальных суглинков обеспечивает достаточно высокую трофность субстрата. Значительное участие неморальных элементов в растительном покрове способствовало формированию подзолистых почв с развитым гумусовым горизонтом, относящихся к дерново-подзолистым почвам. На это указывают и сохранившиеся дерново-подзолистые почвы, погребенные под культурным слоем Дьякова городища. Легкий механический состав почвообразующих пород (легкие суглинки, супеси и пески) в сочетании с прибровочными, легкими уклонами (2–4 градуса) и сточным режимом увлажнения обеспечивают хороший дренаж и отличный водно-воздушный режим почв. В силу этого, несмотря на средние сроки снеготаяния, почвы

весной обсыхают быстро, являются теплыми и имеют ранние сроки весенней спелости. В то же время в засушливые периоды в почвах может содержаться достаточное количество влаги на контакте с относительно близко лежащей (1,5–2,5 м) мореной. Все это позволяло первопоселенцам рассчитывать на получение на этих землях гарантированно минимальных урожаев в любые экстремальные годы. Легкий механический состав почв к тому же требовал меньших физических затрат, а это было одним из решающих факторов того времени, определявших выбор и предпочтение легких почв перед средне- и тяжелосуглинистыми, хотя и более плодородными.

Соответственно и дьяковские селища располагались непосредственно вблизи постоянных пахотных участков на этих ПТК. Однако конкретное их размещение лимитировалось наличием постоянных источников водоснабжения. Так как «дьяковцы» еще не умели «перехватывать» поверхностный сток, копать глубокие колодцы и пруды, то они селились прямо у реки или выходов грунтовых вод. Выходы родников связаны с разгрузкой надъюрских грунтовых вод и отмечаются в районе самого городища и в Городищенском (Дьяковском) и соседнем с ним овраге, а также в Голосовом овраге. Здесь же размещены и основные селища железного века, что хорошо видно на карте.

Долинные ПТК на исследуемой территории занимают относительно небольшие площади, однако в развитии поселений железного века сыграли значительную, если не решающую роль. Они представлены разнообразными и часто контрастными по своим свойствам урочищами коренных склонов долины подмываемого правого берега р. Москвы и малых эрозионных форм, а также пойменными комплексами.

Коренные склоны долин достигают относительной высоты в 30–40 м над урезом реки и имеют, как правило, сложное строение и профиль. Верхние и средние части коренных склонов крутые (20–30 градусов, а иногда и больше) и имеют ровный или вогнутый профиль. Они сложены водно-ледниковыми песками, подстилаемыми маломощной и сильно перемытой мореной, а иногда алевритистыми или лессовидными суглинками. Средняя часть склонов сложена мощной (10–20 м) толщей меловых песков с прослоями песчаников. С поверхности по всему профилю склонов они прикрыты маломощными (около 0,5 м) делювиальными суглинками, на которых сформировались разной мощности склоновые дерновые почвы. В прошлом, до антропогенного освоения, здесь произрастали преимущественно сосновые леса с разным участием широколиственных пород в зависимости от преобладания процессов аккумуляции или смыва мелкоземного материала на разных участках, большим или меньшим участием суглинков в почвообразующей толще. Преобладают свежие и свежеватые гигротопы (реже сухие), так как сказывается преобладание восточных (теневых) экспозиций. Сочетание значительных уклонов поверхности и соответственно господство сточного режима увлажнения с преобладанием водопроницаемых почвообразующих пород приводит к быстрому и дружному снеготаянию, быстрому прогреванию почв и ранней вегетации растений. Крутые уклоны не позволяли использовать коренные склоны для земледелия, за исключением, может быть, покато-наклонных террасовидных площадок.

Тем не менее, ПТК коренных склонов активно использовались под выпас скота, особенно весной на начальных этапах вегетации растений, когда большинство ПТК еще лежит под снегом. Кроме того, коренные склоны вынужденно использовались и для прогона скота с междуречий в долину и обратно. Все это приводило к нарушению почвенно-растительного покрова, замене коренных лесов на вторичные мелколиственные и появлению специфической пастбищно-луговой растительности, а также к активизации процессов смыва-намыва, проявлению линейной эрозии и появлению характерного ступенчатого микрорельефа вдоль скотопрогонных троп.

В нижней части коренных склонов долин почти повсеместно наблюдается пластовая разгрузка надъюрских грунтовых вод в виде выпотов, мочажин и на отдельных участках родников. Эти участки склонов сложены меловыми и юрскими песками, подстилаемыми водоупорными юрскими глинами. В зависимости от условий залегания юрских глин и проявляется интенсивность разгрузки грунтовых вод. Повышенной степени увлажненности способствует также и преобладающий натечный тип поверхностного увлажнения. Поэтому низовья коренных склонов характеризуются сырыми местообитаниями повышенной трофности с господством дерновых и дерновых темноцветных значительно оглеенных почв, занятых в прошлом травянистыми липо-дубравами с густым подлеском. Широкому использованию их в качестве пастбищных угодий препятствовали значительная крутизна и малые площади распространения.

С выходами юрских глин связано широкое распространение характерных оползневых ПТК, занимающих большие площади и представленных двумя массивами: южнее устья Голосова оврага один и южнее устья Городищенского оврага – другой. Оползневые массивы состоят из оползневых гряд, образующих оползневые террасовидные уступы, отделенные друг от друга понижениями. Здесь на небольшой территории можно встретить разнообразный и крайне

пестрый набор эдафических условий. Это связано с большим набором литологических разностей почвообразующих пород, микро- и мезоформ рельефа. Например, выпуклые вершины поверхности песчаных оползневых бугров отличаются крайне сухими и бедными по трофности местообитаниями со слаборазвитыми подзолистыми песчаными почвами, а отдельные межбугровые понижения или стенки срывов (оползневые ниши) с выходами минерализованных грунтовых вод заняты небольшими болотами с перегнойно-глеевыми и перегнойно-торфянистыми почвами. Наличие и соседство на ограниченной территории разнообразных по свойствам почв и растительного покрова предполагает и самое разнообразное их использование. Здесь могли быть и постоянные пахотные поля, занимавшие вершинные поверхности бугров с хорошо дренированными теплыми почвами (супесчано-суглинистыми), обладающими к тому же повышенной трофностью (редкое сочетание), и участки перелогов. Но большая часть оползневых массивов, по-видимому, использовалась как пастбищные угодья. В целом данные ПТК характеризуются достаточно высокой трофностью и хорошим увлажнением, благоприятными для развития широколиственных лесов с густым наземным покровом, трансформировавшимся под воздействием человека в пастбищные луга. Близость воды, особенности рельефа («замкнутость») также способствовали выпасу скота, частично с вольным содержанием в летний период. Здесь же возможно было и существование временных поселений летнего типа.

Аналогичное хозяйственное использование, только в больших масштабах, было характерно и для пойменных ПТК и делювиальных шлейфов. На исследуемой территории распространено несколько видов ПТК высокой поймы, отличающихся в первую очередь литологией почвообразующих пород и условиями увлажнения. В общей своей массе это прекрасные пастбищные и сенокосные угодья. Уже в то время на пойме и делювиальных шлейфах коренные леса на большинстве участков были замещены вторичными луговыми сообществами и редколесьями. Это связано с традиционно унаследованным, возможно, еще с конца неолита (*Низовцев*, 1990) использованием этих ПТК под выпас скота. Сначала это было специфическое лесное скотоводство с разведением свиней, а впоследствии и другого домашнего скота. Постоянный выпас скота, особенно свиней, в течение длительного времени на одной и той же замкнутой территории с динамичным протеканием природных процессов привел к обезлесеванию пойм и делювиальных шлейфов и распространению здесь луговой растительности. Широкое развитие заготовок зимних кормов, особенно сенокошение, сделало возобновление пойменных лесов еще более затруднительным. Пашенное земледелие в этих ПТК было мало распространенным из-за сезонного переувлажнения в результате длительного снеготаяния или подтопления полыми водами и дополнительного натека вод со склонов и оврагов.

Крутые склоны оврагов и балок в железном веке могли сохранять леса, близкие к коренным, в силу ограниченности использования этих урочищ, по-видимому, служивших для лесозаготовок, охоты, бортничества.

Описание границ поселенческо-хозяйственного комплекса и ресурсной зоны

На основании полученных археологических, палеоботанических и ландшафтных данных можно попытаться очертить границы поселенческо-хозяйственного комплекса и ресурсной зоны жителей Дьякова городища. Границы первого определяются по концентрации археологических памятников и естественным рубежам, выраженным в рельефе. Как отмечалось выше, археологические памятники, окружавшие городище, не могли быть самостоятельными поселениями (они слишком маленькие и слишком тесно стоят друг к другу). Следовательно, это элементы более сложной поселенческой системы, от которой пока выявлены лишь точки, где билась посуда. Ландшафтный анализ, палеоботанические и этнографические данные свидетельствуют в пользу того, что территория вокруг Дьякова городища скорее всего интенсивно хозяйственно использовалась под выпасы и пашни. Сравнение ландшафтной реконструкции землепользования и археологической карты показывает их очень логичную согласованность. Степень антропогенной нагрузки постепенно возрастала по мере приближения с напольной стороны к бровке коренного берега, образующего своеобразный «цирк» от устья Голосова оврага до Дьякова городища.

Границы и размеры этой внутренне структурированной поселенческо-хозяйственной макроячейки, куда городище входило в качестве центрального ядра, можно реконструировать следующим образом. Восточная граница определялась по правому берегу Москвы-реки. Южная – по оврагу, на устье которого стоял Чертов городок. Пересекала узкий перешеек между этим оврагом и Городишным оврагом. Это замкнутое пространство в предполье городища образовывало фигуру, подобную площадке городища, но больше ее в несколько раз (рис. 241). Западная граница начиналась по левому берегу Городишного оврага в его верховьях и затем, отходя от бровки берега оврага, шла, касаясь верховьев его коротких притоков, замыкая, таким образом, мысовые участки, где

вероятно располагались пахотные угодья. Самым большим из таких участков являлся мыс между Голосовым оврагом и коренным берегом, где сейчас находятся церковь Иоанна Предтечи и Дьяковский сад. Примерно по линии обваловки сада граница поворачивала на запад, выходя к берегу Голосова оврага возле местонахождения керамики у Девичьего камня. Далее, пересекая Голосов овраг, северная граница шла по бровке его левого борта, поднималась на гребень возвышенности, на которой находилось Государево дворище, спускалась с нее вниз к Москве-реке в районе селища, расположенного возле церкви Вознесения. Ядром этой территории являлось само городище и свободное пространство поймы, которая подобно сцене греческого театра была окружена крутыми склонами берега, что обеспечивало идеальный обзор, визуальные связи внутри системы. Очевидно, что внутри очерченной территории за многие столетия жизни лес был начисто сведен. Могли сохраняться лишь единичные, специально оставленные деревья. Растительность была коренным образом трансформирована. Выявленное большое количество местонахождений с керамикой указывает на то, что значительные площади внутри указанных границ были заняты постройками, местами постоянного пребывания людей (цв. вкл., рис. 22).

Зная, что у жителей было много скота на свободном содержании, и вокруг были поля, можно быть уверенным, что природный рельеф был структурирован многочисленными изгородями, которые могли иметь и другие значения (сакральные, символические, оборонительные и пр.). Вся эта система представляла собой что-то вроде «первобытного города», ее не нужно путать с ресурсной зоной, хозяйственной округой. Общие размеры описанной поселенческо-хозяйственной ячейки составляли 1,5 × 0,5 км, т.е. общая площадь составляла около 0,75 км^2 (75 га). Близкие аналогии данному поселенческому типу мне неизвестны. Можно сказать, что это было что-то вроде уменьшенной модели центральноевропейского кельтского оппидума, но без внешних стен (*Pieta*, 2008. P. 333). Предполагаю, что подобные поселенческо-хозяйственные комплексы занимали вершину иерархии поселений (а не городища, как представлялось ранее).

Помимо Коломенского – Дьяково подобный комплекс был выявлен и частично изучен возле городища Дунино под Звенигородом (работы С.З. Чернова, А.В. Алексеева и автора). Хуже изученные комплексы намечаются в районах городищ Кунцево и Луцино, здесь необходимы дальнейшие исследования.

Ближняя хозяйственная зона имела форму овала, вытянутого вдоль реки, охватывая со всех сторон поселенческое ядро. Границы могут быть очерчены по левобережью Москвы-реки в районе старичных озер (эксплуатация рыбных ресурсов этих озер документирована остеологической коллекцией). Москву-реку граница пересекала примерно в 500 м ниже по течению от Чертова городка и шла далее на верховья Городишного оврага, а оттуда поворачивала на север, на верховья Голосова оврага, достигая на севере устья р. Жужа (Сухой овраг). Размеры этой хозяйственной территории составляли 1,2 (1,5) × 2 км, площадь, за вычетом центрального ядра – около 2 км^2. Судя по пыльцевым спектрам, здесь господствовали открытые пространства, которые интенсивно хозяйственно использовались.

Границы «дальней» хозяйственной зоны могут быть довольно точно определены исходя из естественных рубежей рельефа и наличия археологических памятников. Так, северная и северо-западная граница, видимо, проходила по руслу Сухого оврага. От него на северо-запад в 1,5 км находилось уже другое городище – Нижние Котлы. Верховья Сухого оврага почти соединяются с отвершком левого притока р. Чертановки – Котляковским оврагом. Далее южная граница шла по долине р. Чертановки. Южнее р. Чертановки находилась уже следующая система поселений на реках Язвенке и Городенке (поселения Царицыно 1, Шипилово, Братеево). Данные естественные рубежи описывают почти правильную полуокружность с радиусом около 2 км, в центре которой находится Дьяково городище. Общая площадь дальней хозяйственной зоны за вычетом ближней составляла около 10 км^2. Почти половину этой территории занимала левобережная пойма Москвы-реки. Можно предполагать, что в рамках этих границ существовали вторичные леса, использовавшиеся под выпас скота и подсечно-переложное земледелие. Доля открытого пространства была также высока. Такой запас земельных угодий при преобладании земледельческого типа хозяйства вполне мог обеспечить устойчивое существование коллектива, насчитывавшего первые сотни людей, в течение длительного времени.

Очевидно, что охотничий потенциал этой территории не мог быть высоким. Присутствие человека ощущалось здесь слишком сильно. Следовательно, для охоты на медведей, лосей охотники должны были совершать рейды за пределы дальней хозяйственной зоны. Учитывая густое расположение городищ по долине Москвы-реки, свободным пространством для жителей Дьякова городища мог быть лишь бассейн р. Чертановки в ее верхнем течении. Никаких следов освоения этой территории в железном веке пока не найдено, однако есть некоторые аргументы в пользу того, что они могут быть обнаружены. Во-первых, есть ряд находок местонахождений с керамикой железного века на сходных малых реках на удалении от долины Москвы-реки до 5 км. Имеются в виду се-

лища и отдельные находки Горышкино 3 на р. Самынке, Скоротово на р. Халяве, фрагментов текстильной керамики в курганах Таганьково 2 и др. Во-вторых, в качестве косвенного аргумента может быть отмечено, что очень быстрое освоение долины Чертановки до самых ее верховьев в XII в., возможно, было обеспечено тем, что «дорога» в эти угодья уже была проложена ранее.

Изложенная выше гипотеза о пространственной организации землепользования жителей Дьякова городища выполнена с учетом проводившихся ранее исследований структуры расселения примитивных земледельцев. Так, М. Чишольм по этнографическим данным установил, что расстояние от поселений до полей обычно не превышало 1 км и очень редко достигало 3–4 км (*Chisholm*, 1968). Попытки определить размеры ресурсных зон поселений привели исследователей к очень сходным выводам, что земледельцами наиболее интенсивно эксплуатируется территория в радиусе одного часа ходьбы от поселения, т.е. 3–5 км (*Higgs*, *Vita-Finzi*, 1972; *Ellison*, *Harris*, 1972).

Таблица 66. **Видовой состав коллекции из раскопок селища Чертов городок (определения Л.И. Алексеевой)**

Вид	Количество остатков	Число особей
Лошадь (*Equus cabalus*)	13	1
Свинья (*Sus scrofa*)	40	3
КРС (*Bos taurus*)	46	1
МРС (*Ovis aries / Carpa hircus*)	10	1
Собака (*Canis familiaries*)	4	1
Лось (*Alces alces*)	4	1
Бурый медведь (*Ursus arctos*)	3	1
Бобр речной (*Castor fiber*)	8	2
Водяная полевка (*Arvicola terrestris*) *		
Птицы (*Aves*)	3	2
Рыбы (*Pisces*)	1	1
Общее количество остатков	525	
Количество определимых остатков	135	
Количество костей домашних животных	113 (84%)	
Количество костей диких животных	22 (16%)	

* Определение А.К. Агаджаняна

*Таблица 67. С***татистика керамики с селища Чертов городок**

Раскоп	Текстильная	Гладкостенная	С бороздчатым заглаживанием	Неопределимая	Всего
1	233	173	10	27	443
2	525	–		60	643

Глава девятая

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДИЩ ДЬЯКОВА ТИПА НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Вопрос о погребениях дьяковской культуры является одним из самых загадочных в археологии железного века лесной полосы.

В Волго-Окском междуречье долгое время было известно лишь два погребальных комплекса – «домики мертвых» на городищах дьякова типа Березняки на Верхней Волге и Саввино-Сторожевское возле Звенигорода (*Горюнова Е.И.*, 1961; *Краснов Ю.*, *Краснов Н.*, 1978; *Третьяков*, 1941). Домик мертвых в Березняках был обследован при «правильных раскопках» широкой площадью. Обстоятельства изучения объекта на Саввино-Сторожевском городище были иными – зачистка бортов грабительской ямы. Предложенная Ю.А. Красновым реконструкция сооружения и археологических комплексов в значительной мере является гипотетической. Однако человеческие кальцинированные кости все же были там (антрополог Г.П. Романова определила фрагмент носовой перегородки).

В 1990 г. К.А. Смирнов на основании этих скудных данных попытался реконструировать погребальный обряд жителей городищ дьякова типа, привлекая при этом сравнительную этнографическую литературу (1990).

В 1980-е–1990-е годы в Заволжье, в бассейнах рек Молога, Кобожа, Чагодоща, Колпь, Суда, в Вологодской области А.Н. Башенькин и М.Г. Васенина нашли и исследовали целую серию погребальных памятников (всего 15) типа «домиков мертвых», грунтовых погребений с кремациями. Вещевой материал и керамика этих памятников датировались концом I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. (*Башенькин*, 1995; 1995а; *Башенькин*, *Васенина*, 2004а; 2005).

Казалось бы, в результате этих работ был нащупан «алгоритм» поиска погребальных объектов дьяковской культуры, однако в Волго-Окском междуречье попрежнему ничего не удавалось найти.

В 1996 г. был открыт третий в Волго-Окском междуречье погребальный комплекс (трупосожжения на стороне, помещенные в ямки) на Ратьковском городище на р. Дубне (*Вишневский*, 2002; *Вишневский*, *Кирьянова*, *Добровольская*, 2007), который дал материал близкий, но несколько более поздний и не идентичный позднедьяковским памятникам.

Начиная с раскопок В.И. Сизова на Дьяковом городище (*Харузин*, 1897), а затем и на многих других (Троицкое, Знаменское, Круглица, Ростиславль) иногда находили человеческие черепа или разрозненные кости. То есть эти находки были вполне систематичны, но всегда возникали сомнения, не могли ли они каким-то случайным образом попасть в культурный слой.

При раскопках Троицкого городища, расположенного на правом берегу Москвы-реки выше г. Можайска, был найден целый костяк человека и длинные кости еще одного индивида. Краткое антропологическое заключение было опубликовано в 1970 г. (Древнее поселение…, 1970. С. 14). Остеологическая коллекция хранится в НИИ и Музее антропологии МГУ – № 11107, 3585, 3586 (*Алексеева Т.И. и др.*, 1986. С. 72). Более детальное исследование длинных костей было проведено М.Б. Медниковой и представлено в приложении к данной главе.

Особенность археологического контекста, в котором были обнаружены антропологические остатки, первоначально заставила исследователей сомневаться, что они имеют «прямое отношение к населению городища» (Древнее поселение…, 1970. С. 14). Однако радиоуглеродное датирование, проведенное по инициативе академика Т.И. Алексеевой в лаборатории Геологического института под руководством Л.Д. Сулержицкого, показало, что костяки одновременны основному слою памятника. Даты по человеческим костям с Троицкого городища близки к датировкам, полученным по углям из насыпи вала (табл. 68), и соответствуют хронологическому интервалу, в который «укладывается» большинство радиоуглеродных датировок с городищ дьякова типа (*Кренке*, *Сулержицкий*, 2006).

Таким образом, речь должна идти о впервые обнаруженном на городище дьякова типа безинвентарном погребении, совершенном по обряду трупоположения.

Рассмотрим более детально обстоятельства находки человеческих костей на Троицком городище. Ниже следует цитата из отчета Можайской экспедиции 1959 г., подготовленного под руководством А.Ф. Дубынина. «На квадрате 44-к было прослежено обширное скопление костей… Кроме костей зверей

было найдено несколько костей человека. Были найдены две бедренные и две большие берцовые. Эти кости лежали не в анатомическом порядке, а все в ряд и были ориентированы северо-запад – юго-восток, причем бедренные головки были обращены в разные стороны. Кроме этих костей были найдены: пяточная кость человека, обломок нижней челюсти и несколько обломков черепной коробки. Эти кости, безусловно, не являются погребением. По-видимому, в данном случае в кучу кухонных отходов были брошены останки человека, сгнившего на открытом воздухе или захороненного в другом месте и потом выброшенного. Куча же костей, по-видимому, является помойкой, находящейся во рву. В пользу этого предположения говорит и то, что многие кости из кучи имеют опиленные концы, длинные кости расщеплены вдоль, черепа разбиты.

Однако следует отметить, что на человеческих костях не было заметно следов воздействия огня. Не было также расколов. Исключение составляет только череп, однако череп является наиболее хрупкой частью человеческого костяка…

Квадрат 41-д.

Погребение 1. В восточной половине квадрата на глубине 0,30 м от поверхности был обнаружен человеческий костяк. Костяк лежал вытянутым на спине головой на юго-юго-восток, ноги обращены к реке, правая рука вытянута вдоль костяка, а левая согнута и положена кистью на таз. Кости переломлены в древности, вероятно, потому, что костяк был зарыт слишком неглубоко. Череп раздавлен, и часть обломков была удалена с этого места в древности. На правой бедренной кости имеются зарубки – по-видимому, следы зубов. Фаланги пальцев на ногах отсутствуют, не хватает также кистей. Правильное положение костяка заставляет считать его погребением. Его размеры (из-за плохой сохранности кистей – приблизительные) – длина 1,56 м, а ширина в плечах – 0,41 м, а ширина по локтям – 0,48 м. При костяке не было найдено ни одного предмета. Углей или золы, которые могли бы свидетельствовать о деталях погребального обряда, обнаружено не было. Следов воздействия огня на костяк также не прослежено.

Стратиграфически костяк лежит на красной глине, являющейся материковым массивом, и перекрывается слоем белой глины. Гуммированной прослойки между слоями глины прослежено не было. Никаких ям над костяком также не наблюдалось. Все это заставляет нас думать, что костяк был перекрыт слоем белой глины» (*Дубынин*, 1959. С. 120, 141, 142).

Данный текст может быть дополнен на основании чертежей 1959 г. и результатов обследования 1996 г. разрезов старых раскопов на Троицком городище (*Дубынин*, 1959; *Александровский и др*., 1998).

В отчете 1959 г. отсутствует план погребения с нивелировками, есть только его схематическое изображение на сводном плане раскопа IX и две фотографии (рис. 242). По-видимому, в момент раскопок обнаруженное погребение было сочтено сугубо поздним, и к нему не были применены обычные требования археологической фиксации.

Под словами «красная глина» следует понимать бурый покровный суглинок, слагающий материнскую породу, подстилающую культурный слой городища. «Белая глина» – это, очевидно, материал подзолистого горизонта погребенной почвы.

На фотографиях видно, что погребение было расчищено не очень аккуратно, сохранность костей плохая, они повреждены естественными почвенными процессами, корнями растений. Говорить о преднамеренном удалении в древности каких-либо частей скелета не приходится.

Позиция погребения и разрозненных антропологических костных находок следующая. Погребение находилось на восточном краю площадки, за пределами построек, с внешней стороны так называемых жилых стен, возле самой бровки склона оборонительного рва. Разрозненные кости были растянуты по тальвегу рва, куда они могли скатиться также только с края площадки городища.

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать предположение, что погребальный обряд населения, оставившего Троицкое городище, и сходных с ним, видимо, был «многоступенчатым», включавшим несколько этапов манипуляций с телами умерших. Изученные ранее «домики мертвых» и другие варианты погребальных памятников описывались исследователями именно как «вторичные захоронения», которым должны были предшествовать сожжения или какие-то еще более сложные действия (*Горюнова Е.И*., 1961. С. 80–82). К.А. Смирнов допускал, что описанный Л. Морганом погребальный обряд ирокезов, включавший стадию мацерации тел умерших с последующим хранением одних лишь костей, мог иметь параллели у населения, оставившего памятники железного века лесной полосы Восточной Европы (*Смирнов К.А*., 1990. С. 51).

В качестве версии интерпретации находок с Троицкого городища может быть предложена такая. Тела умерших укладывались на краю жилой площадки поселения с внешней стороны жилищ, но внутри оборонительных конструкций валов и рвов. Покойники присыпались сверху незначительным слоем земли и оставлялись в таком виде на несколько лет, после чего их откапывали, и с костями, освобожденными от плоти, осуществлялись дальнейшие действия. Таким образом, с одной стороны, обеспечивалась защита тел покойных от животных

и, с другой стороны, найти погребение не составляло труда. Троицкое погребение № 1 было, вероятно, по каким-то причинам «забыто» и может рассматриваться как первичное. Такая интерпретация логично объясняет отсутствие ямы над костяком и погребального инвентаря.

Край площадки Троицкого городища и склон рва, где были найдены человеческие кости, интересен еще и тем, что здесь же был найден клад бронзовых украшений первых веков н.э. То есть данный участок городища рассматривался его жителями как удобный для «закапывания с последующими планами откапывания».

В свете находки на Троицком городище разрозненные человеческие кости, найденные на других городищах, можно рассматривать как переотложенные остатки первичных захоронений. Если на периферии площадок городищ совершались первичные захоронения, то отдельные кости неизбежно должны были теряться, попадать в культурный слой, скатываться на дно рвов.

Завершающим этапом погребения было, вероятно, сжигание костей и помещение их либо в «домик мертвых», либо в ямку. Исследования А.Н. Башенькина в Молого-Шекснинском междуречье показывают, что искать погребальные объекты следует прежде всего вне пределов поселений, но в их ближайших окрестностях. В ситуации Подмосковья шансы при таких поисках малы, так как в большинстве случаев городища железного века и прилегающие к ним территории в последующую эпоху Средневековья были либо заселены, либо интенсивно хозяйственно осваивались.

Неожиданно удачными оказались работы 2008 г. на селище Дунино 4. Памятник датируется VII–VI вв. до н.э. – серединой I тыс. н.э., расположен в лесу, на высоком правом берегу р. Москвы, в 280 м к западу от Дунинского городища, на оползневом останце, отделенном от коренного берега оврагом. Поселение имеет три площадки (оползневые ступени), мощность культурного слоя доходит до 0,6 м. Слой зафиксирован и на склонах останца.

Общая площадь всех трех площадок – более 2500 кв. м; площадь памятника с учетом склонов, на которых также имеется культурный слой – около 5,5 тыс. кв. м.

На основе анализа системы расположения памятников в районе Дунинского городища было выдвинуто предположение, что они образовывали единый поселенческо-хозяйственный комплекс, в котором селище Дунино 4 занимало одно из центральных мест (*Кренке*, 2007).

Основная научная задача, стоящая перед экспедицией, заключалась в изучении поселения раннего железного века, расположенного в необычных геоморфологических условиях (на оползневых ступенях) и относящегося к неизученному типу памятников. Поскольку опыта работы на памятниках подобного типа не имеется, то необходимо было определить наиболее рациональную схему его исследования. Была выдвинута гипотеза, что на ступенях располагались длинные дома, расположенные один над другим, которые тыльной стеной примыкали к искусственно подрезанному склону, образуя, таким образом, «многоэтажные» конструкции, подобные саклям в горах. Проверка этой гипотезы являлась задачей раскопок.

Была заложена траншея, состоявшая из двух участков на второй (средней) площадке селища, общая вскрытая площадь составила 17 кв. м. Участок № 1 разбит на обращенной к реке бровке площадки, участок № 2 – в ее тыльной части, примыкающей к крутому подъему склона.

Слой верхних горизонтов снимался пластами толщиной в 20 см, нижних – по 10 см, выбранный грунт просеивался через сетку с размером ячеек 8 × 8 мм. Стратиграфия напластований фиксировалась в бортах раскопа, заполнение ям – в разрезах.

Исследование участка № 1 показало, что мощность культурного слоя на бровке достигала 0,6 м. Литологическую основу слоя составлял песок, он имел разные оттенки серого цвета, что позволяло увидеть прослойки и ямы.

В верхних двух пластах были найдены находки, характерные для раннего этапа дьяковской культуры – четыре обломка грузиков дьякова типа, глиняная зооморфная фигурка, текстильная керамика, орнаментированная ямками-розетками. Зооморфная фигурка (бобр?) имеет аналогии на раннедьяковских памятниках – городищах Дьяково, Протопоповском, Бушарино. В нижнем пласте культурного слоя доминировала текстильная и гладкостенная керамика, орнаментированная гребенчатым штампом и наклонными тычками. Состав находок из участка 1 позволяет достаточно уверенно утверждать, что культурный слой здесь накапливался в интервале начиная от VII–VI вв. до н.э. по V–III вв. до н.э.

Описание погребения. В северо-восточном углу раскопа при зачистке материка было зафиксировано небольшое пятно кальцинированных и почти необожженных костей. Благодаря наличию бедренной кости сразу стало ясно, что останки человеческие. Дальнейшая расчистка показала следующее. Овальная в плане яма (№ 4), использованная для захоронения костных останков, вытянута по линии СВ–ЮЗ, ее размеры 35–40 × 20–25 см.

Верхний уровень ямы 4 в северо-восточном углу квадрата 2 был зафиксирован на отметке –184 см (высотные отметки дневной поверхности раскопа

равнялись –105–136). Заполнение ямы – темно-серый углистый песок. На уровне –190 см яма читалась как аморфное пятно, несколько вытянутое по линии СЗ–ЮВ, на уровне материка она приобрела иные очертания в виде овала в плане, вытянутого по линии СВ–ЮЗ. Ее размеры 35–40 × 20–25 см. Стенки ямы – полого наклонные, глубина ямы – около 20 см.

Скопление кальцинированных костей (верхняя отметка 192 см) имеет незначительную толщину – около 2 см. В нем, помимо измельченных обломков, найдены человеческие зубы, позвонки и необожженная бедренная кость, лежавшая сверху. Вещей и керамики в самом погребении не было. Рядом со скоплением кальцинированных костей был найден фрагмент стенки горшка с бороздчатым сглаживанием, который, вероятно, происходит из культурного слоя, перекрывавшего погребение.

Подробное описание остеологического материала выполнено М.В. Добровольской (см. Прил. 2).

Открытие погребения на селище Дунино 4 позволяет сделать ряд наблюдений. Погребение конструктивно отличается от «домиков мертвых», обнаруженных в бассейне Волги П.Н. Третьяковым, А.Н. Башенькиным и М.Г. Васениной. В нашем случае нет следов деревянных конструкций. Важное отличие в обряде – нет вещей. Сближает эти памятники их положение: рядом с поселением или непосредственно на его площадке.

Погребение на селище Дунино 4, видимо, предшествовало сооружению здесь постройки, которая по набору находок и керамики датируется V–IV вв. до н.э.

Погребение на селище Дунино 4 позволяет утверждать, что захоронению подверглась часть костных остатков, сожженных на стороне.

Захоронение произведено в очень неглубокой ямке на бровке склона. Такое расположение объясняет, почему так долго не удавалось обнаружить погребения, соответствующие памятникам дьякова типа. Если бы захоронение на селище Дунино 4 не было быстро перекрыто культурным слоем, то оно бы без следа исчезло – было рассеяно склоновыми процессами. Это соображение дает основание для косвенной датировки погребения – около VII–VI вв. до н.э.

Вывод, сделанный М.В. Добровольской, подтверждает предложенную выше гипотезу о порядке совершения погребений жителями городищ дьякова типа. Видимо, одноактно выкапывались тела нескольких умерших, скончавшихся за определенный промежуток времени (несколько лет) и затем их костные останки вместе сжигались и захоранивались. Именно в этом случае получится такой смешанный набор останков, который зафиксирован в погребении на селище Дунино 4. Более чем вероятно также, что при транспортировке часть костей терялась, порой не все кости выкапывались из земли. Таким образом, они попадали в культурный слой поселений.

Таблица 68. **Радиоуглеродные датировки Троицкого городища (раскопки А.Ф. Дубынина, 1959 г.; Н.А. Кренке и Б.Е. Янишевского 1996 г.)**

Возраст 14С	№ ГИН	Калиброванный календарный возраст (в скобках – наиболее вероятный возраст)	Материал	Место отбора образца (квадрат, нивелировочная отметка в см, слой)
1360±140	8814	*AD 562 (662) 779*	уголь	разрез вала, восточная стенка, квадрат 2, глубина –160
1810±120	11188	**AD 74 (236) 383**	длинная кость человека	A-VI-3585 (инвентарный номер Музея анропололгии МГУ)
2000±40	8816	**BC 43 (BC 2, 4, 16) AD 54**	уголь	разрез вала, западная стенка, квадрат 1, глубина –195, основание насыпи
2090±130	8815	**BC 354 (94) AD 54**	уголь	разрез вала, западная стенка, квадрат 2, глубина –160
2280±100	11187	**BC 404 (384)202**	длинная кость человека	A-VI-3585 (инвентарный номер музея антропологии МГУ)

Приложение 1
Характеристика посткраниальных скелетов из раскопок Троицкого городища

Обследованию подверглись посткраниальные останки двух индивидуумов, поступившие в хранение НИИ и Музея антропологии МГУ после раскопок Троицкого городища в 1959 г.

№ AVI3585

Скелет представлен парными бедренными и большеберцовыми костями хорошей сохранности. Пол индивидуума определен на основании морфологических критериев как мужской, возраст смерти – около 25 лет.

Остеометрическая характеристика представлена в таблице 69.

Длина бедренных костей – средняя, диафизы – относительно массивные, характерная особенность – высокие показатели пиластрии, уплощенность в подвертельной области выражена средне, головки бедренных среднемассивные, округлой формы.

Относительно сильно выражено продольное развитие голени. Большеберцовые кости относятся к рубрикации эуриknемии. Длина тела по Троттер, Глезер в среднем составила 172 см.

№ AVI 3586

Сохранность костной ткани хорошая. Скелет представлен нижней частью правой плечевой кости, левой локтевой, парными бедренными, большеберцовыми, костями стопы, грудиной. Пол мужской, возраст – 25–29 лет.

В ряду индивидуальных морфологических особенностей следует упомянуть сильное передне-заднее развитие диафиза локтевой кости, большую длину бедра и массивность диафиза бедра. Так же как и предыдущий индивидуум, этот мужчина демонстрирует высокое значение показателя пиластрии. Головка бедра средне-массивная, округлой формы. Длина тела, реконструируемая по формуле Троттер, Глезер, составила 179 см.

Необходимо отметить сильное развитие костно-мускульного рельефа и наличие локальных проявлений гипертрофированного развития некоторых мышц – энтесопатий. Так, на правой бедренной кости наблюдается энтесопатия в области *m.gastrocnemius* (*caput medialis*), *m.plantaris*. На правой большеберцовой кости имеет место сильное функциональное развитие *m.gastrocnemius* (*caput medialis*), *m.plantaris*.

На правой большеберцовой кости имеет место сильное функциональное развитие *m.poplitea*, отражающее усиленную функциональную нагрузку на этот участок скелета. Можно реконструировать типичное для индивидуума движение голени с поворотом внутрь.

Таблица 69. **Особенности изученных скелетов с Троицкого городища**

Признак	№ 3585		№ 3586	
Локтевая кость	Правая	Левая	Правая	Левая
1. наибольшая длина	–	–	–	–
2. физиологическая длина	–	–	–	–
3. наименьшая окружность	–	–	–	–
11. передне-задний диаметр диафиза	–	–	–	21
12. поперечный диаметр	–	–	–	16
13. верхний поперечный диаметр диафиза	–	–	–	26
14. верхний сагиттальный диаметр диафиза	–	–	–	29
3:2 указатель поперечного сечения диафиза	–	–	–	131,25
13:14 указатель платолении	–	–	–	89,66
Бедренная кость				
1. наибольшая длина	444	444	–	490
2. длина в естественном положении	438	440	–	485

Таблица 69. Продолжение

Признак	№ 3585		№ 3586	
21. ширина нижнего эпифиза	80	80	–	88
6. сагиттальный диаметр середины	35	32	–	35
7а. поперечный диаметр середины	28	28	–	29
9. верхний поперечный диаметр	32	32	–	36
10. верхний сагиттальный диаметр	26	26	–	32,5
8. окружность середины	100	99	–	104
18. высота головки	46	45	–	50
19. ширина головки	46	44	–	49
20. окружность головки	150	145	–	161
8:2 указатель массивности	22,83	22,50	–	21,44
6:7а указатель пиластрии	125	114,29	–	120,68
10:9 указатель платимерии	81,25	81,25	–	90,28
(18+19):2 указатель массивности головки	21,00	20,23	–	20,44
Большеберцовая кость				
1. Полная длина	380	375	–	–
1а. Наибольшая длина	374	368	–	–
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	74	73	–	–
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	55	52	–	–
8. сагиттальный диаметр середины	32	30?	–	–
9. поперечный диаметр середины	26	26	–	–
8а. сагиттальный диаметр середины на уровне питательного отверстия	35	35	–	–
9а. поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	29	28	–	–
10. окружность середины диафиза	94	90	–	–
10в. Наименьшая окружность диафиза	82	81	–	–
9а:8а указатель платикнемии	82,86	80,0	–	–
10b:1 указатель прочности	21,58	21,60	–	–
T1:F2 Берцово-бедренный указатель	86,76	85,23	–	–
Крестец				
5. Ширина	122			

Приложение 2
Исследование скелетных материалов из погребения на селище Дунино 4

Костный материал, содержащийся в погребении, может быть рассмотрен как независимый источник, из которого можно получить информацию как об объектах, подвергшихся сжиганию, так и о самой процедуре кремации (*Козловская*, 1998; *Holck*, 1996). То и другое, безусловно, актуально для понимания особенностей феномена погребения с точки зрения погребально-поминального депозита, с которым мы столкнулись при раскопках памятника.

Описание материала. Материал представляет собой скопление фрагментированных скелетных материалов человека и животных. Общая масса составляет около 570 г. Размеры фрагментов сильно варьируют. Наиболее крупные кремированные фрагменты по максимальной длине фрагмента приближаются к 7 см, наиболее мелкие – 2,3 мм. На рисунке 243 представлены фракции крупных и мелких фрагментов.

Кроме кремированных костей в скоплении были обнаружены два фрагмента необожженной кости. Они были идентифицированы. Это части диафиза, шейки, фрагментированной головки правой бедренной кости взрослого индивида. Окружность головки бедренной кости сохранилась плохо, поэтому измерения невозможны. Значительное развитие рельефа может быть расценено как свидетельство физической активности. Судя по состоянию головки бедренной кости, а также выраженности пилястра, останки принадлежат взрослому (25–39 лет) мужчине. Такое широкое определение возраста обусловлено тем, что на фрагментах взрослого индивида не выражены дегенеративно-дистрофические возрастные изменения, а также не отмечены постдефинитивные изменения на суставной поверхности головки.

Небольшая часть скопления (37,1 г) относится к костям животных. Это фрагменты буро-черного цвета (рис. 243). Такой цвет соответствует низкотемпературной обработке при 200–300°С (*Holck*, 1996). Кости животных представлены обугленными фрагментами. Такое изменение кости может происходить, если кость находится с краю костра и долгое время подвергается низкотемпературной обработке. Характерных изгибов и деформаций на этих фрагментах не обнаружено, поэтому мы можем предполагать, что кости попали в огонь, будучи уже лишенными мягких тканей и обезвоженными. Так или иначе, кости животных представляют собой обугленные фрагменты из разряда «кухонные». Следов разделки в виде надрезов или разрубов не обнаружено.

Большая часть материала представлена кремированными фрагментами размером от 7 см до 0,3 см. Их масса составляет 425,1 г. Цвет кремированных фрагментов варьирует, но наиболее типичный – бежево-серый, что соответствует невысокой температуре обжига порядка 600–700°С. Эта температура соответствует горению небольшого костра с неплотной древесиной. Также можно предположить, что горение не было длительным. Не более часа. В противном случае, размеры фрагментов кремированных костей были бы меньшими.

Внимательное рассмотрение всех фрагментов позволило прийти к выводу о том, что в скоплении находятся останки минимум двух индивидов.

Индивид № 1. Взрослый мужчина в возрасте 35–44 лет

Сохранились фрагменты пяти поясничных позвонков с центральными узлами Шморля (межпозвоночными грыжами) на трех из них. Межпозвоночные грыжи возникают при стрессовых физических нагрузках. Также сохранились фрагменты шести грудных позвонков и шести шейных позвонков. Таким образом, большая часть позвоночника присутствует в скоплении. Этому же индивиду принадлежат фрагменты длинных трубчатых костей, крупный фрагмент верхней трети правой большеберцовой кости с хорошо выраженной фасеткой прикрепления малой берцовой кости. Позвонки менее других отделов скелета пострадали и изменились при кремации. Это обстоятельство можно рассматривать как свидетельство того, что при кремации огонь распространялся неравномерно, а тело располагалось на спине. Сохранность позвонков, возможно, связана с более кратковременным сжиганием этой части скелета. На более низкую температуру обжига области позвоночника указывает и более бежевый оттенок фрагментов позвонков.

В скоплении найдены фрагменты черепа предположительно того же индивида (взрослого мужчины). К ним относятся мелкие фрагменты свода и основания, а также фрагменты лобной кости в надглазничной области. Хорошо выраженный костный рельеф позволяет подтвердить мнение о том, что индивид мужского пола. Также обнаружены фрагменты верхней и нижней челюстей, фрагмент нижнечелюстного

мыщелка, разрозненные зубы (9 шт.). На двух премолярах обнаружены следы стертости эмали коронки. Два фрагмента верхней челюсти позволяют составить общее представление о форме челюстной дуги. Любопытно, что у данного индивида был нарушен правильный порядок передних верхних зубов. Возможно, у него не было первого верхнего резца. Это могло быть по причине детской травмы. На премоляре нижней челюсти обнаружено утолщение корня зуба. Возможно, причиной этого мог быть механический стресс.

Относительно крупные фрагменты различных частей скелета дают нам основание судить о том, что приведенное половозрастное определение достоверно.

Индивид № 2. Ребенок в возрасте 4–7 лет

Второй индивид представлен гораздо менее многочисленными фрагментами. Это закладки двух моляров, два обугленных корня, вероятно, резцов (нижних?), фрагмент мыщелка нижней челюсти, фрагмент губчатой кости со следами контакта с хрящевым слоем. Вероятно, это фрагмент лобковой кости. Срастание лобковой, седалищной и подвздошной костей происходит около восьми лет, поэтому возраст ребенка – менее восьми лет.

Цвет фрагментов костей ребенка аналогичный (серовато-бежеватый), корни одного зуба обуглены. Это может рассматриваться как свидетельство того, что какое-то время останки находились в контакте с низкотемпературным горением при недостатке кислорода, в результате чего и обуглились.

Обсуждение результатов экспертной оценки. Итак, состояние фрагментов позволяет реконструировать некоторые особенности обращения с телами покойных. Хорошая сохранность многих участков скелета, костей черепа, в частности, отсутствие на них значительных извилистых трещин, могла быть расценена как свидетельство того, что сжигание останков проводилось тогда, когда мягкие ткани были уже обезвожены (после замораживания, например). Однако значительные деформации трубчатых костей конечностей не подтверждают эту гипотезу. Вероятно, отсутствие деформирующих трещин связано с незначительным развитием мягких тканей. Кости таза у взрослого индивида практически не обнаружены. Возможно, это связано с более высокой температурой горения погребального костра в этой области.

Важно отметить, что гораздо менее выражены термические деформации на детском скелете. Вероятно, степень термических деформаций участков скелета напрямую связана с количеством мягких тканей, окружающих этот участок. С другой стороны, наличие обугленных фрагментов указывает на низкотемпературный режим кремирования, поэтому мы не вправе однозначно интерпретировать причины различий в степени деформированности скелетных останков взрослого индивида и ребенка.

В завершение отметим, что в изученном скоплении скелетных останков присутствуют, возможно, три человека. Двое взрослых мужчин и один ребенок, пол которого определить не представляется возможным.

Общие показатели веса скопления костей свидетельствуют о том, что в нем локализована значительная часть кремированных костей индивидов. Сжигание проводилось на стороне, а останки (фрагменты костей с золой) затем перемещались. Часть кремированных останков либо осталась в том месте, где происходило сжигание, либо была депонирована где-то в другом месте. О возможности парциального помещения кремированных останков в известной мере свидетельствует и то, что в скоплении находится изолированная бедренная кость взрослого человека, а также небольшое число костей животных. Скопление, составленное из разнородных объектов, вероятно, не может в полной мере называться собственно погребением. Композицию, составленную из останков нескольких людей и животного, проведенных через различные формы обращения, вероятно, правильнее обозначить как культово-погребальный объект.

Глава десятая

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ МОСКВОРЕЧЬЯ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

Развитие материальной культуры и ее периодизация. Информация о хронологическом горизонте VIII (IX) –VI вв. до н.э., которому соответствуют находки из погребенной почвы на городище Дьяково и раскопа 1 на селище Чертов городок, существенно дополнилась за последние годы. Целая серия памятников этого времени исследовалась в Звенигородском регионе (городища у д/о «Связист», Дютьково, Лучино 2, селища Дунино 4, Горышкино 3) и Москве (селище Царицыно 1). Теперь имеется серия радиоуглеродных датировок (см. рис. 245; табл. 21, 70). С этими радиоуглеродными датировками хорошо согласуются такие вещевые находки как кельты меларского типа. Один был найден на Успенском городище Р.Л. Розенфельдтом, другой обнаружен на селище Горышкино 3 А.В. Алексеевым. Установлено, что в этот период появляются небольшие поселения, укрепленные рвами «протогородища», предшественники будущих городищ. На двух таких памятниках – селище Царицыно 1, городище Дютьково – раскопаны небольшие рвы с напольной стороны (*Кренке*, 2008; *Кренке и др*., 2010), время функционирования которых приблизительно определяется в 2500 радиоуглеродных лет.

В 2000-е годы в бассейне Москвы-реки началось изучение памятников эпохи финальной бронзы, которые могут рассматриваться как генетические предшественники поселений начального этапа железного века в регионе. Поселения эпохи финальной бронзы в районе г. Звенигорода – Дютьково 3 (Олимп), селище Дунино 3 (раскопки А.В. Алексеева, А.Е. Кравцова)[1] демонстрируют еще достаточно развитую кремневую индустрию в сочетании с каменными топорами. В то же время керамика этих поселений имеет много черт сходства с керамикой памятников начального этапа железного века, на которых уже практически нет кремня. То есть можно предполагать эволюционное развитие (*Кренке и др*., 2010).

Культурное своеобразие москворецких памятников этого времени пока может быть описано лишь очень гипотетично. В главе о керамике отмечалось, что керамика из погребенного дерна Дьякова городища может рассматриваться как результат смешения нескольких традиций, характерных для соседних территорий, что прослеживается в орнаментации и способе обработки поверхности горшков. Таким образом, керамика памятников бассейна Москвы-реки начального этапа железного века обладает чертами своеобразия и, видимо, отражает процесс сложения обособленной культурной группы, границы которой пока точно не определены.

Керамический комплекс V–III вв. до н.э., описанный по материалам нижнего слоя Дьякова городища и сходных с ним находок из нижних слоев городищ Селецкое и Боршева, существенно отличается от керамики предшествующего времени. Разница проявляется в форме, характере отпечатков текстиля на поверхности, орнаментации сосудов. В вещевом комплексе также очевидны различия. Характерные для V–III вв. до н.э. костяные стрелы, набор костяных орудий, глиняные грузики дьякова типа не находят аналогий в более древних памятниках. В то же время наблюдается преемственность в освоении территории региона в целом, микрорегионов и площадок конкретных поселений.

Таким образом, мы видим противоречивые факты. С одной стороны, существенная культурная трансформация в Москворечье очевидна; с другой стороны, если предполагать приход какого-то нового населения в бассейн Москвы-реки, то сразу встает вопрос – откуда? На него ответить совершенно невозможно. Оставляя версию автохтонного развития, как более вероятную, можно выдвинуть несколько косвенных аргументов в ее пользу. На культурное развитие в третьей четверти I тыс. до н.э. существенным образом могло повлиять повсеместное внедрение орудий из железа. Появление новых эффективных железных инструментов (ножей) должно было привести к новым приемам и подходам к обработке кости и, соответственно, выработке новых форм костяных изделий.

[1] Выражаю признательность А.В. Алексееву, А.Е. Кравцову и А.В. Энговатовой за возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

Второй аргумент также исходит из общих соображений. Если допускать, что в середине I тыс. до н.э. в результате развития земледелия и скотоводства (чему есть палеоботанические и археозоологические подтверждения) происходило интенсивное хозяйственное освоение региона, демографический рост (см. ниже), то логично предполагать и наличие процессов культурно-этнической интеграции. Такие процессы *должны* были сопровождаться генерированием новых черт материальной культуры, становлением ее новой «нормы». Поэтому наличие существенных различий в материальной культуре еще не означает отсутствие преемственности между населением, оставившим памятники VIII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э.

Сделанное выше предположение, как мне кажется, находит подтверждение в археологическом материале. Сравнивая керамику, вещевые находки, постройки раннедьяковских городищ Москворечья V–III вв. до н.э. можно лишь удивляться их схожести. Это действительно проявление новой «нормы». Рост этнической консолидации обычно проявляется также в выработке новых стилей предметов искусства. Количество предметов местного искусства с территории Москворечья не очень велико, но они достаточно яркие и показательные. Роговая пластина с городища Боршева, рукояти ножей с городища Мамоново и Дубровицы II демонстрируют совершенно новый собственный стиль и набор образов (рис. 244). Это, в первую очередь, гравировка. Изображение включает короткие прямые и изогнутые линии, заканчивающиеся точками-ямками. Нужно отметить, что находки, выполненные в данном стиле, встречены на городищах дьякова типа и за пределами Москворечья (*Башенькин*, *Васенина*, 2004. Рис. 10). Изображается птица (одна и та же), крупное копытное (лошадь, лось?). Стиль резьбы на кости находит отклик в глиняных изделиях – в орнаментации грузиков дьякова типа. Можно сказать, что этот собственный стиль с успехом противостоял влиянию скифского звериного стиля. Предметы скифо-сарматского искусства проникали в Москворечье, но подражания этим импортам не найдены, как, например, в Прикамье. Второе направление местного искусства – это мелкая глиняная пластика. Серия зооморфных очень примитивных фигурок, найденных на городищах Дьяково, Бушарино, Протопоповском, Топорок, селище *Дунино 4*, с трудом поддаются атрибуции. Это могут быть поросенок (кабан?), медведь, бобр. Там, где святилища бронзового – железного веков хорошо изучены, как, например, в Эгейском регионе, мелкая зооморфная пластика являлась их непременным атрибутом. Очевидно, москворецкие находки также были связаны с местной культовой практикой.

Развитие собственной художественно-культовой традиции в сочетании с активизацией дальних связей, вероятно, можно считать показателем роста благосостояния и этической консолидации. Именно эти черты прослеживаются в культуре москворецких раннедьяковских городищ.

Импорты представлены стеклянными глазчатыми бусинами, костяными вещами скифского звериного стиля, указывающими на связи со Средним Доном (*Крис*, 1981) и Прикамьем (*Гуляев*, 1963).

Трудно точно определить время финала раннедьяковского цикла культурного развития. В главе о датировке Дьякова городища приведены данные радиоуглеродного датирования, свидетельствующие, что верхний предел нижнего слоя этого памятника может ограничиваться не III, а II–I вв. до н.э.

Весь корпус радиоуглеродных датировок для памятников железного века бассейна Москвы-реки в настоящее время насчитывает 229 дат, полученных для 17 городищ и селищ (рис. 245, табл. 70). Анализ этого массива показывает, что имеется очень значительное число дат (79) с радиоуглеродным возрастом в интервале 2100–2500. Это, безусловно, служит показателем высокой «активности жизни» в данный период. При рассмотрении суммированной вероятности всех калиброванных датировок также выделяется «пик», приходящийся на V–I вв. до н.э. Если анализировать лишь материалы Дьякова городища (125 датировок с учетом данных по образцам из раскопок 2000–2003 гг.), то «пик» вероятности калиброванных значений датировок в интервале V–I вв. до н.э. выделяется еще более отчетливо (рис. 245).

При рассмотрении позднедьяковских материалов мы вынуждены опять сравнивать аргументы «за» и «против» относительно причин того, из-за чего произошли существенные изменения в культуре примерно на рубеже эр. Сменилось (обновилось) ли население или произошла его культурная трансформация?

Материальная культура населения Москворечья около рубежа эр обновилась очень сильно, но в значительной степени это объясняется резким технологическим прогрессом. Железо почти полностью вытеснило из обихода костяной инвентарь. Однако прогресс в освоении железа не может объяснить смену традиций керамического производства, а она налицо. В первую очередь надо отметить, что текстильная керамика вышла из употребления (за исключением, может быть, лишь района устья Москвы-реки). При этом форма гладкостенных сосудов и их орнаментация имеют много общего с текстильными горшками финала раннедьяковского этапа (по материалам Дьякова городища). Обращает на себя внимание также смена форм наконечников костяных стрел, которые еще сохранялись в употреблении в начале нового этапа. Это важный признак, так как он также вряд ли связан с технологическим прогрессом.

С другой стороны, многие широкоупотребительные вещи остались почти без изменения. Например, глиняные грузики дьякова типа. Только на основании одного этого признака можно предполагать, что если в бассейн Москвы-реки и пришло новое население, то происходило оно из ареала распространения грузиков дьякова типа. Как известно, этот ареал простирается от Москвы в западном направлении, охватывая Смоленщину и частично Белоруссию. Крайняя западная известная мне находка грузика дьякова типа находится в бывшей Восточной Пруссии, у г. Нейденбург (г. Нидзила, Польша) (*Bohnsach*, 1938).

Важным показателем являются также некоторые важные изменения, произошедшие в системе расселения (подробнее смотри далее). Вся поселенческая система как бы сдвинулась на несколько десятков километров вверх по течению Москвы-реки. Ряд городищ и селищ запустел, взамен были основаны новые.

В этой связи важно уточнить хронологию ключевого памятника, расположенного в верховьях Москвы-реки – Троицкого городища. А.Ф. Дубынин датировал его нижний слой IV–III вв. до н.э. (1970. С. 94), а Х.И. Крис – IV в. до н.э. (1970. С. 169). Они не отмечали в жизни этого памятника какого-либо перерыва. С этой точкой зрения трудно согласиться. К IV–III вв. до н.э может относиться лишь небольшой по численности (708 фрагментов) комплекс непрофилированной текстильной керамики из основания культурного слоя Троицкого городища, аналогичной керамике нижнего слоя Дьякова городища. В эталонной пятой зоне Троицкого городища в нижнем слое эта керамика составляет лишь 2% (*Розенфельдт И.Г.*, 1971. Табл. 2). То есть состав керамического комплекса нижнего слоя никак не укладывается в датировку IV–III вв. до н.э. Совершенно справедливо И.Г. Розенфельдт на основании анализа керамического материала относила нижний слой к концу I тыс. до н.э. (1971. С. 74–75). Большая серия костяных наконечников стрел из нижнего слоя Троицкого городища также не находит аналогий среди материалов, достоверно датирующихся IV–III вв. до н.э. (слои городищ Дьяково и Боршева). Таким образом, можно прийти к выводу, что история Троицкого городища не была непрерывной. Сначала на его месте было небольшое поселение с текстильной керамикой, датируемой в интервале V–III вв. до н.э. Затем после перерыва здесь возникает большое городище. Этот этап жизни поселения генетически вряд ли связан с предшествовавшим. Комплекс важнейших находок из нижнего слоя (гладкостенная керамика, костяные стрелы) очень близок находкам из основания верхнего слоя Дьякова городища. Показательно, что радиоуглеродные датировки, полученные из основания валов Троицкого городища, указывают на рубеж эр (*Кренке*, 2004. С. 314). Можно предполагать, что начало накопления нижнего слоя Троицкого городища относится ко II–I вв. до н.э. Эта датировка подкрепляется датирующими находками I в. н.э. из основания верхнего слоя городища, самыми замечательными из которых является фибула «авцисса», железная двушипная втульчатая стрела, обнаруженные в третьем пласте.

Таким образом, на мой взгляд, аргументы в пользу появления в бассейне Москвы-реки примерно на рубеже II–I вв. до н.э. нового населения скорее всего пришедшего с «ближнего запада», хоть и не бесспорны, но «перевешивают» аргументы за непрерывно-эволюционное развитие. Вероятно, именно с этой миграцией связано распространение в Подмосковье балтской гидронимики, о чем писал В.В. Седов (1971). Важно также подчеркнуть, что все эти события произошли до распространения лощеной посуды.

Важно отметить еще одну особенность культуры населения Москворечья около рубежа эр. Она никак не может рассматриваться как перемещенная на новое место культура соседней территории. Именно в бассейне Москвы-реки на рубеже эр и в первые века н.э. происходит выработка совершенно специфических видов украшений. В первую очередь имеются в виду умбоновидные серьги, некоторые виды нашивных бляшек. Причем эти вещи уходят корнями в памятники предшествующего периода. То есть складывается впечатление, что была не смена населения, а приток мигрантов, который катализировал на месте процесс новой этнической консолидации, выработки новой «культурной нормы». В первые века новой эры мы видим эту новую культуру уже в полном блеске. Для этого периода имеется масса радиоуглеродных датировок (табл. 70). На интервал 1700–2000 лет радиоуглеродного возраста приходится 71 датировка. Территория хорошо освоена, процветает хозяйство (по палеоботаническим данным), выработан специфический набор и стиль украшений, которые были очень массовыми, активизируются внешние связи.

Вектор контактов теперь указывает на юг, в сторону северной периферии сарматского мира (см. экскурс 3), а также на юго-восток в направлении рязано-окских могильников и предшествовавших им могильников круга Андреевского кургана.

Распространение во II–III вв. н.э. лощеной керамики, профилированной гладкостенной посуды скорее всего нужно связывать с культурным импульсом, исходившим из северной периферии сарматского мира. Можно выстроить непрерывную цепочку сходства керамических форм от таких сарматских памятников, как Ишутинское городище на Красивой Мече, городищ типа Ново-Клейменово на

севере Тульской области, к дьяковским городищам на Оке и далее на Москве-реке.

Имели место также западные и юго-западные контакты. Они наиболее ясно проявились в III–IV в. н.э. в связи с распространением в Москворечье выемчатых эмалей. Только на городищах Луковня, Дьяково, Боровский курган, Барвиха было найдено не менее 15 изделий этого стиля. Вопрос заключается в том, носили эти вещи или использовали как металлический лом? Отметим, что подковообразная фибула с городища Луковня была сломана и имела следы ремонта. Вполне возможно, что все эти красивые украшения с эмалью использовались местными ювелирами как обычный источник сырья. На это указывает то, что местный стиль украшений активно развивался в это время. Вещи, сделанные в Москворечье, расходились далеко за его пределы, но нет признаков создания синкретичных изделий на базе местного стиля и стиля эмалей. Вероятно, эта «эпоха процветания» (I–III вв. н.э.) сопровождалась процессом этнической консолидации населения Москворечья. Все это совпало по времени с периодом, который М. Гимбутас назвала «золотым веком» балтов (*Gimbutas*, 1963). Однако является большим вопросом, можно ли жителей позднедьяковских городищ Москворечья считать балтами. В первые века н.э. опять появляется текстильная керамика, теперь уже профилированная. То есть можно предполагать, что в среднее течение Москвы-реки вернулись (?) носители этой давней местной традиции. Важно также обратить внимание на то, что выработанный в Подмосковье в первые века н.э. стиль ювелирных украшений, его отдельные элементы, имели дальнейшее длительное развитие именно у поволжско-финских народов. Это заставляет думать о каком-то смешанном балтско-финском характере этнической группировки, сформировавшейся на Москве-реке в эпоху римских влияний.

В IV в. н.э. дальние контакты южного (и западного?) направлений продолжали проявлять себя в таких предметах импорта, как черняховская фибула с Дьякова городища или бронзовая монета императора Костантина II, чеканенная в Кизике, с городища Бушарино. При этом местная ювелирная традиция оставалась очень самобытной. Редчайшим примером синтеза традиций является медный гребень с Успенского городища (рис. 244, *23*). Возможно, в качестве исходного образца в данном случае послужил черняховский гребень, но в итоге вещь очень отдалилась от оригинала. Гребень был выполнен с использованием элементов местного ювелирного стиля (трапециевидные подвески с двойной зернью, перевитая нить по периметру) и по привычной технологии литья по восковой модели.

Возможно, в это время, а, может быть, и чуть раньше население бассейна Москвы-реки служило своеобразным мостом, по которому южные культурные импульсы распространялись на север и северо-запад. На это указывают находки типичных москворецких вещей на Суде и Кабоже в Вологодской области, на городище Варварина Гора в Новгородской области на р. Шлине (см. экскурс 4).

В IV–V вв. н.э. в Москворечье распространяется новый керамический стиль так называемого «мощинского круга». Очень широкое распространение в Волго-Окском бассейне керамики этого стиля с его ведущим признаком в виде прямого венчика и переходом к округлому плечику, подчеркнутого уступом и горизонтальной канелюрой, заставляет думать, что это прежде всего явление моды. Тем не менее можно говорить о направлении контактов, они были южные. Есть слабые признаки и юго-восточных связей с культурой рязано-окских могильников. Находки этой культуры в Москворечье редки. Крестовидная фибула из Хотяжей (рис. 244, *20*), скорее является исключением. Показательно, что она найдена вне контекста поселения дьякова типа.

Имеется серия импортов, таких как найденные на городище Луковня железный умбон щита, язычок пряжки с поперечными каннелюрами у основания, фрагмент браслета с расширенными концами и браслетообразного височного кольца, трехлопастная стрела с городища Кунцево (*Ахмедов*, *Казанский*, 2004. Рис. 5). Датировку этих предметов И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский определяют V в. н.э. и считают возможным использовать их в качестве аргумента о военной экспансии, которой подверглось Москворечье в V в. н.э. (*Амедов*, *Казанский*, 2004. С. 174). Понятно, что такую гипотезу трудно надежно доказать или опровергнуть. Можно отметить лишь, что датировка язычка пряжки может быть несколько расширена, середина VI в. н.э. также допустима (*Ajot*, 1986).

В IV–V вв. н.э. в Москворечье наблюдается своеобразный «бум» мелкой глиняной антропоморфной пластики. По-видимому, какие-то важные события происходили в религиозной сфере, местный культ получил уникальное для лесной зоны Восточной Европы материальное выражение. Это еще раз указывает на то, что население, проживавшее в Москворечье, имело явную культурную обособленность от соседей. Находки глиняных статуэток распространены очень неравномерно. Они концентрируются всего на нескольких городищах. Это Дьяково, Луковня, Щербинское, Кузнечики, Борисоглебское, Успенское, являвшиеся, видимо, поселенческо-сакральными центрами Москворецкого региона в это время.

Достоверных импортов VI–VII вв. н.э. и местных изделий, датирующихся этим же временем, в бас-

сейне Москвы-реки очень мало. Их число едва выходит из первого десятка. Единичные находки с Дьякова городища были описаны выше. В этот короткий список входят подвеска со Щербинского городища, аналогичная находкам V–VI вв. из восточно-литовских курганов (*Казанский*, 1999. С. 404, рис. 1, *9*); широкопластинчатая фибула с Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Табл. XI), которая датируется VII–VIII вв. (*Горюнов*, *Казанский*, 1978); накладка геральдической формы с городища Луковня относится к VI–VII вв. (*Розенфельдт И.Г.*, 1982. С. 113–114), браслет с расширенными концами с Успенского городища (*Успенская*, 1957. Рис. 46) датируется третьей четвертью I тыс. н.э. (*Родинкова*, *Седин*, 2004. С. 244). Показательно, что перечисленные находки были найдены на тех же самых ключевых памятниках, о которых говорилось выше – это городища Дьяково, Луковня, Щербинское. Кунцево, Успенское.

Структура расселения. Закономерность в расположении городищ на Москве-реке была замечена еще их первооткрывателем З. Ходаковским, который отметил, что наблюдается тенденция к соблюдению определенного расстояния (4–8 верст) между ними (*Ходаковский*, 1838. С. 11). Это наблюдение не устарело и, как увидим ниже, нашло объяснение в работах английских исследователей, посвященных изучению структуры расселения земледельцев Европы. Прежде чем перейти к фактическому материалу, нужно отметить, что в изучении структуры расселения имеется много «подводных камней». Так, неоднократно отмечалось, что распределение археологических памятников часто в большей степени отражает не древние поселенческие структуры, а сеть современных дорог, которыми пользуются археологи, территориальную структуру изучающих археологию организаций и т.п. (*Shackley*, 1985). В связи с этим при анализе структуры расселения на Москве-реке в железном веке особое внимание следует уделить микрорегионам, где проводилось планомерное сплошное обследование. Это территория города Москвы, звенигородский участок долины Москвы-реки, бассейны средних течений р. Пахры и р. Истры.

Всего в пределах бассейна Москвы-реки по сведениям на 2010 г. известно около 280 памятников железного века (цв. вкл., рис. 16; Прил. II). Рассмотрим их по хронологическим срезам.

Структура расселения VIII–VI вв. до н.э. Критерием для отнесения памятников к VIII–VI вв. до н.э. служило наличие керамики с гребенчатым штампом и тычковым орнаментом (вдавления наклонной палочки). Всего в пределах бассейна Москвы-реки известно 38 таких поселений (см. Прил. II). Они расположены в среднем и нижнем течении р. Москвы и в долине р. Пахры. В верховьях Москвы-реки, в бассейнах рек Руза, Озерна древнейшие дьяковские памятники единичны (выше по течению от городища Луцино 2 известен лишь одни пункт – городище г. Можайска[2]). Такое расположение памятников позволяет выдвинуть гипотезу о том, что освоение региона шло вверх по течению Москвы-реки. Вероятно, это происходило на рубеже II–I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют обнаруженные под Звенигородом памятники эпохи финальной бронзы, генетически связанные с рассматриваемой хронологической группой поселений начального этапа железного века. Не случайно Звенигородский участок бассейна Москвы-реки начиная от с. Успенского и до с. Луцино демонстрирует высокую плотность памятников VIII–VI вв. до н.э. Памятники расположены как по берегам большой долины Москвы-реки, так и на впадающих в нее малых притоках, таких как реки Вяземка и Сторожка.

Существовали крупные центры, такие как городища Селецкое, Мамоново, Успенское, Дунино, Щербинское. Перечисленные крупные памятники сравнительно редко (с интервалом 10–20 км) располагаются в бассейне нижнего и среднего течения Москвы-реки и по р. Пахре. Наряду с ними для данного периода типичны небольшие мысовые поселения (иногда укрепленные), площадь которых иногда не превышает всего несколько сотен м^2 (городища Тущинское 2, Луцино 2, Дютьково, селище Царицыно 1).

В VIII–VI вв. до н.э. начали формироваться селитебно-хозяйственные комплексы, описанные по материалам Дьякова городища и его округи. Об этом свидетельствует наличие групп памятников, расположенных очень близко друг к другу (округи городищ Дьяково и Дунино; нижнее течение р. Сторожки в пределах Звенигорода).

Структура расселения в V–III вв. до н.э. К памятникам этой хронологической группы относились те поселения, где была найдена непрофилированная текстильная керамика с характерной ямочной орнаментацией, сходная с материалами нижнего слоя Дьякова городища. Таких поселений в бассейне Москвы-реки известно 162. По размерам памятники V–III вв. до н.э. можно разделить на четыре группы. 1. Крупные городища площадью 1000–2500 м^2 с культурным слоем, насыщенным керамикой и находками. 2. Мысовые поселения средних размеров, укрепленные или не укрепленные валами площадью 400–1000 м^2. 3. Небольшие неукрепленные поселения, расположенные на открытых участках в пойме, на коренных берегах рек. Точную площадь этих поселений определить трудно, так как естественных

[2] Раскопки Б.Е. Янишевского, 2005 г. (раскоп 5, яма 5). Автор благодарит Б.Е. Янишевского за предоставление материалов.

границ они не имеют, а поверхность их распахивалась. Ясно лишь, что площадь была менее 1000 м^2, а мощность культурного слоя не превышала 10–20 см.
4. Местонахождения единичных фрагментов керамики при отсутствии культурного слоя. Первая группа памятников сравнительно хорошо изучена и описана в публикациях. Остальные три категории памятников до сих пор почти не исследовались и требуют детального рассмотрения. Сделаем это на примере поселений, расположенных в бассейне р. Пахры.

Типичным памятником второй группы является городище Луковня 2. Оно расположено на мысу коренного берега, имеет два вала с напольной стороны, размер площадки около 400 м^2. Проведенные в 1985 г. небольшие раскопки позволили установить, что внутренний вал был насыпан в период бытования текстильной керамики. Толщина культурного слоя не превышает 10–20 см. Мысовые поселения Борисово, Дубровицы II, Красное сходны с городищем Луковня 2 по своим топографическим и размерным характеристикам, однако не имеют валов. Возможно, валы были спланированы в ходе позднейшей хозяйственной деятельности.

Поселения третьей группы, найденные вокруг Подольска, расположены в различных топографических условиях. Их высота над уровнем воды колеблется от нескольких (Дубровицы III) до 20 и более метров (Студенцы). Все эти поселения перекрыты слоями древнерусских и более поздних поселений. Текстильная керамика при сборах подъемного материала локализовалась на участках очень ограниченных размеров: 10 × 20 м (Константиновский); 20 × 40 м (Рыбино); 20 × 30 м (Беляево); 30 × 30 (Дубровицы III). Толщина культурного слоя в шурфах не превышала 20–30 см.

Местонахождениями единичных фрагментов керамики являются пункты Бяконтово, Конопелка 1, где при больших сборах позднедьяковских и средневековых материалов было найдено всего 1–2 текстильных черепка.

В V–III вв. до н.э. были освоены ранее не занятые территории верховьев Москвы-реки, долины рек Руза, Озерна, Истра. Можно выделить несколько скоплений памятников, разделенных относительно пустыми промежутками: 1) низовья Москвы-реки; 2) среднее течение Москвы-реки; 3) бассейн Пахры; 4) среднее течение р. Истры; 5) верховья Озерны и окрестности Тростенского озера; 6) верховья Москвы-реки в районе г. Можайска.

Можно попытаться произвести приблизительную демографическую оценку этих скоплений. Например, в долине р. Пахры расположено десять крупных и средних поселений. Судя по данным, полученным при раскопках городища Кузнечики и Дьяково, на таких поселениях располагались одновременно два-три дома. Площадь каждой постройки равнялась примерно 160–180 м^2. Вероятно, не будет грубой ошибкой, если допустить, что в каждом таком доме проживали 20–30 человек. Этот расчет (1 человек на 6–10 м^2 площади пола постройки) основан на этнографических данных (*Casselberry*, 1974; *Naroll*, 1962) и используется в археологической литературе (*Milisauskas*, 1986. P. 219). Исходя из этого, численность населения всего микрорегиона может приближенно оцениваться в пределах 1000 человек. Это как раз то количество людей, которое необходимо для того, чтобы воспроизводство популяции происходило без существенного притока мигрантов и чтобы не нарушался широко распространенный в примитивных обществах запрет на браки между родственниками ближе четвертого колена (*Бунак*, 1980. С. 254; *Мурашко*, 1984). Можно предполагать, что жители территориально обособленной группы раннедьяковских памятников на р. Пахре составляли популяцию с замкнутым кругом брачных связей.

Группа поселений в среднем течении Москвы-реки численно превосходит пахринскую в три раза и протянулась на расстояние около 100 км. Соответственно численность населения, проживавшего здесь, должна оцениваться примерно в 3–4 тыс. человек. В пределах данной группы нет ясно выраженного центрального наиболее крупного поселения. Городища, как бусы, нанизаны на русло Москвы-реки. Есть несколько участков, где прослеживается некоторая их разреженность. На основании этого можно предположительно разделить данный массив на несколько подгрупп: 1) Тучково – Успенское; 2) Знаменское – Тушино; 3) Кунцево – Капотня; 4) Соколова гора – Боршева.

Структура расселения на рубеже эр – в первой половине I тыс. н.э. Всего известно 162 памятника, вероятно, функционировавших в пределах данного хронологического интервала. Анализировать структуру расселения по более дробным хронологическим периодам не представляется возможным из-за недостатка точности в датировках памятников.

Рассмотрим опять регион р. Пахры. Здесь выявлено не менее 24 памятников, достоверно относящихся к позднедьяковскому времени. В том числе восемь городищ и 16 селищ. Последние, как правило, имеют площадь не более 1000 м^2. Все городища имели находки раннедьяковского этапа, т.е. на их местах были более ранние поселения. Примерно половина позднедьяковских селищ была основана на новых местах. При этом каких-либо различий в топографической приуроченности ранне- и позднедьяковских селищ не улавливается. Они располагаются на мысах коренного берега на прибровочных участках берега, не имеющих выраженных в рельефе границ,

на пойме и первой террасе. Прослеживается явное тяготение поселений к долине р. Пахры. Аналогичное расположение памятников доминирует и в Москворецком регионе.

Принципиально важные результаты были получены при изучении парка Царицыно, они существенно дополняют картину пространственной приуроченности дьяковских памятников. Изученное здесь поселение Царицыно 1 находится на берегу маленькой речки Язвенки и удалено от долины Москвы-реки примерно на 3,5 км, если измерять кратчайшее расстояние по прямой (*Кренке*, 2008). Проведенные здесь палеоботанические исследования показали, что поселение имело скорее всего земледельческую направленность. Пыльцевые спектры зафиксировали наличие вблизи него открытых пространств и полей, культурный слой содержал карбонизированные зерна культурных злаков. Таким образом, хозяйственное освоение территории в железном веке не ограничивалось долиной основной реки, но продвинулось далеко вглубь по малым притокам, туда, где были выгодные ландшафтные условия.

Рассматривая структуру расселения позднедьяковского времени в масштабах всего бассейна Москвы-реки можно отметить, что сам тип аналогичен структуре расселения в раннедьяковскую эпоху. Сохранялись те же категории памятников, не изменилось их взаиморасположение. В то же время произошло много частных изменений. Возникли новые крупные и мелкие поселения. Особенно это заметно в регионах, которые были слабо заселены в раннедьяковское время – верховья Москвы-реки, долины Рузы, Озерны, Истры. В позднедьяковское время здесь растет количество крупных поселений. В первую очередь нужно упомянуть Троицкое городище, расположенное в 17 км выше по течению от г. Можайска. Несомненно, в этих микрорегионах увеличилась плотность населения. В низовьях Москвы-реки наблюдается противоположная картина. В районе устья реки материалы первых веков I тыс. н.э. обнаружены лишь на таких памятниках, как Протопоповское городище, расположенное уже в долине р. Оки (*Сыроватко*, 2009). Самым нижним по течению Москвы-реки памятником, где хорошо представлен позднедьяковский горизонт, является городище Боршева. Оно расположено в 45 км выше устья реки. То есть около рубежа эр или несколько ранее происходили какие-то события, вызвавшие запустение ряда поселений и основание новых, интенсивно заселенная территория в пределах Москворечья сдвинулась на несколько десятков километров к западу.

В финальный период существования дьяковских памятников в Подмосковье (V–VII вв. н.э.) имеются достоверные данные о функционировании поселений в среднем течении Москвы-реки (реперные памятники – городища Успенское, Кунцево, Дьяково) и в бассейне Пахры (городища Кузнечики, Луковня, Щербинское, Борисоглебское). Троицкое городище в верховьях Москвы-реки, по-видимому, не доживает до этого времени.

Демографические показатели. Сравнение числа известных памятников VIII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э. (увеличение в четыре раза!) дает основание для предположения, что в третьей четверти I тыс. до н.э. происходил быстрый рост населения. Такое явление представляется вполне возможным с демографической точки зрения. При благоприятных условиях и среднем для примитивных обществ приросте 5–10 человек на тысячу за один год, учетверение населения происходит за 150–300 лет (*Бунак*, 1980. С. 195, табл. 8). Общая численность населения Подмосковья в V–III вв. до н.э. ориентировочно может быть оценена в 10–20 тыс. человек. Этот расчет основан на допущении, что на городище с прилегавшими к нему селищами (поселенческо-хозяйственный комплекс) могли жить 100–200 человек. Видимо, это число жителей соответствовало «ресурсной емкости» территории при существовавших тогда производственных возможностях. Во всяком случае дальнейший рост численности, видимо, почти не происходил на протяжении тысячи лет, так как число и размеры позднедьяковских и раннедьяковских памятников практически одинаковы. Возможно, что за тысячелетнюю историю были периоды резкого снижения численности населения в бассейне Москвы-реки, которая затем опять возрастала до пределов, лимитировавшихся уровнем хозяйственного развития, природным окружением и другими факторами.

Демографический процесс в финальный период существования дьяковской культуры можно представить в следующем виде. Если допустить, что деградация началась приблизительно в V в. н.э., то сокращение численности, приведшее к исчезновению популяции, должно было произойти примерно за 200 лет. Если сокращение численности было постепенным процессом, то смертность ежегодно должна была бы превосходить рождаемость на 25 человек на тысячу. Данный расчет производился по формуле, предложенной Л. Таба (1977. С. 30). Однако такая модель крайне маловероятна, так как подобные явления не наблюдались в демографии, и трудно представить, в результате действия каких факторов и за счет каких возрастных групп могла наблюдаться такая постоянная убыль населения. Более вероятна модель, предполагающая, что сокращение численности произошло в результате одной или нескольких демографических катастроф.

В «темные VIII–X вв.» московской предыстории территория не могла быть совершенно обезлюдевшей. Дославянская топонимика была бы в таком случае утрачена, а она сохранилась. Однако падение численности населения, видимо, было очень сильным, и предстоят сложные поиски археологического следа жителей края этого времени.

На основании вышеизложенного предлагается следующая периодизация развития дьяковской культуры в бассейне Москвы-реки (табл. 71).

Данная периодизация, развивает мысль П.Н. Третьякова о необходимости разделения всего массива дьяковских древностей на раннедьяковские и позднедьяковские (*Третьяков*, 1966; 1966а). Действительно, мы наблюдаем два пика в развитии и два цикла формирования культурной идентичности в регионе. Однако связь между этими циклами также прослеживается, поэтому нельзя обозначать их как разные культуры.

Таблица 70. **Некалиброванные радиоуглеродные датировки для памятников дьякова типа в бассейне Москвы-реки**

Радиоуглеродный возраст в годах (BP)	Распределение датировок * для памятников «дьякова типа» бассейна Москвы-реки	Городище Дьяково	Городище Настасьино	Остальные памятники	Количество датировок
400–500	]	1	–	–	1
500–600	]]]	1	2	–	3
600–700	]	–	1	–	1
700–800		–	–	–	–
800–900	]	–	–	1	1
900–1000		–	–	–	–
1000–1100	]	–	1	–	1
1100–1200	]	1	–	–	1
1200–1300	]]]]]	1	–	4	5
1300–1400	]]	1	–	1	2
1400–1500	]]]	1	–	2	3
1500–1600	]]]	2	–	1	3
1600–1700	]]]]]]]]]]	9	–	2	11
1700–1800	]]]]]]]]]]]]	12	–	1	13
1800–1900	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	23	1	6	30
1900–2000	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	14	5	9	28
2000–2100	]]]]]]]]]]]]]]]]]	7	6	6	19
2100–2200	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	12	6	6	24
2200–2300	]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]]	11	5	7	23
2300–2400	]]]]]]]]]]]]]]]]]	11	4	5	20
2400–2500	]]]]]]]]]]]	8	1	3	12
2500–2600	]]]]]]]]	2	2	5	9
2600–2700	]]]]]]]	3	5	–	8
2700–2800	]]]]	2	2	–	4
2800–2900	]]	1	–	1	2
2900–3000		–	–	–	–
3000–3100	]	–	1	–	1
3100–3200	]	–	–	1	1
3200–3300	]	–	1	–	1

* *Символ каждой отдельной даты ( ]) помещен в наиболее вероятный для данной даты 100-летний интервал.*

Таблица 70. Продолжение

Радиоуглеродный возраст в годах (BP)	Распределение датировок для памятников «дьякова типа» бассейна Москвы-реки	Городище Дьяково	Городище Настасьино	Остальные памятники	Количество датировок
3300–3400	]	–	1	–	1
3400–3500		–	–	–	–
3500–3600		–	–	–	–
3600–3700		–	–	–	–
3700–3800	]	1	–	–	1
3800–3900		–	–	–	–
3900–4000		–	–	–	–
Всего:					229

Таблица 71. **Периодизация памятников финальной бронзы, железного века и раннего Средневековья в бассейне Москвы-реки**

Этап	Период	
Постдьяковский	7	VIII–IX вв. н.э.
Позднедьяковский	6	VI–VII вв. н.э.
	5	II–V вв. н.э.
	4	II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э.
Раннедьяковский	3	V–II вв. до н.э.
	2	VIII (IX)–VI вв. до н.э.
Преддьяковский	1	Рубеж II–I тыс. до н.э.

Заключение

Раскопки Дьякова городища 1981–1987 гг., которым посвящена книга, были не столь значительны по площади (всего немногим более 200 м^2), но дали принципиально новые данные для описания большого круга памятников железного века, расположенных в Волго-Окском междуречье и в первую очередь в бассейне Москвы-реки. Это стало возможным по двум причинам. Во-первых, Дьяково городище обладает уникальным по мощности стратифицированным слоем. В результате находки оказались естественным образом сгруппированы в хронологически обособленные комплексы. Во-вторых, при раскопках впервые для данного региона были применены современные методы комплексного археолого-естественнонаучного исследования. Систематически собирались палеоботанические остатки, многократно отбирались образцы для спорово-пыльцевого анализа, проводилось серийное радиоуглеродное датирование, анализировалась археозоологическая коллекция с применением методов тестового просеивания части культурного слоя. Новым являлось также систематическое изучение ближайшей округи городища. В результате были обнаружены более десяти пунктов с находками железного века. Чтобы решить задачу реконструкции древнего землепользования был применен метод ландшафтного анализа. С его помощью оценивался ресурсный потенциал отдельных элементов ландшафта (фаций), делались предположения относительно их возможного хозяйственного использования в древности, затем эти результаты сопоставлялись с археологической картой, данными палеоботанических и палеоклиматических исследований. На этой основе делались итоговые выводы.

В результате сопоставления двух независимых систем датировок: археологической и радиоуглеродной, была установлена следующая хронология культурных слоев городища. Находки из погребенной почвы датируются в интервале VIII (XI)–VI вв. до н.э.; нижний культурный слой – V–II вв. до н.э. Верхний культурный слой накапливался после некоторого перерыва с рубежа II–I вв. до н.э. по IV–V вв. н.э. Наиболее полно представлен средний горизонт верхнего культурного слоя, датирующийся в интервале I–III вв. н.э. Финал жизни городища определяется по серии находок VI–VII вв. н.э., но культурный слой этого времени полностью нарушен. Палеоботанические и археозоологические исследования позволили проследить сложную динамику изменений в хозяйстве, при том что общий фон антропогенной нагрузки на ландшафт был высоким в течение всего периода жизни поселения. Получены данные, бесспорно, свидетельствующие об открытом ландшафте, развитом земледелии с самого начала жизни поселения, но соотношение в наборе культур (основные – ячмень, просо, пшеница) менялось. На позднем этапе жизни поселения активизировался охотничий промысел при сокращении роли скотоводства и по-прежнему очень важной роли земледелия, опиравшегося, в том числе, и на постоянные пахотные угодья.

Изучение системы землепользования позволило сформулировать гипотезу о поселенческо-хозяйственных комплексах. Суть ее заключается в том, что городище и окружавшие его мелкие памятники составляли единую структурированную в пространстве поселенческую макроячейку с включенными внутри нее угодьями, где велась хозяйственная деятельность. Границы этого комплекса в значительной степени определялись естественными рубежами, рельефом, центральное место занимало пойменное расширение (примерно с V в. до н.э., судя по палеоклиматической реконструкции, пойма не заливалась и была особенно привлекательной) и обрамлявший пойму высокий берег. Площадь такого комплекса составляла около 75 га, площадь окружавшей его ресурсной зоны – около 12 км^2.

Анализ вещевой коллекции Дьякова городища при сопоставлении ее с другими материалами из Москворецкого региона позволил описать основные «ритмы» развития культуры местного населения.

Исследования последних лет на памятниках в районе Звенигорода позволили выделить комплексы эпохи финальной бронзы, которые могут рассматриваться в качестве непосредственных генетических предшественников памятников начального

этапа железного века. Материал из более чем 30 поселений начального этапа железного века Москворечья имеет черты, находящие аналогии в соседних регионах, при этом комбинация этих черт – уникальна, свидетельствует о процессе культурного синтеза. Помимо поселений VII–VI вв. до н.э. впервые было обнаружено погребение этого времени, совершенное по обряду кремации. Что дало основание гипотетически реконструировать «многоступенчатый» погребальный обряд.

В V–II вв. до н.э. произошло резкое увеличение численности памятников (в четыре раза) и формируется специфический облик материальной культуры городищ Москворечья. Высокий «тонус» жизни на городищах в этот период подтверждается, в частности, большим количеством радиоуглеродных датировок, строительной активностью, притоком импортов. При этом собственный стиль искусства развивался, не подчиняясь влиянию скифского звериного стиля.

Примерно в конце II – начале I в. до н.э. наблюдается значительная трансформация материальной культуры. Обсуждение возможных причин этого явления привело к предположению, что население частично обновилось, что дало стимул к новому витку этнической консолидации, проявившемуся в сфере материальной культуры. Был выработан специфичный именно для бассейна Москвы-реки набор женских бронзовых украшений. Этот комплекс имел корни в предметах предшествовавшего времени, но быстро эволюционировал, создавались новые типы и варианты. Массовость находок этих украшений, в первую очередь умбоновидных серег и наследовавших им привесок с трапециевидными подвесками, свидетельствует о том, что эти украшения были важны для самоидентификации местного населения.

Количество поселений позднедьяковского этапа не превзошло количество поселений предшествовавшего времени. Некоторые изменения прослеживаются в макрорегиональном масштабе. Вся поселенческая система «сдвигается» вверх по течению Москвы-реки, оголяя ее нижнее течение примерно на 30–40 км. В этот же период, а именно в первые века н.э., развитие местной культуры способствовало активизации внешних контактов. В Москворечье начался массовый приток стеклянных бус, есть признаки влияния культурных импульсов, исходивших из северной периферии сарматского мира (Верхний Дон). Прослеживаются контакты населения бассейна Москвы-реки с соседними регионами. Москворецкие вещи II–IV вв. «веером» расходились в ареале 300–500 км в северо-западном, северном, восточном, юго-восточном и южном направлениях.

В IV–V вв. н.э. прослеживаются трансформации в некоторых сферах культуры. Важнейшие – изменения стиля керамики и формирование специфического набора культовых предметов. Находки антропоморфных глиняных статуэток (известно более сотни) резко выделяют Москворецкий регион от соседних. При этом обозначились несколько поселенческо-культовых центров (в том числе Дьяково городище), где эти находки были массовыми.

Импорты и местные изделия VI–VII вв. присутствуют на городищах, но число их заметно убывает сравнительно с многочисленными материалами предшествующего времени. Причины деградации культуры остаются неизвестными. Произведенные палеодемографические подсчеты показали, что в период обоих пиков (раннедьяковский в V–II вв. до н.э. и позднедьяковский в I–IV вв. н.э.) численность населения Москворечья может быть оценена в 10–20 тыс. человек.

Приложение I

ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ В ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

В настоящее время основные характеристики климата Москвы равны: температура июля +19ºС, температура января –11ºС, года +4,7ºС, осадки – 586 мм. Однако, за счет потепления, вызванного влиянием города, все эти значения несколько завышены. Исключив это влияние путем сравнения с сельскими станциями, удаленными от города, получим значения для средней температуры июля +18,5ºС, для средней температуры января – –12,5ºС, года – +4ºС, для осадков – 550 мм (*Чернавская*, 1985). Посмотрим, насколько отличались от современных климатические условия в доисторическом прошлом.

1. Методы реконструкции доисторического климата

Поскольку доисторическое время определяется по отсутствию дошедших до нас письменных документов, для него нет не только инструментальных сведений о климате, но и описательных сведений о нем, которых немало, например, в русских летописях (*Борисенков*, *Пасецкий*, 1988). Судить об изменениях климата в это время можно лишь по косвенным природным данным и отчасти по археологическим остаткам – костям добывавшихся охотниками животных и рыб, остаткам пищи, жилищ, одежды. Оставляя анализ археологических находок, остановимся здесь на реконструкции изменений климата Москвы по природным данным. Основные из них: стратиграфия болотных, озерных, речных, ледниковых отложений, их характеристика (например, степень разложения торфа на болотах – степень разложения торфа вблизи поверхности растет в сухие годы при доступе кислорода и уменьшается во влажные периоды, когда торф затопляется водой; на глубине же без доступа кислорода разложение прекращается и торфяник тем самым сохраняет свидетельства условий своего накопления; или механический состав илов в озере – сток и осадки тем больше, чем толще и крупнее по механическому составу годовой слой ила), состав содержащейся в отложениях пыльцы растений и их остатков, толщина и плотность сезонных и годовых колец роста деревьев, видовой состав ископаемых животных. Изотопный состав льда, деревьев, известковых организмов, сохраняющий изотопный состав атмосферы до прекращения их жизни, когда прекратился их обмен с нею газами, наличие и характер следов вечной мерзлоты, наличие и свойства (тип) погребенных почв. Датировка отложений ведется прямым счетом слоев или путем оценки по известной скорости накопления отложений или на основе радиоуглеродных датировок по степени распада атомов углерода, выведенных из обмена с атмосферой после отмирания органики. Для далекого прошлого оценке возраста способствуют изменения направления намагниченности пород, история изменений которого неплохо известна, термолюминесцентные измерения суммы запасенной кристаллами световой энергии, измерения плотности отложений.

По типам информации природные индикаторы могут отражать средние для некоторых периодов условия, когда образец захватывает сразу отложения нескольких десятков лет, как это бывает с торфяниками, нарастающими со скоростью порядка миллиметра в год. Они могут отражать условия года или даже отдельного сезона, как ранняя весенняя и поздняя летне-осенняя древесина или высота максимальных отметок речных паводков. Информация может быть непрерывной, как для отложений торфов, или эпизодической, как появление в них стволов деревьев.

Немного подробнее скажем об анализах спорово-пыльцевых спектров, на которые в основном опирается нижеследующий текст. Состав отложенной пыльцы, несмотря на ее перенос на значительные расстояния, в большой степени зависит от состава окружающей растительности и степени благоприятности климатических условий для ее цветения. При этом продуктивность пыльцы местных растений немедленно реагирует на изменения климата или даже погоды, появление же новых или исчезновение старых происходит с запозданием по сравнению с климатическими изменениями.

Интерпретация спорово-пыльцевых спектров может быть качественная. Так, в условиях Центра

Русской равнины увеличение доли пыльцы широколиственных пород выше 20% среди всей древесной пыльцы свидетельствует уже о преобладании этих пород в связи с намного меньшим, чем у хвойных, ее разносом (*Нейштадт*,1957). Само же увеличение доли широколиственных свидетельствует о потеплении климата. Увеличение доли ели по сравнению с сосной свидетельствует об изменении климата в сторону увлажнения, а увеличение доли сосны – в сторону сухости. Увеличение доли пыльцы карликовых видов берез и ив по сравнению с крупными их формами свидетельствует о похолодании климата. Именно на основе таких суждений о сочетаниях теплых, холодных, влажных и сухих эпох были выделены классические периоды позднеледниковья и голоцена, т.е. последних 15 000 лет, по схеме Блитта (1882 – торфяники Норвегии) – Сернандера (1910 – торфяники Швеции).

Количественные реконструкции выполняются, как правило, на основе сопоставления с климатическими условиями современной растительности и выпадения ее пыльцы. Согласно ареологическому методу В.П. Гричука, климат определялся по условиям в районах пересечения современных ареалов основных встречающихся в спектрах видов. Другой вариант – метод климатограмм, предложенный О.А. Гребенщиковым, состоял в восстановлении климата по пересечению ареала этих видов не на местности, а в фазовом пространстве параметров климата, например, годовых осадков и температур или большего их числа. Недостаток обоих методов – отсутствие учета процентного соотношения встреченных в образцах видов пыльцы.

Один из методов количественного учета состава пыльцы – информационный, разработанный В.А. Климановым (1976; 1981) и использованный в большинстве приведенных ниже оценок. Метод состоит в выборе диапазона значений климатического параметра, при котором в современных условиях с наибольшей вероятностью выпадает пыльца, найденная в образце. Таким считается диапазон, на который указывает большее число видов, в первую очередь наиболее информативных, т.е. живущих в узких климатических рамках. Такими, например, для июльских температур являются бук, граб, карельская береза, дуб. Количественно информативность вводится в виде весового коэффициента при подсчете числа видов, указывающих на тот или другой диапазон. Интервалы условий, по которым классифицируется современная пыльца, равны 2ºС для июльских, зимних и годовых температур и 50 мм для осадков. Интервал сужается до 0,5ºС и 25 мм за счет учета вероятности попадания встреченной в образце пыльцы в соседние диапазоны. В западной литературе широко используются многомерные корреляционные зависимости доли пыльцы различных видов с отдельными элементами климата. В ряде западных (*Prentice*, 1980) и наших (*Чернавская*, *Фогель*, 1989) работ используется метод главных компонент. При этом подбирается такой набор проб современной пыльцы, который разлагается на те же компоненты, что и набор проб пыльцы из разреза. Выявленные в современных отложениях пыльцы компоненты коррелируются с климатическими условиями в местах сбора проб пыльцы.

Тем самым все методы реконструкции климата по спорово-пыльцевым спектрам основаны на допущении актуалистической гипотезы: аналогичности климатических условий существования различных видов и их сочетаний в настоящем и прошлом и об аналогичной степени разноса пыльцы ветром. Последнее допущение достаточно уязвимо, так как, во-первых, в прошлом другими были условия циркуляции, а, во-вторых, в ареалах-аналогах она могла быть совсем другой ввиду их отличного от современного положения. Поэтому особое внимание должно уделяться трудноразносимой пыльце.

2. Изменения климата Москвы в палеолите

На протяжении истории человечества климат района Москвы неоднократно резко менялся. Самыми существенными изменениями были продвижения на эту территорию или приближения к ней ледниковых щитов, чередовавшиеся с климатическими оптимумами в межледниковья. Ледниковые покровы не только выхолаживали окружающую территорию, но и существенно меняли циркуляцию атмосферы, отклоняя влажные циклоны и создавая режим сильных ветров за счет контрастов температур.

О смене климатов в Московском регионе можно судить по детальным исследованиям двух опорных страторазрезов, объединяющих множество разрезов, скважин и геоморфологических описаний в двух районах – к северу от Москвы в Ярославском Поволжье, от Рыбинска до Тутаева, и к югу от Москвы, в верховьях Оки выше Калуги, прежде всего в районе Лихвина (Разрезы…, 1977). Возрастные определения делались на основе определения направления магнитного поля, термолюминесцентного анализа и корреляции с другими европейскими регионами.

Первое из довольно подробно восстановленных по моренным отложениям Окское оледенение 520 000–440 000 лет назад покрывало полностью бассейн Москвы-реки и продвигалось на юг за Оку почти до Тулы. Вскоре после отступания Окского ледника около 440 000 лет назад наступил длительный (около 150 000 лет) период Лихвинского межледниковья. На него приходится два теплых периода: первый,

400 000–350 000 лет назад, когда в бассейне Оки встречались буки и другие представители более западных и теплых флор, и второй, около 320 000–300 000 лет назад, со смешанными и широколиственно-хвойными лесами и климатом, близким современному. На период 330 000–320 000 лет назад пришлось резкое похолодание, когда леса западноевропейского типа сменились лесотундрой. Новое похолодание и гибель лесов произошли около 300 000 лет назад, когда район Москвы вновь покрылся льдом, продвинувшимся с северо-северо-востока большими языками далеко на юг. Отложение ледниковой морены длилось около 50 000 лет и закончилось 250 000 лет назад. Затем последовал следующий (Рославльский или Одинцовский) межледниковый период, когда в Москве господствовали термофильные леса с елью с современными летними и на 4ºС более высокими, чем сейчас зимними температурами. Следующее, Московское оледенение, около 190 000–140 000 лет назад наступило с северо-запада и доходило до линии Ярославль – Москва – Калуга, так что Москва была где-то у края ледникового щита. При сокращении ледника мертвый лед долго таял в озерных котловинах. Это было последнее оледенение для Москвы.

За ним последовало Микулинское межледниковье, климатические условия которого достаточно хорошо реконструируются по пыльцевым спектрам. Годовые суммы осадков (около 600 мм), так же как и среднегодовые температуры (+7 – +7,5ºС против +4,0ºС в настоящее время), были намного выше современных (рис. 261, А). Условия были близкими к прогнозируемым моделями условиям удвоения содержания углекислого газа в атмосфере. В разгар Микулинского межледниковья около 100 000 лет назад в районе Москвы господствовали широколиственные леса. В период Валдайского оледенения – от 80 000 до 15 000 лет назад ледник то приближался к Москве, доходя до Твери, то удалялся от нее, с чем связаны чередования периодов похолодания и потепления. Близость ледника подтверждается прежде всего обилием перигляциальных отложений (песков и др. – «ополья») и криогенных структур. Около 50 000 лет назад отступание ледника было очень сильным. Во время нового Верхневалдайского похолодания на месте нынешнего Рыбинского водохранилища за счет талых ледниковых вод раскинулось Молого-Шекснинское ледниковое озеро, хотя осадков было меньше современных, около 450 мм. Средняя годовая температура в Москве была около –2–3ºС, у Шестихино вблизи Рыбинска к этому времени относятся мощные криогенные формы, в том числе восьмиметровые ледяные клинья. Расходы воды в реках были велики. В это время в Москве исчезали леса – тундра смыкалась со степью, доходившей до Владимира, о чем можно судить по сочетанию форм животных.

3. Изменения климата Москвы в мезолите

Окончание Валдайского оледенения в Восточной Европе относят к периоду 14 500–14 000 лет назад (12 000 лет до н.э.). Для этого периода для территории центра Русской равнины характерны тундрово-степные ландшафты со следами мерзлоты, проникавшей на юг даже на территорию Украины (*Нечаев*, 1988). Последующие четыре тысячелетия позднеледниковья отличались на фоне общего потепления сначала летом, а потом и зимой, короткими, но достаточно резкими колебаниями климата. По-видимому, вся глобальная климатическая система при переходе от ледникового к межледниковому устойчивым состояниям испытала несколько переключений между ними. По ряду разрезов в разных регионах выделено три относительно теплых периода – раунис (примерно 14 400–13 500 лет назад), бёллинг (12 800–12 200 л.н.) и аллерёд (11 800–11 000 л.н.) и три холодных – дриас 1 (13 500–12 800 л.н.), дриас 2 (12 200–11 800 л.н.) и дриас 3 (11 000–10 300 л.н.). Название «дриас» происходит от названия холоднолюбивого кустарничка «куропаточей травы» *Dryas*, десять видов которого сейчас распространены в тундрах и на высокогорных гольцах и лугах. Его пыльца накапливалась в болотах и озерах центра Русской равнины в эти периоды.

Наиболее полные реконструкции по содержанию пыльцы в торфяниках в позднеледниковье и в последующем голоцене для окрестностей Москвы имеются по болоту Половецко-Купанское в Переяславском районе, в 130 км к северо-западу от Москвы (*Хотинский и др*., 1991), и в верховьях р. Тулицы в 150 км к югу от нее (*Климанов*, *Серебряная*, 1986). Для этих двух разрезов имеется 23 радиоуглеродных датировки. Судя по ним, разрез Половецко-Купанского болота вскрыл отложения, начавшие формироваться 11 800 лет назад, т.е. до начала аллерёда включительно, а разрез в бассейне Тулицы только 9300 лет назад, т.е. не полностью вскрыл даже ранний голоцен. Раньше по времени, еще в раннем дриасе 13 500 лет назад начали формироваться белорусские болота (*Еловичева и др*., 1988), находившиеся в сходных с Московским регионом условиях на том же расстоянии от еще сохранявшегося в то время Скандинавского ледникового щита. Для периода от 12 700 до 11 800 л.н. (бёллинг и дриас 2) климатические условия в Москве количественно могут быть представлены только по белорусским данным, поддержанным 93 радиоуглеродными датировками. Для периода от

11 800 л.н. до 9300 л.н. климат Москвы представлен нами (рис. 261, Б) как средний из климатов, реконструированных для Половецко-Купанского и белорусских болот. Эти реконструкции были выполнены В.А. Климановым на основе его собственной методики, кратко описанной нами выше. Недостатком методики является дискретность градаций климатических условий, к которым относится тот или другой этап накопления отложений. Несколько условен и выбор самих градаций. Корреллиционные связи компонент пыльцевых спектров и климата дают непрерывные ряды аномалий климата, учитывают степень независимости используемой информации. Однако реконструкции В.А. Климанова более полно охватывают голоценовый период и взаимно контролируются большим числом разрезов, поэтому мы используем именно эти реконструкции. Большое число разрезов было выполнено в прежние годы без радиоуглеродных датировок и с отбором образцов длиной 25–50 см, т.е. за периоды не менее 250–500 лет каждый. Список этих разрезов для Подмосковья приводит М.И. Нейштадт (1957). Мы по возможности используем их при дальнейшем изложении.

Отложения раннего дриаса оказались почти стерильными (*Еловичева и др.*, 1988), однако, в некоторых белорусских скважинах присутствует пыльца тундровой растительности (куропаточья трава, морошка и т.д.) Ее количество недостаточно для количественного восстановления климата, но спектр пыльцы, хотя и свидетельствует о тундровых условиях, указывает на меньшее похолодание, чем в Западной Европе.

Для потепления бёллинг (12 800 л.н., т.е. середина XI тысячелетия до н.э.) пыльца соответствовала сосново-березовым лесам, летние температуры в Белоруссии предполагаются на 0,5ºС ниже современных, зимние ниже на 1,5º, а годовые – на 1º. Осадков было меньше современных на 75–100 мм. В Москве температура июля около + 17ºС, января –14ºС, года около +3º. Осадки около 470 мм. Температурные условия были близкими к недавнему «малому ледниковому веку» XVII–XIX столетий, но на Русской равнине было суше, чем теперь, а не влажнее, как тогда. Заметим, что сухим и холодным был малый ледниковый век на севере Русской равнины и в Арктике. По-видимому, приарктические соотношения изменения тепла и влаги распространялись до Белоруссии и, наверное, до Москвы из-за еще сохранявшегося в то время Скандинавского ледникового щита.

Таким же сухим оставался и последующий холодный период среднего дриаса (12 200–11 800 л.н.), только температуры, судя по возвращению субарктических растений, понизились по сравнению с бёллингом на 1ºС летом, на 4ºС зимой и не менее, чем на 2,5ºС в среднем за год. Следовательно, на территории Москвы температуру в июле в среднем дриасе можно предполагать равной около +16ºС, января около –18ºС, а годовая около –1º. Осадки около 470 мм.

Для последующего потепления в X тысячелетии до нашей эры (аллерёд, 11 800–11 000 л.н.) имеются сведения по достаточно близкому к Москве Половецко-Купанскому разрезу. На расстоянии в 130 км не только изменения температуры, имеющие радиус корреляции (расстояние с r больше 0,5) порядка 1500 км, но и осадки, меняющиеся с радиусом корреляции 500 км, изменяются достаточно согласно. Температура в аллерёде в Белоруссии на 0,5ºС выше, чем в бёллинге, но в Москве отличалась от современной больше, чем в бёллинге в Белоруссии. Поэтому и в среднем дриасе в Москве следует ожидать большего, чем в Белоруссии похолодания. В аллерёде же на территории Москвы реконструируется температура июля около +18ºС, января – около –13ºС. Осадки приближались к современным, оставаясь несколько ниже них, около 520 мм. На пыльцевых диаграммах для Половецко-Купанского болота в аллерёде господствует ель. По-видимому, к аллерёду относится палеогеографическая карта, построенная М.И. Нейштадтом (1957) для древнего голоцена (рис. 247, А), где Москва относится к южной окраине зоны еловых лесов. Леса эти были разреженными, судя по составу и количеству травяной пыльцы (много полыни), но не были лесотундрой. Господство ели объясняется относительной прохладой и сохранением мерзлоты, при которых даже уменьшенных осадков оказывалось достаточно, и была удобной горизонтальная корневая система ели. Сам М.И. Нейштадт датировал древний голоцен эпохой от 12 000 до 9800 л.н., но, как мы знаем, за эту эпоху климат неоднократно резко менялся, а отложения аллерёда сохранили наибольшее количество пыльцы, так что к ним и следует относить плохо датированные и протяженные по времени образцы.

Наконец, для молодого дриаса (11 000–10 300 л.н.) пыльца вновь соответствует тундро-степям и лесотундре. Сухость еще увеличивалась, осадки составляли только 300–350 мм, меньше современных на 40%. Температура лета была на 5,5º, а зимы на 9º ниже современных. Разница с современными условиями была больше на 2º, чем в Белоруссии. Температура января равнялась около –20º, июля около +13ºС, годовая около –3ºС.

Согласно А.А. Величко, в позднеледниковье отклонения температур и осадков от современных в Верхневолжском бассейне были наибольшими во всей лесной зоне (*Величко и др.*, 1994). Это, может быть, объясняется сохранением в эту эпоху ледникового щита в Скандинавии и его влиянием на циркуляцию атмосферы (*Савина*, *Хотинский*, 1982).

Характер колебаний климата изменился с переходом к голоцену, когда ледниковые щиты сократились настолько, что уже мало влияли на климат Москвы. Внутриконтинентальное ее положение вдали от теплых течений и остатков ледников и постоянное за это время сохранение лесной растительности вдали от границ со степью и тундрой обусловили относительно малый размах колебаний климата Москвы в голоцене по сравнению, например, с Карелией и Дальним Востоком.

Окончательный переход в лесную зону и к голоценовому периоду приходится на пребореальное время (10 300–9000 л.н., т.е. на восьмое тысячелетие до нашей эры). В это время резко повышается температура по сравнению с молодым дриасом на 5ºС в июле и 9ºС в январе, осадки увеличиваются на 150–170 мм и условия приближаются к современным, оставаясь немного прохладнее и суше: июль около +17,5 – +18ºС, январь около –13–13,5ºС, осадки около 480–500 мм. С исчезновением остатков мерзлоты ель сменяется сосной и березой. Внутри этого периода отмечается переяславское похолодание около 9800–9200 л.н., когда температура января понижалась до –14,5ºС, хотя июль оставался прежним и само похолодание было лишь осцилляцией на фоне тренда к потеплению, несоизмеримой с дриасовыми похолоданиями. Мангышлакская регрессия Каспия с 10 000 до 8000 л.н. с падением уровня на 25 м до уровня около –50 м подтверждает свидетельства о сухости в его бассейне, хотя низкий уровень Каспия в то время объяснялся и сильным испарением в условиях более жаркого, чем сейчас, лета (*Вронский*, 1988).

Сухим оставался и последующий бореальный период от 9000 до 7000 л.н. Лишь к концу периода осадки достигли современного уровня, температура воздуха колебалась около него уже в первой половине периода, а во второй поднялась выше, до +19,5ºС в июле и –11ºС в январе. О потеплении в это время свидетельствует не только состав пыльцы (сосна, береза, нарастающее количество вяза, липы, исчезновение карликовой березы и т.д.), но и палеонтологические свидетельства о проникновении на север южных видов грызунов. По-видимому, к середине бореального периода относится карта раннего голоцена М.И. Нейштадта (рис. 247, Б), что совпадает и с его приблизительной датировкой. Все Подмосковье было занято светлыми сухолюбивыми сосново-березовыми лесами. В северной части Подмосковья господствовала береза, в южной – сосна. Присутствуют и широколиственные породы. В районе оз. Медвежье, вблизи нынешнего города, содержание пыльцы широколиственных в спектрах достигает уже 18%. Широколиственные породы проникают к Москве с разных направлений – с запада, юга и востока. Заметим, что в это же время все еще было холодно на северо-западе Русской равнины вблизи остатков ледникового щита, которые окончательно растаяли 8000–7000 л.н. Видимо, это привело к росту осадков и новокаспийской трансгрессии и к потеплению в конце бореала.

4. Изменения климата Москвы в неолите

Последующий «атлантический» период (7000 – 5000 л.н., т.е. пятое – четвертое тысячелетия до нашей эры) явился теплым максимумом голоцена, самым благоприятным для биологической продуктивности, биоразнообразия и, по-видимому, для существования человека, чем мог объясняться переход к неолиту на Русской равнине и возникновение крупных цивилизаций в Египте, Мессопотамии, Индии, Китае. На протяжении 2000 лет в бассейне Москвы-реки удерживаются температуры июля и января на 1,5–2ºС превышающие современные – июль около +20º, январь – около –10º. Осадки оставались несколько большими, чем в бореальный период, хотя слегка меньшими современных (около 520 мм). Если в бореале произошла смена южной тайги на смешанные леса, то в атлантический период Москва оказалась вблизи границы широколиственных лесов, сменявшихся смешанными к востоку. Это подтверждается не только опорными разрезами, но и данными по Бакшеевскому болоту вблизи Шатуры, где широколиственные вместе с ольхой составили 46% пыльцы и появился даже граб (*Болиховская*,1988). В Белоруссии, где было влажнее, чем сейчас, появился бук. Дуб проникает в Карелию. В середине Атлантического периода около 6000 лет назад отмечалось небольшое, на 0,5–1,0ºС, похолодание. Атлантический период характеризуется М.И. Нейштадтом (*Нейштадт*, 1957) как средний голоцен. Датировка бесспорна, так как только в это время появляется в обилии дуб. Однако, в отличие от формальных реконструкций В.А. Климанова по опорным разрезам, М.И. Нейштадт отмечает большую влажность в первой половине и резкое иссушение во второй половине атлантического периода. Об увлажнении первой половины свидетельствует резкое ускорение торфонакопления, большая мощность озерных отложений и даже погребение торфяников под озерными отложениями, что свидетельствует о затоплении болот озерами. К этому времени относится карта среднего голоцена (рис. 247, А). В соответствии с этой реконструкцией находится и продолжение до 6000 л.н. новокаспийской трансгрессии. Во второй половине климат изменился в сторону большей сухости, когда болота снова осохли, озера заторфовывались, торф разложился гораздо глубже, появилось много сосны,

угли свидетельствуют о частых пожарах. Позднеатлантический торф наиболее энергетически ценный.

В последующий суббореальный период (5000–3000 л.н., т.е. во втором и третьем тысячелетиях до н.э.) направление тренда температуры сменилось на похолодание. Температуры воздуха приблизились к современным, причем стали неустойчивыми, колеблясь в июне от +18º до +19ºС, а в январе от –13ºС до –11ºС. До современных 550–560 мм выросли осадки. Спорово-пыльцовые диаграммы показывают уменьшение широколиственных пород, и увеличение количества ели. Это было время перехода к скотоводству и земледелию, развивавшимся, следовательно, в близких к современным климатических условиях.

5. Изменение климата в бронзовый и железный века

К концу суббореального периода наметился переход от каменного к бронзовому, а затем очень быстро и к железному веку на Русской равнине. Переходу к железному веку соответствует начало субатлантической эпохи голоцена, охватившей первые тысячелетия до и после нашей эры от 3000 до 1000 л.н., которая и завершила доисторическую эпоху Москвы. Климатические условия эпохи были неустойчивыми, испытывая колебания с неправильными периодами в несколько сотен лет. Условия конца суббореального периода были влажными. Об этом согласно свидетельствуют реконструкции по опорным разрезам, М.И. Нейштадта по свойствам толщ торфа и А.Н. Золотокрылина по толщине годовых слоев в озерных отложениях (Изменчивость климата Европы, 1995).

В начале субатлантического периода в X–VI вв. до н.э. опорные разрезы в Половецко-Купанском, Тулицком и Бакшеевском болотах согласно указывают на еще теплые и влажные условия. По-видимому, именно к этой эпохе относится палеогеографическая карта позднего голоцена М.И. Нейштадта (рис. 248. Б). В Подмосковье господствовали елово-широколиственные леса. М.И. Нейштадт относит эту реконструкцию к 2000–2500 л.н. В самом деле, эти годы были более холодными и сухими. Приводимые им палеогеографические реконструкции следует отнести к эпохе 3000–2500 л.н. Впоследствии увеличивалась роль сосны и березы за счет ели и широколиственных пород. Температура воздуха в июле в начале первого тысячелетия до н.э. была около +19ºС июля, января – около –11,5ºС, осадки до 630 мм. Только отложения в Сакском и Габ-озерах уже указывают на сухую эпоху. Однако они относятся к западу и северо-западу равнины, так что мы склонны придавать большее значение окрестным болотам. VI–I вв. до н.э., согласно реконструкциям по всем трем болотам, были относительно холодными и сухими: температура июля около 18ºС, января – около –12,5ºС, осадки около 550 мм, т.е. условия стали близкими к современным.

Ввиду нехватки исторических данных с точными датировками и возможных ошибок и в связи с большими интервалами в отборе радиоуглеродных датировок сведения о климате первых 600 лет первого тысячелетия на Русской равнине противоречивы. I–V вв. н.э., судя по Тулицкому и Бакшеевскому болотам, расположенным в ареалах распространения дьяковской культуры, были относительно холодными и по-прежнему сухими, а по реконструкциям по Половецко-Купанскому болоту – холодными и влажными. VI–VIII вв. были холодными и сухими, судя по Тулицкому и Половецко-Купанскому болотам, но влажными, судя по Бакшеевскому болоту (рис. 246, В) (Изменчивость климата Европы, 1995). В любом случае отличия от современных условий были не слишком большими.

На основании собственного спорово-пыльцевого анализа В.А. Климанов (*Климанов*, *Серебряная*, 1986) считает весь этот период временем потепления после начала нашей эры до 0,5º и роста осадков до 25–50 мм по сравнению с современными. Позже В.В. Клименко и А.М. Слепцов на основании обобщения разнообразных литературных данных по всей территории равнины и гипотезы о связи исторических событий с климатом в «дискуссионной», по мнению редакции, статье (*Клименко*, *Слепцов*, 2003) реконструируют колебания климата с периодом примерно в 200 лет, причем он был теплее современного со 150 до 250 и от 400 до 500 г. н.э. с последующими резкими похолоданиями. Осадки росли с потеплением севернее линии Вильнюс – Саратов и с похолоданиями южнее нее.

О небольшой амплитуде климатических колебаний в I тысячелетии н.э. свидетельствуют, в частности, реконструкции М.М. Чернавской для Псковской и Липецкой областей. По ее данным мы оценили отклонения температуры от современной в Москве как средние из расчетов для этих двух областей. Результаты эти сопоставлены на рис. 246, В с детальными исследованиями В.А. Климанова с иной методикой реконструкции (см. с. 233) по Половецко-Купанскому озеру (*Климанов и др.*,1995). Согласно обеим реконструкциям, выступает заметная сухость климата от VIII до первой половины XII в. В это же время преобладали относительно высокие температуры воздуха, кроме короткого периода около 1000 г. Таким образом, освоение Северо-Восточной Руси славянами проходило в условиях, благоприятных для северного земледелия и заселения пойм и неблагоприятным для земледелия в степной засушливой зоне. Лишь затем, после частых колебаний климата во второй половине

XII и начале XIII в., начался холодный период малого ледникового века. На описываемых реконструкциях, а также согласно подсчетам числа сведений об экстремумах в исторических документах (М.Е.Ляхов в кн.: Изменчивость климата Европы,1995) малый ледниковый век лишь в его второй части после XVI в. является влажным. В первую же его часть, в XIV–XV вв., осадки были близки к современным, хотя и большими, чем в эпоху средневекового оптимума VIII–XII вв. С другой стороны, современные инструментальные исследования для Москвы указывают на увеличение осадков в холодные годы, А.Н. Золотокрылин также реконструирует увеличение стока Днепра уже с XI в. Степень разложения торфа в торфяниках указывает на очевидное резкое иссушение в средневековый климатический оптимум и лишь на постепенное увлажнение после него. В целом проблема реконструкции климата по косвенным признакам за последние два тысячелетия не может считаться окончательно решенной из-за того, что сами эти колебания оставались в пределах точности применяемых методов. Лишь их совместное использование позволяет надеяться на определенные результаты.

6. Возможное влияние изменений климата Москвы в голоцене на условия существования человека

Вначале отметим, что на протяжении последних 7000 лет климат оставался близким к современному или был более теплым. Наибольшие изменения температуры воздуха относились к январю, когда колебания температуры воздуха даже в 2–2,5ºС от эпохи к эпохе не имели существенного значения для жизни людей. Июльские температуры повышались до 1,5º и понижались до 1ºС, осадки колебались в пределах от –50 до +50 мм.

Расчет влияния таких изменений на продуктивность растительности был выполнен О.Д. Сиротенко (*Сиротенко и др*., 1990) на основе фитосинтетической теории продуктивности. Расчетная модель состоит из балансов фитомассы, воды и азота. При этом ряд членов дифференциальных балансовых уравнений (например, испарение, влажность почвы) и сама длительность функционирования экосистемы (вегетационный период) зависят от температуры и осадков. Почвенно-климатический потенциал биопродуктивности определялся как сухая надземная биомасса, продуцируемая многолетней травяной экосистемой за отрезок года со среднегодовой температурой воздуха выше 5ºС.

При условии скашивания или выпаса трав с последующим восстановлением для Московского региона почвенно-климатический потенциал оказался равным в современных условиях 5,3 т/га. В условиях потепления атлантического периода этот потенциал возрастал, по расчетам авторов, лишь на 3%, не превышая тем самым 5,5 т/га. В холодные периоды (от V в. до н.э. до VIII в. н.э., т.е. для периода дьяковской культуры или в малый ледниковый век XIV–XV и XVII–XIX вв.) понижение июльской температуры было не большим, чем соответствующее переходу к современным северному или северо-западному регионам, что, согласно тем же расчетам, могло уменьшить почвенно-климатический потенциал не более, чем до 5,0–5,1 т/га. Подобных расчетов для осадков не делалось, но колебания средних для эпох величин также не могли быть существенными.

Другое дело – изменение частот экстремальных событий – засух и наводнений. Нами выполнены расчеты частоты лет с осадками, отклоняющимися более чем на среднее квадратичное отклонение от нормы в зависимости от аномалий средних за 30 лет значений. Для построения зависимостей использовались средние за три тридцатилетних периода данные с 1890 по 1980 г. за теплый и холодный сезоны по пяти станциям Московского региона: Москва, Тверь, Курск, Брянск и Пенза. Случаи отклонения осадков ниже среднеквадратичного отклонения от 90-летнего ряда приняты за маловодные годы, а ниже двойного среднеквадратичного отклонения – за катастрофические засухи. Противоположные выбросы считались многоводными годами или катастрофическими наводнениями. Результаты представлены на рис. 249.

Частота выходов сезонных сумм осадков или средних месячных температур за предел, равный среднему квадратичному отклонению от вековой нормы, очень чувствительна к средним для эпох отклонениям. Так, разница в средних за 30 лет летних осадках на 30 мм соответствует изменению числа маловодных лет от двух до десяти, т.е. от одного засушливого года в 15 лет до одного в три года. Высокие летние паводки меняют частоту по соседним тридцатилетиям от трех (один раз в 10 лет) до десяти (один раз в три года). Правда, для лета теснота связи частоты аномальных лет со средними характеристиками эпох в целом невелика. Для засух коэффициент корреляции равен 0,51, а для летних паводков – 0,71. Оба незначимы на 95% уровне.

Особенно существенны различия в частоте аномалий зимних осадков, а значит и в частоте весенних высоких наводнений при наблюдавшихся различиях в 30-летних средних порядка 40–50 мм. Она в пределах инструментального периода менялась от одного года в 30 лет, т.е. от одного раза за жизнь поколения, до чаще чем один раз в три года. Связь оказалась значимой как для частоты многоводных, так и маловодных лет. Коэффициенты корреляции равнялись

соответственно 0,87 и 0,88. Для годовых величин связи частот и фоновых величин оказались еще слабее, чем для летних. Следовательно, для условий жизни наиболее существенными средними характеристиками являются зимние осадки. При малом их количестве поймы оказываются привлекательны для поселения людей, а при большом постоянные поселения невозможны. Следует заметить, что в сухие годы привлекательность пойм увеличивается за счет близости грунтовых вод, достижение которых на водоразделах требует в этом случае рытья глубоких колодцев. На протяжении второй половины голоцена колебания увлажнения между эпохами как раз соответствовали по величине колебаниям тридцатилетних средних за инструментальный период, и к этим эпохам могут быть применены приведенные выше оценки. Тенденцию к поселению на поймах можно ожидать до 5000 л.н., в ранннедьяковское время от V до I в. до н.э. включительно, от VIII до XIII в. н.э. Поймы затоплялись, а плакоры были достаточно увлажнены в период от 5000 до 2500 л.н. и во вторую половину малого ледникового века. Противоречивы данные от I до VI в. н.э., т.е. для позднедьяковского времени. Выбросы за среднеквадратичные отклонения июльских и январских температур не могли сами по себе иметь существенного значения для условий жизни людей, так как оставались небольшими. Замечательно, что выбросы за два квадратичных отклонения, т.е. катастрофические события по повторяемости не зависят от особенностей эпохи в целом. Каждое катастрофическое событие – результат индивидуальной серии синоптических процессов, равно редкой и в сухие и во влажные, холодные или теплые эпохи.

Приложение II

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ МОСКВЫ-РЕКИ

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
1. Течение Москвы-реки и ее мелких притоков								
1	Сел. Андроново	Алексеев А.В., 1998	более 1200	–	0,3	–	+	+
2	Сел. Городок у Остриц	Ходаковский З.Я., 1821; Янишевский Б.Е., 2009	?	–	?	?	+	+
3	Сел. Мышкинское	Дубынин А.Ф., 1956	?	–	0,3	–	+	+
4	Сел. Горетово 2	Горохов В.И., 1956; Смирнов К.А., 1956	1600	16	0,4	–	+(?)	+
5	Сел. Маловка	Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1999	?	–	0,5 (включая слой деревни)	–	+	?
6	Гор. Троицкое	Горохов В.И., 1926; Дубынин А.Ф., 1956–1960; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1996	3500	3200 (1956–1960)	0,8	–	+	+
7	Сел. Троицкое 2	Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1996	1600	–	?	–	+	+(?)
8	Сел. Троицкое 4	Янишевский Б.Е., 1996	2500	–	?	–	–	+(?)
9	Сел. Аксиньино	Смирнов К.А., 1959	?	–	?	–	?	?
10	Гор. Рахманово	Смирнов К.А., 1956, 1958	400	–	0,1	–	+	+
11	Гор. Бородинское	Ходаковский З.Я., 1821; Арциховский А.В., 1926, 1927; Смирнов К.А., 1959	1500	120 (1926)	0,3	–	+(?)	+
12	Сел. Бородино	Янишевский Б.Е., 2010	?	3000	1,2			+
13	Кострище у Можайского гидроузла	Дубынин А.Ф., 1956	?	–	?	–	?	?
14	Сел. Марфин брод	Смирнов К.А., 1956	?	–	0,3	–	+	+
15	Сел. (гор.?) в г. Можайске	Краеведы, 1925, 1926; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1962	?	–	0,5	–	?	+
16	Гор. Можайск	Янишевский Б.Е., 2005	?	раскопки		+	+	+
17	Гор. Тетерино	Арциховский А.В., 1927; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1974; Асташова Н.И., 1971	400–500	–	0,4	–	+	+
18	Сел. Новинки	Янишевский Б.Е., 2001.	?	–	0,2–0,5	–	–	+
19	Гор. Шишимрово (Долгинино)	Открыто до 1879; Равдина Т.В., 1950; Розенфельдт Р.Л., 1976; Янишевский Б.Е., 1991	1500	–	0,4	–	+	+
20	Сел. Красный Стан 2	Алексеев А.В., 1998	?	–	0,3	–	–	+
21	Сел. Новинки	Розенфельдт Р.Л., 1975	?	–	0,7	–	–	+
22	Сел. Костино	Янишевский Б.Е., 1991–1993	3000	–	0,3	–	–	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
23	Гор. Чепасово	Розенфельдт Р.Л., 1979; Янишевский Б.Е., 1991	1200–1300	–	0,5	–	?	+
24	Гор. Ст. Руза	Краснов Н.А., Краснов Ю.А, 1957	?	–	0,25	–	–	+
25	Гор. Тучково	Золотов Ю.М., 1958; Розенфельдт Р.Л., 1959, 1960, 1965	1600	148	0,3	–	+	+
26	Гор. (сел.?) Морево	Иванов, 1929	?	–	?	–	+	?
27	Сел. Григорово	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Янишевский Б.Е., 1990	?	–	0,2	–	–	+
28	Сел. Григорово-1	Алексеев А.В., 1999	?	–	0,6	–	+	?
29	Сел. Григорово	Кравцов А.Е., 1970-е годы	?	–	?	–	+	?
30	Сел. «Санаторий им. Герцена» (Григорово 3)	Алексеев А.В., 1999	?	–	0,4	–	+	+
31	Гор. «Санаторий им. Герцена»	Алексеев А.В., 1999	0к. 3000	–	?	–	?	?
32	Сел. Агафоново	Алексеев А.В., 1999	?	–	?	–	–	+
33	Мест. Агафоново	Алексеев А.В., 2000	?	–	?	–	+	+
34	Гор. Алтыново (Бережки)	Розенфельдт Р.Л., 1978; Алексеев А.В., 2000, 2003	1100	–	0,5	–	–	+
35	Сел. Хотяжи 1	Станюкович А.К., 1999–2001; Кренке Н.А., 2009	?	100 (2009)	0,4	–	+	+
36	Сел. Никифорово (Хотяжи 2)	Алексеев А.В., 1999	12 600	–	?	–	+	+
37	Сел. Власово	Алексеев А.В., 2003	?	–	?	–	+	–
38	Гор. Рязань (Улитино)	Краеведы, 1967; Розенфельдт Р.Л., 1978	4500	–	0,5	–	+	+
39	Сел. Бушарино	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,2	–	–(?)	+
40	Гор. Бушарино	Виноградов К.Я., 1927; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957, 1971; Розенфельдт Р.Л., 1977; Янишевский Б.Е., 1989, 1990	1000–2000	–	0,3	–	+	+
41	Мест. Волково (в кургане)	Свед. А.В. Алексеева	?	раскопки (1941)	?	–	+	?
42	Гор. Каринское	Розенфельдт Р.Л., 1977; Юшко А.А., 1978	1000	10 (1990)	0,4–1,0	–	?	?
43	Сел. Каринское	Виноградов К.Я., 1931; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Станюкович А.К., 1963; Юшко А.А., 1978; Розенфельдт Р.Л., 1975	2000–2500	25 (1931)	0,3	–	-(?)	+
44	Сел. Аниково 2	Алексеев А.В., 2003	?	–	?	–	–	+
45	Гор. Луцино 2	Кренке Н.А., 2010	300	8	0,4	+	+	-
46	Сел. Луцино 3	Кренке Н.А., 2010	30	–	0,5	-	+	-
47	Гор. Луцино 1	Виноградов К.Я., 1927, 1930; Колобов В.М., 1946; Яценко И.В., 1947; Розенфельдт Р.Л., 1974; Станюкович А.К., 1963; Янишевский Б.Е., 1991	1200	–	0,7	–	+	+
48	Сел. Дютьково 2	Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2007–2008	100	24	0,4	-	+	?
49	Сел. Дютьково 3 (Олимп)	Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2005–2009	3000	132	0,4	+	+	
50	Гор. Дютьково	Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2007–2009	500	25	0,2–1,5	+	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
51	Гор. Саввино-Сторожевское	Успенская А.В., Елагина Н.Г., 1951; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1955, 1957, 1958, 1966; Кренке Н.А., 2009	900	28	0,7	+	+	+
52	Сел. Саввино-Сторожевское 1 (Усть-Сторожа)	Станюкович А.К., 1996–2000	более 2000	176	0,5	+	+	+
53	Сел. (?) Звенигород, Городок	Краснов Ю.А., Станюкович А.К., 1995	?	?	–	–	+ (?)	+ (монета Септимия Севера 191–211 гг. н.э.)
54	Гор. у д/о «Связист»	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957, 1969, 1973; Юшко А.А., 1978; Розенфельдт Р.Л., 1975; Янишевский Б.Е., 1990; Станюкович А.К., 2002	1200–1500	60 (1990) 8 (2002)	0,5	+	+	+
55	Сел. Колтарово	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,3	–	+	+
56	Мест. Скоротово 1	Алексеев А.В., 2005	?	4	?	-	+	-
57	Сел. Игнатьево	Виноградов К.Я., 1927	?	–	?	–	–	+
58	Сел. Мозжинка III	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,3	–	+	+
59	Сел. Мозжинка II	Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957; Янишевский Б.Е., 1992	600–800	около 10 (1992)	0,3	–	+	+
60	Гор. Мозжинка 1	Виноградов К.Я., Колобов В.М., 1929–1930; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1953, 1957; Розенфельдт Р.Л., 1981; Янишевский Б.Е., 1992	1000–1500	–	0,5	–	+	+
61	Сел. Дунино 4, Погребение	Чернов С.З., 1996; Алексеев А.В., 2005; Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2009	2000	28	0,6	+	+	-
62	Сел. Дунино 5	Чернов С.З., 1996; Алексеев А.В., 2005	?	3	?	–	+	?
63	Сел. Дунино 8	Алексеев А.В., 2004, 2005; Кравцов А.Е., 2008	80	199	0,3	+	+	+
64	Сел. Дунино 9	Алексеев А.В., 2004		1	0,3	-	+	?
65	Гор. Дунино	Дервиз, Г.В. 1940; Дервиз Г.Г., 1968, 1969; Розенфельдт Р.Л., 1978; Янишевский Б.Е., Чернов, 1996	1600	около 30 (1940, 1968, 1969)	1,0	+	+	+
66	Сел. Дунино 2	Розенфельдт Р.Л., 1985?	?	–	?	–	?	+
281	Сел. Аксиньино	Лазукин А.В., 2006	?	-	0,4	-	-	+
67	Сел. Николина Гора	Чаянов А.В., 1928, 1929	?	–	?	–	+ (сетчатая керамика в кургане)	– (?)
68	Гор. Николина гора	Кренке Н.А., 2009	3000	4	0,2	-	+	?
69	Мест. Таганьково (в кургане)	Свед. А.В. Лазукина	?	раскопки	?	-	+	-
70	Сел. Ислaвское-2	Маковкин, 1968	?	–	0,2	–	?	?
71	Сел. Ислaвское	Успенская А.В., 1954; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1957	?	–	0,7	–	–(?)	+
72	Сел. Горышкино-3	Алексеев А.В., 1997; Кренке Н.А., Лазукин А.В., 2005	?	4	0,3	+ (кельт)	+	?
73	Гор. Успенское (Ислaвское, Молоденковское)	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1925, 1927, 1929; Чаянов А.В., 1929; Успенская А.В., 1953, 1954; Краснов Н.А., Краснов Ю.А., 1953, 1957; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1964	4000–5000	135 (1954, 1959, 1961, 1962)	2,0	+ (кельт)	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
74	Сел. Успенское	Юшко А.А., 1981	?	1	0,3	–	+	–(?)
75	Сел. 1 Уборы	Алексеев А.В.	?			?	?	?
76	Сел. 2 Уборы	Лазукин А.В., 2005					+	
77	Сел. Знаменское	Двуреченский О.В.	?	180	0,5	-	+	+
78	Гор. Знаменское	Виноградов К.Я., 1929; Розенфельдт Р.Л., 1958, 1962, 1974; Крис Х.И., 1970; Разуваев Ю.Д., 2005	2000	1400 (2005)	0,7	+	+	+
79	Сел. Петрово-Дальнее	Розенфельдт Р.Л., 1974	?	?	?	–	?	+(?)
80	Гор. Калчуга (2-е Знаменское)	Розенфельдт Р.Л., 1962; Крис Х.И., 1970	2500	–	0,6	–	+	+
81	Гор. Усово	Виноградов К.Я., 1925, 1929	?	–	1,0	–	+(?)	+
82	Сел. Жуковка	Розенфельдт Р.Л., 1962, 1977; Векслер А.Г., 1965–1967; Кренке Н.А., 1986	6000	1030 (1965–67, 1986)	0,5	–	+	+
83	Гор. Барвихинское	Забелин И.Е., 1873; Арциховский А.В., 1925; Евтюхова Л.А, 1925; Латышева Г.П., Розенфельдт И.Г., 1958, 1962; Крис Х.И., 1972	1500	300	0,6	+	+	+
84	Сел. Самынка	Кузнецов А.В., 2000-е гг.	?			-	-	+
85	Гор. Архангельское	Виноградов К.Я., 1934; Бадер О.Н., 1940; Крис Х.И., 1970, 1972	1000	–	?	+	+	+
86	Гор. Воронки	Мачульский Е.Н., 1968; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1974	1500	–	0,15	–	?	+
87	Гор. Гольево	Ходаковский З.Я., 1821; Медведев Ю.П., 1938; Бадер О.Н., 1940; Формозов А.А., Кропоткин В.В., 1954; Косинский В.В., 1959; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1960	1500–1700	–	0,4	–	+	+
88	Сел. «Кружок»	Криштафович Н.О., 1890-е годы; Гак Е.И., 2003	?	2 (2003)	0,45	–	+	+
89	Сел. (городище?) Пенягинское	Мачульский Е.Н., 1968; Розенфельдт Р.Л., 1968; Крис Х.И., 1970, 1972, 1975; Кренке Н.А., Чернов С.З., Янишевский Б.Е., 1999	1500	–	0,35	+	+	+
90	Сел. Мякинино 7	Янишевский Б.Е., 2005	?	2	1,0	-	+	?
91	Сел. Мякинино 1	Кравцов А.Е., Трусов А.В., 1992, 1993; Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2003	?	раскопки	?	–	+	+
92	Сел. Мякинино 3	Кренке Н.А., 2000, 2002	более 100	2	0,2–0,3	–	+	–
93	Сел. Мякинино 2	Векслер А.Г., Розенфельдт О.Р., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю. 1993 – 1998; Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2002	?	5225 (1993–1998) 2000 (2002)	?	–	+	+
94	Сел. Мякинино 5	Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2002	?	2,5	?	–	–	+ (1 фрагмент)
95	Сел. Мякинино 6	Коваль В.Ю., 2002	?	4 (2002)	0,8	-	-	+
96	Гор. Спас-Тушино	Виноградов К.Я., 1927; Бадер О.Н., 1933; Медведев Ю.П., 1938; Косинский В.В., 1959; Крис Х.И., 1970; Розенфельдт Р.Л., 1974; Балинский И. М., 1977; Кренке Н.А., Чернов С.З., 1991	2000	28 (1959)	0,7	+	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
97	Гор. Спас-Тушино 2	Сотрудники МИРМ, 1951; Розенфельдт Р.Л., 1968, 1970; Крис Х.И., 1970; Балинский И.М., 1977; Кренке Н.А., Чернов С.З., 1991	800	–	?	+	+	+
98	Сел. Барышиха	Мочульский Е.Н., 1968	?	–	?	–	?	?
99	Гор. Тушино	Ходаковский З.Я., 1821. Виноградов К.Я., 1927. Розенфельдт Р.Л., 1970-е гг.	2000(?)	?	0,7–0,8	–	+	+
100	Сел. Никольское	Оболдуева Т.Г., Бадер М.А., 1930-е гг.	?	–	до 1,6	–	+	+
101	Сел. Алешкино	Армягов С.Е., 1971. Векслер А.Г., 1972. Шеляпина Н.С. 1970-е гг.	1200	–	0, 4	–	+	+(?)
102	Сел. Химкинское	Рабинович М.Г., 1950-е гг. (?)	?	?	?	?	?	?
103	Сел. Троице-Лыково 1	Криштафович Н.И., 1890-е. Бадер О.Н., 1940. Шеляпина Н.С., 1970-е гг.	?	–	?	–	+	?
104	Сел. Татарово	Станюкович А.К., 1977	?	–	?	–	+	+(?)
105	Гор. Кунцево	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., до 1822; Броссе М.И., 1844; Забелин И.Е., 1873; Городцов В.А., 1923; Векслер А.Г., 1960, 1962–1965, 1968, 1970–1973	2000	1300 (1960, 1962–1965, 1968, 1970–1973)	0,8	+	+	+
106	Сел. Кунцево-2	Кренке Н.А., 2006	100	6	0,4	-	-	+
107	Сел. Терехово	Кренке Н.А., 1995	около 500	12	0,5	–	–	+
108	Сел. Фили	Бадер О.Н., 1936	?	–	?	–	–(?)	+(?)
109	Гор. Сетунское	Городцов В.А, 1921; Куфтин Б.А, Воеводский М.В., 1924; Жуков Б.С., Бадер О.Н., 1924, 1925; Карцев В.Г., 1927; Бадер О.Н., 1926, 1929, 1930, 1932, 1940; Розенфельдт Р.Л., 1967. Дубынин А.Ф., 1968	2300	660 (1967, 1968)	0,8	+	+	+
110	Сел. Матвеевское 1	Кренке Н.А., 1999, 2000	?	2 (2000)	?	–	+	–
111	Сел. (городище) Матвеевское 3	Кренке Н.А., 1999	1000–2000	–	0,3	+(?)	+	–
112	Сел. «Нижнее» на Воробьевых горах	Станюкович А.К., 1975, 1976; Станюкович А.К., Кренке Н.А., 1985	200	–	0,3	–	+	+
113	Сел. «Верхнее» на Воробьвых горах	Станюкович А.К., 1975, 1976: Станюкович А.К., Кренке Н.А., 1985	200	–	0,1	–	+	+
114	Гор. Мамоново	Городцов В.А., 1922; Воеводский М.В., 1924, 1925; Бадер О.Н., 1924–1933, 1940; Качанова В.И., 1952, 1953	800	400	1,0	+	+	+
115	Сел. Андреевское	Бадер О.Н., 1931	1800	–	0,5	–	+	+
116	Сел. (гор.?) Кремль (Архангельский собор)	Шеляпина Н.С., 1957, 1969; Кренке Н.А., 1999; Панова Т.Д., 2001	?	раскопки	0,3	+	+	+
117	Сел. Кремль (Подол)	Панова Т.Д., Коваль Ю.В., 2007	?	раскопки	?	-	-	+
118	Местонахождение Гостиный двор на ул. Ильинка	Векслер А.Г., 1998	?	раскопки	?	–	–	+
119	Сел. (гор?) Андроников монастырь	Ульянов О.Г., 1989	?	раскопки в соборе	?	–	+	–(?)
120	Сел. Данилов монастырь	Беляев Л.А., 1983; 2006, 2007	?	раскопки	?	–	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки VIII–VI вв. до н.э.	Находки V–II вв. до н.э.	Находки I в. до н.э. – VII в. н.э.
121	Гор. Нижние Котлы	Ходаковский З.Я., 1821; Криштафович Н.О., 1890-е гг.	1000(?)	–	1,0	–	+	+
122	Сел. Коломенское 1	Кренке Н.А., 1991	?	2	0,7	–	+	+(?)
123	Местонахождение на месте Коломенского дворца	Кренке Н.А., 1996	?	раскопки	?	–	+	+(?)
124	Сел. Коломенское 3 («К югу от церкви Вознесения в Коломенском» на Голосовом овраге)	Кренке Н.А., 1986, 1994	?	20	0,6	–	+	+
125	Местонахождение в Голосовом овраге (правый берег)	Кренке Н.А., 1986	?	8	0,4–1,4	–	+	- (?)
126	Сел. Дьяково 1 («Выгон»)	Кренке Н.А., 1986	200	88	0,2	–	+	+
127	Сел. Дьяково 2 (Дьяково-пойма)	Пахтунов С., 1970-е гг.; Кренке Н.А., 1983, 1985	200(?)	180	0,1	–	+	+
128	Гор. Дьяково	Калайдович, К.Ф., до 1821; Ходаковский З.Я., 1821; Самоквасов Д.Я., 1872; Филимонов Г.Д., 1875; Сизов В.И., 1889, 1890, 1893; Готье Ю.В., 1921; Бадер О.Н., 1926; Виноградов К.Я., 1935; Кренке Н.А., 1981–1987; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001–2004	2200	150 (XIX в.) 50 (1935) 290 (1981–1987) 44 (2001)	3,0	+	+	+
129	Сел. Дьяково 3 (Дьяково-южное)	Кренке Н.А., 1992, 1995; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001	10	3 (1995)	0,6	–	–	+
130	Местонахождение к югу за валом Дьякова городища	Кренке Н.А., 1996, 1997; Векслер А.Г., Бойцов И.А., 2001	?	–	0,2	–	–(?)	+
131	Сел. Чертов-городок	Бадер О.Н., 1926; Кренке Н.А., 1981, 1982, 1984	?	46 (1982, 1984)	0,6	+	+	+
132	Сел. Николо-Перервинский монастырь	Кренке Н.А., Чернов С.З., Бойцов И.А., 1998	?	2	0,5	–	+	+(?)
133	Сел. Царицыно 1 (Церера)	Галкин Л.Л., 2000; Кренке Н.А., 2002, 2004–2006	1200	166	до 1,0	+	-	+
134	Сел. Братеево	Макаренков Б.А., 1950	?	–	?	–	+	?
135	Сел. Шипилово	Бакунова Т.Н., Кренке Н.А., 2006	?	24	0,5	-	-	+
136	Гор. Капотня	Городцов В.А., до 1893; Макаренков Б.А., 1949; Векслер А.Г., 1975, 1976; Кренке Н.А., 1995; Чернов С.З., 1996	1500	–	0,6 (?)	+	+	+
137	Местонахождение у Капотнинского гор.	Чернов С.З., 1996	–	1	0,3	+	+	–
138	Сел. Капотня	Станюкович А.К., 1974	?	–	?	–	?	?
139	Сел. Беседы	Дукельский В.Ю., 1983 (85?); Станюкович А.К., 1986	?	–	?	–	+	?
140	Большой бесед-ский курган № 12 (керамика в насыпи)	Арциховский А.В., 1946	–	раскопки	–	–	+	–
141	Сел. Остров	Розенфельдт Р.Л., 1974	?	–	?	–	?	?
142	Сел. Петровское (Кривое озеро)	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Куртов Ю.В., 1962, 1964; Розенфельдт Р.Л., 1980	?	раскопки	0,5	+	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки VIII–VI вв. до н.э.	Находки V–II вв. до н.э.	Находки I в. до н.э. – VII в. н.э.
143	Гор. Соколова гора	Потоцкий С.П., 1936–1937. Коняшин Г.М., 1938; Макаренков Б., 1949; Трубникова Н.В., 1956, 1959	1600	40 (1959)	0,8	+	+	+
144	Гор. Коробово	Юшко А.А., 1979. Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1995.	1400	1 (1979 г.) 25 (1995 г.)	0,3	–	+	+
145	Гор. Боровский курган GPS координаты N 55,55335° E 038,03078°	Фальк И.П. 17..?; Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Городцов В.А., 1922; Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Векслер А.Г., 1961, 1962; Розенфельдт Р.Л., 1960; Крис Х.И., 1970; Кренке Н.А., 2004	1500	144 (1961, 1962)	1,0	+	+	+
146	Сел. Заозерье	Векслер А.Г., 1976; Кравцов А.Е., 1993; Тавлинцева Е.Ю., 1994, 1995	?	2 (1993 г.) 120 (1994, 1995 гг.)	0,4	–	+ (1 фрагмент)	+
147	Сел. Сельцо	Розенфельдт Р.Л., 1975	?	–	?	–	–(?)	+
148	Сел. Верея (Заозерское 1)	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Потоцкий С.П., 1936	?	–	0.3	–	–(?)	+
149	Сел. Заозерское 2	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Потоцкий С.П., 1936	?	–	0,5	–	+	+
150	Сел. Верея-Быково	Виноградов К.Я., 1931, 1936; Коняшин Г.М., 1932	?	100	0,4	–	+	?
151	Сел. Ст. Верея	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	?	–	?	?
152	Сел. Колонец	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	?	–	+	–(?)
153	Гор. Красково	Криштафович Н.О., 1890-е гг.	?	–	?	–	?	?
154	Гор. Круглица («Прикащиков курган»)	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Городцов В.А., 1922; Бадер О.Н., 1934; Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Пимакин Л.И., 1956, 1957; Крис Х.И., 1970; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1962, 1974, 1975	1500	221 (1956, 1957)	1,0	–	+	+
155	Гор. Софьино	Коняшин Г.М., 1930-е гг.	?	–	0,8	–	+	+
156	Гор. Селецкое GPS координаты Вал N 55,42828° E 038,18530° Центр N 55,42806° E 038,18590°	Коняшин Г.М., 1930-е гг.; Розенфельдт Р.Л., 1960; Чернай И.Л., 1975–1978	1800	480 (1975–1978)	1,0	+	+	+
157	Сел. Николо-Романь	Чернай И.Л., 1974	?	6	?		+	–(?)
158	Сел. Бронницкое	Чернай И.Л., 1980-е гг.	?	–	?		+	?
159	Гор. Бронницкое GPS координаты Вал N 55,42072° E 038,24014° Мыс N 55,42134° E 038,24016°	Чернай И.Л., 1999; Чернай И.Л., Кренке Н.А., Лопатина О., 2001	2000	–	0,2-0,5	+	+	–
160	Гор. Боршева GPS координаты Вал N 55,39893° E 038,32466° Центр N 55,39933° E 038,32484° Мыс N 55,39965° E 038,32524°	Ходаковский З.Я., 1821 (1822?); Розенфельдт Р.Л., 1960, 1967; Крис Х.И., 1973-1979	2000	800 (1973–1979)	1,5	+	+	+
161	Гор. Михалево	Сидоров В.В., 1988	Около 1000	–	0,9	–	?	+
162	Сел. Юрасово (погост Гвоздна)	Юшко А.А., 1976	?	–	?	–	?	?

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
163	Сел. Петровское	Розенфельдт Р.Л., 1986	1500	–	0,3	–	?	+
164	Сел. Городище (устье р. Отры)	Розенфельдт Р.Л., 1977; Сыроватко А.С., начало 1990-х гг.	?	–	0,5	–	+	+
165	Сел. Городищи 2	Сборы краеведов	?	-	?	-	+	-
166	Могильник у с. Городище	Кожевников А.Я., Сизов В.И., 1892	–	раскопки	–	–	–	+(?)
167	Сел. Маришкино	Сборы краеведов	?	–	?	–	–	+
168	Сел. Константиново	Сборы краеведов	?	-	?	-	-	+
169	Гор. Ачкасово в уроч. Городена (погост Красно)	Талицкий М.В., 1936; Юшко А.А., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1979, 1980, 1986; Сыроватко А.С., 1997	Около 1500	–	?	–	+	?
170	Сел. Городена	Талицкий М.В., 1936; Сыроватко А.С., 1997	?	–	?	–	+	?
171	Мест. Цемгигант 2	Жданов, 2001; Черкасов, 2006	?	200	?	-	+	?
172	Сел. Конев Бор	Сыроватко А.С., 1998	?	–	?	–	–	+
173	Мест. Молитвино	Гужов А.И., 1940-е гг.; Сыроватко А.С., 2001	?	3	?	-	+	-
174	Мест. ул. Б. Запрудная	Черкасов, 2005	?	32	?	-	+	-
175	Гор. в г. Коломна «Блюдечко» (Кремль)	Виноградов К.Я., 1935; Милонов Н.П., 1935, 1937; Мазуров А.Б., 1995	?	Около 400	0,25	–	+	+
176	Мест. Троицы на Репне	Свед. А.С. Сыроватко	?	-	?	-	+	-
177	Гор. (?) Старо-Голутвин монастырь	Савицкий М.Г., 1982; Самошин; Мазуров А.Б., Высоцкий А.Л., 2001	?	340 (2001)	?	–	+	+(?)

2. Памятники по течению реки Руза

178	Сел. Ивановское	Виноградов К.Я., 1928	?	раскопки	0,1	–	+	+
179	Сел. Клетки	Виноградов К.Я., 1930	?	?	?	–	+	+
180	Сел. Сытьково	Розенфельдт Р.Л., 1957	1200	–	0,3	–	–	+
181	Гор. Неждино	Дубынин А.Ф., 1957, 1961	300	280	0,3	–	–	+
182	Гор. Руза	Ходаковский, 1821; Голубева Л.А., 1949	?	раскопки	?	–	+	+

3. Памятники по течению р. Озерны и по берегам оз. Тростенского

183	Гор. Карасино	Виноградов К.Я., 1926	1500	60 (1926)	0,3	–	+	+
184	Сел. Тростенская-северная	Сидоров В.В., 1968, 1969, 1971	500	62	0,3	–	+	+
185	Гор. у с. Городище	Виноградов К.Я., 1925; Сидоров В.В., 1969; Сидоров В.В., Балинский И.М., 1973–1975	2500	400 (1969, 1973–1975)	0,3	–	+	+
186	Сел. Никольское 1	Сидоров В.В., 1968–1971	?	–	?	?	?	?
187	Сел. Никольское 2	Сидоров В.В., 1971, 1972	?	140 (1971, 1972)	?	–	+(?)	+
188	Сел. Никольское 3 (Никольское Правое)	Сидоров В.В., 1972–1975	?	–	?	?	?	?
189	Сел. Усть-Рассоха	Сидоров В.В., 1970, 1976	1200	–	0,3	–	–	+
190	Сел. Нижнее Сляднево («Мары»)	Виноградов К.Я., 1924, 1926; Сидоров В.В., 1976; Розенфельдт Р.Л., 1978	?	14 (1926)	0,4	–	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
191	Гор. Слобода	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1957; Юшко А.А., 1972	1000	36 (1926 г)	0,3	–	+	+
192	Гор. Темшинское	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1976; Сотрудники Рузского музея, 1970-е гг.; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	1500	3 (1926 г.)	0, 7	–	+	+
193	Гор. Михайловское	Виноградов К.Я., 1926; Розенфельдт Р.Л., 1956, 1957; Дубынин А.Ф., 1962; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	1400	16 (1926) 640 (1957, 1962)	0,4	–	+	+
194	Сел. Михайловское	Розенфельдт Р.Л., 1962; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., 2000	60(?)	–	0,1	?	?	?

4. Памятники по течению р. Истры и ее притокам

195	Гор. Корсаково	Ходаковский З.Я., 1821; Дурново Н.Н., до 1920 г.; Евтюхова Л.А., Дмитриевская А.В., 1924; Виноградов К.Я., 1925; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1974; Янишевский Б.Е., Кренке Н.А. 2000	1600	20 (1925 г.)	0,3	?	?	+
196	Гор. Рождественское	Виноградов К.Я., 1925	1500	шурф 1925 г.	0,4	?	?	+
197	Гор. Лопотовское 1	Розенфельдт Р.Л., 1961, 1974	3000	–	0,3	–	+	+
198	Гор. Лопотовское 2	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1927; Розенфельдт Р.Л., 1961, 1974	1200	8 (1927)	0,3	–	–(?)	+
199	Гор. Бужарово	Ходаковский З.Я., 1821; Виноградов К.Я., 1925, 1926; Розенфельдт Р.Л., 1961	700	272 (1925, 1926)	0,4	–	+(?)	+
200	Гор. Андреевское	Виноградов К.Я., 1925, 1935; Пимакин Л.И., 1937; Кропоткин В.В., Формозов А.А., 1946; Косинский В.В., 1959; Розенфельдт Р.Л., 1947, 1948, 1960, 1974; Янишевский Б.Е., 1992	1500	200 (1925, 1935)	0.5	–	+	+
201	Сел. в г. Истра	Пимакин Л.И., 1962	500	–	0,3	–	+	+
202	Сел. Ново-Иерусалимский монастырь	Беляев, 2009	?	раскопки	До 1,0	-	+	-
203	Сел. Трусовское	Виноградов К.Я., 1935, 1937; Сидоров В.В., 1972, 1973	?	74 (1972, 1973)	0,3	–	+	+
204	Сел. Лучинское	Сидоров В.В., 1972	?	–	0,4	–	?	+
205	Сел. (городище?) Шейка (Сычевка, Малоистринское)	Косинский В.В., 1959; Сидоров В.В., 1972, 1973; Розенфельдт Р.Л., 1974; Балинский И.М., 1977	1000	4 (1973)	0,3	–	+	+
206	Гор. Ильинское	Леонид Кавелин, до 1876 г.; Виноградов К.Я., 1924, 1925, 1934; Колобов В.М. 1947; Косинский В.В., 1958; Розенфельдт Р.Л., 1974; Юшко А.А., 1978	2000	150 (1924, 1925, 1934)	1,8	–	+	+
207	Сел. Вельяминово	Юшко А.А., 1978; Кренке Н.А., 1985	?	1,5	?	–	+	+
208	Сел. Канаброво	Кренке Н.А., 1985	?	–	?	–	–(?)	+
209	Сел. «Родники»	Кренке Н.А., 1985	?	–	0,2	–	+	–(?)
210	Сел. Санниково 1	Кренке Н.А., 1985	1000	–	0,3	–	+	+
211	Сел. Санниково 2	Кренке Н.А., 1992	?	–	0,3	+	+	?
212	Сел. «Освобожденный труд»	Кренке Н.А., 1993	?	-	0,5	–	–	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
213	Сел. Ивановский хутор	Кренке Н.А., 1993, 2009	Около 2500	1	до 0,8	+	+	?
214	Сел. Анносино	Коваль В.Ю., 2002	?	52 (2002)	0,3	-	+ (1 фрагмент текстильной керамики)	-
215	Сел. Веледниково	Смирнов К.А., 1958	1200	–	0,1	–	–(?)	+
216	Гор. «Дятлова поляна»	Смирнов К.А., 1958; Крис Х.И., 1972; Розенфельдт Р.Л., 1975	1500	–	0,4	–	+	+
217	Сел. Степановское 1	Чернов С.З., 1970-е гг., 2007	?	9	?	?	?	+
218	Сел. Степановское 3	Гак Е.И., 2003	?	–	?	–	+	?
219	Сел. Дмитровское 2	Гак Е.И., 2003; Цыбин, 2007	?	2	0,4	+	+	?
220	Сел. Дмитровское 3	Гак Е.И., 2003	?	1	0,5	–	+	?
221	Сел. Дмитровское 1 (у церкви села)	Чернов С.З., 1987	?	–	?	–	+	?

5. Памятники в бассейне р. Пахры

222	Сел. Десна	Станюкович А.К., 1978	?	раскопки	0,1	–	+	+(?)
223	Сел. Конаково	Розенфельдт Р.Л., 1978	1000	–	?	–	–(?)	+
224	Сел. Городок 1	Гоняный М.И., 2008	?	раскопки	?	-	-	+
225	Сел. Красное	Крушков В., Гоняный М.И., 1970-е гг.; Розенфельдт Р.Л., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	600	2 (1985)	до 1,4	–	+	+
226	Гор. Шаганино	Гоняный М.И., 1992	1500	–	-	–	–	+
227	Сел. Поливаново	Гоняный М.И., 1985	?	–	?	–	?	+
228	Гор. Луковня 1	Богоявленский С.К., до 1920 г.; Розенфельдт Р.Л., 1962; Юшко А.А., 1968; Векслер А.Г., 1968–1970, 1973, 1975, 1976, 1982	1200	1050 (раскопки Векслера)	0,8	–	+	+
229	Гор. Луковня 2	Гоняный М.И., 1970-е гг., 1992; Розенфельдт Р.Л., 1991; Кренке Н.А., 1985, 1987	950	15 (1985, 1987)	0,2	–	+	?
230	Сел. Лемешево 1	Розенфельдт Р.Л., 1981; Гоняный М.И., 1990	500	–	0,2	–	–	+
231	Сел. Лемешево 3	Гоняный М.И., 1990	1500	–	?	–	+	+
232	Сел. Кутьино	Гоняный М.И., 1981	менее 1000	–	?	–	–	+
233	Гор. Роднево	Розенфельдт Р.Л., 1961, 1966, 1974; Гоняный М.И., 1992	1500	0,5 60 (1992)	0,5	–	+	+
234	Гор. «Кузнечики»	Богоявленский С.К., до 1920 г.; Дубынин А.Ф., 1963, 1965	1300	1200	0,7	–	+	+
235	Сел. Ознобишино 3	Гоняный М.И., 1991	2500	–	0,7	–	+	+(?)
236	Мест. Ознобишино (в насыпи кургана Ознобишино-1)	Гоняный М.И., 2005	?	раскопки	?	-	-	+
237	Сел. Дубровицы 3	Гоняный М.И., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	1000	–	?	–	+	?
238	Сел. Дубровицы 2	Гоняный М.И., Станюкович А.К., 1981; Гоняный М.И., 1990, 1991	Около 400	176 (1990, 1991)	До 1 м	+	+	–
239	Сел. Беляево	Гоняный М.И., 1981; Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1985	600	–	?	+	+	+

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э
240	Гор. Остафьево (Рязаново)	Кондратьев И.И., 1989; Гоняный М.И., 1994	Около 2000	56	?	–	+	+
241	Сел. Рыбино (Ерино)	Гоняный М.И., 1983	менее 800	4 (1983)	0,2	–	+	+(?)
242	Сел. Студенцы	Гоняный М.И., 1981, 1982	менее 800	4	0,1	–	+	– (?)
243	Сел. Подолье (г. Подольск)	Гоняный М.И., 1994	?	189	?	–	+	–
244	Сел. (гор.?) Борисово	Юшко А.А., 1967; Кренке Н.А., 1985	700	1 (1985)	0,4	–	+	–
245	Сел. Стрелково (под курганом)	Юшко А.А., 1967	?	раскопки	?	–	–	+
246	Сел. Стрелково 2	Крушков В. 1970-е гг.; Гоняный М.И., 1981; Кренке Н.А., 1985	?	0,5 (1985)	0,4	–	+(?)	+
247	Сел. Быково на руч. Висенской	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	+	+
248	Сел. Жданово 1	Гоняный М.И., 1996	?	344	?	–	–	+
249	Сел. Жданово 2 (Добрятино)	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	?	?
250	Сел. Бяконтово («Святой колодец»)	Кренке Н.А., Лопатин Н.В., 1985	?	4 (1985)	0,2	–	+	+
251	Сел. Конопелка 1	Кренке Н.А., 1985	менее 2000	–	0, 2	–	+	+
252	Гор. Щербинское	Керцелли Н.Г., до 1876 г.; Виноградов К.Я., 1925; Дубынин А.Ф., 1961, 1963, 1964; Александрова О.И., Кренке Н.А., 2007	1700	72 (1925 г.) 1584 (1961, 1963, 1964)	0,8	+	+	+
253	Сел. Борисоглебское	Гоняный М.И., 2008	?		?	?	?	?
254	Гор. Борисоглебское	Сотрудники Сухановского музея, 1923; Розенфельдт Р.Л., 1963, 1964, 1974	1400	27,5	1,0	–	+	+
255	Сел. Заболотье 1	Александрова О.И., 2007	?	-	?	-	+	-
256	Сел. Заболотье 3	Гоняный М.И., 2008, 2009				-	+	+
257	Сел. у пос. Константиновский	Юшко А.А., 1968	200	–	0,2	–	+	+ (?)
258	Сел. в с. Домодедово	Смирнов А.П. (?), 1950-е гг.	?	–	?	–	?	?
259	Сел. Горки Ленинские 3 (у беседки)	Кренке Н.А., 1992	500	1	0,7	–	+	+
260	Сел. Усть-Туровка	Шполянский С.В., 1985; Кренке Н.А., 1985	2000	2	0,7	–	+	–
261	Гор. Съяновское	Ахланов Д., Костомаров В., Герасимов П., 1923; Розенфельдт Р.Л., 1960; Юшко А.А., 1968; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 1990	3000	1 (1968)	1.0	–	+	+
262	Сел. Чурилково	Кренке Н.А., 1991, 1992	?	–	?	–	–	+
263	Сел. Татарское 1	Гоняный М.И., 1996	?	–	?	–	+	–
264	Гор. Володарка	Талицкий М.В., 1934; Розенфельдт Р.Л., 1961; Трубникова Н.В., 1965, 1972, 1973; Крис Х.И., 1971; Кренке, 2003	2400	160 (1965, 1972, 1973)	1,0	+	+	+
265	Сел. Яковлевское	Шурфы грабителей, 2006 (?)	400	?	?	-	+	-
266	Сел. Редкинское	Сидоров В.В., Балинский И.М., 1975	?	3	0,2	–	+	?

№	Название	Фамилия исследователя, год обследования	Площадь поселения (кв. м)	Раскопано (кв. м). В скобках – год раскопок	Средняя толщина слоя (м)	Находки		
						VIII–VI вв. до н.э.	V–II вв. до н.э.	I в. до н.э. – VII в. н.э

6. Памятники в бассейнах рек Северки и Коломенки

267	Сел. Щербинино	Розенфельдт Р.Л., 1977	2000	–	0,4	–	-(?)	+
268	Сел. Федоровское	Талицкий М.В., 1936; Юшко А.А., 1972	?	–	0,3	–	?	+
269	Гор. Федосьино 2	Талицкий М.В., 1930-е гг.; Розенфельдт Р.Л., 1979	?	–	?	–	?	?
270	Гор. Федосьино 1	Богоявленский С.К., до 1920 г.; Розенфельдт, 1979	2000	–	0,1	–	?	?
271	Гор. Юшково 1	Ходаковский З.Я., 1821; Калайдович К.Ф., до 1822; Талицкий М.В., 1936	?	–	?	–	?	?
272	Гор. у с. Мячково (Настасьино)	Талицкий М.В., 1936; Розенфельдт Р.Л., 1960; Юшко А.А., 1977; Энговатова А.В., 1989, 1993, 1999, 2000	2000	3634 (включая предполье)	0,2-0,6	+(?)	+	+(?)
273	Сел. Настасьино 1	Энговатова А.В., 1999	?	216	0,6	–	+	–
274	Сел. Настасьино 2	Энговатова А.В., 1999	?	80	0,6	–	+	–
275	Гор. Хлопнево	Талицкий М.В., 1936; Розенфельдт Р.Л., 1978	300	–	0,2	–	?	?
276	Сел. Северское	Юшко А.А., 1980; Савицкий М.Г., 1980-е гг.; Сыроватко А.С., 1997	?	–	?	–	+	+
277	Месторасположение Лысцево	Сыроватко А.С., 2001, 2005	?	317	?	-	+	-
278	Гор. Городищи (на р. Коломенке)	Ходаковский, 1821; Калайдович К.Ф., 1822; Милонов Н.П., 1935; Розенфельдт Р.Л., 1960, 1975; Сыроватко А.С., 1996–1998	2400	307 (1996–1998)	1,0	+	+	+
279	Сел. Городищи (на р. Коломенке)	Арциховский А.В., Воронин Н.Н., Альтшуллер А.Б., Мазуров А.Б., 1995	?	?	0,2	?	+	+ (?)
280	Сел. Олений Вражек	Савицкий М.Г., 1980-е гг.	?	–	?	?	+	?

Приложение III

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГЕ ДЬЯКОВА ГОРОДИЩА

На основе ландшафтного анализа территории (по В.А. Низовцеву). Легенда к рис. 23 цв. вкл.

Хозяйственные угодья и виды природопользования:

1 – пашня – постоянные пахотные участки; ПТК полого-покатых и покатых присетьевых склонов (крутизной от 2 до 6 градусов, реже круче) и «водораздельных межсетьевых» гребней;

2 – мелколесья – участки краткосрочных и среднесрочных перелогов, распахиваемых 3–4 года, а затем залежь и выпас скота (преимущественно крупного рогатого) по мелколесью; «оборот» порядка 10–20 лет, ПТК полого-наклонных (крутизной 2–4 градуса) хорошо дренируемых (сочетание наклонных поверхностей с короткими линиями добегания и близким и глубоким базисом эрозии – присетьевое положение) высоких долинных зандров;

3 – мелколиственные леса на месте коренных широколиственно-хвойных и сложных неморальных сосняков. Использование – подсечно-огневое земледелие с долгосрочным перелогом, выпас скота по лесу, лесное хозяйство, мясная и пушная охота и т.д. ПТК плоских и полого-наклонных (менее 3 градусов) высоких долинных зандров и моренно(?)-водно-ледниковых междуречных равнин с дерново-слабоподзолистыми и слабо- и среднеподзолистыми супесчаными и легкосуглинистыми почвами;

4 – мелколиственные и мелколиственно-хвойные леса с преимущественным использованием как охотничьи угодья и под выпас скота: лесное хозяйство в силу неблагоприятного водно-воздушного режима почв и их более тяжелого механического состава, препятствующих использованию для подсечно-огневого земледелия. ПТК приводосборных понижений с натечным увлажнением и растянутым снеготаянием; почвы холодные с поздней весенней спелостью;

5 – сенокосные и пастбищные пойменные луга с редкостойными дубравами и ветлянниками паркового (пасторального) типа – выпас скота, заготовка сена, желудей, ветошного корма и т.д.;

6 – пастбищные луга (суходольные) и редины широколиственных пород (дуб, липа), использование – выпас преимущественно мелкого рогатого скота, прогон крупного рогатого скота, лесное хозяйство. ПТК крутых (20-30 градусов) коренных склонов долин, балок и оврагов разного профиля и разного геологического сложения;

7 – ольшанники, дубравы и вязовники, местами черемушники, разреженные пасторального типа – выпас скота, преимущественно свиней. Делювиально-пролювиальные шлейфы, наложенные на 1-ю надпойменную террасу;

8 – сочетание суходольных лугов, пасторальных дубрав паркового типа и небольших пахотных участков. ПТК хорошо дренированных нижних частей коренных склонов и делювиальных шлейфов;

9 – сочетание суходольных лугов, редкостойных дубрав, вязовников, липняков и сосняков с разнообразным хозяйственным использованием (пашни, перелоги, пастбища и т.д.). ПТК эрозионно-денудационного генезиса, преимущественно оползневого с подработкой аллювиально-аккумулятивными процессами;

10 – леса близкие к коренным, ограниченного использования: лесозаготовки, охота, бортничество. Крутые склоны оврагов и балок;

11 – археологические памятники (городища и селища) – селитебные земли, постоянные и сезонные, а также места специфической активности, например, «полевые станы», места дойки скота и т.п.

Литература и архивные источники

Авдусин Д.А., 1977. Археология СССР. М.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь. Вып. 1.

Айбабин А.И., 2003. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII века. М.

Александровский А.Л., *Кренке Н.А.*, *Спиридонова Е.А.*, *Янишевский Б.Е.*, 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье // ТАС. Тверь. Вып. 3.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12.

Алексеева Л.И., 1995. Комментарий к находке кости осла на Дьяковом городище // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 6.

Алексеева Л.И., *Калякин В.Н.*, *Кренке Н.А.*, 1996. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические Памятники Москвы и Подмосковья. М.

Алексеева Т.И., *Ефимова С.Г.*, *Эренбург Р.Б.*, 1986. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.

Алихова А.Е., 1958. Могильник Кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново // КСИИМК. Вып. 72.

Амброз А.К., 1964. К истории верхнего Подесенья в I тыс. н.э. // СА. № 1.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. М. Вып. Д1-30.

Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Андреева Е.Г., 1995. Фауна Дьяковского городища в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 6.

Анненская Г.Н., *Жучкова В.К.*, *Мамай И.И. и др.*, 1987. Ландшафты Московской области // Вестн. МГУ. Сер. 5, Геогр. № 2.

Антипина Е.Е., 2009. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. М. Вып. 1.

Антипина Е.Е., *Лебедева Е.Ю.*, 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4.

Антонова Е.В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней Азии. М.

Анучин Д.Н., 1896. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России: По поводу статьи Ф.П. Кеппена «К истории тарпана в России». СПб.

Анучин Д.Н., 1906. Памяти В.И. Сизова // Древности: Труды МАО. М. Т. 21, вып. 1.

Анучин Д.Н., 1909. Доисторическое прошлое Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М.

Арциховский А.В., 1928. Бородинское городище // ТСА РАНИОН. Л.; М. Вып. 2.

Арциховский А.В., 1947. Введение в археологию. М.

Ауліх В.В., 1972. Зимнівсеке городище VI–VII вв. Київ.

Аун М., 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н.э. Таллин.

Ахмедов И.Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.

Ахмедов И.Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Ахмедов И.Р., *Белоцерковская И.В.*, 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Ахмедов И.Р., *Белоцерковская И.В.*, 1998. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 96).

Ахмедов И.Р., *Белоцерковская И.В.*, 1999. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.

Ахмедов И.Р., *Белоцерковская И.В.*, 2007. Рязано-окские могильники: К реконструкции исторических

процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.

Ахмедов И.Р., *Казанский М.М.*, 2004. После Аттилы: Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.

Ашихмина Л.И., *Черных Е.М.*, *Шаталов В.А.*, 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи. Ижевск.

Бадер О.Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. М.; Л. № 7.

Бадер О.Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // МИА. М.; Л. № 13.

Бакуменко К.И., *Бейдин Г.В.*, *Григорьянц М.Н.*, *Дидык В.В.*, 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Башенькин А.Н., 1995. Белозерье: на пограничье восточно- и западнофинского миров // Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар.

Башенькин А.Н., 1995а. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб. Вып. 3.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 1994. Зооморфные украшения молого-шекснинского междуречья раннего железного века // Культура Русского Севера. Вологда.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2004. Городище у д. Бабушкино // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Вологда.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2004а. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Вологда.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2005. Могильник раннего железного века Усть-Колоденка на реке Колпи // Археология Севера. Череповец. Вып. 1.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2006. Городище и погребальный комплекс раннего железного века у д. Городок в верховьях Чагоды // Археология: история и перспективы. Ярославль.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2006а. Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: История и перспективы. Ярославль.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2007. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на реке Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера. Череповец. Вып. 2.

Башенькин А.Н., *Васенина М.Г.*, 2007а. Исследования на городище у д. Бабушкино в 2003 и 2005 годах // Археология Севера. Череповец. Вып. 2.

Белоцерковская И.В., 1981. Керамика некоторых поселений раннего железного века на Верхней Упе // СА. № 2.

Белоцерковская И.В., 1998. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.

Белоцерковская И.В., 1999. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Тр. ГИМ. М. Вып. 103.

Белоцерковская И.В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. (Тр. ГИМ; вып. 122).

Белоцерковская И.В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.

Белоцерковская И.В., 2010. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. Ч. 1.

Белоцерковская И.В., *Ахмедов И.Р.*, 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. // Археологические открытия. 1991–2004: Европейская Россия. М.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

Болиховская Н.С., 1988. К истории растительности и климата Подмосковной Мещёры в голоцене // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М.

Борисенков Е.П., *Пасецкий В.М.*, 1988. Тысячелетняя летопись экстремальных явлений природы. М.

Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск.

Бунак В.В., 1980. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.

Буров В.А., 1994. А погост Жабна пуст. М.

Буров В.А., 2003. Городище Варварина Гора: Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Векслер А.Г., 1969. Отчет об археологических раскопках городища Луковня в Подольском р-не Московской обл. в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4049.

Векслер А.Г., 1970 Альбом к отчету А.Г. Векслера о раскопках городищ в Москве и Московской области в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4196а.

Векслер А.Г., 1972. Отчет о раскопках Кунцевского городища в 1972 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4810а.

Векслер А.Г., 1973. Альбом к отчету об археологических раскопках Кунцевского городища в Москве

и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5089а.

Векслер А.Г., 1976. Иллюстрации к отчету А.Г. Векслера о раскопках Луковнинского городища в Московской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6898а.

Векслер А.Г., 1982. Иллюстрации к отчету А.Г. Векслера о раскопках Луковнинского городища и Чертановкого могильника в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9831а.

Векслер А.Г., 1982а. Москва в Москве. М.

Величко А.А., *Андреев А.А.*, *Климанов В.А.*, 1994. Динамика растительности и климата в тундровой и лесной зонах Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене // Короткопериодические и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет. М.

Верещагин Н.К., 1947.Охотничьи и промысловые животные Кавказа. Баку.

Визгалов Г.П., *Пархимович С.Г.*, 2008. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург; Нефтеюганск.

Винокур І.С., 1997. Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський.

Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск.

Вишневский В.И., 1989. Керамический комплекс городища Кубринское 1 // СА. № 4.

Вишневский В.И., 1990. Селище раннежелезного века Веськово 1 на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново.

Вишневский В.И., 1991. Синьковское городище // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.

Вишневский В.И., 1994. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. № 3.

Вишневский В.И., 1998. Кикинское городище // ТАС. Тверь. Вып. 3.

Вишневский В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьяковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Тверь. Вып. 5.

Вишневский В.И., 2009. Максимковское селище дьяковской культуры на р. Клязьме // ТАС. Тверь. Вып. 7.

Вишневский В.И., *Данильченко В.П.*, *Каспаров А.К.*, *Кирьянова Н.А.*, *Спиридонова Е.А.*, 2001. Хозяйство позднедьяковского населения Верхнего Поволжья: (по материалам раскопок Кикинского городища) // ТАС. Тверь. Вып. 4.

Вишневский В.И., *Кирьянова Н.А.*, *Добровольская М.В.*, 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2.

Вишневский В.И., *Новоселова Т.Н.*, 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище: (результаты раскопок 2006–2007 годов) // АП. М. Вып. 6.

Власов В.К., *Куликов О.А.*, 1988. Радиотермолюминесцентный метод датирования рыхлых отложений. М.

Воронина Р.Ф., *Зеленцова О.В.*, *Энговатова А.В.*, 2005. Никитинский могильник. М.

Воронов Ю.Н., 2003. Могилы апсилов: Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино.

Воронцов А.М., 2000. Этнокультурная ситуация в раннежелезном веке и раннем средневековье на территории окско-донского водораздела // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула.

Воронцов А.М., 2004. Новая группа памятников первых веков нашей эры в правобережье Верхней Оки // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Тула. Т. 1.

Воронцов А.М., 2007. Отчет об археологических исследованиях в Щекинском, Плавском и Заокском районах Тульской обл. в 2007 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1.

Воронцов А.М., 2007а. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3.

Воронцов А.М., 2007б. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время: Дис. … канд. ист. наук. М.

Воронцов А.М., 2008. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды Второго всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. 2.

Воронцов А.М., 2010. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Воронцов А.М., 2010а. Тамги на предметах мощинской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Воронятов С.В., 2008. Ромб с крючками – сарматский след // Лесная и лесостепная зона Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Воронятов С.В., 2009. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.

Вронский В.А., 1988. Палеоклиматы южных морей СССР в голоцене (по палинологическим данным) // Палеоклиматы голоцена Европейкой территории СССР. М.

Габуев Т.А., *Малашев В.Ю.*, 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Гавритухин И.О., 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарична-археалагічны зборнік. Мінск. № 12.

Гавритухин И.О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск.

Гавритухин И.О., 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э.: (из истории костюма). Самара. Т. 2.

Гавритухин И.О., 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.

Гавритухин И.О., *Воронцов А.М.*, 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязанные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Гавритухин И.О., *Обломский А.М.*, 2009. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. 1991–2004: Европейская Россия. М.

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как исторический источник. СПб.

Гендуне Ю.Г., 1906. Городище Топорок. Тверь.

Генинг В.Ф., 1970. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1: Чегандинская культура: (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Ижевск. № 10.

Гептнер В.Г., *Насимович А.А.*, *Банников А.Г.*, 1961. Млекопитающие Советского Союза. М. Т. 1.

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск. Т. 2.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск. Т. 1.

Голдина. Р.Д., *Кананин В.А.*, 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XI вв. М.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М. Вып. Е1-59.

Гоняный М.И., 2009. Отчет о научно-исследовательских археологических раскопках, проведенных в 2009 г. на поселении Заболотье 3а в Домодедовском районе Московской обл. // Архив ИА РАН.

Гоняный М.И., *Кренке Н.А.*, 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3.

Горная энциклопедия / Под ред. Е.А. Козловского. М., 1987. Т. 3.

Горбаневский М.В., 1971. Новые находки на Дьяковском городище // СА. № 1.

Городцов В.А., 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1921 г. // Древний мир. Вып. 1.

Городцов В.А., 1926. Болотное Огубское городище // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. М.; Л. Вып. 85.

Гороховський Е.Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою эмаллю // Археологія. Київ. № 38.

Горюнов Е.А., *Казанский М.М.*, 1978. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. М. Вып. 155.

Горюнова В.М., 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских кладов» // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Горюнова В.М., 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. СПб. Вып. 1.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Горюнова Е.И., 1970. К вопросу о так называемой «дьяковской культуре» // Congressus tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Tallinn.

Готье Ю.В., 1921. Отчет об учебно-показательной раскопке Дьякова городища Московской губ. в 1921 г. // Архив Ин-та истории материальной культуры в Санкт-Петербурге. Ф. 2. 1921. Оп. 1. Д. 88.

Готье Ю.В., 1930. Железный век Восточной Европы. М.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола.

Гришаков В.В., 1998. Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности. Саранск.

Гришаков В.В., 2002. Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М. (Тр. ГИМ; Вып. 135).

Гришаков В.В., 2003. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: Проблемы хронологии и этнической истории: Тез. докл. II межрегиональной конференции. Саранск.

Гришаков В.В., 2004. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников: (к проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск.

Гришаков В.В., 2005. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск.

Гришаков В.В., *Зубов С.Э.*, 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань; Самара.

Громова В.И., 1935. Первобытный зубр в СССР // Тр. Зоологич. ин-та АН СССР. Л., 1935. Т. 2.

Гуляев В.И., 1963. Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища // КСИА. М. Вып. 94.

Гунова В.С., *Кирьянова Н.А.*, *Кренке Н.А.*, *Низовцев В.А.*, *Спиридонова Е.А.*, 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москва-реки в железном веке // РА. № 4.

Гунова В.С., *Кренке Н.А.*, 1985. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 5, Геогр. № I.

Гуревич Ф.Д., 1960. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н.э. // МИА. М.; Л. № 76: Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э.

Гущина И.И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Тр. ГИМ. М. Вып. 54.

Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. № 21.

Дайга И.В., 1960. О литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. № 3.

Данильченко В.П., 1984. Остеологический материал Селецкого городища // КСИА. М. Вып. 178.

Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII века. М.

Древнее поселение в Подмосковье // МИА. М., 1970. № 156.

Дубынин А.Ф., 1959. Отчет Можайской экспедиции за 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1932.

Дубынин А.Ф., 1966. Об орнаменте грузиков Троицкого городища // СА. № 1.

Дубынин А.Ф., 1967. Клад Щербинского городища // КСИА. М. Вып. 112.

Дубынин А.Ф., 1969. Отчет об археологических работах, проведенных Московской экспедицией в 1968 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3715.

Дубынин А.Ф., 1970. Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. № 1.

Дубынин А.Ф., 1970а. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА; № 156).

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Евтюхова Л.А., 1937. Барвихинское городище // СА. № III.

Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.

Егорьков А.Н., 2010. Аналитическое исследование состава стекла бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.

Еловичева Я.К., *Богдель И.И.*, *Зерницкая В.Н.*, *Климанов В.А.*, 1988. Климатические реконструкции голоцена Белоруссии по палинологическим данным // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М.

Ефименко П.П., 1926. Рязанские могильники // Материалы по этнографии. М. Т. 3, вып. 1.

Забелин И.Е., 1873. Кунцово и древний Сетунский стан. М.

Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб.

Засецкая И.П., 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII века. М.

Зиновьев Е.А., 1986. Фауна рыб Камы, охраняемые объекты, проблемы ихтиологического кадастра водоемов // Всесоюзное совещание по проблеме кадастра и учета животного мира. М. Ч. 2.

Иванов С.В., 1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.

Изменчивость климата Европы в историческом прошлом / А.Н. Кренке, М.М. Чернавская, Р. Браздил и др.; под ред. А.Н. Кренке. М., 1995.

Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. М. Вып. XXX.

Изюмова С.А., 1967. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. № 1.

Исланова И.В., 1997. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Исланова И.В., 2001. Опыт классификации керамики поселений дьякова типа // ТАС. Тверь. Вып. 4, т. 2.

Исланова И.В., 2007. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.

Исланова И.В., 2008. Городище Отмичи. М.

Исланова И.В., *Мирецкий А.В.*, 1997. Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Казанский М.М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. СПб. №. 6.

Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск.

Качанова В.И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Кириков С.В., 1966. Промысловые животные, природная среда и человек. М.

Кириков С.В., 1979. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX в. М.

Кирьянова Н.А., 2003. Результаты определения зерна из отмывок культурного слоя городища Варварина Гора // Буров В.А. Городище Варварина Гора. М.

Кирьянова Н.А., 2005. О находках зерен культурных растений I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на территории лесной зоны Восточной Европы // II Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Климанов В.А., 1976. К методике восстановления количественных характеристик климата прошлого // Вестн. МГУ. Сер. геогр. № 1.

Климанов В.А., 1981. Связь субфосильных пыльцевых спектров с современными климатическими условиями // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5.

Климанов В.А., *Серебряная Т.А.*, 1986. Изменение климата и растительности на Среднерусской возвышенности в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2.

Климанов В.А., *Хотинский Н.А.*, *Благовещенская Н.В.*, 1995. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. геогр. № 1.

Клименко В.В., *Слепцов А.М.*, 2003. Комплексная реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // Изв. РГО. 2003. Вып. 6.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.

Коваль В.Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М. Ч. 3. (Тр. МИГМ; Вып. 10).

Коваль В.Ю., 2004. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 27261.

Коваль В.Ю., 2009. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура: Восточный вариант. М. (САИ; Вып. В2-5).

Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант. М. (САИ; Вып. В2-5).

Козловская М.В., 1998. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека / А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. М.

Козмирчук И.А., *Обломский А.М.*, *Разуваев Ю.Д.*, 2010. Раскопки у с. Ксизово Задонского района в 2009 г. // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе 2009 г. Елец.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л. Вып. Е1-43.

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // МАИЭТ. Симферополь. Вып. V.

Короткевич Б.С., 2003. Депро-Двинское городище у бывшей д. Межуево в Невельском районе Псковской области // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.

Короткевич Б.С., 2004. Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Дис. … канд. ист. наук. СПб. Рукопись.

Короткевич Б.С., 2005. Городище Анашкино – памятник раннего железного века в верховьях Западной Двины // II Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Кочанова М.Д., *Спиридонова Е.А.*, *Алешинская А.С.*, 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика». М. Электронное приложение к сборнику тезисов (http://www.paleo.ru/institute/palinological_2005.html).

Краснов Ю.А., 1961. Отчет о раскопках Успенского городища в Звенигородском районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 2255.

Краснов Ю.А., 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. М. Вып. 102.

Краснов Ю.А., 1966. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР // КСИА. М. Вып. 107.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. М. № 174.

Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник. М.

Краснов Ю.А., *Краснов Н.А.*, 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. № 1.

Краснов Ю.А., *Краснов Н.А.*, 1978. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Кренке Н.А., 1984. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. М. Вып. 178.

Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. М. Вып. 186.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. … канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. М. Вып. 194.

Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2.

Кренке Н.А., 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 3.

Кренке Н.А., 1995. Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции // Апокалипсис в русской культуре: Макариевские чтения. Можайск. Вып. 3, ч. 1.

Кренке Н.А., 1995а. «Чертов городок» – селище железного века в окрестностях села Коломенское // РА. № 3.

Кренке Н.А., 2004. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2004а. Дьяково городище: методы исследований: (по материалам раскопок 1981–1987 гг.) // Восточная Европа в Средневековье. М.

Кренке Н.А., 2004б. Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 1.

Кренке Н.А., 2007. Селитебно-хозяйственный комплекс железного века вокруг городища Дунино // Саввинские чтения. Звенигород.

Кренке Н.А., 2007а. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1.

Кренке Н.А., 2008. Археология парка «Царицыно». М.

Кренке Н.А., 2009. Начало исследований Дьякова городища // АП. М. Вып. 5.

Кренке Н.А., *Власов В.К.*, *Куликов О.А.*, 1985. Определение абсолютного возраста керамики Дьякова городища радиотермолюминесцентным методом // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.

Кренке Н.А., *Ершов И.Н.*, *Заидов О.Н.*, *Козмирчук И.А.*, 2010. Раскопки селищ второй четверти I тыс. н.э. Благодать и Ново-Красивое на р. Красивая Меча // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Кренке Н.А., *Лазукин А.В.*, *Ёлкина И.И.*, *Ершов И.Н.*, *Леонова Е.В.*, *Чернов С.З.*, 2010. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // АП. М. № 6.

Кренке Н.А., *Лопатин Н.В.*, 1997. Петрографический анализ керамики городищ Дьяково и Тушемля // РА. № 1.

Кренке Н.А., *Лопатина О.А.*, 2008. Городище Боровский курган // АП. М. Вып. 4.

Кренке Н.А., *Нефёдова Е.С.*, 1995. Раскопки Дьякова городища 1935 г. // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 6.

Кренке Н.А., *Румянцева О.С.*, 2008. Стеклянные бусы Дьякова городища // РА. № 2.

Кренке Н.А., *Сулержицкий Л.Д.*, 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. М. Вып. 194.

Кренке Н.А., *Сулержициий Л.Д.*, 1992. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода. М.

Кренке Н.А., *Сулержицкий Л.Д.* 2006. Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москва-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2.

Кренке Н.А., *Тавлинцева Е.Ю.*, 2002. Литейные формы с Дьякова городища // РА. № 4.

Кренке Н.А., *Цепкин Е.А.*, 1991. Рыболовство на Москва-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // СА. № 1.

Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Крис Х.И., 1974. Отчет об охранных раскопках городища Боршева Московская в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5459.

Крис Х.И., 1976. Альбом к отчету об охранных раскопках городища Боршева-Московская в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6183-а.

Крис Х.И., 1981. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. № 1.

Крис Х.И., *Чернай И.Л.*, 1980. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. М. Вып. 162.

Крис Х.И., *Чернай И.Л.*, *Данильченко В.П.*, 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кузнецова Т.В., *Носкова Н.Г.*, *Калякин В.Н.*, *Есин Д.Н.*, 2004. Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы) // АП. М.

Кун. Т., 1975. Структура научных революций. М.

Кунгурцева С.А., *Степанова Ю.В.*, *Жукова Е.Н.*, 2009. Поселение раннего железного века Беседы в Тверской области // ТАС. Тверь. Вып. 7.

Кухаренко Ю.В., 1964. Зарубинецкая культура // САИ. М. Вып. Д1-19.

Лазукин А.В., 2005. Новые находки на Успенском городище // АП. М. Вып. 2.

Лебедева Е.Ю., 2005. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественно-научные методы. М.

Лебедева Е.Ю., 2008. Результаты археоботанического анализа образцов с селища «Храм Цереры» // Археология парка «Царицыно». М.

Лебедева Е.Ю., 2009. Продолжение археоботанических исследований на Ростилавльском городище дьяковской культуры // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. М. Вып. 1.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.

Лопатин Н.В., *Лопатина О.А.*, 1998. Памятник мощинской культуры в верховьях Вазузы // ТАС. Тверь. Вып. 3.

Лопатин Н.В., *Фурасьев А.Г.*, 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н.э. М.

Лопатина О.А., 2002. Технологическая характеристика глиняных литейных форм Дьякова городища // РА. № 4.

Лопатина О.А., 2006. Историко-культурные процессы у населения бассейнов рек Москвы и средней Оки в раннем железном веке: (по данным изучения керамики) // Архив ИА РАН. Плановая тема 2006 г.

Лопатина О.А., 2009. Гончарная технология племен Дьяковской культуры (по материалам городищ бассейнов Москвы-реки и Оки // Архив ИА РАН. Плановая тема 2009 г.

Лопатина О.А., 2009а. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века // АП. М. Вып. 5.

Лопатина О.А., 2009б. Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дьяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья. Елабуга.

Лопатина О.А., 2010. Керамика раннего железного века с территории Московского Кремля // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: Каталог / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М.

Лопатина О.А., в печати. Некоторые технологические традиции дьяковского гончарства: (по материалам городища Настасьино).

Лопатина О.А., Каздым А.А., 2010. О естественной примеси песка в древней керамике: (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.

Лукина Н.В., 1985. Формирование материальной культуры хантов. Томск.

Львова З.А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. Л. Вып. 20.

Львова З.А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла: (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Л. Вып. 21.

Львова З.А., 2000. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // *Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых могильников Евразии. М.

Макаров М.М., 1981. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках на дюне Ундрих у с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9090-а.

Макаров Н.А., 1986. О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н.э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне // КИСА. М. Вып. 183.

Макаров Н.А., *Красникова А.М.*, *Зайцева И.Е.*, 2010. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // РА. № 1.

Максимов А.Д., 1981. Отчет о раскопках городища Орлов городок и разведках на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8477.

Максимов А.Д., 1982. Отчет о раскопках городища Орлов городок и разведках в Осташковском и Конаковском районах Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8385а.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Малашев В.Ю., *Яблонский Л.Т.*, 2008. Степное население Южного Зауралья в позднесарматское время. М.

Манюхин И.С., 1996. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск.

Марковин В.И., 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.

Мартин Ф.Р., 2004. Сибирика. Екатеринбург; Сургут.

Массалитина Г.А., 1993. Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. М. Вып. 208.

Массалитина Г.А., 2008. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротынск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Мастыкова А.В., 2001. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (по раскопкам В.С. Флёрова) // Практика и теория археологических исследований. М.

Мастыкова А.В., 2009. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Мастыкова А.В., *Плохов А.В.*, 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.

Матвеев Г.В., 1964. Опыт борьбы с дутиком и улучшение качества кирпича на заводах Гострансстроя // Улучшение качества глин строительного кирпича. М.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья

первой половины I тыс. н.э.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 12.

Медведев А.П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.

Медведь А.Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // АП. М. Вып. 3.

Мельниковская О.Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Милюченков С.А., 1984. Белорусское народное гончарство. Минск.

Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Л. № 18.

Михайлова Е.Р., 2007. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.

Михайлова Е.Р., 2009. Культура псковских длинных курганов: Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.

Модестов В.М., 1939. Рыбы Москвы-реки и перспективы их промыслового использования // Сб. научн. студенч. работ: Биология. М. Вып. 6.

Моора Х.А., 1958. О древней территории расселения балтийских племен // СА. № 2.

Моора Х.А., 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Munera archeologica Josepho Kostrzewski. Poznan.

Морозовская Т.В., 1985. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Мурашко О.А., 1984. Популяционные аспекты этногенетических процессов у некоторых групп населения севера и северо-востока Сибири // Этническая культура: динамика основных элементов. М.

Мурашко О.А., *Кренке Н.А.*, 2001. Культура аборигенов Обдорского севера в XIX в. М.

Нейштадт М.И. 1957. Некоторые черты палеогеографии Подмосковья в голоцене // Тр. Ин-та географии АН СССР. Вып. 71

Нестеров В.С., 1988. Об одной находке с Огубского городища // СА. № 3.

Нефёдова Е.С., 1993. Микротопонимы села Дьяково и его окрестностей // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 4.

Нефёдова Е.С., Янишевский Б.Е., 1990. Бронзовый литой браслет с насечками с городища дьякова типа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 3.

Нечаев В.П., 1988. Климатические условия криолитозоны позднеледниковья на юго-западе Русской равнины // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М.

Низовцев В.А., 1989. Структурно-генетический анализ ландшафтов юго-западного Подмосковья // Современные проблемы физической географии. М.

Низовцев В.А., 1990. История хозяйственного освоения ландшафтов Юго-Западного Подмосковья (домонгольский период) // Ландшафты Московской области, их использование и охрана. М.

Никитин А.Л., 1976. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. № 1.

Никольская Т.Н., 1958. Шуклинское городище // КСИИМК. М. Вып. 72.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. М. № 72.

Никольская Т.Н., 1969. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки // КСИА. М. Вып. 119.

Носов Е.Н., 1984. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. М. Вып. 179.

Обломский А.М., 1987. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. № 3.

Обломский А.М., 2002. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гунское время. М.

Обломский А.М., 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М.

Обломский А.М., *Гороховский Е.Л.*, 1986. О дате мощинского и межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга.

Обломский А.М., *Терпиловский Р.В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М.

Останина Т.И. 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.

Ошибкина С.В., 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. М. Вып. 158.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола.

Поболь Л.Д., *Ильютик А.В.*, 2002. Поселение Абидня: Постройки 1, 2, 4, 5 // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н.э.: Материалы. М.

Погодин М.П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. М. Т. III.

Попов С.Г., 1990. Радиоуглеродное датирование археологических памятников второй половины I тыс. н.э. на Северо-Западе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Попов С.Г., *Свеженцев Ю.С.*, *Зайцева Г.И.*, 1991. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.

Прянишников Д.Н., *Якушкин Н.В.*, 1936. Растения полевой культуры. М.

Пряхин А.Д., *Разуваев Ю.Д.*, 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань.

Пузикова А.И., 1981. Марицкое городище в Посеймье. М.

Пузикова А.И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь. М.

Разрезы отложений ледниковых районов центра Русской равнины / под ред. К.К. Маркова. М., 1977.

Разуваев Ю.Д., 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 12.

Разумовский С.М., 1981. Закономерности развития биоценозов. М.

Родинкова В.Е., *Седин А.А.*, 2004. Браслеты Никодимова городища // Восточная Европа в средневековье. М.

Розенфельдт И.Г., 1968. Детали колчанов на городищах дьякова типа // СА. № 2.

Розенфельдт И.Г., 1970. Керамический комплекс городища Кузнечики // СА. № 1.

Розенфельдт И.Г., 1971. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА; № 184).

Розенфельдт И.Г., 1973. Об относительной хронологии дьяковских городищ // КСИА. М. Вып. 133.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Розенфельдт И.Г. 1978. Об одном типе позднедьяковских племенных украшений // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Розенфельдт Р.Л., 1963. Селище Певкин бугор // СА. № 3.

Розенфельдт Р.Л., 1967. Археологические разведки в Подмосковье в 1964–1965 гг. // КСИА. М. Вып. 112.

Розенфельдт Р.Л., 1969. Городище Потылиха // КСИА. М. Вып. 119.

Розенфельдт Р.Л., 1970. Находки с городища Прислон // СА. № 4.

Розенфельдт Р.Л., 1972. Новые находки на городищах железного века у г. Подольска // СА. № 2.

Рулье К.Ф., 1845. О животных Московской губернии или о главных переменах в животных первозданных, исторических и ныне живущих, в Московской губернии замечаемых. М.

Румянцева О.С., 2005. Бусы Никитинского могильника // *Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.* Никитинский могильник: Публикация материалов 1977–1978 гг. М.

Румянцева О.С., 2005а. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Румянцева О.С., 2006. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Румянцева О.С., 2007. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М. (РСМ; Вып. 9).

Румянцева О.С., 2007а. Проблема происхождения стеклянных изделий эпохи великого переселения народов: (на материалах кобальтосодержащих бус лесной зоны России) // РА. № 3.

Румянцева О.С., 2007б. Рязано-окские могильники: Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М. (РСМ; Вып. 9).

Румянцева О.С., 2008. Организация стеклоделия в эпоху поздней античности – раннего средневековья: (обзор зарубежной литературы) // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.

Румянцева О.С., 2010. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху римских влияний и Великого переселения народов // Актуальные проблемы Восточной Европы I тысячелетия н.э. М. (РСМ; Вып. 13).

Сабанеев Л.П., 1911. Рыбы России. М.

Савина С.С., *Хотинский Н.А.*, 1982. Зональный метод реконструкции палеоклиматов голоцена // Основные черты развития природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.

Савицкий П.Н., 1928. О задачах кочевниковедения. Прага.

Самоквасов Д.Я., 1878. Историческое значение городищ // Труды Третьего Археологического съезда. Киев. Т. 1.

Самоквасов Д.Я., 1907. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.

Сапрыкина И.А., 2004. Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.

Сапрыкина И.А., 2004а. Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино // АП. М.

Сапрыкина И.А., 2005. Литейные формы из раскопок Мутёнковского городища // II Городцовские чтения. М. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Сапрыкина И.А., 2005а. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: От ранней бронзы до раннего средневековья. М.

Сапрыкина И.А., 2006. К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры // РА. № 4.

Сапрыкина И.А., 2010. Реконструкция основных приемов изготовления моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // АП. М. Вып. 6.

Сапрыкина И.А., *Энговатова А.В.*, 2002. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // ТАС. Тверь. Вып. 5.

Седов В.В., 1971. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей. М. (САИ; Вып. Е1-8).

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Сидоров В.В., 2004. Мутенковское городище // АП. М.

Сизов В.И., 1897. Дьяково городище под Москвой и его отношение к московским и смоленским курганам // Труды Восьмого Археологического съезда. М. Т. IV.

Сизов В.И., 1897а. Дьяково городище близ Москвы // Труды Девятого Археологического съезда. М. Т. 2.

Сирелиус У.Т., 2001. Путешествие к хантам. Томск.

Сиротенко О.Д., *Величко А.А.*, *Долгий-Трач В.А.*, *Климанов В.А.*, 1990. К оценке агроклиматических ресурсов Русской равнины в связи с глобальным потеплением климата // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 6.

Скалон В.Н., 1951. Речные бобры Северной Азии. М.

Смирнов А.П., *Милонов П.Н.*, 1939. Краткое руководство по археологии. М.

Смирнов К.А., 1970. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М. (МИА; № 184).

Смирнов К.А., 1974. Альбом к отчету Вазузской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5317а.

Смирнов К.А., 1974а. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А., 1975. О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ // КСИА. М. Вып. 142.

Смирнов К.А., 1976. Городище Графская гора // КСИА. М. Вып. 148.

Смирнов К.А., 1984. Костяные наконечники стрел с Мутёнковского городища // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Смирнов К.А., 1990. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. № 2.

Смирнов К.А., 1992. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. № 1.

Смирнова Г.И., 2006. Западно-Подольская группа памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. М.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Рязань. Вып. 25.

Спицын А.А., 1903. Городища дьякова типа // ЗОРСА. СПб. Т. 5, вып. 1.

Спицын А.А., 1905. Новые сведения о городищах дьякова типа // ЗОРСА. СПб. Т. VII, вып. 1.

Станкевич И.Л., Вишневский В.И., 1988. Городище дьяковской культуры Кубринское 1 // КСИА. М. Вып. 194.

Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. // МИА. М.; Л. № 76.

Старостин П.Н., 2002. Нармонский могильник. Казань.

Степанов П.Д., 1969. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тыс. н.э. // Древности Восточной Европы. М. (МИА; № 169).

Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган. Саранск.

Сыроватко А.С., 2001. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // КСИА. М. Вып. 212.

Сыроватко А.С., 2003. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. № 2.

Сыроватко А.С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

Таба Л., 1977. Взаимосвязи между возрастной структурой, плодовитостью, смертностью и миграцией: Воспроизводство и обновление населения // Демографические модели. М.

Тавлинцева Е.Ю., 2000. К вопросу о металлическом бисере в рязано-окских могильниках // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. (Тр. ГИМ; Вып. 122).

Тавлинцева Е.Ю., 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н.э. // АП. М. № 6.

Тавлинцева Е.Ю., *Лопатина О.А.*, 2009. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // АП. М. Вып. 5.

Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. № X.

Терехова Н.Н., *Розанова Л.С.*, *Завьялов В.И.*, *Толмачева М.М.*, 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Терпиловский Р.В., *Абашина Н.С.*, 1992. Памятники киевской культуры. Киев.

Третьяков П.Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. М.; Л. № 5.

Третьяков П.Н., 1966. О ранних и поздних городищах дьякова типа // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn.

Третьяков П.Н., 1966а. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.

Третьяков П.Н., 1976. Городище Осыно // СА. № 3.

Третьяков П.Н., *Шмидт Е.А.*, 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.

Трубникова Н.В., 1960. Городище Соколова гора под Москвой // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 37).

Успенская А.В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. М. Вып. 68.

Успенская А.В., 1971. Остатки ювелирного производства на городище Подмоклово // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Уткин А.В., *Черников В.Ф.*, 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

Филимонов Г.Д., 1876. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. Вып. 11–12.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. М.

Фоломеев Б.А., 1975. Тюков городок // СА. № 1.

Фоломеев Б.А., 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань.

Фоломеев Б.А., *Александровский А.Л.*, *Гласко М.П.*, *Гуман М.А.*, 1988. Климентовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М. (Тр. ГИМ; Вып. 68).

Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. № 29.

Фролов И.К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига.

Фурасьев А.Г., 1996. Литейные формы с поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.

Хавлюк П.И., 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в Среднем течении Южного Буга // МИА. № 108.

Хайретдинова Э.А., 2003. Обувные наборы V –VII вв. из юго-западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь. Вып. X.

Харузин А.Н., 1897. Черепа из раскопок В.И. Сизова в Московском уезде // Труды IX археологического съезда. М., 1897. Т. 2.

Ходаковский З.Я., 1838. Историческая система Ходаковского // РИС. Т. I, кн. III.

Ходаковский З.Я., 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 // РИС. Кн. VII.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Хотинский Н.А., *Алёшинская З.В.*, *Гуман М.А.*, *Климанов В.А.*, *Черкинский А.Е.*, 1991. Опорный разрез голоценовых отложений центра Русской равнины // Изв. АН СССР. Сер.геогр. № 3.

Цалкин В.И., 1954. Предварительные результаты изучения костных остатков из раскопок Мамонова городища // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Цалкин В.И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107.

Цалкин В.И., 1970. Скотоводство и охота в Древней Руси. М.

Чаянов А.В., 2007. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. // АП. М. Вып. 3.

Чернавская М.М., 1985. Тренд температуры воздуха некоторых городов СССР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 3.

Чернавская М.М., *Фогель Г.А.*, 1989. Изменчивость климата Юго-запада Европейской части СССР в голоцене // Докл. АН СССР. Т. 307, № 6.

Чернай И.Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. № 4.

Шаблавина Е.А., 1999. Формочки из Бернашевки: зачем и для чего? // Історія очима молодих дослідників: Міжнародна студентська наукова конференція. Донецький державний університет: Збірник наукових праць. Донецьк. Т. 1.

Шадыра В.І., 2006. Беларускае Падзвінне. Мінск.

Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.

Шеляпина Н.С., 1973. Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля // СА. № 1.

Шитов В.Н., 1988. Кошибеевский могильник: (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. Саранск. (Тр. МНИИЯЛИЭ; Вып. 93).

Шмидехельм М.Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.

Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства: Днепродвинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). М.

Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь. СПб.

Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.

Энговатова А.В., 2009. Дьяковское городище Настасьино в Подмосковье // Археологические открытия. 1991–2004: Европейская Россия. М.

Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Ajot José, 1986. La Necropole Merovingienne de la Croix de Minot a Curtil-Sous-Burnand (Saône-et-Loire) // Mémoires de l'Association Française d'Archeologie Mérovingienne. Rouen. Vol. 1.

Barker Philip, 1977. Techniques of archaeological excavation. New York.

Bitner-Wroblewska A., 2007. Netta: A Balt Cemetery in Northeastern Poland // Monumenta Archaeologica Barbarica. Warszawa. T. XII.

Bohnsack D., 1938. Die Germanen im Kreise Neudeburg // Alt-Preussen. Nov.

Casselberry S.E., 1974. Futher refinement of formula for determining population from floor area // World archaeology. 6 (1).

Chisholm M., 1968. Rural settlement and land use: An essay in location. London.

Egorkov A., 2006. L'analyse des perles de Singidunum et de Viminaciun par la spectographie optique d'émission // *Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium a l'époque des grandes migrations. Saint-Just-la-Pendue.

Gimbutas M., 1963. The Balts. New York.

Godłowski K., 1970. The chronology of the late Roman and early migration periods in Central Europe. Krakow.

Graudonis J., 1989. Nocietinātās apmetnes Daugavas lejtecē = Укрепленные поселения в низовьях Даугавы. Riga.

Grayson Donald K., 1984. Quantitative Zooarchaeology. Orlando, 1984.

Grigalavičiene E., 1986. Sokiškių piliakalnis // Lietuvos Archeologija. № 5.

Grigalavičiene E., 1992. Kerelie piliakalnis // Lietuvos Archeologija. № 8.

Dumpe B., 2006. Agrās tekstilās keramikas faktūru veidošanas īpatnības // Arheologia un etnogrāfija. Riga. № 23.

Ellison A., *Harris J.*, 1972. Settlement and land use in the Prehistory and early History of Southsern England: a study based on locational models // Models in archaeology. London.

Finsh O., 1879. Reise nach West Sibirien im Jahre 1876. Berlin.

Foy D., *Nenna M.-D.*, 2001. Tout feu tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence.

Higgs E.S., *Vita-Finzi C.*, 1972. Prehistoric economies: a territorial approach // Papers in economic prehistory. Cambridge.

Hirviluoto A.L., 1991. Salon esihistoria. Salo.

Holck P., 1996. Cremated bones. Oslo.

Indreko R., 1939. Asva linnus-asula // Muistse Eesti Linnused. Tartu.

Ivanišević V., *Kazanski M.*, *Mastykova A.*, 2006. Les nécropoles de Viminacium a l'époque des grandes migrations. Saint-Just-la-Pendue.

Kazanski M., 1992. Les Goths et les Huns: A propes des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. T. XXII.

Kazanski M., 2000. Les slaves dans la zone forestière D'Europe orientale au Début du moyen âge // Les centres proto-urbans russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris.

Krenke N., 1996. D'yakovo hillfort (600 BC – 700 AD) in Moscow methods of investigations // Time and environment – a PACT seminar. Helsinki. 32.

Krenke N., 2008. Formation of the Cultural Landscape in the Moscow River Basin from Bronze Age to Medieval Times // Anthropology and Archeology of Eurasia. Vol. 47, No. 1.

Lang V., 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia // Estonian Archaeology. Tartu. N 3.

Lankton J.W., 2009. Gold-glass beads in hellenistic Rhodes and contemporary Java: technological challenges and choices // The 18th Congress of AIHV on the history of glass: Abstracts. Thessaloniki. Latvijas PSR Arheologija. Riga, 1974.

Luchtanas A., 1981. Žalvario apdirbimas ankstyvuosiuose Rytų Lietuvos piliakalniuose // Lietuvos Archeologija. Vilnius. № 2.

Michelbertas M., 1972. Prekybiniai risiai su Romos Imperija // Lietuvos gyventoju prekybiniai rysiai I–XIII a. Vilnius.

Milisauskas S., 1986. Early Neolithic settlement and society a Olszanica // Memoirs / Museum anthropology Univ. of Michigan. Ann Arbor. № 19.

Naroll R., 1962. Floor area and settlement population // American Antiquity. 27. 4.

Pieta K., 2008. Keltske osidlenie Slovenska.Nitra.

Prehistoric Lithuania: Archaeological exposition guide. Vilnius, 2000.

Prentice L.C., 1980. Maltidimensional scaling as a research tool in quaternary palynology: a review of theory and methods // Rev. of Paleobot. and Palynol. Vol. 31.

Rasmussen S.O., *Seierstad I.K.*, *Andersen K.K.*, *Bigler M.*, *Dahl-Jensen D.*, *Johnsen S.J.*, 2007. Synchronization of the NGRIP, GRIP, and GISP2 ice cores across MIS 2 and palaeoclimatic implications // Accepted, Quat. Sci. Rev., INTIMATE special issue.

Schauman-Lönnqvist M., 1988. The Development of Iron Age Settlement in the Izokyla Area in Salo // Iron age studies in Salo. Helsinki. III.

Shackley M., 1985. Using environmental archaeology. London.

Smirnow K.A., 1984. Ties between the Population of the Volga-Oka Area and the inhabitants of the Steppe and Forest-Steppe in 1st Millennium B.C. // ISKOS. 4.

Sode T., 1996. Anatolske Glasperler. København.

Tejral J., 1997. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Tempelmann-Mączńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mittel-europäischen Barbaricum. Mainz an Rhein.

Urtāns V., 1970. Bronzas zvaninu rotas VII–XI gs. // Изв. АН ЛатвССР. № 8.

Vaitkevičius V., 2004. Pakalnių Pilkapiai // Lietuvos Archeologia. Vilnius. № 26.

Vasks A., 1994. Tigeļi un lejamveidnes Brikuļ u nocientinātajā apmetnē // Arheologija un etnografija. Riga. № 17.

Vassar A., 1939. Iru Linnapära // Muistse Eesti Linnused. Tartu.

Wróblewska A.B., *Ciglis J.*, *Radinš*, 2005. Latvias Arheologiskās Senlietas Polijas Krātuvēs. Riga.

Zvelebil M., 1985. Iron Age transformations in Nothern Russia and the Nothern-East Baltic // Beyond Domestication in Prehistoric Europa. London.

Принятые сокращения

АП – Археология Подмосковья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН – Геологический институт Российской академии наук
гор.– городище
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАН – Институт географии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАО – Московское археологическое общество
мест. – местонахождение
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИМ – Музей истории Москвы (Музей Москвы)
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
МОКМ – Московский областной краеведческий музей
ПИН – Палеонтологический институт Российской академии наук
РА – Российская археология
РГО – Русское географическое общество
РИС – Русский исторический сборник
РСМ – Ранний славянский мир
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
сел. – селище
ТАС – Тверской археологический сборник
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

Сведения об авторах

Алексеева Людмила Ивановна – Геологический институт РАН (ГИН)
Алешинская Анна Сергеевна – ИА РАН
Добровольская Мария Всеволодовна – ИА РАН
Калякин Владимир Николаевич – МГУ
Кирьянова Наталья Алексеевна – Государственный исторический музей (ГИМ)
Кренке Александр Николаевич – Институт географии РАН (ИГАН)
Кренке Николай Александрович – ИА РАН
Лопатина Ольга Анатольевна – ИА РАН
Медникова Мария Борисовна – ИА РАН
Низовцев Вячеслав Алексеевич – МГУ
Румянцева Ольга Сергеевна – ИА РАН
Спиридонова Елена Александровна – ИА РАН
Сулержицкий Леопольд Дмитриевич – Геологический институт РАН (ГИН)
Тавлинцева Екатерина Юрьевна – Музей Москвы
Цепкин Евгений Алексеевич – МГУ

Summary

The book publishes the finds excavated in 1981–1987 at Dyakovo hillfort, a type site after which the archaeological culture is named. The hillfort dates to the Iron Age and is located within the Moscow city limits. The present integrated study involved the use of natural science methods, which allowed obtaining an extensive series of radiocarbon dates for the site, collecting and flotation of cultured grains, and analyzing pollen spectra for samples from the occupation layer. The above data helped create a secure chronology and reconstruct the specific features of the economy. A detailed survey of the environs revealed a large number of sites that date from the same time; their location and the structure of the landscape around Dyakovo hillfort gave rise to the hypothesis that during the Iron Age the site was a settlement and economic complex which covered about 75 ha.

The first chapter deals with materials from topographic and archaeological studies at Dyakovo starting with the late 18th c. It indicates the possible locations of the Samokvasov hoard (Fig. 5) and substantiates the conclusion that the items date to different periods (from 3d to 5th cc. AD) and could have been intended for meltdown and recasting. The present study publishes the items excavated by G.D. Filimonov in 1875 (Fig. 8–10) and K.Ya. Vinogradov in 1935 (Fig. 17–19). The study compares the stratigraphic data from the early excavations at the site and from the 1980-s.

The second chapter analyzes the stratigraphy of the occupation layer at Dyakovo, the structure of the defensive rampart in the southern part, and the buildings. As earlier researchers had noted, the site has two main occupation layers, A (upper) and B (lower). They are divided by a "sterile" layer of sand and ash (Б) and buried soil (Г), both of which contained finds. Excavations at the rampart (Fig. 28–30) showed at least seven main constructional periods. The earliest defenses had existed prior to the rampart. The four lower horizons of the rampart correlate with the lower layer at the site. It is possible that during that period the wooden walls were renovated six times. Two of the upper constructional parts in the rampart are contemporaneous with the upper layer.

The lower layer revealed four horizons of buildings of the longhouse type, which had succeeded one another (Fig. 31–36). Hearths, flooring and ditches from partitions and outer wattle walls have survived. The horizons of buildings in the lower layer intersperse with brown organic layers, which pollen and paleoentomological remains have proved to be compressed straw and leaves.

In the upper layer we see instead of the longhouses one-chamber buildings, which centered around open hearths 1–1.5 m in diameter and had clay floors covered over with mats woven of plant materials. The rectangular buildings were about 4 × 5 m, with poles, the walls were of horizontal boards or logs. Linden was the main building material. Some of the areas showed up to nine levels of such buildings which succeeded one another (Fig. 38–55).

The third chapter describes the artifact assemblage, which counts about 2.5 thousand items. For analysis the finds were grouped according to layer and stratigraphic horizon. The assemblage from the lower layer comprises mainly bone items, which is in sharp contrast with the mainly iron assemblage from the lower horizon of the upper layer, and allows assuming that there was a time gap between them. The typical features of each of the horizons in the upper layer allowed concluding that throughout the time when the upper layer was forming, the site was inhabited by a population that belonged to one and the same cultural tradition, and that experienced significant impacts from the outside. The impact had to do with local events and with the wide changes in fashion, the shapes of artifacts and in the ethnic map of Eastern Europe in the 1st millennium AD. The chapter includes five specialized sections about the major groups of artifacts.

Section 1 covers umbonate pendants, which in the first centuries AD were items of ethnic identification for the population of Dyakovo-type settlements in the river Moskva basin. It gives the evolutionary scale (Fig. 160) and the chronology of the pendants, noting that the area of "classical" umbonate pendants from the 1st – 2nd cc. is mainly the river Moskva basin.

Section 2 covers glass beads, their stratigraphic position and typology. The most numerous assemblage of beads from the middle horizon of the upper layer, which comprises mainly glass beads with gold foil inside and a small number of red paste beads, can be compared to the early Koshibeevo assemblage from the Ryazan-Oka cemeteries. That assemblage can be dated to the 2nd – first half of the 4th cc. AD, and is thus an important chronological marker for determining the age of Dyakovo hillfort.

Section 3 summarizes the data on the southern "Sarmatian" connection in the culture of Dyakovo-type settlements in the river Moskva basin. It also analyses the finds of cult clay objects. The main argument in favor of contacts with the "Sarmatian world" is the bronze plates with tamgas found at Dyakovo and Lukovnya (Fig. 165). This group of finds also includes the plates with anthropomorphic figures made in the same technique. The new finds of such objects in Tula oblast' and the combined image of both an anthropomorphic figure and a Sarmatian tamga on one and the same object now show that this category of finds cannot be called typical of Late Dyakovo culture only.

As for the geographical distribution of cult clay objects, including anthropomorphic images, they can be interpreted as items typical of the river Moskva area (Fig. 168). The objects show that the cult practices at Dyakovo-type hillforts in the river Moskva basin had at the late stage no analogies in the neighboring regions.

Section 4 deals with only one type of adornment, namely, butterfly or X-shaped ornaments (Fig. 169), which are in a certain way a marker of late Dyakovo culture in the river Moskva region. The series of about 50 finds allows asserting that the items were manufactured at sites in the river Moskva basin. Findings of the ornaments on neighboring territories characterize the directions of the contacts between the population of the river Moskva basin and other regions in the 3d – 4th cc. AD. Section 5 covers the double-faced clay and stone casting molds that were found in the upper horizon of the upper layer at Dyakovo (Fig. 128). The finds are important because they testify that the site functioned in the 5th – 6th cc. and received new cultural impulses.

Chapter 4 analyzes the evolution of pottery assemblages. The collection comprises about 90 thousand fragments and 60 whole items. The textile-impressed and smooth-walled pottery from the end of the Bronze Age and the early stage of the Iron Age (9th – 6th cc. BC) that was found at sites in the river Moskva basin has certain syncretical features, which illustrate the evolution of the region's cultural identity. The pottery assemblage that had developed in the 5th – 4th cc. BC had "standard" shapes and proportions. Pottery with textile imprints prevailed (Fig. 174–185). At the end of the formation period for the lower layer the pottery showed changed profiling of rims (outbent ones appeared), pots of new proportions and new ornamental techniques: finger impressions and crimping (Fig. 185).

In shape, the pottery from the bottom of the upper layer is very similar to that from the top of the lower layer, but has no textile imprints, which fact seems to indicate that the cultural tradition had changed (Fig. 190–192). The pottery assemblage from the middle horizon of the upper layer always included burnished items. The finds present an expressive assemblage of ornamentation, rim styles, shapes and proportions of the vessels (Fig. 193–213). Another change of the pottery style took place during the latest period of the site's existence: vessels of the "Moschiny circle" appeared, with rims at an angle and a line to accentuate the transition from neck to shoulder (Fig. 217, 218). The impulse for this transformation of the pottery assemblage must have come from the Upper Oka region.

Chapter 5 tells of the chronology of Dyakovo hillfort. Artifacts (local and imported), pottery and about 80 radiocarbon dates were used for identifying the age of the layers. The radiocarbon dates mainly showed, with insignificant divergence, a concurrence with the conclusions obtained through analysis of the artifacts and pottery. Thus, on the basis of the radiocarbon dating we can conclude that the finds from the buried turf date to the 8th – 6th cc. BC, and that the forming of the lower layer began in the 5th c. BC and ended in the 2nd c. BC.

The gap between the lower and upper layers most probably dates to a period within the 2nd and, possibly, the 1st cc. BC.

The upper layer began to accumulate in the 1st c. BC. The radiocarbon dates for the middle horizon of the upper layer indicate the 2nd c. AD, whereas the archaeological finds tend to point to the end of the 2nd – the 3d cc. AD.

The two methods of dating both showed that the upper horizon of the upper layer had begun to form in the 4th c. AD. The time when habitation at the site had ceased can only be identified provisionally, through archaeological finds, as the 6th – 7th cc. AD.

Chapter 6 tells of the archaeozoological finds, which include over 20 thousand bones. The total list is 31 species of mammals, 13 species of birds, and 12 species of fish. Analysis of the materials and the statigraphy revealed the chronological dynamics of the changes in the numbers of animals of different species. Bones of domestic animals prevailed among the kitchen waste throughout the lifespan of the site; pig bones were the most numerous. However, judging by the amount of horse bones and the relative size of the animals, horse was the main source of meat in the diet. The number of bones of domestic animals in the oc-

cupation layer decreased during the latest period of its existence, whereas the number of bones of wild animals increased. The fact could denote changes in the structure of the diet and the economy. Pike bones were the most numerous among the fish remains, and upland fowl (wood grouse, black-cock and hazel grouse) among the birds.

Chapter 7 analyzes the paleobotanical materials. Grains were found in about 350 samples that were obtained mainly through flotation. The collection included three main grains: millet, barley and wheat. The chapter traces the chronological changes in the quantitative and species composition of the grains. It is possible to say that the lower layer and the bottom of the upper layer contained grains that can develop well in little-cultivated soils. While the upper occupation layer accumulated, the grains which tolerate better-cultured soils began to prevail. Hence it is possible to say that wide areas of land for long-term use were developing, which influenced the grains composition. Most probably, long fallow was replaced by fallow with different timeframes of usage, and by permanent croplands.

Pollen data is available for three sections. Over 100 samples have been analyzed, revealing that even when the lower layer was forming people had already transformed the landscapes quite strongly. There were mainly open spaces around the hillfort, with the forest cut down. The pollen spectra indicate pasture plants and fields with cultivated grains and typical weeds. The same features become even stronger in the upper layer. A total of 26 pollen complexes have been identified; they reflect the changes in the vegetation that were brought about by the fluctuating climate and the anthropogenic impact that also changed in intensity during the approximately one-thousand-year period.

Chapter 8 describes the Iron Age sites in the near vicinity of the hillfort, and gives a landscape analysis of the territory. Analysis of the potential economic use of the landscape elements showed that the permanent pasture lands were located mainly on the edge of the bedrock coast on promontories bordered by ravines. The areas where pottery was found are concentrated around the hillfort; together they formed a settlement-and-economic structure which had natural borders in the relief. The natural borders and the location of other hillforts were also taken into account when identifying the area of the "extended" economic zone at Dyakovo. The catchment area (economic zone) proved to be about 12 km^2, and its outer border was about 2 km from the nuclear settlement (color plates, fig. 22).

Chapter 9 analyzes the scant data about the funeral rite at sites of the Dyakovo type. The hypothetical reconstruction of the funeral rite is based on the burials found at Dunino 4 and Troitskoye (Fig. 242). The available data indicates that the funeral rite consisted of several stages. First the bodies were placed into the earth at special locations (which included the periphery of the settlement area) for the flesh to disintegrate. The bones were then burnt and buried together in a shallow pit without any grave goods.

Chapter 10 tells of the main features and the evolution of the culture that existed in the river Moskva region in the Iron Age and the early Middle Ages, and gives a periodization. It advances the hypothesis that the local river Moskva sites which date to the transitional period between the end of the Late Bronze and the Early Iron Age could have afterwards evolved into the culture of Dyakovo-type hillforts which covered the entire basin of the river Moskva. Two main evolutionary "cycles" are identified: early Dyakovo and late Dyakovo. In both the cycles, the "peaks" are characterized by original features in the material culture and by active external relations. The number of settlements that have been identified is similar for both of the stages and equals about 250 (color plate, Fig. 16). Paleodemographic calculations showed that the population in the river Moskva basin could have numbered 10 – 20 thousand.

The final chapter of the monograph tells of the Late Pleistocene – Holocene climate in the Moscow region. Especial attention is given to the time when Dyakovo hillfort had functioned. Analysis of the climate factor and its influence on the living conditions in the Late Holocene showed that the differences in the frequency of anomalous winter precipitation were especially relevant, since high floods in the springtime determined the possibility of economic activity in the flood-plains. The results that were obtained show that the flood-plains had become good areas for settlement during Early Dyakovo time (5th – 1st cc. BC). The data we have for the first half of the 1st millennium AD is contradictory. Data from Tulitskoye and Baksheevskoye bogs shows that in the 1st – 5th cc. AD the climate was relatively cold and still dry, whereas data from Polovetsko-Kupanskoye bog shows that it was cold and damp. Tulitskoye and Polovetsko-Kupanskoye bogs show that the 6th – 8th cc. were cold and dry, whereas Baksheevskoye bog shows that they were damp. However, there was no significant difference as compared to the climatic conditions of today.

Thus, the use of natural-science methods for analyzing the archaeological data obtained in the course of small-area excavations at the type site of Dyakovo, and comparative analysis of the nearby sites dating from the end of the Bronze Age and the Iron Age, allowed reconstructing in detail the development of the river Moskva region by people of the Dyakovo culture in the 8th c. BC – 7th c. AD.

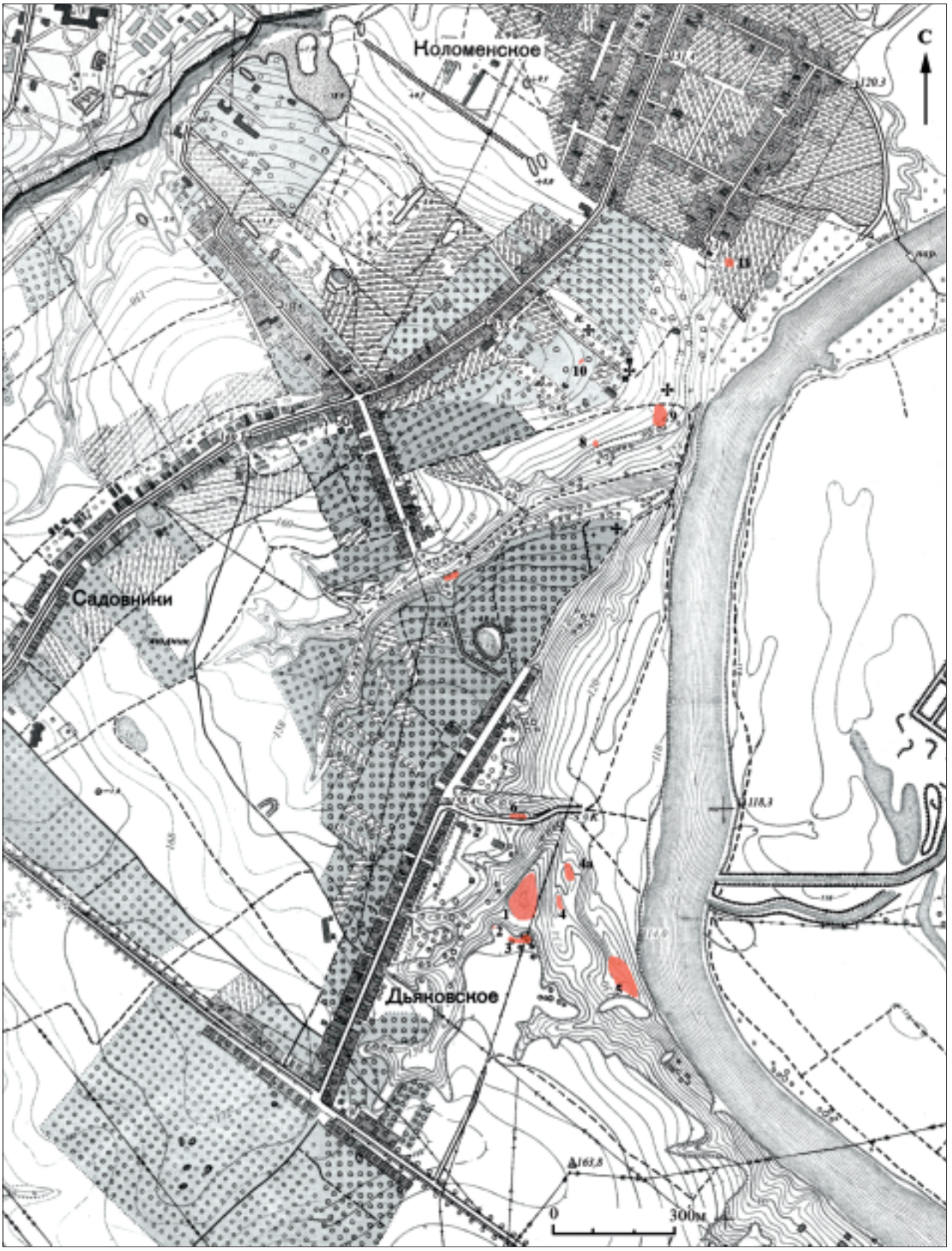


Рис. 1. Карта археологических памятников железного века в окрестностях Дьякова городища

1 – Дьяково городище, *2* – Местонахождение на Городишном овраге; *3* – седище Дьяково-южное; *4* – селище Дьяково-пойма (южная часть); *4а* – селище Дьяково-пойма (северная часть); *5* – Чертов Городок; *6* – селище Дьяково (Выгон); *7* – местонахождение возле Девичьего камня; *8* – местонахождение на Голосовом овраге; *9* – селище к югу от ц. Вознесения в Коломенском; *10* – местонахождение на Государевом дворище в Коломенском; 11 – селище на месте села Коломенское

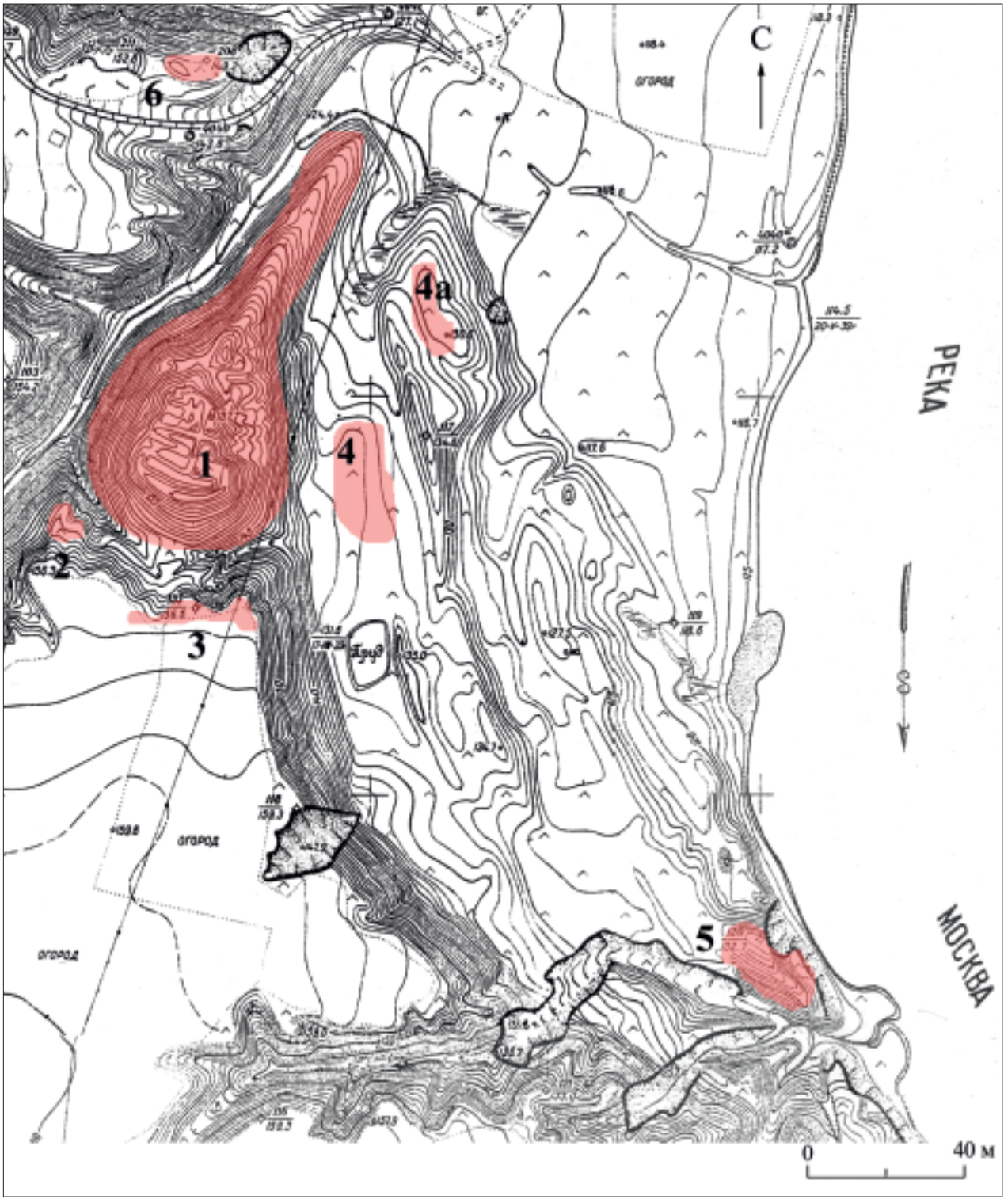


Рис. 2. Археологические памятники железного века вокруг Дьякова городища

В качестве топоосновы использована съемка 1937–1939 гг. Масштаб: 1:2000

1 – Дьяково городище, *2* – Местонахождение на Городишном овраге; *3* – селище Дьяково-южное; *4* – селище Дьяково-пойма (южная часть); *4а* – селище Дьяково-пойма (северная часть); *5* – Чертов Городок; *6* – селище Дьяково (Выгон)

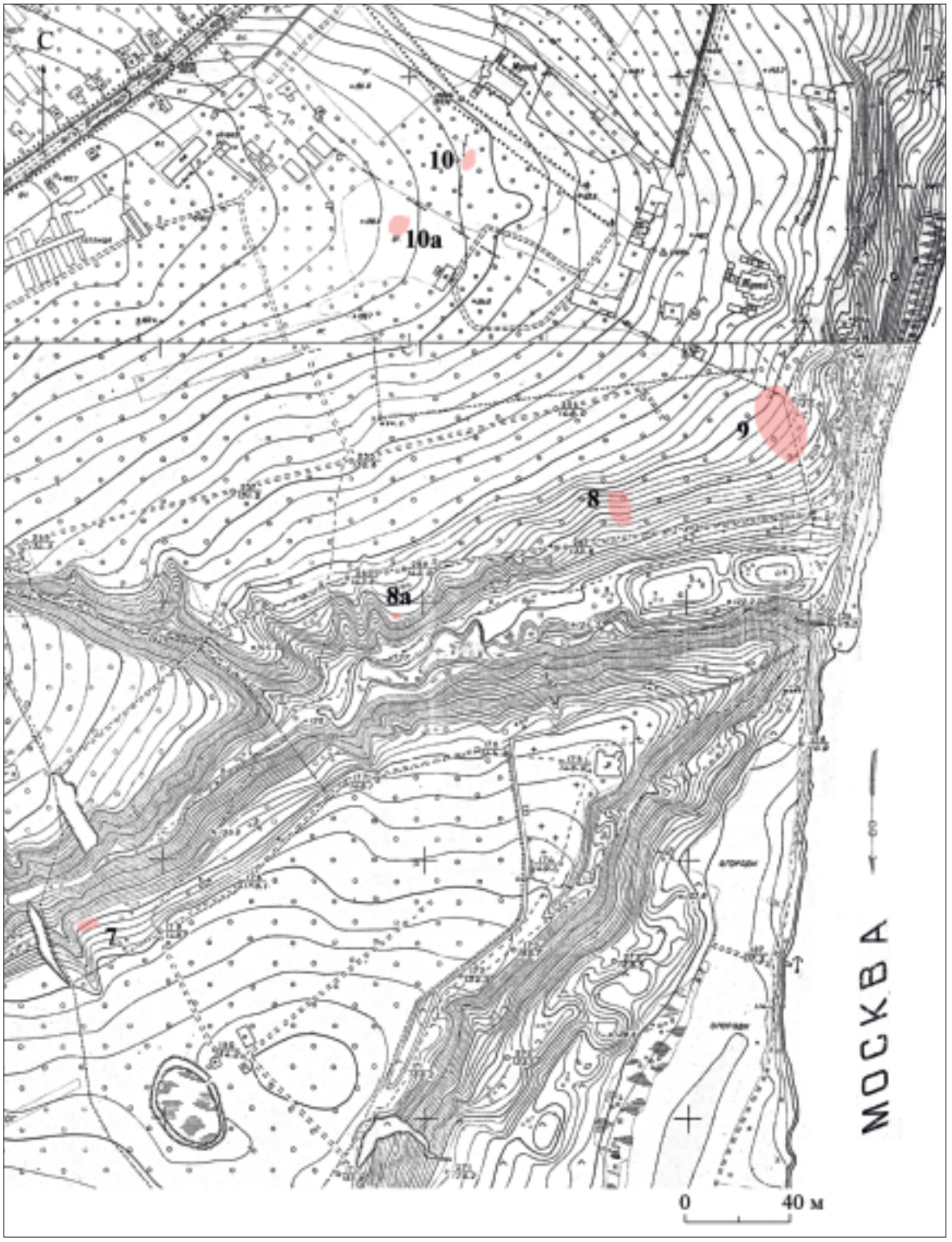


Рис. 3. Археологические памятники железного века, расположенные к северу от Дьякова городища

7 – местонахождение возле Девичьего камня; *8* – местонахождение на Голосовом овраге; *9* – селище к югу от ц. Вознесения в Коломенском; *10*, *10а* – местонахождение на Государевом дворище в Коломенском

Рис. 4. Виды Дьякова городища

1 – с востока; *2* – с юга; *3* – с севера из-за оврага Городишный
Фото Н.А. Кренке, 1997–1999 гг.

Рис. 5. Виды окрестностей Дьякова городища

1 – вид с севера на Дьяково городище; *2* – вид с площадки Дьякова городища на север в сторону Коломенского; *3* – вид с холма Дьякова городища на восток, виден Чертов Городок (отмечен стрелкой) и роща «Заразы» за ним
Фото Н.А. Кренке, 1982–1999 гг.

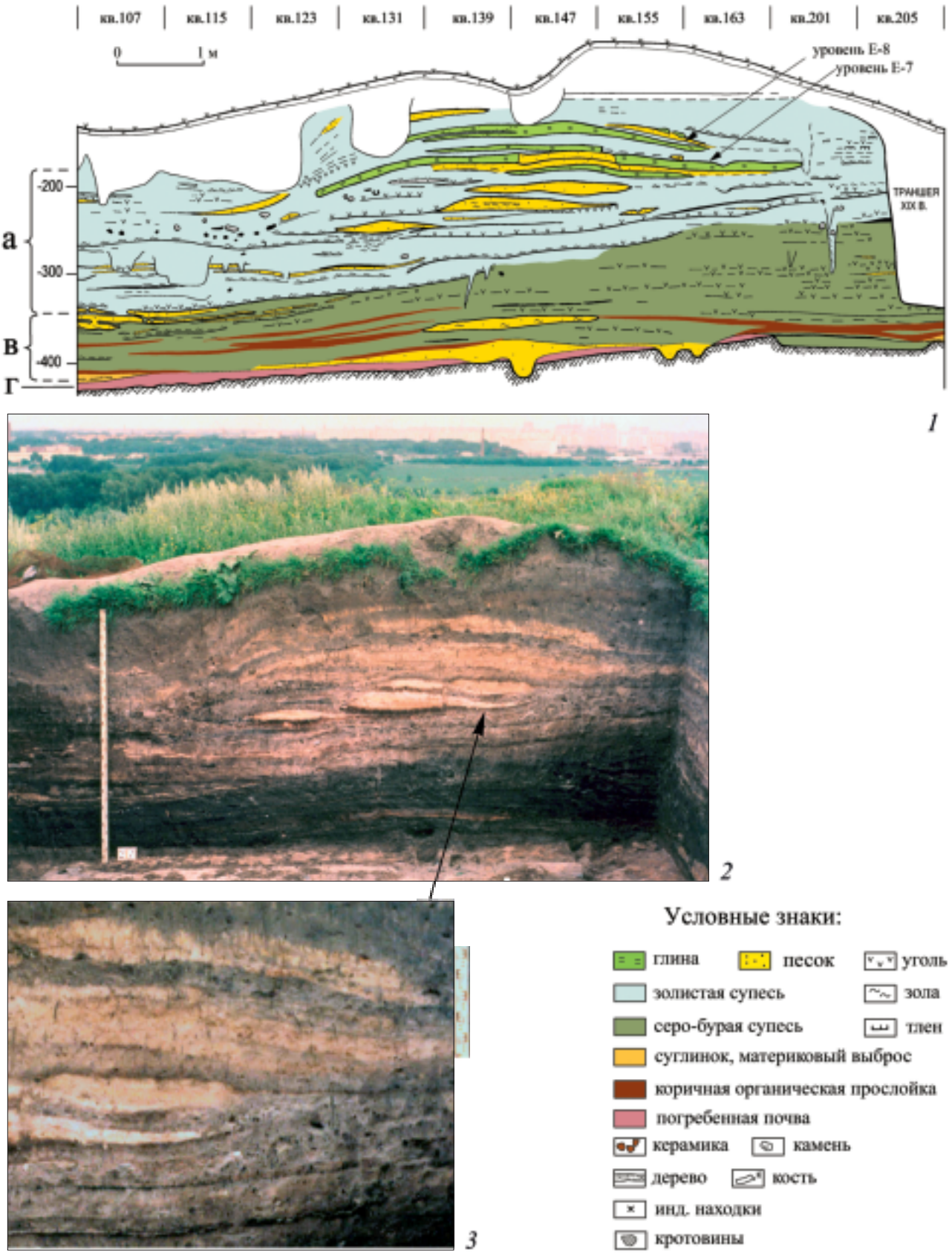


Рис. 6. Профиль восточного борта. Дьяково городище. Раскоп 1984 г.

1 – чертеж профиля; *2* – фото; *3* – фрагмент профиля, показывающий «кратность» в чередовании прослоек, оставшихся от сменявших друг друга построек
Обозначения слоев: А – верхний, В – нижний, Г – погребенная почва

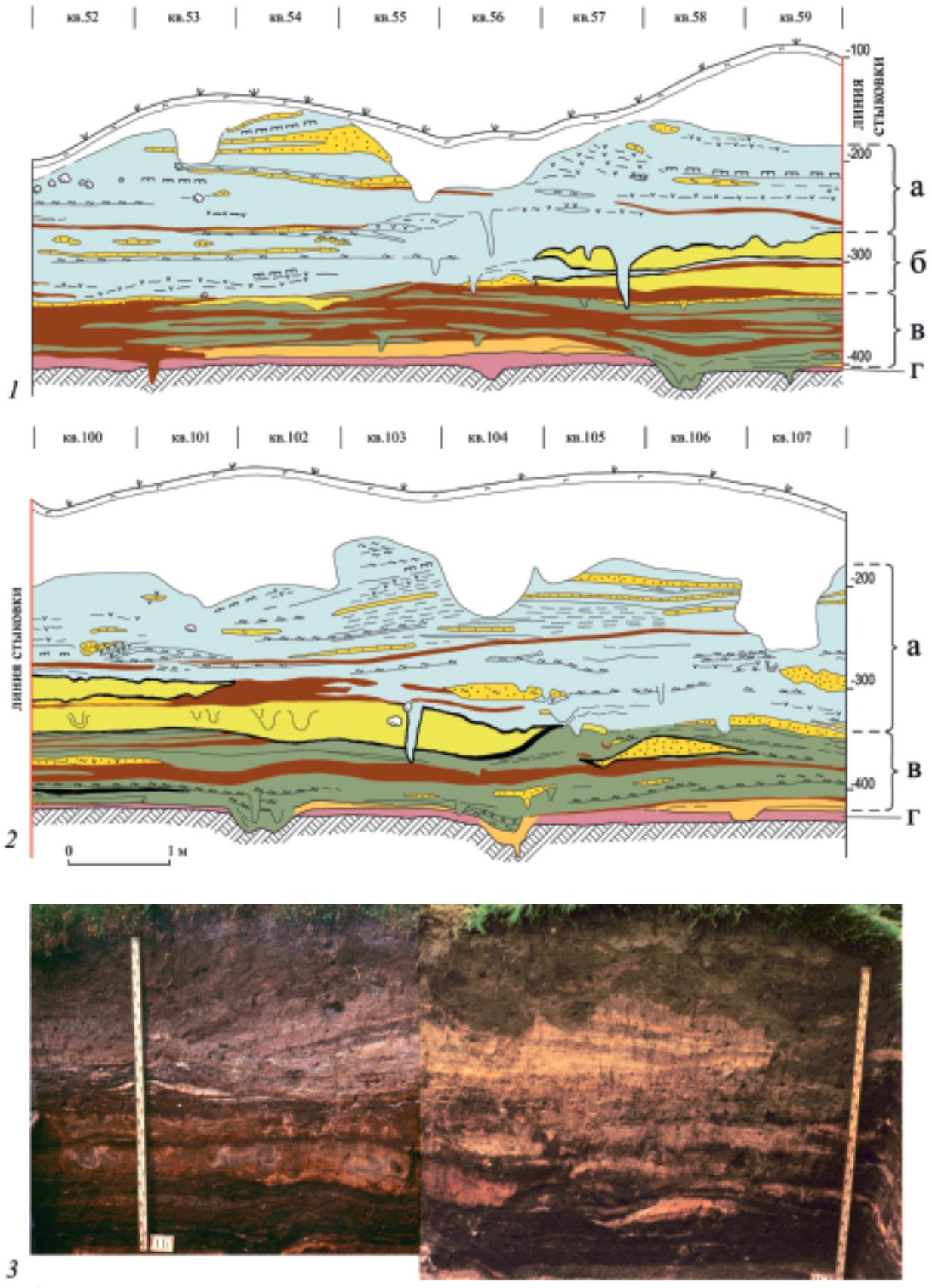
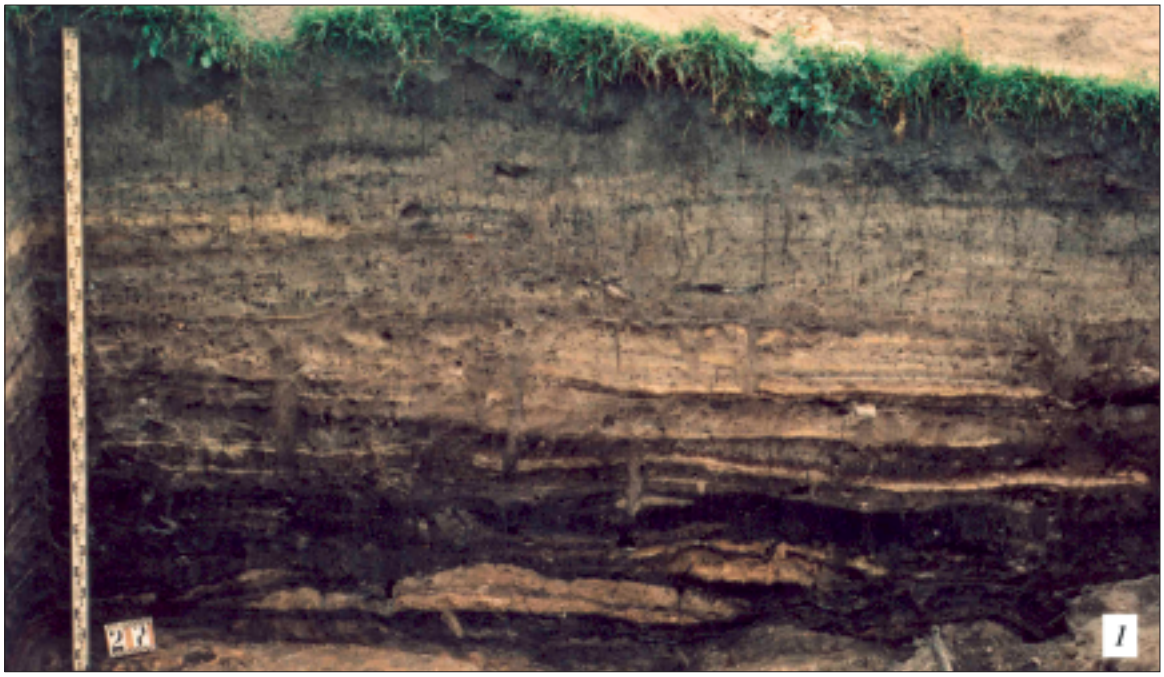
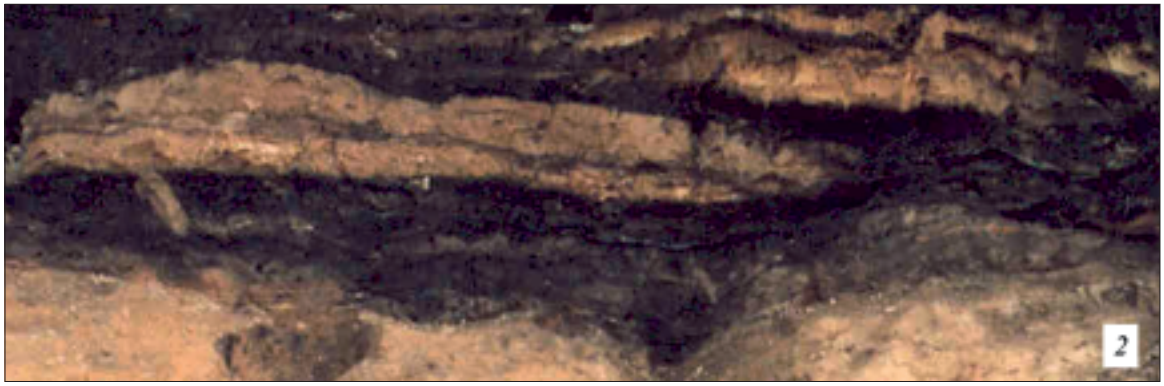


Рис. 7. Профиль северного борта. Дьяково городище. Раскоп 1982/1984 гг.

1 – профиль северного борта раскопа 1982 г.; *2* – профиль северного борта раскопа 1984 г. (продолжение профиля северного борта раскопа 1982 г.); *3* – фото профиля северного борта раскопа 1984 г. Обозначение слоев: А – верхний, Б – стерильный, В – нижний, Г – погребенная почва





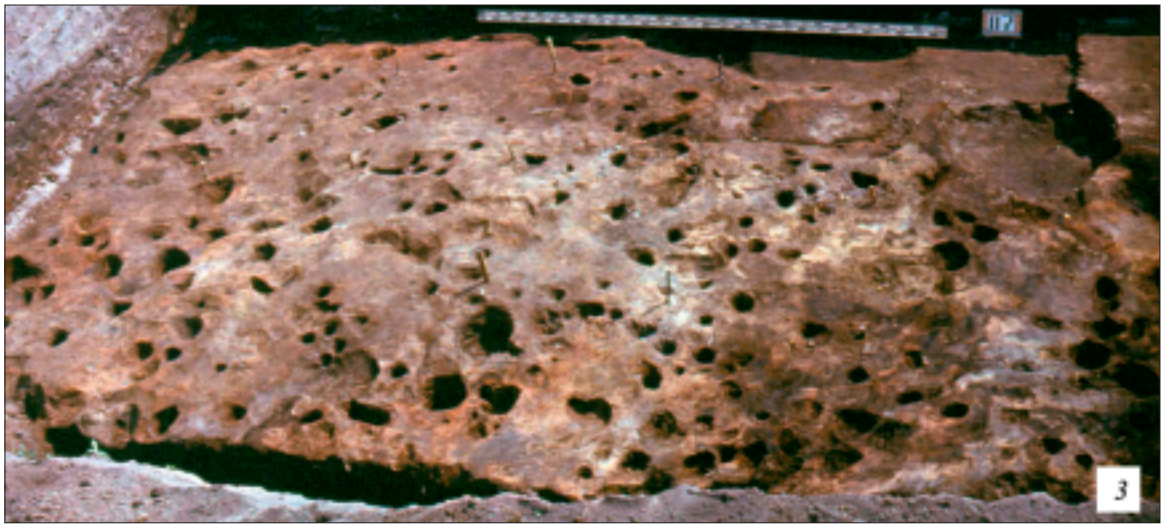


Рис. 8. Дьяково городище, раскоп 1984 г.

1 – профиль южного борта раскопа; *2* – фрагмент профиля южного борта раскопа, видны прослойки глиняных полов постройки; *3* – поверхность стерильного слоя «Б» в западной половине раскопа, вид с запада, видны многочисленные столбовые ямы

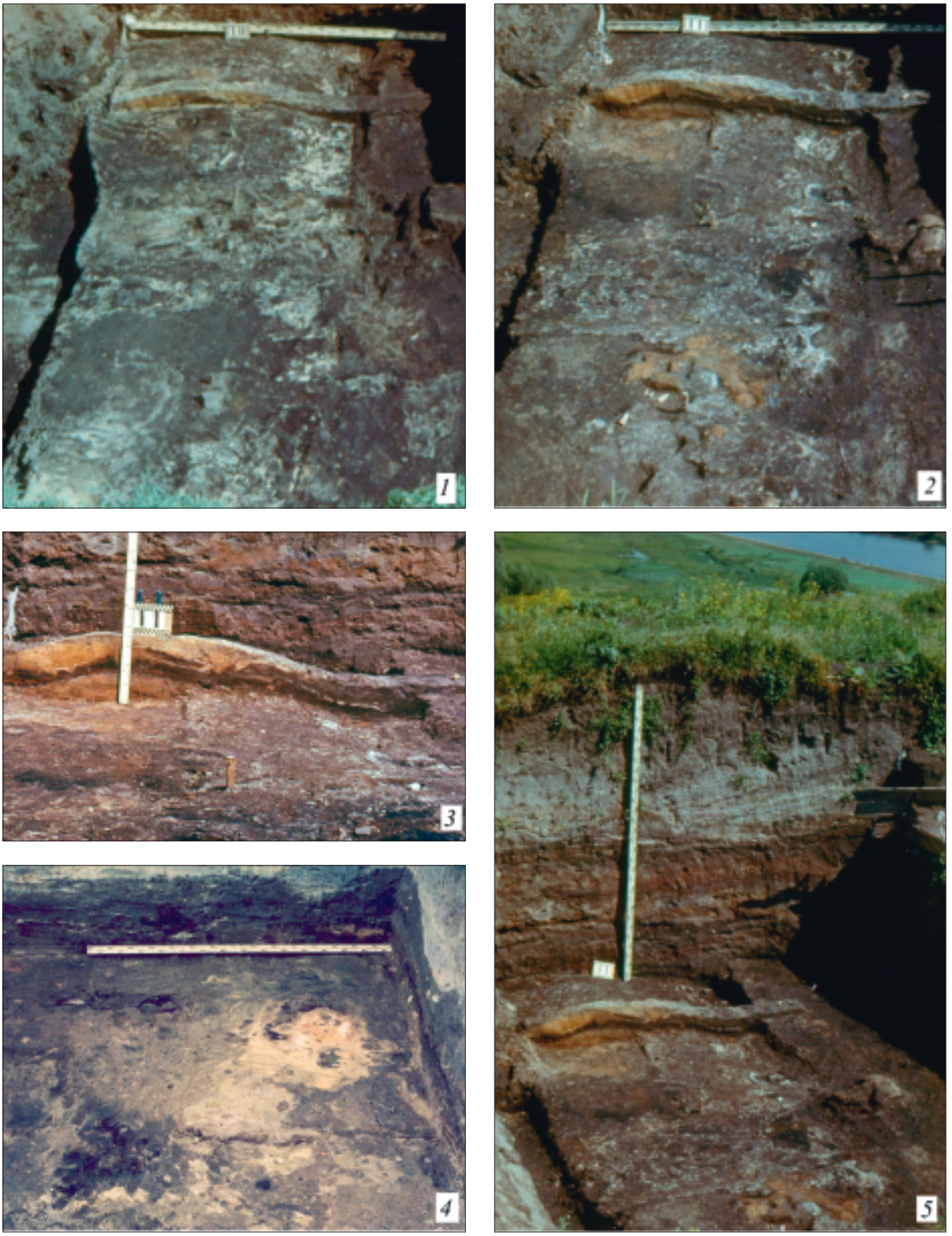


Рис. 9. Постройки. Дьяково городище. Нижний слой

1 – поверхность пола постройки «А», уровень 3 (расчистка по слою сгоревшей выстилки); *2* – поверхность пола постройки «А» уровень 2 (расчистка по слою сгоревшей выстилки); *3* – разрез через очаг в постройке «А» (видны песчаные линзы уровней 2 и 3 и прослойка сгоревшей выстилки пола уровня 3); *4* – пятно очага (линза песка в обрамлении сгоревшей оградки) постройки «Б», уровень 4; *5* – вид с юго-запада на раскоп 1984 г. Постройка «А» расчищена на уровне 2 по прослойке сгоревшей выстилки пола

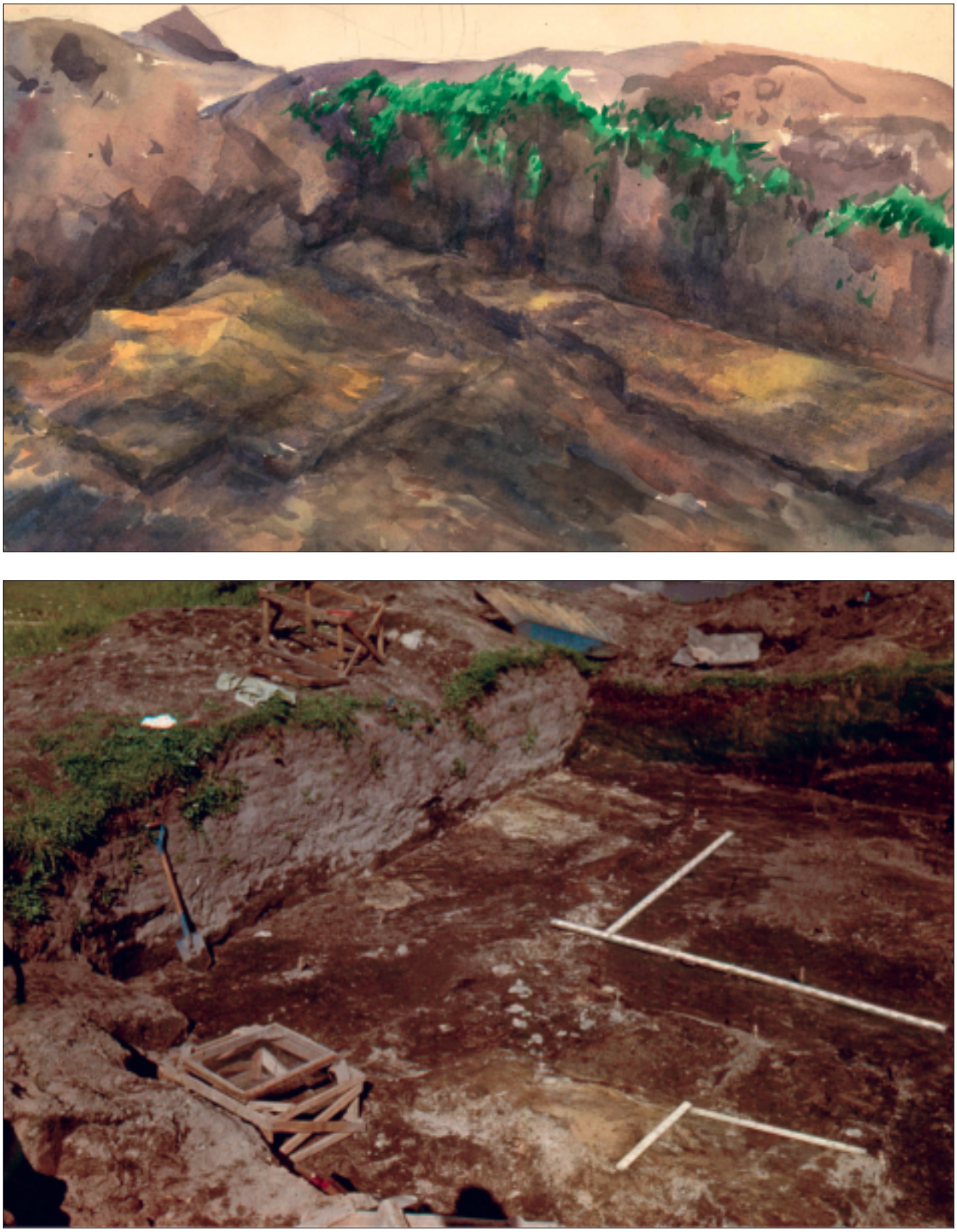


Рис. 10. Остатки построек. Дьяково городище. Верхний слой. Раскоп 1983 г.

Вверху – акварель Н.М. Зеликиной, вид с юго-востока
Внизу – фото, вид с юго-запада. На переднем плане – постройка «Д-5», слева на заднем плане – постройка «Ж»

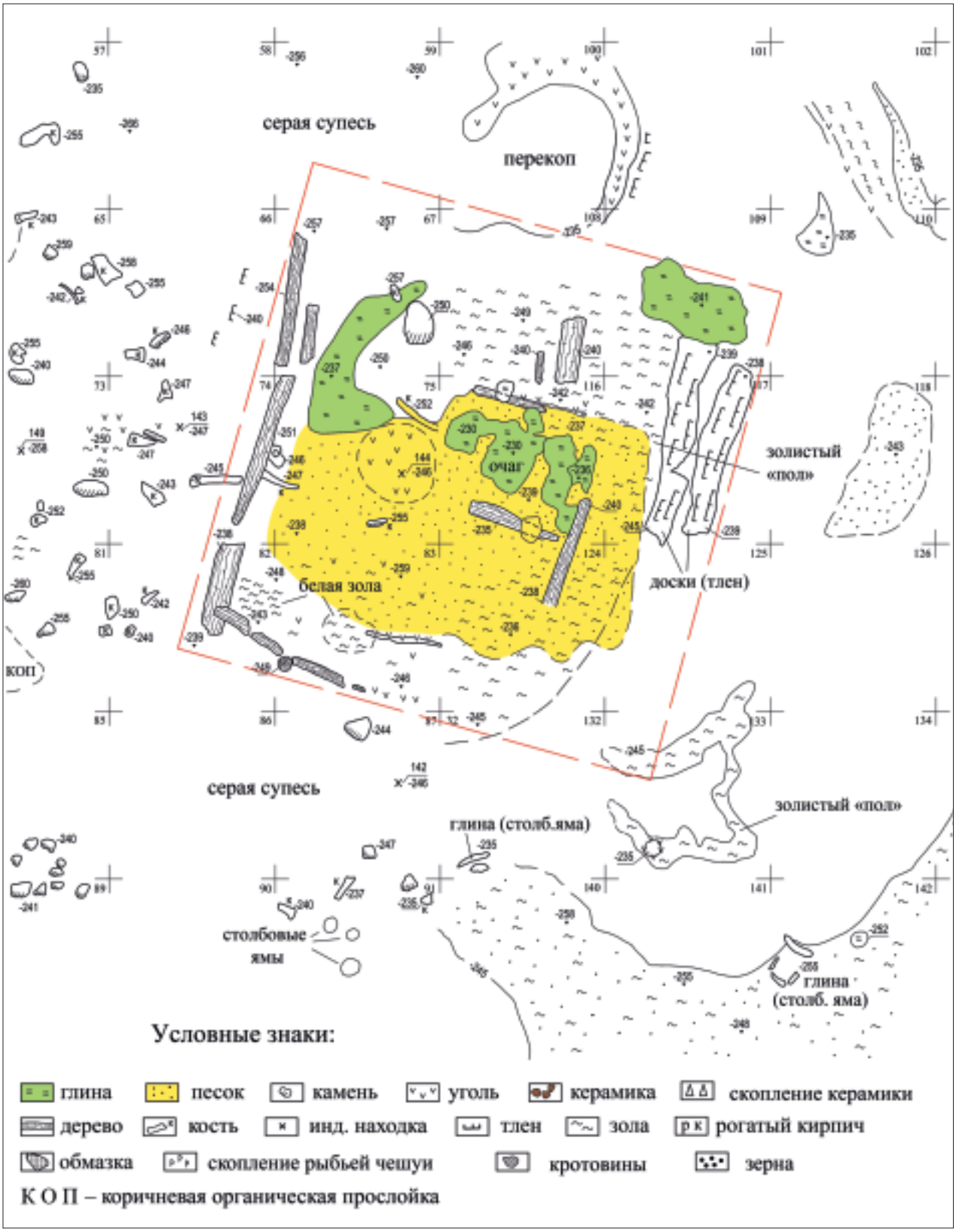


Рис. 11. Дьяково городище. Постройка «Д», уровень 3

Находки: 142 – бусина глиняная, 143 – нож (?) железный, 144 – нож железный, 149 – проколка костяная

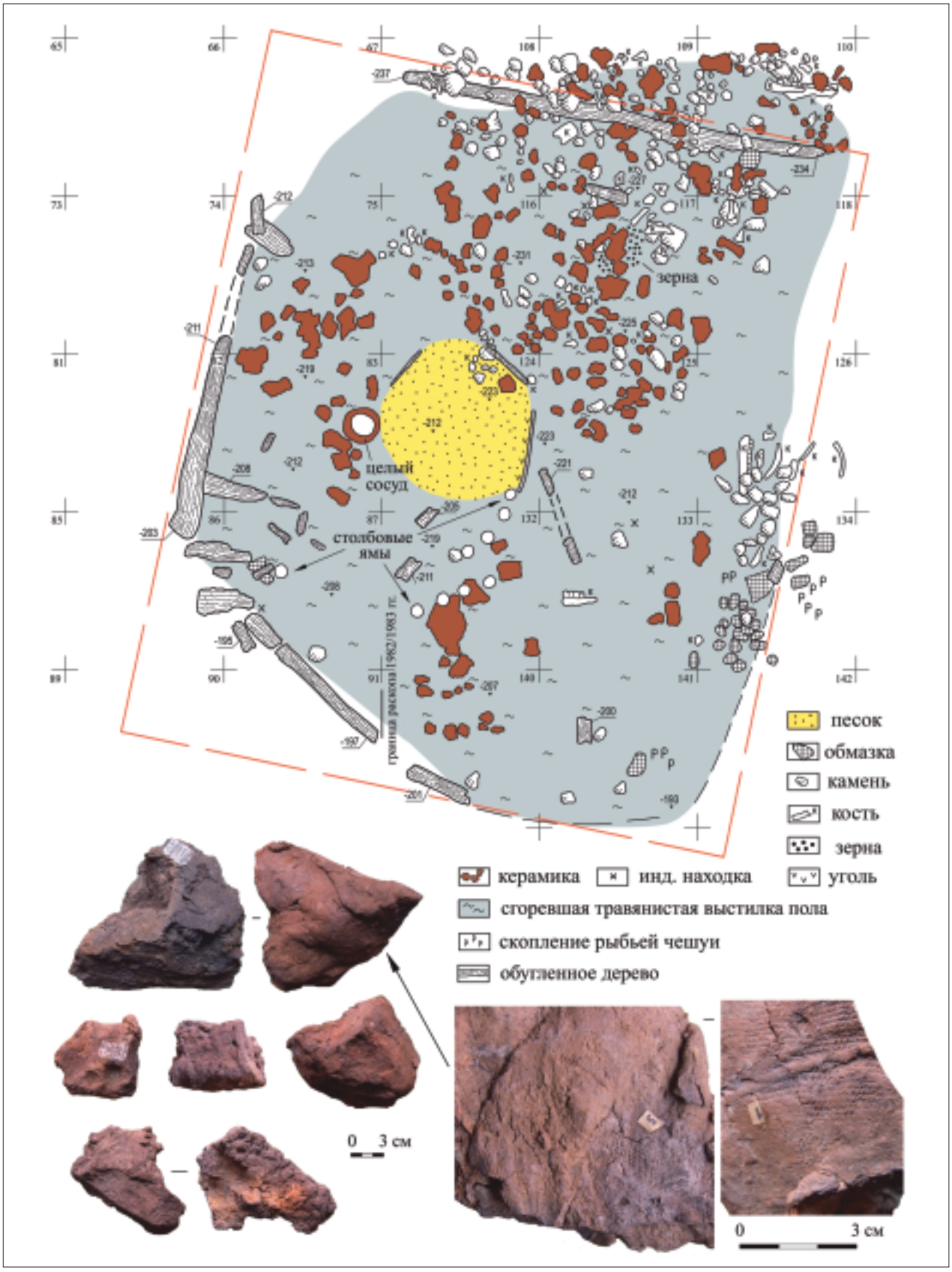


Рис. 12. Дьяково городище. Постройка «Д», уровень 4

Внизу – образцы глиняных обмазок с отпечатками ткани из постройки Д-4

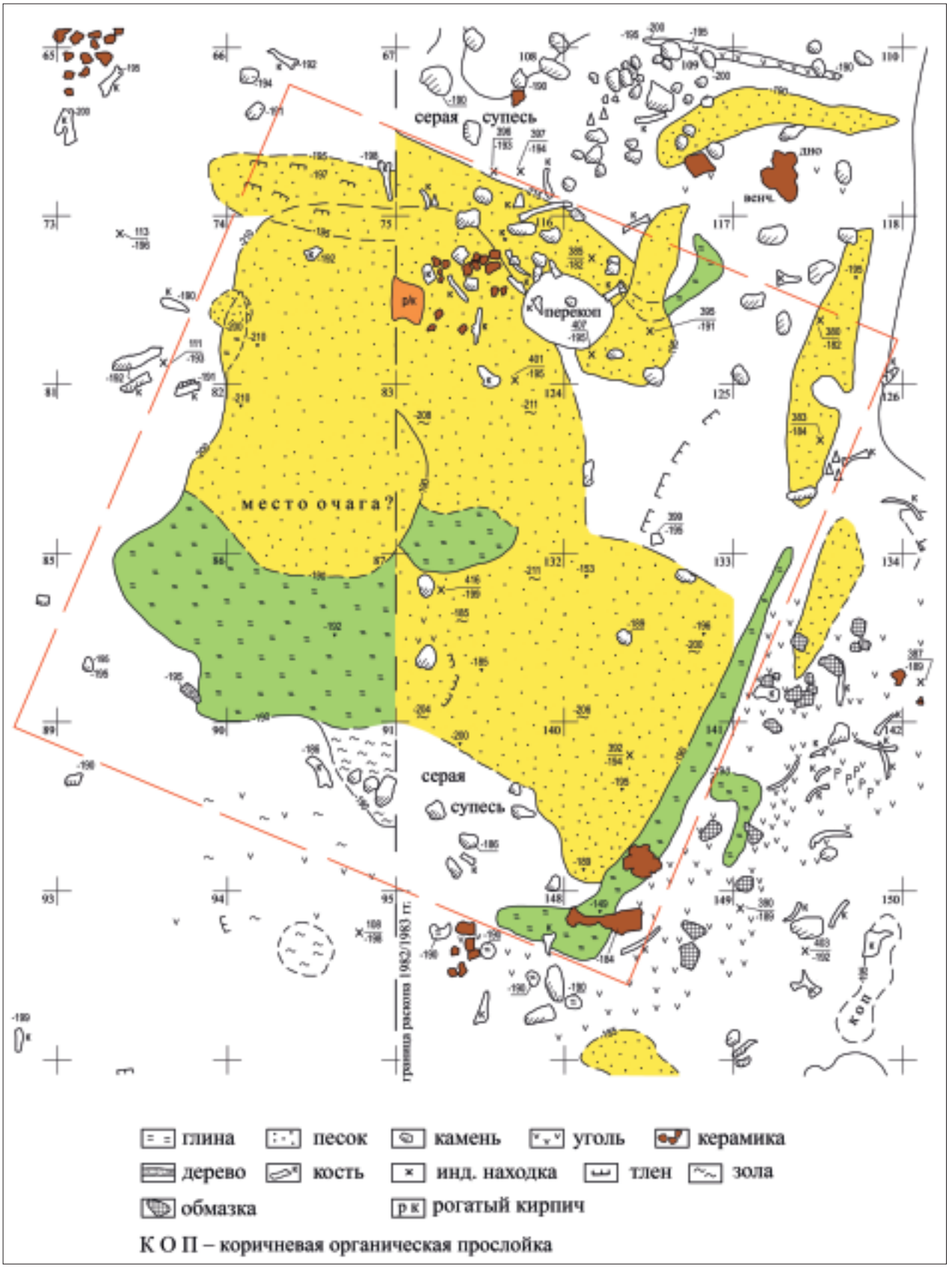


Рис. 13. Дьяково городище. Постройка «Д», уровень 5

Находки: *108, 111, 392* – привеска бронзовая, *113* – бусина стеклянная, *380, 363, 396, 397, 401* – шарик глиняный, *385* – штамп костяной, *387* – бусина глиняная, *390* – нож железный, *395* – бляшка нашивная бронзовая, *399* – сосуд миниатюрный, *403* – нож железный, *407* – привеска-бубенчик бронзовая, *416* – звено цепочки бронзовое

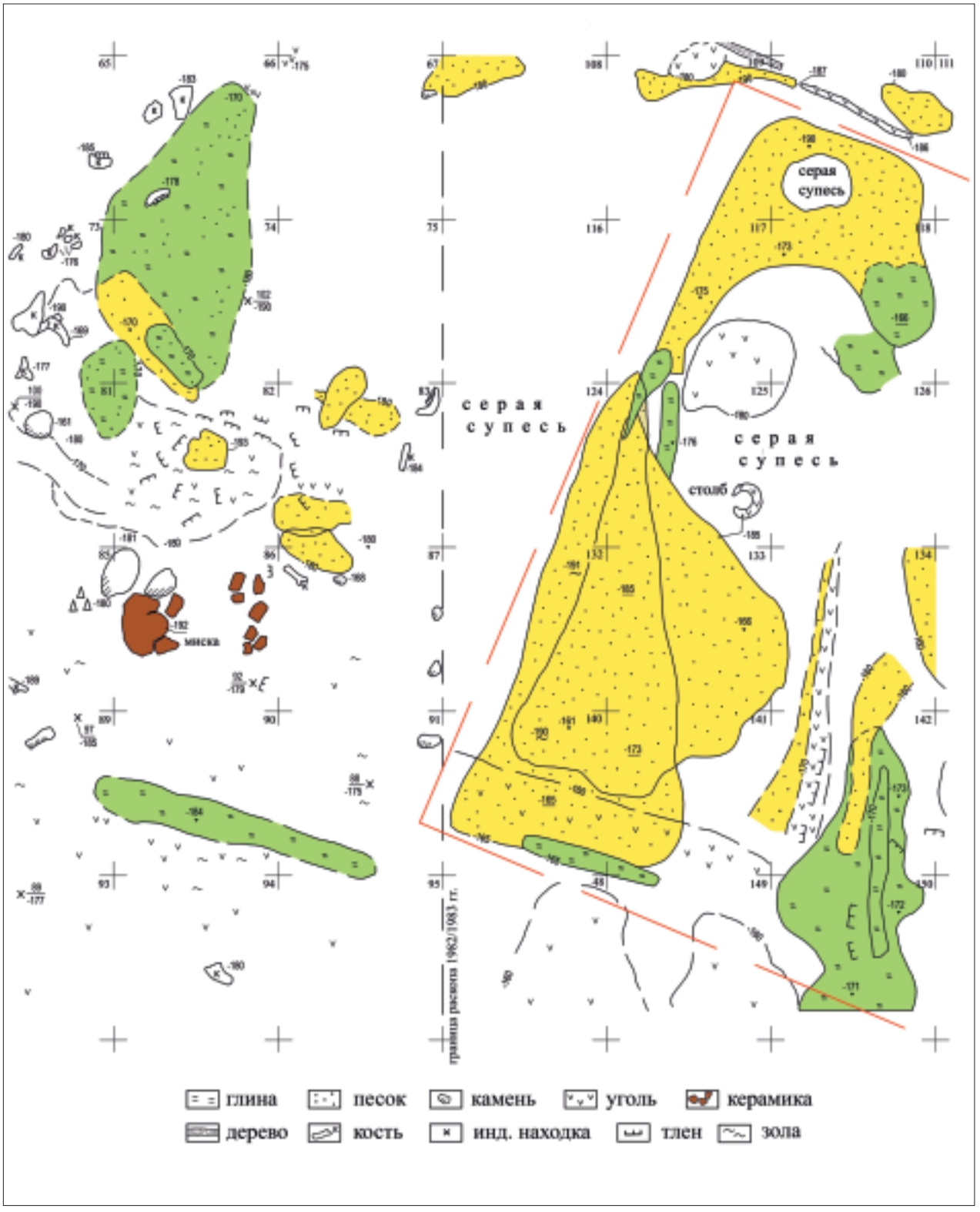


Рис. 14. Дьяково городище. Постройка «Д», уровень 6

Находки: 88 – грузик дьякова типа, 89 – бусина глиняная, 92 – сосуд миниатюрный, 97 – камень со сверлиной, 100 – обойма с сарматской тамгой, 102 – шарик глиняный

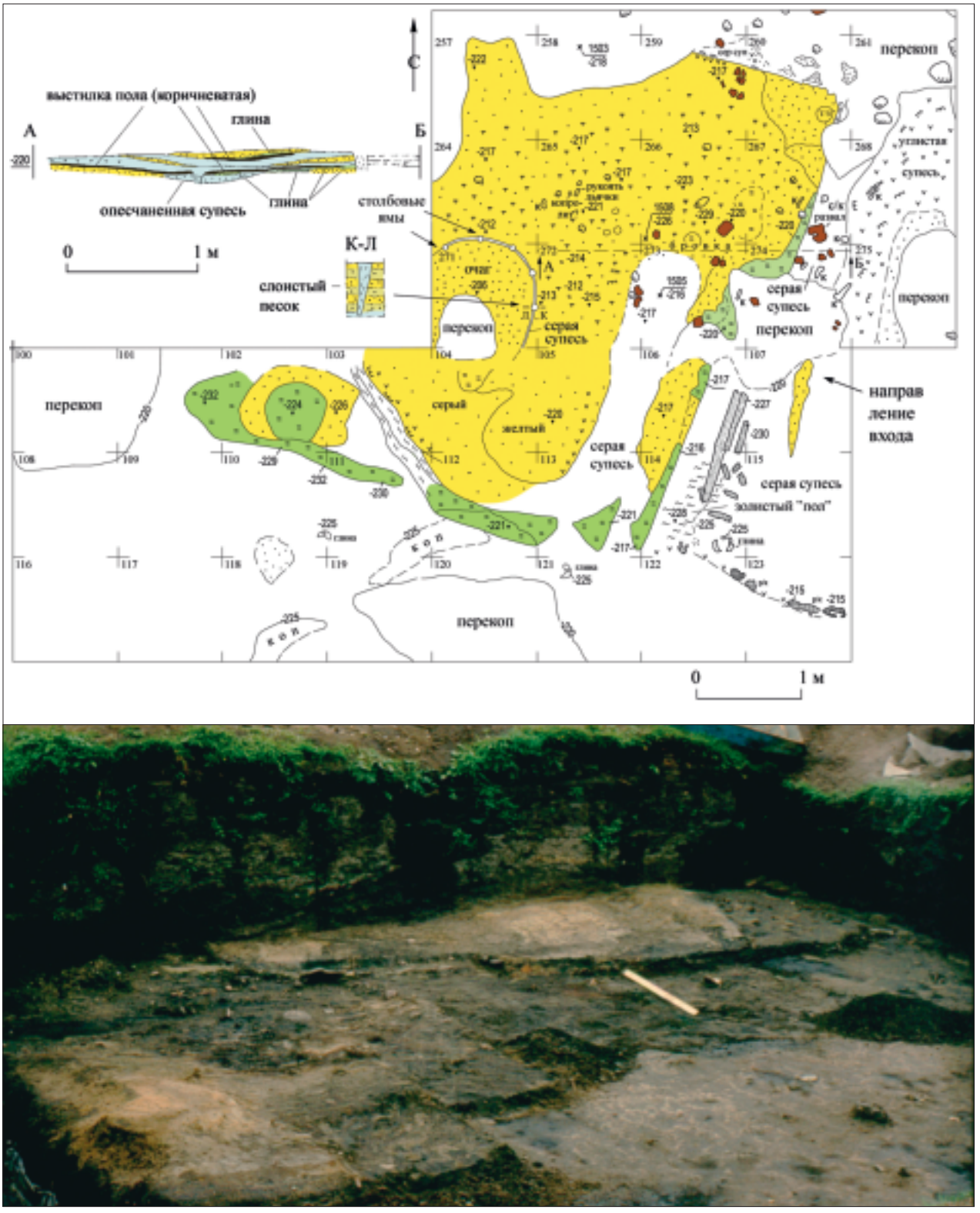


Рис. 15. Дьяково городище. Постройка «Ж», уровень 2

Вверху – чертеж зачистки по уровню пола
Внизу – фото раскопа 1983 г. на переднем лане постройка «Д», на заднем – постройка «Ж»
Находки: 1503 – фибула с эмалью, 1505 – проколка кост., 1508 – грузик дьякова типа

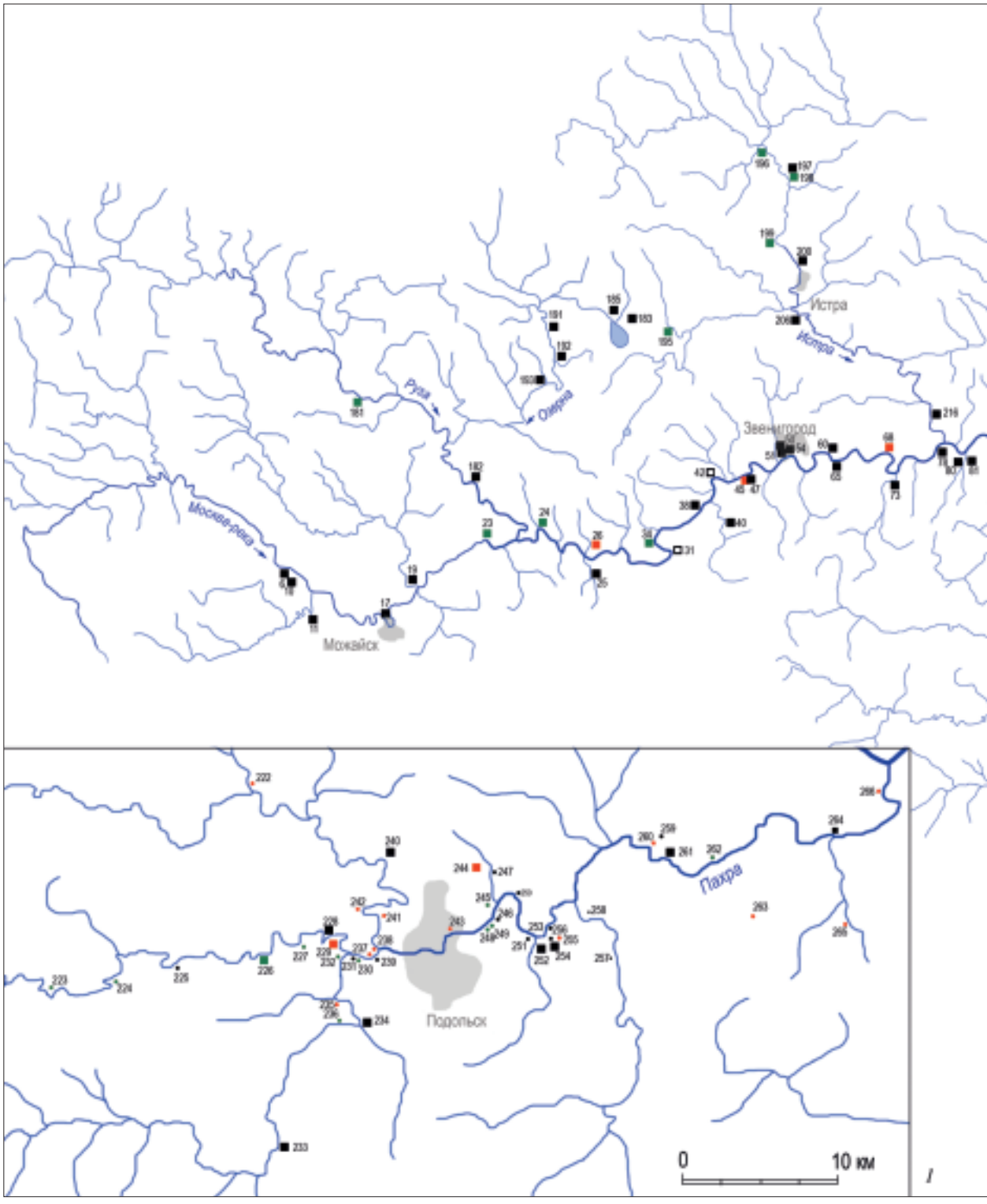
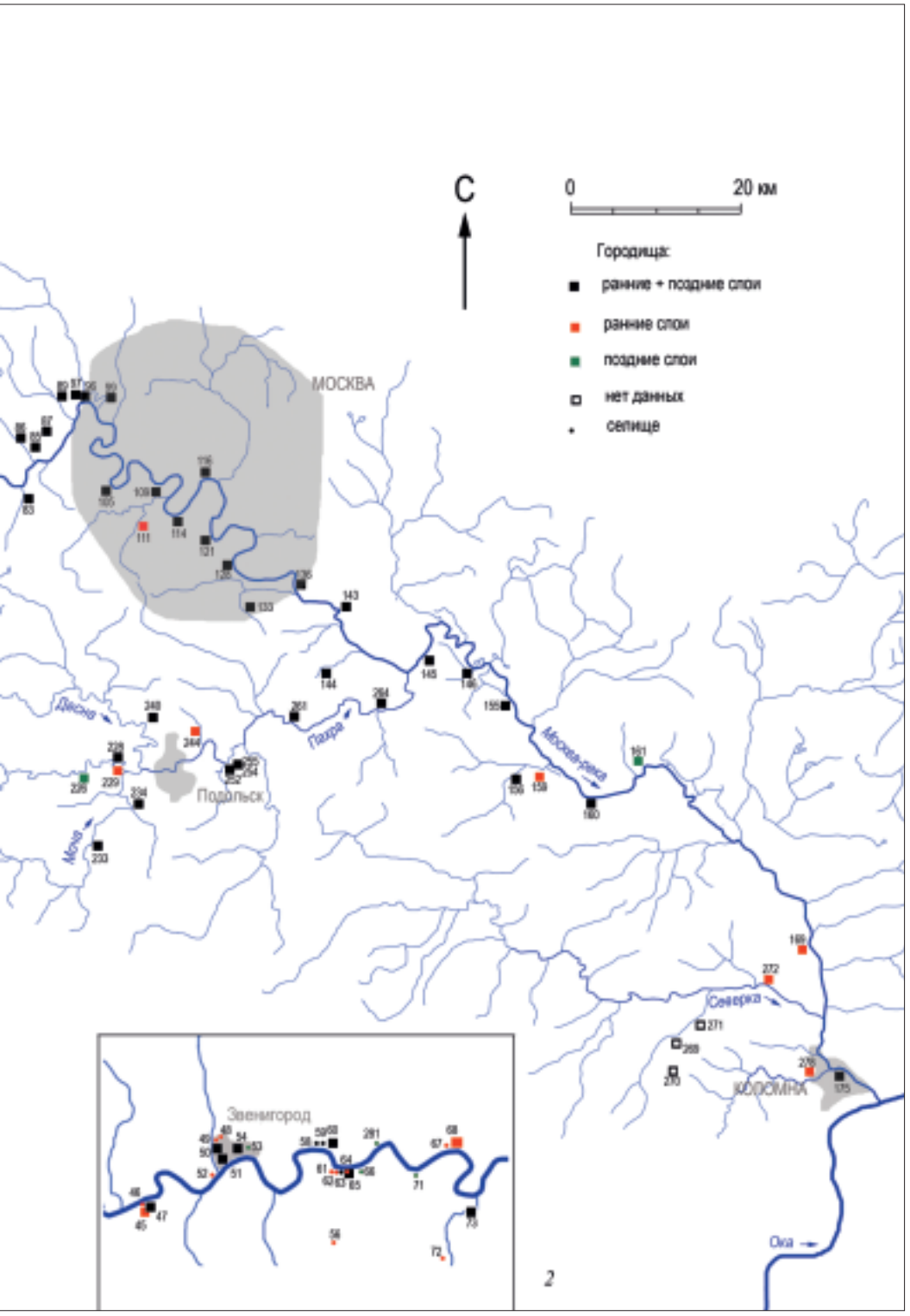


Рис. 16. Карта городищ дьякова типа в бассейне Москвы-реки

На врезке 1 – селища и городища в бассейне р. Пахры; на врезке 2 – селища и городища в окрестностях г. Звнигорода
Номера соответствуют каталогу: 6 – Троицкое, 10 – Рахманово, 11 – Бородинское, 17 – Тетерино, 19 – Шишимрово, 23 –Чепасово, 24 – Ст. Руза, 25 – Тучково, 26 – Морево, 31– Сан. Герцена, 34 – Алтыново, 38 – Рязань, 40– Бушарино, 42 – Каринское, 45 – Луцино 2, 46 – сел. Луцино 3, 47 – Луцино 1, 48 – сел. Дютьково 2, 49 – сел. Дютково 3, 50 – Дютьково, 51 – Саввино-Сторожевское, 52 – сел. Саввино-Сторожеское 1, 53 – Городок Звенигород, 54 – Связист, 56 – мест. Скоротово 1, 58 – Мозжинка 3, 59 – Мозжинка 2, 60 – Мозжинка, 61 – сел. Дунино 4, 62 – сел. Дунино 5, 63 – сел. Дунино 8, 64 – сел. Дунино 9, 65 – Дунино, 67 – сел. Николина Гора, 68 – Николина Гора, 72 – сел. Горышкино 3, 73 –Успенское, 78 – Знаменское, 80 – Знаменское 2-е, 81 – Усово, 83 – Барвиха, 85 – Архангельское, 86 – Воронки, 87 – Гольево, 89 – Пенягино, 96 – Спас-Тушино, 97 – Спас-Тушино 2, 99 – Тушинское, 105 – Кунцевское, 109 – Сетунское, 111 – Матвеевское 1, 114 – Мамоново, 116 – Кремль, 121 – Нижние Котлы, 128 – Дьяково, 133 – Царицыно 1, 136 – Капотня, 143 – Соколова Гора, 144 – Коробово, 145 – Боровкий курган, 146 – Круглица, 155 – Софьино, 156 – Селецкое,



159 – Бронницкое, 160 – Боршева, 161 – Михалево, 169 – Ачкасово, 175 – Коломна, Кремль, 181 – Неждино, 182 – Руза, 183 – Карасино, 185 – Городище, 191 – Слобода, 192 – Темшинское , 193 – Михайловское, 195 – Корсаково, 196 – Рождественское, 197 – Лопотовское 1, 198 – Лопотовское 2, 199 – Бужарово, 200 – Андреевское, 206 – Ильинское, 216 – Дятлова поляна, 222 – сел. Десна, 223 – сел. Конаково, 224 – сел. Городок 1, 225 – сел. Красное, 226 – Шаганино, 227 – сел. Поливаново, 228 – Луковня 1, 229 – Луковня 2, 230 – сел. Лемешево 1, 231 – сел. Лемешево 3, 232 – сел. Кутьино, 233 – Роднево, 234 – Кузнечики, 235 – сел. Ознобишино 3, 236 – местонахождение Ознобишино, 237 – сел. Дубровицы 3, 238 – сел. Дубровицы 2, 239 – сел. Беляево, 240 – Остафьево, 241 – сел. Рыбино, 242 – сел. Студенцы, 243 – сел. Подолье, 244 – Борисово, 245 – сел. Стрелково, 246 – сел. Стрелково 2, 247 – сел. Быково, 248 – Жданово 1, 249 – Жданово 2, 250 – сел. Бяконтово, 251 – сел. Конопелка 1, 252 – Щербинское, 253 – сел. Борисоглебское, 254 – Борисоглебское, 255 – сел. Заболотье 1, 256 – сел. Заболотье 3, 257 – сел. Контантиновский, 258 – сел. Домодедово, 259 – сел. Горки Ленинские 3, 260 – сел. Усть-Туровка, 261 – Съяновское, 262 – сел. Чурилково, 263 – сел. Татарское 1, 264 – Володарка, 265 – сел. Яковлевское, 266 – сел Редкинское, 269 – Федосьино 2, 270 – Федосьино 1, 271 – Юшково 1, 272 – Настасьино, 278 – Городищи, 281 – сел. Аксиньино

Рис. 17. Стеклянные бусы и подражания им. Дьяково городище

Верхний слой: 65/81, 450/83, 93/82, 120/82, 717/84, 423/83, 274/83, 494/83, 343/83, 1461/87, 442/83, 479/83, 1410/87, 306/82, 113/82, 1446/87, 1451/87, 296/83, 1420/87, 358/81, 1460/87, 328/83, 1448/87, 1444/87, 54/81, 558/83; нижний слой: 227/82, 272/82, 287/82, 274/82, 275/82; не стратифицированы: 1121/84, 585/83, 33/81, 247/81, 728/84, 45/83, 153/81, 366/82, 843/84, 257/82, 98/82
558/83 – глина, 717/84 – бронза, стекло, 1448/87, 1444/87 – кость (?); все остальные – стекло
Номера соответствуют описи

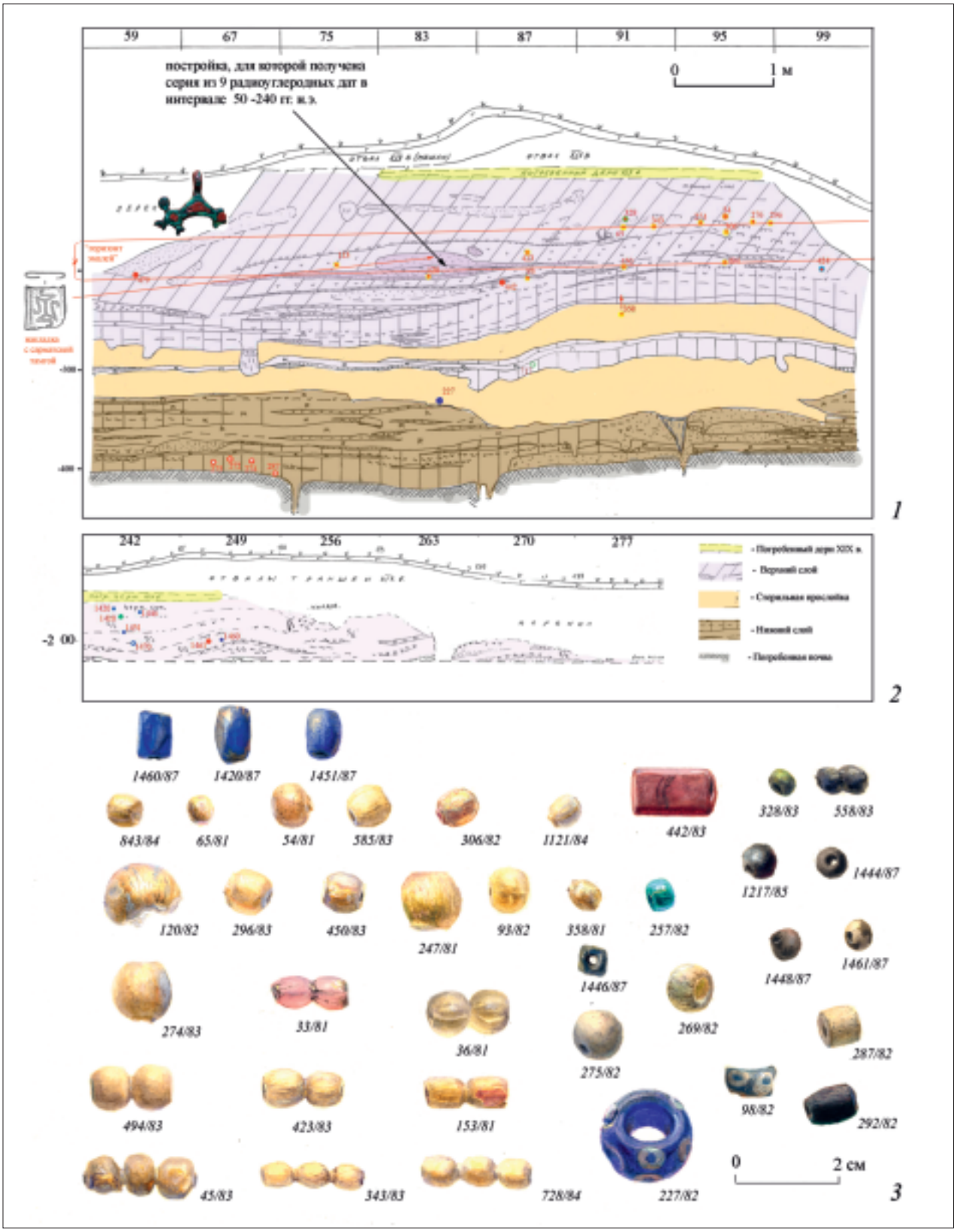


Рис. 18. Стратиграфическое положение стеклянных бус в культурном слое Дьякова городища

1 – профиль восточного борта раскопа 1982 г.; *2* – профиль восточного борта раскопа 1987 г.; *3* – стеклянные бусы, номера соответствуют описи (рис. Л.Б. Ланцмана)

Рис. 19. Украшения круга выемчатых эмалей. Дьяково городище. Раскопки 1981–1987 гг.
Номера соответствуют описи

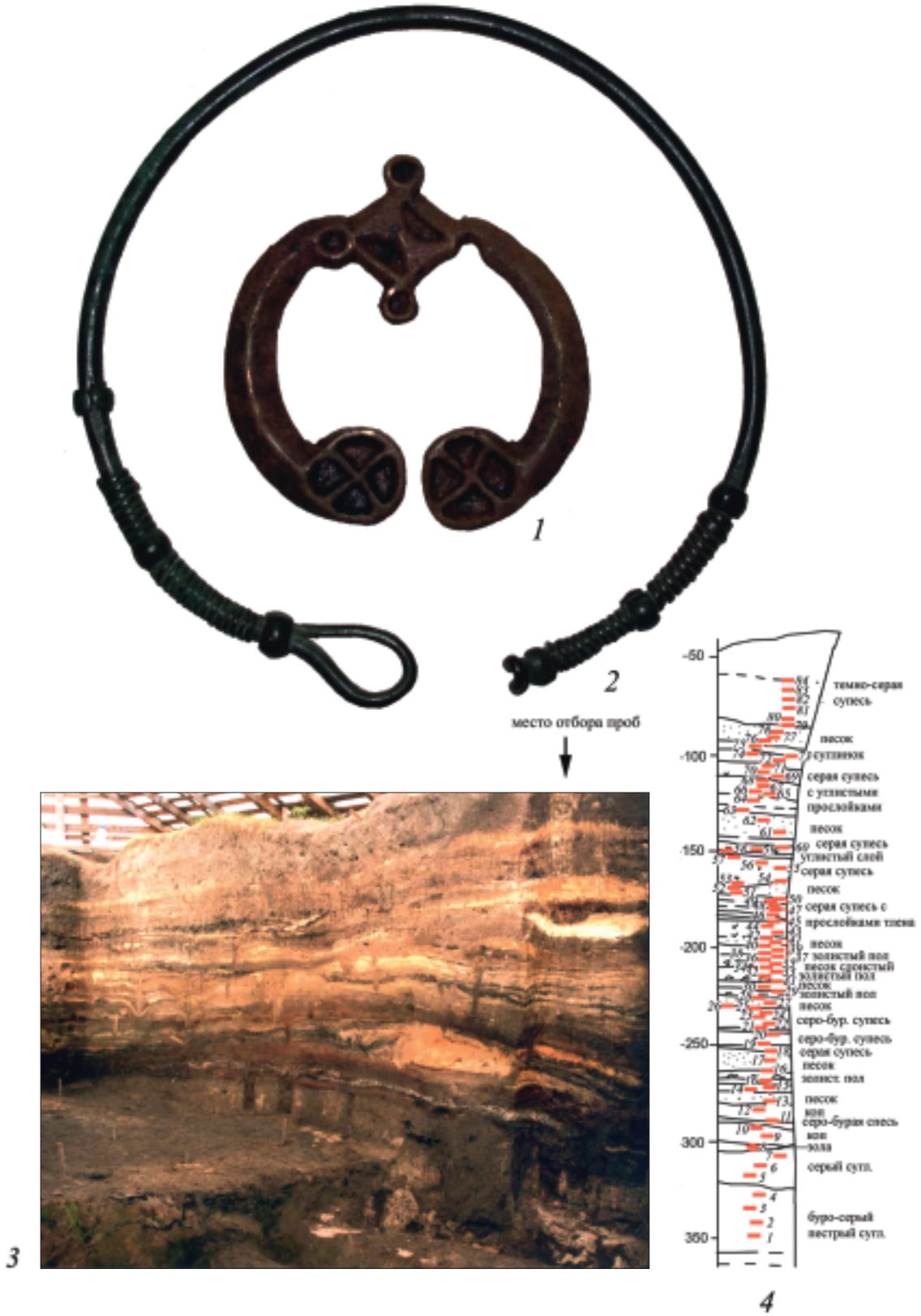


Рис. 20. Бронзовые украшения из клада, найденного крестьянами на городище Дьяково (покупка Д.Я. Самоквасова), экспозиция ГИМ (1, 2)

Профиль северного борта раскопа 2004 г, где была отобрана колонка образцов для спорово-пыльцевого анализа (*3, 4*)

Рис. 21. Следы деятельности бобров на Москве-реке в Крылатском

1, 2 – подгрызенные деревья; *3* – следы на прибрежном песке; *4* – норы в обрыве берега

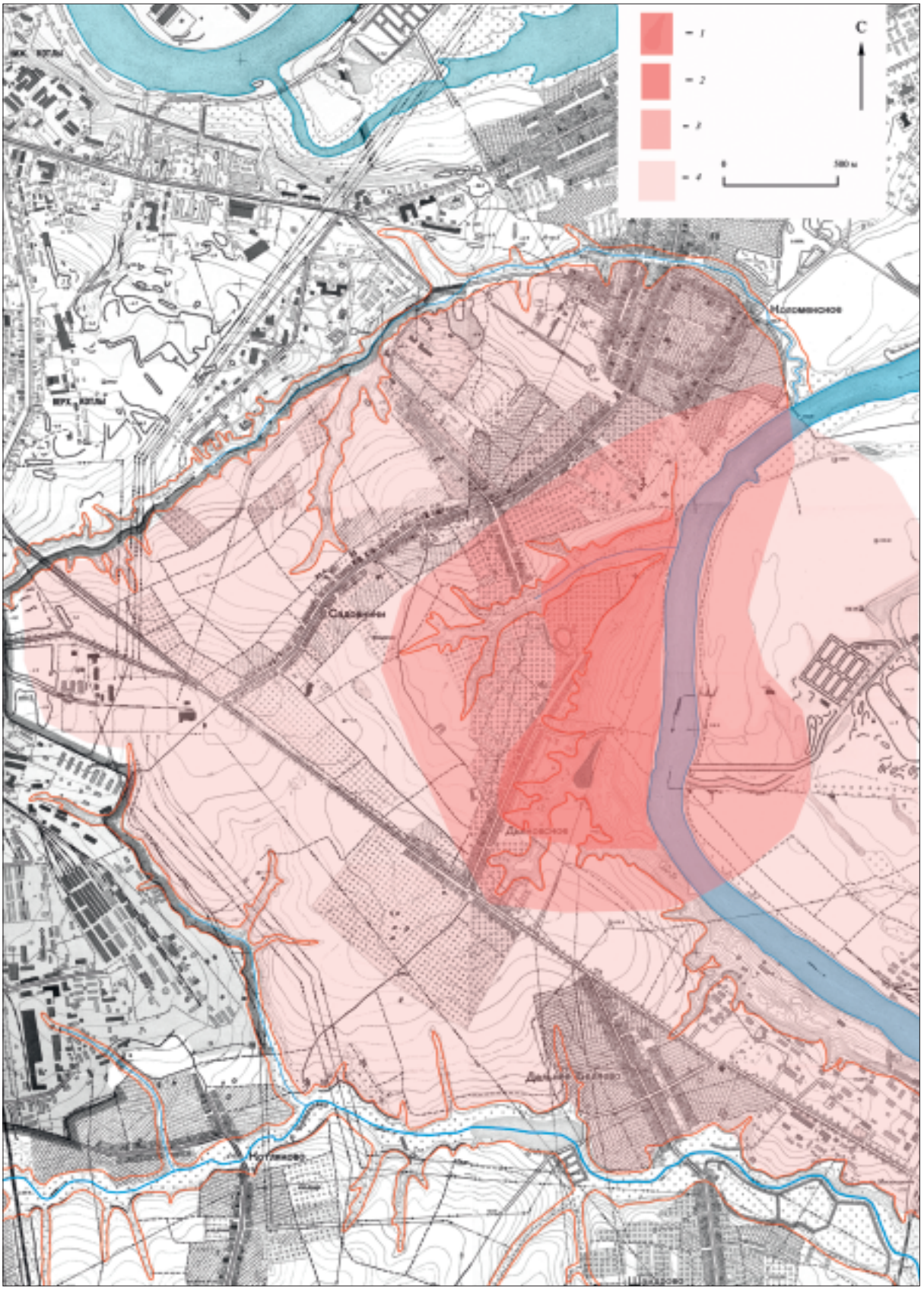


Рис. 22. Дьяково городище и его хозяйственные зоны

1 – Дьяково городище; *2* – территория поселенческо-хозяйственного комплекса; *3* – «ближняя» хозяйственная зона; *4* – «дальняя» хозяйственная зона

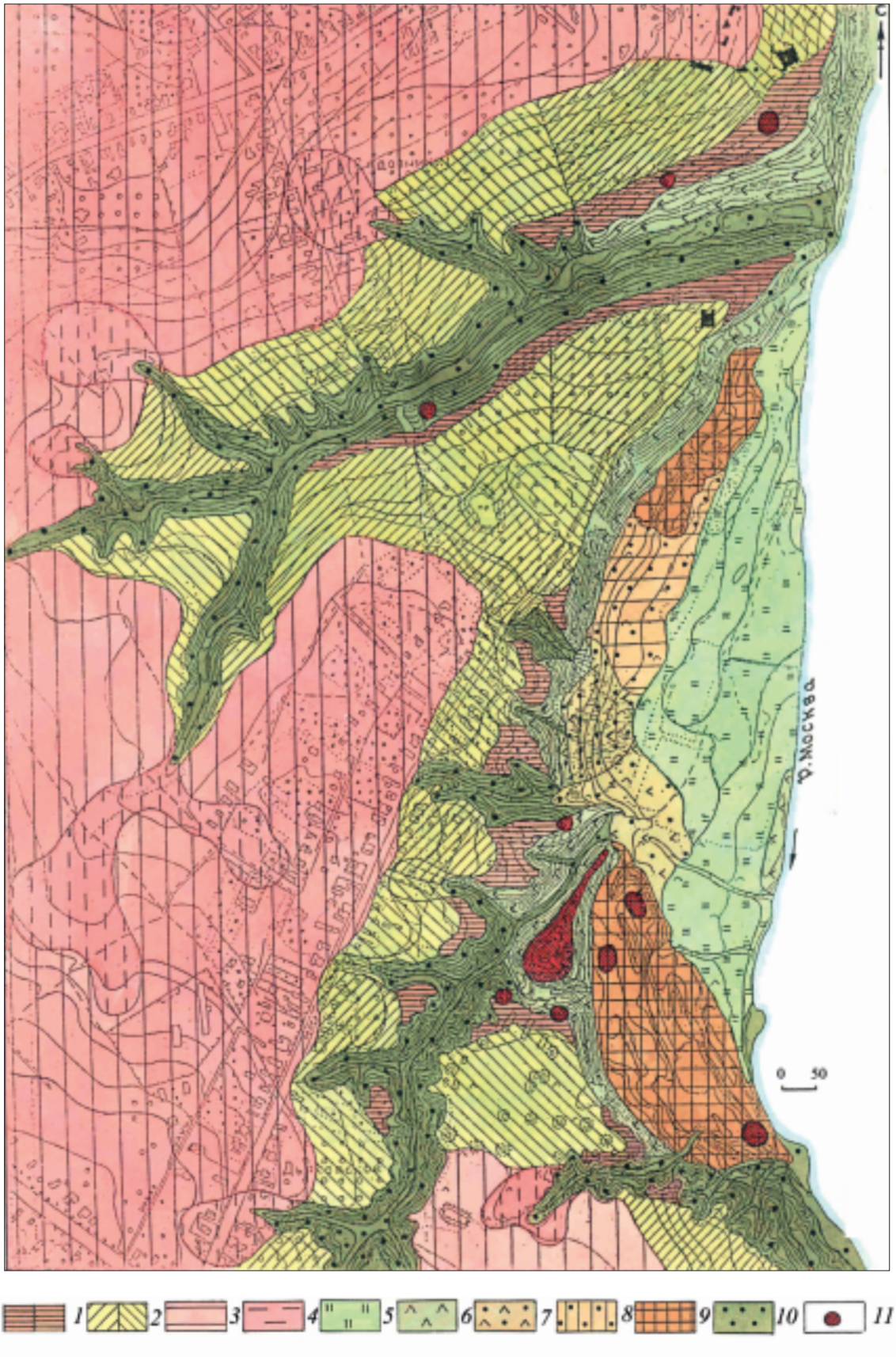


Рис. 23. Реконструкция схемы природопользования в железном веке в ближайшей округе Дьякова городища

На основе ландшафтного анализа территории (по В.А. Низовцеву). См. Приложение III

ИЛЛЮСТРАЦИИ

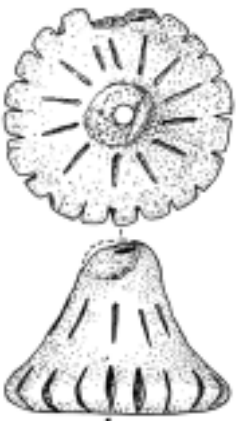


Рис. 1. Дьяково городище

Топографическая карта Московской губернии. 1860 г.
Масштаб: 2 версты в английском дюйме

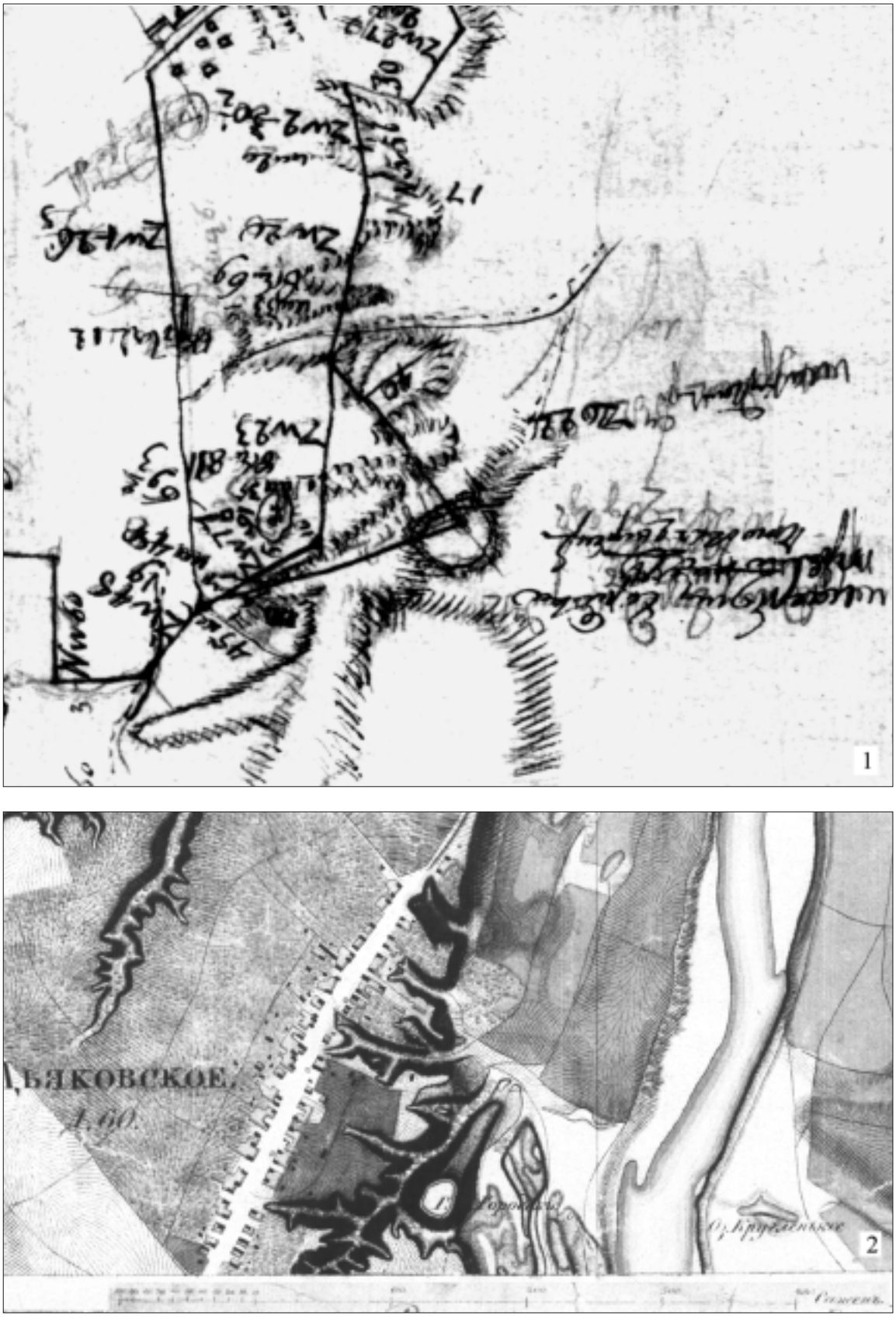


Рис. 2. Дьяково городище

1 – Черновой чертеж окрестностей Дьякова городища землемера Казмина. 1785 г. Полевые записки землемера Казмина с. Коломенского, Перервинской слободы, с. Богословского. РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 215об.

2 – Топографическая карта. 1838 г. Масштаб: 100 сажень в английском дюйме. Фрагмент с изображением с. Дьяковского и горы «Городок» (Дьяково городище)

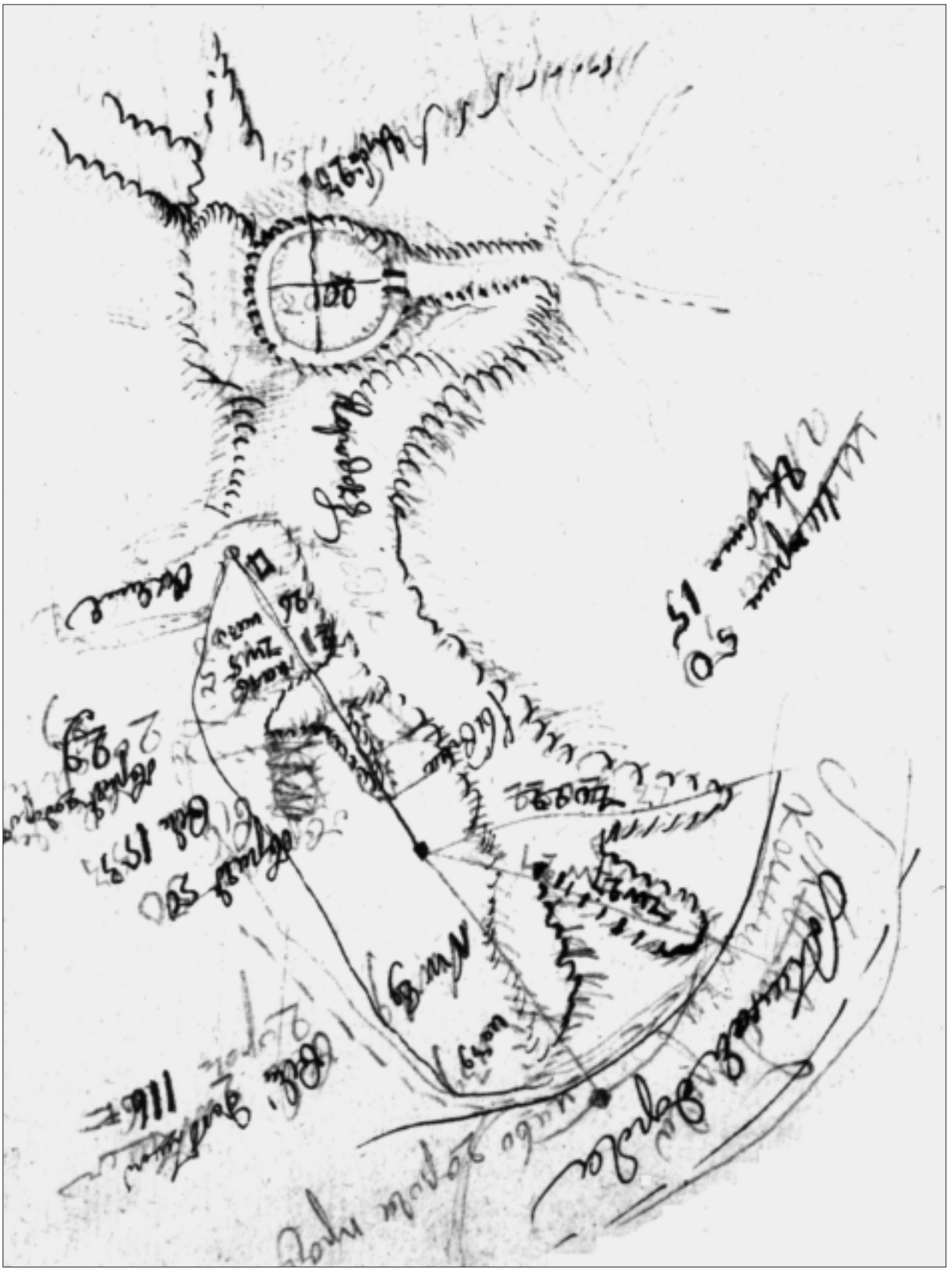
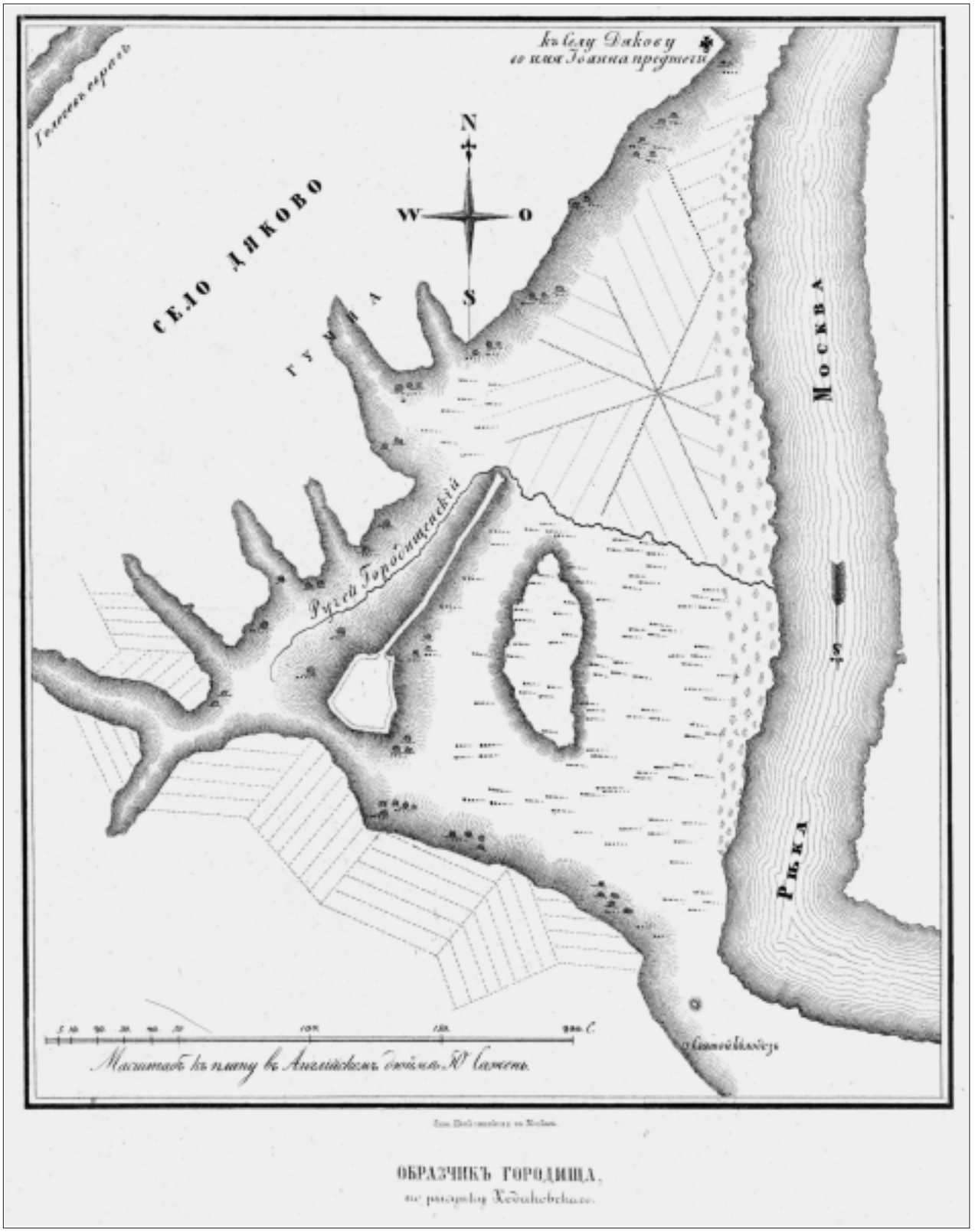


Рис. 3. Черновой чертеж горы «Городок» (Дьяково городище) землемера Казмина. 1785 г.

Полевые записки землемера Казмина с. Коломенского, Перервинской слободы, с. Богословского
РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 215об.



ОБРАЗЧИКЪ ГОРОДИЩА.

Рис. 4. План Дьякова городища. Первая четверть XIX в.

Литография Шелковникова, Москва
Подготовлен к печати М.П. Погодиным по материалам З. Ходаковского (*Погодин*, 1871)

1

2

Рис. 5. Дьяково городище

1 – Топографический лист 1939/1951 гг. Масштаб: 1:2000. Фрагмент с изображением Дьякова городища. Серой заливкой показаны траншеи раскопок Г.Д. Филимонова. 1875 г.
2 – Северный склон Дьякова городища, где были крестьянские выработки по добыче камня, и где, видимо, найден клад бронзовых украшений, купленный Д.Я. Самоквасовым
Фото Н.А. Кренке, 2010 г.

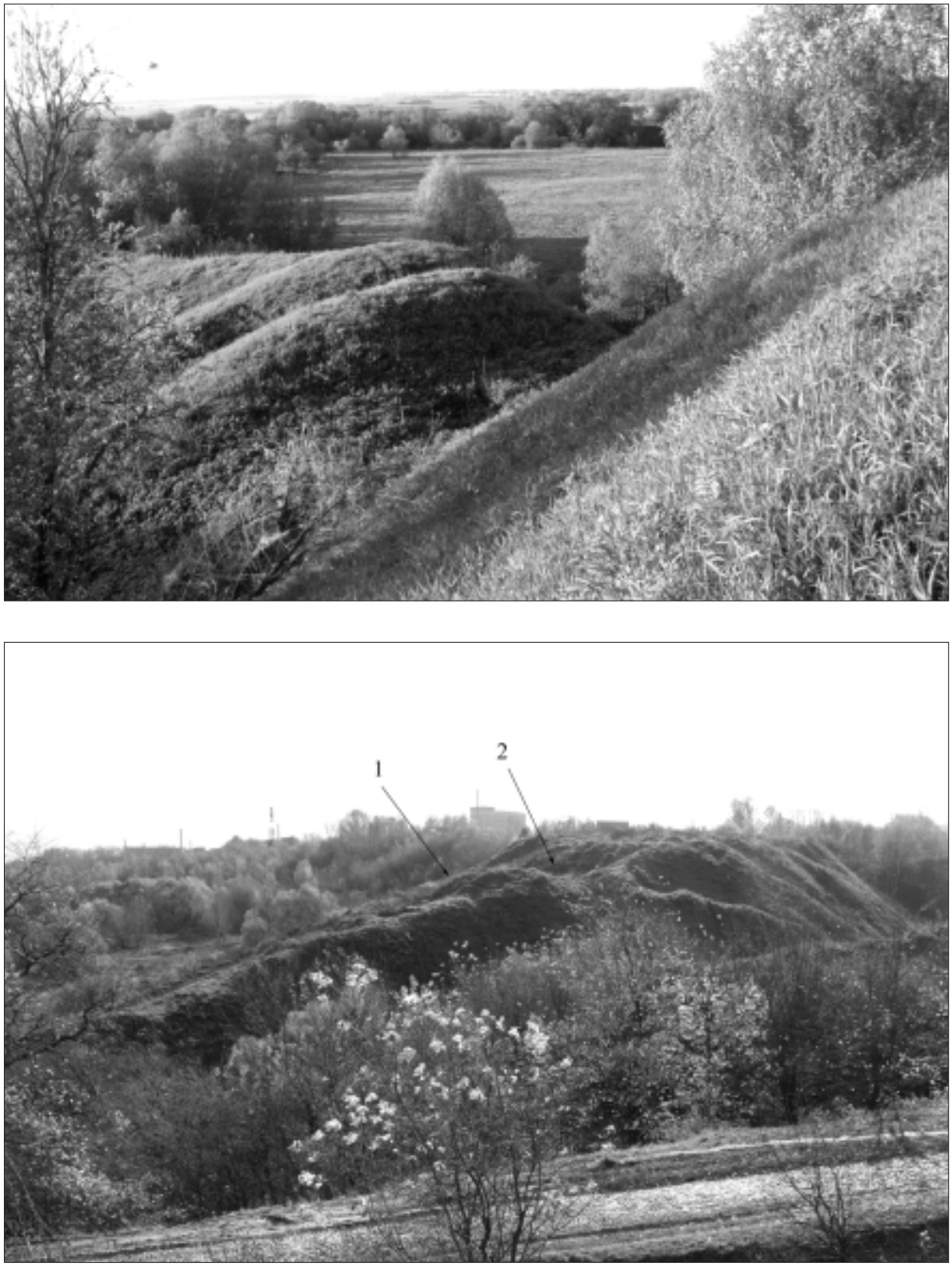


Рис. 6. Рельеф всходов на дьяковские городища

Вверху – Щербинское городище, вид от верхней площадки. Внизу – Дьяково городище, вид с северо-запада:
1 – валоподобное всхолмление, *2* – место, где добывали камень в XIX в.
Фото Н.А. Кренке, 2007, 2008 гг.

1

2

Рис. 7. Дьяково городище. Траншеи раскопок 1875 г.

1 – Вид с юга на траншею, ориентированную С-Ю; *2* – вид с запада на траншею за валом
Фото Н.А. Кренке, 1980 г.

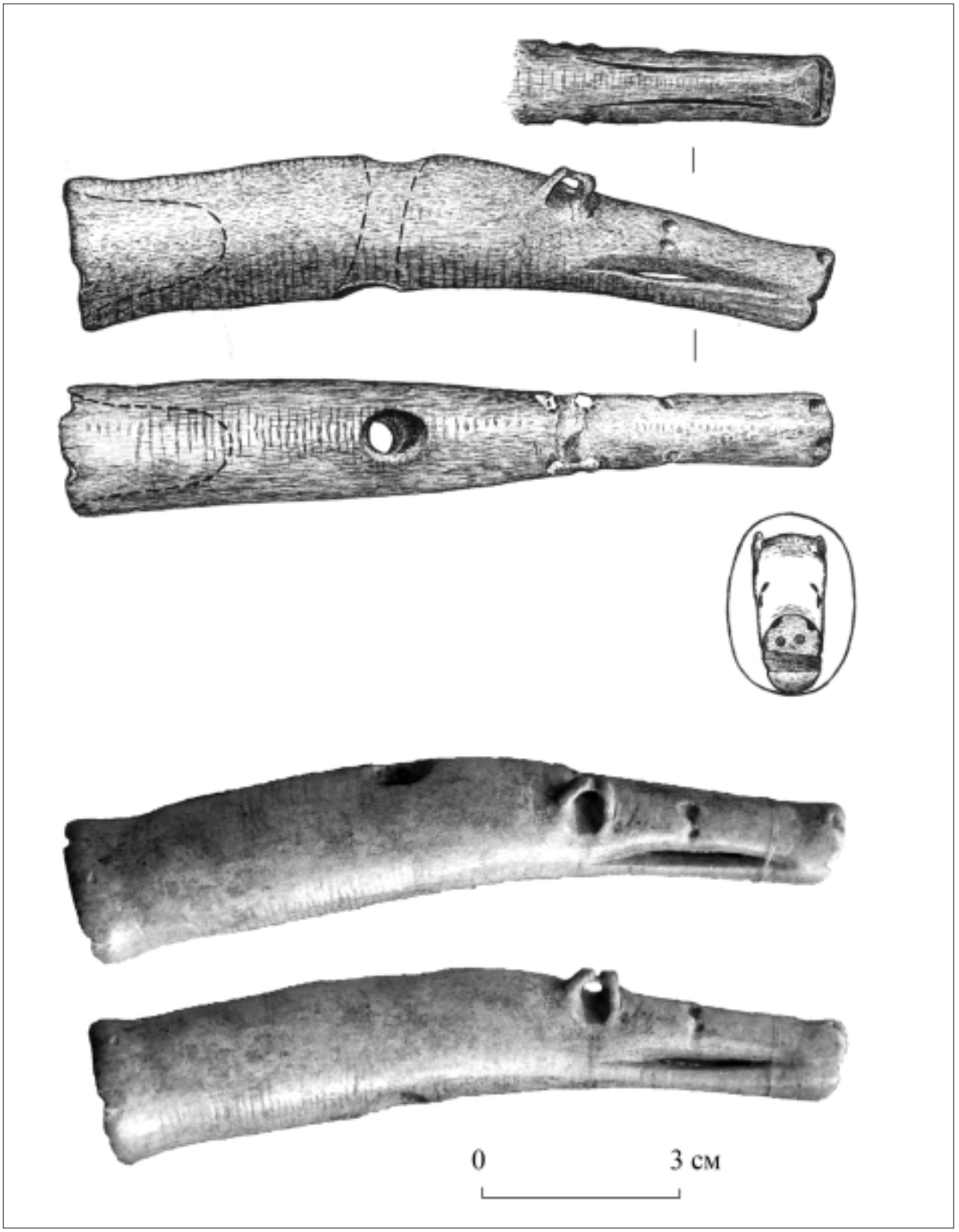


Рис. 8. Рукоять из рога. Раскопки Дьякова городища 1875 г.

Вверху – рис. А.Е. Кравцова, внизу – фото в разных ракурсах
Коллекция Г.Д. Филимонова. Коллекционный номер 243 (ГИМ)

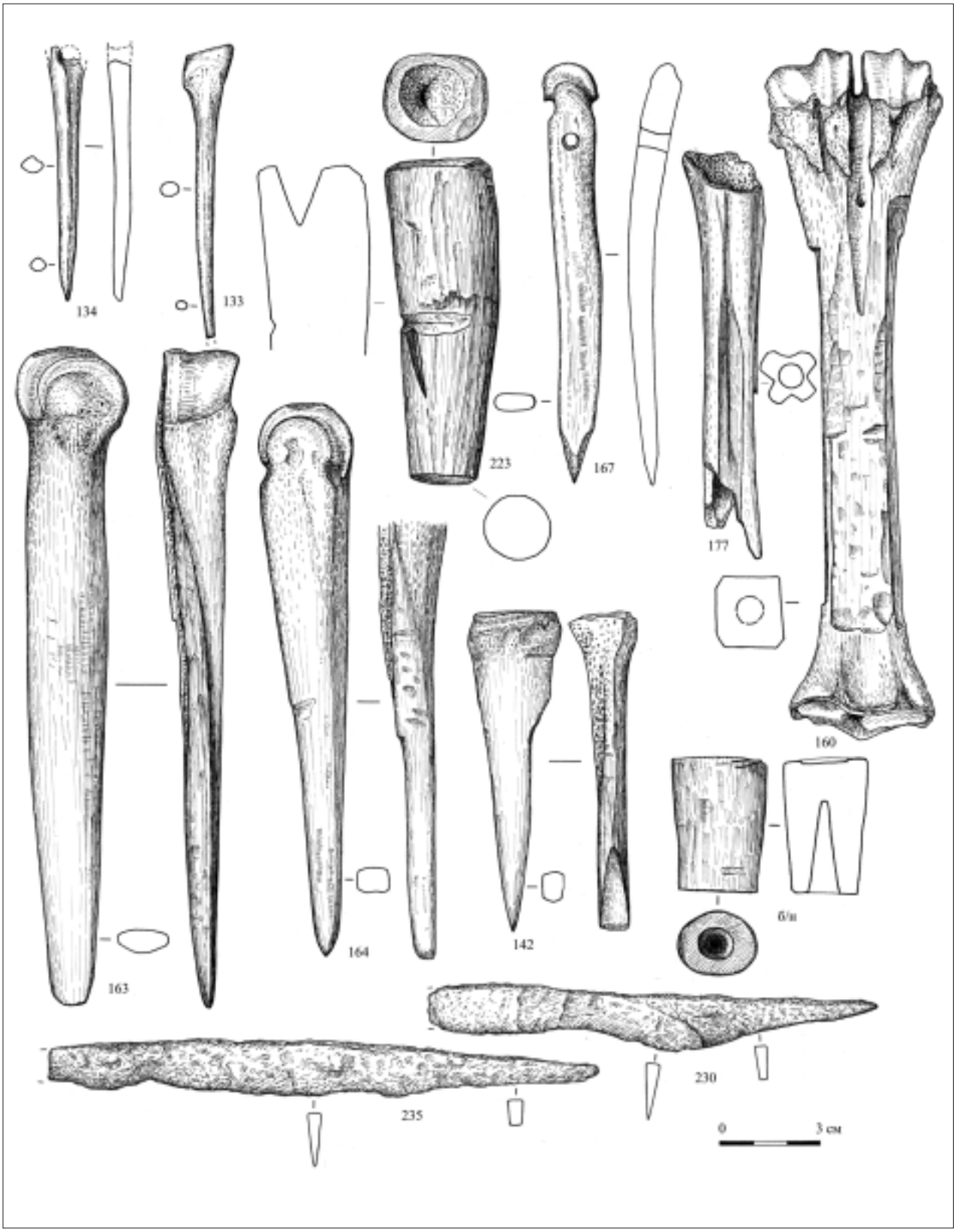


Рис. 9. Инструменты. Раскопки Дьякова городища 1875 г.

133, 134 – костяные проколки; *163, 167* – инструменты для плетения; *142, 164* – долота; б/н – рукоять; *160, 177, 223* – заготовки; *230, 235* – железные ножи

Коллекция Г.Д. Филимонова (ГИМ). Номера по музейной описи

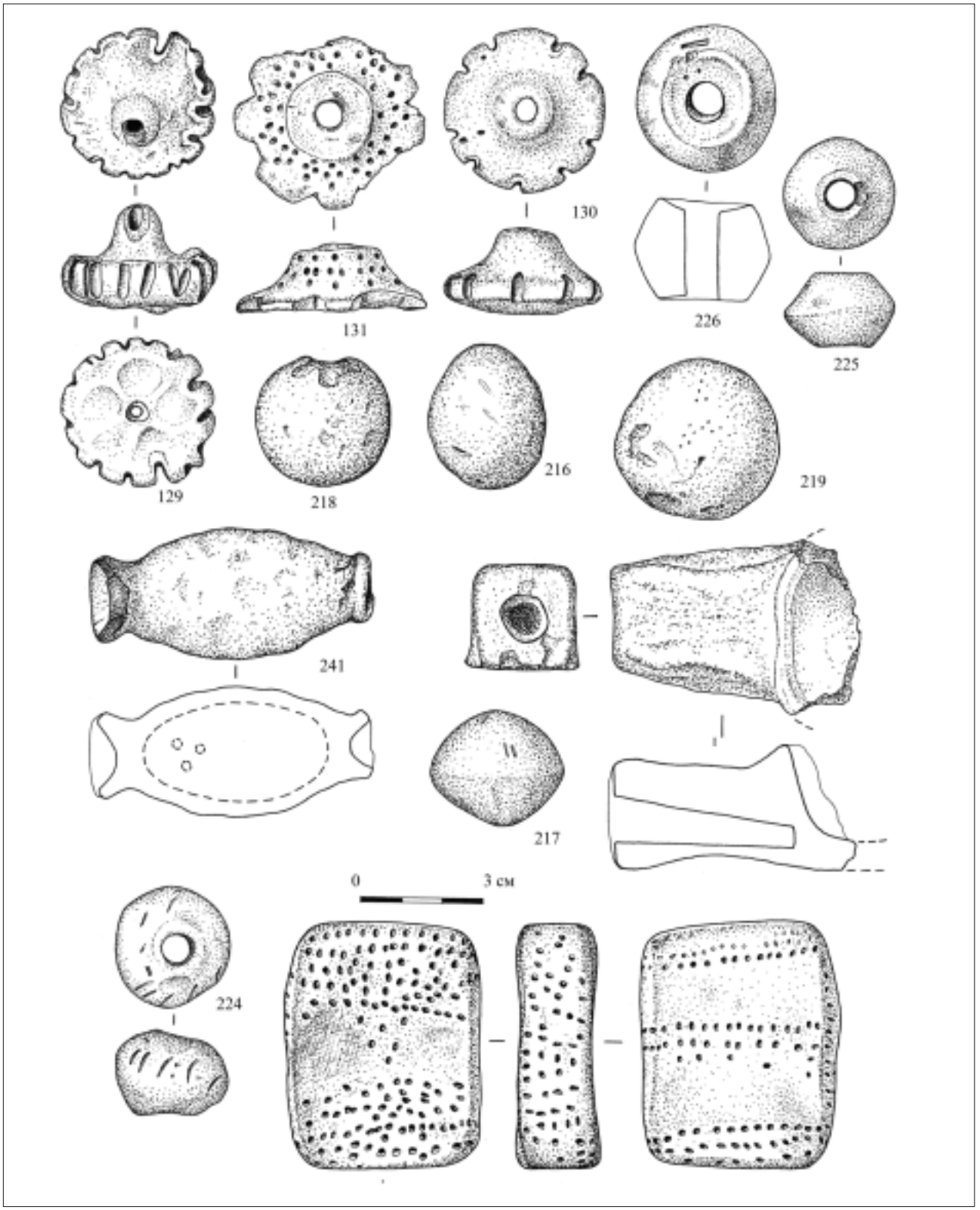


Рис. 10. Глиняные изделия. Раскопки Дьякова городища 1875 г.и 1921 г.

129–131 – грузки дьякова типа; *224–226* – пряслица; *241* – погремушка; *216–219* – шарики; *221* – рукоять льячки; *б/н* – табличка из раскопок 1921 г.

Коллекции Г.Д.Филимонова и Ю.В.Готье (ГИМ). Номера по музейной описи

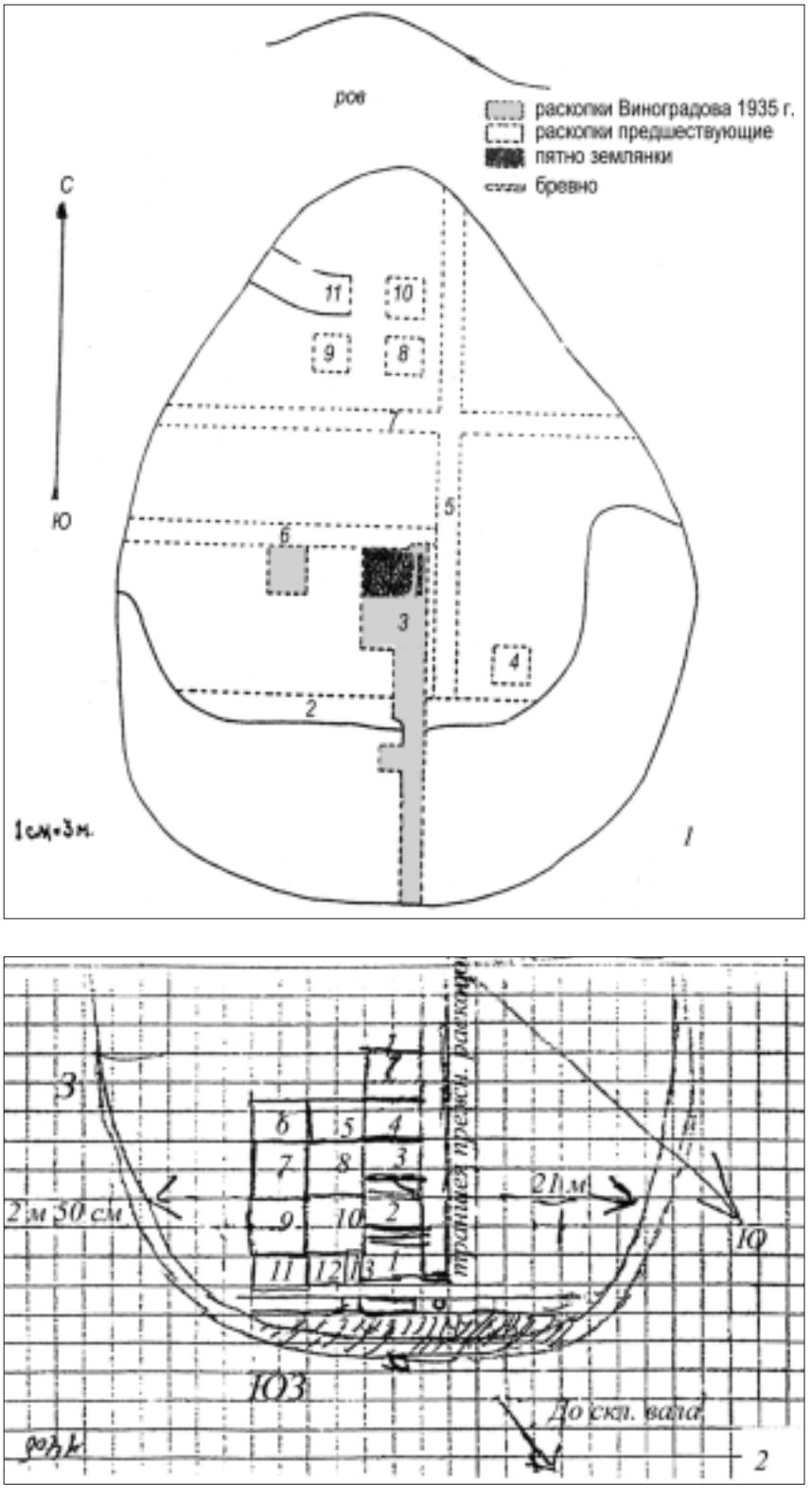


Рис. 11. Дьяково городище. Раскопки К.Я. Виноградова 1935 г.

1 – план Дьякова городища К.Я. Виноградова с указанием места его раскопок 1935 г.
2 – страничка полевого дневника К.Я. Виноградова. Архив ИА РАН

Рис. 12. Разрез Вала Дьякова городища 1935 г. Вид с юга
Фото И.Ф. Барщевского. Фотоархив Музея-заповедника «Коломенское»

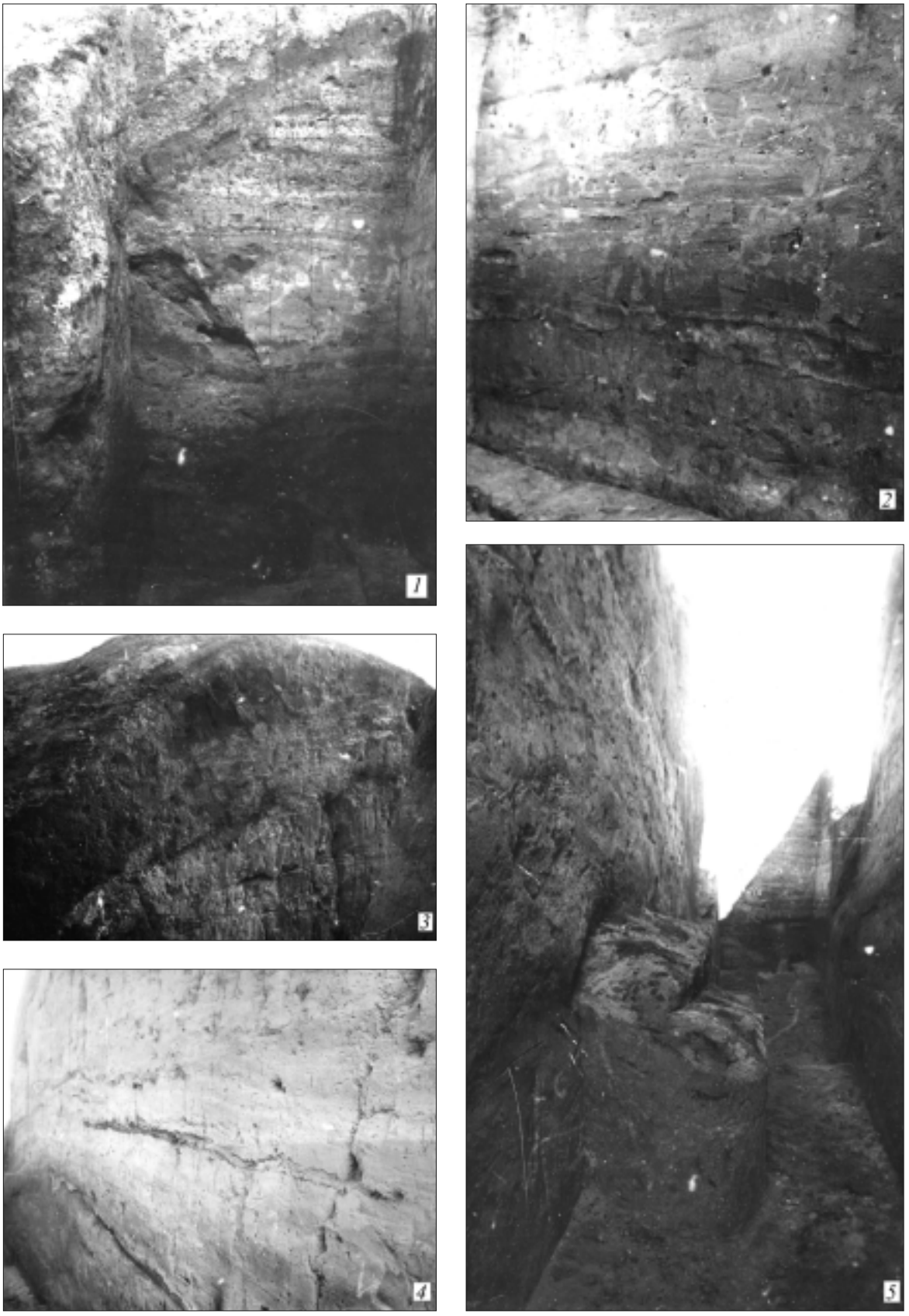


Рис. 13. Стенки разреза вала Дьякова городища. 1935 г.

1 – северная стенка; *2–4* – западная стенка, фрагменты; *5* – остатки сгоревшей стены
Фото И.Ф. Барщевского. Фотоархив Музея-заповедника «Коломенское»

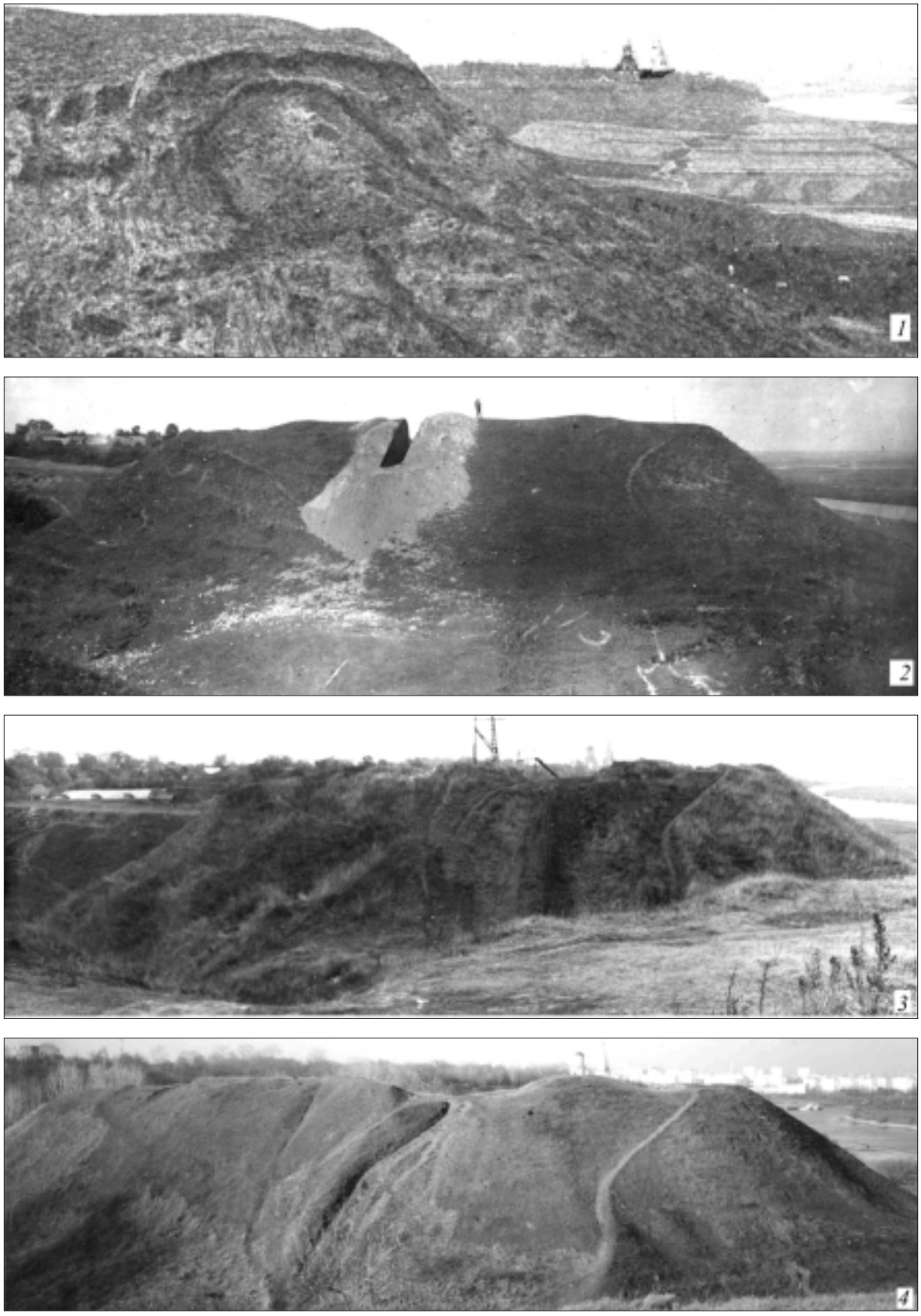


Рис. 14. Вид на вал Дьякова городища с юга

1 – фото из статьи Д.Н. Анучина (1909 г.); *2* – фото И.Ф. Барщевского, 1935 г.;
3 – фото К.А. Смирнова, 1960-е годы; *4* – фото Н.А. Кренке, 1997 г.

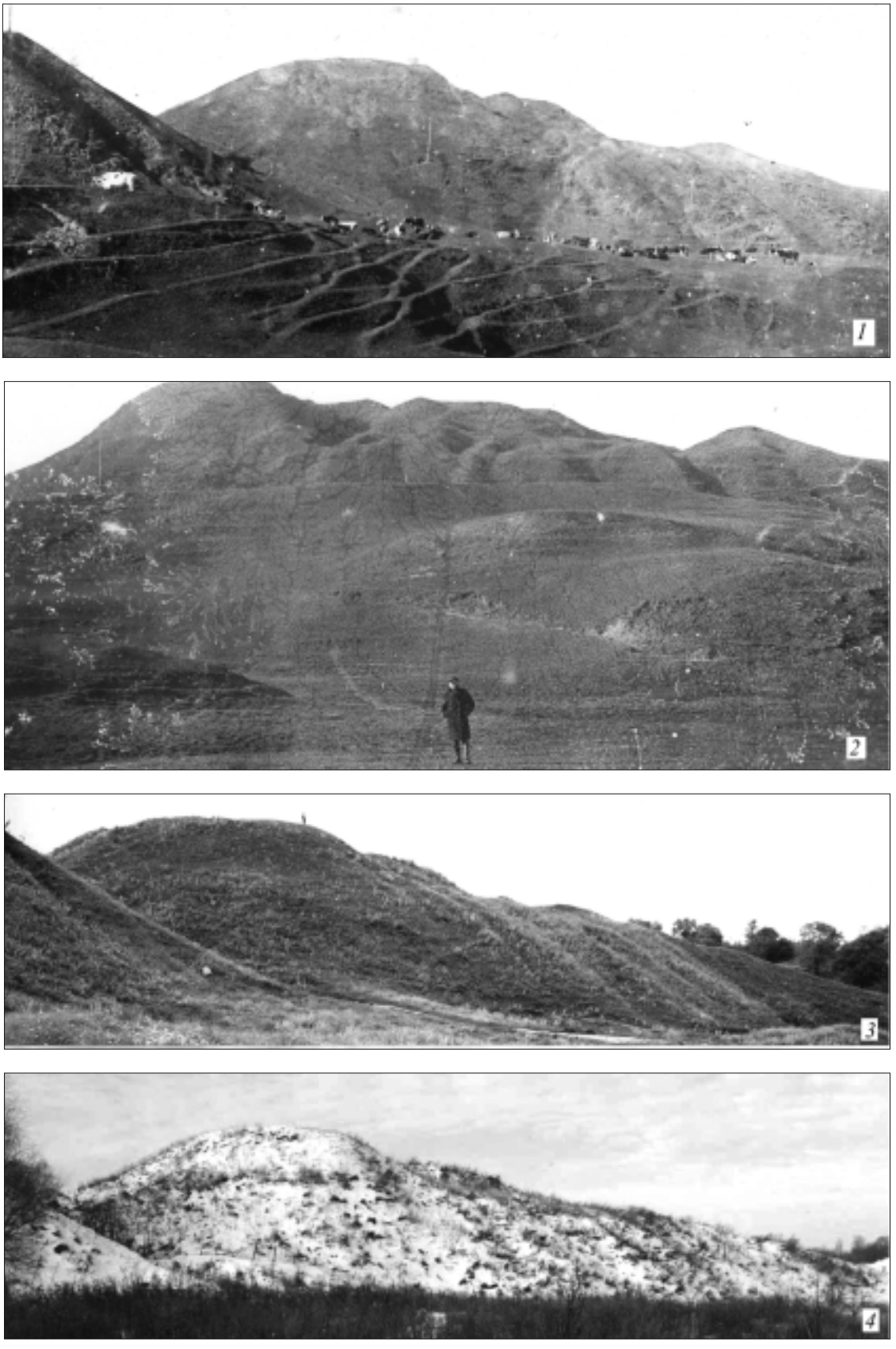


Рис. 15. Вид на Дьяково городище с востока

1, 2 – фото И.Ф. Барщевского, 1935 г. Фотоархив Музея-заповедника «Коломенское»;
3 – фото 1984 г.; *4* – фото Н.А. Кренке, 1997 г.

Рис. 16. Раскоп на городище Дьяково. 1935 г.

1 – вид с севера; *2, 3* – вид с юга
Фото И.Ф. Барщевского. Фотоархив Музея-заповедника «Коломенское»

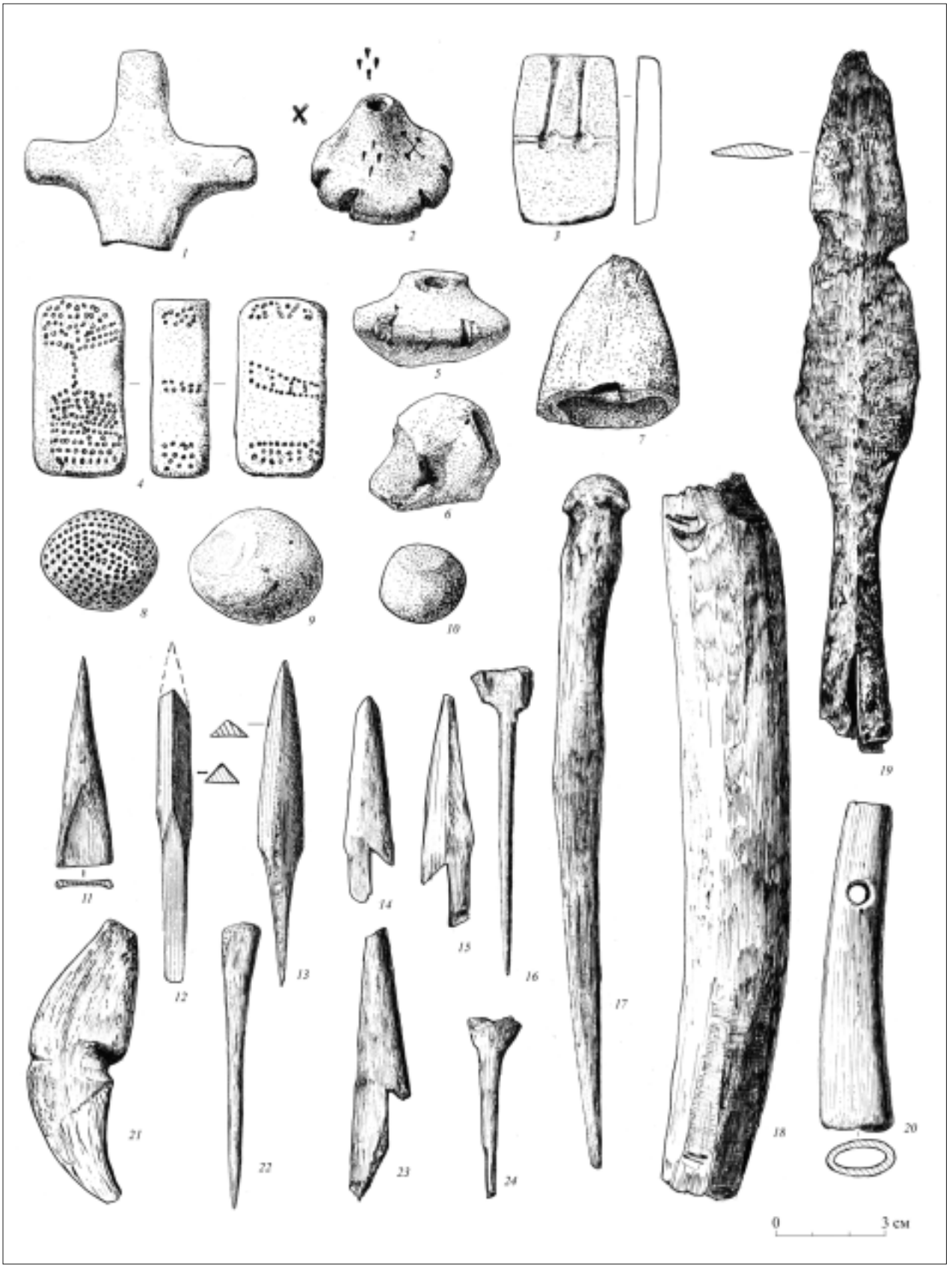


Рис. 17. Находки из раскопок Дьякова городища 1935 г.

1 – антропоморфная статуэтка; *2, 5* – грузики дьякова типа; *3* – литейная форма; *4* – орнаментированная табличка; *6* – рукоять льячки; *7* – погремушка; *8–10* – шарики; *11–15* – стрелы; *16, 17, 22, 24* – проколки; *18* – заготовка из рога, *19* – копье; *20* – рукоять; *21* – амулет из клыка медведя; *23* – заготовка стрелы

1, 2, 4–10 – глина, *3* – камень; *11–18, 20–24* – кость, рог, *19* – железо

Музей-заповедник «Коломенское»

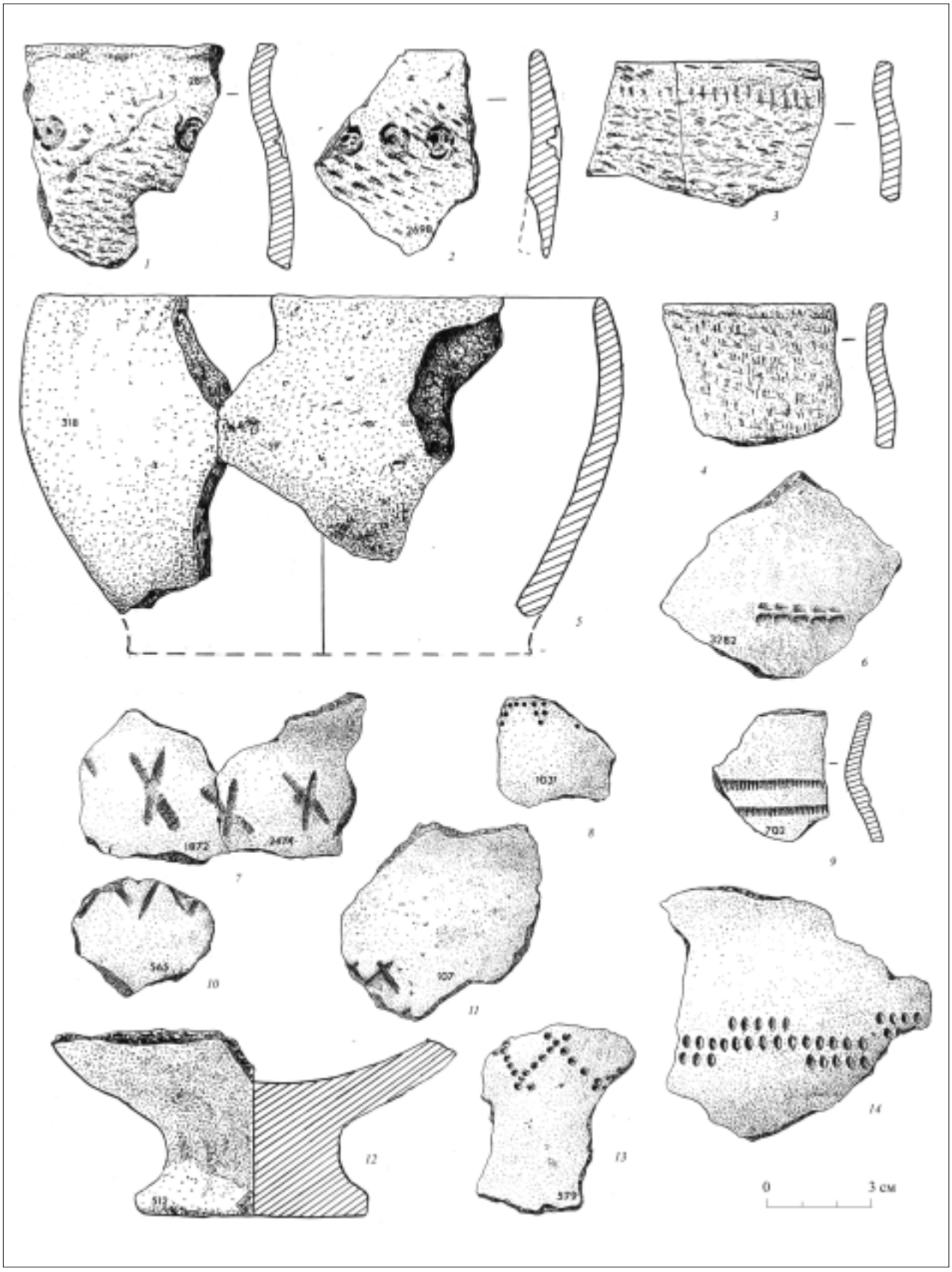


Рис. 18. Текстильная и гладкостенная керамика. Дьяково городище. Раскопки 1935 г.
Музей-заповедник «Коломенское»

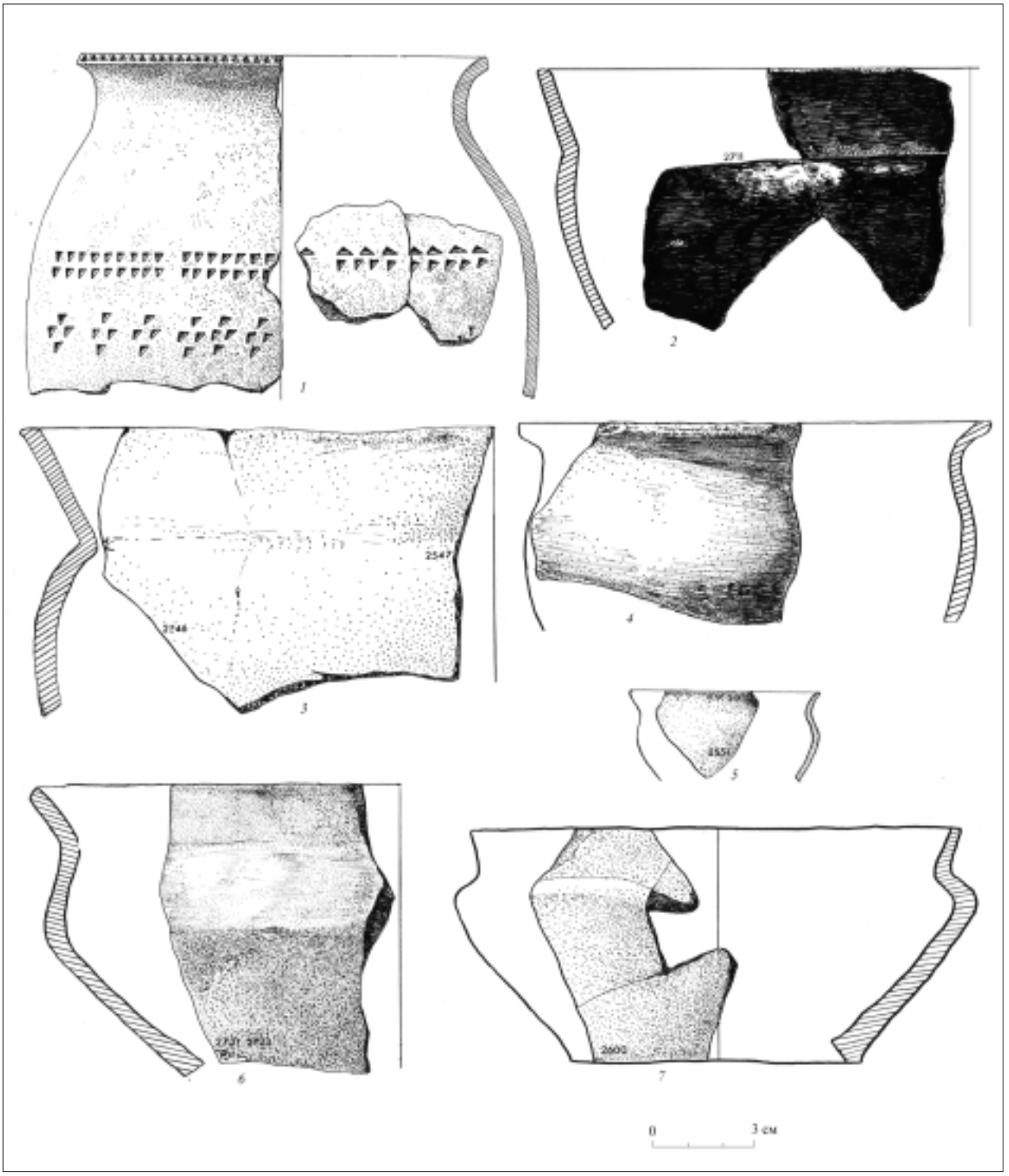


Рис. 19. Керамика. Дьяково городище. Раскопки 1935 г.

1, 5 – гладкостенная, *3, 4, 6, 7* – подлощеная, *2* – чернолощеная

Музей-заповедник «Коломенское»

Рис. 20. Аэрофотоснимок района Дьякова городища. 7 июля 1942 г.
Снимок немецкого самолета-разведчика

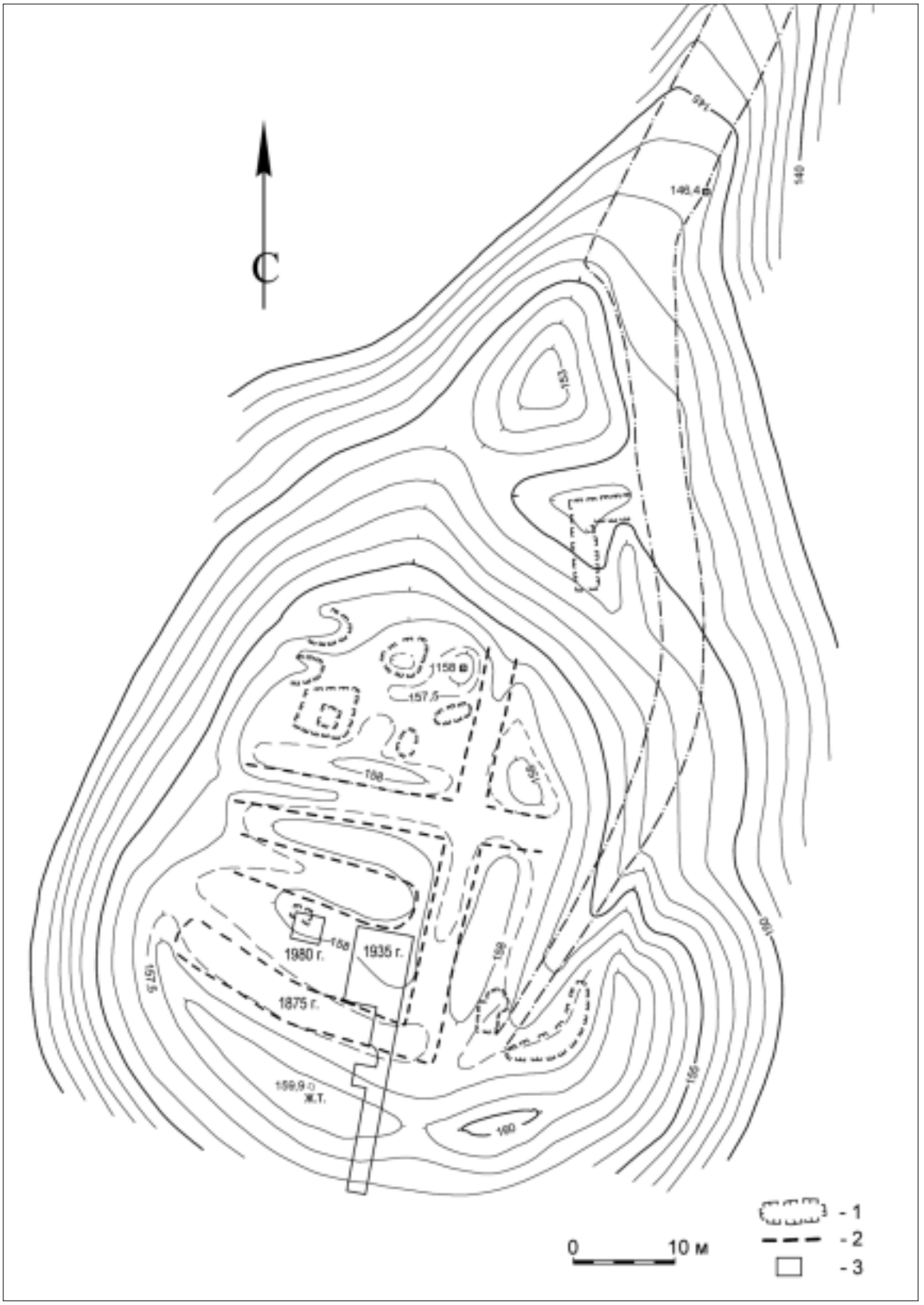


Рис. 21. Топографический план площадки Дьякова городища. 1981 г.

1 – ямы неустановленного происхождения; *2* – раскопы XIX в.; *3* – раскоп 1935 г. и шурф 1980 г.
Съемку произвел Д.Г. Цветков

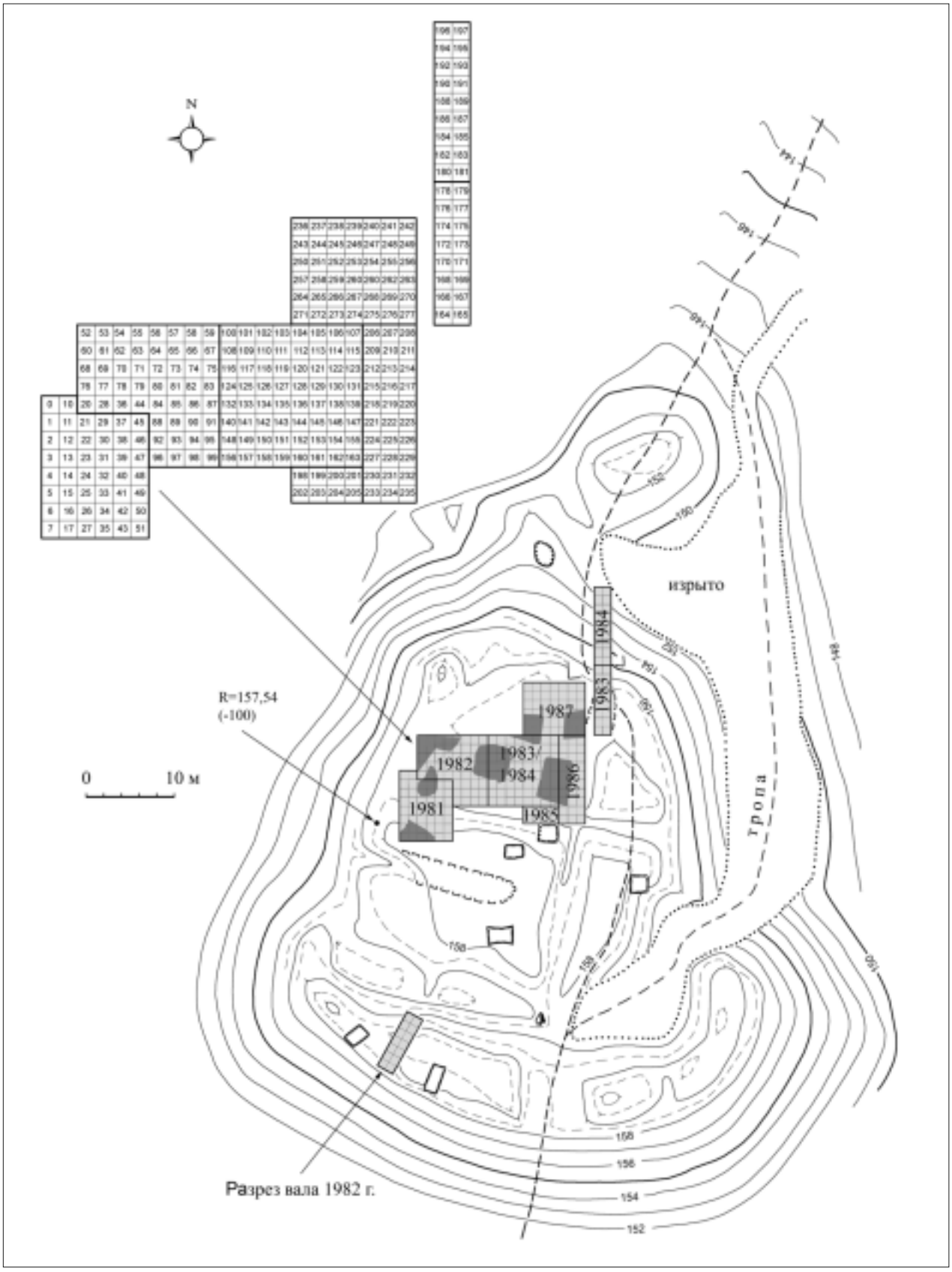


Рис. 22. Топографический план Дьякова городища. 1991 г.

Нанесены раскопы 1981–1987 гг. Серые пятна обозначают места построек в верхнем слое.
На врезке – схема раскопа с номерами квадратов
Автор съмки Б.Е. Янишевский

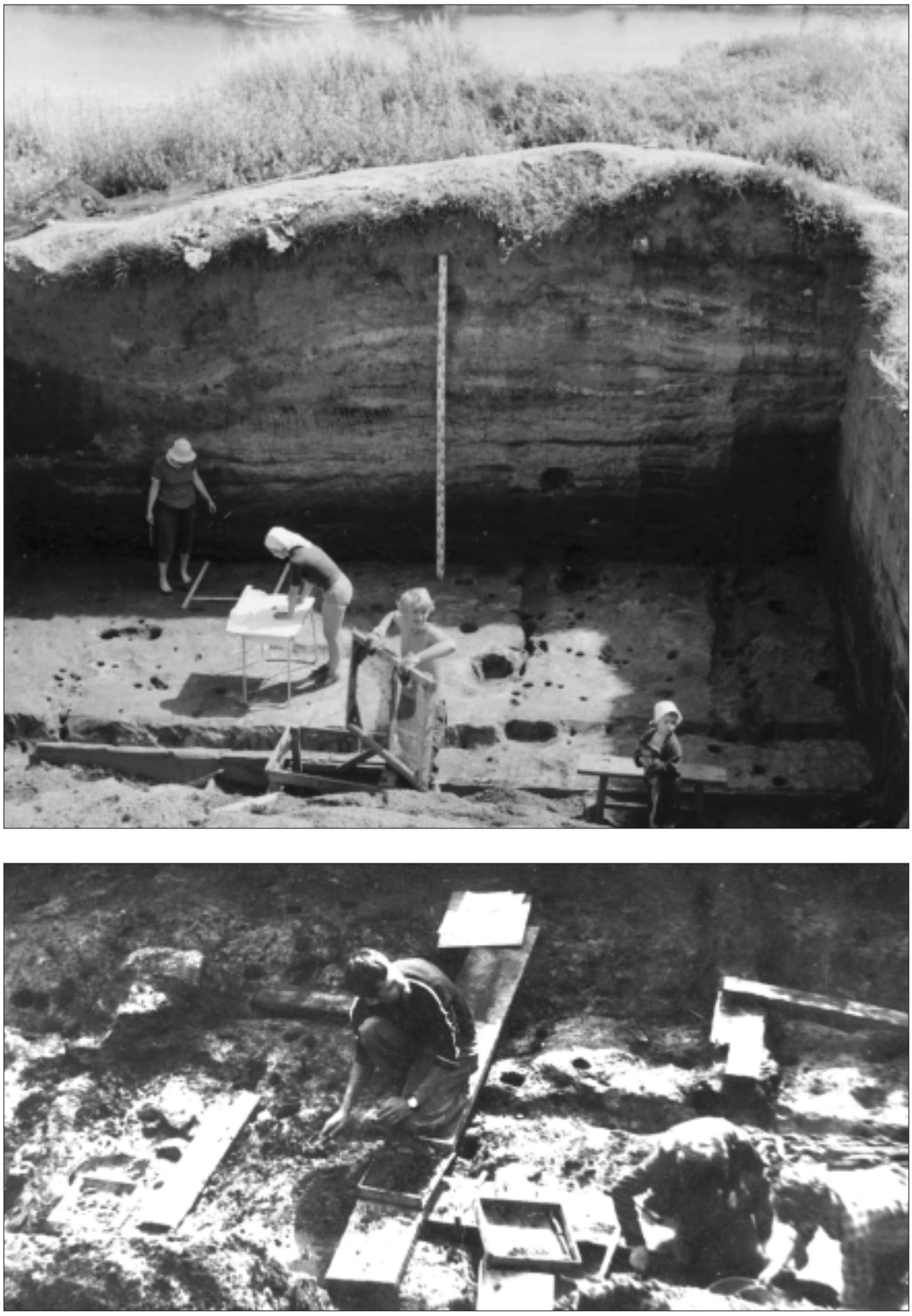


Рис. 23. Раскоп на Дьяковом городище. Зачистка материка. 1984 г.

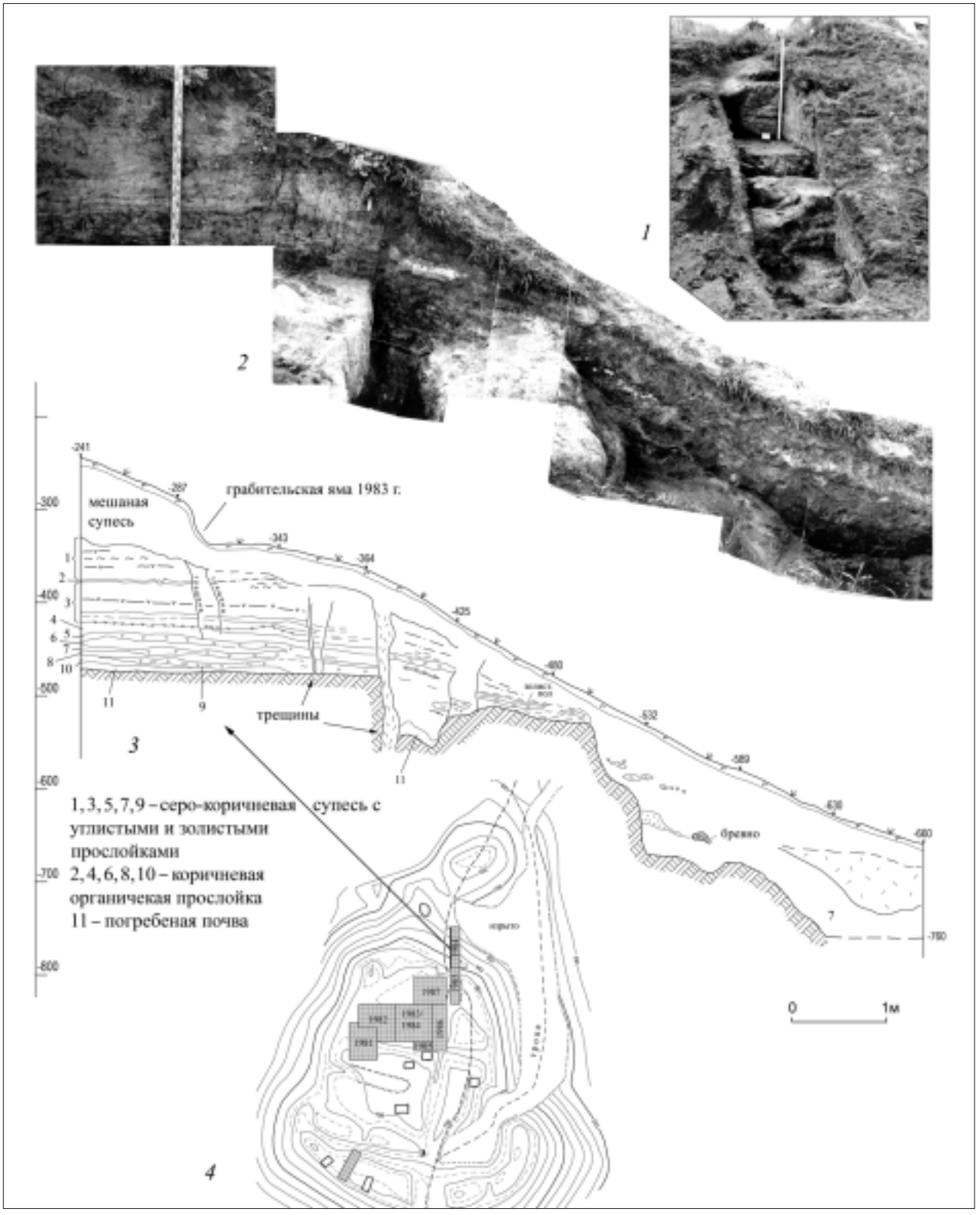
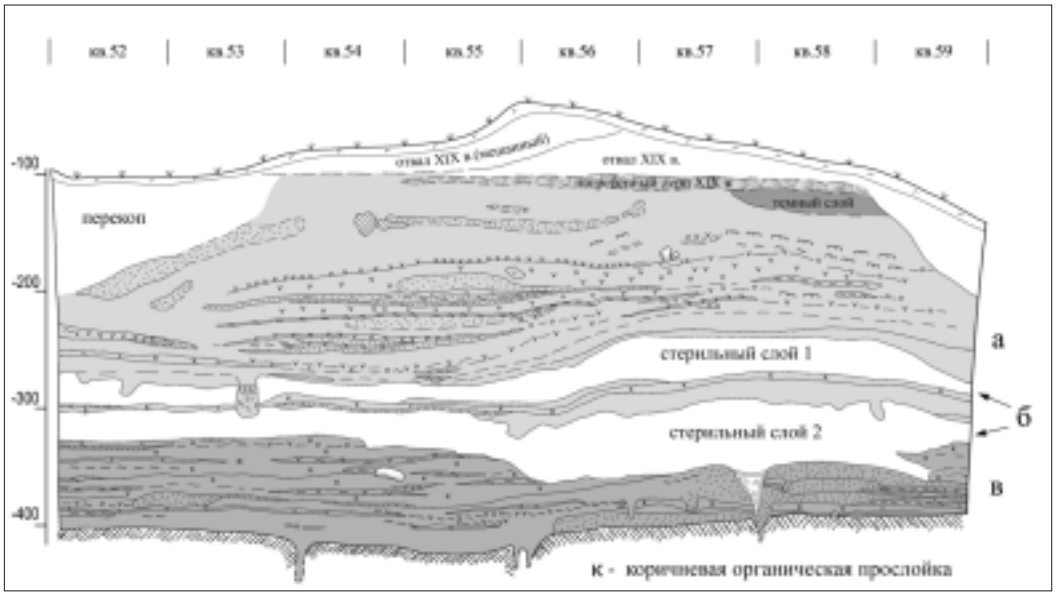
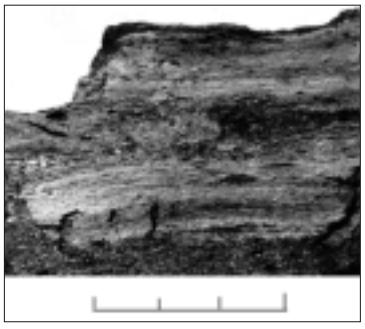


Рис. 24. Траншея на северном склоне площадки Дьякова городища. 1984 г.

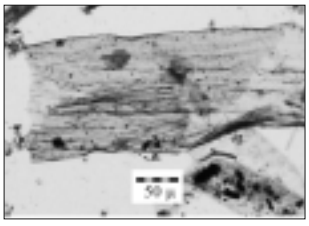
1 – вид с севера на траншею; *2* – фотография западного борта; *3* – чертеж западного борта, цифрами обозначены следующие слои: 1, 3, 5, 7, 9 – серо-коричневая супесь с углистыми и золистыми прослойками; 2, 4, 6, 8, 10 – коричневая органическая прослойка; 11 – гумусовый горизонт погребенной почвы; *4* – план площадки Дьякова городища



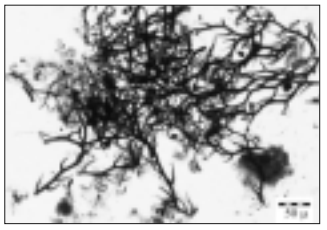
1



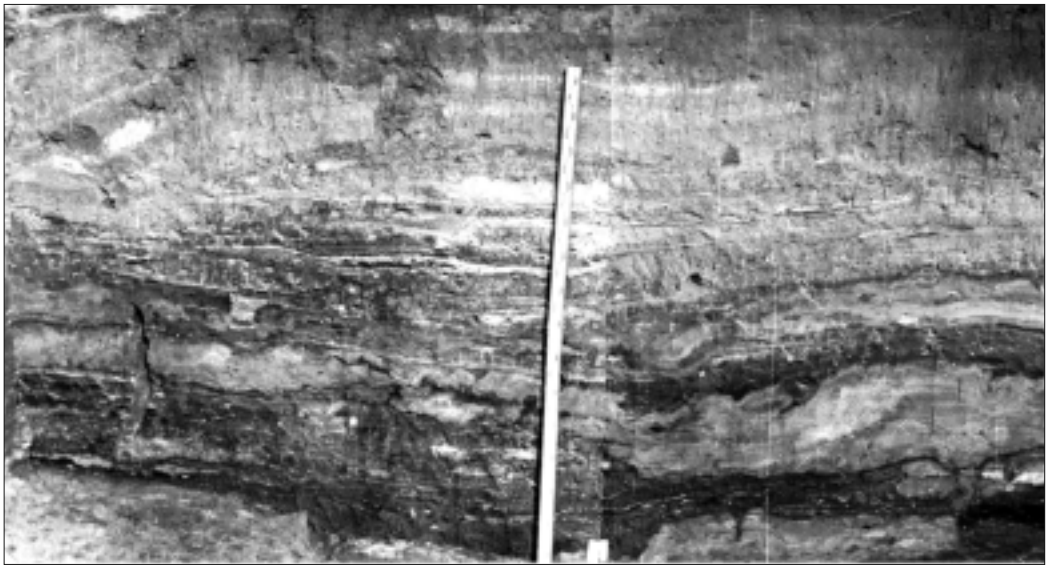
2



3



4



5

Рис. 25. Профиль восточной стенки раскопа. Дьяково городище. 1982 г.

1 – чертеж; *5* – фото; *2* – фотографии образца коричневой органической прослойки (КОП);
3, 4 – органические остатки из прослойки КОП, увеличение в 100 раз

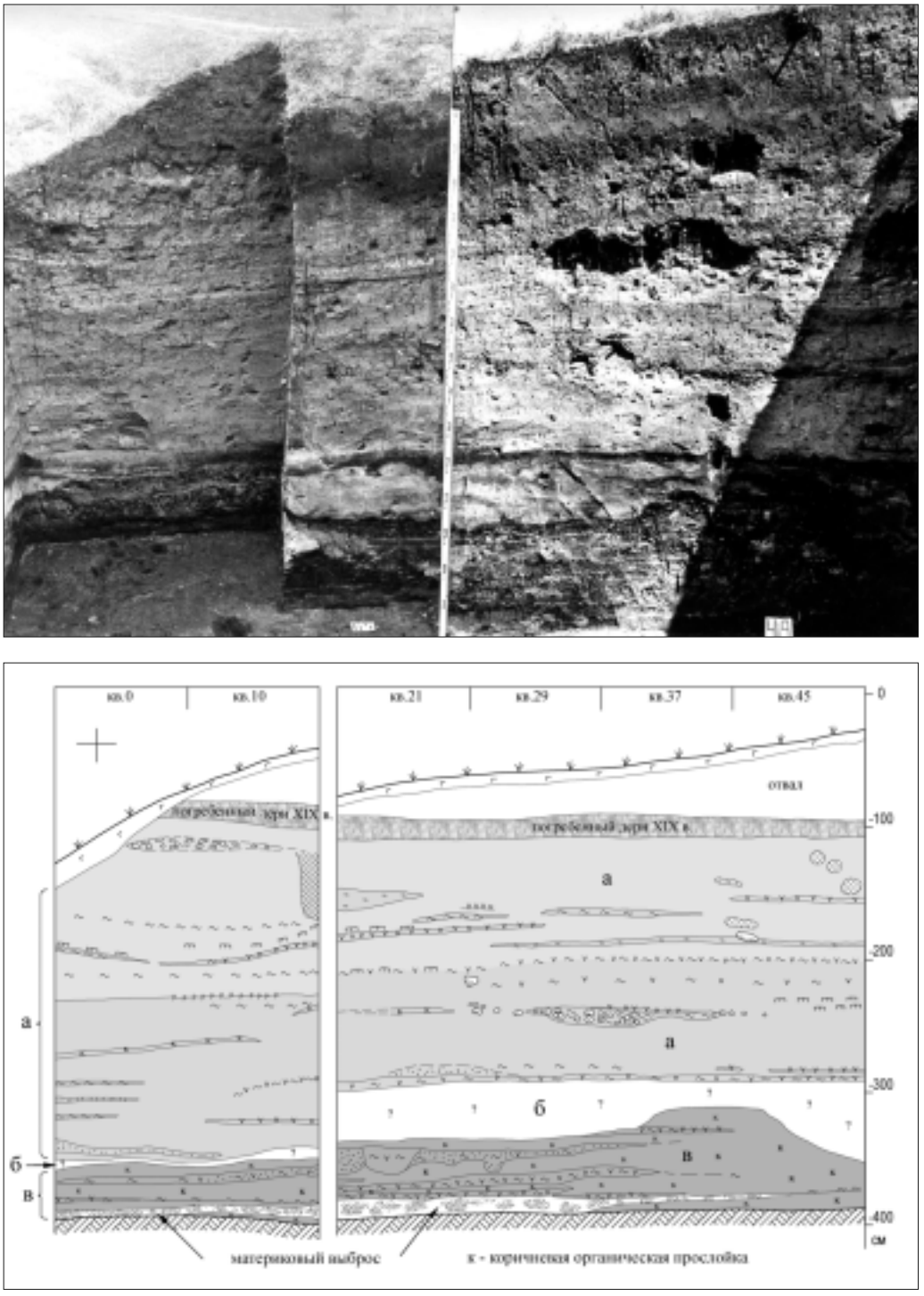


Рис. 26. Профиль северного борта раскопа. Дьяково городище. 1981 г.
Чертеж и фото

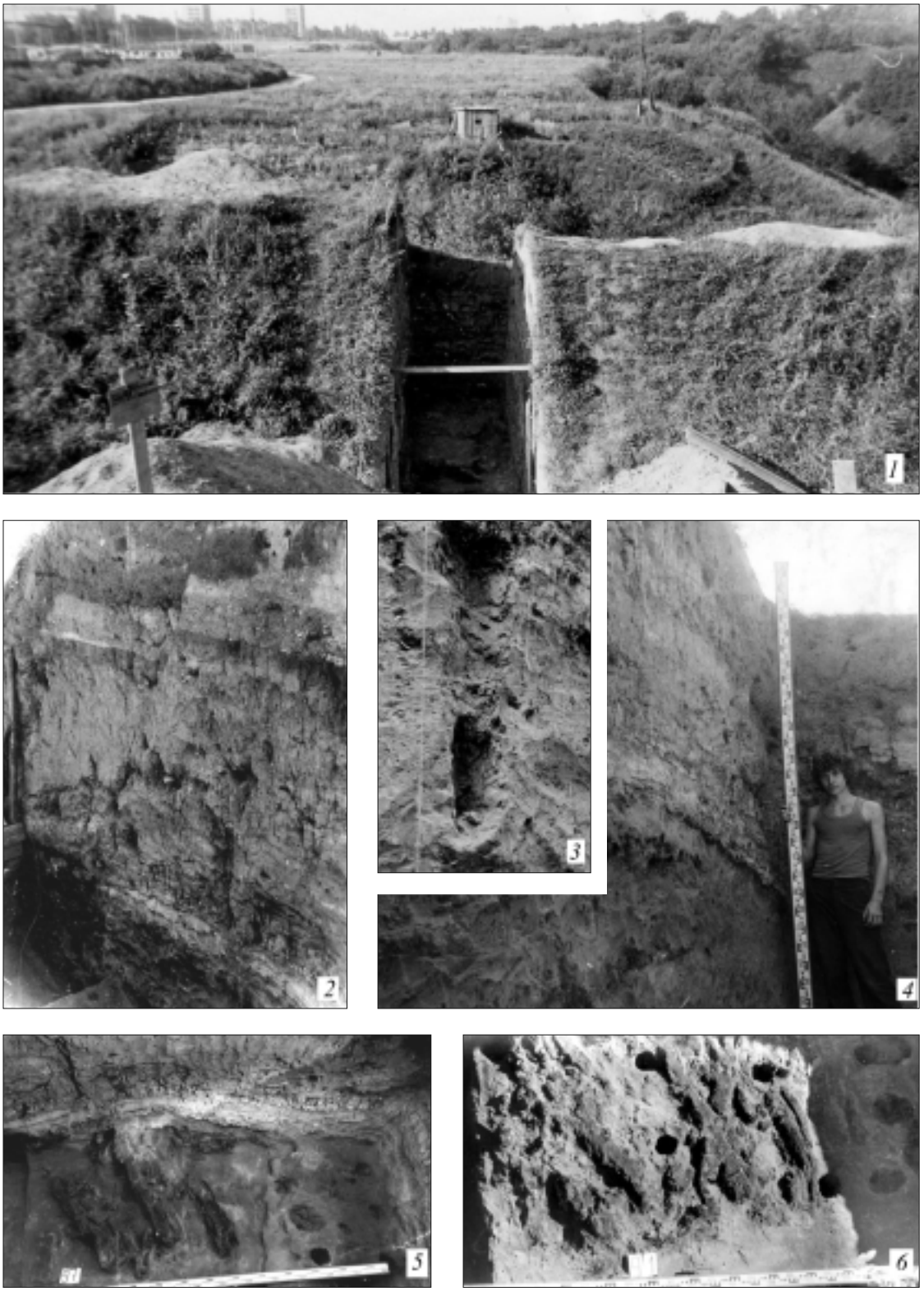
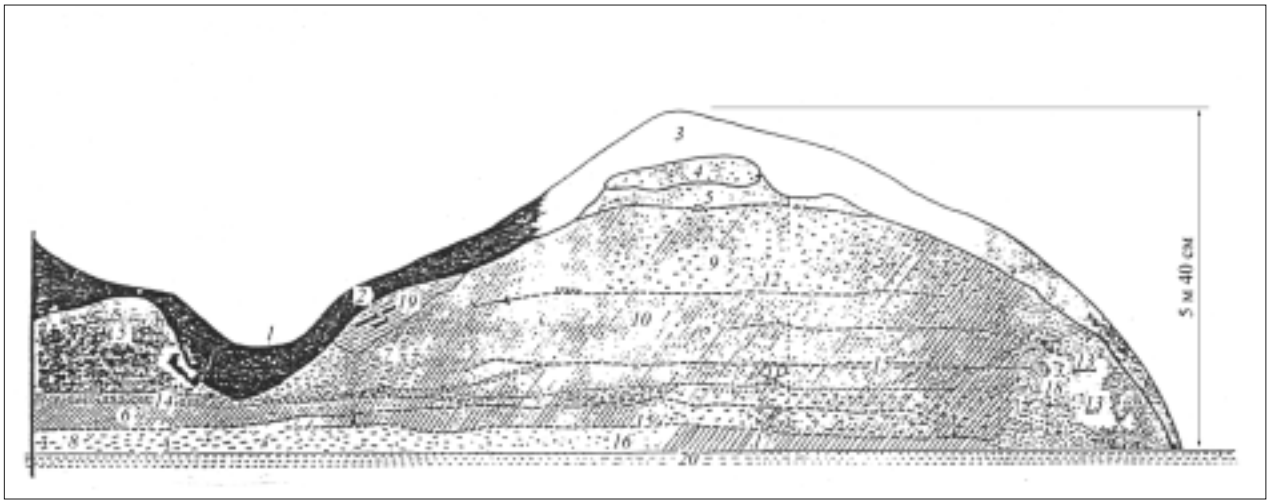
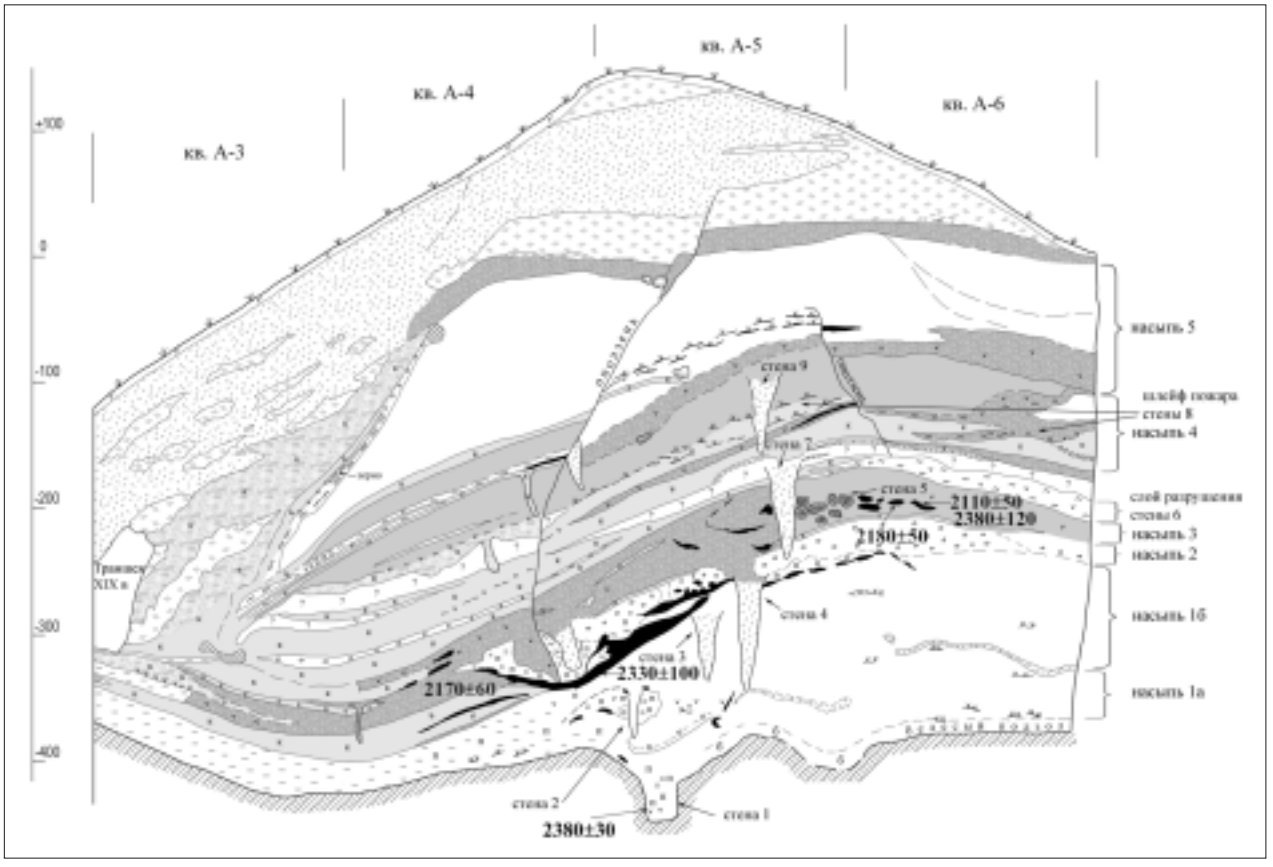


Рис. 27. Разрез вала. Дьяково городище. 1982 г.

1 – вид со стороны площадки, *2* – восточная стенка, *3* – столбовая яма в профиле восточной стенки, *4* – юго-восточный угол (с рейкой И.А. Бойцов), *5, 6* – остатки сгоревших стен



1



2

Рис. 28. Разрезы вала Дьякова городища

Вверху – разрез 1935 г. по чертежу К.Я. Виноградова.

1 – дерн; *2* – черный культурный слой; *3* – темно-серый культурный слой; *4* – желтый песок крупнозернистый с галькой; *5* – серый песчаный плотный слой с редкими углями внизу; *6* – глинистый слой; *7* – песчано-глинистый слой; *8* – глина серая вязкая с включением углей; *9* – желто-бурый суглинок обожженный; *10* – песчано-глинистый обожженный слой; *11* – зольное пятно; *12* – углистая прослойка; *13* – обожженные деревья (прослойка); *14* – прослойка гнилого дерева; *15* – зольная прослойка; *16* – включения углей; *17* – жженый суглинок; *18* – серая песчаная насыпь; *19* – желтый глинистый слой; *20* – моренный суглинок (грунт)

Внизу – восточная стенка разреза 1982 г. с результатами радиоуглеродного датирования.

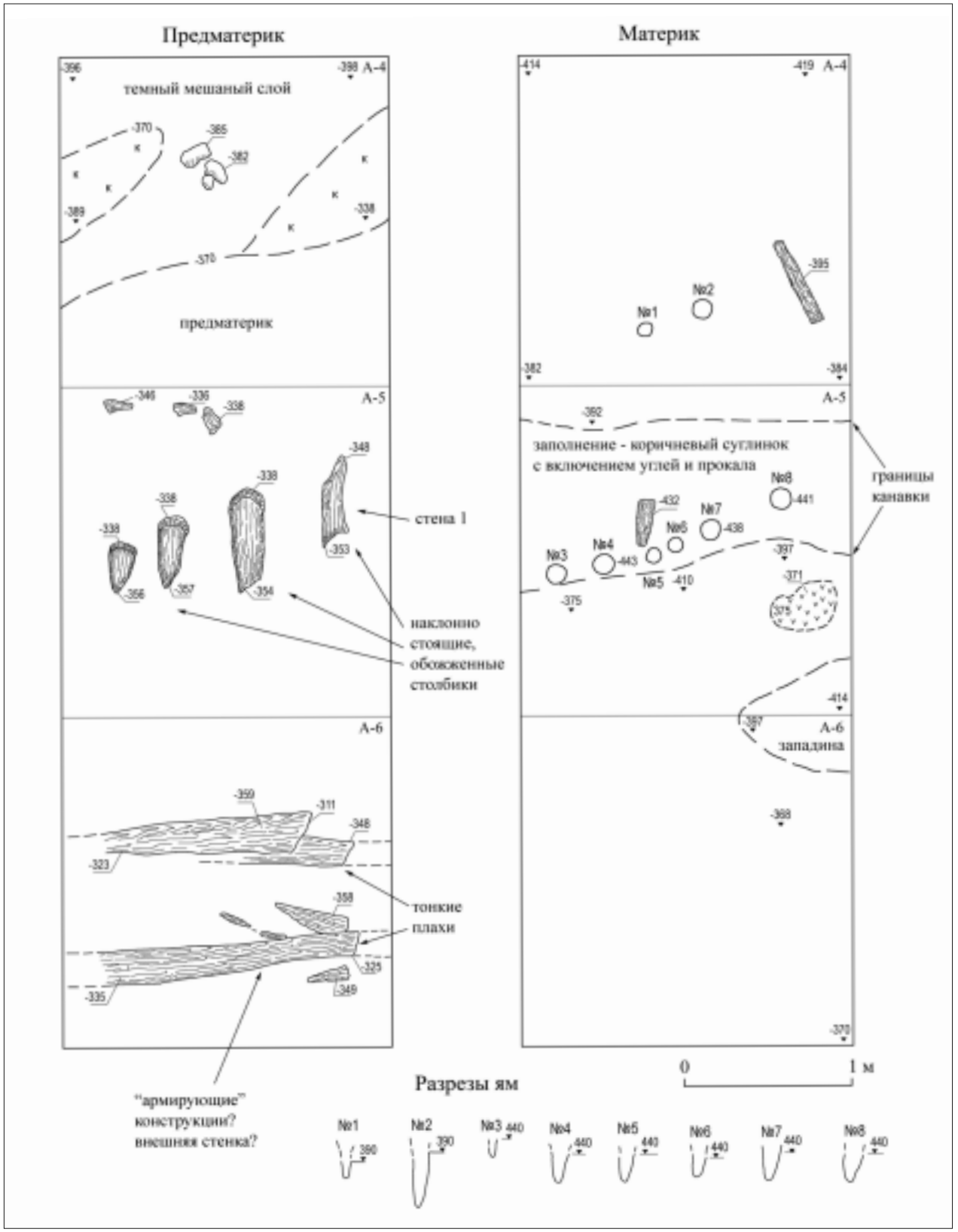


Рис. 29. Планы разреза вала. Дьяково городище. 1982 г.

Материк и основание насыпи

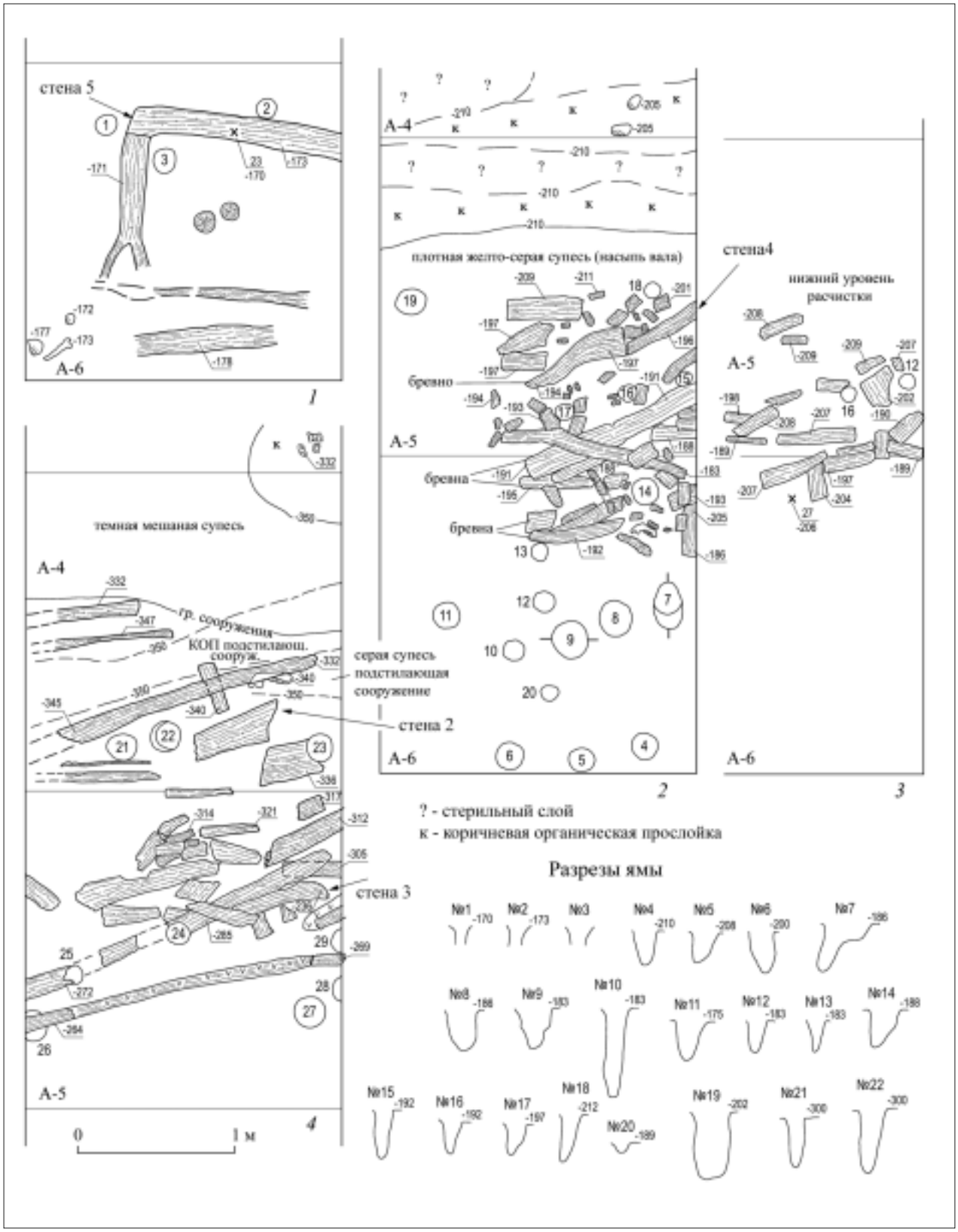


Рис.30. Планы разреза вала. Дьяково городище. 1982 г.

Конструкции стен № 2–5

Рис. 31. Дьяково городище.Постройки на плане материка. Раскопы 1981–1984 гг.

Вверху – канавки стен и очаги построек «А» и «Б» нижнего первого уровня выделены светло-серым цветом. Темно-серым цветом показаны пятна сгоревших выстилок полов

Внизу – остатки построек «А» и «Б», второй уровень

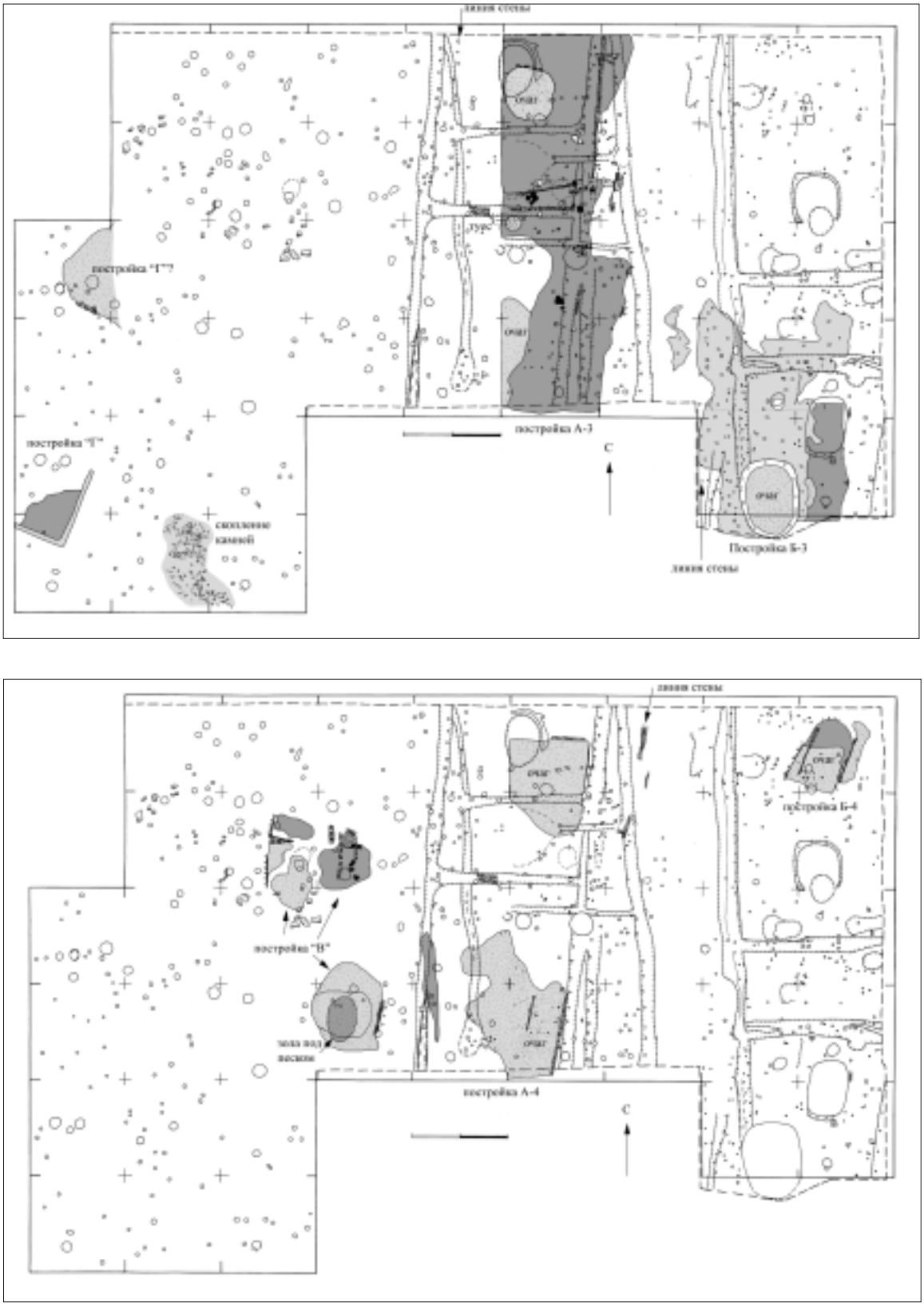


Рис. 32. Дьяково городище. Остатки построек «А» и «Б» на плане материка
Верху – третий уровень. Внизу – четвертый уровень

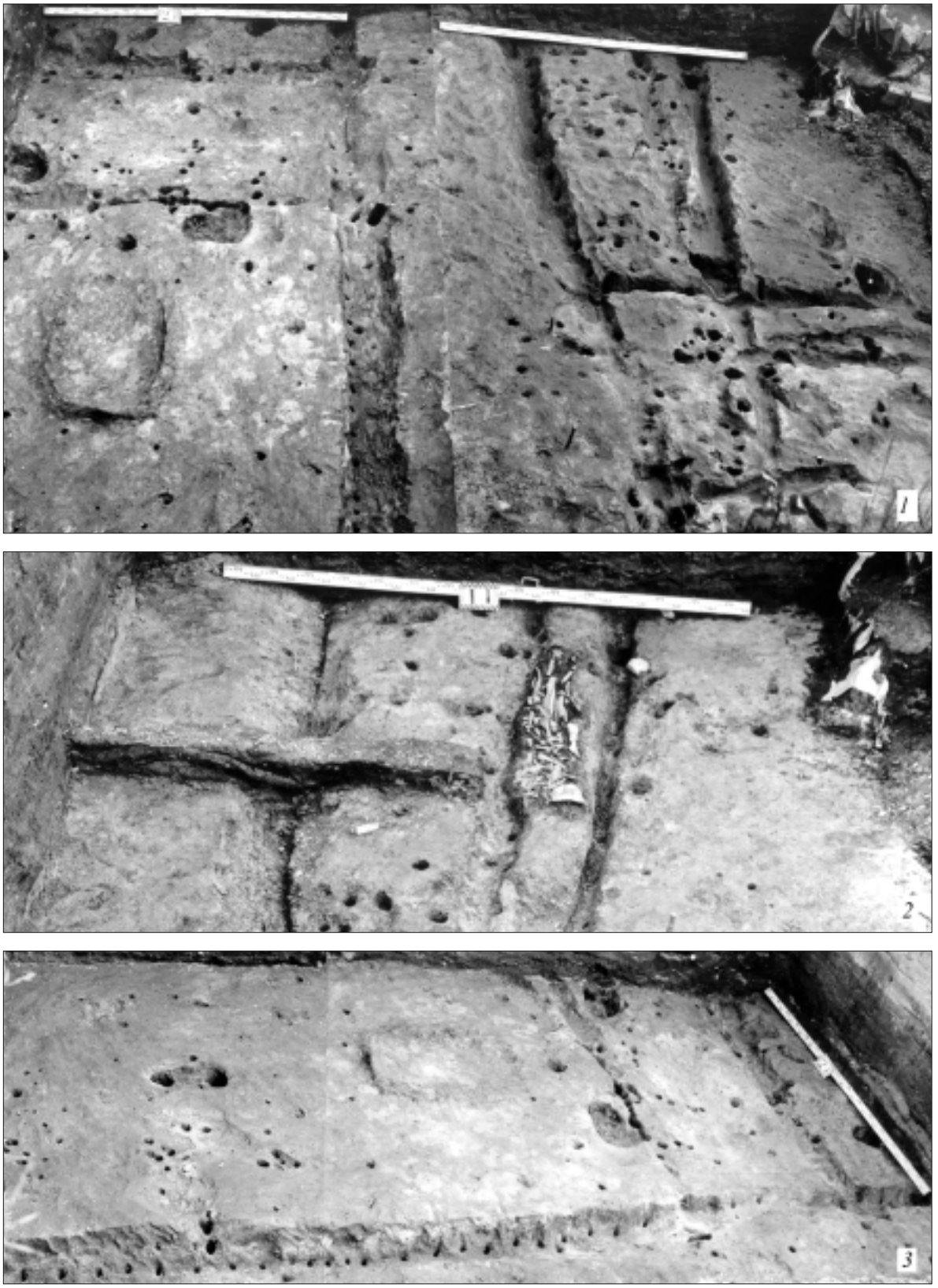


Рис. 33. Зачищенный материк со следами канавок от построек. Дьяково городище. Раскоп 1984 г.

1 – вид на раскоп с севера; *2* – фрагмент юго-западной части раскопа, в бровке видны материковые выбросы, образовавшиеся при отрытии канавок; *3* – постройка «Б», нижний уровень в восточной части раскопа, вид с северо-запада

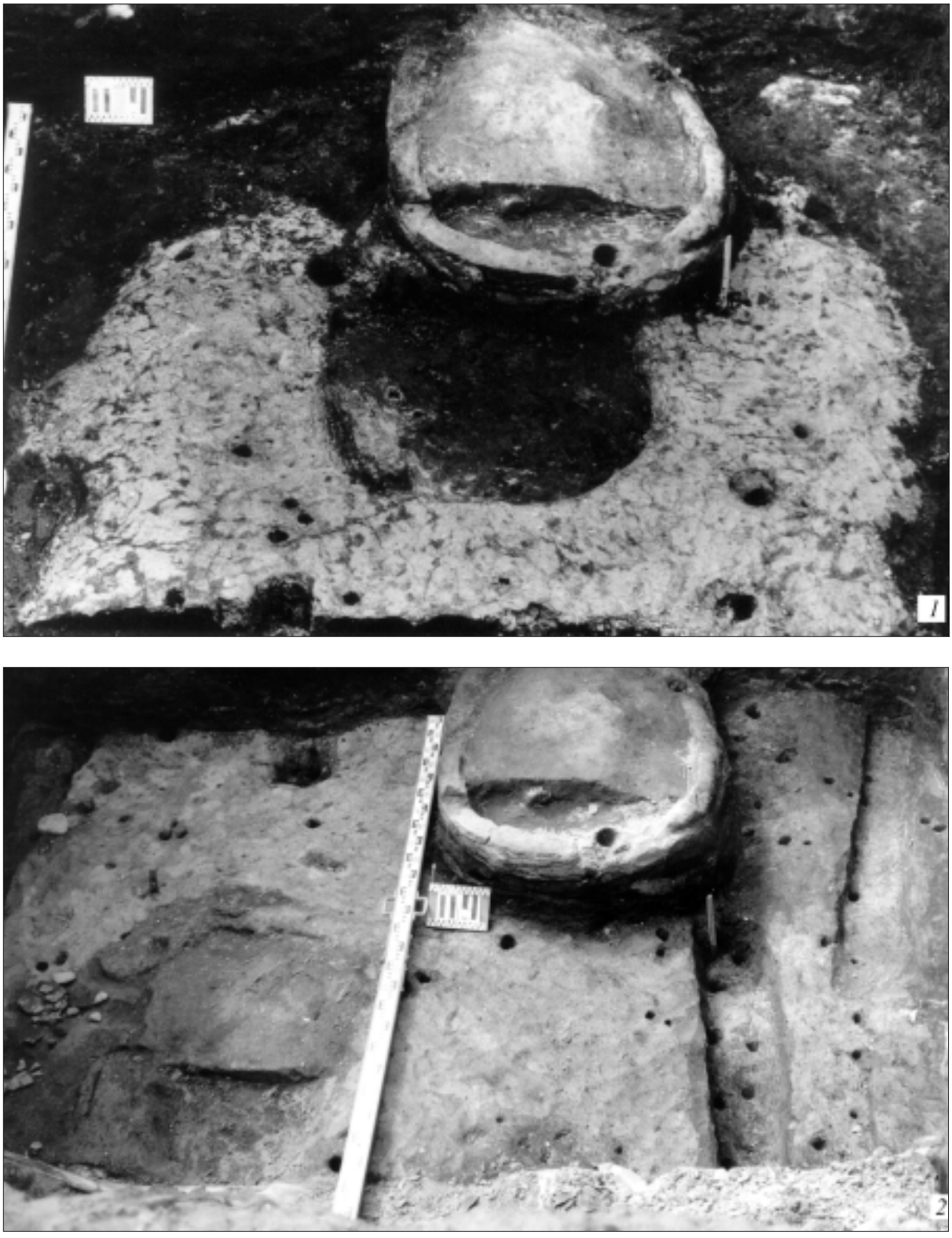


Рис. 34. Очаги разных уровней в постройке «Б». Дьяково городище. Раскоп 1986 г.
1 – уровни 2 и 3; *2* – уровни 1 и 3

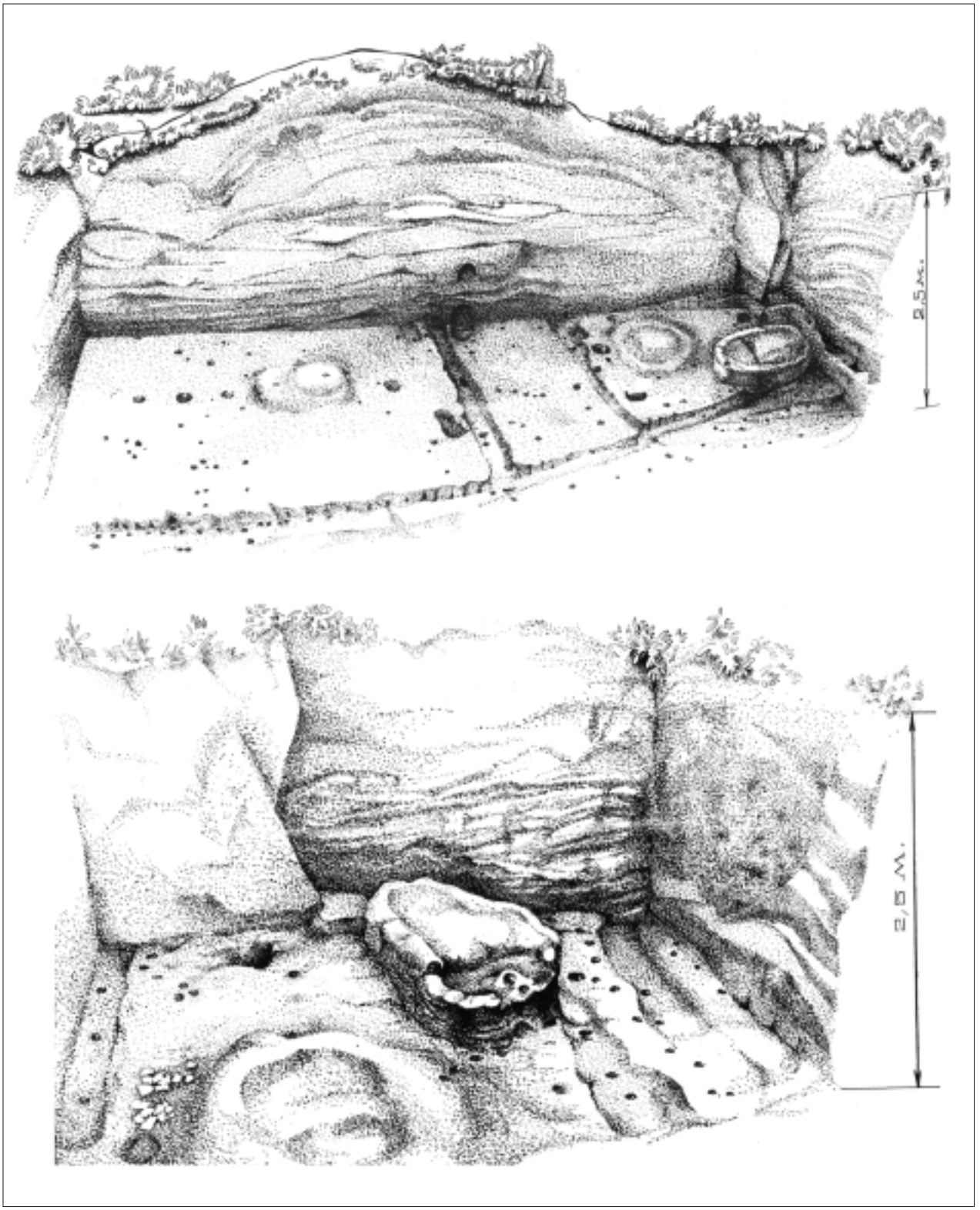


Рис. 35. Вид на следы постройки «Б». Дьяково городище. Нижний слой
Рис. М.А. Светловой

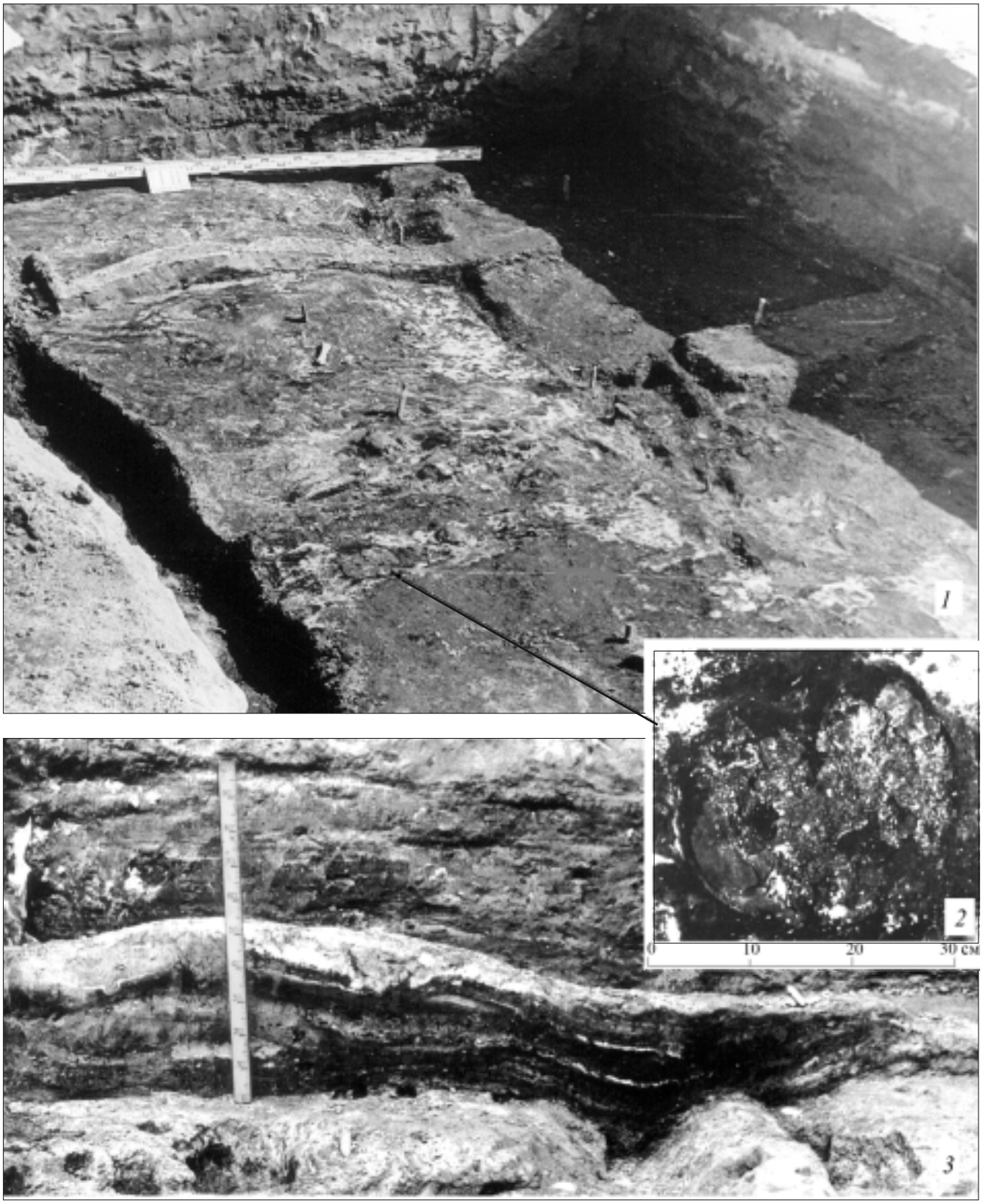


Рис. 36. Постройки. Дьяково городище. Нижний слой

1 – фотография зачистки поверхности третьего уровня постройки «А»; *2* – дно берестяного туеса на поверхности пола постройки «А»; *3* – бровка поперек постройки «А», в которой видны очаговые линзы и полы разных уровней

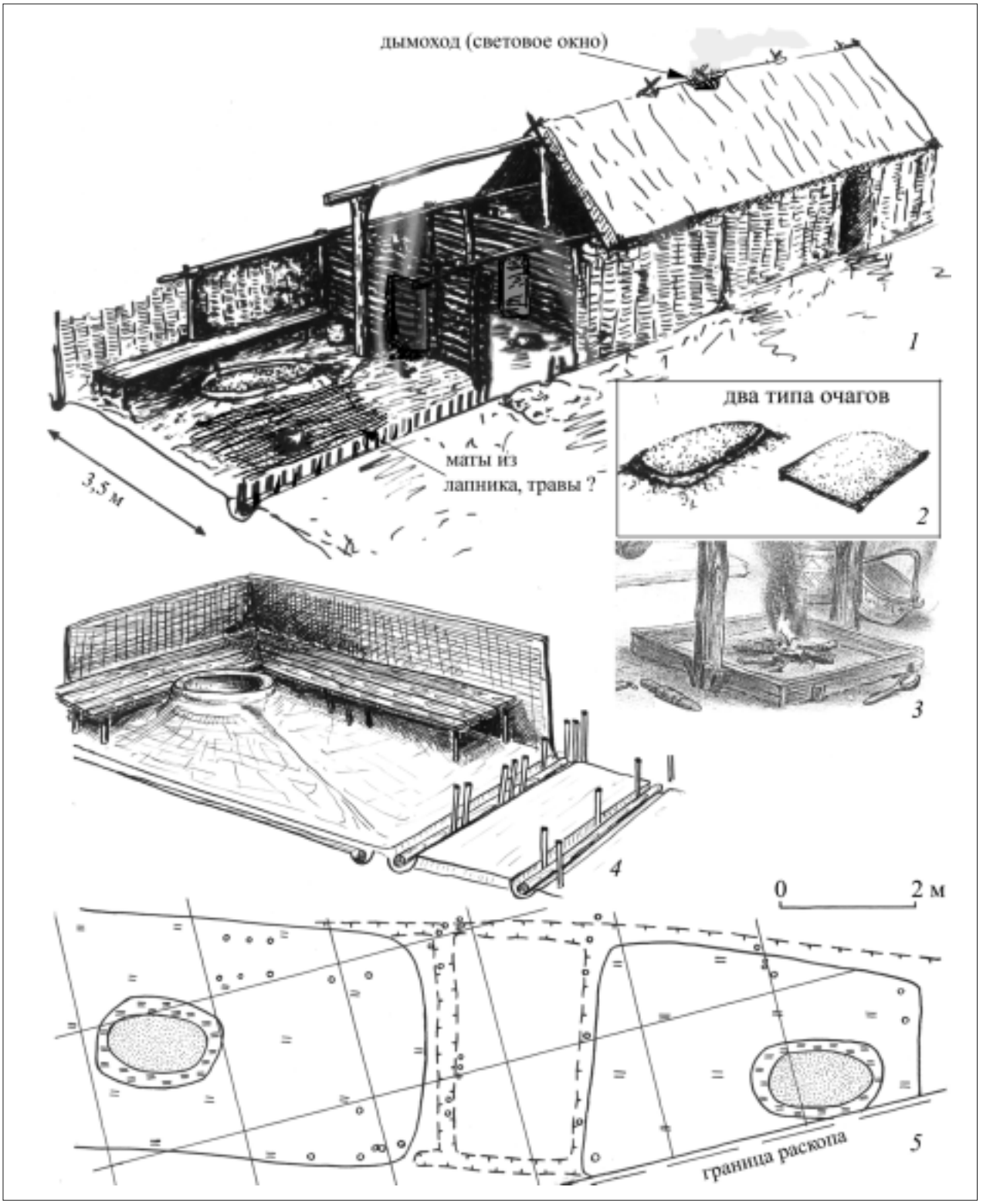


Рис. 37. Постройки: реконструкции и аналогии. Дьяково городище. Нижний слой

1 – реконструкция постройки по материалам раскопок нижнего слоя Дьякова городища; *2* – два вида конструкций очагов; *3* – этнографическая аналогия – конструкция очага в жилище остяков (по *Finsh*, 1879); *4* – реконструкция постройки; *5* – план раскопанных остатков постройки на городище Боршева (по Х.И. Крис)

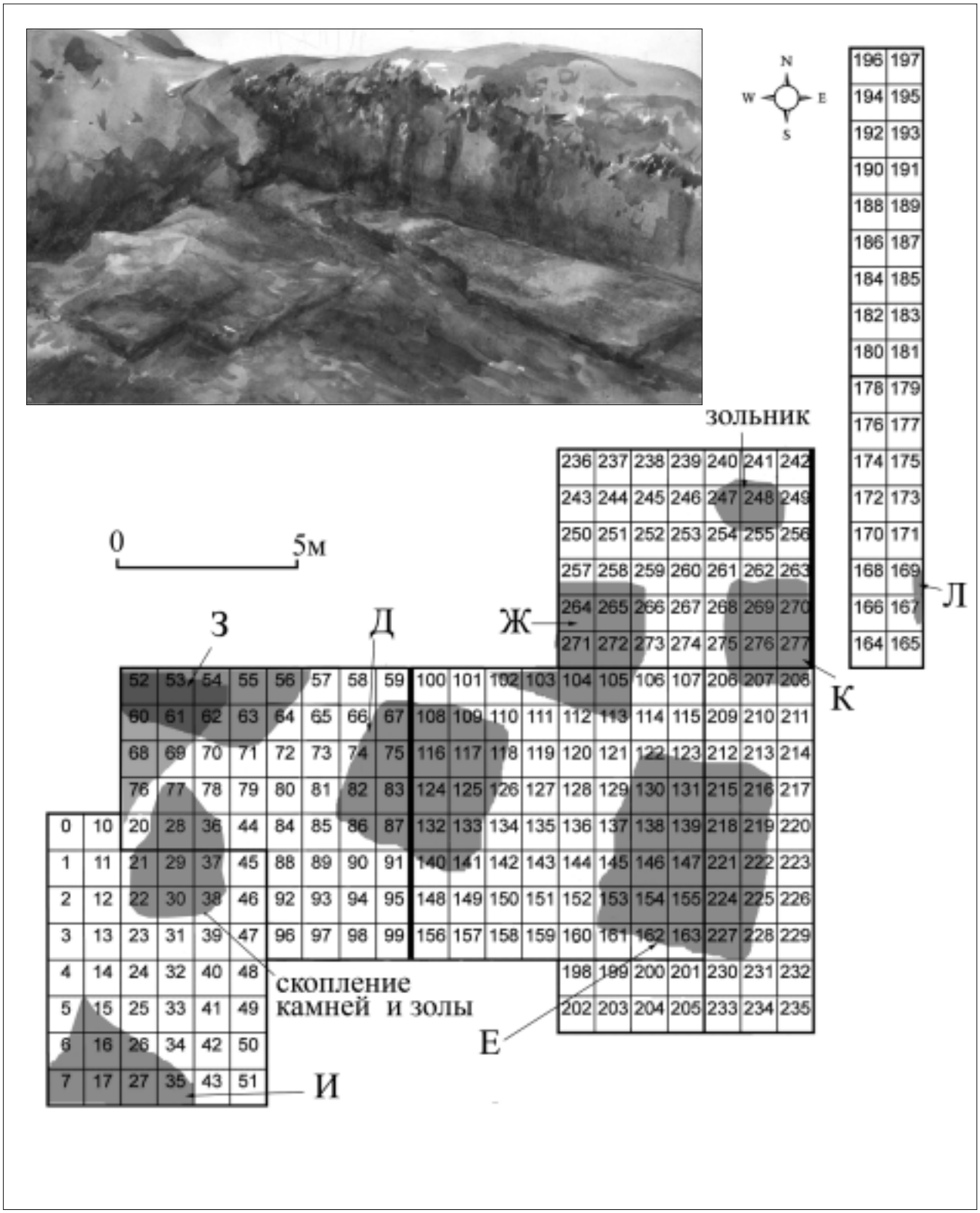


Рис. 38. Планиграфия построек. Дьяково городище. Верхний слой

Вверху рис. архитектора Н.М. Зеликиной, постройки «Д» «Е» в раскопе 1983 г.

Рис. 39. Постройки. Дьяково городище. Верхний слой

1 – раскопки постройки «Д», *2* – поверхность пола постройки, *3* – бровка в постройке «Д» с прослойками полов

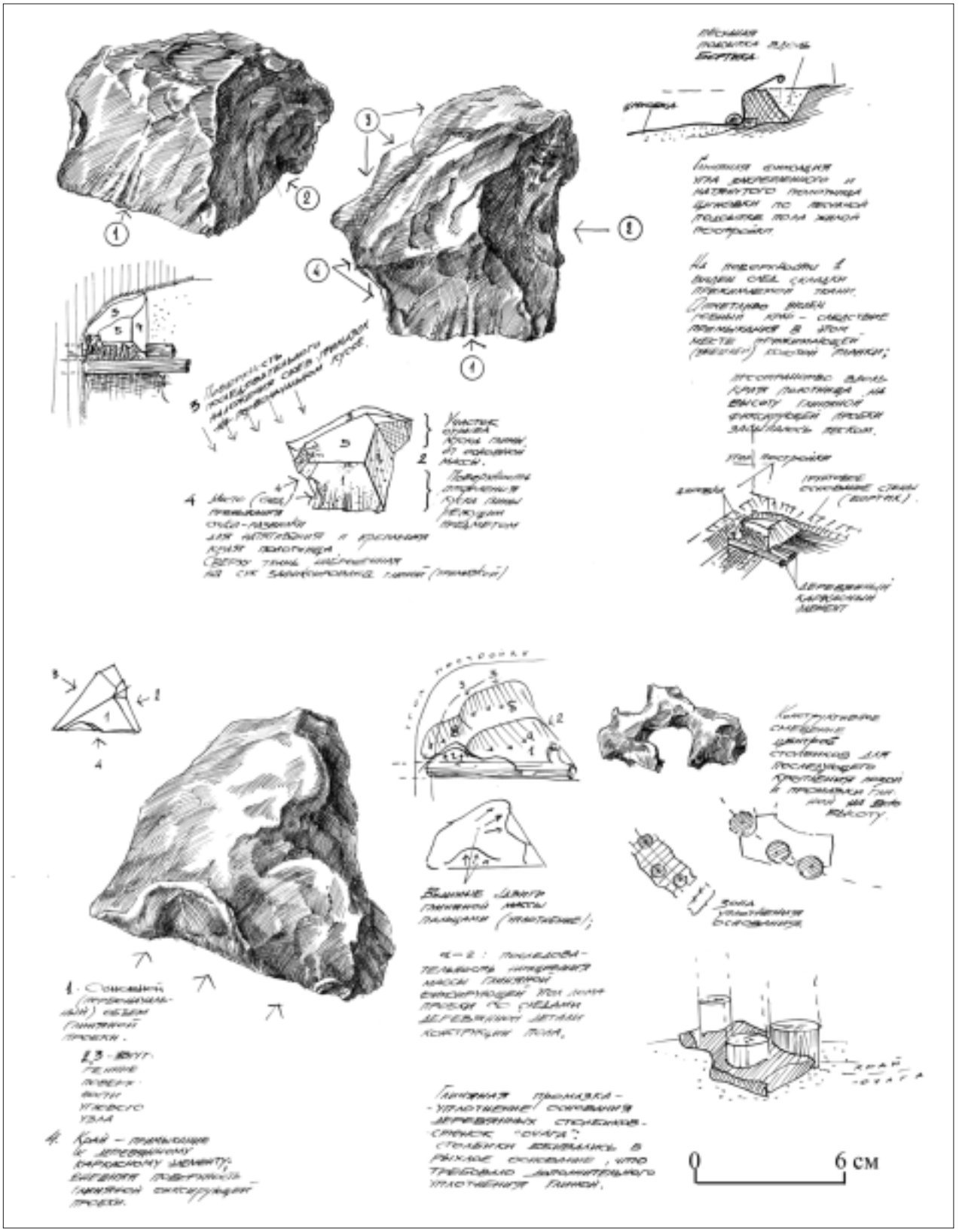


Рис. 40. Фрагменты глиняных обмазок из постройки «Д». Дьяково городище. Верхний слой
Рис. архитектора А.В. Шишкова

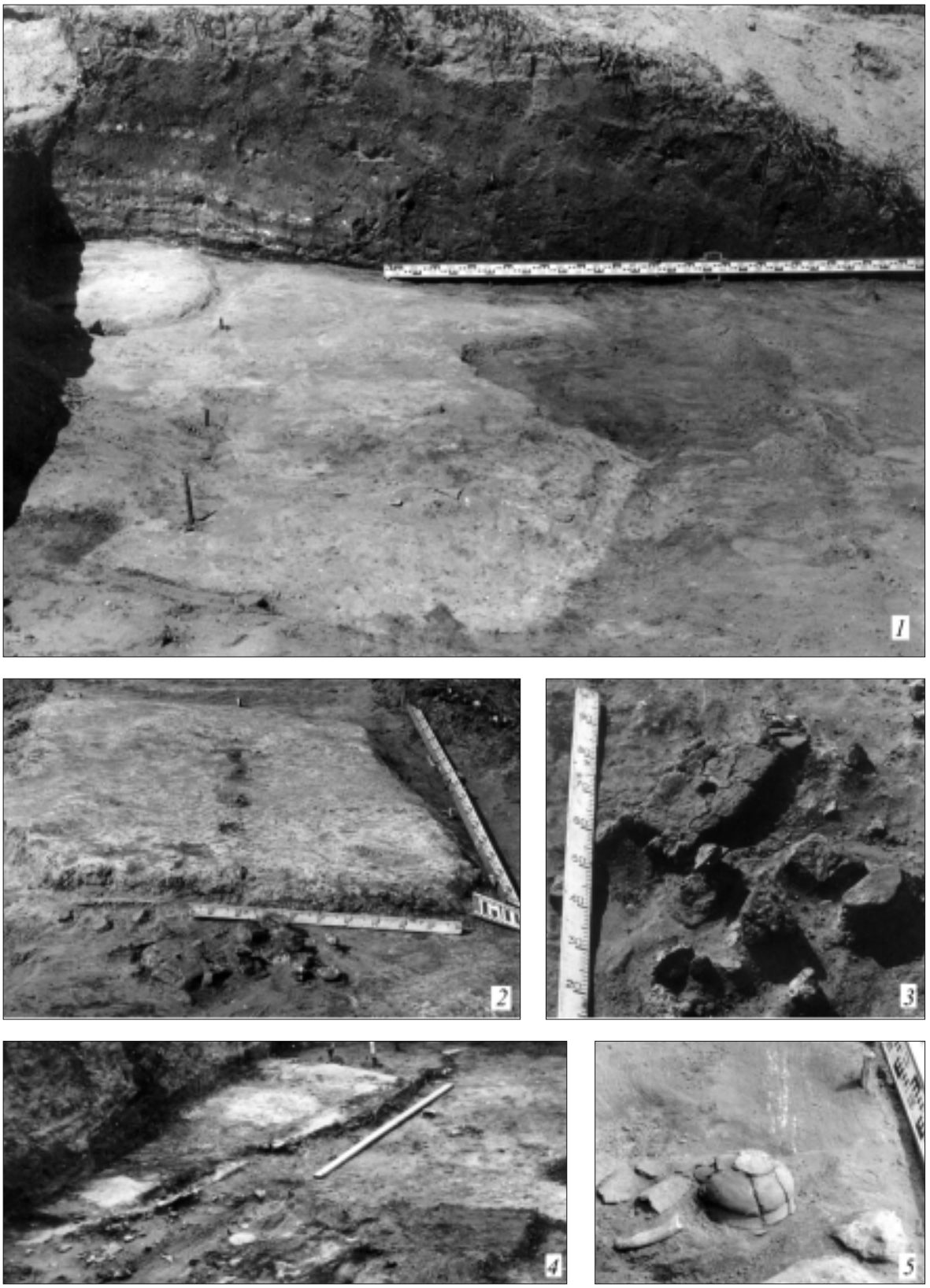


Рис. 41. Постройки и связанные с ними объекты. Дьяково городище. Верхний слой

1 – постройка «Ж», *2* – постройка «Е», *3* – развал рогатого кирпича у постройки «Е»;
4 – постройки «Д» и «Ж»; *5* – перевернутая миска в районе зольника

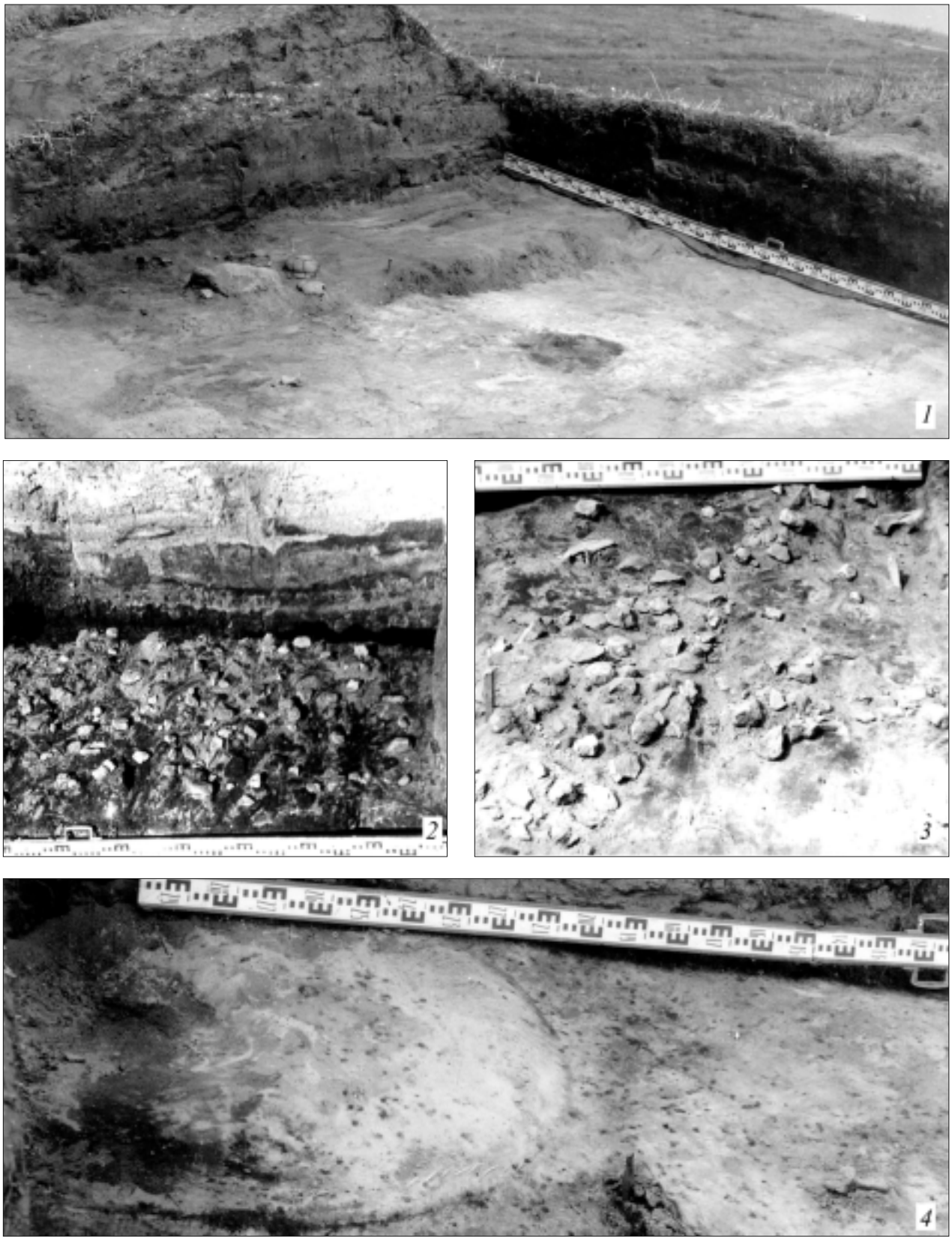


Рис. 42. Элементы построек. Дьяково городище. Верхний слой

1 – участок зольника в раскопе 1987 г.; *2, 3* – скопления колотых камней в раскопе 1981 г.; *4* – очаг в постройке «Ж»

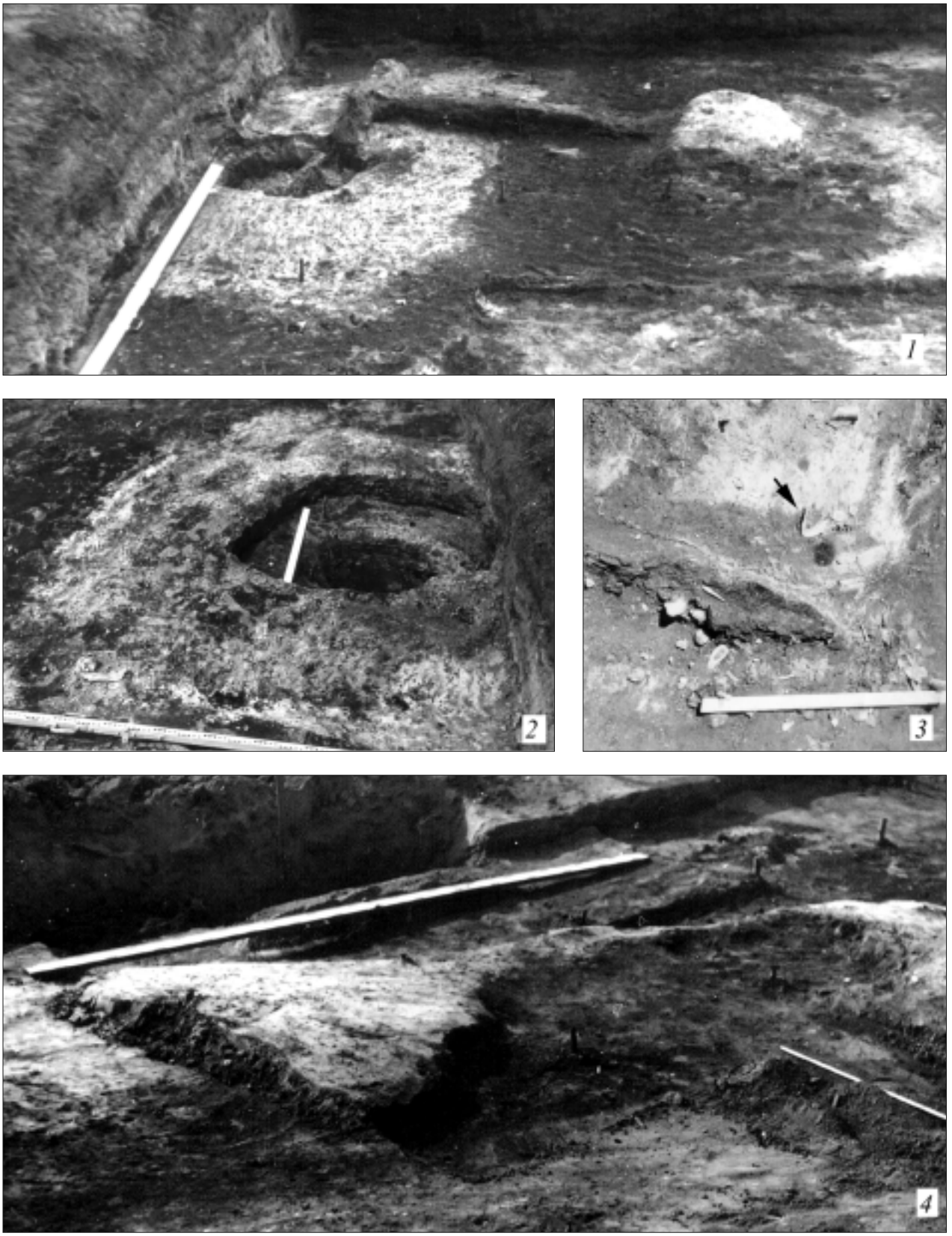


Рис. 43. Постройки. Дьяково городище. Верхний слой

1, 2 – уровни постройки «Е»; *3* – человеческая челюсть в углу постройки «Е» отмечена стрелкой;
4 – верхний уровень постройки «Д»

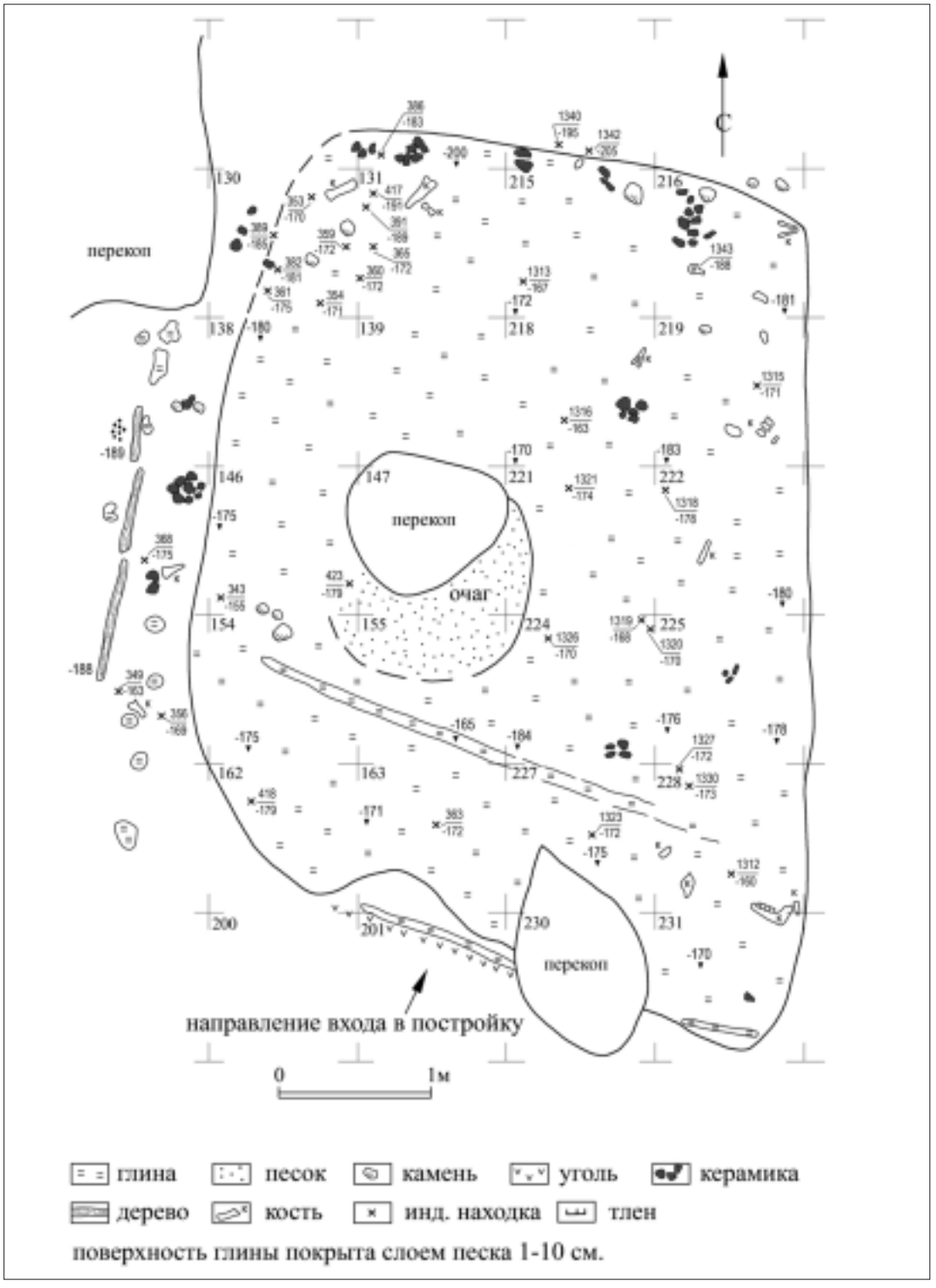


Рис. 44. Постройка «Е», уровень 7. Дьяково городище. Верхний слой. 1983/1986 гг.

Находки: 343/83 – бусина стеклянная, 349/83 – бусина глиняная, 353/83 – шарик глиняный, 354/83 – лунницы бронзовые с выемчатой эмалью, 356/83 – проколка костяная, 361/83 – бубенчик бронзовый, 359/83 – шарик глиняный, 360/83 язычок пряжки бронзовый, 363/83 – бляшка-скорлупка бронзовая, 365/83 –шарик глиняный, 368/83 – бляшка-бантик, бронзовая, 382/83 – бляшка-скорлупка бронзовая, 386/83 – пряслице биконическое, 389/83 – шарик глиняный, 391/83 – нож железный, 417/83 – нож железный, 418/83 – проколка костяная, 423/83 – бусина стеклянная, 1312/86 – заготовка рукояти костяная, 1313/86 – шарик глиняный, 1315/86 – пряслице глиняное, 1316/86 – бусина глиняная, 1318/86 – миниатюрный сосуд, 1318/86 – шарик глиняный, 1320/86 – шарик глиняный, 1321/86 – звено цепочки бронзовое, 1323/86 – бляшка-скорлупка бронзовая, 1326/86 – диск глиняный, 1327/86 – стрела железная, 1330/86 – шарик глиняный, 1343/86 – льячка, 1342/86 – кочедык, 1340/86 – подвеска с треугольным щитком с волютами
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

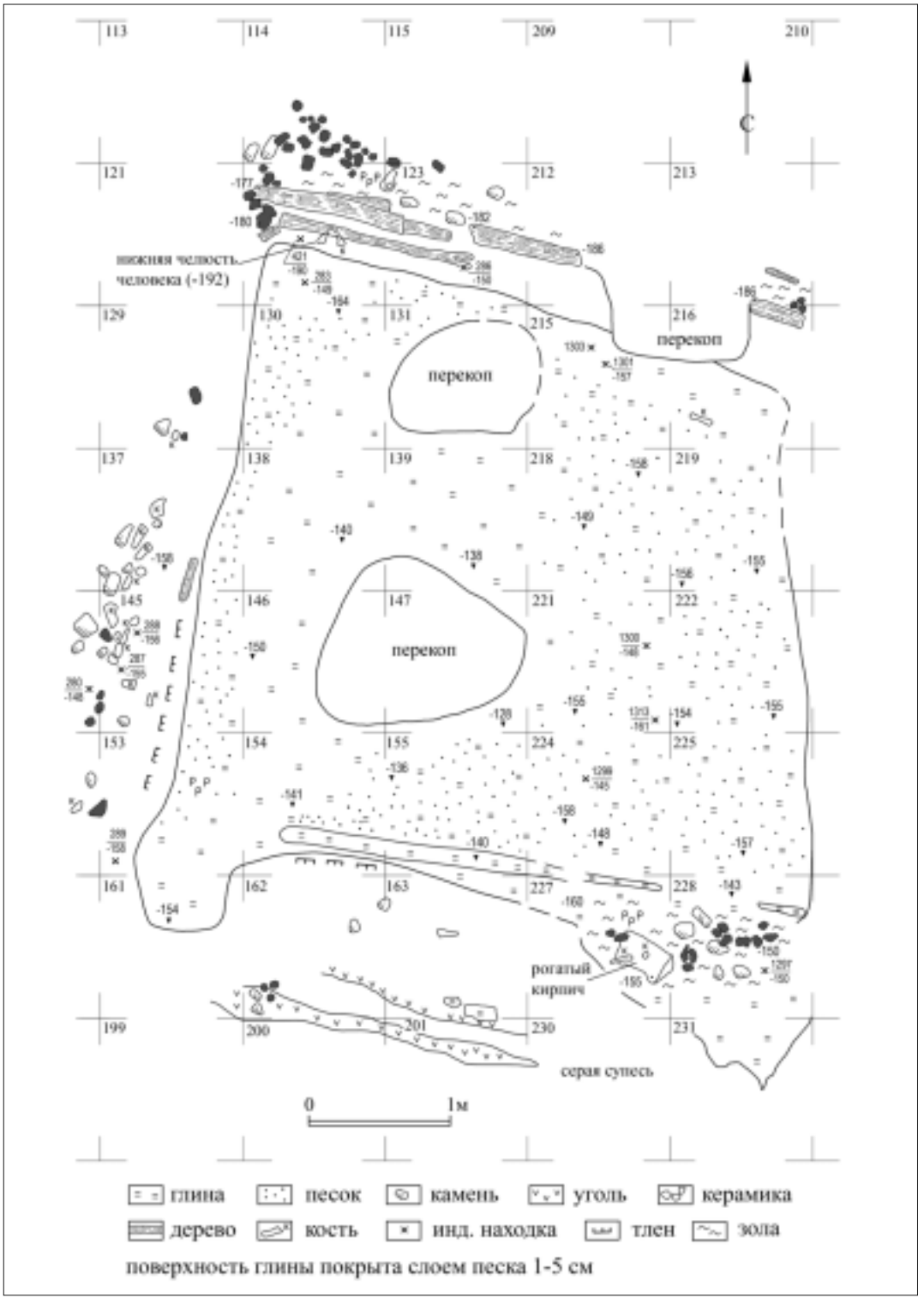


Рис. 45. Постройка «Е», уровень 8. Дьяково городище. Верхний слой 1983/1986 гг.

Находки: 280/83 – льячка, 283/83 – подвеска щиток с волютами, 286/83 – бусина-бубенчик глиняная, 287/83 – шарик глиняный, 288/83 – сосуд миниатюрный, 289/83 – табличка глиняная, 421/83 – шарик глиняный, 1297/86 – пластина железная, 1299/86 – бляшка круглая бронзовая, 1300/86 – бубенчик бронзовый, 1301/86 – бляшка-бантик бронзовая, 1303/86 – бляшка-скорлупка бронзовая, 1313/86 – шарик глиняный
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

Рис. 46. Реконструкции построек Дьякова городища

1 – реконструкция постройки из верхнего слоя;
2 – реконструкция участка застроенной площадки городища
Рис. А.Н. Кренке

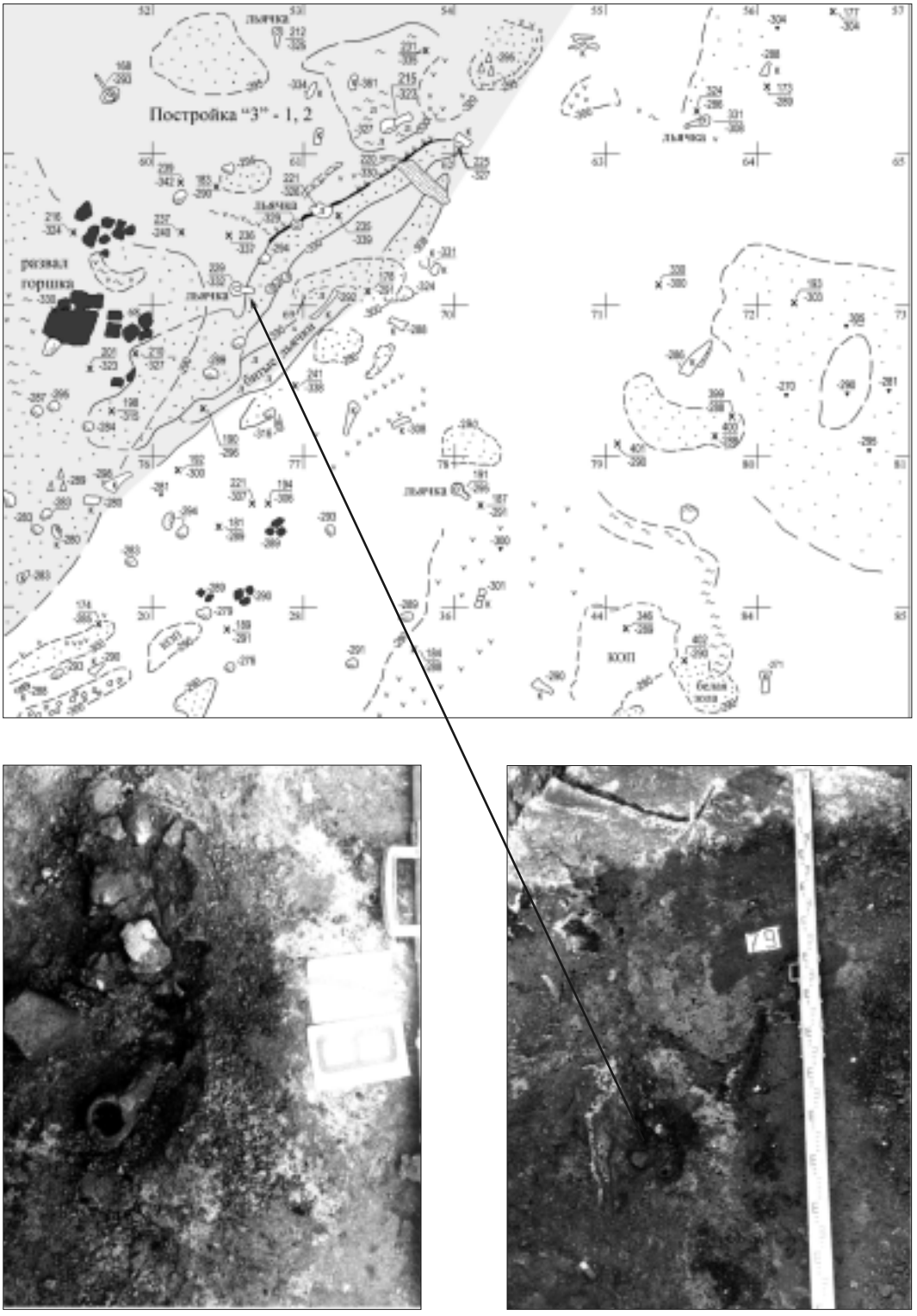


Рис.47. Производственная постройка «З», уровни 1, 2. Дьяково городище. Основание верхнего слоя. 1982 г. (*1*) Скопления глиняных льячек (*2, 3*)

Находки: 168/82 – железное кольцо, 173/82 – сосуд миниатюрный, 174/82 – рогатый кирпич, 177/82 – заготовка-кольцо железное, 178/82 – сосуд миниатюрный, 181/82 – пластина железная, 183/82 – грузик дьякова типа, 184/82 – льячка, 187/82 – грузик дьякова типа, 188/82 – заготовка-кольцо железная, 189/82 – игла костяная, 190/82 – пластина железная, 191/82 – льячка, 192/82 – грузик Дьякова типа, 193/82 – стержень железный, 194/82 – кольцо-спираль железное, 195/82 – кольцо железное, 198/82 – шило железное, 200/82 – льячка, 201/82 – кольцо-заготовка железная, 212/82 – льячка, 216/82 – стержень железный, 225/82 – льячка, 229/82 – льячка, 231/82 – кольцо-спираль железное, 233/82 – заготовка стрелы костяной, 235/82 – серп железный, 236/82 – льячка, 237/82 – стержень, 239/82 – стержень железный, 241/82 – стержень железный, 324/82 – сосуд миниатюрный, 330/82 – сосуд миниатюрный, 331/82 – льячка, 346/82 – капля бронзы, 399/82 – бляшка ажурная бронзовая, 400/82 – бляшка нашивная бронзовая, 401/82 – окисел медный, 402/82 – предмет бронзовый

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

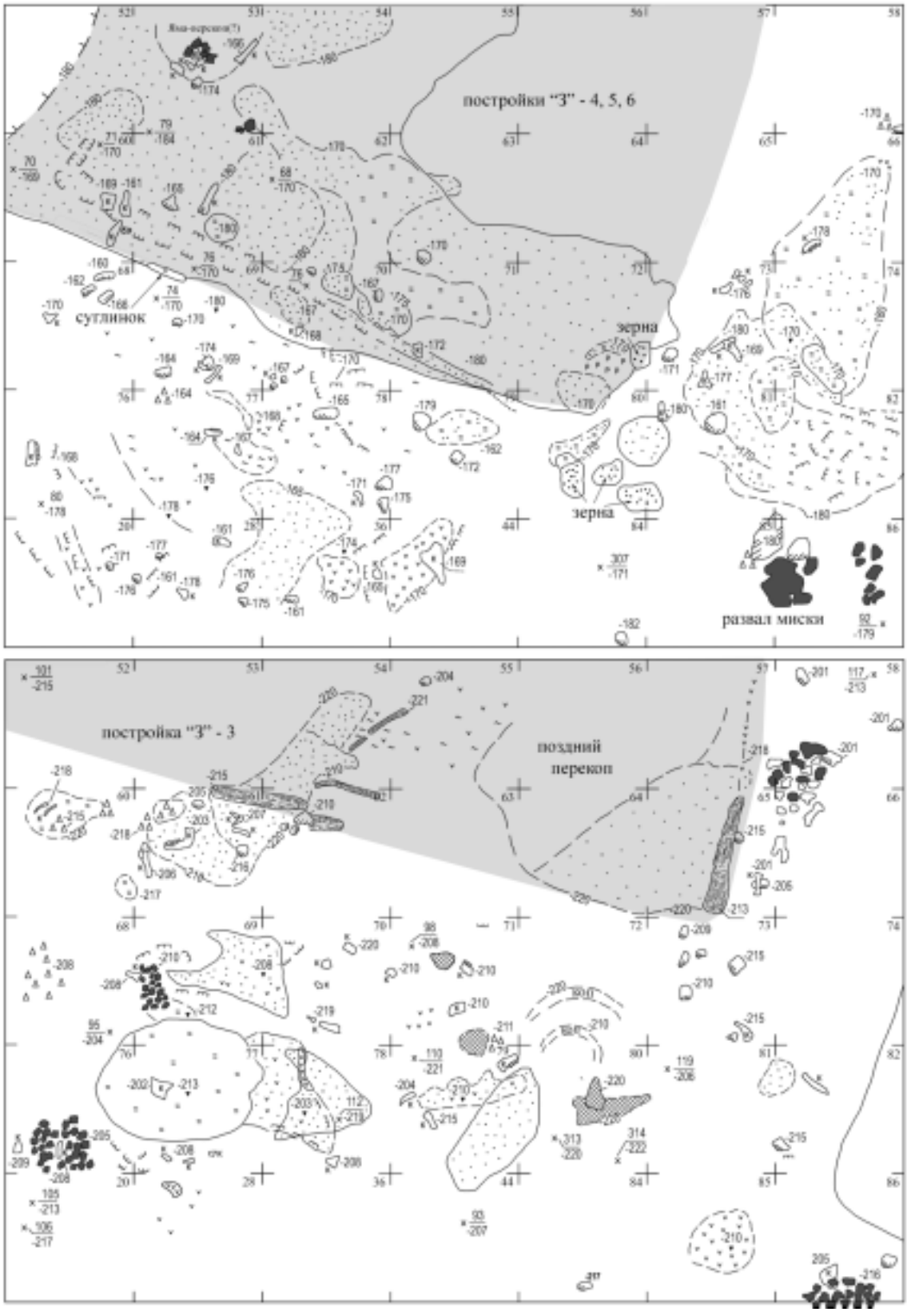


Рис. 48. Постройка «З» уровни 4–6 (вверху), уровень 3 (внизу). Дьяково городище. Верхний слой

Находки: 68/82 – льячка, 70/82 – бусина глиняная, 71/82 – шарик глиняный, 74/82 – шарик глиняный, 75/82 – шарик глиняный, 76/82 – табличка глиняная, 79/82 – грузило глиняное, 80/82 – стрела железная, 92/82 – сосуд миниатюрный, 93/82 – бусина стеклянная, 95/82 – проволока бронзовая, 98/82 – бусина глазчатая стеклянная, 101/82 – шарик глиняный, 105/82 – пряжка железная, 106/82 – комок глины с отпечатком ладони, 110/82 – пластина железная, 112/82 – проколка костяная; 117/82 – сосуд миниатюрный, 119/82 – сосуд миниатюрный, 307/82 – бубенчик бронз.; 313/82 – бусина глиняная, 314/82 – проколка костяная

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

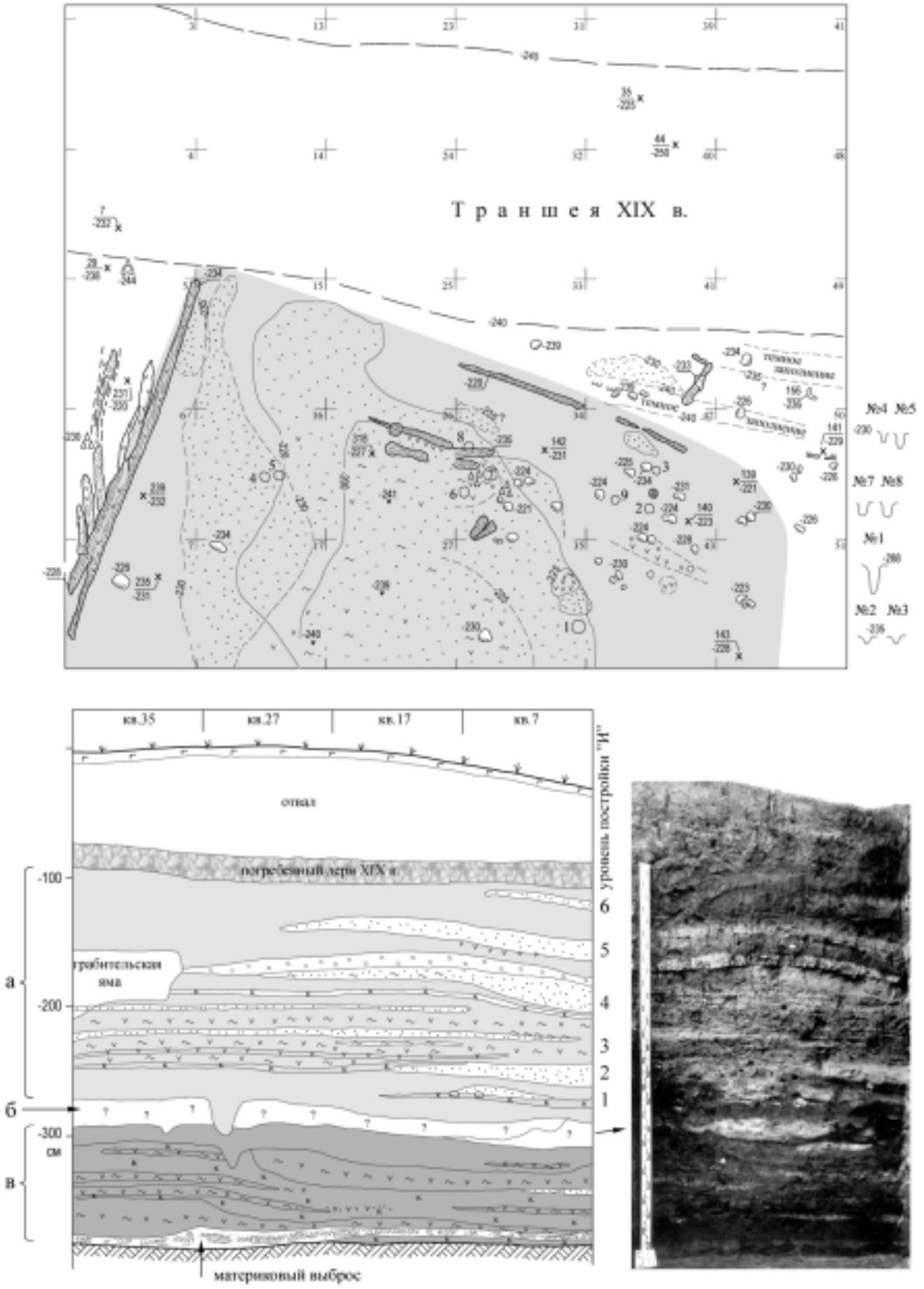


Рис. 49. Постройка «И». Дьяково городище.

Верхний слой (вверху). Профиль южной стенки раскопа 1981 г. (внизу)

Находки: 7/81 – грузик дьякова типа, 29/81 – фрагмент орнаментированной глиняной таблички, 35/81 – камень обработанный, 44/81 – шарик глиняный, 139/81 – окисел железный, 140/81 – бубенчик бронзовый, 141/81 – грузик дьякова типа, 142/81 – биконус глиняный, 143/81 – пластина железная, 156/81 – серп железный, 231/81 – окисел железный, 235/81 – стрела железная, 239/81 – нож железный, 318/81 – стержень железный
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

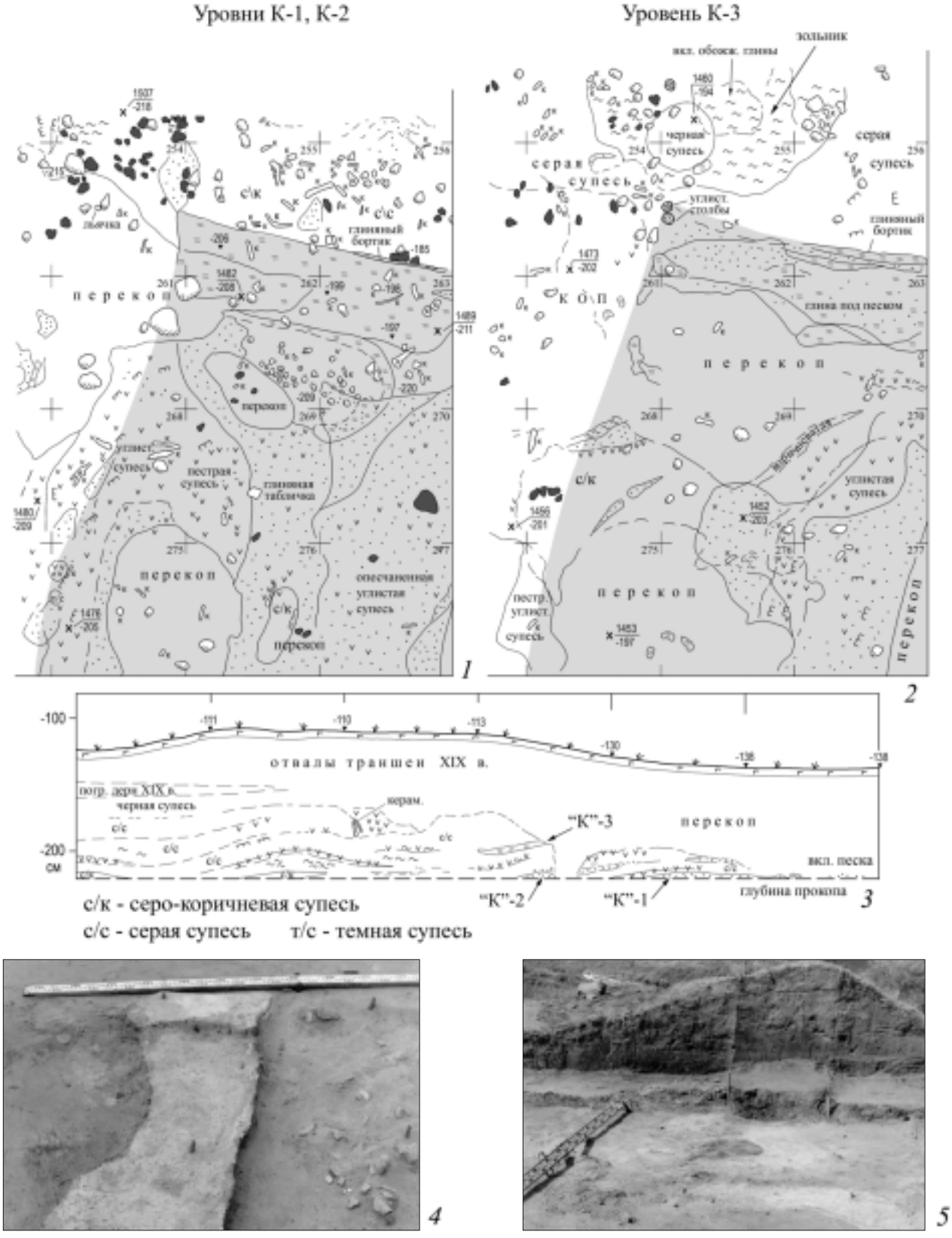


Рис. 50. Постройка «К», уровни 1, 2 (1), уровень 3 (2). Дьяково городище. Верхний слой. Профиль восточного борта раскопа 1987 г. с постройкой «К» (3). Поверхность раскопа 1987 г. на участке постройки «К» (4, 5)

Находки: 1452/87 – пряжка бронзовая, 1453/87 – пряслице глиняное, 1456/87 – бубенчик бронзовый, 1460/87 – бусина стеклянная, 1473/87 – шарик глиняный, 1476/87 – кольцо бронзовое, 1480/87 – бусина глиняная, 1482/87 – бубенчик бронзовый, 1489/87 – проколка костяная, 1507/87 – сосуд миниатюрный

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

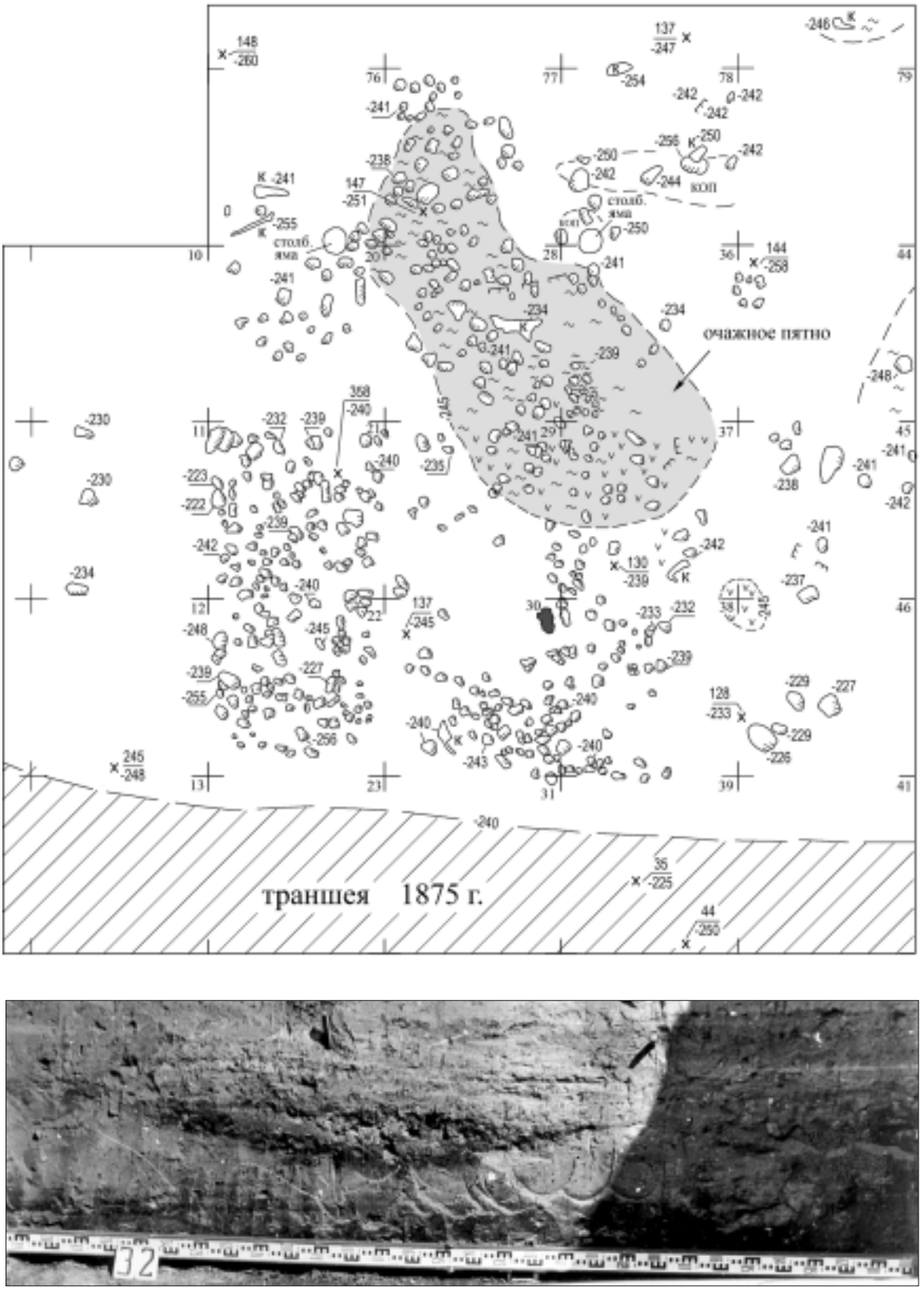


Рис. 51. Скопление камней и очаг. Дьяково городище. Верхний слой, средний горизонт. Раскоп 1981 г. (1)
Фрагмент профиля северного борта раскопа 1981 г. на уровне скопления камней (2)

Находки: 35/81 – камень обработанный, 44/81 – шарик глиняный, 46/81 – сосуд миниатюрный, 128/81 – сосуд миниатюрный, 130/81 – нож железный, 136/81 – нож железный, 137/81 – стержень с крючком железный, 245/81 – проколка костяная, 358/81 – бусина стеклянная, 137/82 – проколка костяная, 147/81 – пластина железная, 148/82 – проколка костяная, 150/82 – острие костяное
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

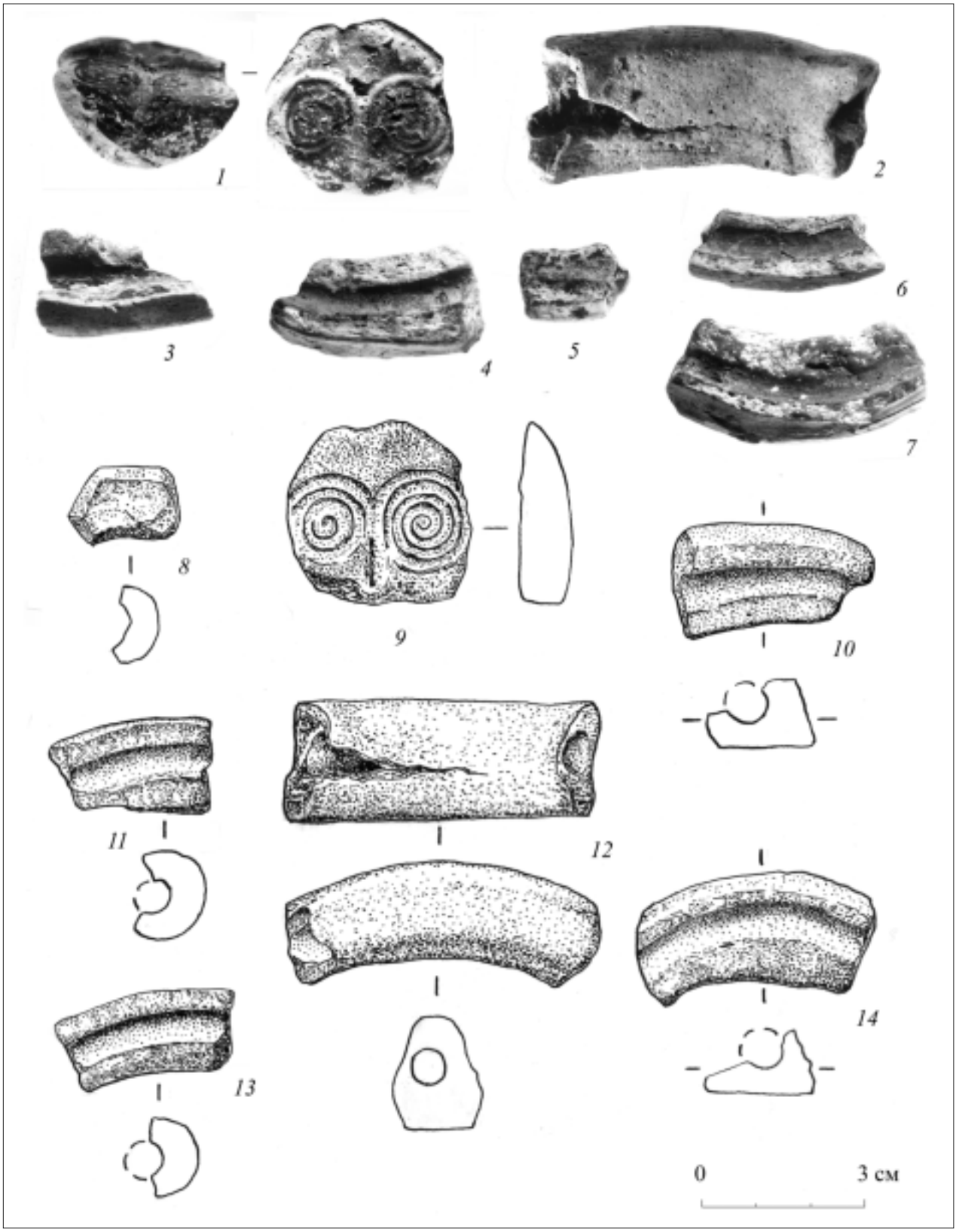


Рис. 52. Глиняные литейные формы для браслетов и булавки (*1, 9*).
Дьяково городище, из погребенной почвы

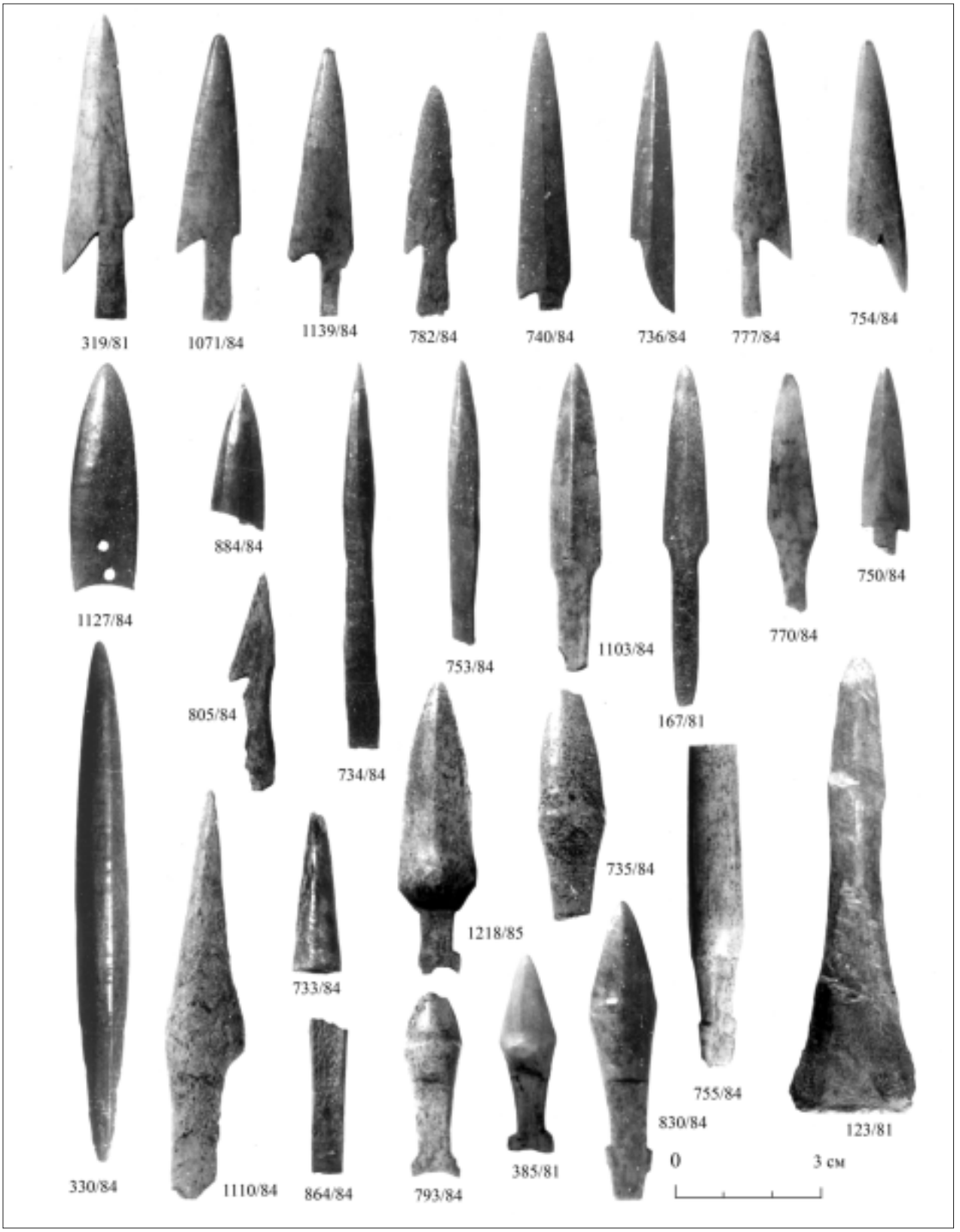


Рис. 53. Костяные стрелы и их заготовки. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

Рис. 54. Костяные проколки и их заготовки. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

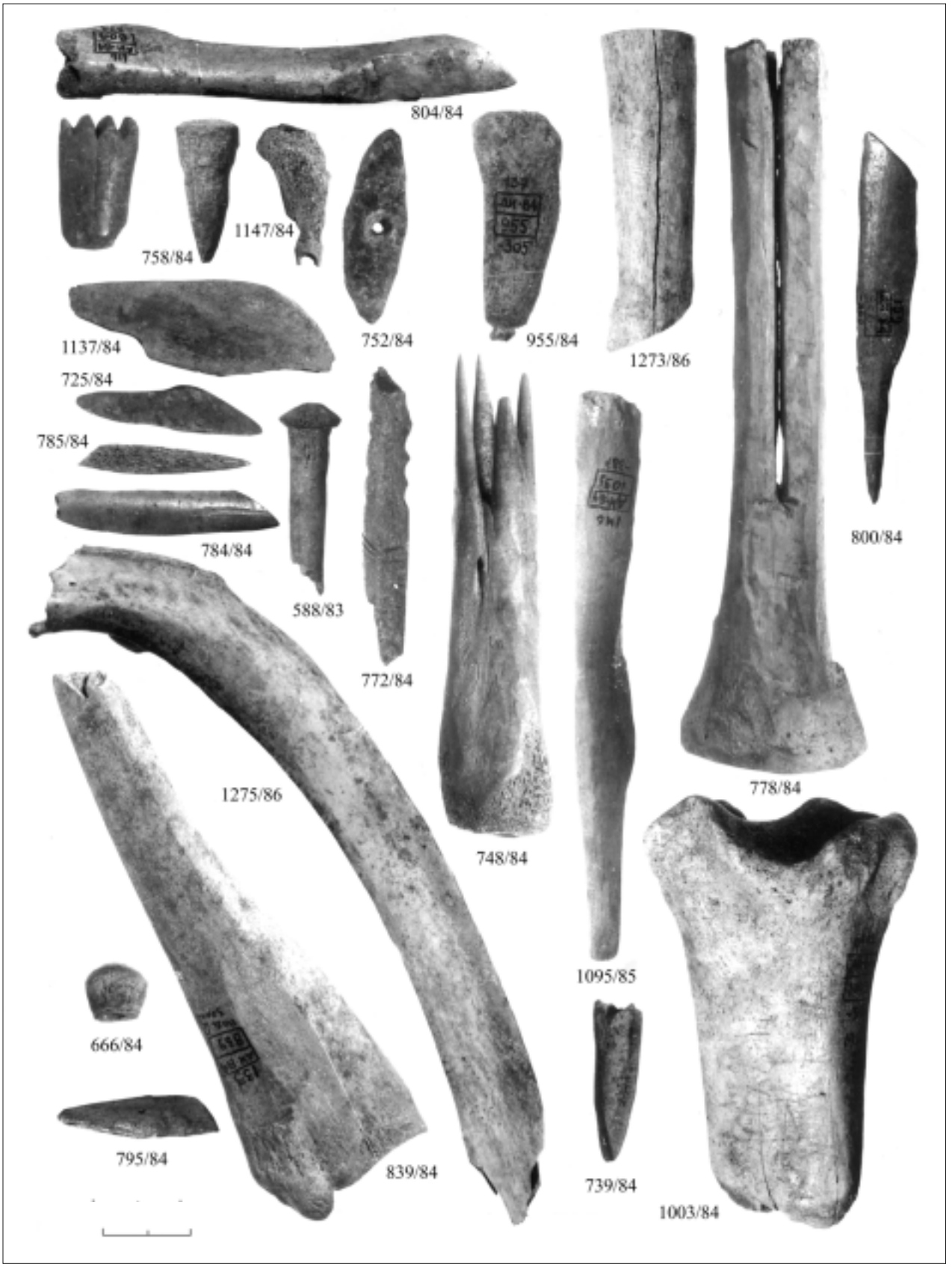


Рис. 55. Костяные орудия труда и заготовки. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

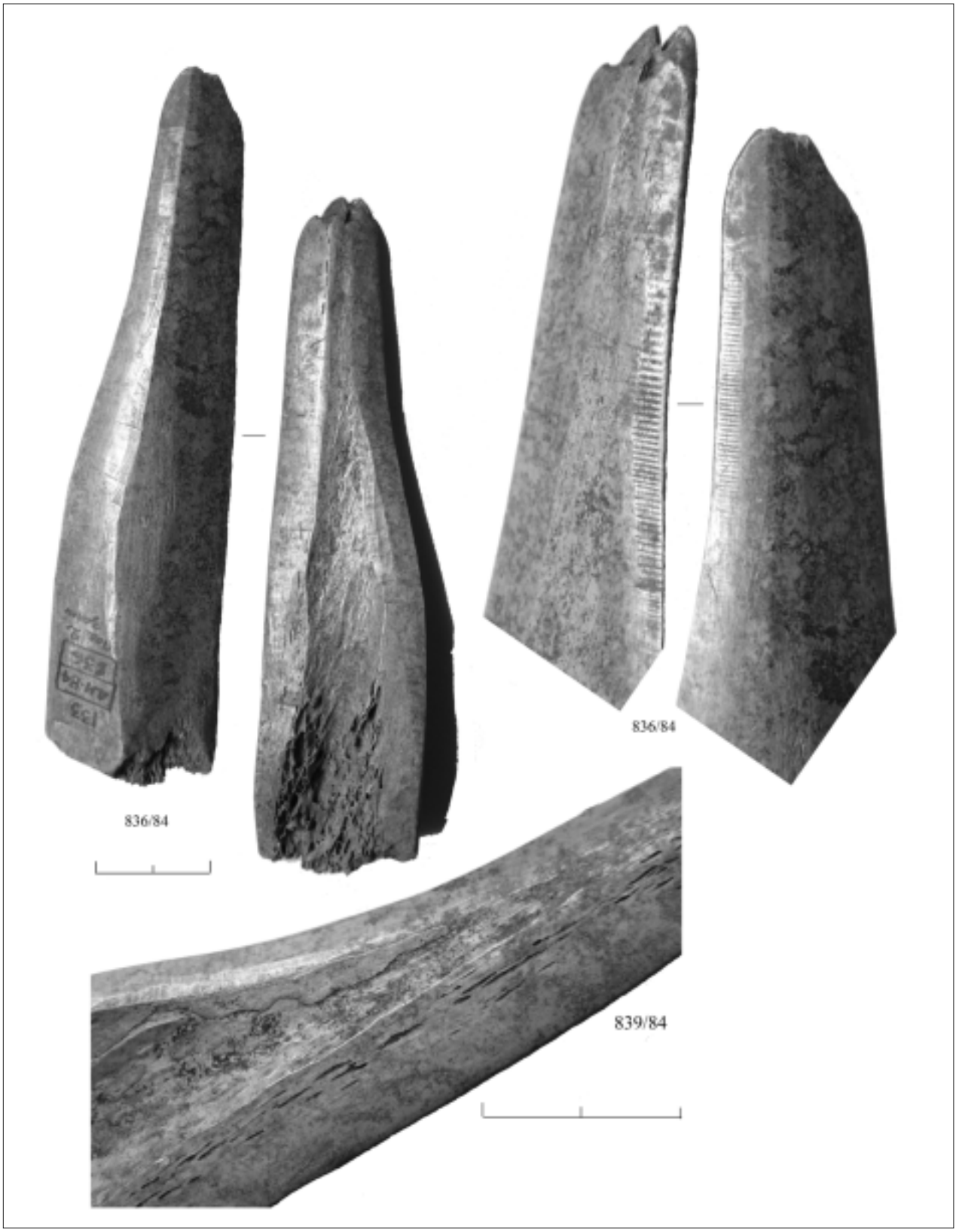


Рис. 56. Костяные скобели. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

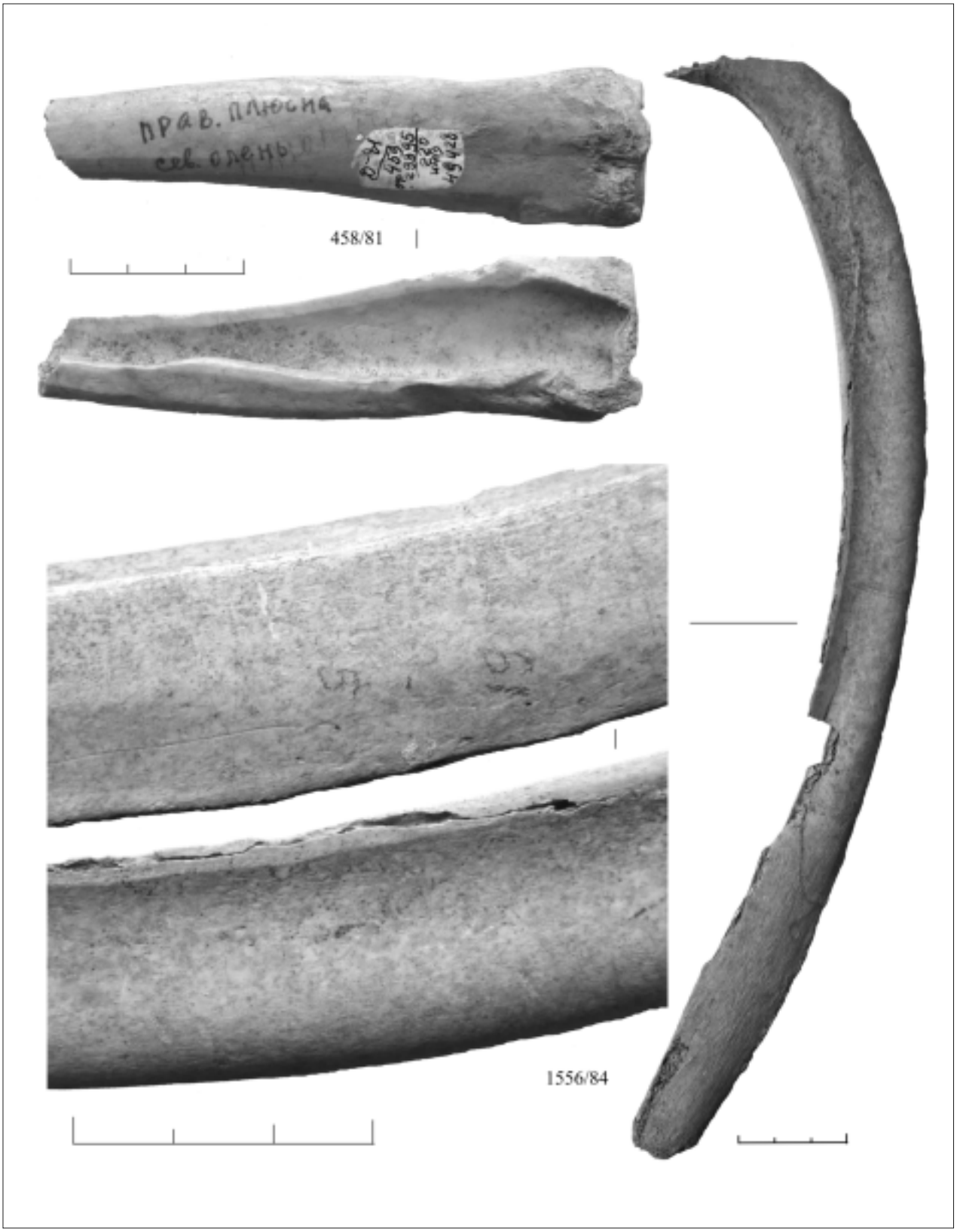


Рис. 57. Костяные скобели. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

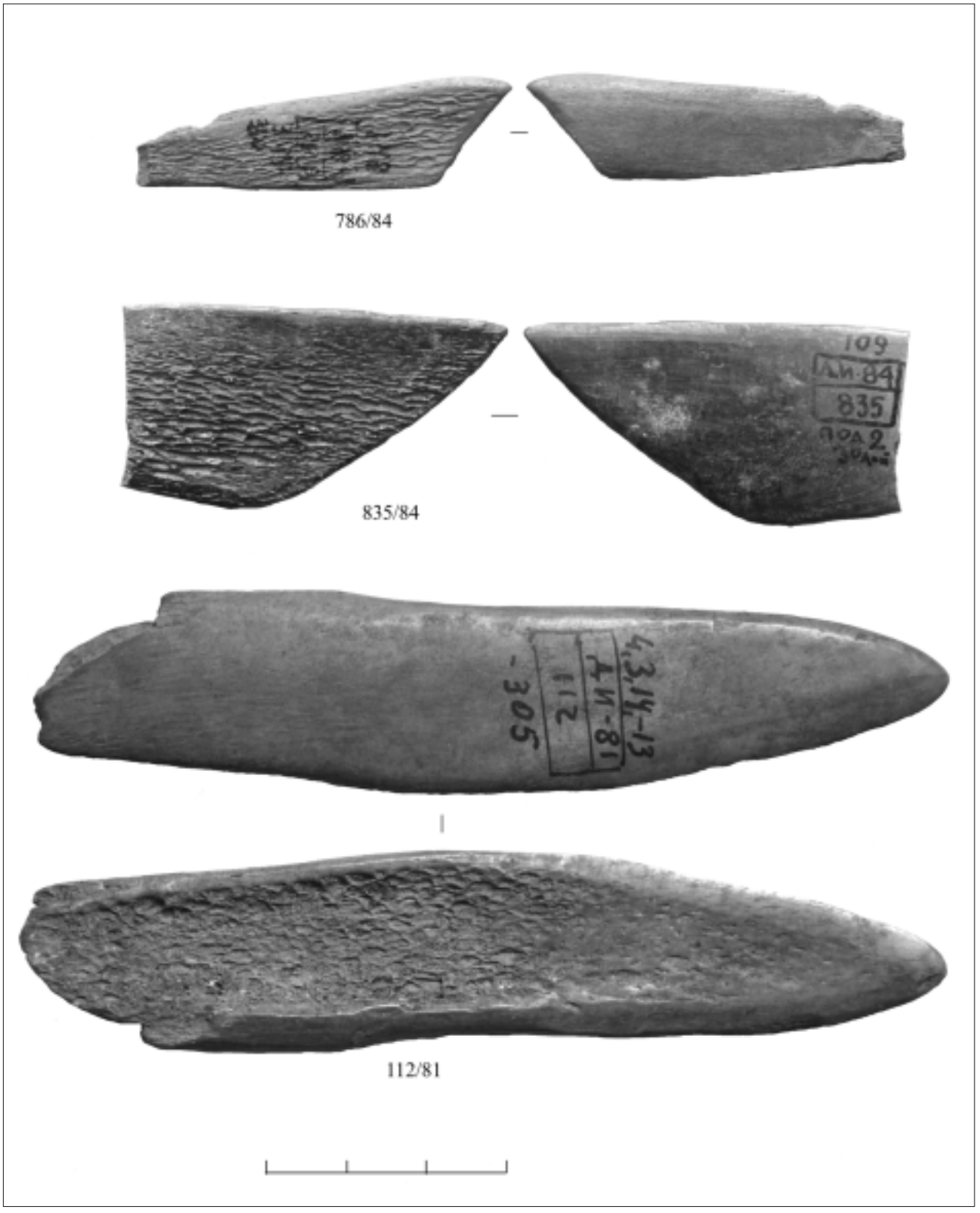


Рис. 58. Костяные ножи. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

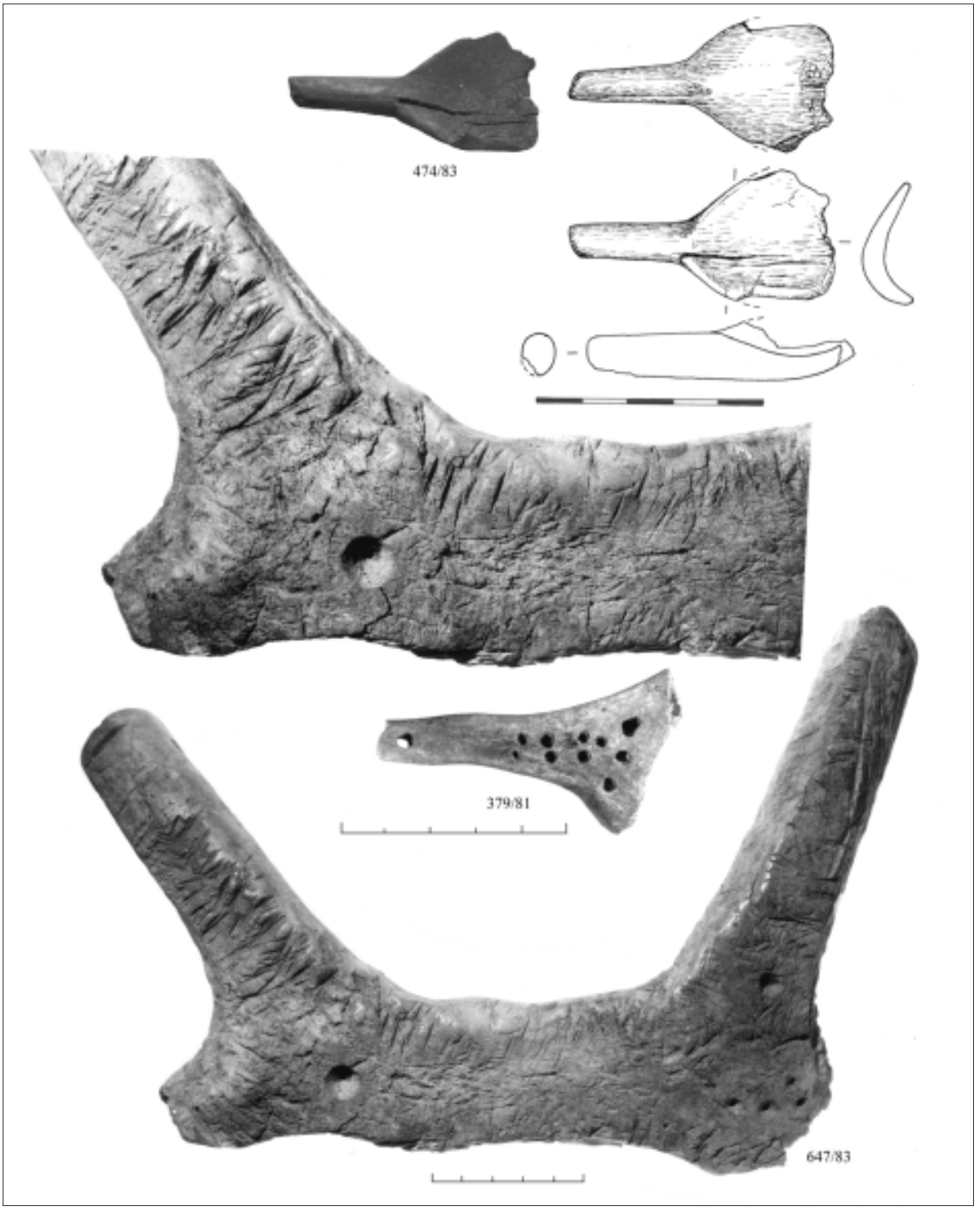


Рис. 59. Деревянная ложка и подставки для работы из рога. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

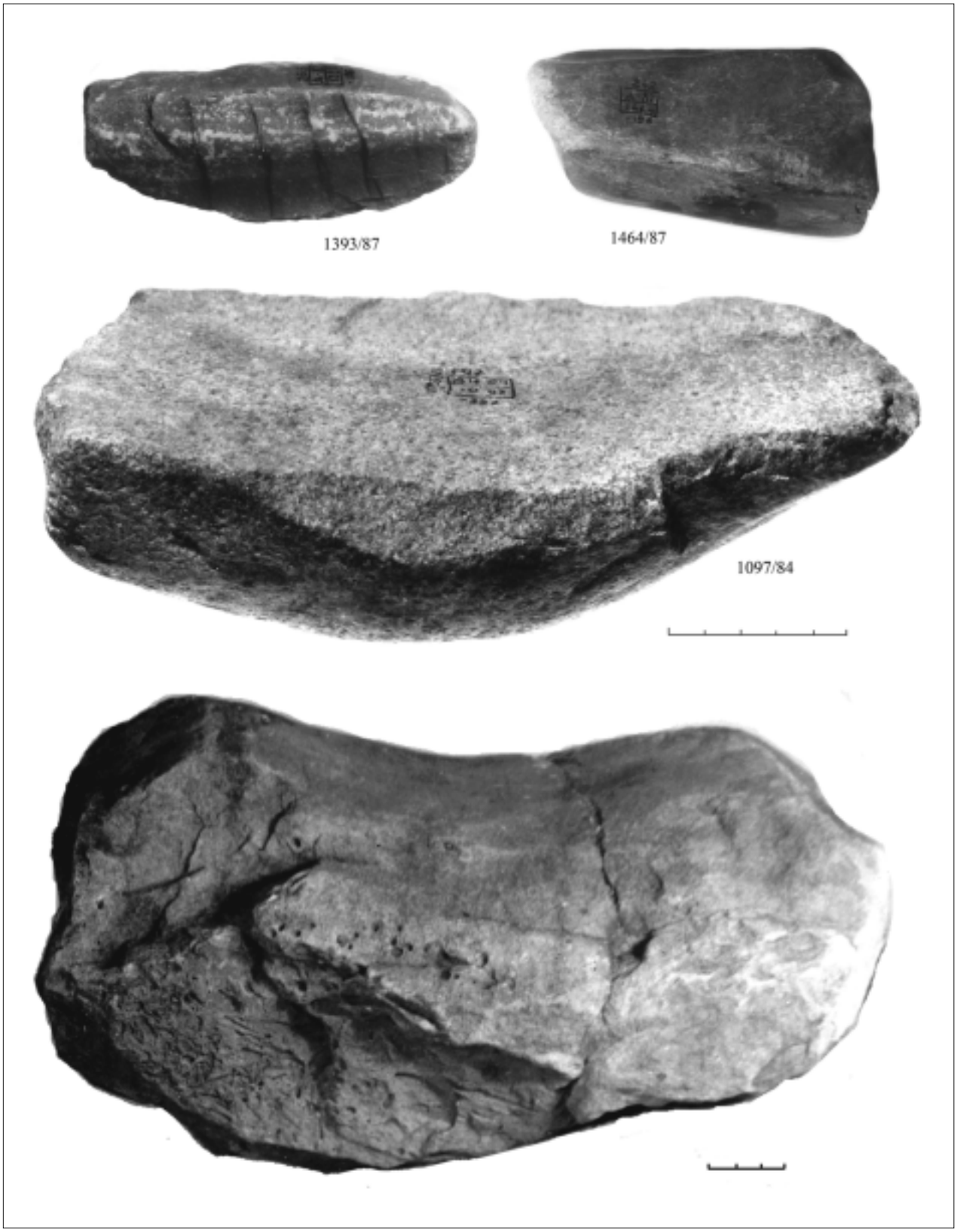


Рис. 60. Каменные куранты и зернотерки. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

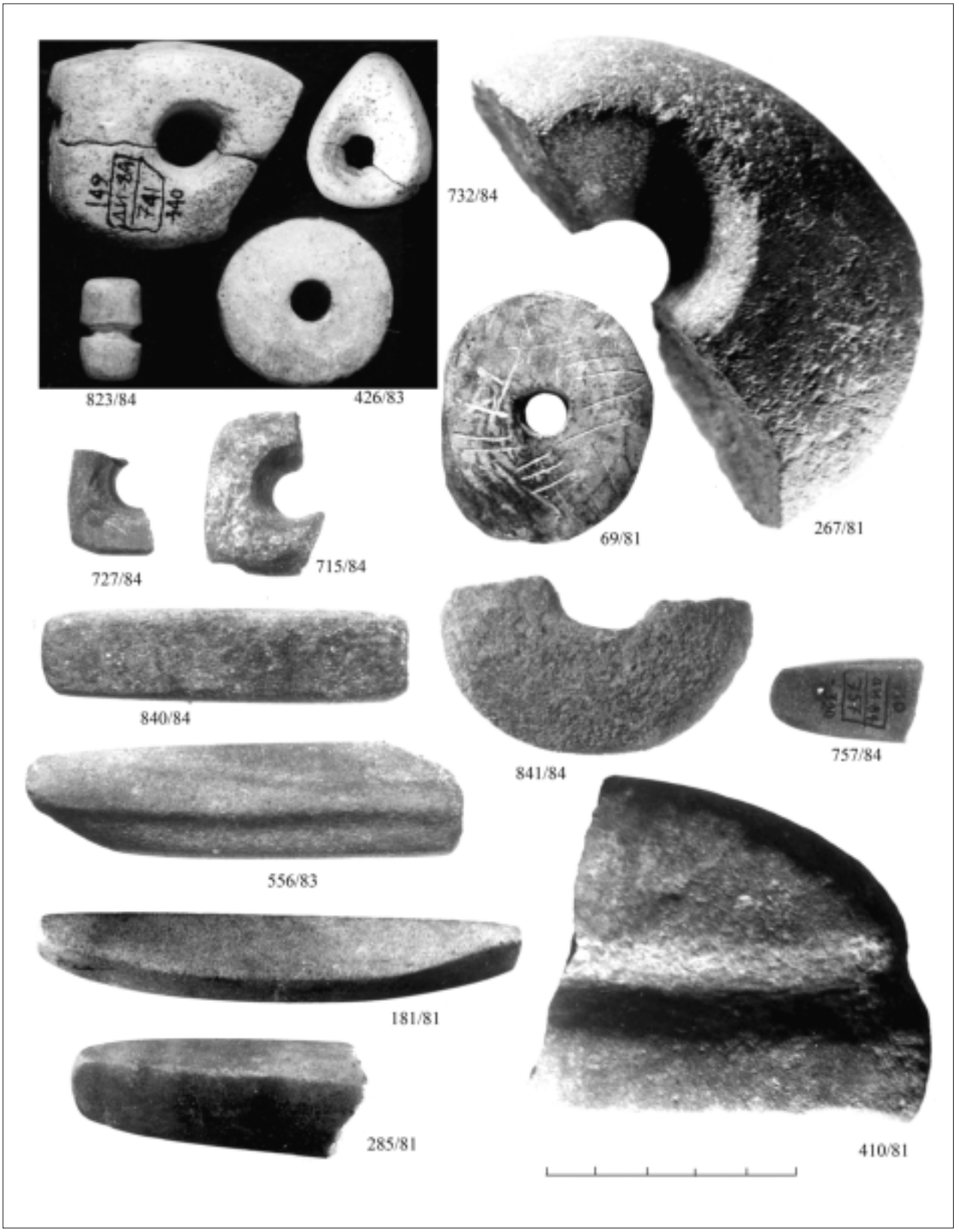


Рис. 61. Камни с отверстиями, и каменные утюжки. Дьяково городище

№ 823/84 – пуговица

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

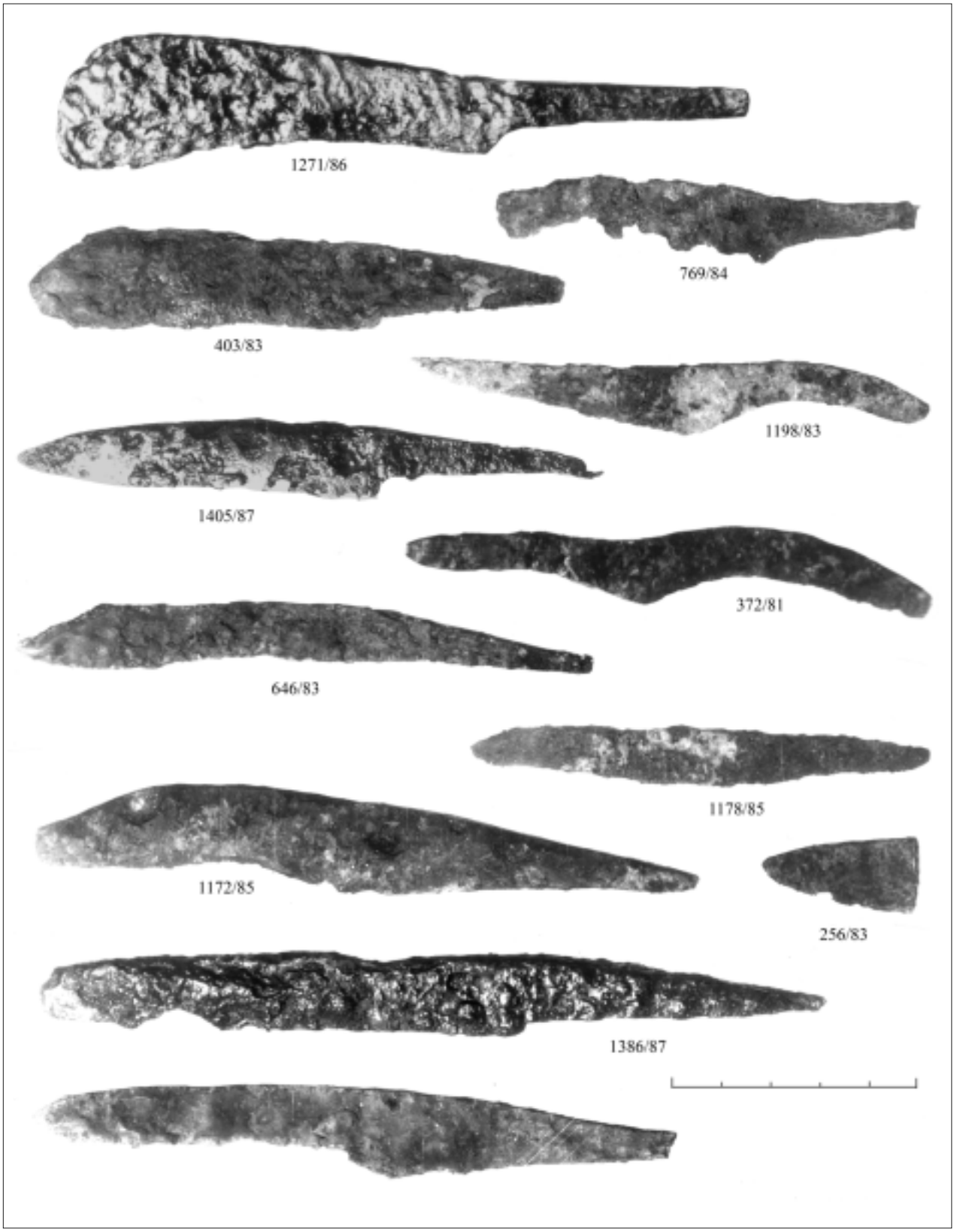


Рис. 62. Железные ножи. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

Рис. 63. Железные серпы. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

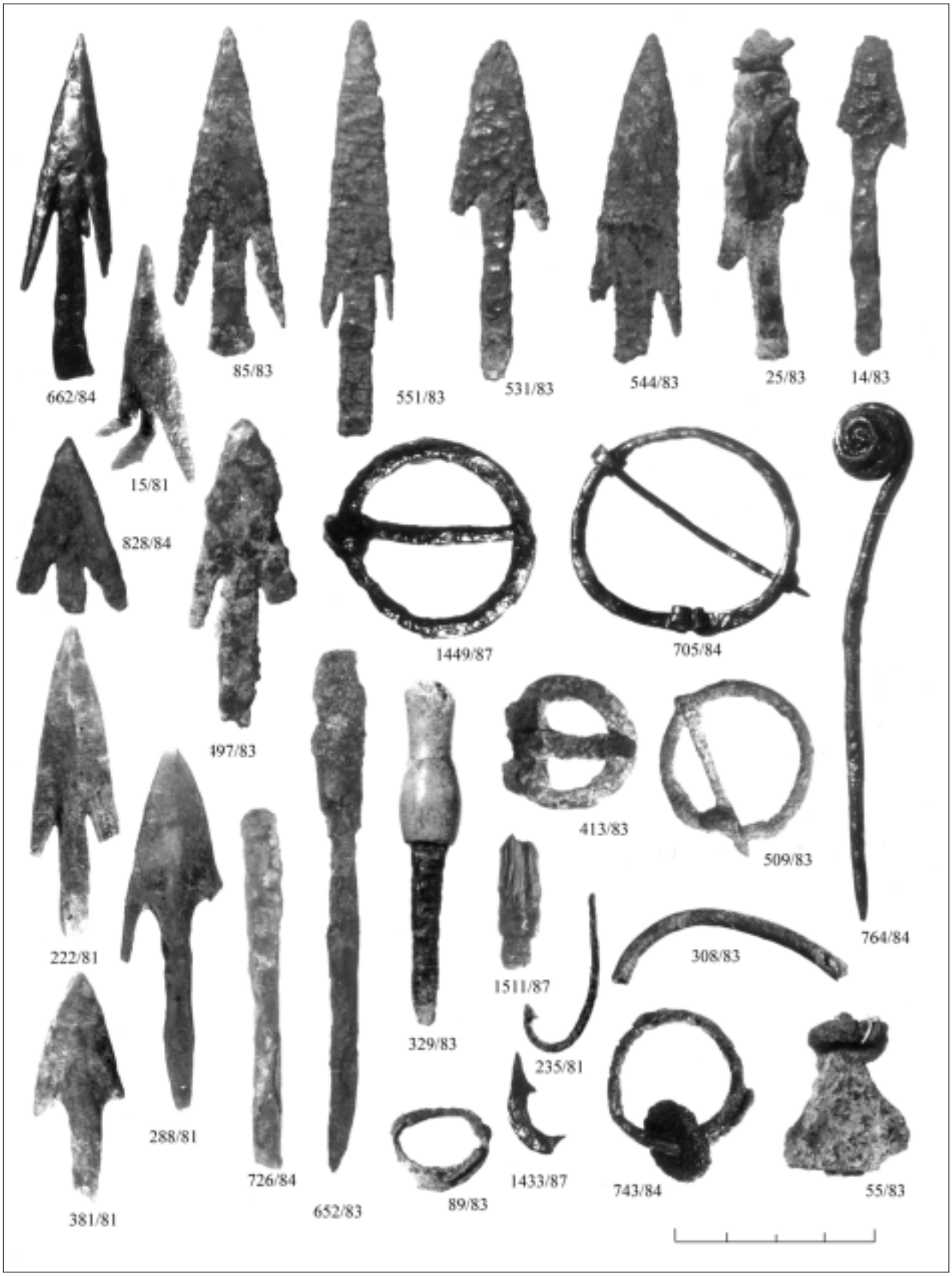


Рис. 64. Стрелы, застежки, шилья, булавка, рыболовные крючки, подвески. Дьяково городище

235/81 – бронза, остальные – железо

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

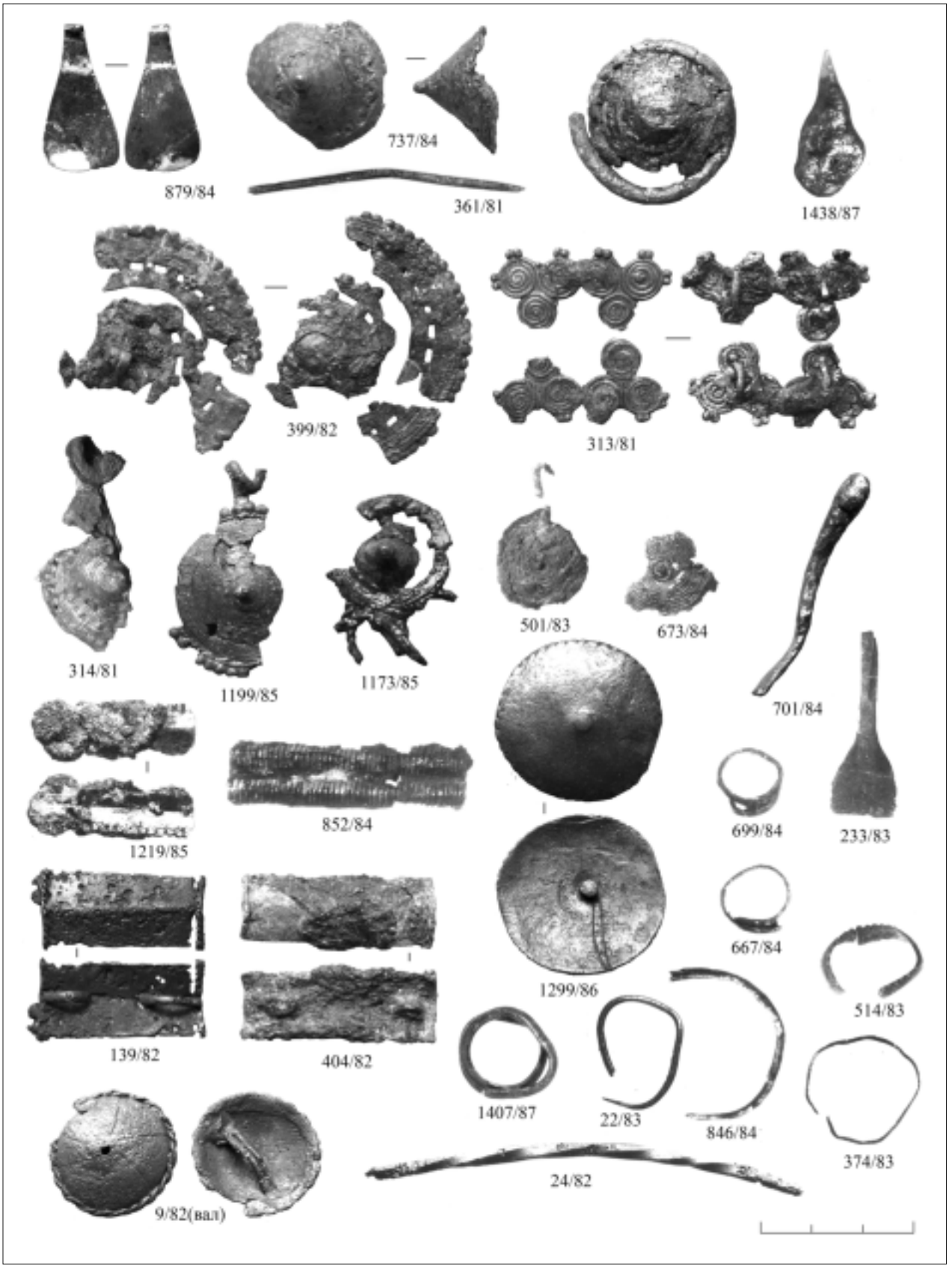


Рис. 65. Бронзовые предметы. Дьяково городище. Нижний и верхний слои

№ 879/84, 737/84, 361/81 – нижний слой

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

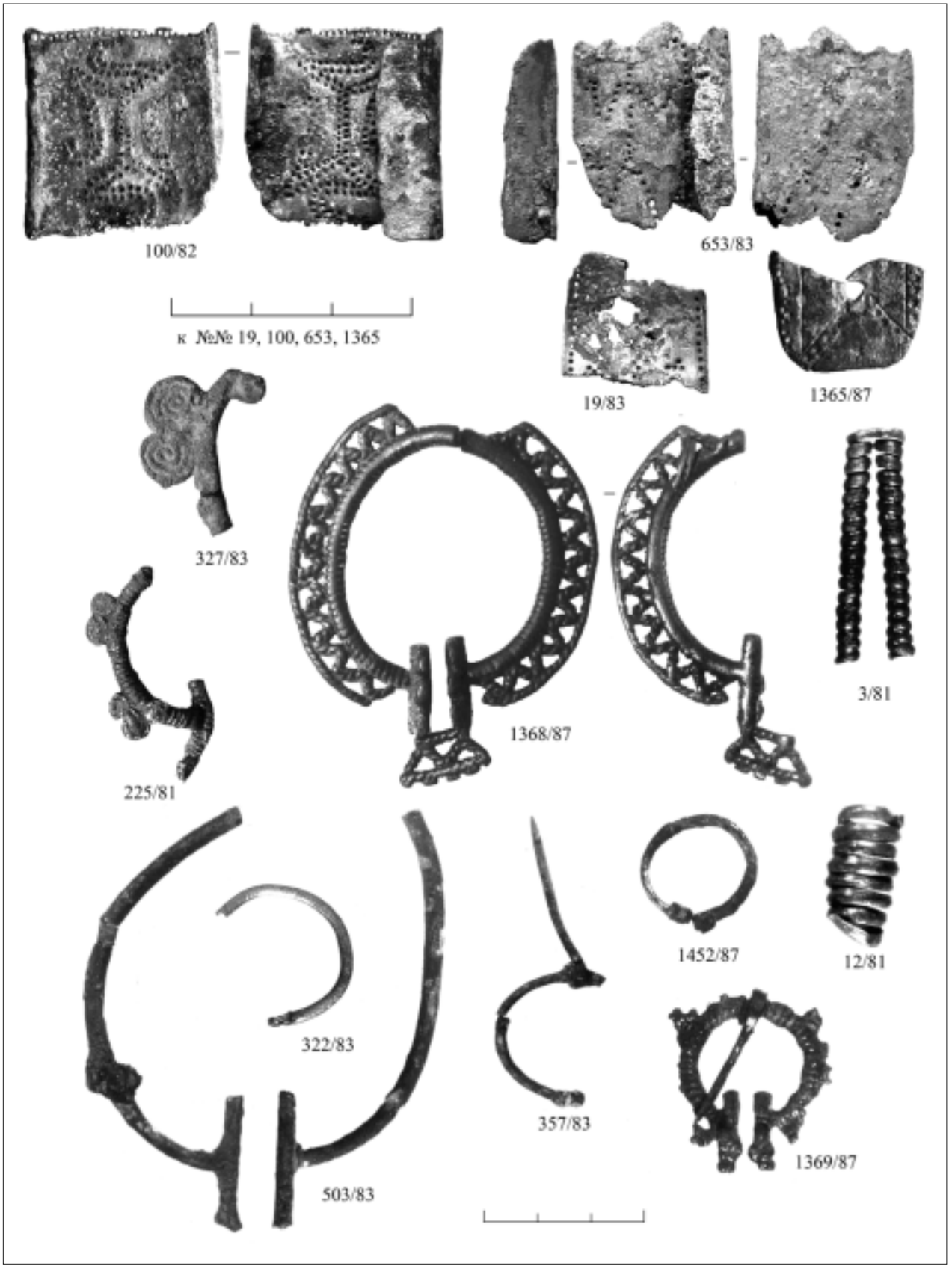


Рис. 66. Бронзовые накладки, застежки-сюльгамы, пронизи. Дьяково городище. Верхний слой

Бронзовые накладки: № 100/82 – с сарматской тамгой, № 19/83, 655/83, 1365/87 – с человечками
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

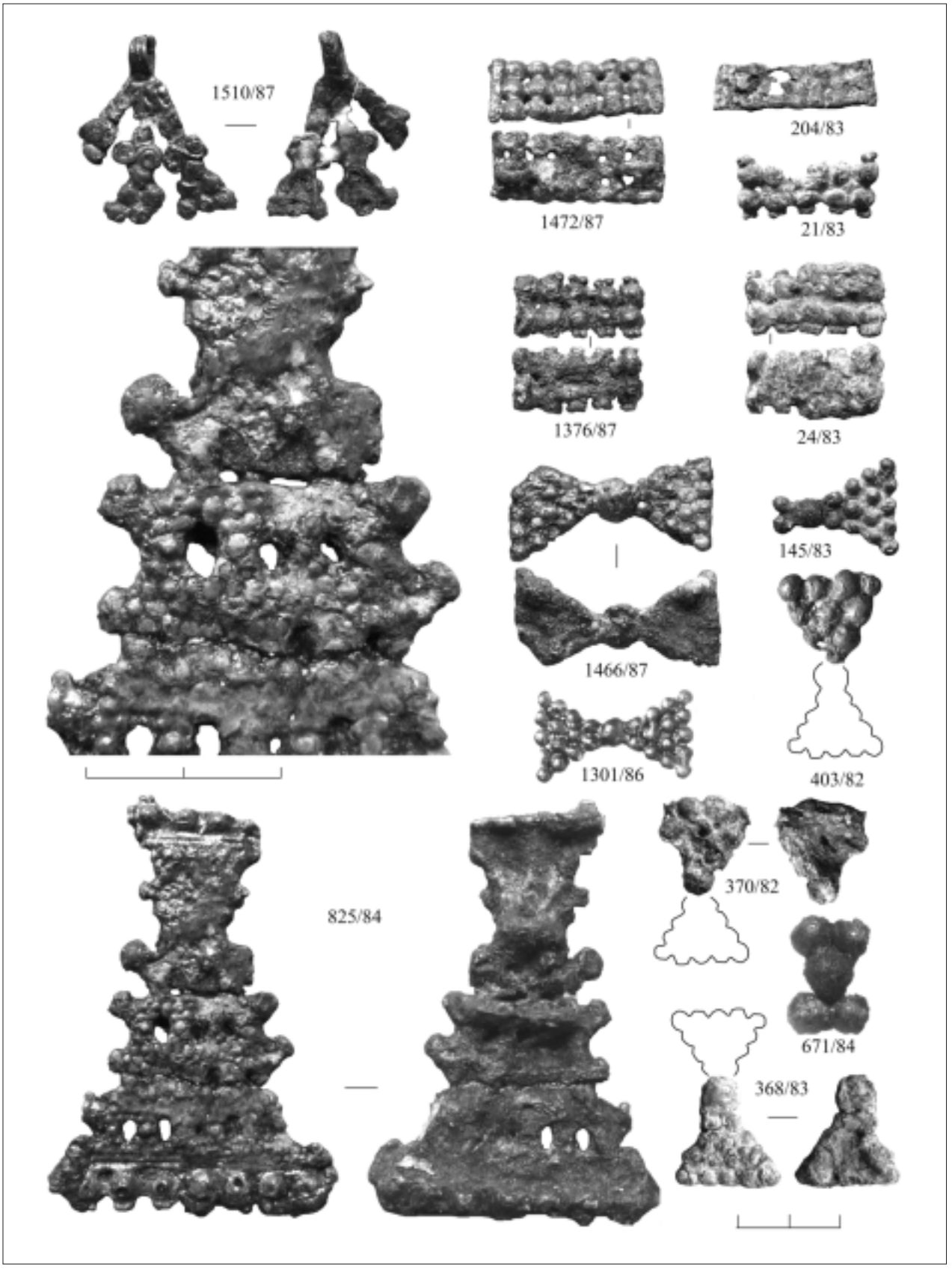


Рис. 67. Позднедьяковские бронзовые нашивные украшения, состоящие из комбинаций скорлупок и микроскорлупок. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

Рис. 68. Позднедьяковские шумящие бронзовые подвески (серьги) и их элементы. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

Рис. 69. Привозные бронзовые украшения и детали поясной гарнитуры.Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

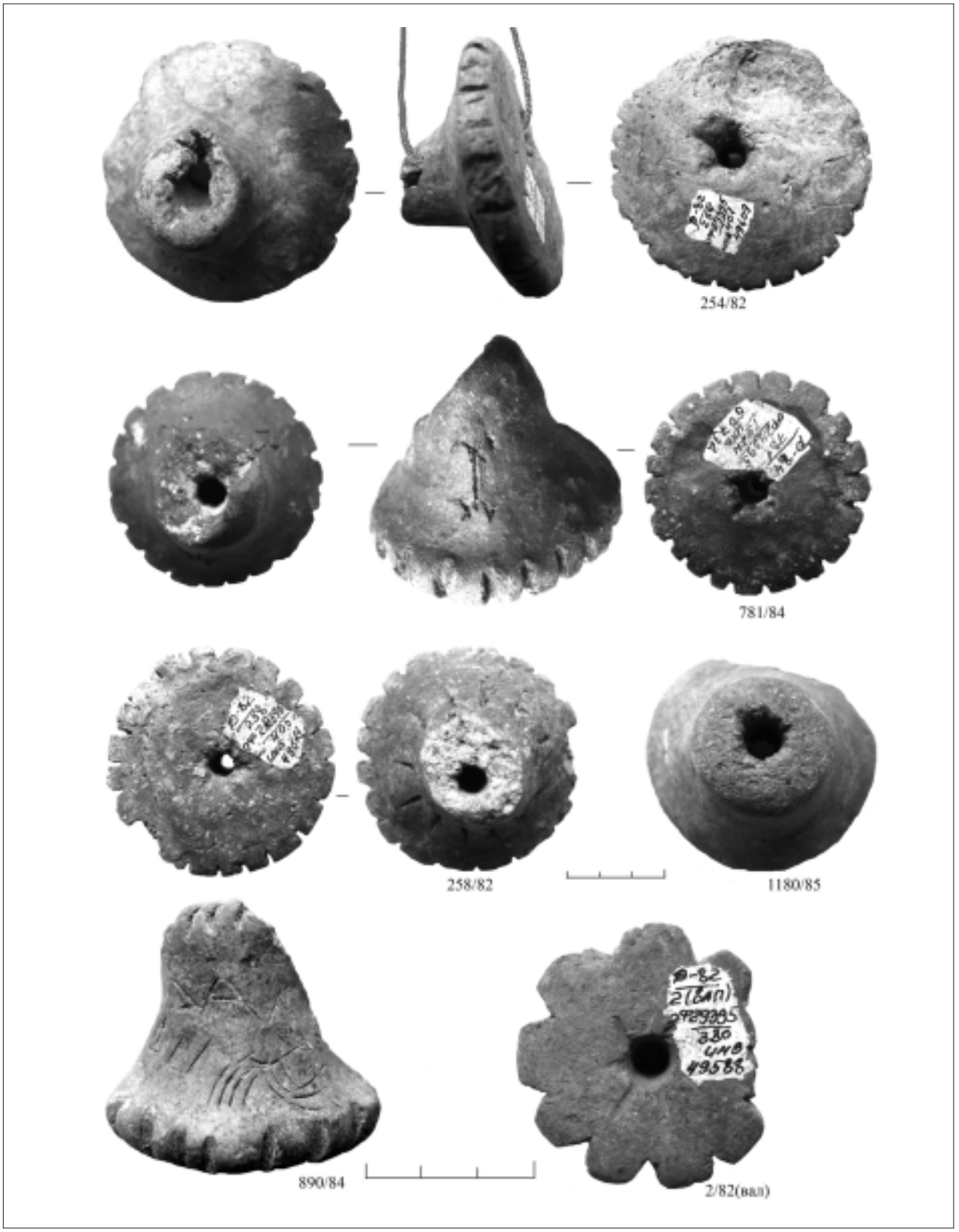


Рис. 70. Глиняные грузики со следами сработанности в канале. Дьяково городище
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

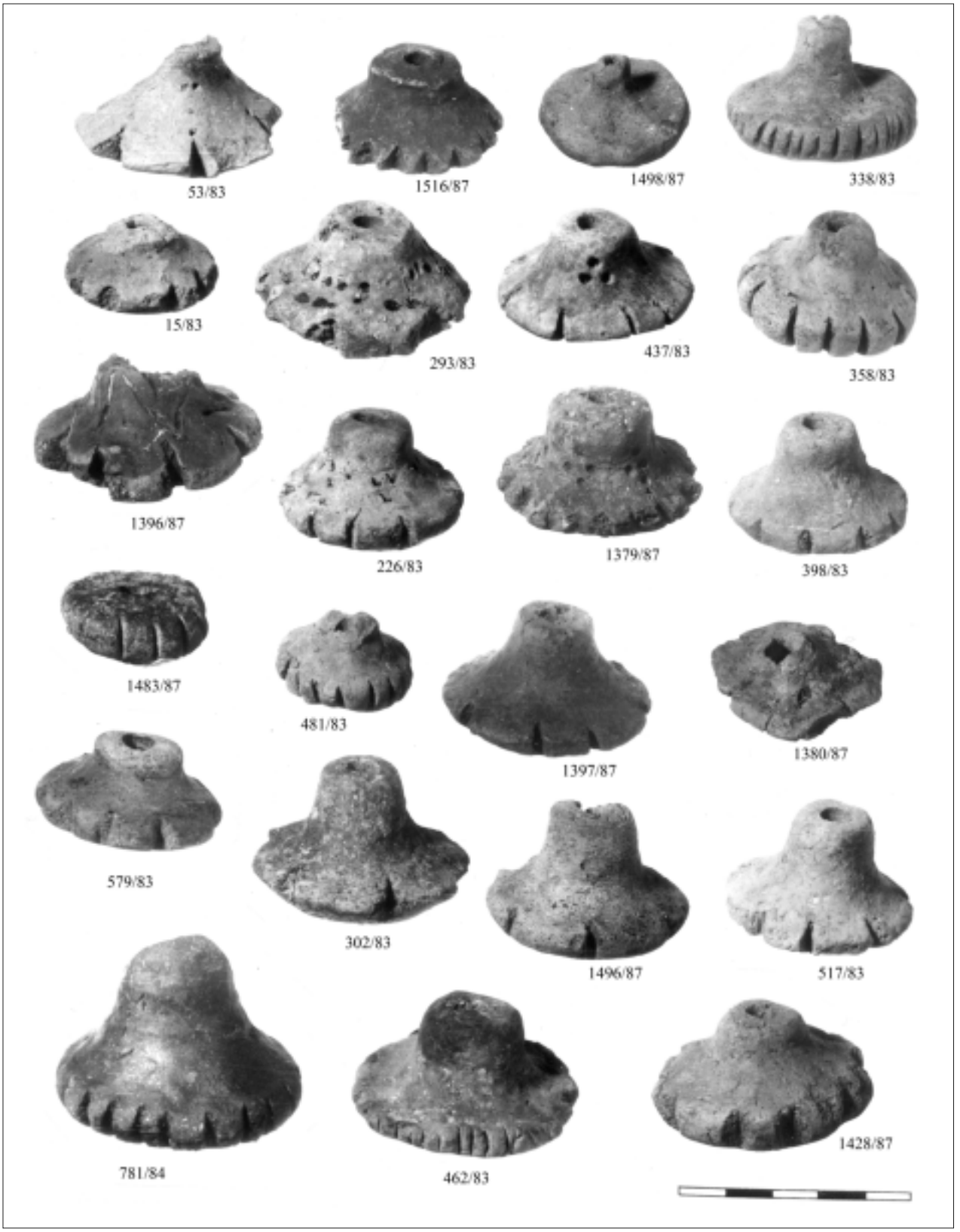


Рис. 71. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

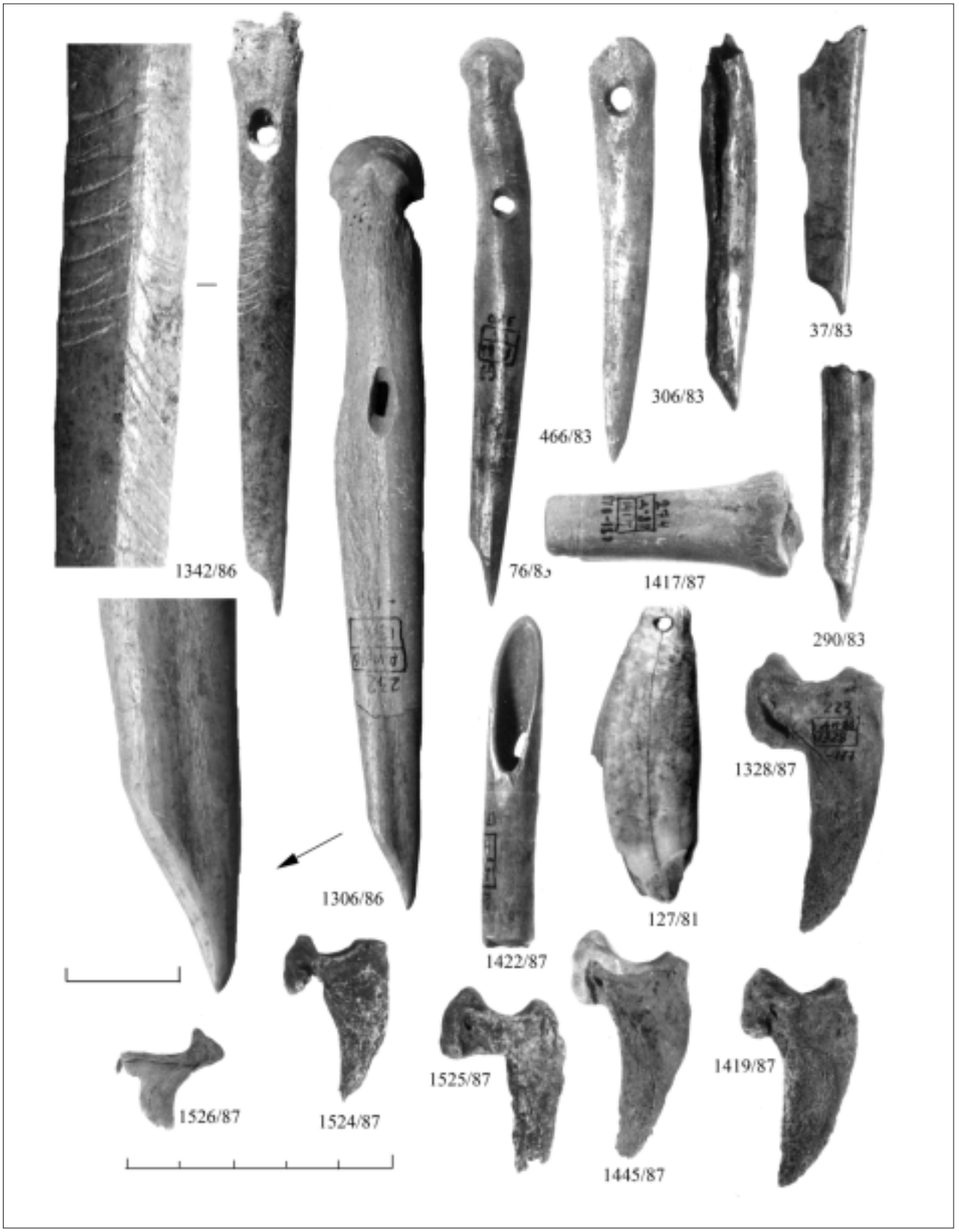


Рис. 72. Кочедыки или инструменты для распутывания узлов (?) из костей лося, свистулька (1422/87), рукоять (1417/87), подвески из когтей и клыка (127/81) медведя. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

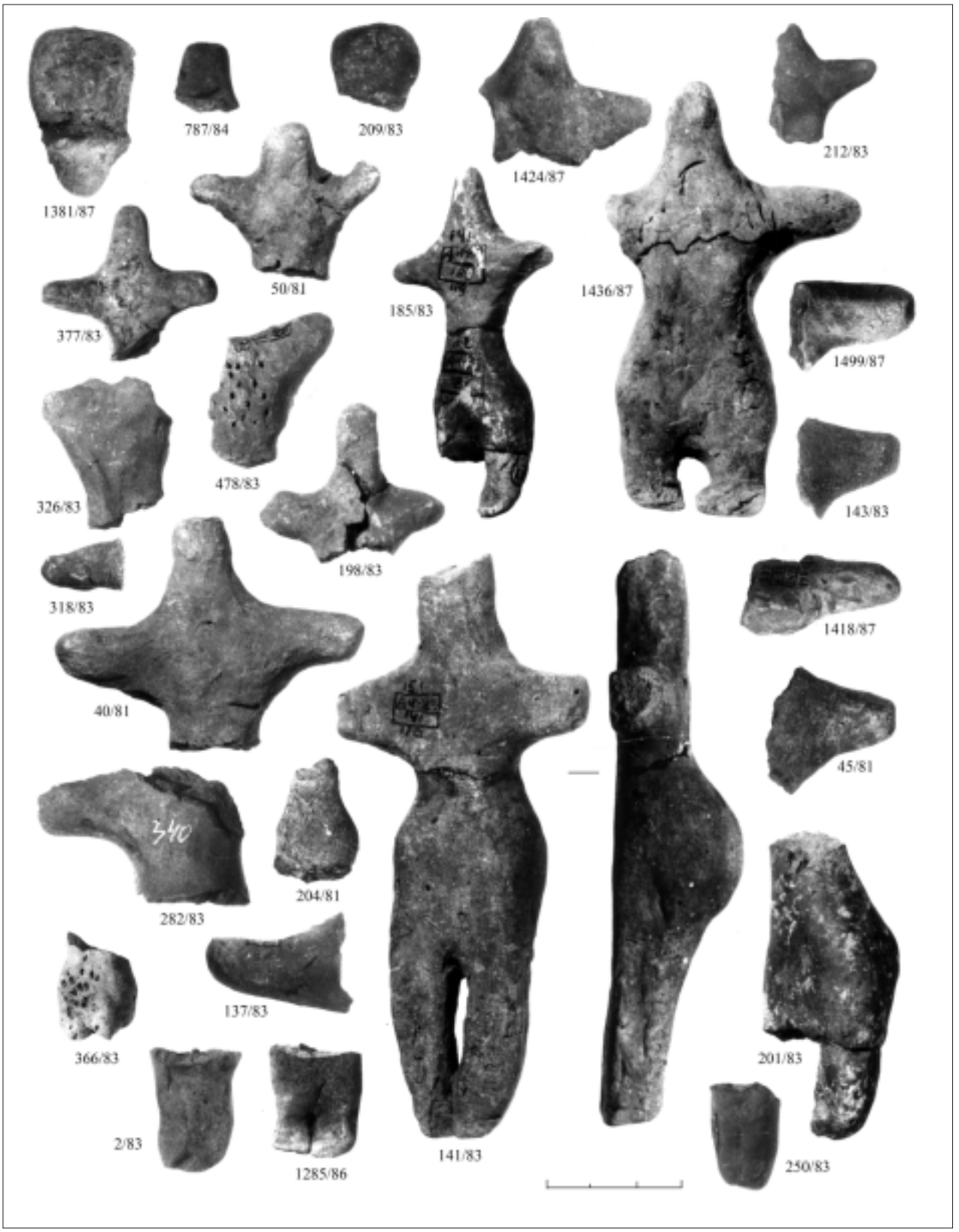


Рис. 73. Антропоморфные глиняные статуэтки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

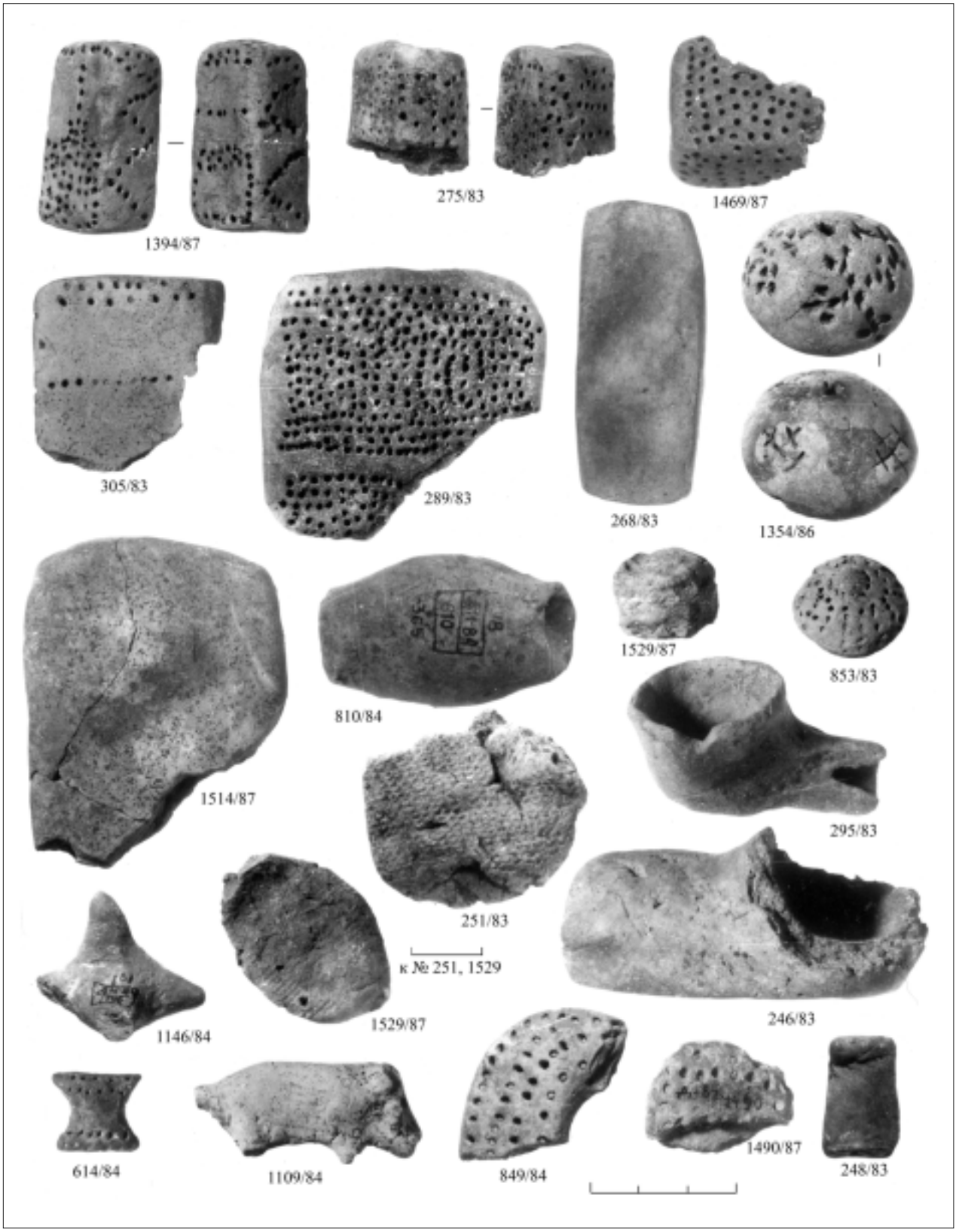


Рис. 74. Глиняные изделия. Дьяково городище. Верхний и нижний слои

№ 251/83, 1529/87 – куски глины с отпечатками ткани

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

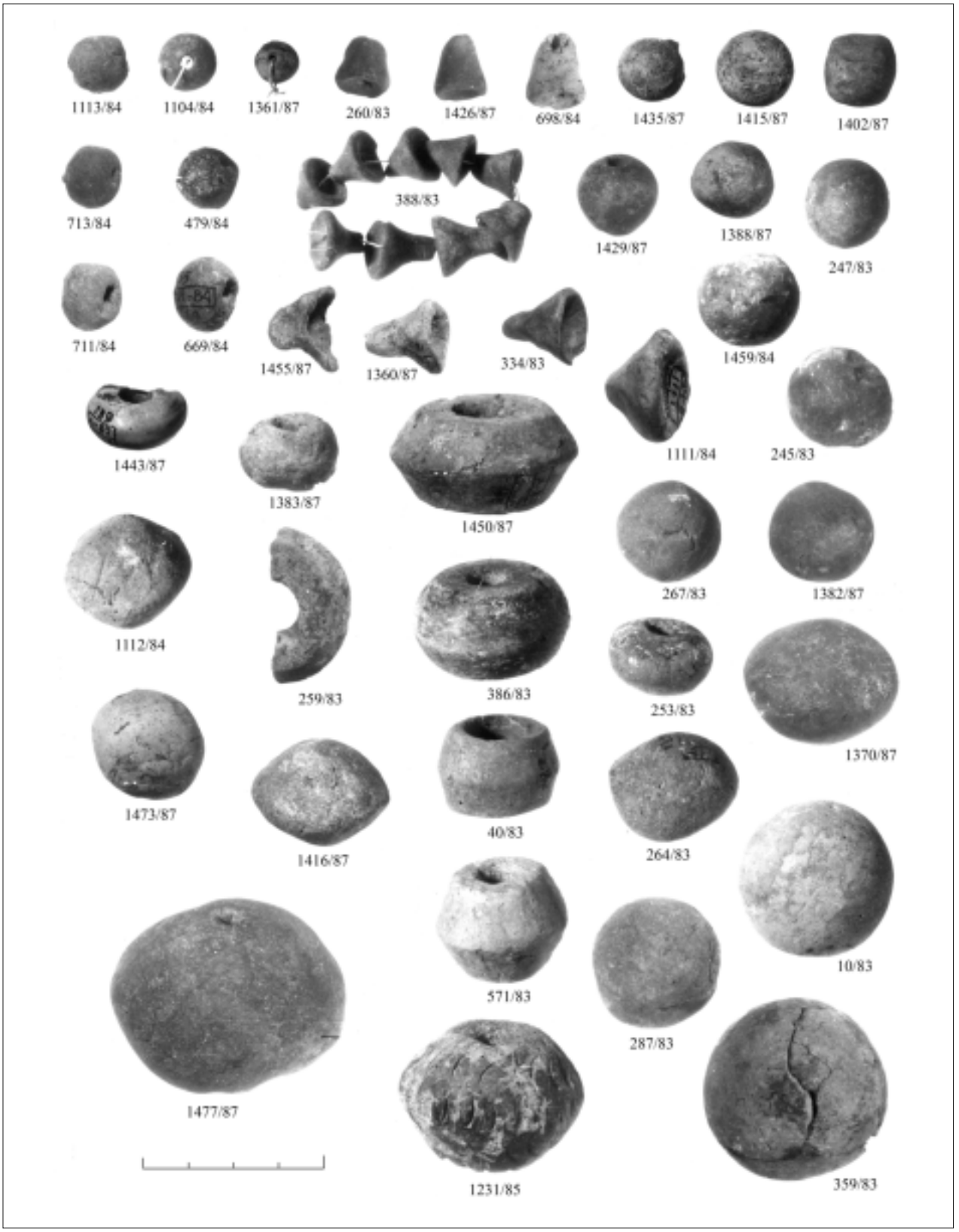


Рис. 75. Глиняные бусы, пряслица, биконусы, шарики. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

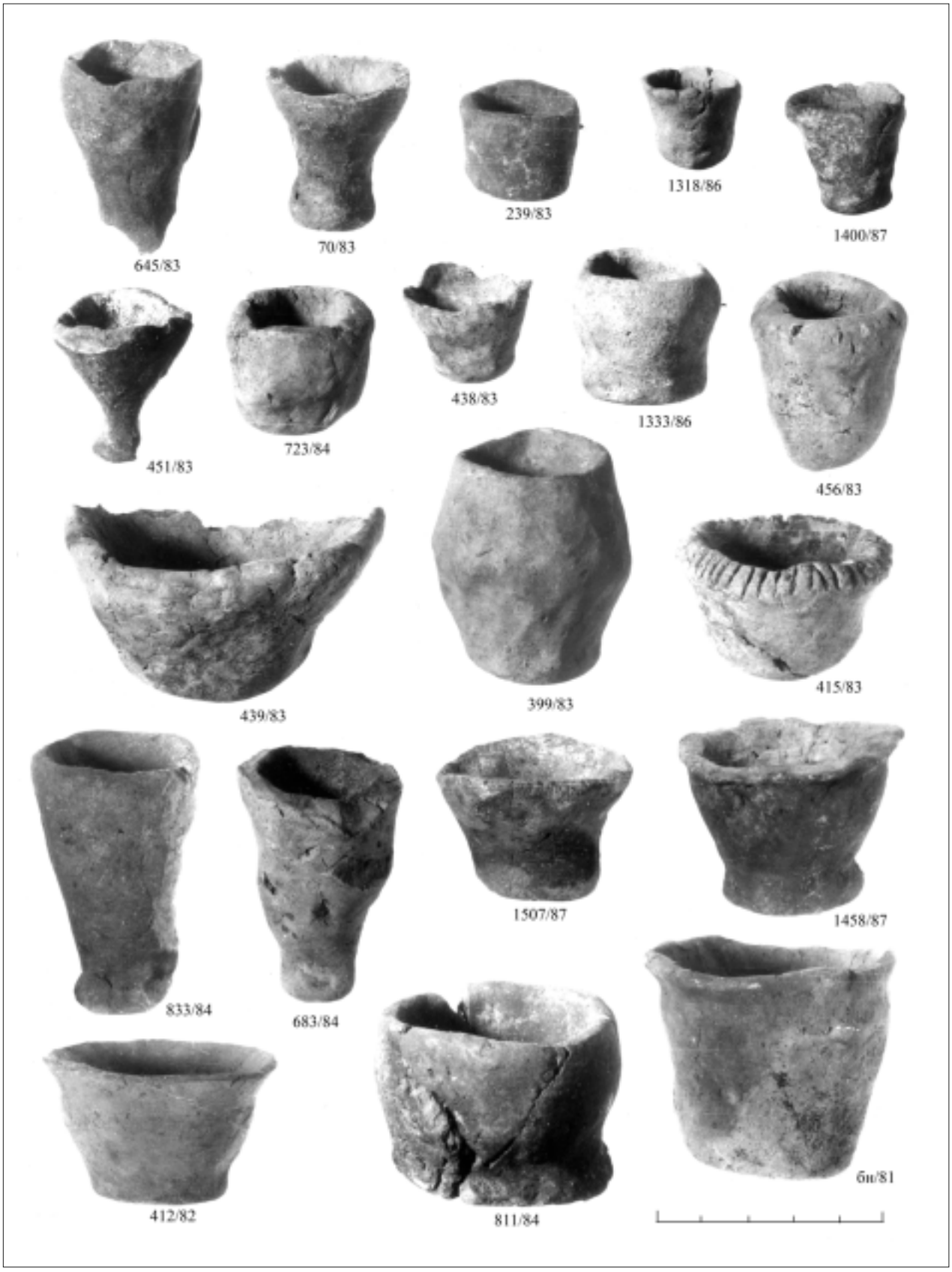


Рис. 76. Глиняные миниатюрные сосуды. Дьяково городище

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

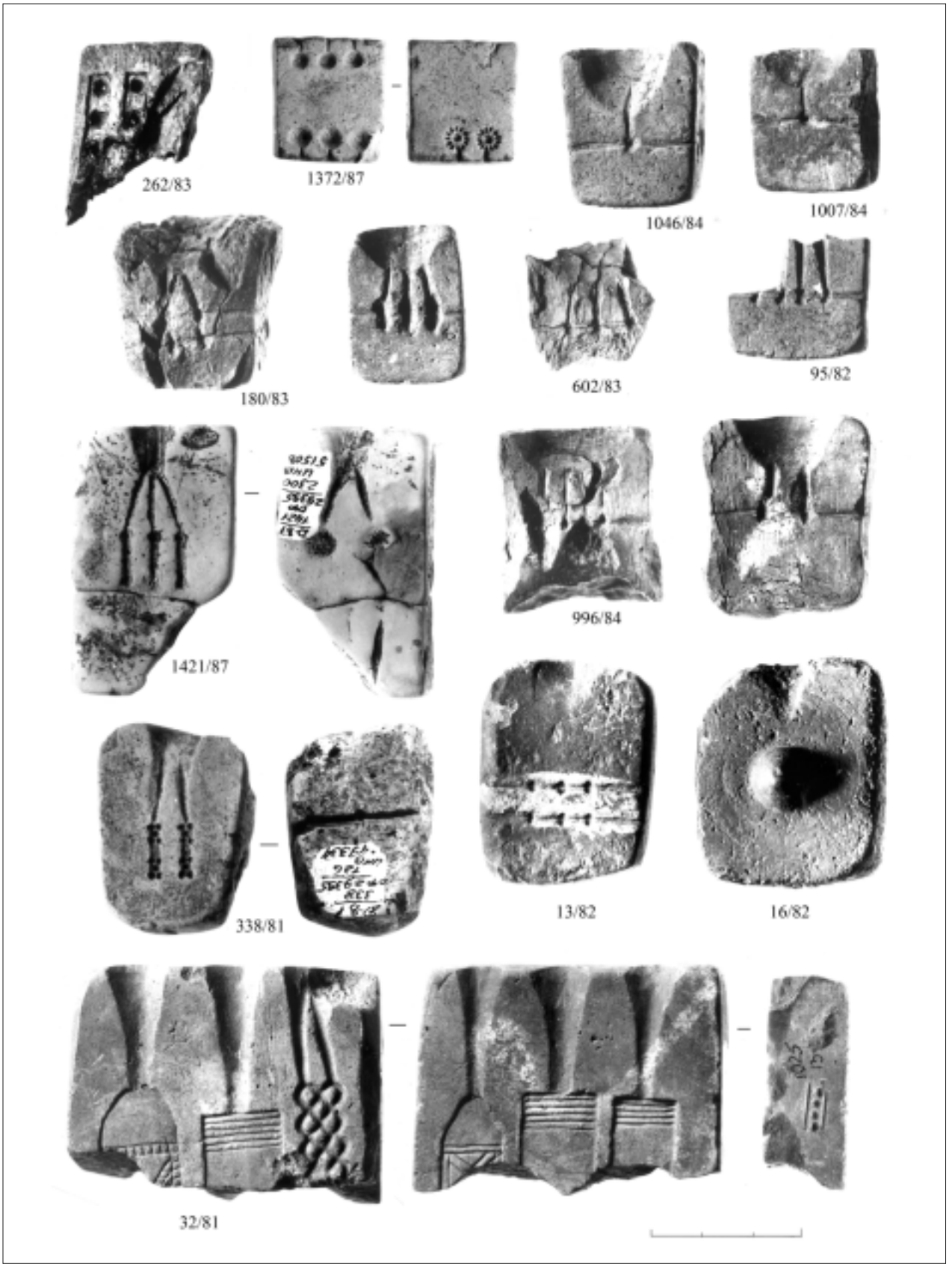


Рис. 77. Глиняные и каменные литейные формы. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, в знаменателе – год раскопок

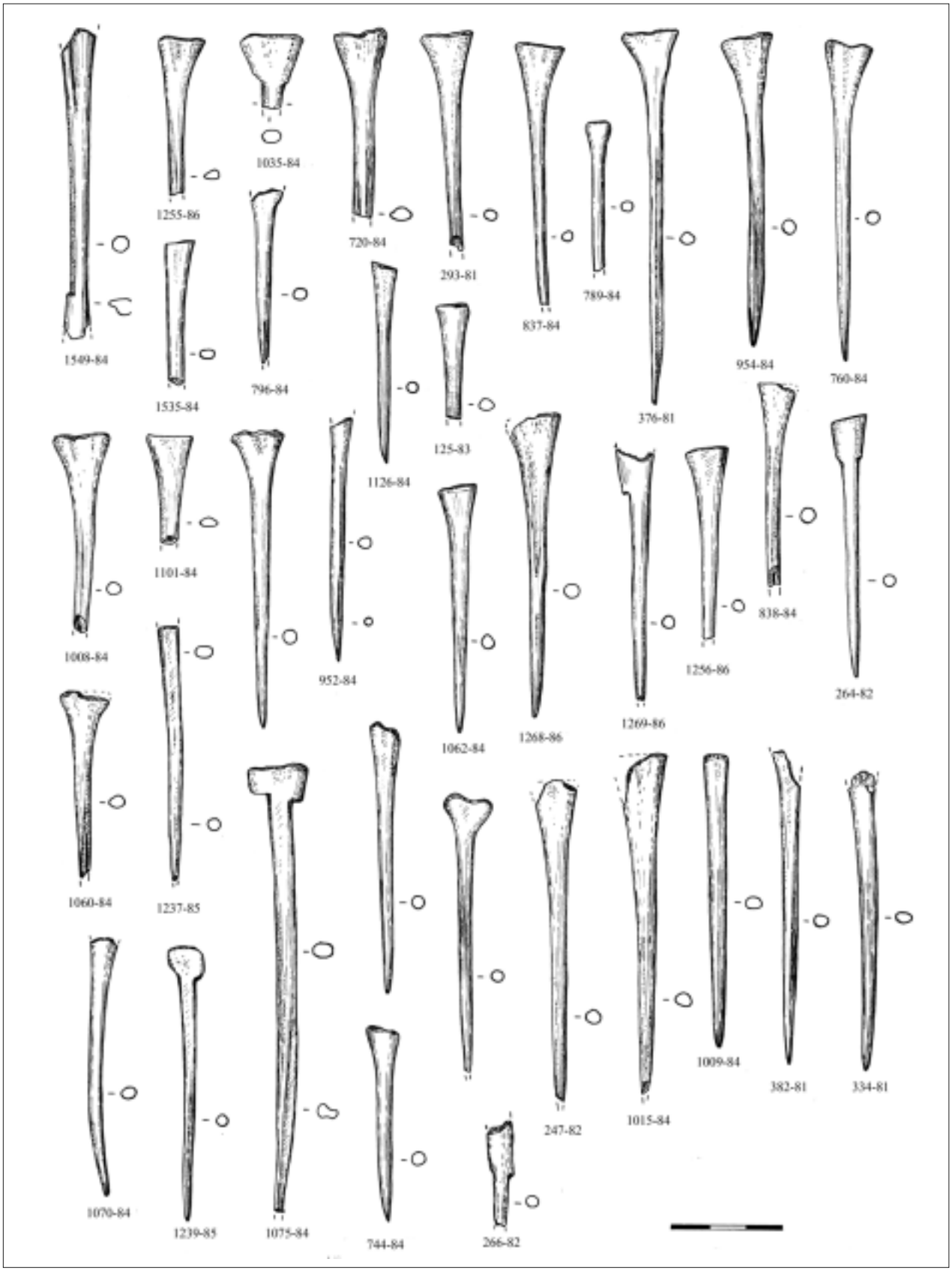


Рис. 78. Костяные проколки, сделанные из малой берцовой кости свиньи. Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

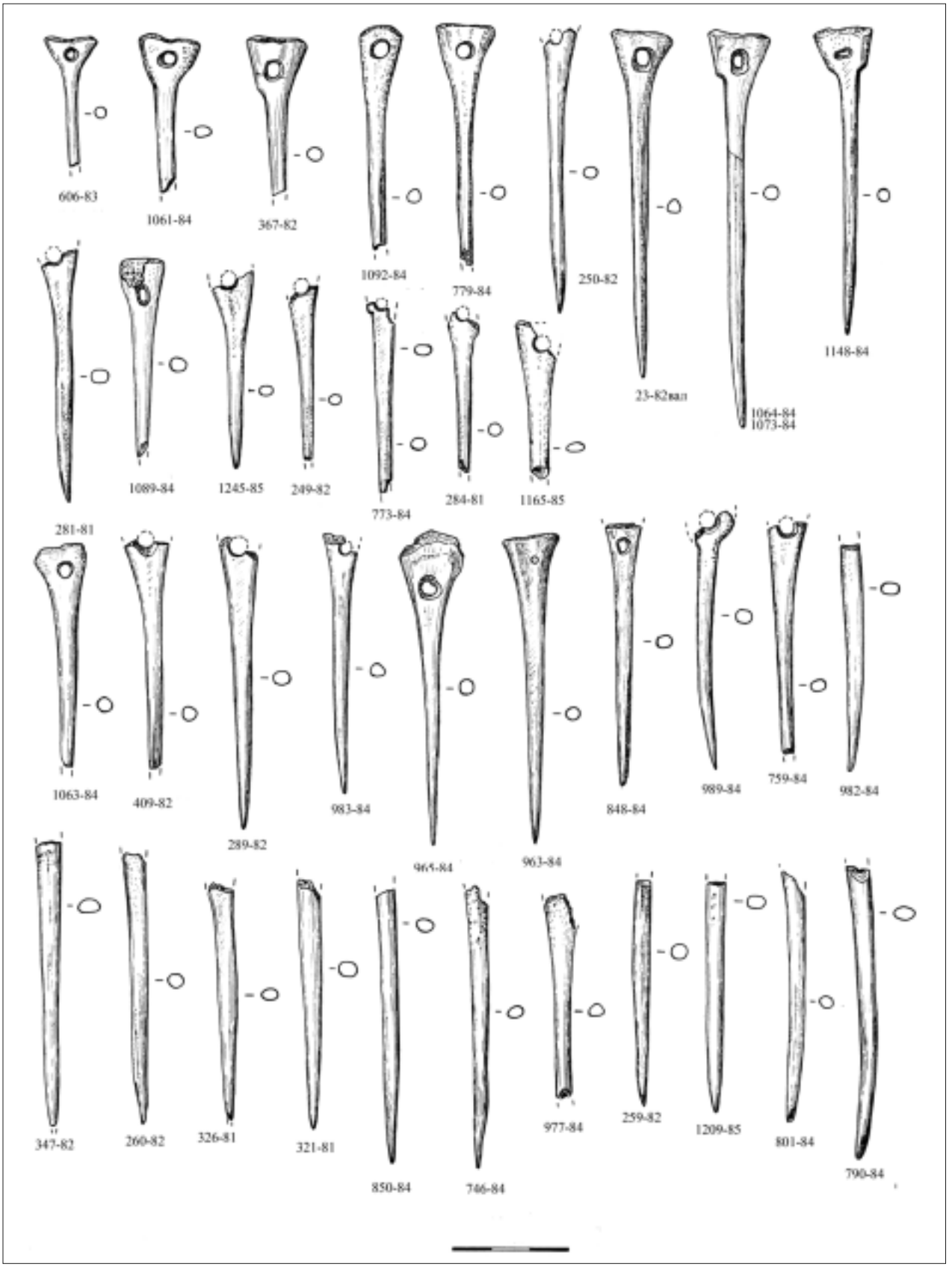


Рис. 79. Костяные проколки, сделанные из малой берцовой кости свиньи. Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

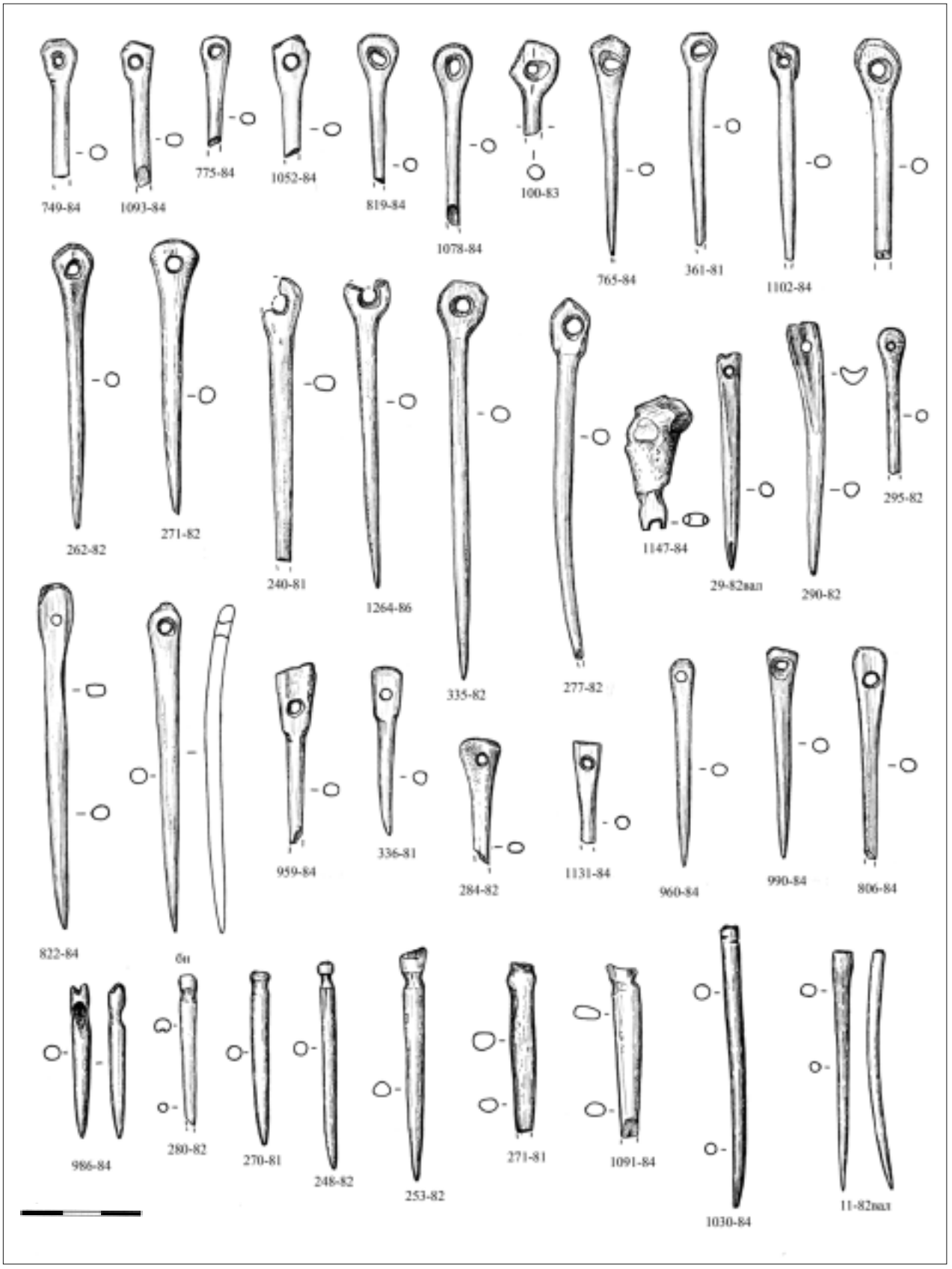


Рис. 90. Костяные проколки и иглы. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

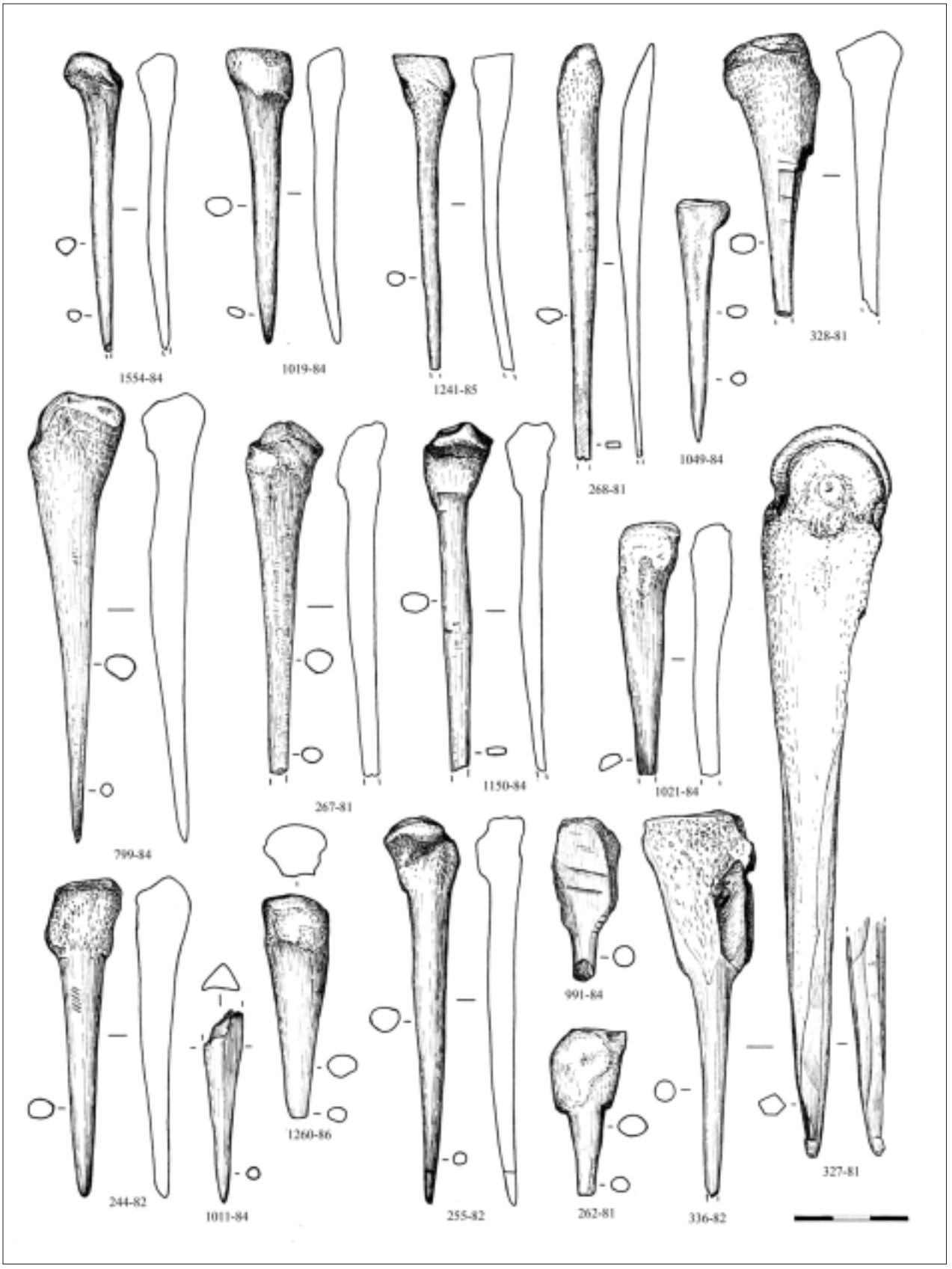


Рис. 81. Костяные проколки, сделанные из грифельной кости лошади. Дьяково городище. Нижний слой

№ 327/81 – заготовка острия

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

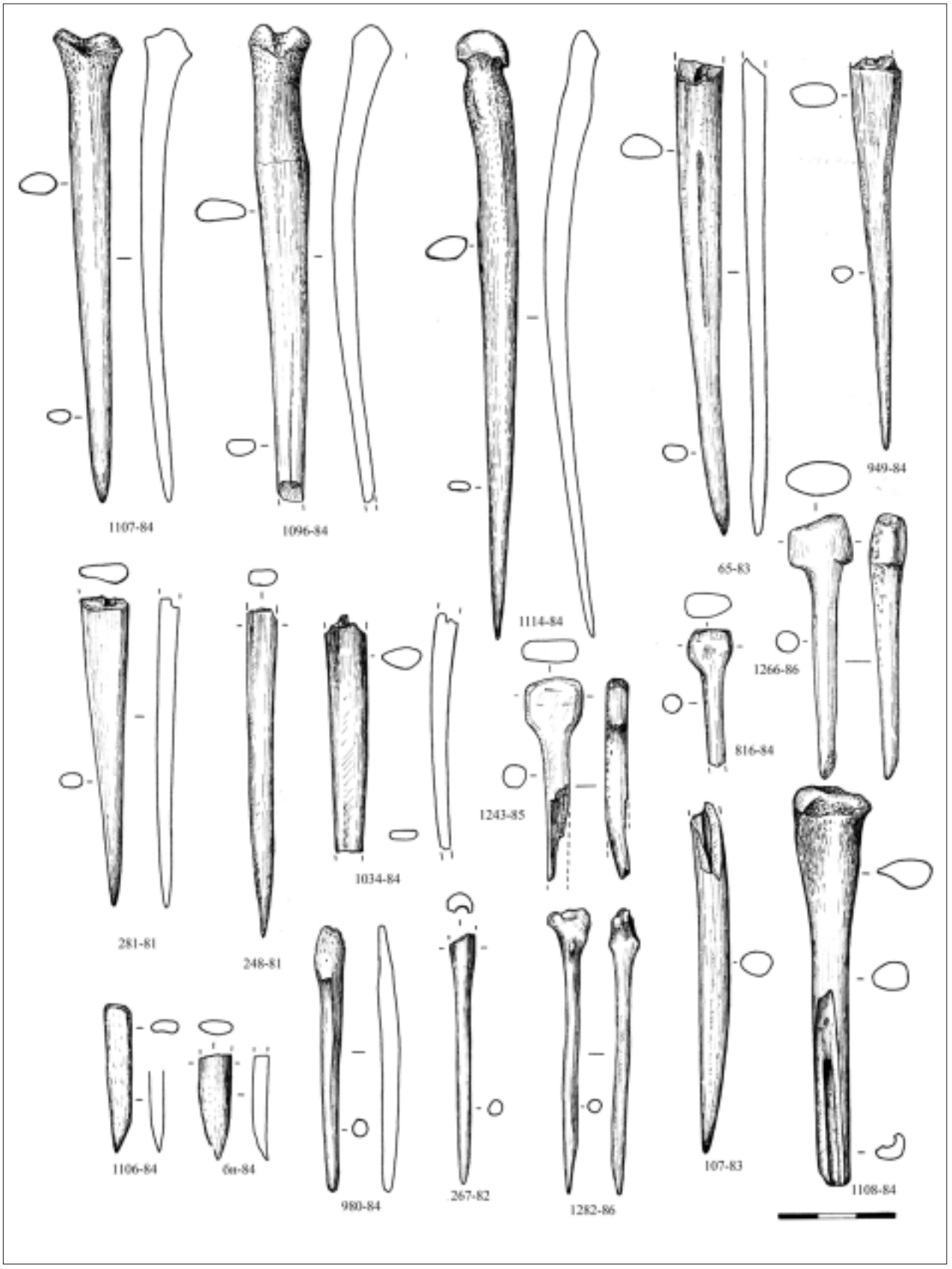


Рис. 82. Костяные проколки, сделанные из добавочных метаподиев лося и других видов костей. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

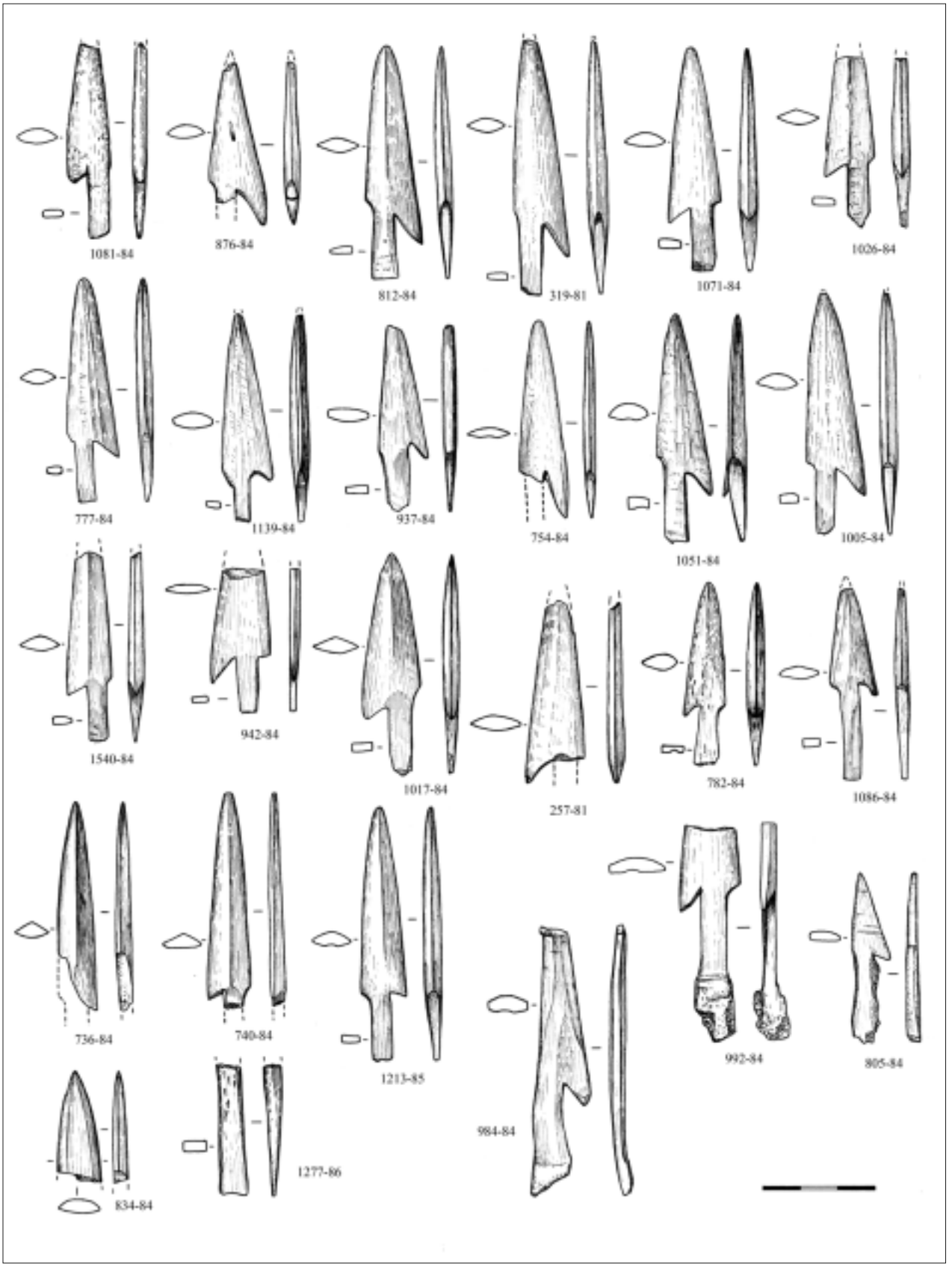


Рис. 83. Однокрылые костяные стрелы со скосом и их заготовки. Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

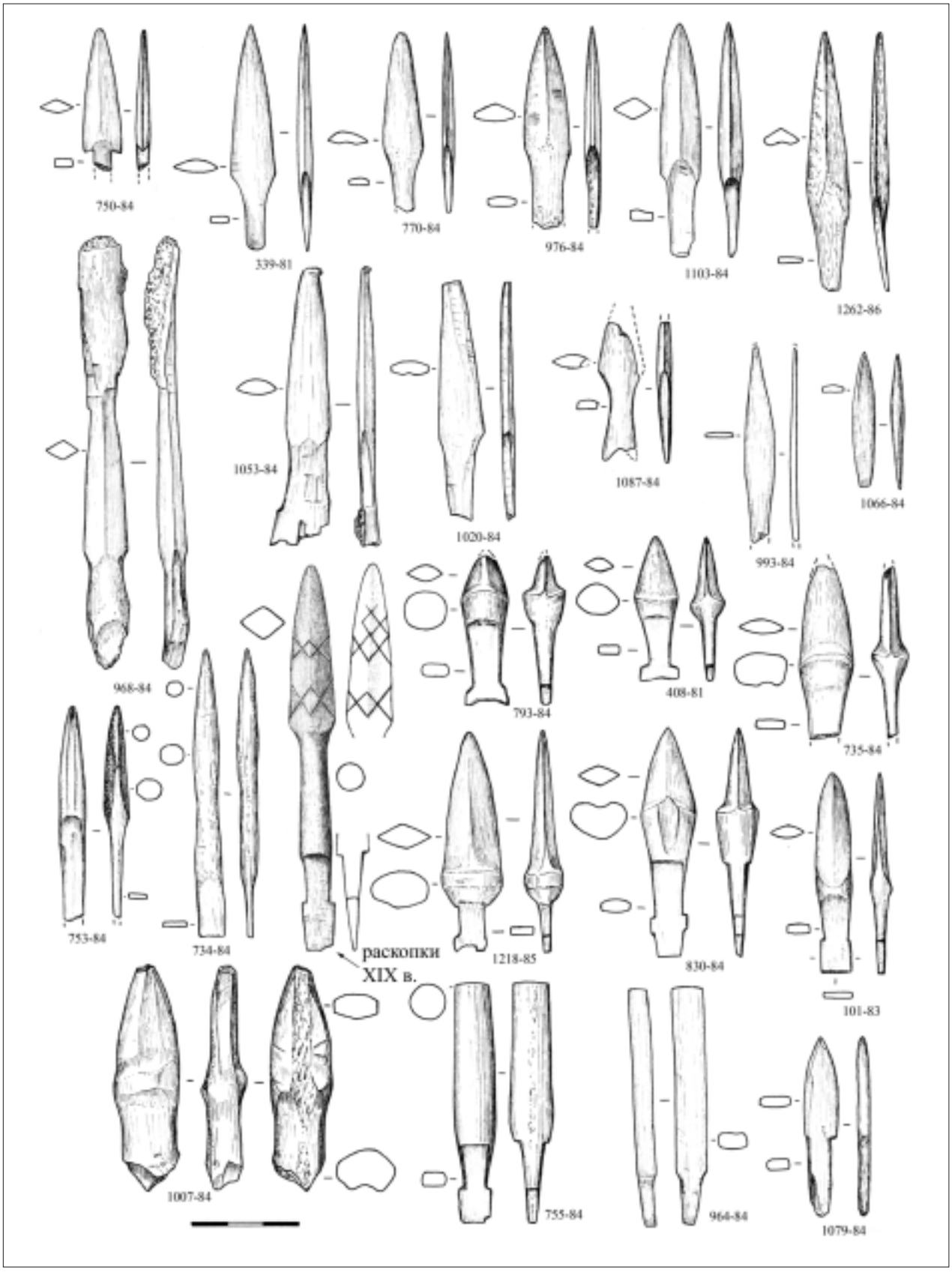


Рис. 84. Костяные стрелы. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

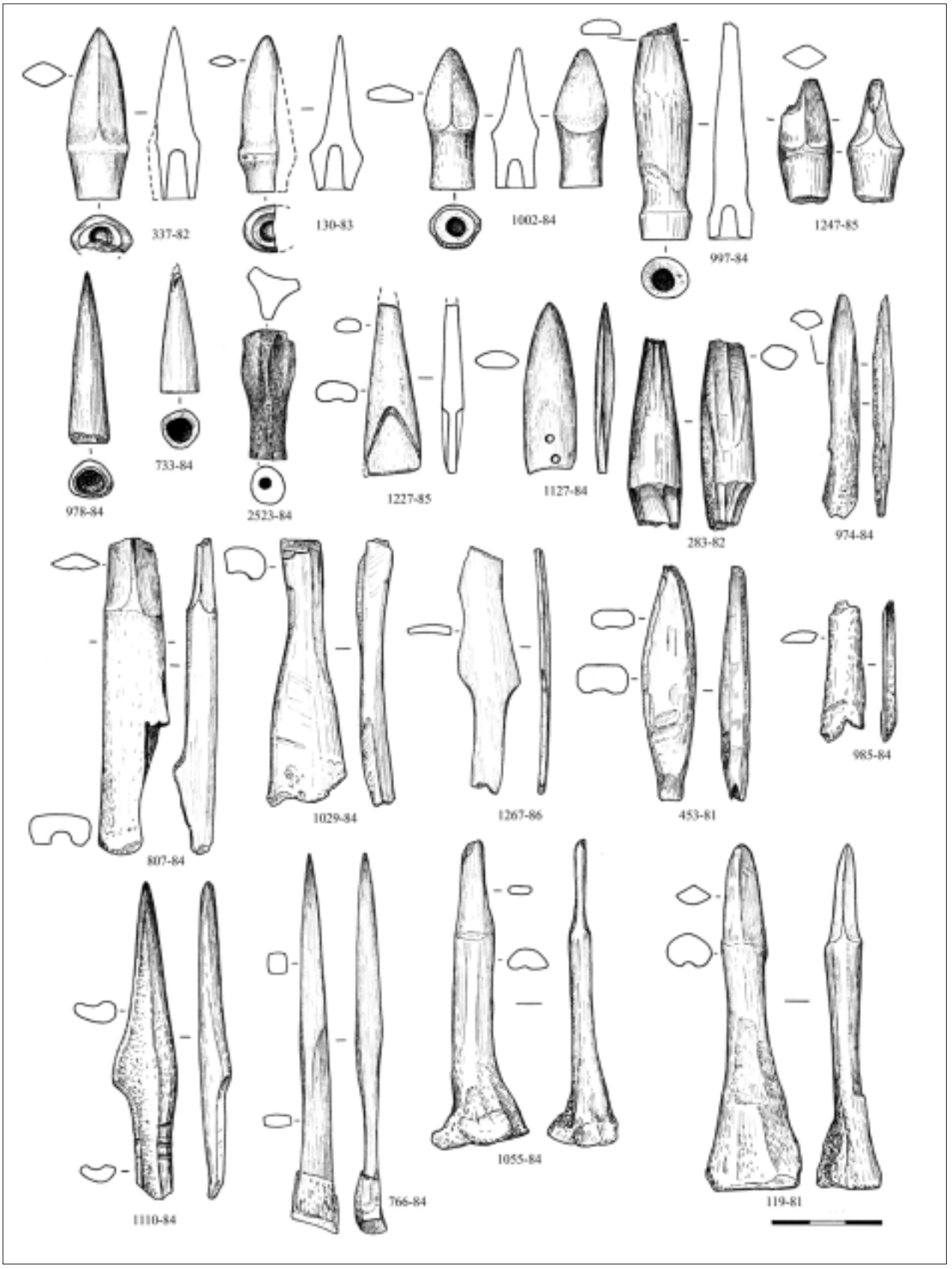


Рис. 85. Костяные стрелы и их заготовки. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

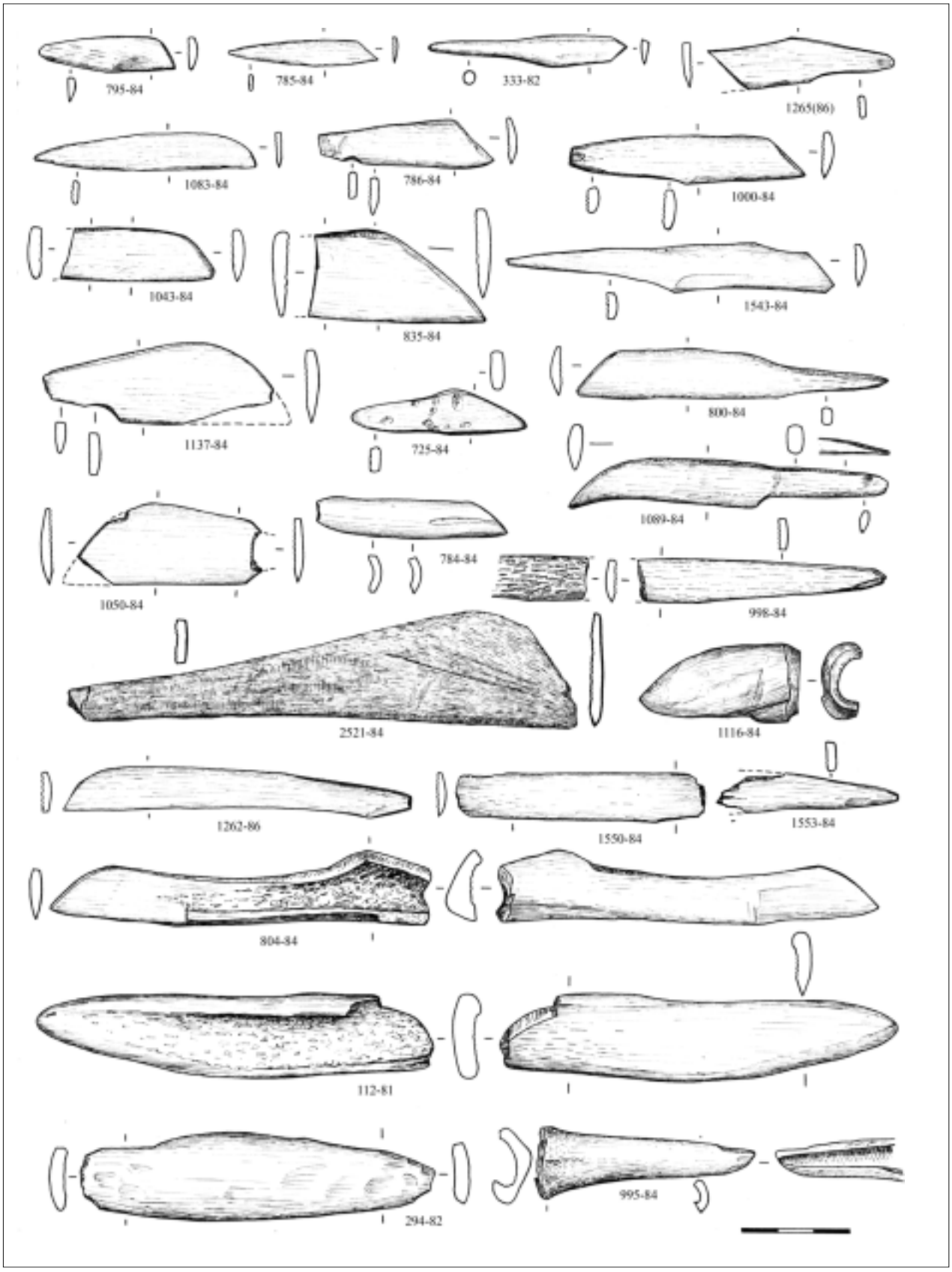


Рис. 86. Костяные ножи и их заготовки. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

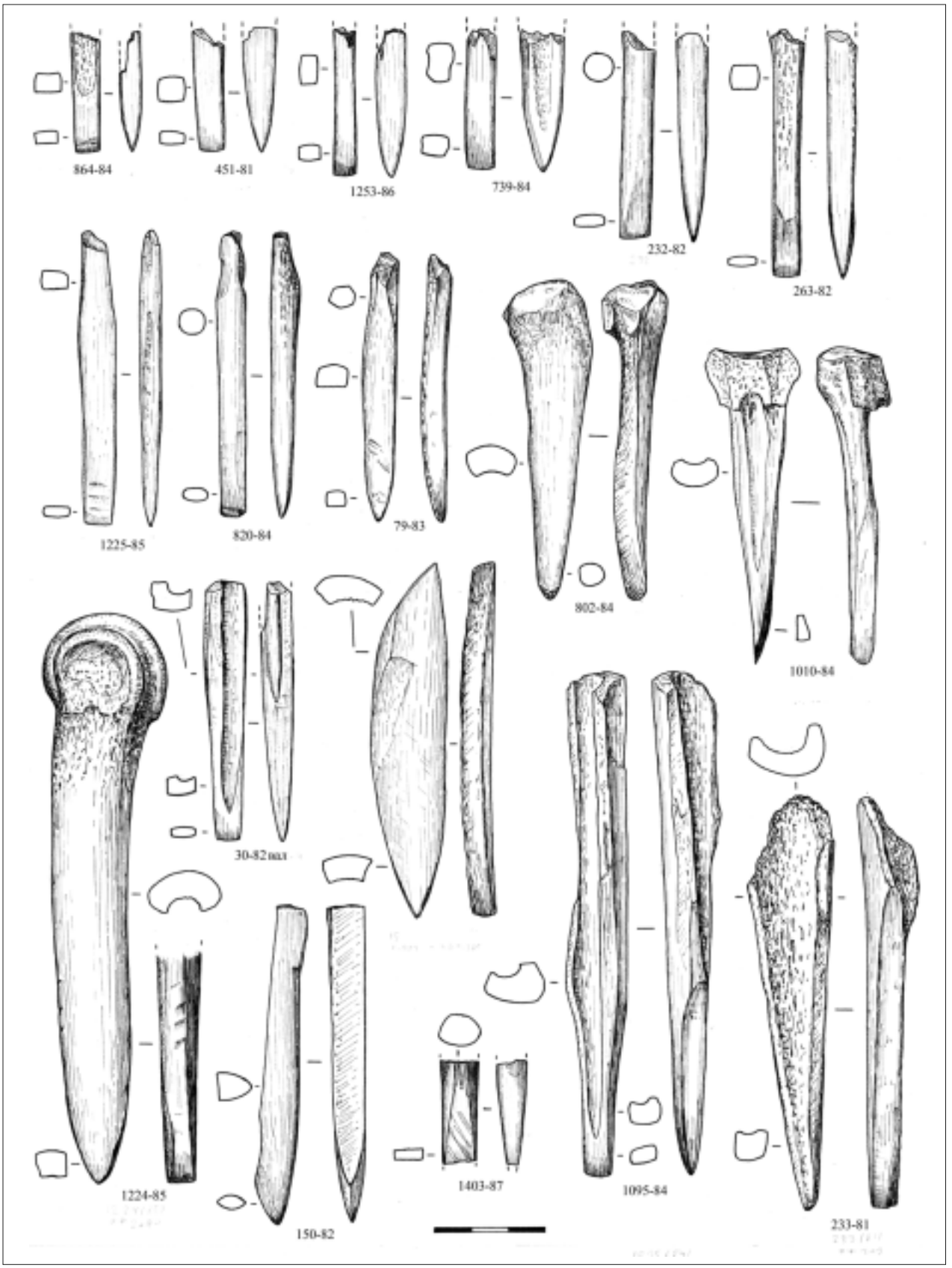


Рис. 87. Костяные долота. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

Рис. 88. Костяные скобели из ребер. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

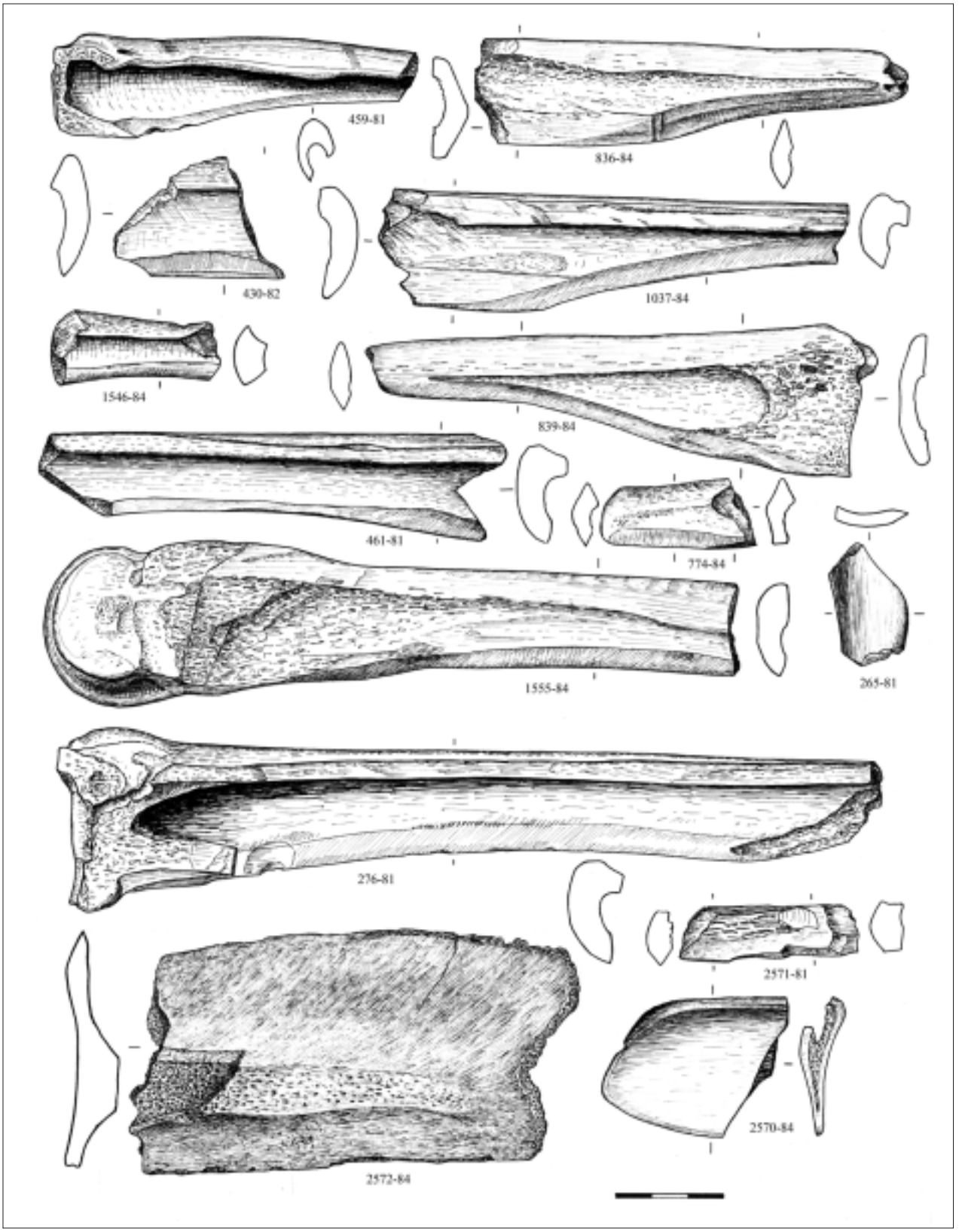


Рис. 89. Костяные скобели из метаподиев и лопаток (№2572/84). Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

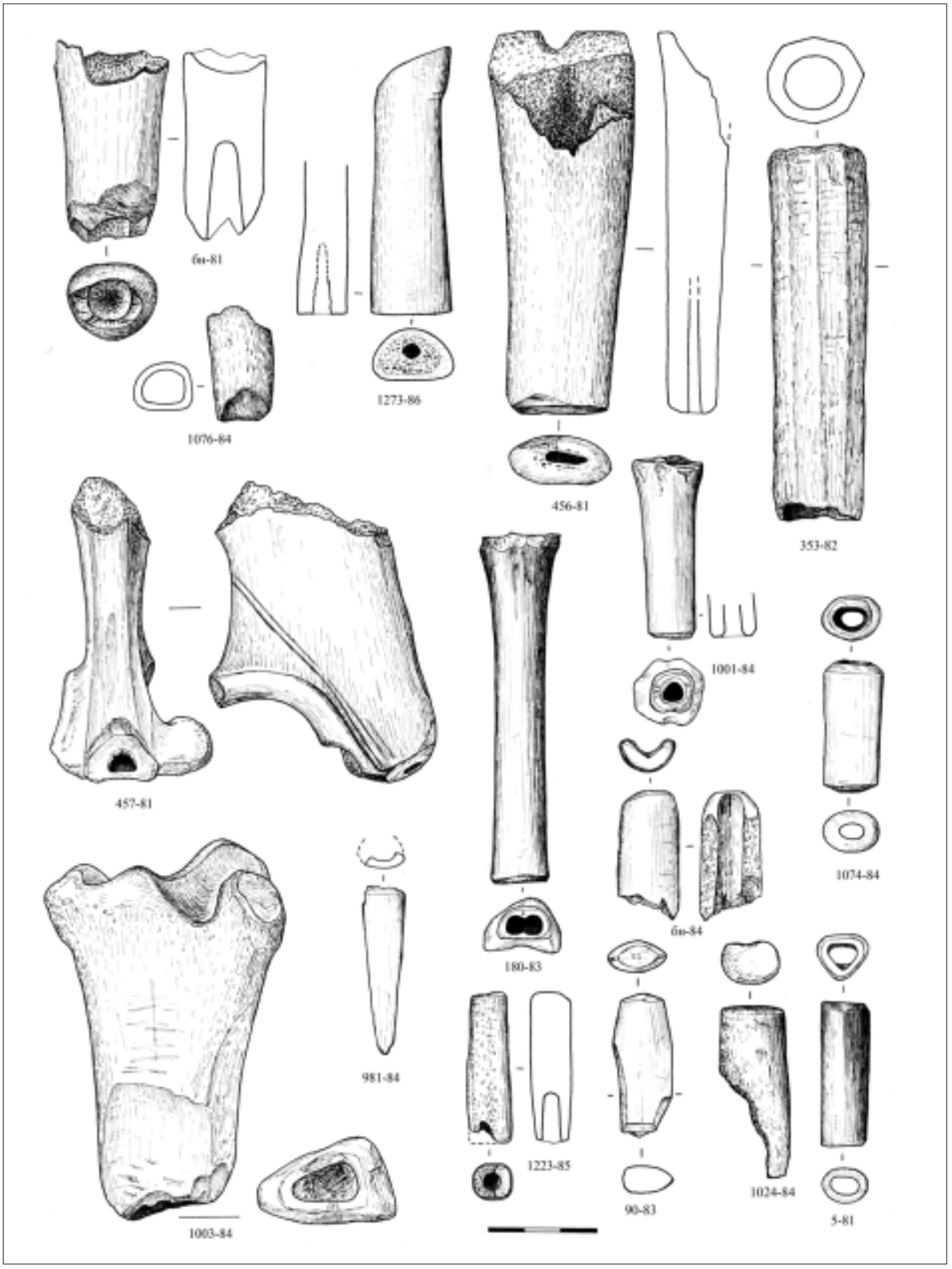


Рис. 90. Костяные рукояти и их заготовки. Дьяково городище

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

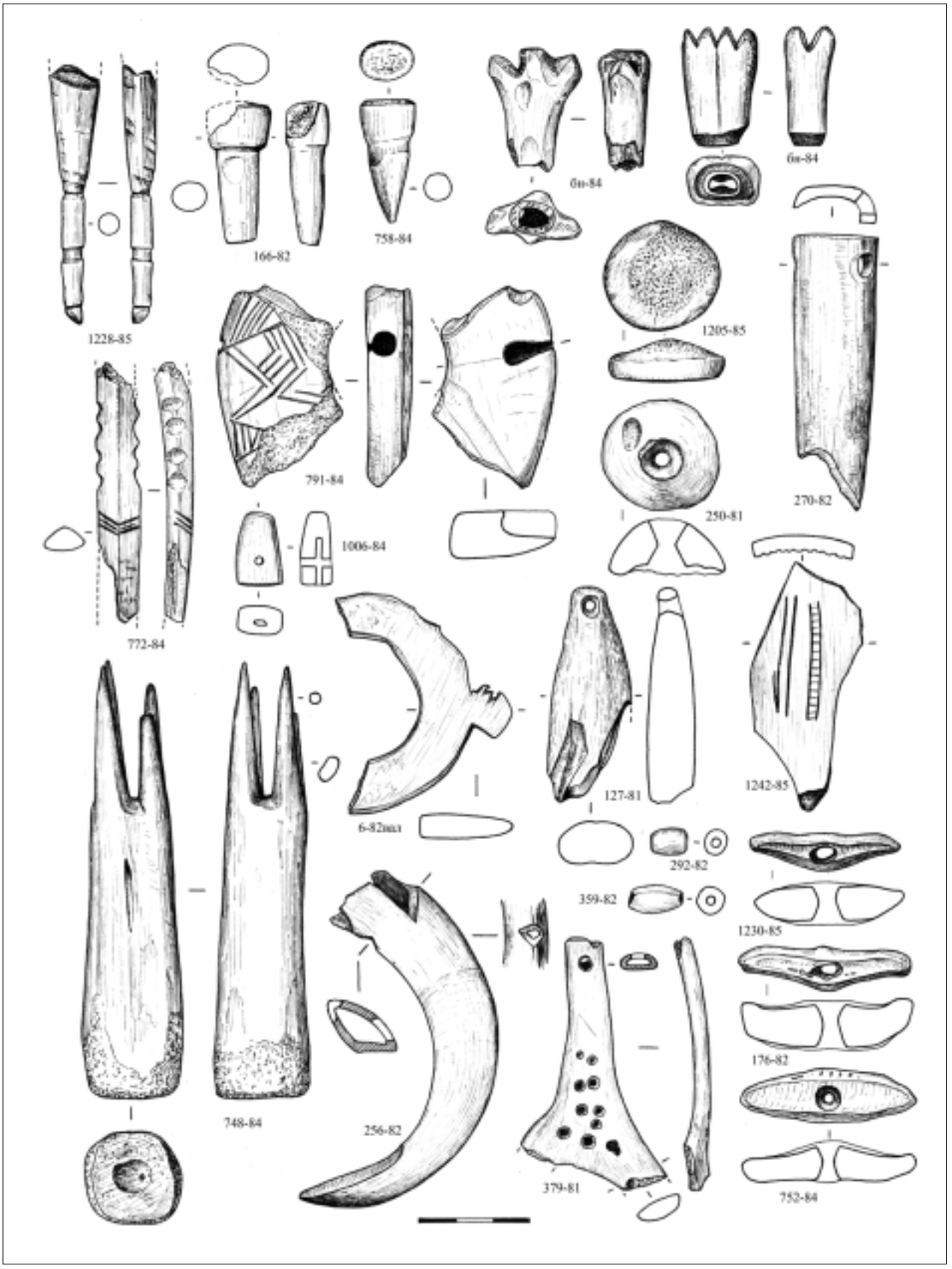


Рис. 91. Костяные предметы. Дьяково городище

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

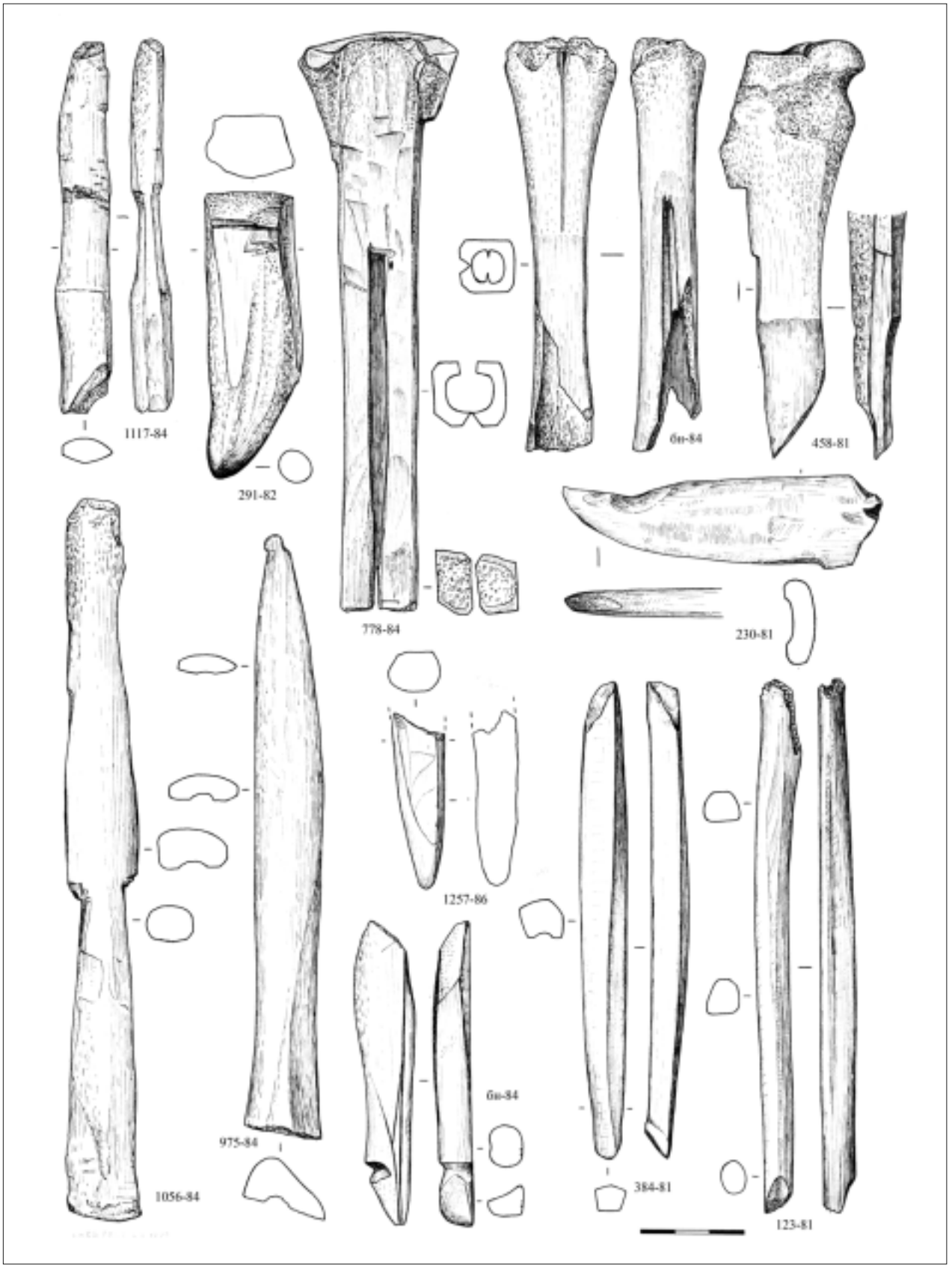


Рис. 92. Костяные заготовки. Дьяково городище

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

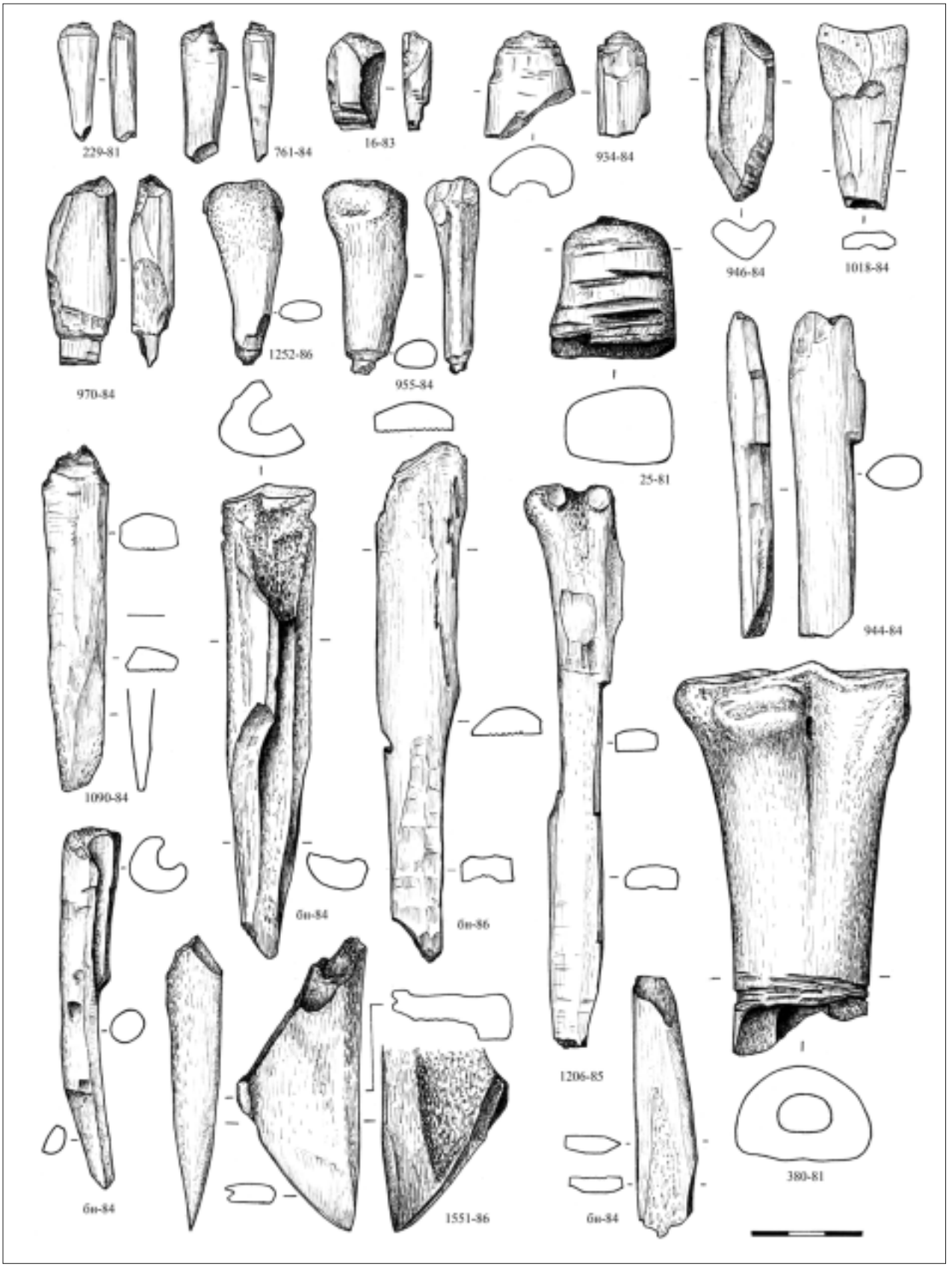


Рис. 93. Отходы косторезного производства. Дьяково городище

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

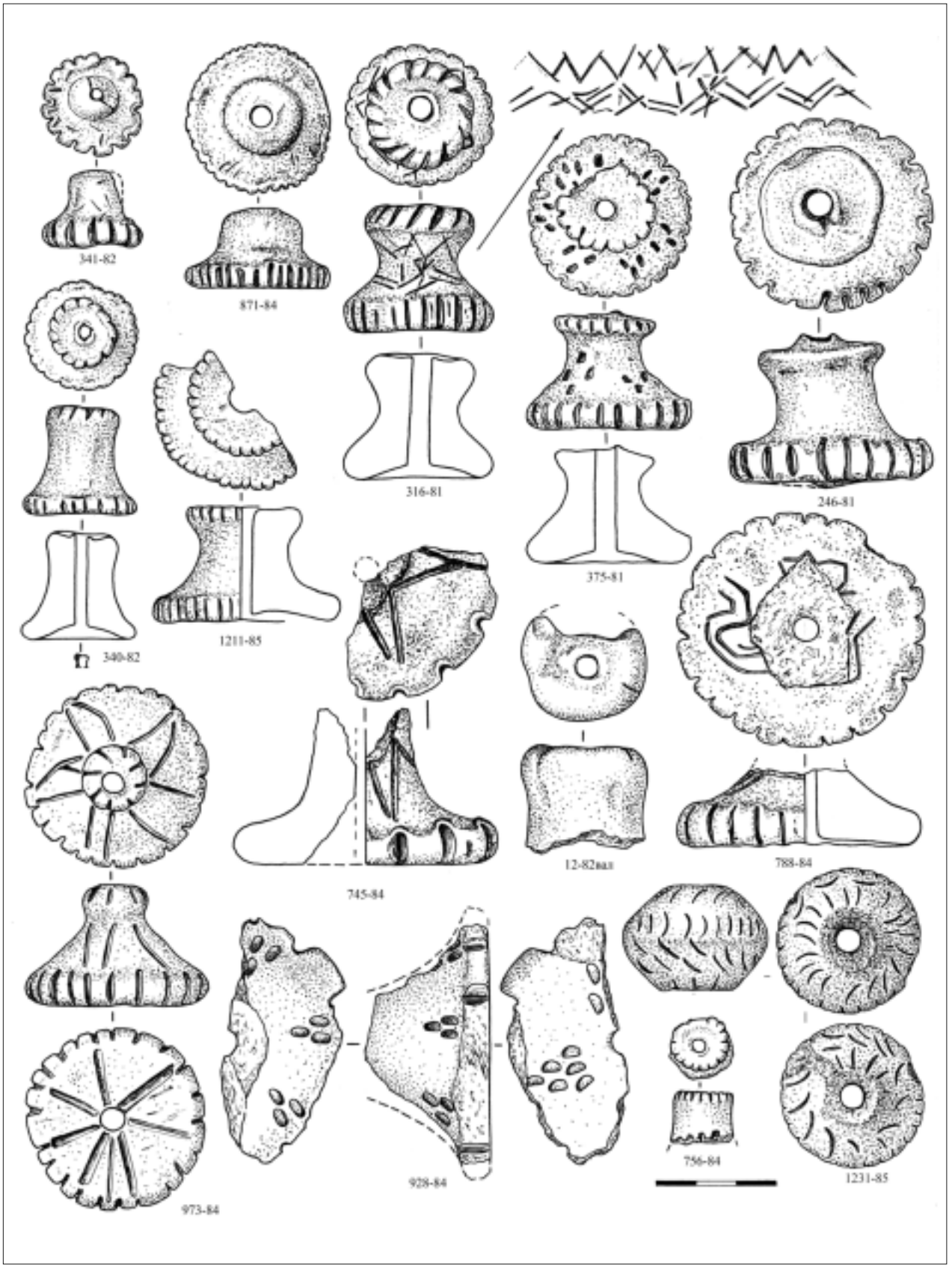


Рис. 94. Глиняные грузики дьякова типа и биконическое пряслице. Дьяково городище. Нижний слой

1231/85 – биконическое пряслице

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

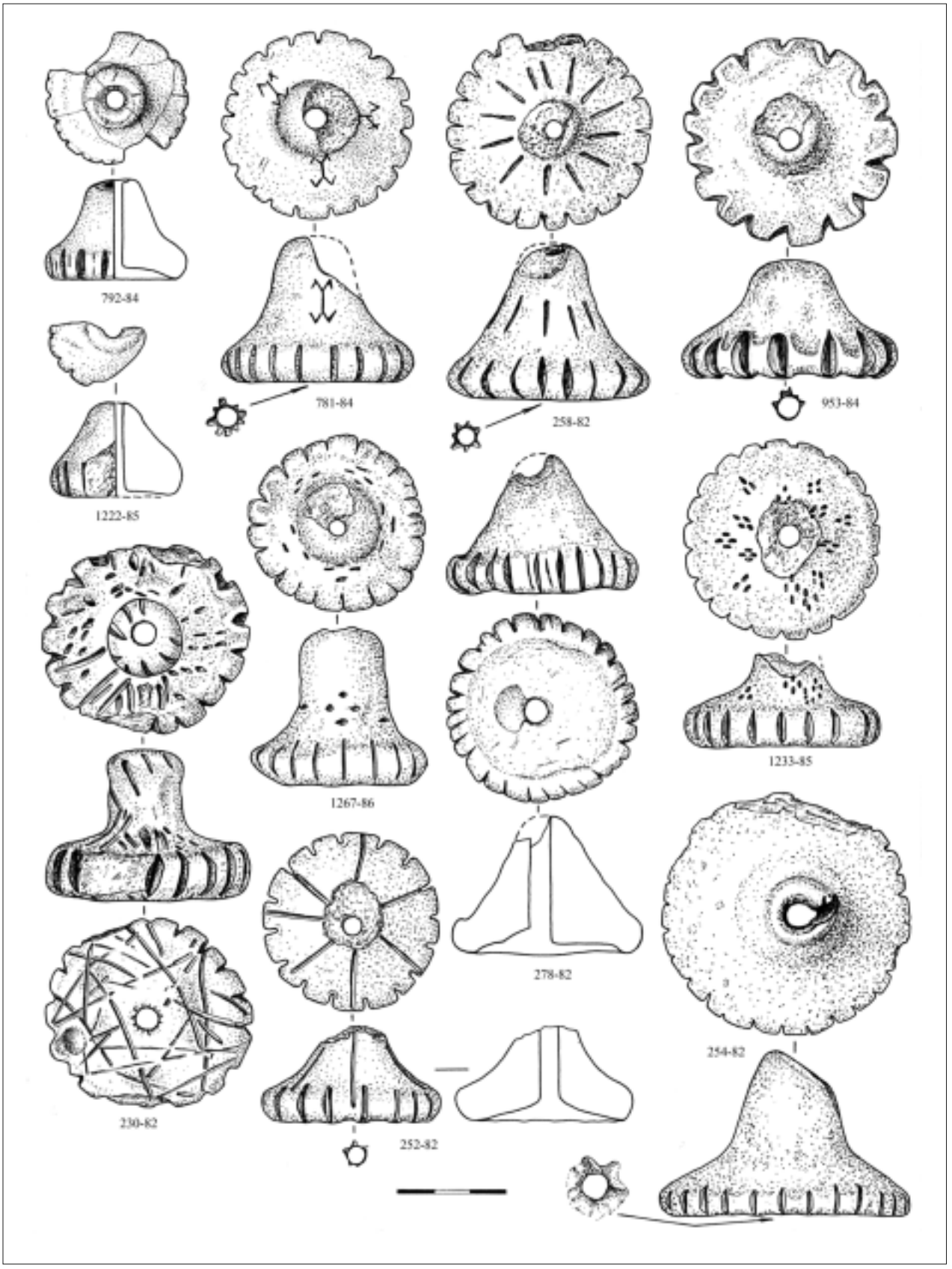


Рис. 95. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

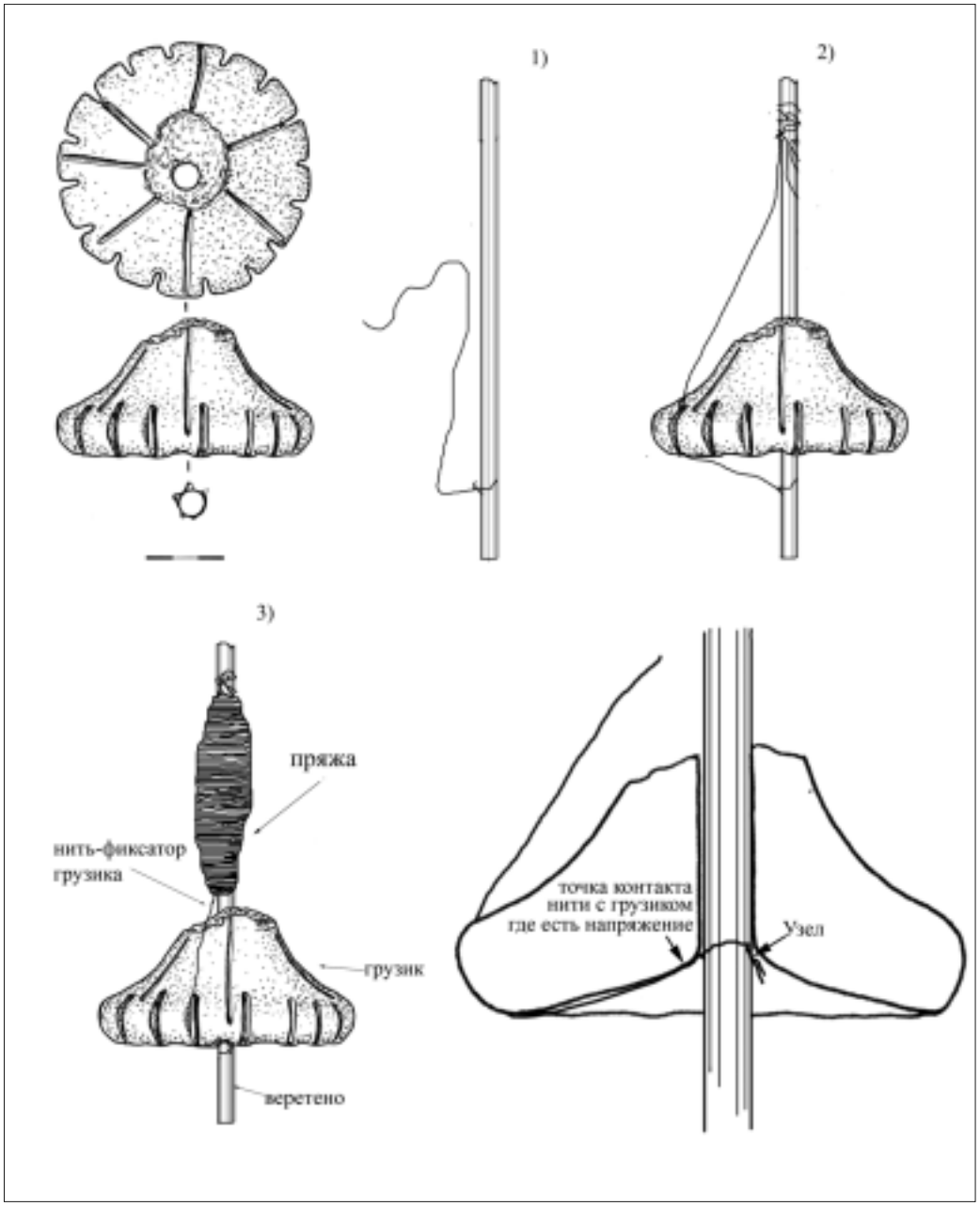


Рис. 96. Реконструкция способа крепления грузика дьякова типа на веретене

Стадии работы: *1* – нить-фиксатор привязывается к нижней части веретена; *2* – надевается грузик и нить-фиксатор привязывается в верхней части веретена; *3* – на веретено намотана пряжа, глиняный грузик осажен вниз, нить-фиксатор натянута

Рис. 97. Глиняные фигурки, модели рогатых кирпичей, бусы и погремушки. Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

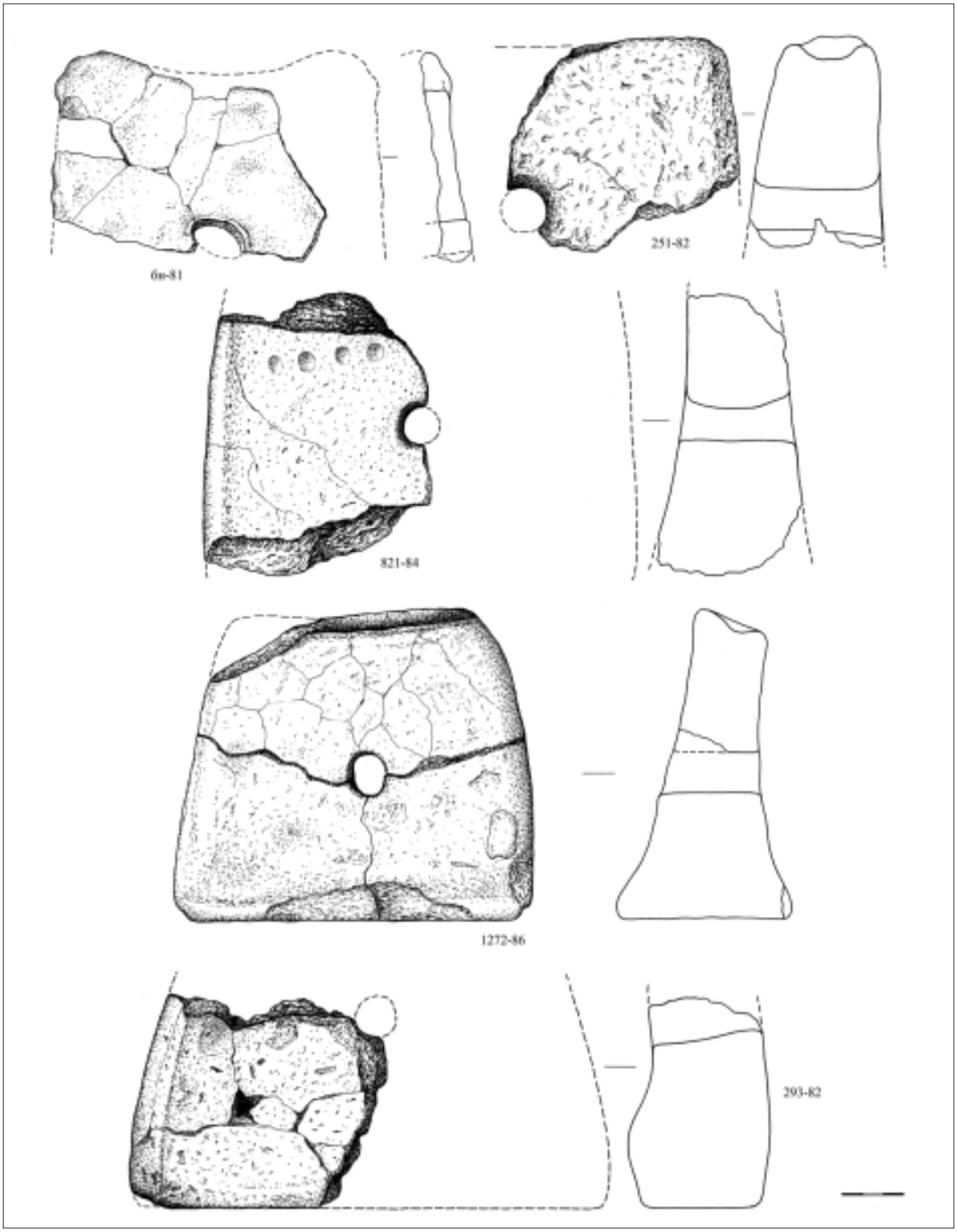


Рис. 98. Рогатые кирпичи (очажные подставки?). Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

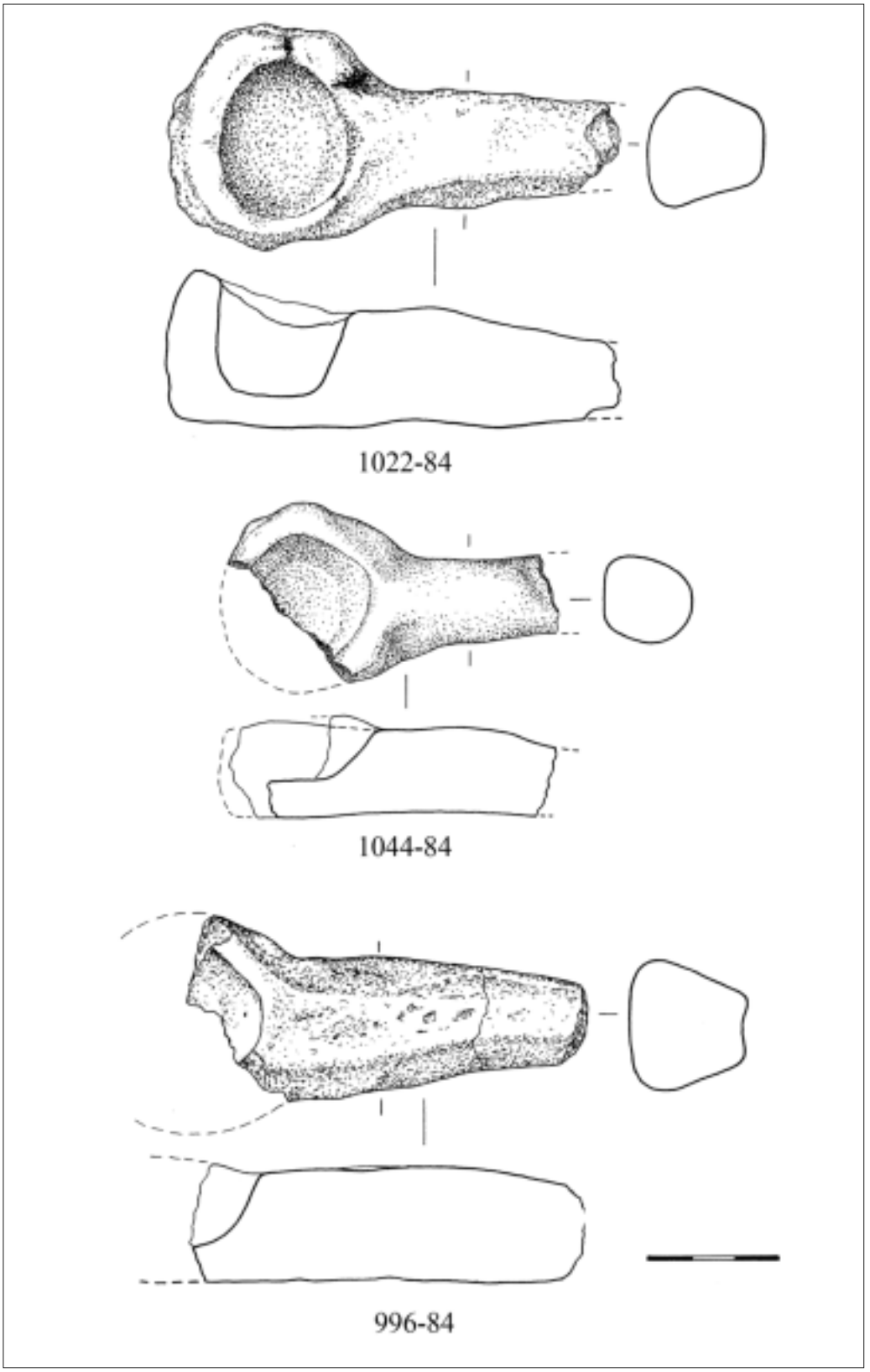


Рис. 99. Глиняные льячки. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

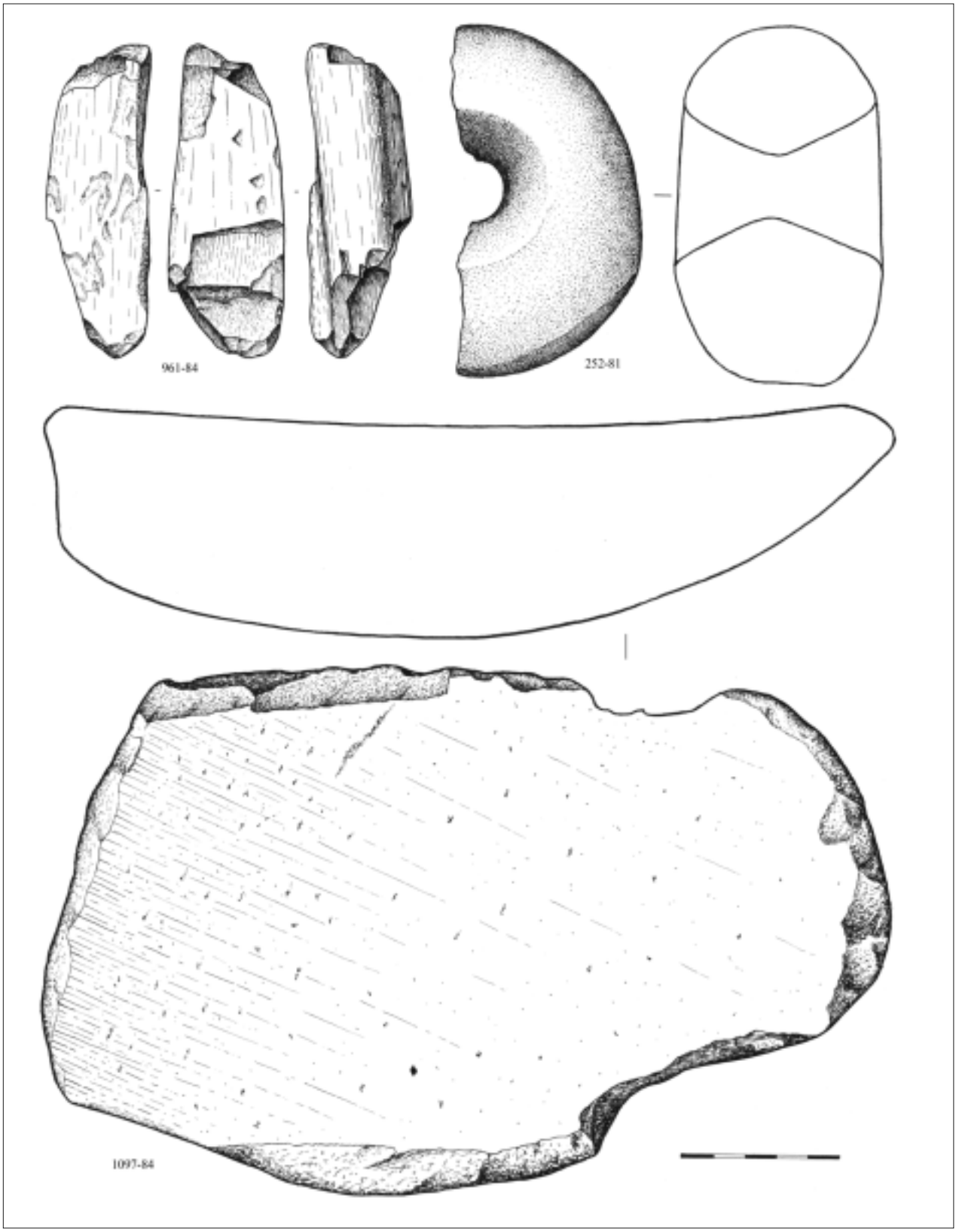


Рис. 100. Заполированный камень, предмет со сверлиной и плита для растирания.
Дьяково городище. Нижний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

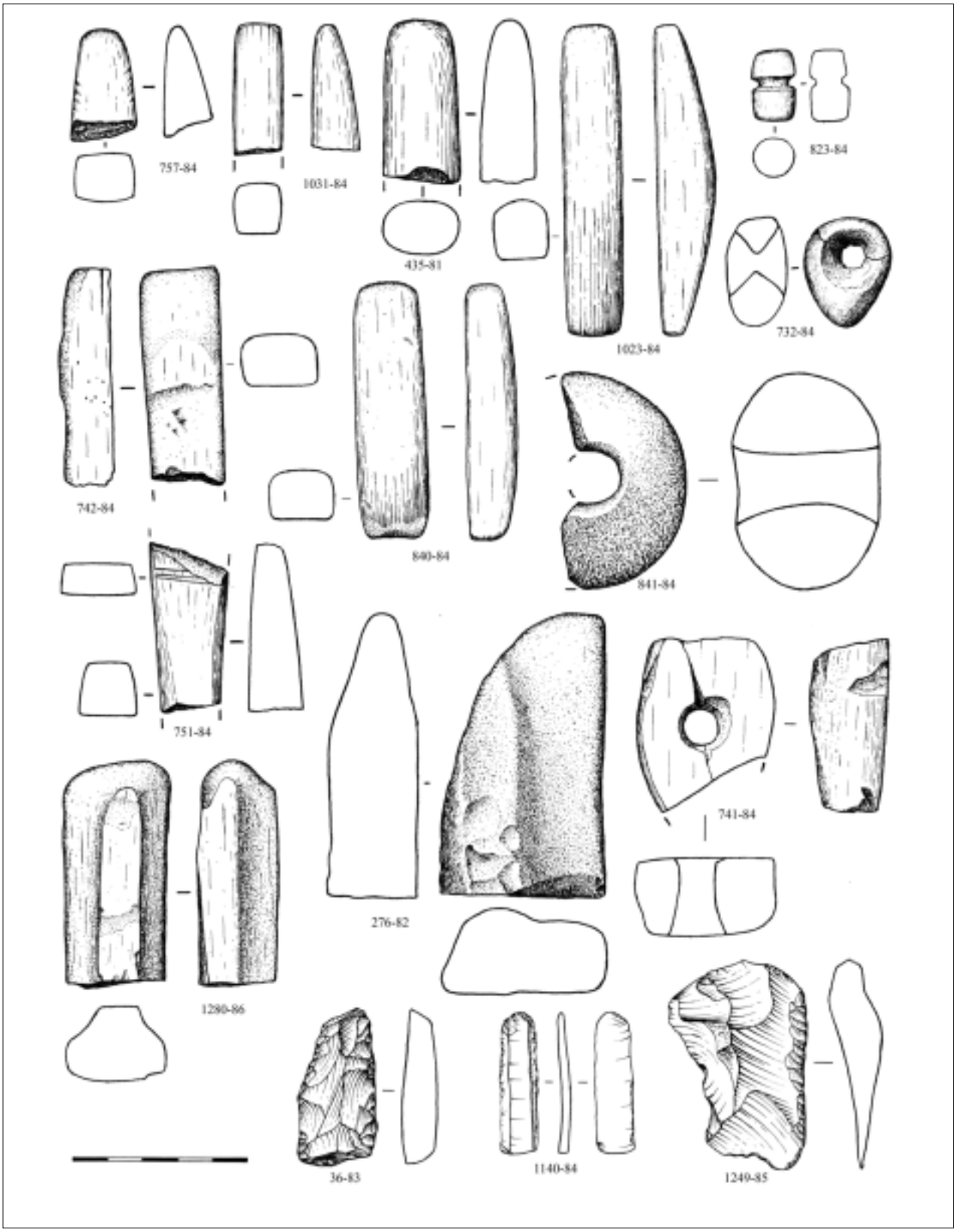


Рис. 101. Каменные «утюжки», предметы со сверлиной, пуговица, кремневые орудия с ретушью. Дьяково городище. Нижний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

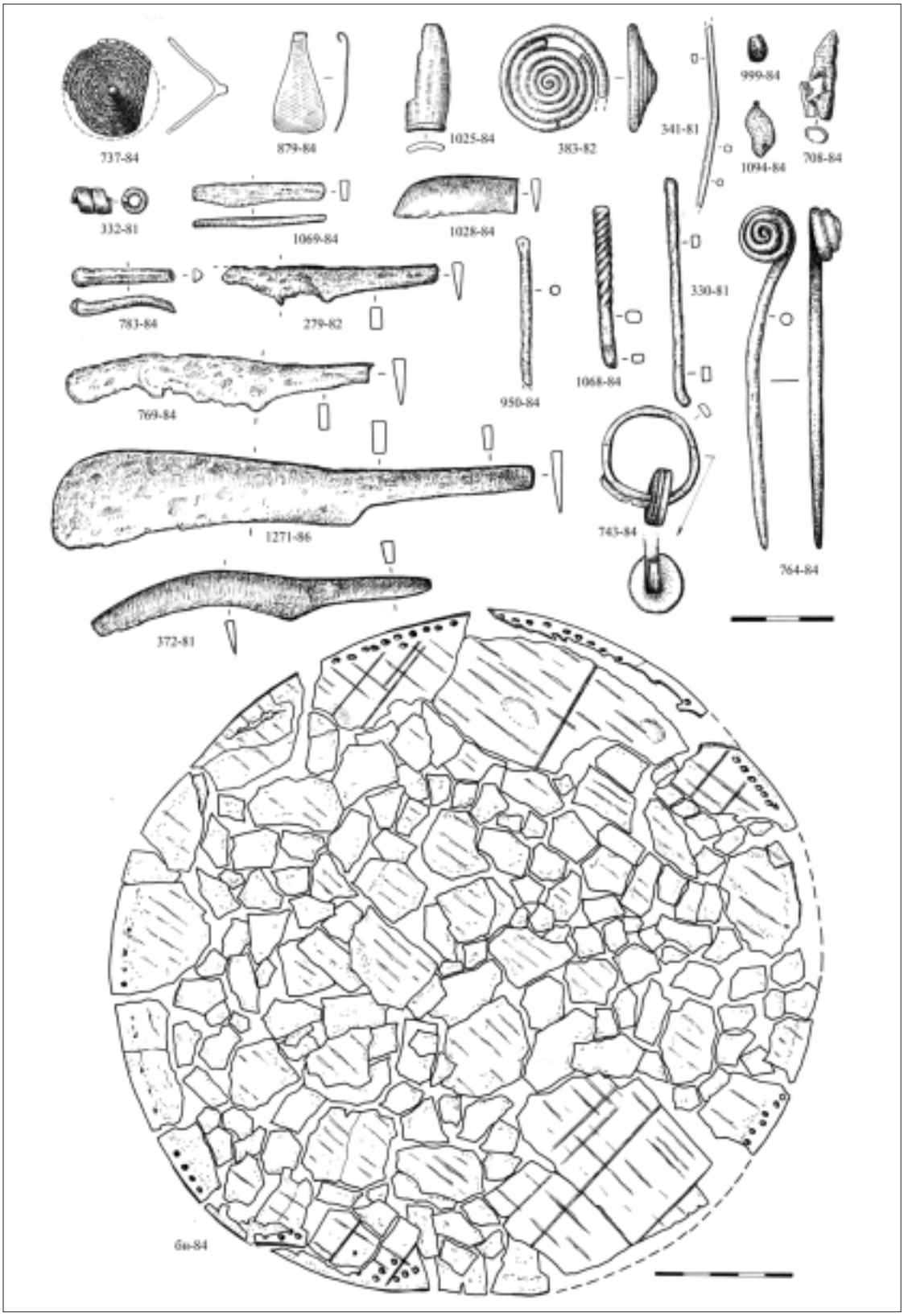


Рис. 102. Бронзовые и железные предметы, дно берестяного туеса.
Дьяково городище. Нижний слой

№ 332, 341, 383, 708, 737, 879, 999, 1025, 1094 – бронза; № 279, 330, 372, 743, 764, 783, 950, 1028, 1068, 1069, 1271 – железо
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

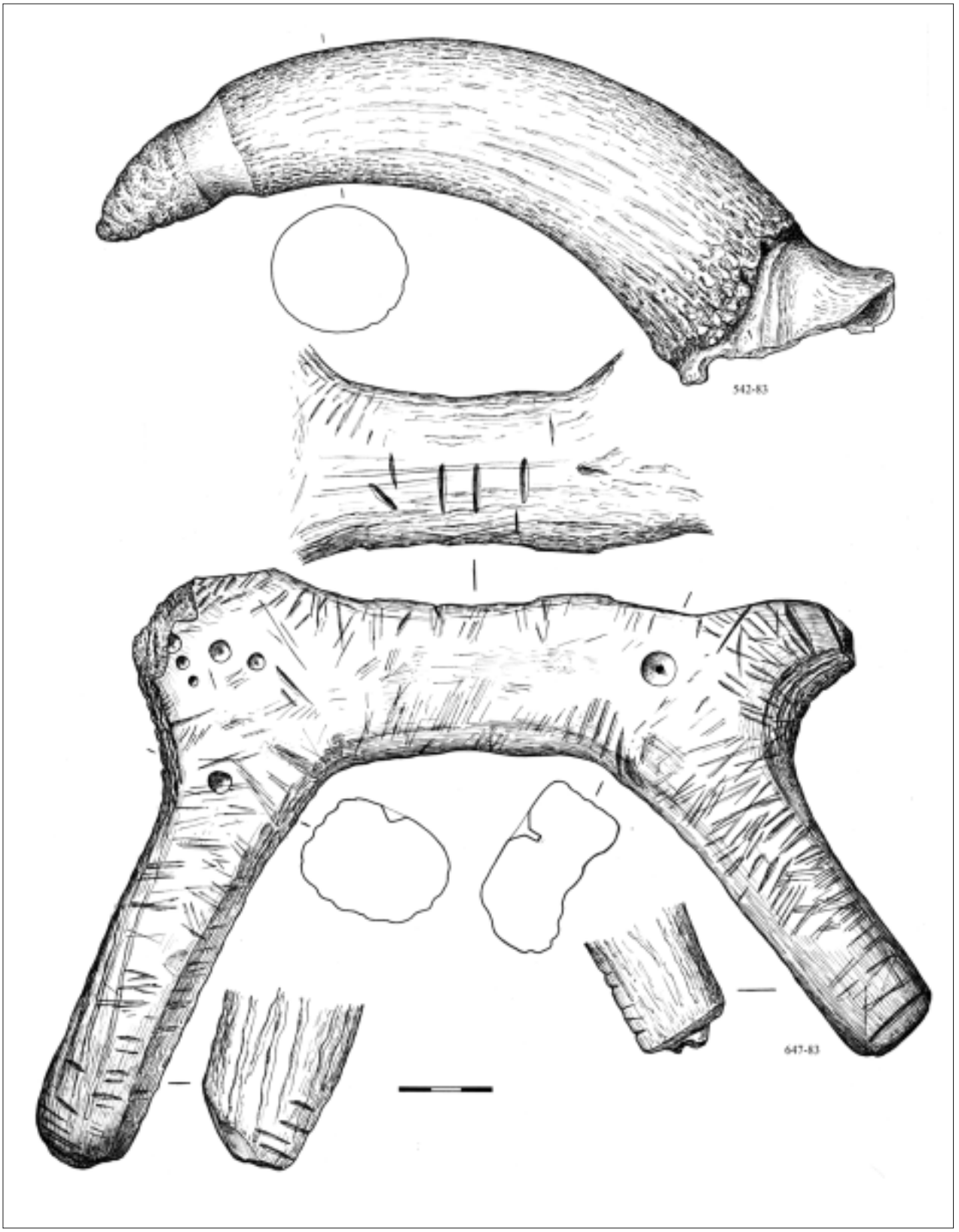


Рис. 103. Рог с обработанным концом и подставка для работы из рога лося (верстак).
Дьяково городище. Верхний слой

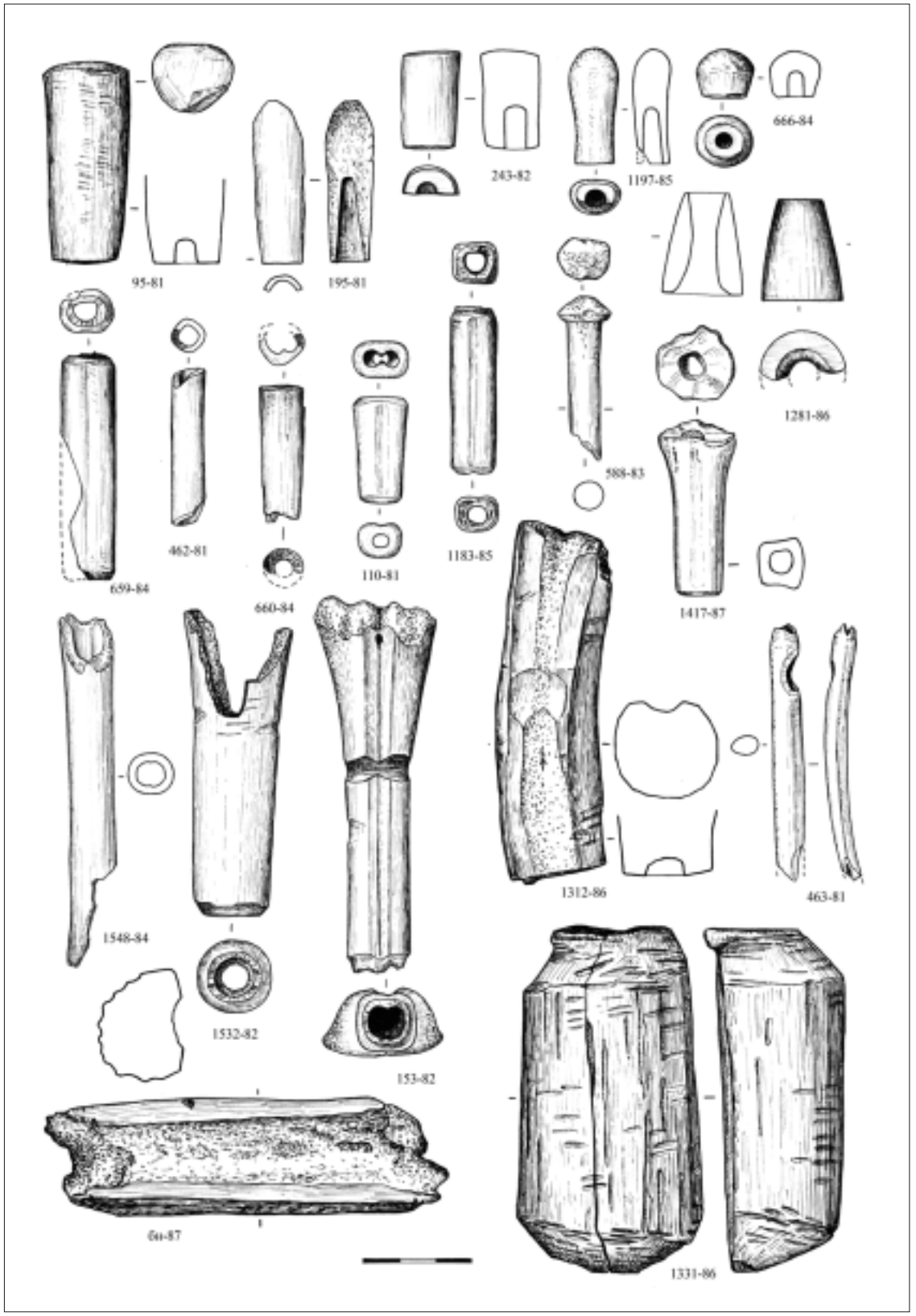


Рис. 104. Костяные рукояти и заготовки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

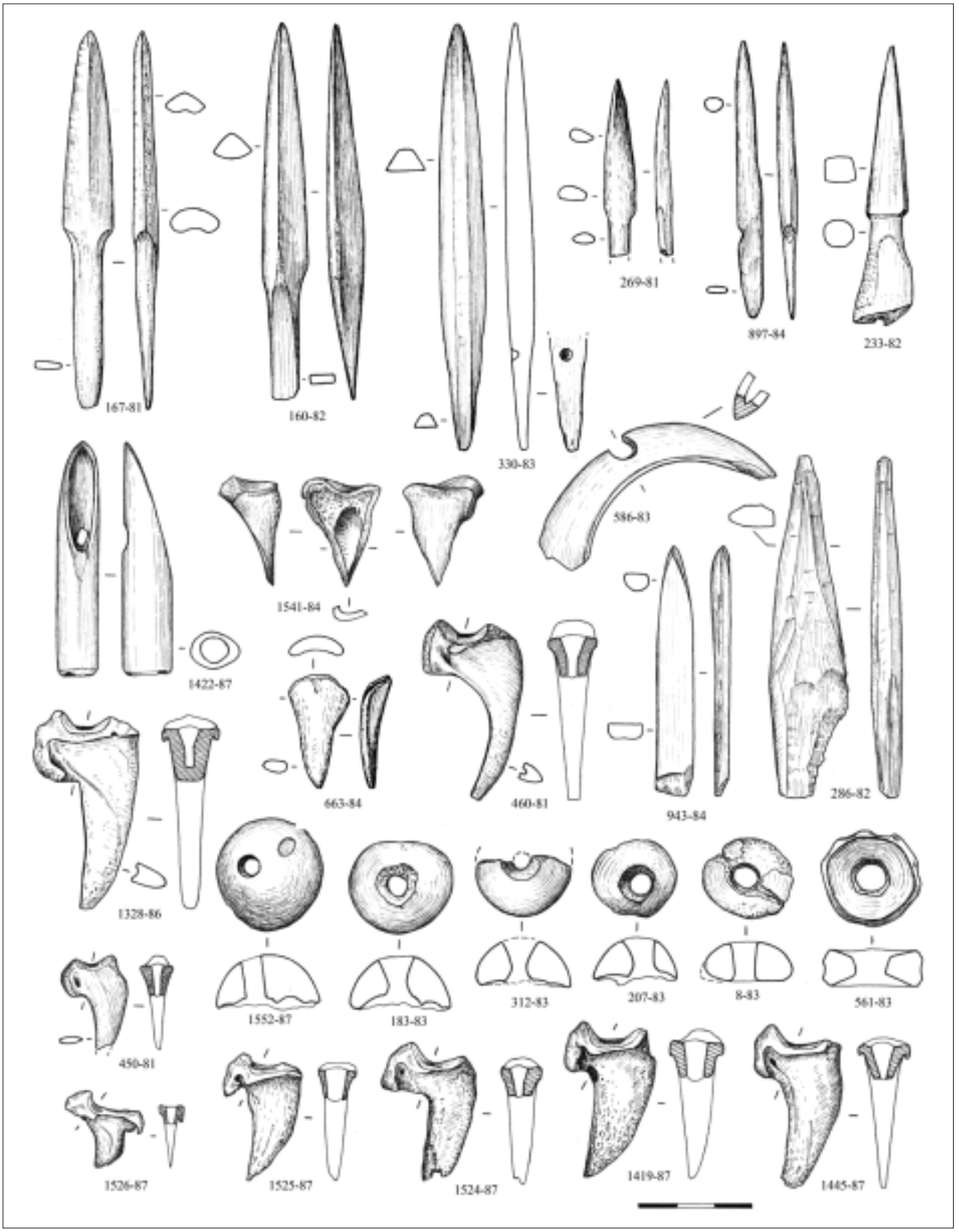


Рис. 105. Костяные стрелы, заготовки, просверленные суставные головки, подвески из когтей медведя. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

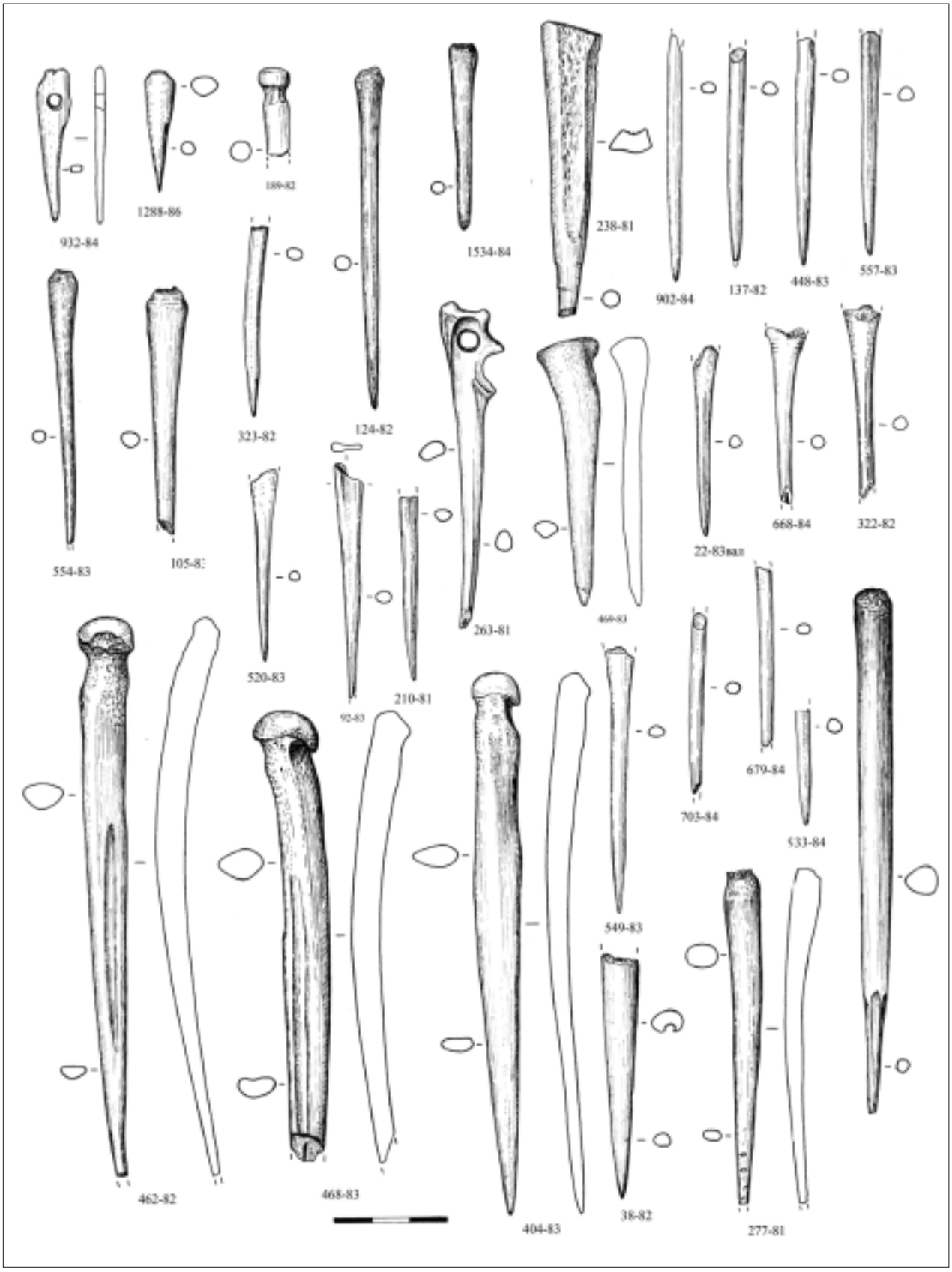


Рис. 106. Костяные проколки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

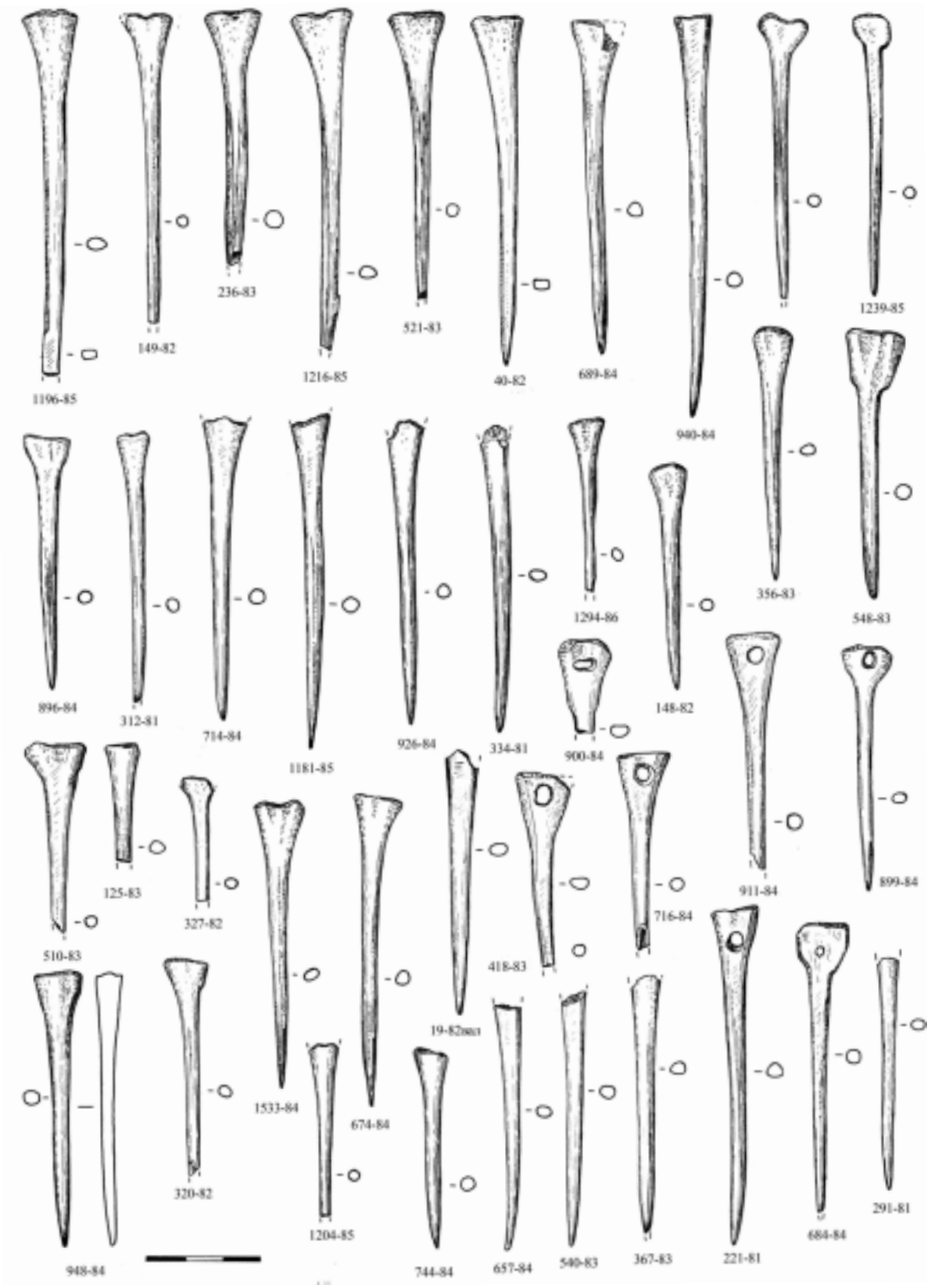


Рис. 107. Костяные проколки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

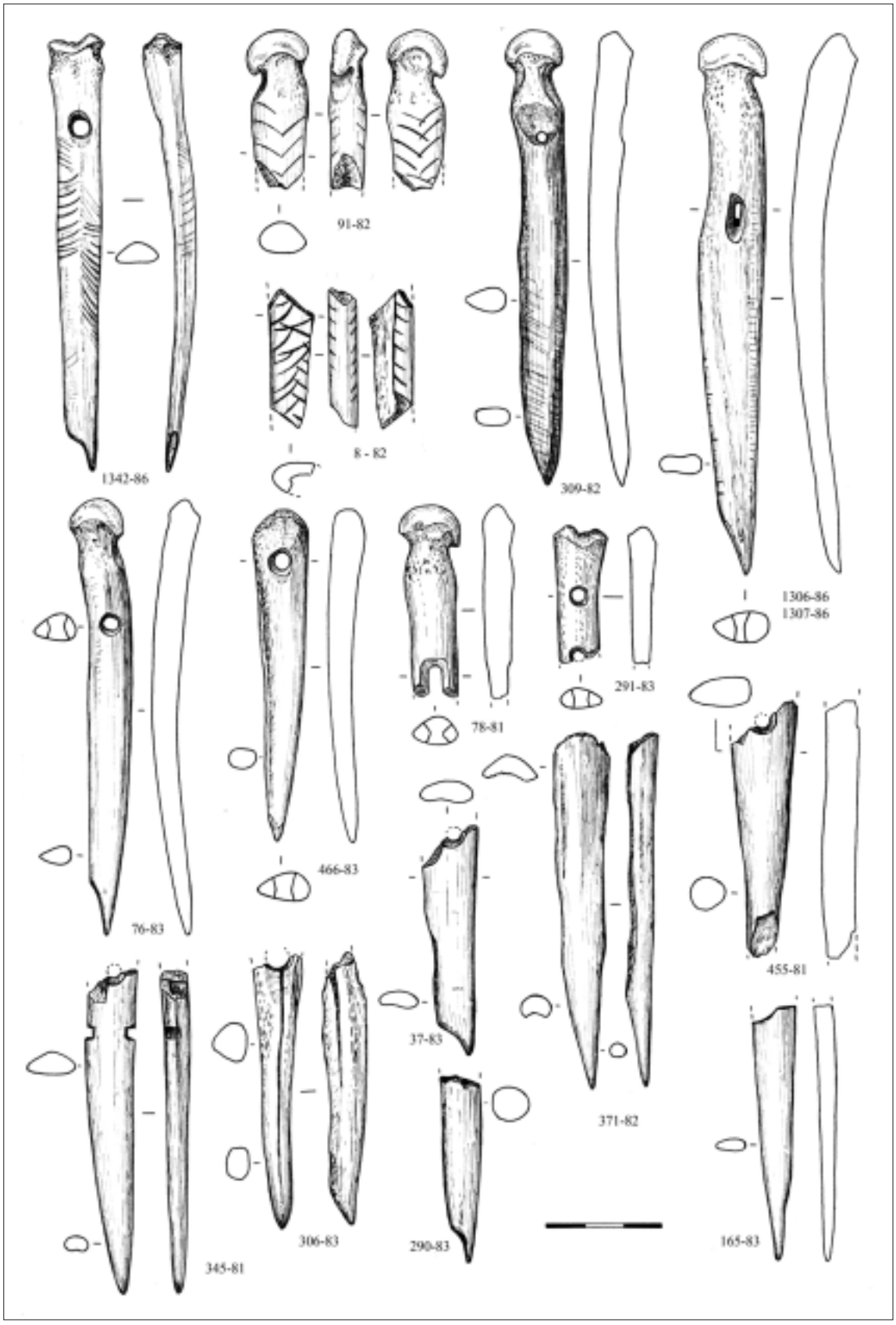


Рис. 108. Кочедыки (свайки) из добавочного метаподия лося.
Дьяково городище. Верхний слой и перекопы
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

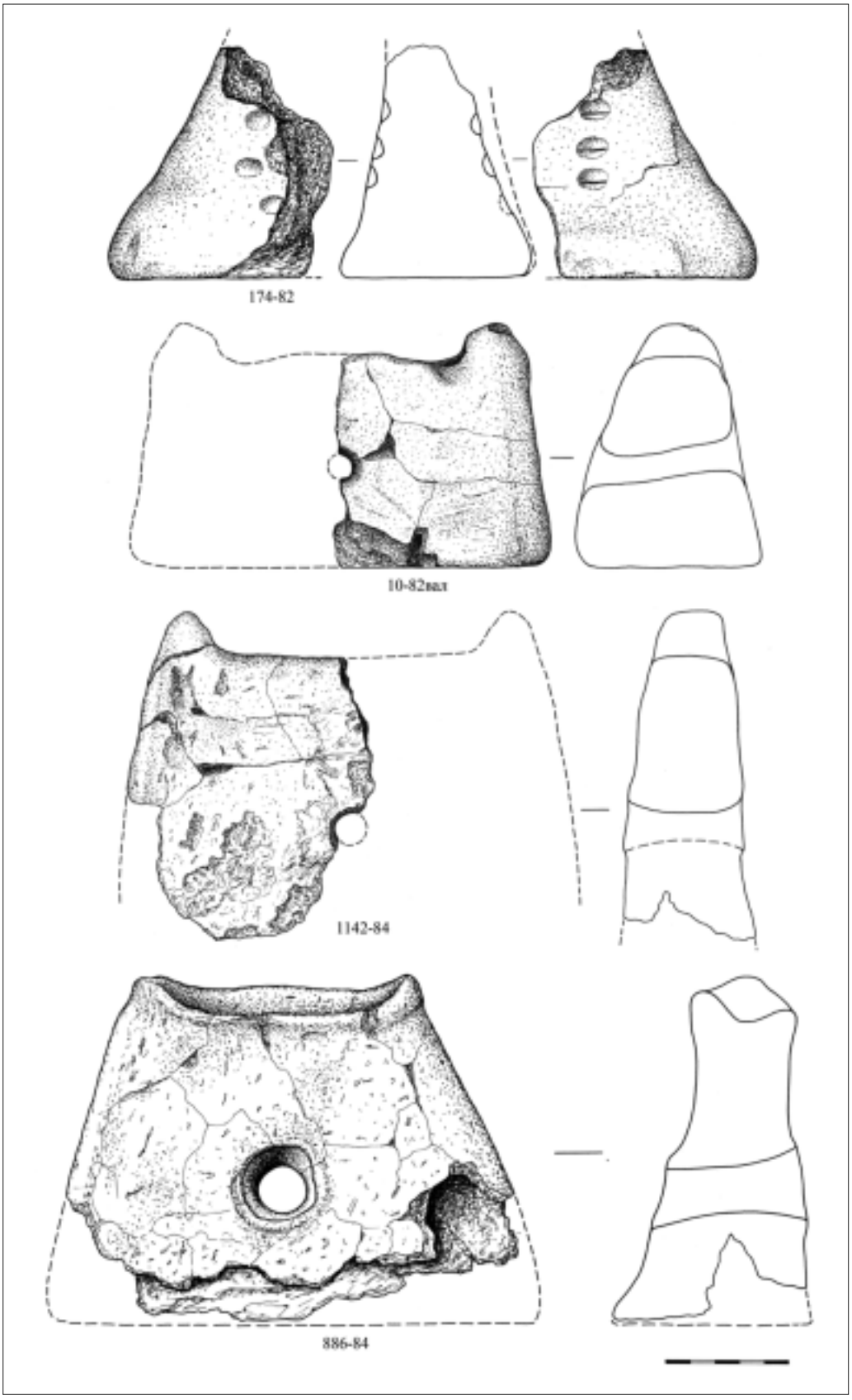


Рис. 109. Рогатые кирпичи. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

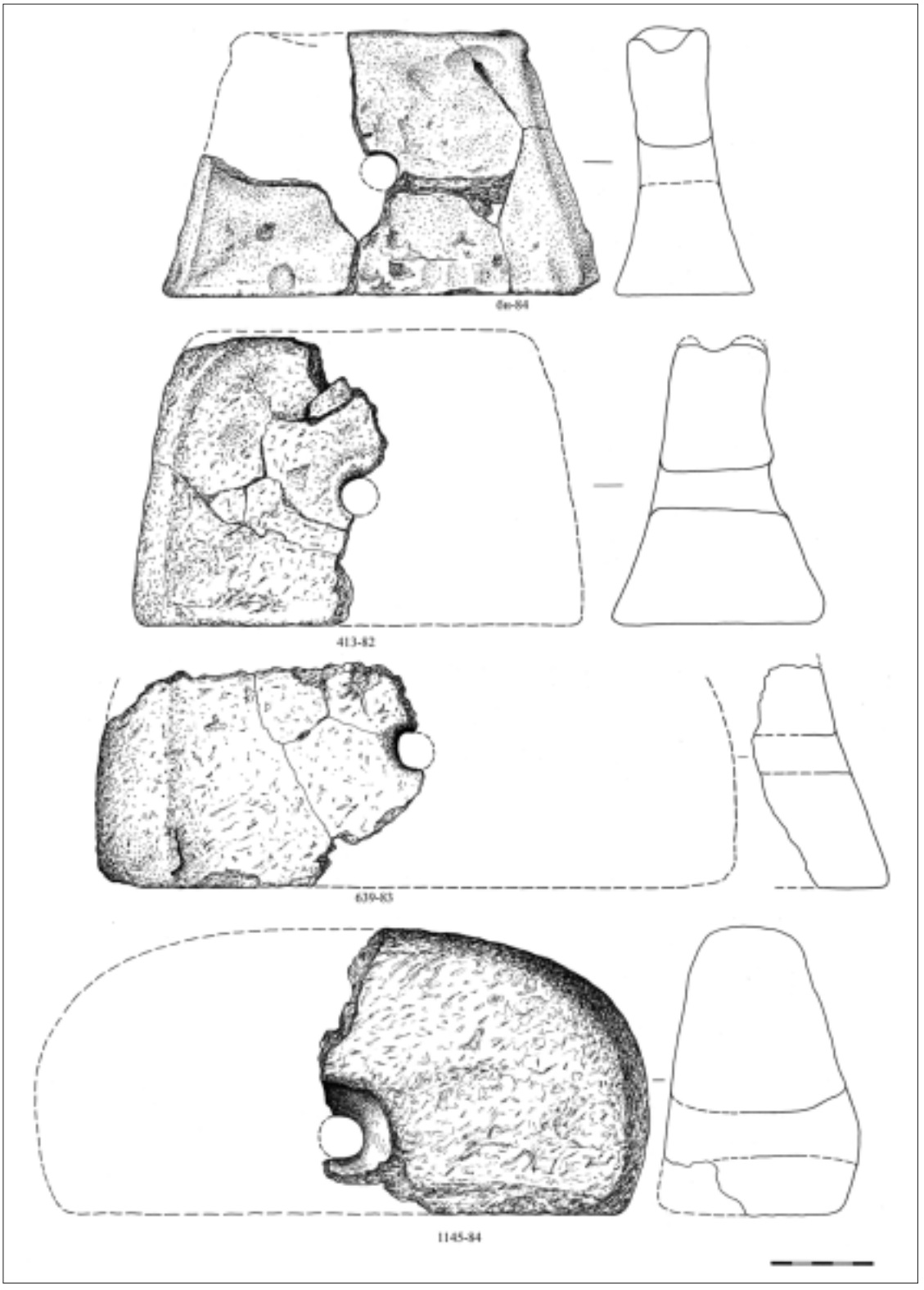


Рис. 110. Рогатые кирпичи. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

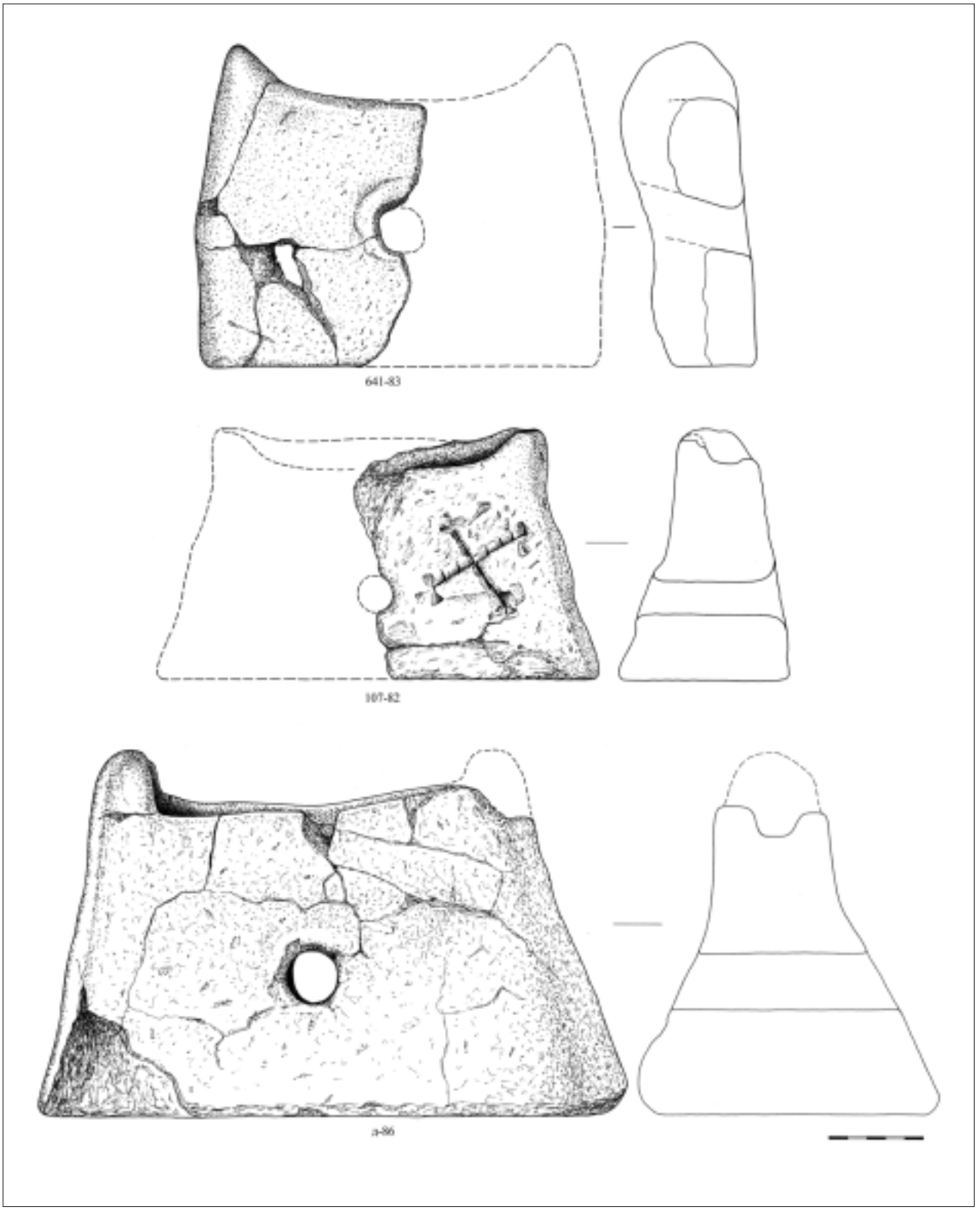


Рис. 111. Рогатые кирпичи. Внизу находка из постройки Е-8. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

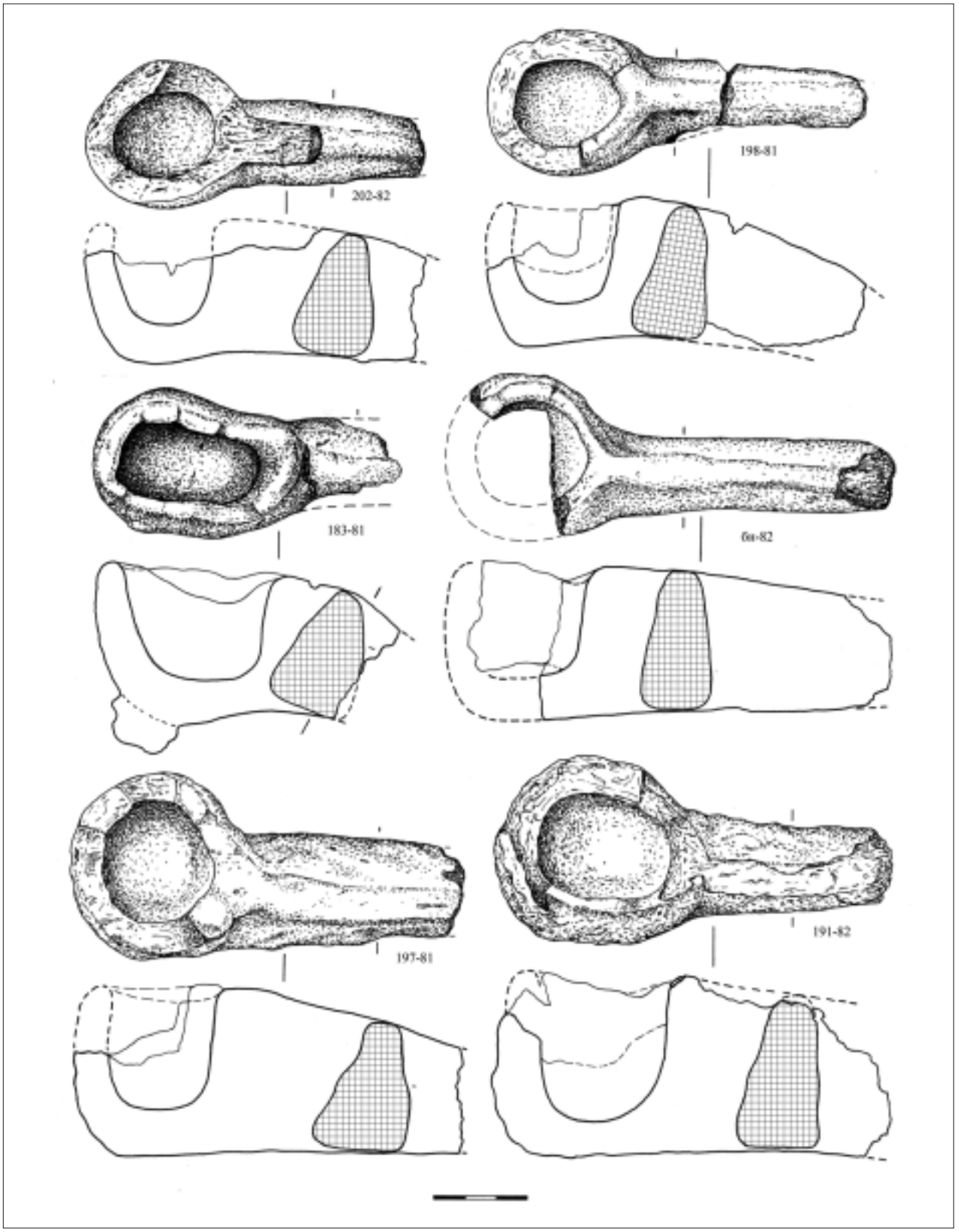


Рис. 112. Глиняные льячки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

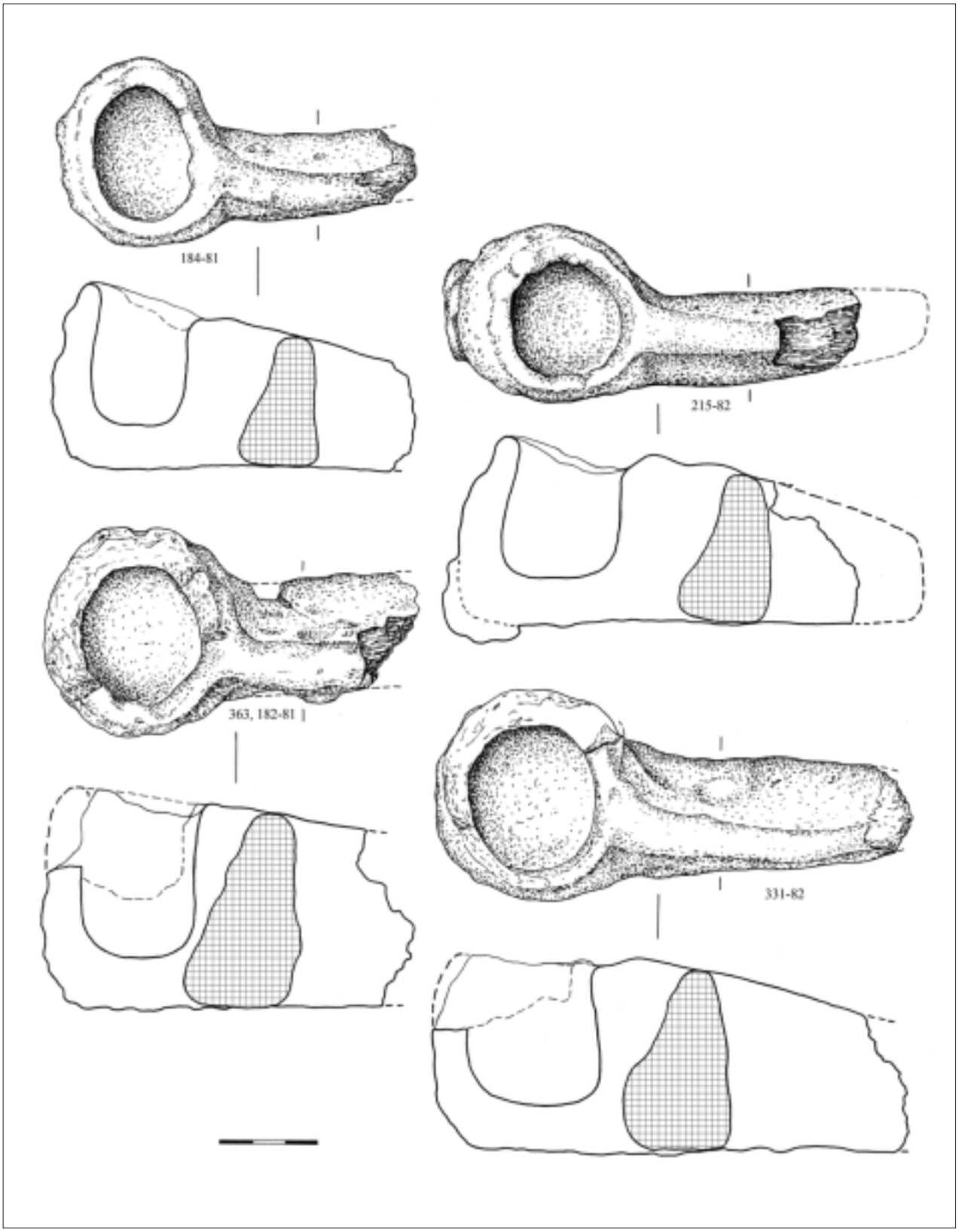


Рис. 113. Глиняные льячки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

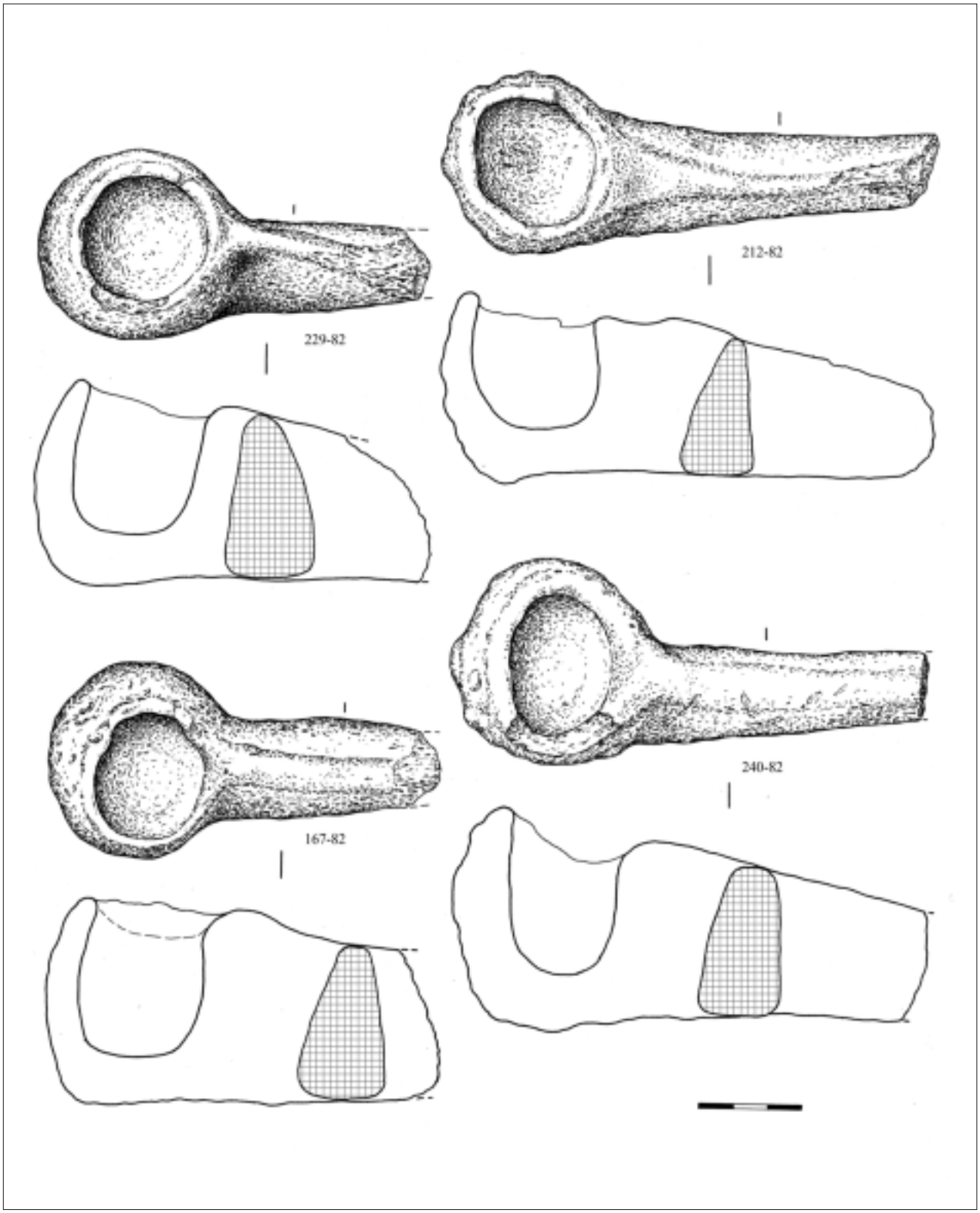


Рис. 114. Глиняные льячки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

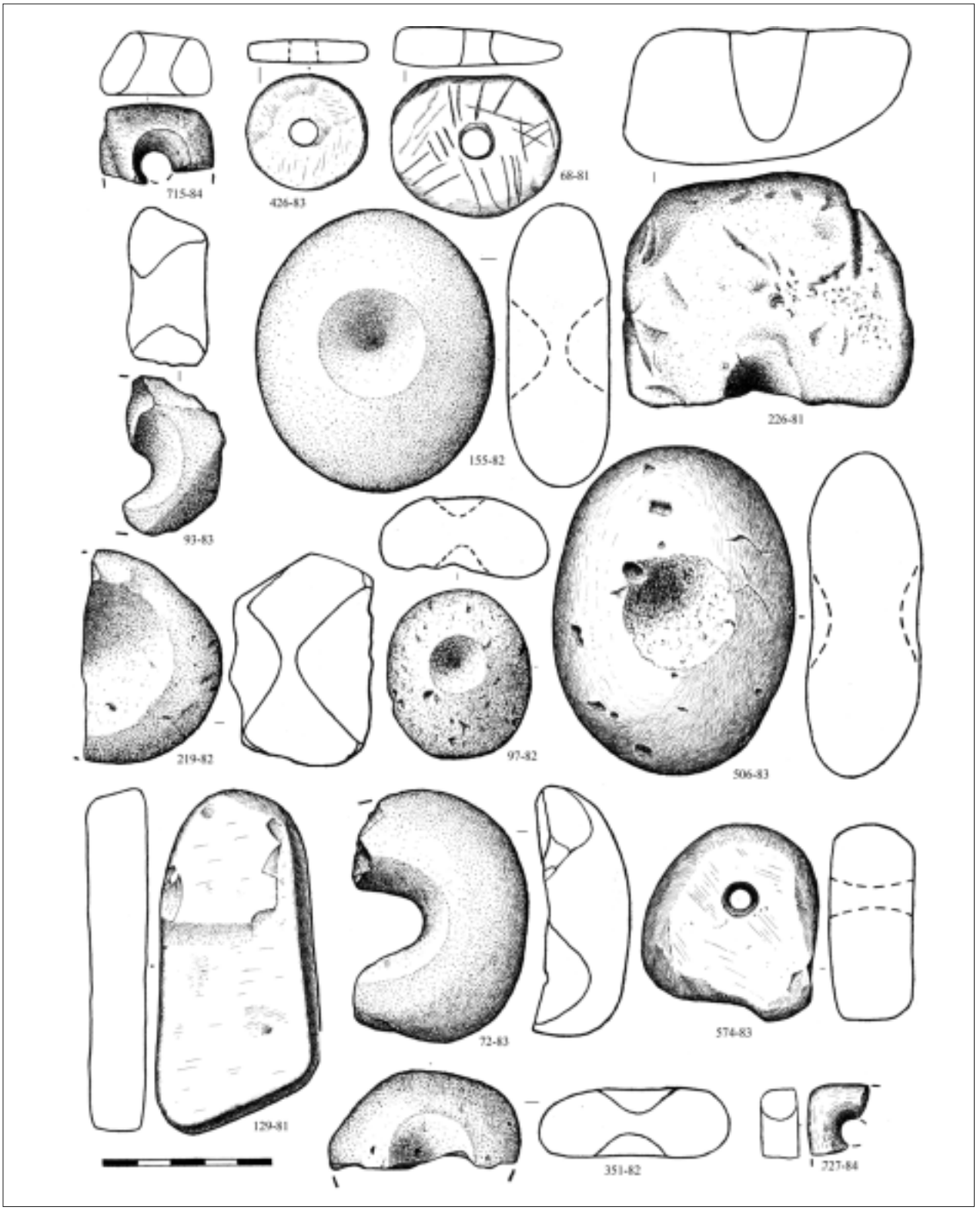


Рис. 115. Каменные предметы со сверлинами. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

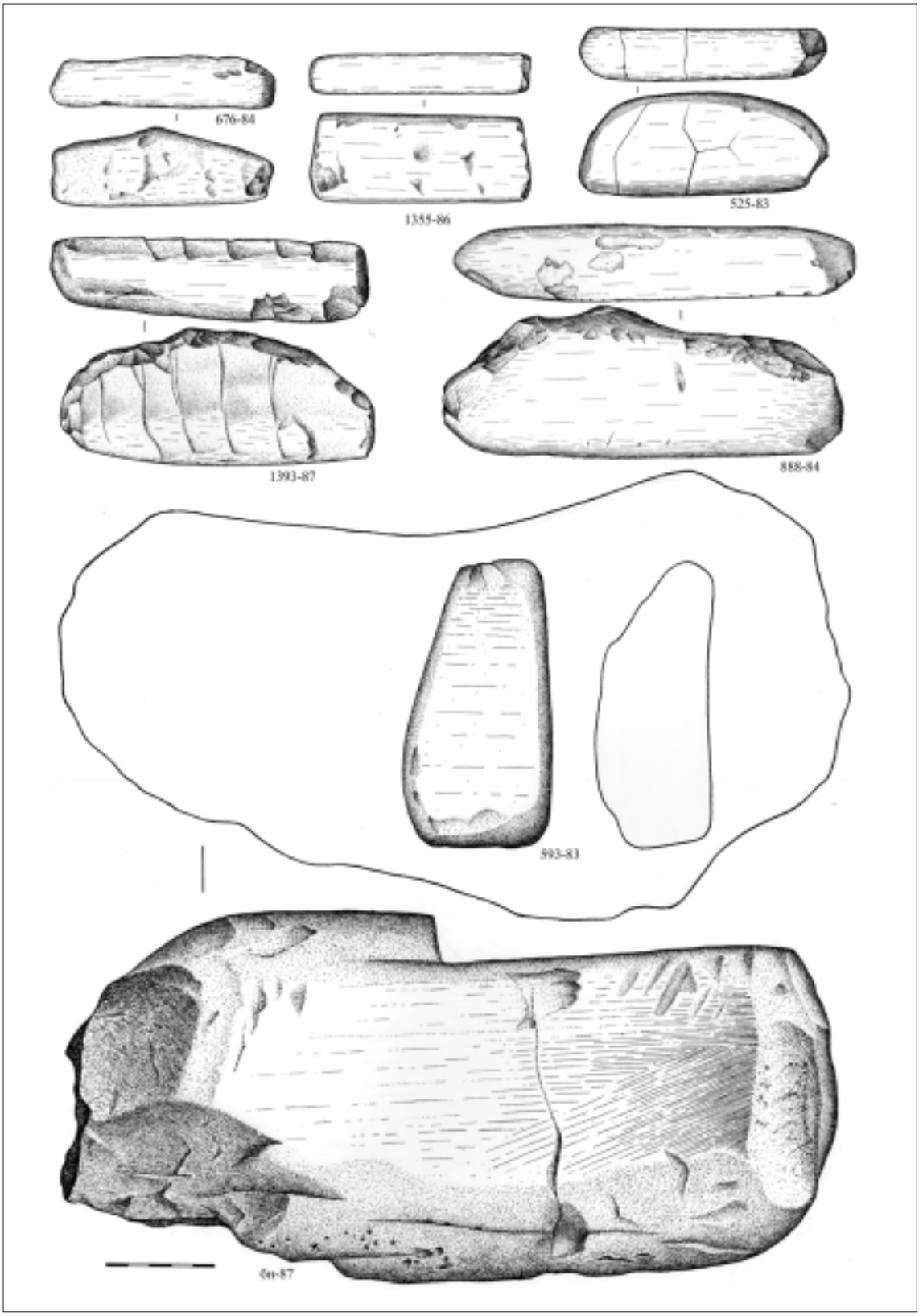


Рис. 116. Каменные «утюжки» и растиральная плита. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

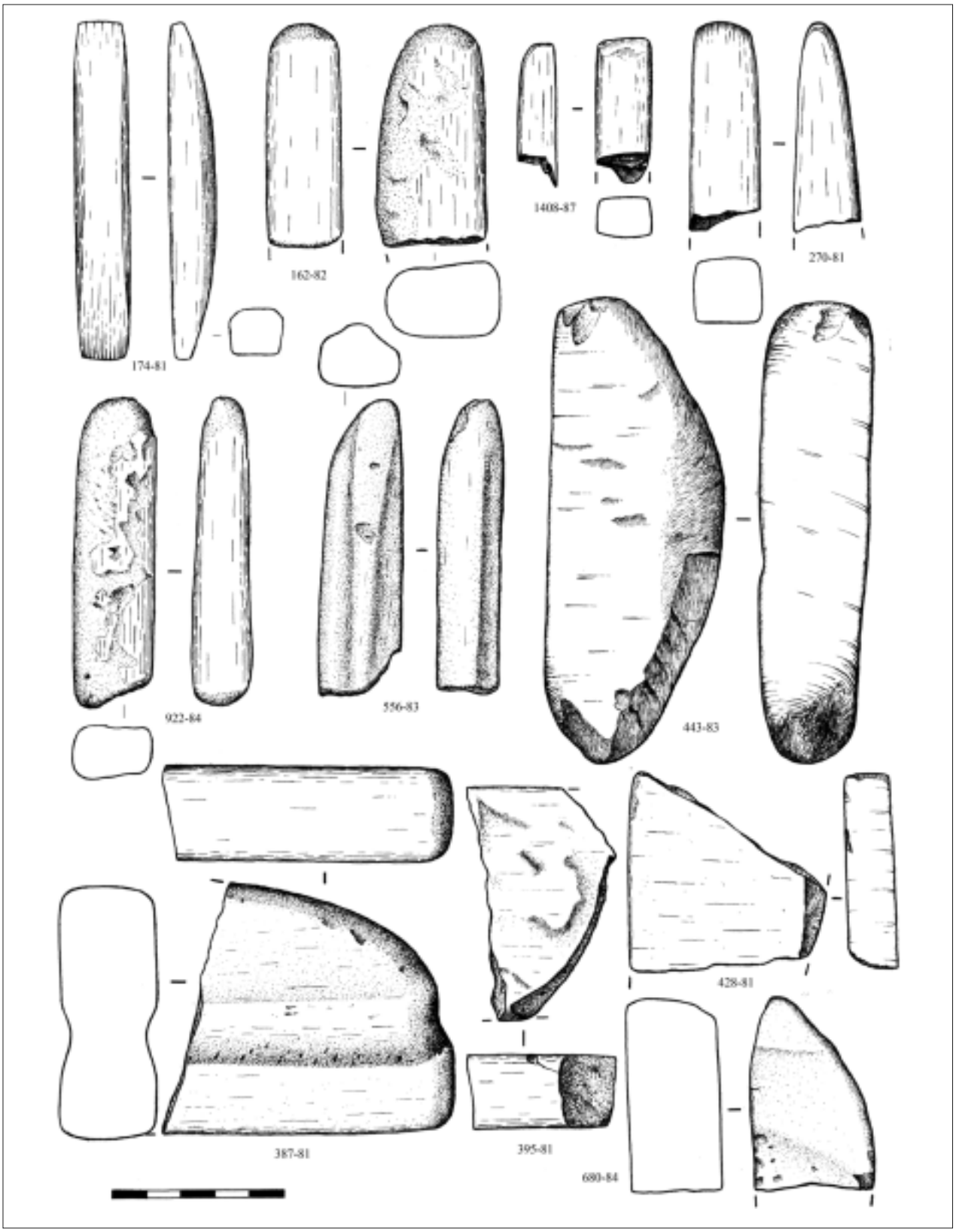


Рис. 117. Камни со следами заполировки от работы. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

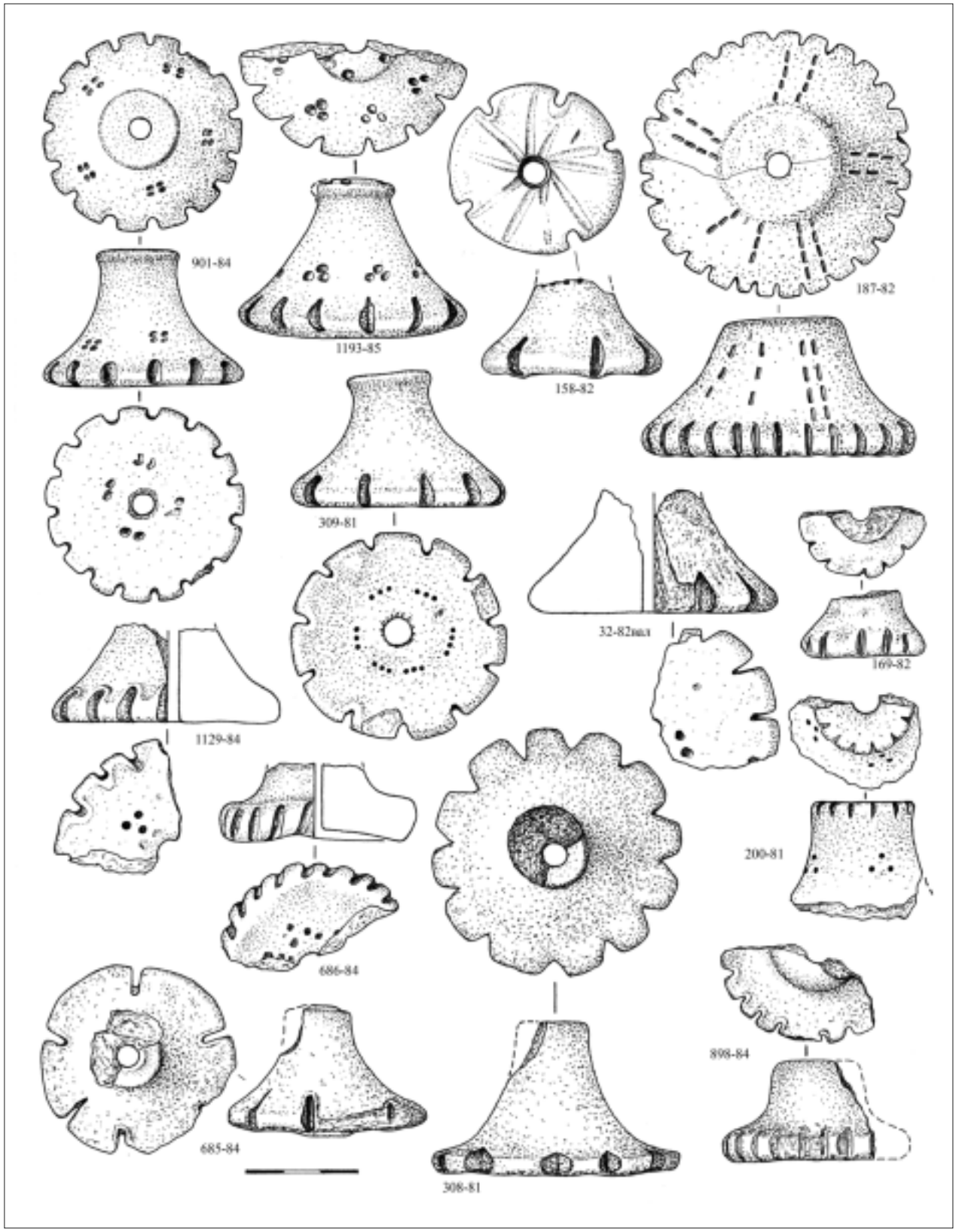


Рис. 118. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Основание верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

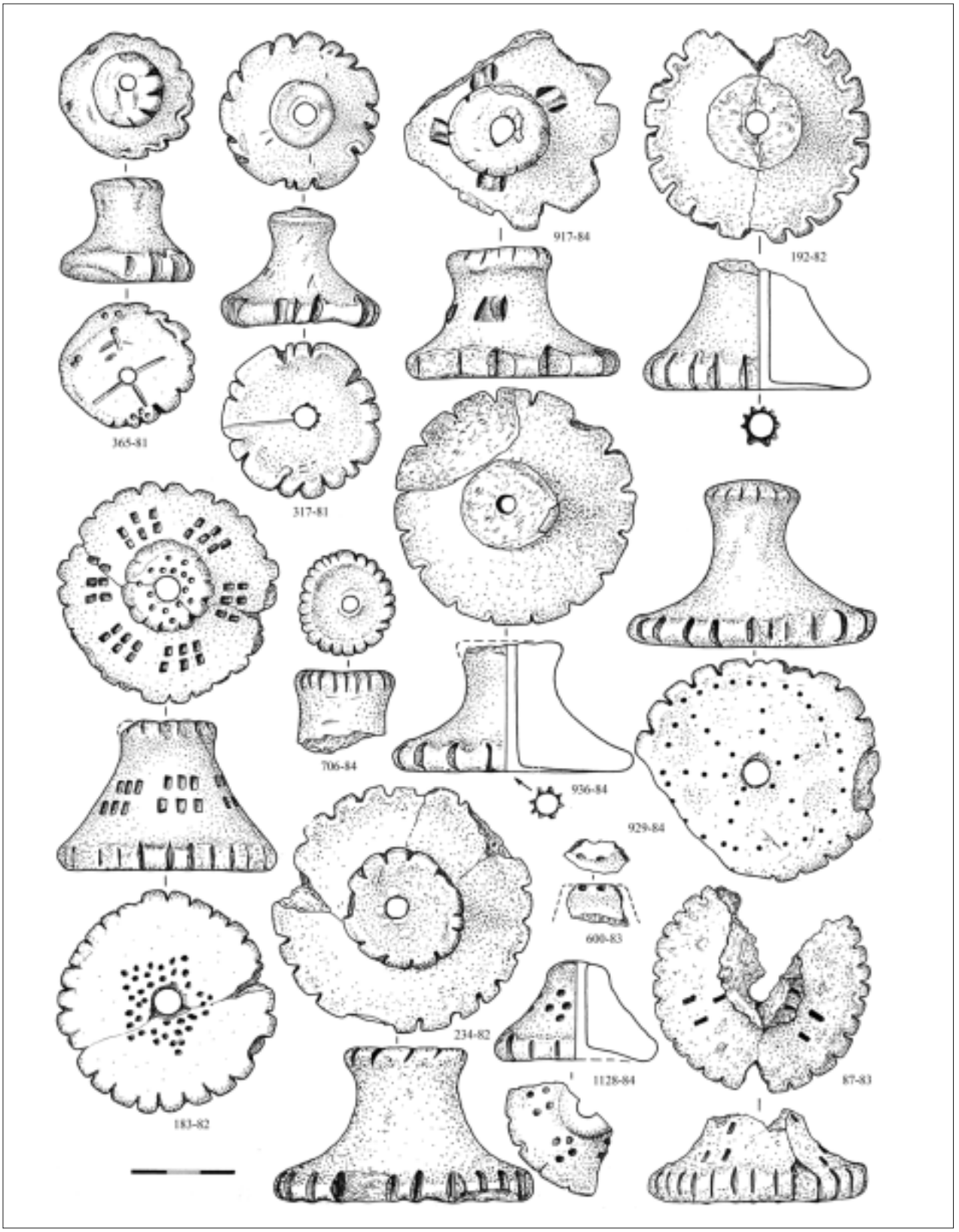


Рис. 119. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Основание верхнего слоя, перекопы (87-83)
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

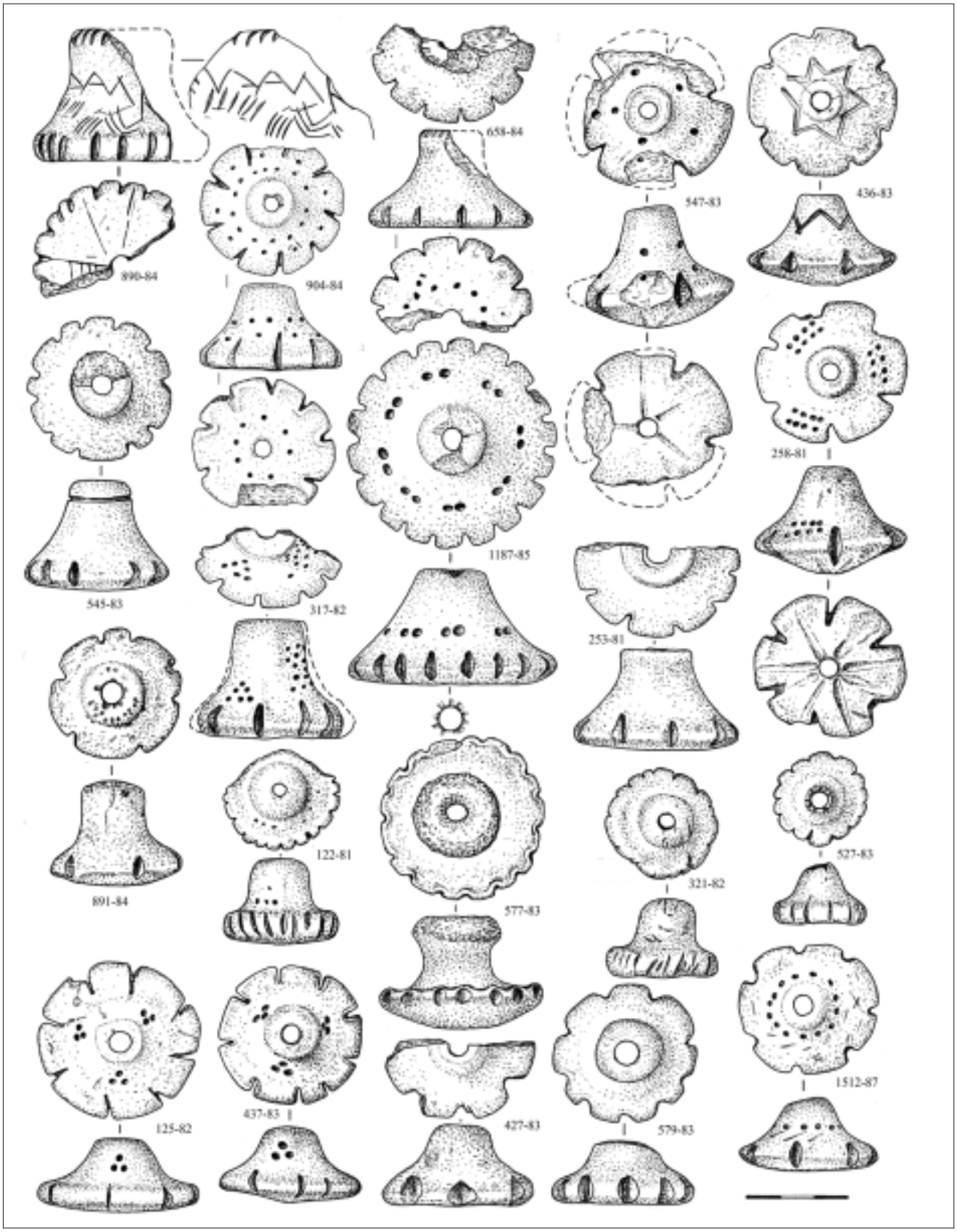


Рис. 120. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, горизонт –210–260

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

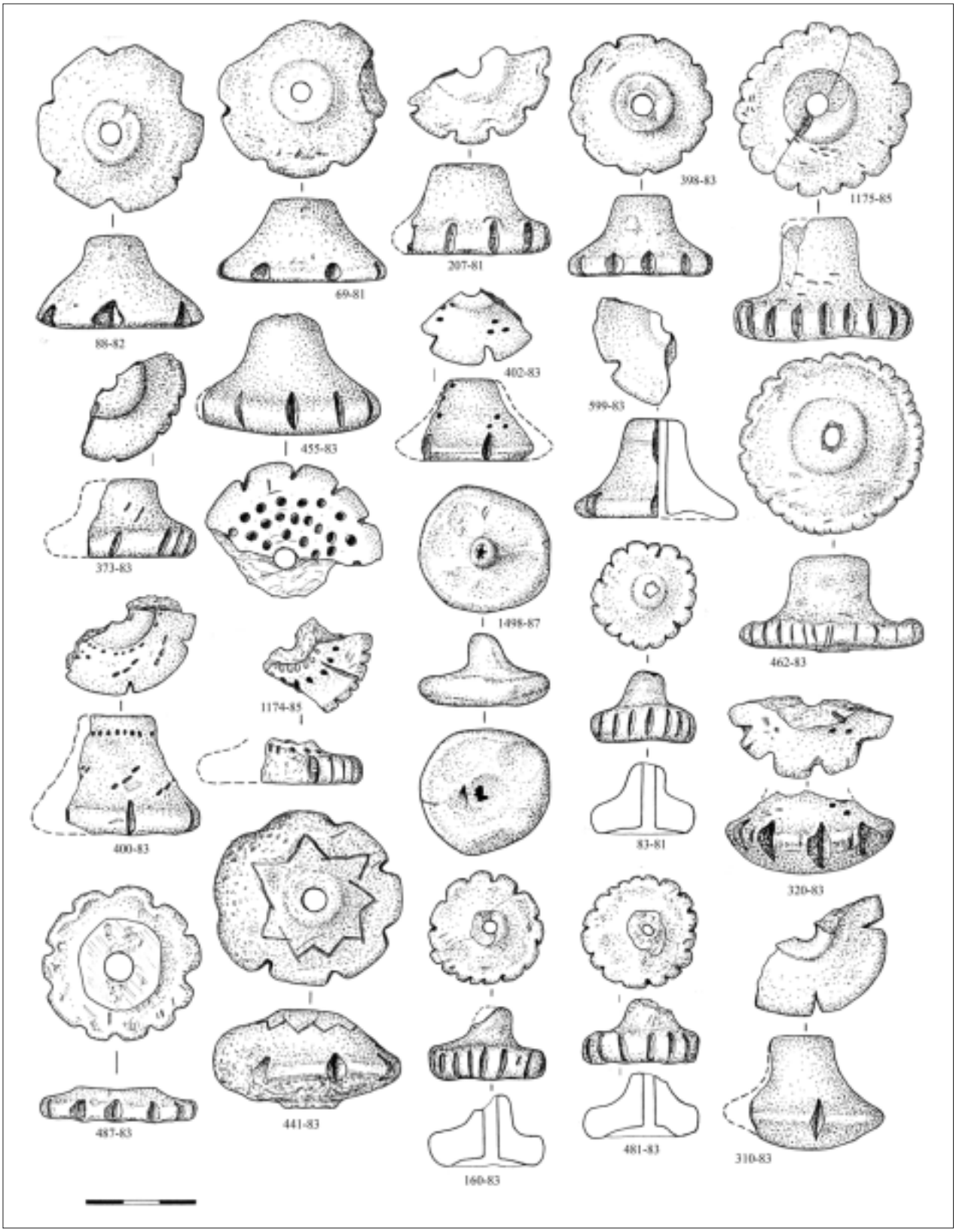


Рис. 121. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, горизонт –160–210

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

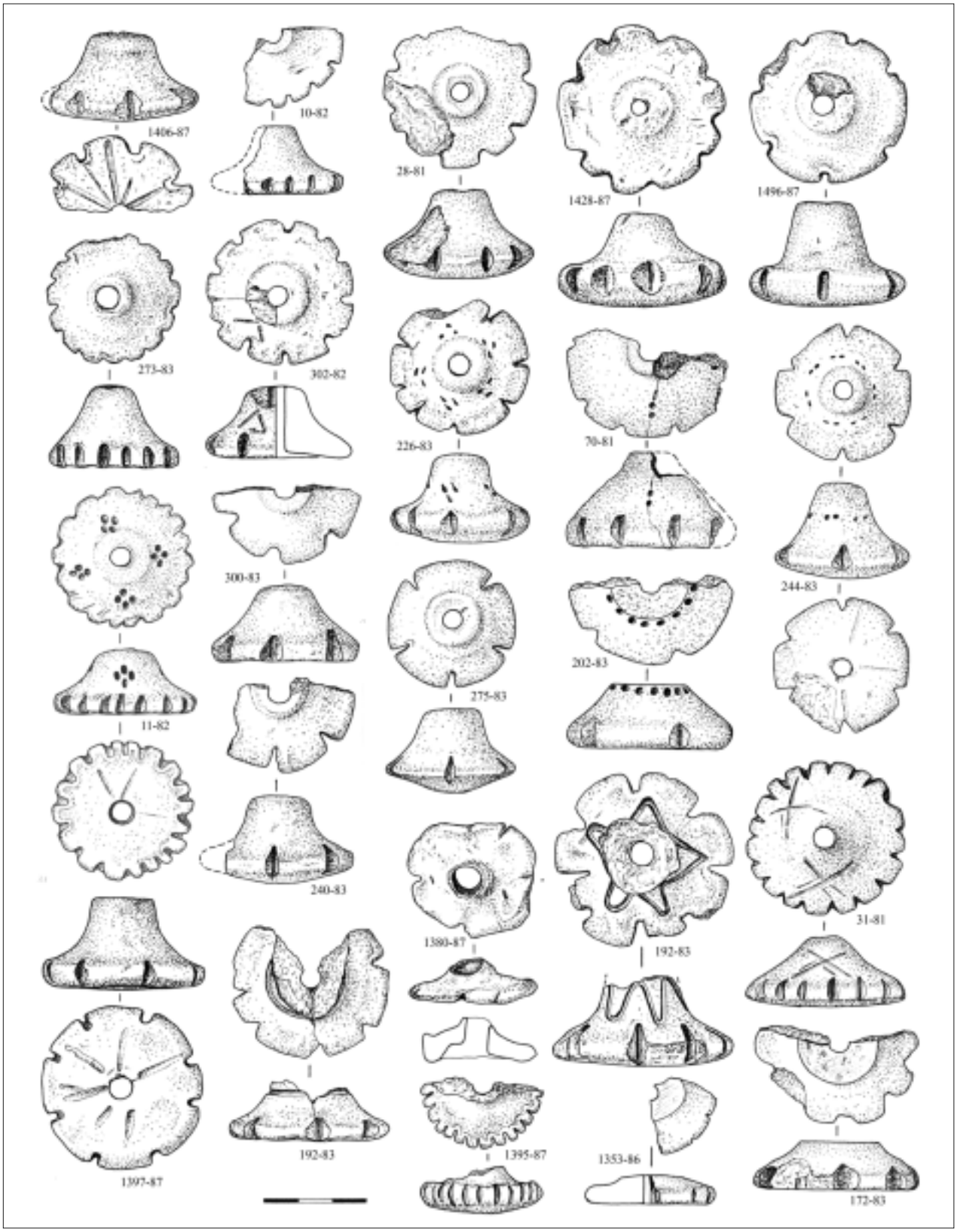


Рис.122. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, горизонт –110–160

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

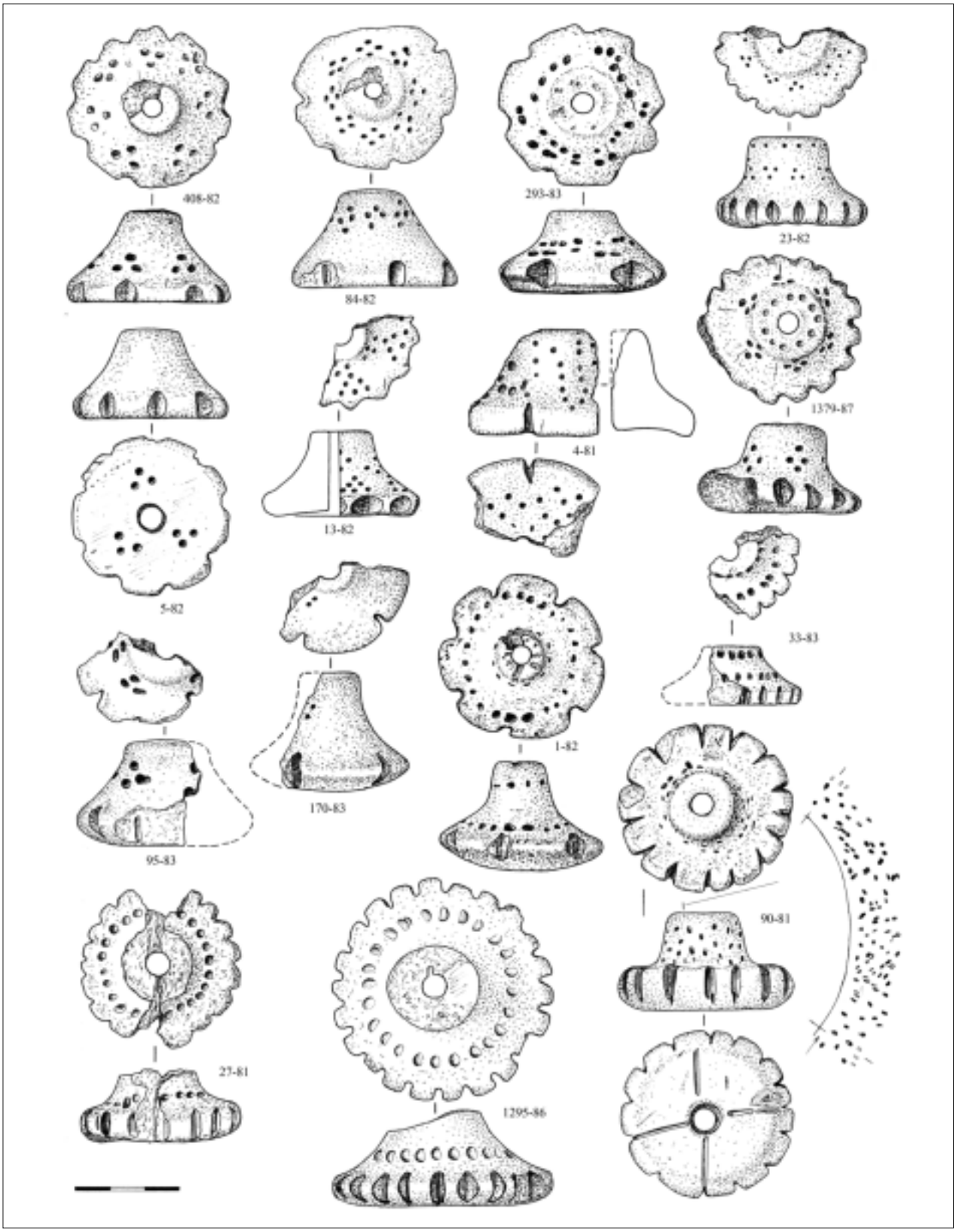


Рис. 123. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, перекопы

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

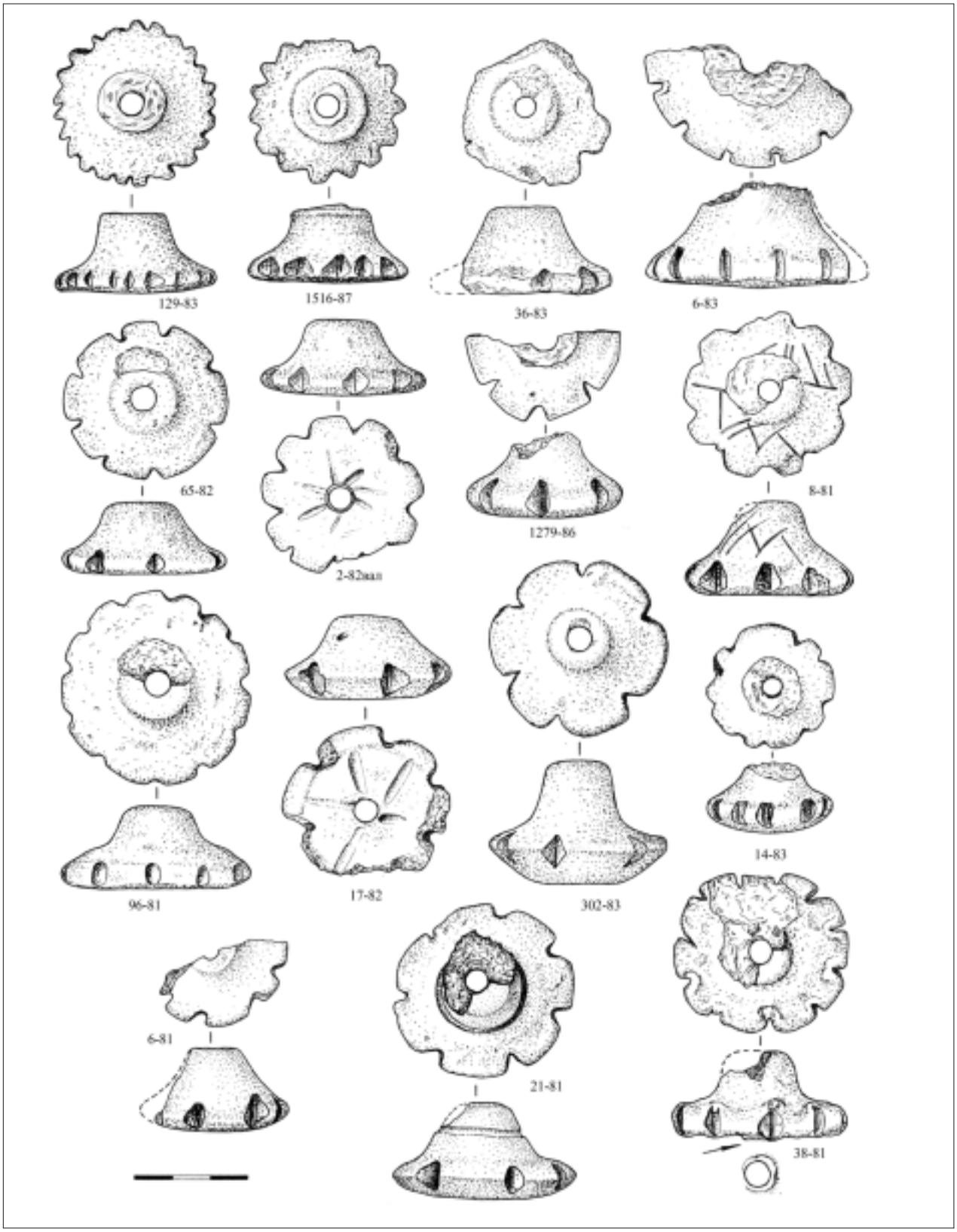


Рис. 124. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, перекопы
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

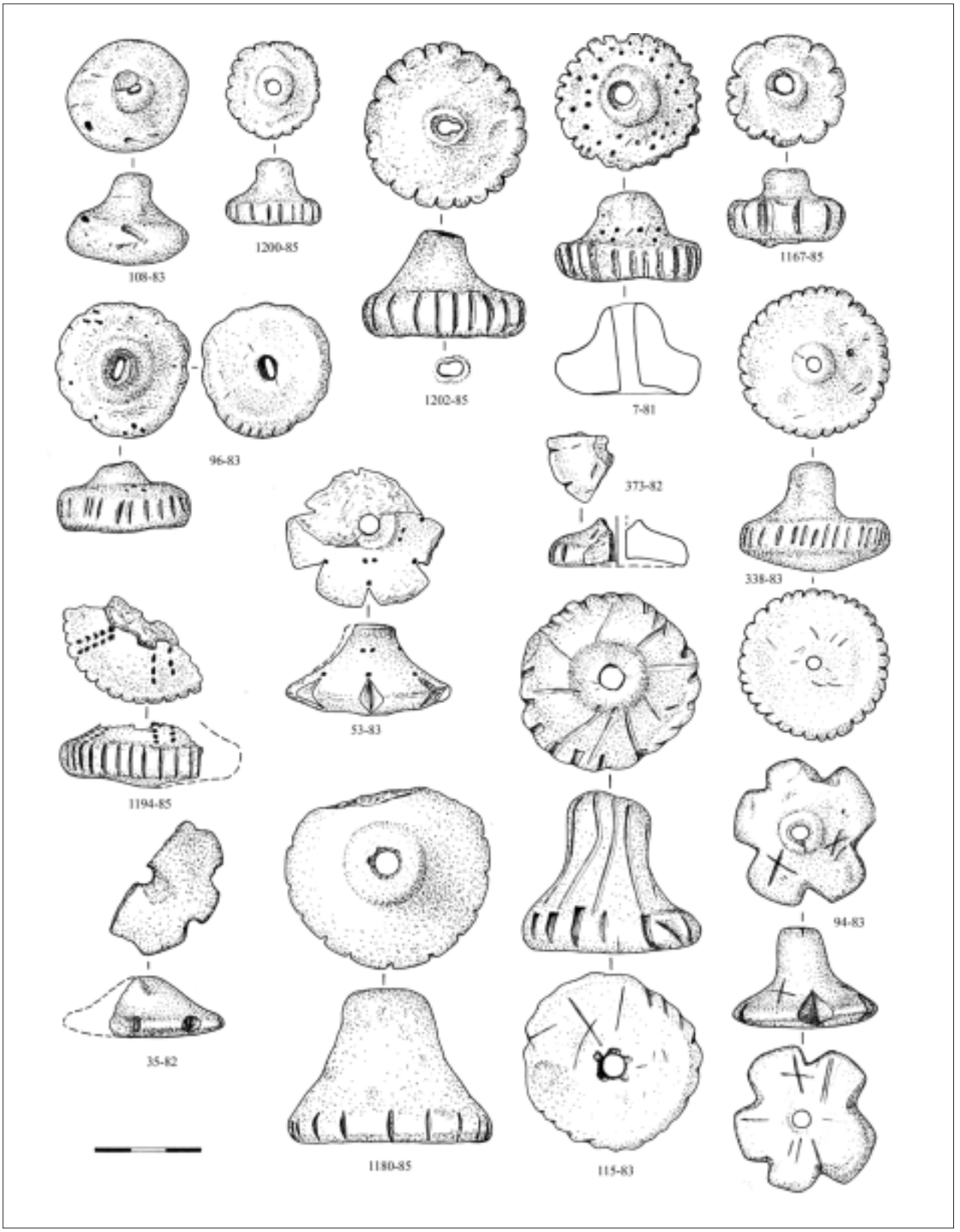


Рис. 125. Глиняные грузики дьякова типа. Дьяково городище. Верхний слой, перекопы
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

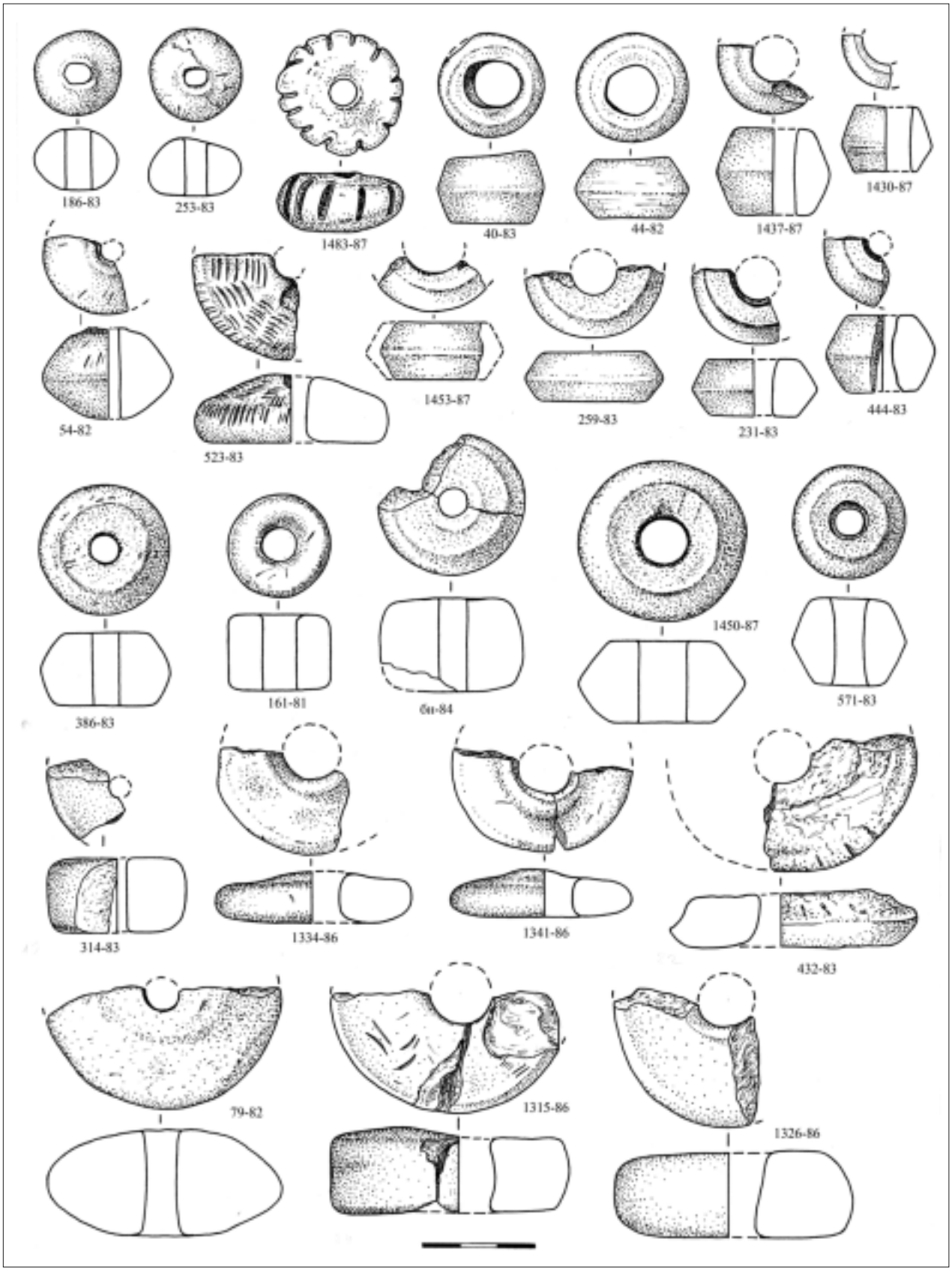


Рис. 126. Глиняные пряслица. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

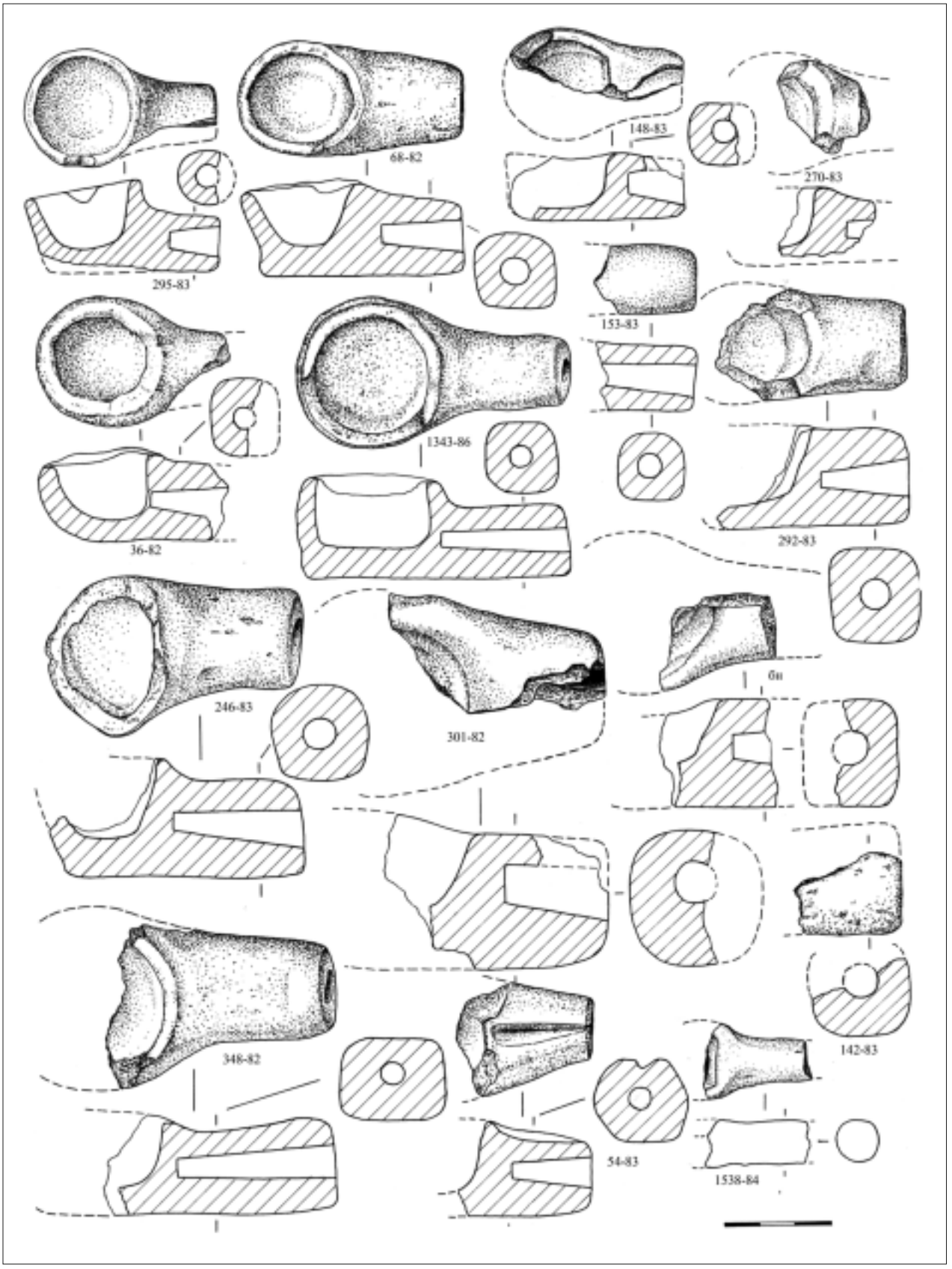


Рис. 127. Глиняные льячки со втулкой. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

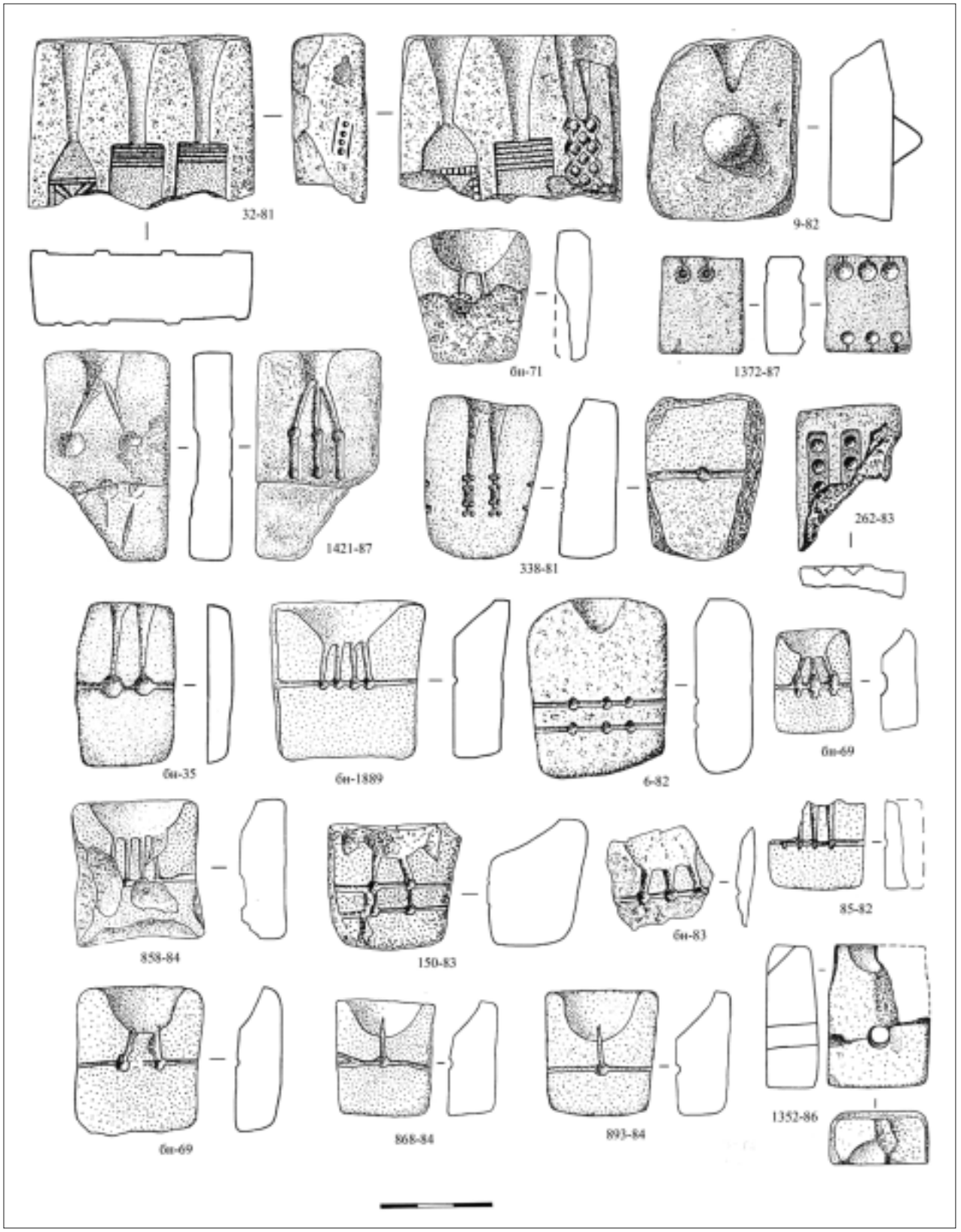


Рис. 128. Каменные и глиняные литейные формы. Дьяково городище. Верхний слой

№ 32-81, 1421-87, 1372-87, 338-81, бн-35, 6-82 – камень, № 893-84, 868-84, бн-1889, бн-83, бн-69, 858-84, 150-83, бн-69, 85-82, бн-71, 9-82, 262-83, 1352-86 – глина

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

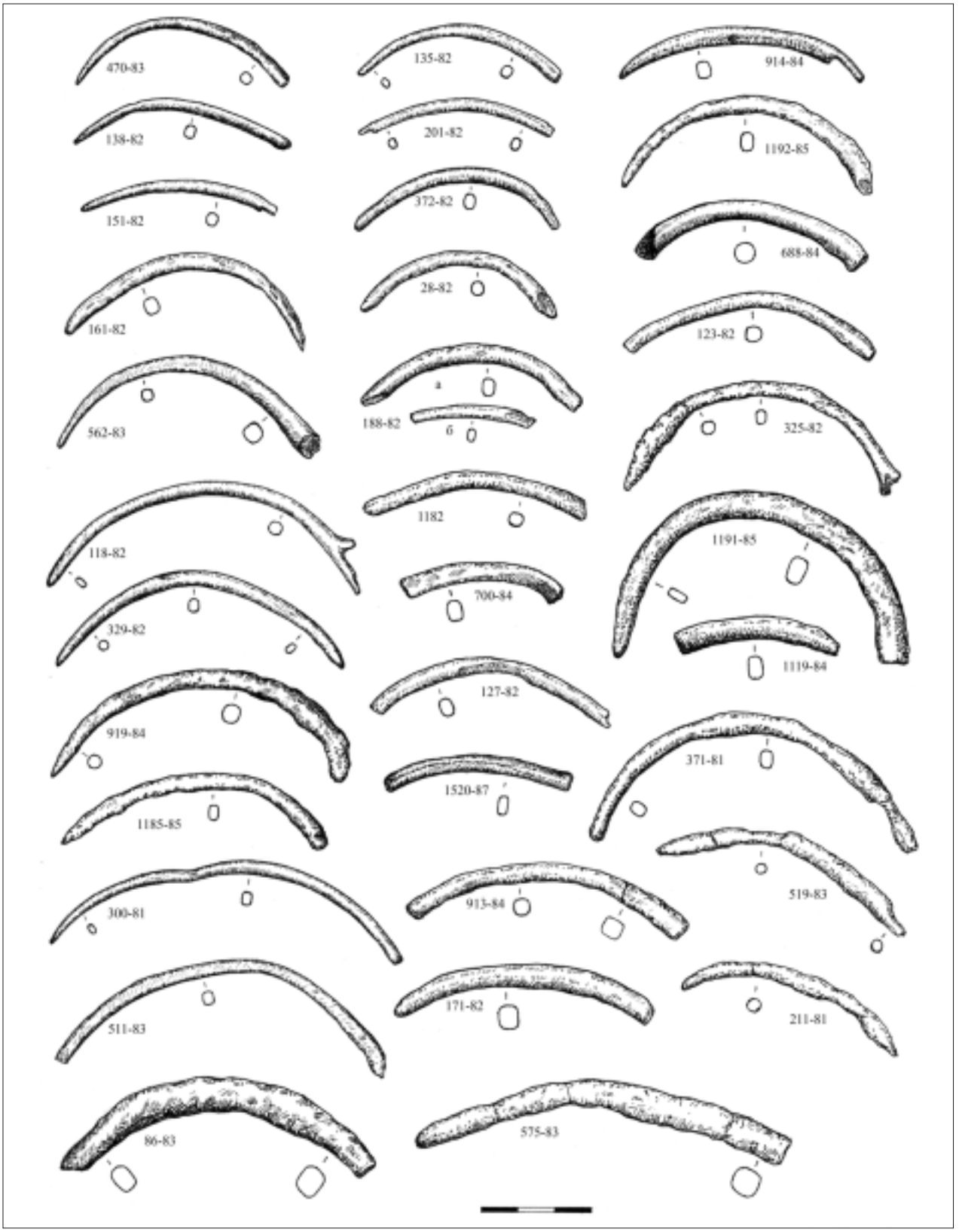


Рис. 129. Фрагменты железных колец-заготовок. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

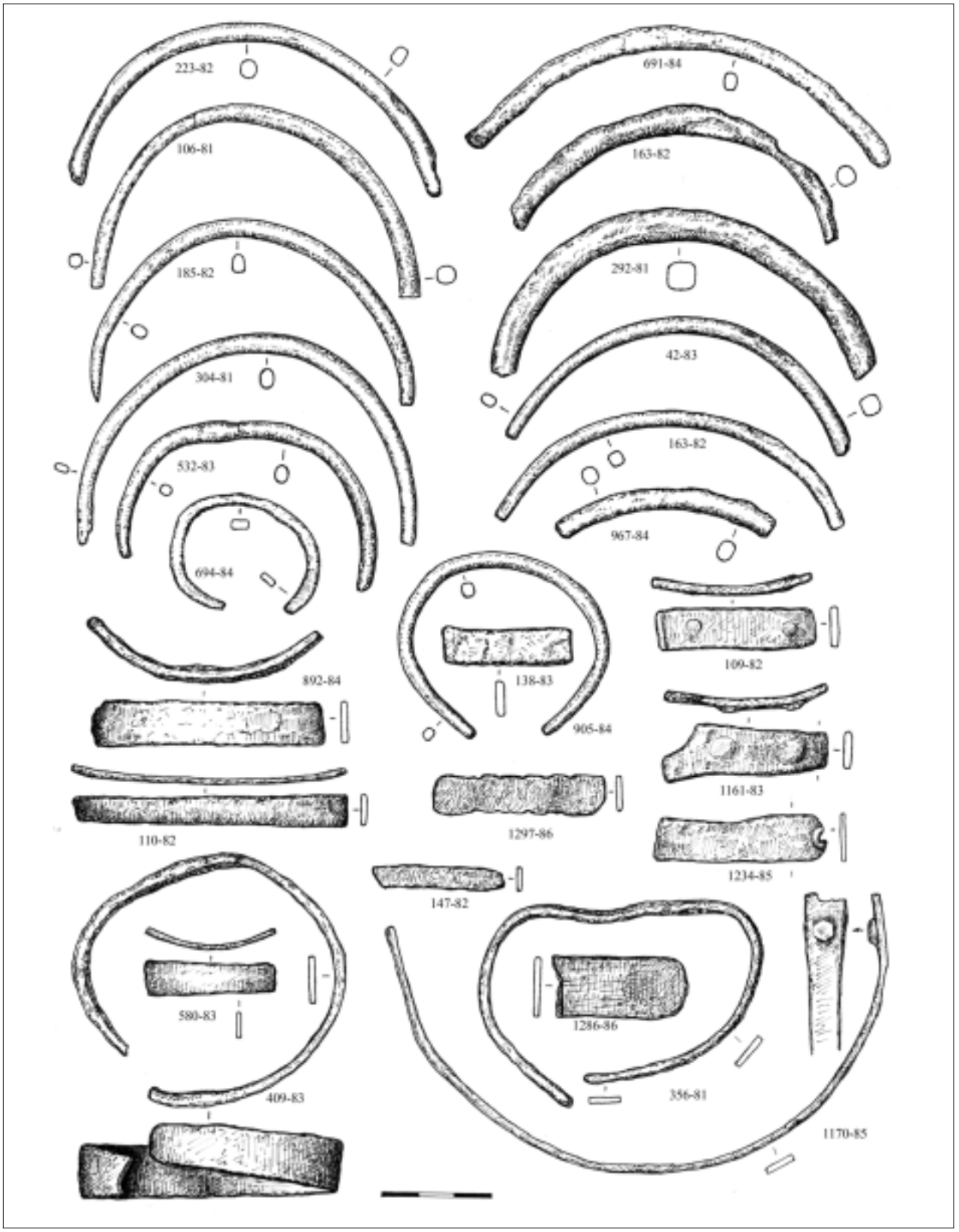


Рис. 130. Фрагменты железных колец-заготовок и пластин. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

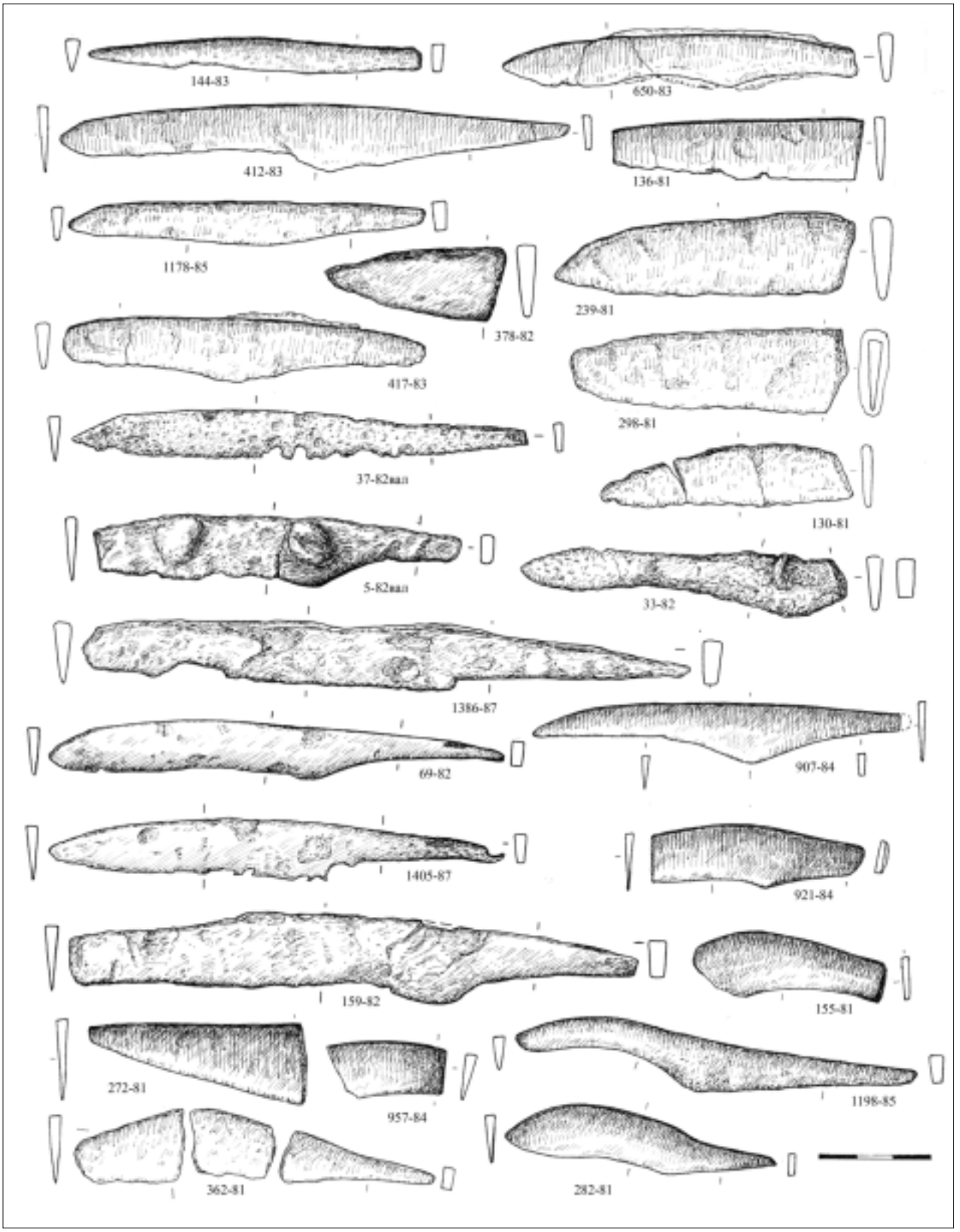


Рис. 131. Железные ножи с прямой спинкой. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

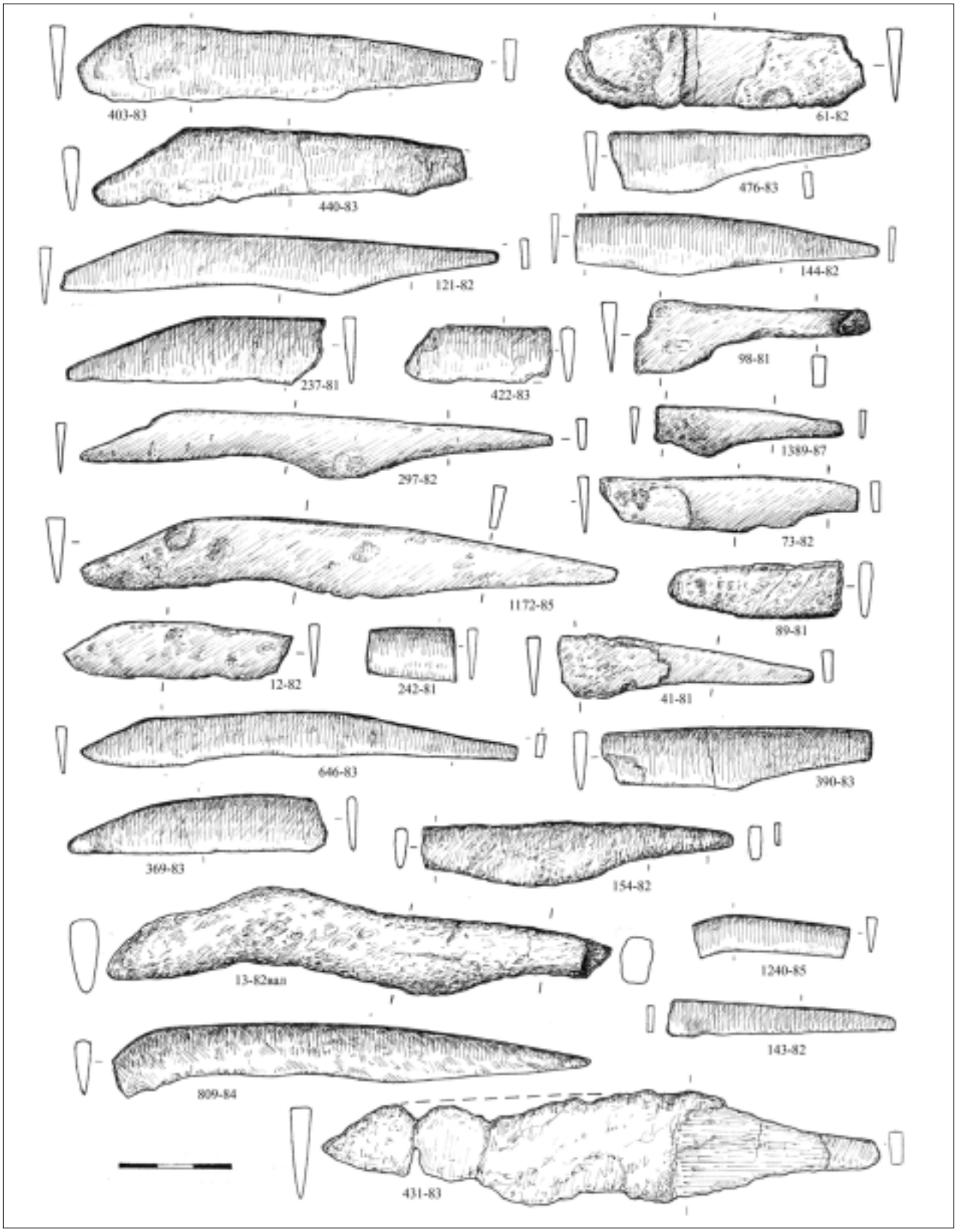


Рис. 132. Железные ножи с горбатой спинкой и фрагменты ножей. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

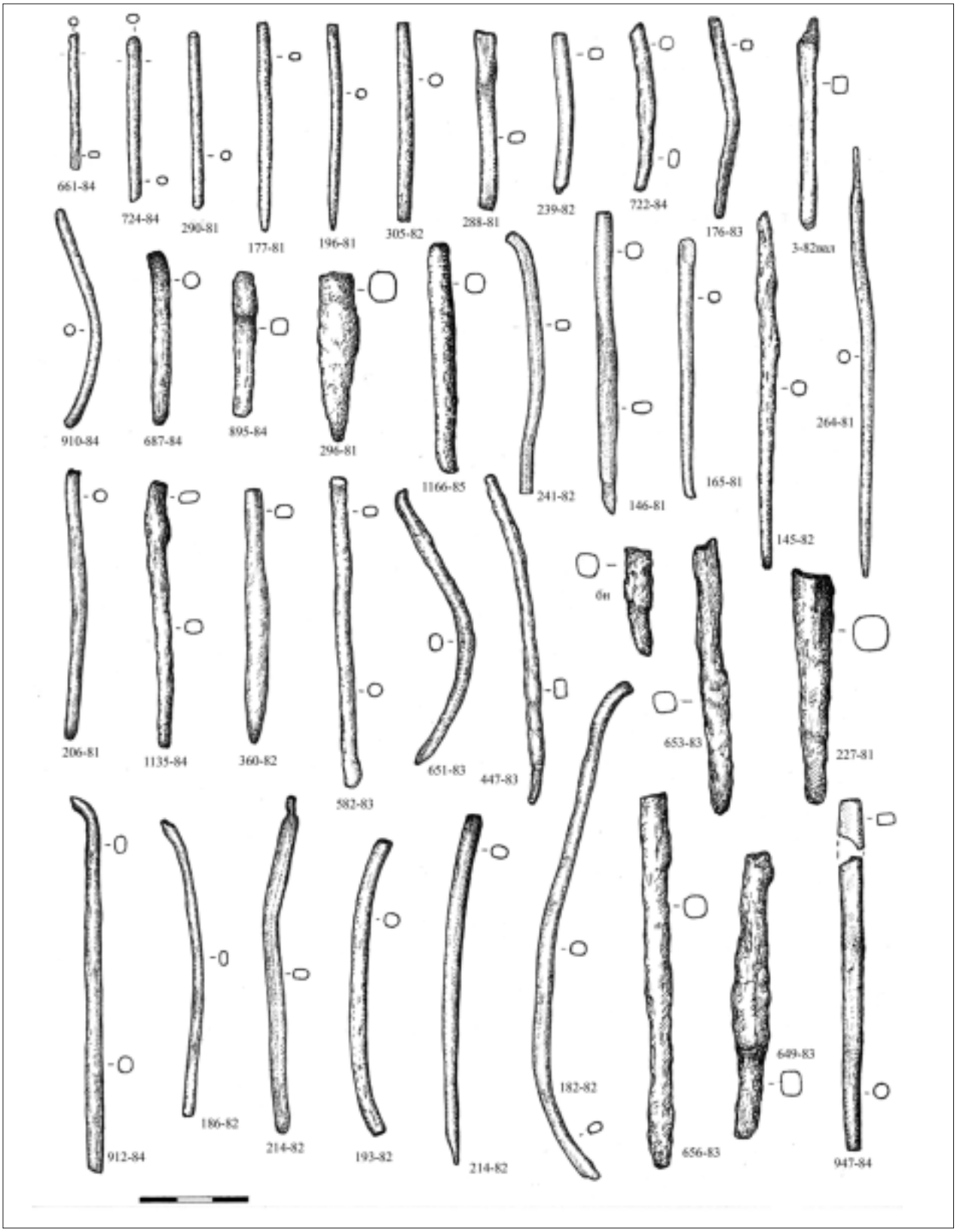


Рис. 133. Железные стержни и шилья. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

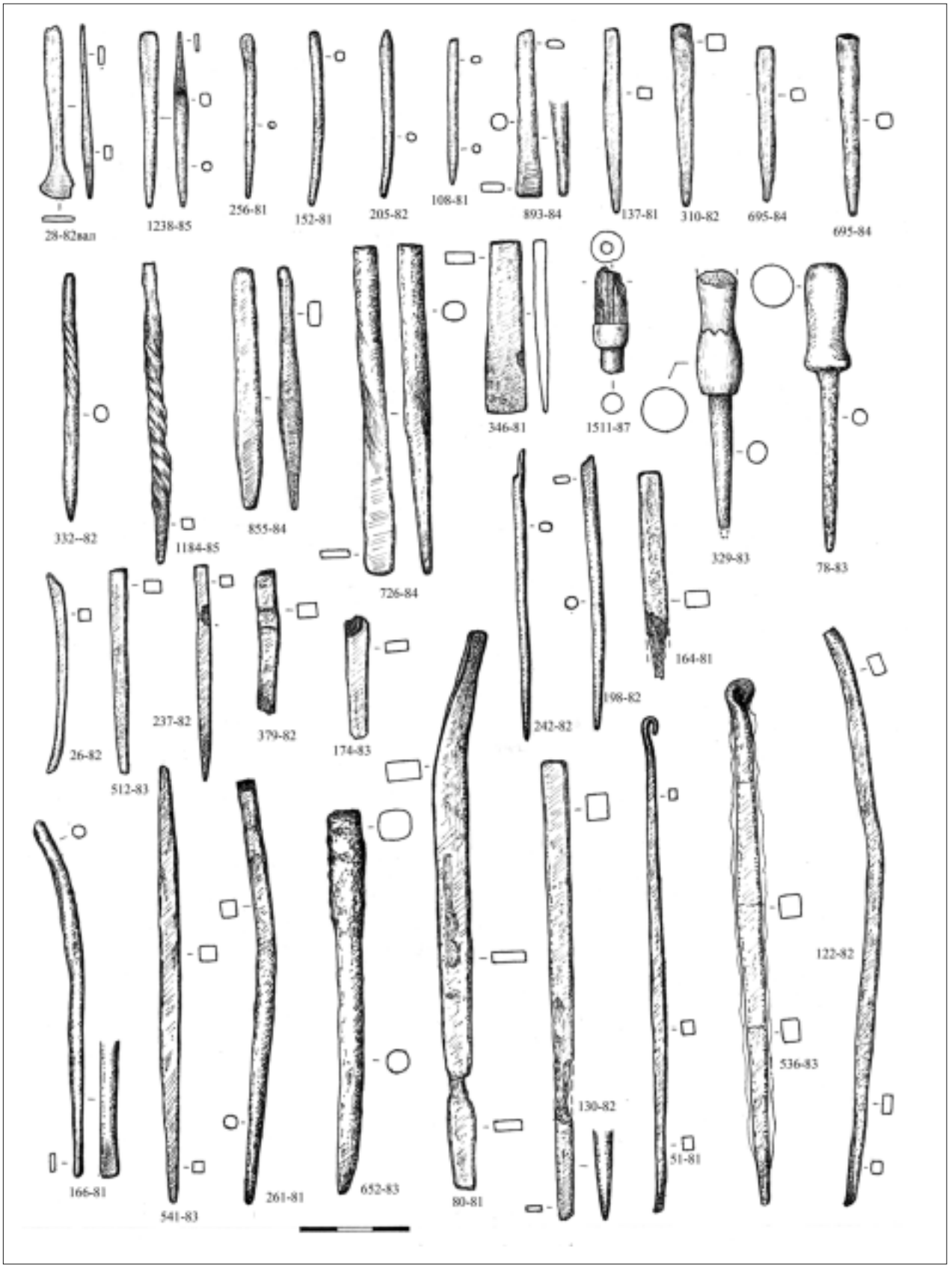


Рис. 134. Железные стержни, шилья, долота, инструменты с крючком. Дьяково городище. Верхний слой

№ 1511-87 – рукоять деревянная с бронзовой обоймой, № 78-83, 329-83 – рукояти костяные
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

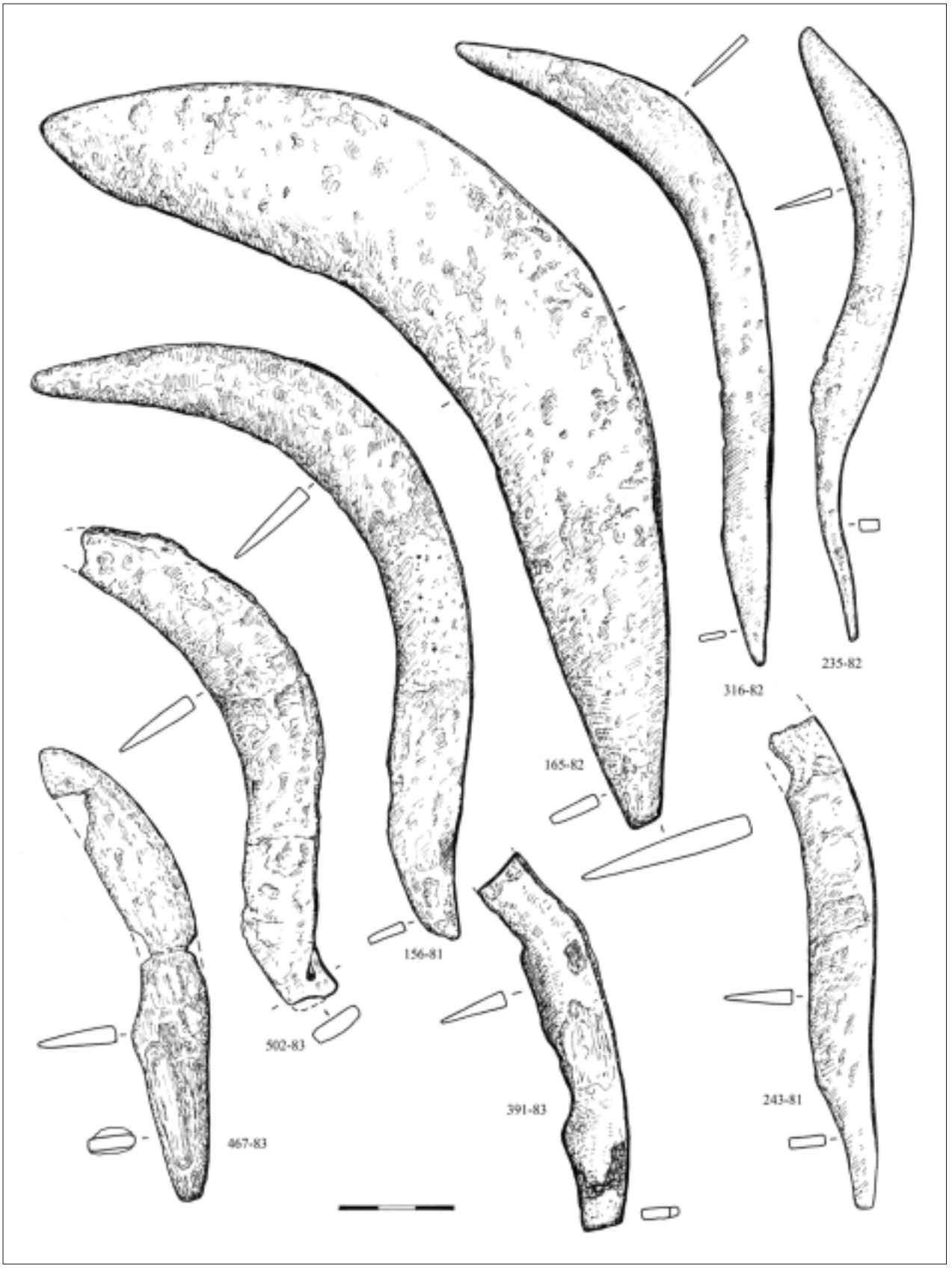


Рис. 135. Железные серпы. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

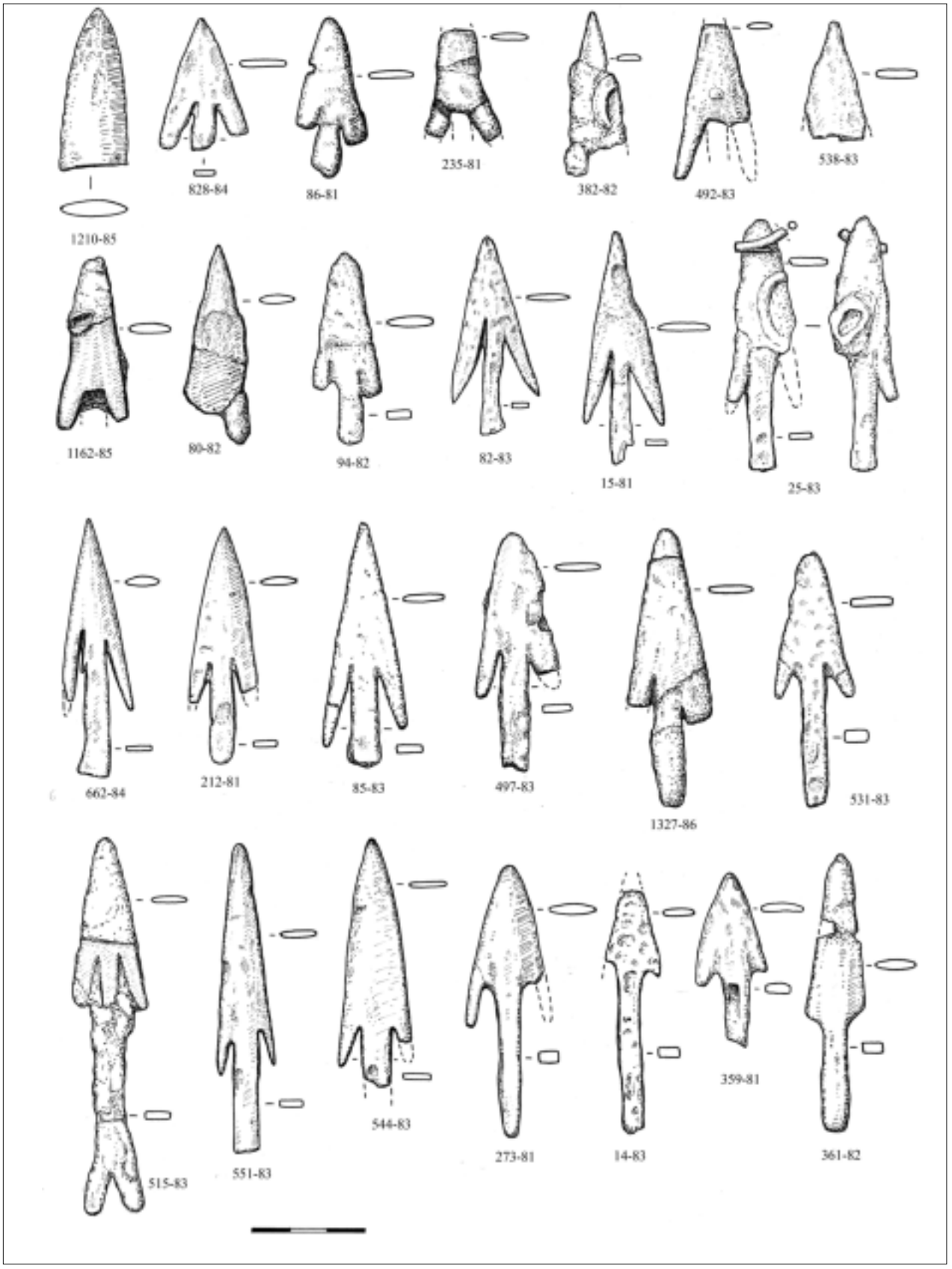


Рис. 136. Железные стрелы. Дьяково городище. Верхний слой

№ 1210-85 – фрагмент копья

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

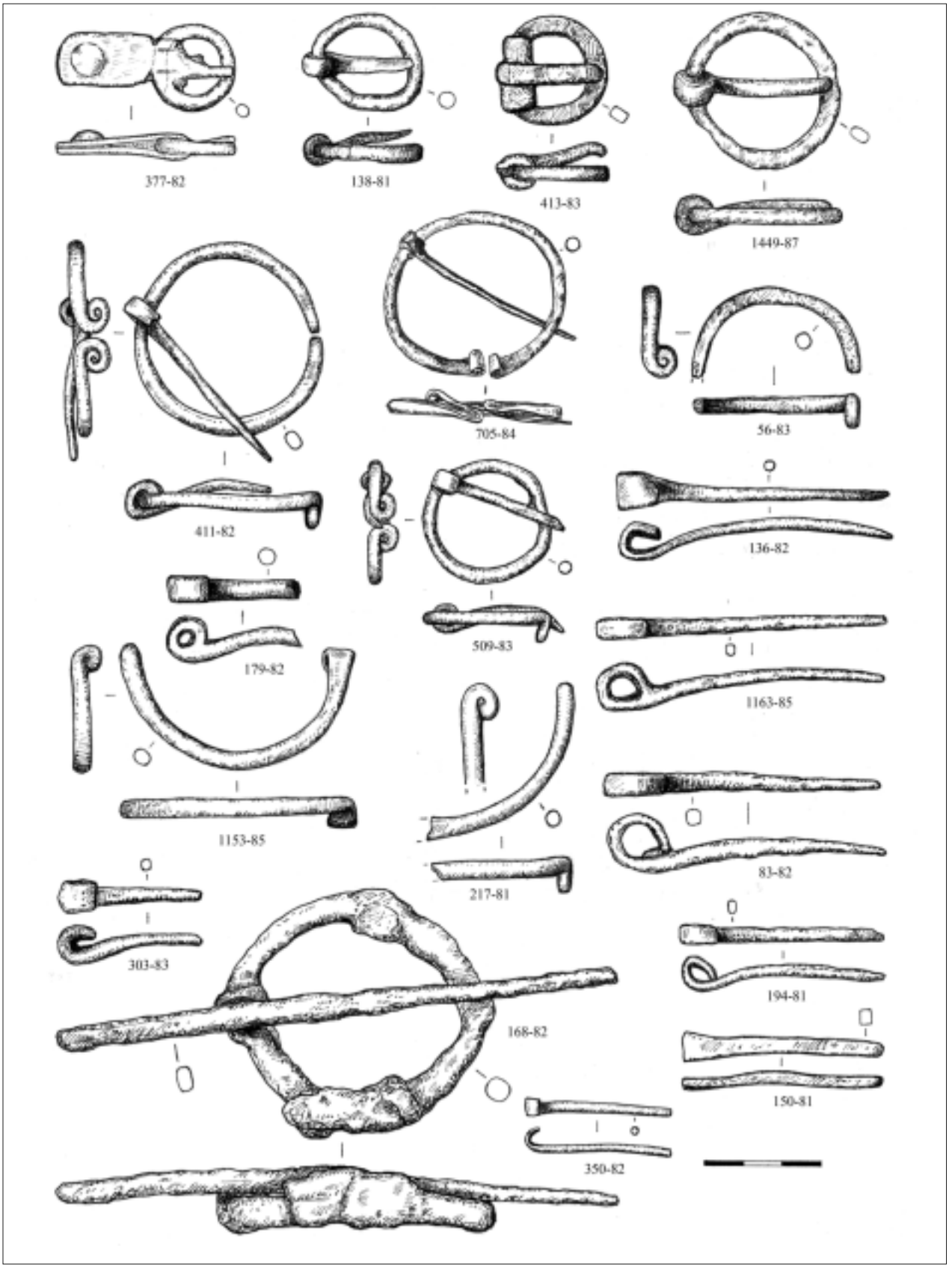


Рис. 137. Железные пряжки и язычки пряжек. Дьяково городище. Верхний слой

№ 377-82 – с медной заклепкой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

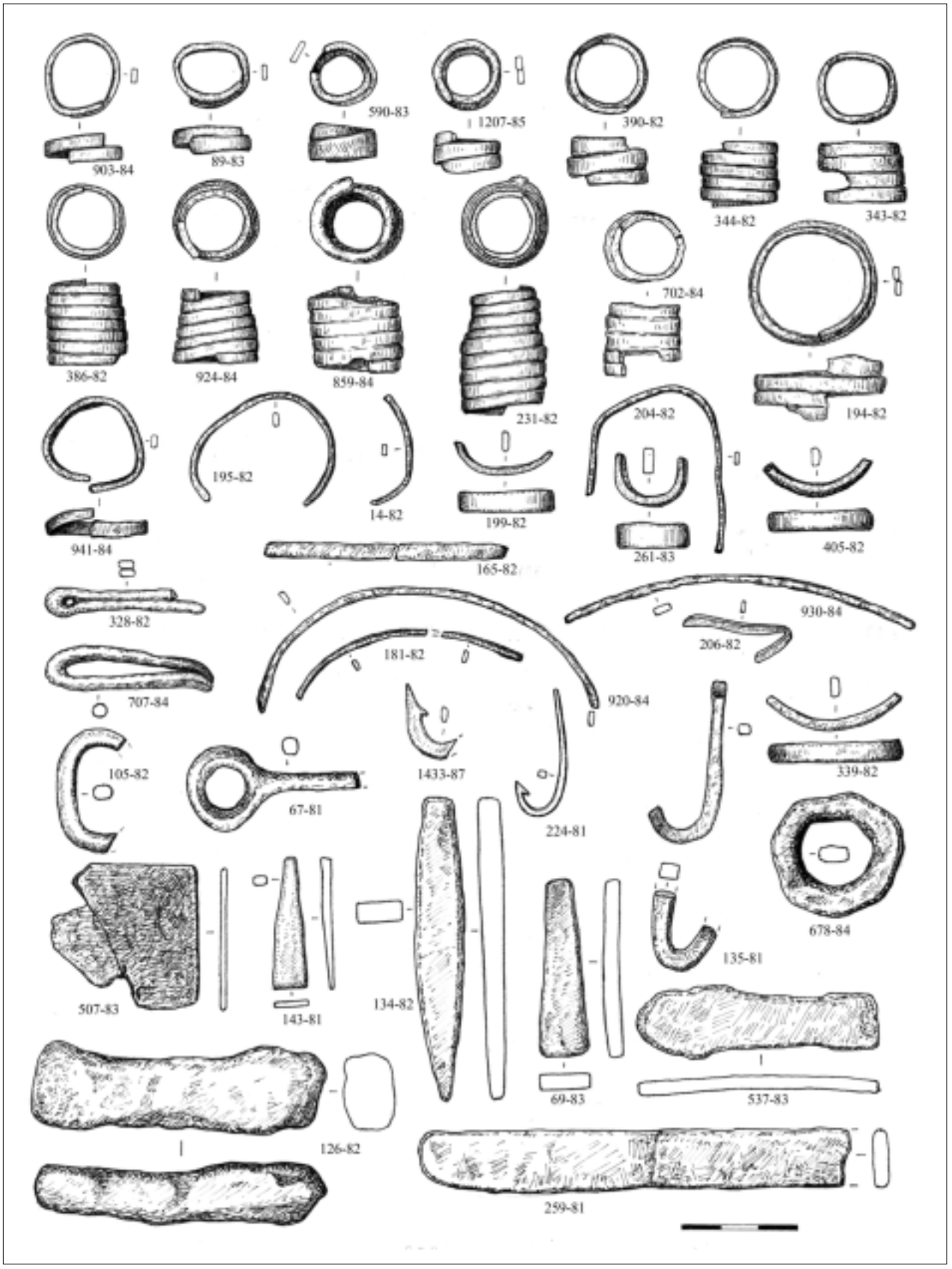


Рис. 138. Спирали-пронизи, рыболовные крючки, пластины. Дьяково городище. Верхний слой

№ 224-81 – бронза, остальные – железо

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

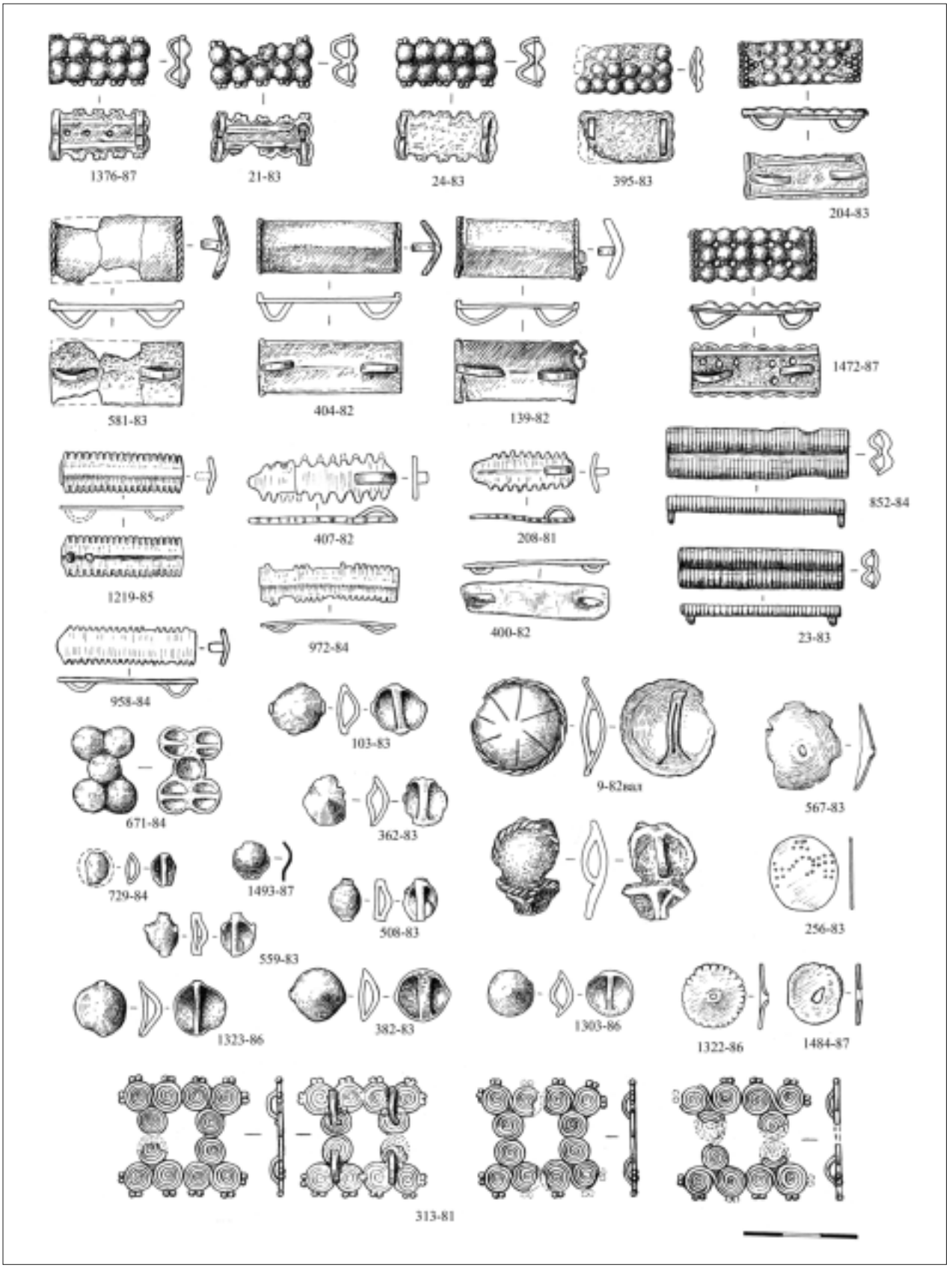


Рис. 139. Бронзовые нашивные бляшки. Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

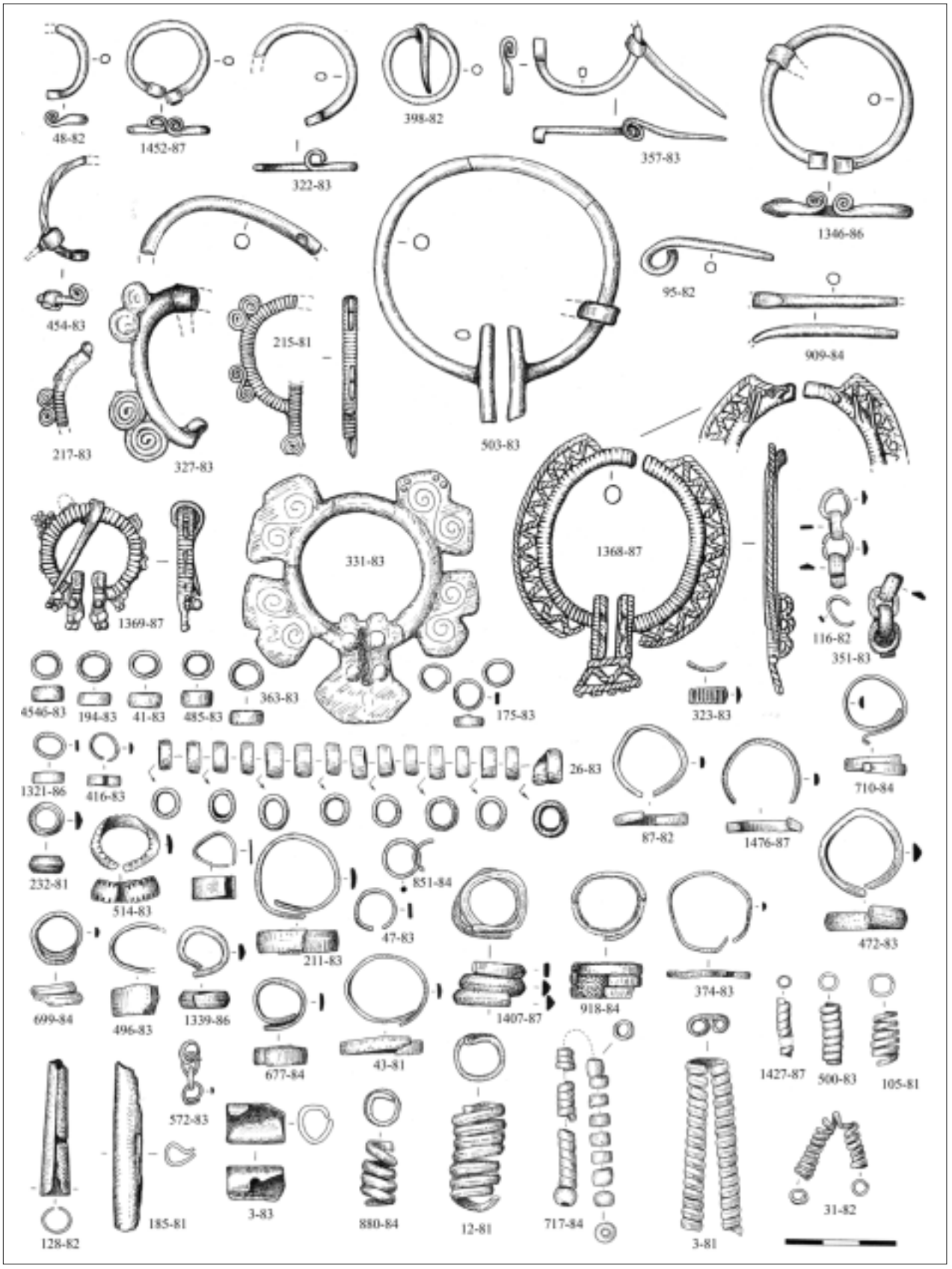


Рис. 140. Бронзовые пряжки, застежки-сюльгамы, колечки, цепочки, спирали-пронизки, трубочки-пронизки. Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

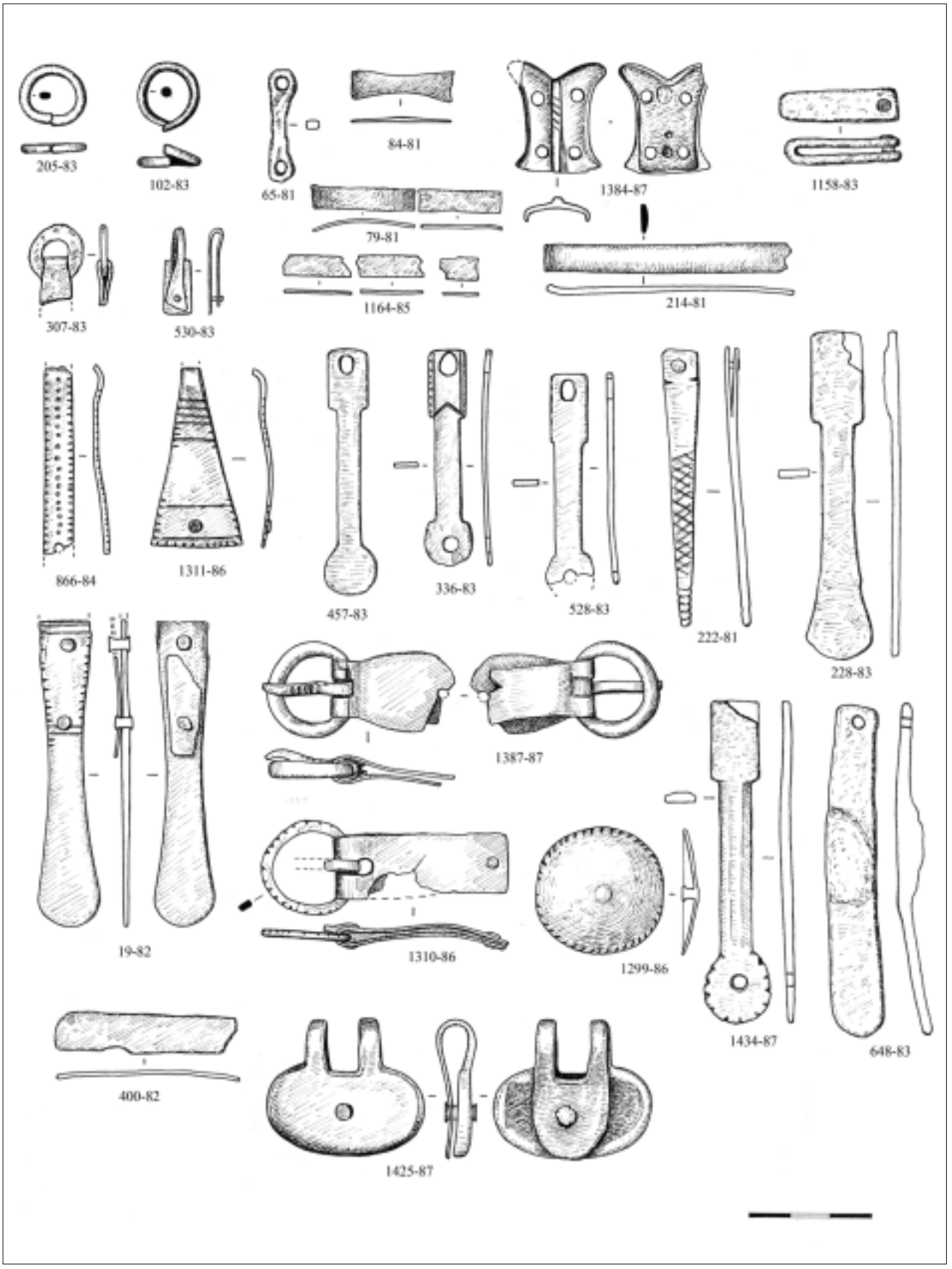


Рис. 141. Привозная поясная гарнитура. Дьяково городище. Верхний слой

№ 1434-87, 228-83, 648-83 – железо, остальные – бронза
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

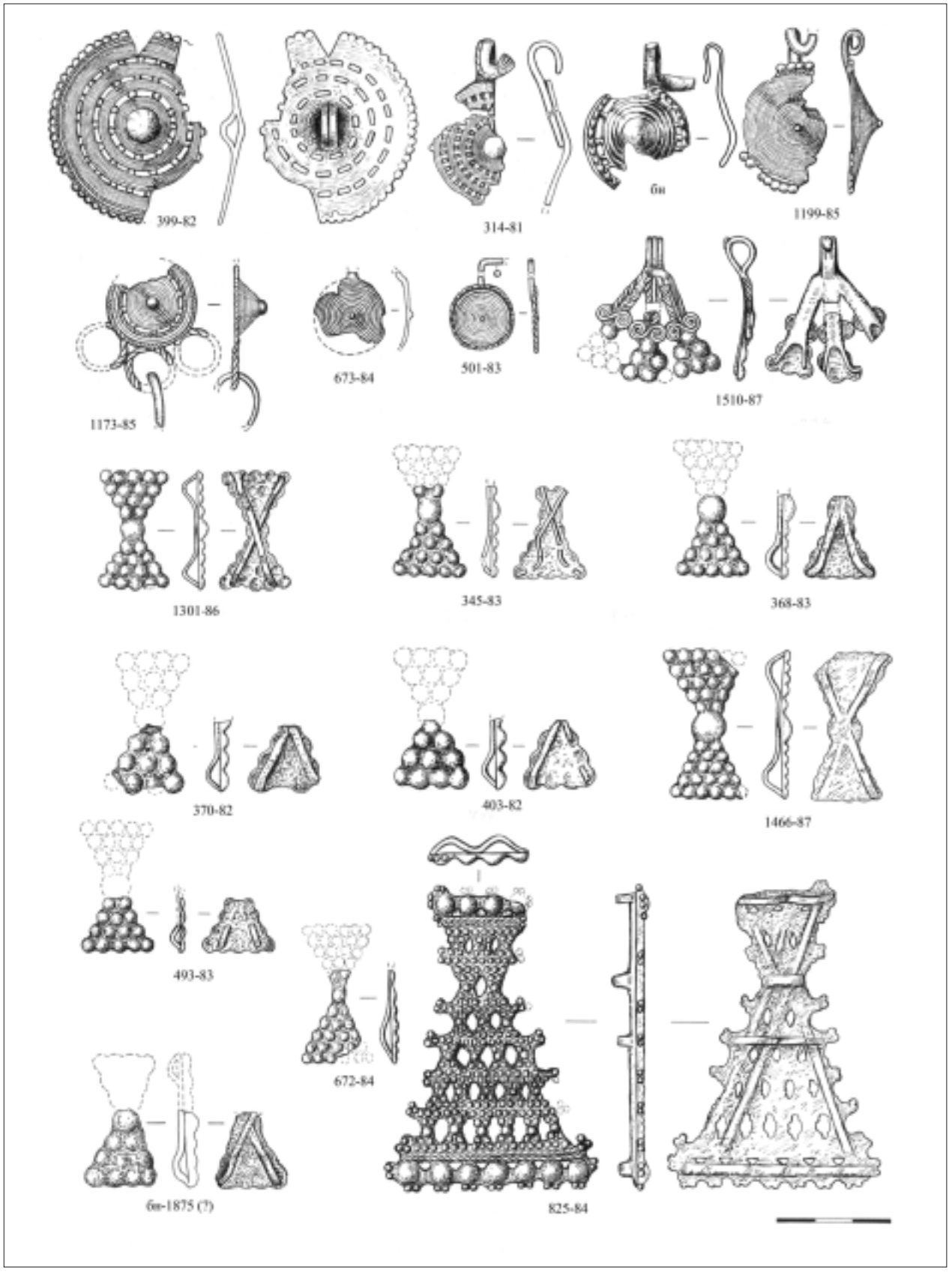


Рис. 142. Бронзовые умбоновидные подвески и бантиковидные нашивки
Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

Рис. 143. Серьги со щитком и шумящими привесками и их фрагменты
Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя

№ 875-84 – пронизь с привесками, № 29-83, 55-83 – железо, остальные – бронза
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

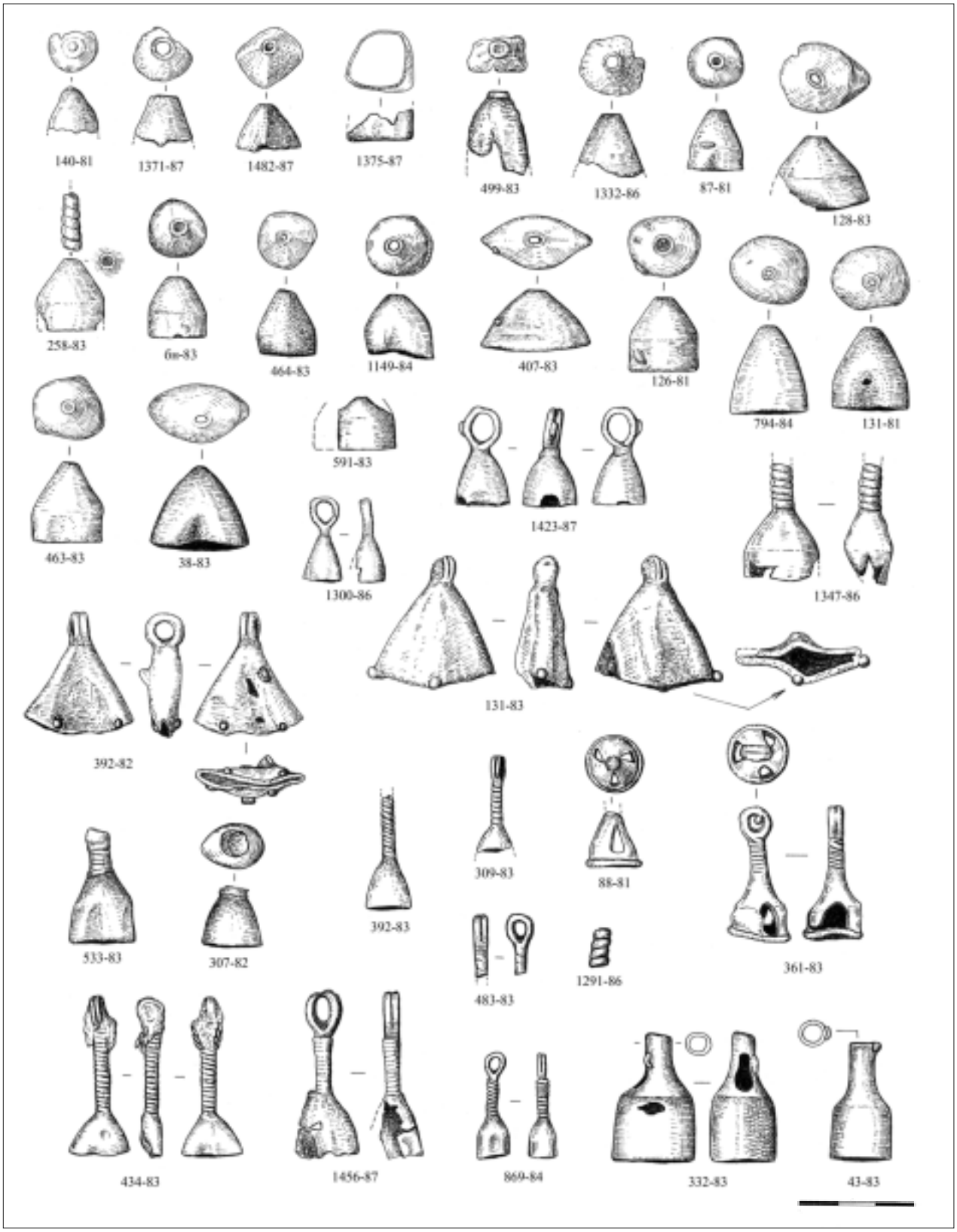


Рис. 144. Бронзовые конические, пирамидальные и бутыльчатые привески
Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

Рис. 145. Бронзовые привозные украшения. Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя

№ 11-83, 1363-87, 1503-97 – фибулы; № 351-81, 354-83 – лунницы с выемчатыми эмалями до реставрации и после; № 1377-87 – привеска-пирамидка; № 1463-87 – привеска-уточка; № 100-82 – пластина-обойма с тамгой; № 19-83, 39-93, 563-83,1365-87 – пластины с изображениями человечков; № 252-83 – подвязанная фибула с расширенной ножкой; № 34-81,57-81,58-81 – привески-бубенчики с полями; № 32-83, 74-83 – эсовидные переходники; № 870-84, 298-83 – обоймы со штампованным орнаментом
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

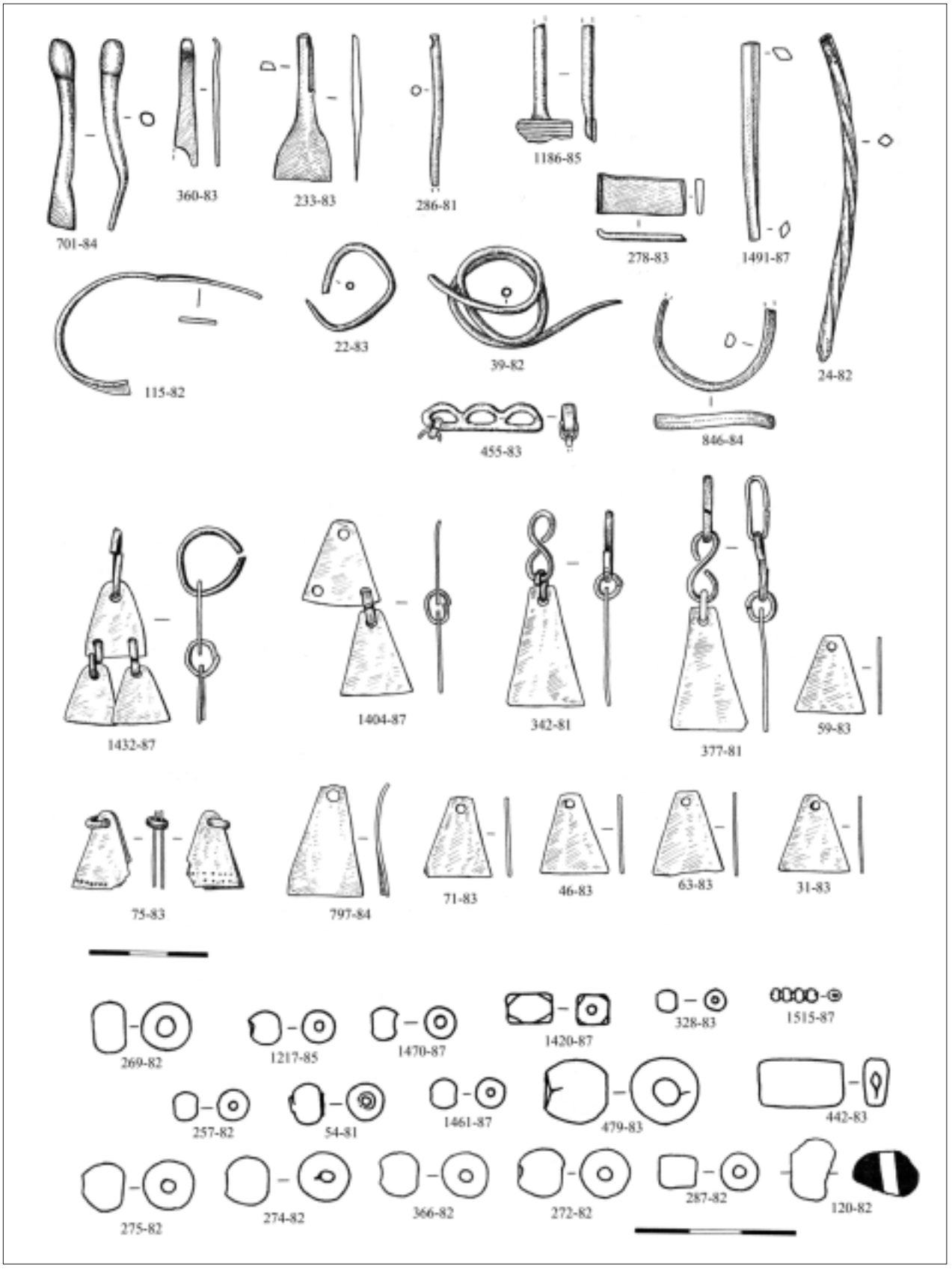


Рис. 146. Бронзовые изделия, трапециевидные привески, прорисовки стеклянных бус Дьяково городище. Верхний и нижний слои

№ 272, 274, 275, 287 – нижний слой, остальные – верхний

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

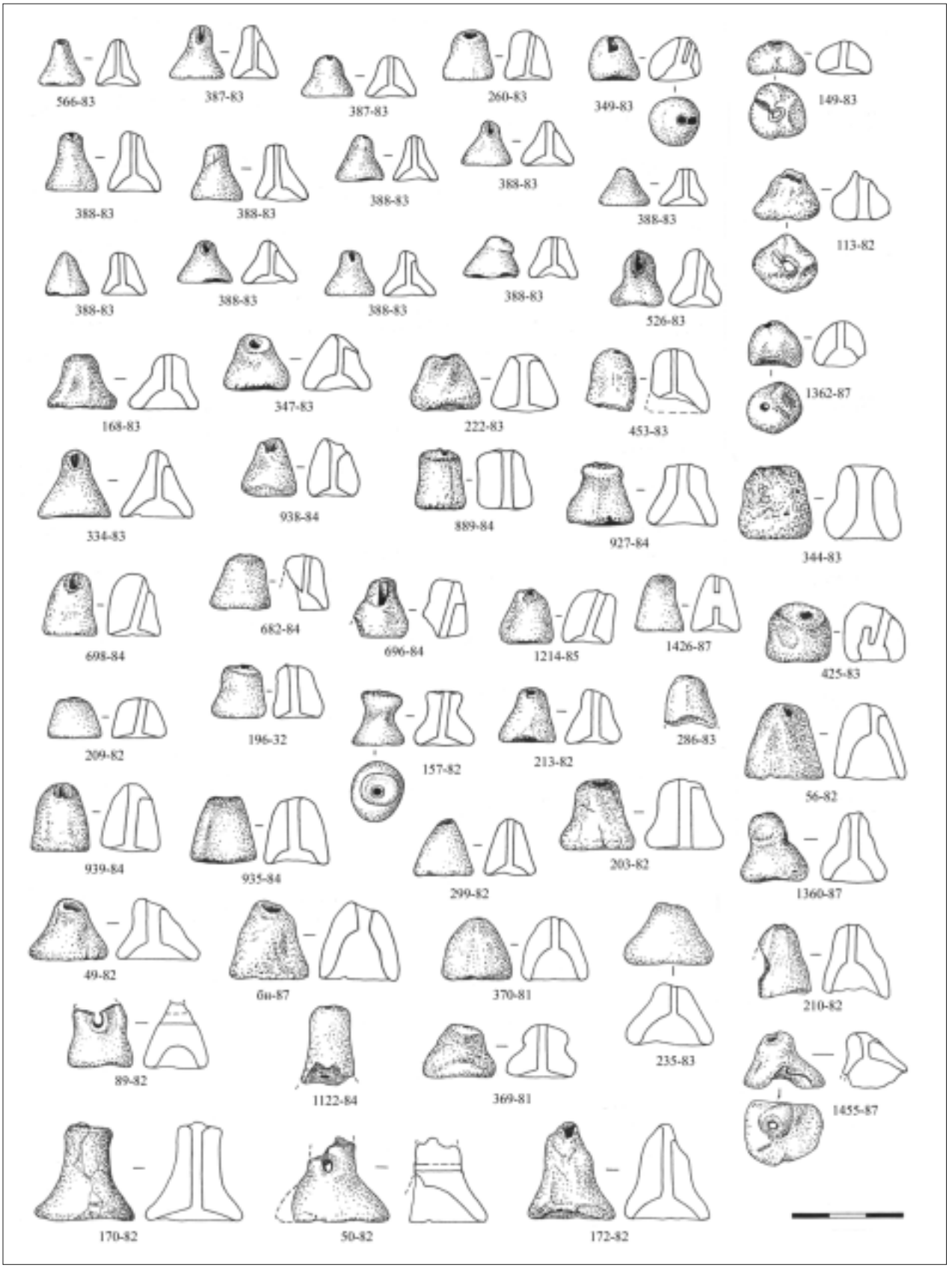


Рис. 147. Глиняные бусы конической формы. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

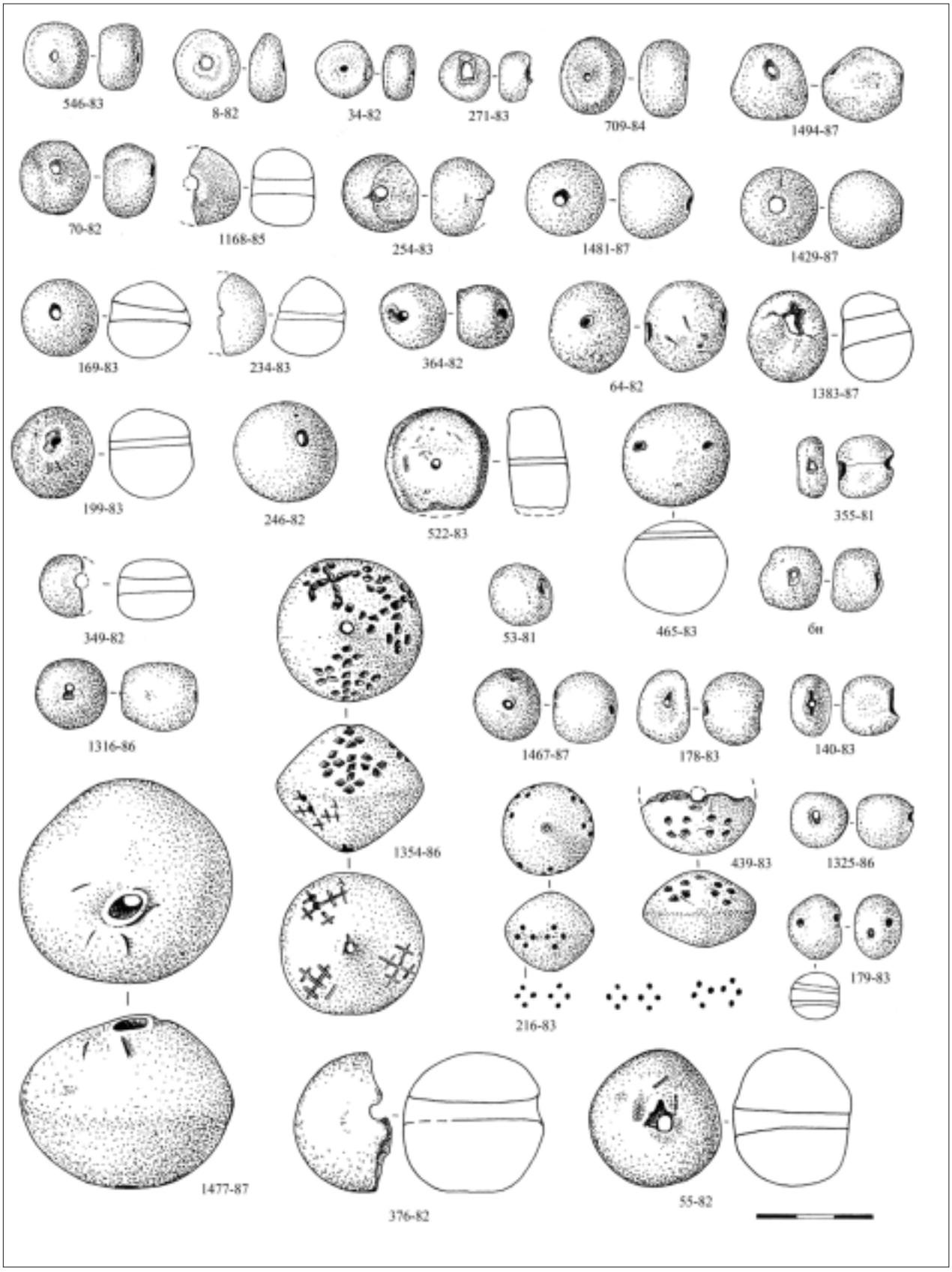


Рис. 148. Глиняные округлые бусы и биконусы. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

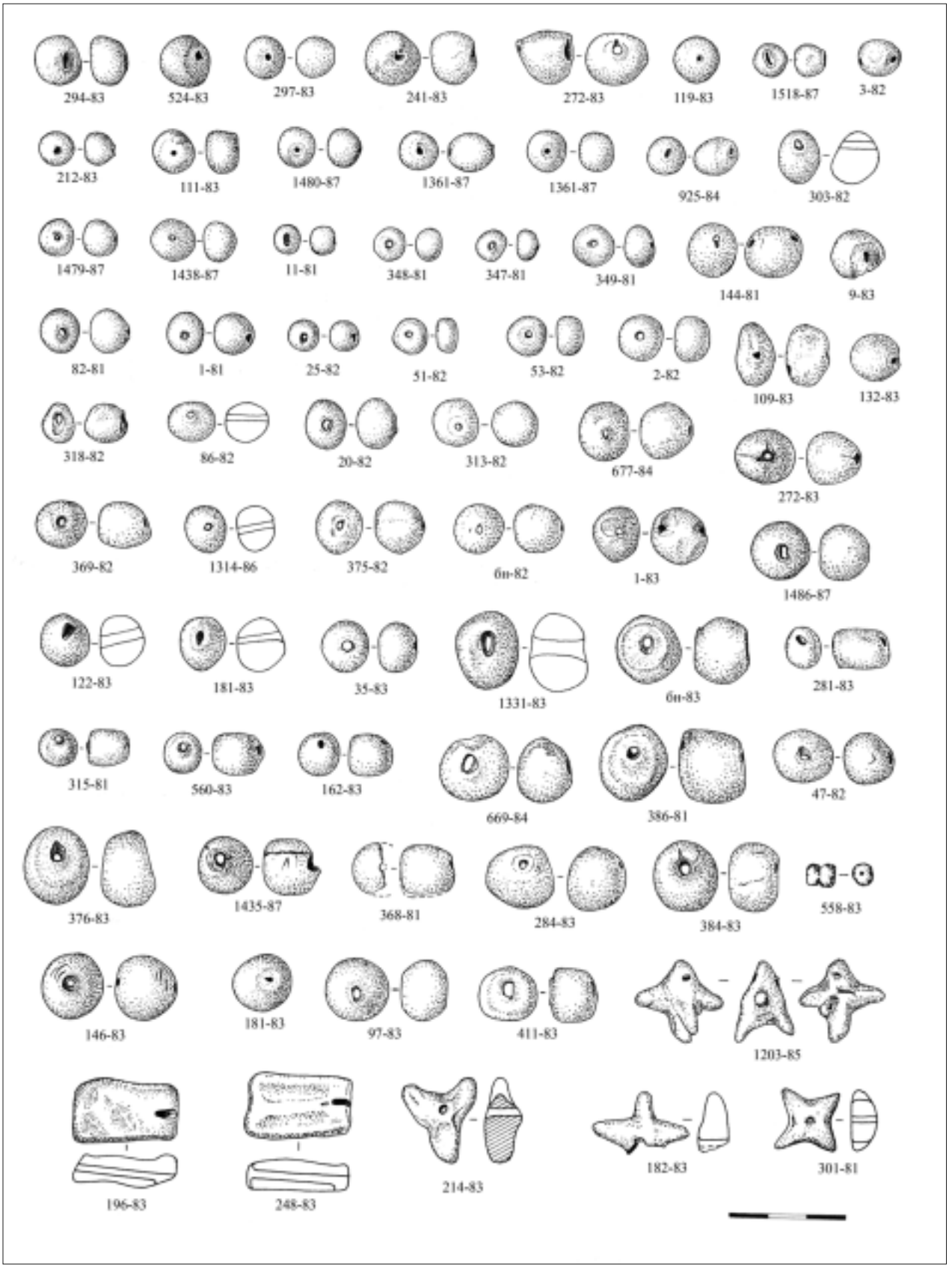


Рис. 149. Глиняные округлые, плоские и «звездчатые» бусы. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

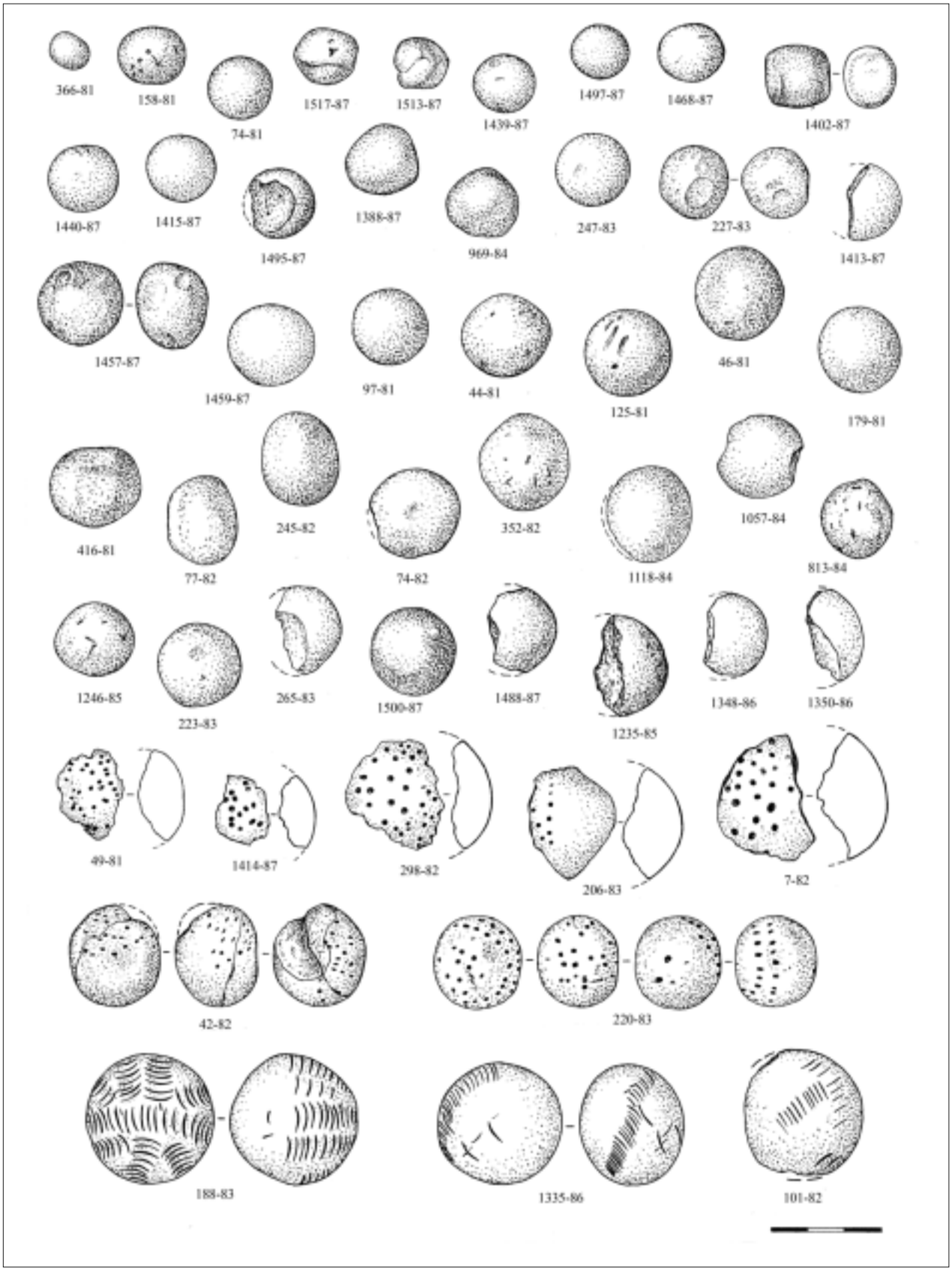


Рис. 150. Глиняные неорнаментированные и орнаментированные шарики. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

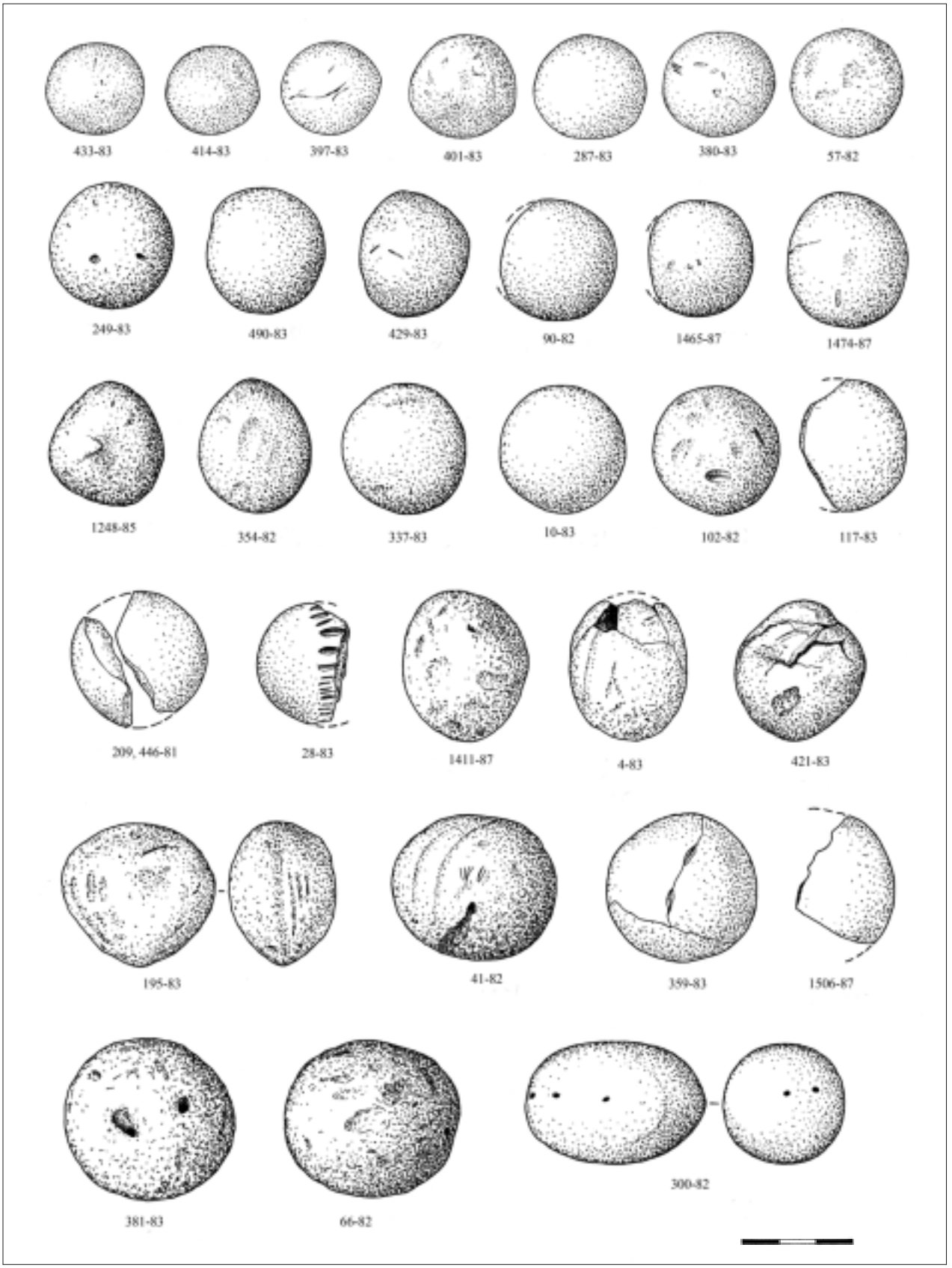


Рис. 151. Глиняные шарики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

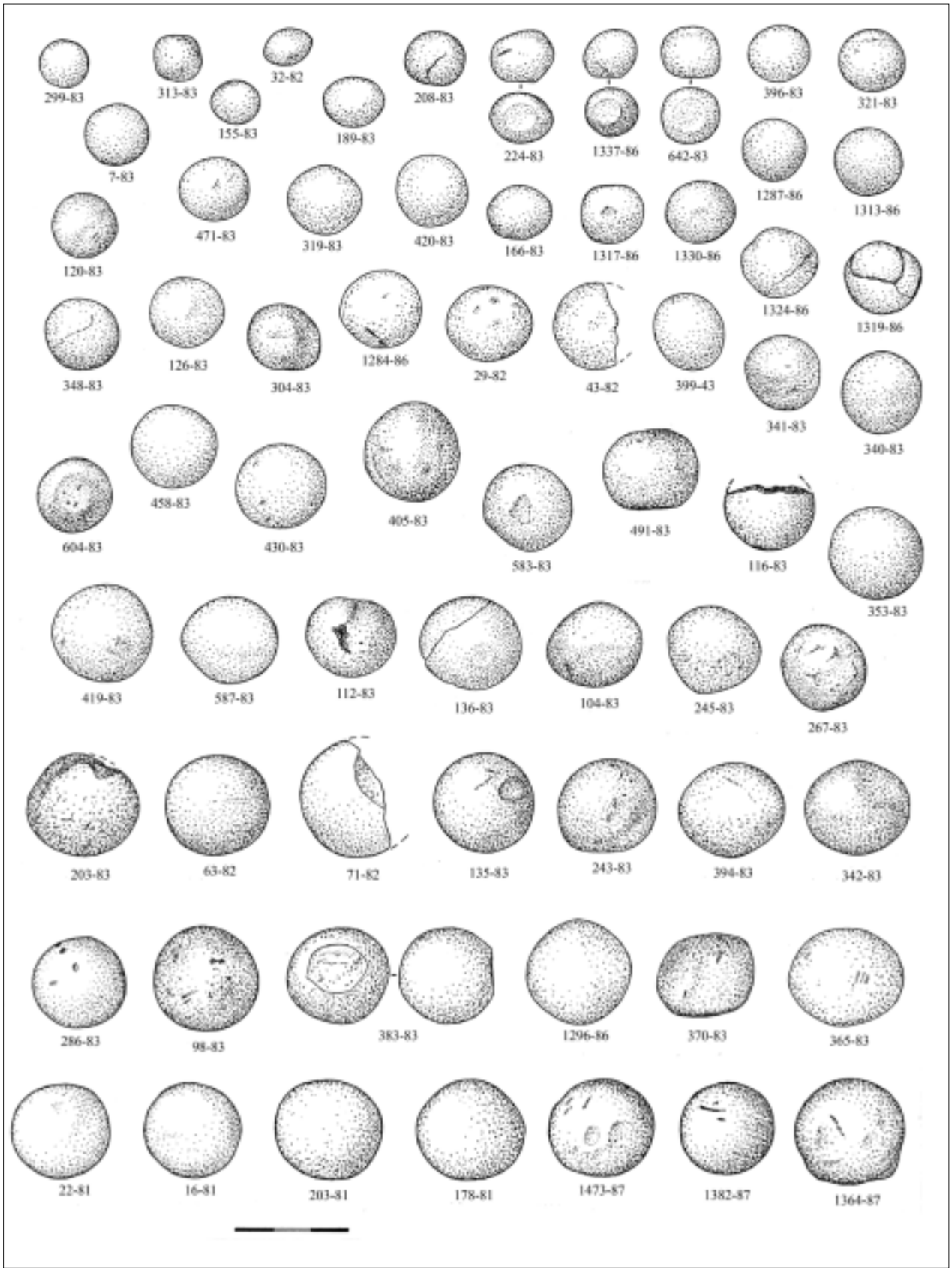


Рис. 152. Глиняные шарики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

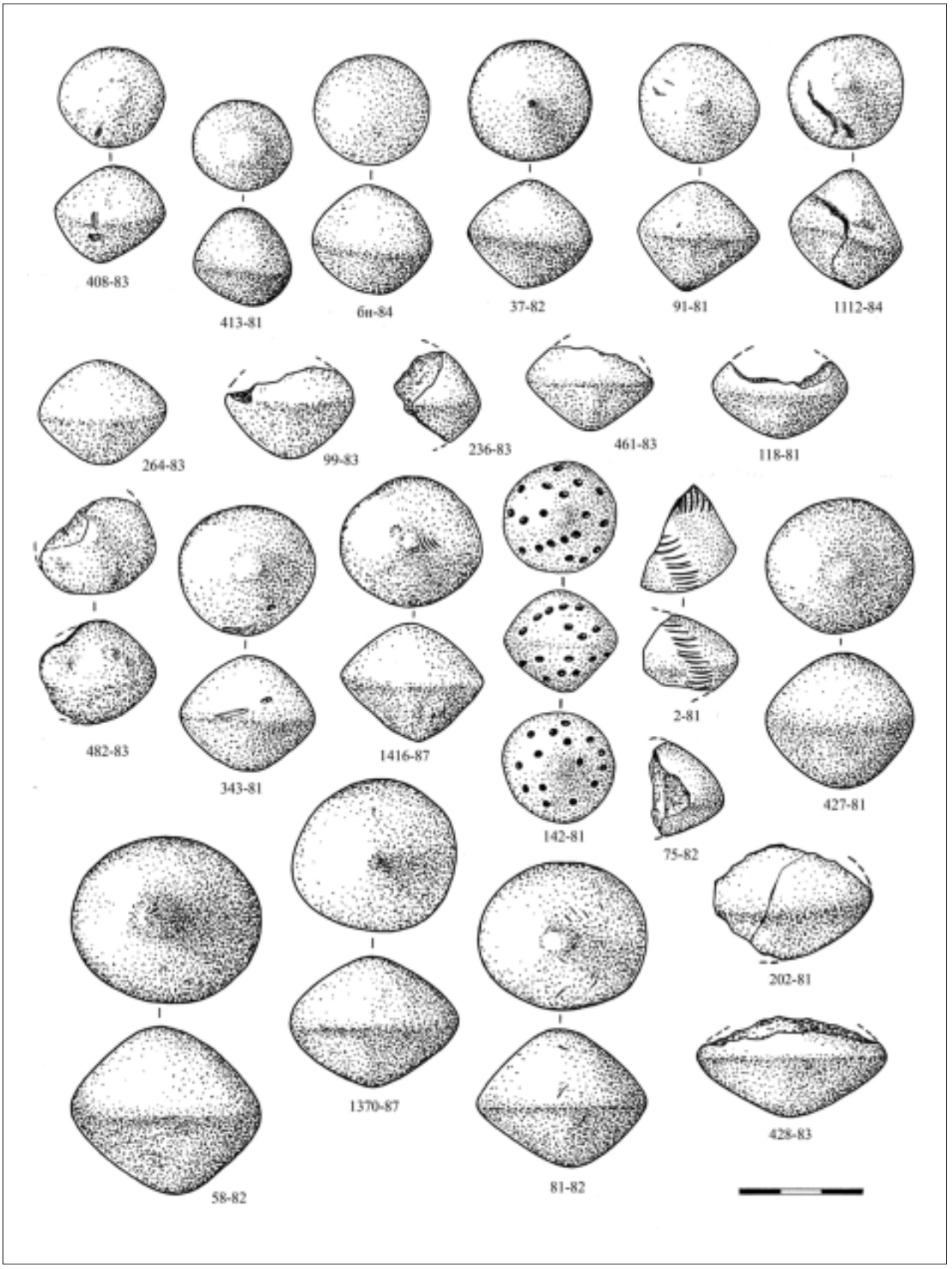


Рис. 153. Глиняные биконусы. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

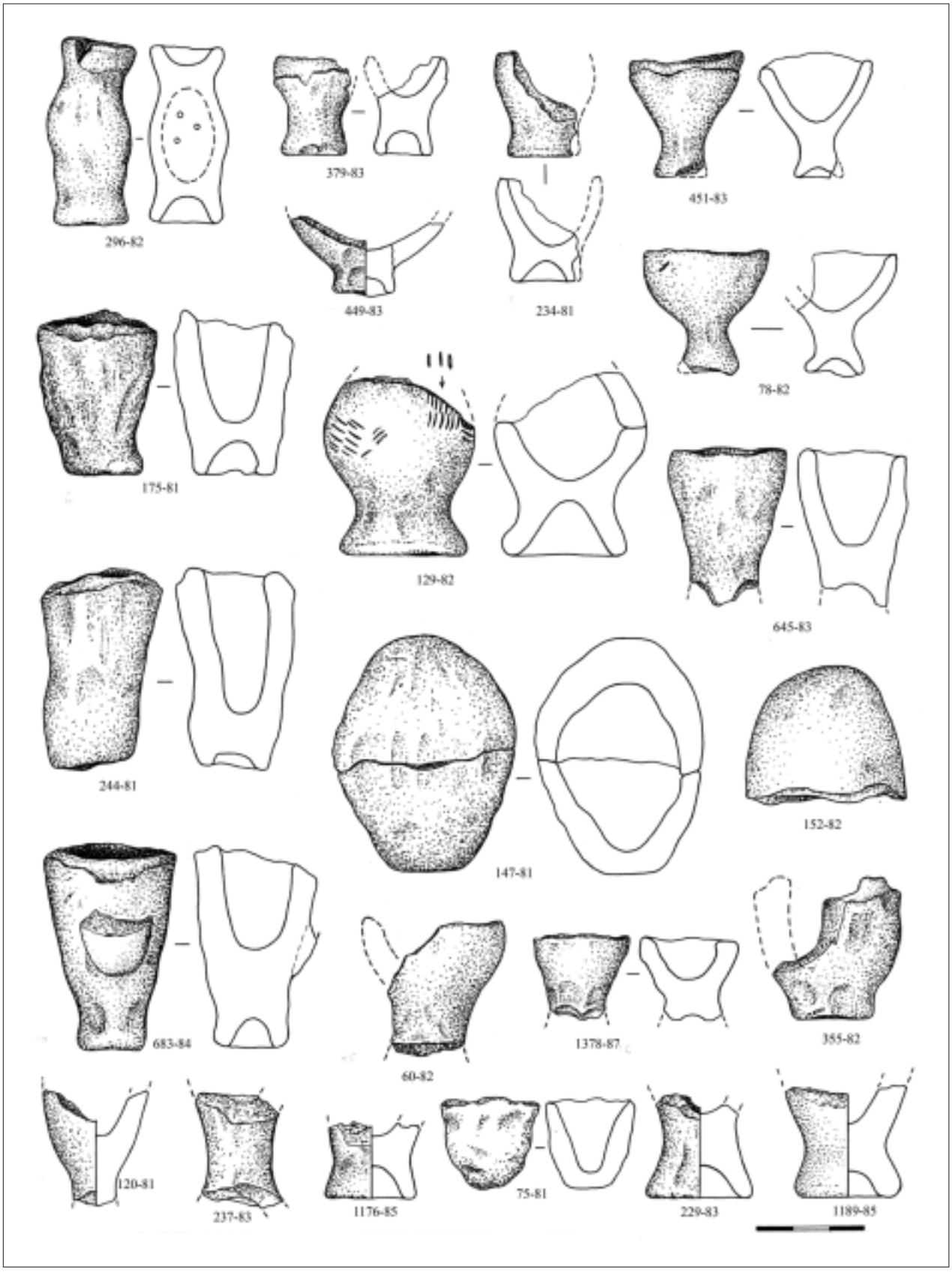


Рис. 154. Глиняные погремушки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

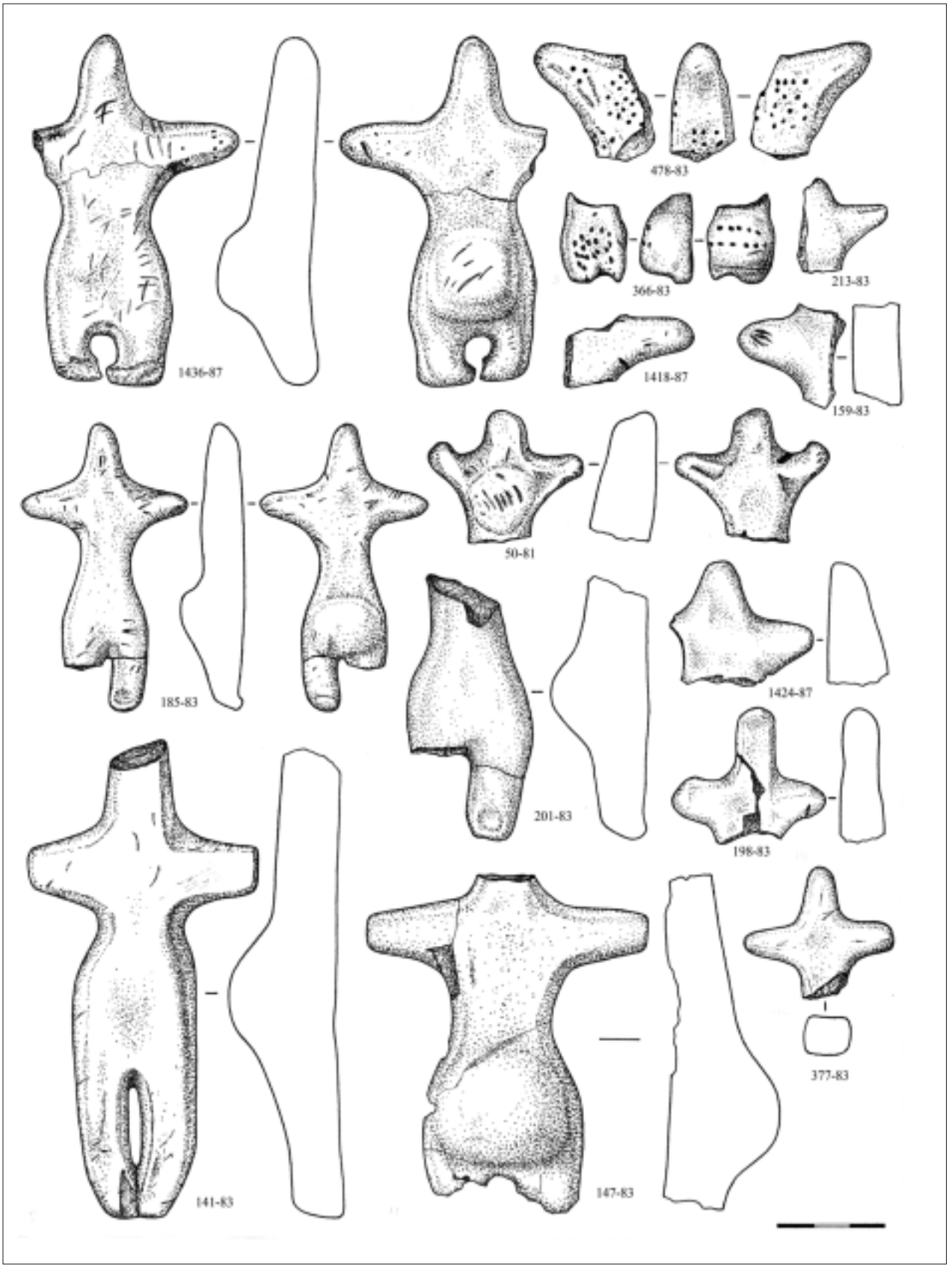


Рис. 155. Глиняные антропоморфные статуэтки. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

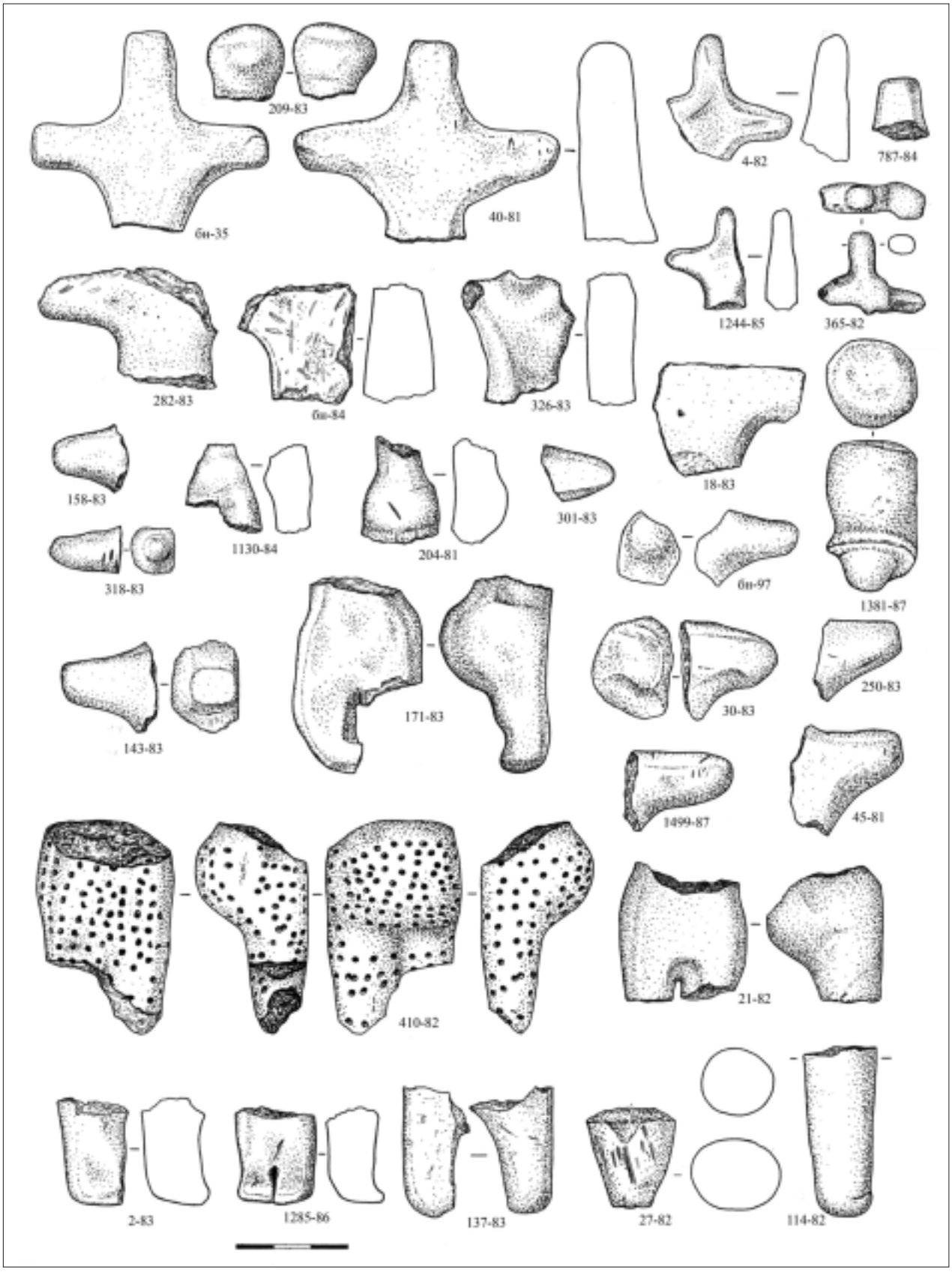


Рис. 156. Глиняные антропоморфные статуэтки. Дьяково городище.
Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

Рис. 157. Глиняные орнаментированные таблички, модели рогатых кирпичей, кусок глины с отпечатком ладони и пальцев (106-82), глиняная «лепешка» с отпечатком ткани (251-83). Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

Рис. 158. Глиняные орнаментированные и неорнаментированные таблички. Дьяково городище. Верхний слой
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

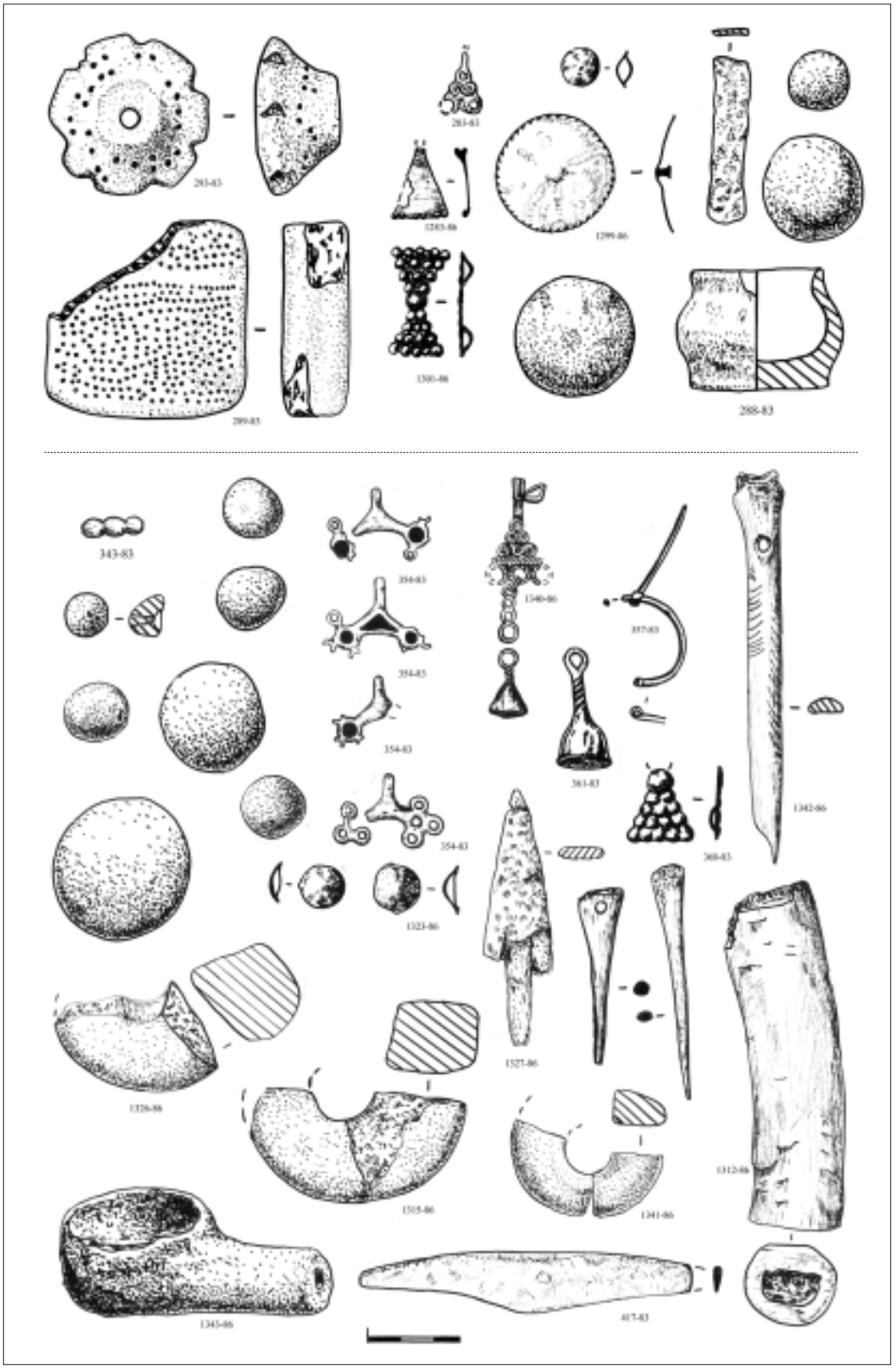
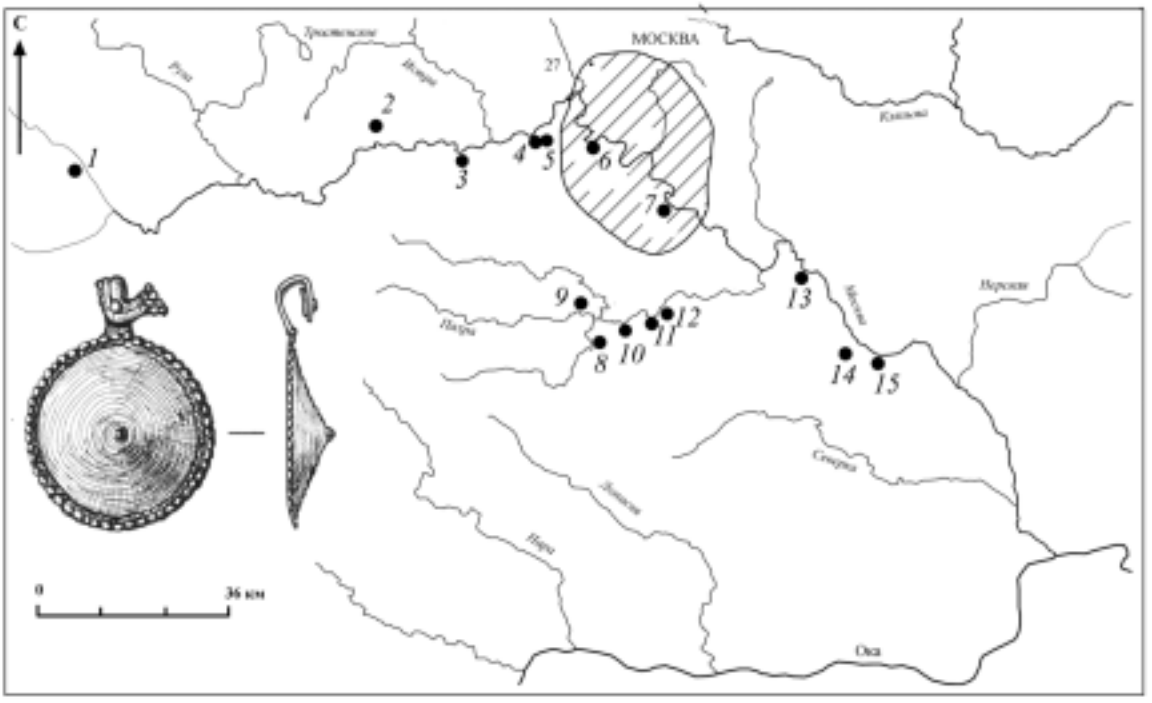


Рис. 159. Комплексы вещей из построек. Дьяково городище. Верхний слой

Вверху – комплекс из постройки Е-8; внизу – комплекс из постройки Е-7
Номера по описи, после дефиса – год раскопок



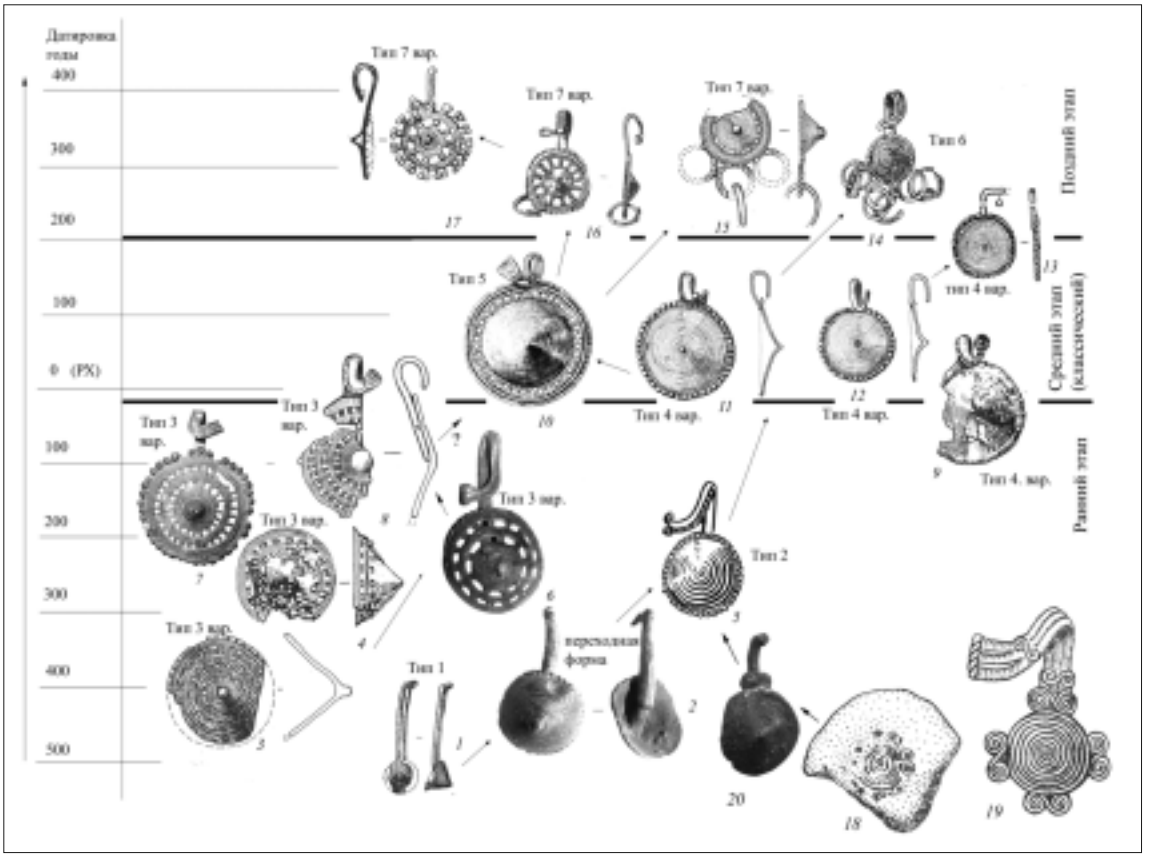


Рис. 160. Карта распространения характерных для москворецких памятников дьякова типа умбоновидных подвесок «классического» варианта (вверху)

1 – Троицкое; *2* – Дютьково; *3* – Успенское; *4* – Жуковское; *5* – Барвихинское; *6* – Кунцево; *7* – Дьяково; *8* – Кузнечики; *9* – Луковня 1; *10* – Жданово 1; *11* – Щербинское; *12* – Заболотье; *13* – Круглица; *14* – Селецкое; *15* – Боршева

Эволюционные ряды умбоновидных подвесок (внизу)

1, *9, 14, 16* – Щербинское городище; *2* – селище Дунино 4; *3, 8, 13, 15* – Дьяково городище; *4* – городище Настасьино; *5* – городище Селецкое; *6* – неизвестное место находки, Одинцовский р-н; *7* – неизвестное место находки, Московская обл.; *10* – городище Троицкое; *11, 12* – городище Дютьково; *17* – городище Отмичи; *18* – литейная форма с селища Дубровицы 3; *19* – Бураково, Смоленская обл. (по *Шмидт*, 1992)

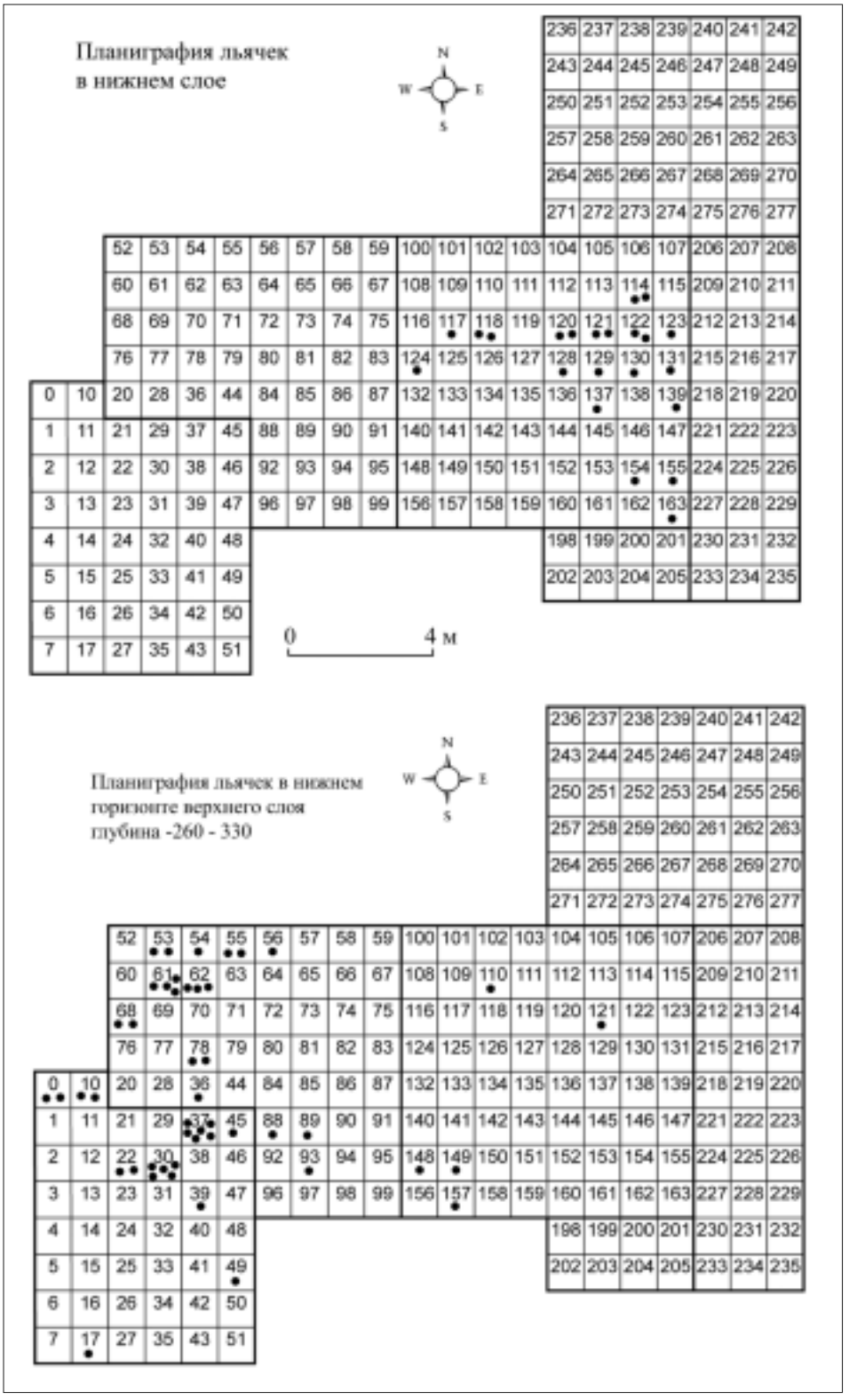


Рис. 161. Планиграфия находок лъячек. Дьяково городище

Вверху – нижний слой; внизу – верхний слой, нижний горизонт

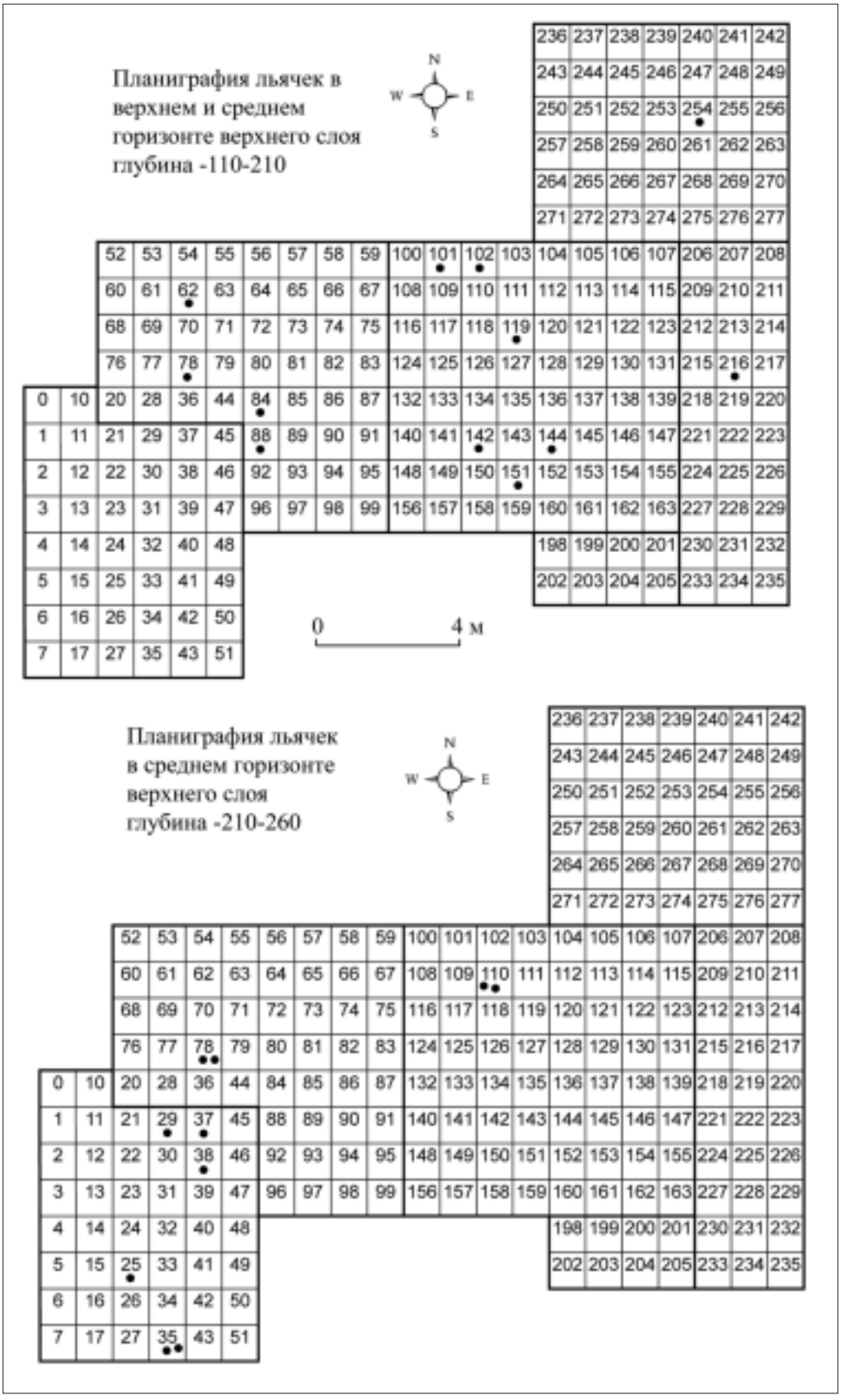


Рис. 162. Планиграфия находок льячек. Дьяково городище.
Верхний слой, верхний и средний горизонты

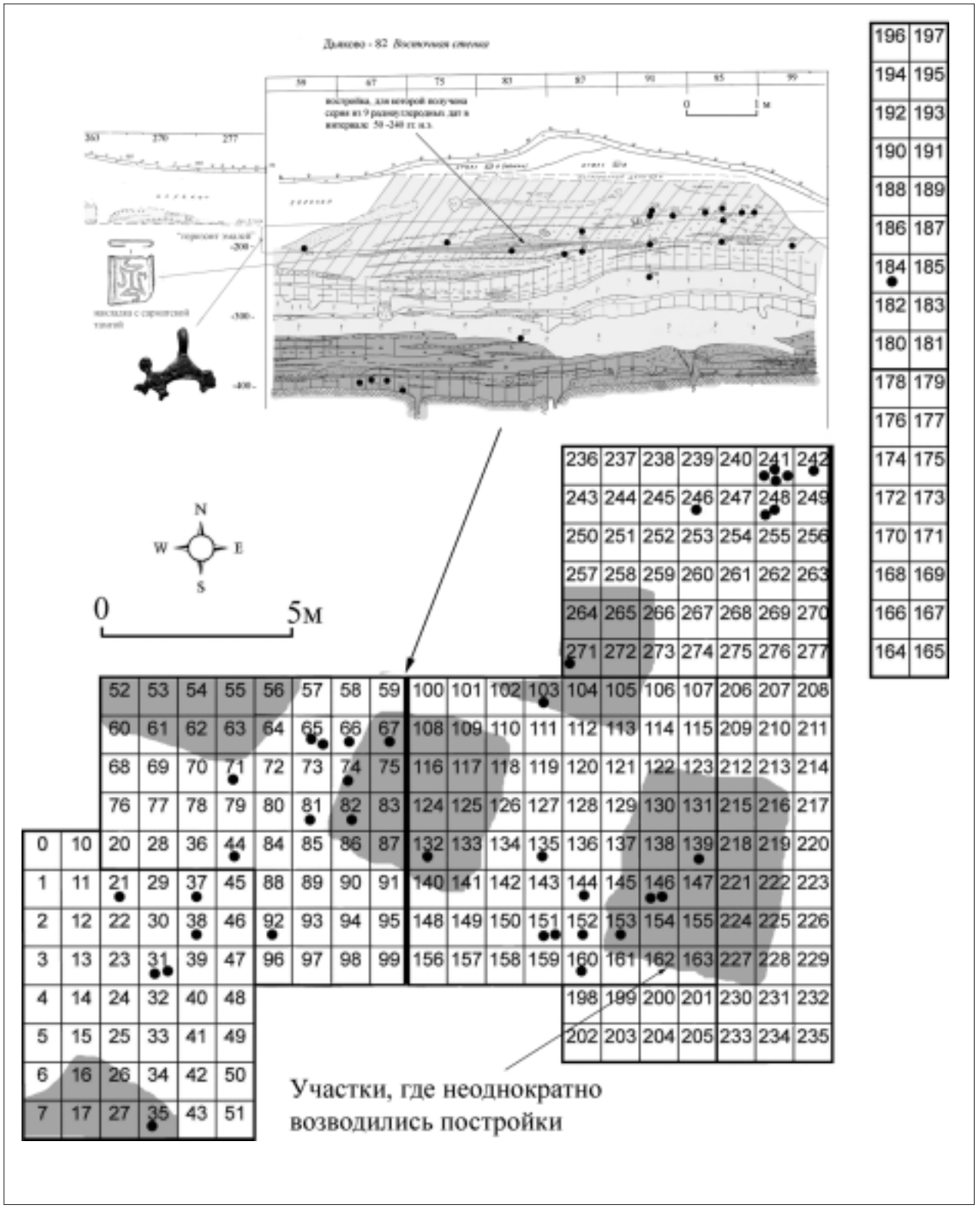


Рис. 163. Планиграфия находок стеклянных бус. Дьяково городище. Верхний слой
Проекция находок бус на профиль восточной стенки раскопа 1982 г. (вверху)

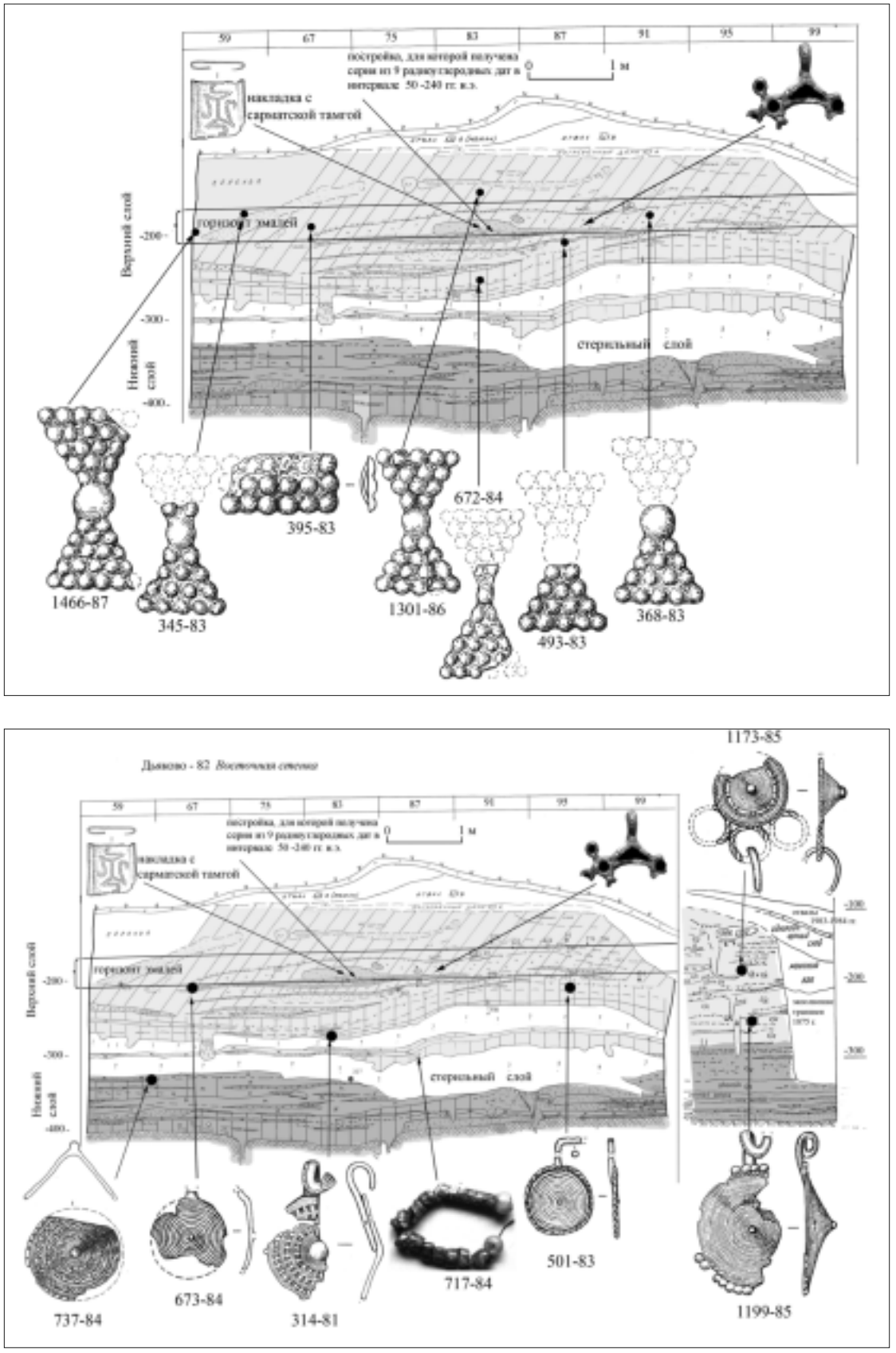


Рис. 164. Стратиграфические позиции бантиковидных нашивок (вверху) и умбоновидных привесок (внизу). Дьяково городище. Культурный слой
Номера находок – по описи

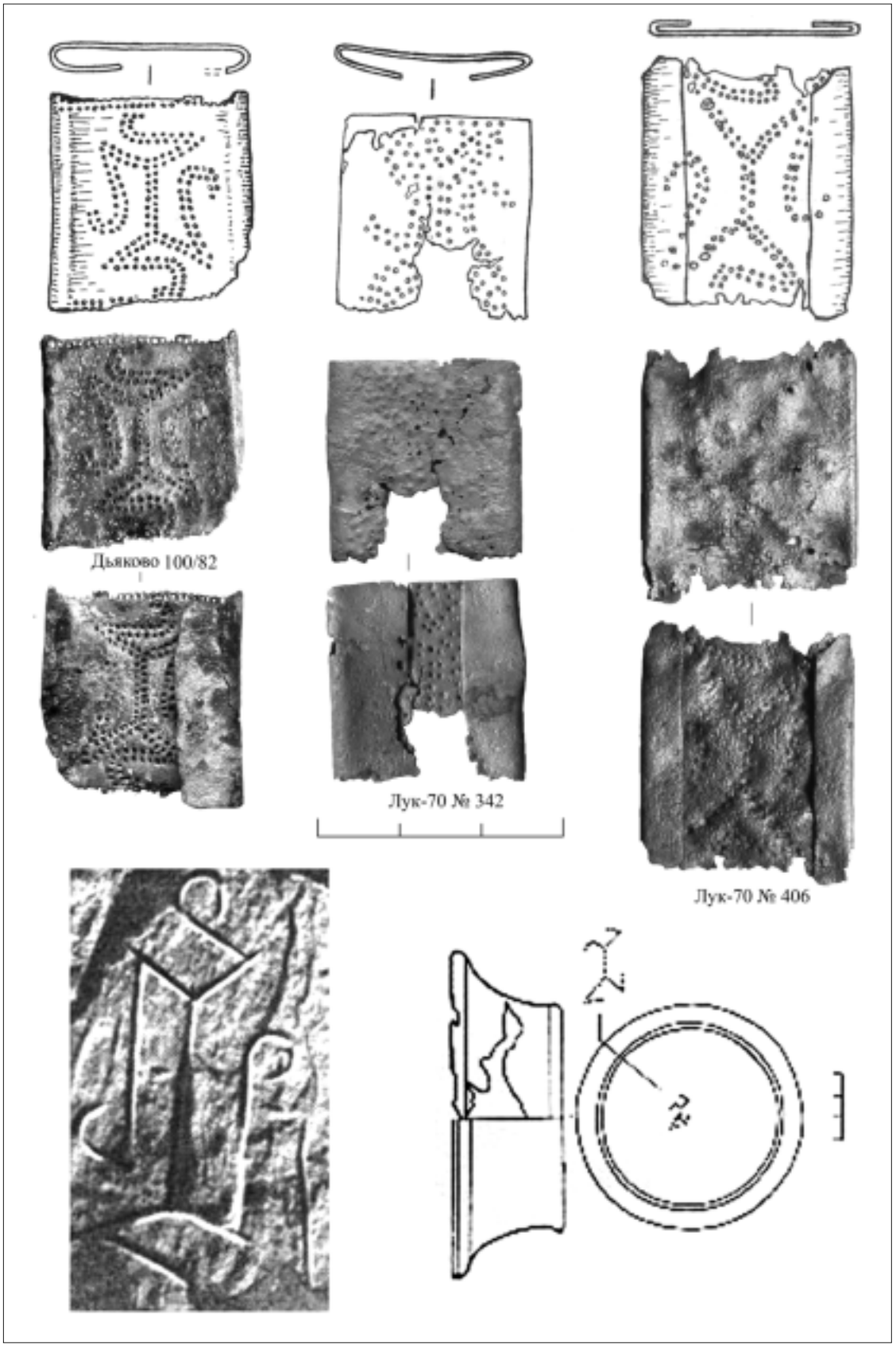


Рис. 165. Сарматская тамга

На пластинах с городищ Дьяково (№ 100-82) и Луковня (№ 342-70, 406-70),
аналогии им на скале Уй-Таш в Дагестане и чаше из Михайловского (по *Марковин*, 2006)
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

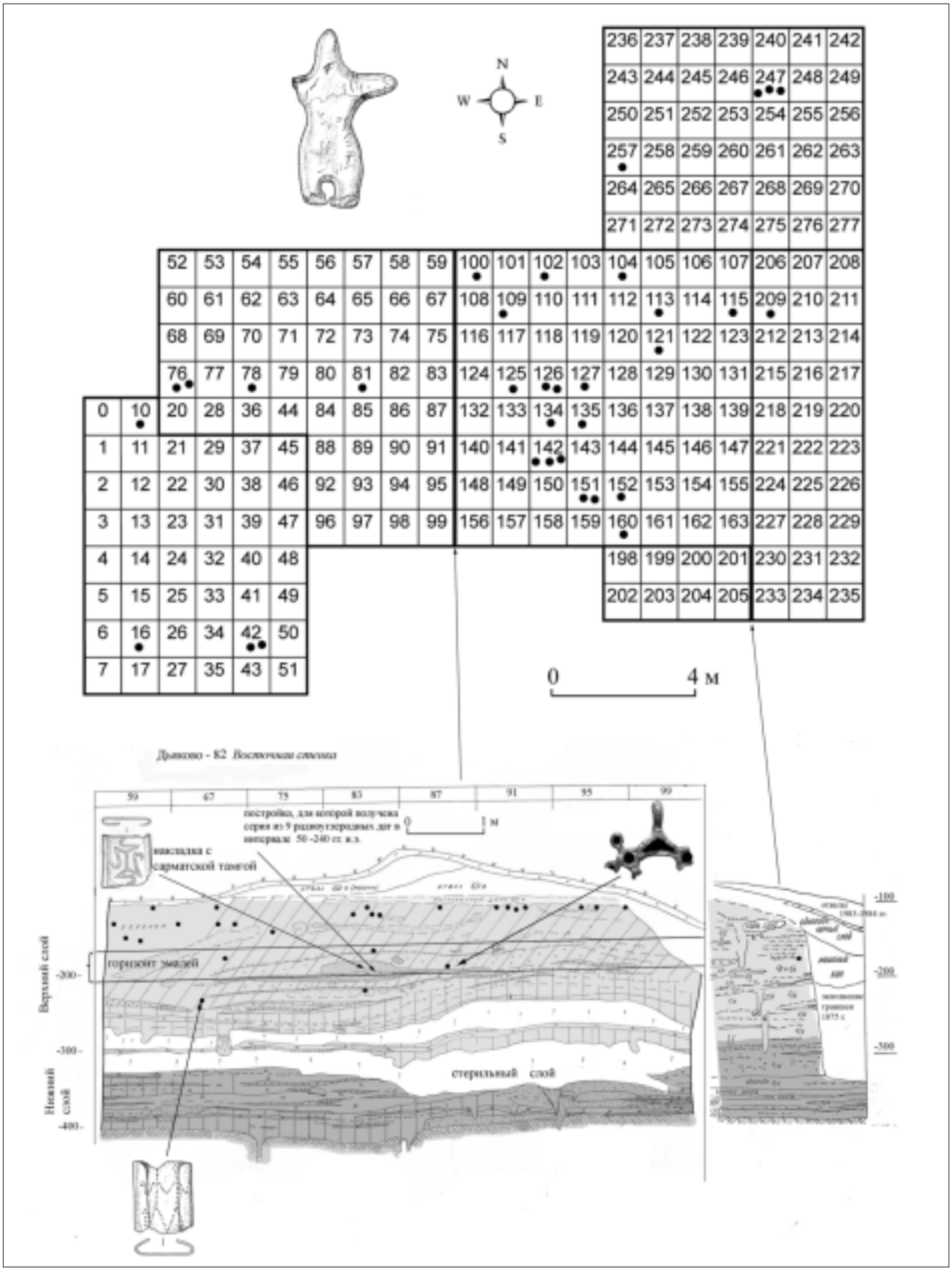


Рис. 166. Планиграфическое и стратиграфическое распределение глиняных антропоморфных статуэток. Дьяково городище. Верхний слой

Места находок показаны черными точками

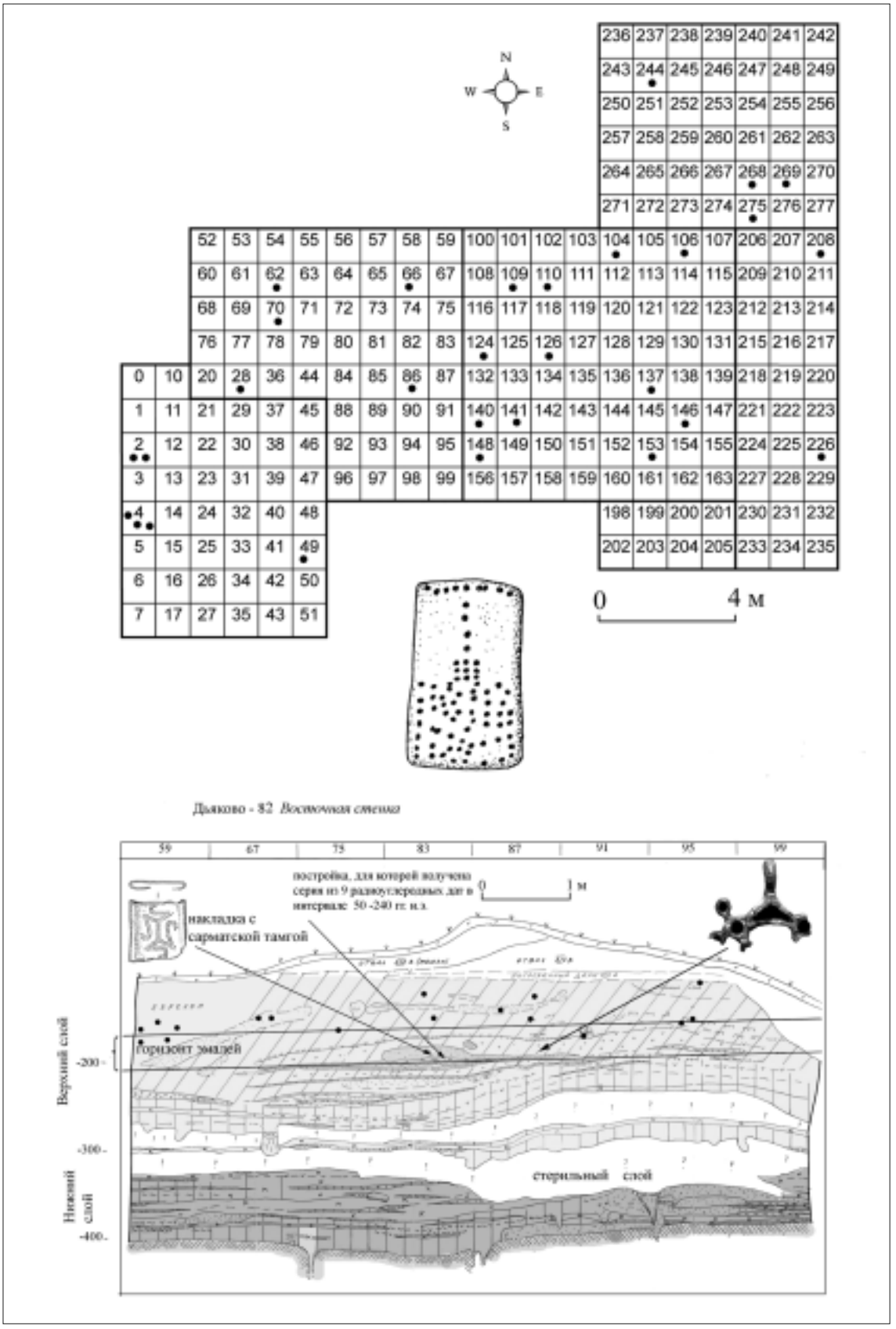
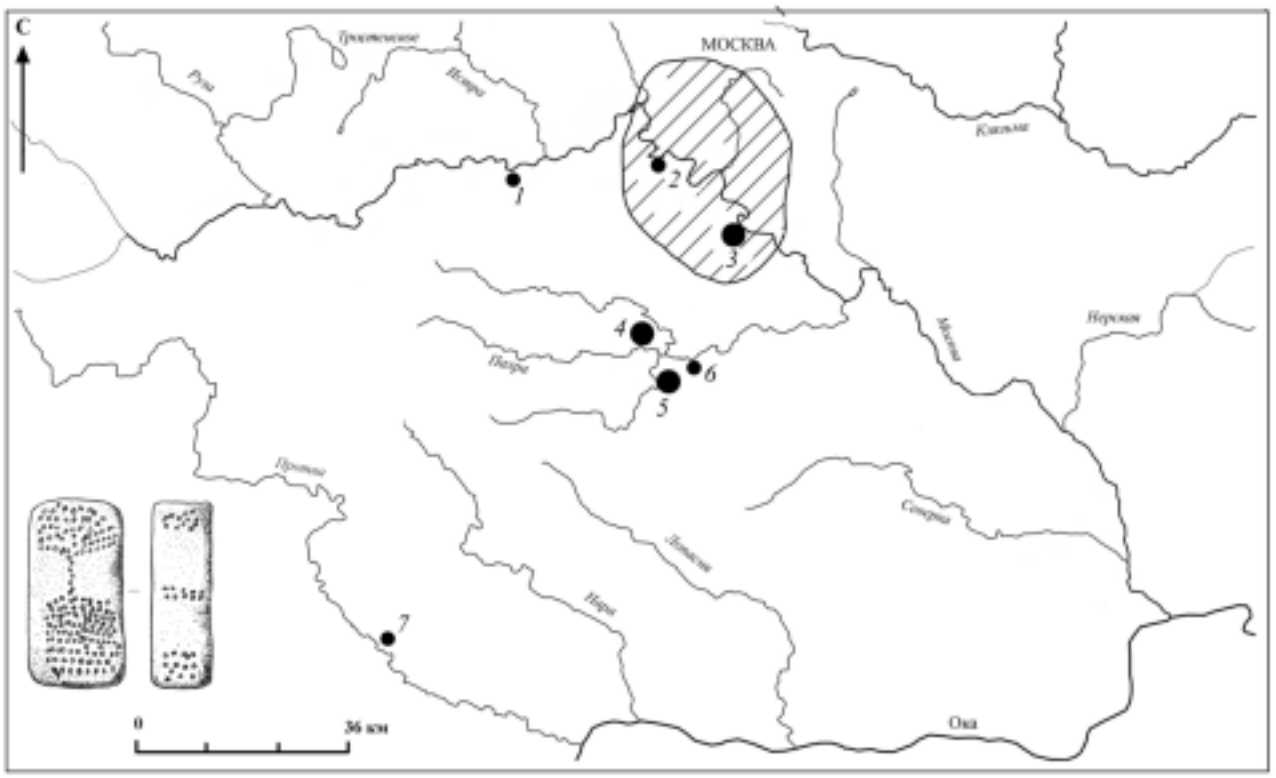


Рис. 167. Планиграфическое и стратиграфическое распределение глиняных орнаментированных табличек. Дьяково городище. Верхний слой



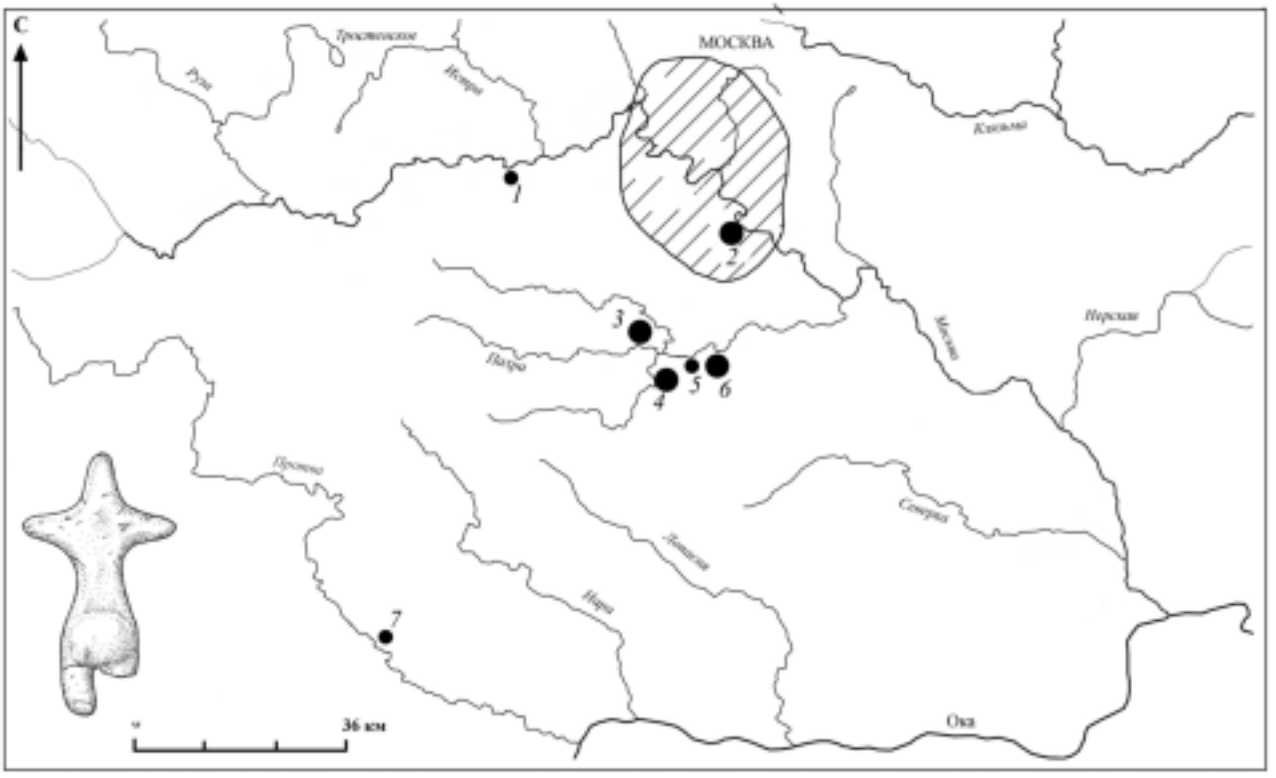


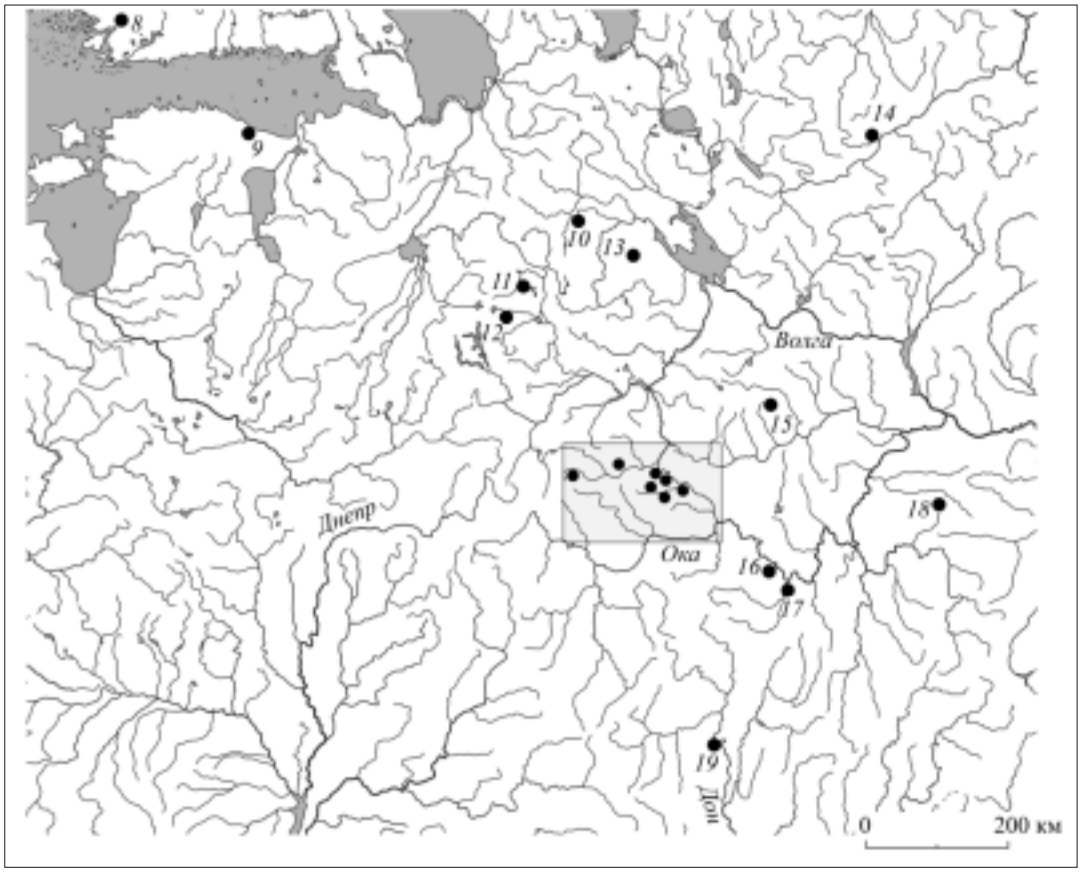
Рис. 168. Карта находок орнаментированных табличек (вверху)

1 – Успенское городище, *2* – Кунцево, *3* – Дьяково, *4* – Луковня, *5* – Кузнечики, *6* – Щербинское, *7* – Огубское

Карта находок антропоморфных статуэток (внизу)

1 – Успенское, *2* – Дьяково, *3* – Луковня, *4* – Кузнечики, *5* – Щербинское, *6* – Борисоглебское, *7* – Огубское

Малые значки – единичные находки, большие – массовые



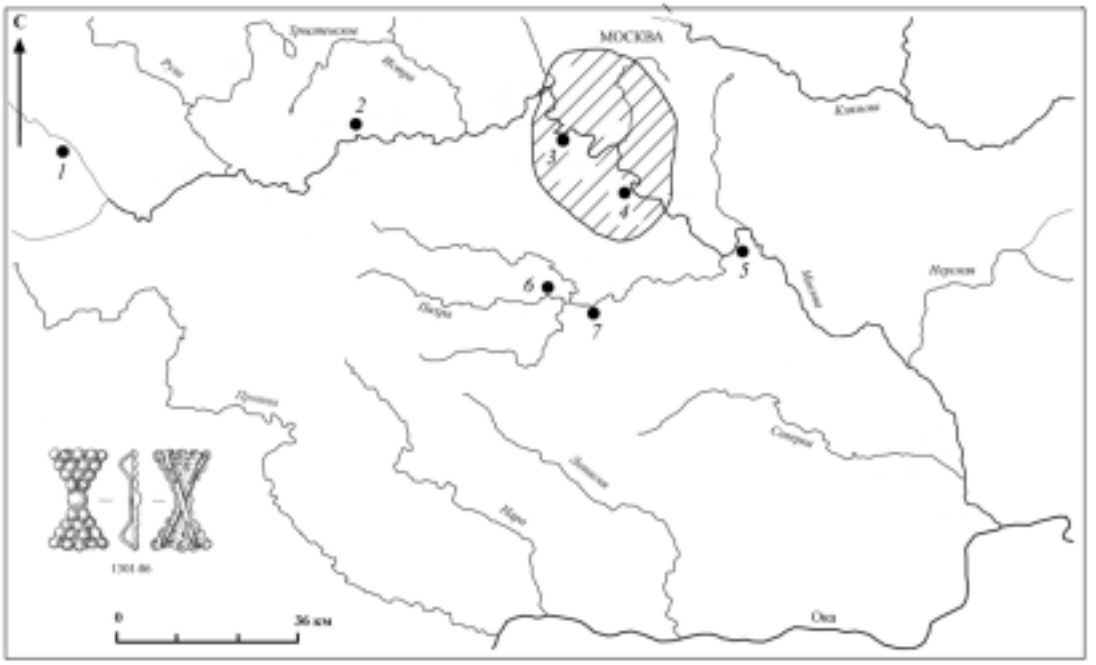


Рис. 169. Карта находок бантиковидных нашивок

1 – Троицкое, *2* – Саввино-Сторожевское, *3* – Кунцево, *4* – Дьяково, *5* – Боровский курган, *6* – Луковня, *7* – Щербинское, *8* – Кетохака, *9* – Ябара, *10* – Куреваниха, *11* – Варварина Гора, *12* – Медведевское, *13* – Орлов Городок, *14* – Усть-Царева, *15* – Бол. Давыдовский, *16* – Кораблино, *17* – Заречье, *18* – Абрамовский, *19* – Ксизово

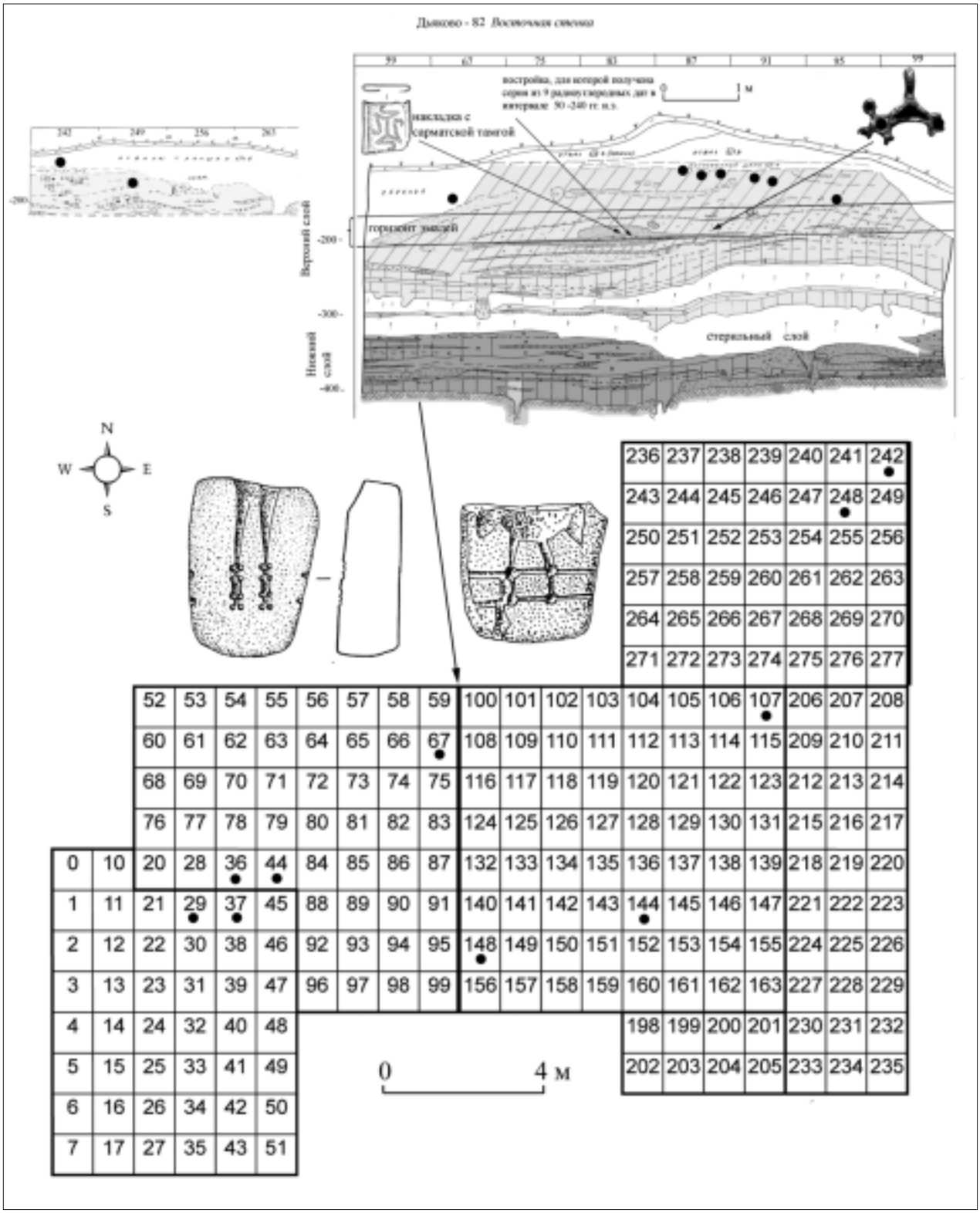


Рис. 170. Стратиграфическое и планиграфическое распределение находок литейных форм. Дьяково городище. Верхний слой

Рис. 171. Карта находок каменных литейных форм

1 – Дьяково гор., *2* – Щербинское гор., *3* – Луковня гор., *4* – Хлепень, *5* – Осечен, *6* – Кикинское гор.

Аналогии находкам с Дьякова городища

1 – Бернашевка (по *Винокуру*, 1997), *2* – Щербинское, *3* – Рыуге (по Шмидехельм, 1959) *4–6* – Бернашевка (по *Винокуру*, 1997), *7* – Рыуге, *8* – Осечен, *9* – Арнико (по *Моора*), *10* – Щербинское, *11* – Хлепень (по К.А. Смирнову), *12* – Осечен (по Исламовой), *13* – Кикинское (по *Вишневскому*), *14, 15* – Подол III (по *Фурасьеву*)

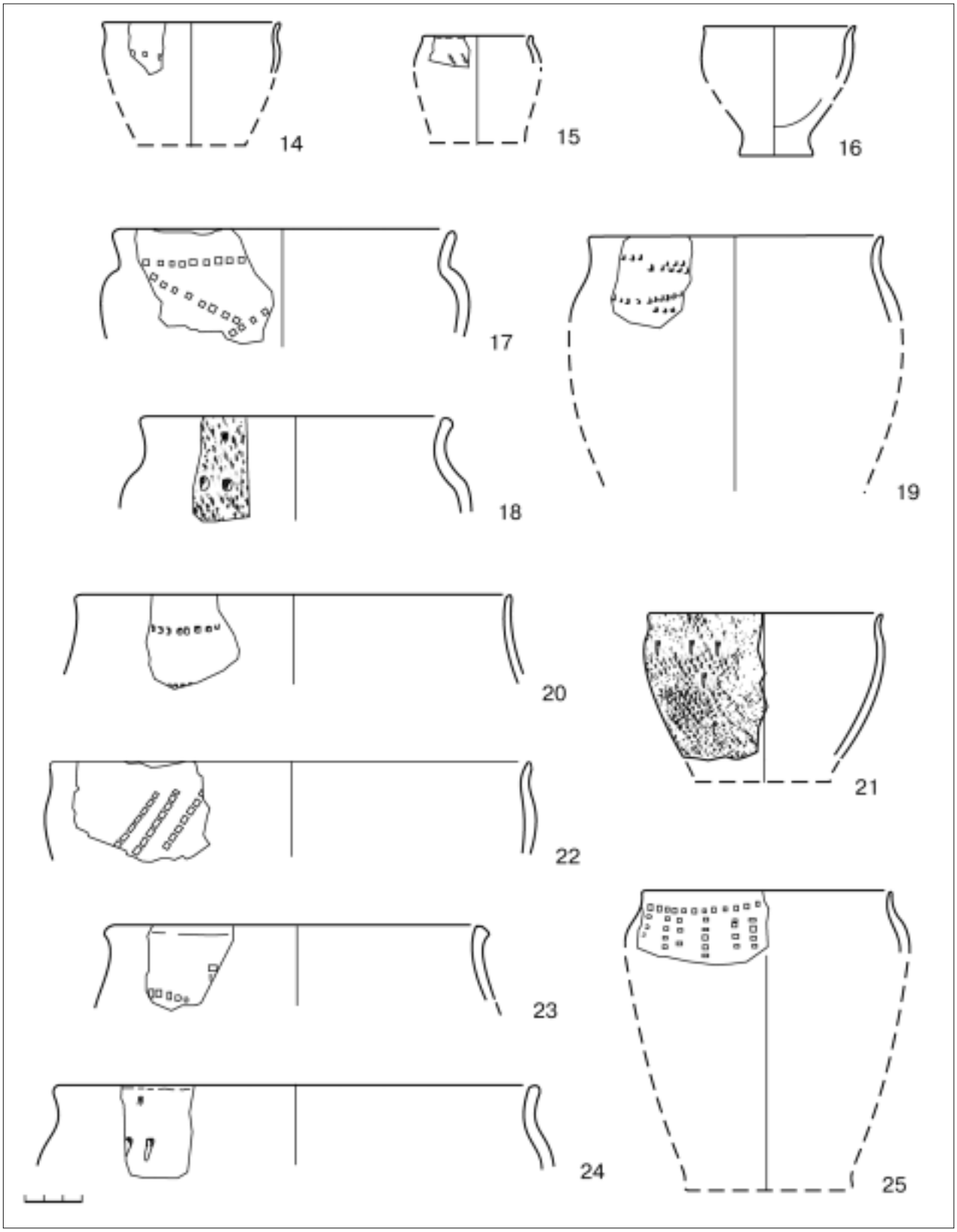


Рис. 172. Керамика. Дьяково городище. Погребенная почва
Текстильная отмечена условным знаком

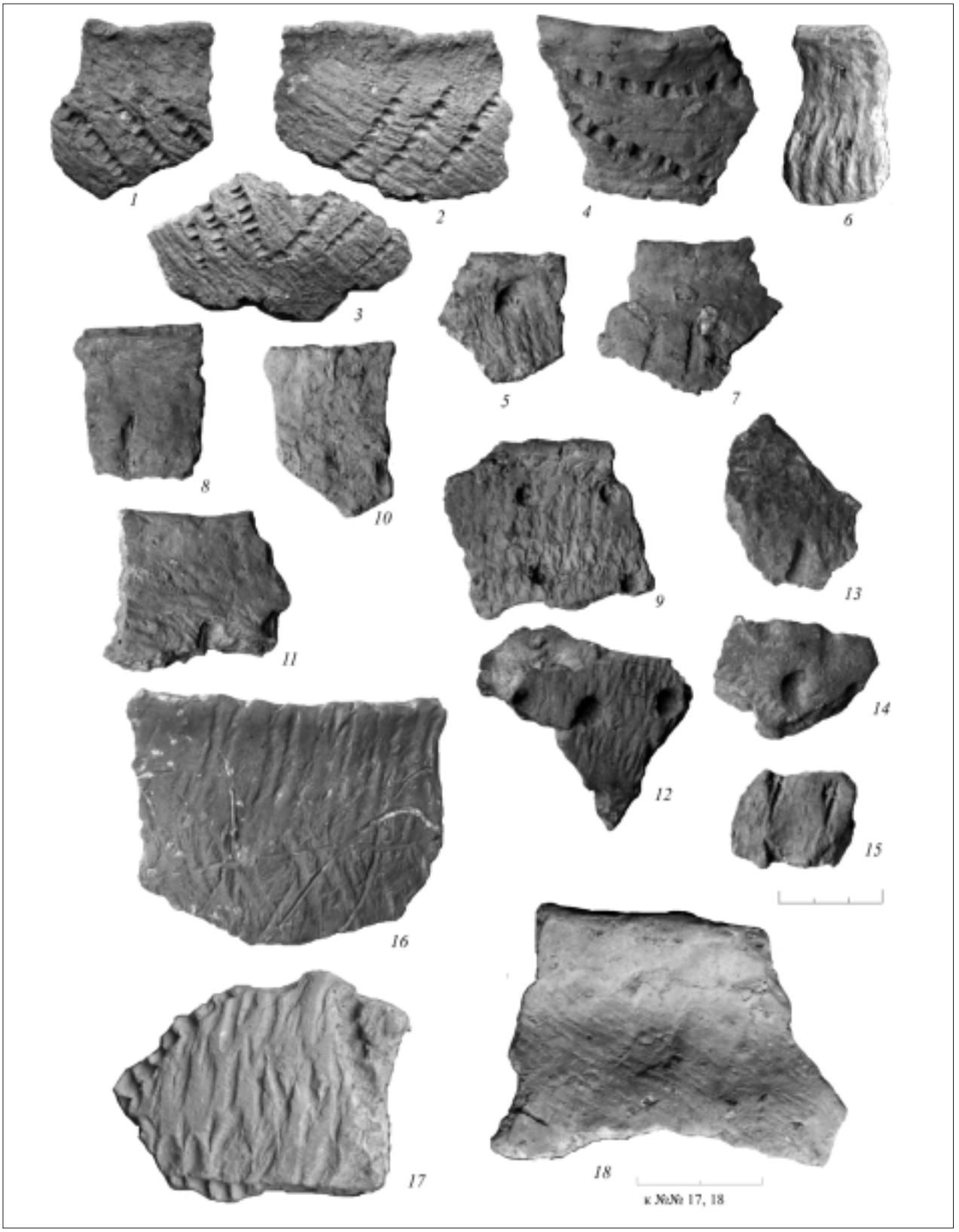


Рис. 173. Текстильная керамика. Дьяково городище. Погребенная почва

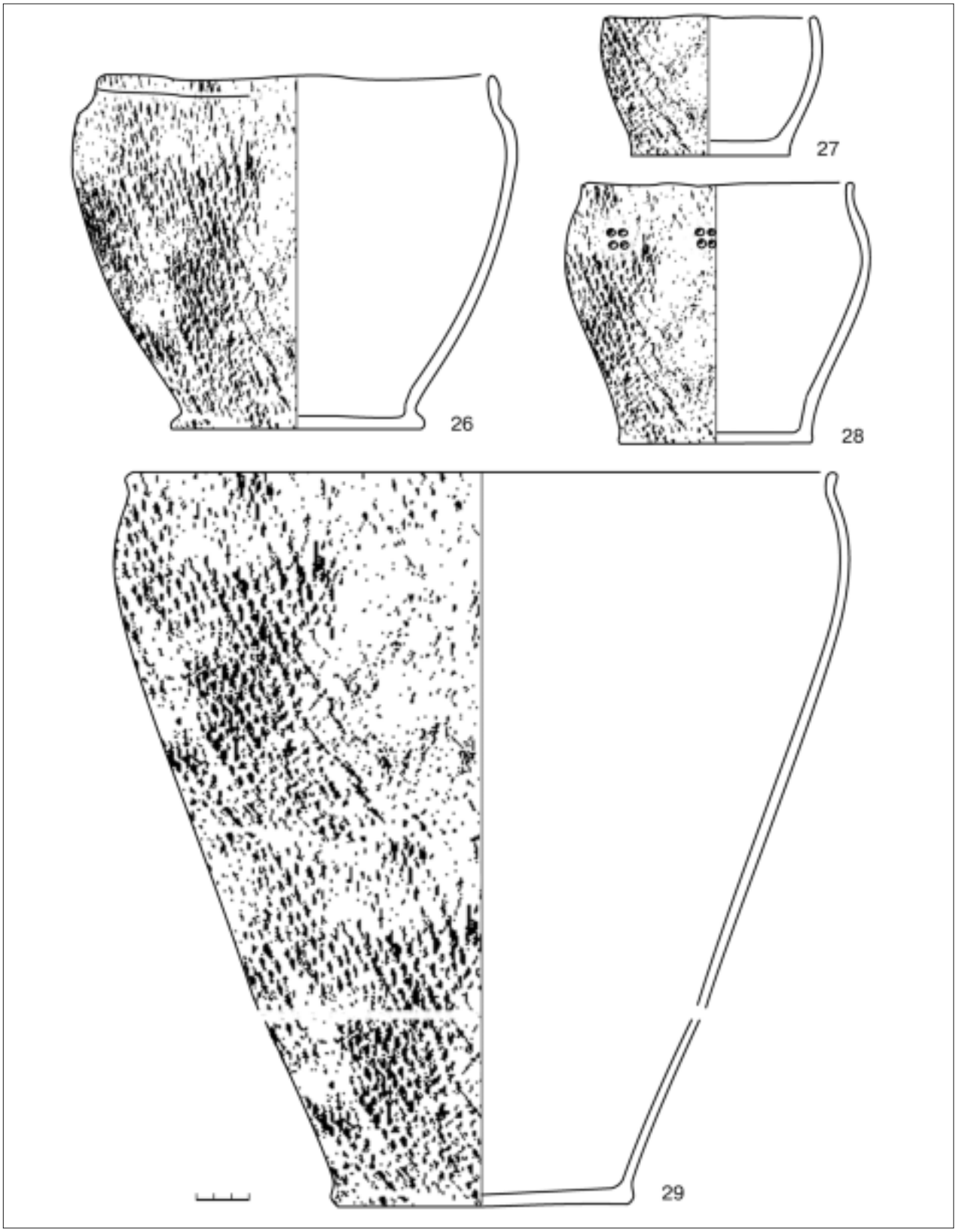


Рис. 174. Текстильные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

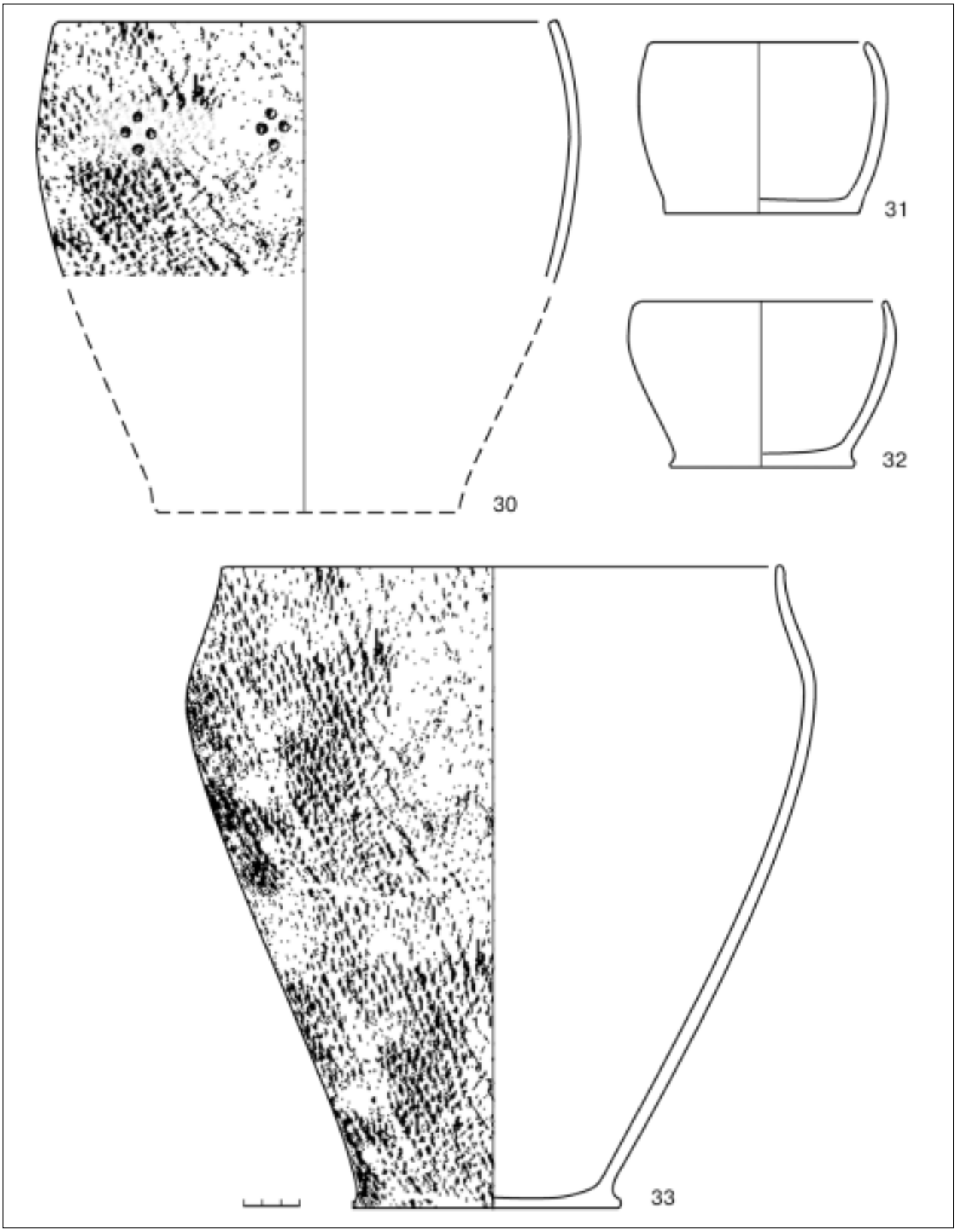


Рис. 175. Текстильные и гладкостенные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

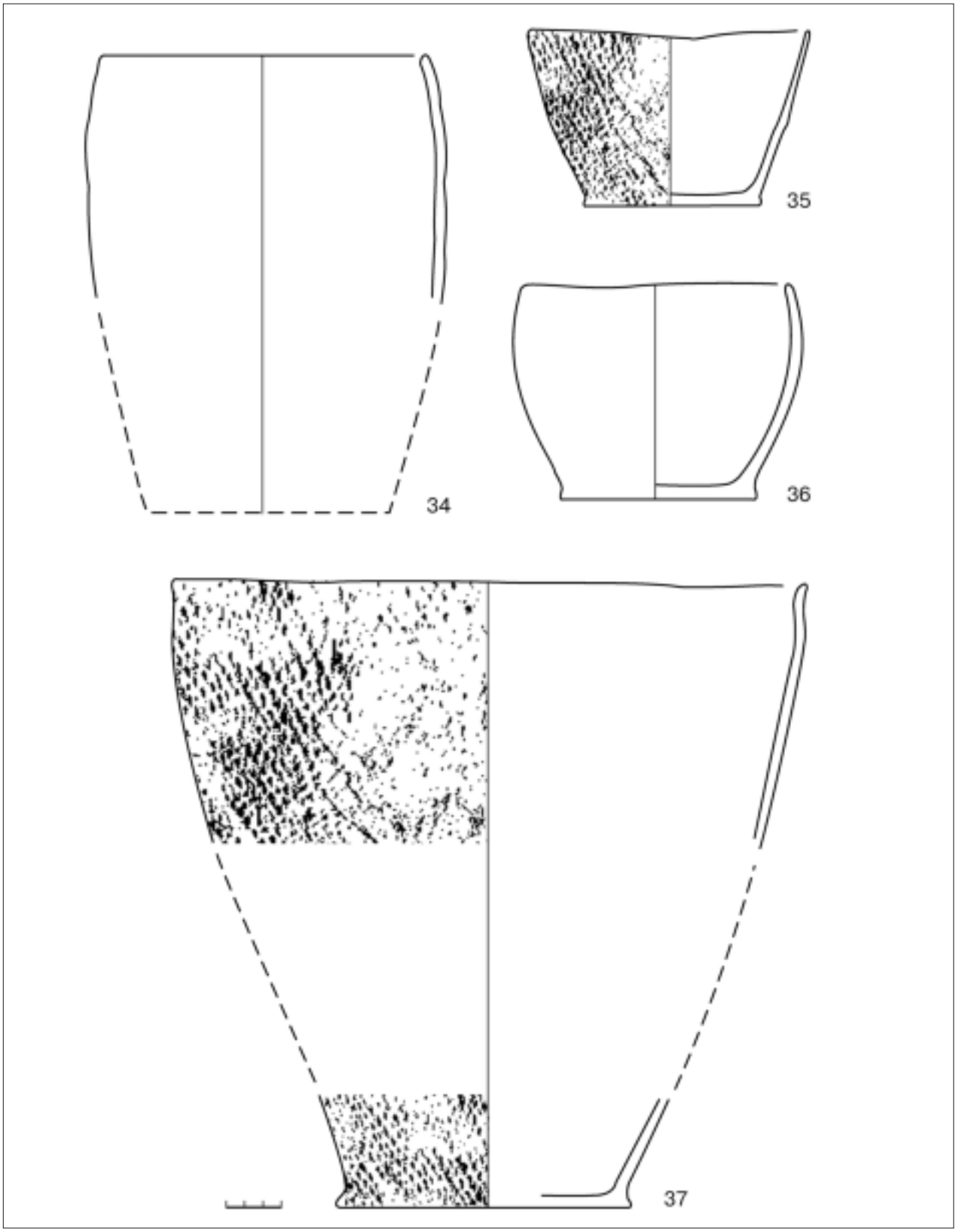


Рис. 176. Текстильные и гладкостенные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

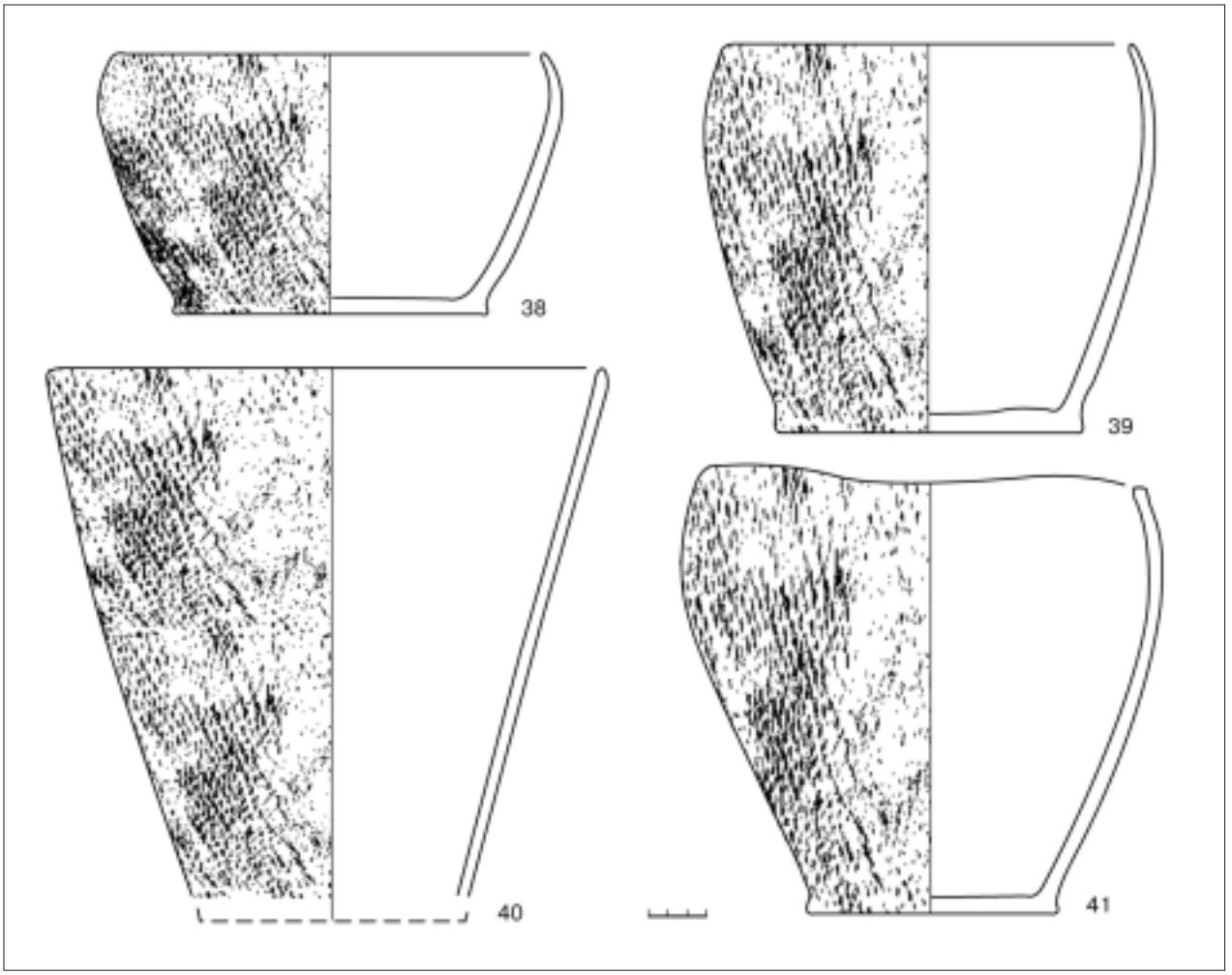


Рис. 177. Текстильные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

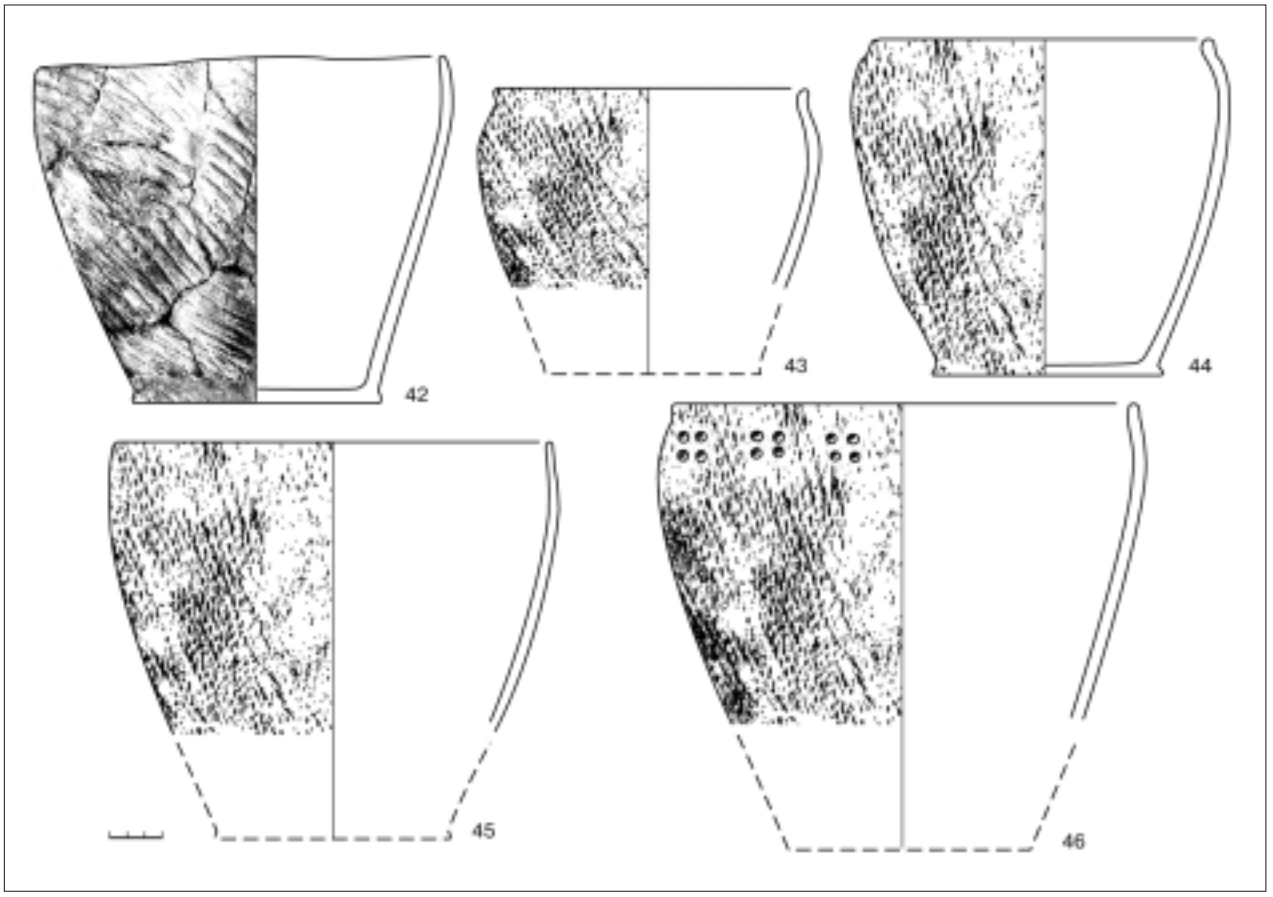


Рис. 178. Текстильные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

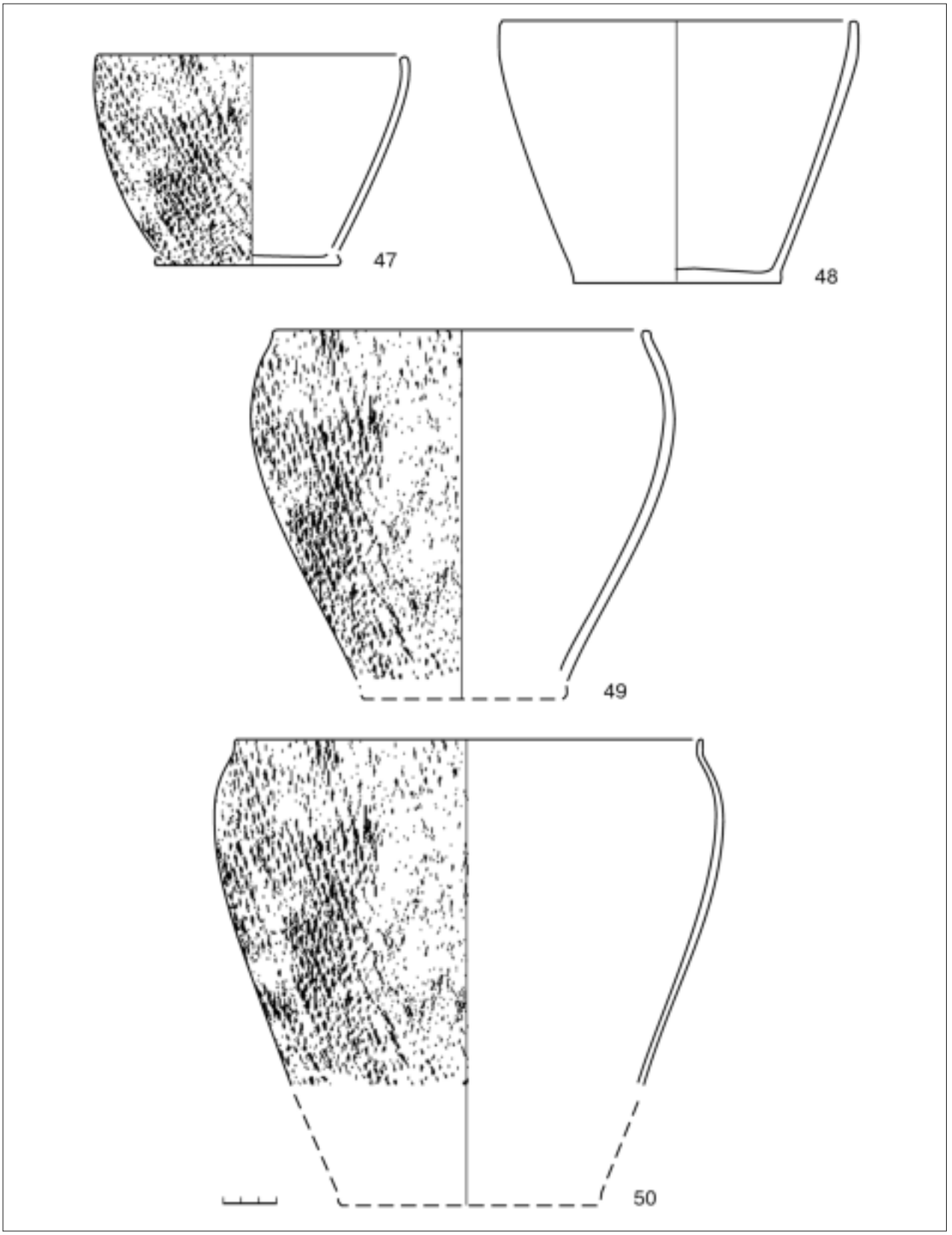


Рис. 179. Текстильные и гладкостенный горшки. Дьяково городище. Нижний слой

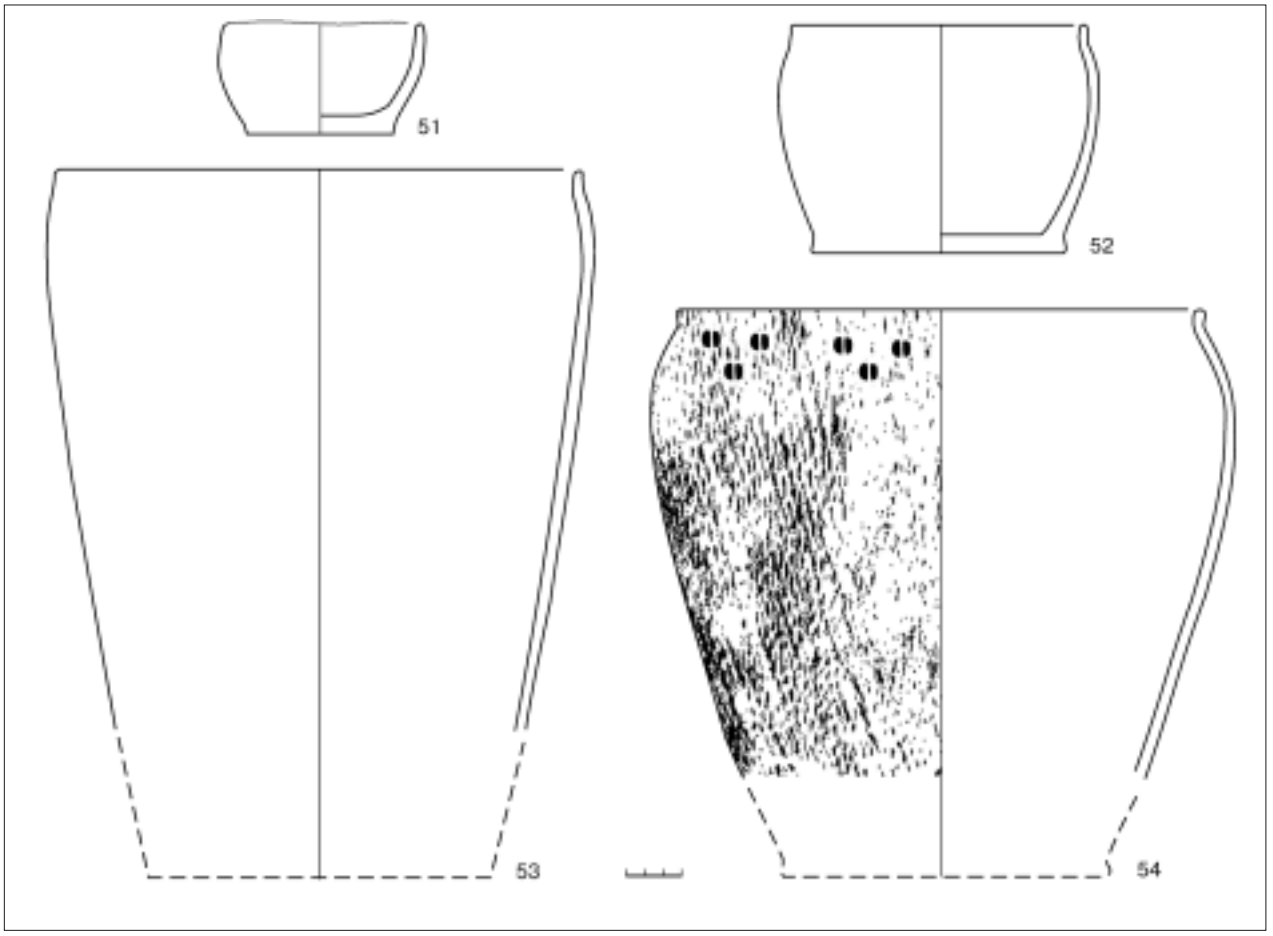


Рис. 180. Гладкостенные и текстильный горшки. Дьяково городище. Нижний слой

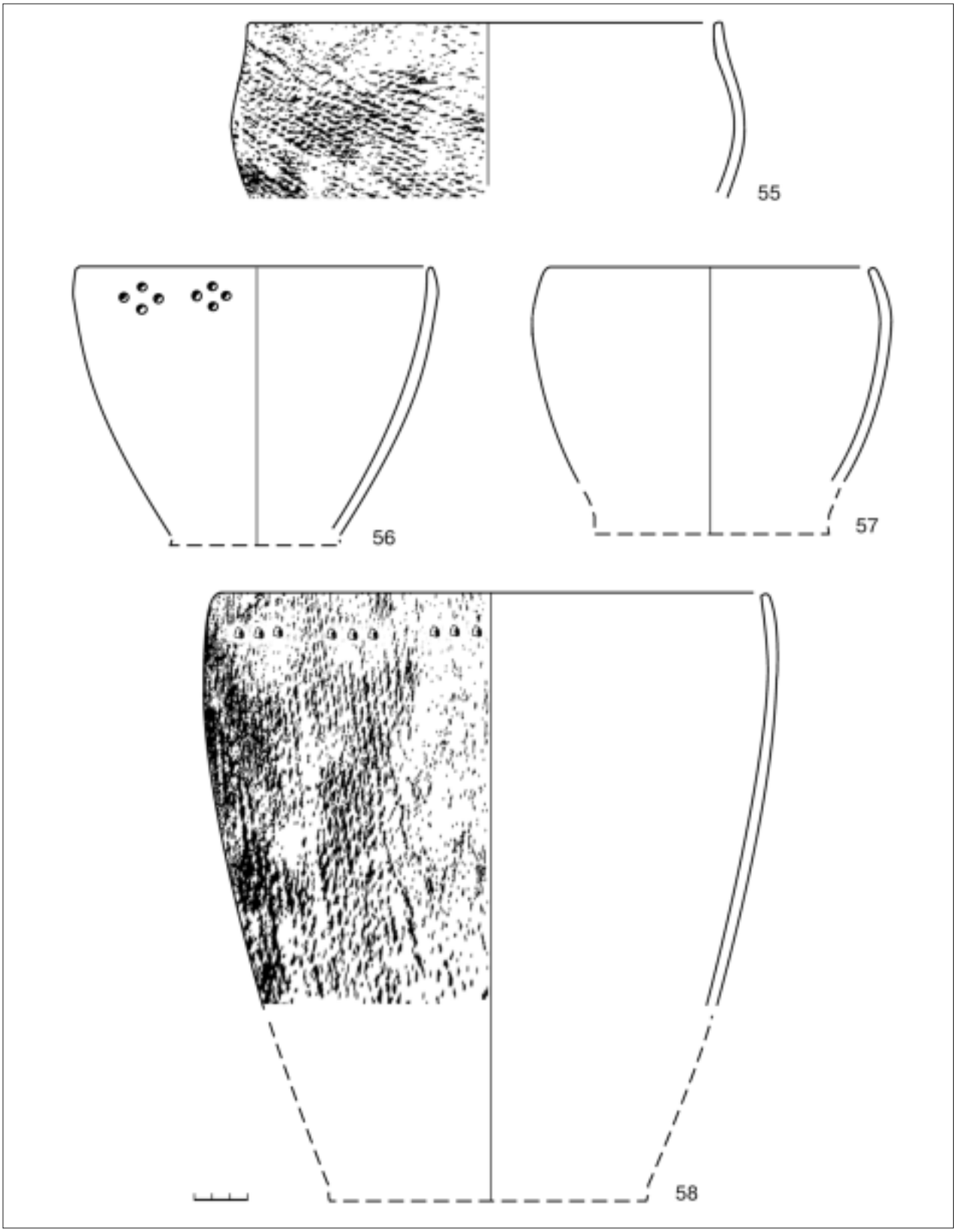


Рис. 181. Текстильные и гладкостенные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

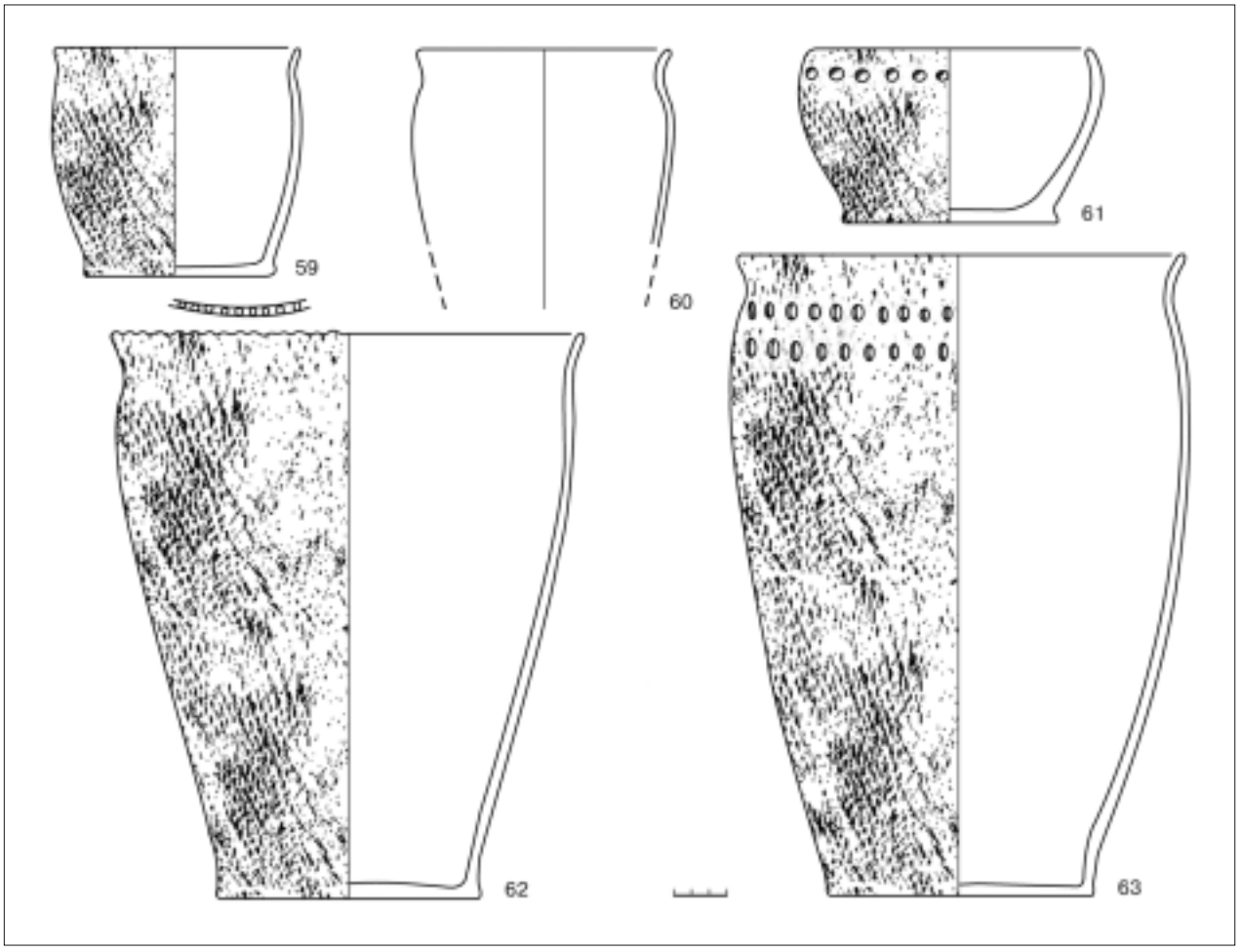


Рис. 182. Текстильные и гладкостенный горшки. Дьяково городище. Нижний слой, верхняя часть

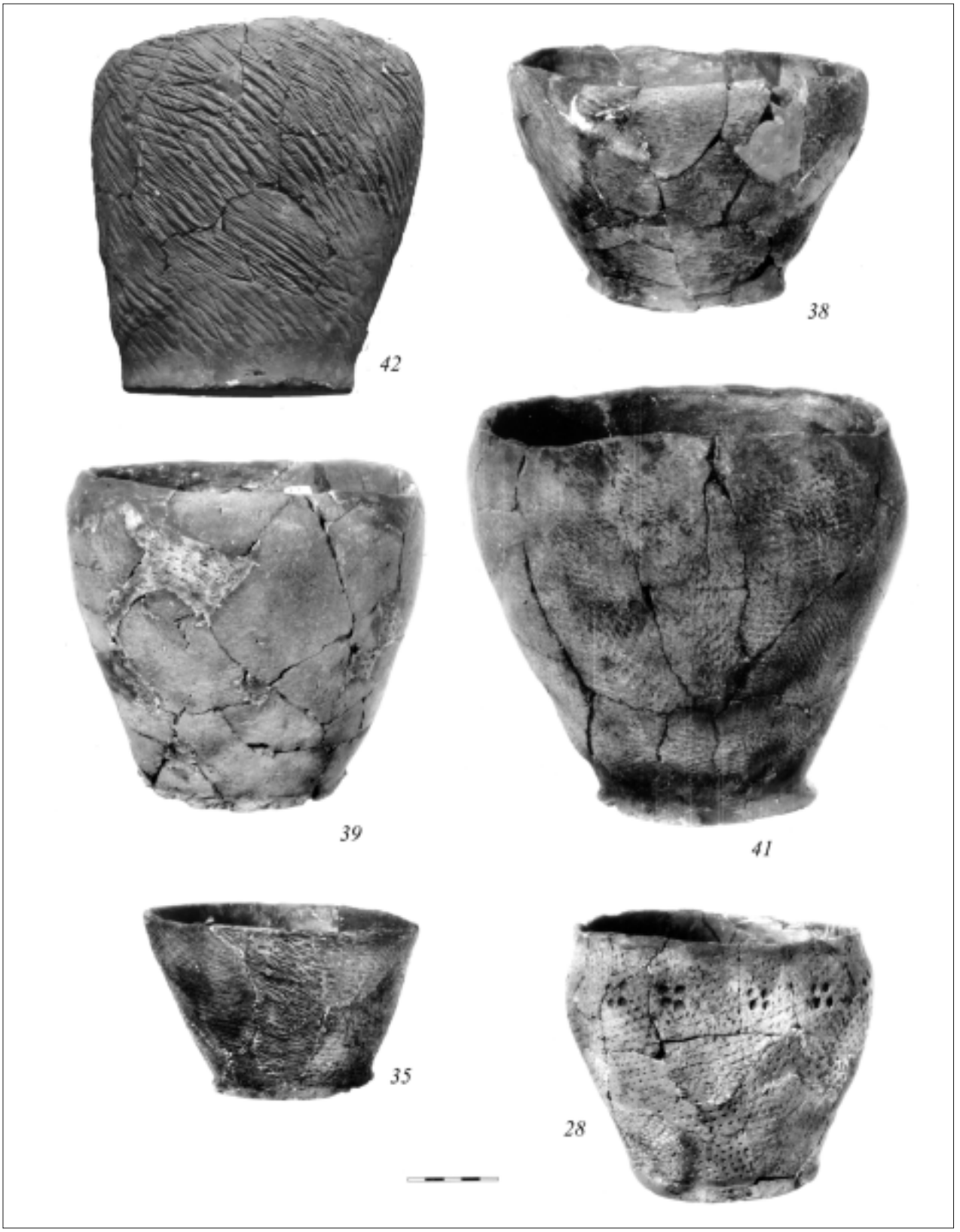


Рис. 183. Текстильные горшки. Дьяково городище. Нижний слой
Фото, номера соответствуют рисункам

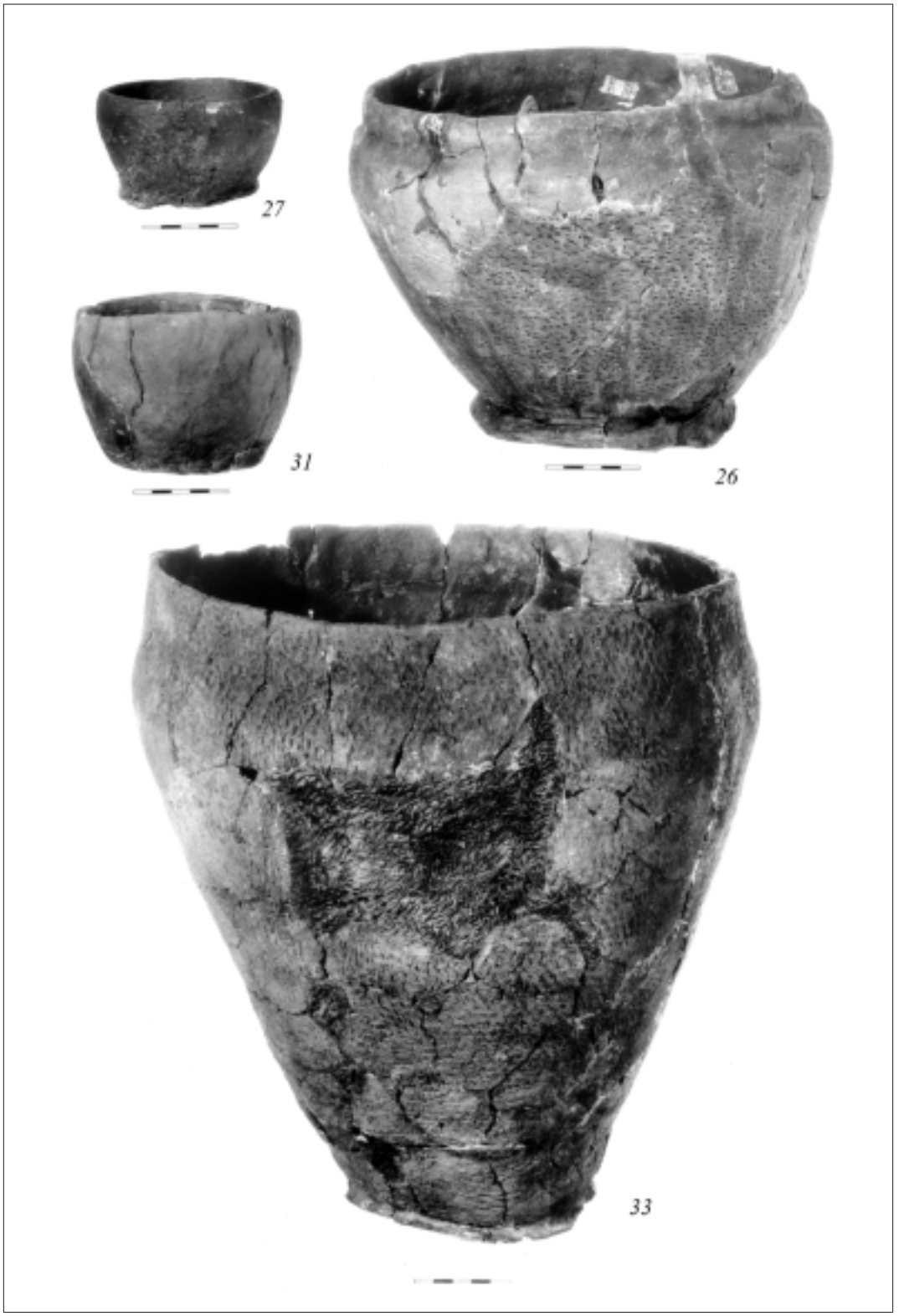


Рис. 184. Текстильные горшки. Дьяково городище. Нижний слой

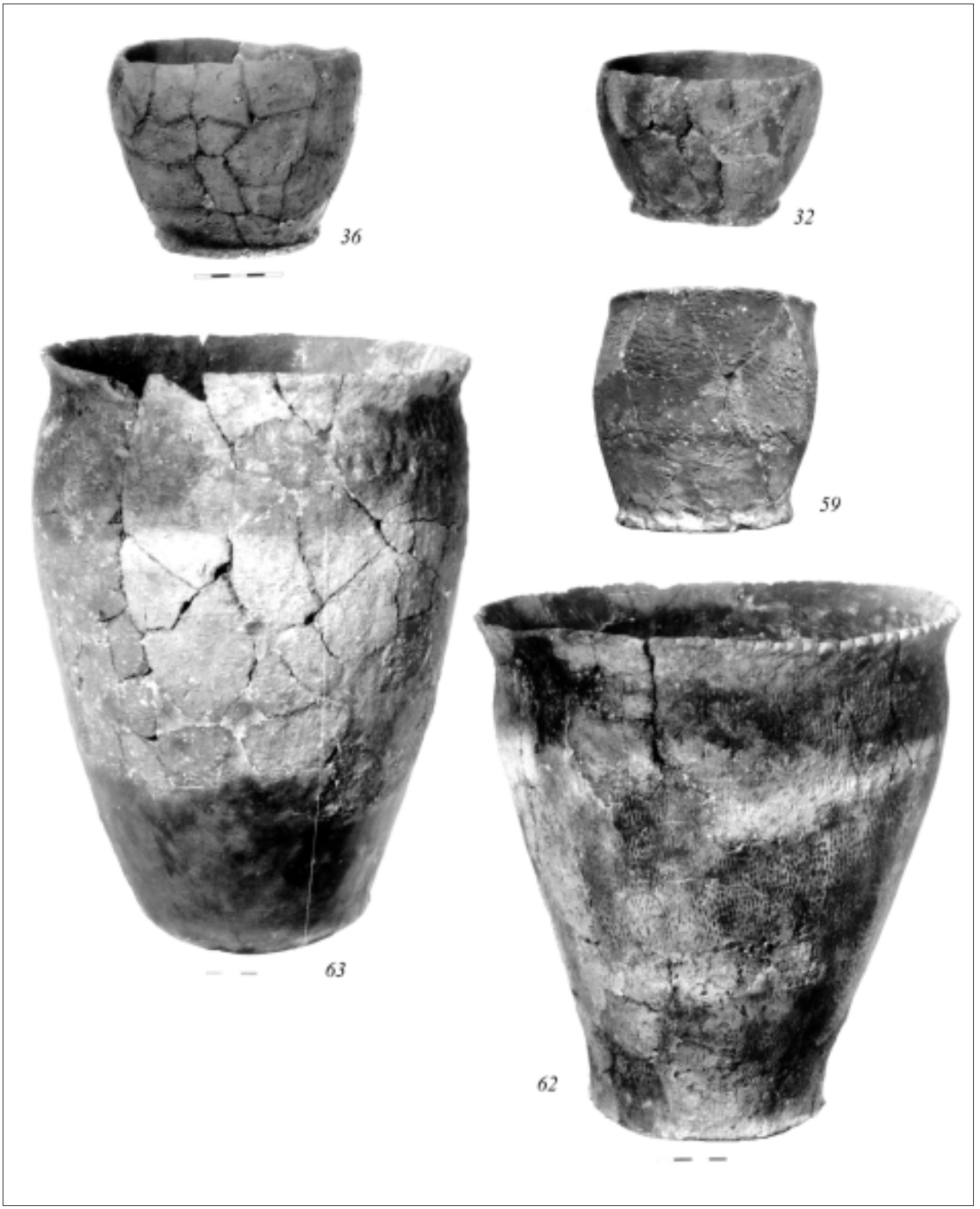


Рис. 185. Текстильные и гладкостенный горшки. Дьяково городище.
Нижний слой, верхняя часть

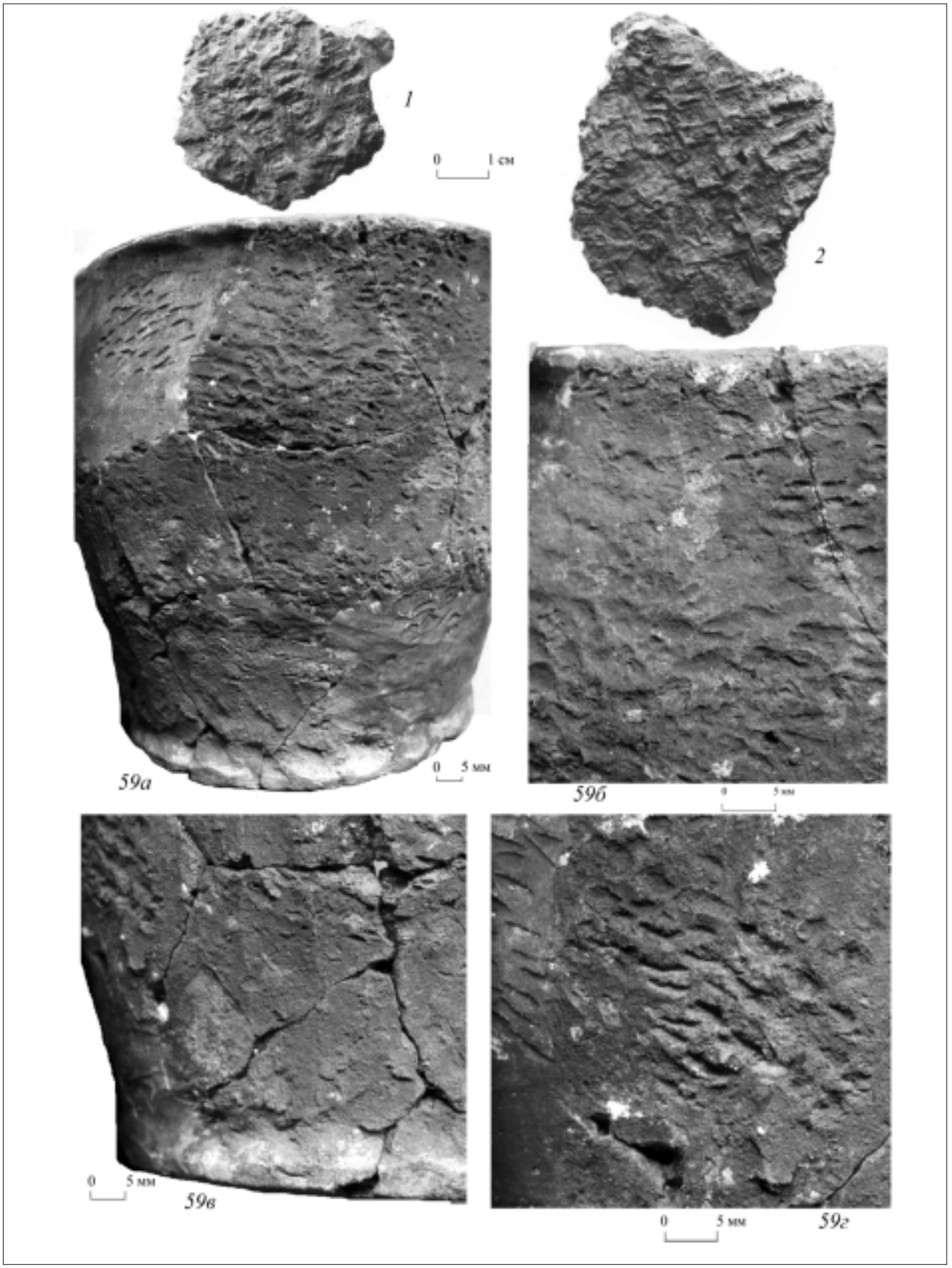


Рис. 186. Образцы отпечатков на горшках. Дьяково городище. Нижний слой

1, 2 – рогожные, *59а–г* – текстильные

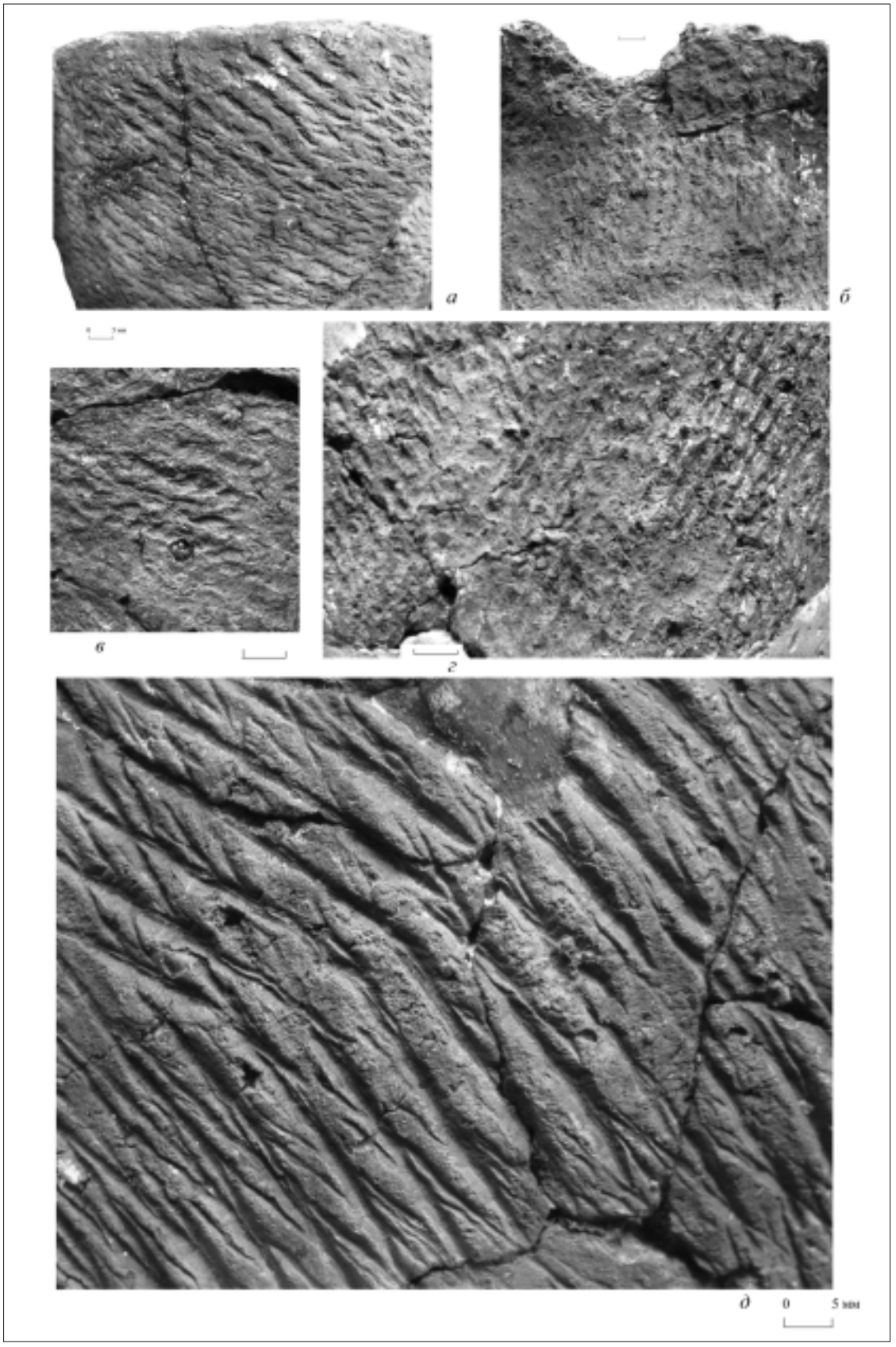


Рис. 187. Образцы отпечатков на горшках. Дьяково городище. Нижний слой
а–д – текстильные

Рис. 188. Образцы текстильных отпечатков на стенке и днище горшка № 61. Дьяково городище. Нижний слой

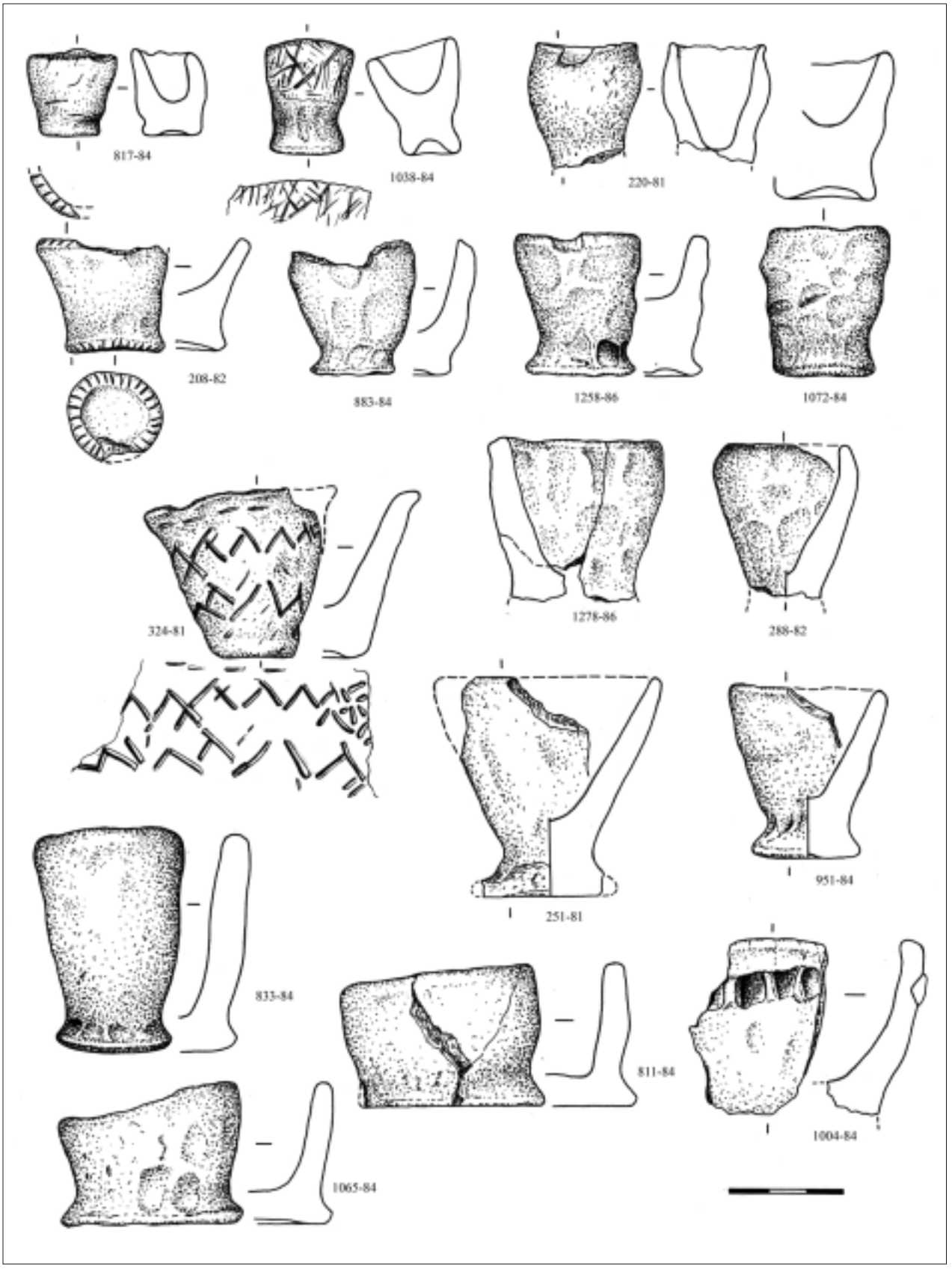


Рис. 189. Миниатюрные сосуды. Дьяково городище. Нижний слой

№ 208-82 – из стерильного слоя «Б»
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

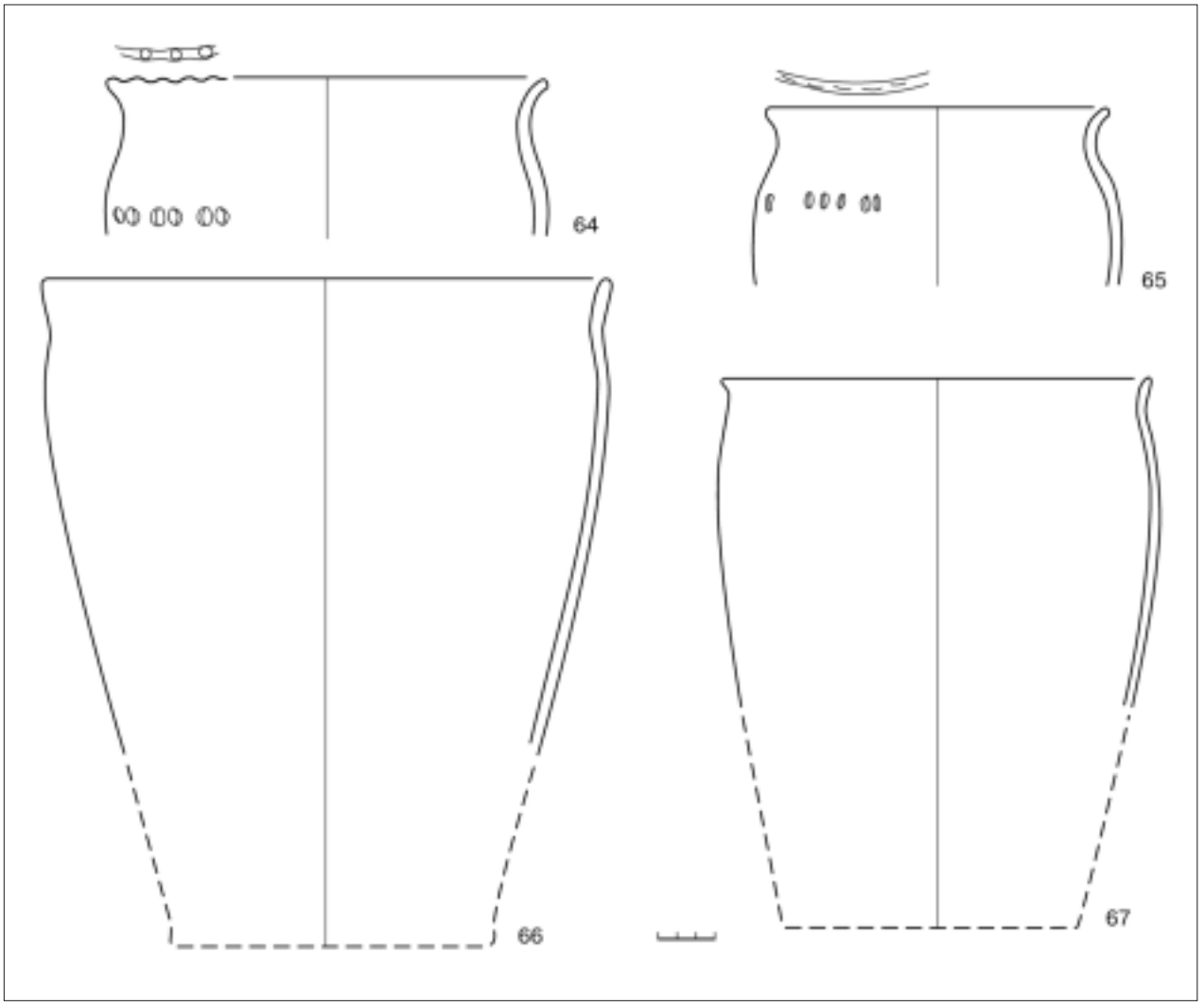


Рис. 190. Гладкостенная керамика. Дьяково городище. Основание верхнего слоя, глубина –260–310

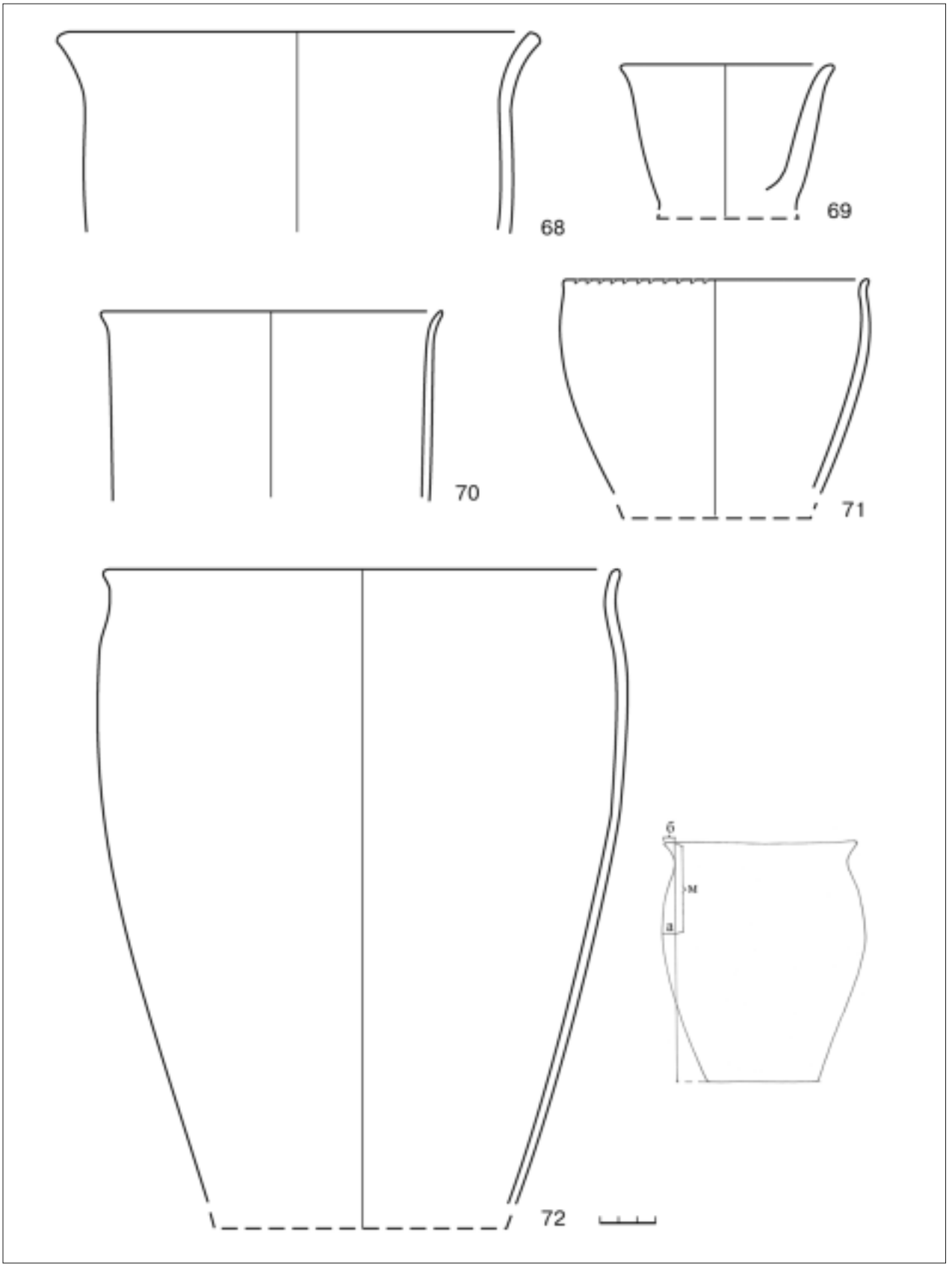


Рис. 191. Гладкостенная керамика. Дьяково городище. Основание верхнего слоя, глубина –260–310

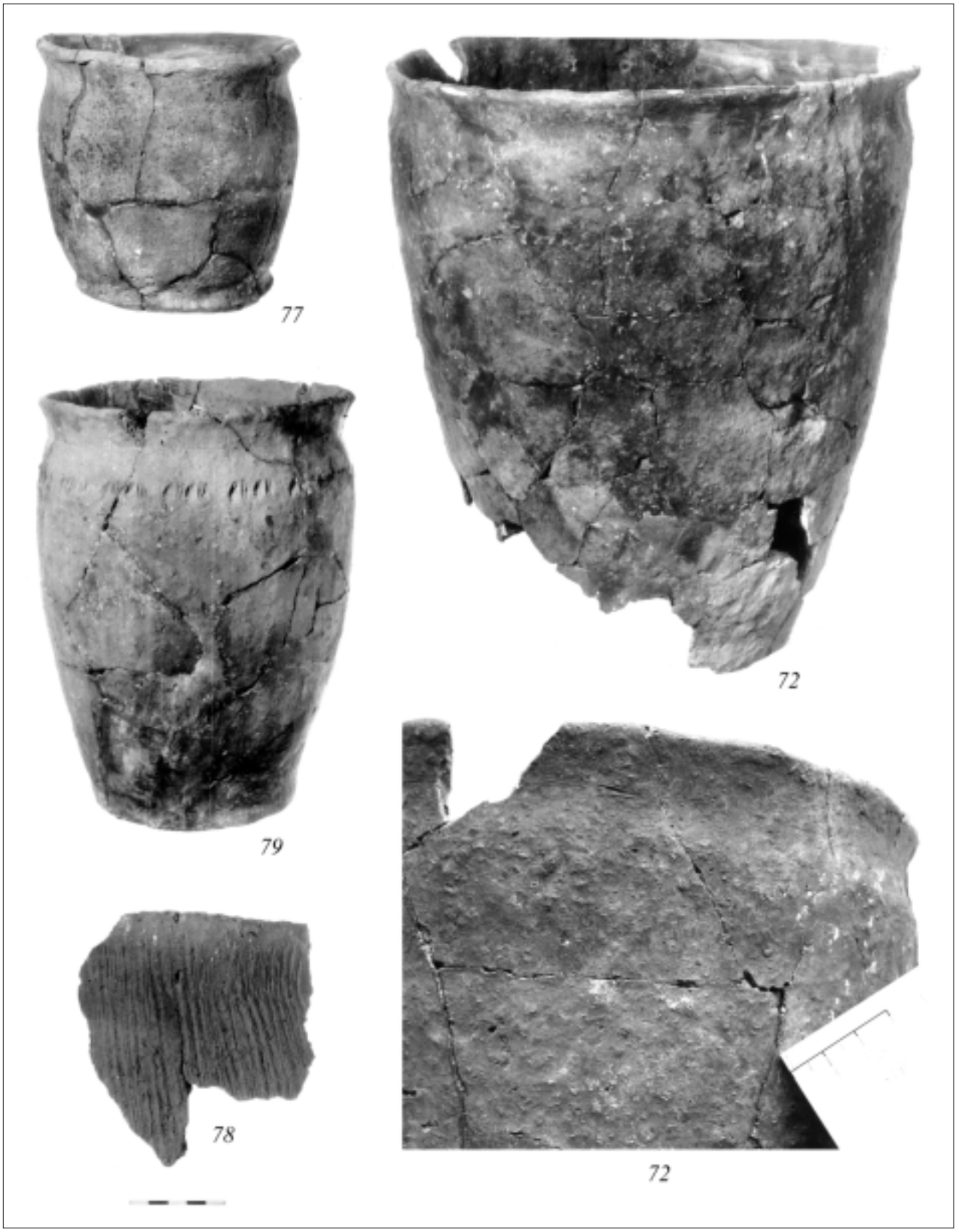


Рис. 192. Гладкостенная и штрихованная керамика. Дьяково городище.
Основание верхнего слоя, глубина –260–310

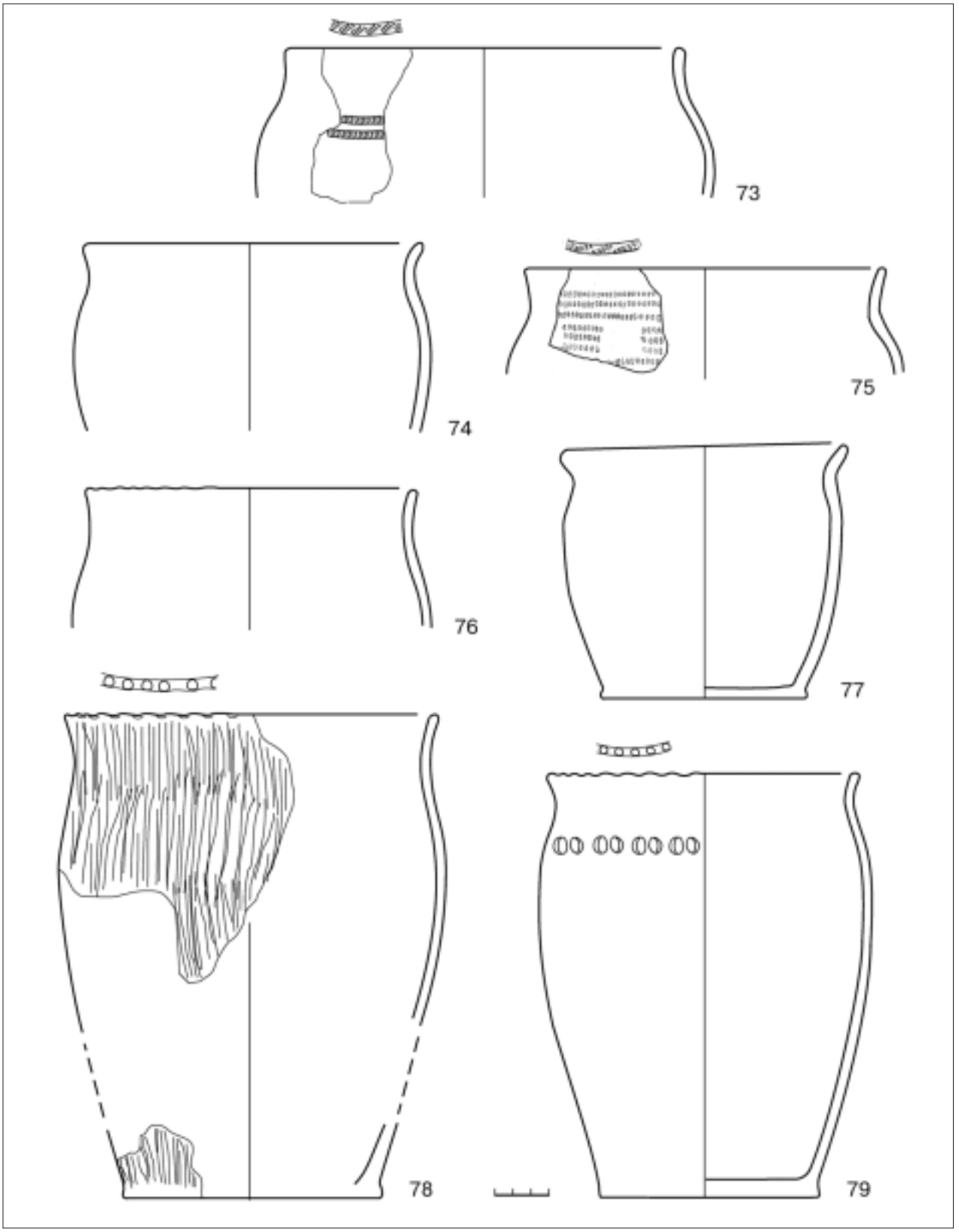


Рис. 193. Гладкостенная и штрихованная керамика. Дьяково городище.
Основание верхнего слоя, глубина –260–310

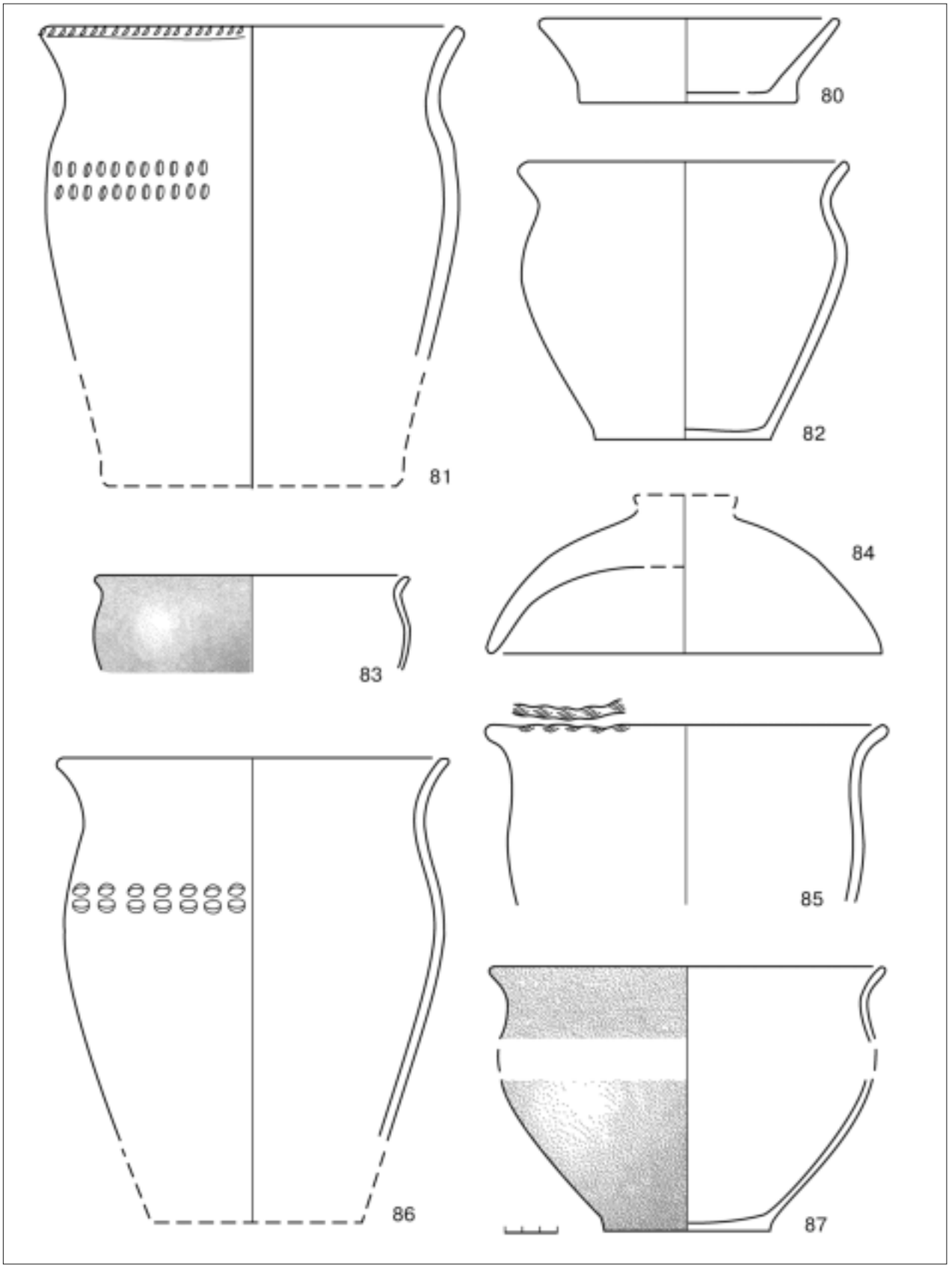


Рис. 194. Гладкостенная и подлощенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

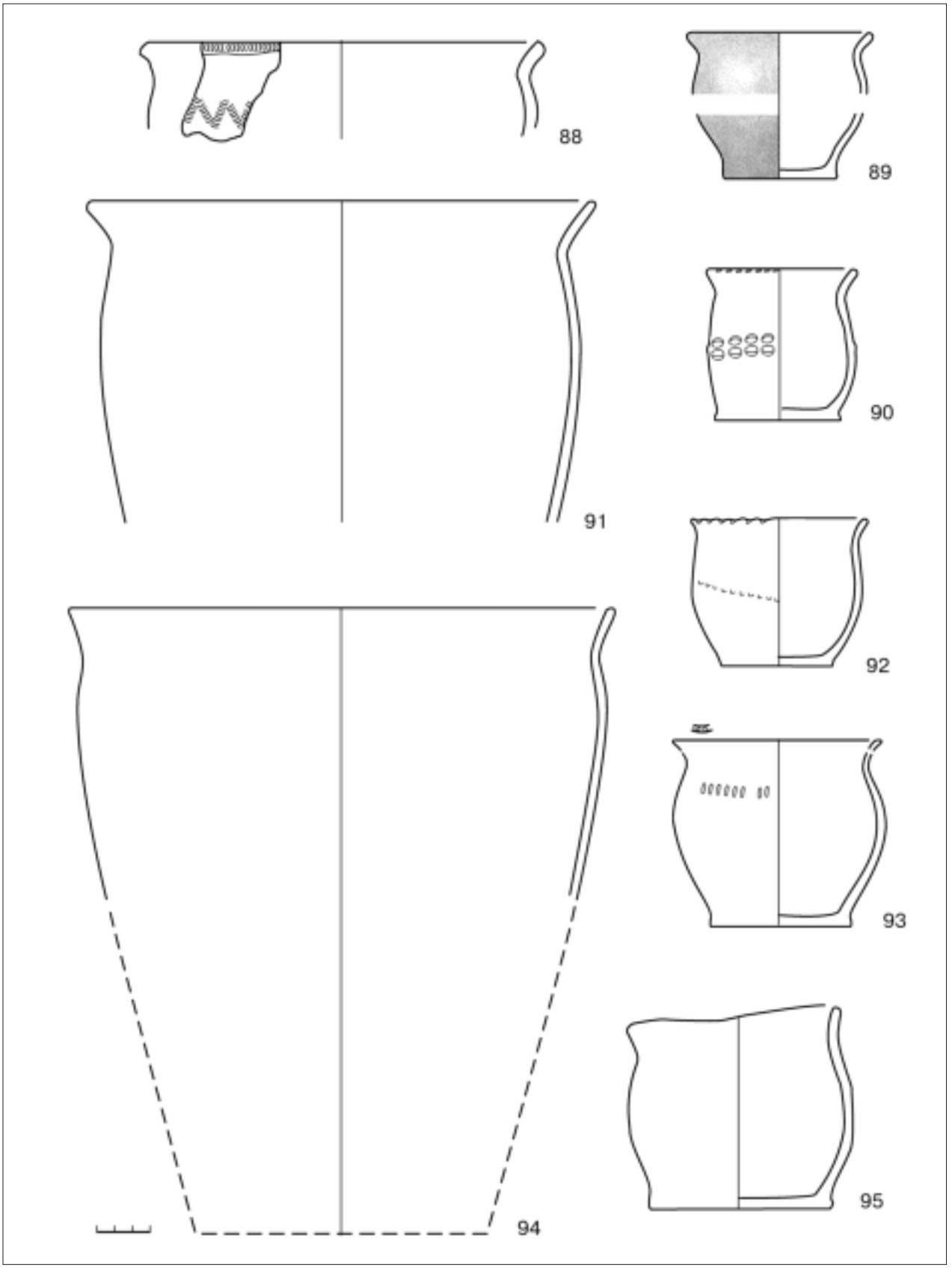


Рис. 195. Гладкостенная и подлощенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

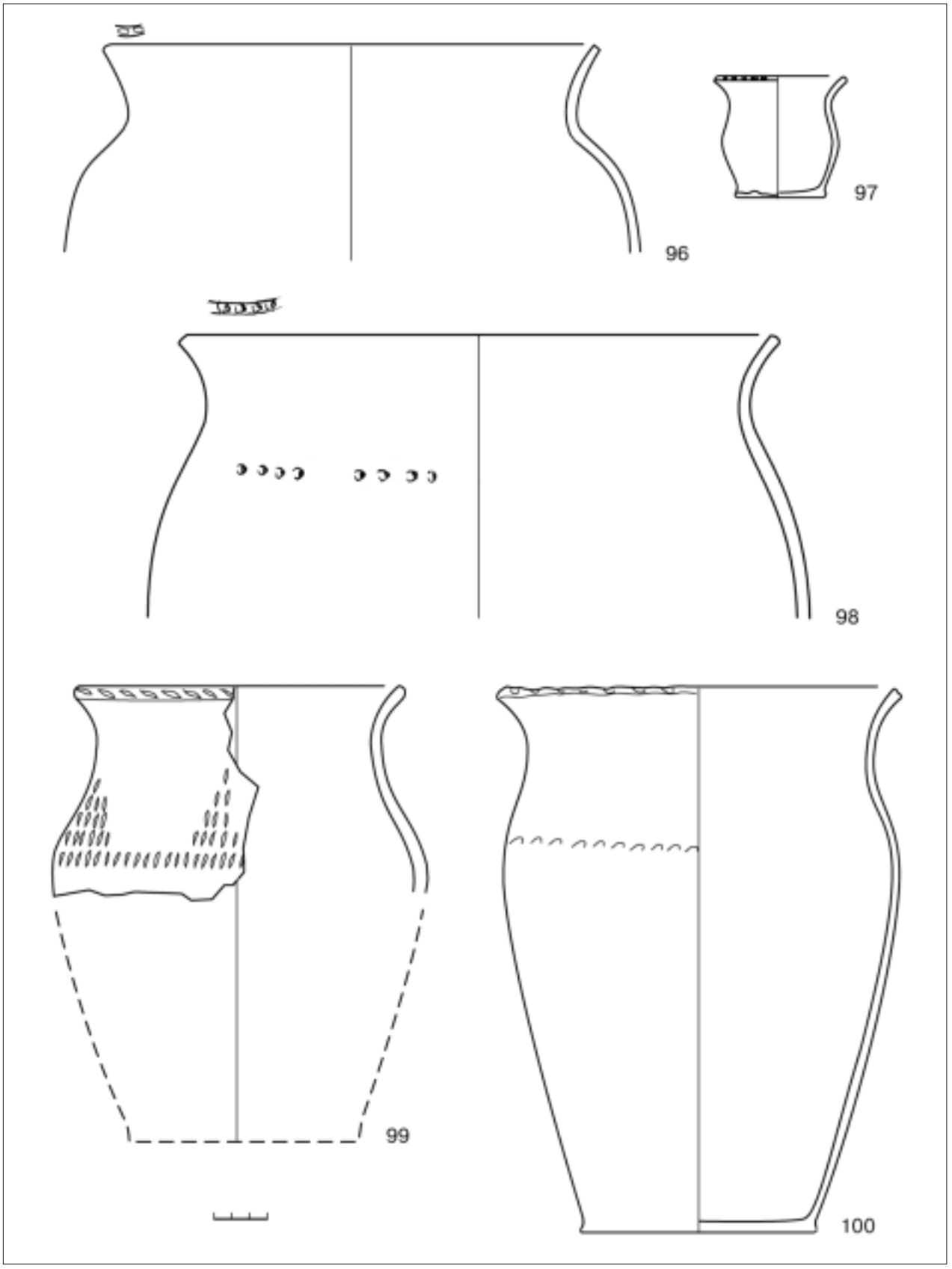


Рис. 196. Гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

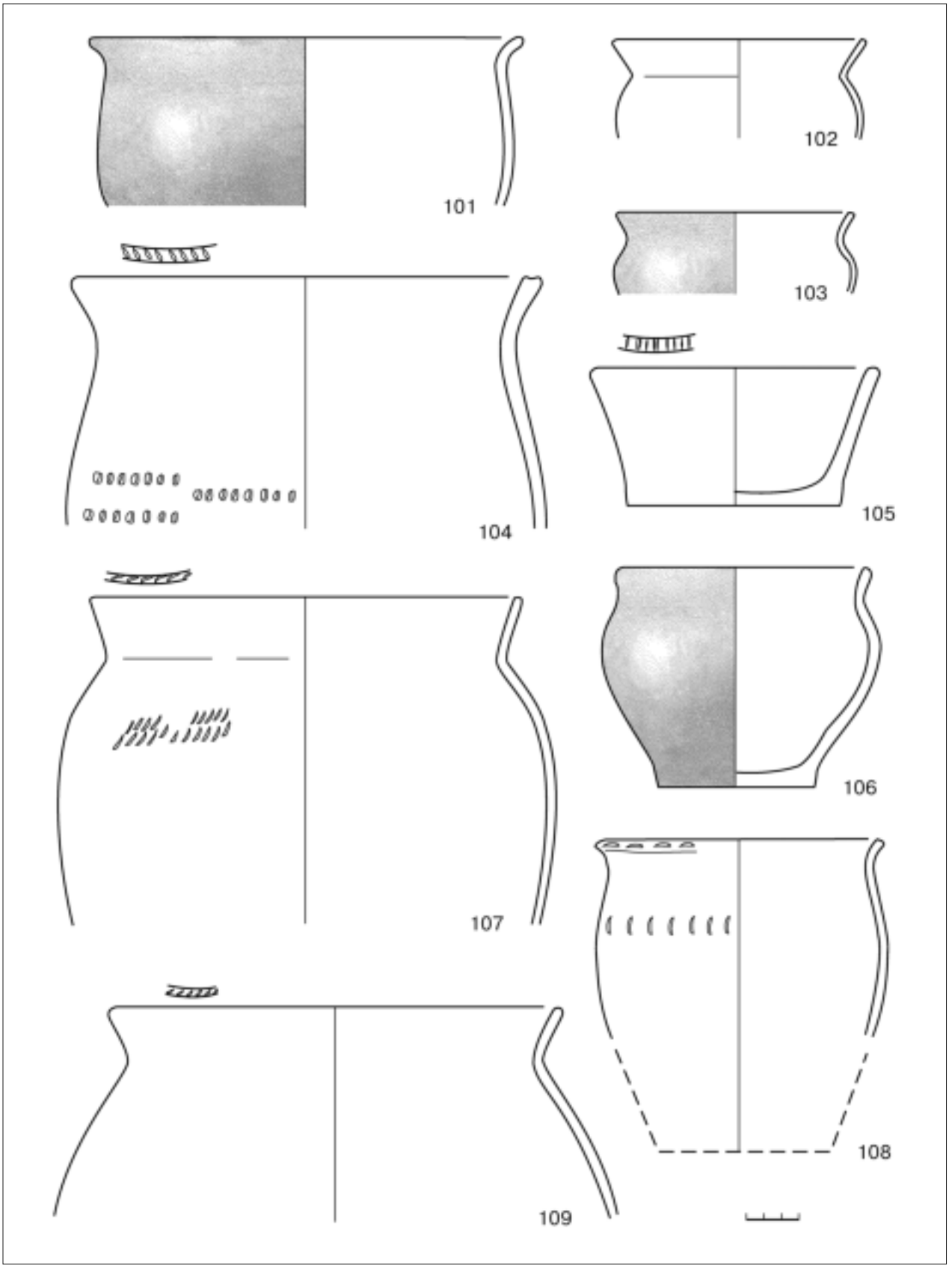


Рис. 197. Гладкостенная и подлощенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

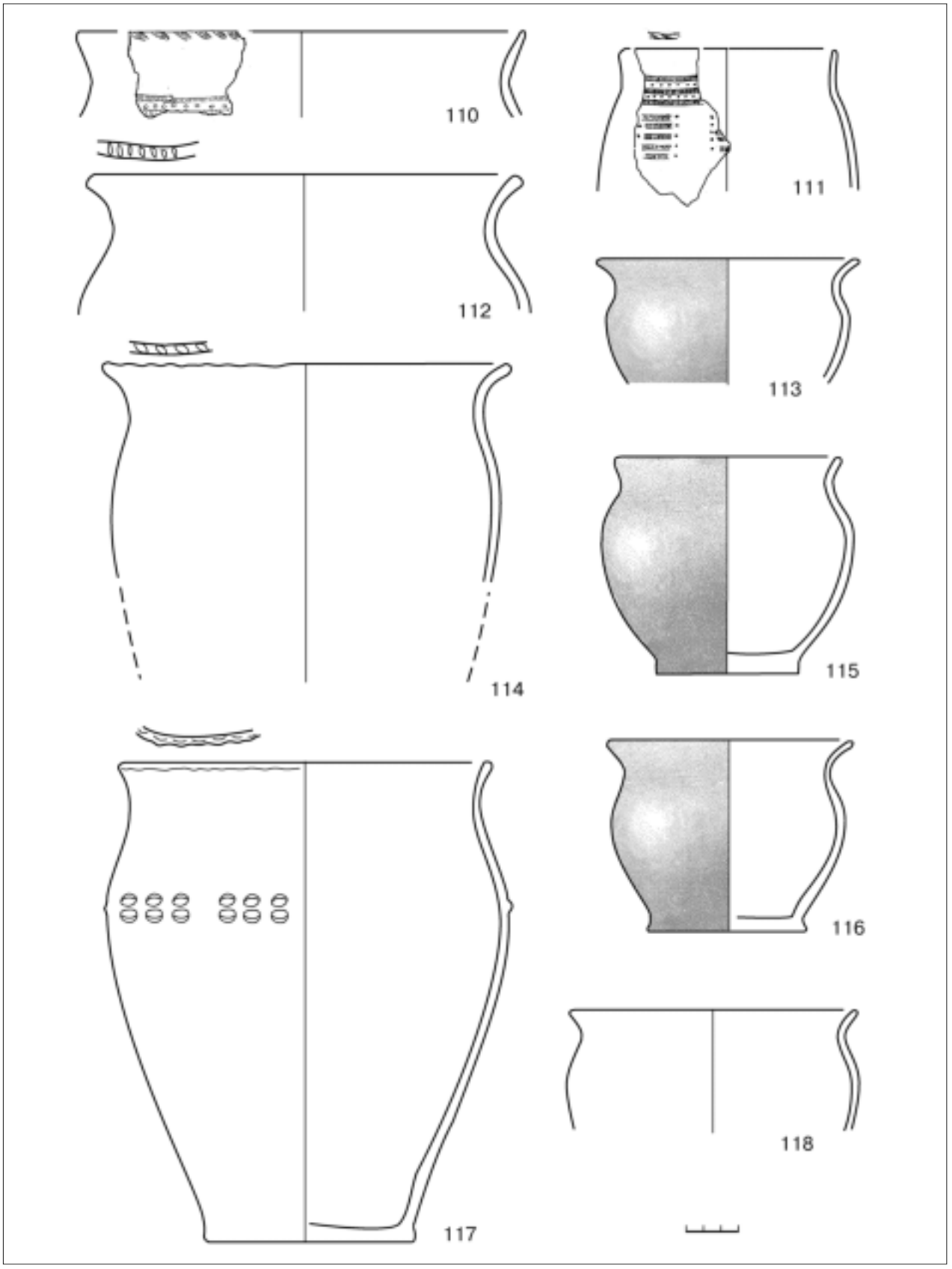


Рис. 198. Гладкостенная и подлощенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

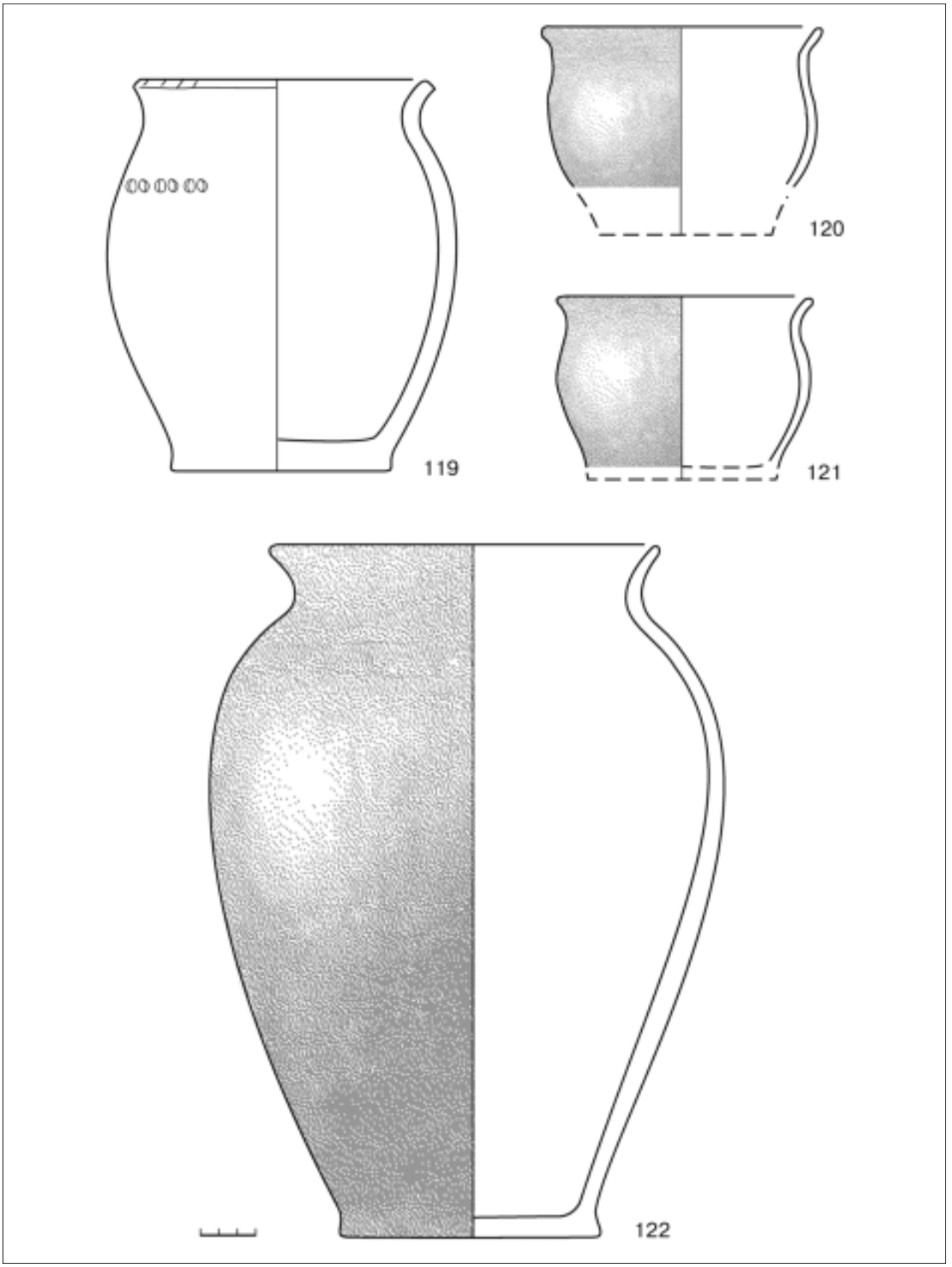


Рис. 199. Гладкостенная и подлощенная керамика из постройки Д-4.
Дьяково городище. Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–230

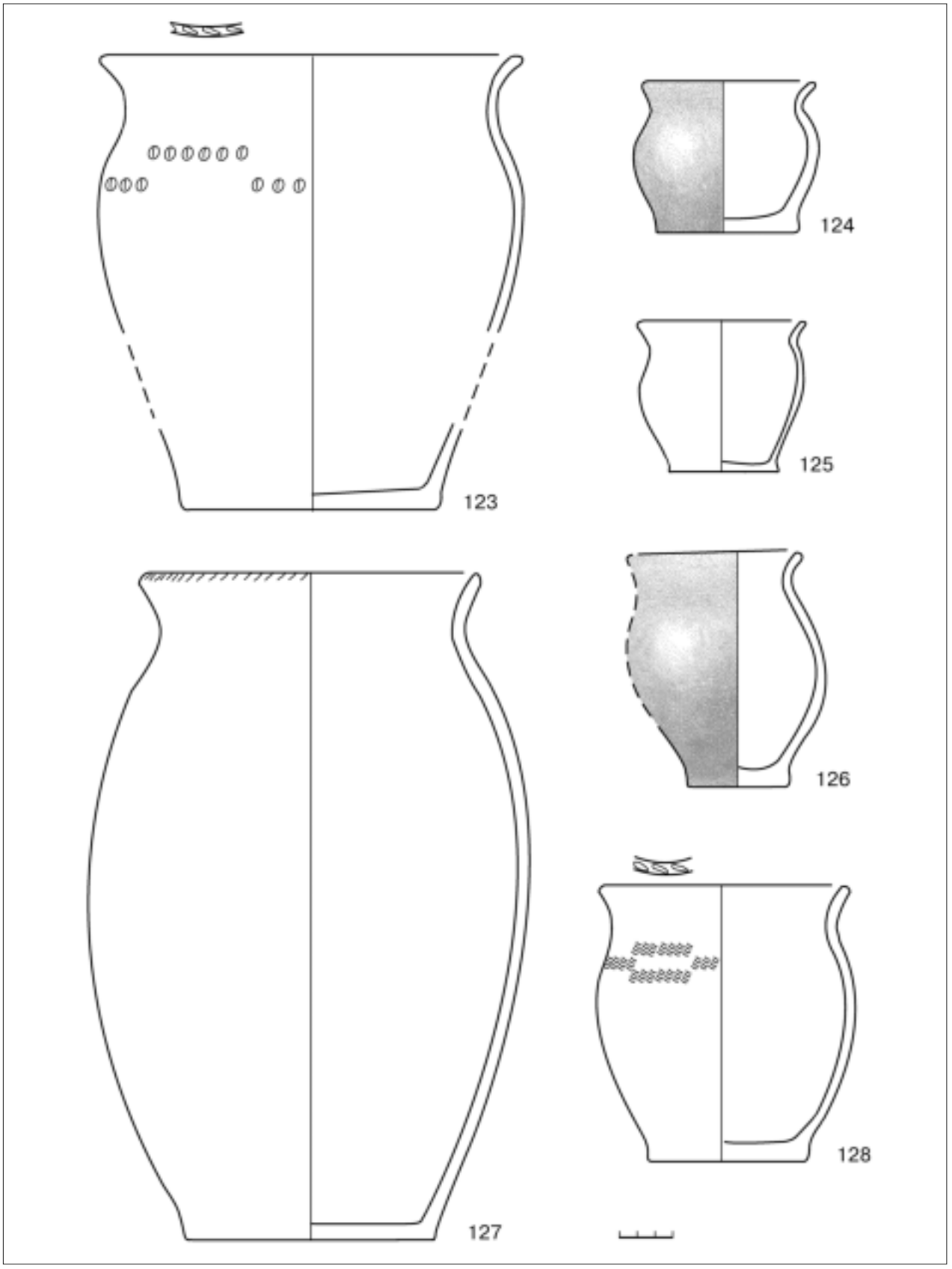


Рис. 200. Гладкостенная и подлощенная керамика из постройки Д-4.
Дьяково городище. Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–230

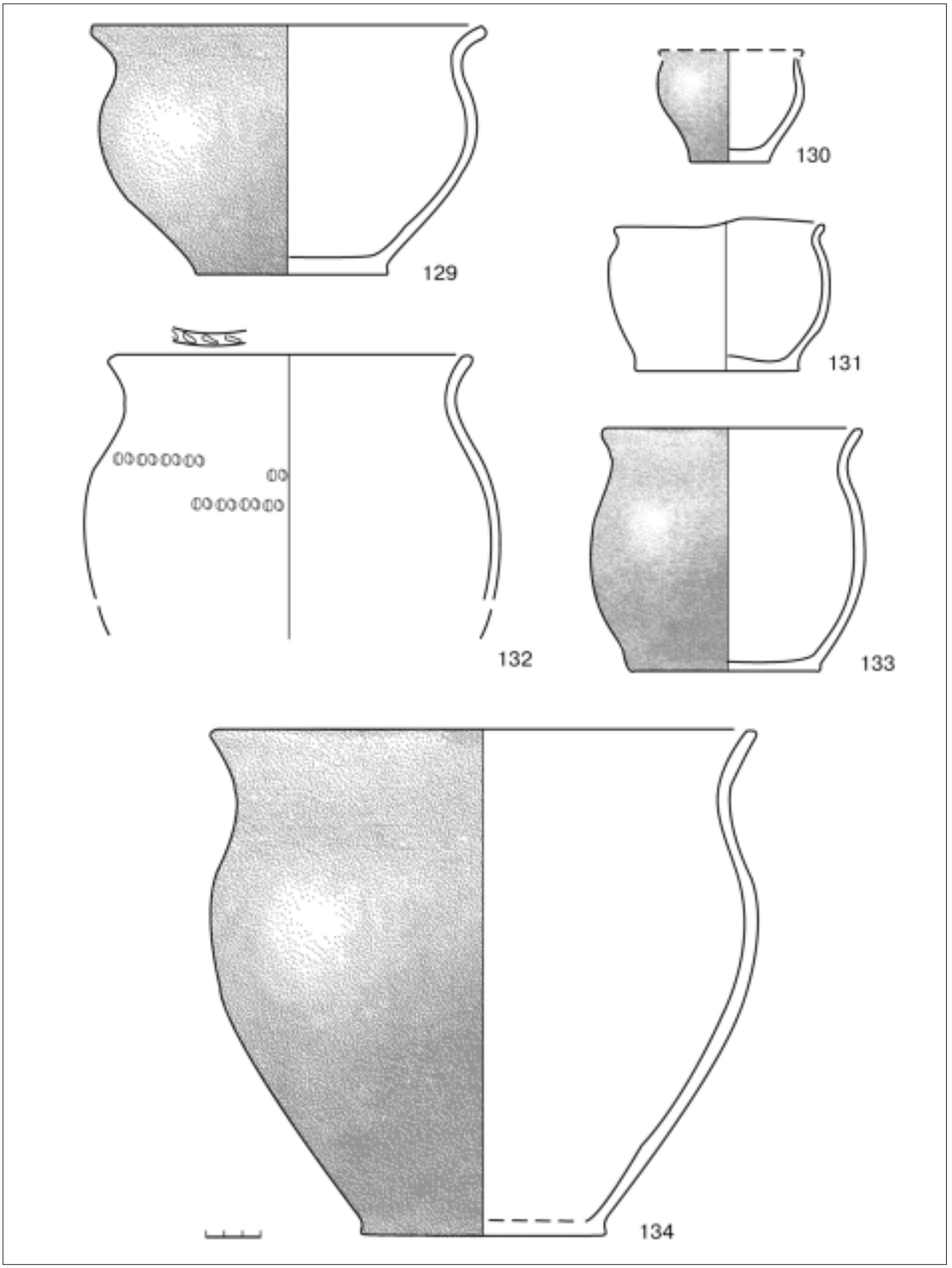


Рис. 201. Гладкостенная и подлощенная керамика из постройки Д-4.
Дьяково городище. Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–230

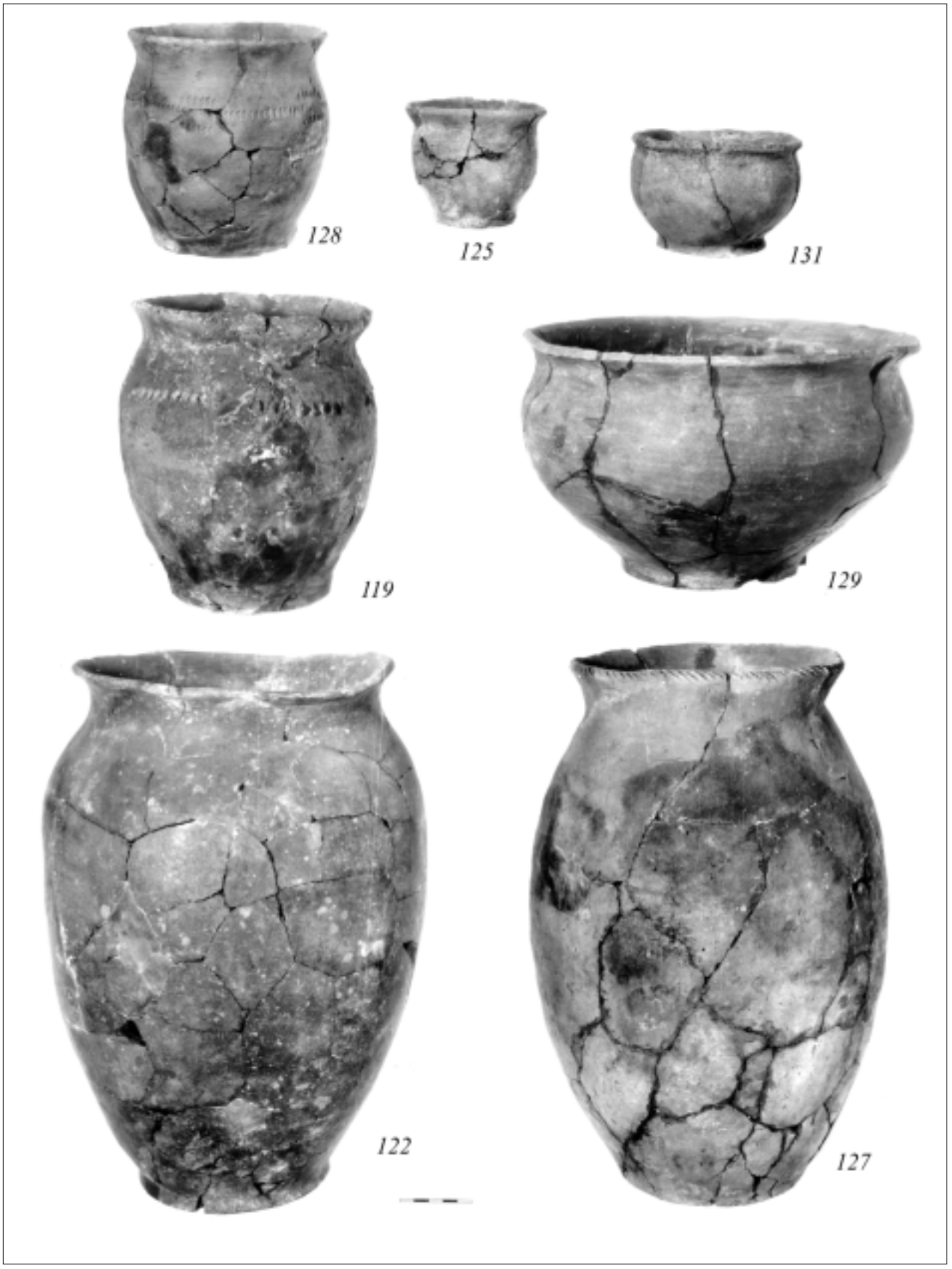


Рис. 202. Гладкостенная и подлощенная керамика из постройки Д-4.
Дьяково городище. Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

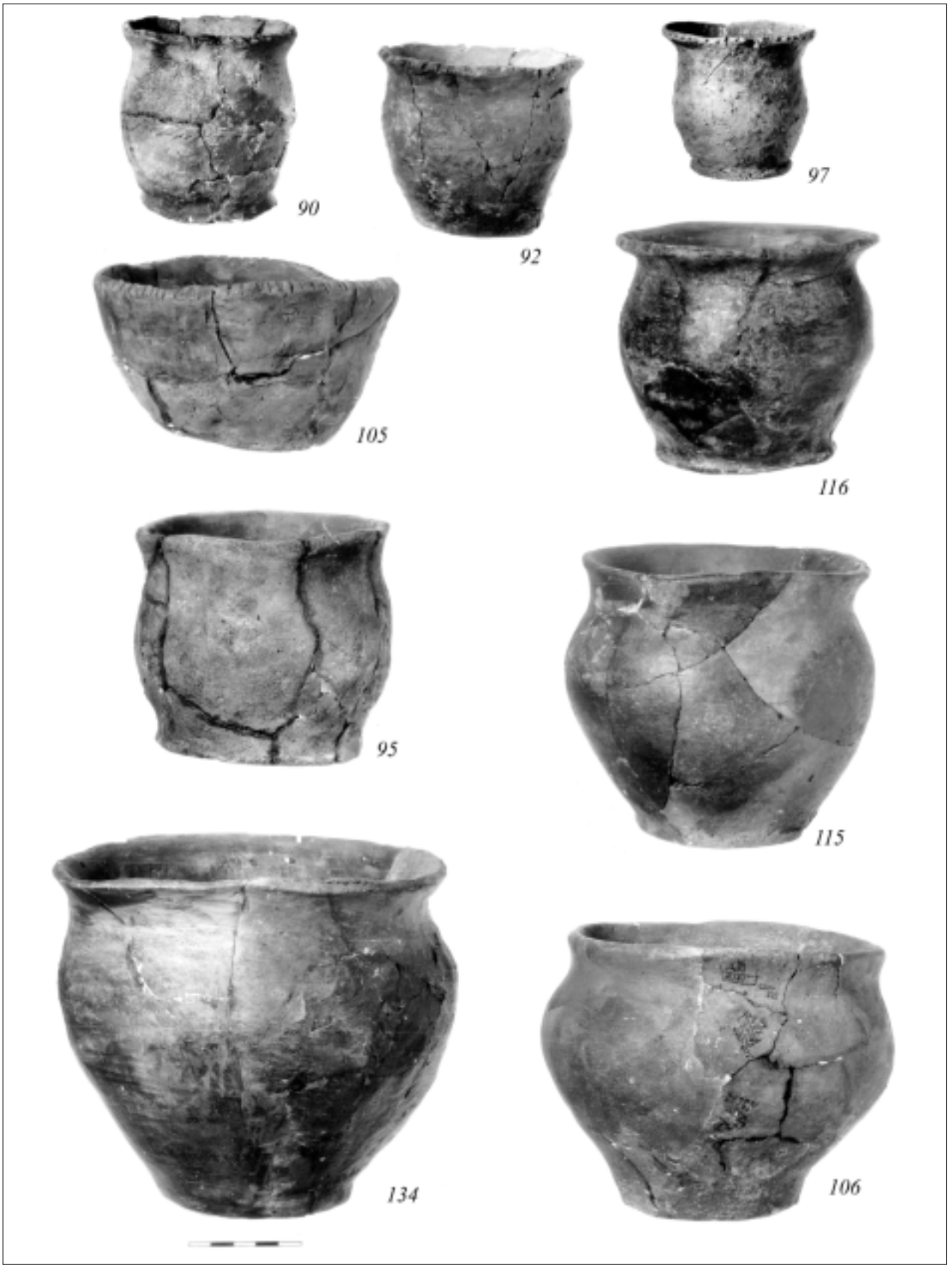


Рис. 203. Гладкостенная и подлощенная керамика.
Дьяково городище. Средний горизонт верхнего слоя, глубина –210–260

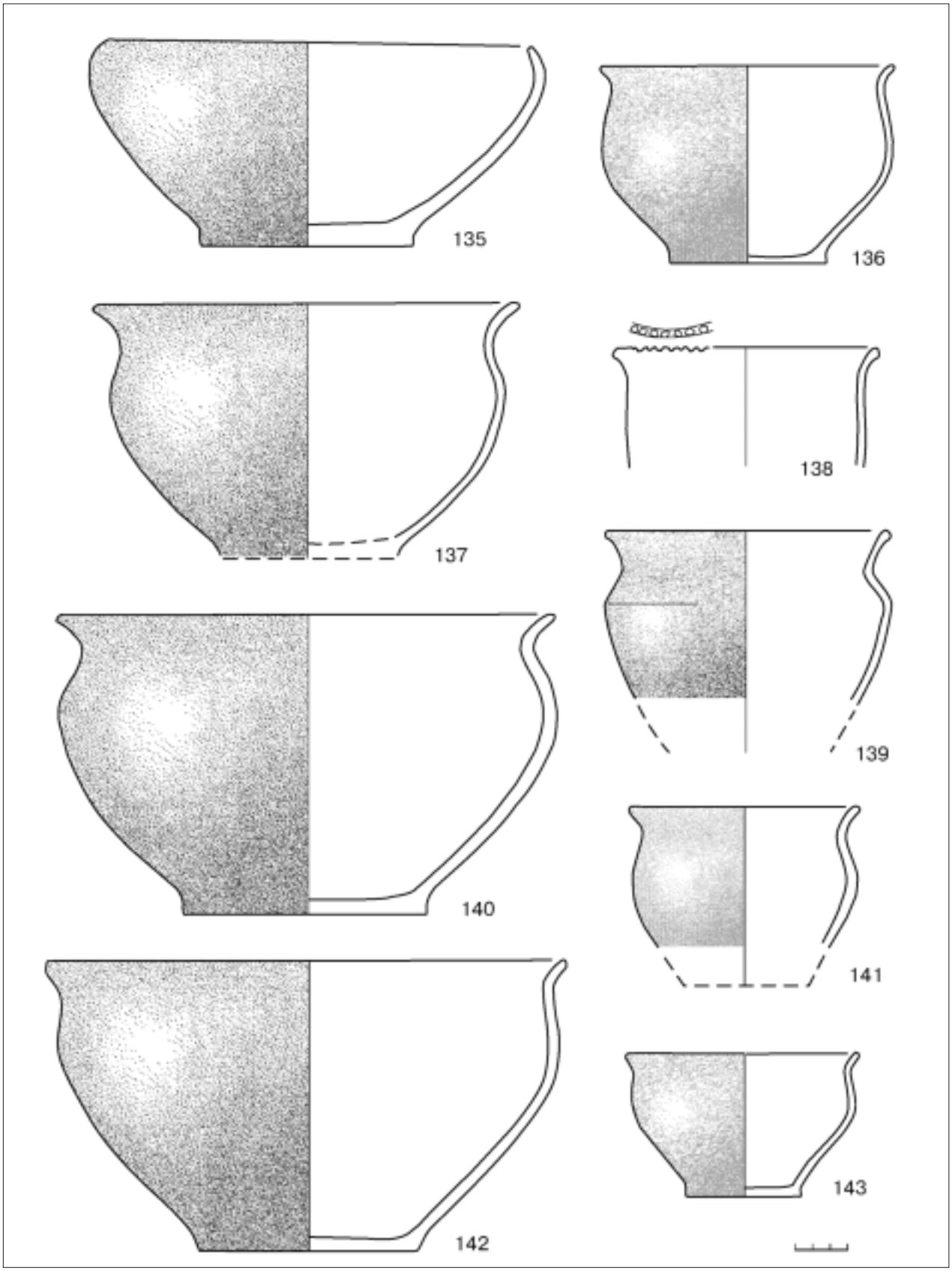


Рис. 204. Подлощенная кермика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

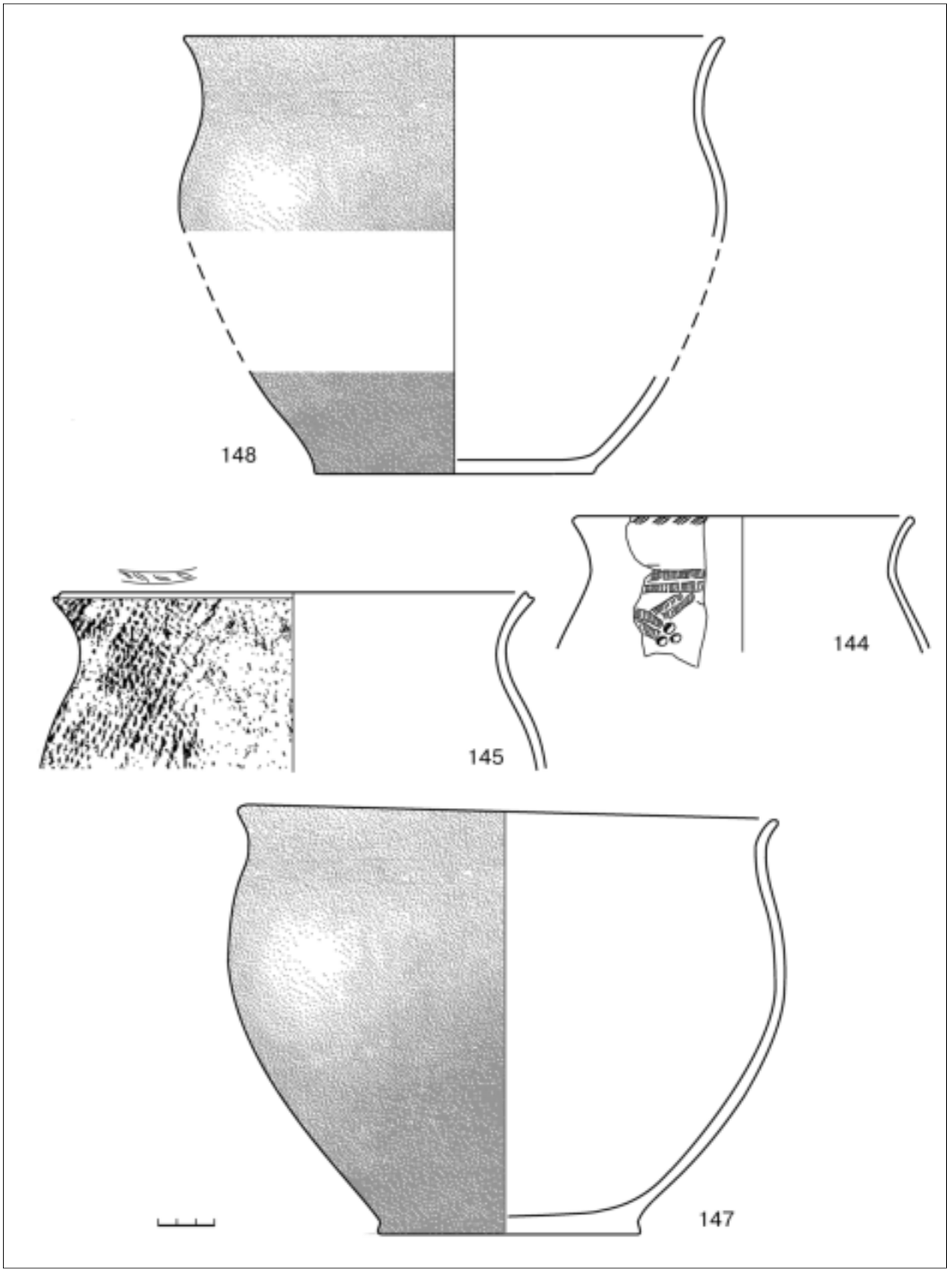


Рис. 205. Подлощенная, гладкостенная и текстильная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

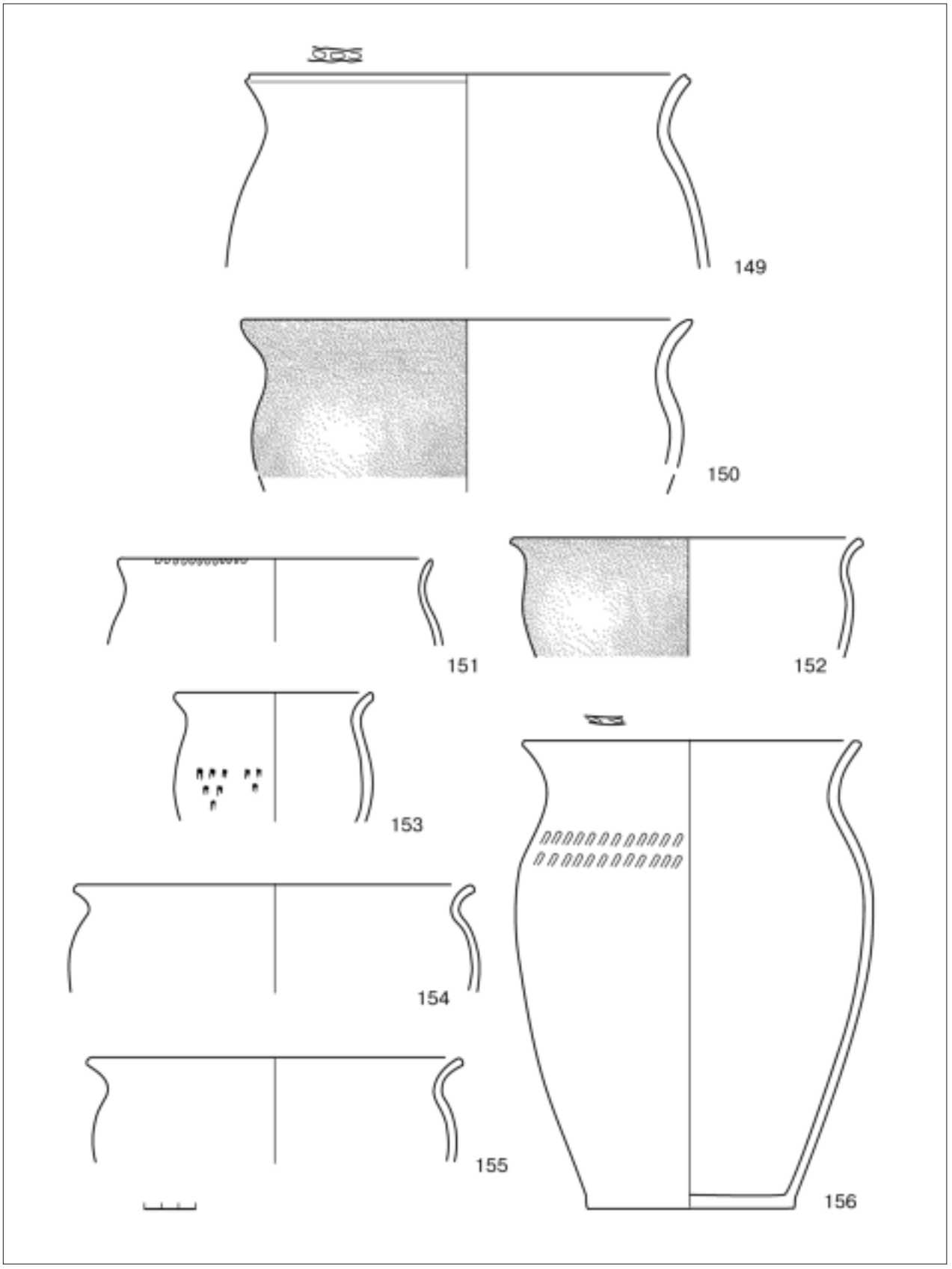


Рис. 206. Подлощеная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

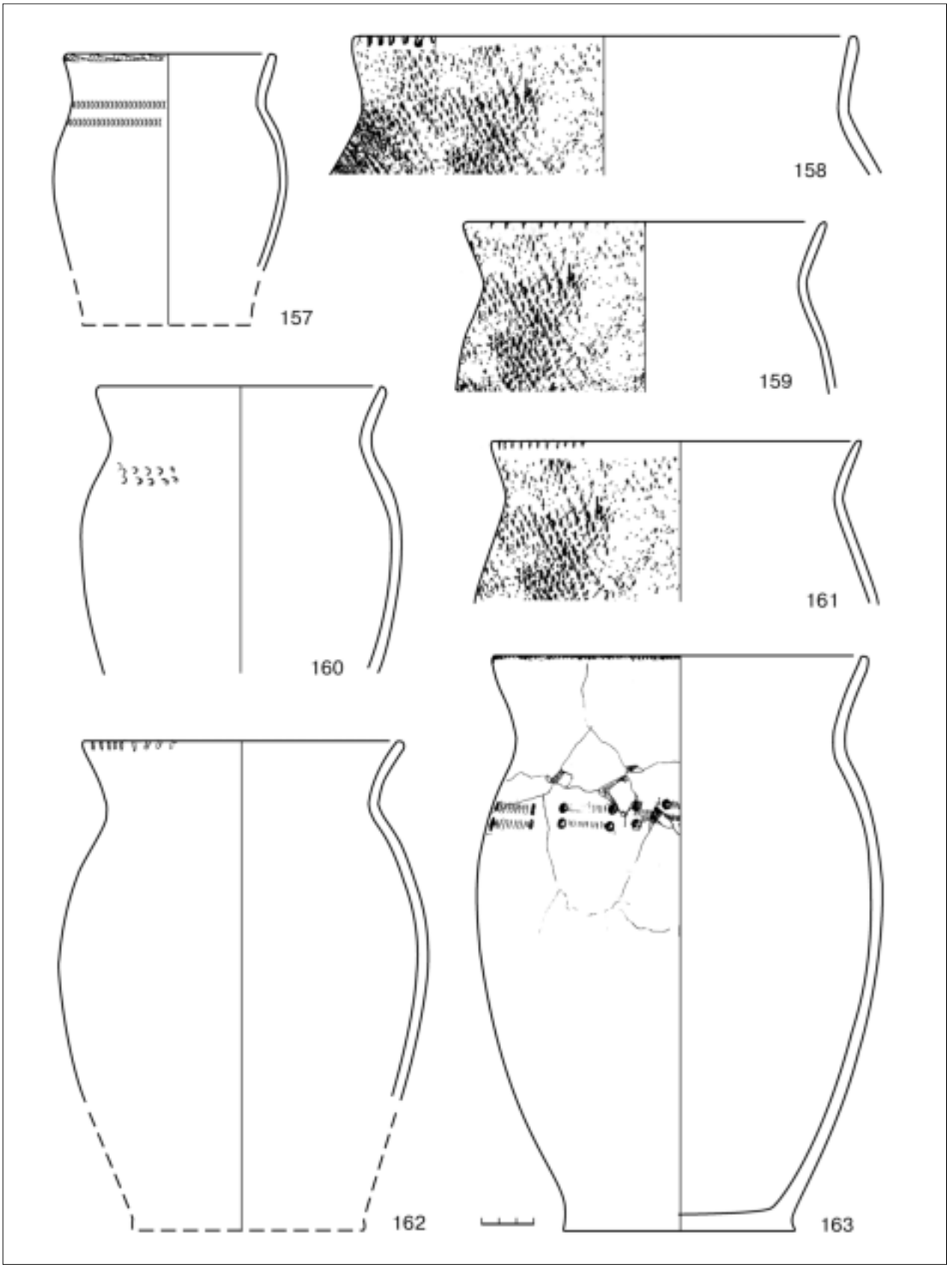


Рис. 207. Гладкостенная и текстильная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

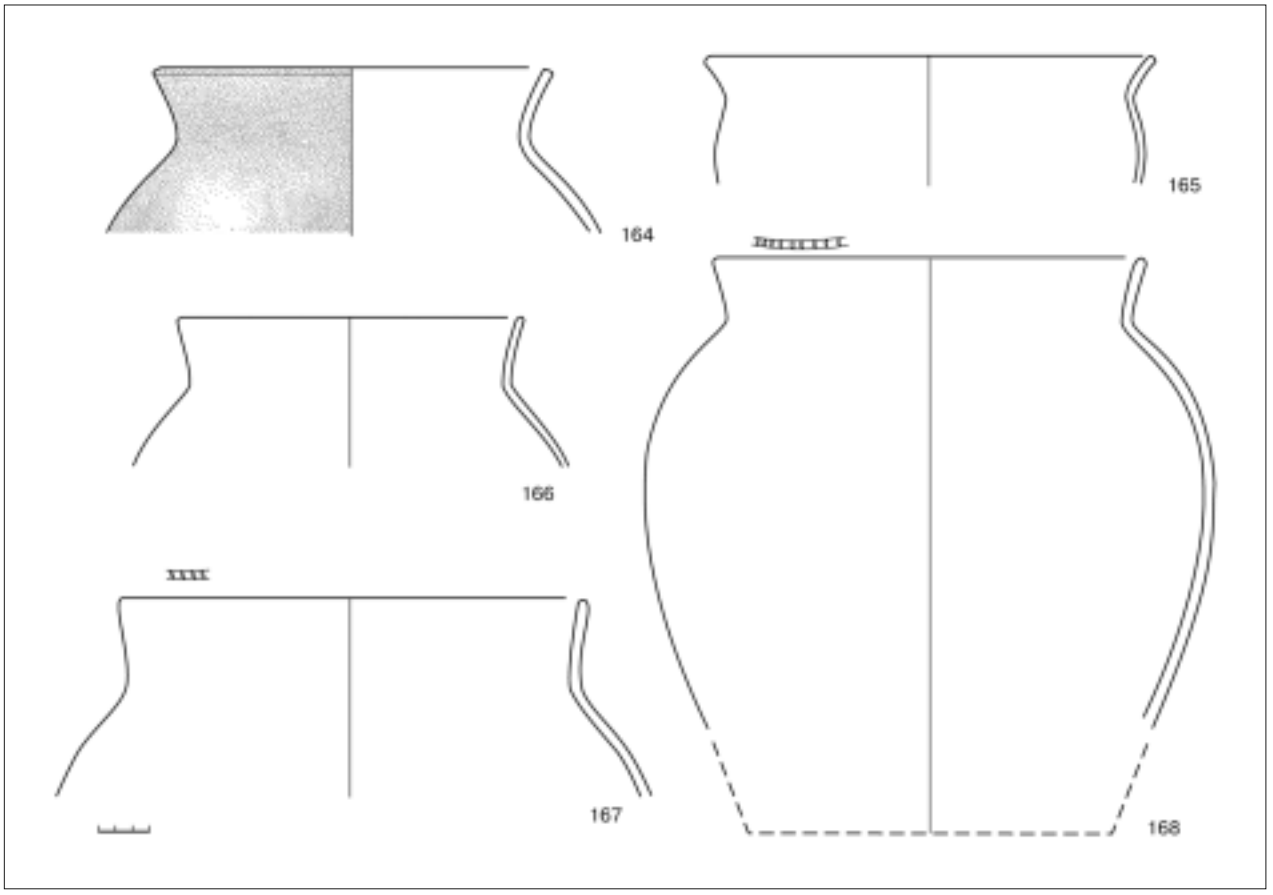


Рис. 208. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

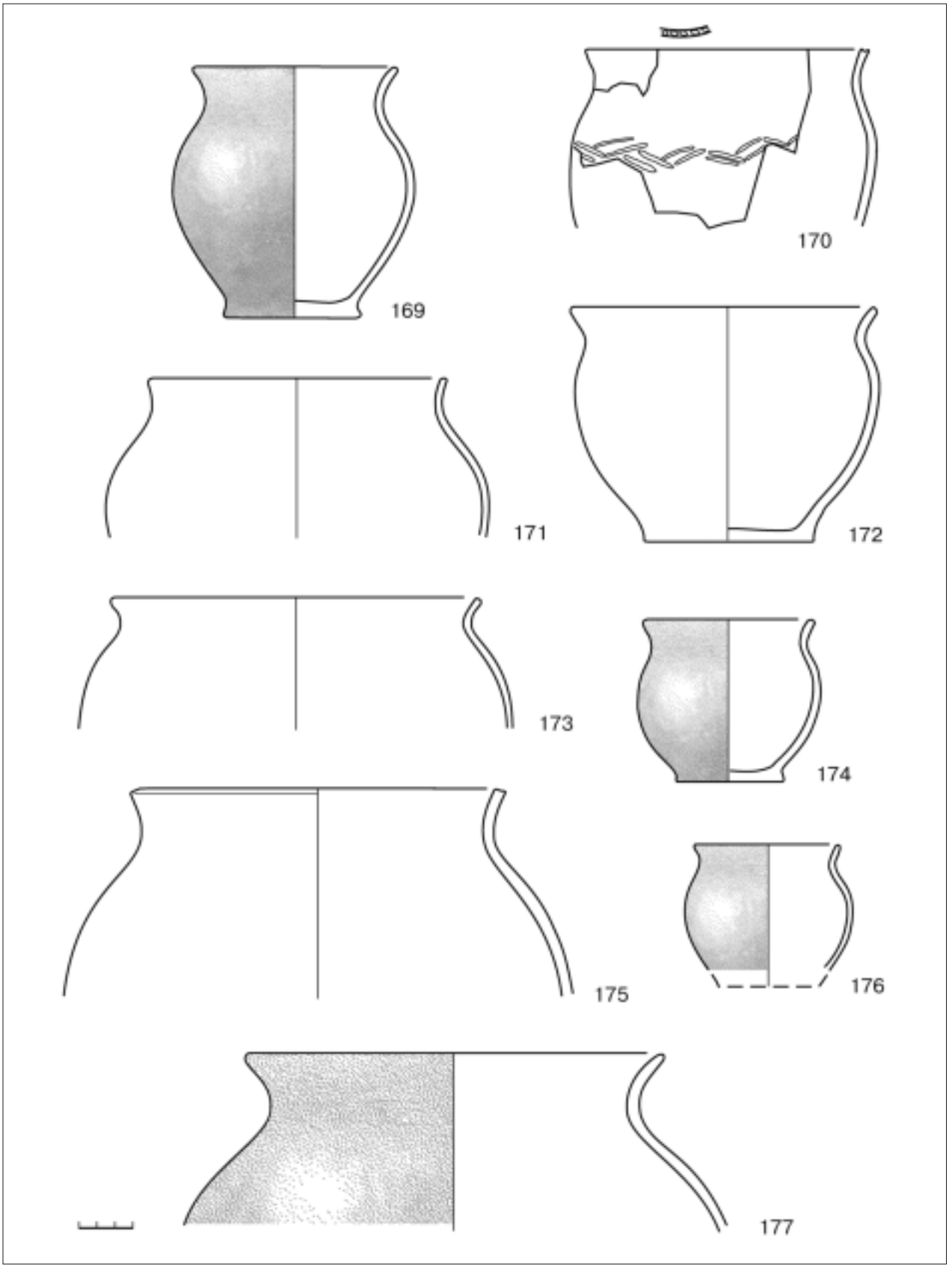


Рис. 209. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

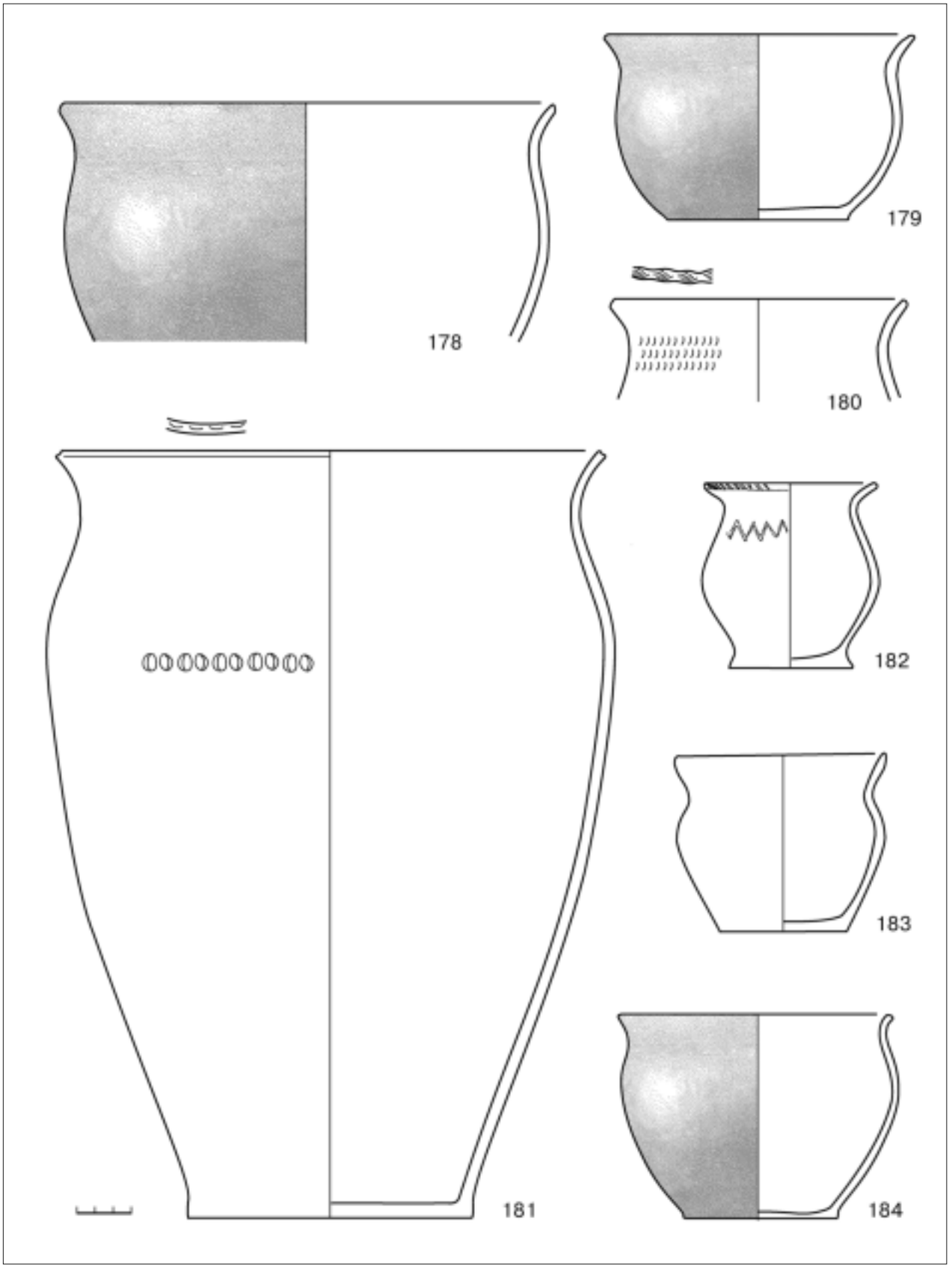


Рис. 210. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

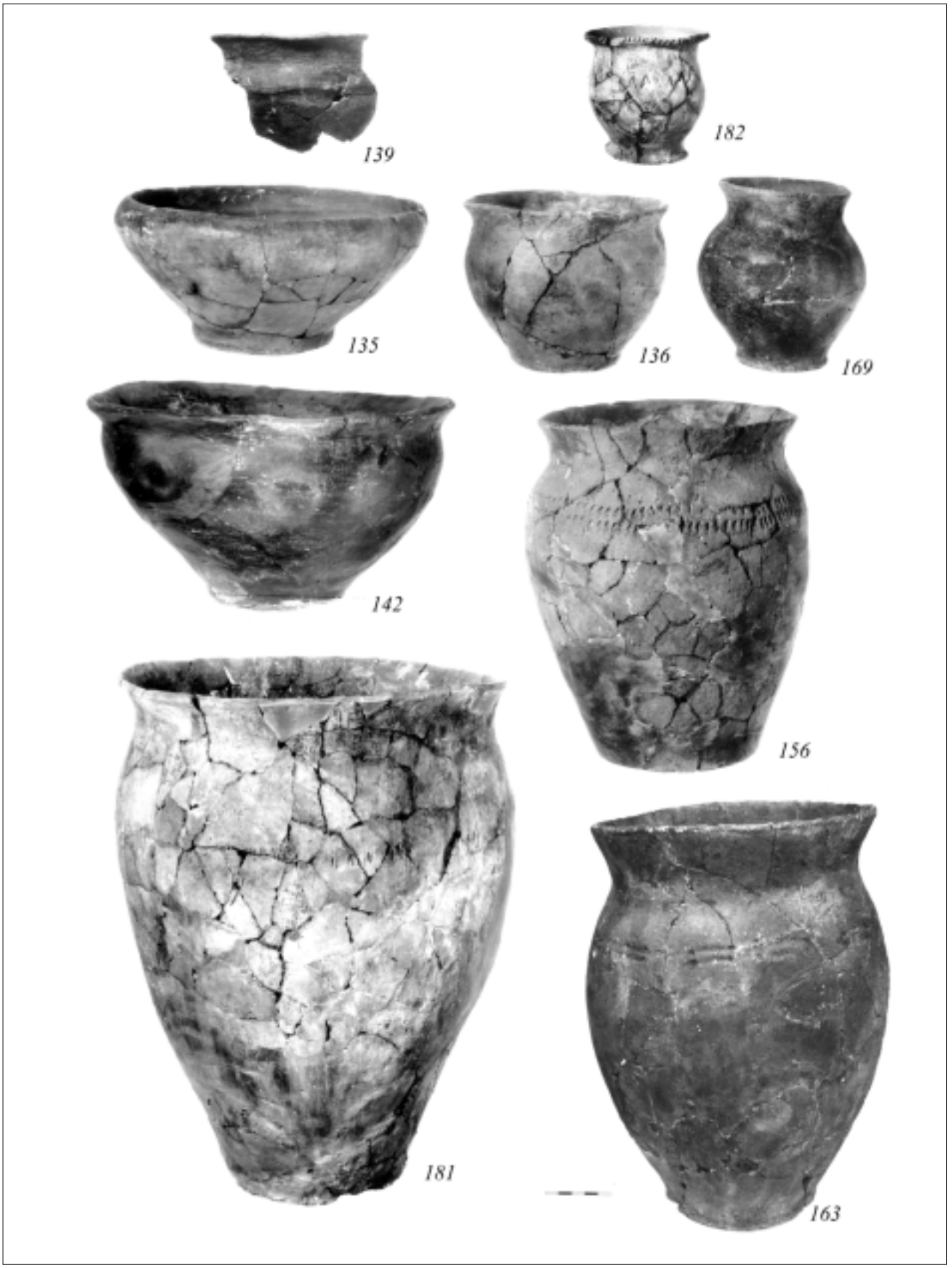


Рис. 211. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

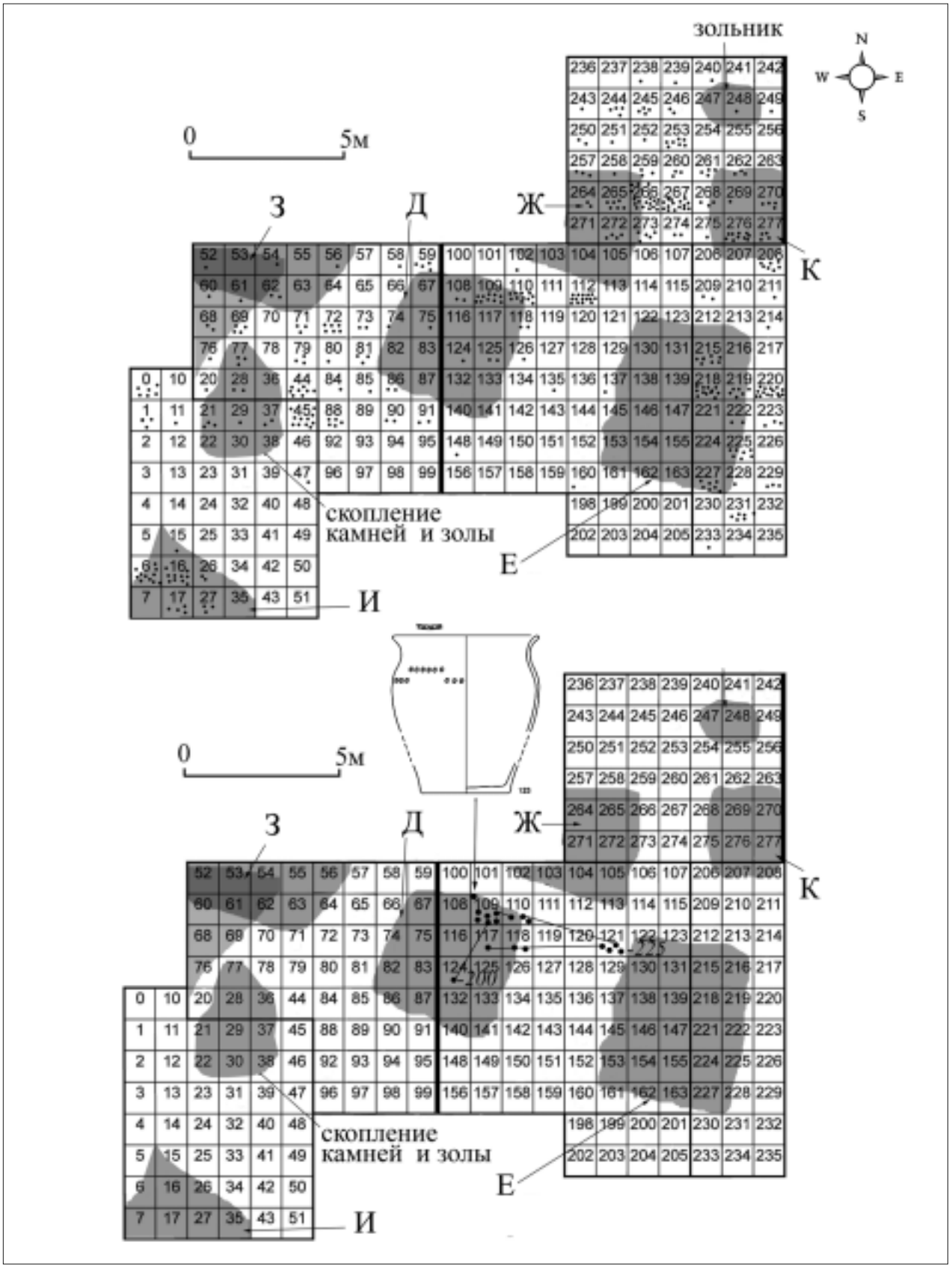


Рис. 212. Особенности планиграфического распределения керамики

Вверху – планиграфия находок профилированной текстильной керамики. Дьяково городище, верхний слой; внизу – распределение фрагментов гладкостенного горшка № 123 между постройками «Д» и «Е»

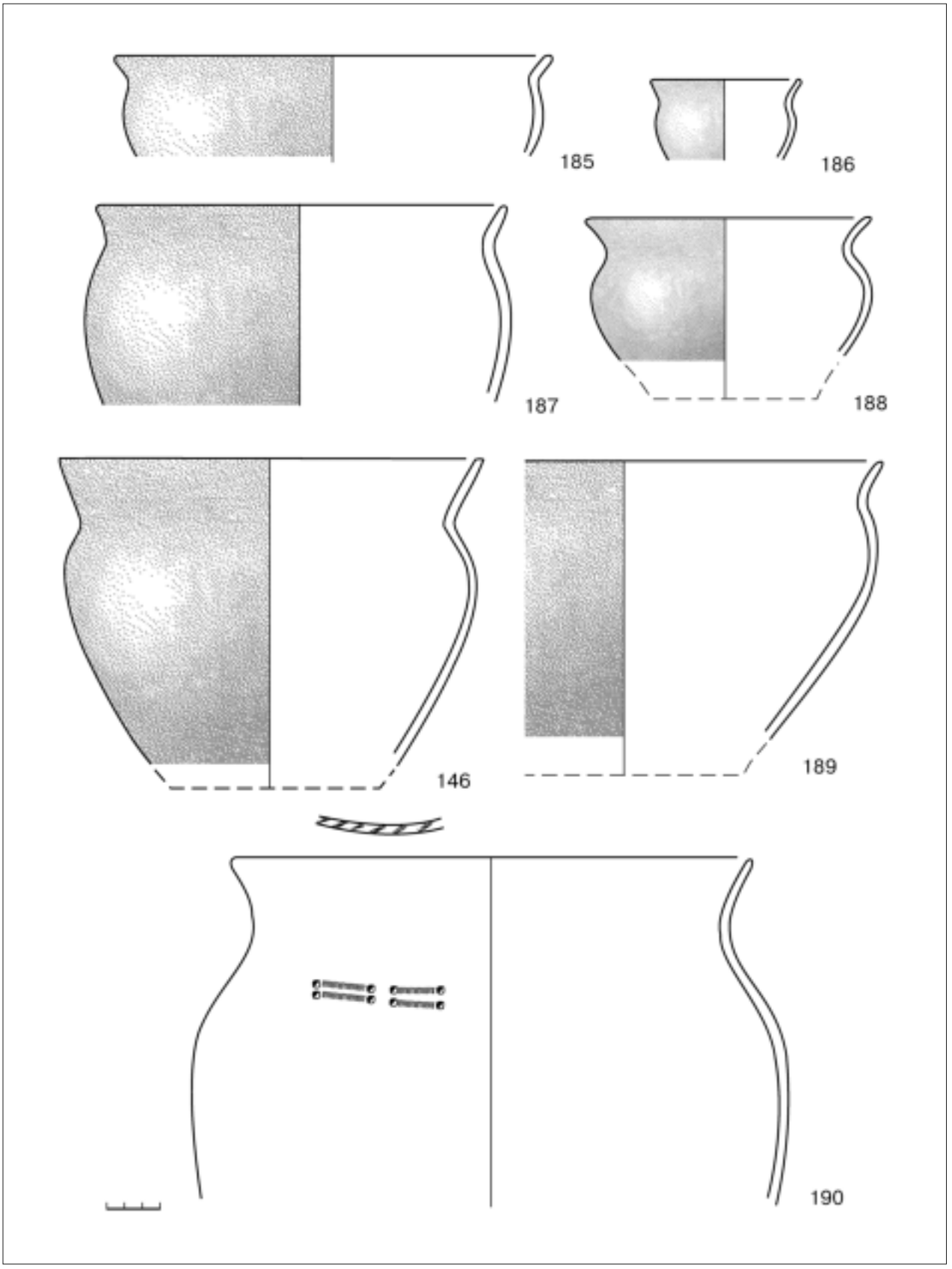


Рис. 213. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Средний горизонт верхнего слоя, глубина –160–210

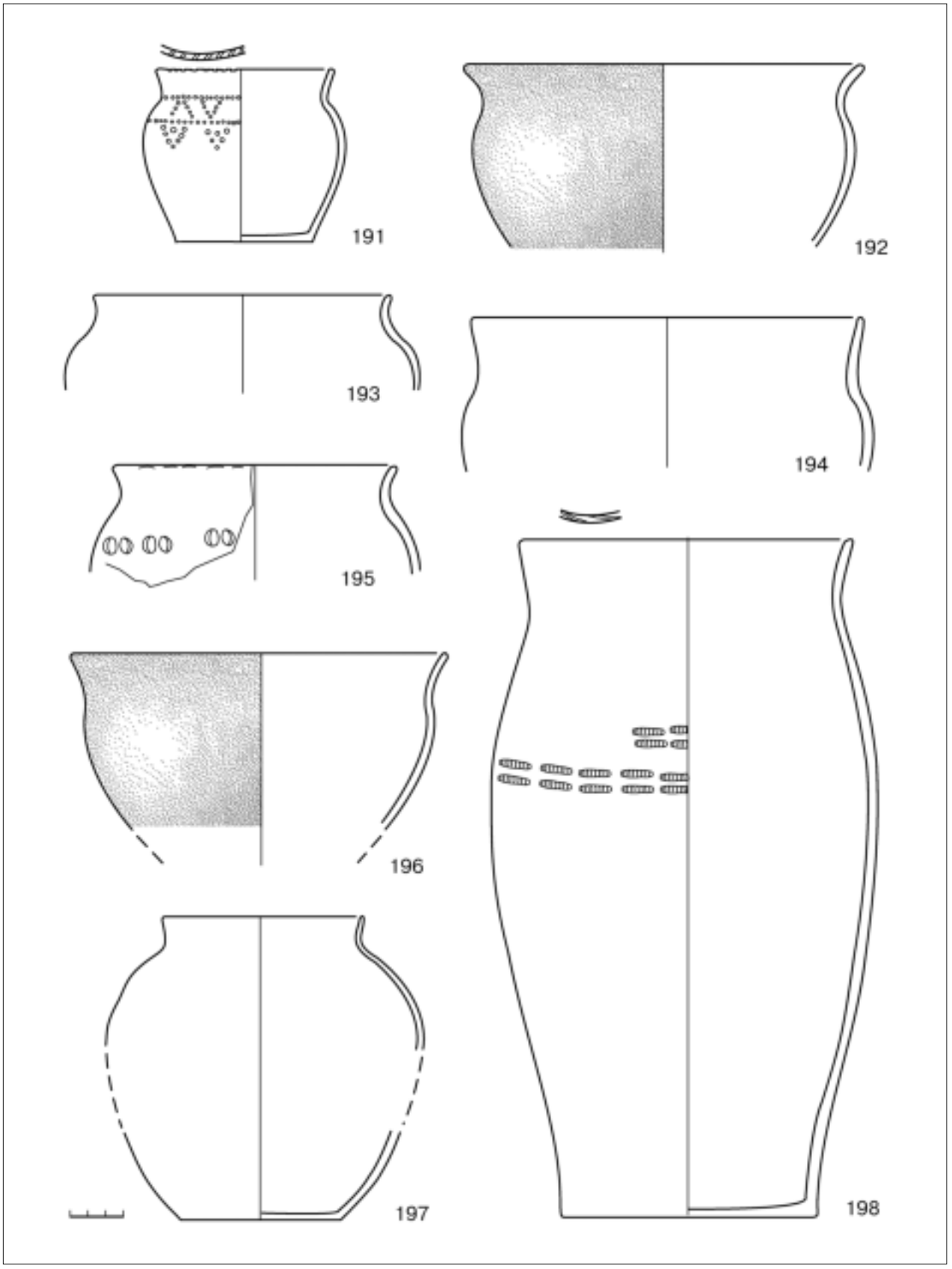


Рис. 214. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Верхний горизонт верхнего слоя, глубина –110–160

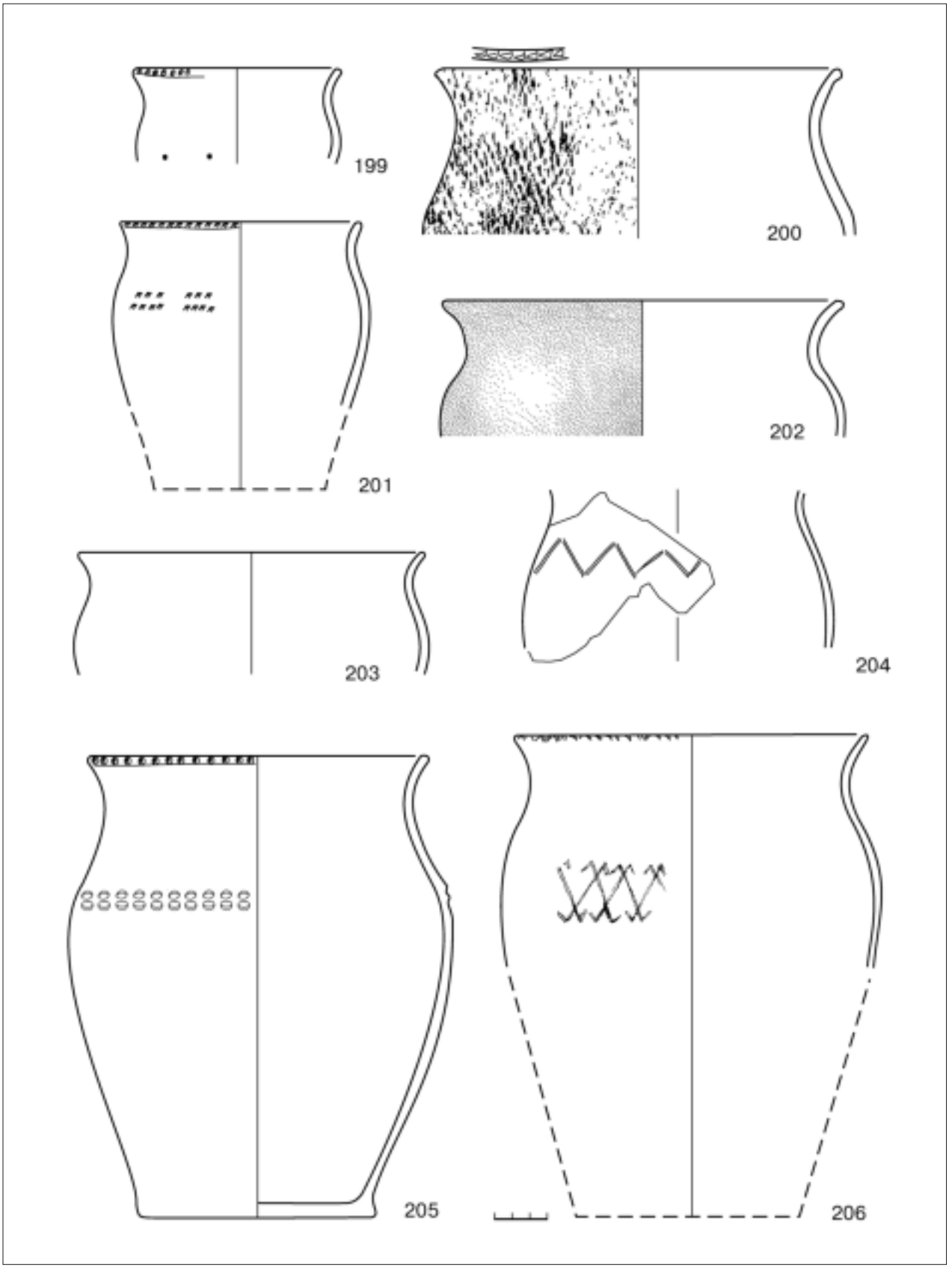


Рис. 215. Подлощенная, текстильная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Верхний горизонт верхнего слоя, глубина –110–160

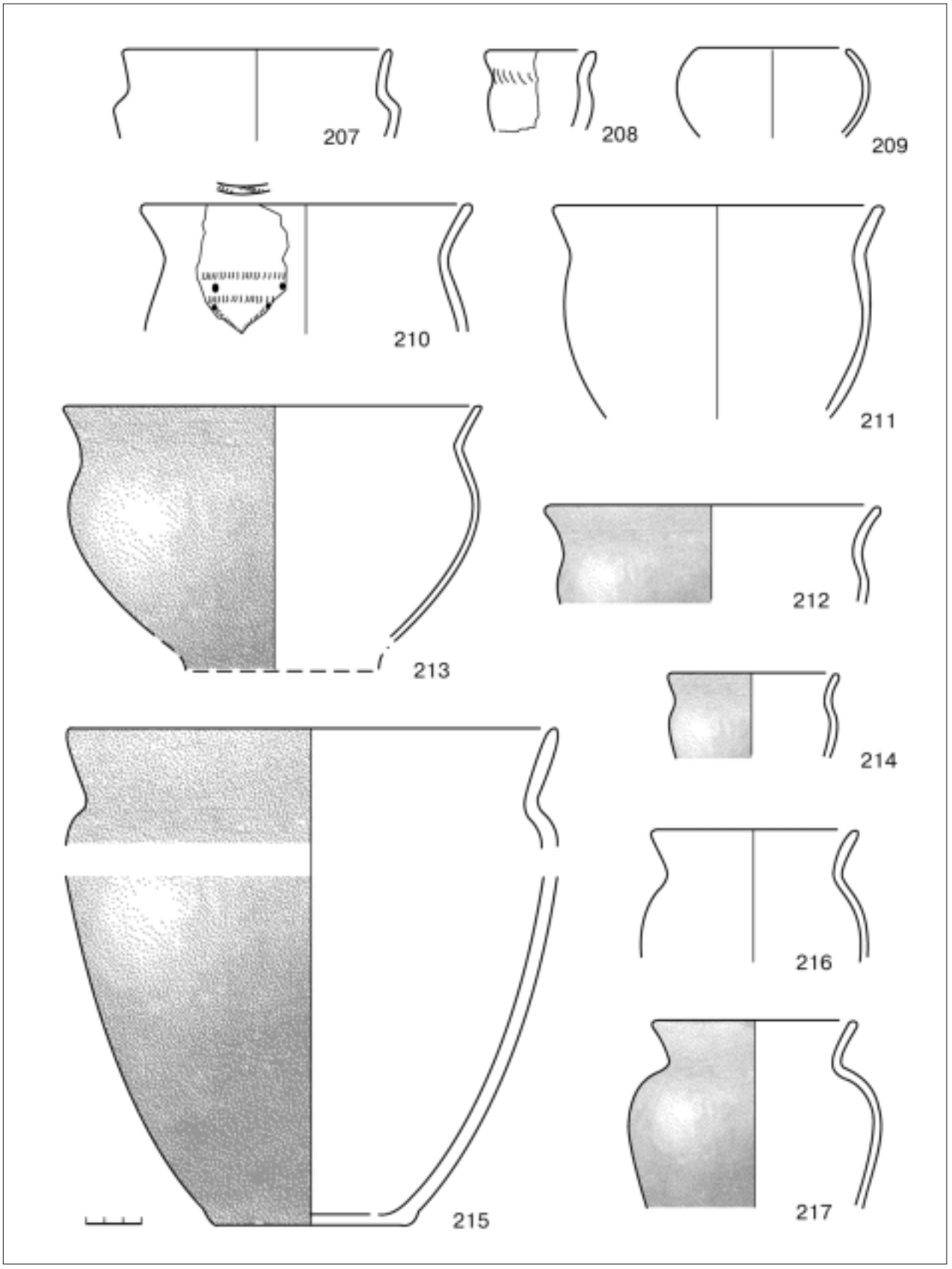


Рис. 216. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Верхний горизонт верхнего слоя, глубина –110–160

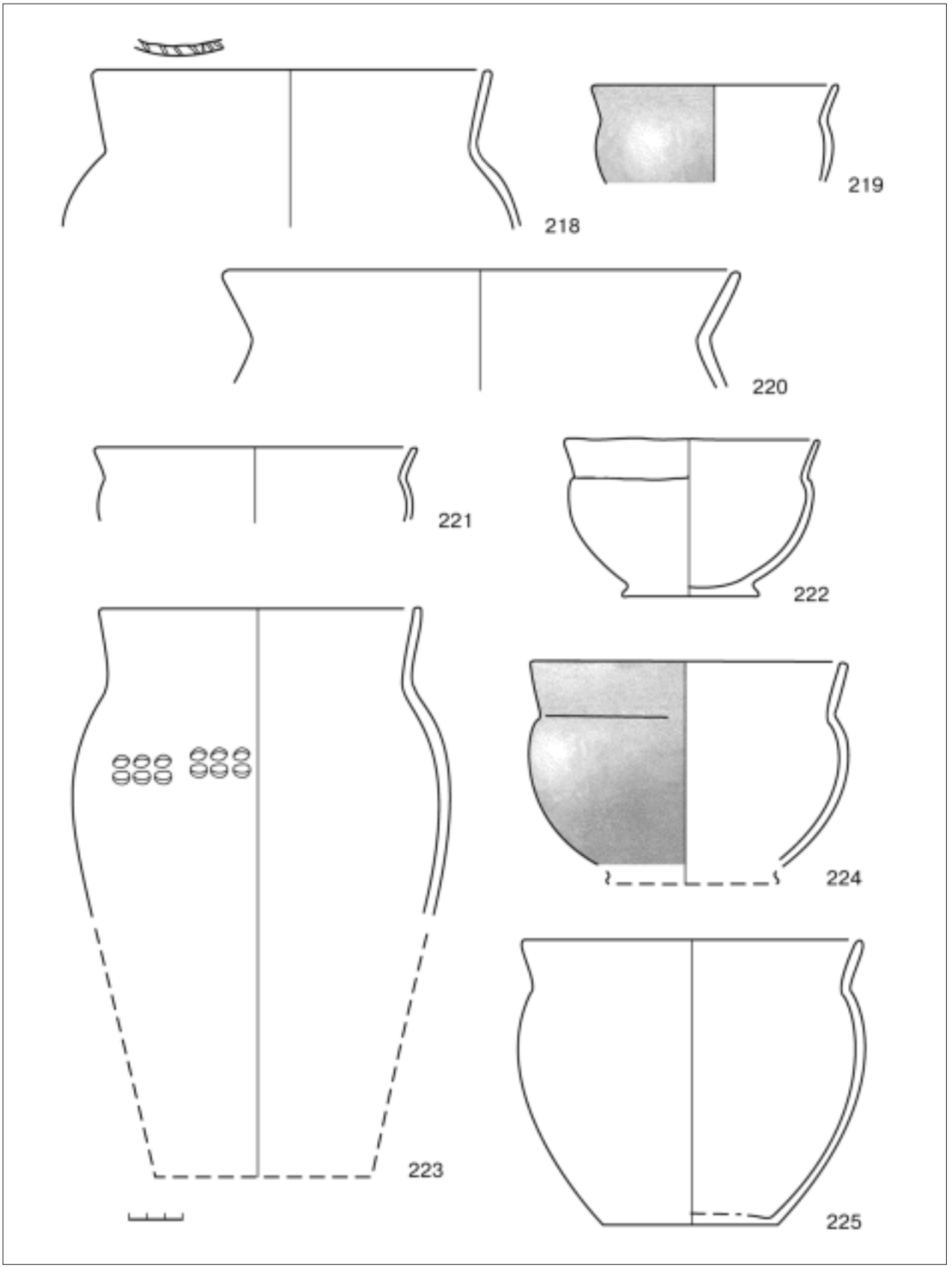


Рис. 217. Подлощенная и гладкостенная керамика. Дьяково городище.
Верхний горизонт верхнего слоя, глубина –110–160

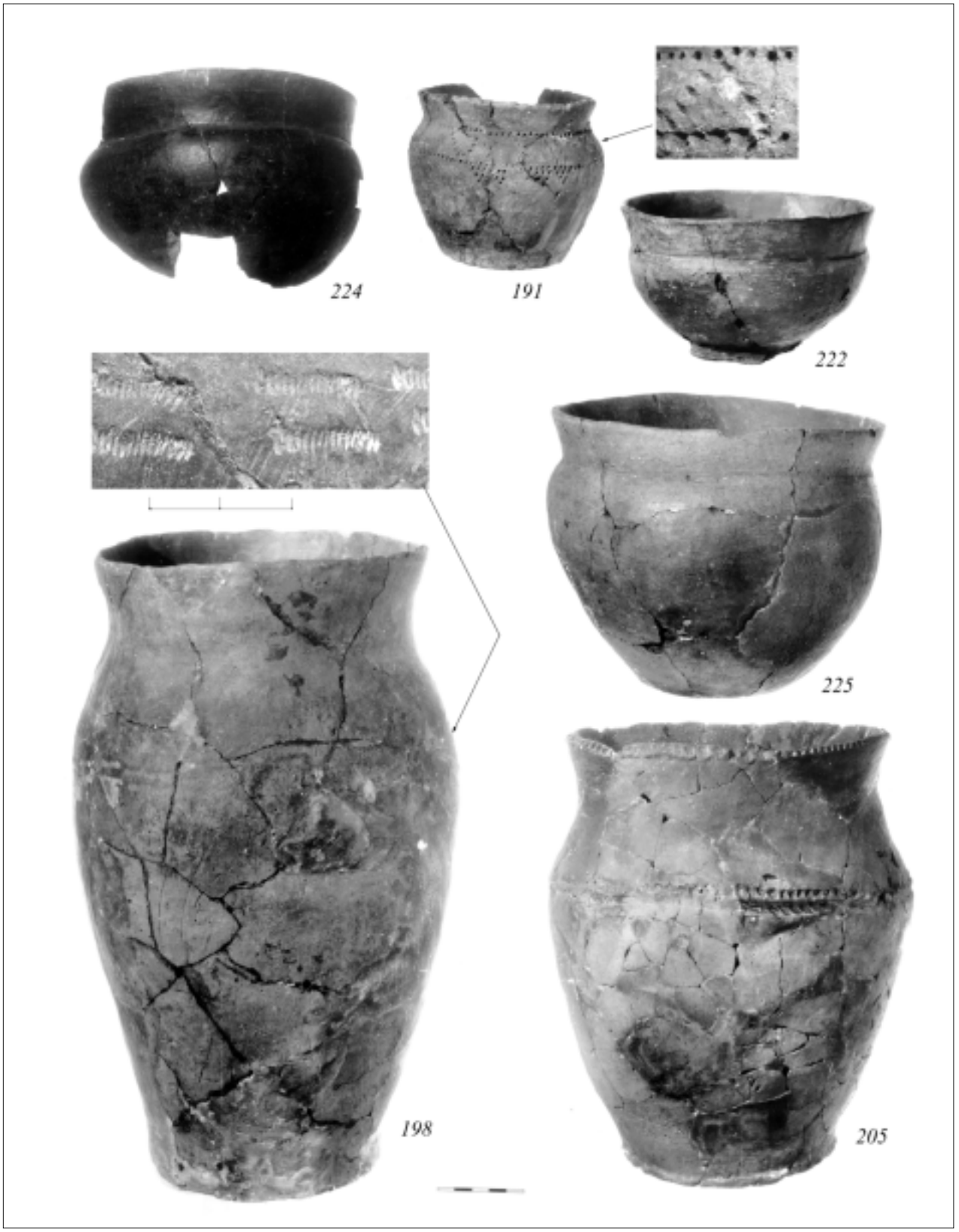
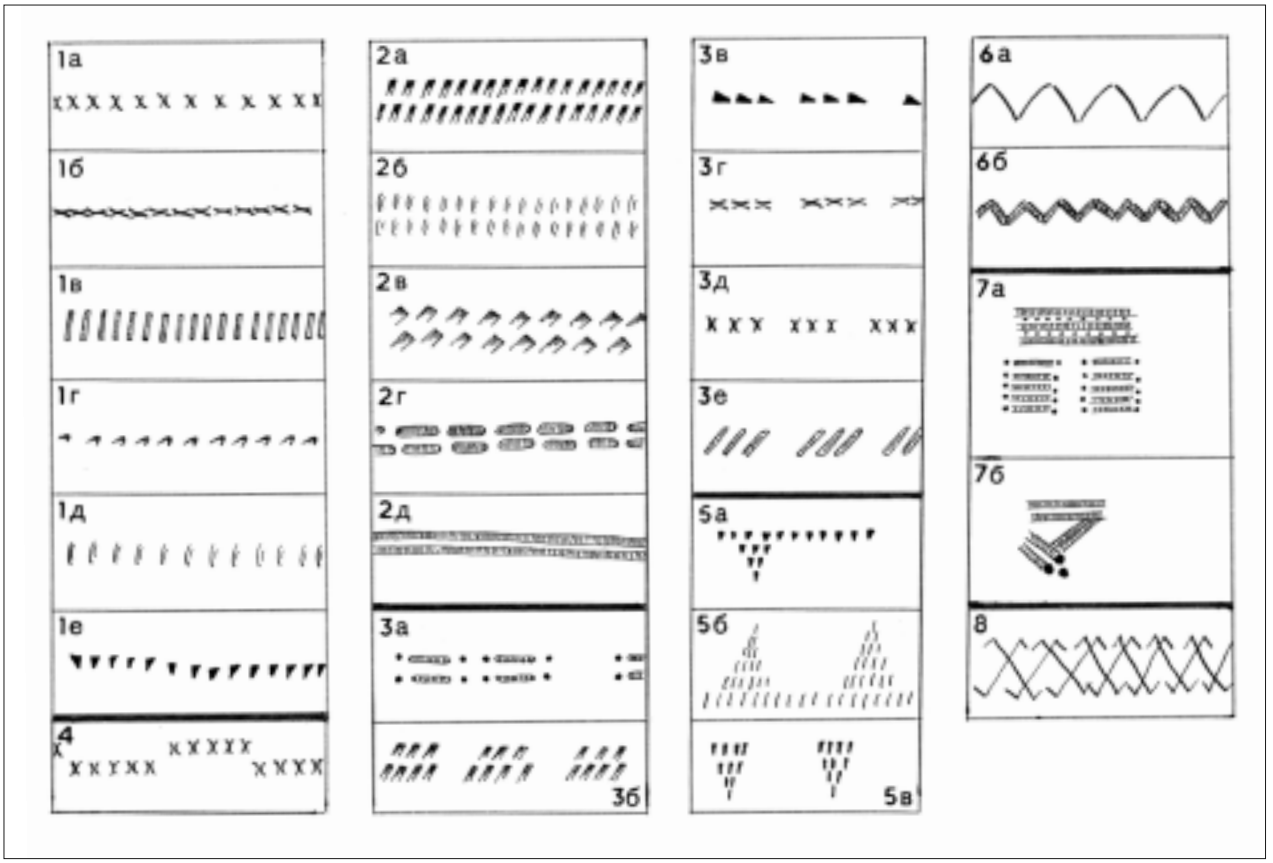


Рис. 218. Чернолощеная, подлощенная и гладкостенная керамика.
Дьяково городище. Верхний горизонт верхнего слоя, глубина –110–160



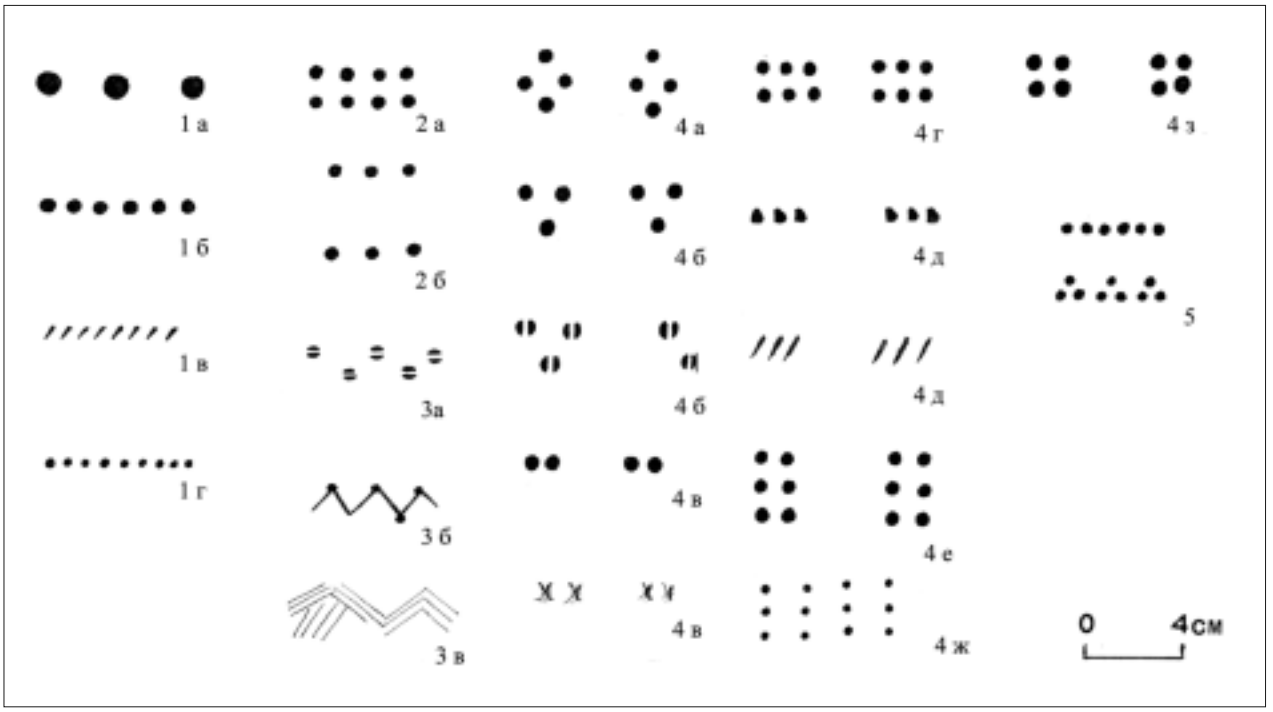


Рис. 219. Типы орнаментов на керамике. Дьяково городище

Вверху – из верхнего слоя; внизу – из нижнего слоя

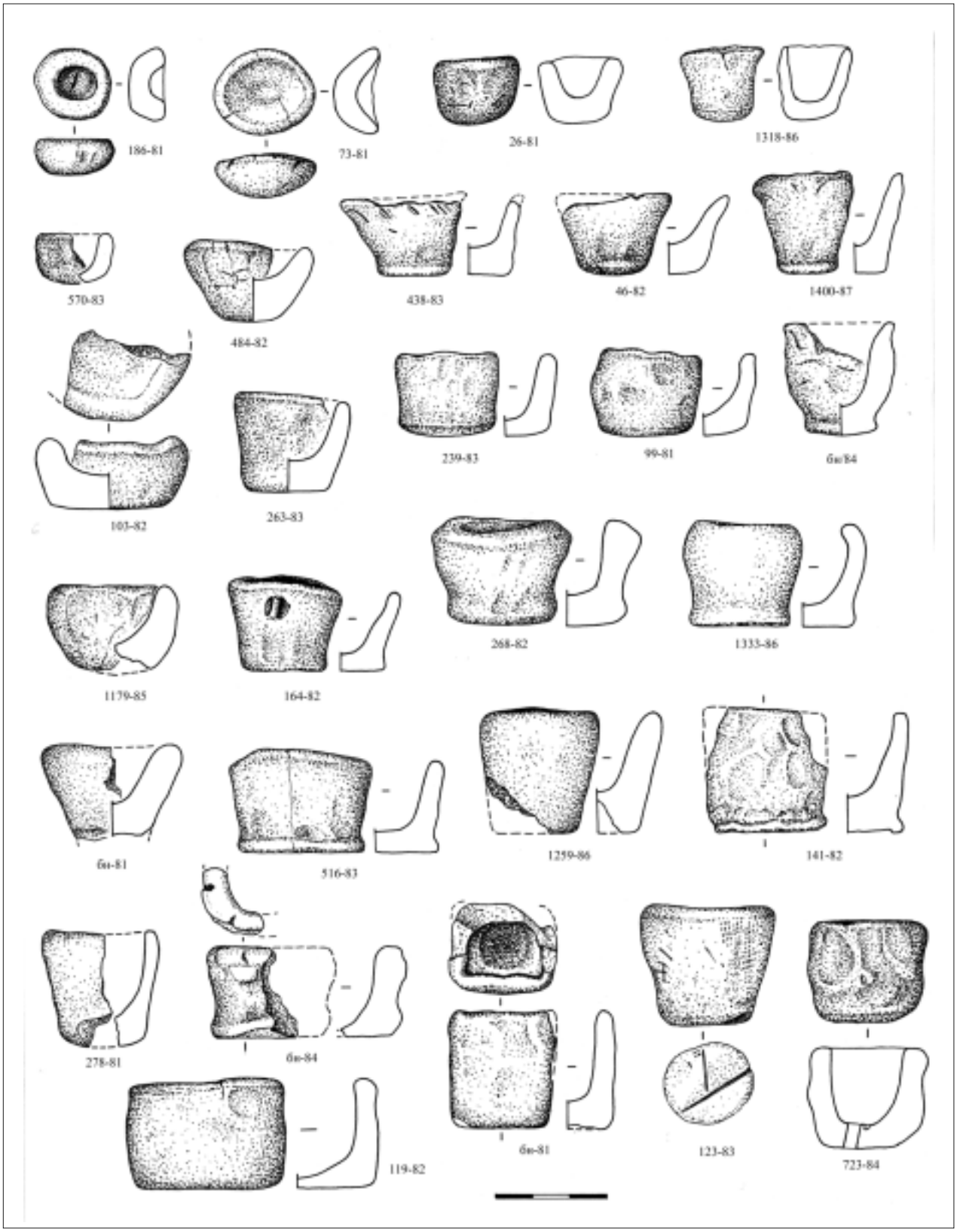


Рис. 220. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

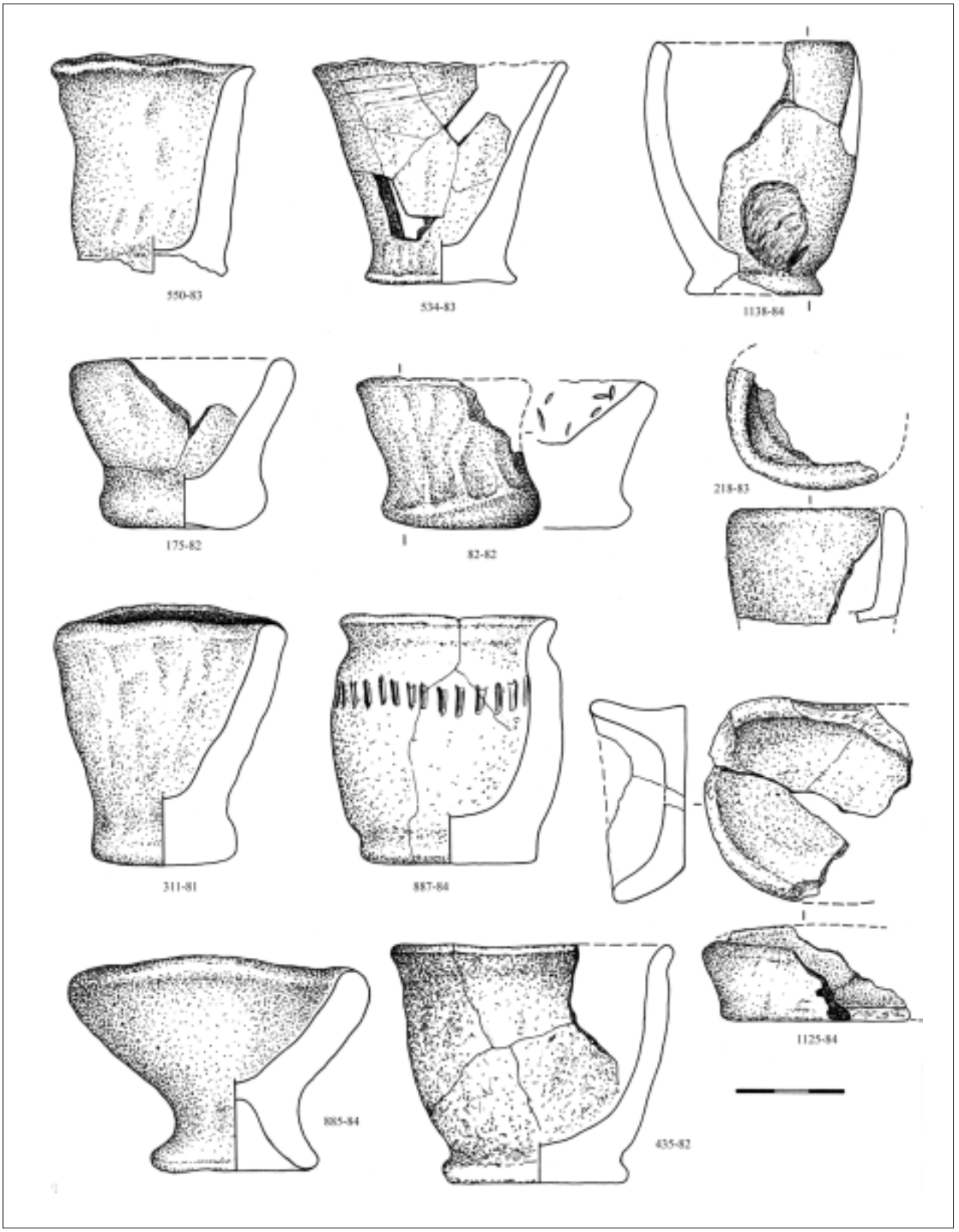


Рис. 221. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

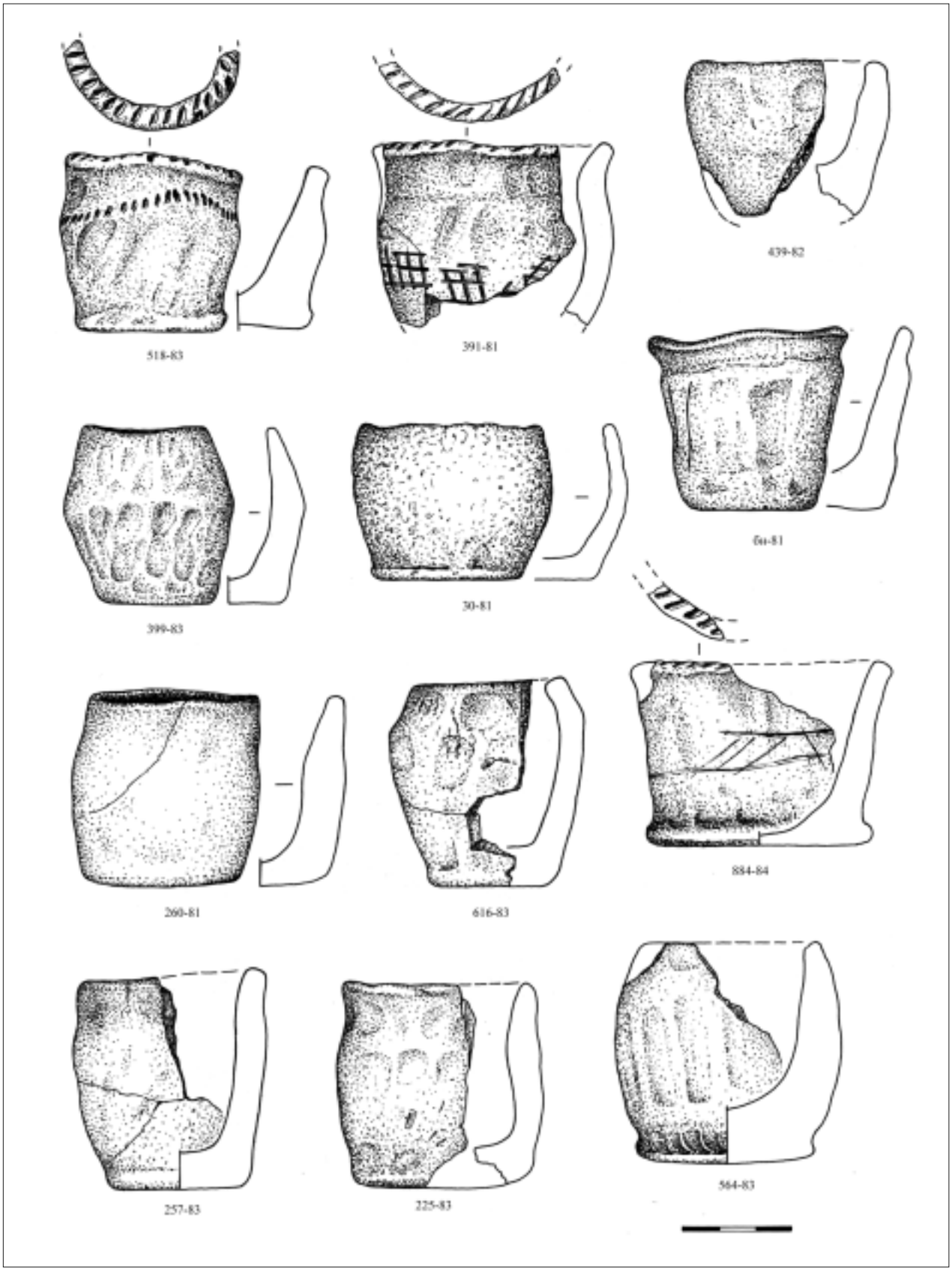


Рис. 222. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

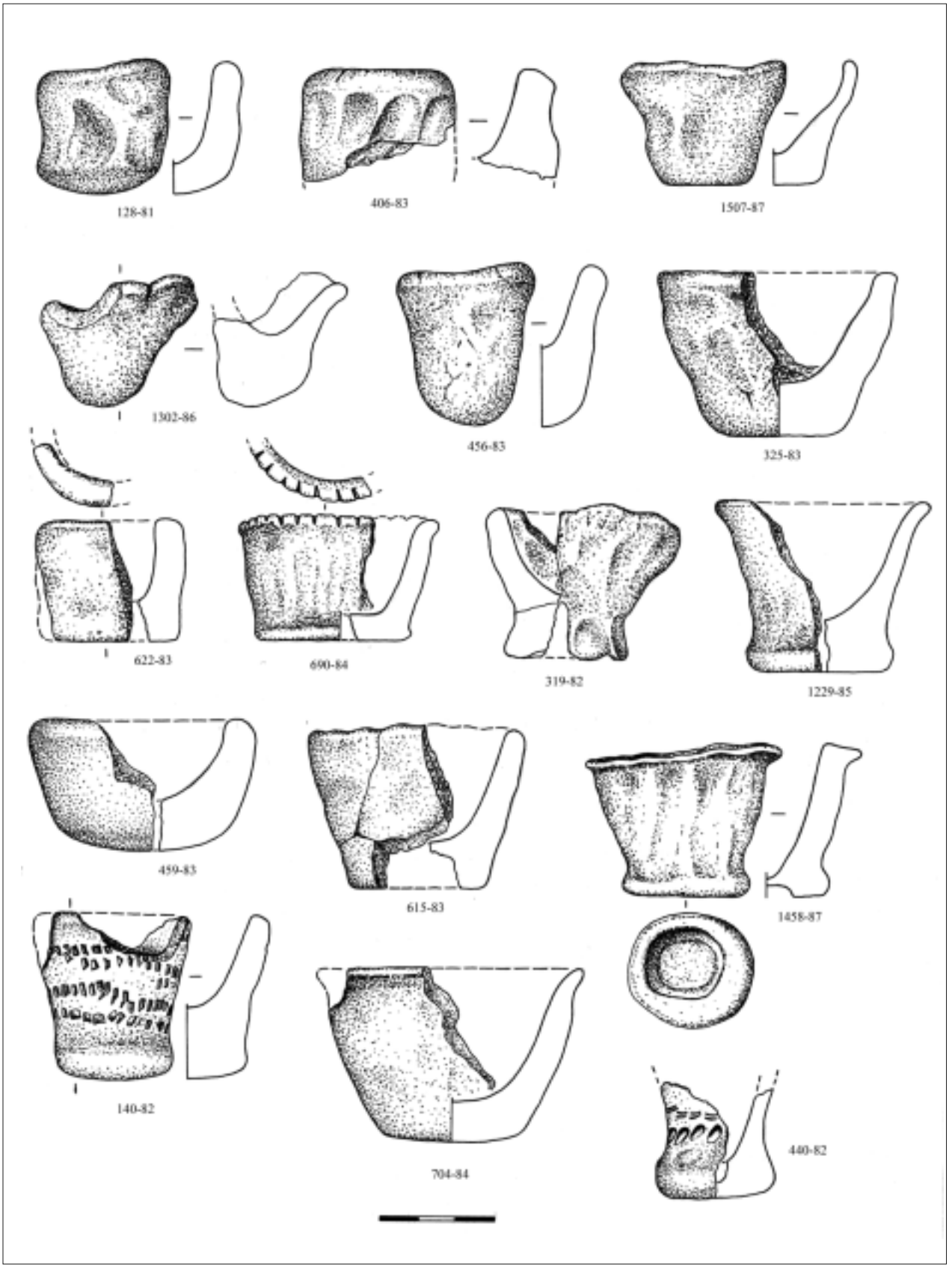


Рис. 223. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой и перекопы верхнего слоя
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

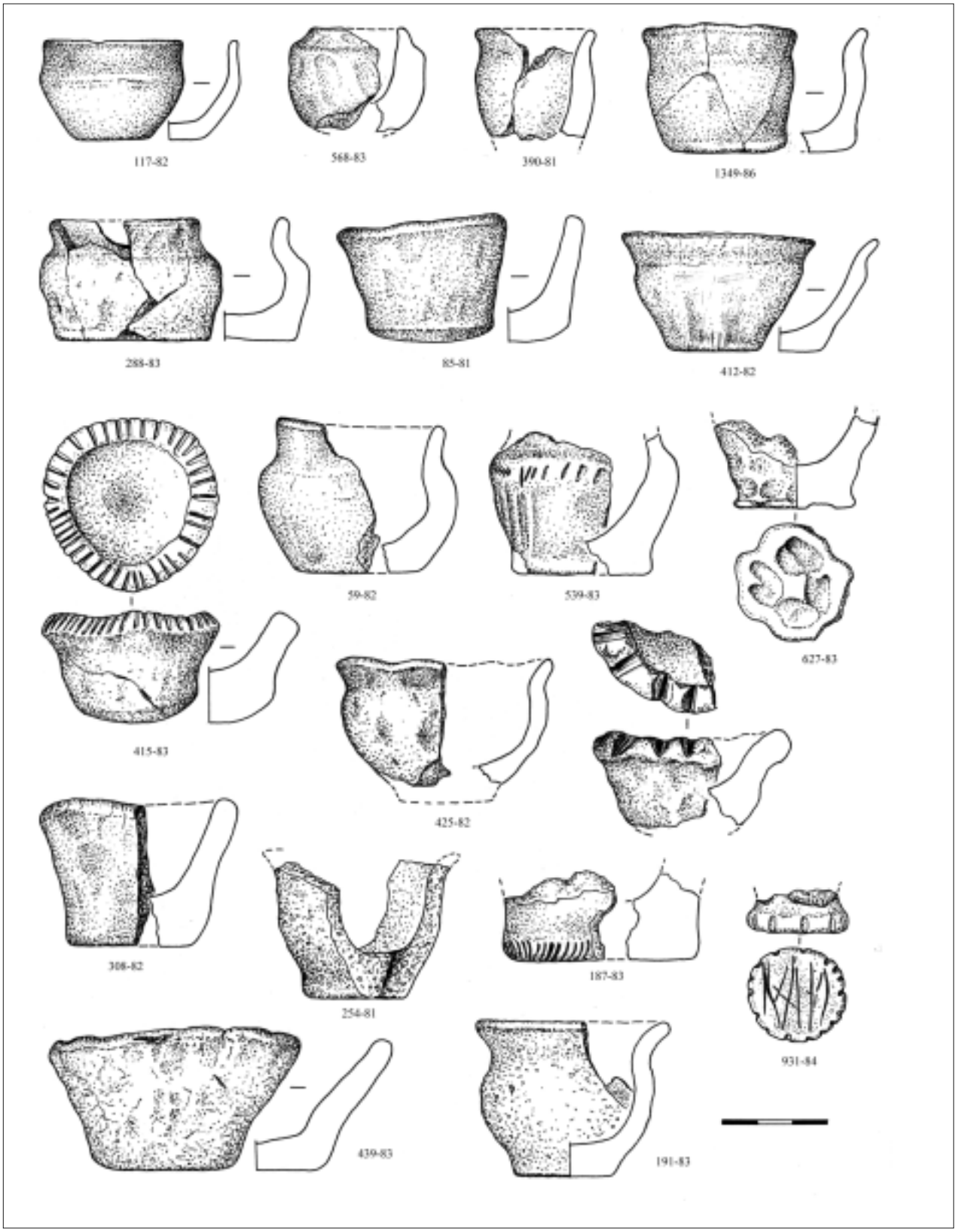


Рис. 224. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой

№ 412-82 – поверхность лощеная, остальные гладкие
Номера по описи, после дефиса – год раскопок

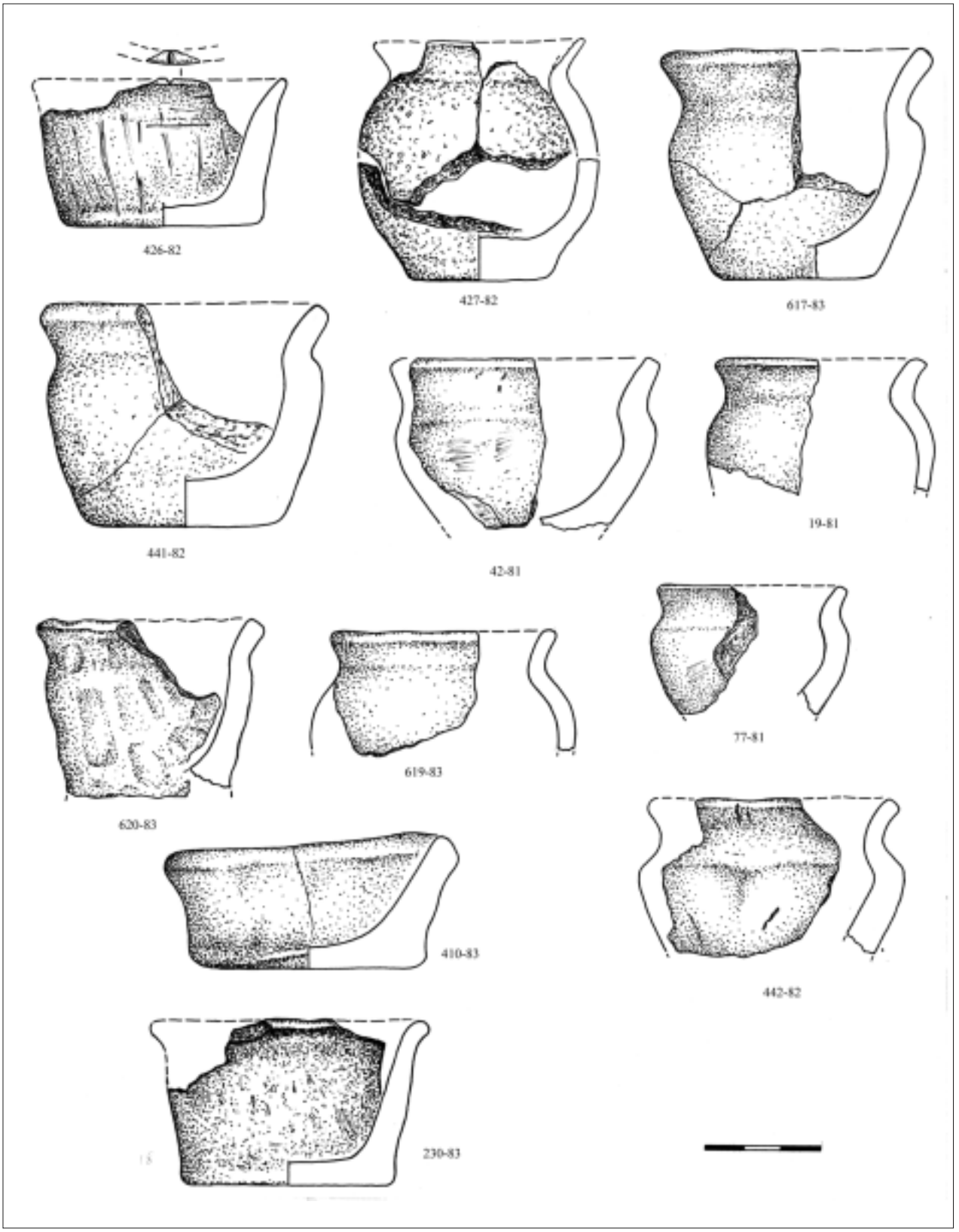


Рис. 225. Миниатюрные сосудики. Дьяково городище. Верхний слой

Номера по описи, после дефиса – год раскопок

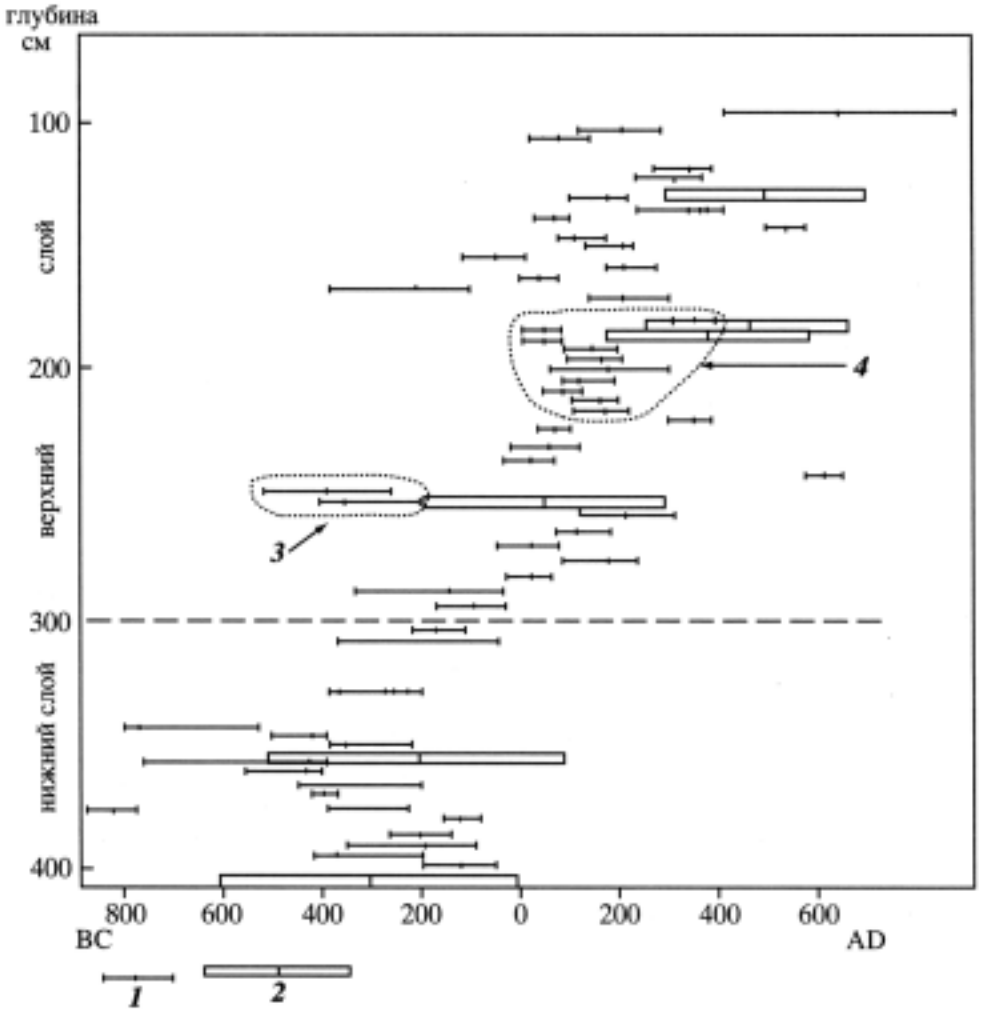


Рис. 226. Шкала радиоуглеродных и термолюминесцентных датировок для культурного слоя Дьякова городища

1 – радиоуглеродные датировки; *2* – термолюминесцентные датировки; *3* – даты, полученные по образцам, переотложенным из нижнего культурного слоя; *4* – комплекс датировок для одной постройки «Д»-4 на глубине –200–230

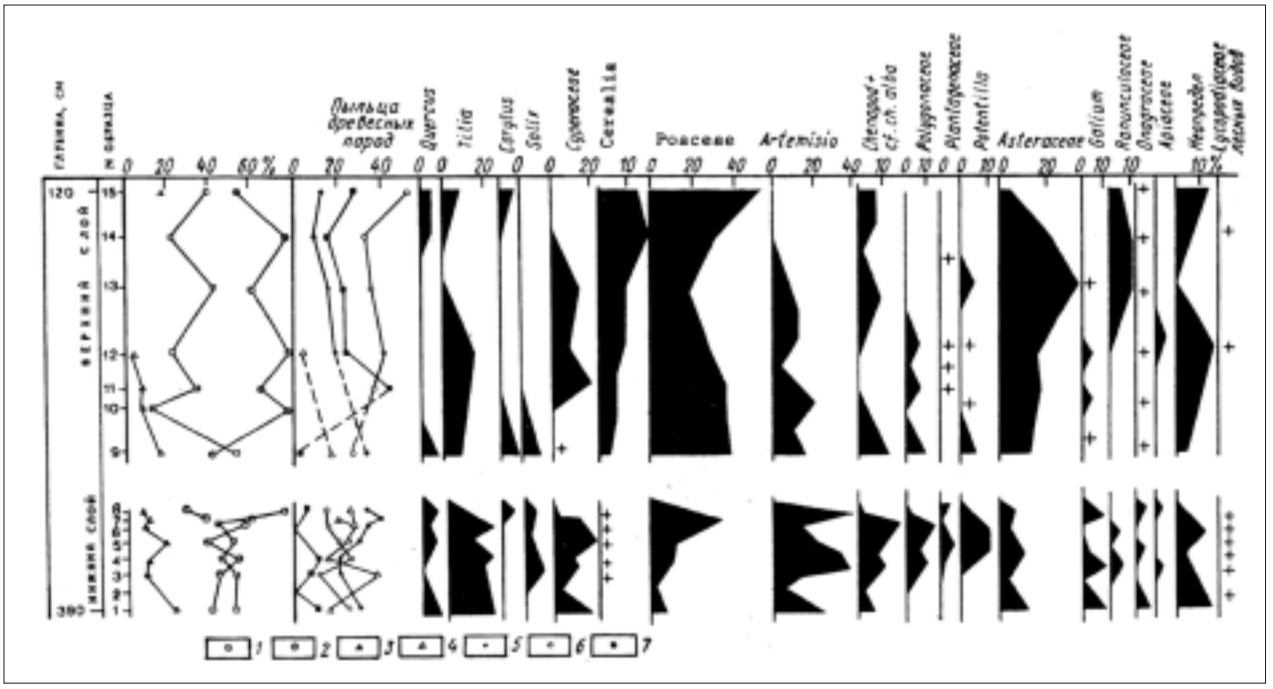


Рис. 227. Спорово-пыльцевая диаграмма № 1, построенная по образцам, отобранным на северной и западной периферии площадки Дьякова городища

1 – древесные породы, *2* – травянистые растения, *3* – споры. Пыльца: *4* – ели, *5* – сосны, *6* – березы, *7* – ольхи

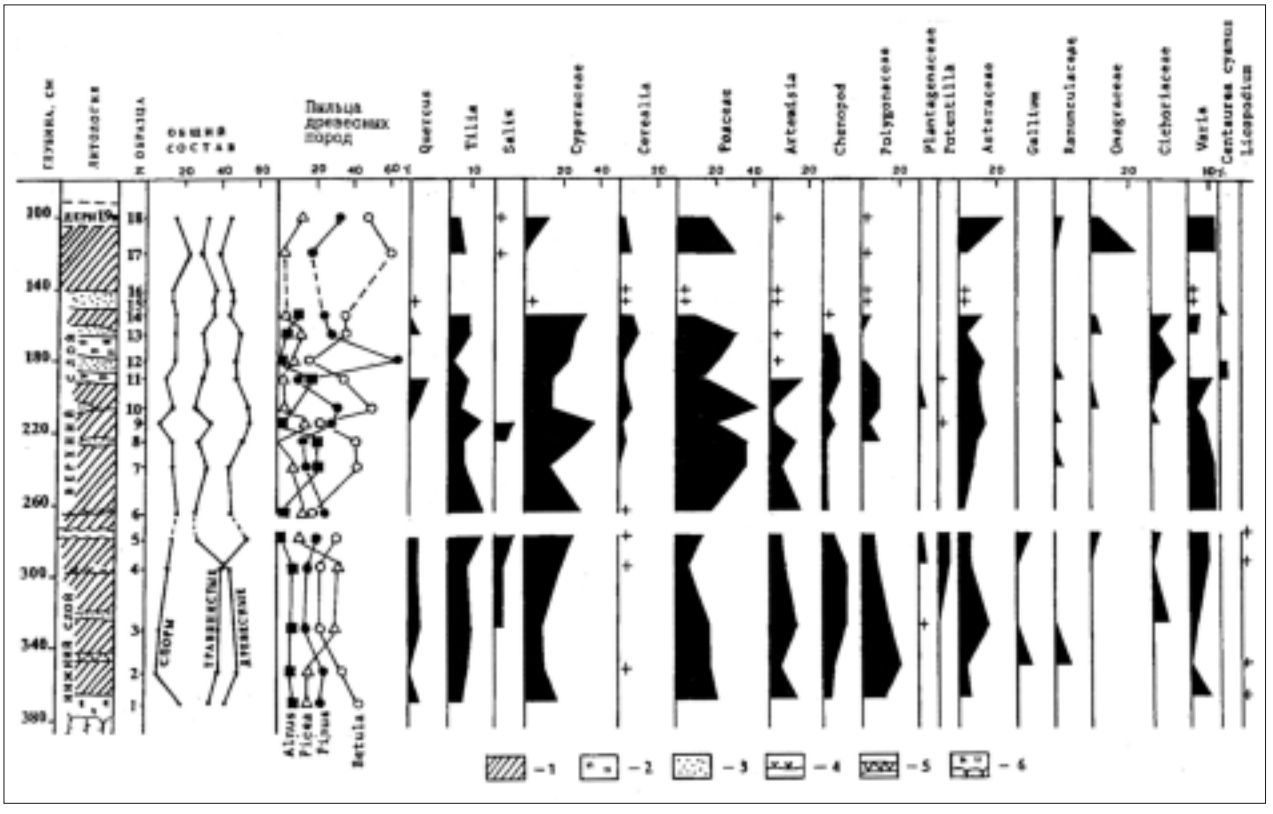


Рис. 228. Спорово-пыльцевая диаграмма № 2, построенная по образцам, отобранным в восточной стенке раскопа 1983/1984 гг. в центре площадки Дьякова городища

1 – золистая супесь, *2* – суглинок от построек, *3* – песок от построек, *4* – зола, *5* – коричневая органогенная прослойка, *6* – погребенная почва на покровном суглинке

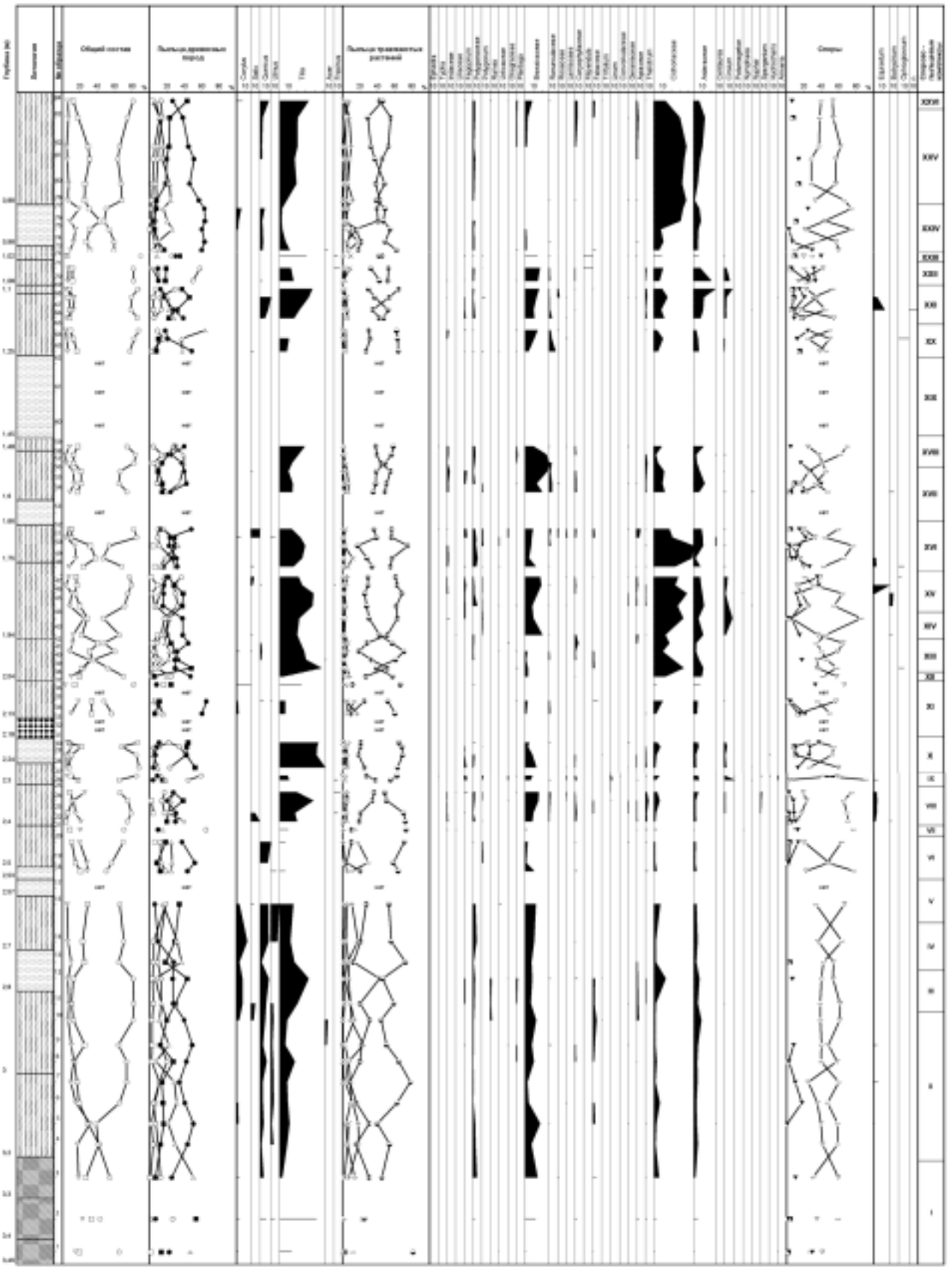


Рис. 229. Спорово-пыльцевая диаграмма № 3, отобранная в северной стенке раскопа 2004 г. в южной части площадки Дьякова городища

Рис. 230. Зерна культурных злаков из промывок культурного слоя Дьякова городища

1, 2 – зерна и остатки колосков пшеницы пленчатой (Triticum spelta L., Triticum dicoccun Schubl.); *3* – зерна пшеницы голозерной (Triticum aestivo/compactum); *4* – зерна ячменя (Hordeum vulgare L.), *5* – просо (Panicum miliaceum); 6 – скопление зерен льна (Linnun usutatissimum L.); *7* – отпечаток зерна пленчатого ячменя (определение Н.А. Кирьяновой) на днище горшка из кв. 240, глубина –210

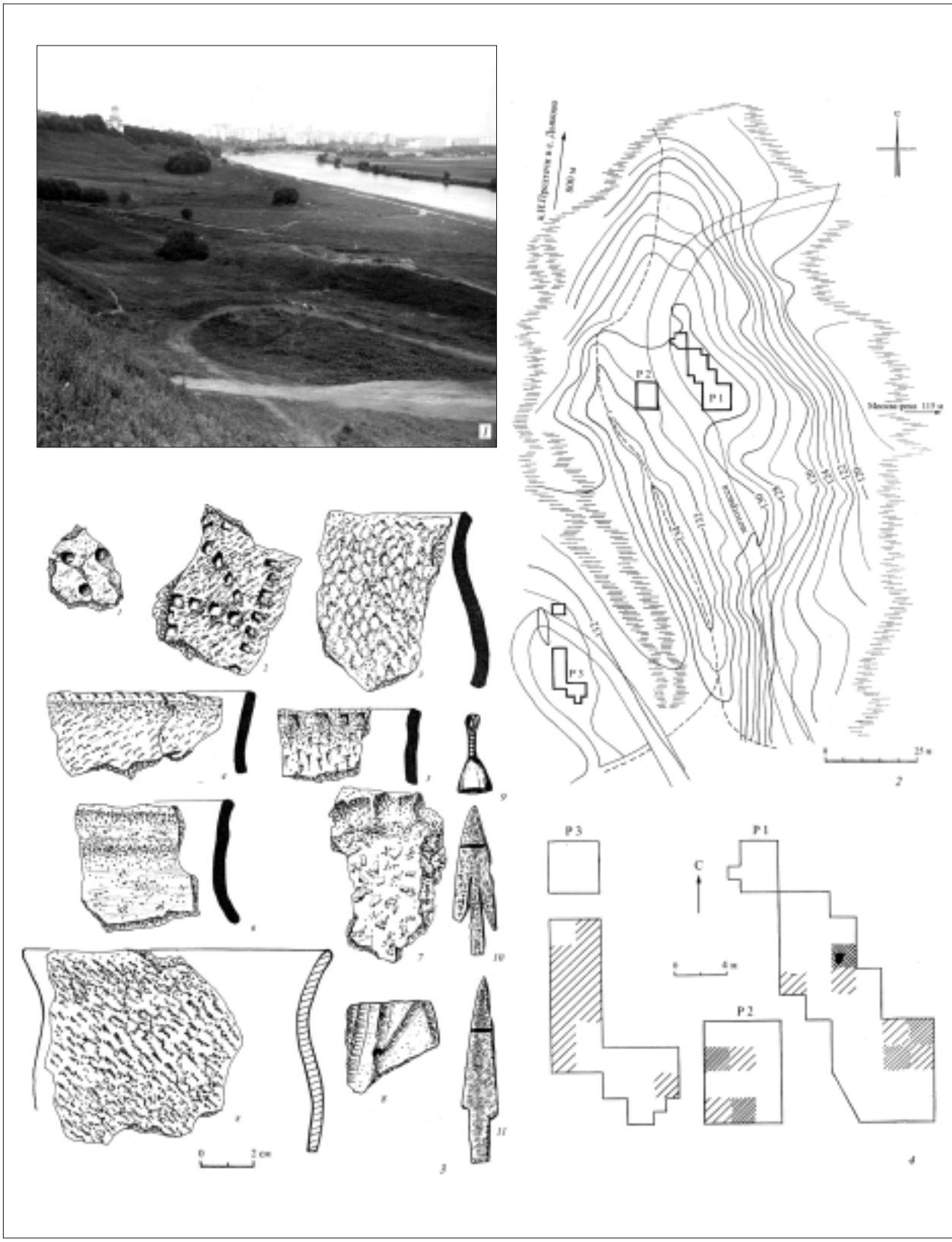


Рис. 231. Селище Дьяково-пойма

1 – вид с юго-запада от Дьякова городища; *2* – план; *3* – керамика и находки железного века с селища Дьяково-пойма; *4* – зоны концентрации керамики железного века в раскопах 1–3

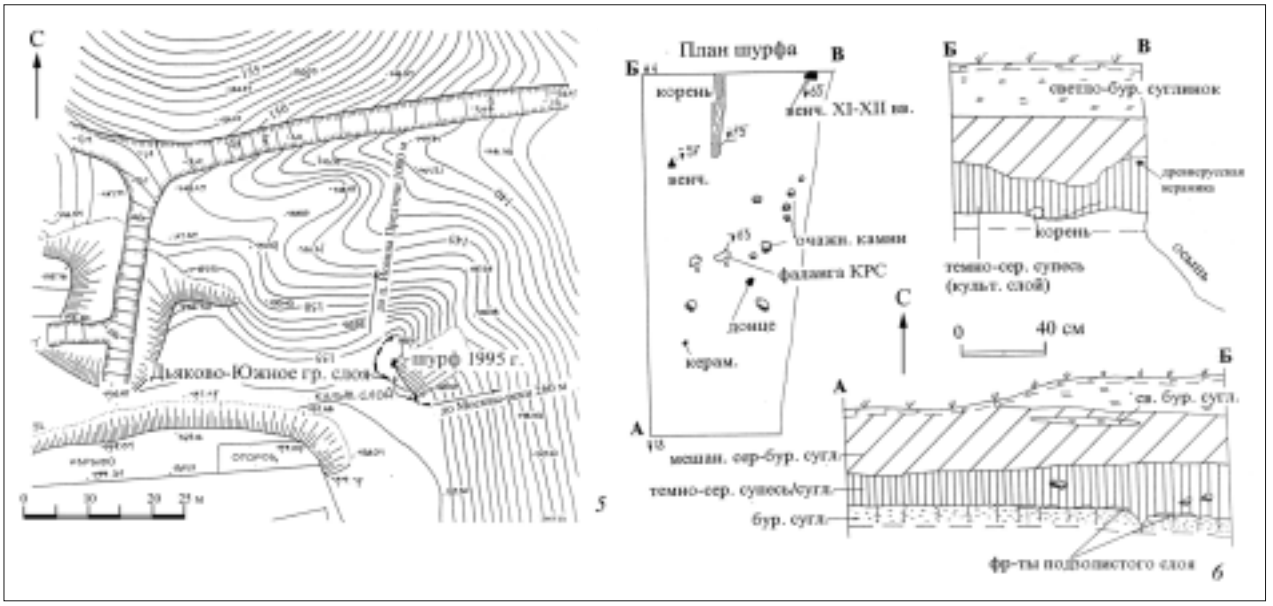


Рис. 232. Селище Дьяково-южное

1 – общий вид с севера (стрелка указывает местоположение памятника); *2* – вид на площадку памятника с юга; *3* – зачистка обнажения; *4* – находки керамики; *5* – план памятника; *6* – план и профиля бортов шурфа

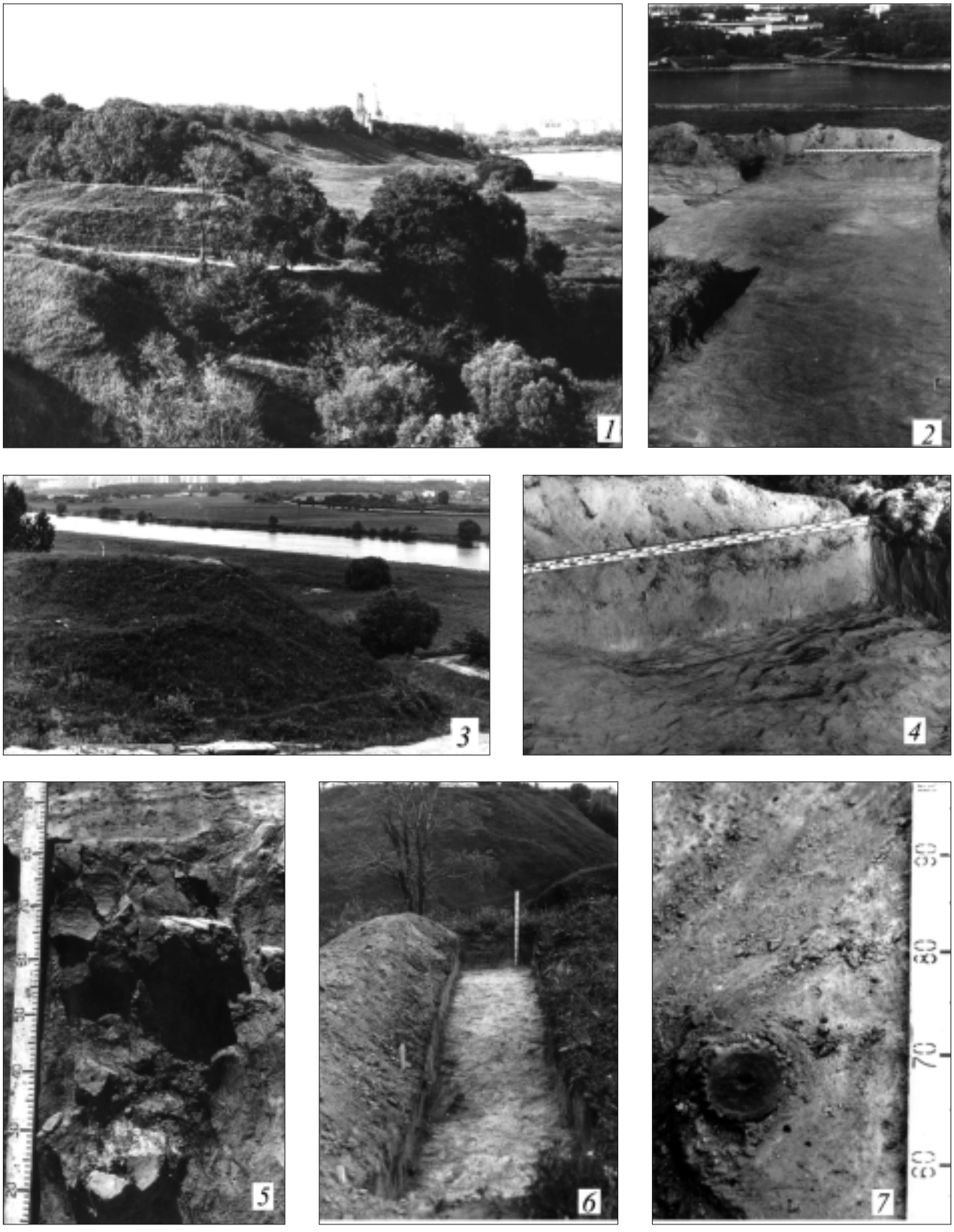


Рис. 233. Селище Дьяково 1 (Выгон)

1 – вид с юга от Дьякова городища; *2* – вид на раскоп 1986 г. с запада; *3* – вид с юга от дороги; *4* – северо-восточный угол раскопа; *5* – развал горшка; *6* – траншея, вид с севера; *7* – грузик «дьякова типа», найденный в траншее

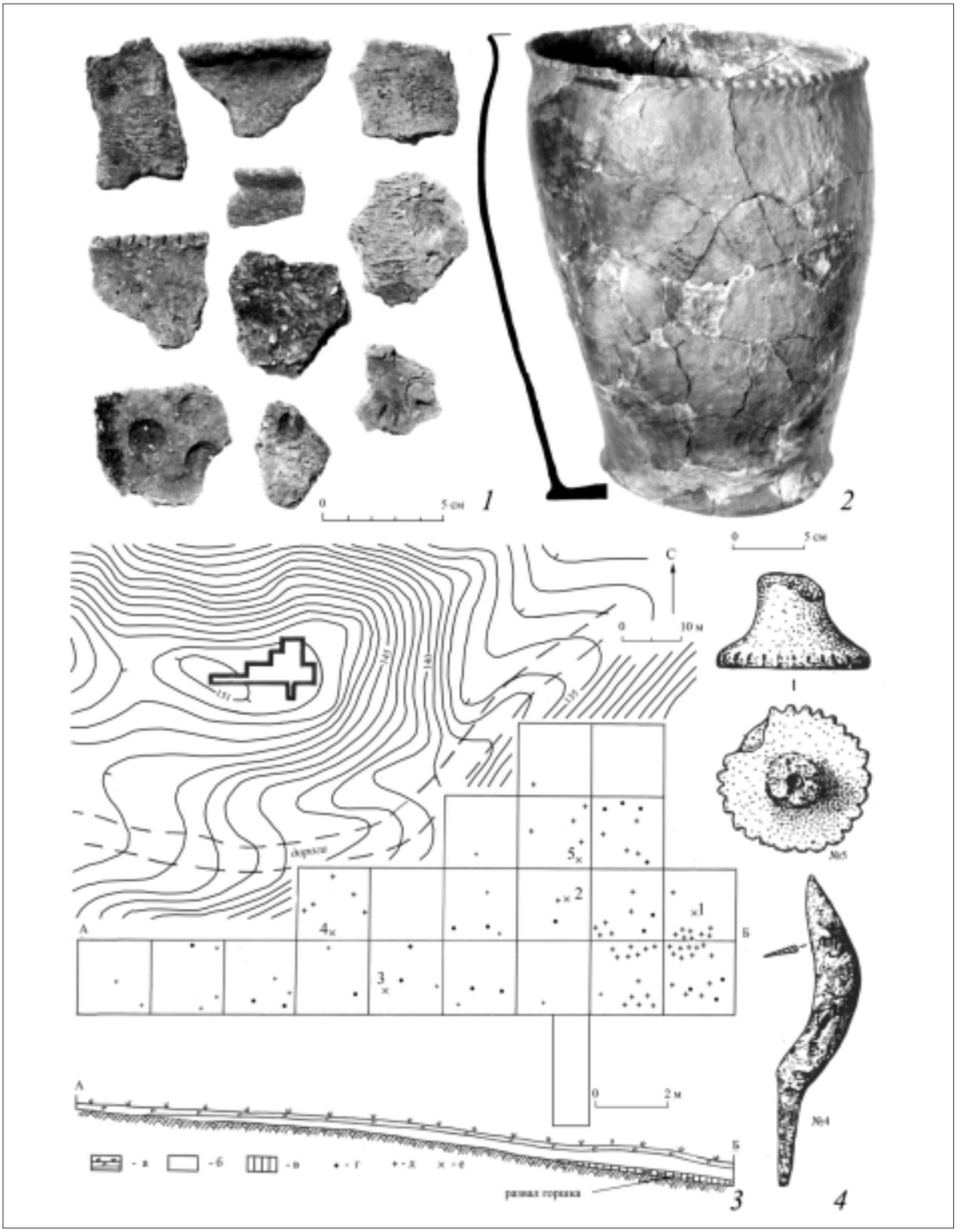


Рис. 234. Селище Дьяково 1 (Выгон)

1 – фрагменты текстильной и гладкостенной керамики; *2* – целый гладкостенный горшок;
3 – план памятника и план раскопа, профиль бровки в раскопе; *4* – глиняный грузик и железный серп

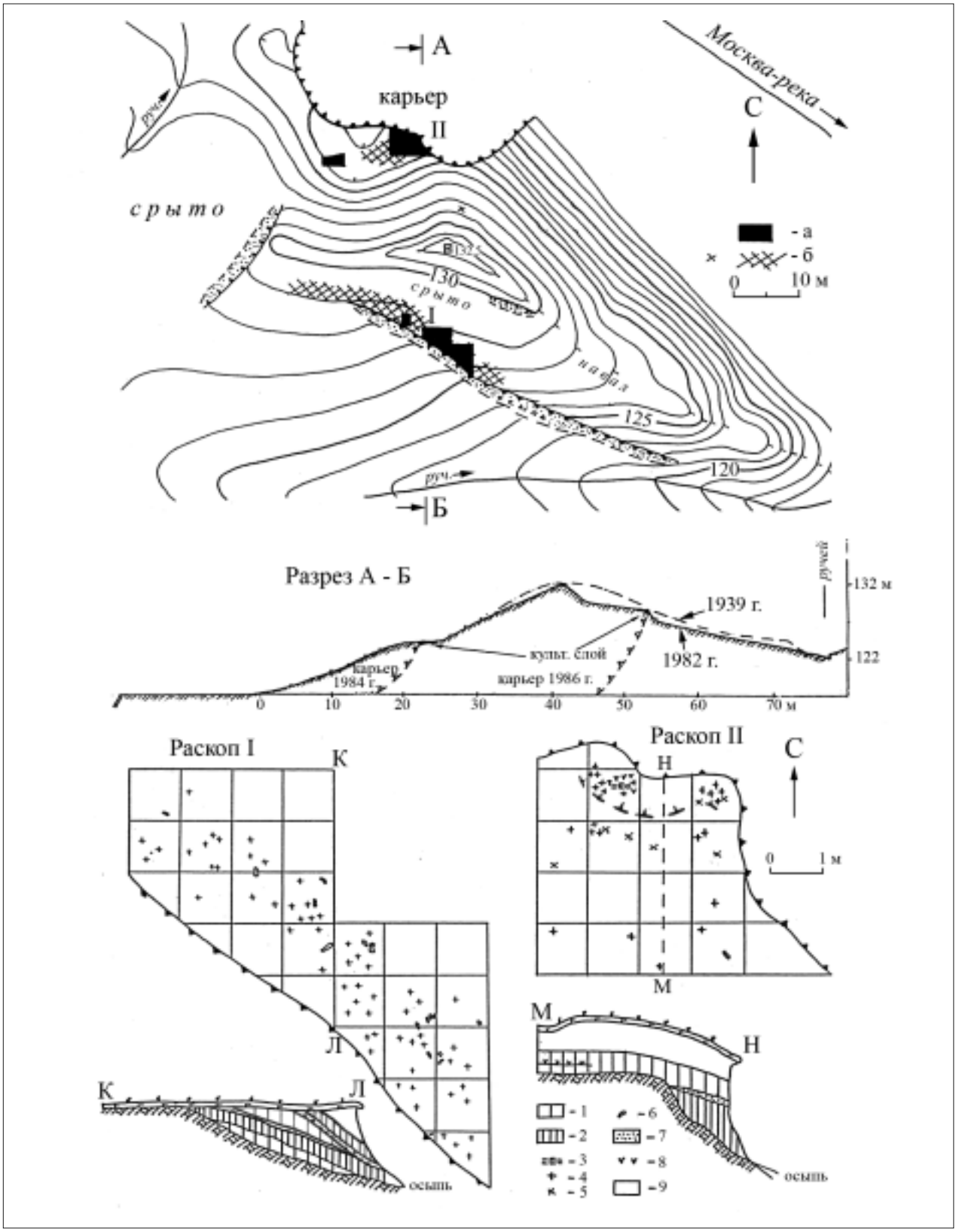


Рис. 235. Селище Чертов городок

План памятника и планы раскопов

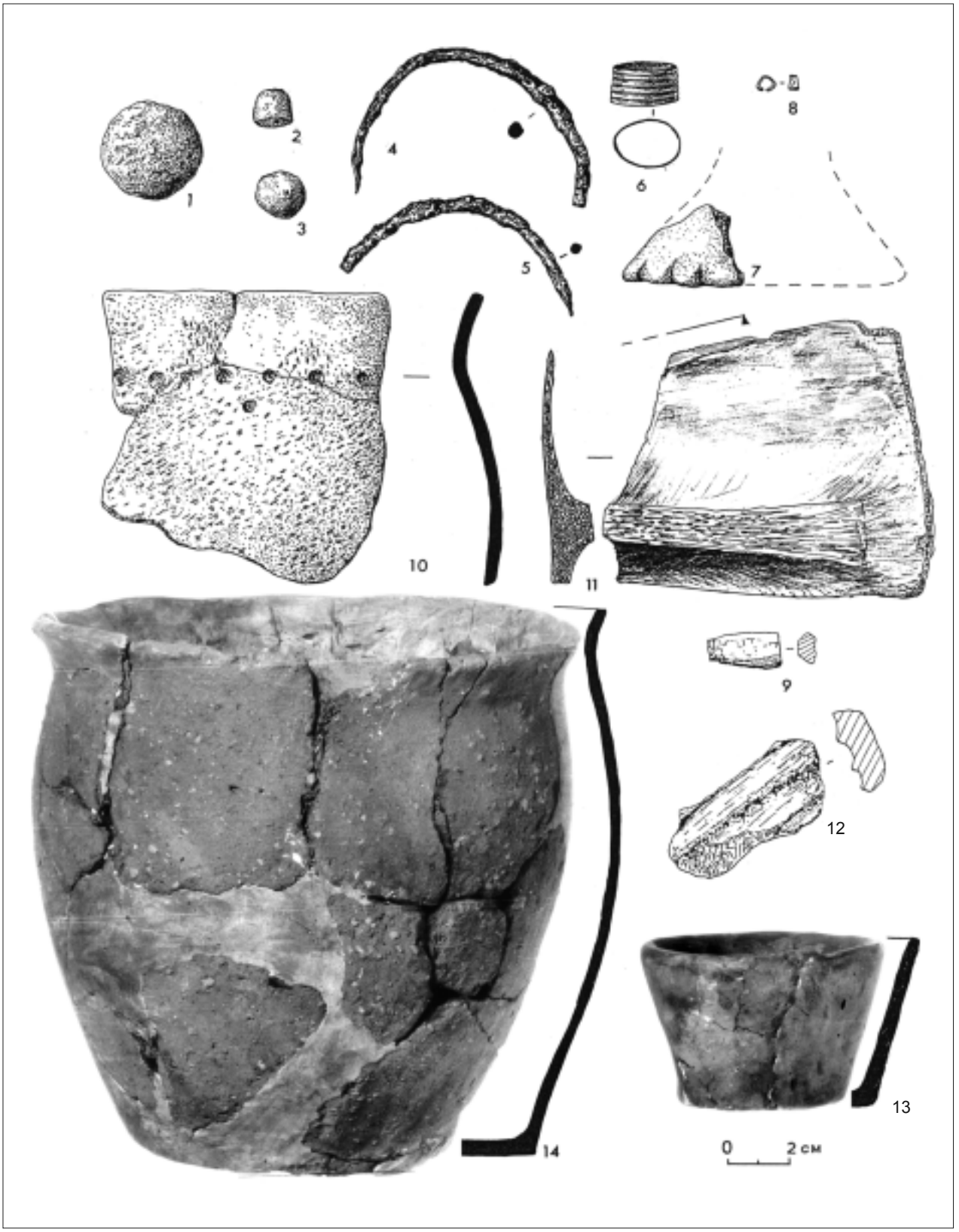


Рис. 236. Селище Чертов городок

Находки из раскопов 1 и 2

1–3, 7, 10, 12–14 – глина; *4, 5* – железо; *6, 8* – бронза; *9* – кость

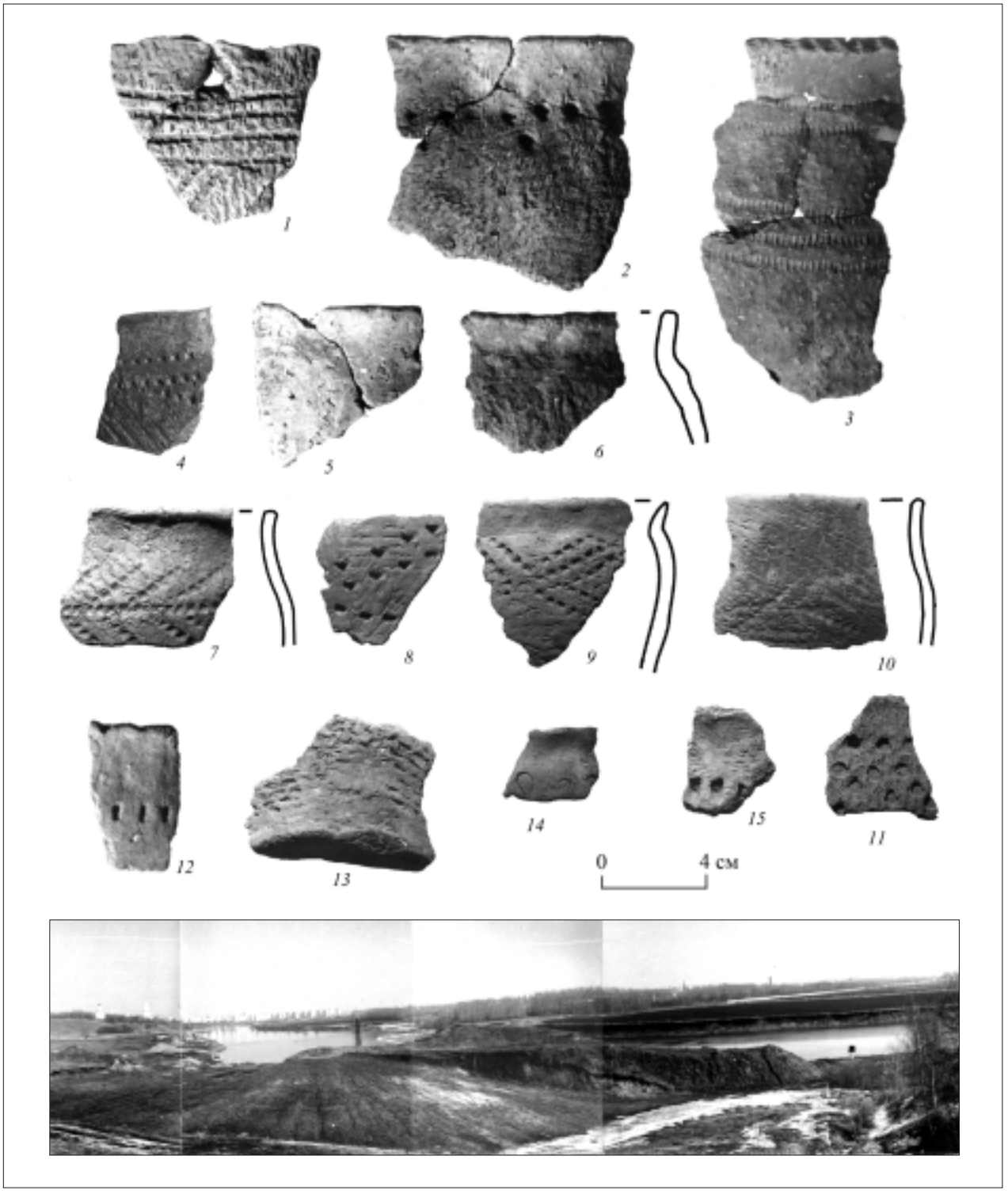
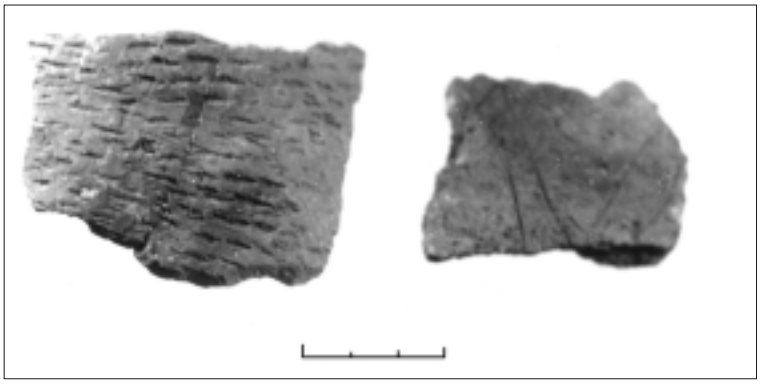


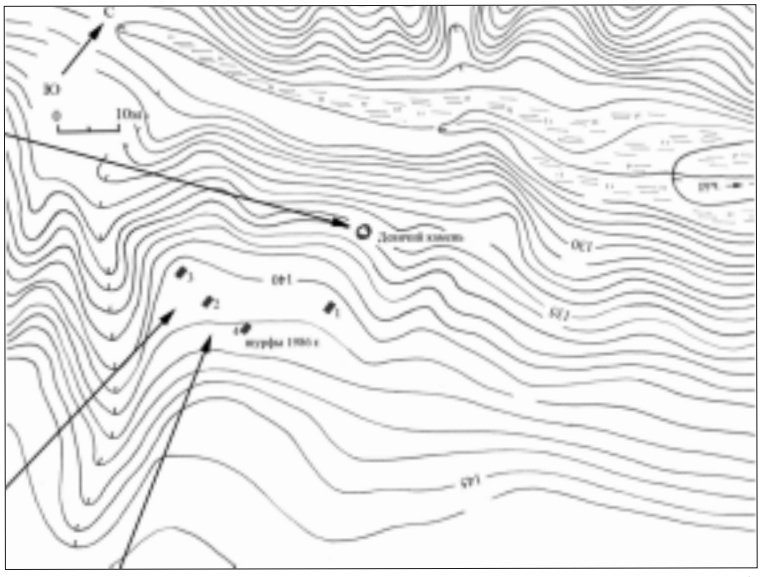
Рис. 237. Селище Чертов городок

Керамика из раскопов 1 и 2, вид на памятник с юга. Фото 1981 г.

1



2



4

3

5

Рис. 238. Местонахождение в Голосовом овраге возле Девичьего камня

1 – Девичий камень (фото 1986 г.); *2* – фрагменты текстильной керамики из шурфов; *3* – шурф 2; *4* – план; *5* – вид на площадку с шурфами с ЮЗ

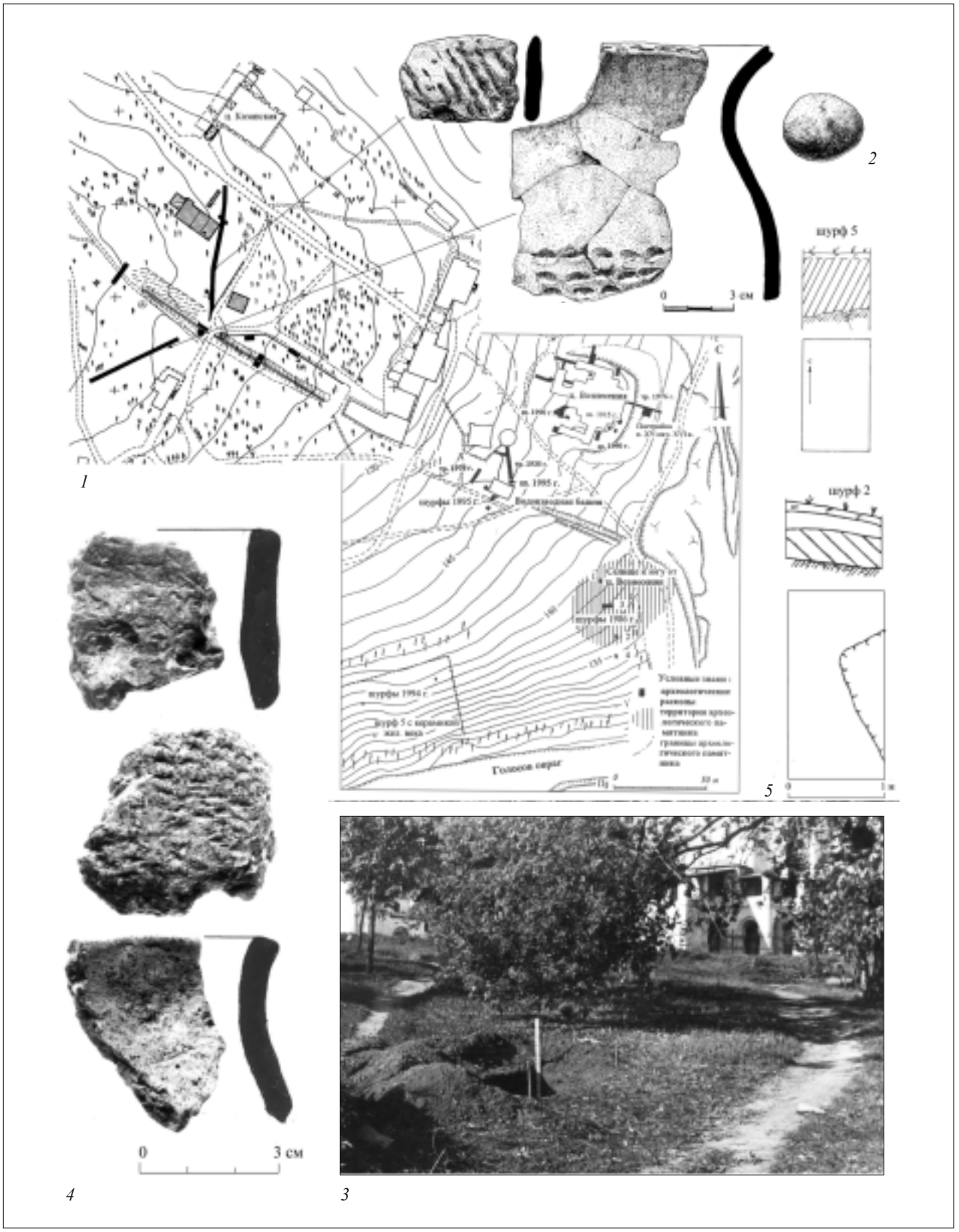


Рис. 239. Объекты железного века на левом берегу Голосова оврага

1 – план; *2* – керамика и глиняный шарик, найденные на территории «Государева дворища»; *3* – фото селища, расположенного к югу от церкви Вознесения в Коломенском; *4* – керамика из шурфов на селище к югу от ц. Вознесения; *5* – профили и планы шурфов на левом берегу Голосова оврага

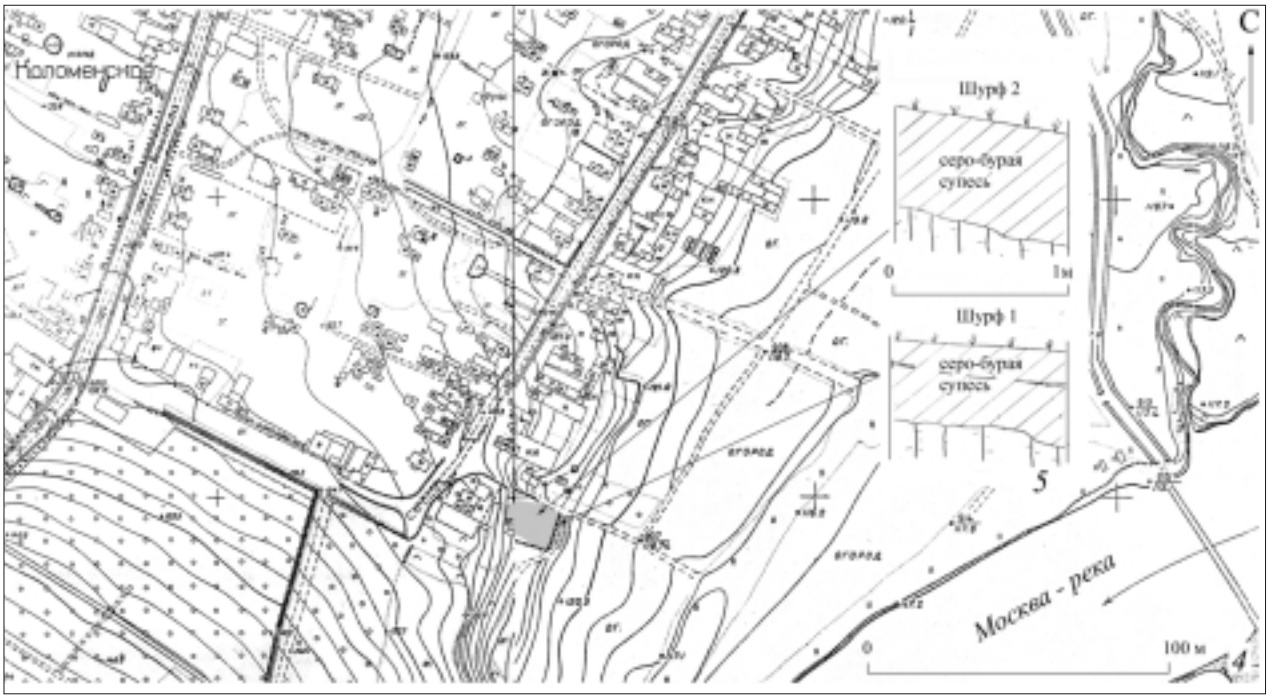


Рис. 240. Объекты железного века на территории с. Коломенского

1 – вид с востока на шурф 2 на участке ниже дома 133 (фото 1991 г.); *2* – керамика из шурфа 2 и подъемных материалов; *3* – вид на местонахождение керамики железного века в Коломенском с севера (2008 г.); *4* – план; *5* – профиля шурфов 1 и 2

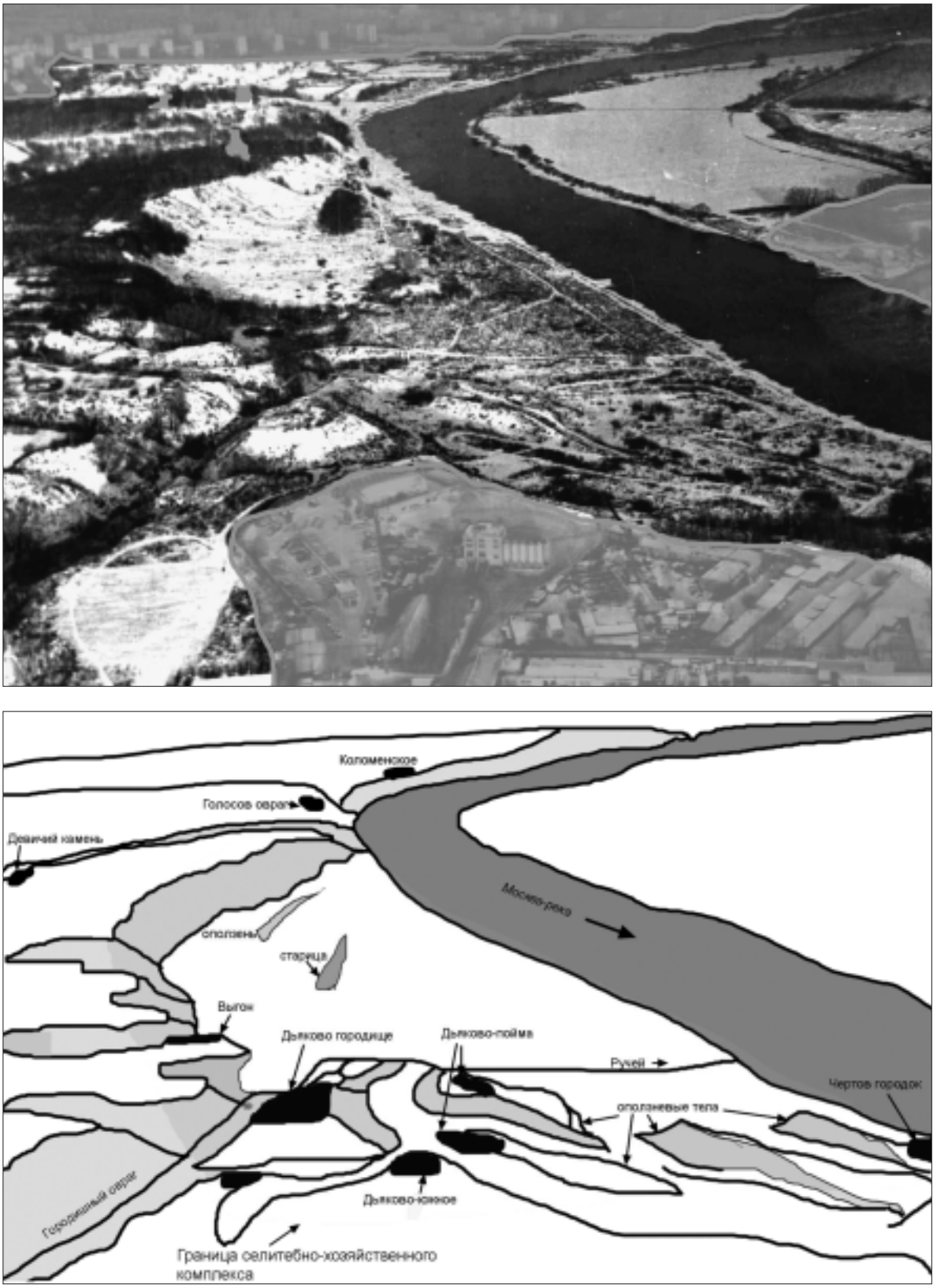


Рис. 241. Комплекс памятников железного века в районе Дьякова городища

Вверху – вид с юга на Дьяково городище (снимок с вертолета А.П. Моисеенко, 1992 г.); внизу – границы поселенческо-хозяйственного комплекса; показана структура рельефа, археологические памятники обозначены черной заливкой

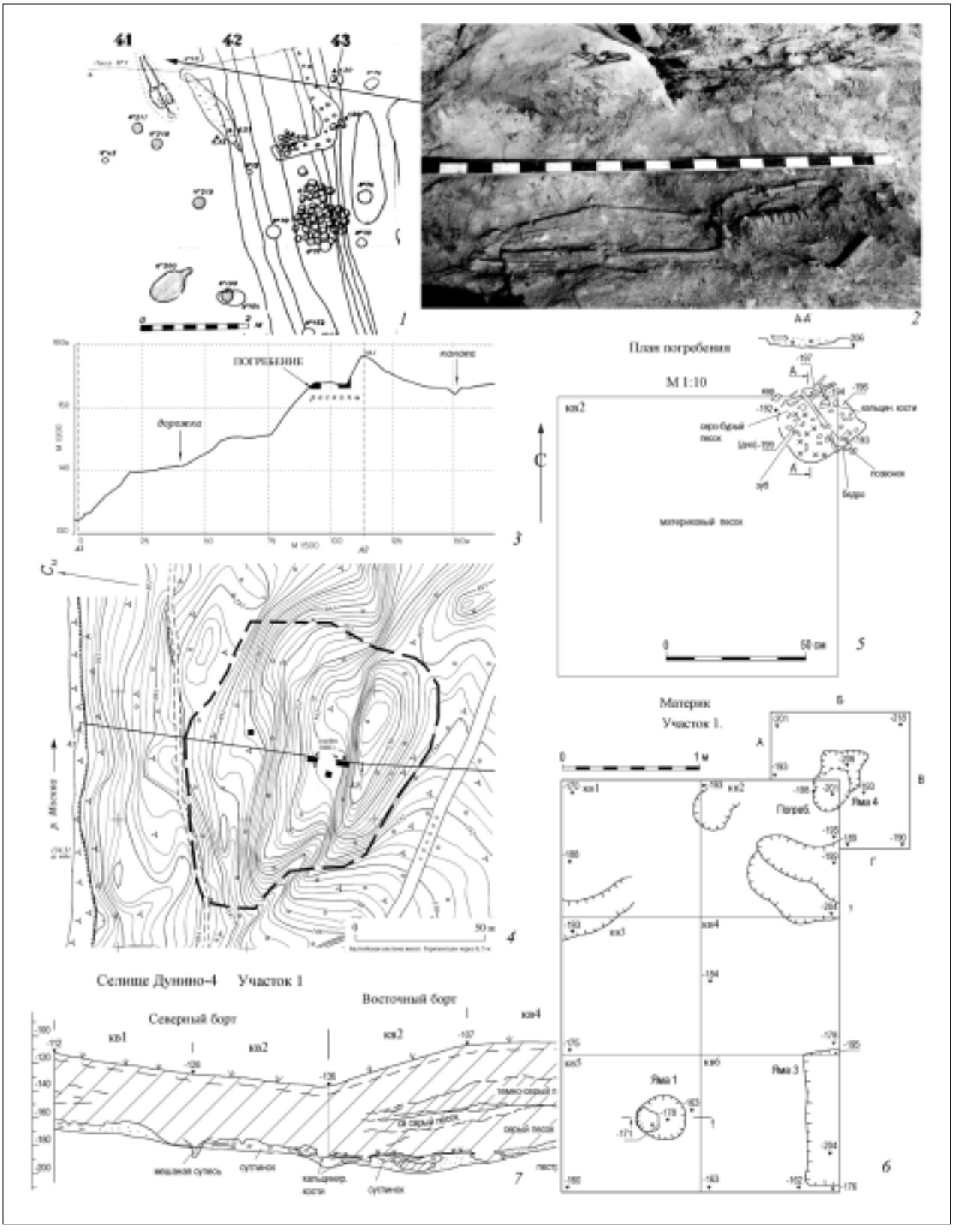


Рис. 242. Погребения на памятниках дьякова типа.

1 – погребение 1 на Троицком городище, чертеж из отчета А.Ф. Дубынина 1959 г.; *2* – погребение 1, фото из отчета А.Ф. Дубынина 1959 г.; *3* – Профиль рельефа на участке селища Дунино 4; *4* – план селища Дунино 4; *5* – план погребения на селище Дунино 4; *6* – план материка в раскопе на селище Дунино 4; *7* – профиля борта раскопа на селище Дунино 4

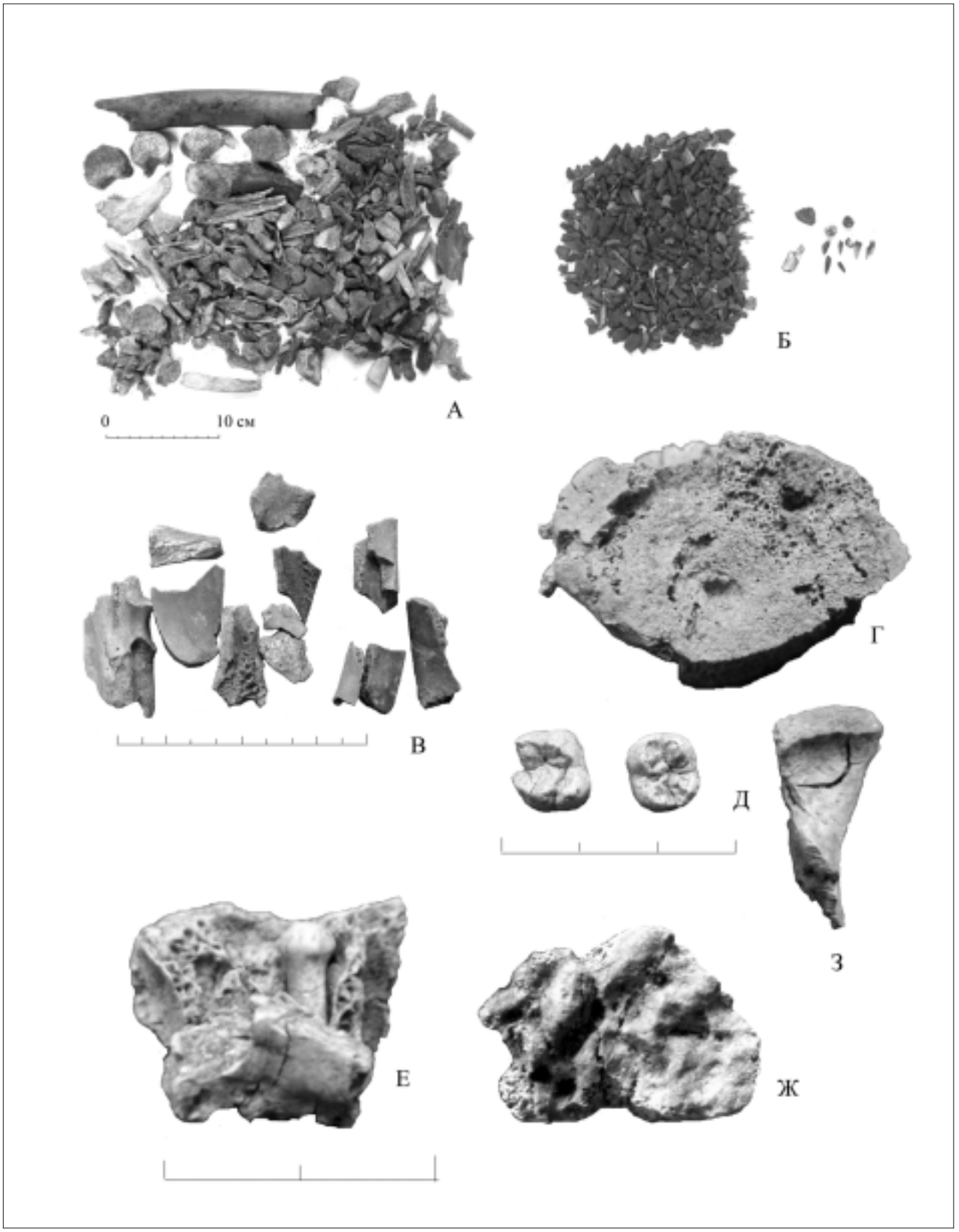


Рис. 243. Кальцинированные кости из погребения на селище Дунино 4

А, Б – скопление костей из погребения, общий вид двух фракций; *В* – фрагменты костей животных; *Г* – взрослый индивид, позвонок с центральной межпозвоночной грыжей; *Е* – взрослый индивид, фрагмент нижней челюсти с корнем зуба, расширение корня зуба в области верхушки; *Д* – ребенок, закладки моляров; *Ж* – фрагмент губчатой кости со следами контакта с хрящевым слоем; *З* – ребенок, фрагмент лобковой (?) кости

Рис. 244. Предметы, характеризующие формирование собственного стиля на москворецких городищах железного века, и предметы импорта

1, 9 – гор. Борисово; *2* – сел. Дубровицы II; *3* – гор. Мамоново; *4* – гор. Бабушкино; *5, 6, 8, 10, 12, 13, 17, 18, 20–22* – гор. Дьяково; *11* – сел. Дютьково 4; *14, 15* – гор. Круглица; *16* – гор. Бушарино (монета Константина II); *19* – сел. Хотяжи 2; *23* – гор. Успенское

1–4, 8–10 – кость; *5–7, 21, 22* – глина; *11–20, 23* – бронза

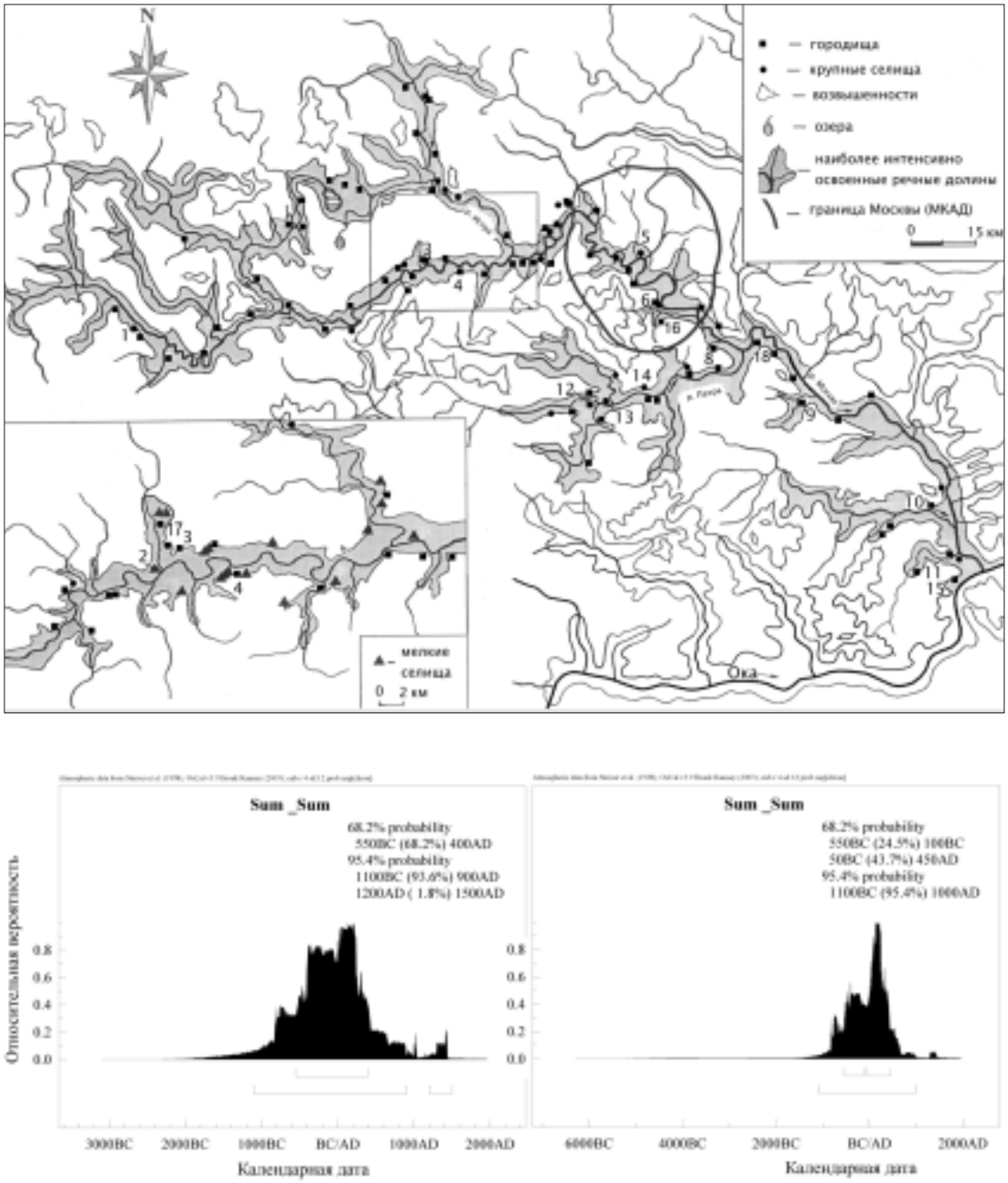


Рис. 245. Карта памятников железного века в бассейне Москвы-реки с указанием, где были получены радиоуглеродные датировки (вверху)

1 – Троицкое, *2* – Саввинская сл., *3* – Связист, *4* – Дунино, *5* – Кремль, *6* – Дьяково, *7* – Чертов Городок, *8* – Коробово, *9* – Селецкое, *10* – Настасьино, *11* – Городищи, *12* – Луковня 2, *13* – Дубровицы 3, *14* – Святой колодец, *15* – Протопопово, *16* – Царицыно 1, *17* – Дютьково, *18* – Боровский курган

Диаграммы распределения вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок (внизу)

слева – суммарная для всех памятников, 221 датировка; справа – для Дьякова городища, 125 датировок, с учетом результатов раскопок 2000–2003 гг.

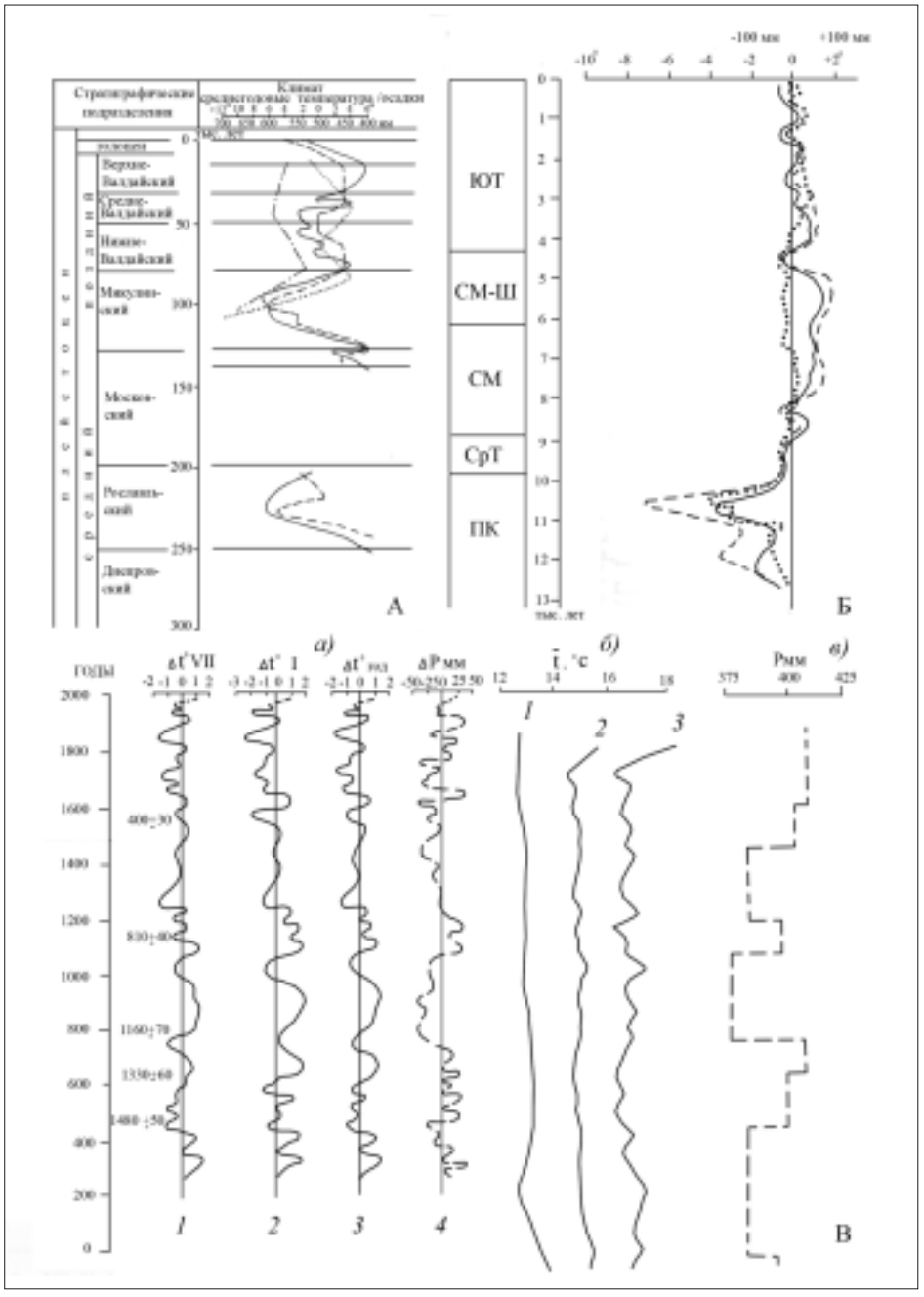


Рис. 246. Изменения параметров климата на Русской равнине

А – Средние годовые температуры и годовые осадки в Центре Русской равнины за последние 250 тыс. лет

1 – (сплошная линия) – температура воздуха в Верхнем Поволжье; *2* – (штриховая линия) – осадки в Верхнем Поволжье; *3* – (штрих-пунктирная линия) – температура воздуха в верховьях Оки; *4* – (пунктирная линия) – осадки в верховьях Оки (по Разрезы..., 1977)

Б – Отклонения июльских (сплошная линия) и январских (штриховая линия) температур и годовых осадков (точки) в Москве в конце позднеледниковья и в голоцене от современных

После 9300 л.н взяты средние из оценок для Половецко-Купанского (*Хотинский и др*., 1991) и Тулицкого (*Климанов, Серебряная*, 1986) болот, для периода от 11500 л.н. до 9300 л.н. средняя из оценок для Половецко-Купанского и Белорусских (*Еловичева и др*., 1988) болот, для периода от 12700 до 11500 л.н. кривая проэкстраполирована параллельно кривой по белорусским болотам.

На колонке слева показаны природные зоны, в которых располагалась Москва: ЮТ – Южная Тайга; СМ – Смешанные Леса; Ш – Широколиственные леса; СрТ – Средняя тайга; ПК – Перигляциальный Комплекс

В – Реконструкции изменений климата исторического прошлого (последних 2000 лет) для Русской равнины

а) Реконструкции по спорово-пыльцевым спектрам, взятым через 2,5 см из торфяника в Половецко-Купанском болоте (*Климанов и др*., 1995) отклонений от современных значений: *1* – средней температуры июля; *2* – средней температуры января; *3* – средней годовой температуры; *4* – годовых осадков; б) средняя июньская температура, реконструированная М.М. Чернавской по пыльцевым данным методом корреляции главных компонент (Изменчивость климата..., 1995): *1* – по Полистовскому болоту (Псковская область), *2* – болота Сосновка и Карасевка в бассейне р. Воронеж (Липецкая область), *3* – средние значения из двух указанных реконструкций, приблизительно соответствующие условиям в Москве; в) реконструированные М.М. Чернавской осадки теплого периода в мм по Бакшеевскому болоту в районе Шатуры (Изменчивость климата...,1995)

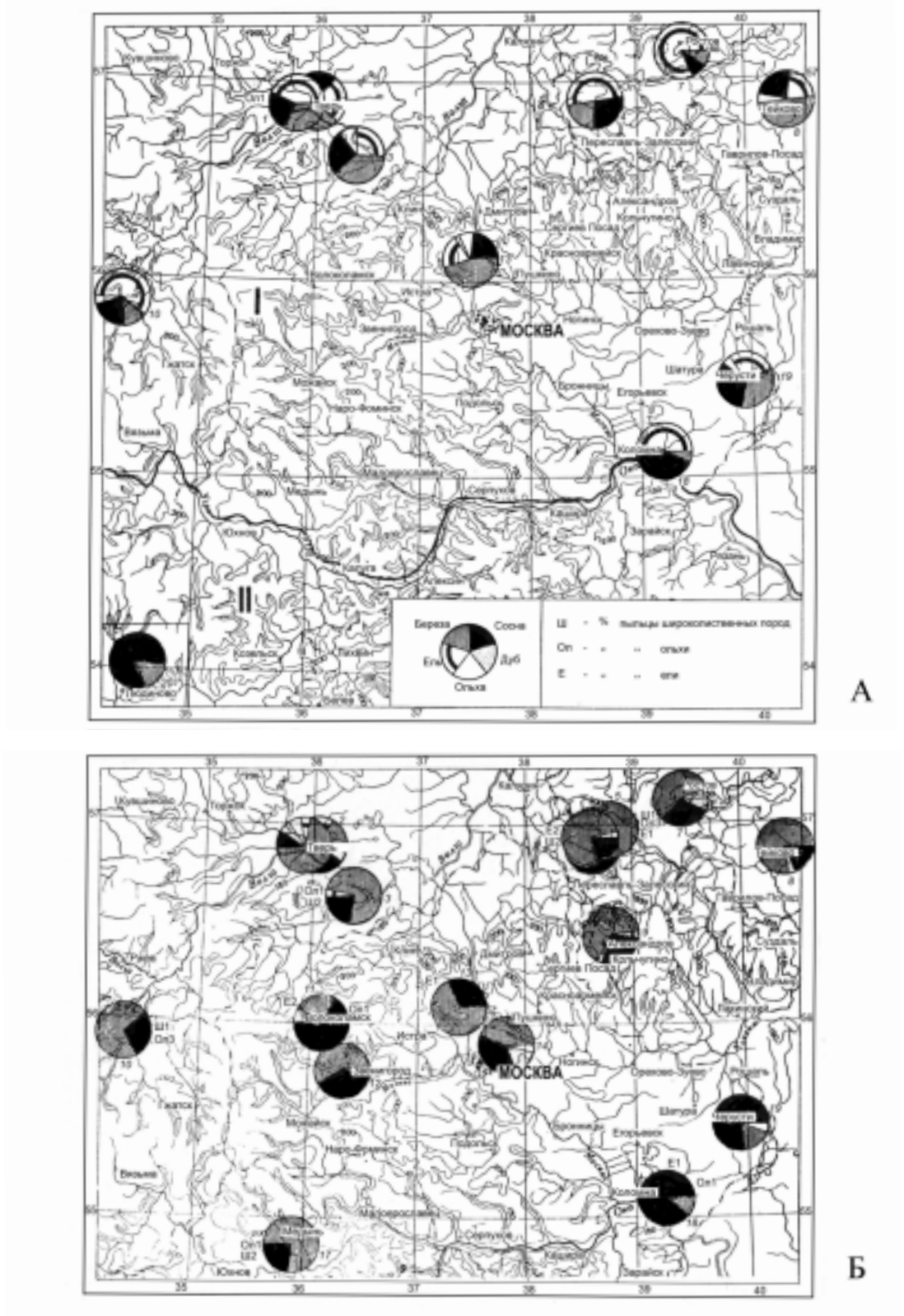


Рис. 247. Палеогеографические карты

А – Палеогеографическая карта древнего голоцена (по-видимому, аллереда) по М.И. Нейштадту (1957)
I – Южная окраина еловых лесов. II – Зона сосновых лесов
Разрезы с пыльцовыми диаграммами: *1* – торфяник Васильевский мох; *2* – торфяник Оршинский мох; 3 – торфяник Галицкий мох; *4* – Мшаровское торфяное месторождение; *7* – илы озера Неро; *8* – болото Марково-Сборное; *10* – средняя диаграмма по торфяникам Смоленской области. *13* – илы озера Круглое; *18* – Радовицкое болото; *19* – торфяник Туголеский бор; *20* – торфяник Рябинник

Б – Палеогеографическая карта раннего голоцена (по-видимому, бореального периода) по М.И. Нейштадту (1957)
Разрезы с пыльцовыми диаграммами: *1, 2, 3, 4, 7, 8, 10, 13, 18, 19, 20* – см. подпись к рис. 247А; *5* – Половецко – Купанское болото; *6* – илы озера Сомино; *9* – Берендеевское болото; *11* – Неклюдовское болото; *12* – Юховицкое болото; *14* – илы озера Медвежье; *17* – Носовское болото

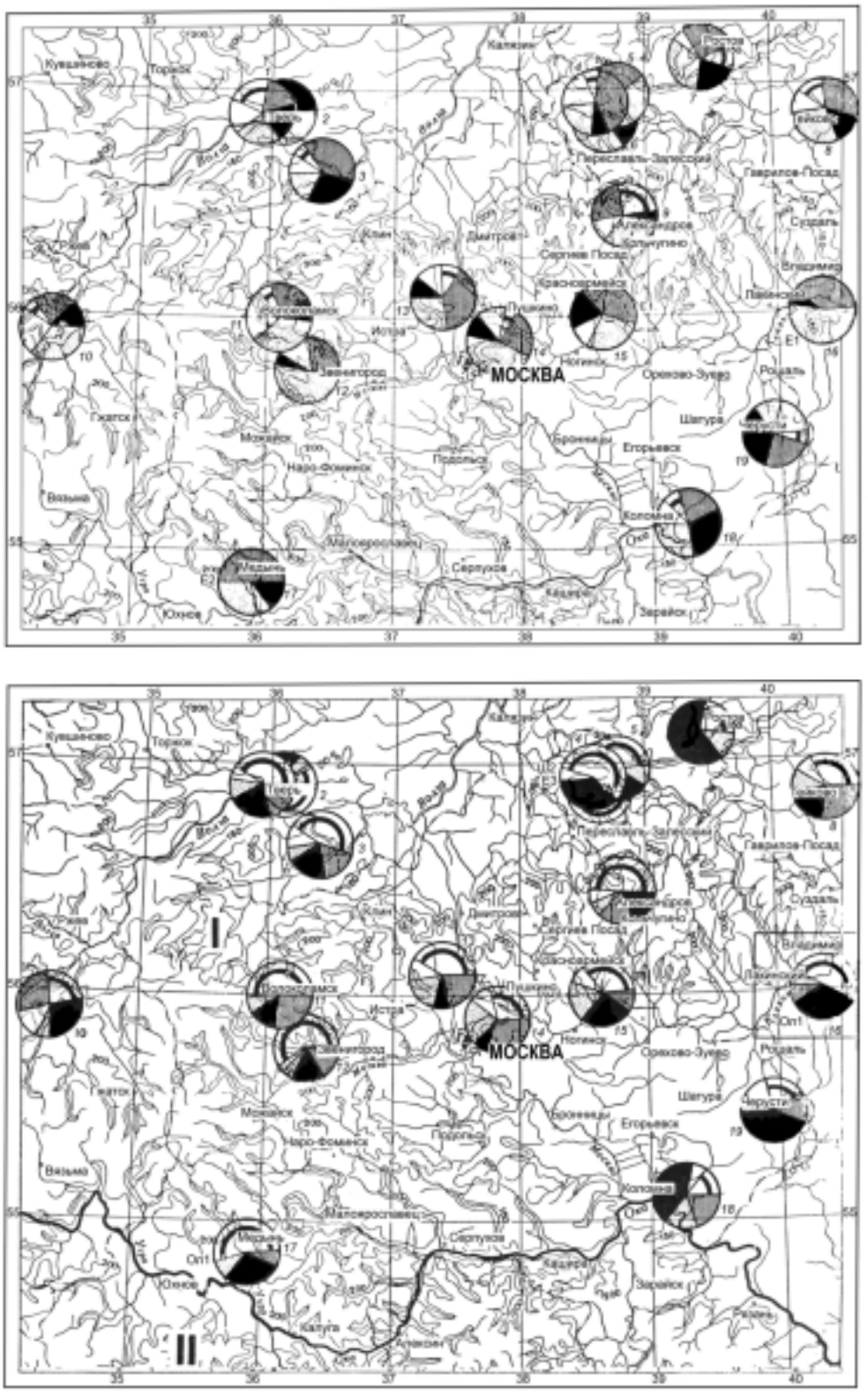


Рис. 248. Палеогеографические карты

А – Палеогеографическая карта среднего голоцена (атлантического периода) по М.И. Нейштадту (1957)
Разрезы с пыльцовыми диаграммами: *1, 2, 3, 4, 7, 8, 10, 13, 18, 19, 20* – см. подпись к рис 247А; *5, 6, 9, 11, 12, 14, 17* – смотри подпись к рис. 247 Б. *15* – Дальнинское болото; *16* – торфяник Хрулево; *21* – Моховое болото. Е – % пыльцы ели

Б – Палеогеографическая карта позднего голоцена (по-видимому, X–VI вв. до н.э., т.е. начала субатлантического периода) по М.И. Нейштадту (1957)
Разрезы с пыльцовыми диаграммами: *1, 2. 3, 4, 7, 8, 10, 13, 18, 19, 20*, – см. подпись к рис. 247А; *5, 6, 9, 11, 12, 14, 17* – смотри подпись к рис. 247Б; *15, 16, 21* – см. подпись к рис. 248А. Ол – % пыльцы ольхи; Ш – % пыльцы широколиственных

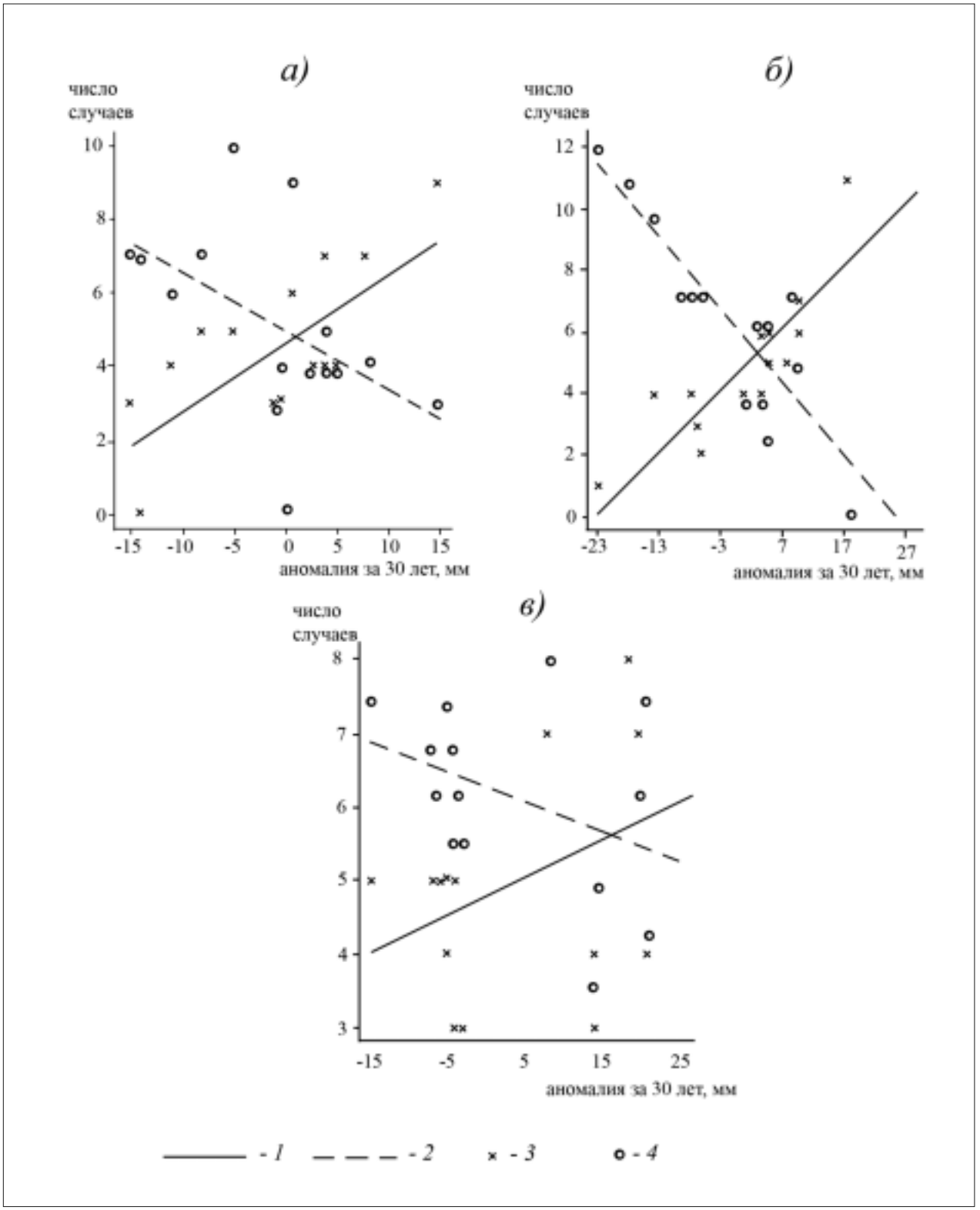


Рис. 249. Связь числа выходов сезонных и годовых осадков на протяжении 30-летних периодов за пределы средних квадратичных отклонений за 90 лет с отклонениями соответствующих тридцатилетних средних от девяностолетних по станциям Москва, Тверь, Брянск. Курск, Пенза за 1890–1980 гг.

а) осадки за теплый период (май – октябрь); б) – осадки за холодный период (ноябрь – апрель); в) годовые осадки
1 – рост числа положительных выбросов с увеличением аномалии; *2* – уменьшение числа отрицательных выбросов с увеличением аномалии; *3* – число положительных выбросов за 30 лет; *4* – число отрицательных выбросов за 30 лет

Научное издание

Кренке Николай Александрович

Дьяково городище:
культура населения бассейна Москвы-реки
в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

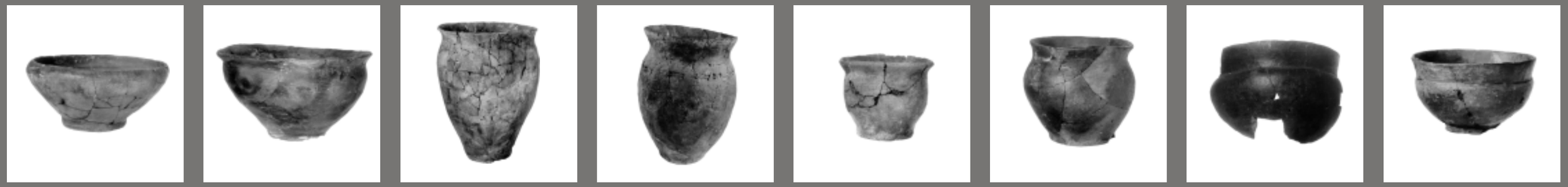
Редакторы: *И.В. Клюшкина, М.М. Лереман*
Корректор: *Н.Г. Гребенюк*
Дизайн и верстка: *А.Г. Орлова*

Подписано в печать 04.04.2011. Формат 60 × 90 $^{1}/_{8}$
Усл.печ.л. 68,5. Усл.-кор.отт. 247,9. Уч.-изд.л. 69,5. Тираж 500 экз.

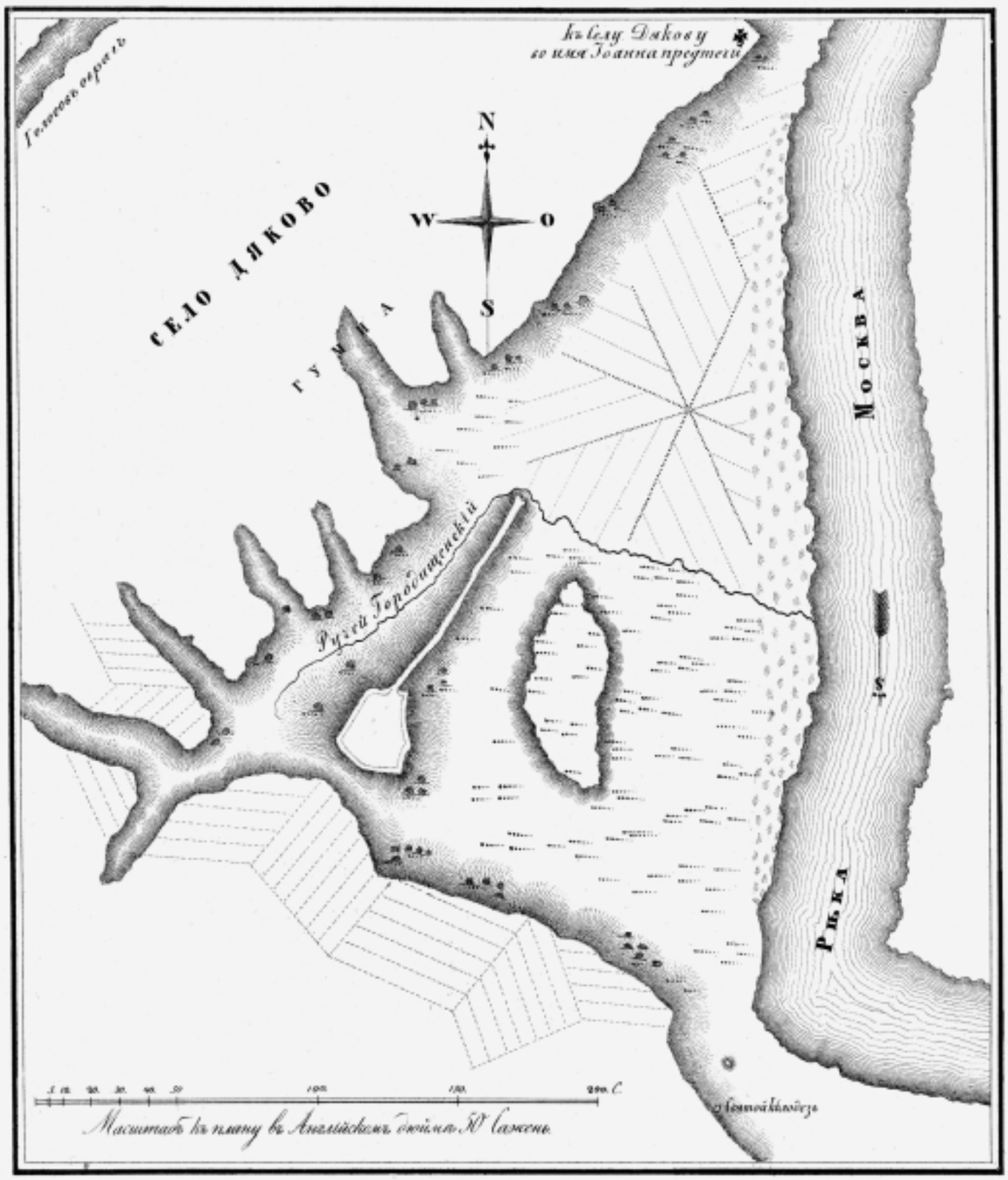
Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ISBN 978-5-94375-104-2

Отпечатано в типографии «Август-Борг»
Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 47, корп. 11



V ВЕК Н.Э.



Изъ Библіотеки въ Любви.

ОБРАЗЧИКЪ ГОРОДИЩА,

по рисунку Хвостовскаго.